

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

А. Е. ПУЗДРОВСКИЙ

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

II в. до н. э. – III в. н. э.

Погребальные памятники

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2007

4-221-63-03

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Глава I. КРЫМСКАЯ СКИФИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ПРОБЛЕМА ЭТНОСА	9
Глава II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ	
второй половины II в. до н. э. – первой половины I в. н. э.	15
1. Общая характеристика погребальных комплексов	15
Северо-Западный Крым	16
Центральный Крым	19
Юго-Восточный Крым	35
Юго-Западный Крым	38
Степной Крым	40
2. Генезис форм погребальных сооружений и обряда	44
Погребальные сооружения	44
Погребальный обряд и его эволюция	53
3. Погребальный инвентарь	60
4. Хронология и периодизация	77
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ второй половины I – III в. н. э.	89
1. Общая характеристика погребальных комплексов	90
Северо-Западный Крым	90
Центральный Крым	91
Юго-Восточный Крым	97
Юго-Западный Крым	98
Степной Крым	106
2. Погребальные сооружения	107
3. Погребальный обряд: генезис и эволюция	116
4. Погребальный инвентарь	126
5. Хронология и периодизация	166
<i>Заключение</i>	198
<i>Список литературы</i>	200
<i>Список архивных материалов</i>	238
<i>Список сокращений</i>	240
<i>Список иллюстраций</i>	242
<i>List of illustrations</i>	256
<i>Summary</i>	270
Иллюстрации	273

ВВЕДЕНИЕ

Крымский полуостров с древнейших времен, благодаря своему географическому положению, являлся территорией, через которую осуществлялись миграции и культурно-хозяйственные связи между населением Карпато-Балканского региона, Северного Причерноморья и Кавказа. Многие народы, сходившие с исторической арены, оказываясь в Крыму, продолжали свое развитие в новых условиях. Взаимоотношенияaborигенного и пришлого населения в разные периоды истории складывались неодинаково. Ассимиляционные процессы сменялись интеграционными и наоборот.

Предлагаемая работа посвящена рассмотрению позднейшего этапа развития скифской культуры в Крыму (II в. до н. э. – III в. н. э.), который протекал в эпоху господства в северопричерноморских степях племен, известных древним авторам под собирательным названием «сарматы». Реконструкция этнополитических процессов в Крыму в это время невозможна без учета тех изменений, которые происходили на обширных степных пространствах Евразии, а также в лесостепной зоне Центральной и Восточной Европы. Подвижки населения, перемещения на многие сотни километров были обычным явлением, что отразилось и на этнической карте Крымской Скифии¹.

Крымская Скифия как локальная этногеографическая область сформировалась еще в IV в. до н. э. Она включала в себя районы Степного, Предгорного Крыма и Керченский полуостров, за исключением хоры греческих городов. В каждом из них существовали свои особенности хозяйственно-экономической жизни, погребального обряда и этнического состава населения (Т.Н. Троицкая, Э.В. Яковенко, В.С. Ольховский, А.Н. Щеглов, А.А. Масленников). Упадок Великой Скифии и последовавшее за ним резкое изменение демографической ситуации в степных и предгорных районах полуострова, фиксируемое по отсутствию культурного слоя второй половины III в. до н. э. на поселениях скифо-кизилкобинского типа и сокращению числа подкурганных погребений, совпали по времени с запустением дальней хоры Херсонеса и Боспора. Возрождение жизни на античных поселениях относится к концу III в. до н. э. (А.А. Масленников, С.Б. Ланцов) и происходило параллельно с вынужденной седентаризацией оставшихся скифских племен (А.Н. Щеглов). К первой половине II в. до н. э. относится и образование позднескифского государства, однако это было совершенно иное по сравнению со Скифским царством IV в. до н. э. территориальное и политическое образование. Его становление и развитие происходили в сложном взаимодействии различных эт-

¹ Термин Крымская Скифия достаточно условен, обычно он применяется для обозначения крымской части Малой Скифии Страбона. Последний предполагал, что она включала не только полуостров, но и земли за перешейком до Борисфена. Этую Малую Скифию следует отличать от области с тем же названием в болотистых землях в низовьях Дуная, которую скифам уступили фракийцы (Strabo, VII, 4, 5; 5, 12).

нических компонентов (скифов, сарматов, греков, тавров, фракийцев), доля и степень участия которых в этих процессах на разных этапах была неодинаковой.

Наибольшее внимание древние авторы уделили эпохе расцвета державы царя Скилура и войн, которые вел со скифами Диофант – полководец понтийского царя Митридата VI Евпатора. Достаточно часто упоминаются скифы в контексте римско-понтийского противостояния в первой половине I в. до н. э. и в связи с борьбой претендентов на боспорский престол. В последней четверти I в. до н. э. Рим стремился установить на полуострове свою политику. Распавшаяся на несколько частей Крымская Скифия, управлявшаяся «басилевсами» и испытавшая приток новых волн населения, как из сопредельных территорий, так и евразийских степей, постепенно теряла свой вес на политической арене. Во второй половине I в. н. э., очевидно под контролем аланского союза племен, создается скифо-сарматское государственное образование. Его политическая стабильность нарушалась периодическими вторжениями в Предгорный и Северо-Западный Крым кочевников позднесарматской культуры, а также конфликтами с Херсонесом и Боспором. В середине II в. Рим расширил свое военное присутствие для защиты территории этих государств и поддержания коммуникаций. В конце II – начале III в. н. э. Крымская Скифия была, вероятно, поделена на сферы влияния: Северо-Западный и Горный Крым оказались под протекторатом Боспора, а территории междуречья Альмы и Черной попали под контроль Херсонеса и римской администрации. Дальнейшие передвижения сармато-аланских и германских племен в Северном Причерноморье положили конец существованию Крымской Скифии.

Таким образом, хронологический диапазон работы составляет около 500 лет. Нижняя граница определена временем появления поселений предгорной группы на рубеже III–II вв. до н. э., а верхняя – походами аланских и готских племен в середине – третьей четверти III в. н. э. и прекращением жизни на большинстве позднескифских поселений. Внутри эпохи выделяются отдельные хронологические периоды, характеризующиеся изменениями этнополитической ситуации и связанными с ними инновациями в материальной культуре и погребальном обряде.

Время от начала II в. до н. э. до конца столетия можно охарактеризовать как период консолидации различных по происхождению племен, приведшей к образованию и становлению позднескифской государственности. С рубежа II–I вв. до н. э. по середину I в. н. э. Крымская Скифия распадается на ряд областей, происходит приток на полуостров скифо-фракийских переселенцев и сарматских племен. Вторая половина I в. н. э. – первая половина II в. н. э. – период образования скифо-сарматского политического объединения. Вторая половина II – третья четверть III в. н. э. – время нестабильности политической организации территории и преобладания сармато-аланских элементов в этническом составе населения.

Источниковой базу исследования составили, прежде всего, различные категории археологических материалов из грунтовых могильников и подкурганных погребений Крымской Скифии, а также отдельные выразительные находки на поселениях (лепная керамика, чернолаковая посуда, амфорные клейма). Кроме того, для полноты картины привлекались нумизматический материал, памятники эпиграфики, монументальной скульптуры и наскальной живописи. Одна из важных задач предлага-

емого читателю труда – введение в научный оборот полученных автором в последние годы материалов из могильников Юго-Западного и Центрального Крыма. Полная публикация всех открытых комплексов – дело ближайшего будущего. Тем не менее накопленная информация уже сейчас позволяет предложить новую периодизацию истории поздних скифов и сарматов в Крыму, уточнить хронологические рамки миграций различных племен и народов, составивших население Крымской Скифии.

В последние два десятилетия возрос интерес исследователей к позднескифской и сарматской проблематике, о чем свидетельствуют как интенсификация полевых исследований (А.Н. Щеглов, О.Д. Дащевская, А.С. Голенцов, И.В. Яценко, Е.А. Попова, С.Ю. Внуков, И.И. Гущина, Т.Н. Высотская, О.А. Махнева, С.Г. Колтухов, А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, В.Б. Уженцев, А.А. Труфанов, И.Н. Храпунов, С.А. Мульд, И.И. Неневоля, А.А. Волошинов и др.), так и выход в свет ряда обобщающих работ [Высотская, 1979; 1994; Сымонович, 1983; Дащевская, 1989; 1991; Храпунов, 1995; 2002; 2004; Колтухов, 1999; Зайцев, 2003; Колтухов, Юрочкин, 2004], защищен ряд диссертаций [Храпунов, 1987; 2003а; Высотская, 1989; Колтухов, 1993а; Пуздровский, 1993; Зайцев, 1996; Власов, 1999; Уженцев, 2002].

Вопросы этносоциальной структуры и этнополитической истории Крымской Скифии продолжают оставаться в центре внимания не только скифологов, но и исследователей античных государств Северного Причерноморья, а также специалистов по изучению археологических культур Центральной и Восточной Европы, древностей эпохи Великого переселения народов.

Необходимые знания по позднескифской проблематике получены автором на раскопках Неаполя Скифского под руководством О.А. Махневой, в сотрудничестве с С.Г. Колтуховым, И.Н. Храпуновым, И.В. Ачинази, Т.Н. Высотской, Ю.П. Зайцевым, И.И. Вдовиченко. Опыт работы на античных памятниках приобретен при изучении Керкинитиды под руководством В.А. Кутайсова; разведки на укреплениях Предгорного Крыма состоялись благодаря комплексному исследованию фортификации крымских скифов С.Г. Колтуховым. Знакомству с греческими и позднескифскими поселениями в Северо-Западном Крыму я обязан А.Н. Щеглову, О.Д. Дащевской, А.С. Голенцову, И.В. Яценко, Е.А. Поповой, С.Ю. Внукову, В.Б. Уженцеву.

Мои первые шаги в археологии были сделаны под наблюдением О.В. Сухобокова и С.П. Юренко, а в студенческие годы – В.Н. Даниленко, А.Г. Герцена, Э.Б. Петровой, Э.И. Соломоник. Огромную поддержку мне всегда оказывал О.И. Домбровский.

Особые слова благодарности моему научному руководителю – С.Д. Крыжицкому, чья постоянная помощь в работе над рукописью в значительной степени способствовала ее улучшению. Основные положения и выводы по теме обсуждались коллегами в Институте археологии НАН Украины. Ценные замечания внесли В.М. Зубарь, Е.В. Черненко, С.А. Скорый, А.В. Симоненко, С.В. Полин, А.С. Русаяева, В.А. Анохин, С.Б. Ланцов, В.В. Кративина, С.Б. Буйских, А.В. Буйских, за что я им чрезвычайно признателен. Положительные и конструктивные отзывы получены от А.Н. Щеглова, Э.В. Яковенко, С.Б. Охотникова, А.Н. Дзиговского.

В обсуждении монографии активное участие приняли сотрудники КФ ИА НАН Украины: В.Л. Мыц, Ю.П. Зайцев, С.Б. Ланцов,

С.Г. Колтухов, В.И. Мордвинцева, В.К. Голенко, А.В. Гаврилов, В.Б. Уженцев, А.А. Труфанов, А.В. Лысенко, В.Ю. Юрочкин, чьи полезные советы помогли мне при доработке и сдаче рукописи в печать.

Многие годы в сложнейших условиях работали со мной на могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма Ю.П. Зайцев, И.И. Лобода, А.А. Труфанов, В.Ю. Юрочкин, И.И. Неневоля, А.А. Волошинов, О.Б. Белый, Г.В. Медведев, В.Б. Уженцев, А.Е. Соломоненко, А.Г. Зырянов, И.И. Новиков, Д.А. Напалков, Е.В. Зайцева, С.М. Жук, В.И. Налетов, С.С. Бучный – всем им огромная благодарность. В исследованиях Усть-Альминского некрополя принимали участие также Д.В. Деопик, А.Б. Супруненко, И.Н. Кулатова.

Я глубоко признателен тем, кто предоставил в мое распоряжение неопубликованные материалы раскопок позднескифских и сарматских похорон, вошедших в эту книгу, – О.А. Махневой, В.А. Колотухину, А.В. Гаврилову.

Монография в основном объеме была завершена в 2003 г. С тех пор она лишь дополнялась новыми материалами и литературой. Огромный массив поступающей ежегодно информации, к сожалению, не всегда удается быстро обработать, поэтому заранее прошу снисхождения за неполноту данных последних лет. Это касается и качества иллюстраций (в большинстве своем они взяты из полевых отчетов), их я надеюсь улучшить при полной публикации материалов. Полевые чертежи и графическую зарисовку находок к отчетам о раскопках Битакского, Пере-вальненского, Неапольского и Усть-Альминского могильников, кургана на плато Капак-Таш выполняли Ю.П. Зайцев, Г.В. Медведев, И.И. Новиков, А.А. Труфанов, В.Б. Уженцев, О.Н. Федорюк. В подготовке таблиц рисунков для монографии принимал участие А.А. Труфанов. Макетирование иллюстраций осуществлено С.С. Бучным.

Глава I

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ПРОБЛЕМА ЭТНОСА

Изучение Крымской Скифии насчитывает четыре больших периода. В первый из них (20-е гг. XIX в. – начало XX в.) археологические исследования позднескифских памятников Крыма носили нерегулярный характер, шло накопление материалов, высказывались мнения о характере открытых лапидарных, нумизматических и археологических находок (И.П. Бларамберг, Ф. Дюбуа де Монпере, А.С. Уваров, Н.И. Веселовский, Ю.А. Кулаковский, Х. П. Ящуржинский, Ф.Ф. Лашков, А.О. Кашпар, А.И. Маркевич, А.Х. Стевен, А.В. Орешников, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Н.М. Печенкин)¹.

В 20–30-х гг. XX в., благодаря исследованию позднескифских городищ в Центральном Крыму и раскопкам на Неаполе Скифском, Н.Л. Эрнст поставил вопрос о существовании особой «неапольской» культуры. Эти работы явились началом нового этапа в изучении древностей Крымской Скифии. Планомерное обследование памятников Северо-Западного Крыма в это время провел П.Н. Шульц, а Н.И. Репников осуществил разведки и сборы материала в Юго-Западном Крыму.

В 1945–1959 гг. возглавляемая П.Н. Шульцем Тавро-Скифская экспедиция развернула широкомасштабные раскопки позднескифских городищ и могильников, были проведены рекогносцировочные работы в Предгорном и Северо-Западном Крыму. К этим работам подключились ведущие научные учреждения (ГИМ, ГМИИ, ЛОИА АН СССР, ИА АН СССР, БИАМ, ГХИАЗ). В результате накоплен громадный археологический материал, который представлен в ряде публикаций и трудов обобщающего характера (П.Н. Шульц, А.Н. Карасев, Н.Н. Погребова, О.Д. Дашевская, И.В. Яценко, Э.А. Сымонович, В.П. Бабенчиков, Э.И. Соломоник, Т.Н. Троицкая и др.).

Третий период (60-е–70-е гг. XX в.) характеризуется переходом к осмыслинию и исторической реконструкции тех процессов, которые происходили в Крымской Скифии на протяжении более пяти веков, а также комплексному изучению отдельных регионов (П.Н. Шульц, О.Д. Дашевская, А.Н. Щеглов, Т.Н. Высотская, Э.В. Яковенко). Вопросы хронологии и периодизации позднескифской культуры, этнического и социального состава населения, структуры хозяйства, экономических связей, культуры и обряды, искусство освещены в статьях и монографиях П.Н. Шульца, Д.С. Раевского, И.В. Яценко, О.Д. Дашевской, Т.Н. Высотской, И.И. Гуциной, Н.А. Богдановой.

Четвертый этап начался в конце 70-х гг. XX в. и продолжается поныне. Он ознаменовался новыми раскопками столицы Крымской Скифии – Неаполя, а также стационарным изучением других крупных городищ и могильников – Булганакского, Усть-Альминского, Беляусского, Кульчукского, Кара-Тобинского, Чайки, Калос Лимена и др. (О.А. Махнева, С.Г. Колтухов, А.Е. Пуздовский, Ю.П. Зайцев, Т.Н. Высотская, И.И. Лобо-

¹ Подробно см.: [Высотская, 1979, с. 5–21; Зайцев, 2003, с. 5–9; 2004, с. 36–40; Колтухов, 1999, с. 6–16; 2001–2002, с. 319–354; Колтухов, Юрочкин, 2004; Храпунов, 2004, с. 26–40; Шульц, 2004, с. 11–35].

да, И.Н. Храпунов, О.Д. Дащевская, И.В. Яценко, Е.А. Попова, А.С. Голенцов, С.Ю. Внуков, В.А. Кутайсов, В.Б. Уженцев и др.). Проведены исследования интереснейших памятников античного времени в Горном Крыму: в Алуштинской долине, на Караби-Яйле, Таракташе, Южном берегу Крыма (В.Л. Мыц, А.В. Лысенко), Кутлакской крепости (С.Б. Ланцов), святилища на Гурзуфском седле (Н.Г. Новиченкова). Полученный новый обширный материал вступает в противоречие с имеющимися на сегодняшний день историческими концепциями развития Крымской Скифии (Т.Н. Высотская, О.Д. Дащевская). Значительный вклад в пересмотр этой модели внесли В.М. Зубарь, И.Н. Храпунов, С.Г. Колтухов, А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, Е.А. Попова, В.П. Власов, В.Б. Уженцев.

До недавнего времени была распространена концепция П.Н. Шульца, согласно которой «поздними» называли скифов послеатеевского времени, населявших Нижнее Приднепровье и Крым. При этом предполагалась непрерывная, органическая связь между заключительным и предшествующим этапами истории Скифии [Шульц, 1957, с. 68, 88, 89; 1971, с. 127–132; Высотская, 1989; Дащевская, 1991, с. 42, 43; Колтухов, 1993, с. 206–208; Храпунов, 1995, с. 50, 51]. Не менее важным остается вопрос о возникновении Неаполя Скифского. Так, Б.Н. Граков считал, что столица скифов была перенесена из Каменского городища на Нижнем Днепре в Крым в середине II в. до н. э. [1947, с. 25–27]. Т.Н. Высотская полагает, что это произошло в конце IV в. до н. э. [1979, с. 8], О.Д. Дащевская – в конце III в. до н. э., а возникновение большинства городищ – во II в. до н. э. [1991, с. 42, 43]. П.Н. Шульц датировал возникновение города и его оборонительных стен III в. до н. э. и подчеркивал, что находки конца IV в. до н. э. единичны [1957, с. 68, 70]. Исследователь видел в появлении позднескифских городищ в Крыму следствие переселения переходивших к оседлости скифов, теснных сарматскими племенами [1946а, с. 98], полагая, что этот процесс определялся внутренними причинами развития скифского общества, но стимулировался соседством с греческими городами и продажей им хлеба [1971, с. 127, 128]. Выдвинутая П.Н. Шульцем в конце 30-х гг. XX в. гипотеза об одновременном освоении Херсонесом и скифами Северо-Западного Крыма [1937, с. 252–254; 1941, с. 265–267] не получила подтверждения в исследованиях 60–70-х гг. [Щеглов, 1978, с. 118–130]. Эти положения П.Н. Шульца получили развитие во взглядах Т.Н. Высотской и Э.И. Соломоник. Взаимоотношения скифского населения и Херсонеса в Западном Крыму в IV в. до н. э. Э.И. Соломоник расценивала как враждебные, что было вызвано, по ее мнению, стремлением скифов укрепиться на западном участке крымского побережья [1952, с. 115]. И.В. Яценко, напротив, считает, что в IV в. до н. э. уже существовали договорные отношения между скифами и Херсонесом, согласно которым последний шел на уступки, снабжая их товарами и принимая участие в строительстве Неаполя [1972, с. 69]. Т.Н. Высотская предполагает, что Херсонес осваивал хору постепенно, начиная с середины до конца IV в. до н. э., а перенесение скифами столицы было вызвано стремлением приблизиться к греческим городам, завоевать выходы к морю и вести самостоятельную торговлю хлебом. Другая веская причина заключалась в начавшемся в IV в. до н. э. поступательном движении на запад сарматов [1979, с. 7, 8].

Анализ этнополитической ситуации и археологических материалов позволил мне в 1993 г. сделать вывод, что между населением степных районов Крыма IV – начала III в. до н. э. и позднескифской культурой не существовало прямой связи, т. е. отсутствовала непрерывность развития. Керамическая эпиграфика датирует возникновение наиболее ранних поселений предгорной группы рубежом III–II вв. до н. э. [Пуздровский, 1993, с. 14]. На первом этапе (конец III–II в. до н. э.) произошло слияние местного (скифо-кизилобинского) и пришлого (скифо-фракийского) населения, переместившегося в Крым в результате движения восточно-балканских кельтов и бастарнов. При этом нельзя не учитывать возможность участия в этом процессе отдельных группировок из Восточного

Крыма, Среднего и Нижнего Дона, этническая принадлежность которых степным причерноморским скифам вызывает сомнение. В результате объединяющей деятельности Скилура и изменения демографической ситуации к концу II в. до н. э., вероятно, сформировался такой этнос – крымские скифы [Пуздровский, 1997, с. 78, 82].

Эта концепция, с оговорками, была в 1996 г. поддержаны Ю.П. Зайцевым, который датирует возникновение Неаполя серединой II в. до н. э., а в формировании позднескифской культуры видит мощный восточный миграционный импульс первой половины – середины II в. до н. э. [1996, с. 19; 1999, с. 127, 128, 136, 137, 140, 142, 147]. Е.А. Попова в 1998 г. заявила об отсутствии связи между культурами ранних скифов-кочевников и позднескифской, предположив, что захват хоры Херсонеса в середине II в. до н. э. осуществляли оседлые скифы Боспора, а Малая Скифия была автономной провинцией Боспора [1998, с. 194, 195]. Основываясь на дате возникновения Неаполя, предложенной Ю.П. Зайцевым, и материалах Северо-Западного Крыма, А.Н. Щеглов выступил с другим предположением: во второй четверти II в. до н. э. в Крым проникают носители северофракийских племен (гетов), что и привело к возникновению в середине столетия позднескифской культуры [1998, с. 147–151].

Вопрос о возникновении и характере скифской государственности – один из самых дискуссионных в отечественной археологии [Буняян, 1985, с. 7–24]. Большинство ученых датируют это событие IV в. до н. э. [Граков, 1947, с. 28; Соломоник, 1952, с. 108; Шульц, 1953, с. 6; Блаватский, 1954, с. 11]. Не менее острой является и проблема образования Скифского царства в Крыму. Наиболее полно она освещена в трудах М.И. Артамонова [1948, с. 56–78], Б.Н. Гракова [1954, с. 9, 25–30; 1971, с. 30–41], Э.И. Соломоник [1952, с. 103–128], П.Н. Шульца [1957, с. 61–93], Т.Н. Высотской [1979; 1989]. А.Н. Щеглов пришел к выводу о том, что Скифское царство в Крыму времени Скилура представляло собой варварскую державу эллинистического типа [1988, с. 29–40; 1998, с. 141–153]. Проблемы социально-политической истории позднескифского государства были подняты в развернувшейся на страницах журнала «Археология» дискуссии [Храпунов, 1992, с. 86–92; Зайцев, 1992, с. 93–99; Зубар, 1992, с. 100–102; Пуздровский, 1992, с. 125–135; Ольховский, 1992, с. 136–139; Висотська, 1992, с. 139–143], вопросы военно-политической истории Крымской Скифии рассмотрены С.Г. Колтуховым [1993, с. 206–222; 1999, с. 80–98]. Ю.П. Зайцев считает, что Неаполь был главным центром официального «династийного» культа, цель которого – абсолютное главенство царского рода и обожествление верховного вождя. Исходя из этого, он определяет державу Скилура как государство с признаками эллинистической монархии и одновременно с чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа [1999, с. 144–147]. Взгляды А.Е. Пуздровского, поддержавшего основные положения М.И. Артамонова и А.Н. Щеглова, а также концепция Ю.П. Зайцева были подвергнуты критике В.М. Зубарем, который считает, что у поздних скифов существовало раннегосударственное образование и раннеклассовое общество [2002, с. 501–520].

Взаимоотношения позднескифского государства с античными городами Северного Причерноморья и окружающими народами получили отражение в работах многих исследователей. Наиболее подробно они рассмотрены Э.И. Соломоник [1952, с. 103–128; 1964, с. 7–15; 1977, с. 53–63], П.Н. Шульцем [1957, с. 51–90; 1971, с. 127–143], В.Ф. Гайдукевичем [1949, с. 298–438], О.Д. Дащевской [1958, с. 143–150; 1991, с. 42–45], Д.С. Раевским [1973, с. 110–120; 1976, с. 102–107], Т.Н. Высотской [1979, с. 6–11; 190–205; 1994, с. 3–6, 12, 13; 2004, с. 41–47], А.Н. Щегловым [1978, с. 119–135; 1988, с. 29–40; 1998, с. 141–153], Е.А. Молевым [1986, с. 54–64; 1994, с. 50–56; 114–133], Ю.Г. Виноградовым [1987, с. 55–87; 1989, с. 230–250; 1994, с. 153–157, 163–167; 1999, с. 56–82], С.Ю. Сапрыкиным [1986, с. 175–241; 1996, с. 127–186; 2002], С.Д. Крыжицким [1993, с. 216–232], А.С. Русевской [1995, с. 32–34; 2002, с. 109–124], В.М. Зубарем [1994, с. 23–40, 69–78, 109–117; 1998, с. 26–36, 40–49, 75–80, 88–115; 2003, с. 27–35; 2003а, с. 25–41; 2003б].

с. 50–55; 2004], С.Б. Буйских [1991, с. 126–141], В.И. Крапивиной [1993, с. 139–157], А.В. Симоненко [1993, с. 104–121], С.В. Полиным [1992, с. 99–123], С.Г. Колтуховым [1993, с. 207–220; 1999, с. 80–98], И.Н. Храпуновым [1995, с. 52–72; 2004, с. 86–91, 107–111, 117–122, 125, 126, 131, 132], Ю.П. Зайцевым [1997, с. 36–50; 1999, с. 127–148; 2003, с. 41–46], Пуздровским [1992, с. 125–135; 2001, с. 86–118], Поповой [1998, с. 182–195], Уженцевым [2006, с. 122–135].

Большая работа по формированию концепции этнической истории Крыма в античное время проведена М.И. Ростовцевым, им сделан подробный критический разбор свидетельств древних авторов о населении Скифии [1925, с. 34–144]. В.С. Ольховский предложил свою версию, сделав попытку согласовать источники с археологическими материалами [1981, с. 52–65; 1982, с. 61–81; 1990, с. 27–38]. Аналогичная работа для периода V–II вв. до н. э. осуществлена А.Н. Щегловым [1966, с. 146–157; 1968, с. 332–342; 1988, с. 32–40; 1998, с. 143–151], Е.А. Молевым [1994, с. 26–56], С.Ф. Столбовой [1993, с. 56–61]. В широком хронологическом диапазоне (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) рассмотрены эти вопросы в монографиях А.А. Масленникова, посвященных населению Боспорского государства [1981; 1990; 1995; 1997]. Исследования по этнической истории Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. представил автор [Пуздровский 1993; 1999, с. 97–119; 1999а, с. 208–225].

Наиболее дискуссионными остаются вопросы соотношения различных этнических групп и степень их участия в формировании и развитии позднескифской культуры. П.Н. Шульц видел две ее составные части (на Днепре и в Крыму), разделенные кочевым миром. Выделяя общие черты, он указал и на специфические элементы каждой из них, обусловленные различными этнокультурными влияниями и географическим положением [1971, с. 132–141]. П.Н. Шульц воспринимал население Малой Скифии как преимущественно скифское, хотя и признавал проникновение сарматов в состав жителей Нижнего Днепра и Крыма [1957, с. 85, 89; 1971, с. 140, 141].

Следует отметить, что в оценке этнического состава населения Крымской Скифии в 40–50-х гг. XX в. произошла определенная трансформация. Так, В.П. Бабенчиков сразу после исследований юго-восточного участка некрополя Неаполя, исходя из анализа погребального обряда и инвентаря, писал о сильном сарматском влиянии [1949, с. 111–117]. П.Н. Шульц видел в вырубных склепах столицы отражение процесса возникновения новой фамильной знати с примесью сарматского и аланского элементов [1947а, с. 28], а могилы грунтового некрополя считал принадлежавшими сарматам, либо сарматизированному населению [1949, с. 63]. К близким выводам пришла и Т.Н. Троицкая [1954, с. 190–192]. Однако в более поздних работах исследователи прямо указывали, что основным населением Неаполя были скифы [Бабенчиков, 1957, с. 140; Шульц, 1957, с. 85–89]. Та же ситуация сложилась и с материалами мавзолея. В первой информации о раскопках Н.Н. Погребова отмечала значительное влияние сарматов в погребальном обряде и общем облике инвентаря [1947, с. 31–36]. В монографии П.Н. Шульца [1953] и полной публикации комплексов [Погребова, 1961, с. 102–213] эти выводы выступают уже не столь отчетливо. В своей книге Э.А. Сымонович указывает на сложную картину этнического состава жителей столицы, однако, исходя из антропологических данных, примесь сарматских элементов, по его мнению, была незначительной [1983, с. 112, 113, 119].

Между тем с конца 60-х – начала 70-х гг. наметилась и другая тенденция в интерпретации этих материалов. Д.С. Раевский считал, что сарматы проникали в столицу тремя волнами [1971, с. 148–151]. Эти положения вызвали ряд возражений Т.Н. Высотской [1972, с. 183–185; 1987, с. 48–50] и А.В. Симоненко [1993, с. 117–117]. Д.С. Раевский считал, что для позднескифского этапа в целом характерна значительная эллинизация скифской культуры, а также наличие в Неаполе постоянного и значительного контингента греков [1971 с. 143–151; 1971а; 1971б, с. 60–68; 1973, с. 110–120]. После возобновления работ на главной городской площади Неаполя, а также пересмотра материалов мавзолея, эта мысль получила поддержку Ю.П. Зайцева [1990, с. 83–94; 1992, с. 93–99; ср.: Храпунов, 1992, с. 91, прим. 12; 2004, с. 89–95; Щеглов, 1998, с. 148].

Изучение погребального обряда могильников Юго-Западного Крыма, проведенное в 60-е – 70-е гг., позволило их исследователям определить два основных компонента в составе населения: скифский (местный) и сарматский (пришлый), причем соотношение этих групп на разных памятниках и в разное время было различным. Особенно важным оказалось выделение новой сарматской волны, относящейся к концу II – началу III в. н. э. [Гущина, 1974, с. 32–64; 1982, с. 20–30; Богданова, 1982, с. 31–40; 1989, с. 17–70; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 121–152]. В последнее время вывод о более значительном влиянии сарматских племен в Крыму в первые века н. э. получил развитие [Пуздровский, 1989, с. 20–40; 1992, с. 128–132; 1994, с. 397–402; Зубарь, 1994, с. 109–126; 2003а, с. 25–41; 2003б, с. 50–55; Зубар, Пуздровский, 1998, с. 180–192; Зубар, Савеля, 1989, с. 74–83; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 82–88].

Различия в этнокультурных влияниях на поздних скифов Нижнего Днепра и Крыма рассмотрены И.Н. Храпуновым. Развивая взгляды П.Н. Шульца, он считает, что влияние античной цивилизации сказалось сильнее в Крыму и предполагает взаимодействие позднескифского населения этих областей с разными подразделениями сарматских племен. В Крыму прослеживается соседство с таврами, а приднепровские скифы испытали большее влияние фракийцев (даков, гетов) [Храпунов, 1987, с. 20–21].

Анализируя погребальный обряд Крымской Скифии, Т.Н. Высотская признала значительные изменения в составе населения, особенно в первые века н. э., однако скифский пласт, по ее мнению, преобладал, хотя культура и подверглась значительной модификации. В городах процесс ассимиляции скифами других народностей происходил быстрее: «несмотря на различные этнические влияния, культура поздних скифов оказалась достаточно устойчивой, в течение многих веков сохраняются ее собственные черты» [1987, с. 63–67; 1989, с. 14, 21, 23]. В ряде обобщающих работ О.Д. Дащевской также подчеркивается, что сарматские элементы в обряде погребения поздних скифов Крыма не следует преувеличивать [1989, с. 139, 140; 1991, с. 23–41]. Эта позиция сходна с пересмотром вывода о сарматизации культуры Боспора в первые века н. э. [Масленников, 1990, с. 217–221].

Важным показателем этнических трансформаций являются изменения в лепном керамическом комплексе. Эта категория материала стала предметом исследования О.Д. Дащевской [1958, с. 248–271; 1980, с. 18–29; 1989, с. 135, 136; 1991, с. 15–19, 28–31], Т.Н. Высотской [1972, с. 98–100, 104–111, 185; 1979, с. 100–120, 1979а, с. 63–78], Э.В. Яковенко [1971, с. 87–93; 1974, с. 108–112], Т.Н. Троицкой [1957, с. 174–190], Н.П. Зарайской [1973, с. 75–82], И.В. Яценко [1983, с. 46–66], Е.А. Поповой [1991, с. 37–75; 1996, с. 71–81], В.П. Власова [1997, с. 204–303; 1999; 2001, с. 18–31; 2001, с. 168–182], С.Г. Колтухова [2004, с. 124–134; 2004б, с. 68–120]. Мои предварительные выводы о лепной керамике Крымской Скифии как этническом индикаторе изложены в 1993 г. [Пуздровский, 1993а, с. 66–72, 113–116]. В целом среди исследователей существуют серьезные разногласия в оценке исходных форм, характеристике инноваций и интерпретации этнических процессов, которые отражает лепная керамика.

Одна из важных проблем – судьба населения Крымской Скифии в III–IV вв. н. э. П.Н. Шульц [1957, с. 77; 1971, с. 143] и В.П. Бабенчиков [1957, с. 140, 141] связывали упадок Неаполя и других поселений Крыма с гуннским разгромом в IV в. н. э. О.Д. Дащевская считает, что окончательная гибель Неаполя произошла под ударами готов в середине III в. н. э. [1954, с. 15]. Т.Н. Высотская полагает, что вместе с готовами в этих событиях участвовали и сармато-аланские племена [1979, с. 204]. Высказано мнение об отступлении скифов в труднодоступные местности Юго-Западного Крыма, где были основаны новые поселения, просуществовавшие вплоть до гуннского нашествия [Дащевская, 1989, с. 125, 127; 1991, с. 45; Высотская, 1989, с. 23; Зубарь, 1994, с. 120–121]. Е.В. Веймарн считал виновниками гибели Неаполя и других поселений сармато-алан [1971, с. 62, 65]. Д.С. Раевский связывает разгром скифской столицы с вторжением в Крым готов в 240-е гг. [1970, с. 104]. Большое внимание данной теме уделил И.С. Пиоро – он

датировал гибель позднескифских городищ и прекращение функционирования могильников III в. н. э. [1990, с. 23–30]. В рецензии на его монографию В.М. Зубарь и Д.Н. Козак отметили, что разгром поселений относится к третьему этапу готских походов, т.е. к 267 – 270 гг. н. э. [1992, с. 127, 130, 131].

Возникновение военной опасности в Предгорном Крыму в конце первой четверти III в. н. э. А.Е. Пуздровский [1993, с. 13; 1994, с. 402] и С.Г. Колтухов [1993, с. 219] связывают с вторжением сарматских племен. В.Б. Уженцев и В.Ю. Юрочкин, публикуя закрытый комплекс из верхних слоев Неаполя, допускают, что это была карательная акция боспорцев, проведенная около 218 г. н. э. [2000, с. 264–280]. Разгром поселений в III в. н. э. часть исследователей объясняют аланским вторжением около 240 г. н. э. [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 36], другие – рейдами готов и боранов в 251–256 гг. [Айбабин, 1996, с. 297, 298; Мыц, 1989, с. 79] или походами герулов в 267–268 гг. н. э. [Пиоро, Герцен, 1974, с. 82–83; Пиоро, 1990, с. 40, 41; Лавров, 1997, с. 214–217], отмеченными пожарами и разрушениями на Европейском Боспоре [Кругликова, 1966, с. 187; 1975, с. 118; Голенко К.В., 1978, с. 11, 12; ср.: Яценко С.А., 1997, с. 158; Зубар, 1998, с. 148–150], в Ольвии и ее округе [Гороховский, Зубар, Гаврилюк, 1985, с. 25–37; Крапивина, 1993, с. 154].

Дискуссионными являются и вопросы социальной структуры позднескифского общества. Неоднородность последнего наиболее ярко проявляется в различиях устройства погребальных сооружений, а также в обряде и инвентаре [Сымонович, 1983, с. 113–115; Храпунов, 1992, с. 86–93]. Некоторые данные можно извлечь из анализа жилой и хозяйственной застроек городищ, системы землевладения и размежевки. Различны взгляды исследователей на характер позднескифской семьи [Раевский 1973, с. 60–68; Хазанов 1975, с. 63, 64; Михлин 1987, с. 31–40; Пуздровский, 1999, с. 116–118].

Антропологические материалы позднескифских могильников опубликованы из трех памятников: Неаполь [Кондукторова, 1964, с. 32–71; Герасимов 1955, с. 573–579], Беляус [Кондукторова, 1983, с. 171–174, табл. 5, 6] и Заветное [Зіневич, 1971, с. 111–121]. Г.Ф. Дебец сравнивал черепа из мавзолея с микенскими греками – по его мнению, в составе населения Неаполя были южные европеоиды [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 27, 28]. Т.С. Кондукторова отмечала большие индивидуальные колебания в неапольской серии и отличия краниологических материалов Восточного могильника от черепов из мавзолея и каменных склепов. Сравнение с серией скифов-кочевников Нижнего Приднепровья показало значительно большие размеры черепов последних: «грацилизация» объясняется примесью средиземноморского элемента [1964, с. 35–38]. Отмечена близость серий Беляуса и Неаполя [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 29]. Схожа с неапольской и серия Заветного, которая почти полностью тождественна материалам из могильников III–IV вв. н. э. Инкерманской долины [Зіневич, 1971, с. 118–121]. Сравнивая черепа из Инкерманского и Чернореченского могильников с серией из мавзолея, К.Ф. Соколова отметила их различия, а также близость к черепам скифов Поднепровья в отличие от неапольских [1963, с. 126, 127]. Т.С. Кондукторова сходство краниологических серий из Неаполя (Восточный некрополь), могильников Заветное и Николаевка (на Днепре) считает веским аргументом в пользу гипотезы о переселении скифов в Крым из Нижнего Приднепровья [1979, с. 62]. Антропологические серии крымских скифов IV–III вв. до н. э. Керченского полуострова неоднородны: отмечается как преобладание мезокранных крупных черепов [Жиляева-Круц, 1970, с. 180–189], так и долихокранных массивных над широколицыми брахицранными формами при небольшой доле греческого компонента (Акташ), суббрахицранных (таврских) в могильнике Фронтовое I [Покас, Назарова, Дяченко, 1988, с. 134, 143, 144]. С.И. Круц таврскую принадлежность серии Фронтовое I ставит под сомнение, а группа долихокранных узколицых черепов, по ее мнению, является основным (местным) компонентом в некрополях Боспора и Прикубанья [Круц, 1989, с. 115–117].

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II в. до н. э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I в. н. э.

Погребальные комплексы Крымской Скифии являются важнейшим источником для историко-археологических реконструкций. Погребальный обряд традиционно считается одним из наиболее устойчивых этноиндикаторов. Совокупность данных о конструкции погребального сооружения, следах ритуальных действий, ориентации и положении покойного, наборе и характере размещения инвентаря служит достаточно надежным источником при определении этнической и социальной принадлежности того или иного умершего. Необходимо учитывать, что каждое конкретное погребение является дискретным актом, и какими факторами – социальными, имущественными, религиозными, обстоятельствами смерти – диктовалось существование той или иной модели обряда, остается неизвестным.

Несмотря на многочисленность позднескифских погребальных комплексов, не все они содержат необходимую информацию. Это можно объяснить ограблением могил, а также недостатками методики раскопок XIX – начала XX в. Кроме того, часто сведения опубликованы неполно, дана лишь суммарная характеристика погребального обряда и инвентаря, существуют разногласия в описании сооружений, многие находки и полевая документация утеряны. В связи с этим особое значение приобретают материалы могильников, раскопанных широкими площадями (Неаполь, Беляус, Усть-Альминский, Заветненский, Битакский). Без учета всех факторов зачастую трудно однозначно судить о динамике численности населения, погребальном обряде, культуре, верованиях, этническом и социальном составе. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют наметить тенденции в решении всех этих вопросов, определить направление перспективного археологического поиска, а также извлечь необходимую информацию путем анализа признаков погребального обряда.

Ранний период позднескифской культуры (А) делится на три этапа: первая половина II в. до н. э. (А1), вторая половина II в. до н. э. – первая половина I в. до н. э. (А2) и вторая половина I в. до н. э. – первая половина I в. н. э. (А3). Поскольку достоверно документированными погребениями первой половины II в. до н. э. мы пока не располагаем, в данной главе будут проанализированы комплексы этапов А2 и А3. Обоснование их хронологических границ дано в соответствующих разделах.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В Крымской Скифии, исходя из географического положения, обычно выделяют пять областей (Центральный, Юго-Западный, Юго-Восточный, Северо-Западный и Степной Крым), в каждой из которых были свои особенности топографии поселений и могильников, материальной культуры и погребального обряда. Первые три области часто

объединяют в одну ландшафтную зону – Предгорный Крым, в ней сосредоточено подавляющее большинство памятников.

В погребальном обряде Крымской Скифии происходят кардинальные изменения по сравнению с IV–III вв. до н. э. – появляются в массовом количестве грунтовые могильники. В I в. н. э. бескурганный обряд становится доминирующим в Предгорном и Северо-Западном Крыму. В то же время известно большое количество подкурганных захоронений. Последние совершились как в существовавших ранее основных могильных сооружениях, так и были впускными.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

Область включает в себя поселения и могильники Тарханкутского полуострова и район современных городов – Евпатории и Сак. Освоение этой территории и включение ее в систему хоры активно велось Херсонесом в IV – начале III в. до н. э. [Щеглов, 1978; Ланцов, 2003, рис. 1; 2004, с. 58–68; ср.: Колтухов, 2004б, с. 42–47]. После разгрома в первой трети III в. до н. э. [Щеглов, 1998, с. 149; ср.: Ланцов, 1994, с. 91, 92] часть ее в последней четверти столетия была восстановлена [Виноградов Ю.Г., Щеглов, 1990, с. 362; Золотарев, Туровский, 1990, с. 81–84; Туровский, 1993, с. 50; Ланцов, 1994, с. 92–94]. Прекращение жизни на античных поселениях произошло в конце первой четверти II в. до н. э. [ср.: Коваленко, 1991, с. 19, 29; Ланцов, 1994, с. 93; 2003, с. 44, 45; Щеглов, 1998, с. 149], а полный захват их скифами – не позднее середины – начала третьей четверти II в. до н. э. [Латышева, 1988, с. 253; Кутайсов, Уженцев, 1997, с. 54].

В Северо-Западном Крыму известны шесть пунктов, где исследованы грунтовые и подкурганные погребальные сооружения рассматриваемого времени.

Беляус (рис. 1, 8), с. Знаменское, Черноморский р-н. Грунтовый могильник и подкурганные каменные склепы находятся к северу от городища, исследованы О.Д. Дащевской в 1968–1979 и 1967–1969 гг. [1991, с. 55]. Всего, по данным на 1991 г., в грунтовом могильнике (рис. 12–18, 19, I–III) известен 171 комплекс II в. до н. э. – I в. н. э.: 59 больших земляных склепов, 15 малых склепов с детскими захоронениями, 93 подбойные могилы, два детских захоронения в простых грунтовых ямах, 1 детское в амфоре, одна яма содержала часть туши коня [Дашевская, 1989, с. 132; 1991, с. 25, 55]. Сооружение четырех подкурганных каменных склепов ранее связывалось с греческим периодом (IV–III вв. до н. э.), а в I в. н. э. они были вторично использованы для погребений (рис. 19, IV–VI). Один из них разграблен в гуннское время, в нем совершено впускное захоронение подростка [Дашевская, 1969, с. 65–73; 1969а, с. 52–62; 1976, с. 55–60], еще два погребения обнаружены на городище (в заброшенной хозяйственной яме и в грунтовой могиле – парное) [Дашевская, 1995, с. 56–61; 2003, с. 160–163; Дащевская, Голенцов, 2004, с. 39]. Несколько иные цифры для грунтового могильника приведены исследователями в 2004 г.: 178 могил, из которых 58 земляных склепов, 4 каменных склепа, 93 подбойные могилы, 20 ямных, 1 детское погребение в амфоре («подобные встречались и на городище»), 2 трупосожжения в амфорах («их можно отнести к грекам») [Дашевская, Голенцов, 2004, с. 37–39].

К востоку от городища в 1987–1988 гг. О.Д. Дащевская и А.С. Голенцов раскопали курган эпохи бронзы, в котором найдены 14 (16) впускных могил I в. до н. э. – I в. н. э. (конец II в. до н. э. – I в. н. э.): 7 подбойных могил, 3 склепа, 2 ямы, обложенные плитами, и 2, перекрытые плитами, из них 7 выходили за пределы насыпи [Дашевская, 1991, с. 54; Дащевская, 1994, с. 86].

Кульчук (рис. 1, 7), с. Громово, Черноморский р-н. Грунтовый могильник находится к северу от городища. В 1973 г. здесь исследован земляной склеп с захоронениями второй половины IV–начала III в. до н. э. (рис. 10, I) [Дашевская, 1978, с. 199–215]. В 1989–1990 гг. А.С. Голенцов раскопал два грунтовых склепа рубежа II–I в. до н. э. – I в. н. э. [1991, с. 35, 36]. В последующие годы (1991–1993 гг. ?) исследованы еще четыре (?)

могилы. В каменном склепе (могила 30) найдены останки 22 человек. Первые захоронения относятся к III в. до н. э. (греческий период), большая часть (?) – к I в. до н. э. – I в. н. э. (скифский период). Склеп ограблен в древности, вероятно, в гуннское время. Еще один грунтовый склеп (могила 31), со ступенчатой входной ямой и овальной в плане камерой, также ограблен в древности, по аналогии с исследованными ранее конструкциями, вероятно, сооружен не позднее I в. н. э. Детское погребение в подбойной могиле 33 датируется рубежом н. э. [Голенцов, 1994, с. 83, 84].

К северо-западу от городища в 1979 г. исследован курган-кенотаф с кромлехом и остатками урновой и безурновой кремации III–II вв. до н. э. За пределами кромлеха открыты четыре кенотафа с имитацией каменных закладов, видимо, синхронных всему комплексу. Позже в полах кургана были совершены пять впускных захоронений I в. до н. э. – I в. н. э. в грунтовых ямах с обкладкой из каменных плит (рис. 10, II) [Дашевская, Голенцов, 1982, с. 90–96].

Заозерное (рис. 1, 12), с. Заозерное, Евпаторийский горсовет. В курганном некрополе античного городища Чайка IV–III вв. до н. э., насчитывающем 42 насыпи, в 1972, 1977 и 1983 гг. (раскопки А.А. Коновалова и И.В. Яценко) в трех разграбленных каменных склепах исследованы захоронения II в. до н. э. – I в. н. э. [Коновалов, 1973, с. 293, 294; Яценко И.В., Маслов, 1978, с. 408].

Керкинитида (рис. 1, 13), г. Евпатория. На территории греческого некрополя, расположавшегося к северо-западу от городища, в позднескифское время совершались захоронения.

В 1917 г. Л.А. Моисеев на северо-западной окраине могильника открыл катакомбу со ступенчатым дромосом и прямоугольной камерой, отделенной закладной плитой. Конструктивные особенности позволяют отнести сооружение склепа ко второй половине IV – началу III в. до н. э., в позднескифское время он был использован в качестве семейной усыпальницы. Дата захоронений: не ранее конца II в. до н. э. [Ланцов, 1988а, с. 80, 81, рис. 4].

В 1972 г. при строительных работах обнаружена лепная курильница II в. до н. э. [Дашевская, 1980, с. 18, 19]. В 1977 г. А.С. Бирюков на ул. Гоголя доследовал разрушенный современным строительством греческий каменный склеп, вторично использованный для погребений конца II–I вв. до н. э. (рис. 11) [Михлин, Бирюков, 1983, с. 28–46].

Калос Лимен (рис. 1, 10), пгт Черноморское. Курганный некрополь находится к юго-востоку и северо-западу от городища. В 1993–1994 и 1997–1998 гг. в насыпях трех курганов исследованы захоронения II–I вв. до н. э. – I в. н. э., совершенные во вторично использованных для этих целей могилах с плитовым перекрытием [Кутайсов, Уженцев, 1994, с. 179, 180; Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 179, 180; Приднев, 1999, с. 34 – 36]².

Кара-Тобе (рис. 1, 82), с. Прибрежное, Сакский р-н. Могильник расположен в 150 м к северу от одноименного городища. К 1999 г. исследованы 29 могил: 11 – в простых ямах, 8 – в подбоях, 7 – в катакомбах, 1 – в яме с заплечиками и в двух случаях тип определить не удалось. [Внуков, Лагутин, 2001, с. 96–121]. Всего обнаружено около 100 погребенных в диапазоне: вторая половина I в. до н. э. – начало I в. н. э. [Внуков, 2006, с. 206].

Ведущим типом погребальных сооружений Северо-Западного Крыма были грунтовые (земляные) склепы – в них были погребены 80 % умерших Беляусского могильника. По конструкции склепы являются катакомбами – классификация их для скифских памятников разработана В.С. Ольховским (рис. 4) [1991, с. 215, табл. II]. Этой работой мы будем пользоваться и в дальнейшем. Наиболее ранние склепы (их пять), относятся к I типу катакомб – с параллельным расположением длинных осей входной ямы и камеры,

² Местоположение грунтового могильника Калос Лимена как IV–III вв. до н. э., так и II–I вв. до н. э. – I в. н. э. неизвестно [Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 184].

среди них – три двухкамерные [Дашевская, 1991, с. 25, табл. 40, 1; ср.: Полин, 1992, с. 42–44]. Остальные принадлежат к III типу – с расположеннымными перпендикулярно осями, т. е. Т-образной планировки [Дашевская, 1991, с. 25, табл. 40, 6]. Судя по описанию, три склепа Беляусского кургана, впущенные в насыпь эпохи бронзы, относятся ко II типу катакомб (длинные оси ямы и камеры совпадают). Склеп IV–III вв. до н. э. Кульчукского могильника относится к I типу катакомб, а позднескифские – к III типу.

Подбойные могилы по конструкции также относятся к одному из вариантов катакомб I типа (Ольховский, 1977, с. 115, рис. 2). Из 100 известных 93 открыты в грунтовом могильнике Беляуса, в большинстве из них находились детские захоронения (86), сооружались они на протяжении всего периода функционирования некрополя, лишь могила 110 отнесена О.Д. Дашевской к началу II в. до н. э. [1984, с. 55, 57, рис. 1, 2; ср.: Полин, 1992, с. 43, 44].

Могил, обложенных вдоль стенок или перекрытых плитами, немного – всего 14. Исследования курганного некрополя Калос Лимена позволяют прогнозировать открытие таких сооружений и в дальнейшем, поскольку они тесно связаны с обрядом вторичного использования могил. Этот обряд известен в восьми случаях в греческих подкурганных каменных склепах: Беляус (4), Заозерное (3), Керкинитида (1). При наличии синхронных грунтовых могильников (Беляус, Кульчук) впускные могилы с каменными конструкциями и захоронения в сооружениях предшествующей поры могут свидетельствовать о проникновении в состав жителей в конце II в. до н. э. – I в. н. э. населения, предпочитавшего подкурганный обряд погребения.

Четыре ямы-кенотафа Кульчукского кургана датируются исследователями II в. до н. э. и связываются с центральным комплексом, где открыты синхронные (?) трупосожжения (одно – в херсонесской амфоре). Погребения детей в амфоре для этого времени единичны (Беляус).

В погребальном обряде в целом преобладают многократные подзахоронения, что при достаточно широком хронологическом диапазоне погребального инвентаря может свидетельствовать о длительном использовании сооружения. Так, в грунтовых склепах Беляуса обнаружены захоронения от 3 до 30 человек, в Кульчуке – 5 и 9. В каменных склепах Беляуса – 8, 16, 22, Заозерного – 9 и 28, Керкинитиды – не менее 7. В шести подбойных могилах Беляусского могильника с погребениями взрослых людей доминировали одиночные захоронения (одна могила – парная), вероятно, как и в семи подбойных могилах в кургане. Среди могил с детскими костяками встречены парные и тройные [Дашевская, 1984, с. 55, 57].

В ориентации покойных Беляуса преобладали восточное и юго-восточное направления, что можно объяснить не только топографией некрополя [Дашевская, 1984, с. 55]. Остальные направления: СВ–ЮЗ, (Заозерное), В–З (Беляус, Кульчук, могильники, Керкинитида), по-видимому, определялись ориентацией погребального сооружения на местности и «валетообразным» расположением умерших. В грунтовых склепах нередки случаи отклонения от обычной позы покойных: одна или две руки на тазу, скрещенные или сближенные ноги (Беляус, Кульчук). Такой обряд и северная ориентация известны в Кульчукском склепе IV–III вв. до н. э. [Дашевская, 1978, с. 199–215]. Зафиксированы случаи применения в обряде деревянных гробов, характерна мясная напутственная пища в гончарной и лепной посуде, часто с ножом (Беляус, Кульчук).

Отмечены символы огня: осколки кремня, гранита, реальгар, охра (Беляус), в склепе Керкинитиды – реальгар. В тех же пунктах зафиксированы подголовные каменные плитки. Один раз встречено ритуальное захоронение части туши коня (Беляус).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЫМ

В область включена территория к северо-востоку от течения р. Альмы до р. Биюк-Карасу в пределах Симферопольского и Белогорского районов. Большая часть поселений и городищ расположена на отрогах Второй и Третьей гряды Крымских гор по берегам рек Булганак, Салгир, Бештерек, Зуя, Бурульча, Биюк-Карасу. На границе степной зоны и предгорий поселения очень редки, лишь в районе сел Софиевка, Гвардейское (бывш. Сарабуз) – Красная Зорька Симферопольского р-на, в том месте, где Салгир делает поворот на северо-восток, известны селища позднескифского времени [Щепинский, 1954, с. 91, 92; Колтухов, 1997, с. 154, 155]. В Центральном Крыму сосредоточены наиболее крупные городища: Керменчик (Неаполь), Кермен-Кыр (Красное), Булганакское, Змеиное, Таш-Джарган, Залесье, Доброе с широким хронологическим периодом существования.

Погребальные памятники позднеэллинистического и раннеримского времени отличаются разнообразием типов могильных сооружений и обрядности, сочетаая отдельные признаки предыдущей эпохи и инновации, связанные с притоком в Предгорный Крым нового населения. В окрестностях поселений располагались не только грунтовые могильники, но и курганы с так называемыми «коллективными захоронениями» и впускными могилами. Исследование курганов проводилось преимущественно в дореволюционный период, поэтому данных о погребальном обряде сохранилось немного. Недавно эта группа памятников была проанализирована С.Г. Колтуховым [2001, с. 59–70]. Грунтовые могильники исследованы стационарно лишь в Неаполе Скифском и его округе (Битак), у сел Дмитрово, Кольчугино, Левадки, Фонтаны. Остальные, находившиеся рядом с городищами, еще не выявлены, либо изучены недостаточно (Кермен-Кыр, Соловьевка, Зуйский).

Подкурганные погребения

Курганы в окрестностях г. Симферополя

В округе городища Кермен-Кыр (с. Мирное, Симферопольского р-на) исследованы несколько курганов, содержащих захоронения позднескифского времени.

Черкеса бывш. имение (рис. 1, 17). Курган № 2 входил в курганную группу на возвышенности, к северо-западу от ж.-д. линии Симферополь – Севастополь. Раскопан Н.И. Веселовским в 1895 г. Высота насыпи 1,8 м, в центре³ (?) – каменная гробница квадратной формы (3,7х3,7 м), сложенная на материке из плохо обработанных известняковых плит, на глине. Прослеженная высота стен – около 1 м, перекрытие не сохранилось, скорее всего, было деревянным. В гробнице обнаружены костные останки 173 (168) погребенных разных возрастов, положение которых относительно стран света не отмечено. На дне могилы находилась плита ромбовидной формы, закрывавшая углубление, в котором, как полагал Н.И. Веселовский, находилась урна, ограбленная при подкопе. Среди инвентаря: чернолаковая чашка, гончарный флаcon веретенообразной формы, обломки сероглиняного кувшина, лепная чашечка, две лепные курильницы с шаровидной формой туловища (одна была наполнена круглыми камешками) и обломки третьей, лепной орнаментированный сосуд на трех ножках, 13 бронзовых наконечников стрел, 9 бронзовых проволочных браслетов, согнутое и сломанное зеркальце, серебряные кольца, бронзовые подвески в виде амфорки, спиральные пронизи, серебряный браслет, бронзовая копоушка (?), обломки горшков и амфор, шесть железных ножей, бусы, перстни, фибулы, ворврка, золотая проволочная серьга, просверленный астрагал, оселок (рис. 46, I). Весь этот материал свидетельствует о двух хронологических этапах использования гробницы: конец IV–перв. пол. III в. до н. э. и втор. пол. II в. до н. э. – I–II вв. н. э. [ОАК 1895 г., с. 9; Кашпар, 1896, с. 139, 140; Троицкая, 1951, с. 95, 96; рис. 5, 6; 1957, с. 179–184, рис. 6, 7, 8а, 9; Дашевская, 1991, с. 53].

³ Т.Н. Троицкая, вероятно, ошибочно упомянула, что курган имел дополнительную насыпь, возможно, эти сведения относятся к кургану № 2 в имении С.А. Крыма [1951, с. 107; 1954, с. 239, 240, 245].

Пастака бывш. имение (рис. 1, 16). Курганская группа из восьми насыпей располагалась к северу и северо-востоку от курганов, исследованных во владениях Черкеса, к юго-западу от с. Мирное (б. Сарайлы-Кият). Исследована Н.И. Веселовским в 1895 г.

Курган № 1. Высота насыпи более 4 м. Основное погребение – эпохи бронзы. В материке находилась каменная гробница квадратной формы (2,67x2,67 м), сложенная из каменных плит. В ней обнаружены более 100 костяков, положение и ориентация которых не указаны. Инвентарь: обломки гончарной и лепной посуды, два бронзовых зеркала, браслеты, серьги, два бронзовых наконечника стрел, серебряная серьга, шесть глиняных пряслиц. Дата: II–I вв. до н. э. – I в. н. э. [ОАК 1895 г., с. 10; Кашпар, 1896, с. 140, 141; Троицкая, 1951, с. 96; Дашевская, 1991, с. 53].

Курган № 3. В насыпи обнаружены три погребения, все – в узких грунтовых ямах. Из описаний можно предположить, что основным было безынвентарное погребение 3, ориентированное головой на север. Затем в насыпь было впущено погребение 2 (размеры ямы 1,95x0,7x0,45 м), с западной ориентацией, одна из рук была полусогнутой, ноги скрещены, без находок; после этого – детское захоронение на материке, в той же позе, головой на запад с лепным горшком и бусиной. Два последних погребения потревожили основную могилу. Исходя из доминирующей северной ориентации в Тавельском кургане № 1 и наличия ее у сарматов Таврии, можно принять I в. н. э. за верхнюю дату погребения 3, поскольку позже курганы уже не сооружались [ОАК 1895 г., с. 13; Кашпар, 1896, с. 141, 142; Троицкая, 1951, с. 92; 1954, с. 244, 245; Дашевская, 1991, с. 53].

Талаево бывш. имение (рис. 1, 15). К северо-западу от курганской группы на землях Пастака Н.И. Веселовский в 1890–1892, 1895 гг. раскопал шесть курганов к юго-западу от с. Грушевое (бывш. Фруктовое, Кара-Кият).

В кургане высотой 3,2 м с богатым захоронением втор. пол. IV в. до н. э., вошедшем в литературу под названием «Талаевский» [Манцевич, 1957, с. 155–173], в 1892 г. обнаружена впускная грунтовая могила с погребением ребенка, ориентированного головой на юг. Инвентарь: большое плоское зеркало с отверстием в центре, поломанное в древности, ожерелье из серебряной лунницы и сердоликовых и гагатовых бус, небольшой глиняный кувшинчик. Дата: I в. н. э. [ОАК 1892 г., с. 6; Троицкая, 1954, с. 223; Дашевская, 1991, с. 53].

Курган 1895 г. Основное погребение – эпохи бронзы. Впускная яма размером 2,13x1,35 м облицована большими необработанными плитами, поставленными на ребро. В ней найдены двое погребенных, ориентированных головой на запад. Инвентарь: черноглиняный (лепной) горшок, 2 бронзовых наконечника стрел, браслет, стеклянные бусы. Дата: II–I вв. до н. э. [ОАК 1895 г., с. 14; Кашпар, 1896, с. 146; Троицкая, 1951, с. 93; Дашевская, 1991, с. 53].

Курган № 2 1890 г. Высота насыпи – 1,5 м. Центральное погребение относится к IV–III вв. до н. э. Впускная гробница находилась на материке. По конструкции она представляла собой яму, стены которой были облицованы, а пол – вымощен плитами. Могила ограблена, в ней найдены большое количество костей и восемь черепов, четыре из них – в западной части. Инвентарь: обломки бронзовых браслетов, разбитое бронзовое зеркало в виде большого диска, гончарная лощеная чашка с валиком по бортику, пастовый бисер. Дата: I в. до н. э. – I в. н. э. [ОАК 1890 г., с. 10; Стевен, 1891, с. 152; Троицкая, 1951, с. 96; Дашевская, 1991, с. 53].

Крыма бывш. имение (рис. 1, 14). В центре возвышенности, на которой Н.И. Веселовский производил раскопки в 1895 г., исследована курганская группа из трех насыпей.

Курган № 2. Высота 3,2 м. Основное погребение – эпохи бронзы. В скифское время в насыпь была впущена каменная гробница квадратной формы (5,7x5,7 м) и произведена подсыпка. Могила ограблена. В засыпи найдены как предметы IV–III вв. до н. э. (бронзовые наконечники стрел, бусы в виде пирамидок, бронзовое спиральное кольцо), так и II–I вв. до н. э. (стеклянные бусы, аналогичные находкам в нижних слоях мавзо-

лея, бронзовый проволочный браслет, железный нож и точильный камень, каменный шарик), а также средневековой эпохи (стремена, удила). Определить, к какому из периодов относятся железные наконечник копья и меч длиною около 70 см, вследствие их утраты, невозможно [ОАК 1895 г., с. 13; Кашпар, 1896, с. 145]. Дата позднескифских погребений: II–I вв. до н. э. – начало I в. н. э. [Троицкая, 1954, с. 245; Дащевская 1991, с. 53].

Курган № 3. Возведен над погребением эпохи бронзы. В насыпь был впущен земляной склеп (могила 1) с пятью погребенными, ориентированными на восток. Между двумя взрослыми, в вытянутой позе, лежали двое детей, пятое погребение – в «сидячем» положении (потревоженное? скорченное?) [ОАК за 1895 г., с. 14; Кашпар, 1896, с. 145, 146; Троицкая, 1951, с. 99; Дащевская, 1991, с. 53]. Инвентарь: бусы, кусок румян, железные и бронзовые пряжки, обломок бронзового кольца. Т.Н. Троицкая по бусам датировала погребения II–I вв. до н. э. [1954, с. 252].

Кермен-Кыр (рис. 1, 18), с. Мирное, Симферопольский р-н. Вблизи городища в 1967 г. Т.Н. Высотская раскопала курган, возведенный над погребением эпохи бронзы. В насыпь впущены пять грунтовых склепов (№ 8-10, 10а, 10б) со ступенчатыми входными ямами, забитыми камнем и плитами, закрывавшими вход в камеру. Склепы имели овальную или почти круглую форму (2,4x1,5; 1,8x1,45; 1,7x2,0; 1,4x1,8 м) и содержали от 4 до 8 погребенных. Ориентация умерших (З–В, С, ЮЗ, ЮВ, СЗ), вероятно, определялась расположением камер по периметру насыпи. Поза погребенных – вытянутая, на спине, но встречены случаи положения рук на таз и скрещенные ноги. Сохранившийся инвентарь при отсутствии полной публикации и полевых материалов разделить по комплексам достаточно трудно (рис. 49–51): склеп 8 – гончарный флаcon, две гончарные миски, пряслице, ножи, наконечники копья, дротика, колчанный крюк, четыре пряжки, фибула, ножные браслеты, бусы; склеп 9 – бронзовая фибула, браслеты ручные и ножной; склеп 10а – два пряслица, нож, железная пряжка, бусы; склеп 10б – браслет с окончаниями в виде змеиных голов. Суммарная дата: II–I в. до н. э. [ср.: Высотская, 1968, с. 113, 114; 1983, с. 12, рис. 4, 4; 1987, с. 42, 43; Дащевская, 1991, с. 24, 53; Зайцев, 1999, рис. 6, 2].

Симферопольский курган (рис. 1, 25). Остатки насыпи находятся в 2 км к югу от городища Неаполь Скифский. Исследовался в 1890 г. А.И. Маркевичем, А.Х. Стевеном и А.О. Кашпаром после самовольных раскопок в 1889 г. Высота насыпи – около 2 м. В центре кургана находился каменный склеп прямоугольной формы (1,9x1,3x1,0 м), ориентированный по линии З–В, сложенный из шести крупных известняковых плит. Снаружи он был укреплен плитами в форме отрезков круга. Сверху гробница перекрывалась круглой каменной плитой диаметром 1,25 м. В 1889 г. при самовольных раскопках из склепа были извлечены более 20 черепов. В 1890 г. найдены еще 6 черепов, а в южной части камеры – нетронутое погребение в «сидячем» положении (скорченное?), ногами к востоку. В засыпи встречены угольки, несколько кусков кремня, точильный камень, комок розовой краски, боковая часть амфоры, три простые стеклянные бусины и три – с позолотой, большая речная раковина, часть фибулы и более 200 железных панцирных пластинок, блюдце из черной глины (лепное), бычья кость [Маркевич, 1890, с. 107–110; Троицкая, 1951, с. 97]. Вероятнее всего, сооружение склепа относится к IV–III вв. до н. э. (архитектура, амфора, панцирь), а в позднескифское время он использовался для много-кратных захоронений. Поскольку находки не сохранились, то датировка I–II вв. н. э. [Троицкая, 1954, с. 244; Дащевская, 1991, с. 52] не исключает вероятности захоронений в I в. до н. э. – I в. н. э..

Неаполь Скифский. Курган 1949 г. (рис. 1, 26). Найдился на юго-восточном склоне, под полотном дороги, ведущей от городища к Алуштинскому шоссе [Бабенчиков, 1957, с. 119, 132, рис. 18]. Исследовался В.П. Бабенчиковым в 1949 г. [1957, с. 118–141], Э.А. Сымоновичем [1983, с. 14], Е.В. Черненко [1968, с. 116, 117], В.С. Забелиной [1956, с. 1–9] в 1956–1957 гг. Курган, по-видимому, состоял из двух насыпей, впо-

следствии оплыvших и превратившихся в одну [Троицкая, с. 246, 247]. Конфигурация кургана – вытянутая с запада на восток, высота насыпи – около 1 м, наибольшая длина – 25 м. В древности курган был обнесен каменной крепидой, частично исследованной в 1956 г. Первоначальное погребение (в разрушенной местными жителями могиле), вероятно, относится к IV в. до н. э. Из него происходят бронзовые поножи, опубликованные Е.В. Черненко [1968, с. 116, рис. 61]. Затем на территории кургана возводят две гробницы (№ 1 и 2) с многочисленными захоронениями и сооружают впускную могилу № 1, тогда же, вероятно, была создана кольцевая крепида. Две впускные могилы под каменными закладами датируются I-II вв. н. э. Во II-III вв. насыпь использовалась для впускных захоронений, количество которых не менее 12.

Контуры могильных ям гробниц № 1 и 2 не были четко прослежены, что позволяет предположить при наличии обряда подзахоронений принадлежность их к грунтовым склепам. На заключительном этапе их использования погребения могли совершаться через провал в своде.

Гробница № 1⁴. Представляла собой грунтовую яму (?) в материке 2x2 м (?), перекрытую каменным завалом диаметром 2 м и толщиной до 0,75 м. В ней были погребены не менее 10 человек. На дне ее лежал скелет в вытянутом положении, ориентированный на запад, в ногах у него – остатки сдвинутых под восточную стенку захоронений. Во втором ярусе зачищено 7 костяков, ориентированных на запад. Инвентарь: золотая умбоновидная бляшка, бронзовые ножные и ручные браслеты, бронзовая фибула среднелатенской схемы, бронзовое кольцо от конской упряжи, бусы. На основании находок погребения можно датировать II-I вв. до н. э. [Бабенчиков, 1957, с. 133, 134, табл. X, 3, 4, 8; XI, 9-13, 39-44; Троицкая, 1954, с. 248, 249; Дашевская, 1991, с. 52].

Гробница № 2⁵. На глубине 1,2 м от поверхности насыпи находилась грунтовая могила размером 2x2 м(?), в которой обнаружены около 30 костяков, расположенных в три яруса: в нижнем – 12, в среднем – 8 и в верхнем – не менее 9. Отмечено несколько парных погребений (мужчина и женщина). В непогревенных захоронениях умершие лежали головой на север (15) и восток (1), один – на левом боку с элементами скорченности. На тазу женского костяка зафиксирован череп грудного ребенка. В погребальном обряде отмечено завертывание умерших в кошму (войлок), помещение в деревянные гробы или ящики. Один раз зафиксирована жертвенная мясная пища. Инвентарь: лепная лощеная орнаментированная курильница в обломках, стеклянный алабастр, обломок железного наконечника копья, бронзовый наконечник стрелы, бронзовое кольцо с перекрестием от конской сбруи, кремневое орудие, серебряные серьги, многочисленные бронзовые браслеты, кольца, перстни, фибулы, бронзовые зеркала, пинцет, большое количество бус, амулеты из египетской пасты, остатки деревянной шкатулки. Дата: II-I в. до н. э. – I в. н. э. [Бабенчиков, 1957, с. 132, 133, табл. IX-XII; Троицкая, 1954, с. 246-248; Дашевская, 1991, с. 52].

Впускная могила № 1. Находилась рядом с гробницей № 2, обнаружена под остатками каменного заклада на глубине 0,15 м. В ней – два погребения в вытянутом положении, головой на запад. Инвентарь: обломки костяной ручки ножа с бронзовой заклепкой, фрагменты лепной лощеной курильницы с крупными каннелюрами, бусы. Дата: II-I вв. до н. э. [Бабенчиков, 1957, с. 133, табл. IX, 3; XII, 5; Троицкая, 1954, с. 221; Дашевская, 1991, с. 52].

По долине р. Салгир к югу, юго-западу и северу от г. Симферополя (Неаполя Скифского) известны еще несколько курганов с захоронениями позднескифского времени.

Тавельские курганы (рис. 1, 29), с. Краснолесье, Симферопольский р-н. В 1897 г. Ю.А. Кулаковский в имении Ю.В. Попова раскопал четыре кургана, два из которых

⁴ Впускное погребение № 3 по нумерации В.П. Бабенчика [1957, с. 133, 134], или «малое коллективное погребение» по Т.Н. Троицкой [1954, с. 248, 249].

⁵ Основное погребение (по В.П. Бабенчикову), «большое коллективное погребение» (по Т.Н. Троицкой).

оказались разграбленными [ОАК 1897 г., с. 36-38, 79, 80, рис. 112–116; Кулаковский, 1897; ИТУАК, 1898, с. 198–206; Posta, 1905, с. 47, abb. 265–267; Дащевская, 1991, с. 52; Труфанов, 2004а, с. 133–138].

Курган № 1. Под насыпью высотой около 1,5 м, состоящей из бута, на материке находилась гробница овальной формы (3,55x6,0 м). Ее стены сложены из поставленных вертикально плит. С юга к камере примыкал дромос длиной 3,35 м и шириной 0,6 м, также облицованный плитами. Вход в склеп закрыт крупным камнем. Перекрытие, судя по остаткам дерева, было бревенчатым. В камере найдены около 100 погребенных, расположавшихся в несколько ярусов. Большинство их ориентировано головой на север, остальные – по направлению стен гробницы.

Курган № 2. Под насыпью аналогичной конструкции находился каменный склеп квадратной формы (4x4 м), сложенный на материке из крупных плит известняка, поставленных вертикально (с наклоном внутрь сооружения). Высота стен – 1,65 м. С юга к склепу вел дромос. Перекрытие также, вероятно, было деревянным. В камере найдено немногим менее 100 костяков, ориентированных по основным сторонам света.

В целом, исходя из сохранившегося и упомянутого в отчетах и публикациях погребального инвентаря (рис. 44; 45), можно реконструировать три этапа функционирования гробниц, при этом неясными остаются как дата их сооружения, так и динамика захоронений. К наиболее ранним находкам (не позже IV в. до н. э.) С. В. Полин отнес бронзовые детали уздечного набора в кургане № 1: налобник, оформленный в виде орлиной головы и бляшки с петелькой с изображением головы совы и человеческой руки [1992, с. 42]. Т. Н. Троицкая и О. Д. Дащевская полагают, что эти предметы были положены умершим в качестве амулетов [Троицкая, 1957, с. 188, 189, рис. 12а, б, в; Дащевская, 1991, с. 40, рис. 74, 3–5]. Такая же трактовка возможна, исходя из аналогий в сарматской обрядности, для бронзового трехлопастного втульчатого наконечника стрелы. Остальной инвентарь в склепах представлен предметами, характерными для II–I вв. до н. э. – начала I в. н. э. (бронзовый орнаментированный колчанный крючок, портупейные и поясные пряжки, серебряная фибула с рельефным изображением всадника на щитке, зеркала диаметром 16 см, многовитковые браслеты, стеклянная пронизь с фигуркой Афродиты-Анадиомены) и конца I – перв. пол. II вв. н. э. (пряслица, фибулы, перстни, кольца с выступами, браслеты с утолщениями на концах, лепная и краснолаковая посуда, амулеты из египетского фаянса, бусы). В кургане № 2 найдены три сильно изношенные монеты-подвески: одна определена как ольвийская III в. до н. э., вторая – как херсонесская I в. н. э. [Мосберг, 1946, с. 114; ср.: ОАК 1897 г., с. 37, 38; Троицкая, 1954, с. 241–245; Дащевская, 1991, с. 52], хотя в рукописном отчете Ю. А. Кулаковского все они – боспорские [1897, с. 4].

Курган № 3. Под насыпью находился небольшой каменный ящик размером 1,0x0,7 м. В нем, судя по размерам, было совершено одиночное скорченное захоронение взрослого или ребенка. Могила ограблена. Найденные в засыпи бусы позволили отнести погребение к позднескифскому времени [Кулаковский, 1897, с. 4; Троицкая, 1954, с. 238; Дащевская, 1991, с. 52].

В 2002–2003 гг. Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева исследовали курган № 5. Насыпь возведена в эпоху бронзы, в полах кургана – впускные погребения как эпохи бронзы, так и средневекового времени (XI–XII вв.). В центре – впускной каменный склеп I в. до н. э. – I в. н. э. Камера прямоугольная в плане (5,5x3,85 м) была заполнена мощным (0,5 м) слоем костей, перемешанных с грунтом и разнообразными находками. По антропологическим данным, в склепе было погребено не менее 57 человек [Радочин, Бассалыго, 2004, с. 144–152]. Однако количество погребенных могло быть и больше, поскольку авторы раскопок отмечают необычный обряд: «Кости погребенных и сопровождающий их инвентарь были извлечены из камеры большого склепа, затем переломаны и раздроблены, а после этого вновь засыпаны в камеру через потолок» [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 174, 175, рис. 1, 1].

Курган у с. Маленькое (рис. 1, 19), Симферопольский р-н. На 17-м км автострады Симферополь–Москва в 1957 г. Л.И. Ивановым был частично исследован разрушенный курган [1957, с. 1–23]. Он входил в группу из 4-х насыпей, расположенных цепочкой на водоразделе на расстоянии 500 м. Самый западный (№ 4) сохранился на высоту 2 м, восточный (№ 1) – 1,2 м, остальные почти полностью распаханы.

Курган № 1. Вокруг насыпи прослежена крепида диаметром 20 м из крупных обломков диорита и известняка. В центре кургана находился каменный ящик (№ 1), заглубленный в материк на 0,5 м. Он имел вид неправильного четырехугольника размером 3,9x1,2–1,7 м, ориентированного длинной осью по линии З–В. Три стенки ящика сооружены из массивных известняковых плит, поставленных на ребро, средние размеры которых 1,2x1,0x0,35 м. Южная стенка сложена из трех плит, поставленных на ребро, восточная – из плитчатого известняка в четыре ряда без связующего раствора (высота кладки – 1,0 м). Перекрытие, вероятно, состояло из трех массивных плит, одна из которых размером 1,9x1,2x0,35 м, с четырьмя чашеобразными углублениями, была сорвана при плантажной вспашке, а остальные, как и плиты северной стены, разбиты или смещены при ограблении гробницы в XVIII в. («турецкая» курительная трубка). Из насыпи кургана происходит обломок ножки «розоглиняной» амфоры (рис. 48, II, 4). В заполнении ящика, преимущественно в западной половине, обнаружены черепа и кости 33 погребенных, залегавшие в два яруса. В верхнем ярусе (погребения № 1–14), под черепом № 2 найдены железные удила с псалиями хорошей сохранности, кольцо диаметром 2,2 см и конский налобник (рис. 47, 1, 2, 6). В этом же горизонте обнаружена бусина из синего стекла с белыми глазками (рис. 46, 4). В нижнем ярусе (погребения № 15–33) встречены стенки амфоры и два пряслица усеченно-конической формы: одно светлоглиняное (из ножки амфоры ?), второе – лепное, орнаментированное по основанию углублениями (рис. 47, 7, 8). При зачистке пола гробницы найдены 4 фрагмента чернолакового (лак плохого качества) тонкостенного сосуда, части бронзового проволочного височного кольца и обломок бронзового трехлопастного наконечника стрелы с утраченным шипом (рис. 47, 3, 5).

Впускная могила (№ 2). Находилась почти вплотную к западной стенке ящика. Грунтовая яма размером 1,7x1,0x1,0 м ориентирована по линии З–В, на уровне древней дневной поверхности она была перекрыта тремя плитами, две из которых просели внутрь заполнения. Плиты засыпаны глинистым материковым грунтом, очевидно, выбросом из могилы (рис. 48, II, 1). На дне ямы – погребение взрослого человека в кошме, в вытянутом положении, головой на запад, кисти рук прижаты к тазу. На шейных позвонках и у черепа найдены фаянсовый бисер (30 шт.) и обрывки ткани, у правого плеча – железный нож, кость бараньей лопатки, одноручный «круглодонный» гончарный кувшинчик (рис. 48, II, 2, 3, 5).

Сооружение каменного ящика, первые погребения в нем, возведение насыпи и крепиды, вероятно, относятся к концу IV–началу III в. до н. э. Во втор. пол. II – I вв. до н. э. ящик использовался для «коллективных» захоронений. Исходя из обряда и инвентаря впускной могилы № 2 и наличию в засыпи над ней стенок «желтоглиняной амфоры» (широкогорлой с двустольными ручками?), ее можно датировать I в. до н. э. – I в. н. э. Погребения позднескифского времени у с. Маленькое, возможно, связаны с известным по разведкам А.А. Щепинского 1953 г. поселением у с. Софиевка [1954, с. 91].

Курган в с. Чистенькое (рис. 1, 86), Симферопольский р-н. В 1994 г. Крымская охранная археологическая экспедиция КФ ИА НАНУ (руководитель – С.Г. Колтухов) раскопала на северной окраине с. Чистенькое курган, находившийся между шоссе и ж.-д. Симферополь – Севастополь. Высота насыпи 3,5 м, диаметр около 40 м. Основное погребение – эпохи бронзы. Одна из впускных могил (№ 2) датируется позднеэллинистическим временем. Погребальное сооружение представляло собой катакомбу (тип I, вариант 2 по В.С. Ольховскому), впущенную в центр насыпи. Входной колодец забит

камнем, лаз в камеру закрывала известняковая плита прямоугольной формы. Под камнями заклада находились останки лошади со сбруей (железные удила с крестовидными псалиями, бронзовые налобник и нащечники). Камера ориентирована по оси СВ–ЮЗ, в ней совершено захоронение воина в деревянном гробу или саркофаге, на спине, головой на ЮЗ. Инвентарь представлен оружием (железный меч с кольцевым (?) навершием, втульчатые и черешковые наконечники стрел, три наконечника копий), гончарной посудой (покрытые красно-бурым лаком миска и бальзамарий), бусами. Комплекс датируется по-разному: III в. до н. э. [Храпунов, 2004, с. 102], вторая половина или вторая–третья четверть II в. до н. э. [Зайцев, 1999, с. 141, 144, рис. 7; 2005, с. 93], конец II в. до н. э. – начало I в. до н. э. [Колтухов, 1997, с. 155; Симоненко, 2001, с. 92–98; ср.: Зайцев, Колтухов, 2005, с. 242–259]. В центре бровки, на глубине 2,2 м обнаружено еще одно захоронение (№ 8), разрушенное грабителями. Из него происходят кости человека и лошади [Колтухов, Тощев, 1998, с. 48, рис. 22, 5; 24, 5].

Известны погребальные комплексы позднеэллинистического и раннеримского времени к востоку от долины р. Салгир – до р. Биюк-Карасу. Этот район насыщен позднескифскими укреплениями и поселениями [Колтухов, 1991, с. 76–89], однако раскопаны лишь единичные погребения.

Капак-Таш. могильник (рис. 1, 72), с. Петрово, Белогорский р-н. В 1979–1980 гг. на плато Капак-Таш В.А. Колотухиным исследован полуразрушенный могильник, состоящий из курганных насыпей и каменных ящиков в оградах и без них [1981, с. 27–38; 1981а, с. 260, 261]⁶. Большинство последних представляло собой таврские ящики VI–V вв. до н. э., перестроенные в позднескифское время в склепы путем удлинения стен и добавления к ним дромоса. Разграбленность могил и впускные средневековые погребения затрудняют этнокультурную интерпретацию памятника. План склепа в кургане № 1 (1980 г.) и часть погребального инвентаря опубликованы Ю.П. Зайцевым [1999, с. 137, рис. 6, I].

Курган № 1. Насыпь овальной формы размером 13x10 м вытянута по линии З–В, высота 0,7–0,85 м, состояла из крупных уплощенных камней, щебня и грунта. В центре кургана находился каменный склеп 4,6x2,2 м (могила № 3), ориентированный по линии З–В и сложенный из плит песчаника и сланца, установленных на ребро: северная и южная стенки состояли из трех плит каждая, западная – из одной. На дне сооружения, в золистом грунте толщиной 0,2–0,25 м найдены мелкие обломки кальцинированных человеческих костей и большое количество предметов со следами пребывания в огне: фрагменты краснолаковой чашки, два амулета из мергеля, два лепных пряслица, оселок, бронзовый орнаментированный колчанный крючок и железный обломанный, 7 бронзовых целых и 15 фрагментов браслетов разных типов, обломки двух деформированных бронзовых фибул среднелатенской схемы и скрученная в кольцо фибула с овально-удлиниенной орнаментированной спинкой, фрагмент пружины железной фибулы, две бронзовые пластины – оконцовки ремня, прорезная фигурная бронзовая накладка на ремень (средневековая ?), бронзовая и железная пряжки, железная и бронзовая накладки полусферической формы, бронзовая цилиндрическая амулетница (?), бронзовые проволочная серьга и пронизь, обломки бронзового зеркала, фрагменты железной втулки копья (?), бусы из сердолика (14 шт.), стекла (15), фаянса (81) и фрагменты крупных оплавленных бус (рис. 52).

Судя по набору и количеству инвентаря, в каменном склепе могли находиться останки не менее 3–4 взрослых и 2–х детских погребений. Дата: рубеж II–I вв. до н. э. – перв. пол. I в. до н. э.

Каменный ящик № 3. Находился в центре насыпи, высотой 0,25–0,35 м, с уплощенной вершиной, окружен оградой (5,0x4,65 м) из поставленных вертикально плит.

⁶ Приношу благодарность В.А. Колотухину за разрешение использовать материалы его раскопок.

Ящик сложен из крупных (2,0 x 1,0 x 0,12 м) плит, впущенных в грунт на 0,5 м, ориентирован по линии ЮЗЗ–СВВ, в древности был перекрыт плитой, остатки которой (1,3 x 0,95 м) обнаружены на уровне современного горизонта. В позднескифское время ящик превратили в склеп: западная стена была разобрана, северная и южная удлинены, появились «дромос» и закладная плита. На дне ящика лежали фрагменты длинных костей человеческих скелетов. Вдоль северной стены обнаружены обломки лепной посуды, 2 раковины каури и обломок бронзовой фибулы. Дата погребений, вероятно, та же, что и для предыдущих: I в. до н. э. [Колотухин, 1981, с. 34, 35, рис. 122; 1981а, с. 261].

В 1989 г. небольшие охранные работы на памятнике (Ю.П. Зайцев) проведены Симферопольской экспедицией. Зачищен разрушенный во время воинских учений каменный ящик в кромлехе рядом с курганом № 1 (1980 г.) с находками V–IV вв. до н. э. (бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, ворврки, спиралевидные подвески, стеклянные бусы пирамидальной формы) и I в. до н. э. – I в. н. э. (стеклянные, гагатовые, сердоликовые бусы, браслеты, монеты-подвески, железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы), а также собраны находки того же времени из разрушенного кургана [Пуздровский, 1989, с. 27].

Летом 2001 г. памятник подвергся тотальному ограблению. Тогда же сбор материалов из грабительских шурфов на кургане № 1 (по нумерации 2002 г.) осуществлен сотрудниками экспедиции ТНУ (руководитель И.Н. Храпунов), которые вели раскопки находящегося в 3 км к ССВ, на противоположном правом берегу р. Зуи, Нейзацкого могильника. В 2002 г. Альминская экспедиция КФ ИА НАНУ исследовала каменный склеп с дромосом под насыпью кургана № 1 на северной оконечности плато, зафиксировала ограбленные объекты, провела инструментальную съемку. Каменный склеп (рис. 53) возведен во втор. пол. IV в. до н. э., о чем свидетельствуют находки в нижнем горизонте камеры: чернолаковая солонка, бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел, бронзовая ворврка (рис. 54, 1, 6–9), обломки херсонесских и фасосских амфор. Ко времени сооружения склепа таврский могильник из каменных ящиков уже не функционировал, наиболее интенсивно склеп использовался в позднескифское время (конец II–I в. до н. э.). С этим горизонтом связаны колчанные и португейные крюки, поясные пряжки, гончарные фланконы, чашки, лепная курильница днестро-дунайского типа, пластинчатые перстни, бронзовые браслеты с завязанными концами, полихромные стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 54, 2–5, 10, 11; 55; 56, 16–23). Бронзовая лучковая фибула с орнаментированной спинкой, набор стеклянных бус из глухого красного и белого стекла цилиндрической и призматической формы, краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (рис. 56, 1, 24, 30, 31, 35), ручка амфоры, расчлененная неглубокими продольными бороздками, позволяют утверждать, что в склепе были захоронения второй половины II – начала III в. н. э. Материалов I–II в. н. э. не обнаружено, видимо, существовал перерыв в использовании камеры под захоронения. Предварительный подсчет антропологических материалов показал, что в камере были похоронены не менее 30 взрослых, подростков и детей.

В средневековое время в северную часть камеры через пролом в перекрытии было совершено подзахоронение кочевника вместе с конем, железными удилами и бубенчиком. К нему же, вероятно, относится бронзовая фигурная обкладка ритона (VI–IX вв. н. э.?).

Следует подчеркнуть, что обследование всех крупных насыпей на могильнике и грабительских шурфов выявило однородную картину: все они содержали обгоревшие докрасна камни, пережженные человеческие кости и инвентарь, побывавший в огне. Только после раскопок кургана 2002 г. стало окончательно понятно, что каменные конструкции в насыпях использовались в 20-е гг. XX в. в качестве известковых обжигательных печей, а содержимое их камер или было выброшено на поверхность, либо обожжено до шлакообразного состояния [Пуздровский, Медведев, 2002]. В связи с этими данными, вероятно, необходимо отказаться от интерпретации данных комплексов как остат-

ков трупосожжений [см.: Колотухин, 1980, с. 38; 1981а, с. 260, 261; Пуздровский, 1992, с. 128, 133, прим. 23; Зайцев, 1999, с. 137].

Барабаново, с. (рис. 1, 22), Белогорский р-н. В 1926 (1927) г. местными жителями при вспашке поля найдены вещи из разрушенного погребения (курган?). Среди находок: несколько проволочных браслетов с завязанными концами, обломки бронзовой бляшки, стеклянная бусина, глиняное пряслище, бронзовый орнаментированный колчанный крючок (рис. 46, II). Вполне вероятно, что эти вещи происходят из расположенного к югу от села могильника Капак-Таш [ср.: Храпунов, Храпунова, Таратухина, 1994, с. 281]. Дата: II–I вв. до н. э. [Троицкая, 1954, с. 260; 1957, с. 185, 186, рис. 10б; Дащевская, 1991, с. 52].

Следующий интересный комплекс памятников находится у истоков р. Сары-Су, где известно несколько городищ и синхронных им подкурганных погребений [Шульц, 1949, с. 65; Баранов, 1968, с. 210–215; Колтухов, 1991, с. 84, 85; 1999, с. 111, 112].

Зеленогорское, с. (рис. 1, 24), Белогорский р-н. В 1969 г. Крымская охранно-археологическая экспедиция раскопала в окрестностях села несколько разрушенных курганов с каменными склепами. В них прослежены многократные захоронения. Инвентарь представлен многочисленными гончарными, лепными и стеклянными сосудами, браслетами, фибулами, железными наконечниками стрел, колокольчиками, предметами сбруи, амулетами, пронизями из египетского фаянса, бусами. Дата: рубеж н. э. – начало II в. н. э. [Щепинский, 1972, с. 36–39].

Новокленово, с. (рис. 1, 110), Белогорский р-н. В 1967 г. Горный отряд [Баранов, 1968, с. 210–215] в 1,5 км к югу от восточной окраины села обследовал городище, прилегающие к нему поселение и разрушенные плантажной вспашкой подкурганные каменные склепы. Сооружение склепов относится еще к эллинистическому времени, что подтверждает подъемный материал. Не исключено, исходя из находок бронзовых браслетов на территории селища, что в склепах у с. Новокленово совершались захоронения и в позднескифское время.

В среднем течении р. Бурульча, на правом склоне, у с. Меловое (ныне часть с. Цветочное) известно позднескифское городище [Колтухов, 1991, с. 82, 83; 1999, с. 44, 45], а к западу от него, в междуречье рр. Зуи и Бурульчи – городище на г. Коныч [Колтухов, 1999, с. 110]. С населением округи последнего, вероятно, связаны захоронения скифо-сарматского времени у с. Цветочное.

Цветочное, с. (рис. 1, 23), Белогорский р-н. В 1988–1989 гг. Крымская охранно-археологическая экспедиция Управления культуры в 0,2 км к ССЗ от окраины села исследовала курган. Основное погребение – эпохи бронзы. В СВ поле первичной насыпи находился грунтовый склеп с длинной многоступенчатой входной ямой и прямоугольной камерой, расположенной на одной оси с ним по линии З–В (тип Х по В.С. Ольховскому). Размеры входной ямы 3,4x0,5–1,4 м, восточная часть ее была забутована обломками известняка. Перед дромосом прослежен ряд камней, на которые опиралась закладная плита размером 1,0x 0,7x0,15 м. Дромос представлял собой крутой спуск в камеру и имел размеры 1,2 x 0,8 м, перепад высот – 0,9 м. В камере размером 2,8x2,0 м находились два яруса захоронений (рис. 65, I). На дне могилы (ярус II) зафиксированы следы нескольких (не менее 4-х) погребений с инвентарем IV–III вв. до н. э.: 9 бронзовых трехлопастных наконечников стрел, 2 бронзовых кольца, пастовая бусина биконической формы (рис. 65, II, 27–38). Этот ярус был ограблен в древности. Поверх него, после предварительной засыпки грунтом, совершено девять захоронений (ярус I), ориентированных головой на восток. Встречены случаи положения кистей рук на таз (п. 1, 8) скрещенные ноги (п. 3, 8), коричневый тлен (п. 9), меловая подсыпка (п. 8). Часть костей смещена при подзахоронениях. Инвентарь (рис. 65, II, 1–26): бронзовая пряжка с личиной на перемычке (п. 7), многовитковые браслеты (п. 8, 9), кольцо (п. 5), лепное пряслище (п. 4), стеклянные и гагатовые бусы (п. 1, 2, 3). Дата: I в. до н. э. [Ачканизи, 1988, с. 9, 10; Пуздровский, Тощев, 2001, с. 149–159].

К северу от г. Белогорска, на правом берегу р. Биюк-Карасу, находится городище у с. Вишенное [Колтухов, 1991, с. 83, 84; 1999, с. 110, 111], к западу и к востоку от него известны позднескифские подкурганные захоронения.

Сары-Кая (рис. 1, 84). Курганская группа из 14 насыпей расположена в 5 км к северо-западу от г. Белогорска по линии З-В. В двух курганах выявлены ограбленные в недавнее время каменные склепы с позднескифскими многократными (не менее 8–10) захоронениями. Сооружение склепов, возможно, относится к IV в. до н. э., а вторичное использование – ко II–I вв. до н. э. – I в. н. э. Из находок упоминаются лепная курильница, пронизи из гагата и стекла, обломки лепных сосудов, синопской амфоры, железных предметов [Зайцев, 1997, с. 116]. Курильница имеет биконическое тулово, целиком покрытое вертикальными врезными линиями [Кропотов, Лесков, 2006, с. 28, 29, рис. 4, 2].

Беш-Оба (рис. 1, 85). Курганные поля расположены на возвышенностях Ак-Кая и Беш-Оба между селами Белая Скала, Вишенное и Васильевка, обследовано Тавро-Скифской экспедицией в конце 40-х гг. XX в. Общие сведения о могильнике имеются в работах Т.Н. Троицкой [1951, с. 87, 88, рис. 2, 3], Б.Н. Мозолевского [1990, с. 122–138], С.Г. Колтухова, В.Л. Мыца [2001, с. 27–44]. В 1996–1997 гг. Крымский филиал ИА НАНУ провел обследование, геодезическую и магнитную съемку курганного поля [Колтухов, Мыц, 1998, с. 99–108], а также раскопки нескольких курганов, в которых обнаружены и позднескифские захоронения [Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 51–57; Колтухов, 2001, с. 65–70].

Курган IV/2. В западную полу насыпи диаметром 24 м и высотой 1,5 м был впущен каменный склеп прямоугольной формы с камерой 2,6x1,5x1,4 м (основное погребение в грунтовой могиле относится к 60–50 гг. IV в. до н. э.). Во II–I вв. до н. э. здесь были погребены 23 человека в 7 ярусах, головами на СЗЗ. Найдены обломками лепных и гончарных сосудов (в том числе чернолаковых), бронзовыми украшениями, бронзовыми и железными наконечниками стрел, бусами.

Курган IV/8. Каменный склеп с дромосом и плитовым перекрытием впущен в материк. Камера ориентирована по оси ССВ–ЮЮЗ, ее размеры 3,6x2,1 м, высота стен – 2,4 м. Могила ограблена, в ней обнаружены костные остатки 8 человек и обломки погребального инвентаря. Первое захоронение было совершено в IV в. до н. э., остальные – во II в. до н. э. [Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 55, 56; Колтухов, 2001, с. 65–70].

Мичуринское, с. (рис. 1, 74), Белогорский р-н. В 2 км к северу от села известно городище Бурундук-Кая [Колтухов, 1991, с. 86; 1999, с. 112], а на территории самого населенного пункта зафиксирован разрушенный каменный склеп с многократными захоронениями⁷. По свидетельствам местных жителей, курганская насыпь высотой до 1 м и диаметром около 20 м возвышалась над левой пойменной террасой р. Кучук-Карасу. При планировке участка были разрушены верхняя часть кладок склепа и около половины заполнения камеры, состоявшей из костных останков не менее 20 человек. Погребальное сооружение представляло собой заглубленную на 0,5 м в материк яму прямоугольной формы размером 3,4x2,4 м, ориентированную по линии З–В, по периметру которой были сложены стены из плитчатых обломков сланца и известняка, сохранившиеся на высоту до 0,5 м (3–4 ряда). Вход в камеру, очевидно, находился с востока, перекрытие не сохранилось. В древности по периметру насыпи могла располагаться крепида, судя по наличию в округе достаточно крупных обломков известняка. Склеп неоднократно грабился, о чем свидетельствует сильная фрагментация костей. Судя по зафиксированному в СЗ углу черепу, часть погребенных была ориентирована головой на запад. Среди находок – мелкие обломки лепной посуды, фрагмент бронзовой серьги, стеклянная бусина. По аналогии с комплексами Беш-Обы и Сары-Кая можно предположить, что склеп был сооружен в IV–III вв. до н. э. и приспособлен для захоронений в позднескифское время.

⁷ Весной 1998 г. автор и А.И. Филатов (зав. отделом методики и учета РК АРК ОКН) по сигналу местной администрации совершили выезд в с. Мичуринское, где на усадьбе Рифата Аблямитова (ул. Садовая, 8) зафиксировали полуразрушенный каменный склеп. К сожалению, исследовать его не удалось.

Для подкурганных памятников Центрального Крыма характерно использование погребальных сооружений предыдущей поры (каменных склепов). Достоверных данных о сооружении каменных конструкций в позднескифское время нет. Основными в насыпи были гробницы: Черкеса/2, Партизанское (Саблы), Маленькая/1, Тавельские/1, 2, 5, Симферопольский 1890 г., Беш-Оба IV/8, Сары-Кая, Мичуринское, Зеленогорское, Новокленово, Капак-Таш/1, Капак-Таш/2002 г. Впускными в насыпь были каменные склепы и ящики: Крыма/2, Пастака 1895 г./1, 1892 г./6, Капак-Таш/3 (1980 г.) и Капак-Таш/1989 г. Пока известен один документированный случай захоронений во впускной грунтовой катакомбе предыдущего времени (Цветочное). Впущенные в насыпь грунтовые склепы (катакомбы) позднескифского времени известны: Крыма/3, Кермен-Кыр, Неаполь 1949 г., Чистенькое (п. 2). Грунтовые ямы с каменными обкладками зафиксированы: Талаевой 1895 г. и 1890 г. /2; ямы с каменными выкладками и перекрытием – Неаполь 1949 г., Маленькая (п. 2); простые грунтовые ямы – Пастака 1895 г./3, Талаевой 1892 г., Чистенькое (п. 8).

Отличительной особенностью подкурганных каменных сооружений являются многократные («коллективные») захоронения и длительное использование погребальных конструкций, о чем свидетельствуют как большое количество костяков в них (от нескольких десятков до 100 и более), так и широкий хронологический диапазон погребального инвентаря. Грунтовые ямы, обложенные плитами, содержали от 2 до 8 погребений, простые ямы – по одному, ямы с каменными выкладками или перекрытием – одиночные или парные захоронения, грунтовые склепы – от 4 до 8. В грунтовых гробницах-склепах (?) кургана 1949 г. Неаполя зафиксированы 10 и 30 костяков, в катакомбе у с. Чистенькое – один погребенный.

Ориентировка умерших в подкурганных сооружениях неустойчивая и часто определялась размерами, направлением стен и положением гробницы в насыпи. Лишь в Тавельском кургане № 1 и гробнице № 2 кургана 1949 г. Неаполя доминировало северное направление. На восток были ориентированы погребенные в грунтовых склепах кургана в имении Крыма/3 и Цветочное, на запад – в грунтовых могилах с каменными конструкциями и без них, на запад и северо-запад – в каменном склепе IV/2 Беш-Обы. Зафиксированы несколько случаев южного направления (Тавель, Талаевой 1892 г.). Наибольшим разнообразием ориентировок умерших отличаются впускные грунтовые склепы кургана у городища Кермен-Кыр (З-В, С, ЮЗ, ЮВ, СЗ), что связано с размещением сооружений по периметру насыпи.

Положение погребенных в подкурганных захоронениях преимущественно вытянутое, на спине, однако есть и отклонения от обычной позы: перекрещенные ноги, одна или обе руки на тазу, скрученное положение (Пастака 3/2, Симферопольский 1890 г., Неаполь 1949 г. /2, Цветочное, Кермен-Кыр).

В погребальном обряде зафиксированы случаи употребления кошмы, деревянных гробов (Маленькая, п. 2, Неаполь 1949 г., Цветочное), реальгара, мела, осколков кремня (Цветочное, Симферопольский 1890 г.), положение со взрослым (на тазу) младенца (Неаполь 1949 г.). Немного данных о напутственной мясной пище (Симферопольский 1890 г., Неаполь 1949 г., Маленькая, п. 2). Один раз зафиксировано ритуальное захоронение коня (Неаполь 1949 г.).

Грунтовые могильники

Грунтовые могильники Центрального Крыма, несмотря на наличие большого количества городищ и неукрепленных поселений, исследованы недостаточно.

Грунтовый некрополь Неаполя Скифского (рис. 1, 26) расположен на склонах двух балок, которые ограничивают городище с запада и востока. На скальных террасах размещались вырубные склепы, ниже – грунтовые склепы и могилы [Зайцев, 2003, с. 11, рис. 1, II].

Западный некрополь. Занимает территорию по обеим склонам обводненной Петровской (Собачьей) балки, впадающей в р. Салгир. Заселение этого района г. Симферополь

поля началось в конце XIX в., тогда же при земляных работах проводились самовольные раскопки грунтовых могил и вырубных склепов, побудившие в 1885–1886 гг. будущих членов ТУАК провести доследование некоторых из них. Продолжались эти работы и в последующие годы [Ящуржинский, 1889, с. 67; Лашков, 1890, с. 38; Шульц, 2004, с. 15, прим. 59–64]. Из находок опубликованы бронзовая пряжка с изображением всадника [Веселовский, 1891, с. 81–83] и железный кинжал с прямым перекрестием и волютообразным навершием [Колтухов, 1983, с. 222–224]. В 1889 г. участок некрополя исследовал Н.И. Веселовский [ОАК за 1889 г., с. 20–27]. Часть предметов из раскопок 1888–1889 гг. представлена в зарисовках, хранящихся в архиве ИИМК РАН, они опубликованы Э.А. Сымоновичем [1983, с. 10–13, рис. 4–6]. Другая часть коллекции находится в ГИМе [Гущина, Журавлев, Фирсов, 2001, с. 232]. Среди вещей, поступивших в музей ТУАК и ныне хранящихся в КРКМ [Храпунов, Храпунова, Таратухина, 1994, с. 278, 279], есть группа находок конца II в. до н. э. – I в. н. э. [Пуздровский, 1987а, с. 147–149], синхронных материалам Восточного некрополя.

Восточный некрополь. Расположен к востоку и юго-востоку от городища, на склонах обводненной в древности балки, впадающей в долину р. Салгир. В эпоху бронзы и раннего железного века здесь находились поселения [Дашевская, 1951, с. 110–119; 1958, с. 193–197; Шульц, 1957, с. 64; Лесков, 1965, с. 123, 125; Махнева, Пуздровский, 1987, с. 199–204; Пуздровский, Уженцев, 1997, с. 27–35; Зайцев, 2003, рис. 1, II]. Во II в. до н. э. – I в. н. э. надпойменная терраса (ул. Беспалова) была занята усадьбами и хозяйственными комплексами, существовали они здесь и во II–III вв. н. э. Более десятка хозяйственных ям позднеэллинистического и раннеримского времени, а также отдельные находки [Сымонович, 1983, с. 10] выявлены на территории, впоследствии занятой некрополем. Раннее ядро могильника находилось в верховьях балки, рядом с «курганом 1949 г.». П.Н. Шульц предполагал, что в древности (II в. до н. э.) здесь было создано водохранилище, по плотине проходила дорога, а затем насыпан курган и стали совершаться захоронения [1957, с. 84, прим. 1; Сымонович, 1983, с. 10, 11; Зайцев, 2003, с. 11, рис. 1, II]. Погребальные сооружения рассматриваемого времени представлены земляными склепами с многократными захоронениями. Восточный некрополь является одним из наиболее исследованных позднескифских могильников (Ф. Дюбуа де Монпепре, Н.Л. Эрнст, В.П. Бабенчиков, О.Д. Дашевская, Э.А. Сымонович, И.Д. Марченко, П.Н. Шульц, О.А. Махнева, М.А. Фронджуло, А.Н. Щеглов, Л.И. Иванов, Е.В. Черненко). Наиболее значительные работы были проведены в 1956–1958 гг.: среди более ста исследованных могил – 50 склепов, из них около 30 содержали погребения II–I вв. до н. э. – I в. н. э. (рис. 26–29, 31) [Сымонович, 1983, с. 101; Зайцев, 2003, с. 20, 27, 32, 33]. В 1978–1988 гг. Симферопольская экспедиция (руководитель О.А. Махнева) ИА АН Украины в процессе охранных раскопок выявила новые участки могильника, исследованы 17 склепов рассматриваемого времени, большая часть которых была ограблена в древности.

Мавзолей. Каменный склеп размером по внешнему обводу 8,65x8,1 м находится к западу от главных городских ворот, в древности он был пристроен с юга к передовой стене (протейхизме) [см.: Зайцев, 2003, с. 57–59]. В 1946 и 1949 гг. исследовался Тавро-Скифской экспедицией ИИМК АН СССР и ГМИИ им А.С. Пушкина [Шульц, 1953; Погребова, 1961, с. 103–213]. Предреставрационные работы вокруг сооружения и внутри него проведены Симферопольской экспедицией в 1979, 1984 и 1988 гг.

В мавзолее обнаружены 72 погребения (рис. 6). В каменном ящике в северо-западном углу находилось мужское захоронение с богатым набором инвентаря (рис. 20, 21). Его подробный анализ и новая интерпретация содержатся в работах Ю.П. Зайцева [1994, с. 94–105; 1997, с. 43–48; 1999, с. 131–136, 145; 2001, с. 13–54; 2003, с. 54–61]. Слева от входа в мавзолей обнаружены остатки деревянного «саркофага» с резными украшениями, объемная реконструкция которого предложена О.И. Домбровским [Шульц, 1953, табл. VIII, IX, цв. вкл. I]. К этому погребению предположительно относили гончарный

алтарь, украшенный розетками и букрациями [Домбровский, 1961, с. 89; Погребова, 1961, с. 113, рис. 8,1; ср.: Зайцев, 1992, с. 96]. Ю.П. Зайцев предложил новую реконструкцию и интерпретацию остатков деревянной конструкции – тронное ложе Скилура [2001, с. 26–31, 51–54]. Остальные погребения находились в 37 прямоугольных ящиках из соснового дерева: 19 из них имели большие размеры и содержали от двух до пяти костяков, в том числе парные захоронения взрослых, взрослого и ребенка; в 18 ящиках меньшего размера найдены одиночные захоронения. Только 6 ящиков ориентированы меридионально, остальные – широтно. Гробовища были сконцентрированы по трем группам: вдоль западной стены (10 – в три яруса), в середине мавзолея (7 – в два яруса) и вдоль восточной стены (20 – в шесть ярусов). В одном ярусе с каменной гробницей находились погребения воинов и членов их семей, датируемые рубежом II–I вв. до н. э. В этом же горизонте найдены остатки конских захоронений и одиночное мужское безынвентарное захоронение в ящике. Остальные погребения, за исключением наиболее поздних, ориентированных меридионально, содержали достаточно богатый инвентарь, подробно проанализированный в ряде работ [Зайцев, 2003, с. 54–61, библ.] (рис. 22–25).

Н.Н. Погребова [1961, с. 178, 179], в отличие от П.Н. Шульца [1953, с. 40–42], значительно сузила хронологический диапазон функционирования усыпальницы: I в. до н. э. – начало I в. н. э., а также предложила свою периодизацию хронологических групп и интерпретацию памятника. С конца 80-х гг. прошлого столетия наметилась тенденция к пересмотру материалов мавзолея [Пуздровский, 1988б, с. 85–87; 1989, с. 31, 32; 1992, с. 127; 1994, с. 399]. Ю.П. Зайцев удrevнил как датировку ярусов (Н.Н. Погребова), так и отдельных погребений, неоднократно менялась в его работах и этносоциальная оценка памятника [1992, с. 93–99; 1994, с. 100; 1997, с. 43–47; 1999, с. 134–136; 2001, с. 13–54; 2003, с. 54–61].

Битакский могильник (рис. 1, 76). Расположен в 0,8 км к северо-востоку от Неаполя Скифского, на противоположном от него правом пологом склоне долины р. Салгир. Он принадлежал, вероятно, небольшому, пока еще не обнаруженному под современной жилой застройкой, поселению [ср.: Зайцев, 2003, с. 11]. Памятник открыт в 1979 г. при строительных работах на ул. Мате Залки⁸: из разрушенных погребальных сооружений исследована нижняя часть прямоугольного в плане склепа I в. до н. э. [Колтухов, Пуздровский, 1983, с. 149–153] (рис. 32). В 1984 г. в 250 м к востоку от этого участка, в обрезе строительного котлована были зачищены еще один позднескифский склеп и три хозяйствственные ямы поселения эпохи поздней бронзы [Махнева, 1984, с. 60–62; Махнева, Пуздровский, 1987, с. 199–204]. В 1989–1991 гг. Симферопольская экспедиция под руководством автора провела на памятнике спасательные исследования на площади 5000 м². Летом 1993 г. была раскопана одна подбойная могила. Всего на территории, где сейчас размещается школа № 41 г. Симферополя, изучены 178 погребальных сооружений конца II в. до н. э. – перв. пол. III в. н. э.: 16 склепов, 154 подбойные могилы (из них 30 с двумя камерами), 3 – простых грунтовых, 2 – могилы с заплечиками и 3 конских захоронения [Пуздровский, 2001, с. 122–140; Пуздровский, Гумашьян, Зайцев, Новиков, 1993, с. 103, рис. 26].

Склепы содержали погребения II–I вв. до н. э. – I в. н. э. и располагались несколькими рядами, опоясывающими склон. Входные ямы – короткие, камеры – подпрямоугольные в плане, небольшие по площади. По конструкции большинство склепов принадлежат катакомбам III–IV типов. Наиболее ранние могилы (II–I вв. до н. э.) – одноярусные, содержали погребения 3–5 человек. В склепах I в. до н. э. – I в. н. э. было около 30 погребений, расположенных в три–четыре яруса. Ориентировка умерших преимущественно на юго-восток, есть случаи отклонений от обычной позы (помещение рук на таз, элементы скорченности), прослежены остатки гробовиц, посыпка дна могил ос-

⁸ Могильник расположен на месте бывшей воинской части (до 1989 г.), которая находилась рядом с развалинами татарской деревни Битак. В настоящее время это название сохранилось за юго-восточным районом г. Симферополя.

колками кремня, углями, жертвенная мясная пища, использование днищ лепных сосудов в качестве светильников. Инвентарь: бронзовые многовитковые браслеты, поясные наборы, одноцветные и полихромные стеклянные бусы, пронизи, железные ножи, фибулы среднелатенской схемы, золотые и бронзовые нашивные бляшки, серьги, подвески, перстни, кольца, бронзовые и железные наконечники стрел, железный наконечник копья, колчанные крючки, бронзовая шпора, железные удила с псалиями-стержнями, лепные курильницы нескольких типов, краснолаковый фигурный сосуд в виде головы Силены (рис. 32–43) [Пуздровский, 2002, с. 162–172; Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 133–154].

Дмитрово, с. (рис. 1, 69), Симферопольский р-н. Могильник расположен на левом берегу глубокой обводненной балки, в 1 км к югу от села. В 1971–1972 гг. исследованы шесть склепов, четыре из них ограблены. Камеры трех склепов овальной в плане формы, два – прямоугольной, один – трапециевидной. Длинные оси камер и входных ям перпендикулярны. Размеры камер трех склепов невелики: в среднем 2х1 м, остальных – 2,4х1,85; 2х1,3; 2,6х1,7 м. Для обряда характерна подсыпка из мелкой гальки. Ориентация непотревоженных погребений: ЮВ (3), СЗ (1). В могилах – от 2 до 6 человек, зафиксированы 2 случая положения кистей рук на таз. Инвентарь: бронзовые браслеты нескольких типов, зеркала, обломок фибулы среднелатенской схемы, бронзовый наконечник пояса, восьмерковидная пряжка с изображением личины на перемычке, флаконы веретенообразной формы, железные ножи и черешковые наконечники стрел, лепные пряслица, бронзовый перстень с овальным щитком, бусы из полихромного и одноцветного стекла, сердолика. Предлагаемая авторами публикации дата – I в. до н. э. [Высотская, Махнева, 1983, с. 66–73] была расширена до II–I вв. до н. э. [Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 135–154].

В 1987 г. охранными работами на участке к северу от раскопа 1971–1972 гг. исследованы три могилы-катаомбы типа I, 1 (по В.С. Ольховскому), оказавшиеся разграбленными. В одной из них найдены остатки 5 костяков [Пуздровский, 1987, с. 2–6]. В 2003 г. могильник подвергся ограблению. Вскрыты 5 камер склепов, зафиксированы 10 грабительских шурфов.

Кольчугино, с. (рис. 1, 85), Симферопольский р-н. Городище-убежище находится в 2 км к ЮВ от села [Колтухов, 1999, с. 108], к югу от него – грунтовый могильник. Памятник обнаружен в 1994 г. сотрудниками Госкомитета АРК по охране памятников истории и культуры по факту ограбления. Тогда же его обследовал Ю.П. Зайцев [1997, с. 116] и зафиксировал шесть разрушенных склепов и одну простую грунтовую могилу. В 1995–1996 гг. экспедиция Симферопольского университета (руководитель И.Н. Храпунов) провела здесь охранные исследования: раскопаны один склеп, шесть подбойных могил и одно конское захоронение. Входные ямы склепов забиты камнем, в камеру вела высокая ступенька. Камеры прямоугольной, трапециевидной и круглой формы, длинные оси камер и входных ям в большинстве случае перпендикулярны. Склепы содержали многократные захоронения (зафиксированы 16) в несколько ярусов, в ориентации преобладают СВ и ЮВ направления. Инвентарь: лепная и гончарная керамика, бронзовые зеркала, фибулы, железные пряжки, бусы и др. [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 76–155]. В обряде отмечено использование деревянных гробов или колод, красной краски, кремней, раковин, положение кистей рук на таз, скрещивание ног в щиколотках. Дата функционирования склепов: I в. до н. э. – I в. н. э. [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 124]. Подбойные могилы – с каменной забивкой входных ям и рядом плит заклада, отделявших камеру. Похоронены от 1 до 3 человек, в обряде – тлен от гробовища, валетообразное расположение костяков, кисти рук на тазу, скрещенные ноги. Ориентация: СЗ(1), ЮВ(1), Ю(8), С(5). Инвентарь: железные ножи, фибулы, пряжки, трехлопастные черешковые наконечники стрел, наконечники копий, обломки меча, лепная и гончарная керамика, бусы, браслеты, серьги, пинцет, подвески в виде топориков. Дата захоронений в подбоях: первая половина I в. н. э. [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 124, 125].

Левадки, с. (рис. 1, 87), Симферопольский р-н. В 2 км к ЮВ от с. Левадки находится городище Змеиное [Колтухов, 1999, с. 107, 108]. К западу и северо-западу от него расположен могильник, обнаруженный в 1997 г. по факту ограбления. Всего в 1997–1998 гг. ограблены около 150 погребальных сооружений, среди которых несколько десятков склепов. Судя по подъемному материалу, часть из них датируется I в. до н. э. – I в. н. э. В 1997 г. на памятнике провела охранные раскопки экспедиция Симферопольского госуниверситета (руководитель И.Н. Храпунов), исследованы 12 погребальных сооружений: 2 склепа и 10 могил.

В 1999–2000 гг. на площади около 1,5 га ограблены еще около 100 могил. В 2000 г. охранные работы здесь были продолжены: раскопаны 4 подбойные могилы, 2 склепа и 2 катакомбы. Всего за три сезона исследованы 32 погребальных сооружения: 4 склепа, 4 катакомбы, 19 подбойных могил, 1 могила редкой конструкции, 4 могилы в простых грунтовых ямах и 20 хозяйственных ям. В одном из склепов прослежены 29 костяков, размещенных в несколько ярусов.

Катакомбы с прямоугольной входной ямой (заполненной камнями), овальной камерой и соединяющим их лазом, отделенным закладными плитами. Длинные оси входной ямы и камеры параллельны. В двух случаях прослежены по две камеры [Храпунов, 2004, рис. 5–7]. Последний вариант близок катакомбам скифского времени: тип VIII, вариант 3 по В.С. Ольховскому [1991, с. 215, табл. II]. В камерах катакомб также зафиксирована многоярусность: 2 и 3, 6 и 8 захоронений. Среди инвентаря: бронзовое дисковидное зеркало с ручкой, курильница, фибулы-броши, трехлопастные железные наконечники стрел. Судя по находкам, катакомбы датируются в пределах конца II – I в. до н. э.

Среди подбойных могил встречены конструкции с двумя камерами, а в одном случае – с тремя. Две простые грунтовые ямы имели плитовое перекрытие. Еще в двух найдены останки лошадей. Погребальный инвентарь позволил определить хронологический диапазон использования могильника: II в. до н. э. – перв. пол. III в. н. э. [Храпунов, Стоянова, Мульд, 2001, с. 105–168; Храпунов, Мульд, 2004, с. 239–269; Мульд, 2002, с. 120–123].

Фонтаны (бывш. Ягмурцы), с. (рис. 1, 88), Симферопольский р-н. В округе сел Залесье и Фонтаны известно несколько укрепленных и неукрепленных позднескифских поселений [Колтухов, 1999, с. 106, 107]. Могильник обнаружен в 2000 г. по факту ограбления. Тогда же экспедицией Таврического национального университета были проведены охранные работы, исследованы 13 погребальных сооружений: 2 катакомбы, 8 подбойных могил, 3 могилы в простых грунтовых ямах и одна хозяйственная яма. Катакомбы представляют собой развитие скифских конструкций, где вход в камеру равен длине входной ямы: тип IV, вариант 1 [Ольховский, 1991, с. 215, табл. II]. Датировка их, вероятно, близка времени функционирования катакомб в Левадках (II в. до н. э.), однако И.Н. Храпунов полагает, что в катакомбе № 5 первые захоронения могли совершать и в III в. до н. э. [2004, с. 100, 101]. В катакомбах прослежено до полутора десятка захоронений с рядовым инвентарем. Остальные конструкции содержали погребения первых вв. н. э., самое позднее из них – перв. пол. III в. н. э. [Мульд, 2002, с. 123, 124; Храпунов, Мульд, 2004, с. 239–269].

Погребальные сооружения грунтовых могильников Центрального Крыма в рассматриваемый период представлены в подавляющем большинстве различными типами катакомб, именуемых в позднескифской археологии склепами. Преобладали катакомбы III–IV типов (по В.С. Ольховскому), однако их количественное соотношение подсчитать трудно, поскольку входные ямы в большинстве случаев разрушены. Все же большинство склепов принадлежало к различным вариантам III типа: с прямоугольной входной ямой и расположенной перпендикулярно ее длиной оси камерой (овальной, трапециевидной, прямоугольной). В I в. до н. э. появляются пока еще малочисленные катакомбы I типа – подбойные могилы (Неаполь, Кольчугино, Дмитрово), VIII типа – с входной

челюсть дикого кабана [Сымонович, 1983, с. 51]. Нередки находки костей животных в склепах Битакского могильника. Жертвенные захоронения собак обнаружены в шести склепах Неаполя, в двух (№ 75 и 96) – по две, а в одном (№ 39) – 4–5. Девять раз отмечены остаты лошадей или отдельные кости: в камере (1), в дромосе (2), рядом со склепами (5), в отдельной могиле (1). Грунтовая могила с костями лошади обнаружена между склепами в Кольчугинском могильнике [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 82, 124, рис. 10, 2].

Особое место среди погребальных памятников занимает мавзолей Неаполя. Конструктивные особенности и размеры сближают его с подкурганными каменными склепами [Шульц, 1953, с. 48–50], прежде всего с гробницами в кургане № 2 Крыма и Тавельском № 2. Объединяет их (мавзолей и Тавельские № 1 и 2) при таких параметрах способ перекрытия – деревом. Отличия – в отсутствии дромоса, который, впрочем, мог заменять «дворик», возможно, оформленный в виде портала. Верхняя часть стен мавзолея, в отличие от каменных склепов, была сложена из сырцовых кирпичей с вмонтированными в них деревянными конструкциями каркаса перекрытия. В погребальном обряде необходимо отметить распределение ориентировок умерших: 45 % – на восток, 45 % – на запад и 10% – на юг и север [Шульц, 1953, с. 21]. Все захоронения – в деревянных конструкциях (гробы, гробовища, ящики, саркофаг), одно – в каменной гробнице, перекрытой плитами. Среди деталей: перекрещивание ног умерших, положение одной из кистей рук на таз, подсыпка кристаллическим гипсом порога входа, куски серы, обрядовое разбивание зеркал, валетообразное расположение в ящиках, помещение детей возле ног погребенных, обшивка одежды и обуви бисером, находки розовой краски, осколков кремня, гальки. Важными составляющими погребального ритуала мавзолея являются захоронения лошадей (4) и собак (3). Отдельные кости животных в качестве жертвенной мясной пищи встречены неоднократно, они принадлежали лошади (9), крупному и мелкому рогатому скоту, свинье, зайцу, птице [Шульц, 1953, с. 42–46; Погребова, 1961, с. 179–183; Пуздровский, 1989, с. 31–32; Зайцев, 2003, с. 54–59].

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ

Позднескифские памятники этого района расположены в предгорьях и горных массивах, отделенных от памятников Центрального Крыма Бурундукским хребтом и восточным водоразделом р. Биюк-Карасу. Эта территория включает в себя бассейны рек Кучук-Карасу, Восточный Булганак, Сала, Мокрый Индол, Сухой Индол, Чуруксу. Городища занимают господствующие высоты: Бор-Кая, Яман-Таш, Сары-Кая, Карасан-Оба, Биюк-Янышар, удобные для контроля за основными сухопутными магистралями. Эта область включает группу поселений и могильников, находящихся на стыке нескольких географических зон: степей, предгорий и горных районов. На ее формирование оказало влияние соседство с Феодосией, входившей в состав Боспора. Данный район еще мало обследован, а имеющиеся материалы не опубликованы. Разведочные работы и небольшие по объему раскопки поселений и могильников осуществлены в 70-х – начале 90-х гг. Е.А. Катюшиным [1993, с. 14–16; 1996, с. 21–31] и С.Г. Колтуховым [1991, с. 86, 87; 1999, с. 112–115]. Большая работа по выявлению и исследованию памятников позднеэллинистического времени в последние два десятилетия ведется А.В. Гавриловым [2004, с. 88–101]. Большинство известных здесь погребальных комплексов – подкурганные.

Кринички, с. (рис. 1, 6), Кировский р-н. В 1957 г. вблизи г. Старый Крым, в 2 км к западу от с. Кринички, А.М. Лесков раскопал разрушенный каменный склеп под курганной насыпью и перекрывавшее его впускное захоронение. Погребальная камера в плане почти квадратной формы, размеры по внутреннему обводу 3,05x2,65–2,8 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, сложена из крупных известняковых плит-блоков и более тонких плит, с усилением отдельных участков кладкой из плоских неотесанных

камней. Сооружение было углублено на 0,5 м в материк. Свод не сохранился, но судя по фрагментам древесины, он, вероятно, представлял собой накатник из бревен. К камере с востока примыкал дромос (прослеженный в длину на 3,5 м), сооруженный на уровне древней дневной поверхности. В его заполнении встречены остатки тризы (обломки амфор, гончарной и лепной посуды, кости животных, золистый грунт). В камере находились потревоженные костные останки не менее 106 человек, обломки тризы (амфоры, посуда), погребальный инвентарь. Из последнего до недавнего времени была опубликована только лепная курильница шаровидной формы с врезным солярным орнаментом [Яковенко, 1971, с. 90, 91, рис. 4, 1, 1а; ср.: Дащевская, с. 28, 52, табл. 46, 9]. Для датировки погребений и тризы важны находки железного колчанного крюка, бронзовых пряжек-сюльгам, лучковой фибулы, некоторых типов стеклянных бус, гончарной столовой посуды, амфор. Авторы публикации датируют формирование комплекса в промежутке между концом II в. до н. э. и началом I в. н. э. После первого ограбления склепа и обрушения перекрытия в его засыпь было впущено захоронение подростка головой на ЗСЗ. Погребальный инвентарь (красноглиняный кубок, бронзовая фибула) отнесен ко II в. н. э. [Кропотов, Лесков, 2006, с. 25–39].

Вероятно, каменный склеп был сооружен в конце IV – начале III в. до н. э., как и другие аналогичные конструкции в Предгорном и Северо-Западном Крыму, что подтверждают исследования еще одного скифского подкурганного сырцово-каменного склепа у с. Кринички с многократными захоронениями IV – начала III в. до н. э. [Гаврилов, Крамаровский, 2000, с. 23–43].

Отважное, с. (рис. 1, 81), Кировский р-н. В 1980 г. Коктебельский отряд Отдела археологии Крыма ИА НАН Украины и Феодосийский краеведческий музей исследовали курганный могильник, находящийся в 300 м к востоку от г. Сары-Кая, у подножия одноименного городища (рис. 9) [Катюшин, 1996, с. 21–31]. Раскопаны шесть насыпей, из которых четыре (№ 2–5) содержали захоронения античного времени. Последний курган был сильно разрушен грабителями, его принадлежность к данной группе определена лишь по остаткам инвентаря. Насыпи курганов невысокие – от 0,15 до 0,55 м, диаметром около 10 м, окружены кромлехом. Погребальные сооружения представлены двумя каменными склепами (№ 2, 3), заглубленными в материк и ориентированными длинной осью по линии З–В. В кургане № 4 находился ящик размером 0,75x0,45 м, сложенный на материке из грубо обработанных плит и ориентированный по линии ЮВ–СЗ. Один склеп (№ 2) имел прямоугольную форму, второй – овальную (№ 3). Размеры: 2,5x1,2x1 м. В камеры вели дромосы, стены их сложены из плитчатого известняка. В такой же иррегулярной технике возведены стены склепа № 3. Камера склепа № 2 сооружена из шести обработанных плит, поставленных на ребро. Входы закрывали плиты, дно камер выстлано небольшими плитками (рис. 9, I). В кургане № 3 сохранилось перекрытие из крупных плит (рис. 9, II). В кургане № 2 обнаружены (после ограбления) останки 14 погребенных, № 3 – 39 умерших, № 4 – часть кости голени взрослого человека. Из костяков в склепе № 3, лежавших в анатомическом порядке, один ориентирован черепом на запад (в дромосе), два (в камере) – на восток. С первым связаны находки бронзовых ножных браслетов с завязанными концами, стеклянная бусина и амулет из клыка кабана. Погребение ребенка сопровождалось бусами, серьгами, лепной чашечкой и прядильцем. С погребением женщины связаны серьги, ожерелье из стеклянных бус, бронзовое зеркало с железной ручкой, разломанное на две части. На дне склепа найдены обломки гончарной посуды позднеэллинистического времени и «мегарской» чашки. Из других ярусов происходят лепные и гончарные сосуды, железные ножи, лепные прядильца, железные пряжки с неподвижным язычком-выступом, бронзовые браслеты, серьги, кольца, зеркало с валиком по бортику, пять бронзовых трехлопастных наконечников стрел, множество бус. Из диагностирующих находок в кургане № 2 – гончарный красноглиняный кувшин с отогнутым венчиком и миска с загнутым краем, трехгранный бронзовый наконечник стрелы, серьги с нанизанными на дужку бубенчиком и бусинами, полихромные стеклянные бусы.

Исходя из архитектуры и находок бронзовых трехлопастных наконечников стрел, можно предположить, что сооружение склепов относится еще к рубежу IV–III вв. до н. э., а их вторичное использование – к концу II в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э. [ср.: Катюшин, 1996, с. 25–28; Колтухов, 2001, с. 64, 65].

Биюк-Янышар (хребет), с. Южное, административная зона г. Феодосии (рис. 1, 118). У юго-западного подножия северо-западной оконечности хребта Биюк-Янышар, на вершине которого находится крепость III–II вв. до н. э., в 2001–2002 гг. был обнаружен могильник⁹. Раскопан один полуразрушенный склеп, представлявший собой каменное сооружение с многослойными кладками, возведенными по периметру котлована. Размер по внешнему обводу 2,5x1,5 м, длинной осью склеп ориентирован по линии запад–восток. Вход, возможно, находился с востока (?), но он не сохранился. Склеп ограблен, в выбросах рядом с ним найдено большое количество человеческих костей, фрагменты гончарной керамики, в том числе «мегарских» чаш, бусы, фрагмент бронзового кольца и спиралевидная подвеска. Автор раскопок А. В. Гаврилов полагает, что склеп мог содержать останки нескольких десятков захоронений и датирует сохранившийся инвентарь II в. до н. э. [2004а, с. 425–429]. Однако спиралевидная подвеска может указывать и на более раннюю дату сооружения склепа – IV–III вв. до н. э.

Льговское, с. (рис. 1, 89), Кировский р-н. В 0,6 км к северу от села экспедиция Феодосийского краеведческого музея в 1976 г. исследовала подкурганный каменный склеп (рис. 8) [Катюшин, 1993, с. 14–16]. Насыпь диаметром 25 м сохранилась на высоту 0,4 м. Склеп прямоугольной формы, размером 2,35x3,25 м был впущен в материк на глубину 1,7 м от уровня погребенной поверхности, ориентирован длинной осью по линии З–В. Стены сложены из плитчатых обломков известняка, на глине. Перекрытие состояло из трех массивных плит. Вход в склеп оформлен в виде ниши размером 1,8 x0,5 м, отделенной от входного колодца хорошо отесанной плитой. Входная яма размером 0,7x 0,7x0,8 м была заполнена камнями и глиной. Пол камеры глиняный, с облицовкой из мелко наколотых камней. В заполнении склепа найдено несколько древесных углей. Зафиксированы остатки пяти костяков, два – в анатомическом порядке, третий – разрушен, два смешены при подзахоронениях. Ориентация умерших – головой на юг, поперек длинной оси камеры, с небольшим отклонением к востоку (2) и западу (1). Прослежены положение кистей рук на таз (2), согнутость или скрещенность ног (3). Под черепом мужского костяка лежала гончарная, обожженная миска, под женским – камень. Инвентарь представлен краснолаковой чашкой, лепным круглодонным кубком, бронзовыми браслетами с завязанными концами и многовитковым, фрагментом бронзового медальона, бусами из стекла и египетского фаянса. Склеп по своей архитектуре близок аналогичным сооружениям Крымской Скифии IV–III вв. до н. э., а положение костяков (поперек камеры) и инвентарь указывают на его вторичное использование в I в. до н. э. – I в. н. э. [ср.: Катюшин, 1993, с. 15, 16; Колтухов, 2001, с. 65].

Незначительное количество исследованных могил в Юго-Восточном Крыму позволяет дать лишь общую характеристику погребальным сооружениям и обряду. Почти все известные комплексы (кроме склепа Биюк-Янышар) представляли собой подкурганные каменные склепы (ящики), заглубленные в материк частично или полностью, характерно наличие кромлехов, каменного обрамления дромосов, закладных плит, вымосток на дне камеры из плитчатого камня или каменной крошки, перекрытий из крупных камней. Эти данные, как и инвентарь, свидетельствуют о вторичном использовании склепов в позднескифское время, следовательно, их конструкция должна рассматриваться в контексте развития этой формы у крымских скифов IV–III вв. до н. э. [Яковенко, 1974, с. 38–61; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 99–104; Ольховский, 1991,

⁹ Обследования проводил Феодосийский периферийный отряд Западно-Боспорской (Восточно-Крымской) экспедиции КФ ИА НАНУ (руководитель А. В. Гаврилов).

с. 136–138, 152; ср.: Катюшин, 1996, с. 26–28; Колтухов, 2001, с. 60]. Типология и хронология каменных склепов и ящиков даны в работах С.Г. Колтухова [2005, с. 259–299; 2005а, с. 235–258].

Погребенные позднескифского времени ориентированы как широтно («Отважное»), так и на юг, с отклонениями (Льговское); количество умерших в склепах – от 5 (Льговское) до 40 («Отважное»), есть отклонения от обычной позы (Льговское).

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

В обширную область Юго-Западного Крыма входит территория горных и предгорных районов между долинами рек Альма и Черная, а также Гераклейский п-ов с ближней хорой Херсонеса (совр. Бахчисарайский р-н и административная зона Севастопольского горсовета). Поселения позднеэллинистического и раннеримского времени здесь немногочисленны. Наиболее ранние из них (с находками II в. до н. э.) тяготеют к морскому побережью: Усть-Альминское, Алма-Тамак [Высотская, 1972, с. 18–24, 64; 1994, с. 10–14], Вилино [Колтухов, Зубар, Миц, 1992, с. 85–95], Вишневое – близ устья Качи [Кутайсов, 1983, с. 148; Зайцев, 1997, с. 114]. Этническая характеристика населения этого периода остается во многом неясной. К рубежу н. э. относятся поселения Алма-Кермен, Заячье, Краснозоринское, Керменчик [Высотская, 1972, с. 24–28, 64; Колтухов, 1999, с. 117, 118, 120]. Много вопросов вызывают датировка и культурная принадлежность памятников в глубинных горных районах, таких как Кыз-Кермен [Белый, 1988, с. 233, 234], Кузу-Кулак-Бурун (округа Мангупа) [Репников, 1940, с. 73]. В целом можно отметить, что до рубежа н. э. горные районы Юго-Западного Крыма не были освоены позднескифским населением [Колтухов, 1999, с. 25, 26].

Погребения этого периода известны преимущественно в долине р. Альмы.

Усть-Альминский могильник (рис. 1, 79). Расположен к северо-востоку и востоку от одноименного городища, в 1 км к ЮЗ от с. Песчаное (Бахчисарайский р-н). Занимаемая площадь – не менее 4 га. Могильник открыт в 1964 г., раскопками 1968–1984 гг., проведенными экспедицией Отдела археологии Крыма ИА АН Украины (Т.Н. Высотская) и Бахчисарайского историко-архитектурного музея (И.И. Лобода, В.Н. Хоменко) на площади более 2000 м², исследованы 229 могил: 19 склепов, 25 подбойных, 129 грунтовых, 10 плитовых, 14 кенотафов, 14 конских могил. В 18 случаях тип могилы не определен [Висоцька, Лобода, 1984, с. 61–68; Высотская, 1994, с. 47–192]. В 1988, 1991–1992 гг. Бахчисарайский историко-культурный заповедник (И.И. Лобода) провел на памятнике охранные работы, связанные с его разграблением, всего раскопаны 83 погребальных сооружений (№ 230–312) различных типов. В 1993–2006 гг. Альминская экспедиция КФ ИА НАНУ (до 1997 г. включительно – с БГИКЗ) под руководством автора исследовала 626 могил и склепов (№ 313–939) на площади около 5000 м².

К рассматриваемому времени относятся несколько десятков погребений, которые были совершены в грунтовых склепах с преимущественно квадратной формой камеры (рис. 5, 6). Входные ямы, вплотную примыкавшие к входу, забиты камнями, отделены от камер плитой и высокой ступенькой. Погребения совершались как в деревянных гробвищах, так и без них. Зафиксированы случаи положения кистей рук умерших на таз, скрещенные ноги. В ориентации господствовали В, ЮВ и СВ направления, прослежено валетообразное расположение костяков. На рубеже н. э. появляются единичные захоронения в простых грунтовых могилах [Высотская, 1994, с. 51–53, 58–62, 137].

Раскопками последних лет открыты несколько сооружений, в нижних ярусах которых были совершены захоронения с инвентарем I в. до н. э. – I в. н. э., из них опубликованы материалы склепа 390 [Зайцев, 1997а, с. 156–166]. Еще около 10 комплексов в грунтовых и подбойных могилах могут быть отнесены ко времени конца I в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э. Исходя из исторической топографии могильника, ранние склепы и могилы находились на восточном, наиболее удаленном от городища участке. Большая часть их разграблена в начале 90-х гг. XX в.

Вилино, с. (рис. 1, 30), Бахчисарайский р-н. В 1985–1986 гг. к югу и юго-западу от села экспедиция Бахчисарайского историко-архитектурного музея (И.И. Лобода, В. Н. Хоменко) раскопала группу курганов эпохи бронзы с впускными захоронениями скифо-сарматского времени, а также два грунтовых склепа вблизи городища Вилино (Рассадное)¹⁰. Грунтовые склепы содержали многократные захоронения с инвентарем конца II–I вв. до н. э. В насыпи одного из курганов обнаружено безынвентарное женское захоронение с младенцем и два погребения под каменными закладами, одно из которых совершено в деревянном гробу, головой на восток, второе – на запад [Лобода, 1988, с. 304].

Заветненский могильник (рис. 1, 38), с. Заветное, Бахчисарайский р-н. Расположен на расстоянии до 700 м к юго-западу от городища Алма-Кермен. Отдельные разрушенные погребения встречены и в 100–150 м к западу от него. Исследовался экспедицией ГИМ в 1954–1981 гг. На вскрытой площади в 4250 м² обнаружены 297 погребений. Преобладающим типом погребальных сооружений были грунтовые ямы – около 50% от всего количества. Наиболее ранние захоронения – перв. пол. I в. н. э. (?), совершены в девяти могилах с заплечиками, перекрытых деревянными плахами. В обряде отмечены случаи помещения умерших в кошму, наличие кремня, охры в курильнице, в засыпке могилы – остатки тризы [Богданова, 1989, с. 17–70].

Курган у Братского кладбища (рис. 1, 37). Северная сторона г. Севастополя. Исследован в 1904–1905 гг. Н.М. Печенкиным. В насыпи, возведенной над погребением эпохи бронзы, обнаружены девять впускных подбойных могил конца I в. до н. э. – I в. н. э. (рис. 79, I). Ориентация умерших – на юг и юго-восток. Инвентарь: краснолаковая и лепная посуда, курильницы сарматских типов, зеркала, ножи, прядильца, украшения и др. В обряде – несколько случаев положения кистей рук на таз, следы дерева, жертвенная мясная пища в краснолаковой посуде, помещение маленьких курильниц внутрь больших [Печенкин, 1904, с. 21–24; 1905, с. 35–37; 1905 а, с. 23–28; Высотская, 1972, с. 71; Гущина, 1974, с. 32–33, рис. II]. Отмечено распространение могил и за пределы насыпи, что сближает этот памятник с исследованным неподалеку могильником у кургана Мамай-Оба [Зубар, Савеля, 1989, с. 74–83]. Ранние комплексы отражают проникновение нового населения, принесшего на рубеже н. э. обряд захоронений в подбойных могилах.

Для погребений Юго-Западного Крыма характерно количественное преобладание захоронений в земляных склепах-катахомбах III типа (Усть-Альминский могильник). Близкие по конструкции катакомбы открыты и в склепах у с. Вилино. В конце I в. до н. э. появляются впускные подбойные могилы в кургане у Братского кладбища и ряд простых и подбойных могил в Усть-Альминском некрополе. Сложнее датировать погребения в грунтовых ямах с каменным перекрытием (Вилино), однако вряд ли они относятся ко времени до рубежа н. э. Вероятно, тогда же появляются наиболее ранние сооружения Заветненского могильника – ямы, перекрытые деревянными плахами.

Как в Северо-Западном и Центральном Крыму, склепы содержали многократные захоронения, хотя их количество в целом несколько больше: от 13 до 30. Склепы представляли собой катакомбы III типа с подквадратной и трапециевидной формой камеры. Единичны катакомбы с овальной формой камеры. Пока не известны ранние катакомбы с камерами, расположенными широтно, как в Беляусе и Левадках (тип VIII, 2 и VIII, 4 по В.С. Ольховскому).

Ориентировка в могилах Юго-Западного Крыма неустойчивая, в склепах часто встречается валетообразное положение костяков или перпендикулярно друг другу: СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ [Высотская, 1972, с. 80–81; Зайцев, 1997а, с. 156–166]. В I в. до н. э.

¹⁰ Этот памятник был открыт Е.В. Веймарном в 1953 г. и интерпретирован как селище [Высотская, 1972, с. 64, рис. 1,6; Дащевская, 1991, с. 49]. В 1990 г. здесь проведены охранные работы [Колтухов, Зубар, Миц, 1992, с. 85–95]. В 1999–2000 гг. территория городища подверглась грабительским раскопкам.

господствует ЮВ, СВ и В направления [Высотская, 1994, с. 61, рис. 25]. Необходимо отметить, что в I в. до н. э. захоронений в гробах и деревянных конструкциях еще немного, их количество возрастает с рубежа н. э., и особенно – около середины I в. н. э. Очень трудно выделить из опубликованных данных о погребальном обряде (I в. до н. э. – III в. н. э.) захоронения рассматриваемого периода [Высотская, 1994, с. 58–73], однако можно, исходя из материалов раскопок 1993–2005 гг. отметить общую тенденцию: случаи употребления кошмы, скрещивания ног умерших и положение кистей рук на таз засвидетельствованы как в подбойных могилах, так и в склепах. Для Усть-Альминского могильника неоднократно отмечены следы тризны над погребальными сооружениями [Высотская, 1994, с. 71; Зайцев, 1997а, с. 156, 166].

На рубеже н. э. появляется новое население, хоронившее своих умерших в грунтовых могилах, ямах с деревянным перекрытием и в подбойных могилах, преимущественно с ориентировкой в южном полукруге (Заветное, Усть-Альма, Братское кладбище), что свидетельствует о принадлежности его к сарматам.

СТЕПНОЙ КРЫМ

Погребальные памятники сарматской эпохи в степных районах полуострова¹¹ представлены преимущественно впускными погребениями в курганы эпохи бронзы. Их малочисленность, а также недостаточная изученность региона в археологическом плане затрудняют реконструкцию этнополитических процессов и локализацию известных по античным источникам племенных групп. Инвентарь этих захоронений либо утерян (дореволюционные раскопки), либо имеет широкие хронологические рамки, поэтому датировка комплексов позднеэллинистическим и раннеримским временем достаточно условна.

Рисовое, с. (Кураевка) Краснoperекопский р-н (рис. 1, 1).

В кургане № 5, исследованном Северо-Крымской экспедицией в 1963 г., в разрушенной (?) впускной могиле над основным (ямным) погребением найден железный меч с кольцевым навершием [Щепинский, 1963, с. 68, рис. 40, 8; Щепинский, Черепанова, 1969, с. 160, рис. 60, 8].

Дата: I в. до н. э. – I в. н. э.

Чотты (совхоз «Победа»), с. Жемчужина, Нижнегорский р-н (рис. 1, 5).

В 1897 г. Ю.А. Кулаковский раскопал в имении С.Н. Рудя три кургана. В курган № 1, сооруженный в эпоху бронзы, в центр насыпи был впущен (?) каменный ящик (?) из поставленных на ребро массивных плит, укрепленных снаружи бутом. После досыпки высота кургана составила 4,30 м. Ширина гробницы, судя по размерам торцевой плиты, – 2,15 м. Ю.А. Кулаковский предполагал, что сооружение было перекрыто деревом. Могила ограблена, в ней найдены несколько обломков костей, 3 костяных наконечника стрел и обломок железного копья. Кроме того, по описи находок в заполнении обнаружены 9 железных наконечников стрел и «медные острия». Ю.А. Кулаковский считал, что это сооружение аналогично тавельским курганам. Дата: предположительно конец II–I вв. до н. э. [ОАК 1897 г., с. 39; ИТУАК, 1901, с. 93; Троицкая, 1951, с. 96, 99].

В кургане № 2 обнаружена подбойная могила («склеп») с закладом из каменных плит. Размеры ее 2,8x1,85x2,15 м. В заполнении найдены несколько железных обломков и бронзовый наконечник стрелы, на дне прослежены углубления от ножек саркофага.

В кургане № 3 выявлены две подбойные могилы, близкие по конструкции предыдущей. Их размеры: 2,4x1,4x1,55 м. Одна из них была ограблена в древности, сохранились только половина лепного горшка и стеклянные бусы. Во второй могиле костяк сильно пострадал от обвала свода. Захоронение было совершено в деревянном гробу, положение умершего не указано. В головах, за пределами гроба, найдены: каменное блюдо,

¹¹ Грунтовые могильники на территории Керченского полуострова в данной работе не рассматриваются.

лепной кувшин и бронзовое зеркало с деревянной ручкой и свинцовой пуговицей на торце. У левой ноги, среди кусков дерева (колчан?) – 6 бронзовых трехгранных наконечников стрел, выше – железный наконечник копья [Кулаковский, 1897, с. 5–8, 12, 13].

Исходя из описания находок, катакомбы (подбои) в курганах № 2 и 3 можно датировать втор. пол. IV в. до н. э., но их конструкция пока не имеет прямых аналогий в Крымской Скифии, хотя в районах, примыкающих к Перекопскому перешейку, Чонгару и Сивашскому заливу, катакомбы других типов известны [Эрнст, 1931, с. 7–9; Скорый, 1982, с. 231–236; Ольховский, 1991, с. 136, 137; Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 13–14; Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 43–45; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 112; Колтухов, Тощев, 1998, с. 171–173; Колотухин, 2000, кат. № 8–11, с. 55].

Чкалово, с. (рис. 1, 2), Нижнегорский р-н.

Курганская группа исследована Северо-Крымской экспедицией в 1977 г.

Курган № 1. Основное погребение – эпохи бронзы. Погребение 1 (впускное). В деревянном гробовище, перекрытом дранкой (сохранившаяся длина – 1,53 м, ширина 0,55 м), лежал мужчина 40–50 лет, вытянуто на спине, головой на СВ. Череп деформирован, правая рука – на тазу. У правого бедра найден железный меч с волютообразным навершием. За пределами гробовища стоял чернолощеный кувшин, орнаментированный рельефным пояском с косыми насечками и рядом вдавленных кружков [Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 7–9, рис. 3; Симоненко, 1993, с. 80]. Аналогии мечу и кувшину [Скрипкин, 1990, с. 125, 126, рис. 22, 16–20; с. 156–164, рис. 13, 9; 15, 4; 16, 2; 45; 46] позволяют отнести погребение к рубежу – перв. пол. I в. н. э.

Погребение 2 (впускное). В деревянном гробовище (1,7 x 0,55 м), перекрытом дранкой, лежала пожилая женщина головой на СВ. Обе руки согнуты в локтях, кисть правой – на тазу, левой – на груди. Инвентарь: красноглиняный гончарный кувшин, орнаментированный тремя полосками краски (две – по тулowi, одна – на горле), лепная мисочка, железная пряжка (?), пряслице, бусы. Гончарный кувшин датирует погребение рубежом – перв. пол. I в. н. э. [Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 5, примечание 3; 7, рис. 4; Симоненко, 1993, с. 81].

Поскольку погребения 1 и 2 находятся рядом (на расстоянии 1 м), одинаково ориентированы, оба – в деревянных гробовищах и имеют близкий по хронологии инвентарь, можно предположить, что они были совершены одновременно.

Курган № 3. Основное погребение – эпохи бронзы.

Погребение 7 (впускное). В прямоугольной яме 2,2x0,8 м было совершено захоронение пожилой женщины, головой на СЗ. В СЗ углу под остатками бревен перекрытия (?) найдены кости животного, железный нож и подложеный гончарный красноглиняный орнаментированный кубок. Найдены у костяка: бронзовое зеркало с пластинкой для крепления деревянной ручки, свинцовое пряслице [Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 21, 22, рис. 15; Симоненко, 1993, с. 68]. Аналогичный нож найден во впускной могиле № 2 кургана у с. Маленькая (рис. 48, II, 2). Конструкция железных ножей с кольцом характерна для комплексов конца I в. до н. э. [Сокольский, 1976, рис. 47, 19, 20].

Дата: рубеж н. э. (?)

Погребение 11 (впускное). Обнаружено в 11,5 м к северу от репера. В яме с подбоем находилось погребение ребенка в вытянутом положении, на спине, головой на З, ноги перекрещены в голенях. У левой кисти лежали крупные кости животного – напутственная мясная пища и железный нож с деревянной ручкой.

Погребение датируется широко скифо-сарматским временем [Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 23; ср.: Симоненко, 1993, с. 68], поскольку в крымских степных курганах известны близкие по конструкции могилы с захоронениями детей и подростков, ориентированными на З и ЮЗ и с инвентарем, который авторы раскопок датируют эллинистическим временем [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 57–62, 113, рис. 28, 9–17; 29, 1–3, 5–12; 30, 24].

Емельяновка, с. (рис. 1, 90), Нижнегорский р-н.

В 1992 г. Северо-Крымская экспедиция в 6 км к северу от села раскопала курган эпохи бронзы высотой 5,8 м и диаметром 60 м.

Погребение 15 (впускное). Находилось в 12 м к востоку от репера, на глубине 3,15 м. Северная половина могилы разрушена бульдозером. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на Ю. Под костяком – тонкий слой зеленоватой глины. В районе шейных позвонков найден бисер из гагата, у левой руки – серолощеный кубок с врезным орнаментом [Колтухов, Тощев, 1998, с. 69, рис. 35, 2, 3, 5]. Такие сосуды известны в памятниках среднесарматской культуры Подонья [Максименко, 1998, с. 104, рис. 43], но форма их связана с Предкавказьем, где они представлены в комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. [Абрамова, 1993, с. 47–49, рис. 13, 23, 25, 26; 52, 9, 13].

Дата: перв. пол. I в. н. э.

Червоное, с. (рис. 1, 4), Нижнегорский р-н.

В 1974 г. Северо-Крымская экспедиция под руководством А.А. Щепинского, в 2 км к северу от села, раскопала курган № 5 («Ногайчинский») диаметром около 77–80 м и высотой 8,2 м. Основное погребение – эпохи бронзы, в кургане обнаружены 38 разновременных погребений.

Погребение 18 (впускное) обнаружено в 7 м к ЮЗ от репера, на отметке – 650. Контуры могильной ямы не прослежены, предположительно она прямоугольной формы, размером 2,0x1,0 м. В ней находились остатки деревянного саркофага размером 1,92x0,85x0,15 м, покрытого краской (рис. 60–64), по углам зафиксированы круглые углубления [Щепинский, 1974, с. 54] от деревянных столбиков [Симоненко, 1993, с. 70], рядом (?) с которыми прослежены четыре деревянных столбика (от балдахина?), обернутые серебряным листом [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 65, рис. 3]¹². На 10–15 см выше костяка залегали многочисленные золотые бляшки, которые, как предполагают, были нашиты на покрывало [Щепинский, 1974, с. 54, 55; Симоненко, 1993, с. 90; ср.: Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 65] или полог (?).

В саркофаге находились останки женщины, ориентированной головой на СЗ. На шее покойной было колье из подвесок, массивная 900-граммовая гривна с изображением грифонов, у черепа – серьги с фигурными украшениями и вставками из стекла и камней. На груди найдена золотая брошь, на руках – браслеты, украшенные фигурными изображениями и жемчугом. Кисти рук покоялись в двух серебряных чашах. На щиколотках ног зачищены золотые браслеты в форме спирали. В головах покойной обнаружены гончарный чернолощеный кувшин с резными вертикальными линиями на корпусе и небольшой краснолаковый бальзамарий (унгвентарий). У локтя правой руки лежал бронзовый предмет в форме «зеркала» диаметром 18 см, с валиком по краю и боковой ручкой-штырем с шаровидной насадкой [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 78, 79, рис. 13, 1, 2]. У правой берцовой кости зафиксированы остатки деревянной шкатулки размером 0,3x0,2 м [Щепинский, 1974, с. 54; Симоненко, 1993, с. 70, 71] или сумки, украшенной бронзовыми бляшками [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 68]. В ней найдены как золотые предметы – туалетные пиксиды и флаконы, фибулы, медальон с агатовой вставкой, два перстня с геммами и кольцо, подвески в виде львиных голов и антропоморфный амулет, две серебряные ложки [Зайцев, Мордвинцева, 2003], так и другие вещи. Рядом с ними лежали алебастровые сосуды и стеклянная чашечка на высоком поддоне. В области грудной клетки собраны бусы из гагата, халцедона и стекла, а также золотые нашивные бляшки [ср.: Щепинский, 1974, с. 54, 55; 1976, с. 525, 526; 1977, с. 75, 76; Симоненко, 1993, с. 70–90; Трейстер, 2000, с. 182–202; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 61–99].

А.В. Симоненко [1993, с. 70–74, 77, 79, 87–91, 127] на основании анализа предметов инвентаря, преимущественно ювелирных украшений, отнес погребение 18 в Ногай-

¹² Деревянные шесты балдахина, обернутые серебряной фольгой, и полог, украшенный золотыми аппликациями, прослежены в сарматском захоронении конца I – начала II в. н. э. в Липецком кургане на Верхнем Дону [Медведев, Сафонов, 2006, с. 80–88].

чинском кургане к памятникам второй половины I – начала II в. н. э. М.Ю. Трейстер в 2000 г. склонялся к дате захоронения в пределах I в. н. э. [2000, с. 182–202]. Датировка, предложенная в полной публикации комплекса в 2003 г. [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 97]: начало – перв. пол. I в. до н. э., вскоре была скорректирована в сторону омоложения до 50-х–40-х гг. до н. э. [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 290–297]. Такие предметы из погребения 18 Ногайчинского кургана, как флякон и стеклянная чаша, датируются не ранее последних двух десятилетий I в. до н. э. [Пуздровский, 2004а, с. 303, прим. 1].

Советский, пгт (рис. 1, 91). Курган № 1.

В 1976 г. Северо-Крымская экспедиция раскопала курган эпохи бронзы, где в 4 м к западу от репера, на глубине 0,70 м обнаружено впускное разрушенное погребение 8. Положение умершего – вытянуто на спине, головой на СЗ. Инвентарь: стеклянная бусина и обломки железного меча с кольцевым навершием и прямым перекрестием [Симоненко, 1993, рис. 9, 5]. Стеклянные пронизи из синего стекла со спиральным орнаментом характерны для эпохи эллинизма, но встречаются и в I в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 44, табл. 28: 3, 4].

Дата: I в. до н. э. – I в. н. э.

Яркое Поле, с. (рис. 1, 92), Кировский р-н.

Курган эпохи бронзы находился у шоссе Кировское – Первомайское. Исследован Восточно-Крымским охранно-археологическим центром в 1995 г. (рис. 48, I)¹³.

Погребение 5 (впускное). Находилось в 3,1 м к СВ от центра кургана. Могильная яма вытянуто-овальной формы (2,0x1,0x0,15 м), ориентирована длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ. Погребена женщина, в вытянутом положении на спине, головой на ССВ, кисти рук прижаты к бедрам, ноги вытянуты, стопы сближены. По обоим сторонам черепа лежали бронзовые проволочные серьги, к северу от него – фрагменты железной иглы или шила, прядлище, кости животного, железный нож. У левой плечевой кости стоял лепной лощеный горшок с орнаментом из врезных линий. В районе грудной клетки найдена костяная пронизь [Гаврилов, 1996, с. 5, 6, рис. 10, 11, 14, 3–7]. Близкие по форме и орнаментации горшки в памятниках Азиатской Сарматии датируются временем до рубежа н. э. [Скрипкин, 1990, рис. 9, 43, 46]. Серьги с петелькой и обмоткой на одном конце и крючком на другом представлены в комплексах I в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э. некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 57, табл. IV, 18, 20; V, 10; VI, 10, 11]; хотя встречаются и во втор. пол. I – перв. пол. II в. н. э. [Высотская, 1994, с. 107], в том числе в сарматских погребениях Таврии [Симоненко, 1993, с. 38, 39, 49, рис. 10, 2 д; 13, 3 в]. Костяная пронизь очень схожа с подвеской из зуба оленя, найденной с такими же серьгами и краснолаковой посудой первой половины I в. н. э. в могиле 30 некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 101, табл. XX, 5, 8, 12]. Дата: рубеж н. э. – перв. пол. I в. н. э.

Малочисленность данных не позволяет делать обобщений о погребальном обряде населения Степного Крыма, однако можно отметить определенные тенденции. Почти все погребения были впускными в курганы эпохи бронзы. Большинство могил устраивали в полах кургана, реже – ближе к центру (Чотты, Рисовое, Яркое Поле, Советский).

Инвентарь погребений в курганах у с. Чотты (с/хоз «Победа») не сохранился, поэтому включение в сводку продиктовано сочетанием в колчанных наборах центральной гробницы кургана № 1, кроме костяных, железных и бронзовых (?) наконечников стрел, что встречается в сарматских комплексах до середины I в. до н. э. [Зуев, 1999а, с. 322, 323; 2004, с. 218].

В целом для крымских степных погребений характерна ориентация в северном полукруге, как и для синхронных памятников сарматов Таврии [Симоненко, 1993, с. 114]. Положение умерших – преимущественно вытянутое на спине. В двух захоронениях (Чкалово) отмечены случаи положения кистей рук на таз, в одном из них – вторая

¹³ Приношу благодарность автору раскопок А.В. Гаврилову за разрешение опубликовать комплекс.

ямой-колодцем (Неаполь 1982/57; Битак/115). Показательно также открытие в могильнике Левадки двух катакомб так называемого «беляусского» типа или VIII, 2 и VIII, 4 (по В.С. Ольховскому).

Главным отличием грунтовых склепов от скифских катакомб предшествующего времени является приспособление их для многократных захоронений. Это выразилось в увеличении размеров камеры и высоты свода. Однако наиболее ранние сооружения представляли собой, как правило, небольшие по площади камеры с одноярусным расположением погребенных и небольшим количеством костяков [ср.: Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 176, 177]. Так, в Неаполе, Битаке, Дмитрово в склепах с инвентарем II–I вв. до н. э. это число составляет от 2 до 8 человек. Погребальные камеры, функционировавшие в I в. до н. э. – I в. н. э. или с рубежа н. э. по начало II в. н. э., содержали значительно большее количество костяков: от 8 до 16 человек (Неаполь, Битак, Кольчугино), а некоторые, с большим хронологическим диапазоном и многоярусными захоронениями, еще больше – 27 и 29 (склепы № 75 и 79 Неаполя), 29 – (склеп № 20 Левадков), 24 и 27 (склепы № 104 и 155 Битака).

Из-за ограбления и смещения останков при подзахоронениях очень трудно провести общий количественный подсчет ориентировки умерших. Обычно непотревоженными оставались наиболее поздние захоронения либо найденные в склепах с относительно узким хронологическим диапазоном функционирования (2–3 погребения). Для Восточного некрополя Неаполя характерна ориентация в южном полукруге (Ю, ЮЗ, ЮВ) – 42 установленных случая. Намного меньше представлено западное направление (17), СВ(9), СЗ(4), С(7), В(14). В целом меридиональная ориентировка преобладает над широтной, что отчасти может быть объяснено топографией могильника (на склонах балки). Часто погребенные были расположены валетообразно: С–Ю, СЗ–ЮВ, СВ–ЮЗ и т. д. Зафиксировано положение костяков перпендикулярно друг другу, причем как в одноярусных, так и в многоярусных камерах.

Битакский могильник демонстрирует преобладание ЮВ (49), СВ (14) и ЮЗ (11) направлений в ориентировке умерших (для установленных случаев), остальные распределились следующим образом: С (2), В (1), Ю (4), З (2), СЗ (5), т.е. большинство погребенных – 64 (75%) были ориентированы в южном полукруге. В склепах Дмитрово преобладало южное (с отклонениями) направление, в склепе 10 Кольчугино – СВ и ЮВ, а в подбойных могилах – меридиональное. Прослежено валетообразное расположение костяков (Битак, Дмитрово, Кольчугино) и помещение последнего погребенного перпендикулярно входу либо головой к нему.

Преобладает вытянутое положение умерших, на спине. При этом велико количество захоронений с отклонениями от обычной позы. Следует еще раз подчеркнуть, что точные подсчеты в склепах затруднены из-за смещения костяков и ограбления, а также большого хронологического периода функционирования некоторых могил. Тем не менее у 87 погребенных с установленной позой Восточного некрополя Неаполя (раскопки 1956–1958 гг.) зафиксированы: положение одной или обеих кистей рук на тазу (38), на груди (1), у головы (2), перекрещенные ноги (9), скрученность на боку (3). В Битакском могильнике – кисти на тазу (4), «атакующая» поза (1), слабая скрученность (1); Дмитрово – руки на тазу (2); Кольчугино – руки согнуты в локтях, кисти на тазу или прижаты к нему (4).

В 19 могилах Восточного некрополя Неаполя отмечены случаи употребления символов огня: реальгара, угля, осколков кремня (отмечены такие детали обряда и в склепах Кольчугино и Битакского могильника). В Дмитрово дно всех камер было подсыпано галькой. В Неаполе два захоронения совершены в колодах, в трех случаях грунтовые ямы, вырытые в полу склепов, были облицованы досками, есть случаи употребления кошмы [Сымонович, 1983, с. 40, 63]. Зафиксированы остатки гробовищ в Кольчугино и Битаке. Жертвенная мясная пища в Неаполе (преимущественно вне сосудов) встречена 20 раз: 6 – крупный рогатый скот, 14 – мелкий рогатый скот. Один раз зафиксирована

лежала на груди. Отмечено использование деревянных гробовищ (Чкалово, Червоное), по одному разу – меловая подсыпка и коричневый тлен. В Ярком Поле покойник был, вероятно, завернут в ткань, о чем свидетельствуют прижатые к бедрам кисти рук и сближенные стопы ног. Погребальный обряд и инвентарь обычен для сарматских захоронений Северного Причерноморья. Необходимо отметить находки клинового оружия, среди которых – редкий для Северного Причерноморья тип меча с волютообразным навершием. Аналогии ему известны в памятниках Азиатской Сарматии, Средней Азии и Северного Кавказа. Немногочисленная лепная посуда отражает связи с Подоньем и Предкавказьем.

Полевые исследования последних десятилетий показали, что сарматы кочевали преимущественно по степному коридору Перекоп – Присиашье – Керченский пролив. Именно в этих районах наиболее вероятно нахождение их памятников и в дальнейшем.

2. ГЕНЕЗИС ФОРМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ И ОБРЯДА

Погребальные сооружения

Погребальные сооружения Крымской Скифии в рассматриваемое время были представлены различными типами: каменными ящиками и склепами, грунтовыми склепами-катарами, подбойными могилами, грунтовыми ямами различных конструкций. Многие из них были известны в предыдущую эпоху, часть появилась в результате притока нового населения, поэтому необходимо выяснить их происхождение и сравнить не только с памятниками скифской поры, но и сарматской эпохи.

Грунтовые склепы.

К этой группе погребальных сооружений относятся склепы-катарамы как подкурганных памятников, так и грунтовых могильников. Все склепы, как правило, имели прямоугольную входную яму, размеры которой зависели от величины камеры. Дно входных ям в большинстве случаев было горизонтальным, однако имелись и с наклонным спуском к погребальной камере – пандусные и ступенчатые. Заполнение входных ям – мелкий и средний бут вперемешку с грунтом. Перед совершением очередного захоронения часть заполнения перед закладной плитой выбиралась. Уровень входной ямы находился преимущественно на 0,5–1,0 м (ступенька) выше пола камеры. Чаще всего склепы были бездромосные, однако отмечено сооружение коротких, слабо выраженных дромосов. Входное отверстие закрывалось массивными плитами или крупными обломками, имевшими размеры и очертания входных отверстий. Встречены склепы с двумя входами (Неаполь), известны могилы с одной входной ямой и двумя камерами: Неаполь, Беляус (рис. 5, 5), Левадки. Сами камеры различной в плане формы – круглые, овальные, под-прямоугольные, трапециевидные. Соотношением длинных осей входной ямы и камеры определяется отнесение той или иной конструкции к определенному типу (рис. 4) [Ольховский, 1991, с. 26]. Позднескифские склепы Крыма представляют собой различные варианты катакомб III–IV типов (рис. 5, 1, 3, 4, 6). Известно несколько продольно-осевых катакомб II типа (рис. 5, 2), а также могил с округлой в плане входной ямой-колодцем (тип VIII). Своды склепов, там, где это удалось проследить, – купольные, либо сомкнутые [Каменецкий, 1983, с. 234, 235, рис. 6, 2, 7]. В продольно-осевых катакомбах (II тип) свод преимущественно – усеченно-цилиндрический [Каменецкий, 1983, рис. 6, 11]. В некоторых склепах Неаполя вдоль одной из стен находилась «лежанка» – возвышение подпрямоугольной формы, на которой, вероятно, совершались первые захоронения.

В IV–III вв. до н. э. катакомбы I–III типов становятся доминирующими в курганах степного Причерноморья, при этом катакомбы I и II типа (и производные от них) появились значительно раньше III типа и принадлежали господствующей этнической группе [Ольховский, 1991, с. 35–37]. По мнению Р.Б. Исмагилова, распространение катакомб в

европейских степях в V–IV вв. до н. э. связано с появлением восточных мигрантов или первой «сарматской» волны [1993, с. 63, 64]. Катаkomбы III типа – одна из особенностей Приднестровской группы скифских памятников, для которой также характерно наличие грунтовых могил и погребений с северной (20 %) и восточной (50%) ориентировкой умерших [Ольховский, 1991, с. 102, 169, табл. 15]. Известны катаkomбы III типа с меридиональной ориентацией погребальной камеры и в Придунайской группе [Андрux, 1995, с. 35]. Меридиональная ориентация возрастает повсеместно в скифских подкурганных захоронениях в IV в. до н. э. и, как правило, также связана с катаkomбами III и V типов [Ольховский, 1991, с. 103, 105, табл. 17, рис. 13]. В свое время А.И. Мелюкова сделала вывод о переселении части приднепровских скифов на Днестр, основываясь на распространении катаkomб III типа и северной ориентации умерших. Сегодня можно сказать, что появление катаkomб III и V типов в Северо-Западном Причерноморье произошло во втор. пол. IV в. до н. э., но не позже рубежа IV–III вв. до н. э. [Редина, 1989, с. 133–134; Полин, 1992, с. 47; Андрux, 1995, с. 48–50]. В конце III – начале II вв. до н. э., судя по новым исследованиям курганов в Нижнем Поднестровье, такая конструкция вновь получает распространение [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 251–255; Яровой, Четвериков, 2000, с. 3–28] и существует во II–I вв. до н. э. Лепной керамический комплекс и данные антропологии позволяют говорить о скифо-фракийском смешении населения Приднестровской группы [Великанова, 1975, с. 52–69; Ольховский, 1991, с. 115, 169].

Таким образом, появление катаkomб III типа происходит, вероятнее всего, в последней четверти IV в. до н. э., практически одновременно в Поднепровье и в Северо-Западном Причерноморье, что заставляет искать прототипы на других – восточных территориях [ср.: Симоненко, 2005, с. 255–260].

Катаkomб III–IV типов, синхронных крымским, в раннесарматской культуре известно немного [Смирнов, 1972, с. 71, рис. 1; Мошкова, 1963, с. 21; 1989, с. 172]. Лишь в грунтовых могильниках Западного Предкавказья (Чегем, Нижне-Джулатский, Подкумский) такие сооружения встречены в большом количестве [Абрамова, 1989, с. 72; 1993, с. 22–23, рис. 7, 15–18]. Из территориально близких памятников такие катаkomбы обнаружены в некрополе Золотое в Восточном Крыму [Корпусова, 1983, с. 19–20], а также – на Нижнем Днепре. В Золотом и Подкумском могильниках исследованы конструкции с одной входной ямой и двумя камерами [Корпусова, 1983, табл. XXIV, 1, 2; Абрамова, 1987, с. 112].

Определенное сходство планировок камер (подквадратные) и обрядов в ранних склепах Усть-Альминского могильника обнаруживают с катаkomбами и дромосными могилами IV в. до н. э. Приуралья, Среднего и Нижнего Дона [Смирнов, 1984, с. 40–54; 1989, с. 171; Высотская, 1994, с. 53]. К.Ф. Смирнов полагал, что катаkomбы I и II типов могли развиться из дромосных могил [1978, с. 64], что не у всех исследователей нашло поддержку [Железчиков, 1992, с. 92, 93]. Кроме того, между савроматскими и позднескифскими могилами существует значительный хронологический разрыв. Близки альминским и некоторые склепы ольвийского некрополя IV–III вв. до н. э. с квадратными, трапециевидными и прямоугольными камерами, расположенными перпендикулярно длинной оси входной ямы [Парович-Пешикан, 1974, с. 28–34, рис. 14–18, 20, 21, 31–33, 36, 37, 40, 43].

Продольно-осевые катаkomбы (II тип) известны в степном Причерноморье еще в среднескифскую пору и характерны для поднепровской локальной группы, хотя встречаются также в Поднестровье и Подунавье [Мелюкова, 1962, с. 140; Ольховский, 1991, с. 105, табл. 17; Андрux, 1995, с. 34, 35]. В Крыму известны такие сооружения в Присивашье [Скорый, 1982, с. 231–236; Колотухин 2000, кат. № 8–11; Гаврилов, 1993, с. 201–205], в предгорьях [Пуздровский, Тощев, 2001, с. 149–159], на Керченском полуострове [Колотухов, 2005, с. 262–266]. Конструкции, сочетающие черты скифских катаkomб и греческих склепов открыты в некрополе Керкинитиды [Кутайсов, 2004, с. 95, 96, рис. 95].

Из памятников, территориально близких и синхронных позднескифским крымским, можно назвать склеп 43 некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 20, 102, табл. XXIII, I]. В раннесарматских могильниках Поволжья и Приуралья эти сооружения существуют с другими видами катакомб, преимущественно подбойными могилами, составляя, как полагал К.Ф. Смирнов, особую разновидность камерных могил [Смирнов, 1972, с. 77; 1989, с. 172]. Показательно, что рассматриваемый тип катакомб зафиксирован и в двух курганах южной группы у с. Прохоровка с богатым и разнообразным инвентарем рубежа II–I вв. до н. э., а также в ряде аналогичных им по характеру памятниках Поволжья и Приуралья [Зуев, 1999, с. 14, 16, 17].

В Прикубанье, на территории Краснодарского и Ставропольского краев в последние десятилетия открыты несколько десятков подкурганных продольно-осевых катакомб [Кореняко, 1980, с. 96–101; Игнатов, 1986, с. 65–68; Мирошина, 1986, с. 69–73; Гей, 1986, с. 73–76; Абрамова, 1993, с. 34; Берлизов, 1996, с. 112]. Исследователи связывают «подбойно-катакомбный» обряд погребения [Марченко И.И., 1996, с. 95, 112] с притоком нового кочевого населения (прохоровской культуры). Известны такие катакомбы и в грунтовых могильниках II–I вв. до н. э. Центрального Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 22, рис. 7, 7–9].

В южных областях Средней Азии исследовано достаточно много курганных могильников последних веков до н. э. – первых веков н. э. с катакомбами II типа (среди других типов могил) и южной ориентировкой умерших. А.М. Мандельштам склонен связывать их появление с переселением сюда части дахов – кочевников, обитавших к востоку от Каспия и на Сырдарье. В центральных и восточных районах Средней Азии такие катакомбы, хотя и сравнительно редки, часто встречаются вместе с подбойными захоронениями, ориентированными также на юг [Мандельштам, 1984, с. 173–177]. Очагом экспансии сарматских племен, вектор которой был направлен не только на запад, но и на восток, и на юг, были Западный Казахстан и Приуралье [Скрипкин, 1984, с. 92–114; 1988, с. 118–120; 1990, с. 193; Мошкова, 1997, с. 76], в сложении «прохоровской» культуры активное участие принимали племена Приаралья и Центрального Казахстана [Мошкова, 1988, с. 98–100; ср.: Зуев, 1999, с. 16–19], а на заключительном этапе – Центральной Азии [Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 36–38].

Катакомбы указанного типа с инвентарем IV в. до н. э. известны в могильнике на Беглицкой косе близ Таганрога, которые К.Ф. Смирнов связывал с савромато-сарматами [1984, с. 55–56], что вполне вероятно, так как для скифской нижнедонской группы, к которой территориально тяготеет этот памятник, характерно преобладание не катакомб, а ям [Ольховский, 1991, с. 96, табл. 12]. Н.Е. Берлизов, напротив, именно Беглицкий некрополь считает древнейшим «позднескифским», при этом эволюция погребальных сооружений, по его мнению, происходила от «чулка» к Т- и Н-образным катакомбам [1996, с. 113], т.е. от II типа к I и IV (по К.Ф. Смирнову).

Земляные склепы Ольвийского некрополя IV–III вв. до н. э. во многом схожи с катакомбами рассматриваемого типа, отличаясь от них лишь длинной входной ямой, часто многоступенчатой, хотя для наиболее ранних могил характерен простой наклонный спуск в камеру. Во II–I вв. до н. э. количество земляных склепов в ольвийском некрополе увеличивается до 50 %, сохраняется традиция квадратных и трапециевидных камер. Влияние скифских и сарматских племен на формирование типа ольвийских земляных склепов, очевидно, было минимальным [Парович-Пешкан, 1974, с. 19–38, рис. 14–30].

Особо следует остановиться на подкурганной катакомбе из с. Чистенькое [Зайцев, 1999, с. 144; Зайцев, Колтухов, 1997, с. 49–59; 2005, с. 242–259]. Такая конструкция (I тип, 2 вариант по В.С. Ольховскому, IV тип по К.Ф. Смирнову), вероятно, достаточно широко применялась во II–I вв. до н. э. в грунтовом могильнике Неаполя Скифского, однако, отнесение того или иного склепа к определенному типу затруднительно из-за разрушения или плохой фиксации входных ям. У сарматов прохоровской культуры такие могилы не известны, слабо представлены они в среднескифское время [Ольховский, 1991,

с. 27, табл. IX, 6; X, 1,2], однако, распространены на Северном Кавказе, где, как полагал К.Ф. Смирнов, сформировались под влиянием сарматских подбоев [1972, с. 78].

М.П. Абрамова считает, что склепы-катаомбы грунтовых могильников, известные в III–I вв. до н. э. в Прикубанье, на Тамани и в Крыму, некрополях боспорских городов, являются характерной особенностью погребального обряда населения, жившего на этой обширной территории и испытавшего определенное воздействие греческой культуры, начиная с IV–III вв. до н. э. [1982, с. 9–19; 1989, с. 276]. По ее мнению, исходной территорией распространения катакомб II типа на Северном Кавказе является Таманский полуостров, а наиболее характерны они для сираков и населения, оставившего грунтовые могильники Центрального Предкавказья [1993, с. 97–100]. Эта территория (западная зона), как полагает М.П. Абрамова, была освоена в начале III в. до н. э. выходцами из савроматского племенного союза, смешавшихся с остатками кочевого скифского и местного оседлого населения. Во II в. до н. э. состав жителей также был смешанным – в него могли входить как савроматы и сираки, так и потомки скифов, ассирированных местными племенами [1993, с. 102–103].

Близка взглядам М.П. Абрамовой в вопросе о ранних катакомбах Центрального Предкавказья позиция Т.А. Габуева. По его мнению, вопрос об исходной территории распространения впускных катакомб II типа не решен, однако в любом случае их появление связано с приходом новой группы ираноязычных кочевников, будь то сираки Прикубанья или сарматы Поволжья-Приуралья. Поскольку в грунтовых могильниках про-дольно-осевой тип катакомб не был господствующим, а для сарматского времени известны 26 разновидностей этого вида могил, он делает вывод, что именно здесь наблюдается процесс выработки оптимальной конструкции. В грунтовых катакомбах изначально присутствуют многие черты погребального обряда, не свойственные сарматам, а характерные для местного кавказского населения. Идея сооружения катакомбы у сарматов могла лечь на благодатную почву идеологических представлений северокавказского иранизированного населения. Таким образом, теория «импульса» выступает как дополнение к концепции о сложении катакомбного обряда погребения непосредственно в Центральном Предкавказье. Т.А. Габуев видит в сакральной сфере причину появления катакомбных погребений у ираноязычных народов в скифо-сарматское время на огромной территории от Средней Азии до Северного Причерноморья, полагая, что не обязательно искать один источник зарождения катакомбного обряда и связывать его распространение только с большими перемещениями народов [Габуев, 1997, с. 73–76; ср.: Мошкова, 1983, с. 18–34].

Я.Б. Березин и В.Б. Виноградов считают, что появление грунтовых могильников в Центральном Предкавказье – следствие массовой седентаризации сарматских племен в тех местах, где уже было смешанное население. Катаомба – подземная камера с коридором, в условиях распространения расширенной семьи была приспособлена для много-кратного использования [1988, с. 34–36].

Земляные склепы-катаомбы разных типов во II–I вв. до н. э. были ведущей формой могил в курганных могильниках Поднестровья [Мелюкова, 1962, с. 122–1451], с конца I в. до н. э. – в позднескифских грунтовых некрополях Нижнего Днепра [Гей, 1987, с. 53–67], известны они в Буго-Днепровском регионе [Полин, 1992, с. 36–41, 46–49], поэтому ареал могил данного типа, охватывающий почти все области Северного Причерноморья, слишком велик, чтобы отражать особенности погребального обряда лишь одного этноса.

В Степном Крыму в IV в. – начале III в. до н. э. катакомб немного, и чаще они встречаются в районах, примыкающих к Перекопскому перешейку, Чонгару и Сивашскому заливу [Эрнст, 1931, с. 7–9; Скорый, 1982, с. 231–236; Ольховский, 1991, с. 136, 137; Нечитайло, Бунягин, 1984, с. 13–14; Бессонова, Черных, –Куприй, 1984, с. 43–45; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 112; Гаврилов, 1993, с. 201–205; Колтухов, Тощев, 1998, с. 171–173; Колтухин, 2000, кат. № 8–11, с. 55]. Открыты такие сооружения в предгорьях и на Керченском полуострове [Колтухов, 2005, с. 262–271]. Однако раннесарматские погребения в катакомбах в степях Таврии пока не известны [Симоненко, 1993, с. 21–23].

Таким образом, вывод о происхождении крымских грунтовых склепов от нижнеднепровских подкурганных катакомб IV–III вв. до н. э. [Высотская, 1989, с. 12; 1994, с. 53; Храпунов, 2004, с. 98–106] нуждается в пересмотре, поскольку, наряду с отличиями в конструкции и обряде, существует и хронологический разрыв – наиболее ранние позднескифские катакомбы (Беляус, Левадки, Чистенькая) появляются около середины II в. до н. э. В связи с этим особый интерес представляют могилы в некрополе Беляуса и грунтовый склеп близ Кульчукского городища, которые по инвентарю датируются концом IV– началом III в. до н. э. [Полин, 1992, с. 43, 44] и, вероятнее всего, принадлежат к катакомбам скифского или савроматского типа. Кульчукский склеп, как предполагает А.С. Голенцов, содержал захоронение скифов, входивших в состав жителей городища [1988, с. 27; 1991, с. 35]. Но между этими могилами и склепами-катакомбами последующего времени также существует значительный хронологический разрыв.

Рассмотренные выше аналогии на сопредельных территориях позволяют предположить, что в Крыму грунтовый склеп как тип погребального сооружения поздних скифов сформировался в результате миграции населения из двух областей: 1) Приднестровья и Побужья (скифо-фракийцы, миксэллины); 2) Северного Кавказа и Прикубанья (сираки, сирако-меоты).

Подбойные могилы.

Этот вид камерных могил рассматривают в качестве одного из видов катакомб [Граков, 1962, с. 83–85, рис. 2, 1, 8; Смирнов, 1972, с. 73, рис. 1; Ольховский, 1977, с. 115, рис. 2]. В раннем железном веке они известны в степях Северного Причерноморья еще с черногоровского времени [Тереножкин, 1976, с. 93; Черняков, 1977, с. 31–33, рис. 2, 7; Лесков, 1981, с. 90; Гошко, Отрошенко, 1986, с. 168–183]. Древнейшие скифские катакомбы-подбои датируются VI в. до н. э. [Мурзин, 1982, с. 51–52], а в IV–III вв. до н. э. они доминируют среди других типов катакомбных сооружений [Ольховский, 1977, с. 115]. Известны подбои и в скифских грунтовых могильниках Николаевки и Фронтового [Мелюкова, 1975, с. 124–130; Корпусова, 1967, с. 38–40]. В Крыму подбойные могилы IV– начала III в. до н. э. исследованы только в курганах № 2 и 3 у с. Чотты [Кулаковский, 1897, с. 7, 8].

В Южном Приуралье подбойные могилы составляют одну из особенностей прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 20; 1974, с. 43], а их появление относится еще к савроматскому времени [Смирнов, 1975, с. 157]. Возможно, этот тип погребальных сооружений проник сюда вместе с носителями кочевых культур Казахстана, где подбои известны в могилах VII–VI вв. до н. э. [Мошкова, 1974, с. 40–42; Смирнов, 1975, с. 157, 158]. В связи с расселением прохоровских племен на запад, подбойные могилы засвидетельствованы в Нижнем Поволжье, низовьях левобережного Дона, в Прикубанье [Мошкова, 1974, с. 43; 1989, с. 172; Скрипкин, 1990, с. 179–183, табл. 16; Марченко И.И., 1996, с. 95, 112]. Как отмечал К.Ф. Смирнов, в сарматском мире эти камерные могилы преобладают, хотя и существуют с другими типами погребальных сооружений [1972, с. 74].

Вопрос о генезисе скифских и сарматских подбойных могил спорен [Мурзин, 1984, с. 63; Ольховский, 1977, с. 127, 128; Мошкова, 1974, с. 42, 43; Смирнов, 1975, с. 157], а проблема «подбойно-катакомбных» погребений Средней Азии осложнена отсутствием четких датировок памятников и слабой разработанностью хронологии массового материала [Вайнберг, Горбунова, Мошкова, 1992, с. 28–30]. О.В. Обельченко [1974, с. 202–208] и А. М. Мандельштам [1966, с. 162; 1975, с. 148] связывали раннюю группу подбойных могил с племенами, захватившими Греко-Бактрию [ср.: Сорокин, 1956, с. 115–117; Литвинский, 1972, с. 60–73, 125–132; 1995, с. 277, 310]. Близка их взглядам позиция Ю.А. Заднепровского, подкрепленная результатами последних исследований в провинциях Синьцзян и Ганьсу – предполагаемой прародине юечжей [Заднепровский, 1975, с. 295–296; 1994, с. 114–116; 1997, с. 40–41, 75–77].

Очевидно, такая конструкция могилы была присуща определенной части индо-иранского населения в разное время и на разных территориях, возможно, под влиянием сходных идеологических представлений о загробном мире [Смирнов, 1972, с. 75, 76; Литвинский, 1972а, с. 66–69].

Рассматриваемый тип погребальных сооружений широко известен в некрополе Ольвии эллинистического времени, а появление его относится еще к V в. до н. э. [Парович-Пешикан, 1974, с. 14–19, рис. 7–12; Козуб, 1974, с. 12]. М. Парович-Пешикан предполагает, что на конструкции ольвийских подбойных могил сказалось влияние скифов и других групп местного населения, появление же таких сооружений в некрополе Пантикалее в III в. до н. э. она связывает с сарматами Прикубанья [1974, с. 18]. Известны в эллинистическое время подобные могилы и в некрополях других античных центров, связанных с ольвийским полисом [Щеглов, Рогов, 1985, с. 86–88]. В.С. Ольховский видит ряд отличий ольвийских подбоев от скифских могил, близки им лишь конструкции грунтовых могильников Николаевки и Фронтового [1977, с. 115].

Для позднескифских могильников II–I вв. до н. э. подбойные захоронения нетипичны, исключение составляет лишь Беляусский некрополь, где почти все такие могилы – детские (86 из 93), большинство их относится к I в. н. э. [Дашевская, 1984, с. 55, 57]. Особо следует остановиться на датировке и конструкции могилы 110, которая по находке чернолакового флякона датируется либо концом III – началом II в. до н. э. [Дашевская, 1984, с. 55], либо концом IV – началом III в. до н. э. [Полин, 1992, с. 43, 44]. Широкая входная яма и взаиморасположение ее с камерой сближают беляусскую могилу с аналогичными конструкциями могильника Николаевки [Мелюкова, 1975, с. 124–130, рис. 31, 7; 32; 33]. К этому можно добавить и нетипичную для других подбойных могил некрополя западную (с отклонением) ориентацию умершей, вытянутое положение рук, а также часть туши барана, помещенную на дно могилы без сосуда. Остальные шесть могил, содержащие погребения взрослых людей с восточной (5) и северной (1) ориентацией и кистями рук, сложенными на тазу, судя по немногочисленному инвентарю, датируются рубежом – I в. н. э. и, вероятно, относятся к заключительному этапу функционирования могильника.

В Юго-Западном Крыму до недавнего времени была известна только одна группа ранних (рубеж – I в. н. э.) подбойных могил, исследованная в кургане у Братского кладбища близ г. Севастополя [Печенкин, 1905, с. 34–37]. В последние годы подбойные могилы конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. открыты в Усть-Альминском некрополе (рис. 7; 69) [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997, с. 228] и у с. Кольчугино [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 124, 125]. Вероятно, такие захоронения существовали и в некрополе Неаполя, однако, их трудно выделить среди ранних «малых земляных склепов» [Сымонович, 1983, с. 44, 46, рис. 9, 2,3], а также из-за разрушенности (ограбления). Появление нового типа погребальных сооружений, возможно, связано с очередной подвижкой населения в евразийских степях, вызванной событиями 36 г. до н. э. в долине р. Талас [Мандельштам, Горбунова, 1992, с. 19; Берлизов, Каминский, 1993, с. 108; ср.: Заднепровский, 1994, с. 116, 117; Щукин, 1989, с. 36–38; 1994, с. 178, 208–211].

Вопрос об этнической принадлежности погребенных в подбойных могилах решается неоднозначно. А.А. Масленников считает, что в Пантикалее большинство подбойных могил по своему происхождению восходит к аналогичным гробницам греческих некрополей [1990, с. 25–27]. О.Д. Дашевская, анализируя подбойные могилы ряда позднескифских могильников, пришла к выводу, что данные погребальные сооружения не являются специфическими для определенной этнической группы, а скорее всего, отражают возрастание в первые века н. э. индивидуальных захоронений [1984, с. 55–57]. Однако, наряду с изменениями в социальной сфере, подбойные могилы, несомненно, фиксируют и приток нового населения. Сходство в устройстве подбойных могил первых веков н. э. Юго-Западного Крыма с сарматскими подбоями Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Прикубанья было отмечено еще И.И. Гущиной [1967, с. 43], считающей, что их

распространение связано с продвижением сарматов с востока на запад [1974, с. 64]. Эта позиция поддержана и другими исследователями [Высотская, 1972, с. 82, 90, 91; 1987, с. 58; Раевский, 1971, с. 146–149; Сымонович, 1983, с. 114; Пуздровский, 1989, с. 36, 37; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 125].

Каменные склепы и ящики.

Погребальные сооружения данного типа включают как собственно памятники сакральной архитектуры населения Крымской Скифии (мавзолей Неаполя), так и вторично использованные для захоронений объекты среднескифской поры, а также греческой и таврской культур (рис. 8; 9). Конфигурация каменных склепов в плане была различной: прямоугольной, квадратной, овальной. Склепы имели пандусный дромос, нередко встречалось архитектурное обрамление входа (ступеньки в камеру, закладная плита). В склепах больших размеров (при ширине около 4 м) перекрытие, по-видимому, представляло собой накатник из бревен (Неаполь, мавзолей; Тавель; Капак-Таш/1 2002 г.). В остальных случаях использовались каменные плиты. Во всех сооружениях этого типа обнаружены многоократные захоронения. Исходя из количества погребенных, хронологического диапазона функционирования и динамики захоронений, можно предполагать, что склепы использовались большесемейными коллективами.

Сооружения из камня являются характерной особенностью погребальных памятников Крымской Скифии, составляя около половины всех комплексов IV–III вв. до н. э., при этом есть значительные отличия в количественном отношении между локальными группами [Ольховский, 1991, с. 136]¹⁴. В.С. Ольховский видел в каменных гробницах в Крыму прочность традиций местного населения, использовавшего каменные ящики, а также следствие укрепления брачно-семейных уз, перехода к оседлости, греческого влияния [1991, с. 152]. Огромную работу по систематизации и хронологизации материалов раскопок скифских курганов и грунтовых могильников в Предгорном и Степном Крыму проделал С.Г. Колтухов, который выделяет несколько типов и вариантов сооружений: 1) каменные ящики; 2) каменные гробницы (плитовые, с комбинированной и постелистой кладкой стен; 3) овальные гробницы; 5) каменные склепы; 4) сырцово-каменный склеп; 6) грунтовые склепы с каменным перекрытием [2005, с. 259–299; 2005а, с. 235–258]. В результате сделан вывод о том, что разнообразные сооружения из камня наиболее характерны для районов, где отмечены переходы к полуоседлости и оседлости, а также в контактных зонах скифского и доскифского населения, в округе городов и сельского населения Боспора и Северо-Западного Крыма [Колтухов, 2005, с. 294, 295].

В степной зоне Скифии каменные конструкции известны в небольшом количестве в Елизаветовском могильнике, в курганах Огуз и Желтокаменки. Определенное сходство прослежено между предкавказскими (Тамань, Прикубанье) и крымскими склепами, однако на других территориях в скифский период отсутствуют погребальные сооружения со входом-пандусом [Ольховский, 1991, с. 48, 52].

Традиция сооружения гробниц из камня уходит в эпоху бронзы, но в скифское время она характерна преимущественно для районов Центральной Азии [Кызласов, 1979, с. 43; Грач, 1980, с. 233–246] и Кавказа [Техов, 1977, с. 63–69; Козенкова, 1974, с. 72, 73; Петренко, 1983, с. 45; Махортых, 1991, с. 19–21], хотя известна в Фергане [Горбунова, 1981, с. 187, 188] и Закаспии [Мандельштам, 1976, с. 21–26; Вайнберг, Юсупов, 1992, с. 123, 124]. В раннесарматское время обычай погребений в каменных ящиках и гробницах сохранился у кочевников Восточного Казахстана [Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 144, 145], Северо-Западной Туркмении [Вайнберг, Юсупов, 1992, с. 124, 125].

В Южном Приуралье, на Нижнем Дону в последние два-три десятилетия открыты подкурганные савроматские могилы IV в. до н. э. с большой подземной камерой, дромо-

¹⁴ Скифские погребения в каменных конструкциях рассмотрены в ряде работ [Гаврилов, Шкарбан, 1985, с. 236–239; Гаврилов, Крамаровский, 2001, с. 23–43; Колтухов, 2001, с. 65–70; Колтухов, Мыц, 2001, с. 27–44; Колтухов, Тощев, Кислый, 1994, с. 111–113; Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 51–57; Колтухов, Тощев, 1998, с. 170–174; Колотухин, 2000, с. 27–30, 35–37, 40–43, рис. 16–18, 21–23, 25].

сом и многократными захоронениями [Смирнов, 1989, с. 171]. С крымскими гробницами их сближают такие детали конструкции и планировки, как наличие наклонных входов, углубленная в материк камера подквадратной или прямоугольной формы, деревянное перекрытие, а также многократность захоронений. Основное отличие – использование в Крыму камня в обкладке стен, на которые опирались плиты перекрытия или бревна.

В Центральном Предкавказье в раннесарматское время пока известно всего несколько погребальных памятников с многократными захоронениями в каменных гробницах (Кабан-Гора, Хасаут, Коба-Баши), исследователи которых полагают, что в них прослеживаются погребальные обычай местного кавказского населения, хотя и присутствует большое количество инвентаря меото-сарматских типов [Виноградов В.Б., Рунич, 1969, с. 113–117, рис. 16; Алексеева, 1971, с. 67, 68, рис. 17 *a, b*; Абрамова, 1993, с. 27]. Несмотря на очевидную длительность использования таких сооружений, наиболее ранние находки в них датируются II–I вв. до н. э., однако обычай погребать умерших в каменных гробницах не был характерен для меотского и сарматского населения. Необходимо отметить, что в Коба-Баши для захоронений был вторично использован дольмен II тыс. до н. э.

Наибольшее распространение в Крыму в скифское время каменные ящики и склепы получили на Керченском полуострове. Появление подкурганных сооружений этого типа совпадает по времени с прекращением функционирования наземных ящиков VI–V вв. до н. э. Последние, как считает большинство исследователей, принадлежали местному, доскифскому населению [см. библиографию: Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 101; Масленников, 1995, с. 56–68; Колтухов, 2005а, с. 235–258]. В сложении нового обряда участвовали как прежнее население региона, так и пришлые кочевые племена. Греческое влияние проявилось в строительных приемах и конструкциях могил [Яковенко, 1974, с. 60, 61, 130–134; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 103–110]. Совокупность данных позволяет предположить, что «скифское» население этой территории в IV – начале III в. до н. э. существенно отличалось от других локальных групп не только в Крыму [Троицкая, 1957а, с. 72–76], но и к северу от Перекопа [Бунятян, Бессонова, 1990, с. 228–239; Ольховский, 1991, с. 137, 138, 148, 149]. В его сложении, возможно, значительную роль сыграли мигранты из более восточных областей евразийского пояса степей (саки? массагеты?), в погребальном обряде которых сохранилась традиция сооружения каменных склепов и ящиков. Не менее вероятно участие в этом процессе и населения Северного Кавказа, связи с которым прослеживаются довольно отчетливо. По мнению Э.В. Яковенко, на рубеже IV–III вв. до н. э., в силу ряда причин, часть скифов Керченского полуострова переместилась в Центральный Крым, принеся с собой обряд многократных захоронений [1974, с. 136]. В последнее время в Степном, Предгорном и Северо-Западном Крыму открыто большое количество подкурганных каменных гробниц и ящиков, однако датировка их несколько шире: середина IV – первая половина III в. до н. э. [Щепинский, Черепанова, 1967, с. 179–183; Щепинский, 1969, с. 249, 250; Щепинский, 1972, с. 36–39; Гаврилов, Шкарбан, 1985, с. 236–239; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 111–112; Колтухов, Тощев, 1998, с. 170–174; Колотухин, 2000, с. 63–66, 72; Колтухов, 2001, с. 59–70; 2005, с. 259–299; 2005а, с. 235–258]. Исходным центром формирования архитектурного типа монументальных каменных гробниц в Центральном Крыму является, по-видимому, Европейский и Азиатский Боспор [ср.: Колтухов, 2005, с. 281–283; Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 57; Власова, 2001, с. 127–132; 2004, с. 275–287; Виноградов Ю.А., 2002].

Т.Н. Троицкая, анализируя каменные погребальные конструкции Крыма этого времени, пришла к выводу о связи их с таврским погребальным обрядом, что выразилось в создании гробниц на материке, коллективных (многократных) захоронениях и северной ориентации умерших [1954, с. 113, 152–162]. Однако таврские каменные ящики не имели курганных насыпей, а лишь изредка – каменную наброску вокруг, чаще – ограду из камней [Крис, 1989, с. 80–83]. Не все позднескифские склепы были сооружены на мате-

рике, а наличие дромосов значительно отличает их по конструкции от таврских каменных ящиков, как и система кладки и возведения стен. В топографии могил также имеются различия, поскольку таврские ящики располагались группами, образуя гряды, насчитывающие до нескольких десятков сооружений. Вызывает сомнение и возможность прямого влияния погребального обряда тавров на позднескифское население, поскольку могильники из каменных ящиков прекращают свое существование на рубеже V–IV вв. до н. э. [Крис, 1989, с. 83].

В позднескифское время, как уже было сказано, использовались вторично не только скифские каменные склепы (Пастака, Черкеса, Крыма, Тавель, Саблы, Капак-Таш, Зеленогорское, Кринички, Сары-Кая и др.), но и греческие погребальные сооружения этого типа (Беляус, Керкинитида, Заозерное), а также перестроенные таврские ящики (Капак-Таш). Все это свидетельствует о притоке в Крым в конце II – начале I в. до н. э. нового населения, обитавшего вблизи скифских городищ и сохранившего его традиции подкурганных захоронений.

Таким образом, рассмотрение вопросов происхождения и эволюции подкурганных каменных сооружений Крымской Скифии II в. до н. э. – I в. н. э. не позволяет видеть их прямой связи с таврскими и скифскими степными традициями [ср.: Катюшин, 1996, с. 26–28]. Очевидно, такая форма могил сформировалась в IV–III вв. до н. э. на более восточных территориях (Азиатский и Европейский Боспор, Средняя Азия) под определенным влиянием греческой культуры и строительной техники.

Грунтовые ямы.

В позднеэллинистическое и раннеримское время этот тип погребальных сооружений представлен двумя вариантами: с каменными конструкциями и без них. Значительную группу могил составляют грунтовые ямы, обложенные или перекрытые плитами, а также под каменными закладками. К ней типологически примыкают могилы-кенотафы Кульчукского кургана с имитацией каменных закладов.

Простые грунтовые ямы обычно впущены в курганы бронзового века (Степной Крым, Долинное, Вилино) либо скифского времени (Талаевой, 1892 г., Пастака, к. 3). Из-за неполноты сведений о конструкции большинства впускных позднескифских могил отнесение их к определенным вариантам затруднительно, однако большинство представлено простейшим вариантом типа I [Ольховский, 1991, с. 214, табл. I]. Две гробницы Непольского кургана 1949 г. можно сопоставить с аналогичными сооружениями II типа, известными в основном за пределами Степной Скифии [Ольховский, 1991, с. 23].

Каменные выкладки в виде перекрытий над заполненными грунтом могилами характерны для погребений Крыма IV–III вв. до н. э., а могилы с каменной обкладкой (Кульчук) можно рассматривать в качестве имитации каменного ящика, как это прослежено в Николаевском могильнике в Поднестровье [Ольховский, 1991, с. 21, 25], изредка такая конструкция встречается у сарматов [Мошкова, 1974, с. 39].

Впускные могилы Беляусского кургана, перекрытые плитами, скорее всего, представляли собой ямы с заплечиками. Последние обычно не фиксируются в насыпи курганов. Наиболее близки им савромато-сарматские могилы Поволжья и Приуралья [Смирнов, 1964, с. 81; 1975, с. 159]. Могилы с заплечиками Заветненского могильника, перекрытые деревянными плахами, также связаны с сарматскими традициями. Такой вариант перекрытия простых грунтовых ям в крымских памятниках IV–III вв. до н. э. пока не известен [Ольховский, 1991, с. 24, табл. 5].

Конструкция могил-кенотафов с ложными закладами в Кульчукском некрополе уникальна, а использование в каменной забивке обломков надгробий греческого некрополя IV–III вв. до н. э., вероятно, свидетельствует о частичной смене населения в регионе во II в. до н. э. В Степной Скифии отмечены «кенотафы-поминальники», представлявшие собой наборы оружия, керамики и др., перекрытые насыпью кургана или вымосткой [Ольховский, 1991, с. 53, 100]. Подобные сооружения известны у скифов Северного Кавказа [Махортых, 1991, с. 40, 41], савроматов [Смирнов, 1964, с. 82], саков [Вишневская, Итина, 1971, с. 197].

В Золотобалковском могильнике на Нижнем Днепре раскопаны три разрушенных каменных ящика трапециевидной формы, в заполнении которых обнаружены обломки амфор и часть черепа коня, а за пределами – фрагменты амфоры с двуствольными ручками и железные удила северокавказского типа [Вязьмитина, 1972, с. 99, 100, 112]. Возможно, данные сооружения также являлись кенотафами, хотя не исключена вероятность использования их и для захоронений.

Дата кульчукских кенотафов (II в. до н. э.) отвечает времени сооружения всего жертвенного места (алтарь и два трупосожжения, одно из которых – в урне), что позволяет интерпретировать памятник как принадлежащий сильно эллинизированному варварскому населению Кульчукского городища.

Таким образом, захоронения в ямах, впущенные в насыпь более древних курганов, могут свидетельствовать о сохранении у поздних скифов традиционных для кочевников норм погребального обряда. Такие могилы размещались вблизи скифских городищ, а нередко рядом с грунтовыми могильниками (Неаполь, Беляус). Инвентарь, обнаруженный во впускных ямах-могилах свидетельствует в большинстве случаев о принадлежности умерших к рядовому (полукочевому?) населению, а топография таких захоронений – об известной этносоциальной обособленности от остальных жителей поселения. Более определенно можно интерпретировать ямы с заплечиками, перекрытые плитами и плахами. Они широко датируются рубежом – I в. н. э. и фиксируют приток носителей средненарматской культуры.

Погребальный обряд и его эволюция

Анализ погребального обряда¹⁵ Крымской Скифии в позднеэллинистическое и раннеримское время свидетельствует о большом разнообразии вариантов. Формирование его происходило в результате значительного смешения населения и в условиях оседания. Изменения социально-экономического порядка привели к выработке новых форм социальной организации, появлению синкретических верований и культов, получили отражение в погребальном обряде. Наряду с этим отдельные родо-племенные группы продолжали сохранять старые обычай, в том числе погребально-поминальную обрядность. С течением времени, в связи с формированием соседско-территориальных общин, происходит нивелировка этнических компонентов, а также усиливаются процессы ассимиляции и интеграции.

Рассмотрим погребальный обряд по отдельным элементам.

Останки погребенных.

Трупоположение было господствующим видом захоронения в рассматриваемый период. Известны лишь единичные факты полной кремации покойников, относящиеся ко времени реколонизации хоры Херсонеса в конце III–II вв. до н. э. (Кульчукский курган). Отмечены случаи кремации в некоторых повторно использованных каменных ящиках таврской культуры и находки в них обломков амфор и других предметов эллинистического и римского времени [Крис, 1981, с. 35, 37, 41, 43]. Охранные исследования могильника Капак-Таш в 2002 г. показали, что интерпретированные как обряд кремации останки кальцинированных человеческих костей [Колотухин, 1981, с. 260, 261] являются вторично обожженными костяками многоярусных позднескифских погребений в подкурганных каменных конструкциях при их использовании в начале XX в. в качестве печей для обжига известки [Пуздровский, Медведев, 2002, с. 13, 14].

Каменные ящики для помещения останков кремированных известны на Нижнем Днепре [Зубарь, Кубышев, 1987, с. 248–253]. Наличие ритуала частичной кремации в склепах Усть-Альминского могильника [Высотская, 1994, с. 65, 66] и во впускной могиле кургана у с. Вилино [Лобода, 1988, с. 304] сомнительно. Исследования Усть-Альмы в

¹⁵ Конструкция погребальных сооружений как одна из составляющих погребального обряда рассмотрена выше.

1994–1995 гг. показали, что эффект «обугленных костей» явился следствием особых условий грунта и температурно-влажностного режима, при котором происходит разложение скелетов до порошкообразного состояния, визуально очень сходного с остатками кремации [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997, с. 231].

Единичные случаи кремации зафиксированы в Акташском могильнике IV–III вв. до н. э. [Бессонова, Буняян, Гаврилюк, 1988, с. 39–40] и богатом погребении конца IV в. до н. э. Ак-Бурунского кургана [ОАК 1875 г., с. 5; Виноградов Ю.А., 1993, с. 38–51]. Частичное сожжение погребальной конструкции практиковалось сарматами прохоровской культуры [Смирнов, 1964, с. 96; Мошкова, 1989, с. 172]. В отдельных случаях в катакомбах западной группы могильников Предкавказья найдены обожженные кости без следов огня на дне могил, а в погребении 28 Нижне-Джулатского могильника отмечены частичная кремация и отдельные кальцинированные кости [Абрамова, 1993, с. 26].

Таким образом, выявленные в Северо-Западном Крыму случаи кремации свидетельствуют о наличии в первой половине II в. до н. э. (?) каких-то групп эллинизированного населения, особенно в контактной зоне с греческим миром. Если подтверждатся наблюдения о частичной кремации покойника, то их следует связывать с савромато-сарматскими традициями (ритуал очищения огнем), а не с раннескифским погребальным обрядом [Высотская, 1994, с. 66], хотя не исключено влияние других этносов (греков, фракийцев).

Основной отличительной особенностью погребального обряда изучаемого периода являются асинхронные захоронения в каменных и грунтовых склепах, известные во всех областях Крымской Скифии [Колтухов, 2001, с. 59–70]. Выше было показано, что такой элемент обряда был широко распространен уже в IV–III вв. до н. э., особенно на Керченском полуострове. Показательно, что многократное использование гробниц для захоронений известно в греческих некрополях Нимфея, Пантикея и Мирмекия [Капошина, 1959, с. 108–153; Силантьева, 1959, с. 100, 102; Цветаева, 1951, с. 85; Масленников, 1981, с. 44]. Однако нет достаточных оснований проецировать асинхронность захоронений более раннего времени на погребальный обряд II–I вв. до н. э. – I в. н. э.

Не отрицая определенного воздействия прежнего (доскифского) населения на формирование погребального обряда жителей Восточного Крыма в IV–III вв. до н. э., нельзя не указать на значительно меньшее количество захоронений в каменных ящиках V–IV вв. до н. э. по сравнению с гробницами IV–III вв. до н. э. [Масленников, 1995, с. 29, 45]. Сложнее интерпретировать захоронения в таврских ящиках Горного Крыма, где обычно содержались останки 3–5 человек, но известны случаи нахождения от 10–23 до 68 черепов [Колотухин, 1987, с. 18; 1996, с. 33], при этом иногда прослеживалась послойность погребений [Крис, 1981, с. 56; 1989, с. 83].

Применительно к обряду крымских скифов IV–III вв. до н. э. можно присоединиться к выводу о том, что устройство долговременно функционирующих гробниц было вызвано не только оседлым образом жизни населения, но и причинами стадиального характера [Бессонова, Буняян, Гаврилюк, 1988, с. 107].

Каменные гробницы позднескифского времени, как правило, использовались на протяжении длительного времени, причем основное число захоронений принадлежит к I в. до н. э. – I в. н. э. Грунтовые склепы II–I вв. до н. э. содержали от 2 до 5 костяков, и лишь во второй половине I в. до н. э. количество погребений увеличивается. Тогда же появляется многоярусность захоронений, увеличиваются размеры камер. Склепы превращаются в своеобразные остатки. Судя по количеству погребений и хронологическому диапазону их функционирования, вряд ли они содержали останки только основной ветви семьи [Михлин, 1987, с. 31–40; Пуздровский, 1989, с. 37].

Многократные захоронения известны в позднескифских могильниках Нижнего Днепра. Однако здесь склепы содержали обычно до четырех погребенных (редко больше), отсутствует ярусность в расположении костяков [Вязьмитина, 1986, с. 337–229; Дащевская, 1989, с. 141–142]. В отличие от крымских наиболее ранние захоронения могильни-

ков Золотая Балка и Красный Маяк датируются второй половиной I в. до н. э. [Дашевская, 1991, с. 141; Гей, Бажан, 1990, с. 134–142].

В склепах некрополя Золотое в Восточном Крыму, как правило, были погребены три–четыре человека (взрослые и дети), лишь в трех сооружениях их количество достигало 6–8 [Корпусова, 1983, с. 85–86, 99–112]. В грунтовых могильниках Предкавказья (Нижне-Джулатский, Подкумский, Чегем) количество погребенных в них несколько большее (от 3–5 до 10–13), иногда наблюдалось ярусное расположение костяков, разделенных прослойкой земли [Абрамова, 1989, с. 272–273; 1993, с. 22, 24].

Позднескифские каменные гробницы с многократными захоронениями известны преимущественно под курганными насыпями (вторично использованные основные и впускные), что свидетельствует об определенной консервативности представлений о загробном мире. Грунтовые склепы с многократными захоронениями встречены не только в грунтовых позднескифских могильниках, но и в насыпях курганов. Известны в рассматриваемое время и одиночные, а также парные захоронения. Все эти факты могут свидетельствовать о существовании в социальной структуре Крымской Скифии не только большесемейных коллективов, но и различных форм ограниченно-расширенной и малой семьи [ср.: Хазанов, 1960, с. 28–36; Раевский, 1971а, с. 60–68; Михлин, 1987, с. 31, 40; Дашевская, Раевский, 1987, с. 41–44].

Сложность структуры позднескифского общества была обусловлена, с одной стороны, консервативностью родо-племенных связей, а с другой – глубокими изменениями в социально-экономической сфере и полиэтничностью населения.

Поза погребенного.

Положение умершего на спине с вытянутыми вдоль тела конечностями наиболее часто встречается в позднескифской погребальной обрядности. Такая поза характерна в целом для скифских памятников Северного Причерноморья [Ольховский, 1991, с. 153].

В то же время встречены и отклонения от общепринятых норм: помещение одной или обеих рук на таз, скрещенность ног в голенях, слабая скорченность, положение на боку, «атакующая» поза. Захоронения с такими признаками составляют значительный процент в скифских погребальных памятниках Восточного Крыма [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 136–180; Корпусова, 1972, с. 41–46; Бессонова, Бунятын, Гаврилюк, 1988, с. 26–27]. Отклонения в положении рук и ног от обычного зафиксированы также в ряде могильников Поднепровской группы [Березовець, 1960, с. 41, 64; Бунятын, 1985, с. 112; Ольховский, 1991, с. 101]. Известны они в захоронениях прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 21–22; Пшеничнюк, 1983, с. 104–105], меото-сарматов Прикубанья [Анфимов, 1951, с. 193; Смирнов, 1950, с. 113; Шилов, 1959, с. 429, 456], в некрополях Боспорских городов [Масленников, 1981, с. 77] и сельских поселений [Корпусова, 1983, с. 23–24, табл. 3], в Ольвии [Парович-Пешикан, 1974, с. 53–54]. Нередки такие случаи в могильниках Предкавказья [Абрамова, 1987, с. 111, 123–125; 1989, с. 272–273; 1993, с. 24, 28] и на Нижнем Днепре [Вязьмитина, 1972, с. 166; Гей, 1987, с. 53–67]. Есть основания полагать, что в большинстве случаев положение кистей рук на таз и скрещенность ног – влияние савромато-сарматского и меотского обрядов [Смирнов, 1964, с. 92; Ольховский, 1991, с. 153; ср.: Масленников, 1990, с. 37, 54–55; Марченко И.И., 1996, с. 105, 106].

Элементы скорченности в погребениях появляются в I в. н. э. и представлены единичными случаями. Гораздо чаще такие захоронения встречались в IV–III вв. до н. э., в том числе в Крыму. Исследователи справедливо связывают такую позу умершего с пережитками обряда эпохи бронзы, а также этническим смешением скифов с местным населением Северного Причерноморья (киммерийцы, кизил-кобинцы и др.). Однако нет достаточных оснований видеть в скорченных захоронениях позднескифского времени влияние таврского погребального ритуала [Троицкая, 1954, с. 119], поскольку существует значительный хронологический разрыв. Скорее всего, они связаны с раннесарматским признаком «ноги согнуты в коленях, подняты вверх» [Марченко И.И., 1996, с. 105] и отражают социальное положение умерших.

Ориентировка погребенных.

Анализ ориентировки захоронений в позднескифских могильниках показывает значительные расхождения не только между отдельными областями Крымской Скифии, но зачастую и в однотипных сооружениях. В рассматриваемое время З, ЮЗ, Ю, ЮВ и В направления преобладали в положении умерших, реже встречается северное (с отклонениями).

Западная ориентировка в целом является преобладающей для скифских захоронений IV–III вв. до н. э., в том числе в Крыму [Ольховский, 1991, с. 154, табл. 31]. Исследователи Акташского могильника обращают внимание на наличие юго-западного направления [Бессонова, Буняян, Гаврилюк, 1988, с. 102].

Северное направление значительно возрастает в степях Северного Причерноморья в IV–III вв. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 155] и известно в некоторых каменных и грунтовых склепах позднескифского времени, что, по мнению Т.Н. Троицкой, связано с влиянием таврской культуры [1954, с. 153–162]. Однако, судя по расположению таврских каменных ящиков VI–V вв. до н. э., северное направление было далеко не единственным [Колотухин, 1987, с. 11; Крис, 1989, с. 82].

Северная ориентация в положении умерших известна у кочевников Казахстана [Смирнов, 1964, с. 287; Мошкова, 1974, с. 39], преобладает она в катакомбах III и V типов в Приднестровье [Мелюкова, 1962, с. 141, 146; Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 251–255; Яровой, Четвериков, 2000, с. 3–28], в Подунавье [Андрюх, 1995, с. 36], а также сарматских погребениях II–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье [Симоненко, 1977, с. 224; 1981, с. 56], особенно в степных могильниках Нижнего Днепра и Присивашья [Симоненко, 1990, с. 27–28; 1991, с. 17–28].

Расположение покойников головой на юг характерно для населения более восточных территорий (савромато-сарматы) [Мошкова, 1963, с. 21; Смирнов, 1964, с. 91; 1975, с. 161] и составляет одну из особенностей раннесарматской (прохоровской) культуры. Такое направление в положении умерших часто встречается в некрополях III–II вв. до н. э. Азиатского Боспора, что связывается с проникновением из Прикубанья теснного сарматами меотского населения и самих сарматов [Масленников, 1981, с. 77; Каменецкий, 1989, с. 236].

Восточная ориентация умерших присуща греческому погребальному обряду [Арсеньева, 1984, с. 222–224]. В то же время она широко представлена в скифском грунтовом могильнике IV–III вв. до н. э. у с. Николаевка (в Приднестровье) и, по мнению А.И. Мелюковой, не связана с греческими традициями [1971, с. 52]. В приольвийской группе, напротив, эта черта, как считает В.С. Ольховский, указывает на влияние греческой погребальной обрядности [1991, с. 102, 103]. Положение покойников головой на восток известно у савроматских племен [Смирнов, 1964, с. 91], преобладал такой обряд в некоторых меотских могильниках IV в. до н. э. [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42, 43]. Возможно, именно с распространением позднесавроматской культуры на запад связана такая традиция в скифских могильниках IV–III вв. до н. э.

Валетообразное положение костяков, столь характерное для позднескифских могильников Крыма, встречается в захоронениях прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 22], кавказских катакомбных сооружениях [Абрамова, 1989, с. 273], некрополе Золотое [Корпусова, 1983, с. 24, 92], Акташском могильнике [Бессонова, Буняян, Гаврилюк, 1988, с. 27–29] и, скорее всего, отражает близкие религиозные представления о загробном мире, а также социальные отношения между умершими. Подтверждением этому могут служить встреченные в могильниках детские захоронения в валетообразном положении, сопровождавшие погребения взрослых. Такой обряд известен у сармат прохоровской культуры [Мошкова, 1963, с. 22].

Сарматским, вероятно, является обычай погребать в ногах умершей матери младенца, известный как в позднескифских могильниках Крыма, так и в Нижнем Поволжье [Богданова, 1982, с. 35–39]. Появление таких захоронений в некрополе Херсонеса первых вв. н. э. В.М. Зубарь также рассматривает как черту сарматского погребального обряда [1982, с. 42], хотя, по данным В.В. Борисовой, они известны еще со II в. до н. э. [1988, с. 15].

Таким образом, ориентация тела умерших в позднескифских могильниках в рассматриваемый период была неустойчивой. Это, вероятно, связано с проникновением в Крым различных этнических групп. В целом, характерная для грунтовых могильников ЮЗ, Ю и ЮВ ориентировка, скорее всего, отражает связи с сарматами прохоровской культуры, что отмечено рядом исследователей [Раевский, 1971, с. 144–146; Гущина, 1974, с. 44; Богданова, 1982, с. 35; 1989, с. 62]. Традиционная западная ориентировка может свидетельствовать о сохранении старых скифских традиций, хотя она присуща и захоронениям II–I вв. до н. э. Северного Кавказа как в грунтовых могильниках, так и в курганах [Абрамова, 1993, с. 24, 28, 35; Марченко И.И., 1996, с. 105]. Северное направление, возможно, связано с населением Северо-Западного Причерноморья (катаомбы Приднестровья), хотя не исключено влияние сарматской культуры Днепро-Донского междуречья.

Можно отметить, что ориентация покойников в могиле в отрыве от других элементов обряда не может служить надежным этноопределяющим признаком, поскольку она часто зависела от топографических и геологических условий (склоны балок, устройство могил по периметру кургана, наличие пригодных для создания подземных камер выходов глины, мергеля и др.).

Способ помещения в могилу.

При помещении умершего в могилу часто использовались деревянные конструкции (гробы, ящики, колоды, носилки). Такой обряд известен в раннескифское время, а корни его уходят в эпоху бронзы. В IV–III вв. до н. э. деревянные гробовища встречаются довольно редко, и почти все они связаны с богатыми захоронениями [Ольховский, 1991, с. 106]. К этой же группе относятся погребения скифской знати в богато орнаментированных саркофагах, выполненных греческими мастерами. Широкое применение дерева в устройстве могилы, в том числе деревянных гробовищ, характерно для раннесарматской и среднесарматской культуры [Мошкова, 1963, с. 22; 1989, с. 171–172, 179; Марченко И.И., 1996, с. 111].

Позднескифские гробы мавзолея и склепов Усть-Альмы отличались от примитивных сарматских конструкций наличием двухскатных крышек, угловыми столбиками, ножками, раскраской, гипсовыми медальонами. Такие саркофаги, по-видимому, были сделаны под влиянием греческих традиций, а в некоторых случаях и самими греческими мастерами. П.Н. Шульц полагал, что уникальный «саркофаг» мавзолея был изготовлен на Боспоре [1953, с. 28]. Ю.П. Зайцев [2001, с. 26–31] полагает, что данный объект был тронным ложем¹⁶. В Ногайчинском кургане саркофаг размером 1,92x 0,85x0,15 м (рис. 60) был раскрашен, а на дне могилы сохранились ямки под угловые ножки и деревянные столбики (балдахина?), обернутые тонкой серебряной пластиной [Щепинский, 1974, с. 54; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 65].

Жители сельских поселений Керченского полуострова практиковали в погребальном обряде саркофаги упрощенных конструкций, близкие деревянным ящикам мавзолея [Корпусова, 1983, с. 22]. В целом захоронения в деревянных гробах свидетельствуют о значительной эллинизации населения, что подтверждается материалами мавзолея и грунтовых склепов (Неаполь, Усть-Альма, Беляус, Кульчук).

В склепах и простых грунтовых могилах при захоронении применялись различные подстилки, преимущественно кошма (войлок). Иногда умершие были завернуты в покрывало или поколились на шкуре животных. Такие материалы для подстилки редко встречаются в скифских захоронениях IV–III вв. до н. э.: чаще использовались камыш, кора, трава и т. д. [Ольховский, 1991, с. 104–105]. Лишь в подбойных могилах Николаевского могильника известны подстилки из материи [Мелюкова, 1975, с. 132]. Органические подстилки широко представлены в синхронных сарматских погребениях Южного Урала [Пшеничнюк, 1983, с. 104]. В Золотой Балке умерших также часто клали на войлок или подстилку из коры [Вязьмитина, 1972, с. 167]. Тлен от органических подсти-

¹⁶ Не исключал сначала данного варианта и автор реконструкции «саркофага» О.И. Домбровский [1950].

лок прослежен в грунтовых могильниках и подкурганных захоронениях Предкавказья [Абрамова, 1987, с. 126; 1989, с. 273; 1993, с. 26, 33, 36].

В ряде случаев применялась обмазка дна могилы глиной, посыпка галькой, мелом (гипсом). С ритуалом очищения огнем связаны находки серы, угля, реальгара, осколков кремня. Эти элементы в рассматриваемый период, вероятнее всего, свидетельствуют о влиянии сармато-меотских традиций [Мошкова, 1963, с. 22; Смирнов, 1964, с. 95, табл. 5; Анфимов, 1951, с. 188; Десятников, 1973, с. 71; Абрамова, 1989, с. 273; 1993, с. 26, 28, 29, 36, 37], хотя встречаются в греческих некрополях [Корпусова, 1983, с. 23, 93; Зубарь, 1982, с. 114–115], в катакомбах Поднестровья [Яровой, Четвериков, 2000, с. 6]. Несколько раз в позднескифских могилах найдены каменные плитки, которые служили подголовными камнями. Такие предметы в более раннее время встречены преимущественно в западных районах степного Причерноморья [Ольховский, 1991, с. 111], хотя известны и в Крыму [Бессонова, Скорый, 1986, с. 159].

Жертвенная пища и захоронения.

Мясная пища сопровождала далеко не каждое погребение. В большинстве зафиксированных случаев кости животных находились вне сосудов. Жертвенная мясная пища входила в ритуал захоронения многих племен раннего железного века, поэтому помещение в могилу мяса барана может служить показателем распространения сарматской культуры на запад, а также отражать традиции скифской поры [ср.: Абрамова, 1993, с. 31, 36, 37; Марченко И.И., 1996, с. 106, 107].

В позднескифских памятниках Крыма, по сравнению с предыдущим периодом, возрастает количество случаев погребения коня либо части его туши, что может быть связано с притоком в Северное Причерноморье новой волны кочевников – сарматов [Смирнов, 1964, с. 101–102; ср. Абрамова, 1993, с. 26]. Известны такие захоронения в некрополях Европейского и Азиатского Боспора [Сорокина, 1967, с. 104; Масленников, 1981, с. 78, 79; Корпусова, 1983, с. 30], в Поднестровье [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254; 2000, с. 4].

Обычай захоронения собак, зафиксированный в мавзолее, склепах Неаполя и Усть-Альмы, в скифских степных памятниках IV–III вв. до н. э. мало известен. Такой обряд зафиксирован в сармато-сарматских погребениях [Смирнов, 1964, с. 102], на Азиатском Боспоре [Цветаева, 1968, с. 81; Сорокина, 1967, с. 104], в катакомбах у с. Глиное на Тираспольщине [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 253, 254; Яровой, Четвериков, 2000, с. 4].

Ритуальные действия.

Помещение в могилу зеркал, а также их преднамеренная поломка, хотя и известны у многих народов, все же преимущественно отражают влияние сарматского погребального обряда [Литвинский, 1964, с. 98, 99; Мошкова, 1989, с. 187–188; Марченко И.И., 1996, с. 109].

В позднескифских памятниках, в основном в женских захоронениях, встречены различные курильницы, входившие в круг предметов, связанных с солярным культом и почитанием домашнего очага. Распространение этого обряда относится к III–I вв. до н. э. В некоторых из сосудов находили угли или обожженные камни, что подтверждает их использование для воскурений. Ареал курильниц велик, как и хронологический диапазон бытования. В целом такой обряд известен на обширных пространствах от Урала до Дуная [ср.: Смирнов, 1984, с. 58; Редина, 1989, с. 133, 134; Абрамова, 1993, с. 25, 26, 29, 32, 36].

Встреченные в позднескифских могилах монеты использовались как подвески [Харко, 1961, с. 214–222, №№ 1, 5, 8, 9; Сымонович, Голенко, 1960, с. 265–268; Высотская, 1994, с. 132], поэтому говорить о применении их в качестве «обола Харона» и связывать с греческим погребальным ритуалом не приходится. Лишь монета из мавзолея отвечает этому определению, однако она найдена вне погребения [Шульц, 1953, с. 29; Зайцев, 2001, с. 33, рис. 17, 5].

Составной частью погребального обряда являлась тризна, следы которой часто фиксировались в Усть-Альминском могильнике [Высотская, 1994, с. 71; Зайцев, 1997,

с. 156, 166]. Обломки посуды, угли, кости животных встречались во входных колодцах и ямах рядом со склепами (Неаполь, Битакский могильник). Тризны характерны для многих кочевых племен скифского и сарматского времени [Ольховский, 1991, с. 163], а также известны в греческих некрополях Северного Причерноморья [Корпусова, 1983, с. 30, 31].

Надгробные сооружения.

В рассматриваемое время входные ямы склепов, очевидно, обозначались грудиной камней над заполнением либо столой. Последние обычно не сохраняются. Известен монументальный надгробный рельеф из Неаполя с изображением молодого всадника. В нижней части памятника расположен шип для установки его в базу. Еще П.Н. Шульц предполагал, что стела была помещена во дворе или на площади и приставлена к стене. Не исключал он и полихромной раскраски изображений. П.Н. Шульц датировал рельеф последней четвертью II в. до н. э. и полагал, что на нем изображен Палак. Сюжет и иконографические особенности позволили отнести памятник к произведениям греко-варварского искусства [1946, с. 44–57]. Такая трактовка вызвала возражения Л.А. Ельницкого, который считал рельеф вотивным («фракийский всадник») и датировал II в. н. э. [1962, с. 289–291].

Недавно А.А. Волошинов [2004, с. 139–156] рассмотрел конный рельеф из Неаполя в контексте позднескифской и боспорской скульптуры первых вв. н. э., отнеся его к концу I – первой половине II в. н. э. Он видит истоки формирования такого иконографического образа в искусстве Боспора (надгробия, росписи, монеты).

Следует отметить, что близкие композиции известны в скифском и сарматском искусстве: на пряжке из Нижних Серогоз изображены два сражающихся всадника, по предположению М.И. Ростовцева, это изображение столкновения сарматов с кельтами или фракийцами [1913, табл. LXXXV, 3]; на серебряном кубке из Косики представлены всадники, преследующие с собаками вепрей, и сцены поединков всадников [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 148–150, рис. 5; Трейстер, 1994, с. 179–184].

Признание достаточно веских аргументов А.А. Волошина, все-таки оставляет много доводов в пользу позднеэллинистической датировки памятника. Прежде всего, это место находки. Исходя из работ Ю.П. Зайцева, все обломки статуй, рельефов и надписей были сосредоточены вокруг героона царя Аргота у центральных ворот [Зайцев, 2003, с. 24, 49–53, № 15, рис. 38]. Наличие в этом районе Неаполя «элитного» некрополя [Зайцев, 2003, с. 35, рис. 7] второй четверти – середины II в. н. э. является одним из аргументов возможного вторичного использования этого монументального сооружения (2,15x1,33 м) в качестве надгробия могилы «аланского военачальника». Второй момент: сходство черт лица молодого скифа на парном рельефе и лица всадника (к тому же рельефы найдены рядом). В-третьих: на неапольском парном рельефе на плече юноши видна круглая фибула-брюшь, скреплявшая плащ у правого плеча, а на конном рельефе – тройной поясной ремень с продолговатой пряжкой с округлыми гранями – это признаки II–I вв. до н. э. В-четвертых: на правой стороне морды коня хорошо читаются три крупные круглые бляхи и две – на лбу (всего в комплекте – восемь). К сожалению, из-за стертости камня неясен характер изображенных удил и псалия, хотя, скорее всего, последний был стержневидной формы. Заслуживают внимания для реконструкции узлы этого типа находки умбоновидных деревянных налобных блях, а также псалиев и других аналогичных деталей из Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, с. 154, табл. LXVI; Полосьмак, Молодин, 2000, с. 73, рис. 20].

Из близких аналогий рельефу необходимо отметить изображение скачущего всадника с копьем на серебряной драхме Гигиэнонта [Анохин, 1986, с. 62, 142, табл. 5, 149], что подтверждает датировку неапольского рельефа позднеэллинистическим временем. Рассмотренный памятник является произведением греко-варварского искусства и свидетельствует о распространении в Северном Причерноморье сюжетов, связанных с образом героизированного всадника, близких как скифо-фракийской, так и сарматской художественной традиции. Для понимания его иконографии и датировки необходимо выяснить вопросы, связанные с происхождением династии Скилура и его предшественников,

а также учитывать, что рельеф мог сам послужить, наряду с другими произведениями скифо-сарматского и фракийского искусства, основой для формирования одного из направлений боспорской монументальной скульптуры, коропластики, глиптики, живописи, а параллельно – позднескифских рельефов и живописи первых вв. н. э.

Как полагает Ю.П. Зайцев, найденный в 1999 г. на Неаполе новый эпиграфический памятник, где фигурирует скифский царь Аргот, также мог служить частью сложного монумента-надгробия в честь этого владыки и быть связан с постройкой типа героона – «мавзолея» на главной городской площади, у ворот [ср.: Зайцев, 2000, с. 52; 2002, с. 75–77; Виноградов Ю.Г., Зайцев, 2003, с. 51; Русева, 2004, с. 109–124; Сидоренко, 2004, с. 59–70].

Таким образом, рассмотрение вопросов генезиса погребального обряда населения Крымской Скифии во II в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э. показывает, что существует хронологический разрыв между памятниками IV–III вв. до н. э. и позднескифскими комплексами. Нет оснований видеть прямую преемственность между грунтовыми склепами II в. до н. э. (Неаполь, Усть-Альма, Беляус, Кульчук, Левадки, Фонтаны) и степными катакомбами IV – начала III в. до н. э. Лишь приднестровская и приольвийская группы скифских памятников могли оказать влияние на формирование такого типа могил. С сармато-меотским населением Северного Кавказа и Азиатского Боспора можно связать впускные грунтовые склепы в насыпи древних курганов и продольно-осевые катакомбы грунтовых могильников. Использование каменных подкурганных захоронений, вероятно, осуществлялось различными по этносоциальному составу контингентами. Это могли быть как потомки населения, жившего здесь еще в конце IV – начале III в. до н. э., так и пришлые группы из Восточного Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии. Отклонения в положении умерших от обычной позы, наличие меловых подсыпок, обмазка дна могилы глиной, находки серы, угля, реальгара, осколков кремня, конские погребения, ритуальные захоронения собак свидетельствуют о влиянии сармато-меотского обряда. Разнообразие в ориентировке умерших указывает на различные этнические компоненты позднескифской культуры. Характерна для этой эпохи и довольно сильная эллинизация населения, прослеживаемая на материалах мавзолея Неаполя и некоторых грунтовых склепов (Центральный и Северо-Западный Крым).

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Помещение в могилу различных вещей являлось составной частью ритуала захоронения. Инвентарю отводилась определенная роль в представлениях о загробном мире. В силу этого характер, количество и состав сопровождающих захоронение вещей определяют социальный статус умершего, а также позволяют в известных пределах датировать время самого факта погребения и выяснить его этнокультурную принадлежность.

К сожалению, большинство предметов из дореволюционных раскопок скифских курганов Крыма утеряно, и мы можем судить о них лишь по отрывочным сведениям отчетного характера и немногочисленным публикациям. В определенной мере этот пробел дополняют материалы исследованных в послевоенное время и последние десятилетия грунтовых могильников (Неаполь, Беляус, Усть-Альма и др.). Однако изданы только комплексы мавзолея, Неапольского (раскопки 1956–1958 гг.), Дмитровского и Усть-Альминского (1964, 1968–1977 гг.) могильников, что затрудняет характеристику погребального инвентаря в полном объеме.

Наиболее важными для исследуемого периода являются публикации материалов мавзолея Неаполя [Шульц, 1953; Погребова, 1961, с. 103–213; Зайцев, 2001, с. 13–58], Восточного некрополя [Сымонович, 1983; Бабенчиков, 1957, с. 94–141], могильников Дмитрово [Высотская, Махнева, 1983, с. 66–80], Беляус [Дашевская, 1969, с. 65–73; 1976, с. 55–60; 1978, с. 199–215; 1986, с. 90–96; 2001, с. 87–95; Дашевская, Михлин, 1983, с. 129–147; Михлин, 1980, с. 194–213], Кульчук [Дашевская, Голенцов, 1982,

с. 90–96], Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 47–192], Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с. 96–121], Кольчугино [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 76–155] и отдельных комплексов [Михлин, Бирюков, 1983, с. 28–46; Колтухов, Пуздровский, 1983, с. 149–153; Высотская, 1972, рис. 7; Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 7–22; Колтухов, 2001, с. 59–70; Зайцев, 1997, с. 156–166; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 61–99; 2003а, с. 135–154; Зайцев, Колтухов, 2005, с. 242–259].

Классификация предметов материальной культуры приведена в труде О.Д. Дащевской [1991]. Недавно Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева предложили свою концептуальную работу по этому вопросу [2004, с. 174–204].

В ходе подготовки предлагаемой читателю монографии были проанализированы все доступные публикации вещей из позднескифских комплексов Крыма. Кроме того, использованы неизданные материалы раскопок некрополя Неаполя в 1978–1987 гг. (О.А. Махнева), а также исследований Битакского (1989–1991 гг.) и Усть-Альминского (1993–2006 гг.) могильников, проведенных под руководством автора. При этом основное внимание уделено рассмотрению этноопределяющих категорий инвентаря: лепной керамике, вооружению, конской сбруе, портупейно-поясным наборам, некоторым видам украшений и предметам импорта, позволяющим датировать комплексы. Для сравнения привлекался материал из погребений Северного Причерноморья [Симоненко, 2004, с. 134–173], Нижнего Дона [Максименко, 1998], Прикубанья [Гущина, Засецкая, 1989, с. 71–141; Марченко И.И., 1996], Азиатской Сарматии [Скрипкин, 1990], Центрального Предкавказья [Абрамова, 1993].

Для позднеэллинистического и раннеримского времени в погребальном инвентаре характерно сочетание форм местного (тавро-скифского), западного (гето-дакийского) и восточного (меото-сарматского) происхождения при определенном влиянии античных традиций.

Лепная керамика.

Находки лепных сосудов в погребениях немногочисленны и не отражают всего набора посуды, поэтому для полноты картины обычно привлекают материалы из синхронных с ними культурных слоев городищ и селищ.

Лепная керамика Неаполя и других городищ Крыма проанализирована в работах О.Д. Дащевской [1958, с. 248–271; 1989, с. 135–136; 1991, с. 15–19, 28–31] и Т.Н. Высотской [1979, с. 100–120; 1979а, с. 63–68]. Немногочисленные находки из дореволюционных раскопок скифских курганов рассмотрены Т.Н. Троицкой [1957, с. 174–190]. Огромную работу по систематизации и классификации лепной керамики скифского населения Степного и Предгорного Крыма провел С.Г. Колтухов [2004а, с. 68–120], им же опубликованы материалы поселения Доброе [2004, с. 124–134]. Новые материалы из раскопок Неаполя 1978–1983 гг. представлены О.А. Махневой [2004, с. 100–107].

В своей монографии О.Д. Дащевская рассмотрела истоки формирования позднескифского керамического комплекса и инновации, связанные с влиянием других этнических групп. Для керамики Северо-Западного Крыма III–II вв. до н. э., по ее мнению, характерны нижнеднепровские формы, представленные горшками с орнаментацией из защипов и насечек по венчику, а также распространение дуговидных и других видов налепов. В Центральном Крыму такие сосуды встречаются реже и появляются позже [Дащевская, 1991, с. 15–18]. Ею же отмечен ряд крымских форм, имеющих аналогии в кизилкобинской керамике, культурах фракийского круга, сарматской посуде, а также сосуды, выполненные под влиянием античных образцов.

Т.Н. Высотская, анализируя керамику Неаполя, пришла к выводу, что она претерпевала значительные изменения на всем протяжении существования городища, хотя и отличалась от посуды Северо-Западного Крыма и Нижнего Приднепровья [1979, с. 116]. Для III–II вв. до н. э., как она считает, в керамическом комплексе характерной является чернолощеная столовая посуда (черпаки, миски с загнутым краем, с горизонтальными ручками и налепами, кувшины с высоким горлом и др.), в оформлении которой просле-

живается таврское влияние [Высотская, 1979, с. 119]. Сосуды рубежа н. э. продолжают традиции предыдущей поры. Появляются формы типа ваз на ножке, различные виды кувшинов, горшки с налепами, подражания античным образцам [Высотская, 1979, с. 100–107]. Проведенный Т.Н. Высотской анализ керамики Неаполя показал, что она имеет сходство как с посудой из погребений в курганах Крыма V–III вв. до н. э., так и городищ Приднепровья IV–III вв. до н. э. и культур фракийского круга. Влияние последних прослеживается еще с эллинистического времени [Высотская, 1979, с. 119], хотя фракийская керамика получает распространение только после гетского нашествия и характерна преимущественно для северо-западных районов полуострова.

В последнее время специальным изучением позднескифской керамики Крыма занимается В.П. Власов [1997, с. 204–303; 1999; 1999б; 2001, с. 18–31; 2001а, с. 168–182; 2003, с. 98–124]. Обобщенно его выводы выглядят так. Первый период развития лепной керамики (втор. пол. III – конец II в. до н. э.) характеризуется преобладанием типов позднескифской и скифской керамики конца V – IV вв. до н. э. при наличии некоторого количества изделий, сочетающих таврские и позднескифские традиции, а также отдельных зарубинецких сосудов. Во втором периоде (кон. II–сер. I в. до н. э.) продолжает доминировать позднескифская (крымская и «общепозднескифская») керамика при наличии ранних скифских и таврских форм, появляются реберчатые сарматские курильницы. Более 1/3 керамики третьего периода (втор. пол. I в. до н. э. – конец I в. н. э.) – это «позднескифская крымская», при этом «общепозднескифская» и скифская ранних форм составляет 1/5 часть; такая же доля приходится на посуду, имитирующую греческие формы и сочетающую позднескифские и греческие черты [Власов, 1999, с. 9–11].

В историческом аспекте В.П. Власов следует традиционной теории сложения позднескифской культуры, опубликованной более 40 лет назад П.Н. Шульцем, развитой Т.Н. Высотской и поддержанной И.Н. Храпуновым. Несмотря на значительные изменения, произошедшие в III в. до н. э. во всем поясе евразийских степей и на прилегающих территориях, он уверен, что консолидация населения в рамках нового государственного образования не привела к серьезным изменениям этнического состава, констатируя лишь, что в керамическом комплексе первого периода имеется много форм, присущих только поздним скифам, не находя этому объяснения. Лишь ковши и кружки похожи, но не тождественны кизилкобинским сосудам. Автор, привлекая в качестве аналогии картину сложения лепного комплекса (далее – ЛК) Ольвии и Березани, приходит к выводу, что «появление не обнаруживающего прототипов набора ЛК на начальном этапе отдельных культурно-исторических новообразований – это объективная закономерность, механизм которой еще не раскрыт» [Власов, 1999а, с. 147].

Этнический состав населения Крымской Скифии в позднеэллинистический период был не менее пестрым, чем в последующие времена, поскольку происходила консолидация разрозненных и различных по происхождению кочевых и полукочевых племен, а также групп нескифского населения. Формирование такого этноса – «крымских скифов», при всей условности термина, было близко к завершению в правление Скилура (втор. пол. II в. до н. э.). Отсюда и уникальность керамического комплекса, значительно отличающегося по своему составу от традиционных форм степных скифов. Определенная преемственность между с анклавами в Северо-Западном Причерноморье, Поднепровье и в Восточном Крыму существовала, но перемены в демографической ситуации коренным образом изменили этнический состав населения Северо-Западного и Предгорного Крыма.

Еще сложнее вопрос о находках керамики «латенизированных культур». Поскольку датировки этих сосудов скорее относятся к I в. до н. э., их рассмотрение уместно было бы провести во втором разделе. Германское происхождение и возможные исторические объяснения попадания такой посуды на позднескифские памятники не находят поддержки. Более вероятны контакты сарматов последующего периода с бастарнами, с которыми часть исследователей связывает зарубинецкую культуру.

Все этнодемографические расчеты В.П. Власова по второму периоду основаны на 29 экземплярах сосудов, поэтому не внушают доверия. Тезис о появлении ребристых курильниц в этот период ошибочен, поскольку они датируются второй (ближе к рубежу н. э.), а не первой половиной I в. до н. э., поэтому их связь с роксоланами более чем проблематична. Сарматы же действительно присутствуют в этот период в Предгорном Крыму, поскольку их памятники выделяются по погребальному обряду и инвентарю.

В третий период (втор. полов. I в. до н. э. – кон. I в. н. э.) необоснованно включена фаза втор. пол. I в. н. э., когда в Крымской Скифии происходят значительные этно-политические изменения, приведшие к значительной сарматизации населения. У В.П. Власова, ранее неизвестная в Крыму, не имевшая прототипов керамика превратилась в «позднескифскую крымскую». Одним из наиболее весомых вкладов В.П. Власова в разработку проблемы является выделение довольно многочисленной группы посуды сарматского происхождения, однако не рассмотрены сарматские комплексы Присивашья, где также найдена керамика северокавказского производства (Чкалово, Емельяновка).

Процесс слияния сарматов со скифами, по мнению В.П. Власова, выразился в сочетании посуды скифских форм и сарматских с низкопосаженными ручками. Однако для сарматов, проживавших обособленно в Присивашье и на окраинах Херсонеса, были характерны курильницы и другие типы посуды. Появление этого населения – результат выхода на политическую арену племен среднесарматской культуры. Очень важен вывод об угасании на этом этапе традиций кизилкобинской керамики. Действительно, позднее I в. н. э. они не прослеживаются.

Выделенная В.П. Власовым группа керамики зарубинецкого облика и ряд форм, близких к материалам ольвийской округи, свидетельствуют о проникновении в этот период населения из Нижнего Побужья и Поднепровья после гетского разгрома середины I в. до н. э. Это положение, основанное в основном на данных погребального обряда и лепном керамическом комплексе, было сформулировано достаточно давно [Пуздровский, 1992, с. 127, 128].

С рассматриваемой группой посуды тесно связана проблема фракийского присутствия в Крыму. Безусловно, керамику чисто фракийских (гето-дакийских типов) не так просто выявить, да и о самом присутствии фракийцев в Крыму в письменных источниках не сообщается. Однако и В.П. Власов вслед за предшественниками отмечает массовое проникновение нижнеднепровских форм лепной керамики с фракийскими мотивами орнаментации. Этот импульс, видимо, достиг к рубежу эр поселений Европейского Боспора. Появление лепной керамики в полном наборе, начиная от корчаг, горшков, сковород и заканчивая мелкой столовой посудой при высоком качестве выделки, свидетельствует о продвижении новой волны земледельческого населения («георги» Страбона?). С появлением его на всех хорошо изученных памятниках Северо-Западного, Юго-Западного и Центрального Крыма фиксируется горизонт с полуzemляночными структурами прямоугольной формы с лежанками и набором керамики специфических форм. Вокруг жилищ появляются десятки хозяйственных ям. Керамика этого периода ближе к фракийским формам IV–III вв. до н. э., чем к гето-дакийским первых вв. н. э.

О распространении влияния латенской культуры можно судить по находкам на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и Крыма очажных подставок, украшенных головами баранов или «коньков» [Погребова, 1958, с. 239]. Их появление относится к рубежу н. э., а наибольшее количество приходится на I–II вв. н. э. Достаточно много форм, имеющих аналогии в Нижнем Приднепровье, испытавшем, как известно, влияние традиций гето-дакийского населения, происходит из Неаполя Скифского, в том числе из раскопок 1978–1991 гг., но опубликована лишь часть [Махнева, 2004, с. 106, 107].

Предварительный анализ керамического комплекса городищ Юго-Восточного Крыма (Сары-Кая, Биюк-Янышар) также свидетельствует о его сложении под значительным влиянием фракийских и нижнеднепровских форм [Катюшин, 1978, с. 10; 1979, с. 12; 1981, с. 11]. Аналогичны и выводы Л.М. Маленко [1990, с. 145–150]. Работы последних десяти-

летий в этом районе (Куру-Баш, Карасан-Оба) подтверждают типологию и характер лепной посуды и ее связь с городищами Центрального Крыма [Гаврилов, 2004, с. 95, 96].

Не менее интересна керамика, найденная при раскопках Кутлакской крепости: ее происхождение от племен латенского круга очень вероятно, хотя авторы публикации полагают, что она имеет местные крымские корни и в ней сохранился ряд признаков, характерных для культуры тавров или тавро-скифов [Ланцов, Юрочкин, 2001, с. 254–290].

В связи с изложенными выше взглядаами на генезис лепного керамического комплекса Крымской Скифии есть смысл сравнить его с посудой нижнеднепровских городищ и могильников. Последней посвящены работы Н.Н. Погребевой [1958, с. 103–247] и М.И. Вязьмитиной [1962; 1972; 1969, с. 119–134; 1969а, с. 62–77; 1986, с. 232]. В них прослеживается довольно устойчивый вывод о значительном влиянии гето-фракийских и зарубинецких форм на сложение керамического комплекса Нижнего Днепра [Погребова, 1958, с. 214, 242–243] и даже о прямом проникновении фракийских элементов в быт местного населения [Вязьмитина, 1969, с. 123–124]. Эти положения были поддержаны П.Н. Шульцем [1971, с. 130–131]. О связях гетского населения Карпато-Днестровского региона с позднескифскими городищами Нижнего Днепра свидетельствуют работы М.Е. Ткачука [1995, с. 20; 1999, с. 277–304], в чем с ним солидарен А.Н. Щеглов [1998, с. 150, 151].

Лепная керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья активно изучается в последние годы, отмечены ее отличия от крымской, что, по мнению исследователей, не может служить в пользу гипотезы о переселении нижнеднепровских скифов в Крым во II в. до н. э. [Гаврилюк, Абикулова, 1991(II), с. 2–10]. Н.А. Гаврилюк пришла к выводу, что Нижний Днепр был заселен выходцами из Ольвии, смешавшимися с небольшой частью полукочевого скифского населения, которое проживало здесь ранее [1999, с. 343].

Вся сложность создания этнических реконструкций на основе только лепного керамического комплекса может быть показана на примере крымских курильниц с шаровидным корпусом (рис. 22, II, 2; 23, II, 2; 32, 3; 36, I, 1; 46, 2, 3; 54, 11]. Этому типу посуды посвящена обширная литература [Шульц, 1953, с. 34, 62, прим. 46; Троицкая, 1957, с. 182–184; Погребова, 1961, с. 110–111, 181; Яковенко, 1971, с. 87–93; Дащевская, 1980, с. 18–29]. П.Н. Шульц видел в курильницах из мавзолея Неаполя Скифского связь с традициями посуды раннетаврского (кизилкобинского) типа [1953, с. 34, 62]. Н.Н. Погребова полагала, что форма этих сосудов имеет западное происхождение, а характер орнаментации – кизилкобинские влияния [1961, с. 111]. Э.В. Яковенко считала, что появившиеся в Восточном Крыму в IV в. до н. э. курильницы имеют прототипы в Закавказье и меотских памятниках [1971, с. 88, 89]. К.Ф. Смирнов, изучая раннесарматские комплексы Северного Причерноморья, указывал, что выводы Э.В. Яковенко можно считать справедливыми только для крымского варианта курильниц. Днестровским формам он нашел аналогии в раннесарматском комплексе из Яремовки (Северский Донец), днепробугским – в Поволжье и Приуралье [Смирнов, 1984, с. 64, 65].

В последние годы помимо курильниц Тираспольщины [Мелюкова, 1962, с. 158–159, рис. 2–4; Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 252, 254, рис. 1, 5] стали известны аналогичные сосуды в Подунавье, при этом поддержано мнение К.Ф. Смирнова об их савроматском происхождении [Редина, 1989, с. 133–134]. В.С. Ольховский считал, что такой тип посуды характерен для зоны предположительных контактов скифов с гето-фракийцами [1991, с. 115].

Интересные экземпляры обнаружены на Днепровском Левобережье. В 1985 г. в обрыве левого берега Днепра у с. Кагамлык Полтавской области была найдена лепная курильница, близкая по типу днестро-дунайским [Пуздовский, 1988а, с. 32, 33]. Во впускном женском погребении кургана на Замковой горе в Лубнах (на Суле), исследованном в 1882 г. Ф.И. Каминским, имеется аналогичная курильница [Кулатова, Супруненко, 1999, с. 138, 139, 141, рис. 3, 4; Супруненко, 2000, с. 114, 118]. Есть упоминание о курильнице из Ворсклы (? – А.П.), приводимое П.Н. Шульцем [1953, с. 62, прим. 46].

Кроме вышеперечисленных аналогий днестро-дунайским сосудам можно найти в памятниках Нижнего и Среднего Дона [Пузикова, 1969, рис. 3, 8; Петренко, 1989, с. 80, табл. 24, 38; Марченко К.К., 1972, с. 126–127, 133, рис. 3, 2].

О.Д. Дащевская, рассматривая курильницы позднескифского времени, пришла к выводу о том, что на сложение их типа оказали определенное воздействие аналогичные по функциям античные сосуды [1980, с. 28–29]. В последние годы коллекция крымских курильниц пополнилась находками из Битакского могильника (рис. 36, I, 1), Кермен-Кыра [Пуздровский, 2007], Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с. 102, 115, рис. 4, 183], курганного могильника Беш-Оба [Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 55–57], подкурганного каменного склепа в группе Сары-Кая у с. Вишенного [Кропотов, Лесков, 2006, с. 28, 29, рис. 4, 2; Зайцев, 1997, с. 116] и катакомбы № 18 в Левадках [Храпунов, 2004, рис. 9, 2]. В последнем сосуде найдены обожженные гальки. Такой обычай, как справедливо отмечено, известен на Северном Кавказе [Храпунов, 2004, с. 105], но зафиксирован также в кургане Черкеса (см. выше), Беш-Обе, достаточно хорошо представлен в курганах Тираспольщины [Яровой, Четвериков, 2000, с. 6].

В сарматском мире культовые сосуды существовали во все периоды, однако формы их были несколько иными [Мошкова, 1989а, с. 190, 202, табл. 69, 80]. Имеют ряд отличий и культовые сосуды Предкавказья, большая часть их – небольшие сосуды в форме горшка или усеченно-конической формы, реже – в виде двуручных кувшинов, во многих найдены галька и обрывки железной цепи, связываемые исследователями с культом домашнего очага [Абрамова, 1989, табл. 109, 1–3, 13, 17, 18; 1993, с. 32, 55–60, рис. 19–21].

В целом тип ритуальной посуды в виде курильниц, видимо, сформировался в контактной зоне скифских и савромато-меотских племен, откуда в результате миграций населения распространился на обширной территории. В локальных областях под воздействием различных факторов курильницы продолжили самостоятельную линию развития (Подунавье–Поднестровье, Побужье, Крым, Северный Кавказ). Крым, являясь кратчайшим связующим мостом между Северо-Западным Причерноморьем и Кавказом, впитал в себя различные элементы в приемах отделки и орнаментации этих сосудов.

В памятниках Крымской Скифии и Нижнего Днепра рубежа н. э. представлены и другие типы курильниц [Дащевская, 1989, с. 356, табл. 51; 1991, с. 29, табл. 47; Зайцев, 1995, с. 85, рис. 7, 34; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 187, рис. 12, 10, 15]. Среди них не только угасающие формы позднеэллинистического времени, но и типичные варианты сарматских культовых сосудов [Мошкова, 1989, с. 385, табл. 80]. В склепах Неаполя рубежа н. э. и первой половины I в. н. э. найдены три курильницы в форме кубков (два с ручками) с отверстиями в тулове [Сымонович, 1983, с. 80, табл. IV, 2, 5, 8], близкие аналогии им известны в Беляусе – в комплексах I в. до н. э. (?) [Дащевская, 1991, с. 29, табл. 47, 1, 2, 6; Михлин, 1980, с. 211, 212] (рис. 13, I, 11, 15; 18, VII, 1].

Возвращаясь к вопросу о генезисе позднескифского керамического комплекса Крыма, следует подчеркнуть, что собранные в работе О.Д. Дащевской основные типы посуды крымских поселений и могильников свидетельствуют об их близости нижнеднепровским формам, а также керамике Поднестровья и фракийских культур [1991, табл. 10–13; 17–23; 25, 1–8]. В керамике населения Северо-Западного Причерноморья и в Крыму есть близкие подражания античным формам [Дащевская, 1991, табл. 23; Высотская, 1979, с. 105, рис. 38], что было обусловлено контактами с греческим населением, а также перерывами в поступлении импортной посуды и тары. «Традиции» кизилкобинской культуры, проявившиеся в широком распространении чернолощеной керамики, повторяющей некоторые формы VII–V вв. до н. э. [Колотухин, 1990, с. 68–86], свидетельствуют лишь об общности керамических комплексов пифияской и кизилкобинской культур, восходящих к эпохе поздней бронзы. Исходя из этой посылки, трудно выделить и керамику северокавказских типов, фиксируемую лишь в степных сарматских погребениях (Емельяновка, Чкалово, Яркое Поле). Некоторые типы горшков и кухонной посуды известны в более ранних комплексах скифо-кизил-кобинского типа [Высотская, 1979, с. 118, рис. 50].

Таким образом, в керамическом комплексе позднескифской культуры Крыма позднеэллинистического и раннеримского времени получили отражение как формы предшествующей эпохи, связанные с памятниками смешанного скифо-кизилкобинского типа и населения Восточного Крыма, так и инновации, обусловленные проникновением населения из Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, культура которых была в значительной степени фракизированной и эллинизированной. С рубежа н. э. прослеживаются формы сосудов, характерные для племен среднесарматской культуры и меотов Северного Кавказа.

Вооружение и воинское снаряжение.

Вооружение и воинское снаряжение позднескифского времени, в том числе из крымских могильников, были подробно рассмотрены А.В. Симоненко [1986; Simonenko, 2001, р. 187–327], поэтому в данной работе приведены лишь некоторые наблюдения и дан анализ находок, полученных в последнее время.

Мечи и кинжалы. В степных курганах Крыма в сарматских захоронениях I в. до н. э. – I в. н. э. обнаружено несколько мечей с волютообразным и кольцевым навершием (Рисовое, Чкалово). Меч с волютообразным навершием известен из дореволюционных раскопок Неаполя [Колтухов, 1983, с. 222–224]. Этот тип оружия не получил развития в Северном Причерноморье, а известен преимущественно на Северном Кавказе, Поволжье и в Средней Азии [Колтухов, 1983, с. 223–224; Симоненко, 1984, с. 132–135; Скрипкин, 1990, с. 125, 126]. М.П. Абрамова полагает, что мечи с «антенным» навершием являются северокавказской продукцией [1993, с. 70, рис. 24, 13, 14].

Наиболее ранний экземпляр меча длиной 0,7 м с прямым перекрестием и кольцевым навершием обнаружен в подкурганном погребении у с. Чистенькая (вторая-третья четверть II в. до н. э.) [Колтухов, Тощев, 1998, с. 42, 43, рис. 21, 1; Зайцев, Колтухов, 2005, с. 242–259; Зайцев, 2005, с. 93; ср.: Храпунов, 2004, с. 102, 103]. Не менее редки для I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. (рис. 17, II, 1; 25, I, 1) находки клинов с кольцевым навершием в позднескифских грунтовых могильниках (Неаполь, мавзолей, XXIV; Усть-Альма, могила 466; Беляус, могила 40) [Погребова, 1961, рис. 30, 1; Дащевская, 1991, табл. 61, 5; Симоненко, 1986, с. 51]. Что касается оружия из каменной гробницы мавзолея, то А.В. Симоненко еще в 1986 г. предположил ошибку в интерпретации, т. е. в погребении был всего один меч, а за экземпляр с кольцевым навершием принятые ножны [1986, с. 44, 45, 49, 51]. Ю.П. Зайцев, пересмотрев полевые материалы и собрав сохранившиеся детали оружия, пришел к выводу, что в каменной гробнице находился латенский железный меч длиной 95–110 см в железных ножнах, со скобой и бутировью [2001, с. 46, 50, рис. 4] (рис. 20, 6–8).

В погребении середины I в. н. э. (склеп 690/1 Усть-Альмы) вместе с железными наконечниками стрел и комплектом конской узды найден меч с кольцевым навершием (рис. 86, 1), очевидно, самый ранний в серии подобных экземпляров из погребений середины – третьей четверти I в. н. э. (рис. 87, 1, 2; 88, 1–3].

Основным типом позднескифского холодного оружия с I в. н. э., по мнению А.В. Симоненко, становятся мечи и кинжалы с рукоятью-штырем [1986, с. 52]. Наиболее ранний экземпляр (I в. до н. э.) представлен в могиле 38 Беляуса [Дащевская, 1991, табл. 61, 10] (рис. 13, III, 2). Рубежом н. э. датируется меч из погребения № 16 ящика XXXII мавзолея Неаполя [Погребова, 1961, с. 210, рис. 33, 4, 5; 34, 3, 4; Пуздровский, 1989, с. 32] (рис. 25, VI, 2), I в. н. э. – фрагмент из склепа 9 Кольчугина [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 97, 124, рис. 19, 3]. Прототипами позднескифских мечей А.В. Симоненко считает импортные латенские экземпляры из Верхне-Тарасовки [Бодянский, 1962, с. 272–276] и мавзолея Неаполя [Шульц, 1953, табл. VII], свидетельствующие о контактах скифов с кельтами [1986, с. 53–56]. Последний тезис не вызывает сомнений, однако следует обратить внимание на оружие «синдо-меотского» типа, послужившее основой для формирования сарматских мечей без перекрестия и рукоятью-штырем [Смирнов, 1980, с. 40–43; Симоненко, 1986, с. 52–53]. Такое оружие (с брусковидным навер-

шием) встречается в захоронениях Предкавказья до начала III в. до н. э. [Эрлих, 1991, с. 80–82; Абрамова, 1993, с. 67–69, рис. 24, 1–5]. Ту же дату дают и погребения Прикубанья [Марченко И.И., 1996, с. 48–50].

О проникновении в Западный Крым в IV–III вв. до н. э. клинового оружия меотского типа можно судить по изображению меча на стеле Парфения, сына Сириска, обнаруженной в забутовке кенотафа в кургане у Кульчукского городища. Это изваяние дает представление о составе вооружения воина херсонесской хоры (скифский сложный лук и меч меотского типа). Она значительно отличается от надгробных памятников в самом Херсонесе [Голенцов, Дащевская, 1981, с. 111–112].

Из приведенных Э.В. Яковенко типов клинового оружия из Восточного Крыма интересны два меча (Ак-Бурун, 1875; Пантикопей, 1862), близкие меотским образцам [Яковенко, 1974, с. 99–100, рис. 40], а также обряд (частичная кремация?) и состав инвентаря Ак-Бурунского захоронения, которое многие связывают с савроматами [ОАК, 1875, с. 5; Виноградов Ю.А., 1993, с. 38–51; ср. Ольховский, 1991, с. 153].

А.С. Скрипкин полагает, что мечи без металлического навершия и перекрестья появились уже в раннесарматское время (не позже I в. до н. э.), хотя наибольшее распространение получили во II–IV вв. н. э. [1990, с. 132, 133, рис. 22, 12, 13].

Таким образом, формирование типа мечей без перекрестья и с рукоятью-штырем, происходило как у сарматов, так и у поздних скифов примерно в одно и то же время (I в. до н. э. – I в. н. э.) под влиянием поздних реплик оружия меотского типа и латенских образцов. Меч из могилы 59 Золотой Балки в Нижнем Поднепровье может свидетельствовать о слиянии форм латенского и меотского оружия [Вязьмітіна, 1962, с. 121, 123, рис. 61,2; Дащевская, 1989, рис. 54, 22].

Наконечники стрел позднескифского времени также явились предметом изучения А.В. Симоненко [1986, с. 75–82]. Бронзовые наконечники архаизирующих типов свидетельствуют об их использовании в качестве амулетов [Погребова, 1961, с. 116, 206; Сымонович, 1983, с. 85; Высотская, 1994, с. 130; Дащевская, 1991, с. 34], что характерно для сарматов [Хазанов, Черненко, 1979, с. 20–21; Яценко С.А., 1993а, с. 76, 77; Гущина, Засецкая, 1994, с. 10]. Такие наконечники стрел, найденные в Тавельских курганах, а также бронзовые украшения IV в. до н. э. (рис. 44, 8, 16, 17) [Троицкая, 1957, с. 188, рис. 13 а–в; Дащевская, 1991, с. 130, табл. 74, 5; Полин, 1992, с. 42] могут в равной степени указывать как на дату сооружения гробниц, вторично использованных для захоронений во II–I вв. до н. э. – I в. н. э., так и на их употребление в качестве апотропеев. В комплексах Предкавказья бронзовые наконечники скифских и савроматских типов встречаются также в единичных случаях [Абрамова, 1993, с. 74], а в Поднестровье они найдены в наборе по 3–4 экземпляра вместе с железными наконечниками [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254].

Рассматривая бытование у поздних скифов железных втульчатых наконечников стрел (мавзолей Неаполя, грунтовый могильник; Беляус), А.В. Симоненко отметил ряд отличий (узкие, длинные, изящных пропорций) от форм IV–III вв. до н. э., а также их близость меото-сарматским наконечникам Прикубанья и некоторым сарматским экземплярам. В то же время он считает, что данный тип продолжает в другом материале традиции скифских бронзовых наконечников IV в. до н. э., а в его формировании участвовали оба компонента [Симоненко, 1986, с. 76–82]. Такой взгляд на развитие этого вида вооружения близок позиции К.Ф. Смирнова, полагавшего, что производство железных втульчатых наконечников было налажено меотами Прикубанья и Нижнего Дона [1964, с. 70].

Преобладание железных втульчатых наконечников характерно для погребений Тираспольщины IV–III вв. до н. э., что сближает их с наиболее поздними захоронениями Никопольского и Марицынского (Петуховка) могильников [Мелюкова, 1962, с. 147–148; Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254]. Особенно много таких экземпляров в

колчанных наборах сарматских комплексов Прикубанья [Марченко И.И., 1996, с. 59–66] и памятниках Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 74–76].

В мавзолее Неаполя на полу камеры был обнаружен железный массивный втульчатый наконечник с четырехгранной пирамidalной головкой, как полагает Ю.П. Зайцев, от бронебойной стрелы гастрафета [2001, с. 45, прим 42, рис. 17, 4].

Для позднескифских памятников характерно сочетание втульчатых и черешковых наконечников в одном наборе, что наиболее ярко проявилось в каменной гробнице [Зайцев, 2001, с. 50, рис. 5, 24] и деревянном ящике I мавзолея [Шульц, 1953, табл. XIII, 2–5].

Железные черешковые наконечники стрел одинаковы в это время как у сарматов, так и у поздних скифов Крыма, населения Прикубанья, Центрального Предкавказья, нигде не составляя значительных серий [Дашевская, 1991, с. 34; Скрипкин, 1990, с. 133–142; Марченко И.И., 1996, с. 61, 62, 66, 67, рис. 17; Абрамова, 1993, с. 75]. Их появление у кочевников, вероятно, связано с проникновением населения из Средней Азии. Большой набор таких наконечников обнаружен в слое разрушения первой четверти I в. н. э. на городище Кара-Тобе и связывается С.Ю. Внуковым [1997а, с. 44, 45, рис. 6] и А.Б. Лагутиным [1999, с. 203–207, рис. 1, 1–10, 12, 15, 17–19] с участием сарматских контингентов в военной акции боспорского царя Аспурга против скифов.

Колчаны найдены только в мавзолее: каменная гробница, ящики I и II [Шульц, 1953, табл. I, IV; Погребова, 1961, с. 118–120, 184, 188–190, рис. 10, I, V]. Один из них, в реконструкции О.И. Домбровского, выполненной по акварельным зарисовкам, – прямоугольной формы. Ю.П. Зайцев отрицает наличие у колчана из каменной гробницы золотого «навершия» [2001, с. 49, рис. 7, 17]. На вторичное использование этой пластины подтреугольной формы обратила внимание еще О.Д. Дашевская [1991, с. 34].

Наконечники копий и дротиков, по данным А.В. Симоненко, найдены в 30% позднескифских погребений с оружием [1986, с. 88; Simonenko, 187–327]. Подавляющее большинство таких комплексов датируются II–I вв. до н. э. – I в. н. э. Наконечники копий относятся к двум основным типам: с длинной втулкой, коротким пером и тупым углом атаки и листовидным пером и втулкой средних размеров [Симоненко, 1986, с. 88–90]. Самый поздний экземпляр листовидных наконечников обнаружен в слое разрушения первой четверти I в. н. э. городища Кара-Тобе [Лагутин, 1999, рис. 1, 21, 22A, 22Б]. Заслуживает внимания нетипичный для поздних скифов наконечник ромбовидной формы пера с нервюрой из склепа 5 Беляуса с материалами конца II в. до н. э. (рис. 13, II, 1) [Дашевская, 1991, с. 34, табл. 60, 25], который, как полагает А.В. Симоненко, близок закавказским образцам [1986, с. 95]. Аналогичные наконечники известны в латенских культурах, начиная с фазы B_{2b} (280–180 гг. до н. э.), существуют до поздней фазы пшеворской культуры [Щукин, 1994, рис. 12, 43; 38].

Наконечники копий у поздних скифов представлены значительно лучше, чем в сарматских памятниках. Типология этого вида оружия свидетельствует не только о сохранении и развитии скифских форм IV–III в. до н. э., но и о влиянии меото-сарматских и закавказских традиций [Симоненко, 1986, с. 83–95, 148–149]. Одной из территорий формирования «позднескифских» копий могло быть Северо-Западное Причерноморье, где найдены экземпляры листовидной формы и с длинной втулкой [Мелюкова, 1962, с. 148–149; Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 153, 154, рис. 2, 1, 2]. В могильниках Предкавказья и у сираков Прикубанья также известны наконечники листовидной формы [Абрамова, 1993, с. 73, 74, рис. 24, 25–28, 31–34; Марченко И.И., 1996, рис. 44, 9; 49, 13; 58, 3; 71, 17, 18; 75, 13; 78, 8; 85, 5; 98, 6; 103, 3–6; 105, 1; 109, 5].

Наконечник дротика обнаружен на городище Кара-Тобе в слое середины II в. до н. э. [Лагутин, 1999, с. 204, 205, рис. 1, 20]. На Неаполе такой предмет найден в склепе 39 конца II – начала I в. до н. э. [Сымонович, 1983, табл. XIV, 2], а вот обломок из каменной гробницы оказался фрагментом копья [ср.: Шульц, 1953, с. 24; Зайцев, 1994,

с. 97, рис. 2, 4; 2001, с. 49, рис. 5, 19]. Особо следует остановиться на дротиках с жаловидной головкой из погребения 2 кургана у с. Чистенькая. По форме они типичны для комплексов IV в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 45, табл. 14, 13, 15, 16; Полин, 1984, с. 112, рис. 13, 5; Евдокимов, Фридман, 1987, с. 112, рис. 20, 4; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 168, 169, кат. 63; Скорый, 1997, с. 32, рис. 42, 1; 44, 1; 50, 1, 3, 4; Симоненко, 2001, с. 93–94]. В Крыму наиболее яркое погребение с комплектом дротиков и наконечников копий происходит из Талаевского кургана [Манцевич, 1957, с. 155, 157, рис. 2 в]. По данным В.Р. Эрлиха, дротики с жаловидным пером появились в Прикубанье из Лесостепной Скифии в конце IV в. до н. э. и бытовали там до I в. до н. э. [1992, с. 8]. Один такой наконечник найден в комплексе I в. н. э. [Гущина, Засецкая, 1994, с. 9, табл. 25, кат. 246]. Особенno характерно такое вооружение для населения скифского времени Среднего Дона [Либеров, 1965, табл. 18, 10, 12, 22–27] и зарубинецкой культуры [Кухаренко, 1964, табл. 20, 3, 8]. Обломок массивного дротика найден в комплексе из с. Великоплоское [Дзис-Райко, Суничук, 1984, с. 154, рис. 2, 3]. Среди сарматских древностей дротики с шипами изображены на фаларах из Кривой Луки [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981, с. 100–105, рис. 2, 3].

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, листовидные наконечники копий свидетельствуют, как считает А.В. Симоненко, о появлении в конце II в. до н. э. новой волны кочевников [1986, с. 39].

Боевой топор известен лишь в погребении № 30 ящика II мавзолея [Шульц, 1953, табл. XI, 3] (рис. 23, I, 10) и типологически может быть сопоставим с железными клевцами IV в. до н. э. [Іллінська, 1961, с. 40, рис. 5, 1–3, 7, 8], а те, в свою очередь, ведут происхождение от кавказских образцов. Такое оружие найдено преимущественно на территориях, занятых оседло-земледельческим, «скифоидным» населением [Мелюкова, 1989, с. 94]. Показательно, что в мужском погребении с боевым топором найден уникальный набор вооружения: меч латенского типа, железные черешковые наконечники стрел, железный колчанный крючок, удила с псалиями и бронзовые детали конского убора в виде комплекта бронзовых колец с зажимами для ремней и пряжки – чуть ли не весь ассортимент позднескифского всадника-воина [Шульц, 1953, с. 31, 32, табл. VII; XI, 2, 3; Погребова, 1961, с. 129–130, рис. 10–11] (рис. 23, I, 1–5, 9–11).

Шлем в позднескифских памятниках Крыма найден один [Погребова, 1961, с. 120, рис. 4, 2]. Экземпляр из мавзолея Неаполя А.В. Симоненко определил как изделие местного производства, изготовленное по южногреческой модели [1986, с. 122–125]. Однако, как выяснилось, реконструкция шлема из мавзолея по полевым зарисовкам оказалась неверной. Ю.П. Зайцев по сохранившимся фрагментам и полевым фотографиям восстановил его графический облик: это шлем типа Пилос с высокой колоколообразной тульей, подвижными фигурными нащечниками, петли которых прикрыты парными «беотийскими» складками, широким козырьком и прокованными волютообразными укращениями [Зайцев, 2001, с. 49, 50, рис. 9] (рис. 20, 9, 10).

В каменной гробнице мавзолея Неаполя сохранились остатки кожи, принятые за кожаный панцирь [Черненко, 1968, с. 18]. Однако металлические пластины, покрытые позолотой, оказались деталями шлема [Зайцев, 2001, с. 49, рис. 9, 20, 21]. Бронзовые поножи, найденные в разрушенном погребении кургана 1949 г. Неаполя [Черненко, 1968, с. 116–117; Сымонович, 1983, с. 14], вероятнее всего, датируются IV в. до н. э. Отсутствие поножей у поздних скифов и сарматов отмечает А.В. Симоненко [1986, с. 136–137].

Металлические детали поясов и портупейно-поясных наборов, колчанные крюки обнаружены во многих позднескифских комплексах Крыма (Неаполь, Тавельские курганы, Чистенькая, Барабаново, Капак-Таш, Битакский могильник, Беляус, Керкинитида). Классификация и типология этих вещей были предложены О.Д. Дащевской [1991,

с. 35–36, табл. 62, 1–6, 9–16; 63, 1–14], указавшей на аналогии орнаментированным крюкам в памятниках Среднего Дона и Прикамья [Гуляев, 1969, с. 109–127]. Очень схожие по конструкции и орнаментации поясные крюки найдены на Нижнем Дону в комплексах IV в. до н. э. [Смирнов, 1984, с. 49, 50 рис. 17, 6; Максименко, Смирнов, Косяненко, 1984, с. 152, рис. 69, 10, 11]. Близость культуры степных и лесостепных регионов Подонья подтверждают и последние исследования [Медведев, 1999, рис. 54, 25–29; Гуляев, 2000, с. 48, 49; Гончарова, 2000, с. 51–61], хотя этническая принадлежность их населения остается под вопросом. Портупейные крюки с зооморфными изображениями имели место также в сарматских памятниках Поволжья и Приуралья [Смирнов, 1976, рис. 1, 19; 2, 4; 3, 2, 17].

Железная портупейная пряжка из кургана у с. Чистенькая с бронзовой ажурной накладной пластиной не находит прямых аналогий, но близка по конструкции и оформлению щитка обитому золотом экземпляру в виде лежащего кабана из Нижних Серогоз [Ростовцев, 1913, с. 311, табл. LXXXV, 3]. На обеих пряжках – сложные композиционные изображения: мифологическая сцена с крылатыми конями (Чистенькая) и сражающиеся всадники (Нижние Серогозы). М.И. Ростовцев находил параллели портупейно-поясным пряжкам с крюком с юга России (Александровополь, Мастюгино и др.) в древностях Китая эпохи Хань, куда они, по его мнению, проникли под влиянием кочевых соседей – «иранских юэчжей и монгольских гуннов» [1993, с. 60–63, табл. V–VII; 1993а, с. 41, табл. I; ср.: Ильинская, 1976, с. 9–13].

Сложность проблемы заключается в значительном хронологическом разрыве между памятниками скифской поры и наиболее ранними комплексами с портупейными и колчанными крюками позднескифской культуры.

Предметы воинской экипировки обнаружены и в Поднестровье: у с. Глиное – бронзовый портупейный крючок в виде фигурки хищной птицы [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254, рис. 1, 1], у с. Парканы – колчанный крюк [Мелюкова, 1962, с. 148, рис. 1, 1]. Известна бронзовая портупейная пряжка в кургане 51 Петуховки на Нижнем Днепре [Полин, 1992, с. 37, 38, рис. 5, 11], есть бронзовые зооморфные орнаментированные колчанные крюки в Предкавказье, хотя преобладают экземпляры простой конструкции: в виде загнутого стержня и пластинчатые [Абрамова, 1993, с. 76, 77, рис. 24, 47–54]. Считается, что такой вид снаряжения распространяется вместе с сарматами [Мошкова, 1963, с. 35].

Боевые пояса отмечены в погребениях мавзолея: в каменной гробнице, ящиках I и XXII. Железные детали представляли собой накладные железные пластины [Погребова, 1961, с. 124]. О.Д. Дашевская предполагает, что такой пояс изображен на поясной пряжке скачущего всадника из Неаполя [1991, с. 35, рис. 62, 3], тогда как А.В. Симоненко считает, что в раннесарматское время боевые наборные пояса не известны, а такой вид вооружения характерен для скифских воинов VI–IV вв. до н. э. [1986, с. 119], в среднесарматских памятниках обнаружены кожаные наборные пояса с гарнитурой [Симоненко, 1979, с. 52–54]. Ю.П. Зайцев не исключает, что пластины из каменной гробницы являлись деталями одного поясного набора вместе с двумя железными пряжками и кольцами [2001, с. 48, рис. 8, 5, 8].

Н.Н. Погребова отметила ряд отличий позднескифских пряжек от наборов IV–III вв. до н. э., указав на распространение кожаных поясов с бронзовыми пряжками у кельтов, а зооморфные фигурки из мавзолея сравнила с предметами прикладного искусства сарматской культуры [1961, с. 125–126].

Большинство поясных пряжек рассматриваемого периода [Дашевская, 1991, с. 36, табл. 62, 17–28] относятся к типам, широко известным у сарматов прохоровской культуры [Мошкова, 1960, с. 293–307] – на всех территориях, входивших в зону их расселения (Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ). Часть из них изготовлена в греческих мастерских по сарматским образцам [Максимова, 1961, с. 140; 1979, с. 88]. Из

новых раскопок Неаполя, Битака, Капак-Таша, Усть-Альмы происходят литые бронзовые пряжки в виде одинарных, сдвоенных и тройных колец, с перемычками и выступами (рис. 95, 2–6,), с прямоугольной рамкой и зооморфным выступом (рис. 95, 7), железные кованые с выступами (рис. 95, 8–10, 18–20). Некоторые экземпляры, бывшие долго в употреблении, встречены в комплексах рубежа I–II вв. н. э. (рис. 95, 1, 11, 13, 14, 17) или происходят из случайных находок [Гущина, 1974, рис. XIV, 52].

На Усть-Альме в комплексах последних десятилетий I в. до н. э. найдены небольшие «пряжки» – пластины в виде сдвоенных и тройных колец (рис. 95, 12, 15, 16), которые, вероятно, являлись портупейными принадлежностями ножен меча [Галанина, 1989, с. 255–261, рис. 1, 1, 5; 2].

В отдельную группу (рис. 14, I, 9; II, 6; 18, I, 5; 51, 7) следует выделить круглые железные (Беляус, Кермен-Кыр, Кара-Тобе) и бронзовые (Кринички) пряжки в виде несомкнутого круга, часто с окончаниями в виде волют (типа сюльгам). Они имеют поразительное сходство с деталями одежды из памятников скифского времени Среднего Дона [Либеров, 1965, с. 22, табл. 24, 65, 66; 35, 12–14; Гуляев, 2001, с. 138–143]. В Поднепровье две бронзовые сюльгамы обнаружены в женском погребении Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, с. 123, 124, рис. 106, 6]. Б.Н. Мозолевский, указав на аналогии в памятниках Среднего Дона, не согласен с П.Д. Либеровым в том, что такие детали одежды характерны только для данного региона, и указывает на их наличие в зарубинецкой культуре [Кухаренко, 1964, с. 35, табл. 15, 6, 7, 10] и шире – в памятниках милоградско-подгорцевского типа [Мозолевский, 1979, с. 196, 197]. Такие пряжки из бронзы в небольшом количестве известны во II–I вв. до н. э. в Предкавказье, где они существуют со скифского времени [Абрамова, 1993, с. 83, рис. 27, 8, 9]. Одна железная пряжка-сюльгама найдена на Боспоре, в могильнике Золотое [Корпусова, 1983, с. 69, рис. 20, 4].

Бронзовые пряжки подковообразной формы (рис. 25, I, 3; 26, III, 3; 44, 12–14; 52, 11; 58, 13, 17; 59, 14) встречены в погребениях I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. Они представлены экземплярами из мавзолея Неаполя, Тавеля, Капак-Таша, грунтовых могильников Неаполя и Усть-Альмы [Шульц, 1953, табл. XVI, 5, 6; Дащевская, 1991, табл. 63, 11; Сымонович, 1983, табл. XXXIX, 12; Зайцев, 1997а, с. 165, рис. 2, 9; 3, 10, 14]. Наиболее поздние варианты I в. н. э. с подпрямоугольной формой рамки известны в Усть-Альминском могильнике [Высотская, 1994, с. 103, 104, табл. 10, 26]. Н.Н. Погребова предполагала сарматское происхождение этих пряжек [1961, с. 126]. В центральноевропейских памятниках (Чехия) подковообразные пряжки относят к 10–40 гг. н. э. [Щукин, 1994, с. 55, рис. 6, 55].

Эта группа предметов была подробно проанализирована А.А. Труфановым. Он пришел к выводу о датировке пряжек подковообразной формы в погребениях позднескифской культуры в пределах конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э., хотя не исключает появление такой поясной гарнитуры в более раннее время и бытование отдельных экземпляров до начала II в. н. э. [2004, с. 160–162, 168, рис. 1].

Пряжки с удлиненно-закругленными прогнутыми рамками и подвижными язычками («восьмерковидные») хорошо представлены в позднескифских могильниках (Кольчугино, Кара-Тобе, Усть-Альма), обычно они сопоставляются по конструкции с центральноевропейскими «маркоманскими» (рис. 96, 9, 12). М.Б. Щукин относит их к первой половине I в. н. э., но существуют они и в более позднее время [1994, с. 55, 56, рис. 21, 22, 24]. Они также недавно были рассмотрены А.А. Труфановым. Их дата: рубеж н. э. – середина I в. н. э. [2004, с. 162–167, рис. 2–4]. Близкие по типу и производные от них «дугоконечные» пряжки (см. главу III) из железа и бронзы найдены в комплексах середины – второй половины I в. н. э. в Танаисе, Херсонесе, Ольвии, Золотой Балке, Ново-Филипповке, могильниках Центрального Предкавказья [Арсеньева 1977, с. 145,

табл. XXXV, 12; ОАК за 1896, с. 201, 202, рис. 581; Вязьмітіна та ін., 1960, с. 85, 86; Абрамова, 1993, с. 149, рис. 58, 13–15]¹⁷.

В погребениях Крымской Скифии обнаружены изготовленные из бронзы, серебра и железа «наконечники пояса» [Погребова, 1961, с. 124, рис. 8, 8; 19, 3; Дащевская, 1989, с. 360, табл. 55, 5; 1991, табл. 62, 7, 8; 2001, рис. 2, 18; Сымонович, 1983, с. 952, табл. XXXVIII, 37, 38, 40, 41; Колтухов, Пуздровский, 1983, с. 152, рис. 4; Высотская, Махнева, 1983, с. 72, рис. 3, 18; Зайцев, 2001, с. 48, рис. 6, 6]. Такой наконечник найден в ранних слоях Знаменского городища [Погребова, 1958, с. 161, рис. 10, 8]. Две пластины треугольной формы обнаружены в Капак-Таше (рис. 52, 2, 3) и при раскопках Битакского могильника в 1990–1991 гг., некоторые – с пуансонной орнаментацией (рис. 32, 4; 33, II, 6; 34, 17; 36, I, 4, 8, 9; 37, II, 8). Они очень схожи по размерам и оформлению с бронзовыми обкладками с остатками кожи и деревянных стержней из Нижне-Джулатского могильника в Предкавказье [Абрамова, 1993, с. 75, рис. 3, 16; 24, 35, 36]. Вероятно, крупные экземпляры являлись наконечниками или обкладками деревянных ножен кинжалов [Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 135–154].

Шпора. В нижнем ярусе склепа 155 Битака в числе находок конца I в. до н. э. – рубежа н. э. обнаружена уникальная для Крыма находка – бронзовая шпора. К сожалению, битакский экземпляр деформирован, что затрудняет его отнесение к определенному типу (рис. 43, 18). Ведущими признаками здесь выступают форма и ширина дужки, которая в нашем случае незначительная. Шип сломан, в разрезе он ромбовидной формы. Очень близкие по конструкции шпоры обнаружены на городище Чаплин в Верхнем Поднепровье и в могильнике Любощице на Среднем Одере, датируемые фазой «С» позднего предримского времени [Щукин, Еременко, 1999, с. 154, рис. 5, 15; 11, 11], т. е. первой половиной I в. до н. э. На могильнике Гринева обнаружена похожая железная шпора, изготовленная из круглой в сечении проволоки, с четырехгранным шипом. Она относится к типу, известному в пшеворских памятниках на стадии не позже конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. [Козак, 1984, с. 27, 36, 37, рис. 36, 21].

Шпоры являются атрибутами всадников латенских и постлатенских культур Центральной Европы, а позже – римской армии, они появляются на ступени **LT D**, и синхронной ей ступени «С» позднего предримского времени, их носителями в Восточной Европе, вероятно, были сарматы, осуществлявшие контакты с кельтами [Щукин, Еременко, 1999, с. 157].

Таким образом, портупейно-поясные наборы, колчанные крюки и другие детали воинского снаряжения свидетельствуют о его смешанном характере: при сохранении традиций скифской эпохи широкое распространение получают западные (латенские) и восточные (сарматские) типы экипировки. Наступательное вооружение свидетельствует о контактах позднескифского населения с соседями в Северо-Западном Причерноморье и на Северном Кавказе. Помимо приобретения импортных вещей создаются новые формы и усовершенствуются отдельные типы мечей, наконечников стрел и копий.

Конская упряжь.

Конская сбруя представлена несколькими наборами в мавзолее, Неапольском, Битакском, Усть-Альминском могильниках, в подкурганных захоронениях (Маленькая, Чистенькая). Редки такие находки в Крыму в погребениях IV–III вв. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 143–144]. Удила и псалии [Погребова, 1961, с. 127–128; Сымонович, 1983, с. 86; Дащевская, 1991, с. 40] (рис. 20, 12; 23, I, 11) обнаруживают сходство с аналогичными предметами IV–III вв. до н. э., распространенными на обширной территории. То же можно сказать и о других деталях конского убора (подпружные пряжки, разделители ремней и др.), которые в несколько модифицированном виде существовали во II–I вв. до н. э.

¹⁷ Необходимо отметить, что схожая схема пряжек известна в могильниках хунну в Туве и на Алтае [Руденко, 1962, табл. XVI, 2, 3; Сорокин, 1977, с. 64–67; Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 198, рис. 81, 33, 41].

Основными типами конской упряжи в изучаемое время были кольчатые железные удила с восьмеркообразными псалиями. Последние представлены двумя вариантами: в виде слабоизогнутых лопастей (погребение 30, мавзолей) и в виде сильно изогнутых стержней С-видной формы с утолщениями на концах (каменная гробница мавзолея; Маленькая). Особо следует отметить железные удила с крестовидными псалиями с утолщениями на концах из кургана у с. Чистенькая [Зайцев, 1999, рис. 7; 2005, рис. 9; Зайцев, Колтухов, 1997, рис. 4, 3; 2005, с. 242–259; Колтухов, Тощев, 1998, с. 42–46, рис. 22, 2].

Удила с восьмеркообразными псалиями и утолщениями на концах обнаружены в Поднестровье [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254, рис. 1, 3], в комплексах Великоплоское, Марьевка, в раннесарматских погребениях у ст. Квашино, хут. Клименковский, Балаклеи и др. [Смирнов, 1984, рис. 23; 26, 5; 36, 5, 6; 37, 2; Полин, 1992, рис. 10, 3; 11, 27, 28; 18, 6, 7]. Псалии в виде лопастей характерны для могильников Предкавказья [Абрамова, 1994, с. 78, рис. 25, 7, 10].

Крестовидные псалии являются одной из особенностей памятников Прикубанья, где, очевидно, был центр их производства, немало их в могильниках Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 78, рис. 25]. И.И. Марченко, отмечая отсутствие таких псалиев в Поволжье и Подонье, указывает на возможность сарматских миграций из Прикубанья в Поднепровье во второй половине III в. до н. э. [1996, с. 72–75; ср.: Смирнов, 1984, рис. 23; Полин, 1992, рис. 10, 1, 2; 19, 3, 4]. А. В. Симоненко полагает, что крестовидные псалии попали в Крым из Прикубанья во времена Митридата Евпатора [2001, с. 95–98; 2005, с. 259]. Ю.П. Зайцев подробно проанализировал все известные комплексы с предметами этого типа и пришел к выводу, что строгие крестовидные насадки и псалии не являются следствием миграций или военных рейдов прикубанских сарматов в Северное Причерноморье. Такая узда, по его предположению, на разных территориях происходила от одних прототипов – скифских удил V–IV вв. до н. э. [2005, с. 88–94].

К сожалению, осталось недоказанным, связаны ли с захоронением 18 в Ногайчинском кургане происходящие из насыпи (?) комплекты удил, псалиев и налобника, что, вероятно, повлияло и на обоснование общей даты самого погребения, или это был «вотивный клад» [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62, 63, 85, рис. 2, 2–5; ср. Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 179, рис. 5, 4–6; Зайцев, 2005, с. 91, 92].

Необходимо отметить литейную форму из ручки родосской амфоры II в. до н. э., найденную на Неаполе и служившую для производства конских налобников [Высотская, 1979, с. 120–123, рис. 55; Зайцев, 2003, рис. 68, 3]. Такие налобники были характерны для комплексов II–I вв. до н. э., в том числе и сарматских [Симоненко, 1982, с. 237–245; 2005, с. 259; Полин, 1992, с. 50–66]. Железный налобник этого типа, но более архаичного вида, встречен в комплекте с удилами и псалиями восьмерковидной формы в кургане у с. Маленькая (рис. 47, 2). Он относится к варианту налобников с плоским щитком и загнутой верхней частью, с шаровидным утолщением на конце, прототипами которых были бронзовые экземпляры Среднего Дона [Полин, 1992, рис. 8, 18–20; Фіалко, 1996, с. 96, рис. 3, 1–5]. Наиболее близок ему по конструкции бронзовый налобник из кургана 17 у с. Русская Тростянка на Дону [Пузикова, 1980, рис. 4, 9].

Особый интерес представляют детали защитного доспеха коня, найденные в погребении 2 кургана у с. Чистенькая, поскольку есть значительные расхождения в определении этнической принадлежности и хронологии этого комплекса [ср.: Зайцев, Колтухов, 1997, с. 49–59; 2005, с. 242–259; Колтухов, Тощев, 1998, с. 42–46; Зайцев, 1999, с. 144; Симоненко, 2001, с. 92–98]. Массивный налобник из бронзовых пластин аналогичен находкам из Прикубанья, где они датируются второй половиной IV в. до н. э. [Марченко И.И., 1996, с. 77, рис. 72, 10; Симоненко, 2001, с. 93; Лимберис, Марченко И.И., 2005, с. 162–167]. Однако в Крыму вместе с налобником обнаружены и бронзовые нащечники с рельефным орнаментом, полная аналогия которым известна из «клада» у с. Бубуечь [Зайцев, Колтухов, 1997, с. 49–59, рис. 4, 2; Зайцев, 1999, с. 144]. Исследо-

вание нащечников этого типа подтвердило их центральноевропейское происхождение [ср.: Полин, 1992, с. 50–53; Нефедова, 1993, с. 15–20; Щукин, 1994, с. 98, рис. 33, 3, 4; Мордвинцева, 2001, с. 108–114], предлагается более поздняя дата этих комплексов: конец II – начало I в. до н. э. и другая этническая интерпретация [Полин, 1992, с. 50–66; Симоненко, 2001, с. 92–98; Редина, Симоненко, 2002, с. 86]. И.Н. Храпунов считает, что дата комплекса – III в. до н. э. [2004, с. 101, 102].

В захоронениях раннеримского времени конская упряжь представлена единичными экземплярами. Так, в Битакском могильнике железные удила (склеп 155, погребение XXIV) состояли из двух сцепленных, круглых в сечении стержней длиной 8 см, концы которых загнуты в петли. К одной из них крепилось подвижное кольцо, а сквозь петли продеты псалии в виде круглых в сечении прямых стержней (рис. 43, 7). К сожалению, установить, были ли на стержнях петли или утолщения с отверстиями не удалось из-за сильной коррозии. В целом этот тип псалиев, вероятно, является имитацией северокавказских экземпляров с восьмеркообразным расширением и двумя отверстиями в центре [Абрамова, 1993, с. 78, рис. 79, 7], дата которых не выходит за рубеж н. э. Вариантами типа являются нижнедонские псалии среднесарматской культуры в виде стержней, вставлявшихся во внешние кольца, либо с двумя боковыми петлями [Максименко, 1998, с. 136, 137, рис. 78, 2, 3].

Украшения и предметы туалета.

Украшения позднеэллинистического и раннеримского времени представлены как образцами греческого ювелирного искусства, так и продукцией местных мастеров. Они изготовлены из золота, серебра, бронзы. Это различного вида серьги, кольца, перстни, подвески [Дашевская, 1991, с. 37–39; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 183–187, рис. 9–11], типы которых были широко распространены в Северном Причерноморье и на сопредельных территориях¹⁸.

Золотые украшения из мавзолея были рассмотрены Н.Н. Погребовой, которая отметила сарматские (II–I вв. до н. э.), скифские IV–III вв. до н. э. (лесостепь, Поднепровье) и фракийские (IV–II вв. до н. э.) параллели [1961, с. 128–156]. В большинстве преобладают аналогии украшениям в сарматских и сармато-меотских комплексах (Прикубанье, Нижний Дон), в некоторых случаях возможно восточное происхождение вещей. Подробный анализ ювелирных изделий и предметов торевтики из каменной гробницы и «саркофага» проведен Ю.П. Зайцевым [2001, с. 13–54].

Во II–I вв. до н. э. в позднескифских могильниках Крыма известно несколько типов браслетов: многовитковые, с завязанными и несомкнутыми концами и др. [Погребова, 1961, с. 162–163; Сымонович, 1983, с. 93, 94]. Простые, из круглой в сечении проволоки, браслеты с утолщениями на концах и несомкнутые находят аналогии в могильниках таврской культуры [Крис, 1981, с. 47–48, табл. 32, 39; 33, 44, 54; 34, 11, 13, 14; 35, 21, 29, 30, 31, 32; Колотухин, 1987, с. 11–14, рис. 2, 1–10], они принадлежат к украшениям широкого хронологического диапазона бытования. В I в. до н. э. – I в. н. э. были распространены экземпляры с «шишечками» на концах, со стилизованными зооморфными и орнаментированными насечками окончаниями, с заходящими один за другой и нескрепленными концами [Сымонович, 1983, с. 93, 94; Дашевская, 1991, с. 39].

Найденные в позднескифских могилах зеркала в виде дисков, литые зеркала с валиком и небольшой ручкой, зеркала с железной ручкой принадлежат к сарматским типам [Дашевская, 1991, с. 40, табл. 73, 1–9; Сымонович, 1983, с. 97, табл. XL, 1–5; XLI; Высотская, 1994, с. 117; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 99, рис. 12, 11; 13, 20]. Лишь зеркало с фигурной ручкой (рис. 23, I, 21) с окончанием в виде головы кабана (?)

¹⁸ Ювелирные изделия и предметы туалета из Ногайчинского кургана подробно рассмотрены в ряде работ [Симоненко, 1993, с. 7–75, 85–91; Трейстер, 2000, с. 182–202; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 61–99].

[Шульц, 1953, табл. XVII, 1; Зайцев, 2003, рис. 94, 15] Н.Н. Погребова считала греческим и датировала не позднее конца II в. до н. э. [1961, с. 173–174, рис. 11, 6]. М.Ю. Трейстер относит его к произведениям позднеэтруссского типа [1992, с. 41, прим. 39].

Среди материалов Заветненского могильника есть зеркало в виде диска с валиком и деревянной фигурной ручкой, которое О.Д. Дащевская относит к греческим образцам [1991, с. 40, рис. 73, 2], однако Н.А. Богданова предполагала его итальянское происхождение и датировала II в. н. э. [1989, с. 54]. Представляют интерес квадратные бронзовые зеркала в Беляусе, найденные в комплексах последней четверти II в. до н. э. О.Д. Дащевская указала на возможные аналогии в памятниках раннесарматской культуры, отметив, что беляусские экземпляры – самые ранние среди зеркал этого типа в Северном Причерноморье [1991, с. 40, рис. 73, 15; 2001, с. 94, рис. 3, 16; ср.: Сорокина, Трейстер, 1983, с. 142–151; Скрипкин, 1990, с. 149; Трейстер, 1991, с. 90–103].

Бронзовые дисковидные зеркала с железными ручками из «южного подбоя» катакомбы № 18 в Левадках, найденные вместе с лепной курильницей (см. выше), И.Н. Храпунов считает связанными со скифскими традициями IV в. до н. э. [2004, с. 100, 105]. Такие зеркала известны в «малых земляных склепах» (катакомбах) Неаполя с находками конца II – первой половины I в. до н. э. (рис. 27, III, 11; 29, VI, 3; 30, 6]. А.В. Симоненко, отмечая архаичность такой формы, предполагает, что к сарматам юга Украины они попали от поздних скифов Крыма [2004, с. 145].

Особый интерес представляет бронзовое зеркало с вертикальным бортиком, концентрическими бороздками и накладной фигурной железной ручкой из катакомбы 21 Неаполя (рис. 31, 4). Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева считают его греческой продукцией с добавленной зооморфной ручкой [2004, с. 187, рис. 12, 9].

В комплексах первой половины I в. до н. э. (Неаполь, мавзолей, грунтовый могильник; Керкинитида) найдены бронзовые втульчатые навершия с геральдическими изображениями верблюдов и баранов [Погребова, 1961, с. 174; Михлин, Бирюков, 1983, с. 38; Сымонович, 1983, с. 48, 49, табл. XLV, 25; Павленков, 1991, с. 91; Зайцев, 2003, рис. 93, 2] (рис. 11, 5; 25, III). Аналогичное навершие обнаружено в склепе 97 Битакского могильника (рис. 34, 16). Вилообразные наконечники известны в скифских захоронениях IV в. до н. э.: Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 120, рис. 128, 14; 134], кургане 26 Гайманова Поля [Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977, рис. 28, 16; Фиалко, Болтрик, 2000, с. 287–296], Плоская Могила [Болтрик, Савовский, 1991, с. 102, 103, рис. 2, 9]. По стилю изображений крымские навершия близки бронзовым булавкам кобанской культуры [Козенкова, 1989, с. 258, табл. 102 А, 20, 25, 29; 112, 32].

Золотые лицевые пластины.

В мавзолее Неаполя и грунтовых склепах Беляуса и Кульчука найдены оригинальные по форме, отделке и оформлению лицевые пластины из листового золота [Погребова, 1961, с. 108–110; Дащевская, 1991, с. 39; Голенцов, 1991, с. 35]. Очень близкие пластины (наглазники и нагубник) обнаружены среди инвентаря погребения в валу Знаменского городища [Погребова, 1956, с. 94–97], синхронного наиболее ранним захоронениям мавзолея. Н.Н. Погребова предполагала, что лицевые пластины проникли в Северное Причерноморье через Кавказ [1957, с. 153] и связывала их с эллинистическими традициями Востока (Сирия, Парфия). Посредниками в распространении лицевых пластин могли быть сарматские племена, хотя этот тезис [Пятышева, 1956, с. 34–35] и встречает возражения [Зубарь, 1982, с. 110–112; 1987, с. 92; Зайцев, 2004, с. 47–50].

Фибулы.

Одним из основных датирующих материалов позднескифского времени являются фибулы среднелатенской и позднелатенской схемы. Они обнаружены в большом количестве в мавзолее Неаполя, грунтовом могильнике, некрополях Беляуса, Усть-Альмы и др. Из дореволюционных раскопок курганов Тираспольщины фибулы найдены в 11 комп-

лексах. Сохранившиеся экземпляры А.И. Мелюкова датируются в пределах первой половины II в. до н. э. и II–I вв. до н. э. [1962, с. 151–152; ср. Полин, 1992, с. 47]. Есть фибулы и среди новых материалов у с. Глиное [Яровой, Четвериков, Субботин, 1997, с. 254, рис. 1, 2; Яровой, Четвериков, 2000, с. 6, 7].

Крымские экземпляры подробно рассмотрены в работах Э.А. Сымоновича [1963, с. 139–151; 1983, с. 89–90], Н.Н. Погребовой [1961, с. 156–160], Б.Ю. Михлина [1980, с. 194–213], Т.Н. Высотской [1994, с. 95–103], Ю. П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой [2003, с. 135–154]. Фибулы среднелатенской схемы получили широкое распространение в зарубинецкой культуре, а также встречаются в раннесарматских погребениях. По данным Б.Ю. Михлина, фибулы найдены в каждом пятом–шестом погребении Беляусского могильника и мавзолея Неаполя [1980, с. 209–210]. Следствием пребывания кельтских наемников в Пантике, как считает М.Ю. Трейстер, явилась мода ношения фибул среднелатенской схемы со скрепкой [1992, с. 40–41, 43]. Однако фибулы, найденные в позднескифских некрополях, скорее отражают контакты с племенами латенизированных культур Центральной и Восточной Европы [Щукин, 1994, с. 117, 118]. Кроме того, как показал спектральный анализ химического состава металла фибул из Западного Крыма, большая часть изделий оказались импортными, но некоторые экземпляры могли быть изготовлены по привозным прототипам [Нефедова, 1991, с. 203].

Значительное количество фибул в позднескифских памятниках относится к т. н. «неапольскому» и «беляусскому» варианту. Первые появляются не позже рубежа II–I в. до н. э. и доживаются до третьей четверти I в. до н. э., изредка встречаются и в погребениях рубежа н. э. (рис. 194, 1), вторые датируются I в. до н. э. [Михлин, 1980, с. 200, 201]. Самая ранняя находка фибулы (вариант I–II) «зарубинецкого» типа [Амброз, 1966, с. 14–19, табл. 2, 1–5, 9–11] на поселениях происходит из Неаполя – в слое не позже третьей четверти II в. до н. э. [Зайцев, 1990, рис. 5, 2]. В погребениях они присутствуют в виде вариантов II и III (Неаполь, мавзолей, Кермен-Кыр, Беляус, Чайка, Капак-Таш, Битак). Происхождение их связывают с «копьевидными» фибулами латенизированных культур северобалканского ареала [Каспарова, 1977, с. 68–78; 1978, с. 84–87]. Такие фибулы наиболее часто встречаются в двух последних десятилетиях II в. до н. э. – первой половине I в. до н. э., хотя известны и позже [Обломский, 1983, с. 103–120; 1986, с. 54, 55; 1997, с. 138–146; Пачкова, 1988, с. 12, рис. 1].

В Усть-Альминском некрополе в последние годы найдены две раннеримские фибулы типа «Алезия» (рис. 194, 3, 4). Они относятся к позднему варианту, дата которого – в пределах двух последних десятилетий I в. до н. э. [Щукин, 1989, с. 65, 67].

Из новых находок (Неаполь, Битак) можно отметить также «воинские» фибулы, близкие позднелатенским образцам (рис. 43, 12–14; 194, 2). Они находят аналогии в памятниках зарубинецкой культуры [Сымонович, 1983, табл. XXVI, 6, 7; Дащевская, 1991, с. 36, табл. 64, 7; Нефедова, 1991, с. 200, рис. 2, 2, 3; Высотская, 1994, с. 95, рис. 30, тип III, табл. 39, 41; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 94, 96, рис. 14, 16, 18]. Их наличие может свидетельствовать о продолжении связей с населением Среднего и Верхнего Поднепровья, хотя возможны и прямые контакты с латенизированными культурами Центральной Европы.

Значительно увеличилось в последнее время количество находок железных лучковых подвязных фибул 1-го варианта (по А.К. Амброзу) [Михлин, 1980, с. 205; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 96; Внуков, Лагутин, 2001, с. 117; Зайцев, 1997а, с. 165], которые подтверждают предположение А.К. Амброза об их появлении еще в конце I в. до н. э. [Амброз, 1966, с. 48]. Почти полное вытеснение фибул среднелатенской конструкции приходится именно на это время. Однако Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева [2003, с. 152; 2004, с. 181, 182, рис. 7, 11–14] удrewнили время появления лучковых фибул как минимум на 50 лет, что далеко от археологических реалий (см. ниже).

На сарматских территориях лучковые фибулы 1-го варианта обычно датируются концом I в. до н. э. – началом I в. н. э., т. е. временем смены раннесарматской культуры среднесарматской [Скрипкин, 1997, с. 117, 118]. Опубликованные комплексы с наиболее ранними бронзовыми экземплярами лучковых фибул 1-го варианта [Власкин, 2000, с. 9–26, рис. 1, 2; Кропотов, Лесков, 2006, с. 29, 30, рис. 5, 7] не дают оснований для удревнения таких застежек более чем до середины I в. до н. э.

Кроме фибул латенской схемы и раннеримских известны в небольшом количестве броши. Привлекают внимание два экземпляра из Беляуса и Тавельского кургана (рис. 14, 1; 44, 5), где изображен скачущий всадник [Posta B., 1905, S.480, 484, Taf. 265, 6; Дащевская, 1991, с. 121, табл. 65, 2, 3]. Аналогичная брошь найдена в сарматском погребении II–I вв. до н. э. Соколово II с левобережья Самары [Костенко, 1979, с. 192–199, рис. 3, 2; Смирнов, 1984, с. 107, 108, рис. 50, 2]. Поздние реплики таких украшений встречены на двух фибулах-брошах I в. н. э. из Усть-Альминского могильника, где хорошо видно, что всадник держит в правой руке копье или дротик, а под фигурой лошади изображена бегущая собака (рис. 196, 1, 2). Сюжет близок изображениям на серебряных фаларах из захоронения II–I вв. до н. э. в Кривой Луке в Поволжье [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981, с. 100–195]. По мнению авторов публикации, наиболее близок им по стилю неапольский рельеф со всадником [Шульц, 1946, с. 44–57]. Не менее интересны параллели с боспорскими надгробиями всадника-охотника на скачущей лошади, часто с собакой [Бритова, 1948, с. 54]. Однако многие рельефы II–I вв. до н. э. со всадниками передатированы второй половиной I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э., при этом отмечается, что мотив характерен для искусства Фракии [Давыдова, 1990, с. 54–64, кат. 43–54]. Этот сюжет представлен и на эллинистических боспорских терракотах всадников-охотников во фригийских шапочках, с поднятой правой рукой с копьем (на некоторых есть рельефные фигуры собаки и зайца), хотя встречается он и позже [Кобылина, 1961, с. 119–121, 156, 167–169, табл. XXII, 2; XXXV, 1, 2, 4; 1974, с. 53, табл. 63, 4, 7, 8; Сильтантьева, 1974, с. 34, 35, табл. 46, 1–4].

Краткая характеристика погребального инвентаря крымских могильников позднеэллинистического и раннеримского времени отражает те изменения, которые произошли по сравнению с периодом IV–III вв. до н. э. Они выразились в широком распространении украшений латенских типов, инновациях в области вооружения и конского снаряжения, формировании нового керамического комплекса. Ранний этап позднескифской культуры характеризуется определенным воздействием сармато-меотских традиций Прикубанья и нивелирующим влиянием античной культуры. В это время в Северном Причерноморье происходит встречное движение двух миграционных потоков: скифо-фракийского и сармато-меотского. Крым явился той территорией, где происходило взаимодействие остатков кочевых скифов, скифо-кизилкобинского населения и указанных выше других этнических групп, образовавших варварское государство – Скифское царство.

4. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Наиболее крупный вклад в разработку периодизации материальной культуры поздних скифов Крыма и погребальных комплексов раннего периода внесли П.Н. Шульц [1953], Н.Н. Погребова [1961, с. 103–213], В.П. Бабенчиков [1957, с. 132–138], Э.А. Сымонович [1963, с. 139–151; 1983, с. 100–105], О.Д. Дащевская, А.С. Голенцов, Б.Ю. Михлин [Дащевская, 1969, с. 65–73; 1976, с. 55–60; 1978, с. 119–215; 1980, с. 90–96; 2001, с. 87–95; Дащевская, Голенцов, 1982, с. 90–96; Дащевская, Михлин, 1983, с. 129–147; Михлин, 1980, с. 194–213], Т.Н. Высотская [1994, с. 73–133], Ю.П. Зайцев и В.И.

Мордвинцева [2003, с. 61–99; 2003а, с. 135–154; Зайцев, 1997а, с. 156–166; 2001, с. 13–54; 2003], С.Г. Колтухов [1999; 2000, с. 55–58; 2001, 59–70], А.А. Труфанов [1997а, с. 269–274; 2001, с. 71–77; 2004, с. 160–170].

Определенный итог изучения погребального обряда, категорий инвентаря и хронологии варварских погребений Крыма II в. до н. э. – I в. н. э. представлен в недавно опубликованном к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» докладе Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой [2004, с. 174–204]. В этом исследовании предложена авторская периодизация и хронология материалов из могильников Предгорного Крыма II в. до н. э. – I в. н. э. К сожалению, при распределении находок по периодам хронология импортных вещей, разработанная для памятников Западной и Центральной Европы, прямо перенесена на крымские материалы, без учета специфики их поступления, длительности употребления, а также всего комплекса признаков: взаимовстречаемости, стратиграфии погребений, исторической топографии некрополя и др., что привело к удревнению «горизонтов». Более трудоемкая, но эффективная работа, в частности распределение признаков (хроноиндикаторов) по фазам методом корреляции, проведена А.А. Труфановым в его диссертации, посвященной хронологии могильников Крымской Скифии римского времени.

Ранний период (А) делится на три этапа: **A1** – первая половина II в. до н. э.; **A2** – вторая половина II в. до н. э. – первая половина I в. до н. э.; **A3** – вторая половина I в. до н. э. – первая половина I в. н. э. Этапы включают в себя более дробные отрезки – фазы диапазоном около 50 лет: **A2a** (вторая половина II в. до н. э.), **A2b** (первая половина I в. до н. э.), **A3a** (вторая половина I в. до н. э.), **A3b** (первая половина I в. н. э.). В ряде случаев погребальный инвентарь попадает в переходную фазу, например, **A2b/A3a** (20 г. до н. э. – 20 г. н. э.). В хронологической шкале этап **A1** соответствует концу периода среднего латена – **LT C₂**, или ранней ступени позднего предримского времени; этап **A2** – периоду **LT D₁**, или средней ступени позднего предримского времени, этап **A3** – периоду **LT D₂-D₃**, или поздней фазе позднего предримского времени и ступеням **A₁-A₂** и **B₁** раннеримского времени [Щукин, 1991, с. 96–103, рис. 3–5; Щукин, 1994, с. 51–56, рис. 21–24; Еременко, Щукин, 1998, с. 73–86, рис. 8].

Наиболее ранний горизонт поселений позднескифской культуры Крыма датируется по находкам клейменой керамической тары Херсонеса (группы 3б и 3в): 215–200 и 200–185 гг. до н. э. [Кац, 1994, с. 76, 77]. Ту же дату определяют и клейма продукции Родоса (группа III): 220–180 гг. до н. э. [Grace, Savvatianou-Petropoulakou, 1970, р. 301, 302]. К 200–175 гг. до н. э. относятся большинство фрагментов чернолаковых сосудов из Неаполя [Зайцев, 1998, с. 52–60, рис. 2]. Таким образом, наиболее вероятная дата возникновения Неаполя и других позднескифских поселений – первая четверть II в. до н. э., хотя она принимается далеко не всеми [ср.: Зайцев, Пуздовский, 1994, с. 217, 237; Колтухов, 1999, с. 17–24; 2000, с. 55–58; Зайцев, 1990, с. 83–94; 1995, с. 67–90; 1997б, с. 36–50; 1999, с. 127–148; Храпунов, 2004, с. 82–84]. За точку отсчета «позднескифской» культуры в нашей работе условно принят рубеж III–II вв. до н. э. (200 г. до н. э.), что определяет и начало этапа **A1**. В будущем, если на поселениях будет открыт строительный горизонт с находками последней четверти III в. до н. э. или исследованы узко датированные погребения этого времени, соответствующий этап получит наименование **A₀**.

Ю.П. Зайцев в своей монографии «Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)» в развернутом виде представил стратиграфическую картину напластований памятника с обоснованием основных хронологических реперов [2003, с. 12–21]. Автор пытается убедить читателя, что херсонесские клейма групп 3б и 3в (по В.И. Кацу) могут быть датированы намного позже – на основании их совместных находок с двумя родосскими эпонимными клеймами Герагора и Горгона, которые Г. Финкельштейном отнесены к 156 и 154/153 гг. до н. э. [Зайцев, 2003, с. 13]. Таким образом, наиболее ранний «докрепостной»

период Е3 включен Ю. П. Зайцевым в диапазон 170–150 гг. до н. э. [2003, с. 21, табл. 2]. Однако хронология магистратских клейм Херсонеса групп 3б и 3в базируется не «на основании общих наблюдений и реконструкции событий политической истории Херсонеса в 180–170 гг. до н. э.» [Зайцев, 2003, с. 13]¹⁹, а на сопоставлении личных имен с лапидарными и нумизматическими памятниками, а также характере шрифтов и количестве магистратов в той или иной хронологической группе. Есть группа безмагистратных клейм (до середины II в. до н. э.). Херсонесские клейма групп 3б и 3в как раз и определяют оптимальную дату возникновения позднескифского поселения на Неаполе – первая четверть II в. до н. э., с ними одновременны и самые ранние найденные на Неаполе клейма Родоса – по классификации Г. Финкельштейна [Зайцев, 2003, с. 16, 17, табл. 1]²⁰.

Нижняя граница этапа А2 (середина II в. до н. э.) выделена по наиболее ранним датированным вещам, хотя такие хроноиндикаторы могли существовать в пределах всей второй половины или только последней четверти II в. до н. э. На поселениях самым массовым датирующим материалом этого времени являются отиски штампов на ручках родосских амфор V хронологической группы (по В. Грейс, 150–108 гг. до н. э.).

Из керамических находок в могильниках поздних скифов Крыма необходимо, прежде всего, отметить группу чернолаковых сосудов и так называемых мегарских чаш из Беляуса (рис. 13, I, 4, 5; 14, I, 1, 5; II, 2, 3; 16, I, 6, 7; 17, IV, 1), которые, в свою очередь, датируют другие предметы из комплексов [Михлин, 1980, с. 211–213; Дащевская, 1991, с. 31; табл. 53; 2001, с. 89–93, рис. 4], а также кувшин и несколько гончарных чашек, покрытых черным и бурым лаком из мавзолея [Шульц, 1953, табл. XX, 1, 3, 5; Погребова, 1961, рис. 13, 3; 30, 6; 34, 2; Зайцев, 2003, рис. 90, 1, 2, 4], суммарная датировка которых – вторая половина II в. до н. э. – начало I в. до н. э. (рис. 22, II, 1; 24, III, 1).

Туалетные флаконы (унгвентарии) веретенообразной формы (рис. 11, 16; 22, II, 19, 21; 23, II, 1; 24, I, 2; II, 1; III, 2; 27, I, 13; 29, IV, 6; 31, 6; 32, 10; 46, I, 1; 51, 3; 54, 10) встречены в мавзолее, грунтовых могильниках (Неаполь, Беляус, Димитрово, Битак), подкурганных погребениях (Черкеса, Чистенькая, Кермен-Кыр, Керкинитида). Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева, проанализировав экземпляры из мавзолея и Чистенькой, отнесли их к 1-му периоду (середина/вторая половина II – рубеж II–I вв. до н. э.). И.Н. Храпунов флакон из Чистенькой датирует не позже начала II в. до н. э., а само погребение – III в. до н. э. [2004, с. 102]. Согласно последним определениям специалистов по античной керамике сосуды (унгвентарий и чаша) из Чистенькой датируются первой половиной – серединой II в. до н. э. [Зайцев, 2005, с. 93]. Находки унгвентариев в варварских погребениях часто «запаздывают» по сравнению с другими предметами в комплексах [Скрипкин, 1984а, с. 218–224; Захаров, 2000, с. 30, 34, рис. 1, 2; Глебов, 2004, с. 129]. Эти факты необходимо учитывать при датировке погребений с флаконами-бальзамариями из мавзолея (рис. 22, II, 19, 21; 23, II, 1; 24, I, 2; II, 1; III, 2), тем более, что согласно схеме Н.Н. Погребовой [1961, с. 178], самые ранние погребения в нем относятся к рубежу II–I вв. до н. э.

Другие находки гончарной посуды немногочисленны, ее основные типы проанализированы Н.Н. Погребовой [1961, с. 112–114], О.Д. Дащевской [1991, с. 31, 32], Э.А. Сымоновичем [1983, с. 81–83], Ю.П. Зайцевым и В.И. Мордвинцевой [Зайцев, 2003, с. 27; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 177, 178, рис. 2, 11–17]. Для хронологии переходной фазы А2а/А2б (рубеж II–I вв. до н. э.) важна находка светлоглиняного лагиноса из склепа 29 Неаполя совместно с железной портупейной бляхой с выступом (рис. 28, II, 1, 2) [Сымонович, 1983, с. 38, табл. XIII, 2; XVI, 30]. Верхняя часть аналогичного сосуда

¹⁹ «Тенденция к передатировке» [Зайцев, 2003, с. 13] 155/154 гг. до н. э. надписи о договоре Фарнака I с Херсонесом (IOSPE, I², 402) наметилась достаточно давно, но была отвергнута [Виноградов Ю.Г., 1995, с. 37, прим.].

²⁰ Данная часть текста представляет собой отрывок из моей рецензии (2003 г.) на рукопись монографии Ю.П. Зайцева, который не счел нужным учесть высказанные замечания, тем самым вызвав справедливую критику [Храпунов, 2004, с. 82–84].

обнаружена в мавзолее, снаружи ящика XIII, где при костяке 57 найдена бронзовая фибула «неапольского» варианта, а у костяка 58 – серебряный медальон-фибула с изображением Артемиды (рис. 24, IV, 2, 5) [Погребова, 1961, с. 201, рис. 24, 9, 11; 36, 6].

В качестве хроноиндикаторов фазы **A2b** (перв. пол. I в. до н. э.) могут выступать гончарные глубокие чашки с загнутым краем, на кольцевом поддоне (мавзолей и грунтовый могильник Неаполя, Чистенькая, Беляус, Кермен-Кыр, Битак) и глубокие тарелки с бортиком и одной горизонтальной петлевидной ручкой (рис. 25, I, 1; 26, I, 2; II, 2; III, 8; 28, III, 1; IV, 1; 29, I, 1; II, 1; 30, 12; 38, I, 6; 51, 1; 55, 1).

Наиболее важными находками для привязки позднескифских комплексов Крыма к европейской хронологии латена и раннеримского времени являются фибулы, о чем речь уже шла выше. К ним относятся экземпляры раннелатенской схемы со свободным концом ножки и прямоугольной уплощенной спинкой (рис. 13, I, 3, 10; 14, I, 8; 15, I, 1; 16, I, 2; 17, I, 4; IV, 2; 18, VII, 2), известные пока только в Беляусе [Михлин, 1980, с. 195–197]. Такая конструкция является анахронизмом и, возможно, объясняется тем, что к спинке крепились броши, как это прослежено в могилах 17 и 156 (рис. 15, I, 1; 18, VII, 2) [Михлин, 1980, с. 207, 208, рис. 8, 7; Дащевская, Михлин, 1983, с. 141–145, рис. 9, 6]. В остальных случаях броши могли не сохраниться, если были сделаны из тонкого листа металла (бронза, серебро), либо органических материалов (кость, дерево). Авторы публикаций датируют по комплексу находок эти фибулы последней четвертью II–началом I в. до н. э., хотя допускают и более раннюю дату [Дащевская, Михлин, 1983, с. 136–145; Дащевская, 1991 с. 36; 2001, с. 94].

Фибулы среднелатенской схемы довольно многочисленны (Керкинитида, Беляус, Кара-Тобе, Неаполь, Кермен-Кыр, Битак). Они представлены экземплярами со скрепой и скрепкой-лапкой (рис. 11, 11, 13; 13, I, 1; II, 2; III, 4; 14, I, 6; 16, I, 4; II, 4; III, 1, 3; 17, II, 5; 18, V, 1), с треугольно расширенным концом ножки – «зарубинецкими» (рис. 21, 17; 22, I, 2; 36, I, 5; 38, I, 12; 50, 9; 52, 8) и надвязными «неапольского» варианта (рис. 11, 12; 16, I, 1; II, 2; 17, I, 1; 24, I, 7, 15; IV, 2, 3; 26, I, 4, 5, 7; III, 5; 31, 5; 38, I, 4; 50, 10; 52, 9; 55, 15). Предлагается выделение «беляусского» (рис. 13, I, 2; 16, IV, 1; 18, II, 1) [Михлин, 1980, с. 200, 201, рис. 4, 4–9; Нефедова, 1991, с. 197, рис. 1, 2] и «каратобинского» вариантов гладких проволочных фибул с завязкой [Внуков, Лагутин, 2001, с. 117, рис. 2, 17]. Последний, по мнению авторов, известен только в Западном и Северо-Западном Крыму. Из новых материалов – застежка в склепе 390 Усть-Альмы (рис. 59, 9). Бронзовая фибула «каратобинского» варианта найдена и в Центральном Крыму – в кургане близ городища Кермен-Кыр (рис. 51, 11).

Хронология восточноевропейских фибул среднелатенской схемы продолжает оставаться предметом оживленной дискуссии. Историография подробно изложена в работах Ю.В. Кухаренко [1961, 1964], А.К. Амброза [1966, с. 12–22], Каспаровой [1978, с. 79–89; 1984, с. 108–117], Б.Ю. Михлина [1980, с. 194–213], А.М. Обломского [1983, с. 103–120; 1986, с. 50–56], С.П. Пачковой [1988, с. 10–23; 2000, с. 74–87], М.Б. Щукина [1993, с. 89–95; 1994, с. 36–58] и др.

Уточнить датировку фибул позволяют позднескифские погребальные комплексы, поскольку в них часто встречается гончарная античная керамика, имеющая, как правило, узкий период бытования, а также стеклянные бусы, предметы вооружения, пряжки и т. д. Немаловажное значение имеют стратиграфические наблюдения, когда погребения с разнотипными фибулами оказываются перекрытыми одно другим, либо прослеживается четкая ярусность в погребальном сооружении.

Анализ всех этих данных, а также существующие разработки по типологии и хронологии (Э.А. Сымонович, А. К. Амброз, Б.Ю. Михлин, А. С. Скрипкин, Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева, А.Б. Лагутин, А.А. Труфанов) позволяют предложить для крымских позднескифских фибул следующие даты: беляусские раннелатенской схемы со свободным концом ножки – вторая половина II в. до н. э. – начало I в. до н. э.; гладкие

проволочные «среднелатенской» схемы со скрепой (и скрепкой-лапкой) – последняя четверть II в. до н. э. – первая половина I в. до н. э.; с треугольным щитком на ножке «зарубинецкого» типа, варианты I–II – вторая половина II – начало I в. до н. э., вариант III – конец II – первая половина I в. до н. э.; «неапольский» вариант – рубеж II–I вв. – третья четверть I в. до н. э.; «беляусский» вариант – вторая- третья четверть I в. до н. э.; «каратобинский» вариант – середина I в. до н. э. – рубеж н. э.

Необходимо уточнить также вопрос, связанный с датировкой серебряной «зарубинецкой» фибулы со следами позолоты и гравировкой на щитке из каменной гробницы мавзолея (рис. 21, 17). Н.Н. Погребова [1961, с. 158] и А.К. Амброз [1966, с. 17, табл. 2, 5] отмечали изношенность и починку рассматриваемого экземпляра. Исходя из полевой зарисовки и сохранившихся фрагментов, Н.Н. Погребова считала, что аналогичная бронзовая фибула лежала в районе левого бедра погребенного. К этой версии в своих ранних работах склонялся и Ю.П. Зайцев [1994, с. 96; 1999, с. 133]. А.К. Амброз не исключал попадания серебряной фибулы с землей из вышележащих гробов [1966, с. 17]. Б.Ю. Михлин сомневался в такой интерпретации, ошибочно считая, что упавшая средняя плита закрыла среднюю часть костяка, а вышележащие погребения из ящиков XI и XII остались непотревоженными [1980, с. 203]. Как следует из реконструируемой Ю.П. Зайцевым ситуации, плита была установлена в вертикальном положении у северной стенки гробницы еще до совершения в ней захоронения, а центральная часть днища ящика XII провалилась вместе с костными остатками и инвентарем, смешавшись с глинистым грунтом [2001, с. 26, прим. 8, 9]. Обе застежки (по принципу парности «зарубинецких» фибул) могли принадлежать одному из женских погребений (26 или 34) ящика XII, перекрывшего «люк» гробницы. В его не провалившейся части найдены: гончарный флакон, гончарная чашка, золотой наглазник, прядлице, бусы (рис. 24, III) [Погребова, 1961, с. 199, рис. 1 Б, 22, 2–4]. Следует подчеркнуть, что рассыпавшаяся серебряная фибула такой же формы (судя по полевой зарисовке) найдена у правого плеча костяка 13 в ящике XXVII, а в нижнем его горизонте, около черепа костяка 45 – обломки бронзовой фибулы с многовитковой пружиной и сплошным приемником (?) [Погребова, 1961, с. 158, 208, рис. 31, 2]. Стратиграфия позволяет отнести захоронения в ящике XXVII ко времени не ранее середины I в. до н. э., хотя есть расхождения в датах [Погребова, 1961, с. 178, 208, рис. 2 Б]. Согласно схеме К.В. Каспаровой серебряную фибулу с гравировкой из каменной гробницы мавзолея можно синхронизировать с началом третьей фазы зарубинецкой культуры – 70–60 гг. до н. э. [1984, с. 115, рис. 5].

В том же погребении 37 каменной гробницы найдены еще две фибулы: золотая ромбовидная брошь и бронзовая брошь с анторопоморфным изображением (рис. 21, 16) [Зайцев, 2001, с. 48, 49, рис. 3, 12, 14; 6, 12, 14], они обнаружены на тазу и у правой бедренной кости (правого колена?) [Зайцев, 1999, с. 133]. Отнесение их Ю.П. Зайцевым ко II в. до н. э. со ссылкой на «специфический способ применения драгоценных брошей с двумя иглами (скальвание верхней одежды ниже пояса?)» варварской знатью Азиатского Боспора [Зайцев, 2001, с. 20] малоубедительно, а хронология «зарубинецкой» фибулы (не позже 150 г. до н. э.) неверна [Марченко И.И., 1996, с. 30, 43, 44; ср. Каспарова, 1984, рис. 5]. Привлекая аналогии последней, следует учитывать длительное употребление неапольского экземпляра, приведшее к утрате двух завитков и эмалевых вставок [Зайцев, 2001, с. 48, 49]. Учитывая вышеизложенное, датировка Н.Н. Погребовой каменной гробницы рубежом II–I вв. до н. э. остается достаточно обоснованной [1961, с. 179], что не исключает «синхронность» погребения 37 с другими захоронениями нижнего яруса [Шульц, 1953, с. 31–34].

К концу II в. – первой половине I в. до н. э. можно отнести круглый серебряный медальон с изображением Артемиды, грубо переделанный в фибулу-брошь [Амброз, 1966, с. 31], из ящика XIII мавзолея (рис. 24, IV, 5) и обнаруженный вместе с фибулой «неапольского» варианта [Погребова, 1961, с. 156, 200, 201, рис. 24, 9] (рис. 24, IV, 2), а

также упомянутые выше фибулы-броши с изображениями всадников (Беляус, Тавель). К этой группе примыкают экземпляры с двуигольчатыми аппаратами из Неаполя [Сымонович, 1983, табл. XXV, 22, 23], фибулы-броши из Беляуса (рис. 14, I, 7; 15, I, 1) [Михлин, 1980, рис. 9, 1; Дащевская, 1991, табл. 65, 1, 10], найденные вместе с фибулами среднелатенской схемы, портупейными крючками, поясными наборами и др.

Датировка фибул «беляусского» и «каратобинского» вариантов с завязкой вместо скрепы определяется комплексами, в которых встречены предметы как фазы **A2b** (первая половина I в. до н. э.), так и фазы **A3a** (вторая половина I в. до н. э.), т. е. около середины I в. до н. э. (Беляус, Усть-Альма), когда импорт фибул среднелатенской схемы прервался и мог смениться более примитивным местным производством по упрощенной технологии.

Отдельные фибулы «неапольского» варианта встречены в комплексах рубежа н. э., например, в погребении 1 могилы 662 Усть-Альмы (рис. 194, 1), их обломки известны в каменном ящике Капак-Таша вместе с «зарубинецкой» фибулой варианта III и деформированной фибулой с вертикальным рядом пуансонных «кружочков» на пластинчатой овально расширенной спинке (рис. 52, 5, 7, 8, 9), которую можно датировать концом I в. до н. э., учитывая ее сходство как с ранними экземплярами с кнопкой на конце приемника, так и с «воинскими» застежками [Амброз, 1966, с. 25, 43, 44, табл. 4, 6; 5, 8].

Ю.П. Зайцев еще в 1997 г. предложил отнести появление ранних лучковых фибул к концу II в. до н. э., опираясь на материалы склепа 390 Усть-Альмы [1997a, с. 166]. Однако в нижнем ярусе этого комплекса нет находок ранее середины I в. до н. э., в нем встречена бронзовая фибула «каратобинского» варианта (рис. 59, 9), датировка которого рассмотрена выше. Обломок ножки с приемником железной фибулы, лежавший среди костей потревоженных погребений нижнего (?) яруса, без привязки к костяку [Зайцев, 1997a, с. 157, рис. 2, 17] (рис. 58, 19; 59, 8) не может служить надежным фактом, поскольку в склепе было совершено до тридцати захоронений в несколько ярусов, разделенных на три горизонта, к тому же не всегда хорошо отделенных друг от друга стратиграфически. Во втором (снизу) горизонте, но в верхнем его ярусе (погребение 22) найдены две бронзовые лучковые фибулы с высоко расположенными завязками (рис. 58, 22, 23) [Зайцев, 1997a, с. 160, 161, рис. 3, 4, 5] и обломок железной лучковой фибулы (рис. 58, 19). В третьем (верхнем) горизонте обнаружен обломок железной лучковой фибулы без приемника (рис. 57, 3) [Зайцев, 1997a, рис. 4, 2]. Таким образом, хронологический диапазон использования склепа 390: середина I в. до н. э. – начало I в. н. э., а керамика (к сожалению, утерянная), обнаруженная в заполнении вместе с рухнувшим сводом, – это остатки тризны над камерой, не обязательно связанной с рассматриваемым сооружением, поскольку из входной ямы склепа 390 прослежена еще одна погребальная камера, разграбленная в наше время [Зайцев, 1997a, с. 156].

Наиболее ранние лучковые бронзовые фибулы встречены в комплексах второй половины I в. до н. э., когда возникли перерывы в поступлении импортных фибул среднелатенской схемы и необходимость замены их более простой и удобной конструкцией [Амброз, 1966, с. 48; Михлин, 1980, с. 201, 206].

А.С. Скрипкин, проанализировавший комплексы из Волго-Донского междуречья, склонен датировать тип ранних лучковых фибул I в. до н. э. – началом I в. н. э. [2003, с. 128–134], хотя к середине I в. до н. э., возможно, относится только погребение из могильника Северо-Западный I, на определение даты которого существенно повлияла находка «мегарской» чаши [Власкин, 2000, с. 9–26, рис. 1, 4; 2, 7]. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева пришли к выводу, что «подвязные фибулы не являются прямым результатом эволюционного развития застежек среднелатенской схемы», и датируют появление их последней четвертью II в. до н. э., а распространение – первой половиной I в. до н. э., предлагая ранние экземпляры лучковых фибул «определять по культурному контексту и не использовать их в качестве хроноиндикаторов» [2003, с. 135–154]. Действительно,

при такой постановке проблемы, когда лучковые фибулы первого варианта существовали более 150 лет (по Ю.П. Зайцеву и В.И. Мордвинцевой), использование их в качестве датирующих находок невозможно.

Фаза А3а (вторая половина I в. до н. э.) представлена небольшим набором хроно-индикаторов, и комплексы этого периода (в сооружениях с многократными захоронениями) зачастую определяются как промежуточные между фазами **А2б** и **А3б**, если для этого имеются стратиграфические основания. В этой фазе, как уже было показано выше, датирующими предметами продолжают оставаться фибулы «неапольского», «беляусского» и «каратобинского» вариантов; а также появляются наиболее ранние экземпляры бронзовых лучковых фибул с высоко расположенной завязкой (Беляус, Усть-Альма). В конце I в. до н. э. фиксируются первые железные лучковые фибулы Беляуса [Милин, 1980, с. 205], известны они также на Неаполе и в его округе. Наиболее ранние экземпляры первого варианта происходят из погребения 16 (ящик XXXII) конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. мавзолея (рис. 25, VI, 3) [Погребова, 1961, рис. 33, 5] и склепа 97 I в. до н. э. Битакского могильника (рис. 34, 20). Из-за сильной коррозии последней фибулы не исключена принадлежность ее к «каратобинскому» варианту.

Первой половиной I в. н. э. датируются ранние железные лучковые фибулы Кольчугина [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 96, 97, рис. 13, 53; 17, 12; 18, 15; 25, 3], бронзовые и железные застежки Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с. 117, рис. 5, 193, 189; 7, 22/46/47], т. е. они диагностируют уже фазу **А3б**.

Достаточно сложно точно определить время бытования в позднескифской среде пластинчатых фибул, поскольку многие из них фрагментарны и не поддаются классификации. «Воинские» фибулы с прогнутым корпусом и коротким приемником обнаружены в мавзолее: в погребении 69 ящика XXV (рис. 25, V, 6) [Шульц, 1953, табл. XV, 6; Погребова, 1961, рис. 26, 3] и погребении 48, верхний ярус ящика I (рис. 22, I, 1) [Погребова, 1961, рис. 8, 4]. В своей работе А.К. Амброз принял датировку погребений Н.Н. Погребовой – конец I в. до н. э. [1966, с. 25]. Еще одна фибула этой серии происходит из погребения 17 кургана 1949 г. на Неаполе [Бабенчиков, 1957, табл. IX, 11; Амброз, 1966, с. 25], хотя ее дата, судя по сопровождающему материалу, может быть шире – первая половина I в. н. э. В эту группу необходимо включить экземпляры из Беляуса (рис. 18, IV, 1; 19, I, 2; III, 2) [Михлин, 1980, с. 205, рис. 6, 1–4, 8, 9], склепа 3 Кольчугина [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 79, 94–96, рис. 14, 16, 18], могильника Заозерное [Нефедова, 1991, с. 200, рис. 2, 2, 3], склепа 96 Неаполя [Сымонович, 1983, с. 56, табл. XXVI, 17], склепа 155 Битака (рис. 43, 12–14), склепа 56 Неаполя 1982 г. (рис. 194, 2). Большинство их по комплексу находок относятся к переходной фазе **А3а/А3б** (20 г. до н. э. – 20 г. н. э.)

Пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника представлены ранним вариантом, с элементами оформления «воинских» позднелатенских. Такие экземпляры известны в Беляусе (рис. 13, III, 1; 18, II, 2; V, 2) [Михлин, 1980, с. 205, рис. 6, 5–7] и в Капак-Таше (рис. 52, 7). Дата: конец I в. до н. э.

Для переходной фазы **А3а/А3б** (20 г. до н. э. – 20 г. н. э.) известна гончарная посуда, найденная в стратифицированных комплексах. К этой группе можно отнести чашку и кувшины с ангобом из мавзолея: ящики XVII, XXXII и XXXVII (Погребова, 1961, с. 112–114, рис. 26, 6; 34, 1, 4], чашу с тусклым лаковым покрытием, буролаковый канфаровидный кубок и краснолаковую миску из Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с. 114, 115, рис. 2, 5; 4, 117, 122], толстостенную миску, покрытую оранжевой обмазкой, и массивный кувшин со сферическим туловом из склепа 390 (рис. 57, 1, 10) [Зайцев, 1997а, с. 161, рис. 3, 3, 4], а также несколько полусферических чаш из склепов 51 и 92 Усть-Альмы [Высотская, 1994, табл. 12, 1, 19; 30, 39]. По стратиграфии и комплексу находок в нижнем ярусе склепа 155 Битака к рассматриваемому периоду принадлежат две небольшие краснолаковые чашечки с вертикальным краем (рис. 43, 10, 11), найден-

ные вместе с бронзовыми «воинскими» фибулами. Рубежом н. э. датируются глубокие чаши с коническим туловом и двумя горизонтальными ручками, прижатыми к вертикальному бортику, с накладным растительным орнаментом белой краской из кургана у Братского кладбища близ г. Севастополя [Высотская, 1972, с. 71, рис. 7 (фото); Гущина, 1974, с. 128, рис. II, 4]. В могиле 469/1 Усть-Альмы найден краснолаковый флякон с частично утраченной ножкой (рис. 164, 1). Аналогии ему – в закрытом комплексе конца I в. до н. э. из дома Хрисалиска [Сокольский, 1976, рис. 1, 1, 6, 7, 11].

В могилах 466 и 469/1 Усть-Альмы обнаружены краснолаковые ойнохой с округлым корпусом (рис. 162, 4, 5). Им близок по оформлению горла один из сосудов некрополя Золотое [Корпусова, 1983, рис. 10, 10], но у него витая ручка. Альминские экземпляры по совокупности данных (погребальный обряд, инвентарь комплексов) могут быть датированы концом I в. до н. э. К близкому времени относится буролаковый кувшин с воронковидным горлом и биконическим корпусом со следами росписи белой краской из могилы 498 (рис. 162, 2). Из склепа 440/6 происходит нижняя часть гончарной пелики с корпусом, покрытым каннелюрами, долго бывшей в употреблении. Такая посуда известна в погребениях рубежа н. э. [Зубарь, Кубышев, 1987, с. 250, рис. 1, 2], обломки краснолакового двуручного «кубка» с косыми каннелюрами найдены в закрытом комплексе рубежа н. э. на городище Чайка [Попова, 1991, с. 51, рис. 2, 5]. Аналогичные пелики обнаружены в сарматских погребениях в Нижнем Поволжье [Скрипкин, 1990, рис. 17, 6, 7; Сергацков, 2004, рис. 3, 10].

В инвентаре могил 466 и 469/2 Усть-Альмы присутствовали краснолаковые чаши (рис. 163, 3, 4), тарелки (рис. 163, 5, 6), кубок (рис. 163, 7). Весь этот набор можно датировать переходной фазой А3а/А3б (20 г. до н. э. – 20 г. н. э.). Из склепов 690 и 424 А происходят гончарные светильники с округлым рожком, тремя маленькими отверстиями на щитке вокруг центрального и орнаментированными плечиками. На первом из них, покрытом бурым лаком, сохранился рельефный фриз с резвящимися дельфинами (рис. 188, 1), на втором, с лаком графитового оттенка – меандр и фигурка дельфина (рис. 188, 2). Оба экземпляра, вероятно, принадлежат к изделиям конца II – первой половины I в. до н. э. одного из малоазийских центров: Книд, Пергам [Вальдгауэр, 1914, с. 68, табл. LIV, 563; Сон, Сорочан, 1988, с. 118, рис. 1, 5; Журавлев, Хршановски, 1999, с. 56, рис. 3, 12; ср.: Крапивина, 1993, с. 121, рис. 69, 1, 3]. Им близок по стилю и оформлению краснолаковый светильник рубежа н. э. с выступающим рожком треугольной формы и орнаментальным фризом из цветков на плечиках, обнаруженный в склепе 449/2 (рис. 188, 3), западнопонтийского (?) производства [Вальдгауэр, 1914, с. 27, табл. VIII, 92; Сон, Сорочан, 1988, с. 120, рис. 1, 6; 2, 1]. Все три экземпляра найдены в комплексах значительно позже времени обычного бытования этих осветительных приборов (на них следы длительного употребления): склеп 690 – около середины I в. н. э.; склеп 424 А – первая половина – середина I в. н. э.; склеп 449/2 – конец I в. – начало II в. н. э. Возможно, такая долговечность связана с находящимися на них изображениями, в частности дельфинов – атрибутов культа женского божества (Афродиты – Анахиты).

Два серебряных сосуда (чаша и килик) происходят из богатого женского погребения в Ногайчинском кургане (рис. 63, 1, 2), в них покоились кисти погребенной [Щепинский, 1974, с. 54; Симоненко, 1993, с. 71; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 77, 78, 96, рис. 11, 1, 2]. Килик с полусферической формой туловища, на кольцевом поддоне. Нижние концы ручек припаяны к корпусу, верхняя часть оформлена в виде нависающего над венчиком четырехлепесткового цветка, на дне – гравированный орнамент в виде двух ветвей гирлянды (венка) из листьев и цветков плюща. Чаша полусферической формы, на дне – гравированный орнамент, аналогичный изображениям на килике. Внутренний край сосудов прочеканен рядом ов. По художественному стилю ногайчинский килик и чаша близки серебряному тазу и тарелке из Жутова [Мордвинцева, 2000, с. 144–146, рис. 1] и относятся к эпохе позднего эллинизма, как и большинство предметов ювелирного искус-

ства из погребения [Трейстер, 2000, с. 182–202; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 97–99; 2004, с. 290–297], но попали в комплекс не ранее 30-х – 20-х гг. до н. э. [Пуздровский, 2004, с. 303, прим. 1].

Фаза А3в, судя по находкам импортных вещей в погребениях, в целом синхронизируется с фазой **В_{1а}** римского времени – 10/20–40/50 гг. н. э. [Щукин, 1991, с. 101, 102, рис. 7; 1994, с. 56, рис. 24]. Керамика представлена ранними краснолаковыми сосудами различных центров производства. К сожалению, пока не создана подробная классификация данной категории посуды. Поэтому приходится оперировать комплексами находок, где эта керамика встречена с другими хроноиндикаторами, либо их дата определяется по вещам в горизонте (ярусе). К фазе **А3в** относится группа кубков и канфаров, повторяющая формы и декор эллинистической керамики, а также, вероятно, имитирующих металлическую посуду того же времени. Это краснолаковые кубки с накладным орнаментом в технике «barbotine» из склепа 4 Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 77, табл. 1, 34] и кургана у Братского кладбища [Высотская, 1972, рис. 33, 1], канфар из Кара-Тобе [Внуков, Лагутин, 2001, с. 115, рис. 4, 117].

В склепе 155 Битака найден краснолаковый канфар с коническим туловом, на профицированной ножке [Пуздровский, 2002, с. 166, 167, рис. 7, 2]. Петлевидные ручки в сочетании с горизонтальными выступами, с утолщениями на концах, прикреплены у венчика, часть одной утрачена в древности (рис. 40, 3). На верхней части туловца сохранился растительный орнамент, выполненный в технике «barbotine». Подобную посуду традиционно относят к продукции понтийской сигиллаты [Hayes, 1985, f. 10; Журавлев, 1997, с. 35, табл. 3]. По морфологическим признакам битакский экземпляр близок кубку начала I в. н. э. из кургана у Братского кладбища близ Севастополя. Тем же временем датируется схожий по орнаментации кубок из некрополя Золотое [Корпусова, 1983, с. 39, табл. XXXVI, 12].

«Канфары», «скифосы» и кубки без орнамента либо с украшениями только на ручках, вероятно, также принадлежат к понтийской сигиллате [Домжальский, 1998, с. 23, табл. 2, 10, 13; Журавлев, 1998, с. 34–44, табл. 3]. Известны они преимущественно в Юго-Западном Крыму: Усть-Альминском могильнике [Высотская, 1994, табл. 33, 17], в кургане у Братского кладбища [Высотская, 1972, рис. 33, 2, 3], в Заветном [Богданова, 1989, с. 30, табл. IV, 25, 30]. Часть их по комплексу находок датируется временем, близким к середине I в. н. э., поэтому детально они будут рассмотрены в следующей главе. В группу фазы **А3в** (первая половина – середина I в. н. э.) можно включить краснолаковые канфары из склепа 450/22 и могилы 505 Усть-Альмы (рис. 163, 1, 2). Первый из них аналогичен сосуду, найденному в могиле 23 (1905 г.) некрополя Пантикопея в комплексе второй четверти I в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 171, рис. 11, 55]. К этому же времени относится пока еще малочисленная посуда неизвестных центров, которую производили в первой половине – середине I в. н. э. [Журавлев, 1997, с. 233; 1998, табл. 1, 10, 12; 2001, с. 101–102]. Чаши полусферической формы с загнутым краем происходят из склепа 155 Битака (рис. 40, 8; 41, 9; 42, 12). Подобные сосуды известны в некрополе Золотого – предполагается их боспорское производство [Корпусова, 1983, с. 43, табл. XLV, 9], а также в Неаполе, Усть-Альме, Кольчугиное, Кара-Тобе [Пуздровский, 2003, с. 129, 130, прим. 3, 4].

В комплексах рубежа – первой половины I в. н. э. найдены гончарные фляконы небольшого размера с шаровидным туловом и коротким горлом, некоторые из них покрыты обмазкой или лаком. Это сосуды из грунтового могильника Неаполя [Сымонович, 1983, с. 50–55, табл. XI, 2, 5, 6, 9, 12], Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 80, 81, табл. 31, 40]. Среди сдвинутых останков и погребального инвентаря ранних захоронений склепа 690 Усть-Альмы обнаружен краснолаковый арибалл с коническим туловом, сужающимся к короткому горлу, с отогнутым венчиком и горизонтальными желобками на плечиках (рис. 164, 2). Аналогичный сосуд происходит из склепа 51 [Высотская, 1994, с. 80,

табл. 12, 5]. Они датированы периодом 2 (первая половина I в. до н. э.) [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 178, рис. 2, 25, 26], но сопровождающий материал не выходит за рамки второй половины I в. до н. э. – первой половины I в. н. э.

К редким импортным предметам относится краснолаковый фигурный сосуд на низкой кольцевой подставке из склепа 155 Битака (рис. 41, 2) [Пуздровский, 2002, с. 167, рис. 5, 4; 9]. Верхняя часть сосуда оттиснута в форме маски Силена, зрачки глаз имеют сквозные отверстия, уши утрачены, возможно, они представляли собой петли для подвешивания. Вероятно, это продукция Пергама или Книда [Журавлев, 2001, с. 100, прим. 16]. Похожий, но другого центра производства сосуд (второй четверти – середины I в. н. э.) происходит из раскопок некрополя Пантикея в 1900 г. [ИАК, 1902, с. 50, рис. 12; Кунина, Сорокина, 1972, с. 150, рис. 3, 31]. На нем оттиснута маска Пана с прикрепленными к щитку тремя ушками, среднее из которых – с кольцом. Близок битакскому сосуду по размерам и оформлению мраморный римский маскарон из Северной Бактрии, датированный, по стилистическим данным, I в. до н. э. – I в. н. э. [Пугаченкова, 1977, с. 183–185].

В склепе 424 А среди разновременного материала I в. н. э. найден светлоглиняный гончарный лягинос (рис. 162, 1), восходящий к формам позднеэллинистического времени [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 178, рис. 2, 7, 10].

Находки амфор в погребениях фазы А3в чрезвычайно редки. Можно отметить лишь амфору из склепа 138 Усть-Альмы, которую Т.Н. Высотская относит к продукции Книда и датирует по комплексу находок рубежом – первой половиной I в. н. э., хотя дата склепа 138 ближе к середине столетия [1994, с. 74, табл. 46, 1].

Наиболее массовыми датирующими предметами продолжают оставаться фибулы. Для комплексов первой половины I в. н. э. известны бронзовые и железные лучковые подвязные фибулы 1-го варианта серии I [Амброз, 1966, с. 48, табл. 9, 1–3], хотя часть из них может датироваться чуть раньше или чуть позже. Представительная серия этих фибул обнаружена в Беляусе [Михлин, 1980, с. 205, 206, рис. 7], в достаточно большом количестве найдены они в Неаполе [Сымонович, 1983, с. 90, табл. XXVII, 7, 12, 16, 24, 25, 30], есть в Битаке (рис. 41, 7; 197, 28), встречены в Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 101, 102, рис. 30, 15; 31, 12, 29, 52; 33, 21]. Из новых стратифицированных находок ко времени до середины I в. н. э. относятся фибулы из ранних погребений склепа 690 (рис. 197, 29, 30). Большая же часть обнаружена в комплексах середины – третьей четверти столетия (см. раздел хронологии фазы В1а).

К группе ранних подвязных фибул относятся экземпляры с овально расширенной спинкой и относительно узкой ножкой (вариант 2 «лебяжьинской» серии) [Амброз, 1966, с. 55, 56, табл. 10, 4]. Такие застежки обнаружены в Усть-Альме в комплексах середины I в. н. э. [Высотская, 1994, с. 101, табл. 10, 22; 14, 20; 31, 6], в том числе из новых раскопок этого памятника (рис. 194, 7–18). Фибулы рассматриваемого варианта наиболее часто встречаются в погребениях середины и третьей четверти столетия (см. раздел хронологии фазы В1а).

Из Беляусского могильника происходят две броши, найденные в комплексах первой половины I в. н. э. – с орлом на щитке и в форме «цикады» [Михлин, 1980, с. 208, 209, рис. 9, 2, 3].

Наиболее ранними предметами, свидетельствующими о проникновении римского импорта в Крым, являются бронзовые шарнирные фибулы типа «Алезия» и «Авцисса». Варианты и характер путей попадания их к варварскому населению полуострова предложены М.Б. Щукиным [1989, с. 68–69]. Найденные на Усть-Альминском могильнике в могиле 469/2 и склепе 440/9–10 экземпляры «Алезии» (рис. 194, 3, 4), видимо, датируются в пределах двух последних десятилетий I в. до н. э. [Щукин, 1989, с. 65–69]. Не противоречат этой дате и остальные предметы альминских комплексов. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева [2004, с. 182, рис. 7, 24, 25] включили рассматриваемые застежки в

период 3 (посл. четв. I в. до н. э. – рубеж – нач. I в. н. э.). Нахodka фибулы «Алезия» в кургане № 1 у Зубовского хутора [Гущина, Засецкая, 1989, с. 76, 116, табл. XI, 123; ср.: Лимберис, Марченко И.И., 2004, с. 222, кат. 1], хотя и связывается с историческими событиями середины I в. до н. э. [Щукин, 1992, с. 106, 107; Трейстер, 2005, с. 78, 79], не может служить надежным репером, поскольку отличается от типичных образцов рядом деталей и достаточно долго была в употреблении [Гущина, Засецкая, 1989, с. 76]. Таким образом, альминские фибулы «Алезия» синхронизируются с концом фазы А3а (20 г. до н. э. – рубеж н. э.).

Фибулы типа «Авцисса» (без надписи) относятся к раннему варианту, характерному для ступеней А₂-В_{1a} (15–9 гг. до н. э. – 40-е гг. н. э.) раннеримской хронологии [Щукин, 1994, с. 54, 55, рис. 21], однако в позднескифских могильниках все они найдены в погребениях середины I в. н. э. [Внуков, Лагутин, 2001, с. 117, рис. 7, 6] (см. раздел хронологии фазы В1а). Так же датируются они в комплексах среднесарматской культуры [Скрипкин, 1992, с. 8, рис. 1, 18, 20; 1997, с. 117] и на Центральном Кавказе [Абрамова, 1974, рис. II, 6, 20], что соответствует ступени В_{1b}/В_{1c} раннеримской хронологии [Щукин, 1994, с. 56, рис. 24].

Среди предметов, определяющих переходную фазу А3а/А3б (20 г. до н. э. – 20 г. н. э.), можно назвать бронзовые «подковообразные» пряжки, хронология которых разработана А.А. Труфановым [2004, с. 160–162, 168]. Его датировки, основанные на анализе комплексов, в которых найдены эти детали поясной гарнитуры, существенно отличаются от схемы, предложенной Ю.П. Зайцевым и В.И. Мордвинцевой [2004, с. 182, рис. 8, 29–31; Зайцев, 1997а, с. 165].

Определенным хронологическим индикатором позднескифской фазы А3б являются железные и серебряные пряжки с удлиненно-закругленными прогнутыми рамками и подвижными язычками (рис. 96, 3, 6, 9, 12). На Усть-Альме они найдены в комплексах середины I в. н. э. (см. раздел хронологии фазы В1а). М.Б. Щукин называет их «маркоманскими» и относит к ступени В_{1a}, но отмечает существование и в более позднее время [1994, с. 55]. Пять пряжек этого типа найдены в могильнике Кольчугина с материалами не позже середины I в. н. э. [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 93, 94, 125]. Проанализировав экземпляры из Северного Причерноморья, А.А. Труфанов включил их в тип 2 (восьмерковидные) и пришел к выводу, что основное время распространения таких пряжек в Крыму – первая половина I в. н. э., в третьей четверти столетия они уже редкость [2004, с. 162–164, 168].

Середина I в. н. э. явилась тем культурно-историческим рубежом, после которого в позднескифской культуре Крыма наблюдается постоянный приток сарматского населения, археологически фиксируемый инновациями в материальной культуре и погребальном обряде. Их анализу будет посвящена следующая глава.

Приведенные материалы свидетельствуют о хронологическом разрыве между самыми поздними памятниками среднескифской поры (IV – начало III в. до н. э.) и самыми ранними комплексами позднескифской культуры (рубеж III–II вв. до н. э.). Изменения в демографической ситуации связаны как с притоком извне, так и консолидацией различных по происхождению племен и племенных группировок. Изучение погребального обряда позднеэллинистического и римского времени позволяет выделить два основных пришлых компонента позднескифской культуры: скифо-фракийский и сармато-меотский. Для первых, продвинувшихся на рубеже III–II вв. до н. э. под давлением гетов и бастарнов из Поднестровья (скифо-фракийцы) и Побужья (миксэллины), были характерны захоронения в катакомбах III и V типов. Вместе с этим контингентом в Крыму распространяется характерная лепная керамика, фибулы среднелатенской схемы, специфические формы оружия и воинского снаряжения. Население это было в значительной степе-

ни эллинизированным, что проявилось в характере хозяйства, домостроительстве, материальной и духовной культуре. Вторая волна миграции из этих районов приходится на вторую половину I в. до н. э.

С племенами раннесарматской культуры, проникавшими в Крым из днепро-донских степей и испытавшими контакты с культурами латенского круга, можно связать впускные погребения в курганы близ позднескифских поселений. Превращение насыпей курганов в родовые могильники свидетельствует об оседании этой группы населения.

Многократные захоронения в каменных конструкциях сочетают в себе как традиции предыдущей эпохи, так и новые импульсы в обряде и инвентаре, которые, очевидно, связаны с движением на запад кочевых племен на рубеже II–I вв. до н. э. Вероятно, часть этой группы обосновалась в предгорных районах Крымской Скифии и продолжила свой исторический путь в новых условиях. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь, сочетающий предметы, характерные для латенской эпохи и раннесарматской культуры. С сарматами Северного Кавказа и Прикубанья можно связать появление в позднескифских могильниках продольно-осевых катакомб (II тип). Слабое влияние скифо-кизилкобинских традиций фиксируется в лепной керамике, наборе украшений. Этно-социальный состав Крымской Скифии был неоднороден – сочетались пережитки родоплеменных отношений и новых представлений, связанных с формированием соседско-территориальных полигэтнических общин и новых структур семьи.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМСКОЙ СКИФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I–III В. Н. Э.

Во второй половине I в. н. э. в демографии Крымской Скифии происходят значительные изменения. Заметно сокращается численность населения в Северо-Западном [Яценко, 1970, с. 36; Щеглов, 1978, с. 43, 135; Михлин, 1980, с. 211; Попова, 1991, с. 71] и Юго-Восточном Крыму [Колтухов, 1999, с. 97, 100]. Исследователи по-разному интерпретируют эти события. Так, А.Н. Щеглов связывает их с возможными походами римско-херсонесских войск в конце I – начале II в. н. э. [1978, с. 135]. Д.С. Раевский, Б.Ю. Михлин и В.М. Зубарь отнесли разрушения на некоторых поселениях Северо-Западного Крыма ко времени похода Плавтия Сильвана [Раевский, 1973, с. 116; Михлин, 1980, с. 211; Зубар, 1988, с. 23–24]. О.Д. Дашевская ранее считала, что прекращение жизни на поселениях Северо-Западного Крыма связано с победами боспорских царей [1971, с. 155]. И.Н. Храпунов отнес запустение этой территории к концу I – началу II в. н. э. в результате действий сарматских племен [1990, с. 167–168]. С.Г. Колтухов склонен связывать гибель поселения Чайка с действиями Плавтия Сильвана, а катастрофы I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму, приведшие к значительному сокращению населения в предгорной зоне, – с сарматской угрозой, подчинением Аспургу и коллизиями римско-боспорской войны [1999, с. 97, 100]. А.В. Гаврилов полагает, что участие боспорских сармато-аланских контингентов во второй половине I – начале II в. н. э. в военных конфликтах против поздних скифов привели к радикальным изменениям в культуре и этническом составе населения Юго-Восточного Крыма [2004, с. 127]. Материалы позднескифского поселения Чайка («предместье») позволили датировать пожар, в котором гибнет весь комплекс, первой четвертью I в. н. э., а самые поздние находки относятся ко второй четверти столетия [Попова, Коваленко, 2005, с. 93, 94].

В конце I – начале II в. н. э. увеличивается население в юго-западных районах полуострова, что обычно объясняется оттоком жителей из Северо-Западного Крыма [Щеглов, 1978, с. 135; Высотская, 1972, с. 66; Колтухов, 1999, с. 97]. Причину ухода населения видят также в изменениях климатических условий (засуха) [Дашевская, Голенцов, 2004, с. 38, 39]. На городище Калос Лимен исследованы закрытые комплексы нескольких горизонтов: рубежа первой и второй четверти I в. н. э., третьей четверти I в. н. э. и начала II в. н. э., после чего население, по-видимому, оставило памятник [Уженцев, 2006, с. 133–135].

Значительные изменения на этнополитической карте Крымской Скифии, на мой взгляд, были вызваны комплексом причин, основные из которых: 1) выход на политическую арену раннеаланского союза племен; 2) перемещения сарматских групп вследствие римско-боспорской войны 45–49 гг.; 3) обострение обстановки в северопричерноморских степях во второй четверти II в. н. э. (начало формирования позднесарматской культуры); 4) походы боспорских царей в глубь Крымской Скифии во II в. н. э.;

- 5) политico-административный раздел территории Крымской Скифии в конце II в. н. э.;
 6) вторжение новых сарматских группировок (вторая четверть III в. н. э.).

Перемены в этносоциальной структуре позднескифского государства отразились в погребальных памятниках, на характеристике которых и остановимся.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

Беляусский могильник (рис. 2, 8), с. Знаменское, Черноморский р-н. К заключительному этапу функционирования некрополя (вторая половина I в. н. э.) относятся захоронения в подбойных могилах с бедным инвентарем. Значительную часть погребений составляют детские костяки. Шесть подбойных могил с погребениями взрослых также не отличались разнообразием инвентаря, зато в пяти случаях прослежено положение обеих кистей рук на таз, у одного погребенного – только левая рука поклонилась таким образом. В трех могилах ноги умерших были сближены (связаны). Погребения можно датировать I – началом II в. н. э. [Дашевская, 1984, с. 55–57]. Часть захоронений в каменном склепе 2, судя по дате фибул, также относится ко второй половине I в. н. э. [Михлин, 1980, с. 209, рис. 9, 4, 5; Дашевская, Голенцов, 2004, с. 38]. К востоку от городища в 1987–1988 гг. О.Д. Дашевская и А.С. Голенцов раскопали курган эпохи бронзы, в котором найдено 14 могил I в. до н. э. – I в. н. э. [Дашевская, 1991, с. 54], часть из них, вероятно, датируется временем после середины I в. н. э. .

Отдельные находки середины III в. н. э. на городище свидетельствуют о присутствии населения после долгого перерыва [Дашевская, Голенцов, 2004, с. 39, рис. 4, 3, 4].

Кульчукский могильник (рис. 2, 7), с. Громово, Черноморский р-н. Комплексы позднеэллинистического времени и рубежа н. э. рассмотрены в предыдущей главе. Близ городища (в море) найдена стела [Дашевская, 1978, с. 200, рис. 1, 2; 1991, табл. 42, 5], очевидно, выполненная из вторично использованной плиты IV–III вв. до н. э.¹ Она может указывать на наличие в этом районе впускных подкурганных погребений I–II вв. н. э. К северо-западу от укрепления в 1979 г. исследован курган-кенотаф с кромлехом и остатками урновой и безурновой кремации III–II вв. до н. э. За пределами кромлеха открыты пять впускных захоронений I в. до н. э. – I в. н. э. в грунтовых ямах с обкладкой из каменных плит [Дашевская, Голенцов, 1982, с. 90–96]. Некоторые, судя по инвентарю, датируются I – началом II в. н. э.

Южный Донузлав, с. Поповка (рис. 2, 9 а), с. Штормовое (Фрунзенка) (рис. 2, 9б), Сакский р-н. Два найденных вблизи Южнодонузлавского городища надгробия позволяют предположить наличие грунтового могильника или подкурганных погребений первых вв. н. э. [Дашевская, 1967, с. 213, 214; 1972, с. 70, рис. 24, 3; 1991, табл. 43, 2; 44, 3; Шульц, 1966, с. 278–286]. На территории Южнодонузлавского городища в слое I в. н. э. найден умбон щита [Дашевская, 1991, с. 14, табл. 7, 24], отнесенный к III в. н. э.²

Марьино, с. (бывш. Джан-Баба), Черноморский р-н (рис. 2, 11). В 1938 г. к северу от городища во время распашки кургана (высота 0,6 м, диаметр 0,9 м) найден двухъярусный надгробный рельеф, что предполагает наличие могильника [Дашевская, 1991, с. 27, 28, табл. 45, 3]. Э.И. Соломоник [1963, с. 10–15] и П.Н. Шульц [1963, с. 3–10] датировали рельеф II–III вв. н. э. и связывали с влиянием боспорских традиций.

Чайка (рис. 2, 12), с. Заозерное, Евпаторийский горсовет. Найденный на городище фрагмент рельефа со сценой адорации датирован первыми веками н. э. [Попова, 1974,

¹ Информация С.Б. Ланцова на заседании 14.11.06. при обсуждении монографии.

² Этой находке и вариантам ее интерпретации посвящен раздел о вооружении.

с. 222–230]. Ко второй половине I в. н. э. относятся погребения в каменном склепе № 35 кургана у с. Заозерное [Яценко, 1978, с. 72, 73; Нефедова, 1991, с. 199, рис. 2, 23].

Калос Лимен (рис. 2, 10). На городище обнаружены плиты с сарматскими знаками, которые были вмонтированы (?)³ у въезда в цитадель. Многие из знаков находят аналогии на Боспоре [Уженцев, 1999, с. 321, 323; 2006, с. 134, рис. 68]. Наличие находок конца III в. н. э. – первой половины IV в. н. э. свидетельствует о присутствии на месте покинутого во II в. н. э. городища нового населения [Уженцев, 2006, с. 135].

Прибрежное, с. (бывш. Кара-Тобе), Сакский р-н (рис. 2, 114). В 1958 г. на пересыпи Сакского озера вблизи стратегически важного позднескифского городища Кара-Тобе, найден клад денариев легионного происхождения [Кропоткин, 1961, с. 65, № 617; Гилевич, 1965, с. 103–111]. Топография находки указывает, что клад мог быть связан со святилищем и римским военным постом рядом с ним [ср.: Ланцов, 1988, с. 249, 250; 2003, с. 48; Зубарь, 1994, с. 75, прим. 2]. Его зарыли в правление Тита или Домициана, когда большая часть римских подразделений была выведена из Таврики для усиления Мезийской армии [Блаватский, 1951, с. 259, прим. 7, 8; Гилевич, 1965, с. 107; Пуздовский, 1992, с. 131; Зубарь, 1994, с. 29].

Сакская пересыпь (рис. 2, 114а). На территории святилища на Сакской пересыпи найдены монеты римского времени различных центров чеканки: Пантикопей, Рим, Херсонес и др. [Ланцов, 2003, с. 19–22].

Евпатория, г. (рис. 2, 115). На территории города и в округе зафиксированы случайные находки римских монет [Ланцов, 2003, с. 51; Кутайсов, 2004, с. 137; Заскока, 2004, с. 109–114].

Малочисленность комплексов исследуемого периода свидетельствует о слабой заселенности Северо-Западного Крыма по сравнению с предшествующим временем. Особенно ощутимо запустение после начала II в. н. э., когда на ряде поселений фиксируются закрытые комплексы [Уженцев, 2001, с. 166; 2006, с. 135]. Очевидно, оседлая жизнь в этом районе постепенно угасала (до середины II в. н. э.). В то же время в регионе появилось новое (полукочевое?) население, для погребальной практики которого были характерны впускные захоронения в курганы и установка надгробных стел и рельефов.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЫМ

В окрестностях Симферополя в конце XIX – начале XX в. были раскопаны курганы, в которых исследованы впускные погребения позднескифского времени. Их датировка обычно широка, хотя среди них, видимо, были захоронения, совершенные после середины I в. н. э. Известны достаточно давно и грунтовые могильники первых веков н. э. (Соловьевка, Нейзац, Саблы).

Кермен-Кыр (рис. 2, 186), с. Мирное, Симферопольский р-н. В 1924 г. Н.Л. Эрнст на городище Сарайлы-Кият (Красное, Кермен-Кыр) обнаружил антропоморфное надгробие с высеченным на нем сарматским знаком [Эрнст, 1930, с. 25; Шульц, 1957, с. 85–86, рис. 14 г; Дащевская, 1957, с. 116; Соломоник, 1959, с. 69–70, № 22].

В 1988 г. на восточном склоне городища, у его подножия (ул. Нагорная) исследована полуразрушенная при земляных работах грунтовая могила. Погребенный был ориентирован головой на СЗ, инвентаря не оказалось. Судя по стратиграфии и находкам из культурного слоя, захоронение относится к последнему этапу жизни городища – III в. н. э. По сведениям местных жителей, при рытье противотанкового рва в 1941 г. неподалеку от указанного места находили кости и краснолаковую посуду. Все эти данные позво-

³ Судя по реконструкции В.Б. Уженцева [2006, рис. 68], знаки, скорее всего, были вырезаны на блоках существовавшей стены. Использование для нанесения знаков плит из различных построек отмечено в Танаисе [Яценко, Раев, с. 222–230; Ильюков, Толочко, 2004, с. 183, 184].

ляют предполагать наличие могильника первых вв. н. э. (рис. 2, 18а), большая часть которого находится под современной жилой застройкой.

В 1942 г., неподалеку от городища, на вершине кургана на плато третьей гряды, к западу от пригорода Украинка (рис. 2, 18в) был найден трехъярусный надгробный рельеф с шипом и массивной каменной базой, датированный II в. н. э. [Дашевская, 1957, с. 116, рис. 46, 2; 1991, с. 28, табл. 45, 1].

Бахчи-Эли (рис. 2, 20). В 1924 г. близ деревень Бахчи-Эли, Абдал и Новый Абдал, в 2–3 верстах к СВ от г. Симферополя Н.Л. Эрнст раскопал три кургана. В кургане № 3 (5) в одном из впускных захоронений по центру насыпи, на глубине 0,7 м среди камней, насыпанных над основной могилой, лежал костяк, ориентированный головой на восток. Слева от него стоял лепной горшок, у таза найден каменный оселок, в ногах – тонкая каменная (сланцевая?) пластинка в виде неправильного шестиугольника (амулет?), внутри черепа – бусина из желтой египетской пасты. К востоку от черепа лежали четыре терочника. Т.Н. Троицкая отнесла погребение к раннескифскому времени [1957, с. 175, рис. 1], хотя сам Н.Л. Эрнст предполагал синхронность этого захоронения «неапольскому» периоду [1924, с. 6, 7].

Грэсовский пос. (рис. 2, 75), Симферопольский р-н. При случайных земляных работах в 10 км к СЗ от Неаполя Скифского и в 4 км к северу от городища Кермен-Кыр обнаружено погребение, вероятно, в разрушенном кургане. Оно было перекрыто плитой с сарматскими знаками [Соломонік, 1962, с. 163, рис. 12].

Симферопольский курган (рис. 2, 25). Находится в 2 км к югу от городища Неаполь Скифский. Исследовался в 1890 г. А.И. Маркевичем, А.Х. Стевеном и А.О. Кашпаром после самовольных раскопок в 1889 г. (см. главу 2). Из каменного склепа в центре насыпи были извлечены около 30 черепов, зачищено одно скорченное погребение. Часть инвентаря (бусы с позолотой, обломок фибулы, речная раковина) позволяет предполагать, что склеп использовался для захоронений в I–II вв. н. э., тогда как сам склеп и первоначальные погребения относятся к концу IV – началу III в. до н. э. [Маркевич, 1890, с. 107–110; Троицкая, 1951, с. 97; Дашевская, 1991, с. 52].

Тавельские курганы (рис. 2, 29), с. Краснолесье, Симферопольский р-н. Описание сооружений дано в главе 2. Анализ погребального инвентаря, сохранившегося в фондах КРКМ, позволил предположить, что наряду с захоронениями I в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э. значительное число составляют погребения втор. пол. I – перв. пол. II в. н. э. [Труфанов, 2004, с. 133–138].

Капак-Таш (рис. 2, 72), с. Петрово, Белогорский р-н. Описание могильника из каменных ящиков и курганов дано в главе 2. В склепе кургана № 1, исследованном в 2002 г., среди пережженных костных останков встречены бусы II–III вв. н. э., а также лучковая фибула втор. пол. II – перв. пол. III в. н. э. [Пуздовский, Медведев, 2003]. Это дает основание предполагать, что после перерыва (I–II вв. н. э.) погребальное сооружение вновь использовалось для захоронений, однако количество их вряд ли было значительным.

Саблы (рис. 2, 28), с. Партизанское, Симферопольский р-н. В 1891 г. неподалеку от села Н.И. Веселовский раскопал курган высотой около 2 м. Под ним находилась гробница, сложенная на материке из хорошо отесанных известняковых плит (длиной около 30 см), поставленных в несколько рядов. Размеры по сохранившимся остаткам двух стен: 3,8x2,75 м, высота – 0,75 м. В гробнице были совершены многократные захоронения. Могила ограблена, количество костяков установить не удалось. Среди инвентаря: лепная курильница с горизонтальными ребрами, золотая серьга, бронзовое зеркало с коническим выступом в центре, обломки фибул, фигурная ручка от патеры, кольцо, бусы из стекла, фаянса, сердолика, горного хрусталия (рис. 46, III). По набору сохранившихся вещей погребения датируются I – перв. пол. II в. н. э. [ОАК, 1891, с. 76; Кашпар, 1891, с. 97; Троицкая, 1951, с. 96, 97; Колтухов, 2001, с. 62; Журавлев, Фирсов, 2001, с. 223–229], хотя сама гробница, вероятнее всего, сооружена в IV–III вв. до н. э.

В 1904–1905 гг. в обрезе карьера (к ССЗ от села) обнаружен грунтовый склеп (рис. 2, 28а) размером 2,1x1,05 м, выложенный изнутри бутовой кладкой насухо. Ограблен местными жителями. В 1913 г. доследован П.А. Двойченко. В заполнении могилы – кости не менее 20 погребенных. Инвентарь: краснолаковый кувшин и блюдо (?), бронзовы кольца, браслеты, бусы и подвески из стекла, гагата, янтаря, фаянса, бронзовое орнаментированное зеркало, серьги со вставленными стеклами, кольцо с выступами. Дата: первые века н. э. [ИТУАК, 1914, с. 289–291; Дащевская, 1991, с. 54].

Константиновка, с. (рис. 2, 27), Симферопольский р-н. На юго-западной окраине села при строительных работах в 1971 г. разрушена могила. Вещи из нее собраны сотрудником ККМ (КРКМ) А.А. Столбуновым. Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой катакомбу с захоронениями представителей сарматской знати. Инвентарь: две светлоглиняные узкогорлые амфоры, два краснолаковых кувшина, тарелка и чашка, железные удила, бронзовый браслет, бронзовые патера, кувшин, кружка. Дата: первая половина II в. н. э. [Орлов, Скорий, 1989, с. 63–73].

Мазанка, с. (рис. 2, 21), Симферопольский р-н. В 1949 г. О. Д. Дащевская в кургане эпохи бронзы близ села раскопала впускное захоронение первых вв. н. э. [Дашевская, 1949, с. 12]. В 20-е гг. XX ст. на селище, рядом с позднескифским городищем [Колтухов, 1999, с. 109], найден обломок рельефа (рис. 2, 21а) с изображением всадника⁴.

Аталаык-Эли (рис. 2, 80), с. Соловьевка, Симферопольский р-н. В 1903 г. А.И. Маркевич обследовал могильник с тремя земляными склепами, самовольно раскопанными местными жителями, собрав бусы, пряжки, обломки посуды. Дата: I–II вв. н. э. В окрестностях села найдены халцедоновая бусина и наконечник копья [Маркевич, 1903, с. 57].

Опушки, с. (рис. 2, 93), Симферопольский р-н. Памятник обнаружен грабителями. С 2003 г. на могильнике, расположенным в 2 км к юго-западу от села, на склоне балки, экспедиция Таврического национального университета (руководитель И.Н. Храпунов) ведет охранные работы. Наряду с ранними материалами (I в. до н. э. – I в. н. э.), здесь обнаружены погребения первых вв. н. э. [Храпунов, Власов, Мульд, Стоянова, 2004, с. 335, 336]. Впервые в Центральном Крыму зафиксировано трупосожжение в сосуде, в каменном ящичке [Храпунов, Мульд, 2005, с. 341–345].

Зуйский могильник (рис. 2, 70). В 1949–1950 гг. в ходе разведок Тавро-Скифской экспедиции к северу от пос. Зуя, у с. Литвиненково (Белогорский р-н), в обрезе берега найдены четыре земляных склепа (?) первых веков н. э. [Погребова, 1950, с. 12–14]. Могильник, вероятно, принадлежал населению близлежащего городища Борут-Хане [Колтухов, 1999, с. 109, 110].

Нейзацкий могильник (рис. 2, 71), с. Красногорское, Белогорский р-н. Обнаружен в 1927 г. крестьянами колхоза «Нейзац». Два склепа из трех доследованы Н.Л. Эрнстом. В 1956 г. А.А. Щепинский раскопал еще один склеп, а в 1969 г. О.А. Махнева – три. В могилах найдены в большом количестве лепная, гончарная и стеклянная посуда, обломки железных мечей, амфора, бусы, пронизи, серебряная бляха с сарматскими знаками, железные удила [Эрнст, 1927а, с. 9–12; Соломоник, 1959, с. 78, № 34, с. 140; № 92; Шульц, 1957, с. 86, рис. 14, в, е; Высотская, Махнева, 1983, с. 73–79]. На раннем участке могильника найдены погребения конца II – первой половины III в. н. э., есть погребения второй половины III в. н. э., поздний участок датируется IV в. н. э. [Храпунов, Власов, Мульд, Стоянова, 2004, с. 336, 337]. С 1996 г. исследование могильника ведется экспедицией Таврического Национального университета (руководитель И.Н. Храпунов). К 2004 г. исследовано 241 погребальное сооружение: 38 склепов, 80 подбойных, 121 грунтовая, 2 могилы редких конструкций [Храпунов, 2004, с. 134, 135].

Ак-Кая (рис. 2, 73), с. Вишенное, Белогорский р-н. На стенах пещер нанесены многочисленные сарматские знаки. Позднескифский культурный слой позволяет пред-

⁴ Экспонируется на выставке в КРКМ.

положить существование здесь святилища [Шульц, 1957, с. 86, 87; Соломоник, 1959, с. 113–117, № 57; Драчук, 1975, № 21, 202, 294, 317, 323, 324, 502, 509, 536, 546, 548, 553, 559, 700, 806, 846, 873].

Неапольский могильник (рис. 2, 26). Общая характеристика некрополя дана в главе II. К первым векам н. э. относятся семь подбойных могил, раскопанных Н.И. Веселовским в западной – Петровской («Собачьей») балке. Тем же временем, на основе инвентаря, датируются погребения в четырех грунтовых склепах [ОАК 1889 г., с. 20–27; Сымонович, 1983, с. 10–12, рис. 4, 5]. Функционирование вырубленных в скале (вырубных) склепов (зафиксировано 30) относится ко II–III вв. н. э. Общее же количество погребальных сооружений первых вв. н. э. могло достигать нескольких сотен.

Захоронения восточного некрополя втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э. совершились преимущественно в подбойных могилах, а также в простых грунтовых и вырубных склепах. За все годы раскопаны 226 подбойных могил, грунтовых склепов с захоронениями I–II и II–III вв. н. э. – 32, вырубных склепов – 14, простых грунтовых ям – около 10 [Высотская, 1979, с. 14–33, библ.; Сымонович, 1983, с. 6–23, библ.; Зайцев, 2003, с. 5–11, библ.; Пуздовский, 1992а, с. 181–199]. Грунтовый склеп, раскопанный в 1949 г. О.Д. Дащевской, по своей архитектуре и оформлению близок вырубным склепам [1951, с. 131–135]. Кроме того, в 1978 г. исследована одна могила с заплечиками, перекрытая плитами, и одно захоронение младенца в амфоре (1983 г.). На территории некрополя открыты хозяйственые ямы, в том числе с захоронениями.

В середине XIX в. на городище был найден двухъярусный надгробный рельеф с шипом – т. н. «стела гладиатора». В верхнем ярусе представлена фигура наступающего воина в шлеме, с копьем и щитом. Справа, внизу – маленькая фигурка коленопреклоненного человека, молящего о пощаде. В нижнем ярусе изображен всадник [Ростовцев, 1914, табл. XXX, 1; Шульц, 2004, с. 13]. Целая серия памятников позднескифской монументальной скульптуры обнаружена Н.Л. Эрнстом. Наиболее известен рельеф всадника в вырубном склепе № 6 [Бабенчиков, 1957, рис. 3]. Т.Н. Высотская опубликовала фрагмент рельефа бородатого мужчины из раскопок 1926 г. [1979, с. 180, 181, рис. 87]. Не изданы: обломок рельефа с едущим всадником и надгробный рельеф с четырьмя фигурами. В 1927 г. Н.Л. Эрнст на западном склоне городища зачистил вырубной склеп с рельефным изображением человеческой фигуры.

Фрагменты монументальной скульптуры были обнаружены и позже. В 1948 г. – обломок рельефа с изображением всадника (?) [ср.: Высотская, 1979, с. 181, рис. 88]. В 1963 г. на СВ оконечности городища найдена четырехгранная антропоморфная стела. Надгробные стелы, наряду с погребениями на городище взрослых людей с инвентарем [Зайцев, 2003, с. 35, рис. 7 с; 117–120], могут свидетельствовать о запустении отдельных районов крепости во II–III вв. н. э.

Для исторической топографии некрополя интерес представляют впускные захоронения первых вв. н. э. в насыпи «кургана 1949 г.» (см. главу II). В двух могилах с каменными закладами, раскопанных В.П. Бабенчиковым в 1949 г., найдены погребения I–II вв. н. э. (две женщины, одна с ребенком), умершие ориентированы на север и запад [Троицкая, 1954, с. 224]. В 1956 г. исследованы еще несколько впускных погребений, а также захоронения за пределами насыпи. Описание трех из них приведено Э.А. Сымоновичем [1983, с. 14]. Кроме того, В.С. Забелина, проводя работы в южной поле кургана, обнаружила еще десять погребений различной степени сохранности, а также захоронение собаки (в хозяйственной яме?). При разборке камней крепиды кургана найдены останки четырех умерших, а также нетронутое захоронение, находившееся на камнях заклада над еще одним погребенным (ориентированы на СВ). Здесь же исследованы две подбойные (?) могилы. Одна из них – с двумя костяками, ориентированными на СЗ; второй подбой содержал одиночное захоронение головой на СВ, с подогнутыми ногами. За пределами курганной насыпи обнаружено скорченное захоронение, ориентированное по оси В–З, частично перекрытое камнями крепиды. За исключением последнего, все эти погребения можно датировать II–III вв. н. э. [Забелина, 1956, с. 1–9].

Таким образом, «курган 1949 г.» представлял собой сложное сооружение. Его древнейшие погребения относятся еще к IV–III вв. до н. э. Во II–I вв. до н. э. насыпь использовалась для сооружения гробниц с большим количеством костяков (см. главу II). тогда же, очевидно, она была обнесена крепидой. Захоронения на площади кургана продолжались в I–II и во II–III вв. н. э.

В 1827 г. в западной части городища (рис. 3, 26а), неподалеку от места находки мраморного рельефа, в небольшой глиняной вазе обнаружен клад серебряных римских монет [Кропоткин, 1961, с. 65, № 622].

Битакский могильник (рис. 2, 76). Общая характеристика дана в главе 2. Помимо захоронений в грунтовых склепах, подавляющее большинство которых относится ко времени до середины I в. н. э., здесь исследованы 152 подбойные могилы, из них 29 – с двумя камерами, 2 могилы – с заплечиками и три конских захоронения.

Подбойные могилы располагались, как и на некоторых могильниках Юго-Западного Крыма (Бельбек IV, Скалистое III), в определенном порядке. Расположение их длинной оси: СВ–ЮЗ. Погребенные ориентированы преимущественно в южном полукруге. Во втор. пол. II – перв. пол. III в. н. э. увеличивается количество захоронений с северной (с отклонениями) ориентировкой. В обряде подбойных захоронений зафиксировано использование колод, гробовищ, кошмы, подстилок, помещение одной или обеих кистей рук покойника на таз, связывание ног. Напутственная мясная пища, как правило находилась в краснолаковой посуде. Погребальный инвентарь обычен для могильников первых вв. н. э. Выделяются захоронения воинов с оружием (наконечники стрел, кинжал, мечи). В трех могилах обнаружены детали конской сбруи.

В закладах подбойных могил встречено несколько обломков вторично использованных антропоморфных стел [Волошинов, 2001, с. 148, рис. 1, 1]. Могильник хронологически соответствует периоду функционирования некрополей Неаполя Скифского и принадлежит населению его ближайшей окружности [Пуздровский, 2001, с. 122–140; 2002, с. 162–172].

Дружное, с. (бывш. Джадар-Берды), Симферопольский р-н (рис. 2, 62; 3, 62). Первые упоминания о могильнике относятся к 1900-м гг. В 1984 г. А.И. Айбабин, в связи с разрушением памятника, исследовал один склеп и одну подбойную могилу [1994, с. 89–131]. В 1990–1994 гг. здесь вела работы экспедиция (руководитель И.Н. Храпунов) Таврического национального университета. Раскопана вся уцелевшая часть могильника. Всего изучены 86 погребальных сооружений: 25 земляных склепов, 32 подбойные и 29 грунтовых могил (15 – с погребениями людей, 14 – лошадей). Памятник датируется второй половиной III–IV вв. н. э. Несколько подбойных могил отнесены ко второй четверти III в. н. э., наиболее ранняя часть могильника уничтожена карьером [Храпунов, 2003].

Перевальное, с. (рис. 2, 65; 3, 65), Симферопольский р-н. Могильник расположен в 1,5 км к СВ от села, у развалин бывш. деревни Кучук-Янкой. Памятник обнаружен в 1970-х гг. (И.А. Баранов). В 1988–1990 гг. Симферопольская экспедиция ИА АН Украины провела здесь охранные раскопки (под руководством автора). Значительная часть объектов ограблена в древности. Исследованы девять склепов, восемь подбойных, одна плитовая, две грунтовые могилы. Обнаружено одно конское захоронение. Наиболее ранние материалы (три подбойные могилы) относятся ко второй четверти – середине III в. н. э. Большинство предметов инвентаря из склепов датируются втор. пол. III – перв. пол. IV в. н. э. [Пуздровский, 1994 б, с. 55, 56]. Могильник обнаруживает сходство с такими памятниками III–IV вв. н. э. как Дружное и Нейзац.

Чокурча (рис. 2, 77), с. Луговое, ныне территория Симферопольского горсовета. В 1928 г. при исследовании палеолитической стоянки в гроте, в «скифском горизонте», Н.Л. Эрнст обнаружил несколько погребений с предметами «неапольского типа, римской эпохи» [Эрнст, 1929, с. 128], что позволяет предполагать здесь «пещерный некрополь». Близ деревни в 1890 г. (рис. 3, 77а) обнаружен клад серебряных римских монет [Кропоткин, 1961, с. 64, 65, № 609].

Змеиная пещ. (рис. 2, 78), с. Партизанское, Симферопольский р-н. Расположена на южном склоне второй гряды Крымских гор, у подножья скального отвесного массива, к югу от скифского городища Змеиное и в 1,5 км к СЗ от с. Партизанское. Пещера обследована в 1924-м и 1926 гг. Н.Л. Эрнстом и С.И. Забниным, ими обнаружено несколько погребений и собран подъемный материал. Из находок в окрестностях пещеры в КРКМ хранятся две ручки с клеймами Фасоса и Родоса, а также бронзовая фибула [Храпунов, Храпунова, Таратухина, 1994, с. 280, рис. 1, 2-4]. Они, скорее всего, связаны с находящимся наверху поселением. В одном из ходов Змеиной пещеры А.А. Щепинский в 1950 г. обнаружил человеческие кости, обломки реберчатых амфор III-IV вв. н. э. и краснолаковой посуды первых вв. н. э. [Щепинский, 1957, с. 315, рис. 7, 5, 8]. Это может свидетельствовать о существовании здесь пещерного некрополя [см.: Мыц, Лысенко, Жук, 1999, с. 174, 175; Лысенко, 2003, с. 87, 88].

Кизил-Коба (рис. 2, 66; 3, 66), с. Краснопещерное, Симферопольский р-н. В позднеантичное время в залах пещеры Кизил-Коба находились отсеки для хранения продуктов и склады для хранения вина. На туфовой площадке располагалась усадьба, видимо, владельца здешних промыслов и складов. Жители этой усадьбы, помимо занятой сельским хозяйством (и виноградарством, в частности), могли разрабатывать туф для строительных нужд. Распилка площадки, по археологическим данным, началась не позже III в. н. э. [Домбровский, 1963, с. 152-164; Щепинский, 1987, с. 100-103]. Обломки туфовых блоков встречаются по дороге и на дне ущелья. Из туфового блока была сделана закладная плита грунтового склепа № 3 (III в. н. э.) могильника Перевальное (см. выше), находящегося в 2,5 км к ЮЗ от Кизил-Кобы.

При расчистке пещеры в 90-е гг. ХХ в. находили отдельные человеческие кости, боспорские монеты II-III вв. н. э., обломки краснолаковых сосудов. Вероятно, здесь находились святилище и некрополь позднеантичного времени [см.: Мыц, Лысенко, Жук, 1999, с. 174; Лысенко, 2003, с. 88].

Караби-Яйла⁵ (рис. 2, 94). В верховьях р. Бай-Су, на восточной окраине Караби-Яйлы (пещера Глазастая), в 1984 г. Горно-Крымской экспедицией (руководитель В.Л. Мыц) открыт пещерный некрополь, где зачищены останки не менее 27 человек. У входа в пещеру, на камнях и скальных выступах были установлены черепа баранов, козлов, оленя. Погребения сопровождались бусами, бронзовыми браслетами, серьгами, монетами, лепными сосудами. Памятник интерпретирован как родовой склеп и датирован концом I – перв. пол. III в. н. э. [Мыц, 1988, с. 299, 300; Лысенко, 2003, с. 90-92, рис. 4-6].

Левадки, с. (рис. 1, 87), Симферопольский р-н. Находится в 2 км к ЮВ от с. Левадки (см. главу II). Охранные раскопки ведет экспедиция Таврического национального университета. Погребения первых вв. н. э. представлены в подбойных могилах и грунтовых ямах. Среди подбойных могил встречены конструкции с двумя камерами, а в одном случае – с тремя. Две простые грунтовые ямы имели плитовое перекрытие. Еще в двух найдены останки лошадей [Храпунов, Стоянова, Мульд, 2001, с. 105-168; Мульд, 2002, с. 120-123].

Фонтаны, с. (бывш. Ягмурцы), Симферопольский р-н (рис. 1, 88). Охранные работы ведет экспедиция Таврического национального университета. Погребения первых вв. н. э. найдены в подбойных могилах и простых грунтовых ямах. Самое позднее захоронение датируется перв. пол. III в. н. э. [Мульд, 2002, с. 123, 124].

Погребальные памятники Центрального Крыма во второй половине I – первой половине III в. н. э. неоднородны по своему составу. Продолжают использоваться, но в меньшей степени, подкурганные каменные конструкции (Капак-Таш, Тавель, Симферопольский «курган 1890 г.», Саблы), встречены рядовые впускные погребения в курганы

⁵ Аналогичные памятники открыты на Южном берегу Крыма, например, пещера на г. Ай-Никола [Мыц, Лысенко, Жук, с. 169-180, но их рассмотрение выходит за рамки работы].

предшествующего времени (Неаполь, «курган 1949 г.», Бахчи-Эли, Мазанка). Попутает распространение обряд установки надгробных стел и рельефов (Кермен-Кыр, Неаполь, Мазанка). Выделяется комплекс у с. Константиновки с богатым инвентарем (амфоры, краснолаковая и бронзовая посуда, удила), по всей видимости, принадлежавшим сарматской знати.

Продолжают функционировать в первой половине II в. н. э. склепы грунтовых могильников, возведенные еще в I столетии, получают распространение подбойные могилы, часто с двумя камерами (Неаполь, Битак). В некрополе Неаполя с конца I в. н. э. известны вырубные склепы. Традиция их возведения продолжается до первой половины III в. н. э. В конце II – перв. пол. III в. н. э. на некоторых могильниках (Неаполь, Битак) появляются отдельные участки с грунтовыми и вырубными склепами новой конструкции (Неаполь), возникают новые могильники (Нейзац, Дружное, Перевальное). Последние продолжают функционировать и после середины III в. н. э. Специфической чертой этого времени являются пещерные некрополи (Чокурча, Змеиная, Бай-Су, Кизил-Коба), аналогичные объектам Южнобережного Крыма. На всех памятниках прослежены ярко выраженные признаки сарматизации погребального обряда и инвентаря. Они отражают те изменения, которые происходили в политической и этносоциальной сфере Крымской Скифии в исследуемый период.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ

Мичурино, с., Белогорский р-н (рис. 2, 74). На СЗ окраине села в 1989 г. Крымская охранно-археологическая экспедиция (руководитель К.К. Орлов) исследовала катакомбу Т-образной планировки с женским захоронением. Вероятно, здесь находился грунтовый могильник. Инвентарь: светлоглиняная амфора, краснолаковая посуда, бронзовые и серебряные украшения, бусы, предметы конской сбруи. Дата: перв. пол. III в. н. э. [Мульд, 2001, с. 51–66].

Курское, с., Белогорский р-н (рис. 2, 96). Могильник расположен между современным населенным пунктом и городищами позднескифского времени на горе Бор-Кая, в долине р. Индол [Колтухов, 1999, с. 113]. Памятник обнаружен грабителями, которые уничтожили большую его часть. В 2000–2001 гг. КФ ИА НАНУ провел здесь охранные раскопки (С.Г. Колтухов, А.А. Труфанов). Всего исследованы 26 погребальных сооружений: подбойные могилы, грунтовые склепы и одно конское захоронение. Большинство склепов разграблены, в них прослежены останки 2–4 человек. Подбойные могилы ориентированы преимущественно по линии СВ–ЮЗ, содержали по одному захоронению, остатки жертвенной мясной пищи и инвентарь конца II – второй трети III в. н. э. и последней трети III – перв. пол. IV в. н. э. Склепы датированы IV в. н. э. [Труфанов, Колтухов, 2001, с. 186–188; Труфанов, 2002, с. 253–255]. Могильник продолжают активно грабить, о чем свидетельствует его обследование в ноябре 2005 г. сотрудниками отдела скифо-сарматской археологии КФ ИА НАНУ (С.Г. Колтухов, А.Е.Пуздровский, А.А. Труфанов, Г.В. Медведев).

Алексеевка, с. (рис. 2, 111), Белогорский р-н. Могильник находится в 1,5 км к ЮВ от с. Ульяновка и, вероятно, связан с городищем Алексеевское [Колтухов, 1999, с. 111]. Небольшие охранные раскопки здесь в 2001 г. провел А.А. Труфанов. Исследованы грунтовые и подбойные могилы первых вв. н. э. Могильник интенсивно грабится (обследование 2005 г.).

Кринички, с. (рис. 2, 6), Кировский р-н. В кургане, исследованном А.М. Лесковым в 1957 г. (см. главу II), после ограбления каменного склепа и обрушения перекрытия в его засыпь было впущено захоронение подростка головой на ЗСЗ. Погребальный инвентарь (красноглиняный кубок, бронзовая фибула) датируется II в. н. э. [Кропотов, Лесков, 2006, с. 37, 38, рис. 10].

Памятники рассматриваемого времени в Юго-Восточном Крыму начали исследовать недавно. После запустения поселений, расположенных на границах степи и предгорной зоны в конце I – начале II в. н. э. (С.Г. Колтухов), через некоторое время жизнь возрождается на поселениях, сосредоточенных в глубине предгорий и в Горном Крыму. В конце II – перв. пол. III в. н. э. этот регион попадает в орбиту влияния Боспора, который использовал для освоения новых земель сарматские племена. Погребальный обряд и инвентарь свидетельствует о тесной связи с Боспором и находит аналогии в сармато-аланских комплексах Центрального и Юго-Западного Крыма.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

Курган у Братского кладбища. Северная сторона (рис. 2, 37). В 1904–1905 гг. Н.М. Печенкин на Северной стороне Севастопольской бухты раскопал курган эпохи бронзы с впускными захоронениями конца I в. до н. э. – I в. н. э. Всего выявлены девять подбойных могил, из которых четыре можно отнести ко втор. пол. I в. Могильник выходил за пределы насыпи. Погребения второго хронологического этапа связаны с новой волной сарматского населения. Преобладает южная и юго-восточная ориентация умерших, зафиксировано положение одной или обеих рук на таз, в двух случаях кисти рук находились под тазом. Встречено деревянное изголовье. В могиле 9 на пряслице были прочерчены граффити [Печенкин, 1904, с. 21–24; 1905, с. 23–26; 1905 а, с. 34–37].

Северная сторона. Бывшее имение Штала (рис. 2, 98), севернее с. Учкуевка, Севастопольский горсовет. При расчистке плантажей находили кувшины и амфоры, а также человеческие кости. Н.М. Печенкин сообщает о находках монет. В 1902 г. при сооружении минной станции обнаружена большая гробница [Печенкин, 1903, с. 16; 1905а, с. 29, 30].

Мамай-Оба, курган (рис. 2, 36), пос. Любимовка, Нахимовский р-н г. Севастополя. Памятник находится в 4,5 к северо-востоку от населенного пункта. Погребения впущены в насыпь кургана. В 1982 г. экспедиция ГХИАЗ исследовала восемь могил. Все они подбойные, ориентированы длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В одном случае ноги умершего были скрещены, один раз прослежена кошма. Инвентарь представлен краснолаковой и стеклянной посудой, бронзовыми зеркалами, браслетами, перстнями, фибулами, обломками шкатулок, подвесками-амулетами, бусами. Дата: вторая пол. I – начало II в. н. э. [Зубар, Савеля, 1989, с. 74–83].

Чернореченский могильник (рис. 2, 60; 3, 60), с. Хмельницкое, Севастопольский горсовет. Расположен на левом берегу р. Черная. Исследован В.П. Бабенчиковым в 1949–1950 гг. Раскопаны 87 могил, из них 38 подбойных, 33 трупосожжения в урнах, 7 склепов, 7 простых грунтовых. Могильник функционировал в два этапа. Первый относится ко втор. пол. II – перв. пол. III в. н. э. и представлен подбойными могилами и простыми грунтовыми ямами. Склепы и трупосожжения в амфорах и лепных сосудах датируются втор. пол. III–IV в. н. э. Преобладает СВ ориентация умерших, в одном случае прослежена скорченность покойника (на правом боку). В погребальном обряде зафиксированы: применение колоды (14 случаев), положение одной или обеих рук на таз, скрещенные ноги, подсыпка углем, следы кошмы. В двух могилах прослежены останки лошадей [Бабенчиков, 1963. С. 90–123; Высотская, 1972, с. 87, 88].

Совхоз «Севастопольский» (№ 10), Севастопольский горсовет (рис. 2, 99; 3, 99). Могильник расположен в Инкерманской долине. Памятник биритуальный, содержит погребения различных хронологических этапов. Ранняя группа датируется II–III вв. н. э., она выделяется по набору инвентаря, характерному для некрополей Херсонеса, Боспора, Ольвии и скифо-сарматских могильников Юго-Западного и Центрального Крыма: краснолаковая посуда ESB2 и ESC, фибулы, браслеты, зеркала, детали шкатулок и др. Среди находок из могильника есть амфоры II–III в. н. э., использовавшиеся в качестве урн для праха [Высотская, 2000, с. 83–92, библ.].

Балаклава, г. (рис. 2, 61), Севастопольский горсовет. На территории и в округе населенного пункта известны несколько мест с античными находками. В 1860 г. в верховьях балки Кефали-Бриси обнаружен земляной склеп с тремя погребенными. Инвентарь: глиняная посуда и медная пряжка. Есть указание на стеклянный сосуд. Дата: III–IV вв. н. э.

В 1907 г. в окрестностях Балаклавы, на плантажах под виноградники найдены в земляных склепах бусы, скарабеи, бронзовые ключи, «зубчатые» браслеты, пряжки, светильники, краснолаковые кувшины и чашки. Дата: I–III в. н. э. [Репников, 1909, с. 126; 1940, с. 10; Дащевская, 1991, с. 55].

В 1993 г. в здании римской вексилляции (район Кадыковка) найден клад римских серебряных монет [Савеля, 1994, с. 237; Филиппенко, Алексеенко, 2000].

Усть-Бельбекский могильник (рис. 2, 50), бывш. Бельбек-Тамак, экономия Л.П. Фон-Гротте. При постройке церкви в 1914 г. на глубине 1,5–2 м обнаружены каменные гробницы с вещами [Репников, 1940, с. 77]. Могильник, вероятно, связан с Усть-Бельбекским городищем [Высотская, 1972, с. 63, рис. 1, 26; Ланцов, 2003, с. 49, 50].

Бельбек II (рис. 2, 52), с. Холмовка, Бахчисарайский р-н. Могильник расположен на правом берегу реки, в 2 км к СВ от села (бывш. Заланкой). Открыт Н.И. Репниковым в 1937 г. при расширении дороги, ведущей от моста в долину Карапе. Работы продолжены Е.В. Веймарном в 1938 г., а в 1961 г. И.И. Богдановой и И.И. Гущиной. Всего раскопаны 13 могил, среди которых 1 склеп, 5 грунтовых, 2 подбойные, 1 плитовая, 1 с заплечиками, перекрытая плитами, 1 погребение – в слое, 2 – разрушены и разграблены. Ориентация умерших: СЗ и ЮВ. Инвентарь: амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, бронзовые и стеклянные украшения II–III вв. н. э. [Репников, 1940, с. 82, 83; Богданова, Гущина, 1964, с. 329, 330; Гущина, 1974, с. 50, 51; Высотская, 1972, с. 75, 76].

Холмовка, с. (рис. 2, 100), Бахчисарайский р-н. Могильник находится в 1 км к СВ от села и в 1 км к СЗ от могильника Бельбек II, обнаружен зимой 2003 г. (И.И. Неневоля, А.А. Волошинов) в связи с ограблением. Всего уничтожено более 100 погребальных сооружений. В том же году Бельбекский отряд (руководитель А.А. Труфанов) Альминской экспедиции КФ ИА НАНУ провел на памятнике охранные исследования. Наиболее ранние могилы (подбойные и простые грунтовые) расположены на вершине холма и впущены в насыпь кургана эпохи энеолита – бронзы (в центре – остатки каменного ящика). Погребальный инвентарь позволяет датировать их последней четвертью I – началом II в. н. э. Во II в. н. э. могильник выходит за пределы насыпи и разрастается в СВ, южном и западном направлениях (преобладают подбойные могилы). В конце II – перв. пол. III в. н. э. господствующим типом сооружений были плитовые могилы и могилы с заплечиками, перекрытые камнем. Всего изучены 11 объектов: 9 впущены в насыпь кургана, 3 – на склоне холма [Труфанов, Пуздровский, Медведев, 2003, с. 314–316].

Бельбек III (рис. 2, 53), с. Верхнесадовое, Севастопольский горсовет. Находится в 5 км от устья, на левом берегу р. Бельбек. Открыт О.Я. Савелей в 1967 г. Исследован экспедицией ГИМ. Вскрыты 28 могил, из них 10 подбойных, 9 простых грунтовых, 1 – забитая камнями, 8 – неопределимы. Инвентарь обычен для могильников Юго-Западного Крыма II–III вв. н. э. [Савеля, 1968, с. 201, 202; Гущина, 1974, с. 33, 52–54].

Бельбек IV (рис. 2, 57), пос. Любимовка, Нахимовский р-н г. Севастополя. Расположен в 1,5 км от устья реки, открыт в 1969 г., изучался экспедицией ГИМ в 1969–1975 и 1981–1987 гг. Всего раскопаны 282 погребения, совершенных в подбойных и простых грунтовых могилах. Преобладает ориентация могил по осям СВ–ЮЗ (раскопки 1969–75 гг) и СЗ–ЮВ (раскопки 1981–1987 гг.), что, вероятно, объясняется топографией памятника, так как могильник расположен на вершине и склонах холма. На восточном склоне возвышенности превалирует направление умерших в южном полукруге, на западном – северо-восточное. Погребения относятся к двум хронологическим периодам: вторая половина I–II в. н. э. и конец II – начало III в. н. э. Инвентарь многочислен и

разнообразен: керамика, стеклянные сосуды, изделия из бронзы (в том числе римская импортная посуда), предметы вооружения, комплекты конской упряжи и др. Могильник принадлежал смешанному скифо-сарматскому населению, прослеживаются связи с Херсонесом и западными римскими провинциями [Гущина, 1974, с. 33, 55–64; 1982, с. 20–30, 83–96; 1997, с. 29–37; Гущина, Журавлев, 1999, с. 157–171; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 175–186; Журавлев, 1997, с. 227–260; 2001, с. 187–193].

Танковое, с. (рис. 2, 56; 3, 56), Бахчисарайский р-н. Могильник на ЮВ окраине села обнаружен в 1954 г. при земляных работах – Е.В. Веймарн собрал подъемный материал. В 1983 г. в ходе строительных работ была разрушена значительная часть могильника (около 1,5 га), тогда же сотрудники БИАМ (БЗИКЗ) провели здесь охранные раскопки. Исследованы 9 могил с заплечиками и каменным перекрытием, одно трупосожжение в лепном горшке. Инвентарь представлен краснолаковой и лепной посудой, украшениями из стекла, бронзы и др. Найдены монеты Антонина Пия, Каракаллы, Геты, Юлии Домны, основание-база для надгробного рельефа [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 328, рис. 4, 2]. Дата могильника: конец II–начало III в. н. э. [Лобода, 1988, с. 305; Вдовиченко, 1991, с. 22–24; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 82–87].

Биюк-Каралез (рис. 2, 55; 3, 55), с. Красный Мак, Бахчисарайский р-н. В восточной части ущелья при пахоте находили погребения с «кувшинчиками». Н.И. Репников предполагал здесь наличие могильника [1940, с. 73], не исключено, что здесь были захоронения II–III вв. н. э., поскольку рядом находились могильники Бельбек II и Холмовка (см. выше). В 1983–1984 гг. И.И. Лобода раскопал на холме, на территории села, 13 склепов и 3 могилы IV–V вв. н. э. [Лобода, 1992, с. 210–215].

Долинное, с. (бывш. эконом. Ревелиоти), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 35). В кургане № 3, раскопанном Ю.А. Кулаковским в 1895 г., обнаружено впускное захоронение (№ 3) в прямоугольной яме. Умерший был ориентирован головой на запад, сопровождающий инвентарь (гончарный кувшин, прядлище, железная секира, бронзовый колокольчик, фибула, зеркало, детали шкатулки (?), лепная чашка, бусы (одна сердоликовая) датируется I–II вв. н. э. В том же кургане обнаружено детское погребение (№ 5), ориентированное головой на З–ЮЗ. По наличию краснолаковой миски может быть датировано первыми вв. н. э. [Кулаковский, 1895, с. 23].

Грунтовый могильник (рис. 2, 31). В 1919 г. напротив карьера по добыче глины на глубине около 1 м обнаружены два погребения. Среди инвентаря: один короткий железный широкий меч, три сероглиняных лепных горшка, бусина из египетской пасты с глазками [Эрнст, 1927 б, с. 7]. Очевидно, это грунтовый могильник, оставленный населением городища Топчи-Кой I [Дашевская, 1991, с. 49, 55]. В 1996–1997 гг. памятник, находящийся в 130–150 м к востоку от села подвергся ограблению. В результате охранных работ, проведенных сотрудниками БГИКЗ И.И. Неневолей и А.А. Волошиным в 1997 г., исследованы 4 подбойные могилы конца II – середины III в. н. э. [Неневоля, Волошинов, 1997].

В 1971 г. в окрестностях села в лепном горшке обнаружен клад (рис. 3, 31а) серебряных римских монет вместе с серебряной фибулой западного типа и стеклянным сосудом [Пиоро, Герцен, 1974, с. 81–90].

Бахчисарай, г. (рис. 2, 32). Вблизи города Ю.А. Кулаковский в 1896 г. раскопал курган с впускной подбойной могилой. Инвентарь: бронзовая бляшка, круглый камень [ОАК 1896 г., с. 69, 162].

Асма-Кую (рис. 2, 32а). В 1991 г. в Бахчисарае, на территории бывшего мусульманского прихода Асма-Кую И.И. Неневоля нашел антропоморфную стелу, а в 1928 г. здесь зафиксированы находки краснолаковой посуды [Волошинов, 2001, с. 149, 150, рис. 2, 2].

Бахчисарай, колхоз им. Ильича (рис. 2, 33). В разрушенном в 1953 г. кургане находились два впускных погребения первых веков н. э. Инвентарь: три краснолаковые

миски, два буролаковых кувшина, бронзовый браслет, бусы [Высотская, 1972, 72. рис. 21].

Бахчисарай, совхоз «Коминтерн» (рис. 2, 34). В 1952 г. в разрушенном кургане исследовано одно из пяти впускных захоронений I–II в. н. э. Погребение совершено в узкой грунтовой яме, умерший был завернут в кошму и лежал головой на восток. Ноги скрещены в голенях. В головах стоял краснолаковый кувшин, на поясе лежала железная пряжка, инкрустированная золотой проволочкой. Из разрушенных могил происходят обломки краснолаковой посуды и разбитое зеркало [Крис, Веймарн, 1958, с. 65–71; Высотская, 1972, с. 72].

Железнодорожный, пос. (рис. 1, 44). В 1975 г. в 5 км к ЮЗ от г. Бахчисарай сотрудниками БИАМ (БГИКЗ) В.Н. Хоменко и И.И. Лободой исследована группа курганов эпохи бронзы с впускными захоронениями. В последних найдены предметы вооружения, фибулы, керамические сосуды, украшения. Из материалов опубликованы золотые серьги и золотая амулетница с гранатовыми вставками. Дата: I в. н. э. [Древние сокровища... 2005, с. 26, кат. № 4, 5].

Казан-Таш (рис. 2, 97), г. Бахчисарай. Могильник находится в 2 км к СЗ от г. Бахчисарай, на повороте дороги, идущей к с. Маловидное. Расположен на северном склоне балки, отделяющей западное подножие горы Казан-Таш. Из исследованных шести объектов [Зайцев, 1997, с. 114–116] опубликованы три комплекса, все могилы подбойные. Среди инвентаря представляет интерес набор курильниц в могиле 1: две конической формы на ножке, третья (сферической формы с отверстиями) – внутри одной из них. В обряде зафиксировано скрещивание ног (2), положение кистей рук на таз (2). Погребения, вероятнее всего, датируются последней четвертью I в. н. э.

Рамазан-Сала (рис. 2, 41). В 5 км к югу от г. Бахчисарай в 1969–1970 гг. обнаружены два надгробных рельефа II–III вв. н. э. Издатели предполагали существование здесь могильника [Чореф, Шульц, 1972, с. 135–147; Дащевская, 1991, с. табл. 44, 6].

Малодворное, с. (бывш. Чоткара), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 47). В 1916 г. вблизи села в урочище Казак мезарлык («Казачьи могилы») найдена надгробная плита с изображением конного воина и надписью из греческих букв. По стилю изображения – II–III вв. н. э. [ИТУАК, 1919, с. 288, 374; Репников, 1940, с. 115; ср.: Соломоник, 1958, с. 313–314; Дащевская, 1991, с. 27, рис. 43, 1].

Нижнее течение р. Качи (рис. 2, 45). В 1910 г. в бывш. имении А.А. Иванова обнаружено надгробие «позднеримского» времени с изображением семейной группы [ИТУАК, 1911, с. 107; 1912, с. 15; Репников, 1940, с. 114].

В 1934 г. при размежевании земель выявлены могилы, перекрытые плитами. В них найдены: стеклянный бальзамарий, бронзовая фибула, подвеска и др. Могильник, вероятно, связан с городищем (Усть-Качинское), расположенным на возвышенности, где встречены фрагменты черепицы и остатки водопровода [ИТУАК, 1914, с. 306; Репников, 1940, с. 114]. С.Б. Ланцов предполагает, что на холме мог размещаться римский сторожевой пост [2003, с. 49, 50].

Суворово, с. (бывш. Аранчи), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 102; 3, 102). Первые сведения о могильнике относятся к 1910 г., когда при земляных работах в имении М.С. Мышковского была найдена амфора [Репников, 1940, с. 114]. Памятник занимает площадь 4–5 га, он находится в 200 м к ЮВ от городища Вишневое [Репников, 1940, с. 279; Мосберг, 1946, рис. 1; Кутайсов, 1983, с. 148; Зайцев, 1997, с. 114].

Могильник подвергся тотальному ограблению (уничтожены сотни погребальных сооружений), в 1993 г. обследован сотрудниками БГИКЗ [Белый, Неневоля, 1994, с. 253, 354, рис. 1]. Охранными работами 1994–1996 г. открыты 9 склепов, 5 подбойных, 10 грунтовых, 5 плитовых, 18 могил с заплечиками и каменным перекрытием, два конских захоронения. Полученные материалы позволяют датировать погребения в плитовых, подбойных и могилах с заплечиками III в. н. э. Захоронения в склепах относятся к IV в. н. э. Наиболее ранний участок (I–II в. н. э.) выявлен в 1997 г., он находился на восточном

склоне городища и перекрыт захоронениями III–IV вв. н. э. [Зайцев, 1997, с. 102–114; Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 33; Юрочкин, Труфанов, 2003, с. 199–225].

В 2001 г. работы на памятнике были продолжены: исследованы девять погребальных сооружений [Зайцев, Мордвинцева, 2003 б, с. 57–77].

Вишневое, с. (бывш. Эски-Эли), тер. Севастопольского горсовета (рис. 2, 103; 3, 46, 103]. Могильник занимает площадь 3–4 га, он расположен к юго-западу и югу от городища Вишневое (см. выше), на склонах неглубокой балки. Первые сведения о памятнике относятся к 1914 г., когда при рытье окопов обнаружили погребения первых вв. н. э. [Репников, 1940, с. 114]. Исходя из этих данных, можно предположить, что могильник Эски-Эли располагался на северном и западном склонах городища. У западного подножия холма, на котором находится укрепление, в 70–80-х гг. XX в., по словам местных жителей, был обнаружен грунтовый склеп с большим количеством гончарной и лепной посуды.

Основное ядро памятника находится на расстоянии 400–500 м от городища к ЮЗ и югу. В 90-х гг. здесь ограблены несколько сотен погребальных сооружений. В 1996 г. в ЮВ секторе могильника зачищены два склепа и одна грунтовая могила с заплечиками. Собранный погребальный инвентарь относится к IV в. н. э. В 1995 г. обнаружена известняковая база для надгробия, характерная для памятников II–III в. н. э. [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, с. 33, рис. 10–12].

В 2000 г. после очередного массового ограбления памятника охранные работы на нем провел Е.Я. Туровский. Исследованы более двух десятков могил, среди них: 8 подбийных, 6 плитовых, 3 с заплечиками, 2 простые грунтовые. Инвентарь позволяет отнести захоронения к III в. н. э. [Туровский, 2002, с. 118–120].

Красная Заря, с. (бывш. Ак-Шеих), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 104; 3, 104). Могильник находится в 200–300 м к северу от одноименного позднескифского городища [Высотская, 1972, с. 24–26, рис. 1, 24; Дащевская, 1991, с. 49; Колтухов, 1999, с. 120]. Площадь могильника 3–4 га. Обнаружен по факту ограбления в 1993 г. сотрудниками БГИКЗ [Белый, Неневоля, 1994, с. 254, рис. 2, 3]. Всего на территории памятника уничтожены несколько сотен погребальных сооружений. В 1994–1997 гг. КФ ИА НАНУ и БГИКЗ провели здесь охранные работы. Наиболее ранние захоронения (I–II вв. н. э.) совершились в подбийных могилах и могилах с заплечиками на северном и СВ участках. Погребения II–III вв. н. э. концентрировались в северном и СЗ секторах. Грунтовые склепы и часть простых грунтовых могил, судя по материалам из двух исследованных объектов, относятся к IV в. н. э. [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 32, рис. 2, 1–24; Неневоля, Волошинов, 2001, с. 141–146]. Памятник исследовался также в 1998–2001 гг. (И.И. Неневоля, А.А. Волошинов, Ю.П. Зайцев). На территории могильника найдены антропоморфные надгробия [Волошинов, 2001, с. 150, рис. 2, 3; 4].

Тургеневка, с. (бывш. Тиберти), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 49). У села в 1940 г. были разрушены погребения первых вв. н. э. [Высотская, 1972, рис. 20, 15; Дащевская, 1991, с. 55]. В этом же районе известно позднескифское селище [Высотская, 1972, с. 65; Дащевская, 1991, с. 49].

Усть-Альминский некрополь (рис. 2, 79; 3, 79), с. Песчаное, Бахчисарайский р-н. Могильник находится к востоку от одноименного городища, в 1 км к ЮЗ от с. Песчаное (бывш. Алма-Тамак). Первые охранные работы здесь проведены в 1964 г. [Рутківська, 1967, с. 80–86]. В 1968–1983 г. экспедиция ОАК ИА АН Украины (Т.Н. Высотская) и БИАМ (И.И. Лобода) исследовала 229 погребальных сооружений: 19 склепов, 25 подбийных могил, 10 – с заплечиками, 129 – простых грунтовых с каменным перекрытием, 10 – плитовых, 16 – неопределимы, 14 кенотафов, 14 конских захоронений [Высотская, 1994, с. 47–192]. В 1991–1992 г. экспедиция БГИКЗ провела здесь охранные исследования, вызванные массовым ограблением памятника, изучены 83 могилы. В 1993–2006 гг. экспедиция КФ ИА НАНУ и БГИКЗ (1993–1997 гг.) раскопала более 600 объектов. Наиболее значимым было открытие грунтовых склепов с погребениями сарматской зна-

ти втор. пол. I – начала II в. н. э., о чем свидетельствуют обряд и погребальный инвентарь [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997а, с. 98–100; Пуздровский, 2001а, с. 170–177; Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, с. 295–346; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 229–267]. Почти все элитные захоронения в склепах-катахомбах сопровождались конскими погребениями в специальных могилах.

Погребальный обряд во втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э. приобретает сарматские черты: распространение получают узкие грунтовые могилы и могилы с подбоем, чаще, чем в предыдущий период встречаются случаи перекрещивания ног покойника, положение одной или обеих кистей рук на таз, помещение тела умершего в колоду, на подстилку, кошму, посыпка мелом дна могилы и др. Инвентарь характерен для скифо-сарматских могильников Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э.

Получена уникальная коллекция: амфоры различных типов, краснолаковая керамика, посуда из бронзы и стекла итальянского и малоазийского производства, предметы вооружения и конского снаряжения, всевозможные украшения и детали убранства, в том числе из золота, серебра и полудрагоценных камней, деревянные лаковые орнаментированные шкатулки китайского производства. Здесь найдены уникальные по сохранности деревянные изделия, прежде всего, детали саркофагов, на которых есть полихромная жанровая роспись. Кроме того, сохранились такие предметы домашнего обихода, как посуда, веретена, шкатулки, туалетные коробочки, гребни, резная скульптура, а также древки стрел. Среди остатков жертвенной пищи найдены косточки и скорлупа дикорастущих и культурных растений.

Широкое распространение на городище получил обряд погребения младенцев в амфорах и больших лепных сосудах. В верхнем слое обнаружено погребение сармато-аланского воина середины III в. н. э. с мечом, бронзовой фибулой и кольцами от портупеи [Высотская, 1994, с. 145, рис. 42]. На некрополе найдены антропоморфные стелы [Волошинов, 2001, с. 148, 149, 151, рис. 1, 2, 4; 3, 1].

Брянское, с. (бывш. Биюк-Яшлав и Черкез-Эли), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 105). Могильник находится в 1 км к ЮВ от села. Он расположен на северном пологом склоне глубокой Сакальской балки, впадающей в долину р. Альмы. Открыт в 1993 г. сотрудниками БГИКЗ по факту ограбления [Белый, Неневоля, 1994, с. 253, 254, рис. 1, 3–8].

В ходе охранных работ Альминской экспедиции 1995–1996 гг. (руководитель отряда А.А. Труфанов) исследованы 19 погребальных сооружений: 8 подбойных, 5 грунтовых, 4 плитовые, одно конское захоронение и вырубной (скальный) склеп [Труфанов, 1996, с. 165–167; 1997б, с. 14, 15; 1998, с. 141–145; 2005, с. 315–326].

Наиболее ранние погребальные сооружения – подбойные могилы датируются последней четвертью I в. н. э. Они занимали центральную часть площади и западную периферию. К раннему этапу, вероятно, относится и начало использования скальных склепов. Во II в. н. э. подбойные могилы и могилы с заплечиками доминировали на могильнике. Лишь в конце II – первой половине III в. н. э. на восточном и северном участках начинают сооружать плитовые могилы. Почти все они были ограблены в древности. Грунтовые могилы – безынвентарные, они также располагались на периферийных участках памятника. Среди грабительских отвалов найден фрагмент надгробного рельефа [Волошинов, 2001, с. 151, рис. 2, 1].

Могильник Брянское принадлежал населению городища Заячье и окружающих его селищ [Высотская, 1972, с. 26–28; Колтухов, 1999, с. 117; Труфанов, 2005, с. 320], синхронен с ними (втор. пол. I в. н. э. – середина III в. н. э.). Неординарный характер фортификационных сооружений городища Заячье позволяет предположить, что оно служило резиденцией местной знати. Своих родственников эта социальная верхушка могла хоронить в скальных склепах.

К востоку от городища, на плато, есть небольшие кургanoобразные насыпи, под которыми находятся каменные ящики. В 2005 г. один из них был разграблен. Помимо лепной керамики кизил-кобинского облика, сотрудниками Альминской экспедиции КФ ИА НАНУ из отвалов собраны бусы и керамика первых вв. н. э.

Дорожное, с. (бывш. Бий-Эли, Биэль), Бахчисарайский р-н. В 1896 г., в саду Чекрак-Бахча при д. Биэль, садовник гр. Дульветовой нашел кувшин с серебряными римскими монетами [ОАК 1896 г., с. 137, 246, 247; Кропоткин, 1961, с. 63, № 573]. Клад, вероятно, связан с городищем и поселениями у с. Брянское (см. выше).

Заветное, с. (бывш. Алма-Кермен), Бахчисарайский р-н (рис. 2, 38; 3, 38). Находится в 300 м к югу от городища Алма-Кермен [Высотская, 1972, с. 32–63; Колтухов, 1999, с. 117, 118]. Исследовался экспедицией ГИМ в 1954–1981 г. (руководитель Н.А. Богданова). Памятник расположен на семи холмах левого склона долины Альмы, его протяженность в южном направлении – около 700 м. Всего были исследованы 297 погребений, среди них: 120 грунтовых ям, 16 могил с заплечиками, 80 – в грунтовых ямах, укрепленных и перекрытых плитами, 54 подбойные могилы, один склеп, два погребения детей в амфорах [Богданова, 1963, с. 95–109; 1982, с. 31–39, 97–99; 1989, с. 17–70; Да-шевская, 1991, с. 54].

В 2004–2006 гг. на памятнике возобновила работы совместная экспедиция КФ ИА НАНУ (Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева), БГИКЗ (А.А. Волошинов) и Института классической археологии при Берлинском университете (Ф. Флесс).

Балта-Чокрак (рис. 2, 106), (бывш. с. Алешино), Бахчисарайский р-н. Могильник, возможно, принадлежал жителям одного из расположенных вблизи Альминского карьера поселений [Высотская, 1972, с. 32, рис. 1, 17, 19; 9]. Подвергается интенсивному разграблению. Исследован Крымской Предгорной экспедицией КФ ИА НАНУ и БГИКЗ под руководством Ю.П. Зайцева в 2004 г. Изучены 39 погребальных сооружений (22 полностью ограблены): 29 могил с одним подбоем, три могилы с двумя подбоями, одна грунтовая, одна – с погребением младенца в амфоре, одна – плитовая. Все захоронения отнесены ко II–III вв. н. э. Еще одна могила (№ 4) предположительно датирована эпохой бронзы [Зайцев, Мордвинцева, Неневоля, Фирсов, Радочин, 2005, с. 169–198].

Скалистое II (рис. 2, 39), с. Скалистое, Бахчисарайский р-н. Могильник обнаружен при строительных работах по р. Бодрак. Экспедицией ГИМ исследованы 16 подбойных могил. Ориентация погребенных устойчивая – ЮЗ. В обряде присутствуют положение одной или нескольких рук на таз, подсыпка из мела. В двух случаях зафиксировано применение колоды. Дата: II в. н. э. [Богданова, Гущина, 1967, с. 132–139; Высотская, 1972, с. 78; Да-шевская, 1991, с. 54].

Скалистое III (рис. 2, 40; 3, 40), с. Скалистое, Бахчисарайский р-н. Находится на правом берегу р. Бодрак. Исследовался экспедицией ГИМ (И.И. Гущина, Н.А. Богданова) и БИАМ (И.И. Лобода). Вскрыты 120 могил: 68 подбойных, 43 грунтовые ямы с заплечиками и перекрытием, пять плитовых, четыре погребения детей в амфорах. Дата: втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э. Несколько погребений можно датировать временем после середины III в. н. э. [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 121–152].

Албатская пещера (рис. 2, 119), с. Куйбышево, Бахчисарайский р-н. Находится на юго-восточном обрыве г. Курушлюк. Обнаружена в 1995 г. сотрудниками отдела первобытной археологии КФ ИА НАНУ. В 1998 г. исследовалась Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ. Выявлены культурные отложения эпохи поздней бронзы – раннего железа и первых веков нашей эры. В верхних слоях найдены разрозненные останки нескольких людей, а также погребальный инвентарь: амфоры, краснолаковые кувшины и чашки, прядлище, бусы, бронзовые браслеты, подвеска-монета, бронзовые подвески-амулеты. Датируется комплексом концом II–III вв. н. э. [Лысенко, 2003, с. 92, рис. 8].

Аджи(в)кой (рис. 2, 54), с. Охотничье, Бахчисарайский р-н. В 1896 г. Ю.А. Кулаковский видел у жителей несколько медных монет римских императоров II–III вв. н. э., найденных при земляных работах [Репников, 1940, с. 81].

Погребальные памятники Юго-Западного Крыма втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э. многочисленны и разнообразны. Наибольший интерес для комплексного исследования представляет Усть-Альминский некрополь. Его объекты в достаточной мере отража-

ют динамику политических и этносоциальных процессов, которые протекали в позднескифском обществе. Около середины I в. н. э. на некрополе появляются первые захоронения сарматской знати в грунтовых склепах-катахомбах и сопровождающие их конские погребения. Обилие античного импорта, предметов западного и восточного происхождения, золотых украшений, предметов вооружений ставят эти комплексы в один ранг с погребениями сарматской знати (Украина, Дон, Нижнее Поволжье, Прикубанье). Эта группа населения продолжала хоронить своих сородичей на некрополе до начала II в. н. э.

Для этого периода характерно слияние пришедших групп с аборигенным («позднескифским») населением, что выражалось в функционировании склепов с многократными захоронениями. Параллельно с этим у рядового населения все большее распространение получает обряд захоронений в индивидуальных подбойных могилах и могилах с заплечиками и каменным перекрытием.

В 20-е – 30-е гг. II в. н. э. появляется новая группа кочевников (позднесарматская культура), связанная по происхождению с восточными территориями (Центральная, Средняя Азия). Погребальный обряд и инвентарь становятся не столь яркими, хотя появляются и новые черты: культовые и бытовые предметы из дерева (чаши, тарелки, веретена, гребни), лепные светильники-курильницы на высокой ножке, характерная портупейно-поясная ременная гарнитура, в колчанных наборах – крупные трехлопастные наконечники стрел, среди клинового оружия доминируют экземпляры с рукоятью-штырем, хотя продолжают оставаться на вооружении и мечи с кольцевым навершием. Для конского снаряжения характерны удила с колесовидными и умбоновидными пасалиями, среди них – парадные, орнаментированные фигурными спицами и позолотой.

В конце II – первой половине III в. н. э. получают распространение плитовые могилы и могилы с заплечиками (вдоль их длинных стен были вертикально установлены камни, служившие опорой для перекрытия). Около середины III в. н. э. на периферии некрополя появляются участки с глубокими подбойными могилами и могилами с заплечиками, используя для захоронений камеры склепов, местоположение которых было к этому времени забыто. Это может свидетельствовать о частичной смене населения в регионе.

Близкая картина прослежена и на других могильниках Юго-Западного Крыма, за исключением того, что там пока не обнаружены склепы-катахомбы I–III вв. н. э. Только в могильнике Брянское найдена группа скальных склепов, близких по архитектуре и характеру вырубным склепам Неаполя Скифского. Характерно наличие впускных погребений в курганы эпохи бронзы (округа Бахчисарай, Долинное, курган у Братского кладбища, Мамай-Оба). На многих объектах захоронения выходили за пределы насыпи – так могли образовываться грунтовые могильники (Мамай-Оба, Холмовка, Братское кладбище). Характерно, что могильник Бельбек IV также начинал формироваться на вершине холма, а затем разрастался на склонах.

В III в. н. э. Юго-Западный Крым был затронут несколькими передвижениями сармато-аланских племен, в результате которых жизнь на многих поселениях прекратилась. Однако после середины столетия продолжают функционировать такие могильники, как Суворово, Вишневое, Бельбек I, Скалистое III, возможно, Танковое (трупосожжение), Инкерманский, Чернореченский, совхоз «Севастопольский».

Отличительной чертой региона является высокая концентрация находок антропоморфных стел и надгробных рельефов, часто исполненных достаточно примитивно, но самобытно: Усть-Альма, Вилино, Красная Заря, Рамазан-Сала, Брянское, Скалистое III, Тенистое, Асма-Кую, Бельбек IV, Предущельное, Танковое [Волошинов, 2001, с. 153, рис. 5].

СТЕПНОЙ КРЫМ

В середине I в. н. э. в связи с проникновением новой кочевой орды с востока этнополитическая ситуация в Северном Причерноморье изменилась, однако степные просторы Крыма по-прежнему оставались малозаселенными, о чем свидетельствует и малочисленность погребальных памятников.

Заливное, с. (бывш. Шейхлар), Нижнегорский р-н (рис. 2, 3). В кургане эпохи бронзы, раскопанном Н.Л. Эрнстом в 1930 г., в 2 м к западу от вершины, на глубине 1,1 м, обнаружено впускное погребение в яме прямоугольной формы с подсыпкой из морской ракушки на дне. Покойник (подросток) лежал в вытянутом положении на спине, головой на ССВ. У правой ноги стояла чашка, изготовленная на гончарном круге, с чернокоричневым лощением, имитирующим покрытие лаком, со следами ремонта. В ней найдены фрагменты бронзового зеркала небольшого диаметра, у черепа – краснолаковый кувшин, у ступни левой ноги лежал железный нож, под кистью правой руки – мелкие янтарные бусы. Дата: втор. пол. I–II в. н. э. [Эрнст, 1931а, с. 13; Троицкая, 1951, с. 92; 1957, с. 189, рис. 13].

Источное, с. (рис. 2, 107), Джанкойский р-н. Курган № 1 (эпохи бронзы). Раскопки А.А. Щепинского 1979 г. Погребение 2 (впускное). Обнаружено в 8,5 м к СВ от репера. Умерший лежал головой на СВ. Инвентарь: лепной сероглиняный кубок с ручкой, керамическое прядлище. Дата: I–II вв. н. э. [Щепинский, 1979, с. 27; Симоненко, 1993, с. 68, рис. 21, 1].

Кировское, пгт (на рис. 2 не обозначен). Курган № 1 (эпохи бронзы). Раскопки А.А. Щепинского 1975 г. Погребение 1 (впускное). Обнаружено в 2 м к ЮВВ от репера. Умерший лежал головой на СЗ, правая рука согнута в локте, кисть – между ног, кисть левой – на тазу. Справа от черепа – гончарный красноглиняный кувшин, в районе шеи – бисер из фаянса и округлые бусы из глухого голубого стекла, треугольная подвеска из глухого красного стекла. Дата: I–II вв. н. э. [Щепинский, 1975, с. 9–10; Симоненко, 1993, с. 68–70].

Ильичево, с. (на рис. 2 не обозначен), Ленинский р-н. Курган № 1 (эпохи бронзы). Раскопки А.А. Щепинского 1975 г. Погребение 3 (впускное). Находилось в 7 м к северу от репера, на глубине 1,80 м. Могильная яма не прослежена, умерший погребен вытянуто на спине, головой на СЗ, кисть левой руки покончилась на тазу. Под черепом найдена бронзовая проволочная серьга с заходящими друг за друга концами, в области грудной клетки – 50 бусин из глухого белого и голубого стекла. Дата: II–III вв. н. э. [Щепинский, 1975, с. 45; Симоненко, 1993, с. 70].

Китай, с. (не существ.), Сакский р-н (рис. 2, 109). Курган № 3 (эпохи бронзы). Раскопки А.А. Щепинского 1975 г. Погребение 3 (впускное). Прямоугольная могильная яма размером 2,1x0,45x0,3 м обнаружена в 5,65 м к северу от репера, на глубине 1,15 м. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на Ю. Справа от черепа стояла гончарная миска с загнутым краем и красноглиняный кувшин с грушевидным туловом, рядом с ними лежали кости овцы и фрагмент железного ножа. В нижней части скелета найдены четыре бусины из глухого синего стекла. Дата: II–III вв. н. э. [Щепинский, 1975, с. 93; Симоненко, 1993, с. 70].

Орловское, с. (рис. 2, 108), Красноперекопский р-н. Курган № 1 (эпохи бронзы). Раскопки А.А. Щепинского 1979 г. Погребение 1 (впускное) обнаружено в 8 м к СВ от репера. Могила представляла собой подбой 2,0x0,7 м, ориентированный длинной осью по линии СЗ–ЮВ. В камеру, расположенную к востоку от входной ямы, вела ступенька высотой 0,1 м. Умерший лежал вытянуто, головой на СЗ. К северу от черепа найдены кости овцы, железный нож и лепной горшок с вертикальным венчиком, грушевидным туловом и подложенной поверхностью, на широком плоском дне. Дата: I–II вв. н. э. [Щепинский, 1979, с. 21, 22; Симоненко, 1993, с. 98, рис. 21, 4].

Арабатская стрелка (рис. 2, 113). Обнаруженная в северной части Арабатской стрелки известняковая антропоморфная стела с сарматским знаком предполагает наличие подкурганного сарматского захоронения II–III вв. н. э. [Шульц, 1967, с. 197, рис. 1], по аналогии с подобным памятником, найденным в Запорожье [Драчук, 1975, с. 100–102, табл. XXXI, рис. 2, 1–3; 4, 1, 2].

Погребальный обряд населения степных районов полуострова во втор. пол. I – III в. н. э. имеет определенные отличия от предыдущей эпохи, однако сохраняется много старых элементов. Все могилы – впускные в насыпи эпохи бронзы, большинство конструкций – простые грунтовые ямы, лишь однажды встречен подбой (Орловское). Могилы располагались на периферии насыпи, в основном в северном секторе. Преобладает ориентация умерших в северном полукруге (ССВ, СЗ, СВ), исключение – Ю (Китай). Отмечены случаи положения кистей рук на таз (Кировское, Ильичево), в Заливном – подсыпка из ракушки на дне могилы. В двух погребениях присутствовали остатки мясной пищи. Инвентарь в целом беден и невыразителен: гончарная и лепная посуда, прядлица, ножи, украшения (серьга, бусы).

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Широкое распространение в изучаемое время получают грунтовые могильники, располагавшиеся, как правило, неподалеку от поселений, на вершинах холмов и склонах балок. Эта топографическая особенность, вероятно, свидетельствует о стремлении сохранить определенную преемственность способа захоронения (имитация курганных насыпей) [Пуздровский, 1994, с. 114; ср. Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 188]. Та же тенденция наблюдается и в топографии грунтовых могильников Центрального Предкавказья [Абрамова, 1989, с. 272]. Одним из вариантов возникновения грунтовых могильников, очевидно, было превращение кургана в родовое кладбище, а затем разрастание его и выход за пределы насыпи (Братское кладбище, Мамай-Оба, «курган 1949 г.» Неаполя, Беляусский курган, Кульчукский курган).

Н.А. Богданова отмечает, что ранние могилы обычно располагались на возвышенных местах, где плотность их больше, чем на склонах [1982, с. 31]. На Восточном некрополе Неаполя Скифского могилы позднего хронологического периода также сооружались ниже линии склепов, а на склонах они занимали территорию между семейными усыпальницами. Конструктивные особенности вырубных склепов Неаполя обусловили и их топографию. Они обычно расположены группами на склонах балок, в местах выхода скальных пород, образующих своеобразные террасы.

Подбойные могилы Битакского могильника конца I – перв. пол. III в. н. э. размещались рядами ниже яруса грунтовых склепов, а в II–III вв. н. э. они занимали площадь между склепами, а также периферийные участки у подошвы склона.

Во втор. пол. I–III вв. н. э. формы погребальных сооружений Крымской Скифии отличаются большим разнообразием типов и вариантов. Классификация и эволюция их для памятников Юго-Западного Крыма разработаны Т.Н. Высотской [1972, рис. 22, 23] и Н.А. Богдановой [1982, с. 31–39]. С небольшими дополнениями эта схема может быть применена и при характеристике могильных сооружений Центрального Крыма.

Использование различных типов усыпальниц было, видимо, вызвано этносоциальными причинами, поскольку состав жителей Крымской Скифии претерпевает в это время значительные изменения.

Простые грунтовые могилы (ямы).

Этот тип погребальных сооружений представлен двумя вариантами: 1) с земляной засыпкой; 2) с каменной засыпкой.

Ямы первого варианта (рис. 66, 2), обычно прямоугольной в плане формы, длиной 1,7–2,2 м, шириной 0,5–0,7 м при глубине 0,7–1-2 м. Над их заполнением часто соору-

жался земляной холмик, позволявший в древности определять местоположение могилы. Этот вариант ям представлен в большом количестве в Заветненском могильнике, где составляет 25 % всех погребальных сооружений. От 5 до 9 таких могил известны в могильниках Бельбек II, III, IV. До десяти случаев захоронений в ямах данной конструкции отмечены в некрополе Неаполя Скифского. Пятнадцать детских погребений Беляуса также были совершены в ямах этого варианта, как и большинство впускных захоронений в курганах Юго-Западного Крыма.

Ямы второго варианта отличаются сплошной либо послойной забивкой из камня (рис. 66, 1, 3). На поверхности они часто отмечались наброской из бута или более крупными плитами, образующими «вымостку». Такая конструкция была чрезвычайно характерна для Усть-Альминского и Заветненского могильников, составляя 25 и 45 % всех сооружений. В могилах Бельбекской долины их меньше. Лишь в Бельбеке IV они представлены довольно широко – около 15%. Раскопки Усть-Альминского могильника в 1993–2006 гг. показали, что из-за нарушений вспашкой верхний контур могильных ям проследить очень сложно, поэтому значительная часть могил, заполненных грунтом и перекрытых «вымосткой» из обломков небольшого размера (рис. 66, 4), могла быть по конструкции упрощенным вариантом типа могил с заплечиками [Пуздовский, Лобода, 1994, с. 225, 226]. Над перекрытием таких могил часто фиксируется еще один горизонт мелких камней – облицовка надмогильного холмика.

Простые грунтовые ямы с каменной выкладкой в виде перекрытий над заполненными грунтом могилами характерны для погребений Крыма IV–III вв. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 25]. Н.А. Богданова относит такую конструкцию в могильниках Юго-Западного Крыма к скифским погребальным традициям [1982, с. 31].

Ямы с земляной засыпью и без каменных конструкций не являются четким этнодифференцирующим признаком и должны рассматриваться в сочетании с элементами обряда и характером погребального инвентаря.

Могилы с заплечиками.

Конструкция представляла собой прямоугольную яму с уступами-заплечиками, на которые укладывались деревянные плахи либо каменные плиты перекрытия (рис. 66, 5; 78). Ширина заплечиков колебалась от 0,1 до 0,3 м, в зависимости от расположения их по периметру могилы.

Девять погребений с деревянным перекрытием (I в. н. э.) встречены в могильнике у с. Заветное, там же известны сооружения, перекрытые плитами. Десять могил обнаружены в Усть-Альминском могильнике раскопками 1968–1977 гг. [Высотская, 1994, с. 47, 55–57, рис. 23, 4], по одной – в Бельбеке II и III. Наиболее широко могилы с заплечиками и каменным перекрытием представлены в Скалистом III – около 1/3 всех погребальных сооружений. Примерно такую же долю они составляют среди могил I–III вв. н. э. Усть-Альмы, исследованных в 1993–2001 гг., известны такие конструкции в некрополе Неаполя [Пуздовский, 1989, с. 37] и в соседнем с ним Битакском могильнике. Наиболее поздний вариант их представлен в Инкерманском могильнике III–IV вв. [Веймарн, 1957, с. 234–235], в могильнике Танковое Бельбекской долины [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 82–88, рис. 1] и в долине р. Кача (Вишневое, Суворово). На последнем зафиксированы перекрытия из дубовых плах [Зайцев, 1997, с. 102–114, рис. 57, 1; 59, 10, 11; 60, 17, 20].

Аналогии таким могилам известны у сарматов Поволжья и Приуралья [Смирнов, 1964, с. 81; 1975, с. 159; Скрипкин, 1990, с. 179, рис. 51]. Отличием крымских конструкций является широкое применение вместо дерева каменных плит [Богданова, 1989, с. 21], очевидно, в силу определенного дефицита дерева. Для укрепления плит перекрытия в могильнике Скалистое III и Усть-Альме использовались каменные столбы или плиты, что повышало надежность сооружения [Богданова, 1982, с. 32; Высотская, 1987, с. 54–55].

Плитовые могилы.

Грунтовая яма подпрямоугольной формы укреплялась с длинных сторон тремя-четырьмя плитами, поставленными на ребро. На это основание укладывали плиты перекрытия (рис. 66, 6, 9). В некоторых случаях имелись и торцевые плиты, т.е. конструкция представляла собой ящик (Бельбек IV, Усть-Альма).

Плитовые могилы составили 24 % захоронений Заветненского могильника. На разграбленных в последние годы новых участках этого памятника такая конструкция преобладает. Около 20 плитовых могил известны в Усть-Альме, одна – в Бельбеке II, пять – в Скалистом III. Практически только из одного этого типа сооружений состоял могильник Бельбек I (рис. 79, II), исследованный Н.М. Печенкиным [1905а, с. 31–34], хотя форма могил там приближалась к трапеции, очевидно сужаясь к ногам погребенных [Богданова, 1982, с. 32]. В Центральном Крыму (Перевальное) известны могилы такой формы с детскими захоронениями середины III в. н. э.

Т.Н. Высотская считает, что плитовые сооружения были заимствованы населением Юго-Западного Крыма у греков [1972, с. 90; 1987, с. 53]. Однако, по мнению Н.А. Богдановой, плитовые могилы ведут свое происхождение от могил с заплечиками, представляя собой их усложненный вариант [1982, с. 33; 1989, с. 22].

Конструкция плитовых могил свидетельствует о сочетании в них приемов сооружения обоих вариантов типа могил с заплечиками: с каменным перекрытием и плитами-подпорками. Хронологически плитовые могилы составляют одну из наиболее поздних групп и для них характерны захоронения в колодах и другие признаки сарматского обряда [Богданова, 1989, с. 22]. Этот тип погребальных сооружений получил развитие в могильниках, возникших после середины III в. н. э. (Бельбек I, Вишневое, Суворово). Но нельзя исключать и влияние германских культур (ящики), учитывая также найденные в Бельбеке I и Опушках трупосожжения, хотя предлагается и другая – северокавказская версия происхождения плитовых могил [Пиоро, 1990, с. 141–143].

Подбойные могилы.

Распространение во втор. пол. I – сер. III вв. н. э. в Крымской Скифии подбойных могил связано с различными причинами. Одна из них – приток нового населения. Вторая – переход к новым формам социальной организации, увеличение индивидуальных захоронений.

Конструкция подбойных могил Крымской Скифии отличается широким применением камня (рис. 66, 7, 8). Есть некоторые различия в приемах сооружения между районами Центрального и Юго-Западного Крыма (рис. 69; 77). В Неапольском и Битакском могильниках входные ямы, как правило, плотно забиты бутом. Исключения бывают в тех случаях, когда в камеру совершались подзахоронения. В таких случаях частично удалялись камни заклада, а затем их опять восстанавливали. Заклады отличались значительной мощностью и тщательностью исполнения. В месте перехода ступеньки из входной ямы в камеру укладывались один-два ряда плоских плит, на которые устанавливались вертикально (с небольшим наклоном в сторону камеры) собственно плиты заклада, иногда достигая двух-трех слоев. Щели между камнями заполнялись мелкими обломками. Оставшееся во входной яме пространство забивалось и заклинивалось бутовым камнем, при этом обозначались контуры входной ямы на поверхности. Последнее обстоятельство давало возможность в древности судить о местонахождении могилы.

Для Центрального Крыма характерно асинхронное использование подбойных могил с двумя камерами, тогда как в Юго-Западном Крыму таких сооружений меньше (рис. 66, 10), лишь в Бельбеке IV они представлены большим количеством. В целом, во II–III вв. н. э. в подбойных могилах хоронили 40 % жителей Юго-Западного Крыма, более 50 % – в Центральном Крыму.

Исследователи отмечают, что распространение подбойных могил в Северном Причерноморье можно связать с продвижением сарматов с востока на запад [Гущина, 1974,

с. 64]. Т.Н. Высотская считает, что в первые века н. э. скифы переняли у сарматов обряд захоронения в подбойных могилах, но входные ямы засыпаны не землей, а камнями. В то же время подбойные могилы с очень узкой входной ямой могильника Скалистое II она связывает с сарматами [Высотская, 1987, с. 58].

Этнокультурный синкретизм, проявившийся и в погребальном обряде жителей Крымской Скифии, не позволяет всегда однозначно отнести захоронения в подбойных могилах к сарматским. Однако совокупность данных об обряде и инвентаре свидетельствует о доминировании среди погребений в подбойных могилах сарматских традиций. Наиболее поздние подбойные могилы (втор. пол. III–IV вв. н. э.) представлены в Чернореченском и Инкерманском могильниках, а также в Суворово, Перевальном, Дружном, Нейзаце (рис. 66, 11), где сармато-аланские признаки обряда проступают достаточно ярко. Конструкция подбоев отличается значительной глубиной – до 3 м, что редко встречается во II–III вв. н. э.

Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева, пришли к выводу, что подбойный обряд захоронений сформировался в местной варварской среде, а не являлся результатом сарматской экспансии [2004, с. 188]. Согласно их тезису, одиночные погребения, совершившиеся ранее в катакомбах (таковые единичны! – А.П.), со временем трансформировались в разновидность подбойных могил. Не менее неожиданной оказалась недавняя работа В.М. Зубаря, где он отказался от своих выводов о сармато-аланской принадлежности погребенных в подбойных могилах некрополя Херсонеса Таврического в первые века н. э. и призывает с осторожностью подходить к оценке таких комплексов в могильниках Юго-Западного Крыма [2006, с. 15–25].

Хронология, конструктивные особенности и генезис подбойных могил в позднескифских могильниках Крыма достаточно подробно изложены в главе II. Новые материалы (Кольчугино, Усть-Альма) подтверждают, что этот тип сооружений появился в Крыму не ранее конца I в. до н. э., т. е. синхронен аналогичным сооружениям среднесарматской культуры. Что касается близких по конструкции (но не идентичных) могил в некрополе Херсонеса, то вывод об их типологической близости вырубленным в скале семейным гробницам-склепам и принадлежности лицам среднего достатка («не могли себе позволить строительство более дорогого погребального сооружения») [Зубарь, 2006, с. 23] не убедителен.

Грунтовые склепы.

Большинство склепов, сооруженных около середины I в. н. э. (Неаполь, Битак, Усть-Альма), функционировали до начала II в. н. э. Форма камер различная: овальная, квадратная, трапециевидная (рис. 70–72). Многие, судя по размерам и высоте свода, изначально были рассчитаны на многократные захоронения. В могильнике Беляуса склепы не содержат инвентаря второй половины I в. н. э. В некоторых из ранних (I–II вв.) усыпальниц Неаполя и Усть-Альмы зафиксированы захоронения конца II – первой половины III вв. н. э. Хронологический разрыв может свидетельствовать о вторичном использовании склепов в указанное время [Высотская, 1994, с. 138].

Раскопками 1996–2001 гг. на Усть-Альминском некрополе открыт участок со склепами, представлявшими собой продольно-осевые катакомбы II типа (рис. 73–76). Они появляются около середины I в. н. э. и существуют до начала II в. н. э. Доминирует ориентация камер по линии СЗ – ЮВ. Некоторые из них имели небольшое отклонение оси влево (к западу), а правая сторона площади заужена. Входные ямы заполнены камнем и глиной, а на уровне древней дневной поверхности – чистой глиной. Рядом с ними находились одиночные и парные захоронения верховых коней (часто с принадлежностями узды) в специальных могилах. Вход в склеп обычно закрывала каменная плита, в камеру вела ступенька высотой до 1 м. В семи склепах, справа от входа, на передней стенке были устроены ниши, в которых стояли курильницы сарматских типов либо гончарные светильники. Все умершие находились в деревянных колодах или гробах. Количество захоронений колеблется от 1–3 в наиболее ранних склепах и возрастает до 5 (2–3

яруса) в наиболее поздних. Погребенные ориентированы различно: головой на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ, хотя преобладает последнее направление. Конструкция погребальных сооружений (катаkomбы), характер погребений (в деревянных колодах), сопровождающие погребения верховых коней и богатый погребальный инвентарь, находят аналогии в памятниках сарматской знати юга Украины, Нижнего Дона, Поволжья и Северного Кавказа.

В конце II – первой половине III в. н. э. продольно-осевые склепы (II тип катаkomб) известны на Неаполе (рис. 67, 4) [Пуздровский, 1989, с. 34–35]. Такие катаkomбы особенно характерны для памятников позднесарматской культуры западной части украинской степи [Симоненко, 1999, с. 15]. Тогда же получают распространение конструкции с прямоугольной или трапециевидной в плане формой камеры, небольшим дромосом и одноярусным расположением костяков (Неаполь, Перевальное, Нейзац), дальнейшее развитие которых наблюдается в вырубных склепах Неаполя и могильниках III–IV вв.

Известны единичные склепы других вариантов. Так, в некрополе Неаполя в 1987 г. открыта могила, представлявшая собой катаkomбу III типа (могила № 82). В нее вела широкая входная яма, в узкой стороне которой был вырыт вход, закрытый каменным закладом. В камере овальной формы, длинная ось которой перпендикулярна оси входной ямы, была погребена женщина в скорченном положении на боку, с набором украшений и амулетов I–II вв. н. э. Серединой I в. н. э. датируется склеп 777 Усть-Альминского могильника Т-образной планировки с прямоугольной формой камеры размером 5,5x3,5 м. В нем были совершены шесть погребений воинов и детское захоронение.

Наряду с обычными для Усть-Альминского могильника склепами с подквадратной формой камеры, раскопками 1994–1995 гг. открыты объекты I–II вв. н. э., имеющие одну входную яму и две камеры, сооруженные в ее торцовых стенах (рис. 72, I, II). Функционировали такие склепы на определенном хронологическом этапе одновременно в отличие от случаев, когда использовали по какой-то причине входную яму более ранних могил, как это прослежено в Неаполе, Беляусе и в 1993–1994 гг. на Усть-Альме [Зайцев, 1997, с. 156]. Подобная конструкция характерна для Подкумского могильника в Предкавказье, хотя там камеры имели преимущественно овальную форму и различное соотношение осей [Абрамова, 1978, с. 68, 69, рис. 1, 6, 7; 1987, с. 118, рис. 52, 9, 10, 14–20, 26, 27; 1993, с. 116, рис. 40, 14–16]. На восточном некрополе Неаполя также известны могилы I–II вв. н. э. с синхронным использованием обеих камер [Сымонович, 1983, с. 32, 33, 47, рис. 7, 3, 6, 7, 8; 10, 2, 3].

Во второй половине III–IV вв. н. э. в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма вновь получают широкое распространение грунтовые склепы (рис. 66, 12, 13; 67, 3, 5, 6). Однако их конструкция имеет ряд отличий от сооружений предшествующей поры [Айбабин, 1987, с. 192]. Входная яма, как правило, узкая и длинная (1,5–2 м и более), расширяющаяся перед входом. В камеру вели одна или несколько ступенек различной высоты. Вход закрывался массивными каменными плитами. Потолок в камерах плоский, слегка повышается ко входному отверстию, либо куполообразный. На стенах известны ниши и сарматские знаки. Большинство камер содержат одноярусные захоронения от 6 до 10 человек. Эти склепы близки по конструкции северокавказским алансским катаkomбам [Минаева, 1956, рис. 2; 1971, с. 159–162; Кузнецов, 1973, рис. 3, 7, 8; Романовская, 1986, с. 77–80; Абрамова, 1997, с. 97–102]. В настоящее время наиболее распространен тезис о связи грунтовых склепов вышеописанной конструкции в могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма с проникновением в эти районы сармато-аланских племен [Айбабин, 1996, с. 295; Мульд, 1996, с. 284; Храпунов, 2004, с. 137–140, 148, 149]. В.Ю. Юрочкин, рассматривая проблему генезиса склепов, полагает, что варварское население указанных областей должно было пройти «боспорскую стадию», прежде чем переселиться с Нижнего Дона и Северного Кавказа [2002, с. 134].

Вырубные склепы.

На западном и восточном склонах Неаполя в результате работ Тавро-Скифской экспедиции зафиксированы 45 вырубных склепов. В это число под номером 41 вошел

один грунтовой склеп, раскопанный в 1949 г. О.Д. Дащевской [1951, с. 131–135], поскольку он близок этой группе по архитектуре и оформлению (рис. 67, 3).

Анализ конструктивных особенностей, внутреннего убранства и датирующих материалов вырубных склепов показывает, что их можно разделить на две хронологические группы. Одна, вероятно, относится к I–II вв. н. э., вторая – к концу II–III вв. н. э.

Большинство вырубных склепов в конце XIX – начале XX в. были разрушены местными жителями, поэтому их полная научная интерпретация невозможна. Для пятнадцати объектов есть архитектурные обмеры и в отдельных случаях – датирующие материалы. Это могилы, исследованные Н.Л. Эрнстом в 1927 г. [Эрнст, 1927, с. 13], В.П. Бабенчиковым в 1945–1946 гг. [Бабенчиков, 1957, с. 94–118] и Е.В. Черненко в 1958–1959 гг. [Черненко, 1959; Черненко, Пуздовский, 2004, с. 108–118].

Склепы этого типа были вырублены в нумулитовом известняке и представляют собой катакомбы III типа (Т-образной планировки). Входная яма («дромос») длиной 1,5–3 м и шириной 0,9–1,0 м располагалась со стороны склона. Глубина вырубки от 0,7 до 1,2 м. В камеру вел наклонный спуск, в нескольких случаях прослежены ступеньки. Входное отверстие закрывалось закладной плитой размером в среднем 1,0x0,7x0,2 м. Иногда плита вставлялась в неглубокий паз, вырубленный во входной яме. В склепах 44 и 45 прослежены кладки, обрамляющие «дромос» (рис. 68, 3, 4). Они сложены из бутового камня в два ряда, на земляном растворе. В склепах 42 и 43 отмечена ступенька, ведущая в камеру (рис. 68, 1, 2).

Камеры имели различные очертания и размеры (рис. 67, 1, 2; 68). Обычно они прямоугольной или трапециевидной формы, при этом ближняя ко входу стена бывает плавно изогнута. Площадь камер колеблется от 6–8 м² до 25 м², однако большинство имели средние параметры: 10–12 м² при высоте свода от 0,8 до 1,2 м. Потолок обычно плоский, но есть случаи его понижения к стенам. На них, на различной высоте от пола располагались ниши в количестве от 3 до 7, форма их прямоугольная или треугольная. Из внутреннего убранства камер известны также пиластры, имитирующие каркасно-столбовые конструкции жилища, резные карнизы, барельефы. Некоторые склепы имели богатое скульптурное и живописное оформление, подробно рассмотренное в ряде работ [Шульц, 1947, с. 275–292; 1947а, с. 25–29; 1947б, с. 16–21; Бабенчиков, 1957, с. 99–118; Дащевская, 1951, с. 131–135; Высотская, 1979, с. 171–173, 183–188; Попова, 1984, с. 129–145; 1987, с. 139–150].

Обнаружение скальных склепов в Юго-Западном Крыму дало основание предполагать наличие подобных сооружений и на других памятниках. Так, при сооружении склепа 19 могильника Брянское [Труфанов, 1998, с. 141–145] была расширена природная выемка типа грота. Вход в камеру осуществлялся через дромос, продольные стенки которого сложены из слегка обработанных обломков известняка на грязевом растворе. Перекрытие входа могло быть как деревянным, так и каменным. Камера трапециевидной формы со скругленными углами (5,15 x 3,45 м). Скальный склеп, судя по находкам, использовался для захоронений начиная с рубежа I–II по первую половину III в. н. э. включительно. Исходя из антропологических материалов, количества и состава инвентаря, размеров камеры, в склепе были похоронены не менее 10–12 человек.

Проблема генезиса и эволюции данного типа сооружений подробно рассмотрена в ряде работ, где вновь поднят вопрос о влиянии боспорских и сармато-аланских традиций на формирование неапольских вырубных склепов [Пуздовский, 1994, с. 119–121; 2001б, с. 109; Черненко, Пуздовский, 2004, с. 108–118].

Детские захоронения в сосудах и грунтовых ямах.

Данный обряд погребения получил широкое распространение в первые века н. э., хотя был известен еще в позднеэллинистическое время (Южно-Донузлавское, Беляус, Алма-Кермен, Неаполь). Для Неаполя Т.Н. Высотская отмечает 22 подобных захоронения [1979, с. 169]. Не менее 25 погребений детей в сосудах и без них обнаружено на городище и пригороде раскопками 1978–1993 гг., в том числе 7 – на участке к северу от

главной городской площади, среди которых: 3 – в лепных горшках, 1 – в амфоре, 1 – в подбойной могиле, 1 – в грунтовой [Зайцев, 1994а, с. 112]. Такие захоронения известны на селище под Петровскими скалами [Высотская, Скорый, 1976, с. 316] и на участке оборонительной стены в раскопе 1926 г. [Эрнст, 1926, с. 5], на городище Кара-Тобе [Внуков, 1994, с. 64; 1997, с. 67]. Известны погребения младенцев в амфорах на территории позднескифских некрополей: Скалистое III, Заветное, Неаполь, Балта-Чокрак [Богданова, 1982, с. 33; Пуздовский, 1987, с. 205–207; Зайцев, Мордвинцева, Неневоля, Фирсов, Радочин, 2005, с. 175, рис. 16].

Большинство погребений в сосудах совершилось в лепных горшках или корчагах, реже – в амфорах. Некоторые погребения – без сосудов, т.е. были завернуты в ткань. Все они помещались в неглубокую яму овальной или круглой формы. Часть таких захоронений найдена у основания и в фундаменте кладок и могла быть связана со строительной жертвой. Человеческая жертва является одной из наиболее архаичных. В более развитых обществах она заменялась жертвенным животным, а еще позже – бескровной жертвой, что прослежено на этнографических материалах восточных славян [Байбурин, 1983, с. 59–69].

Наиболее интересным из объектов этого типа является захоронение ребенка, совершенное при сооружении культовой площадки с тремя менгирами на пригородной территории Неаполя, под юго-западной полой зольника № 3 [Махнева, 1979, с. 9; 2004, с. 119–123; Высотская, 2001, с. 78, 84, 85].

В отдельных случаях могилы с погребением младенцев на Неаполе образуют определенные группы от 3 до 6 объектов, что позволяет говорить об их относительной синхронности либо о существовании определенных (незастроенных) участков для подобных погребений.

В тех случаях, когда это можно установить, умершие дети лежали в скорченном положении, головой к устью сосуда. Закономерностей в ориентировке не прослеживается. Среди погребального инвентаря отмечены бронзовые браслеты, серьги, кольца, стеклянные и фаянсовые бусы, кости рыбы.

На Неаполе раскопан участок, где рядом с детскими погребениями было совершено жертвенное захоронение собаки. Значение собаки в погребальном культе поздних скифов с привлечением широкого сравнительного археологического и этнографического материала показано в работах Э.А. Сымоновича [1963а, с. 36] и Т.Н. Высотской [1979, с. 171, 172; 1994, с. 69, 70; 2001, с. 83, 84].

На Усть-Альминском городище открыты около 30 погребений рассматриваемого типа. Большинство их совершено в больших гончарных кувшинах или амфорах. Одно из них, обнаруженное под полом жилища и посыпанное зернами пшеницы(?), связывается Т.Н. Высотской с культом плодородия [1984, с. 138, 139]. Два погребения в амфорах исследованы на городище Вишневое [Зайцев, 1997, с. 114].

Обычай хоронить детей в амфорах или крупных сосудах является греческим, он хорошо известен в некрополях городов Северного Причерноморья в архаическое и римское время [Античные государства... 1984, с. 222]. Наиболее близкими рассматриваемому типу захоронений по характеру, хронологии и обряду можно назвать погребения Козырского городища и Никония [Бураков, 1976, с. 138–143; Секерская, 1978, с. 164–173]. А.В. Бураков полагает, что подобный обряд является выражением культа обратимости и плодородия [1976, с. 142, 143]. Т.Н. Высотская и Н.А. Богданова видят в нем сочетание местного скифского обычая погребения детей на поселениях (что также восходит к идеи обратимости и плодородия) с греческим обрядом погребения в сосуде [Высотская, 1979, с. 169; 1984, с. 139; Богданова, 1982, с. 33]. Прослеживается много общих черт с детскими захоронениями на участке позднеантичного некрополя Херсонеса. Е.П. Бунягин и В.М. Зубарь полагают, что появление такого обряда у негреческого населения Юго-Западного Крыма в первые века н. э. следует связывать с усилением роли земледелия в хозяйстве и изменениями в области идеологии, т.е. носят стадиальный характер [1991, с. 237].

Традиция захоронения детей под полом жилища доживает до эпохи раннего средневековья и известна у ранних славян левобережья Днепра [Березовец, 1967, с. 166–169]. По этнографическим данным, у восточных славян подполье связано с культом предков, кроме того, – это обычное место захоронения некрещеных младенцев и детского места (последа) [Байбурин, 1983, с. 182]. Изредка захоронения детей в амфорах встречаются в раннесредневековых могильниках Крыма [Борисова, 1959, с. 181, рис. 6].

Погребения в хозяйственных ямах.

Такие объекты известны на двух памятниках: Неаполе и Беляусе [Эрнст, 1926, с. 5; 1927, с. 26; Карасев, 1953, с. 71; Высотская, 1979, с. 202; Дашевская, 1991, с. 27]. На Неаполе они относятся преимущественно к последнему этапу жизни городища, хотя на восточном некрополе есть хозяйственные ямы с материалами конца II–I в. до н. э. В одной из них находилось захоронение взрослого человека в скорченном положении на левом боку, в другой – человеческий череп и кости собак. В хозяйственных ямах на городище, датируемых по керамике в засыпи II–III вв. н. э., костяки часто находят в скорченном положении, нередко останки людей брошены ничком и завалены камнями, как правило, без сопровождающего инвентаря. В одной из ям оказались 42 мужских черепа со следами ударов, в том числе с искусственной деформацией [Высотская, 1979, с. 202]. Достаточно часто встречаются в заполнении ям и одиночные человеческие черепа [Эрнст, 1926, с. 5; Зайцев, 1994, с. 112].

Часть таких захоронений сопровождалась инвентарем. Одно из них – вытянутое на спине мужское погребение – обнаружил Н.Л. Эрнст при раскопках восточного участка оборонительной стены [1926, с. 5]. Рядом с умершим стоял лепной горшок, лежали остатки туши барана, нож и бронзовый предмет от одежды. В 1983 г. неподалеку от этого места, в яме, заполненной обломками амфор III в. н. э., найдено погребение подростка, вокруг которого лежали спиленные рога козы и череп взрослого человека со следами рубящего орудия. Захоронения в ямах продолжали совершать и после гибели городища. В 1950 г. в районе главной городской площади были обнаружены костяк мужчины в сидячем положении в выдолбленной в стенке ямы № 29 нише и сопровождающее конское захоронение. Характер погребения, инвентарь (обломки железного меча, золотое украшение с зернью, костяные пластины) позволяют датировать его раннесредневековым временем.

Погребения в культурном слое.

Кроме детских погребений, на Неаполе, Усть-Альме и Алма-Кермене⁶ обнаружены человеческие останки в культурном слое. Наиболее показательна группа таких погребений на Неаполе, где костяки носят следы насиленной смерти либо найдены под завалами стен и кровли и не были в древности погребены, согласно обряду, на могильнике. Практически все они безынвентарны и, вероятнее всего, связаны, как и предыдущая группа, с военными событиями III в. н. э. [Высотская, 1979, с. 200, 202].

Среди погребений в культурном слое особняком стоит участок на главной городской площади Неаполя, где «среди развалин Южного дворца и рядом с мавзолеем-героем Аргота был устроен небольшой элитный некрополь» [Зайцев, 2003, с. 35]. Ядром его была могила «аланского военачальника», обнаруженная у руин «здания с портиками», рядом с которой найдены четыре сопровождающих конских захоронения [Карабев, 1951, с. 170; Шульц, 1957, с. 76]. Датировка П.Н. Шульца (конец II в. н. э.) была пересмотрена Т.Н. Высотской – начало II в. н. э. [1979, с. 203], однако С.Ю. Внуков предложил другую дату – середина–третья четверть II в. н. э. [Внуков, 2006, с. 165]. Ю.П. Зайцев на основании полевых материалов и фотоснимков определил, что предполагаемое раннее захоронение было сопровождающим погребением женщины или подрос-

⁶ Погребения, открытые Т.Н. Высотской в слое гибели городища Алма-Кермен, скорее всего, относятся к христианскому кладбищу XIX–XX вв. с. Заветного, о чем свидетельствует положение умерших в вытянутом положении на спине и западная ориентация, тем более, что захоронения совершаются и в настоящее время.

тка в скорченном положении с бронзовой лучковой фибулой первой половины II в. н. э. и браслетом с утолщениями на концах [Зайцев, 2003, с. 35, рис. 118, 119]. Аналогичное сопровождающее захоронение обнаружено в подбойной могиле 88 Битакского могильника, датируемой серединой II в. н. э. Уздечные наборы, которые находились в комплекте с погребением «аланского военачальника», по аналогии с сарматскими погребениями также датируются в пределах второй четверти – середины II в. н. э. [Пуздровский, 2001, с. 137; Ильюков, 2000, с. 100–116, рис. 4, 6, 7, 19; Гугуев, 2000, с. 141–143]. В настоящее время я склонен датировать погребение «аланского военачальника» временем около середины II в. н. э.

Еще одно характерное захоронение сармато-аланского воина с длинным мечом, бронзовой фибулой первой половины III в. н. э., железными кольцами от портупеи и куском мела на тазу обнаружено на территории Усть-Альминского городища [Высотская, 1994, с. 145, рис. 42].

Таким образом, две последние группы погребений фиксируют этапы, когда значительная часть площади поселений пустовала, либо когда совершить полный обряд погребения уже было некому.

Погребальные сооружения с остатками кремации.

В юго-западной части полуострова обряд трупосожжения фиксируется не ранее середины III в. н. э. (Бельбек I, Скалистое III). Основная же масса таких захоронений концентрируется в ближайшей округе Херсонеса и относится ко второй половине III–IV вв. н. э.: Инкерманский, Чернореченский, совхоз «Севастопольский». Остатки кремации помещались обычно в урну. Последние представляли собой лепные горшки и кувшины, амфоры, краснолаковые кувшины, каменные оссуарии. Урны ставили в каменный ящик или вкапывали в грунт, амфоры укладывали в горизонтальном положении. Некоторые сосуды были обложены камнем. В отдельных случаях сосуды с остатками кремации помещали в подбойные могилы [Пиоро, 1990, с. 90–99].

На могильнике совхоз «Севастопольский» из 562 урн около половины составляли амфоры, среди которых (№ 117, 235, 305, 320, 324, 383) есть экземпляры, позволяющие утверждать, что обряд кремации был известен здесь еще во второй половине I – начале II в. н. э., что подтверждает и краснолаковая малоазийская посуда с клеймами, служившая крышками, а также стеклянные сосуды [Высотская, 2000, с. 83–91, табл. I, 1; II, 1, 2, 4, 7; III, 1]. Т.Н. Высотская полагает, что кремация у населения округи Херсонеса была связана с влиянием римской культуры и исчезает к V в. [2000, с. 91]. В то же время она отмечает, что лепные сосуды, использованные в качестве урн в Чернореченском и «Севастопольском» могильниках, близки сарматской керамике Южного Приуралья, Нижнегорного Поволжья, Северного Кавказа, Нижнего Дона [1972, с. 99; 2001а, с. 167–174]. На могильнике «Севастопольский» по сопровождающему материалу они датируются III–IV вв. н. э. и лишь одна урна может быть отнесена ко II в. [2001а, с. 169, 172]. Лепные урны с остатками кремации трактуются как отражение проникновения в округу Херсонеса сармато-алан в составе полиэтнического «готского» союза, воспринявшим частично погребальную практику местного романизированного (?) населения либо обряд черняховской культуры [Высотская, 2001а, с. 172, 174].

Обряд кремации и помещение праха в урну не был свойствен скифо-сарматскому населению, поэтому в значительной степени он связан с проникновением в Крым в III в. н. э. представителей германских и гето-дакийских племен. Для решения же вопроса о появлении кремации у населения округи Херсонеса во второй половине I в. н. э. правомерно рассмотреть контакты сарматского населения с латенизованными культурами Центральной и Восточной Европы (зарубинецкой, поянешты-лукашевской, пшеворской).

До недавнего времени обряд трупосожжения не был зафиксирован в могильниках III–IV вв. н. э. Центрального (Нейзац, Заречное, Перевальное, Дружное) и Юго-Восточного Крыма (Бор-Кая), что можно объяснить преобладанием в этих районах сармато-аланского населения, теснее связанного с Боспором и Северным Кавказом. Теперь изве-

стна находка кальцинированных костей (в лепном сосуде) ребенка в возрасте 4–5 лет в каменном ящике (могила № 20) могильника Опушки [Храпунов, Мульд, 2005, с. 341–345]. В Юго-Западном Крыму кремация зафиксирована в единичных случаях и на могильниках, находящихся на значительном удалении от Херсонеса (Скалистое III, Танковое), хотя там не исключена возможность захоронений и после середины III в. Высказано мнение, что погребения с кремацией могут отражать контакты с германцами до их массового переселения в Северное Причерноморье [Храпунов, 2004, с. 141].

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

Нормы погребального обряда во второй половине I–III вв. н. э. претерпели определенные изменения, что было вызвано притоком нового населения, а также процессами ассимиляции и интеграции.

Способ помещения в могилу.

В могилах I–III вв. н. э. в Юго-Западном и Центральном Крыму применялись различные подстилки (кошма, камыш, камка, листья), подмазка из глины (Неаполь), подсыпки из песка, мела, золы [Сымонович, 1983, с. 78; Высотская, 1994, с. 67, 68]. Наибольшее количество захоронений с остатками кошмы отмечено в Заветненском могильнике [Богданова, 1989, с. 24, табл. 1]. В Усть-Альме раскопками последних лет также зафиксировано употребление кошмы, но преимущественно в подбойных могилах II–III вв. н. э. Достаточно хорошо этот обряд представлен в могильниках Скалистое II и III, расположенных на р. Бодрак – притоке Альмы [Богданова, 1982, с. 34]. В некрополе Неаполя кошма встречена в 25% подбойных захоронений, преимущественно I–II вв. н. э. В Битакском могильнике кошма фиксировалась в 30% погребений в подбойных могилах. Таким образом, этот обряд характерен более для населения долин Салгира и Альмы, поскольку в Бельбекских могильниках найдены лишь следы ткани, в которую был завернут покойник [Гущина, 1974, с. 34], а единичные случаи употребления кошмы и камки отмечены во впускных подбойных захоронениях в курганах у Братского кладбища и Мамай-Обе [Печенкин, 1904, с. 21; 1905, с. 24; Зубарь, Савеля, 1989, с. 74].

Показательны открытые на Усть-Альме подсыпки на дне могил из углей, достигающие толщины 7–15 см, поверх которых находились прослойки камыша: женское погребение в колоде – склеп 634, мужское в гробе – подбойная могила 700 (рис. 77). Оба захоронения датируются серединой II в. н. э. Крупные куски угля и следы горения (сажа) на большой площади обнаружены на полу склепов 799 и 805 того же времени. В женском погребении в колоде из грунтового склепа середины III в. н. э. в Мичуринском пол камеры также покрывал толстый слой угля [Мульд, 2001, с. 51]. Таким образом, разведение костра в могиле было составной частью погребального обряда.

В могильниках Европейского Боспора на дне могил и в гробах прослежены различные подстилки растительного происхождения. Кроме того, были широко распространены подсыпки из морских ракушек [Корпусова, 1983, с. 22, 23]. Растительная подстилка – обычное явление в погребениях I–III вв. н. э. Центрального Предкавказья, где она нередко сочетается с подмазкой зеленою глиной и угольной подсыпкой [Абрамова, 1993, с. 118, 119, 130, 131]. Однако наличие кошмы (войлока) или органической подстилки темно-коричневого цвета характерно только для сарматских погребений Прикубанья [Марченко, 1996, с. 111, табл. 7].

Одной из характерных черт погребального обряда в могильниках Юго-Западного Крыма является помещение умершего в колоду. Появление колод фиксируется в Усть-Альминском могильнике в середине–третьей четверти I в. н. э. и характерно для захоронений сарматской знати (рис. 73–76) [Пуздовский, 2001а, с. 171]. Шесть погребений I–II вв. в колодах известны в Заветном, а во II–III вв. они доминируют в плитовых могилах [Богданова, 1982, с. 24, табл. 1]. От 10 до 15% таких захоронений зафиксированы в

Скалистом III и Бельбеке IV [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 121–152; Гущина, 1982, с. 28–30]. В склепах III–IV вв. н. э. колода становится непременным атрибутом захоронения, особенно это заметно в таких могильниках, как Чернореченский, Озерное III, Красная Заря, Тенистое, Суворово, Вишневое [Бабенчиков, 1963, с. 90–113; Лобода, 1977, с. 236–252; Зайцев, 1997, с. 110; Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 32–34]. Не менее 40% подбойных могил Чернореченского могильника также содержали колоды.

В Неаполе погребения в колодах зафиксированы еще в I в. до н. э., несколько таких комплексов отмечено в подбойных могилах второй половины I и II–III вв. [Сымонович, 1983, с. 43, 48, 62, 64; Пуздровский, 1992, с. 191–193], известны они и в могилах рубежа II–III вв. н. э. Битакского могильника.

В целом захоронения в колодах более характерны для Юго-Западного Крыма, где они получают распространение во II–III вв. н. э., а в III–IV вв. н. э. в этом регионе такой способ помещения тела умершего в могилу становится определяющим. В III в. н. э. в Центральном Крыму известен пока только один случай употребления колоды – в катакомбе у с. Мичуринское [Мульд, 2001, с. 51]. По мнению Н.А. Богдановой и Т.Н. Высотской, увеличение количества погребений в колодах – свидетельство влияния сарматской культуры [Богданова, 1982, с. 34; Высотская, 1972, с. 93, 94; 1987, с. 59–61]. В пользу этого говорит сохранение традиции захоронений в колодах в раннесредневековых аланских могильниках Крыма [Пиоро, 1990, с. 143, 144].

Помимо колод в склепах и могилах второй половины I–II вв. н. э. часто встречаются различные конструкции из дерева: гробы, гробовища (ящики без крышки), носилки, помосты и др. Особенно это характерно для Усть-Альминского могильника, где большинство погребений в склепах I–II вв. н. э. совершено в гробах (рис. 70–72), конструкции из дерева зафиксированы и в других типах могил [Высотская, 1994, с. 58–60, рис. 24]. Часть гробов имела сложную конструкцию, приближаясь по оформлению к саркофагам. В Усть-Альме на стенках некоторых гробов обнаружена оригинальная сюжетная роспись минеральными красками (рис. 142, 1, 2), отмечены случаи обмазки гробов глиной [Высотская, 1994, с. 60]. При установке колод, гробовищ и помостов использовали плоские камни, что видно из случаев их парного расположения в ногах и головах (Неаполь, Усть-Альма), хотя часто от гробовищ (или носилок) не сохраняется даже тлен [Сымонович, 1983, с. 37; Мульд, 2001, с. 51].

Деревянные предметы из-под колоды склепа 595 Усть-Альмы, предварительно интерпретированные как неизвестное «шаманское» приспособление [Зайцев, 2000 а, с. 314, рис. 9, 11], в действительности могли являться боковой решеткой похоронной повозки. Подтверждением могут служить характер сверления отверстий на брусе, совпадение их количества с числом поперечных жердей и диаметров. Аналогичная решетка, но с меньшим размером бруса и с большим количеством поперечных «спиц» известна в пятом Пазырыкском кургане [Руденко, 1953, с. 55, рис. 26; Семенов, 1956, с. 212–214, рис. 4. 1–4]. Ритуал с подвозом тела покойного на повозке и ее разборка прослежены в 4-м Соколовском кургане в Подонье, когда после помещения тела в могилу колеса от конструкции прислонили к выброшенному грунту, а из кузова было сделано перекрытие ямы [Каталог ... 1985, с. 23–25, рис. 19, 20].

В Центральном Крыму (Неаполь, Битак) захоронений в колодах и других деревянных конструкциях также достаточно много, и все они содержат сарматские черты в обряде и инвентаре. Несмотря на значительное сходство рассматриваемых гробов с греческими оригиналами, этот признак обряда следует интерпретировать как развитие сарматских погребальных норм, где применение дерева в устройстве могилы и различных гробовищ было обычным явлением [Мошкова, 1989, с. 178, 179; 1989 а, с. 192, 193]. Вместе с тем нельзя не отметить и определенного влияния греческого ритуала, особенно в крупных военно-политических и административных центрах (Неаполь, Усть-Альма).

Т.Н. Высотская полагает, что с греческими погребальными традициями связан обряд сооружения кенотафов, наибольшее количество которых найдено в Усть-Альминском могильнике. Они представляли собой ямы, перекрытые плитами, в некоторых из них был разнообразный инвентарь [1994, с. 71, 72]. Работы 1993–2006 гг. показали, что большинство таких могил кенотафами не являлись, поскольку они были нарушены вспашкой и близко расположены к современной дневной поверхности. Это характерно для погребений младенцев, от которых не остается следов костяка, а о наличии в могиле захоронения свидетельствуют лишь находки. Только в нескольких случаях, при отсутствии следов ограбления или костяка взрослого человека, можно говорить о том, что в могилах могли быть в определенном порядке уложены предметы погребального инвентаря, украшения и детали одежды, т. е. имитировалось захоронение.

Ориентировка умерших.

Для отдельных могильников Крымской Скифии и даже целых областей в определенные хронологические периоды характерна устойчивая ориентировка покойников.

В Центральном Крыму наибольшее количество информации этого плана представлено в могильниках Неаполя и Битакском. На Западном некрополе Неаполя в подбойных могилах преобладало восточное направление в положении умерших, а в склепах оно было различным. Так, в камере квадратной формы склепа 10 покойники были ориентированы на запад, а в склепах 7 и 8 – с овальной камерой – на юг [ОАК, 1889, с. 20–27]. В подбоях Восточного некрополя преобладают восточное и северо-восточное направление (65%). На участке раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1949 гг. доминировала СВ и ЮЗ ориентировка, а в могилах, исследованных здесь в 1986 г., отмечены северное и южное направления (Пуздровский, 1989, с. 34). На северном участке некрополя, изученном в 1978–1987 гг., в подбойных могилах зафиксированы направления СВ–ЮЗ и С–Ю, а восточная ориентировка встречена лишь один раз. Из-за ограбления большинства склепов можно лишь по расположению камер установить, что определяющим направлением было северное и южное. Те же предположения можно высказать и по поводу погребенных в вырубных склепах.

Для подбойных могил Битакского могильника характерна устойчивая ориентировка длинной оси камеры: СВ–ЮЗ, хотя есть небольшие отклонения к северу и югу. Для второй половины I – первой половины II в. оба направления представлены в равной степени, хотя надо учитывать, что в подзахоронениях часто костяки лежат валетообразно. В конце II – первой половине III в. н. э. преобладает ориентировка в северном полукруге.

В Юго-Западном Крыму наиболее изученным является Усть-Альминский могильник, где в грунтовых и подбойных могилах второй половины I – первой половины II в. доминирует ЮВ направление, при значительной доле СВ, меньше – восточное и западное, в могилах конца II – первой половины III в. н. э. увеличивается СЗ, хотя остается доминирующим ЮВ [Высотская, 1994, с. 61, рис. 25]. В грунтовых склепах второй половины I – первой половины II в. н. э. ориентация покойников зависела от взаиморасположения длинных осей входных ям и формы камер. Если для большинства продольно-осевых склепов, появившихся в середине I в. н. э., характерно расположение покойников головой на ЮВ, ко входу, то для склепов с квадратной формой камеры, продолжающей традиции I в. до н. э. – первой половины I в. н. э., входная яма была ориентирована как по линии СЗ–ЮВ, так и З–В. Последняя ориентация характерна и для двухкамерных склепов, расположенных в противоположных сторонах входной ямы. В многоярусных склепах умершие часто лежали в одном ярусе в разных направлениях, нередко перпендикулярно друг другу. Очевидно, лишь для первых захоронений ориентации придавалось особое значение, последующие же умершие помещались на свободное место.

В долине Альмы находится еще один сравнительно хорошо изученный могильник – Заветненский, принадлежавший жителям городища Алма-Кермен и его округи. В нем 90 % погребенных лежали головой на ЮЗ, а для позднего этапа фиксируется СВ, СЗ и З направления [Богданова, 1982, с. 35]. Это подтверждается и наблюдениями на юго-

западном секторе могильника, интенсивно разграбляемом в последние годы. По мнению Н.А. Богдановой, южная ориентировка связана с проникновением сарматов прохоровской культуры (II–I вв. до н. э.) в Крым, а в первые века н. э. вторая волна сарматов принесла с собой северную с отклонениями ориентировку, которая становится доминирующей в III–IV вв. [1982, с. 35; 1989, с. 62].

Эта же тенденция прослеживается и по материалам могильника Бельбек IV, где более 90% захоронений в подбойных могилах I–II вв. н.э. было ориентировано в южном полукруге, а в конце II–III вв. н. э. преобладает СВ направление (как в простых грунтовых ямах, так и в подбойных могилах). Нет опубликованных точных данных об ориентировке умерших в комплексах, исследованных в 1981–1987 гг., однако вряд ли они значительно отличаются [Гущина, 1974, с. 55–64; 1982, с. 20; 1988, с. 30–31; ср.: Высотская, 1987, с. 58–59, табл. 4).

В других могильниках Юго-Западного Крыма (Бельбек II, III, Скалистое II, III) и курганах (Братское кладбище, Мамай-Оба) характерна ориентировка покойников в южном полукруге.

Картина значительно меняется во второй половине III–IV вв. н. э. В плитовых могилах Бельбек I, судя по расположению останков в ограбленных могилах, преобладало южное направление [Высотская, 1972, рис. 22, 1–4], хотя наличие в них нескольких деревянных колод-подголовников (?) и размещение амфор не исключает северную ориентацию умерших.

В Инкерманском могильнике погребенные в подбойных могилах лежали головой на восток, а в простых грунтовых могилах – преимущественно на север, хотя есть случаи восточной, СЗ и южной ориентировки [Веймарн, 1957, с. 219–237; 1963, с. 15–89]. В Чернореченском могильнике в подбойных могилах преобладает СВ направление, как и в грунтовых склепах [Бабенчиков, 1963, с. 90–123].

В недавно открытых и изученных могильниках в долине р. Кача (Красная Заря, Тенистое, Суворово, Вишневое) ориентация умерших во многом зависела от топографии местности и взаиморасположения осей входной ямы и камеры. Если в Красной Заре преобладало восточное направление, то в Тенистом – СВ–ЮЗ, в Суворово – В–З, хотя встречается и С–Ю. Для могильника Вишневое равнозначно как направление С–Ю, так и З–В [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 32–33].

В Центральном Крыму картина также достаточно пестрая. Склепы могильника у с. Перевальное в своем большинстве ограблены, однако по расположению вещей в камере и останкам погребенных можно установить, что умершие были ориентированы на север и восток. Для подбойных захоронений наиболее вероятно восточное и западное направления. Северо-восточная ориентировка зафиксирована в склепах Нейзацкого могильника. То же доминирующее направление отмечено для склепов и могил могильника Дружное. В наиболее восточном из известных сейчас могильников – Бор-Кая у с. Курское умершие в склепах были ориентированы головой на СВ–ЮЗ, а в подбойных могилах – СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ, что, по мнению авторов раскопок, было обусловлено топографией местности.

Подводя некоторый итог экскурса в погребальный обряд могильников II–III и III–IV вв. н. э., необходимо отметить, что возрастает, по сравнению с предыдущим периодом, тенденция хоронить покойников в северном, северо-восточном и восточном направлениях, хотя остальные ориентации также представлены достаточно широко.

Т.Н. Высотская считает, что СВ направление в могильнике Бельбек IV является следствием эллинизации населения [1972, с. 94; 1987, с. 59], а распространение южной ориентировки не может свидетельствовать о сарматском влиянии, поскольку уловить какие-то закономерности и определить причины ее изменения не представляется возможным [1987, с. 59].

Д.С. Раевский полагал, что увеличение погребенных с восточной ориентировкой в подбойных могилах Неаполя связано с проникновением в состав жителей города элли-

низированных сармато-меотов, пришедших с Боспора [1971, с. 149–150]. Такая позиция вызвала возражения А.А. Масленникова, который предположил обратное: влияние традиций скифо-сарматского населения Юго-Западного и Центрального Крыма на увеличение в первые века н.э. случаев с восточным и юго-восточным направлением в погребальном обряде населения Боспорского государства [1990, с. 95]. Однако для сарматов Северного Причерноморья восточная ориентация умерших встречается в единичных случаях [Симоненко, 1999, с. 7], так же, как и для Подонья, где несколько чаще фиксируется ЮВ направление [Максименко, 1998, с. 92, 93]. Крайне низкий процент захоронений с восточной ориентировкой отмечен и для Азиатской Сарматии, несколько больший – с ЮВ [Скрипкин, 1990, с. 184, рис. 50].

Восточная ориентировка в подбойных могилах Неаполя (не менее 20 %) не может являться случайной, к тому же и погребенный на главной городской площади «аланский военачальник» также был ориентирован головой на восток. Объяснить такое явление влиянием греческого погребального обряда вряд ли правильно, поскольку в самих греческих центрах Северного Причерноморья ориентировка умерших не отличалась стабильностью [Липавский, 1988, с. 35; Масленников, 1990, с. 94, 95].

Все это заставляет искать истоки такого обряда на других сопредельных территориях. В первые века н. э. только у меотов и сарматов Прикубанья сохраняется на некоторых могильниках восточная ориентация умерших [Каменецкий, 1989, с. 246, 247; Марченко, 1996, с. 101, табл. 1], была она достаточно распространена в памятниках II–III вв. н. э. Центрального Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 131]. Вероятно, перемещение населения из этих областей обусловило увеличение такой ориентировки в некрополях Боспора, а также в Центральном Крыму.

Северо-восточная ориентировка, вероятнее всего, является отклонением от северной, характерной в целом для позднесарматской культуры. Однако следует отметить достаточно устойчивую СВ ориентацию среди захоронений Нижнего Подонья конца II–III вв. н. э. [Максименко, 1998, с. 154], известную и для более раннего времени [Ильюков, 2000, с. 100–140; Гугуев, 2000, с. 141–155].

Можно согласиться с выводами Н.А. Богдановой и И.И. Гущиной о том, что погребения в южном полукруге связаны с распространением племен поздней фазы прохоровской культуры, хотя она доминирует и в среднесарматское время. Начиная со второй половины II в. н. э. происходит смена ориентировки на северную, характерную для позднесарматских племен [Гущина, 1974, с. 34, 44; 1982, с. 26; Богданова, 1982, с. 35; 1989, с. 62].

Поза погребенного.

Среди погребений первых веков н. э. с установленной позой преобладающим было положение на спине, с вытянутыми вдоль тела конечностями. Такие погребения составляли от 70 до 90% в могильниках Юго-Западного Крыма, а в Скалистом III – 60% [Богданова, 1982, с. 35]. По данным Т.Н. Высотской, на Усть-Альминском некрополе не менее 60 % умерших были погребены в обычной позе [1994, с. 60, 61, табл. 2]. В некрополе Неаполя в подбойных могилах такие погребения составляют 70–75%. Близкие данные получены и для Битакского могильника.

Отклонения от обычной позы заключались в положении одной или обеих кистей рук на таз, на грудь, у черепа, перекрещивании ног (связывание), слабой скорченности погребенных (в том числе на боку), помещение в могилу ничком, с отведенными в стороны конечностями и др. (рис. 69–78).

Положение одной или обеих рук на таз встречено в 20 % погребений первых веков н. э. В Юго-Западном Крыму не менее 1/3 таких захоронений – женские [Богданова, 1982, с. 36]. В могильниках Центрального Крыма такой обряд также засвидетельствован преимущественно в женских захоронениях. По мнению Н.А. Богдановой, данный ритуал является отражением дифференциации по полу. Помимо аналогий в коропластике кушанского времени – женских статуэтках с такой позой (левая рука на лобке, правая

под грудью), можно указать на терракоты женского божества, найденные у с. Заветное [Чореф, 1985а, с. 58–60] и на Кубани [Каменецкий, 1989, с. 246, табл. 93, 19].

Эта черта обряда была свойственна сармато-меотам, хотя и не получила повсеместного распространения [Смирнов, 1964, с. 93; Каменецкий, 1989, с. 240, 247; Абрамова, 1993, с. 130]. Появление ее относится еще к среднескифскому периоду (см. гл. 2). Особенno значителен процент таких захоронений в скифских погребальных памятниках Восточного Крыма, население которого, вероятно, формировалось в результате миграции с Северного Кавказа и более восточных территорий. Однако в могильниках первых веков н. э. этот обычай может служить показателем общей сарматизации культуры поздних скифов Крыма и проникновения сарматов в местную среду [Высотская, 1994, с. 61]. В пользу такой интерпретации говорит достаточно большое количество (22 %) захоронений с отклонениями в положении рук в могильниках Боспора [Масленников, 1990, с. 78].

В значительной части захоронений в Юго-Западном Крыму зафиксированы скрещенные ноги (до 10 %). В Центральном Крыму такие погребения встречаются несколько реже (около 5%). В эту группу можно включить и случаи сильно сближенных ног, так как этот обряд, безусловно, сопровождался их связыванием, подтверждением чему могут служить остатки кожаных ремней и металлических пряжек на берцовых костях. Как и предыдущий признак, данный элемент обряда известен у меотов [Каменецкий, 1989, с. 247] и сарматов [Смирнов, 1964, с. 249], которые переняли его у первых. Очевидно, с увеличением мигрантов из Прикубанья такой обряд достаточно широко представлен и на Боспоре, причем, как и у поздних скифов, преимущественно в мужских захоронениях.

Погребения с элементами слабой скорченности составляют в могильниках Юго-Западного Крыма менее 1%. Единичны подобные захоронения и в Центральном Крыму (Неаполь, Битак). Скорченность в захоронениях сармато-сарматов известна еще в IV–III вв. до н. э. [Смирнов, 1950, с. 121]. Ряд исследователей считает, что скорченные захоронения первых вв. н. э. в некрополе Херсонеса связаны с инфильтрацией в состав населения города сарматов, у которых такой обряд был связан с зависимым и неполноправным положением [Кадеев, 1981, с. 119, 120; Зубарь, 1982, с. 41]. Однако слабая скорченность в женских погребениях Заветненского могильника сопровождалась богатым инвентарем (в том числе предметами культа). Погребенные в данном случае принадлежали к категории «жриц» [Богданова, 1982, с. 36].

Следует, видимо, различать такие погребения по степени скорченности умерших. Так, небольшое отклонение (от вытянутого) в положении ног может быть следствием придания позы «коленями вверх» либо недостатком места в могиле или гробовище, а также неаккуратного обращения с покойником. Следует подчеркнуть, что большинство погребений со слабо скорченной позой – женские, поэтому данный обряд, так же, как и отклонение в положении рук от обычного, может носить характер разделения по половому признаку [Абрамова, 1987, с. 125], в основе которого лежат какие-то идеологические представления. В то же время на Неаполе, Битаке, Брянском и Усть-Альме в склепах, могилах и хозяйственных ямах на некрополях встречены захоронения на боку в сильно скорченном положении или брошенные ничком, которые могли быть сопровождающими [Бабенчиков, 1957, с. 121; Пуздровский, 1989, с. 37; Высотская, 1994, с. 60, 68; Труфанов, 2005, с. 315, рис. 1] либо принадлежать представителям социальных низов и преступно убитым. В склепе 96 Неаполя такие костяки зафиксированы как брошенные последними, вместе с собаками, очевидно, перед окончательной засыпкой сооружения [Сымонович, с. 55]. Есть случаи подзахоронения в могилы, когда умершие лежали в неестественной позе, иногда с кистями рук у головы, что, возможно, связано с насилиственной смертью. Если такие захоронения совершены после древнего ограбления, то так, вероятно, поступали с грабителями.

Среди редких поз следует отметить погребение 4 в склепе 777 Усть-Альмы, где умерший (мужчина?) лежал со связанными в щиколотках ногами, которые распались ромбом, т.е. были подняты вверх коленями; мужские погребения 1 и 3 в склепе 703,

погребение 10 (подростка) склепа 640, женское в могиле 701 («поза всадника»); мужское погребение 12 склепа 590 («атакующая поза»). Ноги, распавшиеся ромбом, отмечены в погребении Нижне-Джулатского могильника [Абрамова, 1993, с. 130], такое расположение прослежено в богатом сарматском мужском погребении в Порогах [Симоненко, Лобай, 1991, с. 8, рис. 3], в меотских погребениях римского времени [Каменецкий, 1989, с. 247]. Скорее всего, эта черта обряда связана с раннесарматским признаком «ноги согнуты в коленях, подняты вверх» [Марченко И.И., 1996, с. 105] и отражает социальное положение умерших.

Особую группу составляют так называемые погребения в «сидячем положении». Они зафиксированы в грунтовых и вырубных склепах II–III вв. н. э. Неаполя [ИТУАК, 1897, с. 75, 76; Эрнст, 1927, л. 13; Бабенчиков, 1957, с. 121], в каменном склепе Симферопольского кургана 1890 г. [Маркевич, 1890, с. 107–110], в грунтовом склепе кургана № 3 в имении С. А. Крыма [ОАК за 1895 г., с. 14; Кашпар, 1896, с. 145, 146], в хозяйственной яме на городище Неаполя с погребением раннесредневекового времени (см. выше) [Высотская, 1979, с. 202], в двух могилах Бельбека I [Печенкин, 1905а, с. 31, 32], в склепе № 2 Нейзата [Эрнст, 1927а, л. 10]. И.С. Пиоро считает, что погребения в Бельбеке I свидетельствуют о проникновении в Юго-Западный Крым сарматизированных горцев Северного Кавказа [1990, с. 143]. Однако такой обряд не получил распространения и отражает специфические нормы погребального ритуала локальных этнических групп.

Следы ритуальных действий.

С ритуалом очищения огнем связаны такие детали обряда, как наличие на дне могил подсыпок из золы, угля, мела, расположение на территории могильников кострищ и обожженных площадок-жертвенныхников. Встречаются в могилах куски охры, реальгара, красной или розовой краски, осколки кремня. С этой же целью в могилы помещали гальку и кусочки серы. Семантика и генезис этих обрядов для могильников Юго-Западного и Центрального Крыма подробно рассмотрены Н.А. Богдановой [1982, с. 34, 35, табл. 1; 1989, с. 24, табл. 1; 1990, с. 53–58], Т.Н. Высотской [1972, с. 94–98; 1983, с. 15–17; 1994, с. 65–68]. Э.А. Сымонович [1983, с. 78] приводит достаточно аргументированное положение о многообразии проявлений культа огня в сарматском погребальном ритуале. На Неаполе и Усть-Альме засвидетельствована посыпка кремнями тела умершего [Высотская, 1994, с. 68; Погребова, 1961, с. 108, 181]. Осколками кремня были инкрустированы крышки некоторых колод Усть-Альмы. Этот обряд, вероятно, является местной крымской чертой.

Наиболее показательны для рассматриваемого ритуала лепные курильницы и светильники, особенно характерные для погребений I–II вв. н. э. В Усть-Альме найдены железные канделябры со светильниками-курильницами (рис. 83–85; 139). Разнообразие их типов и вариантов свидетельствует о широком использовании обряда очищения могилы в полиэтнической среде Крымской Скифии [Zaytsev, 2002, р. 41–60]. Как правило, курильницы обнаружены в могилах, где есть женские погребения, и тесно связаны с другими предметами культового и магического характера.

В Неаполе и Усть-Альме в женских захоронениях I–II вв. н. э. с богатым инвентарем зафиксированы песчаниковые плитки. Подобные плиты или столики часто находят в савроматских и сарматских захоронениях, где они выполняли роль жертвенныхников [Смирнов 1989, с. 168, 174, табл. 69, 1–3, 12, 13–18, 24, 62, 63; Беспалый 1985, с. 169].

Помещение в могилу зеркал в первые века н. э. было обычным явлением в женских захоронениях, однако, в отличие от предыдущего периода, их разбивали на месте реже [Высотская, 1994, с. 68; Богданова, 1989, с. 54; Сымонович, 1983, с. 97], чаще в могилу помещались отдельные фрагменты зеркал.

В связи с распространенным у сарматов обрядом порчи вещей необходимо отметить ритуальную поломку длинного меча из могилы 68 Битакского могильника [Пуздовский, 2001, с. 124, 125], а также скопление обломков деревянных изделий под днищем колоды

склепа 595 Усть-Альмы, которые Ю.П. Зайцев считает «магическим» инструментом похороненной здесь жрицы [2000 а, с. 312, 313].

Жертвенная пища и ритуальные захоронения животных.

Мясная напутственная пища в первые века н.э. становится почти повсеместным атрибутом погребального обряда. По данным Н.А. Богдановой, такие захоронения составляли около 60 % в Юго-Западном Крыму [1982, с. 37]. Такое же соотношение дают и захоронения в подбойных могилах Центрального Крыма, в склепах этот процент из-за большого количества костяков ниже. В большинстве случаев кости животных (части передней ноги, лопатки) находились в краснолаковой (очень редко в лепной) посуде вместе с железным ножом. Видовой состав животных определен В.И. Цалкиным для восточного некрополя Неаполя Скифского [Сымонович, 1983, с. 77, 78, табл. 2], из чего следует, что в римское время уменьшается употребление в качестве жертвенной пищи мяса лошади за счет увеличения доли крупного рогатого скота, а соотношение мелкого рогатого скота во все периоды остается примерно одинаковым. Близкое соотношение для погребений I-II вв. н. э. дают материалы могильника Золотое на Боспоре [Корпусова, 1983, с. 27, 158, 159].

Кости лошади, быка, мелкого рогатого скота, свиньи нередко фиксировались в тризнах, на жертвенных площадках и на перекрытии могил [Богданова, 1982, с. 38; Высотская, 1994, с. 71].

Жертвенная мясная пища входила в ритуал захоронения многих племен раннего железного века, однако для интересующего нас времени помещение в могилу небольших кусков мяса в тарелке или миске может служить показателем меото-сарматского обряда [Марченко И.И., 1996, с. 106, 107], хотя в могильниках Предкавказья эта черта обряда встречается реже, чем в предыдущий период [Абрамова, 1993, с. 119, 120, 131]. В первые века н. э. помещение жертвенной мясной пищи в посуде ужеочно вошло в погребальную практику населения Европейского Боспора [Корпусова, 1983, с. 27].

Кроме мяса в качестве напутственной ритуальной пищи, вероятно, употреблялись какие-то каши или мясной бульон, причем в позднесарматское время увеличивается доля молочных продуктов. В Усть-Альме встречены грецкие и лесные орехи, плоды дикой груши, косточки кизила, вишни или черешни. Для питья (вода, молоко, вино) использовали кубки и закрытые сосуды – кувшины, амфориски. Изучение остатков заупокойной пищи в сосудах достаточно перспективно и дает интересные результаты [Корпусова, 1983, с. 27–31; Демкин, Демкина, 1999, с. 29–34].

В первые века н. э. резко возрастает количество случаев сопровождающих ритуальных погребений коней, что может быть связано с притоком в Северное Причерноморье новой волны кочевых (?) племен. Конские погребения отмечены в Бельбеке I, Заветном, Усть-Альме [Гущина, 1974, с. 32, 47; Богданова, 1982, с. 38; 1989, с. 25; Высотская, 1994, с. 71, 72]. В Неаполе они известны в специальных могилах у вырубных склепов № 8, 9, 42, 45 [Бабенчиков, 1945, с. 17–19; Черненко, 1959, с. 3] и в камере склепа № 2 [Шульц, 1947а, с. 25; Бабенчиков, 1957, с. 114], во входной яме подбойной могилы 72 Восточного некрополя [Сымонович, 1983, с. 70], у грунтового склепа № 3 [Орлов, 1978]. Четыре конских погребения сопровождали богатое захоронение «аланского военачальника» на главной городской площади [Карасев, 1953, с. 83, 84], а еще две конские могилы – погребение подростка, где найдены два (?) комплекта удила [Зайцев, 2003, с. 35, рис. 7, с. 117–120]. Три конских захоронения обнаружены на территории Битакского могильника [Пуздровский, 2001, с. 122, 123, 140, рис. 1].

Как показали исследования Усть-Альминского могильника, конские могилы обычно были связаны с богатыми погребениями в склепах второй половины I – первой половине II в. н. э. и располагались рядом с входной ямой, либо над камерой. Характерно, что все труши были ориентированы головами на СЗ – по оси входных ям (СЗ–ЮВ) склепов. Как правило, животных опускали в специально вырытую узкую яму с подогнутыми под туловище ногами, а голова покоялась на специальной «полочеке». Вероятно,

большинство коней были верховыми, поскольку найдены остатки сбруи: удила, псыалии, ременная гарнитура.

По определению В.И. Бибиковой, лошади Усть-Альмы принадлежали к группе малорослых, полутонконогих (высота в холке около 132 см) [Высотская, 1994, с.72]. Исследование остатков лошадей из раскопок 1999 г. проведено Н. В. Сердюк, которая пришла к следующим выводам [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 262]:

1. В Усть-Альминском некрополе захоронены домашние лошади, относящиеся к виду *Equus equus*.
2. Они были невысоки, имели рост в холке 128–136 см.
3. Они могли быть гибридными формами между тарпаном и домашней лошадью.
4. В исследованных захоронениях присутствуют самцы.

Традиция сопровождающих конских погребений вновь возрождается в связи с притоком очередной волны сарматов в первой половине III в. н. э. (Неаполь, Битак, Усть-Альма), они связаны с воинскими захоронениями, большинство которых разграблено в гуннское (?) время.

Для сарматского обряда I в. н. э. (Поволжье, Подонье) захоронение лошади в отдельной могиле не характерно, хотя такие случаи известны в богатых кочевнических комплексах на сопредельных территориях [Минаева, 1971, с. 115–123; Гущина, Засецкая, 1994, с. 93; Ковпаненко, 1986, с. 26]. Целые скелеты верховых лошадей найдены во входных ямах воинских захоронений в Прикубанье [Марченко, 1996, рис. 75, 5] и в Цемдолинском могильнике римского времени [Малышев, Трейстер, 1994, с. 59], а также в некрополях Пантикея, Нимфея, Илурата [Масленников, 1990, с. 38, 39, прим. 181–192].

Погребения с лошадью или чучелом лошади характерны для меотской культуры на всем протяжении ее развития [Анфимов, 1951, с. 202; 1971, с. 172; Каменецкий, 1989, с. 247]. В мужском воинском захоронении могилы 700 Усть-Альмы (рис. 77) на деревянном блюде лежала «кукла» в виде головы лошади (набитая травой) вместе с деталями конской сбруи. Последняя является одним из атрибутов воинских захоронений как I–II, так и II–III вв. н. э. (Неаполь, Битак, Усть-Альма). В склепе 595 с двумя женскими захоронениями также найдена «кукла» в виде головы лошади, скроенная из кусков кожи, набитая рубленым камышом, а также деревянная чаша с фигуркой лошади, блюдо с прочерченным изображением этого животного, парадные наборы железных, кожаных и деревянных деталей конской сбруи, позволяющие предположить, что здесь похоронены жрицы, связанные с культом коня и его особой ролью в укладе жизни верхушки кочевого сарматского общества [Зайцев, 2000а, с. 294–317]. Известны сбруйные наборы и в женских захоронениях III в. н. э. [Мульд, 2001, с. 57, 58].

Ритуальные сопровождающие захоронения коней, части их туш в тризне и напутственной пище, символическое «погребение» деталей узды свидетельствуют о возрождении традиций VI–IV вв. до н. э., возможно, под влиянием притока нового населения восточноиранского происхождения, где культ коня был тесно связан с солярным культом и почитанием огня (Strabo, XI, VIII, 6; XV, III, 13–16).

Обычай ритуальных захоронений собак в первые века н. э. продолжает существовать, причем их скелеты встречены как в подбойных могилах и склепах [Сымонович, 1983, с. 77, 78, табл. 2; Высотская, 1994, с. 69], так и в ямах, перекрытых зольником Усть-Альминского городища [Высотская, 2001, с. 79, 83, 84], а также рядом с погребениями младенцев в сосудах на Неаполе (см. выше).

Тризна. Ритуал похорон включал в себя поминальный обед или тризну. Обычно они фиксируются в виде ям с пережженными костями животных, золой, углями, фрагментами лепной и краснолаковой посуды, амфор, жаровен. Иногда следы поминального пиршества находят среди кучки камней возле могил [Богданова, 1982, с. 38; 1989, с. 24]. В Центральном Крыму (Неаполь, Битак) остатки тризны чаще бросали в заполнение входной ямы, в Юго-Западном – рядом с могилами. В Усть-Альме у склепов с захоронениями знати обнаружены площадки с обильным керамическим боем (амфоры, краснолак-

ковая посуда), расположенные рядом с входной ямой либо над сводом камеры [Высотская, 1994, с. 71].

Часто для сброса мусора после поминок использовались углубления над провалившимися или разграбленными камерами склепов и могилами, которые, судя по разновременному керамическому материалу, могли использоваться достаточно долго. Жертвенные площадки с обожженной поверхностью в Заветном и Бельбеке III [Богданова, 1982, с. 38; 1990, с. 54, 55] служили не только для ритуального кострища, но и для приготовления поминального обеда. Наиболее показательны для сравнения с крымскими материалами могильника Молога в Поднестровье, где открыт комплекс из 93 ям, в которые сбрасывали остатки поминальных пиршеств: кости животных, битую посуду и амфоры, обломки жаровен, золу, угли. Эти прослойки были перекрыты слоями глины, т. е. комплекс функционировал достаточно долго. В отдельных ямах совершились захоронения собак, в одной – коровы. Для очищения территории могильника огнем использовали зольники и жертвенники. Последние очень сходны по конструкции с сооружениями в Юго-Западном Крыму [Малюкович, 1994, с. 119–121].

Надмогильные сооружения.

Поскольку все известные до сих пор погребения первых веков н. э. в Крыму обнаружены в составе грунтовых могильников или впущены в курганы более раннего времени, надмогильными сооружениями могут служить лишь небольшие насыпи, ограды и памятники (стелы, надгробия).

В древности могилы, очевидно, отмечались на поверхности земляными холмиками, иногда облицованными камнями, что позволяло обнаружить их с течением времени и не повреждать при соседних захоронениях. На Усть-Альме прослежено, что верхняя часть заполнения входных ям склепов и подбойных могил с захоронениями знати состояла из однородного желтого суглинка (вынутого с глубины при сооружении камер), по структуре похожего на застывший раствор (сырец), вероятно, чтобы исключить возможность проседания грунта и ограбления.

В особых случаях над могилой ставили памятник в виде стелы или надгробия. Самым простым типом памятника были известняковые или песчаниковые необработанные плиты, установленные в закладе могилы, либо во входной яме. Лишь в нескольких случаях на Усть-Альме зафиксированы *in situ* обломанные нижние части таких стел, да в западном некрополе Неаполя в 1889 г. Н.И. Веселовский обнаружил в закладах вертикально стоящие известняковые камни, а один из менгиров, около 2 м длиной, найден над входной ямой склепа [ОАК 1889 г., с. 21, 24]. Примитивные стелы (без изображений) отмечали местоположение могилы и устанавливались над плитами перекрытия в могильнике Танковое III в. н. э. [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 83, 84, рис. 1, 3, 4, 5].

Более сложными памятниками являются антропоморфные надгробия. Обломки стел с примитивными изображениями вторично использованы в закладах в Битакском могильнике и Усть-Альме [Волошинов, 2001, с. 147–149, рис. 1, 1, 4], несколько таких плит найдены во входных ямах склепов Усть-Альмы рубежа I–II вв. (рис. 142, 3, 4). Целая серия надгробий с проработанными чертами лица и фигур обнаружена в Юго-Западном Крыму [Богданова, 1961, с. 249–252; 1965, с. 233–238; 1989, с. 60, 61, 66; Волошинов, 2001, с. 147–155]. Систематизация всех выявленных памятников позволила А.А. Волошинову выделить четыре типа антропоморфных надгробных стел [2001, с. 154, 155]. Среди мало упоминающихся в литературе следует отметить плиту с сарматским знаком над перекрытием разрушенной могилы у пос. Грэсовский близ Симферополя [Соломонік, 1961, с. 167].

Еще более сложны по композиции и исполнению надгробные рельефы. К наиболее примитивным из них можно отнести одноярусные изображения одной или нескольких фигур, а также всадника. Двух- и трехъярусные рельефы представляли собой сложные композиционные картины: сцены прощания, охоты, сражений и т.д. На некоторых есть надписи на греческом языке, возможно, было полихромное оформление.

Памятниками монументального искусства, которыми являются надгробия и антропоморфные стелы, занимались многие исследователи, внесшие вклад в их изучение: П.Н. Шульц [1966, с. 278–286; 1967, с. 196–201; 1967 а, с. 225–237], М.Я. Чореф [1975, с. 260–264; 1985, с. 239–242; Чореф, Шульц, 1972, с. 135–147], Е.А. Попова [1974, с. 222–230; 1976, с. 108–123; 1989], О.Д. Дащевская [1967, с. 213, 214; 1972, с. 70, рис. 24, 3; 1978, с. 200, рис. 1, 2; 1991, с. 27, 28, табл. 42–45], А.А. Волошинов [1997, с. 39–41; 2001, с. 147–55]. В этих образцах самобытной позднескифской скульптуры, так же, как и в мелкой пластике и в росписях вырубных склепов Неаполя, отразилась бурная эпоха первых столетий н. э., когда культурные взаимовлияния привели к созданию синкетических образов, удовлетворяющих вкусам различных по этническому происхождению людей. В них переплетены мотивы и сюжеты скифского, сармато-меотского, фракийского искусства, использованы приемы, техника и оформление боспорских и херсонесских надгробий.

4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Описание, классификация и хронология предметов материальной культуры из могильников Крымской Скифии первых веков н. э. даны в ряде работ и публикаций [Бабенчиков, 1957, с. 122–138; Гущина, 1974, с. 32–64; 1982, с. 20–30; Богданова, 1989, с. 17–70; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 121–152; Высотская, 1972, с. 76–109; 1994, с. 73–138; Зубарь, 1982, с. 63–115; Сымонович, 1983, с. 76–109; Дащевская, 1991, с. 28–41; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 82–87; Журавлев, 1997, с. 227–260; 2001, с. 99–118; 2005, с. 141–168; Труфанов, 1997, с. 269–274; 1997а, с. 181–192; 2001, с. 71–77; 2004, с. 135–138; 2004а, с. 160–170; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 174–204 и др.].

В данном разделе использованы существующие схемы и классификации с поправками, обусловленными современной ситуацией и новыми материалами. Благодаря первичной обработке погребального инвентаря таких могильников, как Усть-Альминский (Усть-Альма), Битакский (Битак), Неаполь Скифский (восточный некрополь, раскопки О.А. Махневой 1978–1988 гг.), Перевальное, появилась возможность в значительной степени скорректировать эту работу. Для сравнения привлекался материал погребений среднесарматского и позднесарматского времени из Северного Причерноморья [Симоненко, 2004, с. 134–173], Нижнего Дона [Максименко, 1998], Прикубанья [Гущина, Засецкая, 1989; 1994], Азиатской Сарматии [Скрипкин, 1990], могильников Центрального Предкавказья [Абрамова, 1993; 1998, с. 209–229].

Как и в предыдущей главе, основное внимание уделено вещам, дающим выходы на этническое происхождение их владельцев, а также находкам, уточняющим хронологию погребений.

Погребальный инвентарь определяет хронологические рамки захоронений в пределах трех этапов: **B1** (вторая половина I – первая четверть II в. н. э.), **B2** (вторая четверть II – первая четверть III в. н. э.) и **B3** (вторая – третья четверть III в. н. э.). Внутри двух первых этапов выделены более дробные отрезки времени – фазы: **B1a** – середина – третья четверть I в. н. э.; **B1b** – последняя четверть I в. н. э.; **B1c** – первая четверть II в. н. э.; **B2a** – вторая четверть II в. н. э.; **B2b** – третья – начало последней четверти II в. н. э.; **B2c** – конец последней четверти II – первая четверть III в. н. э. В качестве сравнительного материала в работе использованы находки из погребений первой половины I в. н. э. и могильников конца III–IV вв. н. э.

Лепная керамика.

Эта категория инвентаря в погребениях первых вв. н. э. немногочисленна, поэтому для характеристики вылепленной от руки посуды приходится, как и в предыдущей главе, обращаться к материалам поселений. Значительными по выборке являются керамические комплексы Неаполя, Усть-Альминского и Заветненского (Алма-Кермен) городищ.

На других поселениях (Булганакское, Кермен-Кыр, Золотое Ярмо) выразительных форм лепной керамики намного меньше.

Лепная керамика данного периода явилась предметом специального изучения О.Д. Дащевской [1958, с. 248–271; 1991, с. 15–19, 28–31], Т.Н. Высотской [1972, с. 102–113; 1979а, с. 63–78; 1994, с. 82–84], Э.А. Сымоновича [1983, с. 80, 81], В.П. Власова [1997, с. 204–303; 1999б, с. 62–67; 2001, с. 18–30; 2001а, с. 168–182; 2003, с. 98–124]. По материалам раскопок Неаполя Скифского 1978–1983 гг. О.А. Махневой опубликована статья о лепной керамике I в. до н. э. – III в. н. э. [2004, с. 100–107]. Недавно В.П. Власов защитил диссертацию об этнокультурных процессах в Крыму, основанную на анализе лепной керамики [1999].

Лепная керамика Неаполя Скифского, по мнению О.Д. Дащевской, претерпевает некоторые изменения по сравнению с предшествующим периодом, хотя многие типы сохраняются. Инновациями она считает горшки с дуговидными налепами, которые известны в местной керамике Боспора, у поздних скифов Нижнего Днепра и связаны с фракийским влиянием [1991, с. 16, 17]. Т.Н. Высотская, кроме этого, выделила посуду, подобную сарматской [1979, с. 107–109, 119], в общем же, она находит значительные отличия от синхронной керамики Приднепровья [1979, с. 116]. О.А. Махнева полагает, что своеобразие и отличие неапольской керамики от нижнеднепровской – в характерном лощении поверхности (таврское влияние), а также в малочисленности орнаментации сосудов защипами или штрихами, хотя в основном их формы устойчиво повторяют особенности скифской посуды городищ Нижнего Днепра. Некоторые формы мисок, кувшинов, корчаг и биконических сосудов с налепами, очажные подставки, оформленные в виде голов баранов, связаны, по ее мнению, с фракийским влиянием через нижнеднепровские городища. Сарматские и прикубанские (северокавказские) формы кружек немногочисленны [2004, с. 106, 107].

Коллекция лепной посуды из могильника Неаполя невелика. Большинство экземпляров представлено маловыразительными плошками и коническими мисочками. Другим типам (кружки, кувшины с низко посаженной ручкой и ручками, нависающими над венчиком, в том числе прямоугольными в сечении) имеются аналогии среди сарматской и северокавказской керамики [Сымонович, 1983, рис. 6, 1, 4, 7, 10; табл. III, 2–5, 8, 10, 11, 13; Пуздровский, 1992а, рис. 3, 20; Черненко, Пуздровский, 2004, с. 114, 115, рис. 6, 11, 17]. Среди редких сосудов следует отметить кувшин-курильницу с биконическим корпусом, высоким цилиндрическим горлом и четырьмя сосцевидными налепами на тулове из Битакского могильника, расположенного в ближайшей окруже позднескифской столицы [Пуздровский, 2001, с. 135, 136, рис. 10, 1]. Аналогичные сосуды есть в некрополе Неаполя [Сымонович, 1983, рис. 6, 5, табл. II, 8]. Еще три экземпляра курильниц из Битака – с биконическим корпусом, горизонтальным валиком и четырьмя коническими налепами на тулове (рис. 85, 8), цилиндрической формы, с горизонтальным валиком, на массивном поддоне (рис. 83, 13) и в виде конической чаши с ручкой, на полой ножке (рис. 85, 10) находят аналогии в Усть-Альминском некрополе, в погребениях с сарматским обрядом (рис. 80, 3; 83, 7, 10, 12; 85, 9). Сарматские формы представлены также небольшими по размерам биконическими горшочками и кружками с низко- и высокопосаженными ручками (рис. 80, 2; 82, 2, 6).

Анализ лепного керамического комплекса первых вв. н. э. городища и некрополя Неаполя, Битакского могильника, в отличие от традиционных точек зрения (см. выше), показывает его сходство с материалами как сельских поселений Боспора, так и с керамикой сармато-меотского (северокавказского) круга и степных сарматских памятников.

К редким типам посуды принадлежит лепная курильница сарматского типа цилиндрической формы с расширением в верхней части и четырьмя горизонтальными валиками, найденная Н.И. Веселовским в кургане у д. Саблы (Партизанское) и датирующаяся не позже рубежа I–II вв. н. э. [Журавлев, Фирсов, 2001, с. 226, 227, рис. 2]. Близкий по форме сосуд обнаружен на пригороде Неаполя [Зайцев, 1995, с. 83, 85, рис. 7, 34].

Многочисленная серия таких курильниц открыта в последние годы в Усть-Альминском некрополе (рис. 83; 84).

Ряд сосудов оригинальных форм происходит из закрытого комплекса III в. н. э. поселения под городищем Кермен-Кыр [Пуздровский, 1989а, с. 139–141, рис. 5, 1–5]. Керамика Булганакского городища I–II вв. н. э. представлена небольшим количеством экземпляров, преимущественно это миски, блюда, кувшины, кружки, светильники, курильницы [Власов, 1997, табл. III, 9, 12; IV, 13; VI, 9, 13, 23; VII, 3, 12; VIII, 10, 12, 15, 16, 18], среди них много форм, аналогичных посуде Юго-Западного Крыма.

Лепная посуда могильников Центрального и Юго-Восточного Крыма III–IV вв. н. э. (Нейзац, Перевальное, Дружное, Бор-Кая) обнаруживает большое сходство с сармато-аланской (северокавказской и нижнедонской) посудой, а также керамикой Боспора, что отмечено многими исследователями. Некоторые сосуды имеют сочетание гето-дакийских, черняховских и сармато-аланских приемов в выделке и орнаментации [Высотская, Махнева, 1983, с. 75–79; Дащевская, 1991, с. 29, 30; Власов, 1999, с. 17–20; 1999в, с. 322–371; 2003, с. 98–124; Труфанов, Колтухов, 2001, с. 186, 189, рис. 1, 8, 16, 17, 19; 2, 7, 12, 17; Храпунов, 2002], для многих форм нет прямых аналогий, что может служить аргументом в пользу мнения о формировании в Предгорном Крыму в это время новой археологической культуры.

В Юго-Западном Крыму лепная керамика первых вв. н. э. хорошо представлена на Усть-Альме и Заветном. Лепные сосуды Усть-Альминского городища, наряду с их близостью керамике Неаполя Скифского, обнаруживают большое сходство с посудой сарматской культуры Северного Кавказа, Нижнего Дона и Поволжья [Высотская, 1972, с. 109–111; Дащевская, 1991, с. 19, табл. 26, 9–18]. Экземпляры, найденные на могильнике в последние годы, дополняют ассортимент: это миниатюрные горшочки (рис. 80, 1, 4, 8), сосуд сфероконической формы (рис. 80, 9), светильники-курильницы на высокой ножке (рис. 81, 3, 7, 10; 85, 1–6, 9, 11), курильница в виде полусферической чаши на ножке (рис. 81, 4), кружки и кубки (рис. 80, 5; 82, 1, 3, 4), плошки и различные по объему миски усеченно-конической формы (рис. 81, 2, 4–8; 82, 7). Многие сосуды имеют аналогии в сарматской керамике [Высотская, 1994, с. 82–84; Дащевская, 1991, с. 30, 31, табл. 50, 1; 51, 1, 2, 5; 52, 1, 2, 5, 6, 8]. В детских захоронениях обнаружены миниатюрные лепные амфорки (рис. 80, 7, 10), близки им экземпляры из Северо-Западного Крыма и Боспора [Высотская, 1994, табл. 2, 13; 12, 36; 47, 41], найден и гуттус – подражание гончарной посуде (рис. 80, 6). Среди редких типов – орнаментированная крышка (рис. 82, 5).

Лепная керамика могильников Заветное и Бельбек IV, хотя и немногочисленна, также обнаруживает сходство с сарматской керамикой Прикубанья и Поволжья [Гущина, 1974, с. 39; 1982, с. 22; Богданова, 1989, с. 31, 32, табл. VI, VII].

Характерной особенностью лепной керамики Юго-Западного Крыма (Усть-Альма, Заветное, курган у Братского кладбища, Бельбек IV) являются курильницы различных типов (рис. 83–85), имеющие многочисленные аналогии в древностях среднесарматской и позднесарматской культур [Дащевская, 1991, с. 28, 31, табл. 47, 4–13]. Их широкое употребление как в домашних святилищах (найдены в культурном слое), так и в погребальном обряде, объясняется распространением культа огня у сарматских племен [Смирнов, 1973, с. 166–179].

Лепная керамика последнего периода существования городища Алма-Кермен [Дащевская, 1991, с. 19, табл. 26, 27] представлена преимущественно горшками и корчагами, сделанными из светло-желтой и серой глины, с лощением и без него, иногда с подковообразными налепами. Наиболее многочисленную группу составляют горшки с вытянутым туловом, а также сосуды меньшего размера с низко посаженными ручками. Последняя форма широко представлена в сарматских древностях, а также могильниках Крыма II–III вв. н. э. Встречено несколько сосудов с шаровидным туловом и коническим горлом, а также цилиндрической формы, имеющих аналогии в сарматской культуре.

Наблюдаются определенное слияние традиций гето-дакийской орнаментации и сарматских типов посуды [Высотская, 1972, с. 104–107, рис. 26]. Керамика позднего этапа резко отличается от посуды раннего времени, что выразилось в характере обжига, формах, пропорциях, она гораздо ближе к сарматским типам посуды, чем неапольская [1972, с. 108, 109].

Лепная керамика Юго-Западного Крыма III–IV вв. н. э. имеет свои особенности по сравнению с комплексами из центральных районов полуострова. Здесь сармато-аланские (западнопричерноморские, прикубанские и нижнедонские) формы сочетаются с керамикой северофракийского круга и др., что также свидетельствует о смешанном составе населения, входившего в гето-аланский союз племен [Пиоро, 1990, с. 145–155, рис. 40–45; Ушаков, 1998, с. 146–158; Высотская, 2001, с. 167–174].

Немногочисленны наборы лепной керамики I–III вв. н. э. в Северо-Западном Крыму, поскольку после середины I в. н. э. происходит сокращение населения в регионе, а затем – на рубеже I–II вв. н. э. жизнь на большинстве поселений прерывается [Уженцев, 2001, с. 166]. Тем не менее, из раскопок Калос Лимена опубликованы интересные сосуды из закрытых комплексов этого времени, свидетельствующие о сохранении основных форм лепной керамики предшествующего этапа [Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 173, рис. 96; Уженцев, 1997, с. 196–201, рис. 5; 6, 4]. Для периода II–III вв. н. э. известна лишь керамика с городища Тарпанчи [Щеглов, 1965, с. 145–147, рис. 51; Дащевская, 1991, с. 18, рис. 24], среди которой много горшков и кувшинов с биконическим туловом. Одну из этих корчаг В.П. Власов отнес к изделиям нижнедонского-прикубанского облика, которые, по его мнению, принесли в Крым сарматы [2001, с. 20, 27, рис. 1, 8]. Остальная посуда, в том числе с прочерченными тамгами из Тарпанчи и Кара-Тобе [Щеглов, 1965, с. 146, рис. 51, 6; Павленков, 1996, с. 25–27], находит параллели как в сарматской культуре, так и в керамике Северо-Западного Крыма I в. до н. э. – I в. н. э.

Следует учесть, что для керамического комплекса кочевников, продвинувшихся на значительные расстояния от мест основного обитания, обычно не характерно большое разнообразие форм. В повседневной жизни чаще использовались деревянная, металлическая посуда и другие емкости (меха, бурдюки, твердая оболочка плодов тыкв и др.). В контактных зонах кочевники быстро усваивали керамику аборигенных культур, что хорошо прослежено на примерах сарматов Поднепровья (зарубинецкая культура), Подnestровья (позднелатенские памятники, гето-дакийская и черняховская культуры), Нижний Дон, Прикубанье (меоты), поскольку традиции изготовления лепной посуды, как об этом свидетельствуют этнографические данные, поддерживаются женщинами. Уже на стадии полуоседлого существования вырабатываются новые типы керамики, частично заимствованные у окружающих оседлых народов. В Нижнем Поднестровье керамический комплекс западносарматской культуры сложился под влиянием гето-дакийской и античной посуды, а на заключительном этапе включал и некоторые черняховские формы [Рикман, 1975, с. 57, 58, 63–69, рис. 5–7]. Подобная ситуация вполне вероятна и для Крыма, когда на полуостров постоянно проникали различные по происхождению и прошедшие через разные территории (Нижний Дон, Прикубанье, Северо-Западное Причерноморье) сарматские племена.

Оружие и воинское снаряжение.

Клинковое оружие. До недавнего времени находки мечей и кинжалов в позднескифских могильниках первых вв. н. э. были нечастым событием и представлены всего на нескольких памятниках: Неаполе, Заветном, Скалистом III, Усть-Альме. Раскопки последних десятилетий значительно пополнили коллекцию этой важной категории по-гребального инвентаря.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Классификация, технология, территория распространения и генезис данного типа оружия имеют обширную историографию [см.: Хазанов, 1971, с. 5–14; Скрипкин, 1990, с. 120–125; 2000, с. 26; Абрамова, 1993,

с. 146; Марченко И. И., 1996, с. 54, 55]. В Северном Причерноморье такой тип оружия известен с конца II в. до н. э. и доживает до II–III вв. н. э. [Симоненко, 1984, с. 141, 142]. Так, в некрополе Неаполя меч с наваренным на ручку-штырь кольцевым навершием найден в воинском захоронении III в. н. э. [Бабенчиков, 1949, с. 116–118, рис. 7 б], а в Бельбеке IV – в погребении конца II – первой половины III в. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 164]. В Битакском могильнике короткий меч длиной 50 см (рис. 87, 3) происходит из воинского захоронения начала II в. н. э. [Пуздровский, 2001, с. 134–139, рис. 10, 2]. Два меча и два кинжала обнаружены в Заветном в погребениях I, II и II–III вв. [Богданова, 1989, с. 57–59, табл. XII, 1, 2; 65, 66, табл. 4].

Наиболее представительна серия из Усть-Альминского могильника. Из раскопок 1968–1977 гг. опубликованы три экземпляра длиной 45–53 см: два в комплексах I в. н. э., один – рубежа I–II вв. н. э. [Высотская, 1994, с. 86–88, рис. 28, 1–3; табл. 31, 33; 39, 13; 43, 34]. Исследования 1993–2001 гг. позволили дополнить этот список еще целым рядом находок. Наиболее ранние экземпляры происходят из комплексов середины I в. н. э. Такое оружие обнаружено с несколькими наконечниками стрел и конской уздой в склепе 690 (рис. 86, 1). В нижнем ярусе склепа 590, в мужском погребении 21, вместе с комплектом вооружения из двух луков и колчанного набора из 50 стрел, найден кинжал в деревянных ножнах, обтянутых тонкой красной кожей. Богатые воинские захоронения склепа 612 сопровождали два меча длиной 57 и 58 см (рис. 88, 1, 2). Склеп 777 с шестью воинскими захоронениями дал еще три экземпляра мечей длиной 40, 45 и 55 см (рис. 87, 1, 2). В склепе 620 середины – третьей четверти I в. н. э. меч-кинжал общей длиной 37,5 см находился в деревянных ножнах, которые украшала прямоугольная полоска золотой фольги размером 21×1,6 см (рис. 88, 3). Оформление ножен и рукояти золотыми пластинами характерно для парадных мечей раннесарматского времени Нижнего Поволжья [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138–148], но наиболее близок альминскому меч с бронзовым волютообразным навершием и золотой накладкой на ножны в форме ивового листа из кургана 17/1 Барановки [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 43, 44, рис. 26], датирующийся не позже рубежа I–II вв. н. э.

Обломки двух мечей обнаружены в разграбленных воинских захоронениях второй половины I в. н. э. в склепах 629 и 630. В могиле 711 последней четверти I в. н. э. зачищен хорошо сохранившийся меч длиной 45 см (рис. 86, 3). Еще один экземпляр длиной 41 см был найден в склепе 619 с инвентарем того же времени (рис. 88, 4). Клинки рассматриваемого типа обнаружены также в склепе 715 – кинжал длиной 22,5 см, а в могиле 719 – меч длиной 50 см (рис. 86, 2). Из разграбленного в древности склепа 316 происходит меч длиной 48 см и обломки трех кинжалов. Все комплексы датируются рубежом I–II или началом II в. н. э.

В могиле 700 (второй четверти II в. н. э.) лежал парадный меч длиной 50 см в деревянных ножнах с четырьмя лопастями у перекрестия и в нижней части клинка, украшенными бронзовыми бляхами с позолотой (рис. 87, 5). Наиболее хронологически близкие параллели оформлению ножен обнаружены в Степном Подонье (могильник Центральный VI, курган 16, погр. 8), где лопасти не сохранившихся деревянных ножен были украшены крупными серебряными полусферическими бляшками [Безуглов, 1988, с. 103, рис. 1, 1; 2, 14]. Богато орнаментированные ножны и лопасти известны в сарматских погребениях I в. н. э.: курган № 1 у Зубовского хутора [Гущина, Засецкая, 1989, с. 73, 74, 115, 116, табл. XI, 118, 119, 124], погребение 4 в Тилля-Тепе [Сарианиди, 1983, с. 80–88, рис. 45–50], курган у г. Азова [Беспалый, 1992, с. 185–187, рис. 11, 12], Косика [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 157, рис. 10], Горгиппия, склеп 2, саркофаг 2 [Шедевры … 1987, с. 61, 68, 165–166, рис. XLVI, кат. № 250]. Большинство исследователей признают прототипами таких ножен деревянные модели из Горного Алтая [Скрипкин, 1990, с. 206, 207; Симоненко, Лобай, 1991, с. 40–41; Беспалый, 1992, с. 190].

Таким образом, в Усть-Альминском некрополе известно более 20 захоронений с мечами и кинжалами рассматриваемого типа, которые сопровождались характерным ин-

вентарем среднесарматской и позднесарматской культуры. Еще большее количество экземпляров (в обломках) происходит из разграбленных могил.

Мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестья. Этому типу клинов также посвящено много работ [Хазанов, 1971, с. 15–27; Скрипкин, 1990, с. 126–133; Абрамова, 1993, с. 148, 162; Марченко И. И., 1996, с. 56–59]. А.В. Симоненко на территории Северного Причерноморья выделяет такое оружие в тип мечей и кинжалов с рукоятью-штырем [1984, с. 142–145] и полагает, что у поздних скифов они широко распространяются с I в. н. э., получив развитие от латенских образцов [1986, с. 52]. Для сарматских территорий генезис этого оружия разработан К.Ф. Смирновым [1980, с. 40–43], допускается влияние «синдо-меотской» традиции на формирование мечей без навершия у сарматов, когда они контактировали с меотами в Прикубанье [Симоненко, 1986, с. 53].

В позднескифских могильниках раннего этапа это оружие встречается нечасто. В качестве прототипов обычно называют мечи конца I в. до н. э. – рубежа н. э. из ящика XXXII мавзолея [Погребова, 1961, рис. 34, 1] и склепа 38 Беляуса [Дашевская, 1991, табл. 61, 10]. Как меч из мавзолея, так и фрагмент из Кольчугино, связываются с влиянием сарматских традиций [Погребова, 1961, с. 116; Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 97, 98, рис. 19, 3]. Единичность таких находок и сомнительность их эволюции от латенских экземпляров не позволяют считать данный тип мечей «позднескифским» [Симоненко, 1986, с. 52, 55, 56], тем более, что длинные мечи без навершия и перекрестья известны в раннесарматских погребениях I в. до н. э. [Раев, 1979, с. 260–262; Симоненко, 1984, с. 145], а возможно, и более раннего времени [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 103, рис. 80, 8].

Значительно возрастает количество рассматриваемых мечей после середины I в. н. э. В Неапольском могильнике один экземпляр обнаружен в комплексе II в. н. э. [Симонович, 1983, с. 73, табл. XIV, 6], в Битакском – длинный меч (рис. 88, 6) и два кинжала – в воинских и детском захоронениях начала II в. н. э. [Пуздровский, 2001, с. 124–133, рис. 3, 2; 5, 3; 7, 10]. В Заветном такое оружие длиной 50–52 см обнаружено в трех погребениях II в. [Богданова, 1989, с. 59, 65, табл. XXII, 3, 4], тем же временем датируются кинжалы длиной 20 и 23 см из могильника Бельбек IV [Гущина, 1982, с. 26, рис. 10, 49; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 183, рис. 9, 1, 2].

Достаточно представительная серия происходит из Усть-Альмы. Меч длиной около 80 см из могилы 14 датируется не ранее конца I в. н. э. [Высотская, 1994, с. 88, табл. 2, 21]. Обломки четырех мечей длиной 80–90 см обнаружены в склепах 315 и 316 I–II вв. н. э. Три кинжала длиной 24, 26 и 33 см происходят из склепа 438 первой половины II в. (рис. 87, 6), два меча длиной 72 и 106 см обнаружены в нижнем ярусе склепа 439 и датируются около середины I в. н. э. (рис. 88, 7, 8). Клинок длиной 109 см (с ручкой) найден в верхнем ярусе склепа 619 – не ранее рубежа I–II вв. н. э. (рис. 88, 5). Обломки двух мечей происходят из разграбленных в древности склепов 557 и 570 начала II в. н. э., а в склепе 650 – меч длиной 42 см сохранился достаточно хорошо. В склепе 703 последней четверти I в. н. э. было три воинских захоронения, причем одно – женское. В мужских найдены меч длиной около 44 см и кинжал длиной 25,5 см, в женском – кинжал длиной 25 см. Среди материалов из разграбленных склепа 736 и могилы 737 есть обломки пяти клинов, один из них – с длинной ручкой-штырем. В склепе 750 у правого плеча единственного уцелевшего погребения второй половины I в. н. э. найден кинжал длиной 26 см. Среди клинов склепа 777 середины I в. н. э. есть один кинжал длиной около 27 см.

Наиболее поздние экземпляры (первая половина III в. н. э.) происходят из захоронения сармато-аланского воина на Усть-Альминском городище [Высотская, 1994, с. 145, рис. 42] и погребения всадника с бронзовыми шпорами и деталями конской узды из могилы 28 Скалистого III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146, рис. 8, 52]. Такое оружие характерно для сармато-аланских погребений второй половины III–IV вв. н. э. (Бельбек I, Инкерман, Черная речка, Озерное III и др.).

Таким образом, хотя позднескифские мечи без металлического навершия и перекрестья появляются еще на раннем этапе (Беляус; Неаполь, мавзолей), заметное увели-

чение количества такого оружия происходит лишь в середине – второй половине I в. н. э. Поскольку большая часть мечей и кинжалов датируется временем после рубежа I–II вв., следует признать, что основное направление развития их было таким же, как у сарматов и на Боспоре [Сокольский, 1954, с. 154; Хазанов, 1971, с. 15–27].

Мечи и кинжалы с перекрестием и без навершия. Количество такого оружия невелико, но показательно. Пока все известные экземпляры происходят из раскопок Усть-Альминского могильника. Так, в склепе 120 с материалами второй половины I – первой половины II в. обнаружен меч длиной около 55 см с прямым перекрестием и массивной ручкой [Высотская, 1994, с. 88, табл. 38, 21]. Похожий по конструкции меч длиной 40 см с прямым перекрестием найден в нижнем ярусе склепа 449 конца I в. н. э. У кинжала с прямым перекрестием длиной 29 см из нижнего яруса склепа 618 второй половины I в. н. э. ручка могла быть подвернута починке, а кольцевое навершие утрачено (рис. 87, 7). В пользу последней версии свидетельствует находка двух бронзовых полусферических блях, которые обычно входили в конструкцию ножен этого типа (см. выше).

Наибольший интерес представляет экземпляр из склепа 777. Здесь, у правого бедра погребения 1 лежал меч с кольцевым навершием (рис. 87, 2), а вдоль левой стороны – длинный меч (92 см) с рукоятью-штырем и ромбовидным перекрестием (рис. 87, 8). Меч находился в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Рядом найден железный нож, очевидно, крепившийся к ножнам, а у рукояти – железная пряжка и янтарные бусы дисковидной формы – конструктивные детали портупеи. Эту группу оружия недавно подробно рассмотрел А.С. Скрипкин и пришел к выводу, что его древнейшими прототипами являются образцы китайского клинкового оружия, а в эпоху Хань, начиная со II–I вв. до н. э., оно поступало к окружающим кочевым народам либо изготавливалось по китайским образцам [2000, с. 17–24]. Альминская находка чрезвычайно близка как некоторым экземплярам, найденным в сарматских комплексах, так и обнаруженных на сопредельных территориях, особенно с асимметрично посаженной ручкой [Скрипкин, 2000, рис. 1, 1, 6, 7, 13, 14, 19; 2, 2, 6]. Территориально наиболее близкий меч происходит из нижнеднепровского могильника Золотая Балка [Вязьмитина, 1972, с. 121].

Редкий экземпляр биметаллического оружия обнаружен на Усть-Альме в 1996 г. Из отвала разграбленного склепа был поднят обломок меча с литым бронзовым брусковидным перекрестием. Ширина клинка у основания 5 см, и, надо полагать, его общая длина была около 50 см (рис. 87, 4). Биметаллическое оружие с антенновидным (волютообразным) навершием известно в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, в том числе один кинжал – с бронзовым перекрестием [Федоров-Давыдов, 1980, с. 235–238; Скрипкин, Мамонтов, 1977, с. 235–238; Скрипкин, 1990, с. 126], а длинные мечи с бронзовым ромбовидным перекрестием датируются преимущественно среднесарматским временем [Скрипкин, 1990, с. 130–132].

Кинжал с прямым перекрестием и «рожковидным» навершием. В 1993 г. вместе с обломками еще трех мечей в разграбленном склепе 315 найдены крупные фрагменты кинжала с прямым перекрестием и навершием в виде загнутых в противоположные стороны отростков. Общая длина экземпляра – 40 см. А.С. Скрипкин вслед за А.М. Мандельштамом называет такие навершия «рожковидными» и полагает, что оружие этого типа в Азиатской Сарматии было наиболее поздним вариантом мечей с серповидным навершием и прямым перекрестием, аналогии которому известны в могильниках Бактрии конца I в. до н. э. – начала н. э. [Скрипкин, 1990, с. 119; Мандельштам, 1966, с. 103–110; 1975, с. 137–139]. Не исключено, впрочем, что такую форму альминское навершие приобрело вследствие переделки из более простой конструкции – кольца. Эта же версия возможна и для кинжала с навершием в виде бруска (стержня), наваренного (?) перпендикулярно ручке (рис. 108, IV) из погребения «аланского военачальника» на Неаполе [ср.: Высотская, 1979, с. 201–203; Зайцев, 2003, рис. 119, 1].

Дротики и копья. Находки копий и дротиков в позднескифских могильниках первых вв. н. э. немногочисленны по сравнению с предшествующим периодом. Исключение

составляет лишь Усть-Альминский некрополь, на котором в последние годы открыт ряд комплексов с этим видом наступательного оружия.

Наконечники копий представлены тремя типами: 1) с короткой втулкой и листовидным пером, 2) с относительно длинной втулкой и листовидным пером, 3) с короткой втулкой и «остролистным» пером. У всех экземпляров сечение пера линзовидное.

К первому типу принадлежит наконечник из нижнего яруса склепа 424-А Усть-Альминского некрополя, датируемый по горизонту серединой – третьей четвертью I в. н. э. Общая длина – около 20 см, втулки – 4,5 см, наибольшая ширина пера – 3,7 см, верхняя часть его согнута (рис. 89, 7). Еще один экземпляр из среднего яруса этого склепа (424-А/9), вероятно, также относится к этому типу, но хуже сохранился. Наиболее ранний вариант (I в. до н. э.) известен в Битакском могильнике (рис. 89, 5).

Второй тип представлен копьем из подбийной могилы 383 Усть-Альминского некрополя с инвентарем конца II – начала III в. н. э. (рис. 89, 8). Общая длина – 28 см, пера – 15 см, диаметр втулки – 2,5 см, наибольшая ширина пера – 3,7 см. К этому типу относится и втулка копья длиной около 20 см из склепа 13 II–III вв. н. э. на участке некрополя Неаполя, исследованного В.П. Бабенчиковым [1957, с. 129, табл. VI, 14].

Оба типа наступательного оружия известны у сарматов первых вв. н. э., хотя встречаются преимущественно в Прикубанье и на Нижнем Дону [Хазанов, 1971, с. 47, 48, табл. XXVI; XXVII, 1–4; Максименко, 1998, с. 135, 136, рис. 77, 1, 2].

Третий тип отличается от предыдущих в основном «остролистной» формой пера (ширина 2,5–2,8 см). Втулка преимущественно короткая (7–10 см), в трех случаях на конце ее проследена муфта (валик). Характерно, что пока все известные экземпляры происходят из погребений II–III вв. н. э. Наиболее ранние (первая половина – середина II в.) найдены в Усть-Альме: в могиле 133, длиной 17,5 см [Высотская, 1994, с. 87, 88, рис. 28, 8; табл. 44, 39], склепе 316, длиной 22 см (рис. 89, 10), могиле 493, длиной 28 см (рис. 89, 12), могиле 848, длиной 32 см (рис. 86, 7), могиле 858, длиной 37 см (рис. 86, 4). Второй половиной II – началом III в. н. э. датируются наконечники из могил 383, длиной 23 см (рис. 89, 8) и 480, длиной 20 см (рис. 89, 11).

Наконечники третьего типа по своим морфологическим особенностям являются промежуточным вариантом между экземплярами с «листовидным» и «ланцетовидным» пером. С последними, широко представленными на меотских территориях в IV–I вв. до н. э., некоторые альминские экземпляры сближает уплощенная форма пера [Хазанов, 1971, с. 48, табл. XXVII, 5, 6].

Дротики. Малочисленность и плохая сохранность этого вида вооружения не позволяют представить их типологию. Все известные экземпляры происходят из Усть-Альмы: в склепе 92 (втор. пол. I в. до н. э. – I в. н. э.) найдены наконечники длиной с втулкой около 30 см и 13,5 см [Высотская, 1994, с. 87, 88, рис. 28, 7, 9; табл. 29, 34; 31, 30], а в склепе 634 (перв. пол. II в. н. э.) – обломок круглого в сечении дротика-пики длиной 14 см (рис. 89, 6). Последнему, вероятно, близок дротик из подбийной могилы 12 (перв. пол. I в. н. э.) могильника Кольчугино [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 88, 98, рис. 25, 4].

Данный тип оружия, как было отмечено в предыдущей главе, получил широкое распространение в V–IV вв. до н. э. в Лесостепной Скифии, в Прикубанье, Подонье, но у сарматов первых вв. н. э. дротики встречаются редко [Хазанов, 1971, с. 50; Ильюков, 2000, с. 108, рис. 18, 7, 8].

Во всех зафиксированных случаях древки копий и дротиков были уложены в могилу либо сломанными, либо их длина не превышала 1,5–2 м. В пяти случаях наконечники лежали по оси скелета: три у правого плеча, острием в том же направлении, что и голова покойника (383, 480, 493), два – у правой бедренной и берцовой кости в направлении ступней (848 и 381), один – у бедра, острием в сторону черепа (424 А/9). Показательно, что в склепе 96 некрополя Неаполя Скифского в погребении I в. до н. э. наконечник копья также найден справа от скелета, а длина древка, судя по размерам могилы, не превышала 2 м [Сымонович, 1983, с. 85]. Древко копья в могиле 8 могиль-

ника Кольчугино (первая половина I в. н. э.) было сломано у основания втулки, а в могиле 12 наконечник лежал возле правого плеча погребенного, предполагаемая длина древка – около 2 м [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 82, 98, рис. 6, 4; 9.2:1; 18, 17; 25, 4]. В склепе 634 Усть-Альмы обломок дротика обнаружен под тазом умершего, т. е., возможно, он и явился причиной смерти.

Небольшое количество находок наконечников копий в сарматских погребениях А.М. Хазанов объясняет особенностями погребального обряда, а также тем обстоятельством, что из-за большой длины всаднического копья оно не помещалось в могилу, хотя это оружие, исходя из письменных источников, в первые века н. э. было одним из основных в сарматском войске [1971, с. 44–46].

Пути формирования позднескифских наконечников копий в первые века н. э. проследить трудно из-за небольшого количества сравнительного материала [Симоненко, 1986, с. 94, 95], хотя, например, в Прикубанье это оружие представлено хорошо – по форме оно близко меотскому [Гущина, Засецкая, 1994, с. 9]. Есть наконечники копий в среднесарматских и позднесарматских погребениях Нижнего Дона [Скрипкин, 1989, с. 174, рис. 1, 19; Беспалый, 1990, с. 220, рис. 5, 14; Косяненко, 2000, с. 91, рис. 1, 13; Максименко, 1998, рис. 77]. В целом, у населения Крымской Скифии в I–III вв. н. э. преобладали короткие копья с небольшими по размерам наконечниками, характерными для вооружения легкой конницы и пехоты.

Судя по находкам наконечников копий в могильниках IV в. н. э. [Блаватский, 1951, с. 268, рис. 10, 3; Мыц, 1987, рис. 5, 7, 8; 6, 5; Мыц, Лысенко, Семин, Тесленко, Щукин, 1997, рис. 116, 5; 119, 2; Храпунов, 2002, с. 44, рис. 142:3, 8; 144:9; 148:6], это оружие было известно у племен гото-аланского союза, да и в черняховской культуре представлено достаточно хорошо [Магомедов, Левада, 1996, с. 308–309, рис. 6].

Железные топоры. Из дореволюционных раскопок (1888–1889 гг.) Неаполя известна секира с расширенным краем в форме полумесяца и с киркообразным обушком [Сымонович, 1983, рис. 5, 30]. Топор с клиновидным лезвием и массивным обухом [Дашевская, 1991, с. 35, табл. 60, 27], скорее всего, является «секирой» из впускного погребения I–II вв. в кургане № 3 у с. Долинное (б. имение Ревелиоти), исследованном Ю.А. Кулаковским [ОАК 1895 г., с. 18, рис. 35]. В 1978 г. в подбойной могиле 38 Неаполя (конец I – перв. пол. II в. н. э.) обнаружен топор-молот 17×4 см (рис. 89, 1) с узким лезвием (4 см) со скошенным краем и оттянутым книзу обушком (2×3 см). Топор-тесло (15×4,3 см) найден у левой ноги покойного в подбойной могиле 29/1 Битакского могильника, датируемой II в. н. э. (рис. 89, 2). В Усть-Альме, в могиле 132 (вторая половина II в. н. э.) обнаружен топор-молот длиной 20 см с «серповидным» [Высотская, 1994, с. 88, рис. 44, 9] или «широким симметрично раскованным» [Симоненко, 1986, с. 95] лезвием шириной 7 см и квадратным обушком 2×2 см. В подбойной могиле 741 первой половины II в. н. э. топор-тесло 13×6 см с рукоятью длиной 0,35 м лежал на правой руке. Находки топоров-тесел и клевцов известны в позднесарматских погребениях [Мошкова, 1978, с. 72, библ.; рис. 2, 3; Беспалый, 2000, с. 159, рис. 3, 3] и «Золотом кладбище» [Гущина, Засецкая, 1994, с. 34, табл. 10, 97; 48, 467]. Все экземпляры, помимо хозяйственного назначения, могли употребляться в качестве боевых.

Миниатюрный железный топорик (7×2×3) найден у правого бедра умершего в могиле 631 середины III в. Усть-Альмы (рис. 89, 3), еще меньший экземпляр (5×1,5×2 см) обнаружен в могиле 21 первой половины III в. н. э. Неаполя (рис. 89, 4). Обе находки, скорее всего, были символом власти или принадлежности к воинскому сословию. О ритуальном значении свидетельствует находка топора-тесла в комплекте с культовыми предметами из богатого сарматского погребения кургана 10 Кобяковского могильника [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 152, рис. 3, 4].

Применение боевых топоров у сарматов, как и в скифскую эпоху, было минимальным [Хазанов, 1971, с. 51; Мелюкова, 1989, с. 94], хотя у племен черняховской культуры

они известны в большом количестве [Магомедов, Левада, 1996, с. 307, 308, рис. 5]. В крымских погребениях IV в. н. э. топоры представлены также достаточно хорошо – в могильнике у дер. Мангуш [Высотская, 1972, с. 87, 88, 150, рис. 24], в Чатырдагском некрополе [Мыш, 1987, с. 154, рис. 6, 2], Хараксе [Блаватский, 1951, с. 266, 270, рис. 10, 4; 11, 1], Дружном [Храпунов, 2002, с. 47, рис. 72:3; 122:4; 207:1].

Луки и стрелы. До недавнего времени был известен всего один лук «двойной кривизны с перехватом в центре» из цельного куска дерева, размером 90–95 см, найденный вместе с 10 стрелами в погребении 120/10. Древки стрел были отломаны от наконечников, их сохранившаяся длина – 30 см, толщина – 5,5–9 мм; четыре древка (без наконечников) найдены в погребении 120/7 [Высотская, 1994, с. 89, рис. 28, 15; табл. 40, 15]. Уникальная сохранность дерева позволила получить в 1995 г. целую серию простых луков: в погребении 34 склепа 520 поверх костей правой ноги лежал фрагмент (половина?) изогнутого деревянного стержня длиной 40–45 см, рядом – железный черешковый наконечник стрелы, а над погребениями ярусов 9–10 – пять стрел с железными черешковыми наконечниками и остатками древок с выемками для тетивы, одно из которых было окрашено в голубой цвет (рис. 90, II). В склепе 550 в погребениях 3 и 4 вдоль левой стороны скелета лежали изогнутые деревянные стержни длиной 0,98 и 1,15 м с утолщениями на концах (рис. 90, I), а в погребении 14 – концевые части с отверстиями, вероятно, для крепления тетивы (рис. 90, IV). В нижних ярусах склепа 590 (около середины I в. н. э.) в погребении 12 деревянные части лука общей длиной около 80 см лежали на костяке, вдоль левой руки и ноги, 4–5 древков (длина 45 см) с наконечниками, направленными в сторону стоп, найдены в области таза, еще одно древко (без наконечника) лежало между стоп, острием к тазу (рис. 90, III), вдоль правой берцовой кости защищены остатки кожаного футляра с деревянными стержнями. В воинском погребении 590/21 два лука длиной 1,15–1,2 м лежали вдоль левой стороны скелета, здесь же, у ноги, обнаружен колчан (сохранились обрывки красной кожи), в котором находилось около 50 древков стрел длиной 50 см с железными трехлопастными черешковыми наконечниками (рис. 70, III).

Среди остатков колчана в погребении 612/3 найдена оплетка стрелы из бронзового круглого в сечении стержня длиной 36 см и диаметром 0,2 см (рис. 93, 7).

Материал, из которого изготавливались древки, способы крепления с наконечниками, внешнее оформление хорошо прослежены на памятниках сарматской культуры [Хазанов, 1971, с. 42]. В комплексах Усть-Альмы также сохранились фрагменты концевых частей древков с утолщениями и вырезами для наложения тетивы (склепы 520, 590), а также наконечники с остатками обмотки сухожилиями у основания (склеп 730).

Колчаны. Сохранность органических материалов Усть-Альмы позволяет реконструировать форму и размеры колчанов. Судя по находке в склепе 777 спекшихся наконечников с остатками древесного тлена (рис. 93, 6), а также исходя из длины стрел 45–50 см и учитывая, что деревянная коробка могла закрываться крышкой, такие колчаны имели цилиндрическую или усеченно-коническую форму диаметром 12–15 см длиной 60–70 см, что сближает их с колчанами среднесарматской культуры [Хазанов, 1971, с. 43]. Наряду с деревянными существовали кожаные колчаны цилиндрической или прямоугольной формы, либо из бересты, обтянутой тонкой кожей. Последняя обычно окрашена в красный цвет – так же, как это прослежено в Порогах и других сарматских погребениях [Симоненко, Лобай, 1991, с. 46, 47; Хазанов, 1971, с. 43].

Необходимо отметить полусферическую костяную застежку 3,5x1,2 см из склепа 730, найденную среди остатков деревянного колчана вместе с наконечниками стрел (рис. 91, 4). Близкая по форме и, вероятно, по назначению костяная выпуклая пронизь обнаружена в воинском погребении 848 вместе с наконечниками стрел (рис. 91, V). Аналогичные костяные диски, украшавшие колчан, обнаружены в комплексе I в. н. э. в Нижнем Подонье [Максименко, 1998, с. 134, рис. 71, 2, 3]. Такие предметы, известные у хунну и на сопредельных центральноазиатских территориях [Могильников, 1992, с. 264,

табл. 105, 8; Пшеницына, 1992, с. 231, 232, табл. 94, 65], принято считать «кольцами для натягивания тетивы». А.М. Хазанов полагает, что кольца, изображенные на колчане из Дура-Европос, надевались на большой палец при натягивании лука [1971, с. 43, табл. XVI, 4]. Среди колец Усть-Альмы опубликованы два экземпляра из кости с продольным желобком [Высотская, 1994, с. 115, табл. 27, 17; 38, 9]. Такие костяные и деревянные кольца обнаружены в захоронениях детей и подростков и в последние годы. Костяные: два одинаковых в склепе 348/19 и по одному в склепах 736 и 750. Деревянные: два в склепе 424-А, по одному в склепах 439/14, 450/7 и могиле 485-А.

Колчаны обычно расположены слева от костяка, чаще в ногах (склепы 590, 612, 715, 730), поскольку справа находился меч или кинжал, но есть случаи положения колчана справа, также в ногах (590/12, 620/2), либо слева вдоль руки (могила 848). Оба варианта известны у сарматов I в. до н. э. – I в. н. э. [Хазанов, 1971, с. 43]. Колчаны крепились к поясу с помощью портупеи, в склепах 612 и 620 прослежены многочисленные металлические детали (рис. 91, I-III), находящие аналогии в памятниках сарматской знати I в. н. э. [Симоненко, Лобай, 1991, с. 22, 23, рис. 13; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 157–159, рис. 11; Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис. 6, 5–7].

Наконечники стрел. Найдены наконечники стрел в могильниках первых вв. н. э., в отличие от раннего периода, до недавнего времени были достаточно редкими. Бронзовые наконечники архаизирующих типов использовались в качестве амулетов. Так, в подобных могилах Неаполя известны два двулопастных наконечника с шипами на втулке [Сымонович, 1983, с. 85, табл. XVI, 1, 2], втульчатые экземпляры обнаружены раскопками 1978 г. в склепе 9 второй половины I – начала II в. н. э. и могиле 43 II в. (рис. 92, 1, 11). Трехлопастный втульчатый наконечник найден в могиле 160 Битакского могильника с инвентарем второй половины II в. н. э. (рис. 92, 2). К этой группе примыкают четыре наконечника из раскопок Усть-Альмы 1968–1977 гг. [Высотская, 1994, с. 130]. В 1993–2002 гг. список пополнился следующими комплексами: в могиле 384 рубежа I–II вв. (с погребением ребенка) среди амулетов лежал трехгранный наконечник (рис. 92, 3), в детской могиле 404 рубежа I–II вв. среди набора амулетов находился трехлопастный втульчатый экземпляр (рис. 92, 4), в могиле 432 втор. пол. I в. н. э. также в комплекте с оберегами найден двулопастный наконечник с шипом на втулке (рис. 92, 9) жаботинского типа (раннескифского времени), в погребении 5 склепа 450 (около середины I в. н. э.) – трехлопастный втульчатый (рис. 92, 5), в разграбленной могиле 764 II в. н. э. обнаружен трехгранный, со скрытой втулкой наконечник, использовавшийся в качестве подвески (рис. 92, 6). Среди инвентаря детского погребения 7 в склепе 777 лежал трехлопастный втульчатый наконечник с обломанным шипом (рис. 92, 7). Вместе с набором амулетов, римской бронзовой посудой и курильницами в разграбленном в древности склепе 844 найден бронзовый втульчатый двулопастный наконечник цимбальского типа (предскифского времени) с заполированными лопастями и просверленной втулкой (рис. 92, 8).

Железный трехлопастный втульчатый наконечник вытянутых пропорций (рис. 91, 10) из склепа 603 середины–третьей четверти I в. н. э. с захоронением «жрицы», вероятно, также использовался в магических целях. В альминских колчанных наборах второй половины I – начала II в. н. э. такие наконечники пока не встречены. Достаточно редки они в богатых среднесарматских захоронениях Подонья [Беспалый, 1992, с. 177, рис. 1, 10; Максименко, 1998, с. 133, 134, рис. 68, 3, 4, 16], но характерны для комплексов I–начала II в. н. э. Прикубанья и Предкавказья, сочетаясь с черешковыми наконечниками [Абрамова, 1987, с. 148–152; Гущина, Засецкая, 1994, с. 10].

Наконечники архаизирующих типов известны в качестве амулетов на протяжении всей сарматской эпохи [Погребова, 1961, с. 116, 206; Сымонович, 1983, с. 85; Дащевская, 1991, с. 34; Хазанов, Черненко, 1979, с. 20–21; Яценко С.А., 1993а, с. 76, 77; Гущина, Засецкая, 1994, с. 10].

Железные черешковые наконечники стрел в позднескифских комплексах первых вв. н. э. Крыма встречались раньше в небольшом количестве. Так, в некрополе Неаполя

все стрелы найдены в могилах с инвентарем до рубежа н. э. [Сымонович, 1983, с. 85]. Лишь в Битаке, в могиле 138/1 крупный трехлопастный наконечник с опущенными жальцами обнаружен с вещами второй половины I в. н. э. (рис. 92, 21), а три экземпляра из воинского захоронения в могиле 120 (рис. 92, 13–15) – в комплексе первой четверти II в. н. э. [Пуздровский, 2001, с. 130, 133, рис. 7, 5]. Всего четыре находки известны из раскопок Заветненского могильника [Богданова, 1989, с. 59].

На Усть-Альме (раскопки 1968–1977 гг.) среди 15 экземпляров только 10 найдены при одном погребении (120/10), остальные – по одному в могиле [Высотская, 1994, с. 89]. Другая картина открылась исследованиями этого памятника в последние годы. Так, в разграбленном склепе 316 зафиксированы 13 экземпляров, из которых 10, очевидно, принадлежали одному набору (рис. 92, 16–20), два наконечника найдены в детской могиле 332 (рис. 92, 24, 25), один – в нижнем ярусе склепа 348/58 – около середины I в. н. э. (рис. 92, 22). Шесть наконечников обнаружены в склепе 424 А с материалами середины – второй половины I в., пять – в могиле 433 рубежа I–II вв. н. э. (рис. 92, 26, 27), два и один – в нижнем ярусе склепа 449 (около середины I в. н. э.) – погребения 5 и 14 (рис. 92, 28, 29). В детской могиле 547 рубежа I–II вв. среди амулетов лежал массивный трехлопастный наконечник (рис. 92, 34), один экземпляр найден в ногах погребения 34 склепа 520 (рис. 92, 30), по нескольку штук обнаружены вместе с остатками луков (рис. 90, II, III). Среди материалов разграбленного в древности склепа 557 встречены два наконечника (рис. 92, 32, 33), по одному экземпляру – в могилах 736, 737, 794, 826 а, склепе 777/5 (рис. 86, 5, 6; 92, 12, 35, 36). В трех последних случаях они могли явиться причиной смерти, так как обнаружены при разборке костяков.

В 1995–1996 гг. впервые найдены колчанные наборы. Так, у стоп погребения 590/21 защищены около 50 наконечников, в погребении 612/1 – около 120 стрел с остатками древков [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 8, 3], а в погребении 612/3 их было 97, прослежены пять пучков по 18–20 шт., каждый из которых был обернут органическим материалом (береста?). В богатом мужском погребении 2 склепа 620 колчанный набор состоял из 76 стрел (рис. 93, 8; 94, 25–27), а в разграбленном в древности склепе 616 сохранились 17 наконечников (рис. 93, 9; 94, 23, 24). В углу камеры склепа 650 с материалами середины–третьей четверти I в. н. э. найдены восемь экземпляров, из них пять спеклись, т. е. наверняка были в наборе. В 1999 г. обнаружены два комплекта: один состоял из крупных наконечников (41 шт.) – в склепе 715 рубежа I–II вв. (рис. 94, 28–62), второй представлен наконечниками (92 шт.) средних размеров (рис. 93, 10; 94, 1–22) из разграбленного в наше время склепа 730 середины–третьей четверти I в. н. э. В склепе 777, слева от погребения 1, защищен набор наконечников (рис. 93, 6), в котором, судя по реконструкции диаметра колчана (12 см) и сохранившихся скопившихся экземпляров (146 шт.), могло быть до 180 стрел.

Железные черешковые трехлопастные наконечники представлены четырьмя типами, классификация которых достаточно хорошо разработана.

Тип 1. С лопастями, срезанными под прямым углом к основанию. Выделяются два варианта.

Вариант А. Лопасти плавно скруглены. Встречены как небольшие экземпляры с длиной пера 2–2,5 см (рис. 94, 1, 3, 20, 22), так и достаточно крупные (рис. 94, 55).

Вариант Б. Лопасти треугольной формы. Помимо обычных (рис. 94, 2, 4, 5, 7, 15, 21, 42), есть экземпляры вытянутых пропорций (рис. 94, 31, 33, 47), либо приостренные в последней трети длины (рис. 94, 40, 43, 44). В большинстве комплексов представлены наконечники с длиной пера 2,5–3,0 см, но в колчанном наборе из склепа 715 имеются очень крупные экземпляры длиной 4,5–5,0 см при ширине до 2 см (рис. 94, 30), а два – с массивным черенком и намечающейся муфтой (рис. 94, 38, 39).

Оба варианта известны у сарматов [Хазанов, 1971, с. 37, 38, табл. XIX, 22–24; Скрипкин, 1990, с. 72, рис. 23, 75, 76; 24, 1–32; Максименко, 1998, с. 133, рис. 68–70;

Симоненко, Лобай, 1991, с. 14, 45, 46, рис. 7, 2, 4], в Прикубанье [Марченко, 1996, с. 62, рис. 17, 55, 56, 58], в Предкавказье [Абрамова, 1993, с. 148, рис. 57, 9, 11, 12].

Тип 2. С лопастями, срезанными под тупым углом к основанию. Таких экземпляров немного, угол отклонения от прямого невелик, длина пера 2,5–3,0 см (рис. 93, 10; 94, 59). Достаточно редки они на сарматских территориях [Хазанов, 1971, с. 38, табл. XIX, 27, 28; Скрипкин, 1990, с. 72, рис. 23, 66, 67; Максименко, 1998, рис. 70, 3], но хорошо известны в Средней Азии [Брыкина, Горбунова, 1984, с. 29, рис. 11–13].

Тип 3. С лопастями, срезанными под острым углом к основанию.

Вариант А. Жальца опущены незначительно, размеры пера 2,5–3,0x1,2–1,5 см (рис. 94, 3, 23, 32, 34, 41, 51, 56, 62). Такие наконечники встречаются у сарматов [Хазанов, 1971, с. 38, табл. XIX, 25, 26; Скрипкин, 1990, с. 72, 73, рис. 24, 33–47; Максименко, 1998, рис. 68], несколько экземпляров обнаружены в Прикубанье и Центральном Предкавказье [Гущина, Засецкая, 1994, с. 10, кат. 141, 152, 219/2; Ждановский, 1988, с. 60, рис. 3, 14, 15; Абрамова, 1993, рис. 35, 12; 57, 10; Марченко И. И., 1996, с. 66, 67, рис. 17, 57, 60], нередки они в Средней Азии [Брыкина, Горбунова, 1984, с. 28, рис. 1–4], откуда, видимо, и происходят [Литвинский, 1965, с. 77–81].

Вариант Б. Жальца опущены сильно. В могилах 120 и 138/1 Битака) встречены крупные наконечники – 3,5–4,0x2,0 см (рис. 92, 13, 15, 21), а в склепе 715 Усть-Альмы – редкой формы – с заостренными и загнутыми к черенку жальцами (рис. 94, 29). Такие наконечники, найденные на сарматских территориях [Хазанов, 1971, табл. XXI, 22, 25; XXII, 5; Скрипкин, 1990, с. 135–137, рис. 24, 42–44; Симоненко, Лобай, 1991, с. 14, 45, 46, рис. 7, 3], обычно связывают с проникновением хунну [Засецкая, 1983, с. 75–77].

Тип 4. С параллельными гранями лопастей и прямым основанием. Один такой экземпляр с размером пера 4,5x1,5 см найден в комплекте с другими крупными наконечниками в склепе 715 Усть-Альмы (рис. 94, 48). Аналогии ему известны в Прикубанье [Марченко И. И., 1996, с. 62, рис. 17, 62] и в Суслах (курган 51), где найдены и другие стрелы центральноазиатского происхождения [Скрипкин, 1990, с. 73, 135, 136, рис. 24, 55],

Тип 5. Ярусный с трехлопастным бойком. Единственный экземпляр найден в Битаке в могиле 120 первой четверти II в. н. э. в наборе с крупными наконечниками типа 3 (рис. 92, 14). Длина головки с муфтой – 3,1 см, черенка – 3, 4 см. Такие наконечники характерны для хунно-гуннского оружия II в. до н. э. – I в. н. э. [Худяков, 1986, с. 30–47, рис. 5, 16, 17; 8, гр. 1, тип. 3]. В Северном Причерноморье еще известна всего одна находка ярусного наконечника – в погребении второй половины I в. н. э. у с. Пороги, где вместе с набором наконечников восточного происхождения найден сложный лук с костяными накладками [Симоненко, Лобай, 1991, с. 12–14, 42–46, рис. 5, 1–3; 7, 2–7].

Таким образом, все типы трехлопастных черешковых наконечников известны в комплексах сарматского времени на сопредельных территориях, однако типы 3–5 свидетельствуют о проникновении в Крым на рубеже I–II вв. н. э. среднеазиатских (центральноазиатских) кочевников либо сарматов, имевших с ними контакты. Для таких стрел необходимы были луки «гуннского» типа, что подтверждается комплектностью находок в сарматских памятниках [Симоненко, Лобай, 1991, с. 42–47].

Защитное вооружение. В погребениях первых вв. н. э. не встречены металлические доспехи (панцири, кольчуги, боевые пояса), дающие представление об их размерах и форме. В некрополе Неаполя и Усть-Альмы имеются только отдельные бронзовые и железные панцирные пластинки, а в склепе 550/1 Усть-Альмы, Битаке, Бельбеке IV [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 183, рис. 9, 3–6] и Скалистом III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146] – фрагменты кольчужной брони. По всей видимости, продолжали пользоваться кожаными панцирями и шлемами, о которых упоминает Страбон, описывая вооружение роксоланов (VII, 3, 17). Не исключено, что остатки такого шлема с полосами тиснения шириной 1 см были зафиксированы у черепа погребенного в склепе 53 (раскопки 1981 г.) Восточного некрополя Неаполя вместе с дисковидной шарнирной фибулой второй половины I в. н. э.

Металлические детали поясов и портупейно-поясных наборов. Классификация и типология этих предметов для позднескифских памятников первых вв. н. э. были разработаны Э.А. Сымоновичем [1983, с. 95, 96], О.Д. Дащевской [1991, с. 36, табл. 63, 13–14, 16–19, 24], Т.Н. Высотской [1994, с. 103–105, рис. 31], А.А. Труфановым [2004а, с. 160–170]. Последняя работа основывается во многом на материалах раскопок Битакского могильника в 1989–1991 гг. и Усть-Альминского некрополя в 1993–2002 гг. Большинство типов поясных пряжек рассматриваемого периода известны на территориях, входивших в зону расселения сарматов (Северное Причерноморье, Боспор, Подонье, Поволжье, Северный Кавказ).

Железные пряжки «овально-прогнутой формы» с подвижным язычком, имеющие и другие названия (тип U, «маркоманские», «восьмерковидные») появляются еще в первой половине I в. н. э., но наиболее характерны для комплексов середины столетия [Труфанов, 2004а, с. 162–164, 168]. Новые экземпляры из Усть-Альмы обнаружены в склепах 550/29, 449/5 (рис. 96, 12) и могиле 352 (рис. 96, 9). Последняя пряжка является переходным вариантом к следующему в эволюционном ряду типу – «дугоконечным» (тип С) [Труфанов, 2004а с. 164], которые представлены вариантами А и Б и датируются второй третью или третьей четвертью I в. н. э. [Труфанов, 2004а, с. 164–168]. Альминские экземпляры дугоконечных пряжек не выходят за рамки предложенной даты (рис. 96, 3, 6–8, 10, 11, 13, 14). Поясной гарнитур из дугоконечной серебряной пряжки варианта Б и наконечника ремня с ажурным геометрическим орнаментом найден в богатом воинском погребении 777/3 середины I в. н. э. (рис. 96, 4, 5). Аналогии наконечнику – в Северной Бактрии [Мандельштам, 1975, табл. XXXIII, 7; XXXV, 6]. В том же регионе известны латунные «восьмерковидные» пряжки [Мандельштам, 1966, табл. XLV, 1–6; 1975, табл. XXXIII, 4, 5, 6; XXXV, 4, 5], возможно, послужившие прототипами для европейских. Наиболее поздними вариантами дугоконечных пряжек, вероятно, являются экземпляры, украшенные зооморфными (или «стреловидными») волютами внутри круглой части рамки (рис. 96, 10, 11, 13, 14), что роднит их с «укороченными дугоконечными», где этот элемент постепенно деградировал [Труфанов, 2004а, с. 167, 168, рис. 5].

Особый интерес представляет золотая поясная пряжка, изготовленная из стержня в форме «узла Геракла» с неподвижным выступом-язычком, украшенная семью гнездами с пастовыми вставками бирюзового цвета [ср.: Яценко, 2000а, с. 173] (рис. 96, 1), найденная в богатом мужском захоронении в склепе 620 Усть-Альмы. Близкие по стилю исполнения золотые пряжки известны в сарматских захоронениях в Цветне [ОАК 1896 г., рис. 607], «Золотом кладбище» [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 10, 91; 15, 156; 17, 160], в Нижнем Поволжье [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис. 6, 2], серебряная – на Нижнем Дону [Максименко, 1998, с. 129, рис. 61, 24].

В комплекте с пряжкой лежал золотой наконечник ремня прямоугольной формы с закругленным окончанием, украшенный по краям и с лицевой стороны сканью в виде листьев плюща, а с обратной – орнаментом в технике перегородчатой инкрустации (рис. 96, 2). Аналогии ему известны в Цветне [ОАК 1896 г., рис. 608], Порогах [Симоненко, Лобай, 1991, с. 20, рис. 11, 3, 4], Косике [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 157–159, рис. 11, 1, 2]. Возможно, украшением пояса являются и прямоугольные ажурные пластины с растительным орнаментом из погребения 777/3 (рис. 121, I). Они наклеивались на кожаную основу, есть мелкие отверстия у оснований пластин для крепления. Прямых аналогий найти не удалось, некоторые параллели в оформлении прослеживаются с диадемами-гривнами из Карагалинского ущелья [Мордвинцева, 2003, с. 53, 55, рис. 41] и Кобяково [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 143–147, рис. 5, 6].

Металлические детали портупеи, с помощью которых к ней крепились ножны меча, а также колчан, наиболее полно представлены в погребениях 612/3 и 620/2 (рис. 91, I–III). Аналогичные наборы есть в памятниках среднесарматского времени [Симоненко,

Лобай, 1991, с. 23–26, рис. 13, 5; 14; 3, 4; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 1, 9; 5, 52; 19, 183; 24, 235; Абрамова, 1993, рис. 58, 26–29; Максименко, 1998, рис. 61, 9–14].

Достаточно много в погребениях второй половины I – первой половины II в. н. э. встречается бронзовых и железных пряжек круглой формы диаметром 3,5–4,5 см с различными вариантами конфигурации язычков и их крепления к рамке (рис. 97, 1–5, 10, 15; 98, 20). Эта группа детально не разработана [см.: Абрамова, 1998, с. 210, табл. 1–6; с. 216, рис. 3, 1–8]. Наиболее крупные пряжки могли быть металлическими креплениями конской сбруи.

Поясные наборы II–III в. н. э. не столь многочисленны и выразительны. Наиболее распространенным типом во II в. н. э. были «укороченные дугоконечные» пряжки (по А.А. Труфанову). Вариант А (вторая–третья четверть II в. н. э.) представлен в новых находках из Усть-Альмы (рис. 97, 17–19) и Битака (рис. 97, 16). Аналогии им известны в материалах Боспора [Кунина, Сорокина, 1972, рис. 8, 19, 41; 9, 5; Шедевры ..., с. 68, рис. XLIV, кат. 265]. Вариант Б (вторая половина II – начало III в. н. э.) характеризуется дальнейшим упрощением и огрублением типа (рис. 97, 6, 7, 11, 12, 14; 106, III), появляются прямоугольные щитки, в т.ч. с тамгообразным ажурным орнаментом (рис. 98, 22). Наиболее простая и оптимальная форма этого типа сложилась в середине II в. н. э. Она представлена пряжками варианта В из погребений 7 и 9 (вторая четверть–середина II в. н. э.) склепа 438 Усть-Альмы, где в ногах найдены по два комплекта из бронзы: пряжки и наконечника ремня (рис. 98, 1, 2, 5, 6 и 3, 4, 8, 9). Два похожих серебряных набора вместе с остатками развернутых в длину (около 30 см) кожаных ремней лежали в ногах воинского погребения в могиле 700, датируемой второй четвертью – серединой II в. (рис. 77, II; 98, 12–15). В первом случае пряжки могли быть принадлежностью обуви (ноговицы?) [ср.: Абрамова, 1998, с. 224–227], однако, не исключено, что ремнями были связаны ноги погребенных. В могиле 700, в деревянном блюде обнаружен еще один набор железных и бронзовых креплений ремней – комплект конской сбруи (рис. 106, I). В пользу появления «укороченных дугоконечных» пряжек варианта В не позже середины II в. н. э. свидетельствует и портупейный набор из могилы 848 Усть-Альмы (рис. 98, 18–21).

В конце II–начале III в. н. э. получают распространение пряжки с небольшой по размерам круглой и овальной формы рамкой, с прямоугольным щитком (рис. 99, 3, 8, 16, 17). Во второй–третьей четвертях III в. н. э. встречаются как очень простые конструкции (рис. 99, 1, 2, 9, 10, 12, 13), в том числе с прямоугольной рамкой (рис. 99, 4, 5), так и более сложные – с перемычкой внутри рамки (рис. 99, 19), с круглым пластинчатым щитком [Высотская, 1994, табл. 1, 1–3] (рис. 99, 24, 25; 106, IV). Единичны другие варианты: со стрелковидным язычком и штампованная, с профицированной рамкой (рис. 106, IV).

Представленным экземплярам пряжек и наконечников можно найти широкий круг аналогий среди металлических деталей ременной гарнитуры позднесарматского времени [Абрамова, 1998, с. 209–229; Малашев, 2000, с. 194–232, рис. 2].

Шпоры. В погребении 777/5 (I в. н. э.) Усть-Альмы найдена железная шпора. Считается, что такие предметы экипировки всадника были заимствованы сарматами во время их походов в Центральную Европу. Альминский экземпляр прост по конструкции: дужка изогнута незначительно, небольшой шип конической формы, детали креплений не сохранились (рис. 96, 15). Из находок III в. – шпоры из могилы 28 Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146, рис. 8, 48, 49] (см. раздел о хронологии).

Щиты. Свидетельство Страбона о наличии у роксолан щитов из сплетенных прутьев (VII, 3, 17), вероятно, применимо к поздним скифам. Обычно такие предметы в могилах не сохраняются. Известен лишь германский умбон щита в погребении первой половины III в. н. э. из Нейзаца [Храпунов, 2003, с. 329–350]. В связи с этим есть смысл еще раз обратиться к находке железного умбона в слое разрушения I в. н. э. на Южно-Донузлавском городище [Дашевская, 1964, с. 54; 1991, с. 14, 35, табл. 7, 28]. С.Ю.

Каргопольцев отнес его к типу Хорула-полусферический, с шишечкой в центре и датировал ступенью СІ_в (230–260 гг.), полагая, что предмет происходит из слоя разрушения городища середины III в. н. э. [1991, с. 59; Каргопольцев, Бажан, 1992, с. 115]. Такие же определения и комментарии дали А.И. Айбабин [1996, с. 297] и А.А. Васильев [2005, с. 346, рис. 1, 9]. Между тем, судя по изображению донузлавского умбона в работе О.Д. Дащевской [1991, рис. 7, 28], он близок экземпляру из Тыргшора, который Б.В. Магомедов и М.Е. Левада относят к типу Цилинг Н2 (или Ян 2) [1996, с. 307, рис. 4, 3]. Мимо исследователей прошел тот факт, что к моменту появления германцев в Крыму Южно-Донузлавское городище уже не существовало [Пуздровский, 2001, с. 116]. М.Б. Щукин, обходя это препятствие, предположил, что на месте городища (покинутого скифами еще на рубеже I–II вв. н. э.) участники морского похода сделали стоянку: «ставший непригодным умбон выбросили – шишечка на острие у него отбита» [2005, с. 423]. Однако, в слое вместе с умбоном найдены два наконечника копий с длинной втулкой и листовидным (?) пером, один из них – с широкой нервюрой [Дащевская, 1991, с. 14, табл. 7, 28], характерной для германского наступательного оружия.

Такие предметы защитного вооружения, как умбоны щитов, известны в двух богатых сарматских курганах I в. н. э. на Дону: Садовом [Капошина, 1973, с. 35; Максименко, 1998, с. 136, рис. 77, 9; Щукин, 2005, с. 72, рис. 15] и Высочино VII/28 [Беспалый, 1985, с. 165, 166, рис. 3, 6], принадлежат они к центральноевропейским образцам [Каргопольцев, 1991, с. 58 – Ян-4_с и 5; Щукин 2005, с. 72 – Цилинг I-1] и, видимо, представляли для владельцев особую ценность, т.е. были трофеями или подарками [Raev, 1986, тaf. 1:2; Щукин, 1994, с. 230, 231; ср.: Максименко, 1998, с. 136]. М.Б. Щукин рассматривает эти умбоны вместе с изображениями сарматских тамг на германских копьях, т. е. в русле сармато-германских контактов [2005, с. 72, рис. 15, 16; 2006, с. 174, 175].

Исходя из хронологии нижнедонских находок и контекста обнаружения донузлавских предметов вооружения, можно предположить, что умбон и «германские» копья попали в слой при штурме и разрушении городища в середине I в. н. э. Это могло произойти на заключительном этапе римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э., когда римские войска возвращались морем вдоль западного побережья Крыма. Вполне вероятно, что высадка морского десанта сопровождалась налетом конницы аорсов – новых союзников Рима [Пуздровский, 2001, с. 103]. Владельцем щита мог быть как римский легионер, так и сармат, контактировавший с кельто-германским миром⁷.

Находки умбонов и других металлических деталей щитов в Крыму, связанные с проникновением на полуостров германских племен, становятся многочисленными лишь в IV в. н. э. [Блаватский, 1951, с. 268; Гущина, 1974, с. 43, 46; Лобода, 1977, с. 241, рис. 6, 21, 22; 7, 1–5; Мыц, 1987, с. 154, 155, рис. 6, 4; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 123, рис. 8, 1, табл. 7, 4; Каргопольцев, Бажан, 1992, с. 113; Айбабин, 1996, с. 293; Казанский, 1997, с. 49, 50].

Конская упряжь.

Находки металлических деталей конской упряжи в могильниках первых вв. н. э. до недавнего времени были достаточно редкими, несмотря на наличие сопровождающих конских захоронений [Сымонович, 1983, с. 86; Дащевская, 1991, с. 40, 41; Высотская, 1994, с. 90]. Исследования Битака и Усть-Альмы в последние десятилетия позволили существенно дополнить список этой категории предметов материальной культуры, а также предложить классификацию основных типов.

Тип 1. Двусоставные кольчатые удила

Вариант А. Внешние петли звеньев соединены с подвижными кольцами. Последние бывают достаточно большого размера – до 8 см в диаметре, к ним крепились ремни

⁷ Подтвердить гипотезу о германской высадке в Западном Крыму в середине–третьей четверти III в. н. э. могут лишь новые находки керамического материала и монет этого времени, как это зафиксировано на городище Беляус [Дащевская, Голенцов, 2004, с. 39, рис. 4,3,4].

упряжи. Известны экземпляры из раскопок Неаполя (рис. 101, VI) [Дашевская, 1991, табл. 74, 16–18], Битакского могильника (рис. 101, II, V) [Пуздровский, 2001, с. 123, 135, рис. 2, 1; 9, 6], Усть-Альмы, склеп 557 (рис. 101, III). Такие принадлежности узды были широко распространены в I в. до н. э. – первые века н. э., в том числе на сарматских территориях.

Вариант Б. Аналогичные удила с дополнительными простыми кольцами. Представлены в Битакском могильнике (рис. 101, IV) [Пуздровский, 2001, с. 126, рис. 4, 3, 4, 7], в Усть-Альме, склеп 620/2 (рис. 101, I), в погребении у с. Константиновка [Орлов, Скорий, 1989, с. 70, 71, рис. 1, 7]. Аналогии – в сарматских комплексах [Гущина, 1961, с. 246, рис. 3, 1, 4; Шелов, 1961, с. 30, 31, табл. XXXII, 6].

Вариант В. Внешние кольца соединены с ремнями посредством 1–2 пластинчатых зажимов. Такая конструкция известна в могиле 114 Битака (рис. 102, I) [Пуздровский, 2001, с. 129, 130, рис. 6, 13]. На лицевой стороне деталей заметны следы золотой насечки. Такой же технологический прием известен на налобнике и других железных предметах конского убора в могиле «аланского военачальника» на Неаполе Скифском [Карасев, 1951, с. 170, рис. 56, 2; Шульц, 1957, с. 76, рис. 16а; Домбровский, 1961, с. 90; Высотская, 1979, с. 201–203, рис. 93; Дашевская, 1991, с. 41, табл. 75], прослежен на сбруе из разграбленного склепа 595 начала II в. н. э. Усть-Альминского могильника [Зайцев, Лысенко, Пуздровский, Семин, Татарцев, 1997, с. 161; Зайцев, 2000 а, рис. 8]. В Усть-Альме бронзовые фасетированные кольца с прямоугольными и овальными зажимами найдены в конской могиле 1/1997 (рис. 102, II), железные зажимы подтреугольной формы – в склепе 620/2 (рис. 101, I). Кольца с пластинчатыми зажимами различной конфигурации хорошо известны среди уздечных наборов позднесарматского времени [Малашев, 2000, рис. 4/Г; 6/В; 9В; 10Г; 11Г].

Вариант Г. С дополнительными кольцами (карабинами) «восьмеркообразной» формы. В верхнем ярусе склепа 619 Усть-Альмы (первая половина II в. н. э.) хорошо сохранился экземпляр с продетыми сквозь петли удил дополнительными кольцами, дающий представление о конструкции (рис. 102, III). Обломки такого кольца найдены вместе с удилами варианта 1А в разграбленном склепе 557 Усть-Альмы (рис. 102, IV). Целые кольца «восьмеркообразной» формы обнаружены с удилами вариантов 1А и 3В в подбойной могиле 9 Неаполя [Сымонович, 1983, с. 60, 61, 86, табл. XVIII, 10, 11, 22, 25, 27].

Тип 2. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями.

Вариант А. Псалии с четырьмя крестообразно расположеными спицами, насаженными на стержни звеньев, которые снаружи заканчиваются круглой петлей. Большинство фрагментов псалиев происходит из Усть-Альмы: раскопки 1968–1977 гг. [Высотская, 1994, с. 90, рис. 29, 1, 6], склеп 316 (рис. 103, II), конская могила 2/1997 (рис. 103, III), склепы 570 (рис. 103, IV) и 595 [Зайцев, 2000а, рис. 8, 9.1]. В Битакском могильнике известны кольца псалиев, очевидно, положенные в качестве амулетов (могилы 153, 173).

Вариант Б. Аналогичные псалии соединены с грызлами неподвижно, а прямоугольные петли наварены на них снаружи. Известны три экземпляра. Один происходит из Битака (рис. 105, I) [Пуздровский, 2001, с. 137–139, рис. 11, 4], второй обнаружен в могиле «аланского» военачальника на Неаполе (рис. 108, III) [Зайцев, 2003, рис. 118, 21], третий комплект найден в разграбленном склепе 799 Усть-Альмы с материалами середины II в. н. э. (рис. 105, II).

Вариант В. Псалии и фалары с фигурными 3–4 спицами, стержни грызел продеты сквозь отверстия в центре псалиев и загнуты. С ними скреплены железные пластины, оканчивающиеся подвижными зажимами с остатками кожаных ремней. Полный набор представлен в могиле 120 Битака. Четыре спицы псалиев заканчивались завитками («вихревой» орнамент), а два кольца (фалара) с тремя спицами, оформленными аналогично, имели зажимы для ремней (рис. 106, II). Лицевая сторона колец, пластины и обоймы были инкрустированы серебряной насечкой.

Очень близкие по конструкции удила обнаружены в ограбленном склепе 715 Усть-Альмы (рис. 105, III), где спицы псалиев оформлены в виде расходящихся от центра 7–8 «стрел» с «сердцевидными» окончаниями на ободе. Там же найден фрагмент малого кольца (фалара) с 4-мя аналогично оформленными спицами. В комплекте, помимо двух железных подпружных пряжек, сохранились 14 бронзовых дисков с бортиком диаметром 3 и 2 см (5 и 9), с остатками плакировки золотой фольгой. С тыльной стороны к ним крепились прямоугольные пластинчатые петли (осталось 9), которые, очевидно, отвали от дисков, во время ограбления.

Еще два комплекта с тремя спицами, образующими «вихревой» орнамент, найдены в разграбленных склепах 805 (рис. 107, II) и 830 (рис. 107, I). В первом из них сохранились остатки колоды и второй комплект удил – с окончаниями псалиев в виде умбонов (тип 4, вариант А), оба – со следами позолоты (рис. 107, III), остальной инвентарь датируется достаточно узко: второй четвертью – серединой II в. н. э. В склепе 830, судя по костным останкам, были погребены 13–14 человек, а инвентарь подтверждает, что он использовался в диапазоне конца I–II в. н. э.

Упрощенная конструкция узды этого варианта представлена в погребении 223 могильника Бельбек IV, где псалии имели три прямые спицы, а металлические детали инкрустированы бронзовой проволокой или покрыты позолотой. К псалиям снаружи крепились по два пластинчатых прямоугольных зажима для ремней. Авторы публикации датируют погребение 120–150 гг. н. э., отмечая близость конского набора комплекту из могилы 120 Битака [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 183–186, рис. 10, 11]. Колесо-видный бронзовый псалий с фигурными 4-мя спицами обнаружен в могиле 149 Бельбека IV [Гущина, 1982, с. 24, рис. 8, 76].

В последнее время опубликовано несколько позднесарматских комплексов (Нижний Дон, Нижнее Поволжье) с богато декорированными фаларами, близкими по стилю оформлению битакским и альминским экземплярам [Безуглов, 1988, с. 106, 107, рис. 3, 5, 6; Скрипкин, 1989, с. 172, рис. 1, 2, 3; Ильюков, 2000, с. 102, 108, рис. 6, 4, 5, 10, 11, 19, 3, 4, 5; Гугуев Ю.К., 2000, 141–143]. Там же обнаружены идентичные крымским бронзовые диски с бортиком и петлей на обороте, покрытые золотой фольгой [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 154, рис. 12, 1–5; Гугуев Ю.К., 2000, с. 142; Сергацков, 2000, с. 131, рис. 11, 8]. Полная аналогия битакским фаларам с тремя спицами известна в южноуральском могильнике Лебедевка VI [Мошкова, 1989, с. 198, рис. 81, 42; ср. 2004, с. 37].

В общем же конские наборы с уздой типа 2 по деталям и стилю оформления сходны с древностями сарматов и сармато-меотов II–III вв. н. э.

Тип 3. Двусоставные удила со стержневидными псалиями.

Вариант А. Псалии с утолщениями на концах. Представлен комплектом из разрушенного конского погребения 3/1993 Усть-Альмы (рис. 100, III), где псалии соединены с петлями звеньев вместе с подвижным кольцом. Фрагмент стержневидного псалия известен из раскопок 1968–1977 гг. [Высотская, 1994, с. 90, рис. 29, 5]. Возможно, что это упрощенный вариант псалиев-стержней – с восьмеркообразным утолщением и двумя отверстиями, найденными на Нижнем Дону [Ильюков, 2000, с. 108, рис. 19, 1, 2].

Вариант Б. Псалии с утолщениями на концах и двумя боковыми петлями закреплены на внешних кольцах грызел. Представлен комплектом из могилы 711 Усть-Альмы, где к одной из боковых петель крепился прямоугольный зажим для ремня (рис. 100, II). Такие наборы известны у сарматов Нижнего Дона [Максименко, 1998, с. 137, рис. 78, 3] и в Северном Приазовье [Шепко, 1987, с. 168, рис. 8, 4].

Вариант В. Псалии стержневидной формы с одной или двумя боковыми петлями по центру и фигурными окончаниями: 1) окончания оформлены в виде кольца с одним крюком – Усть-Альма, склеп 690 (рис. 100, I); 2) окончания в виде кольца с тремя крестообразно расположенными крюками (рис. 104, I) – Усть-Альма, склеп 777/7; 3) от кольца крестообразно отходят три стержня с муфтами по центру – Вилино («Магарач»),

1985 г., курган 1, могила 13 [Древние сокровища … с. 15, кат. № 9]. Все комплексы датируются временем около середины I в. н. э. Аналогии псалиям из склепа 777/7 в кургане 43 у ст. Усть-Лабинской [Гущина, Засецкая, 1994, с. 11, 71, кат. № 472].

Вариант Г. Псалии стержневидной формы с одной центральной петлей, продетой сквозь грызла. Представлен экземпляром из подбойной могилы 9 Неаполя [Сымонович, 1983, с. 60, 61, 86, табл. XVIII, 22]. Аналогии известны на Нижнем Дону [Максименко, 1998, с. 137, рис. 78, 2].

Тип 4. Двусоставные удила с псалиями в виде стержней, заканчивающихся кольцами или дисками.

Вариант А. Грызла и псалии железные. Окончания псалиев имеют умбоновидную форму. Полный комплект происходит из могилы «аланского военачальника» (рис. 108, I, III) [Карасев, 1951, с. 170, рис. 56, 2; Высотская, 1979, с. 202, рис. 94; Дашевская, 1991, с. 41, рис. 75; Зайцев, 2003, рис. 118; 119]. Фрагменты удил с умбоновидными окончаниями псалиев в последние годы обнаружены в Усть-Альме: конская могила № 12/1996 (рис. 107, IV), склеп 805 (рис. 107, III), склеп 850 (рис. 107, V). Заслуживают внимания в качестве прототипов умбоновидные деревянные (модели) налобные бляхи, псалии и другие детали из Пазырыкских курганов [Руденко, 1953, с. 154, рис. 95, табл. XXX, 1; XXXIX, 2; XL, 1; XLII, 7, 8; LXVI; 1960, с. 44, 124, рис. 20, 75; табл. XLVIII, 9, 10; Полосьмак, Молодин, 2000, с. 73, рис. 20]. Удила с окончаниями псалиев умбоновидной формы появляются в Крыму во второй четверти – середине II в. н. э. (Неаполь, Усть-Альма) и, видимо, бытуют непродолжительное время.

Вариант Б. Грызла и псалии бронзовые. Окончания псалиев – в виде колец. Грызла соединены с псалиями посредством прямоугольных пластин. Конструкция известна по наборам из Херсонеса и Керчи [Зубарь, Симоненко, 1984, с. 148–155, рис. 1, 2]. Схожий комплект поступил в ТУАК из дореволюционных раскопок Неаполя (хранится в КРКМ). В Усть-Альме, в конском погребении № 11/1996 найдены звено грызел с прямоугольной рамкой, две фигурные подвески и набор обойм (рис. 104, III).

Вариант В. Железные грызла с бронзовыми псалиями с «восьмерковидными» утолщениями-петлями на середине стержня и дисковидными окончаниями. Петли грызел загнуты посередине стержня между петлями псалиев. Единственный экземпляр происходит из конской могилы № 3/1997 Усть-Альмы. На бронзовые диски были напаяны умбоновидные серебряные накладки со вставками в гнездах из прозрачного стекла (рис. 104, II). Аналогичное оформление псалиев представлено на уздечном наборе из богатого сарматского погребения последней четверти I в. н. э. у Азова, где к дискам крепились орнаментированные золотые фалары с халцедоновыми вставками [Беспалый, 1992, с. 180, рис. 4]. Близкие параллели можно найти и в богатом погребении в кургане 10 Кобяковского могильника на Нижнем Дону, где псалии имели «восьмерковидное» расширение [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 156, 159, рис. 8, 45]. Необходимо отметить, что такая форма псалиев с деревянными орнаментированными дисками-розетками известна в Пазырыкских курганах [Руденко, 1953, с. 179, 180, табл. XLIII; XLIX; L, 5].

Детали конской сбруи в виде подпружных колец, обойм, разделителей ремней и др. встречены в некрополях Неаполя, Битака, Усть-Альмы [Сымонович, 1983, с. 86, табл. XVIII; Высотская, 1994, с. 90, рис. 29, 2–4; Пуздовский, 2001, с. 122–140]. К редким предметам относятся железный налобник с позолотой и бронзовые украшения попоны, обтянутые золотой фольгой из комплекса «аланского военачальника», имеющие аналогии в сарматских комплексах Боспора, Поволжья и Дона [Карасев, 1951, с. 170; Шульц, 1957, с. 76, прим. 3; Высотская, 1979, с. 202, 203; Дашевская, 1991, с. 41, рис. 75, 5; ср.: Безуглова, 1988, с. 111; Зайцев, 2003, с. 135, рис. 118, 119]. Не менее интересны комплекты железных круглых пластин, покрытых позолотой, диаметром 8,5–10,5 см с 3–4 прямоугольными зажимами из склепов 595 [Зайцев, 2000а, с. 307, рис. 8,

9.2, 9.3, 9.4, 9.9, 9.10, 9.11, 9.12, 9.13] и 717 (рис. 103, I) Усть-Альмы, служившие, вероятно, распределителями ремней подпружи, как это представлено на реконструкции упряжи из позднесарматского погребения Центральный VI [Безуглов, 1988, с. 108, рис. 5]. В склепе 595, помимо этого, найдены и другие железные детали: двухчастные нефасетированные наконечники-подвески с зажимами для ремней [Зайцев, 2000а, рис. 8, 9.5–9.8], подпружные пряжки [Зайцев, 2000а, рис. 8, 9.16, 9.17, 9.17а, 9.19, 9.21], распределительная бляха с тремя прорезями [Зайцев, 2000а, рис. 8, 9.18]. Аналогии последней известны в памятниках Нижнего Дона [Гугуев, Безуглов, 1990, с. 168, рис. 2, 17; Ильюков, 2000, с. 103, рис. 6, 8; Прохорова, Гугуев, 1992, с. 154, рис. 12, 6; Гугуев Ю.К., 2000, с. 142]. Очень близкая по конструкции бляха, но с двумя прорезями, найдена в комплекте конской узды в могиле 700 Усть-Альмы (рис. 106, I). Другие металлические детали ременной гарнитуры из альминских находок также хорошо представлены в позднесарматских комплексах [Малашев, 2000, с. 195–198, рис. 2].

Как видно из приведенных аналогий и сравнительного материала, большинству типов конской узды и многим деталям упряжи находятся очень близкие параллели в памятниках среднесарматского и позднесарматского времени Нижнего Дона, Поволжья, Прикубанья и Северного Кавказа. Как отмечено исследователями, позднесарматские парадные наборы конской узды, украшений, ременной гарнитуры обычно не повторяют друг друга полностью, но однообразны по основным формам и стилю на огромной территории [Мошкова, 1978, с. 76; 2001, с. 242; Скрипкин, 1984, с. 110, 111; 1989, с. 179–181].

Принадлежности одежды.

В первые века н. э. в могильниках Крымской Скифии встречены разнообразные принадлежности одежды: пряжки, фибулы, нашивные бляшки, бусы для обшивки рукавов и подола платья и др. Аналогии им известны во многих комплексах Северного Причерноморья и сопредельных территорий, в том числе в сарматских памятниках, что можно объяснить общей варваризацией населения региона и проникновением сарматских элементов культуры в античные центры: Боспор, Херсонес, Ольвию. Обратное же воздействие античной культуры выразилось в заимствовании некоторых видов одежды и обуви, а также в распространении фибул провинциально-римского типа, пряжек и др. Таким же массовым оно было для различных типов украшений.

Разработкой типологии и хронологии этих категорий находок занимались Э.А. Сымонович [1983, с. 94–96], Н.А. Богданова [1989, с. 33–38], О.Д. Дащевская [1991, с. 35–37], Т.Н. Высотская [1994, с. 63–65, 93–106]. Часть новых материалов представлена в работах Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой [2004, с. 182–186] и А.А. Труфанова [2001, с. 71–77; 2004, с. 160–170]. Поясная гарнитура рассмотрена выше в подразделе о портупейных наборах, ниже предложены наиболее яркие комплексы с принадлежностями одежды и украшениями из раскопок таких могильников, как Усть-Альма, Битак, Неаполь, Перевальное.

Бляшки. Пронизи. Золотное шитье. Ткани. Наибольшее количество материалов для реконструкции отделки одежды золотыми бляшками дают комплексы Усть-Альмы. Часть из них опубликована Т.Н. Высотской [1994, с. 63–65]. Из новых материалов следует выделить комплект погребения склепа 612/2 из крестообразных бляшек и трубчатых пронизей, служивших обрамлением ворота (рис. 119, 8, 9). Бляшками полусферической формы и в виде «городков» в сочетании с сердоликовыми, янтарными и гагатовыми бусами были обшиты рукава (рис. 119, 14–19). На груди и в области ног сохранились продольные нити золотного шитья [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 6, 21]. Анализ золотных нитей из погребения 2 склепа 620 (?)⁸ показал, что они были навиты на органическую основу [Крупа, 2000а, с. 119, 120]. Такие образцы известны в Соколовой Могиле [Елкина, 1986, с. 132–135; Голиков, 1986, с. 136–139]. Нити, спрятанные

⁸ В исследовании Т.Н. Крупы указано, что золотные нити происходят из погребения 2 склепа 620 [2000а, с. 119].

тем же способом, найдены в разграбленных подкурганных погребениях Сибири, на Памире и в Тилля-Тепе [Елкина, 1986, с. 133, прим. 3, 4]⁹.

В женском погребении подбойной могилы 823, рядом с фалангами кисти правой руки также обнаружены мелкие фрагменты золотного шитья, которыми, видимо, были украшены рукава одежды погребенной. Дата комплекса: середина–вторая половина II в. н. э.

В склепе 620 на умершей (погребение 1) было два платья: нижнее и верхнее. Нижнее (сорочка) прослежено по остаткам ткани сине-фиолетового оттенка (окрашена индиго) крупного плетения, с декором в виде параллельных полосок (расстояние между полосами 1 см), толщиной в одну нитку синего цвета [Крупа, 2000, с. 146, 147; 2000а, с. 114]. Платье имело ворот-нагрудник, расшитый золотыми бляшками крестообразной формы (рис. 112, 7), декорированными в технике перегородчатой инкрустации (каждая с пятью гнездами для эмалевых и стеклянных вставок). Аналогичные бляшки обнаружены в Соколовой Могиле [Ковпаненко, 1986, с. 39, 41, рис. 39, 10]. В комплекте с ними найдены пронизи из гофрированных трубочек и бляшки квадратной формы, прорезные, в виде «окошка» (рис. 113, 2, 3). От верхнего (?) платья сохранились на левом плече обрывки шерстяной ткани зеленовато-бурового (?) оттенка, который в древности мог иметь насыщенный красный цвет [Крупа, 2000а, с. 118, табл. 5]¹⁰. Обшивка рукавов состояла из сердоликовых бусин, золотых полусферических бляшек и пронизей типа «городки» (рис. 113, 7–9).

В погребении 2 (мужском) склепа 620 слева от черепа зафиксированы бляшки в виде схематически изображенных голов баранов и пронизи, очевидно, украшавшие головной убор (рис. 111, 2). У правого запястья зачищен большой фрагментшелковой рубахи из неперекрученной нити, окрашенной пурпуром [Крупа, 2000, с. 146, 147; 2000а, с. 117, 118, табл. 5]. Большая часть исследованных образцов текстиля из склепов 520, 550, 590, 595 представляла собой шерстяную ткань, но есть также изделия из волокон растительного или смешанного происхождения. Окраска мареной при протраве солями алюминия давала насыщенный красный цвет, а соли железа придавали ткани коричневый оттенок, почти черный. Один образец ткани из склепа 520/14 был в древности окрашен в желтый цвет при помощи резеды и солей алюминия [Крупа, 2000а, с. 116, 118, табл. 5].

Из ограбленного склепа 603 происходит несколько типов золотых нашивных украшений. Это пронизи в форме гофрированных трубочек (рис. 110, 12, 19), пронизи округло-биконической формы, украшенные зернью со следами белой эмали (рис. 110, 13), бляшки ромбовидной формы (рис. 110, 14, 15), каплевидной (рис. 110, 23), крестовидной (рис. 110, 10), полусферической (рис. 110, 24, 25), «лировидной» (рис. 110, 9), в форме розетки (рис. 110, 11), «ласточкиного хвоста», с зернью (рис. 110, 2, 3). Единственным экземпляром представлена ажурная бляшка с двумя завитками внутри (рис. 110, 8), аналогии которой известны в Соколовой могиле, Ногайчинском кургане и Октябрьском V [Ковпаненко, 1986, с. 41, 127–130, табл. 39, 14; Симоненко, 1993, с. 74, фото 26; Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, рис. 6, 11].

В склепе 720, где было совершено одиночное женское захоронение, также удалось проследить расположение золотых нашивных изделий. Расшивка ворота состояла из ажурных квадратов и пронизей (рис. 114, 3, 4), а рукава обшиты сердоликовыми бусами и бляшками в виде треугольников с тисненым сетчатым орнаментом и полусферической формы (рис. 114, 9, 10). На стопах ног зачищены бляшки полусферической формы, очевидно, ими была расшита обувь (рис. 114, 12).

⁹ Как любезно сообщила при обсуждении данной работы 14.11.06. В.И. Мордвинцева, в фондах Краснодарского музея хранятся пити от золотого шитья из погребений III в. до н. э. (ст. Новолабинская, к. 1, п. 1), II в. до н. э. (ОПХ «Рассвет», к.1, п.1; ст. Новокорсунская, к. 2, п. 6), I в. до н. э. (хут. Песчаный, к.1, п.1), I в. до н. э. – I в. н. э. (хут. Водный, к.1, п.1), I в. н. э. (ст. Михайловская, к. 2, п. 14), II в. н. э. (некрополь Фанагории, склеп 11450).

¹⁰ Возможно, при анализе образцов текстиля за обрывки верхнего платья принятая ткань, которой был обтянут каркас головного убора (см. ниже).

Аналогичное расположение бляшек прослежено в двух женских погребениях: склеп 775/1 (рис. 115, 7–9) и 775/2 (рис. 116, 5–7, 9). В погребении 775/2 бляшки каплевидной формы лежали в ряд, ниже локтевых суставов (рис. 116, 8), как это отмечено и в Порогах [Симоненко, Лобай, 1991, с. 31, рис. 18, 6; 19, 6]. В погребении 775/1 бляшки подтреугольной формы лежали в ряд, поперек бедренных костей (рис. 115, 10). Расшивка подола накидки зафиксирована в Заветненском могильнике, где отмечен и цвет ткани – розовых тонов [Богданова, 1989, с. 35]. В склепах 820 (рис. 117, 9–13) и 853 (рис. 118, 4–7) отмечены те же типы бляшек и их расположение, что и в вышеперечисленных комплексах.

Большая часть бляшек и пронизей с геометрическим орнаментом (рис. 109, 4–16) находит параллели в богатых сарматских погребениях на широкой территории [ОАК 1896 г., рис. 609; Гущина, Засецкая, 1994, с. 13–15; Ковпаненко, 1986, рис. 39, 2; Симоненко, Лобай, 1991, рис. 19, 4, 5, 6, фото 26; Симоненко, 1993, с. 74, фото 25–27; Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 5, 5, 6, 12, 13, 17; Иштванович, Кульчар, 2005, с. 336–341, рис. 1, 1–3], хотя известны в некрополях Боспора, Херсонеса и Ольвии.

Относительно хорошая сохранность изделий органического происхождения (дерево, кожа, ткани) в некоторых из склепов Усть-Альмы позволяет проследить форму и размер кожаной обуви. В большинстве случаев это были невысокие сапожки, часто из тонкой кожи. Вдоль берцовых костей удается зачистить продольные и поперечные ряды из бисера, гагата, мелких стеклянных бусин, которыми, вероятно, была расшита кожаная и войлочная обувь. Реконструкция одежды и обуви – тема отдельного исследования.

Украшения.

Диадемы. В погребениях встречены детали женских и мужских головных уборов в виде простейших диадем и венков из золотых пластин и листочков, налобных венчиков в виде пластин с креплениями, а также кожаных налобных повязок с тиснеными бронзовыми пластинами. Украшения из золота найдены в Заветненском могильнике [Богданова, 1989, с. 46, 47], Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 93, 94], Бельбеке IV [Дашевская, 1991, с. 37]. Большое количество таких наборов получено исследованиями Усть-Альмы 1993–2001 гг. (рис. 109, 1, 3; 112, 1, 8; 119, 1; 122, I–V).

Интересные комплекты бляшек и пластин из тисненой бронзы обнаружены в комплексах конца II – середины III в. н. э. Неаполя, Битака и Перевального (рис. 120). Как и в Нейзаце [Храпунов, 1998, табл. 1, II, 12; 2, 31; 2004, рис. 26], в Битаке зафиксировано расположение украшений в ряд, а в могиле 40 на черепе сохранилась кожаная повязка шириной 2,3 см с двумя рядами бляшек полусферической формы (рис. 120, 1). Пластины из Перевального обнаруживают поразительное сходство с аналогичными украшениями из Нейзаца, Левадок [Мульд, 1999, с. 185, табл. 8, 3; Мульд, Масякин, 2003, с. 8, рис. 3; Храпунов, 2004, рис. 26, 10] и Чатырдагского некрополя [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 136, рис. 12, II, 1; III, 1–5; 13, 1, 2, 6, 7, 11, 12, 18, 29–36].

Уникальной для позднескифских могильников Крыма является золотая пластина прямоугольной формы с рельефным погрудным изображением женской фигуры Великой богини (Кибелы? Анахиты?) в высоком головном уборе из погребения 777/3 (рис. 122, IIIa). Она находилась в центре венка-диадемы из 12 трилистников – так же, как это прослежено в Горгиппии (склеп 2, саркофаг 2), где изображена Афродита (?) с Эротами [Шедевры..., 1987, табл. XLVII–XLVIII, кат. № 261]¹¹. Такие головные украшения в первые века н. э. обычно связывают с проникновением в Северное Причерноморье сарматских племен [Яценко С. А., 1986, с. 19]. Головной убор из женского погребения склепа 620/1 представлял собой деревянный каркас калафа (?) из тонких изогнутых дощечек, обтянутых тканью, окрашенной мареной с проправой из солей алюминия, что

¹¹ Д. В. Журавлев и М. Ю. Трейстер [2005, с. 185] полагают, что на золотом медальоне, находившемся в центре диадемы, состоящей из лепты и трилистников (происходит из грабительских раскопок, хранится в ГИМ), а также на квадратной бляхе из саркофага 2 склепа II Горгиппии (оттиснуты по одной матрице?) изображен синкетический образ богини (Афродиты-Артемиды?).

давало насыщенный красный цвет [Крупа, 2000, с. 148; 2000 *a*, с. 118, табл. 5]¹². На материю крепились более сорока трилистников и полосок золотой фольги (рис. 112, 1, 8). Такой тип женского головного убора известен с IV – III вв. до н. э. [Мирошина, 1981, с. 46–69].

В женских и детских захоронениях часто встречаются разнообразные по форме и отделке, а также из разного металла (бронза, серебро, золото) гривны, кольца, перстни, серьги, браслеты, подвески и др. Особенно много бус и подвесок из стекла, полудрагоценных камней, янтаря, гагата, кости, мела, кораллов и др. Их типологии, генезису, эволюции посвящены многочисленные работы [Алексеева, 1975; 1978; 1982; Сымонович, 1983, с. 90–95; Гущина, 1974, с. 42–43; 1982, с. 23–25; Богданова, 1989, с. 35–47; Бабенчиков, 1957, с. 122–137; Высотская, 1994, с. 106–116; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 180–188; Труфанов, 2001, с. 71–77].

Гривны. Вопреки мнению о почти полном отсутствии у поздних скифов гривен [Зубарь, 1987, с. 86, 87], в последние годы такие украшения найдены в Неаполе, Битаке, Усть-Альме, Перевальном, преимущественно в детских и женских захоронениях. Часть альминских экземпляров опубликована [Высотская, 1994, с. 108]. Большинство гривен сделаны из круглого в сечении бронзового прута диаметром 2,5–3 мм с крючками на концах или завязками, часто на них нанизаны бусы, пронизи, различные амулеты (рис. 123, 1–4, 6; 125, 1, 3, 5). Другим распространенным типом были украшения из ложновитой проволоки (рис. 123, 5; 124, 2–7), иногда из серебра. Золотая гривна из детского погребения 735 Усть-Альмы сделана из растянутого браслета с утолщениями на концах (рис. 111, 2).

Богато украшенные пекторали и гривны из золота, а также более простые в оформлении характерны для захоронений сарматской аристократии II в. до н. э. – I в. н. э. [Мордвинцева, 2003, кат. 21–24, 60, 69, 82, 101, 108; Сарианиди, 1983, рис. 51; Шедевры... 1987, кат. 149, 150, 151, 177; Мелюкова, 1989, с. 190; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 168–170, рис. 16, 17; Симоненко, Лобай, 1991, с. 26–28, рис. 15, фото 19, 20; Прохорова, Гугуев, 1992, с. 143–146, рис. 5; Гущина, Засецкая, 1989, с. 74, табл. IV, 31; 1994, с. 15, 16, кат. №№ 145, 264, 369, 458; Максименко, 1998, с. 123, 124, рис. 59, 6; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 72, 73, рис. 7; 2004, с. 183–186; Иштванович, Кульчар, 2005, с. 338, рис. 2].

Таким образом, у поздних скифов и сарматов ношение гривны было социально престижным – такие погребения (женские и детские) отличаются разнообразным инвентарем, в том числе наборами амулетов.

Кольца, перстни. Известны различные типы и виды этих украшений из бронзы, серебра, золота, кости, стекла. Многие из них представлены в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. Новые исследования Усть-Альмы позволили дополнить классификационные схемы и уточнить хронологию бытования вещей.

Прежде всего, надо отметить находки золотых перстней со вставками из полудрагоценных камней и геммами. Так, в богатом женском погребении склепа 720 обнаружен перстень со стеклянной вставкой темно-фиолетового цвета, на которой вырезано изображение сидящего орла с расправленными крыльями (рис. 114, 2). Мотив сидящего орла хорошо известен в римском искусстве. Не чужд был он и эстетическим вкусам сарматов¹³ [Мордвинцева, 2003, с. 45, рис. 64, 1–5], но сюжеты с распластанными крыльями единичны [Мандельштам, 1966, с. 126, 127. Табл. LIX, 6; Руденко, 1962, табл. XIX, 1, 2; Медведев, Софонов, 2006, с. 82–85, рис. 3а]. В качестве близких по времени аналогий можно привести изображение орла на щитке фибулы-броши первой половины I в. н. э.

¹² В исследовании Т.Н. Крупы [2000a, с. 118, табл. 5] не указано местоположение второго образца из погребения 1 склепа 620, однако на полевых фотографиях хорошо видно, что крупные фрагменты текстиля залегали на левом плече погребенной рядом с остатками деревянного каркаса и золотыми украшениями.

¹³ См. ниже, раздел о серебряных сосудах ритуального назначения (ручки в виде фигурок лося и орла из склепа 603 Усть-Альмы).

из Беляуса [Михлин, 1980, с. 208, рис. 9, 2], ольвийских монетах третьей четверти I в. н. э., в том числе с именем сарматского царя Фарзоя [Анохин, 1989, с. 63–70, табл. XXI, 340–359; XXII, 361–367]¹⁴. Образ (символ) орла был понятен и кочевникам, и гражданам полиса, и римской администрации. В погребении склепа 735 найден перстень с массивным щитком и выпуклой гранатовой вставкой (рис. 111, 6). Перстень с гранатовой вставкой и геммой в виде фигуры Ники или Тихе – Фортуны лежал на правой кисти погребенной склепа 775/2 (рис. 116, 4).

Уникальные по композиции, манере и характеру исполнения геммы на гранатовых вставках происходят из склепа 820. Первый перстень овальной формы из тонкого золотого листа, дужка полая, частично стерлась от длительного употребления. На овальном щитке – гнездо с гранатовой вставкой-геммой (рис. 117, 3). На гемме – погрудное женское изображение влево, с пышной прической, уложенной от висков к затылку в виде косы с перетяжками и «хвостом». Вставка в виде вогнуто-выпуклой линзы крепилась в гнезде с помощью мастики сернисто-желтого цвета. Техника исполнения перстня и геммы свидетельствует о боспорском производстве [Максимова, 1957, с. 75–82]. Второй перстень овальной формы из тонкого золотого листа, дужка полая. На овальном щитке – гнездо с гранатовой вставкой-геммой (рис. 117, 4). На гемме – погрудное изображение мужчины влево, в шлеме и плаще. Вставка в виде вогнуто-выпуклой линзы крепилась с помощью мастики. Ею же была частично заполнена и полая дужка. Изготовлен в боспорской мастерской тем же резчиком.

Геммы, вырезанные на стекле, сердолике, горном хрустале в бронзовой и железной оправе, достаточно часто встречаются в погребениях некрополя (рис. 109, 17–21). Рассмотрение сюжетов выходит за рамки данной работы. Отмечу лишь наиболее оригинальные – Афина со щитом (на стеклянной вставке желтого цвета) из засыпи камеры склепа 649 (рис. 109, 22) и Гермес с кифарой (на сердолике) из засыпи камеры склепа 782 (рис. 109, 23). Вполне вероятно, что в древности у гемм была богатая оправа.

Почти идентичные знаки в виде цветка были вырезаны на вставках из стекла на железном перстне из склепа 550/34 (рис. 109, 21) и горного хрусталя на бронзовом украшении из склепа 620/1 (рис. 113, 6). Особый интерес представляет бронзовый перстень с геммой, вырезанной на вставке из горного хрусталя в виде «иероглифа» из погребения 550/21 (рис. 109, 20), а также тамга на щитке бронзового перстня из склепа 138 [Высотская, 1994, с. 115, рис. 34, 18].

Перстень из треугольной в сечении золотой пластины, свернутой в 4 оборота, в виде стилизованной змеи, голова которой оформлена гравировкой и пуансонным орнаментом, происходит из склепа 735 (рис. 111, 9), аналогии ему известны в погребении Неапольского могильника [Сымонович, 1983, с. 62, 63, табл. XXX, 7, 8]. Очень простой золотой перстенек с плоским щитком был надет на фалангу пальца правой кисти погребенного в склепе 620/1 (рис. 113, 5). Миниатюрный золотой перстень с бирюзовой вставкой овальной формы найден в детском захоронении склепа 316 (рис. 126, 22). В могиле 823 II в. н. э. (рис. 126, 24) лежал золотой перстень, состоящий из двух уплощенных колец с овальными щитками, между которыми расположена ажурная перекрученная проволока. Щитки украшены овальными сердоликовыми вставками, окружеными рубчатой проволокой [Древние сокровища ... 2005, с. 20, кат. № 78]. Почти идентичный перстень найден в богатом женском погребении начала II в. н. э. кургана 10 Кобяковского могильника на Нижнем Дону [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 147, рис. 7, 2].

Браслеты. Классификация браслетов для крымских могильников первых вв. н. э. была предложена рядом исследователей [Зубарь, 1982, с. 94–99; Сымонович, 1983, с. 92–95; Дащевская, 1991, с. 39; Высотская, 1994, с. 108–112]. Кроме широко известных

¹⁴ Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 234, abb. 3, 11.

типов, следует обратить внимание на бронзовые браслеты с утолщениями на концах, которые обнаружены в комплексах I-II вв. в Неаполе, Усть-Альме [Сымонович, 1983, с. 93, табл. XXXII, 1; XXXIII, 16, 20, 23; Высотская, 1994, с. 110, 111], Битаке. Комплекты середины III в. н. э. найдены в могиле 631 (рис. 125, 7) и склепе 649/3 Усть-Альмы (рис. 125, 10), в могиле 139 Битака (рис. 125, 9) – четырехгранный. Наиболее поздние экземпляры представлены в могильнике Перевальное (рис. 125, 2, 4, 6).

В последние годы в Крыму обнаружены золотые браслеты этого типа (обычные и в 1,5 оборота). Они найдены в богатых погребениях середины–третьей четверти I в. н. э. Усть-Альмы: по одному в склепах 612 [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 11, 11], 620 (рис. 113, 4), 720 (рис. 114, 7), 735 (рис. 111, 8), два в склепе 775/2 (рис. 116, 3). Один бронзовый браслет, плакированный золотом, происходит из могилы 700 второй четверти–середины II в. н. э. (рис. 125, 8). Золотые браслеты с утолщениями на концах характерны для захоронений сарматской знати конца I в. до н. э. – I в. н. э. на обширной территории [ОАК 1896 г., с. 214; Засецкая, 1979, с. 110, рис. 21; Сарианиди, 1983, рис. 26, 28; Симоненко, Лобай, 1991, с. 24, 26, 56, рис. 14, 6; Трейстер, 1993, рис. 1, 9; Гущина, Засецкая, 1989, табл. XII, 114 a; XIV, 21a; 1994, табл. 27, 265; Simonenko, 1997, с. 392, 393, abb. 3, 3].

В мужском захоронении склепа 620/2 на кисти правой руки лежал серебряный круглопроволочный браслет с гравированными зооморфными окончаниями в виде змейных голов (рис. 111, 11). Подобная орнаментация широко известна в Северном Причерноморье. Браслеты с зооморфными окончаниями недавно были подробно рассмотрены и классифицированы А.А. Труфановым, который разделил их на 8 типов, большинство из них датируются I–III вв. н. э. [2001, с. 71–77].

Серьги. Среди многочисленных украшений этой категории [Дашевская, 1991, с. 37, 38, табл. 67, 9–17; Высотская, 1994, с. 113–115, рис. 34] необходимо отметить ранее не встречавшиеся в Предгорном Крыму серьги на треугольном щитке со вставками в специальных гнездах и подвесками-цепочками. Такие парадные украшения найдены в склепе 620 Усть-Альмы (рис. 113, 1), где в гнездах находились обточенные кусочки стекла, а в центре каждой из серег, среди подвесок, помещена обнаженная мужская бородатая фигурка с ярко выраженным половыми признаками и протянутыми вперед руками. Более примитивные антропоморфные фигурки-амулеты известны в Ногайчинском кургане (рис. 61) [Симоненко, 1993, с. 73, фото 24,25; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 83, рис. 15, 4], в Прикубанье [Шедевры... 1987, рис. 56, кат. № 141], в могиле 447 Усть-Альмы (рис. 145, 29). Очень близкая композиция представлена на серьгах из коллекции шедевров, поступивших в Ростовский музей из грабительских раскопок [Ильюков, 1998, с. 89, фото 2].

Альминские фигурки уникальны в иконографическом плане (борода, большой нос) и вряд ли схожи с образом Эротов [ср.: Мордвинцева, 2002, с. 117, 118]. Подчеркнутость половых признаков на антропоморфном амулете из Ногайчинского кургана и на других подвесках [Вязьмітіна, 1971, с. 208, рис. 61, 7; 1986, с. 215, рис. 66; Симоненко, 1993, с. 91], вероятно, отражала представления о мужском божестве плодородия.

Аналогичные альминским по конструкции серьги, но без антропоморфных подвесок происходят из Порогов [Симоненко, Лобай, 1991, с. 30, 31, рис. 19, 1, 2, фото 24]. Серьги близкой схемы с гранатовыми вставками в гнездах найдены в погребении 2 склепа 775 Усть-Альмы (рис. 116, 1), склепах 820 (рис. 117, 1, 2) и 853 (рис. 118, 1, 2). Этот тип украшений хорошо представлен в сарматских памятниках [Симоненко, 1993, с. 71, 72, фото 4; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 69, 70, рис. 6, 1, 2; Медведев, 1981, с. 256, рис. 3, 20, 21; 4; 5; Сергацков, 2000, с. 140, рис. 94, 6; Максименко, 1998, с. 122, рис. 58, 23; Засецкая, Ильюков, Косяненко, 1999, рис. 4, 6; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 12, 13, рис. 3, 4, кат. 40, 55, 109, 154].

В погребении 775/1 Усть-Альмы обнаружены серьги из витой проволоки со вставками каплевидной формы из граната (рис. 115, 6). Несколько комплектов очень простых сережек этого типа (без вставок) найдено в склепах 316 (рис. 126, 20), 735 (рис. 111, 3), могиле 745/1 (рис. 123, 18), одна – в могиле 724. Встречены экземпляры из бронзы (рис. 126, 21). Еще проще конструкция золотых серег из склепа 619/3 (рис. 126, 17) и могилы 749а (рис. 126, 19) – они сделаны из проволоки с заостренным крючком и петлей на концах, а в склепе 618/3 на нее напаяны три «грозди» зерни (рис. 126, 16). Аналогии известны в Усть-Альме, Заветном, Саблах, Беляусе и других некрополях Северного Причерноморья [Белов, 1927, с. 131, рис. 19, 3, 5; Богданова, 1989, с. 41, табл. XII, 3, 5; Высотская, 1994, с. 106; Журавлев, Фирсов, 2001, с. 224, рис. 1, 6].

Из Усть-Альмы происходит целая серия серег из согнутого стержня с напаянными на расклепанную нижнюю часть тремя рядами колечек. Они найдены: по одной – в склепах 612/2, 618/2, 720, могиле 713 (рис. 119, 6; 126, 15; 114, 8), две – в могиле 745/2 (рис. 126, 14). Упрощенный вариант происходит из склепа 424 Б (рис. 128, 13). Такие серьги известны в Заветном [Богданова, 1989, с. 41, табл. XII, 4], в Бельбеке IV [Гущина, 1982, с. 24, рис. 8, 67а; 12, 37], в сарматских погребениях Михайловки [Дзиговский, 1993, с. 75, рис. 43, 6; Трейстер, 1993, рис. 1, 8], у хут. Виноградный [Косяненко, Максименко, 1989, с. 264–267], в Венгрии [Иштванович, Кульчар, 2005, с. 338, рис. 1, 9, 10]. Есть они в коллекции из разграбленных комплексов в Ростовском областном музее краеведения [Ильюков, 1998, с. 89, фото 3].

Редкой находкой можно считать серьги сфероконической формы с зерни из Заветного [Богданова, 1989, с. 41, табл. XII, 2]. Аналогии им известны в Прикубанье, в комплексе I в. н. э. [Шедевры... 1987, с. 137, 142, кат. № 194].

В мужских захоронениях склепов 612/3 и 620/2 Усть-Альмы найдено по одной серьге, сделанной из толстого прута, с одним заостренным концом (рис. 119, 11; 111, 12). Обе они лежали справа от черепа умершего. Аналогия – в коллекции Ростовского музея [Ильюков, 1998, с. 89, фото 4].

Подвески, ожерелья, медальоны. Помимо опубликованных [Дашевская, 1991, с. 38, табл. 69, 3–11, 14, 15; Высотская, 1994, с. 106, табл. 30, 46], особый интерес представляют медальоны-кулоны из т. н. «ожерелий с бабочками». Они найдены в богатых склепах Усть-Альмы: 603 (рис. 110, 7) и 620/2 (рис. 111, 14). Такие ожерелья, изготовленные, по-видимому, в одном из ювелирных центров Северного Причерноморья, подробно проанализированы в ряде работ [ОАК 1896 г., с. 178, 179, рис. 535; ОАК 1898 г., с. 121; Трейстер, 1993, с. 85–87; Скржинская, 1990, с. 39, 40; 1994, с. 18–25; Пуздровский, 2004, 298–305]. Более скромное колье этого типа обнаружено в могиле 820 (рис. 117, 5), оно состоит из двух орнаментированных продольными рельефными линиями пластин с петельками на концах. С ними скреплены плетеные цепочки, а с цепочками – три кулона. Центральный кулон овальной формы – со вставкой из темно-красного стекла, два боковых – круглой формы со вставкой из зеленого стекла. Кулоны между собой и с цепочками скреплены штифтами.

Детали богатых ожерелий из золотых подвесок со вставками из стекла и полудрагоценных камней встречены в могилах 745, 765, склепе 853 (рис. 126, 12, 23; 118, 3). Первой из них – подвеска каплевидной формы с зерни по краю и вставкой из синего стекла есть близкие аналогии в многоярусном ожерелье погребения 5 Тилля-Тепе [Сараниди, 1983, рис. 59]. Вторая – с двумя петельками, зерни и сердоликовой вставкой-геммой с повернутым внутрь, лицевой частью (!), изображением женской головы в профиль также была частью ожерелья. Третья – со вставкой из яшмы близка подвескам среднего яруса того же ожерелья из погребения 5 Тилля-Тепе.

Аналогичные медальоны-кулоны и подвески хорошо представлены в «Золотом кладбище», где они носились как самостоятельные украшения, так и в составе ожерелий

[Гущина, Засецкая, 1994, с. 16, 17]. Достаточно хорошо известны они в некрополе Херсонеса [Белов, 1927, с. 131–134, рис. 19, 6–14].

Из детского погребения в склепе 735 происходят два золотых медальона с чеканным погрудным изображением женского божества (рис. 111, 4). По краю они украшены рубчиком, с обратной стороны припаяны по две петельки. Характерными атрибутами богини, изображенной с полным лицом и пышной грудью, являются высокий головной убор и прически, разделенная на две половины. Верхняя одежда в виде кафтана подчеркнута широким воротником и поясом. Медальоны очень близки изображению богини на пластине из венка-диадемы склепа 777/3 (рис. 122, IIIa), но оттиснуты по разным матрицам [ср.: Древние сокровища... кат. № 54, 69]. Достаточно близкие аналогии сюжету представлены на предметах торевтики из Тилля-Тепе [Сарианиди, 1983, рис. 30; 1989, с. 120–123, рис. 43, 3, 4].

Среди личных украшений необходимо отметить парадные ожерелья: в склепе 620/1 оно состояло из сердоликовых бус и золотых подвесок в виде гофрированных трубочек с припаянными к ним полыми конусами с шариками на концах (рис. 112, 4–6). Возможно, этот тип ожерелья послужил прототипом для изображения украшений «гривны» на медальонах-брошах с изображениями женского божества (см. ниже) и прямоугольном щитке из Горгиппии [Шедевры ... 1987, табл. XLVII–XLVIII, кат. 261]. В склепе 820 ожерелье состояло из агатовых бусин (рис. 117, 8), а в склепе 775/1 агатовые бусины были разделены подвесками в виде трубочек и припаянными к ним полыми сферами, украшенными зернью (рис. 115, 2, 3). На концах нитки находились золотые детали застежки (рис. 115, 1).

Лунницы. Достаточно редкий тип украшений в позднескифских могильниках [Высотская, 1994, с. 106, табл. 15, 37; 38, 10]. Новые экземпляры найдены в Усть-Альме в комплексах второй половины I в. н. э. В склепах 520/31 и 619/3 золотые лунницы имели форму подковы с небольшими утолщениями на концах (рис. 126, 8, 11) – аналогичные известны в зольнике-эсхаре у здания Е на Неаполе [Зайцев, 1995, с. 85, рис. 7, 45], в сарматских погребениях Венгрии второй половины I–II вв. [Иштванович, Кульчар, 2005, с. 337, 338, рис. 1, 3, 6, 7] и постзарубинецких древностях [Щукин, 1994, с. 224, 233, 234, рис. 74, 21, 22; 84, 1, 12].

Рубежом I–II вв. н. э. датируется целая серия украшений: серебряная подвеска из детской могилы 698 простой формы, со слегка приостренными окончаниями (рис. 126, 9), золотая лунница из склепа 772, украшенная зернью (рис. 126, 10), бронзовые экземпляры из склепов 424 Б (рис. 126, 4), 680/6 и 703, аналогичные по размерам и конструкции лунницам из склепов 520 и 619. Несколько иной формы (в виде сюльгамы) подвеска из склепа 590/11 (рис. 126, 2). Аналогичные альминской (склеп 120) золотые лунницы, украшенные зернью, филигранью и стеклянными вставками, найдены в могильниках у с. Красная Заря [Древние сокровища... 2005, с. 15, кат № 11] и Заветное [Гущина, Журавлев, Фирсов, 2001, с. 235, рис. 6, 8].

Бронзовая лунница середины III в. н. э. происходит из могилы 631 Усть-Альмы (рис. 126, 1), а серебряная – из могилы 139 Битака. Близким временем датируются бронзовые подвески из могилы 156 Перевального (рис. 126, 3, 6, 7), концы их загнуты внутрь. Аналогичные предметы найдены в Чатырдагском некрополе [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 140, табл. 18, 12 а, б].

Принадлежности туалета.

К ним относятся зеркала, пинцеты, туалетные ложечки, шкатулки, пиксиды, гребни. Их классификации посвящено много работ [Хазанов, 1963, с. 58–71; Сокольский, 1971, с. 123–149, 199–215; Петерс, 1986, с. 64–70; Скрипкин, 1990, с. 142–156; Сымонович, 1983, с. 88, 89, 95–97; Дащевская, 1991, с. 40; Высотская, 1994, с. 116–123; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 187, 188].

Зеркала. Вместе с населением среднесарматской культуры со второй половины I в. н. э. распространяются зеркала с боковой ручкой и коническим утолщением в центре

(рис. 128, 2–4, 7–11), а с рубежа I–II в. н. э. в могильниках Крымской Скифии появляются орнаментированные зеркала-подвески, в том числе с тамгообразными знаками (рис. 128, 11–19; 129; 130). Особенно много их в погребениях позднесарматского времени (вторая половина II–III вв. н. э.). Эти предметы свидетельствуют о значительном контингенте сарматов в Юго-Западном и Центральном Крыму. Обилие таких находок (десятки экземпляров) практически во всех могильниках резко контрастирует с небольшим количеством зеркал этого типа в Херсонесе [Зубарь, 1987, с. 90–91, 98]. Достаточно много их в сарматских погребениях Украины [Симоненко, 1999, с. 16], но на Нижнем Дону орнаментированные зеркала не получили распространения [Максименко, 1998, с. 131], за исключением Танаиса и ближайшей округи [Книпович, 1949, с. 55–56; Арсеньева, 1984 а, с. 20–23]. Ареал аналогий орнаментации на зеркалах позволяет предполагать, что местом их производства был Северный Кавказ, откуда через Прикубанье вместе с сарматами они попадали в Крым и Северное Причерноморье [Высотская, 1994, с. 117, 118; Соломоник, 1983, с. 90, 91; Абрамова, 1971, с. 131; Барцева, 1971, с. 133–138].

В последние годы на Усть-Альме найдены ранее не известные в Крыму массивные дисковидные зеркала с остатками деревянных (луб, кора) окрашенных футляров: в склепах 612/2 (d=0,215 м), 618/1 (d=0,225 м), 720 (d=0,245 м), 775/1 (d=0,225 м). Все комплексы датируются серединой–третьей четвертью I в. н. э. (рис. 127, 1, 4) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 10, 10; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, abb. 5, 2]. Наиболее позднее в этом ряду – зеркало из склепа 618/1 с датой 70–80-е гг. I в. н. э. Такие крупные экземпляры, хотя и встречаются изредка в сарматских памятниках [Скрипкин, 1990, с. 93, 142, 143, рис. 34, 8–10; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 155, 178, рис. 9, 2; Гущина, Засецкая, 1989, с. 79, 93, табл. II, 6; 1994, с. 72, кат. № 463], по-видимому, являются импортными из районов Средней Азии, где находятся истоки формирования. Зеркала дисковидной формы, часто в деревянных футлярах, но меньшего размера встречены в комплексах после рубежа третьей и последней четвертей I в. н. э. (рис. 127, 3, 4, 6, 7, 9; 128, 1).

Еще одна уникальная находка происходит из склепа 775/2. Это бронзовое зеркало «бактрийского» типа с валиком по краю и выпуклостью в центре (d=0,125 м) с небольшим прямоугольным двупластинчатым выступом, в который была вставлена и крепилась с помощью заклепки железная ручка со следами белой эмали (рис. 127, 2). Этот тип зеркал в сарматских памятниках Северного Причерноморья недавно проанализировал А.В. Симоненко, включив в список и бронзовый дисковидный предмет со штырем, насаженным на костяную рукоять из Ногайчинского кургана [2000, с. 142, рис. 2, 5, 6]. Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева отрицают принадлежность ногайчинской находки к зеркалам [2003; с. 78, 79, 87, рис. 13, 1]. Близкие по оформлению зеркала обнаружены в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1989, с. 79, табл. VIII, 75, 104]. Зеркала с фасетками по рельефному валику известны в Индии [Заднепровский, 1993, с. 90, рис. 1, 6]. Характерно, что в склепе 775 (в разных погребениях) найдены два рассмотренных выше типа зеркал. Большинство исследователей считают их среднеазиатскими по происхождению [Скрипкин, 1990, с. 95, 142–146, рис. 36, 5–10; Заднепровский, 1993, с. 91, 92], а их появление в Северном Причерноморье, как и китайских зеркал, связывают с приходом алан в середине I в. н. э. [Симоненко, 2000, с. 142, 143; ср.: Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 87].

В нижнем ярусе склепа 634, за пределами колоды с женским погребением 4, лежало бронзовое зеркало диаметром 8 см с центральной петлей и иероглифическими изображениями по кругу (рис. 127, 8). Комплекс датируется первой половиной II в. н. э. Тип зеркал с центральной петлей известен еще с эпохи поздней бронзы. Возрождается он у кочевников евразийских степей в I в. н. э., однако все находки представлены китайскими или сибирскими изделиями [Скрипкин, 1990, с. 154, 155, рис. 36, 19, 20, 22, 23]. Альминское зеркало, скорее всего, является подражанием китайским образцам. Ранняя дата альминского зеркала с центральной петлей позволяет предположить, что оно, как и

аналогичные по конструкции экземпляры из Барановки и Минеральных Вод, появилось вместе с населением позднесарматской культуры из восточных районов. Зеркала же с боковой петлей и «иероглифами» (не ранее второй половины I в. н. э.) являются, по-видимому, местными копиями [Гугуев, Трейстер, 1995, с. 148–152, рис. 4]. Еще одно зеркало с центральной петлей – плохой сохранности, обнаружено в разграбленном склепе 830 (рис. 126, 11), что не позволяет уточнить его дату: в пределах II в. н. э.

Редкий тип зеркал представлен обломком из могилы 607 в комплексе II в. н. э. – с перфорацией по краю (рис. 127, 10). Такие фрагменты в единичных случаях встречаются в Нижнем Поволжье [Скрипкин, 1990, с. 97, рис. 36, 27], но известны в античных некрополях, в частности, в могиле 69 (1909 г.) некрополя Пантикея – с монетой Котиса I [Кунина, Сорокина, 1972, с. 150; рис. 4, 33] и в склепе на мысе Такиль с находками конца I – первой половины II в. н. э. [Ермолин, 2004, с. 212, 215, 218–221, рис. 8, 78].

Шкатулки. Во многих женских захоронениях I–II вв. н. э. обнаружены деревянные шкатулки, содержащие украшения и туалетные принадлежности. Часто об их присутствии в погребальном комплексе можно судить лишь по находкам металлических (бронзовых и железных) деталей. Особенно много таких погребений в Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 121–123], есть они в Неаполе [Сымонович, 1983, с. 88, 89], Битаке (рис. 131, 1, 5, 7), а также в других могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма I–III вв. н. э. Эта группа инвентаря пополнилась новыми находками из Усть-Альмы, дающими представление о форме, размере и конструкции шкатулок, накладках, защелках, ключах и других деталях (рис. 131, 2, 3, 4, 6, 8, 9). Многочисленные аналогии представлены на Боспоре, где шкатулки и различные туалетные коробочки производились в больших количествах [Сокольский, 1971, с. 129–138].

Раскопками последних лет на Усть-Альме обнаружено несколько китайских шкатулок. Лучше других сохранилась шкатулка из склепа 620/1. Она прямоугольной формы, состояла из трех частей: крышки верхнего отсека, крышки нижнего отсека (дно верхнего отсека) и нижнего лотка (рис. 132). Все грани закруглены, общая высота 21 см, ширина 13 см, длина 29,5 см. Основа – дерево (прессованный бамбук?), грунтовка – зольная, смешанная с сырьим лаком. Снаружи и внутри покрыта несколькими слоями лака. Внутри – гладкий красный лак, киноварный, снаружи – черный лак с росписью красным. Роспись – в виде геометрических орнаментов, с узорами в виде «запятых» и треугольников. Орнаменты расписаны тонкими линиями и хаотическими мазками. В линеарные узоры включены фигуры животных. В нижнем отсеке находилась маленькая шкатулка размером 15×8 см, высотой 8 см. В центре крышки последней изображена «танцующая» фигурка, написанная широкими мазками кисти, с тонкой «косичкой» – хвостом на голове. По периметру нанесен орнаментальный узор из повторяющихся групп знаков. Подобные лаковые изделия были широко распространены в Китае в V–I вв. до н. э., являлись ценными предметами и нередко клались в захоронения китайской знати. Период наибольшего их распространения – III–II вв. до н. э. Самая представительная коллекция таких изделий (посуда, подносы, черпаки, шкатулки) происходит из погребения княгини Синь в Мавандуе около Чанша (провинция Хунань), относящегося к 168 г. до н. э. (династия Западная Хань). Многие изделия из лака в Мавандуе имеют тот же характерный линеарный стиль орнаментации. Кроме того, вещи украшены фигурками с расставленными руками, «седыми» волосами с косичками или рожками, развевающимися одеждами и т. п., которые считаются духами-защитниками [The Hun tomb Nr. 1, 1976]. Судя по аналогиям, альминские шкатулки следует датировать II – первой половиной I в. до н. э. Место производства – юго-восток Центрального Китая (провинции Хунань – Цзянси)¹⁵. Однако такая датировка вступает в противоречие с остальными пред-

¹⁵ Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику Государственного Эрмитажа М.Л. Меньшиковой за консультации и определение шкатулки.

метами комплекса и не соответствует хронологии всего участка некрополя в целом. Поскольку остатки лакового покрытия с орнаментом от аналогичных шкатулок обнаружены еще в четырех склепах: 603, 612, 642, 720 [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, abb. 6], на расстоянии 7–15 м вокруг склепа 620, то это позволяет предполагать определенную синхронность попадания их к владельцам и высказать гипотезу о продолжении производства шкатулок такого типа на рубеже н. э. [Пуздровский, Зайцев, Меньшикова, 1997 (доклад); Пуздровский, 2000, с. 102–108].

Шкатулки являются одним из атрибутов женских богатых погребений среднесарматской культуры (Кобяково, Ногайчинский курган)¹⁶. Отделка, оформление, содержимое не оставляют сомнений, что они относились к социально престижным предметам, а общий характер инвентаря позволяет с большой степенью вероятности утверждать, что погребенные с ними лица были «жрицами» [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 149–154, рис. 9; Симоненко, 1993, с. 70, 71]¹⁷.

Среди содержимого шкатулок много предметов туалета и личного обихода, среди которых часто встречаются туалетные ложечки из бронзы и серебра [Сымонович, 1983, с. 99, табл. XLV, 36; Высотская, 1994, с. 119], новые материалы происходят из раскопок Битака и Усть-Альмы (рис. 133, 1–11). На Неаполе [Сымонович, 1983, с. 95], Битаке и Усть-Альме найдены бронзовые пинцеты и щипчики.

Бронзовые предметы, состоящие из двупластинчатого шарнирного футляра конической формы с петлей для подвешивания, встреченные в крымских комплексах второй половины II – первой половины III в. н. э., И.И. Гущина атрибутировала как амулетницы [1974, с. 43]. У некоторых из них внутри имеется бронзовый стержень. Известны они в позднесарматских памятниках Молдовы и Буджака [Симоненко, 1999 а, с. 19; 2004, с. 155, рис. 10, 45], а также в Северном Приазовье [Шепко, 1987, с. 172, рис. 4, 17–19]. Иногда стержень отсутствует, а в полости находят бронзовые иголки, что дало основание считать данные предметы «игольниками» [Сымонович, 1983, с. 95, табл. XXXVIII, 34, 36; Высотская, 1994, с. 92, рис. 6, 23а; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136, рис. 5, 14]. В последнее время данные предметы трактуются как застежки-«бигуди» [Симоненко, 2004, с. 155]. Внешнее сходство с ними (кольцо, пластины) имеют также наборы для туалетных принадлежностей (копоушка и зубочистка) в памятниках цебельдинской культуры [Гей, Бажан, 1997, с. 15, табл. 14: II]. Новые находки таких футляров в некрополях Неаполя, Битака, Усть-Альмы (рис. 150, 1–8), Дружного, часто на связке у пояса с другими амулетами [Храпунов, 1994, с. 536, 537, библ., рис. 1; 3, 3], не исключают возможности использования их в качестве вместилищ для магических предметов: кусочков пергамента, тканей, кожи, волос и др.

Из Усть-Альмы происходит серия туалетных пилочек [Высотская, 1994, с. 93, табл. 8, 31]. Часть из них найдена в комплексах первой половины II в. н. э. (рис. 150, 9, 13), другая – в погребениях второй половины II – начала III в. н. э. (рис. 150, 10–12).

Хорошая сохранность на Усть-Альме изделий из дерева и кости позволила за многолетний период исследований получить целую коллекцию пиксид – туалетных коробочек [Высотская, 1994, с. 119, табл. 5, 34; 33, 8], в которых хранились мази, румяна, белила, порошки, снадобья и т. д. (рис. 133, 12–15; 135; 136, 1, 2, 5–7). Такие вещи, относимые к предметам роскоши, найдены в сарматских погребениях Украины [ОАК 1896 г., с. 215, рис. 611; Вязьмітіна та ін., 1960, рис. 27, 4; 64, 4; 68, 6; Ковпаненко, 1986, с. 78, 80, рис. 82, 83], в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1989, с. 86, табл. I, 9; 1994, кат.

¹⁶ В отчете указано на нахождение предметов туалета и украшений справа от берцовых костей, в шкатулке размером 30x20 см [Щепинский, 1974, с. 54], что не исключает варианта кожаной сумки прямоугольной формы (типа саквояжа?) или «из органического материала, украшенной бронзовыми бляшками» [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 68].

¹⁷ Детали богато декорированной шкатулки из воинского захоронения кургана № 1 у Зубовского хутора (описание могилы и положение погребенного не документированы) [Гущина, Засецкая, 1989, с. 87, 117, 127, табл. XII, 130] могли принадлежать второму (?) – женскому захоронению в кургане.

№ 115, 127, 132, 300, 322]. Две костяные пиксиды с белилами и румянами и одна деревянная (с серебряной накладкой) обнаружены в китайской шкатулке женского погребения склепа 620/1 Усть-Альмы (рис. 133, 13–15). Альминским экземплярам имеются многочисленные аналогии на Боспоре [Сокольский, 1971, с. 205, 206, 209, 210, 214, 215, табл. X, 1; XXIX, 8, 10, 14, 15; XXX, 6], откуда, вероятно, они и происходят [Высотская, 1994, с. 119].

Разнообразные деревянные гребни найдены в последние годы на Усть-Альме в комплексах I–II вв. н. э. (рис. 137, 2–4, 7, 9–14). Им также много аналогий на Боспоре [Высотская, 1994, с. 120, 121, рис. 36; Сокольский, 1971, с. 138–145, табл. XVI–XIX].

В шкатулках и вне их лежали туалетные сосуды из алебастра [Высотская, 1994, с. 86]. Большинство их происходит из раскопок Усть-Альмы: в виде сдвоенных ведерок из склепа 603 (рис. 138, 1), сферической формы с ручками в виде припавших к поверхности стилизованных животных с длинными ушами из склепов 620, 705, 720 (рис. 138, 4–6) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 18, 1; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, abb. 4, 8; Zaitsev, 2002, р. 41–60]. Такие характерные предметы, входящие, безусловно, в круг культовых, обнаружены на обширной территории распространения среднесарматской культуры [Вязьмітіна та ін., 1960, рис. 5; Фурманська, 1960, рис. 100, 5; Смирнов, 1973, с. 170; Ковпаненко, 1986, рис. 59–63; Скрипкин, 1990, рис. 37, 23, 24; Гущина, Засецкая, 1989, табл. XIII, 144 а, б; 1994, кат. № 116, 173; Симоненко, 1999а, рис. 1, 3; Сергацков, 2000, с. 118; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 85, рис. 13, 5].

В Усть-Альме найдены серебряные туалетные сосудики (рис. 133, 16, 18), а также вторично использованный в качестве подвески обломок флакона из агата (рис. 133, 19). Золотые и серебряные туалетные флаконы и пиксиды встречаются в захоронениях сарматской аристократии (рис. 61; 62) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 75, 83, 84, 93, библ. рис. 9, 1–6; Прохорова, Гугуев, 1992, с. 157, рис. 10, 1–4; Ковпаненко, 1986, с. 82, рис. 86, 87].

Другие принадлежности туалета и личного обихода из могильников Крымской Скифии в значительно меньшей степени отражают этнические особенности населения, аналогии им встречаются как в некрополях античных городов и сельских поселений, так и в сарматских комплексах на обширной территории.

Ритуальные предметы.

В первые века н. э. в некоторых могильниках Крымской Скифии (Неаполь, Заветное, Усть-Альма), как и в I в. до н. э. (Неаполь, мавзолей), зафиксированы золотые лицевые пластины – наглазники и нагубники [Дашевская, 1991, с. 39, табл. 66, 7, 12, 13, 16, 17]. Они, вероятно, крепились (наклеивались?) на тканевую основу маски, закрывавшую лицо умершего. До недавнего времени на Усть-Альме была известна одна находка наглазников, датируемых Т.Н. Высотской рубежом н. э. [1994, с. 94, табл. 46, 48, 56]. В последние годы открыто несколько богатых захоронений (женское и мужские) середины–второй половины I в. н. э. с золотыми лицевыми пластинами: склепы 612/2 (рис. 119, 3–5), 777 (рис. 121, II–V), 806 (рис. 109, 2). Два нагубника происходят из раскопок В.Н. Хоменко и И.И. Лободы кургана у с. Вилино в 1985 г. [Зайцев, 2004, с. 47–50; Древние сокровища... 2005, кат. № 6, 23, 64, 66, 68, 72]. Большинство пластин – без орнаментации, они предельно просты в исполнении, что сближает их с аналогичными комплектами I–II вв. н. э. из Дура-Европоса. Предположение Н.Н. Погребовой о распространении обряда использования золотых лицевых пластин сарматскими племенами, который они принесли в Северное Причерноморье через Кавказ [1957, с. 153], и связи его с эллинистическими традициями Востока (Сирия, Парфия), хотя и встречает возражения [Зубарь, 1982, с. 110–112; 1987, с. 92; Зайцев, 2004, с. 47–50], нельзя сбрасывать со счета.

Наиболее ранней находкой таких предметов у сарматов можно считать золотые наглазники «очковидной» формы со штампованными изображениями оленей и пальмет-

кой из погребения 1 кургана 15 Батуринской I на Кубани с предложенной автором публикации датой III–I вв. до н. э. [Чернопицкий, 1985, с. 251–255, рис. 2]. Им стилистически близки наглазники из впускного погребения кургана «Острый» у станицы Ярославской с датой погребения первая половина I в. н. э. [Гущина, Засецкая, 1989, с. 77, 92–96, табл. I, 20]. В изображениях оленей на обоих экземплярах отмечена «архаизирующая тенденция», объясняемая определенной модой на старину [Чернопицкий, 1985, с. 254]. Наиболее близки кубанским наглазники из коллекции предметов 1891 г. из Парутино [Орешников, 1894, с. 4–8, рис. 4, 5]. Если обнаруженные с ними остальные предметы составляют единый комплекс, то дата его – первая половина I в. н. э. [Пуздровский, 2004, с. 300].

В некрополях первых веков н. э. Херсонеса и Ольвии, где найдены лицевые пластины (в том числе наглазники с перемычкой), такой обряд был новшеством и мог быть заимствован как из Восточного Средиземноморья [Зубарь, 1987, с. 92], так в равной степени и у сармат или других кочевников восточного происхождения¹⁸. Слияние античного и сарматского погребального обряда демонстрируют материалы из богатых захоронений в склепах Горгиппии, среди которых есть золотые наглазники, нагубники и нагрудники [Шедевры... 1987, рис. 91, кат. № 253–256].

К предметам культа относятся лепные курильницы сарматских типов, о которых речь шла выше. Типология и происхождение сарматских курильниц были предметом изучения К.Ф. Смирнова [1973, с. 166–179]. Эта группа инвентаря, включая и гончарные сосуды, существенно пополнилась новыми интересными находками из могильников Неаполя, Битака, Усть-Альмы (рис. 83–85; 139, 13). С очистительной силой огня и дыма связаны железные треножники (канделябры) и их детали с лепными светильниками из склепов 603, 620, 616, 730 и могилы 700 Усть-Альмы (рис. 139, 1–12), а также гончарные (краснолаковые) светильники, игравшие ту же роль в погребальном обряде (рис. 188–190) [Zaytsev, 2002, р. 41–60]. Железные и бронзовые канделябры найдены в богатых сарматских захоронениях Прикубанья I в. н. э., часть из них являлась римским импортом либо подражанием римским образцам [Гущина, Засецкая, 1989, рис. 87, 107, табл. VIII, 80; 1994, с. 35, кат. № 24, 34, 274; Каминская, Каминский, Пьянков, 1985, с. 230, 232, рис. 4, 5].

К разряду культовых и престижных предметов относятся серебряные сосуды. Достаточно представительная серия таких предметов античного производства происходит из Усть-Альмы (подробней в разделе о хронологии). Уникальны для Крыма ручки серебряного кубка в виде фигурок лося и орла из склепа 603 Усть-Альмы (рис. 110, 16, 17). Литая фигурка сидящего орла со сложенными крыльями, с подчеркнутыми гравировкой деталями оперения, мощных лап, массивного клюва; глаза – в виде глубоких впадин. Высота фигурки – 3 см, длина – 3,7 см. Фигурка стоящего лося более реалистична. Размеры: 6,5x6,0 см. Скорее всего, изображено молодое животное, стройное, упругое, с развитой мускулатурой, острыми копытцами, с характерной для этого вида семейства оленей вытянутой мордой и слабоветвистыми рогами, глаза переданы неглубокими впадинами миндалевидной формы. На крупье – небольшое цилиндрическое углубление (как на фигурках из Бердии, Вербовского, Мигулинской, Хохлача, из коллекции Григорьянца) – куда, возможно, вставлялся хвост из органических материалов [Мордвинцева, Сергацков, 1995, с. 116; Сергацков, 2000, с. 125, рис. 86, 1; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 32, библ.]. Фигурки в древности были соединены цепочкой, последняя крепилась на кольце, надетом на правую переднюю ногу лося, и на карабине, надетом на левую лапу орла.

Ручки в виде фигурок птиц, преимущественно различных видов рода орлиных, часто встречаются на серебряных сосудах в захоронениях сарматской знати [Шилов,

¹⁸ Заслуживает внимания для реконструкции обряда находка в комплексе рубежа н. э. кургана № 6 Ноин-Улы «повязки» из двойной гладкой шелковой ткани на вате с пришитыми тесемками из той же ткани [Руденко, 1962а, с. 119, табл. XVI, 1]. Она могла служить «погребальной маской», на основе которой развилась идея использования золотых лицевых пластин.

1975, с. 150, 151, рис. 58, 1; Мордвинцева, 2000, с. 146–151, рис. 2; Гущина, Засецкая 1994, с. 31, 32, табл. 12, 114; 31, 293; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 148; Трейстер, 1994, с. 173, 174, рис. 2; ОАК 1901 г., с. 83]. М.Ю. Трейстер справедливо отнес к изделиям этого круга серебряную фигурку орла из святилища на Гурзуфском седле [Новиченкова, 1994, с. 73, рис. 22; Новиченкова, 1998, с. 59, рис. 8; Трейстер, 1998, с. 79]. Наиболее близки альминскому экземпляру по декору и размерам фигурки орла из Жутово и Косики. Боковые ручки в виде фигурок стоящих, сидящих или присевших к земле животных известны на золотых и серебряных сосудах, найденных в Подонье – курганы Хохлач, Мигулинская, Криволиманский (олень или лось), Высочино I, VII – (кошачий хищник) [Максименко, 1998, с. 114 рис. 50, 1, 3, 4; 51, 2; 52; Беспалый, 1985, с. 163–172, рис. 4; 6, 2], на Украине – Пороги (лошадь) [Симоненко, Лобай, 1991, с. 58, рис. 30], в Нижнем Поволжье – Бердия (грифоны) [Мордвинцева, Сергацков, 1995, с. 116 рис. 5, 1, 2], Косика (кабаны) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 148–151, рис. 5; Трейстер, 1994, рис. 1, 5], Октябрьский V (заяц) [Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 150, рис. 3, 23], Вербовский II (волк) [Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 89, кат. 52; Сокровища... 2000, фото 9]. Все они обнаружены в комплексах I в. н. э. Более ранняя дата предлагается для сосуда с ручками в виде фигурок грифонов из коллекции С.Г. Григорьянца [Treister, 2005, р. 199–255].

Альминский сосуд, вероятно, был схож по форме с богато декорированным серебряным кувшином со сливом и крышкой из Высочино VII или с круглодонными сосудами с крышками из Косики и Вербовского II [Трейстер, 1994, рис. 1, 5; Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. 52, рис. 12], т.е. фигурка орла украшала крышку. Не исключен вариант использования альминских зооморфных украшений в качестве амулетов [ср.: Гущина, Засецкая, 1994, с. 24].

Ритуальные деревянные сосуды и предметы. Кроме Усть-Альмы, изделия из дерева в позднескифских могильниках сохраняются плохо. О шкатулках, пиксидах и гребнях речь шла выше, однако находки посуды ранее были редкостью [Высотская, 1994, с. 85, 86]. Большая коллекция этой категории инвентаря получена в последние годы: плошки, миски, чашки, тарелки, блюда (рис. 140; 141) [Мордвинцева, Зайцев, 2002]. Некоторые сосуды представляют собой подражание античным гончарным формам (рис. 140, 2; 141, 1–5) и выполнены на токарном станке. Такая продукция, по-видимому, поступала к поздним скифам в основном с Боспора [Сокольский, 1971, с. 194–199, рис. 59, табл. XXVI]. В склепе 720 по отпечаткам в глиняном полу и остаткам краски реконструирована чаша типа пиалы, раскрашенная кольцевыми полосами красной краски (рис. 138, 2).

Особо следует отметить долбленную из букового пня глубокую чашу диаметром 50 см с выступающим бортиком и сливом, с боковой ручкой в виде фигурки лошади, а также другими скульптурами, из которых сохранилась целая деревянная амфора, крепившаяся с подставкой в паз напротив ручки в горизонтальном положении. На раскрашенном красной краской бортике сохранились основания для пяти таких же подставок с утраченными фигурками птиц (?) и следы от ног четырех фигурок животных между ними (рис. 140, 3). Несомненно, перед нами образец ритуального деревянного сосуда [Зайцев, 2000а, с. 302, 315, рис. 5; Мордвинцева, Зайцев, 2002; Древние сокровища... 2005, кат. № 84]. Ритуальную нагрузку несут также: прочерченное изображение лошади на деревянном блюде из этого же склепа (595) (рис. 140, 1) [Зайцев, 2000а, с. 316, рис. 7, 4] и гравированные по дереву заштрихованные фигурки оленей на фрагментах шкатулок из склепа 520 (рис. 134, 1–3).

Среди деревянной скульптуры Усть-Альмы особое место занимают навершия деревянных веретен (находимые часто вместе с деревянными пряслицами) – вырезанные стилизованные фигурки животных. К опубликованным экземплярам [Высотская, 1994, с. 90, 91, табл. 24, 32; 26, 43] в виде сидящих птиц (?) в последние годы прибавились

аналогичные предметы из склепов 520, 550, 590, 736 с фигурками стоящих оленей, лошадей и других животных (рис. 134, 4; 136, 9; 137, 1, 5, 8).

Уникальны деревянные сосуды из могилы 700. Глубокая чаша диаметром около 35 см сохранилась во фрагментах. По краям сосуда симметрично выточены четыре ручки: две в виде фигурок медведей (?), кошачьего хищника и сидящего орла [Мордвинцева, Зайцев, 2002, с. 57–67; Древние сокровища... 2005, с. 23, кат. № 116]. Фигурка хищной птицы украшала край другого сосуда – неглубокой чаши (рис. 141, 7) [Мордвинцева, Зайцев, 2002; Древние сокровища... 2005, с. 23, кат. № 115], которая вместе с другими предметами инвентаря лежала в деревянном блюде на четырех ножках (рис. 141, 6).

Высокохудожественная деревянная резная скульптура редко встречается в Северном Причерноморье и на сопредельных территориях, хотя саму посуду (чаши, кубки, черпаки, блюда, подносы) достаточно часто находят в сарматских погребениях [Мелюкова, 1962а, с. 204, рис. 6, 5, 7; Ковпаненко, 1986, с. 66, рис. 69; Субботин, Дзиговский, 1990, с. 19–21; Беспалый, 1990, с. 217, рис. 3, 16; Гущина, Засецкая, 1994, с. 33, кат. № 181, 384; Максименко, 1998, с. 116; Симоненко, 1999, с. 106–118; Сергацков, 2000, с. 10, 18, рис. 3, 34; 14, 13]. Некоторые альминские сосуды близки по стилю лепной керамике с зооморфными ручками, широко распространенной в сарматское время [см.: Абрамова, 1969, с. 69–84; 1984, с. 15–20, библ.; Яценко И.В., 1984, с. 256–259, библ.].

Несмотря на визуальное определение пород дерева альминских сосудов как местных (крымских), корни рассматриваемой деревянной зооморфной скульптуры, видимо, следует искать в Центральной Азии, где такие традиции известны со скифского времени [Руденко, 1953, с. 284–287, рис. 79, 115, 124, 127, 168; 1960, с. 245–323; 1962а, с. 30–36, рис. 24–27; Семенов, 1956, с. 221–224; Полосьмак, Молодин, 2000, с. 36–85, рис. 9, 11, 17, 19, 21, 25, 28, 30, 32]. В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе этот привнесенный художественный импульс мог получить новое направление.

Данный вопрос тесно смыкается с определением места производства ритуальных серебряных сосудов с зооморфными ручками (см. выше). Последние значительно отличаются от реалистических изображений животных, характерных для античного искусства [ср.: Симоненко, Лобай, 1991, с. 58, 65, 66; Мордвинцева, 2000, с. 151; Сергацков, 2000, с. 125, 126; Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 31–36], а набор образов (лошадь, лось, барс, олень, волк, пантера, кабан, заяц, орел) указывает на хорошее знакомство мастеров с фауной лесных и горно-степных ландшафтов.

Мраморная ступка. В склепе 603 Усть-Альмы среди других предметов культового характера найдена верхняя часть ступки цилиндрической формы (максимальный диаметр – 15 см, высота – 7,5 см). Венчик ее оформлен в виде широкого валика шириной 4,5 см, по верхней плоскости которого прочерчен орнамент. По бокам сосуда – две вертикально расположенные ручки, украшенные схематически переданными зооморфными фигурками. На ручках двумя желобками выделен горизонтальный поясок (рис. 138, 3). Прямая аналогия сосуду – мраморная ступка из Соколовой Могилы, служившая, по мнению Г.Т. Ковпаненко, для измельчения целебных и ароматических трав [1986, с. 60, рис. 59–61].

Ритуальные ножи. В комплект инвентаря в богатых женских погребениях 603, 775/1 и 782 входили необычной формы ножи. В склепе 603 сохранился обломок полихромной стеклянной рукояти с остатками железного черешка (рис. 138, 7). Орнамент выполнен в мозаичной технике «миллефиори» в виде «глазков» (отрезки стеклянного пруттика желтого и зеленого цветов на белом фоне), разделенных зигзагами (зеленое стекло). Размеры: 3,2x1,7 м. Поиск аналогий привел к уникальному ножу с рукоятью в виде бруска, изготовленному из «финикийского стекла» черного оттенка с желтыми и белыми волнистыми прожилками. Он найден в захоронении IV в. до н. э. могильника Николаевка на Днестре. Место его производства – Египет или Сирия [Мелюкова, 1975, с. 171, 172, рис. 49, 1]. По технике декора ручка альминского ножа близка чашам конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. и первой половины I в. н. э. из Эрмитажа [Кунина, 1997,

с. 267, 268, кат. № 86, 87, 93], а также из погребения 51 (ул. Астраханская) некрополя Горгиппии [Шедевры... 1987, с. 67, 163, табл. XLIX, кат. 239]. Изделия в стиле «милленифиори», как считает А.В. Симоненко, относятся ко второй, наиболее многочисленной волне импортов у сарматов, датируемой второй половиной I – серединой II в. н. э. [2002, с. 135; 2006, с. 145, 146].

Характерная особенность ножа из склепа 775/1 – длинная ручка-черенок с наборными, орнаментированными резьбой деревянными и костяными дисками и цилиндрами (рис. 138, 9). Общая длина ножа – 21,3 см, ручки – 10 см. Обломок похожего ножа с костяной наборной ручкой происходит из разграбленного склепа 782 (рис. 138, 8). Аналогичные предметы длиной 21,3 и 19 см найдены в богатом погребении кургана 10 Кобяково [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 152, 154, рис. 3, 5, 6].

Предметы сакрального искусства.

К предметам, тесно связанным с сакральной сферой, относятся лепные пряслица с изображением (граффити) схематических фигурок животных (лошади, олени, козел, собака). Они найдены в Заветном, Усть-Альме, Неаполе Скифском, Скалистом III, Бельбеке IV [Богданова, 1989, с. 57, табл. XX, 10–12; Высотская, 1994, с. 91, табл. 13, 23; 39, 28; Сымонович, с. 88, табл. XXIII, 3; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136; Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 180, рис. 7, 3]. Им по стилю очень близки граффити с различными бытовыми и культовыми сценами на гончарном сосуде I в. н. э. из Прикубанья [Шедевры, 1987, кат. № 225], рисунки на краснолаковых сосудах из округи Херсонеса [Пятышева, 1957, с. 262, рис. 6], Кеп [Сорокина, 1998, с. 94–97, рис. 1], граффити на штукатурке стен здания А Неаполя Скифского [Дашевская, 1962, с. 173–194, рис. 7, 7, 11, 12, 14]. На последнем памятнике вместе с рисунками представлена серия сарматских тамгообразных знаков.

Позднескифская живопись, кроме орнаментальной фресковой в зданиях, ранее была известна лишь в склепах Неаполя [Шульц, 1947, с. 26, 29, рис. 6–9; 1957, с. 89–93; Дашевская, 1951, с. 131–135; Бабенчиков, 1957, с. 103–118; Высотская, 1979, с. 183, 184; Попова, 1984, с. 129–145; 1987, с. 139–150]. Недавно опубликован новый памятник искусства в гроте г. Бурун-Кая [Мыц, 1994, с. 258–267]. Исследователи, отмечая, самобытный, во многом сакральный характер росписей, указывают и на сармато-боспорское влияние на позднескифское искусство.

Уникальная живописная композиция, выполненная минеральными красками, обнаружена в 1995 г. на внешней стороне стенки гроба мужских погребений 21–22 склепа 550 Усть-Альмы (рис. 142, 1). Из инвентаря захоронений необходимо отметить железную «дугоконечную» пряжку (рис. 96, 6) и бронзовый перстень со вставкой из горного хрусталя с вырезанным на нем знаком – «иероглифом» (рис. 109, 20), позволяющие датировать комплекс третьей четвертью I в. н. э.

Центральная часть композиции может быть представлена в двух вариантах. В первом изображен сидящий боком (по-женски?) на лошади анфас мужской персонаж, в правой руке он держит повод уздечки, а левой опирается на спину коня. Такая посадка всадников известна на надгробной стеле из окрестностей Бахчисарая [Чореф, Шульц, 1972, с. 136, 137, рис. 2, 3]. Возможен и другой вариант – мужчина изображен со спины в момент, когда он садится на лошадь. Цвет штанов – оранжевый, рубахи – красный. Трудно определить, в статичном состоянии или в движении показана лошадь, поскольку через ее фигуру (рисунок выполнен черным цветом) проходит слом, а поза со сближенными друг к другу задними и передними ногами очень характерна для изображений копытных животных в позднескифском искусстве первых вв. н. э. (пряслица, граффити из здания А, всадник из склепа 9, надгробие из Рамазан-Салы), в отличие от динамичной передачи галопирующей лошади на бронзовой пряжке из Неаполя [Дашевская, 1991, с. 35, рис. 62, 3].

По обеим сторонам от всадника (на ближнем плане) – две женские фигуры в длинных хитонах оранжевого цвета, стоящие на коленях, перед ними – по круглому предмету

в виде большой черной точки. На груди у персонажей красной краской изображены тамгообразные знаки в виде перевернутого трезубца. Длинные головы выполнены черной краской, фигуры обращены к всаднику, одна рука у них отведена назад, другая – согнута. У левой фигуры кисть левой руки сжимает предмет треугольной формы (ритон?) красного цвета.

Трактовка композиции неоднозначна, поскольку аналогий сюжету подобрать не удалось: изображенный всадник – один из погребенных, которого провожают в дорогу «мойры» (парки) – богини судьбы, определяющие срок жизни человека. В таком случае в руках у левой фигуры изображено веретено с жизненной нитью. Тамга (?) на груди может указывать на принадлежность персонажей к прародительницам рода или племени. В любых вариантах женские фигуры представляли собой мифические существа, связанные с погребальной обрядностью и представлениями о загробном мире [ср.: Яценко, С. А. 2000, с. 268, прим. 4].

Еще одна живописная композиция в этом же склепе, от которой сохранилась выполненная красной краской фигура лошади, вставшей на задние ноги, представлена на внешней стороне гроба погребений 34–35, которые были первыми в камере. Среди инвентаря мужского и женского погребений – железный перстень со стеклянной вставкой-геммой с изображением «цветка» (рис. 109, 21), бронзовая «дугоконечная» пряжка (рис. 96, 8), датируемые третьей четвертью I в. н. э.

Другой сюжет – на стенке гроба погребений 13–14 в склепе 450 (рис. 142, 2). Здесь красной краской по желтому левкасу были нанесены изображения двух кораблей [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997, с. 229, рис. 126]. Погребения датируются серединой–третьей четвертью I в. н. э. Роспись, возможно, продиктована представлениями о загробном мире (переправа через Стикс), но более вероятно, что на рисунке – торговое судно (от второго сохранилась только оснастка). Наиболее близкие аналогии – на стенах склепов II в. н. э. из Китая и III в. н. э. из Керчи [Петерс, 1982, с. 111, 112, рис. 36, 37].

Живопись на стенках гробов – явление редкое. В качестве аналогий можно привести аппликации из кожи фигур оленей на стенке колоды из могильника Ак-Алаха-3 (Алтай), содержавшей мумифицированное и бальзамированное тело женщины 25 лет, ее одежду и разнообразный инвентарь, в том числе художественные изделия из дерева [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 73, рис. 23, 24]. Известна деревянная резьба на крышке и саркофагах-колодах Башадырского (№ 2) и Туэтинского (№ 2) курганов [Руденко, 1960, с. 46–51, 111, рис. 21–27, 60; табл. XXVI–XXXI]. Деревянный саркофаг середины IV в. до н. э. в склепе Куль-Обы был расписан изображениями колесницы, бегущей человеческой фигуры, птиц, грифона и пантеры [Сокольский, 1969, с. 27, 28, табл. 12, 1, 2], что сближает его с росписями на покрывале, которым была обита крышка саркофага VI Семибратьяного кургана [Герцигер, 1972, с. 98–109]. Однако живописные композиции, синхронные альминским, нам пока не известны.

Амулеты.

Разнообразие и обилие амулетов в погребениях первых вв. н. э. – характерная особенность могильников Крымской Скифии. Анализ таких предметов из Юго-Западного Крыма дан в работах Богдановой [1980, с. 79–88], материалы Усть-Альмы проанализированы Т.Н. Высотской [1994, с. 124–133], некрополя Херсонеса – В.М. Зубарем и В.М. Мещеряковым [1983, с. 96–114].

Среди амулетов примечательны предметы игры из кости: кубики и астрагалы, последние часто просверлены и, очевидно, были талисманами (рис. 147, 12). Многочисленны фигурные амулеты из египетского фаянса, стекла, встречены обереги из дерева, окаменелостей, гальки, кусочков стеклянных сосудов, костей животных (рис. 143; 144; 146, 1; 147, 10–13). Апотропеями служили изделия из бронзы: колокольчики, подвески в виде фигурок животных (рис. 145, 5), птиц (рис. 145, 4, 17–19), «шишечек» (рис. 145, 21, 22, 27), топориков (рис. 145, 15, 16), реберчатые пронизи (рис. 145, 23).

Популярностью пользовались разнообразные антропоморфные подвески из бронзы (рис. 145, 6–14, 24, 25, 28–32), кости (рис. 147, 7, 8). Большая группа амулетов представлена бронзовыми кольцами с выступами и составленными из них ажурными сферическими подвесками (рис. 144, 2, 3, 26, 27, 29, 30; 146, 2, 3–5, 7–13, 16). Как отмечают специалисты, такие кольца не встречаются в погребениях на запястьях рук или щиколотках ног, а лежат преимущественно у бедра или локтя умерших, в области груди. Довольно часто как целые экземпляры, так и фрагменты находят в комплекте с другими амулетами [Высотская, 1994, с. 111, рис. 33, тип VIII; Сымонович, 1983, с. 97, 98]. Распространена точка зрения о кельтских прототипах этих предметов [Высотская 1972, с. 56; Сымонович, 1983, с. 98], хотя есть и другая точка зрения [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 144]. Кольца с выступами и производные от них украшения наиболее характерны для позднескифских комплексов Крыма, хотя известны в Центральном Предкавказье [Абрамова, 1993, с. 91, рис. 29, 56, 60], Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, с. 23, кат. № 313, 317], а их появление на Венгерской низменности связывается со второй сарматской волной (конец II в. н. э.) [Иштванович, Кульчар, 2005, с. 341].

Уникальна бронзовая бляха, украшенная шишечками, имитирующими плоды растений, с композицией из женской обнаженной фигуры с собакой. Т.Н. Высотская предполагает, что это изображение Великой богини, покровительницы животных, образ которой у поздних скифов слился с образом Афродиты [1994, с. 129, табл. 27, 11]. Бронзовые подвески с изображением Афродиты-Анадиомены, в том числе использованная для этих целей замковая накладка шкатулки (рис. 144, 23; 145, 1), найдены в Усть-Альме и Битаке. С культом Афродиты, возможно, связана бронзовая объемная фигурка дельфина из склепа 820 (рис. 145, 3), в древности являвшаяся частью статуарной иконографической композиции. Показательно, что в этом же погребении найден золотой щиток фибулы-броши с рельефным изображением Афродиты и Эрота (рис. 117, 6).

Солярный куль и куль коня прослеживаются в отдельно положенных в могилу бронзовых и железных кольцах со спицами от конской узды, выполнивших роль амулетов. Они найдены в склепе 348 Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 130, табл. 15, 9], могилах 153 и 173 Битака, «кургане 1949 г.» Неаполя [Бабенчиков, 1957, с. 134, табл. X, 1], могильнике Бельбек IV [Гущина, 1982, с. 24, рис. 8, 76; 10, 4].

Неоднократно встреченные в могилах Усть-Альмы (рис. 145, 26), Неаполя, Битака наконечники стрел архаизирующих типов тоже были амулетами (см. выше), особенно они характерны для сарматских захоронений I–II вв. н. э. [Хазанов, Черненко, 1979, с. 20–21; Яценко, 1993а, с. 76, 77; Гущина, Засецкая, 1994, с. 10].

Магическими свойствами наделялись обломки топоров, молотов и наверший булав эпохи бронзы (рис. 144, 22; 147, 14–16). Такой обряд прослежен в богатых сарматских захоронениях [Гущина, Засецкая, 1989, с. 89, табл. II, 12; VII, 65; 1994, с. 72, табл. 51, 466; Ковпаненко, 1986, с. 86–90, рис. 93–95; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 177, 178, рис. 21].

Определенную магическую роль, связанную с культом мертвых, отводили в древности раковинам пресноводных и морских моллюсков. Наибольшая концентрация находок наблюдается в приморском Усть-Альминском могильнике (рис. 148, 1, 4, 6–12) [Высотская, 1994, с. 130, 131], но известны они также в Неаполе [Сымонович, 1983, с. 89, 99, табл. XXV, 27–29; XLV, 17] и Битаке (рис. 148, 2, 5). Их видовой состав позволяет определить, что они были привезены из районов Средиземноморья и Индийского океана (Красное море, Персидский залив). Аналогичный набор (ассортимент) раковин известен в Тенгинском святилище в Прикубанье [Beglova, 2005, р. 76–79, fig. 15, 2–6].

На Усть-Альминском могильнике найдены амулеты из просверленных клыков кабана (рис. 147, 1–6, 9). Достаточно часто такие подвески встречаются в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1989, с. 124, табл. I, 10; 1994, с. 21, кат. № 318, 507, 512, 531, 533], иногда их интерпретируют в качестве деталей конской упряжи [Beglova, 2005, р. 59–65, fig. 9, 2, 3]. Известны такие амулеты у сарматов Приазовья [Шепко, 1987, с. 163],

в некрополе Херсонеса первых вв. н. э. [Зубарь, Мещеряков, 1983, с. 98]. Особенno интересны такие апотропеи в свете популярности изображений охоты на вепря в позднескифском и сарматском искусстве [Бабенчиков, 1957, с. 109, рис. 13, 14; Соломоник, 1959, с. 81, 82, № 36; Высотская, 1979, с. 183, рис. 90; Раевский, 1977, с. 83; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 150, рис. 149; Трейстер, 1994, с. 179, 182, рис. 1; 5; 7; Мордвинцева, Хабарова, 2006, кат. 52, рис. 13, 14], а также на рельефах Фракийских всадников [ср.: Ростовцев, 1911, с. 17, 18; 1990, с. 192–196; Блаватский, 1951, с. 257, 258; Ланцов, 1999, с. 98, прим. 30, библ.; 2004, с. 27, 37–39, рис. 27:3; 28:3].

В погребении 3 склепа 612 найден амулет, состоящий из фрагмента кости в золотой пластинчатой оправе со сквозным отверстием, по краю украшенной сканью (рис. 119, 12). Амулеты из кости (чаще клыки кабана) в золотой оправе нередки в богатых сарматских захоронениях [Ковпаненко, 1986, с. 97, рис. 103; 104, 4; Симоненко, 1999, с. 106, 107, рис. 1, 1; Сарианиди, 1989, с. 83; Руденко, 1962, табл. XXI, 41].

Уникальный золотой амулет-кулон обнаружен в склепе 612 Усть-Альмы (рис. 119, 13). Он каплевидной формы с петлей для подвешивания, в полость вставлен коралл или ископаемая раковина. Углубление украшено зубчатой каймой, на верхней части лицевой стороны напаяны фигурные гнезда для эмалевых или бирюзовых вставок в виде листка плюща и тамгообразный знак в виде волют.

В склепах 88, 603, 620, 735, 775/1, 820 Усть-Альмы найдены как гладкие, так и украшенные сканью золотые подвески в виде одинарных или сдвоенных цилиндров (рис. 110, 18; 111, 10; 115, 4; 117, 7) [Высотская, 1994, с. 128, рис. 39, 20, табл. 28, 25]. Близкие по форме и технике исполнения золотые «амулетницы» известны в богатых сарматских погребениях второй половины I – начала II в. н. э. [ОАК 1896 г., с. 215, 216, рис. 614; Ковпаненко, 1986, с. 95, 97, рис. 100, 2; 101, 3; 103; 104, 3; Трейстер, 1993, рис. 1, 5; Гущина, Засецкая, 1994, с. 42, 68, 71, кат. №№ 20; 417/5; 443/8; 460; Гросу, 1986, с. 260, рис. 1, 21]. Истоки формирования данного типа культовых предметов, представленных в сарматских и позднескифских погребениях преимущественно бронзовыми экземплярами [Сымонович, 1983, с. 99, табл. XLV, 6–13; Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 164], вероятно, лежат в античной культуре [Пятышева, 1956, с. 59, 60].

Из склепа 735 происходит золотая «амулетница» в виде цилиндра с накладными полосами «косичек» и шестью гнездами в форме сердечек (рис. 111, 5). Аналогичная подвеска, но без вставок известна в Прикубанье в комплексе первой половины I в. н. э. [Гущина, Засецкая, 1989, с. 92, табл. XIV, 3]. Очень близкие по стилю предметы с двумя петельками найдены в Херсонесе [Зубарь, 1982, с. 108, 109, рис. 74, 7, 8]. Аналогичная альминской и херсонесской «амулетница», украшенная сканью, гранатовыми вставками, с двумя петельками, обнаружена В.М. Хоменко и И.И. Лободой в 1985 г. у пос. Железнодорожное в погребении I в. н. э. [Древние сокровища... с. 15, 26, кат. № 5]. В Усть-Альме, в комплексах второй половины I в. н. э. известны бронзовая (рис. 149, 6), бронзовая со стеклянными вставками (рис. 149, 2) и серебряная (рис. 149, 7) «амулетницы» с гладким корпусом, аналогии которым – в Херсонесе [Зубарь, 1982, с. 109, рис. 74, 1–6].

В качестве амулетов употреблялись орнаментированные части бронзовых сосудов, чаще ручек. Традиция класть в могилу ручки от серебряных и бронзовых сосудов зафиксирована в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, с. 24]. Целая серия таких предметов происходит из некрополя Усть-Альмы. Набор из деталей крышек и фрагмент бронзового сосуда типа жаровни найдены в мешочке с амулетами в склепе 853 (рис. 151, 3, 4, 7). Крышка от ойнохой служила амулетом в погребении 17 склепа 520 (рис. 145, 4). В погребении 4 склепа 649 вместе с серебряной «амулетницей» (рис. 149, 7) лежал фрагмент ручки бронзового сосуда (рис. 149, 9). В детской могиле 597 среди амулетов найден атташ в виде фигурки Сирены с остатками кожаного шнурка (рис. 149, 5). Аналогичное изображение известно на ойнохое I в. н. э. из Прикубанья [Шедевры... синхронных альминским 1987, с. 59, кат. № 226]. В захоронении подростка в могиле 559, с

левой стороны груди, у локтя, обнаружена фигурка Эрота (рис. 149, 4). Она также, вероятно, являлась первоначально украшением ручки бронзового сосуда, как в могиле 233 Бельбека IV [Гущина, Журавлев, 1996, с. 48, рис. 2, 2]. Еще одна литая бронзовая статуэтка Эрота (атташ сосуда или ларца) из этого могильника, вторично использованная в качестве амулета, найдена в могиле 223 [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 177–179, рис. 3, 4].

В склепе 603, ограбленном в древности, сохранилась ручка серебряного ковша (рис. 110, 1). Ее оформление близко ряду сосудов на серебряных канфарах и кубках раннеримского времени [Мордвинцева, 2000, с. 149, 150, рис. 3, 2; 4; Гущина, Засецкая, 1994, кат. № 237, 338; Гущина, Журавлев, 1999, с. 166, рис. 10; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 151, рис. 8].

Из могилы 765 происходит фрагмент ручки бронзовой патеры типа Eggers 155 I в. н. э. в виде головы барана, с отверстием для подвешивания (рис. 149, 8). Аналогия – патера из сарматского погребения в Никольском [Шилов, 1975, с. 150–154, рис. 58, 2].

В склепе 603 – в качестве амулетов могли быть использованы две золотые фигурки парящих Эротов (рис. 110, 5, 6). Они спаяны из двух пластин, пустоты в древности заполнены мастикой. На поверхности одной из фигурок небрежно пробиты три отверстия, на второй – два и сохранилась петелька. Фигурки были парными в композиции и первоначально входили в состав какого-то сложного украшения типа «ожерелья с бабочками» или являлись подвесками серег.

Уникальная бронзовая бляха 7x2 см, с двумя симметрично расположенными отверстиями найдена в женском погребении 10 склепа 520 (рис. 149, 3). В центре композиции – львиная голова в обрамлении рельефных «жемчужин». В поле изображены по кругу четыре фигуры: волк (собака) преследует орлиного головного грифона, и волк (собака) нападает на грифона. По краю – обрамление из «жемчужин». В процессе изучения выяснилось, что первоначально предмет служил матрицей для производства украшений, затем использовался как фалар (одно из отверстий повредило изображение) и только после этого попал в могилу в качестве талисмана [Mordvintseva, Zaytsev, 2001, р. 174–181, fig. 2, 3; Мордвинцева, Зайцев, 2004, с. 260–270; Древние сокровища... 2005, с. 16, кат. № 14].

В склепах и могилах Усть-Альмы зачастую вместе с амулетами встречаются бронзовые предметы непонятного назначения. Некоторые из них – достаточно массивные, нередко – фигурные (рис. 145, 20; 146, 14, 15, 17, 18), есть напоминающие детали от шкатулок (рис. 145, 2). В склепе 439/9 среди амулетов лежал бронзовый псалий VIII–VII вв. до н. э. (рис. 146, 6) [Пуздровский, 1996, с. 36–38]. Под костяком в могиле 785 Усть-Альмы найдена свинцовая полоса 0,85x0,15 м, прошитая железными гвоздями, с остатками древесного тлена. Возможно – это обшивка деревянной части корабля, как и другие бронзовые предметы данной группы, снятые с потерпевших кораблекрушение суден.

Необходимо отметить комплекты амулетов и культовых предметов, найденные в богатых женских захоронениях Усть-Альмы. Показателен набор предметов из склепа 620. Справа от черепа умершей лежали компактной группой амулеты и бронзовое зеркало в форме небольшого диска в деревянном футляре. Амулеты и ритуальные предметы представлены железной пиксидой с крышкой, моделью железных удил, бронзовыми кольцами с выступами, морской галькой (одна в проволочной оправе), меловыми окаменелостями, песчаниковой и железными конкрециями, обточенными и заполированными фрагментами из гагата, стеклянного сосуда, обломками бронзовой подвески из сдвоенных цилиндриков [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, s. 324–327, abb. 17]. Наборы разнообразных амулетов встречаются в богатых сарматских захоронениях I в. н. э.: Соколова Могила [Ковпаненко, 1986, с. 86–111], Косика [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 174–178, рис. 20, 21], «Золотое кладбище» [Гущина, Засецкая, 1994, с. 20–25], Кобяково [Прохорова, Гугуев, 1992, с. 149–154, рис. 8, 10].

Еще больше разнообразен ассортимент ритуальных предметов в склепе 853 Усть-Альмы, где они лежали компактной группой (в мешочке?) у левых берцовых костей

умершей. Среди них – бронзовые колокольчики и кольца с выступами, обломки каменных молотков эпохи бронзы, клык животного, крупные полихромные и фаянсовые бусы и пронизи в виде лежащих львов, бронзовый колчанный крюк, окаменелости, обломки бронзовых сосудов и др. К востоку от черепа найдено бронзовое зеркало дисковидной формы, а в углу камеры – лепная курильница с рельефным и врезным орнаментом (рис. 84, 1). Дата: последняя четверть I в. н. э. [Пуздровский, Медведев, Соломоненко, Труфанов, 2006, с. 267, 268].

Назначение этих предметов, с известной степенью вероятности, можно определить, руководствуясь художественно-этнографическим описанием в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь». Позволю себе процитировать отрывок: «... Вот я помню: когда была ребенком, в моде были... такие штуки, назывались «нетки», – и к ним полагалось... особое зеркало, мало что кривое – абсолютно искаженное, ничего нельзя понять, провалы, путаница... но его кривизна была неспроста, а как раз так пригнана ... Или, скорее, к его кривизне были так подобраны ... Одним словом, у вас было такое вот дикое зеркало и целая коллекция разных неток, т. е. абсолютно нелепых предметов: всякие такие бесформенные, пестрые, в дырках, в пятнах, рябые, шишковатые штуки, вроде каких-то ископаемых, – но зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значит, получало настоящую пищу, то есть, когда вы такой непонятный и уродливый предмет ставили так, что он отражался в непонятном и уродливом зеркале, получалось замечательно; нет на нет давало да, все восстанавливалось, все было хорошо, – и вот из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный стройный образ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь пейзаж. Можно было – на заказ – даже собственный портрет, то есть вам давали какую-то кошмарную кашу, а это и были вы, но ключ от вас был у зеркала...» [Набоков В.В. Приглашение на казнь. Гл. XII, с. 245].

Зеркало играло, как известно из этнографических источников, огромную роль в различного рода гаданиях, прорицаниях, культовых церемониях и др. В свете вышеизложенного «зеркало» из Ногайчинского кургана (см. гл. II) вполне могло выполнять роль магического предмета – «кривого зеркала». Для Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой рельефность его поверхностей явилась основным аргументом отрицания традиционной атрибуции [2003, с. 78, 79, 87, рис. 13, 1, 2]. Погребенная в могиле 18 Ногайчинского кургана принадлежала к сарматской аристократии, а отнюдь не была дочерью Митридата IV Евпатора, выданной замуж за «скифского» царя, как предполагают Ю.П. Зайцев и В.И. Мордвинцева [2004а, с. 290–297]. Особо показательно сравнение этого комплекса с женским захоронением в Соколовой Могиле, где также есть богатый набор амулетов и бронзовое зеркало с рукоятью-штырем и литой серебряной (со следами позолоты) ручкой в виде фигурки мужчины, сидящего со скрещенными ногами [Ковпаненко, 1986, с. 66–72, 86–111].

Рассмотрение погребального инвентаря дает основание утверждать, что в середине I в. н. э. происходят значительные изменения в материальной культуре населения Крымской Скифии, все больше обнаруживается параллелей с вещевым комплексом среднесарматской культуры Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья и особенно Северного Кавказа и Прикубанья. Большое количество западных восточных импортных изделий в захоронениях знати указывает на широкие связи как с античными центрами и римскими провинциями, так и с районами Средней Азии, что характерно для сарматов на всей территории их обитания. Во второй четверти II в. н. э. появляются инновации в вооружении, конской узде, некоторых типах украшений и керамике. Особенно ощутимы они после середины II в. н. э., когда в Северном Причерноморье формируется позднесарматская культура. Заключительный этап истории Крымской Скифии (конец II – третья четв. III в. н. э.) характеризуется полным преобладанием в материальной культуре сарматских и сармато-аланских вещей, лепной керамики и т. д.

5. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Хроноиндикаторы погребального инвентаря периода **В** распределены по трем этапам: **B1** (втор. полов. I – перв. четв. II в. н. э.), **B2** (втор. четв. II – перв. четв. III в. н. э.) и **B3** (втор. – третья четв. III в. н. э.), а внутри первых двух – по фазам: **B1a** (середина–третья четверть I в. н. э.); **B1b** (посл. четверть I в. н. э.); **B1c** (перв. четв. II в. н. э.); **B2a** (втор. четверть II в. н. э.); **B2b** (третья – нач. посл. четв. II в. н. э.); **B2c** (конец последней четверти II – перв. четв. III в. н. э.)

Основой для составления хронологической шкалы послужили новые материалы из раскопок Усть-Альминского некрополя, Битакского могильника, а также Неаполя Скифского. Такой подход обусловлен необходимостью привлечения данных погребального обряда и сверкой их с полевой документацией, поскольку уровень публикаций 60-х – 80-х гг. прошлого столетия в большинстве своем не соответствует требованиям сегодняшнего дня. Кроме того, немаловажно визуальное знакомство с предметами, составляющими основу хронологической шкалы (хроноиндикаторами). Даже беглое описание и минимальный круг аналогий (а это сотни вещей) занимают достаточно много места и требует времени.

Столь дробная периодизация сложилась лишь в последние два десятилетия благодаря уточнению относительных и абсолютных дат многих групп инвентаря, а также значительно большему по сравнению с периодом **А** количеству исследованных погребений. Для составления «рабочей» схемы распределения выборки комплексов по фазам применялся метод «узких датировок» [Щукин, 1978, с. 28–32]. При этом учитывались археологические реалии: многоярусность захоронений в склепах, подзахоронения в могилы, наличие или отсутствие хронологического разрыва между стратиграфически разделенными ярусами погребений, историческая топография участков некрополей, период наибольшего использования той или иной категории артефактов, степень изношенности предметов материальной культуры, следы ремонта на вещах, возможность синхронизации комплексов по идентичным или очень близким находкам. Оговорим, что в предложенной схеме хроноиндикаторы (только для крымских могильников) в каждой из фаз могут смещаться в пределах 10–15 лет как вверх (нередко встречаются вещи, бытующие долгое время), так и вниз, примерно в этом же диапазоне. При наличии в погребении не менее двух-трех датирующих предметов комплекс достаточно надежно соотносится с одной из фаз.

Все сложности построения универсальной типологической и хронологической схемы предметов материальной культуры даже для локальных археологических областей хорошо известны [Клейн, 1978, с. 60–118; Айбабин, 1990, с. 10–12; Щукин, 2004, с. 228–237; 2004а, с. 261–276], однако двигаться в этом направлении необходимо.

События середины I в. н. э. стали переломными в жизни населения Крымской Скифии. Появившиеся на исторической арене аланы, их участие в походе в Закавказье в 35 г., римско-боспорская война 45–49 гг., сирако-аорский конфликт, утверждение среднесарматской культуры на территории между Доном и Дунаем – факторы, которые определили новые этнополитические, демографические, культурно-хозяйственные отношения, разделившие историю поздних скифов Крыма на два больших периода.

Хронология второго периода, состоящего из трех этапов и семи фаз, базируется на разработках датировок импортных предметов, прежде всего, итальянского, провинциально-римского и северопричерноморского производства. Это относится к амфорам, краснолаковой, бронзовой, серебряной, стеклянной посуде, гончарным светильникам, фибулам. В дополнение к ним, в качестве хроноиндикаторов этапов, использовались некоторые типы зеркал, вооружения, конской узды, украшений, культовые сосуды и др.

Попытки увязать этапы и фазы могильников Крымской Скифии с конкретными ступенями европейской хронологической шкалы привели только к путанице (из-за отсутствия общепринятого реестра с выходами на абсолютные даты), поэтому пока приходится оперировать такими понятиями, как например, фаза **B1a** (середина – третья четв. I в. н. э.).

ФАЗА B1a.

В последние годы на Усть-Альминском некрополе удалось обнаружить выразительные комплексы середины–третьей четверти I в. н. э., поэтому описанию хроноиндикаторов этой фазы уделено особое внимание.

Амфоры представлены двумя типами: 1) светлоглиняными узкогорлыми типа А (по Д.Б. Шелову) или С IV A (по С. Ю. Внукову)¹⁹, 2) светлоглиняными с двуствольными ручками варианта С16 (по С.Ю. Внукову).

Появление амфор первого типа, найденных в склепах 730/1 и 618/3 (рис. 156, 2, 4), С.Ю. Внуков относит ко второй четверти I в. н. э. и считает, что они происходят от широкогорлых с конической ножкой и ребристыми ручками [1988, с. 205; 1988a, с. 12; 2003, с. 118–128, 202]. Амфора из склепа 730/1 по морфологическим особенностям близка как экземплярам из сарматских погребений юга Украины [Симоненко, 2004, с. 149, рис. 8, 61; Внуков, 2003, рис. 45, 6] (подвариант С IV A₁), так и амфоре переходной разновидности из Кара-Тобе [Внуков, 2003, рис. 45, 1] (С III – С IV A₁). Предлагаемая дата: вторая треть I в. н. э.

Амфора из склепа 618/3 по очертаниям корпуса и горла близка экземпляру из Горгиппии и относится к подварианту С IV A₁ [Внуков, 2003, с. 202, рис. 45, 3]. Ей близка также амфора из Соколовского могильника [Каталог... 1985, с. 23–25, табл. 29, 1]. Предлагаемая дата: 70–80-е гг. н. э.

Две амфоры с двуствольными ручками и стройным корпусом близки по своим параметрам, они найдены в склепах 735 и 620/2 (рис. 156, 1, 3). На плечиках первой из них – дипинти белой краской в виде двух букв греческого алфавита: ΔΙ и точки (варианты интерпретации – метка владельца, винодела, посвящение, число 11 по аттической системе). По своим морфологическим особенностям альминские экземпляры относятся к варианту С16, к его ранней разновидности. Предлагаемая дата: середина–третья четверть I в. н. э. [Внуков, 1999, с. 43–49, рис. 1, 4; 4, 5, 3, 14; ср.: 2003, с. 202, приложение, № 27, 36]. А.П. Абрамов выделяет такие экземпляры в тип С–ІГ [1993, с. 45, рис. 49]. К этому же типу относятся профильные части амфор с двуствольными ручками из заполнения разграбленной части камеры склепа 777 (около середины I в. н. э.).

Третья амфора обнаружена в склепе 820 (рис. 156, 5). Для нее характерен ряд отличий от более ранних экземпляров: резкий перегиб ручек, гладкость выступающих деталей конусовидной ножки. Предлагаемая дата: 70–80-е гг. I в. н. э.

В рассматриваемую хронологическую группу необходимо также включить два датированных по комплексам экземпляра редких типов амфор.

1. Амфора розово-красной глины, с включениями пироксена, с биконическим туловом, остроконечной ножкой и широкой пухлой горловиной найдена в могиле 172 Бельбек IV вместе с бронзовым ковшом типа Eggers 140 и краснолаковой чашкой ESB2 с именным клеймом, т.е. в комплексе середины–третьей четверти I в. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 165, 166, рис. 3]. Центр производства и аналогии неизвестны. Возможно, это продукция Синопы – вариант широкогорлых амфор.

2. Амфора темно-розовой глины с включениями слюды, песка и пироксена из склепа 138 Усть-Альмы с биконическим корпусом, желудевидной ножкой и пухлым горлом. Т.Н. Высотская датирует ее рубежом – первой половиной I в. н. э., считая, что это кидисское производство [Высотская, 1994, с. 74, рис. 46, 1]. Однако в склепе наиболее ранние материалы относятся к середине I в. н. э. – видимо, так следует датировать и

¹⁹ К сожалению, я ознакомился с монографией С.Ю. Внукова [2006] уже после обсуждения и рекомендации к печати своей работы.

амфору. В качестве аналогии можно привести (эгинскую?) амфору с биконическим и припухлым горлом из тризны (?) среднесарматского погребения у г. Скадовска [Симоненко, 1993, с. 84, рис. 18, 1 г; 2004, с. 149, рис. 8, 63].

Металлическая посуда.

Бронзовая посуда. Для Крыма находки бронзовой римской посуды этого времени достаточно редки.

Склеп 612

Кованый ковш полусферической формы с валиком по венчику, окружным дном, широкой ручкой, заканчивающейся выступами-волютами (рис. 152, 4) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, s.313, abb. 10, 11]. Последняя в древности была отогнута вверх. Тулово схоже по форме с черпаками и цедилками раннеримского времени. По комплексу находок может быть датирован серединой I в. н. э.

Склеп 620

1. Патера литая, с доработкой на токарном станке, полусферической формы, с отогнутым краем и нависающим бортиком, украшенным полосами чеканных рельефных «жемчужин» и «иоников», на высоком кольцевом поддоне (рис. 152, 3) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, s. 337, abb. 21, 8]. На дне – рельефный накладной медальон круглой формы, в центре которого помещено изображение Персея (?), с крылышками за плечами, подпоясанного шкурой, в левой руке он держит отрубленную голову Медузы-Горгоны (?), в правой – шлем с пышным султаном. Принадлежит к изделиям итальянского производства первой половины I в. н. э. Аналогии профилю сосуда – патера типа Eggers 155 из Чижикова [Кропоткин, 1970, с. 96, № 839, рис. 65, 1; 66, 6, 7], орнаменту на бортике – бронзовая чаша из Андреевки и серебряный таз из Жутово [Кропоткин, 1970, с. 93, 94, № 807, рис. 66, 1–3; Мордвинцева, 2000, с. 144–146, рис. 1, 1в], медальону – бронзовые и серебряные патеры и тазы из Михайловской, Соколовского, Некрасовской, Садового, Высочино, Сладковского, Ново-Александровки [Кропоткин, 1970, с. 24, 25, № 761, рис. 58, 4, 5; Каминская, Каминский, Пьянков, 1985, с. 232, 233, рис. 5; Максименко, 1998, с. 115, рис. 51, 4, 5, 7; 53, 6; Лимберис, Марченко, 2006, с. 53, рис. 9, 10]. Близкий по стилю сосуд – в Помпеях [Tassinari, 1993, s. 426, № 11654]. По комплексу находок альминский сосуд может быть датирован серединой I в. н. э.

2. Ойнохоя с фигурной, плавно изогнутой ручкой, украшенной продольным валиком с накладными серебряными листиками и маской в виде львиной головы с раскрытым пастью и пышной гривой. Атташ оформлен в виде рельефной когтистой лапы на фоне стилизованного виноградного листа. Край покрыт орнаментом, аналогичным украшениям на патере, что дает основание предполагать комплектность производства данного сервиса (рис. 152, 1) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, s. 337, abb. 21, 9]. Аналогичная ойнохоя из Чижикова принадлежит к типу Eggers 125 [Кропоткин, 1970, с. 96, № 839, рис. 65, 1; 66, 6, 7]. Много подобных сосудов известно в Помпеях [Tassinari, 1993, s. 67, 68, № 1143, 5017, 10061, 10662]. По своим морфологическим особенностям альминский сосуд принадлежит к переходному варианту Eggers 124/125 и соответственно датируется временем около середины I в. н. э. [Nuber, 1973, abb. 7–9].

Склеп 720

1. Ковш принадлежит к изделиям итальянского производства. Окончание ручки оформлено в виде сильно стилизованных зооморфных изображений (рис. 153, 3) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 235, abb. 4, 4]. Изображение голов водоплавающих птиц характерно для ручек ковшей типа Eggers 131–136, но форма сосуда ближе к изделиям Eggers 142 и 144. Аналогичные экземпляры известны в Помпеях [Tassinari, 1993, type G 1220, G 1230, G 1212]. Близкий по оформлению ручки ковш типа Eggers 131 происходит из могильника (вне комплекса) Старокорсунского городища № 3 [Лимберис, Марченко, с. 51, рис. 1, 2]. Дата альминского ковша: середина – третья четверть I в. н. э.

2. Чаша с отогнутым широким нависающим бортиком, на высоком кольцевом поддоне (рис. 153, 5) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 237, abb. 4, 9]. Принадлежит к изделиям

типа Eggers 155 (первая половина I в. н. э.). Дата по комплексу находок: середина – третья четверть I в. н. э.

Склеп 730. Погребение 1

1. Таз сохранился в обломках, позволяющих восстановить его форму (рис. 153, 6) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 241, abb. 8, 1]. Венчик сосуда выступает наружу, расчленен несколькими кольцевыми желобками. Таз относится к изделиям типа Eggers 155 (перв. пол. I в. н. э.). Близкие экземпляры найдены в Помпеях [Tassinari, 1993, type S 1300]. Дата альминского таза – середина I в. н. э.

2. Бронзовая ойнохоя сохранилась в обломках (рис. 153, 1) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 241, abb. 8, 2]. Корреляция с тазом и светлоглиняной узкогорлой амфорой типа А (см. выше) позволяют отнести ее к середине I в. н. э.

Склеп 735. Ковш с ручкой, имеющей на конце серповидный вырез (рис. 153, 2) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s. 250, abb. 250, 13, 2]. Принадлежит к типу Eggers 137–138 с датой вторая четверть – середина I в. н. э., что согласуется с хронологией амфоры с двуствольными ручками (см. выше). Аналогичные ковши в большом количестве найдены в Помпеях [Tassinari, 1993, type G 2100].

Склеп 775

Погребение 1. Аналогичный предыдущему ковш с серповидным вырезом на конце ручки, но худшей сохранности (рис. 154, 2). Его дата, исходя из комплекса краснолаковой посуды, вероятно, не выходит за пределы 70–80-х гг. I в. н. э., да и сам он, судя по изношеннсти, долго мог быть в употреблении.

Погребение 2. Кованая тарелка с округлым корпусом и отогнутым венчиком, поддон не профилирован, с починочными отверстиями (рис. 154, 3). Возможно, местное (античное) подражание римским патерам типа Eggers 155. Хронологически соответствует дате ковша из погребения 1. Вместе с тарелкой найден краснолаковый светильник с мифологической сценой (см. ниже).

Склеп 820

Ковш с отогнутым наружу краем и желобками на тулове (два вверху, один внизу), округлым завершением ручки, концентрическими кругами на дне, итальянского производства (рис. 151, 1). Принадлежит, видимо, к переходному варианту между типами Eggers 140 и Eggers 142. Близкий по форме венчик, оформлению ручки ковш типа Eggers 143, но с меньшей высотой корпуса происходит из грунтового могильника Старокорсунского городища № 2 с датой: вторая половина I в. н. э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 58, 59, рис. 6, 8]. Другие близкие экземпляры датируются 70–100 гг. н. э. [Кропоткин, 1970, № 753, 754, 777, 800, 802; Щукин, 1994, рис. 7, 23, 24]. В корреляции с амфорой и краснолаковым кувшином: 70-е–80-е гг.

Склеп 844

1. Бронзовая ойнохоя типа Eggers 125, итальянское производство (рис. 155, 1). Фигурно изогнутая ручка профилирована глубокими желобками, нижний атташ представляет собой литой медальон с изображением Эрота, ловящего рыбу, крыльшки и глаза персонажа инкрустированы серебром. Атташ припаян к тулову ойнохи отдельно от ручки. Близкий сюжет (рыболовы) известен на сосуде из кургана 28 могильника Высочино VII [Беспалый, 1985, с. 163–167, рис. 4; Трейстер, 1994, с. 174, 193]. Оформление ручки и атташа характерно для этого типа посуды [Кропоткин, 1970, № 761, 763]. Дата: середина – третья четверть I в. н. э.

2. Бронзовая патера с отогнутым перпендикулярно широким утолщенным краем, с профилированным желобками поддоном (рис. 155, 3). В центре дна мог в древности находиться (утрачен?) рельефный накладной медальон, как на патере из склепа 620 (см. выше). Ручка цельнолитая, с каннелюрами, нижняя часть украшена гравированным орнаментом в виде растительных гирлянд, внешняя оформлена в виде головы Пана с доработкой резцом. По стилю оформления ручки альминская патера близка типу Eggers 155,

принадлежит к изделиям итальянского производства первой половины I в. н. э. [Кропоткин, 1970, № 839].

Курган у дер. Саблы (Партизанское). Обломки патеры с массивной ручкой с аттешем в виде кисти руки. Издатели комплекса находят близкие аналогии ручке в Помпеях с верхней датой – третья четверть I в. н. э. [Журавлев, Фирсов, 2001, с. 227, рис. 3]. На близость сосуда патере из станицы Ярославской в Прикубанье и серии таких предметов I в. н. э. итальянского производства с аналогичным оформлением ручки обратили внимание И.И. Гущина и И.П. Засецкая [1989, с. 83, табл. II, 6].

Могильник Бельбек IV

1. Ковш типа Eggers 140 из могилы 172 найден в комплексе середины–третьей четверти I в. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 165, 166, рис. 3].

2. Ковш типа Eggers 140 из могилы 299, со следами починки, однако, судя по комплексу находок, вряд ли дата его выходит за начало последней четверти I в. н. э. [ср.: Гущина, Журавлев, 1999, с. 165, 166, рис. 7; Журавлев, 2001, с. 108, 112, рис. 9].

3. Ковш из случайных находок на могильнике типа Eggers 136 датируется концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 166, рис. 10], однако, учитывая хронологию могильника, – около середины I в. н. э.

Серебряная посуда. Небольшая коллекция серебряной посуды I в. н. э. происходит из Усть-Альмы.

Склеп 603

Ручка ковша с фигурными украшениями на атташе (рис. 110, 1) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, с. 298, 299, abb. 4, 3] и ручки серебряного сосуда в виде фигурок лося и орла (рис. 110, 16, 17) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, с. 299, abb. 4, 2; Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 255, abb. 16, 3, 4] представлены в разделе об амулетах. Дата: первая половина – середина I в. н. э.

Склеп 612

Килик с туловом полусферической формы, с валиком на венчике, обращенном внутрь сосуда, на высоком кольцевом поддоне. Изготовлен из кованого листа. Ручки полые в нижней части, треугольной формы, с изгибом и валиком в месте соединения с венчиком (рис. 152, 2) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, с. 316, abb. 11, 19]. Точной аналогии подобрать не удалось, но детали оформления близки богато орнаментированным канфарам I в. н. э. из Высочино I и VII [Беспалый, 1985, с. 167, 168, рис. 5, 2, 3; Максименко, 1998, рис. 50, 5, 6, 8].

Склеп 735

Канфар с расширяющейся верхней частью и биконической нижней, на кольцевом поддоне (рис. 153, 4) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 250, 253, abb. 13, 9]. Изогнутые ручки изготовлены отдельно и припаяны к корпусу. Близкие по оформлению сосуды происходят из Высочино I и VII (см. выше). Отдельные детали схожи с канфаром из кургана 15 у станицы Тифлисской [Гущина, Засецкая, 1994, с. 58, рис. 28, 270].

Склеп 844

Серебряная чаша полусферической формы, в центре – рельефный медальон с погрудным изображением Артемиды анфас (рис. 155, 2). Богиня одета в тунику, пышная прическа разделена на две половины и уложена, наверху – головной убор цилиндрической формы с вертикальными складками, за левым плечом – навершие колчана. По краю медальон украшен рядом насечек, поверх него напаян диск, покрытый бороздками. Вследствие древнего ограбления чаша сильно деформирована. Аналогии чаше и медальону – в богатых сарматских погребениях I в. н. э. Нижнего Дона [Максименко, 1998, рис. 51, 1–3, 5, 7; 53, 6], Прикубанья [Кропоткин, 1970, № 761; Гущина, Засецкая, 1992, № 516], Нижнего Поволжья [Мордвинцева, Хабарова, 2006, с. 31, 90, кат. 53, рис. 15]. Дата: первая половина – середина I в. н. э.

Краснолаковая амфора. Из склепа 720 происходит краснолаковая амфора с туловом усеченно-конической формы, плавно переходящим в горловину, на кольцевом под-

доне (рис. 165, 3). Глина оранжевая, с включением песка, лак темно-красного оттенка покрывает сосуд полностью. Предположительно пергамского производства. Треугольный в разрезе венчик расчленен снаружи несколькими кольцевыми бороздками. Ручки плавно изогнуты (одна утрачена в древности). На плечиках симметрично расположены два рельефных медальона в виде ниспадающей гирлянды из листьев и цветов, выполненные в технике накладного орнамента. Близких аналогий подобрать не удалось. На формирование рельефной керамики оказали влияние лучшие образцы металлической посуды эпохи позднего эллинизма [Забелина, 1968, с. 121–123, рис. 3, 9, 10]. В этом аспекте нашему экземпляру близки бронзовые амфоры из Подонья [Максименко, 1998, с. 114, 115, рис. 53, 5] и Прикубанья [Шедевры... 1987, с. 60, рис. XXXI, кат. № 228]. По качественным характеристикам альминскую амфору можно датировать первой половиной I в. н. э., однако следует учитывать ее длительное использование (потертости на корпусе и утрата ручки), т. е. время ее попадания в комплекс – около середины столетия.

Гончарные кувшины. Из комплексов середины – третьей четверти I в. н. э. (могилы 509, 580, 609, склепы 650/1, 735) происходят гончарные (без покрытия) кувшины с шаровидной формой туловы и цилиндрическим горлом, на кольцевом поддоне, с сильно отогнутым венчиком воронкообразной формы. У некоторых из них горло отделено от туловы рельефным пояском, овальная в разрезе ручка разделена двумя желобками (рис. 166, 1–4; 167, 2). Им близок по морфологическим особенностям гончарный кувшин на низком кольцевом поддоне, с массивными стенками из склепа 690 (рис. 167, 1) с датой около середины I в. н. э. Такие же сосуды, иногда с росписью в виде гирлянды по тулову, известны в некрополе Пантикея в комплексах начала I в. и третьей четверти столетия [Кунина, Сорокина, 1972, с. 160, рис. 6, 64, 67; 11, 19, 39]. Близкие, но не идентичные формы есть среди краснолаковой керамики середины – второй половины I в. н. э. из Усть-Альмы [Высотская, 1994, табл. 17, 1; 23, 12; 47, 1] и некрополя Золотое [Корпусова, 1983, табл. XV, 3].

Гончарные флаконы. В склепах 612/2, 649/3, 820 Усть-Альмы (рис. 164, 3, 4, 6) обнаружены флаконы с округлой формой туловы и узким, чуть расширяющимся кверху горлом, с плоским дном. Они напоминают по форме стеклянные флаконы типа II, служившие для хранения парфюмерии и лекарств [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169–171, рис. 11, 14, 15, 29, 35, 37, 38, 49, 50], и могут по аналогии с ними датироваться в диапазоне от первых десятилетий до середины I в. н. э. Гончарные сосуды этого типа наиболее распространены в комплексах первой половины I в. н. э. [Корпусова, 1983, табл. VI, 20; XXVIII, 4; XXIX, 13; Сымонович, 1983, с. 83, табл. XI, 5, 6, 9; Малышев, Трейстер, 1994, с. 69 библ., рис. 6, 2].

Краснолаковая посуда.

Склеп 612. В восточном углу камеры лежал крупный сосуд (кувшин) с шаровидным туловом, широким цилиндрическим горлом, с валиком на венчике, на кольцевом поддоне (рис. 165, 1). На плечиках – рельефный поясок, горловина украшена тремя горизонтальными желобками. Ручка дуговидной формы, слабо профицирована двумя желобками. Нижняя часть сосуда лаком не покрыта. Прямых аналогий среди краснолаковой керамики подобрать не удалось, однако в сарматских погребениях I в. н. э. есть близкие по форме и пропорциям гончарные кувшины, производство которых, по мнению А.С. Скрипкина, было наложено по боспорским образцам на Кубани и Нижнем Дону [1990, с. 43, 44, рис. 15, 7; 45, М13; 49, М13]. Близкая по форме сероглинянная амфора обнаружена на юге Украины с датой I в. н. э. [Вязьмитина, 1954, с. 234; Симоненко, 2004, с. 149, рис. 8, 66]. По комплексу находок в склепе альминский кувшин датируется серединой – третьей четвертью I в. н. э.

Склеп 730. В нижнем ярусе склепа (погребение 2) найден раздавленный гончарный кувшин с биконической формой туловы и широким горлом, на низком кольцевом поддоне. Глина оранжевая, с включением известковых частиц, покрыт лаком, больше напоминающим ангоб, который сохранился частично. Сосуд, видимо, достаточно долго был в

употреблении. По плечикам орнаментирован росписью белой краской (рис. 165, 2). Форма восходит к лягинам эллинистического времени, отличаясь широким горлом. Близкий по стилю сосуд обнаружен в раннесарматском погребении у хут. Хмельницкого [Симоненко, 2004, с. 140, рис. 4, 20]. Роспись белой краской характерна для сосудов рубежа н. э., хотя встречается и в первой половине I в. н. э. [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 241, 243, abb. 9, 2]. Дата: около середины I в. н. э.

Могила 740. Вместе с краснолаковым канфаром (понтийская сигиллата?) с рельефной растительной гирляндой на корпусе (рис. 168, 8) найден краснолаковый кувшин с яйцевидным корпусом, высоким цилиндрическим горлом, отделенным желобком и отогнутым венчиком, образующим бортик (рис. 165, 4). По тулowi в технике накладного орнамента нанесены фигурки резвящихся дельфинов. Сосуд, судя по составу глины и технике исполнения орнамента, вероятно, пергамского или кидского производства [Журавлев, 1998, с. 34, 35]. Рельефная керамика характерна для первой половины I в. н. э., но встречается в комплексах середины – третьей четверти столетия.

Краснолаковая посуда ESB2. Разработка хронологии и типологии керамики ESB2 для могильников Юго-Западного Крыма проведена Д.В. Журавлевым [1997, с. 227–260; 2001, с. 99–118; ср.: Кропотов, 2001, с. 90–95]. К фазе **B1a** относятся сосуды с оттисками фигурных и «именных» штампов в прямоугольных рамках [1997, с. 246; 2001, с. 105, 106, 108, рис. 3; 4; 7]. Это формы **1.1** и **1.2** – тарелки с невысоким, скошенным внутрь бортиком, с плоским дном (рис. 170, 5, 7, 9); **3.1** и **3.2** – тарелки со слегка скошенным внутрь бортиком, на кольцевом поддоне (рис. 170, 4); **8.1** – чашки усеченно-конической формы, с невысоким бортиком, на низком кольцевом поддоне (рис. 169, 1–3).

Вероятно, чашки формы **9**, покрытые «черным лаком» (могила 158 Бельбека IV, могила 79 Битака), хотя и попали в могилы значительно позже, все же принадлежат к ранним формам [Журавлев, 1997, с. 2001, с. 106, 112, 113, рис. 5]. Начало их производства, возможно, относится к 70–80-м гг. н. э. (с именными штампами в прямоугольных рамках). Чашка из могилы 79/2 Битака с затертым именным клеймом в прямоугольной рамке (рис. 169, 14) найдена под погребением 1, с которым лежали чашка с вертикальным бортиком (рис. 171, 5), краснолаковый амфориск с воронковидным горлом и две маленькие фибулы с кнопкой на конце приемника [Амброз, 1966, с. 44, рис. 5, 4], что позволяет датировать погребение 2 не позже рубежа I–II вв. н. э. К близкому времени относит аналогичную чашку с фигурным клеймом из могилы 3 Брянского А.А. Труфанов [2005, с. 318, рис. 1, 6]. Эта форма известна и с краснолаковым покрытием. Чашка из Усть-Альмы (могила 411/1–2) с плохо пропечатанным именным клеймом на дне (рис. 169, 16) обнаружена в комплексе конца I в. н. э., а чашка с фигурным клеймом из могилы 526 (рис. 172, 8) – рубежа I–II вв. н. э. Тем же временем, вероятно, датируется экземпляр с затертыми краями и оттиском в прямоугольной рамке из нарушенной в древности при подзахоронении могилы 728 (рис. 169, 15). Возможно, такие сосуды («пиксиды»?) по неизвестной причине были особенно «долговечными».

К переходному времени **B1a/B1b**, возможно, относятся несколько чашек ESB2 с клеймами в виде розетты: из могилы 158 Бельбека IV (форма **8.5**), из погребений Усть-Альмы (форма **7.1**): склеп 775/1 (рис. 169, 7), 820 (рис. 169, 8). Очевидно, начало использования фигурных клейм на сосудах ESB2 датируется 70–80-ми гг., однако большинство экземпляров относится уже к фазе **B1b**. К ранним вариантам формы **2** принадлежит чашка с плохо пропечатанным именным клеймом в прямоугольной рамке из некрополя Неаполя – не позже 70–80-х гг. [Пуздровский, 1987, с. 206, рис. 5].

К фазе **B1a** достаточно надежно относятся глубокие блюда неизвестного центра производства с отогнутым бортиком, загнутым внутрь краем и оттиском штампа на дне в виде концентрических кругов из насечек. Наиболее ранним в этом типологическом ряду – экземпляр из склепа 690 (рис. 170, 1) – около середины I в. н. э. Близки ему по морфологии и хронологии комплексов блюда из склепа 777/1 (рис. 170, 2) и могилы 855/3.

Наиболее поздний вариант происходит из склепа 618/3 (рис. 170, 3). В эту же хронологическую группу входят небольшие тарелки с различной профилировкой бортика и поддона (рис. 170, 6, 8, 10), кувшины (рис. 167, 3; 173, 4), ойнохоя (рис. 167, 6), миниатюрные чашки (рис. 169, 12, 13). Их классификация не разработана.

В фазу **B1a** необходимо включить и некоторые формы «понтийской сигиллаты». К ним относятся канфары и скифосы с горизонтальными выступами над петлевидными ручками, часто с рельефными изображениями стрелы (рис. 168, 7, 9–12). Иногда корпус украшен растительной гирляндой (рис. 168, 8). Поздние экземпляры этих типов встречаются и в комплексах начала следующей фазы.

В группу краснолаковых сосудов фазы **B1a** попадают небольшие чашки с высоким вертикальным бортиком [Высотская, 1994, табл. 30, 33], которые по профилировке близки, но не идентичны форме 11 ESB2 (по Д. В. Журавлеву). Они происходят из комплексов середины–третьей четверти I в. н. э. – склепы 650/4, 650/7, 720 (рис. 168, 1, 2, 4) и схожи с типом 7 некрополя Золотое, с датой по комплексу находок – не ранее середины I в. н. э. [Корпусова, 1983, с. 40, 55, рис. 11, 3, табл. XLI, 3] и типами 9 и 13 из Ольвии [Крапивина, 1993, с. 115, рис. 55, 11, 12, 19]. Такой сосуд обнаружен в сарматском погребении кургана 28 Высоцино VII на Нижнем Дону [Беспалый, 1985, с. 169, рис. 7, 2] и в некрополе Ольвии [Козуб, 1977а, с. 69, рис. 1, 2] в комплексах I в. н. э. Наиболее поздняя в этом ряду чашка с клеймом в виде ступни из могилы 558 Усть-Альмы (рис. 168, 3) с датой 70–80 гг. н. э.

С периодом **B1a/B1b** (70–80-е гг. н. э.), вероятно, связано начало поступления краснолаковых сосудов разных форм и центров производства, классификация которых требует специального исследования. Это тарелки и блюда с вертикальным бортиком и оттиском штампа в виде ступни на дне (рис. 175, 1, 2, 6)²⁰, с отогнутым бортиком, на низком кольцевом поддоне (рис. 175, 3, 5), блюда с различной конфигурацией бортика, на высоком поддоне (рис. 175, 7) и без него (рис. 175, 10), канфары с отогнутым венчиком и простыми петельчатыми ручками (рис. 171, 4), небольшие кувшинчики с низко посаженной вертикальной ручкой (рис. 167, 5, 7, 8), арибалл с яйцевидным корпусом и воронковидным горлом (рис. 167, 4).

Краснолаковые светильники.

1. В склепе 735 найден светильник с округлым рожком и волютами, с ручкой, оформленной в виде головы быка. На щитке – плохо пропечатанный оттиск какого-то изображения (рис. 188, 4) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, s.253, abb. 13, 6]. Аналогичные по стилю изделия относят к продукции малоазийских мастерских, они датируются второй–третьей четвертью I в. н. э. [Корпусова, 1983, с. 48, табл. XIV, 1, 2; Левина, 1992, с. 10, табл. 2, 9–18; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, р. 61, 62, № 19, 20].

2. В склепе 775/2 обнаружен светильник с округлым рожком и волютами с оттиснутым на щитке изображением культово-мифологической сцены (рис. 188, 5). В центре композиции – на кресле восседает полуобнаженный Аполлон. Левая рука его опирается на кресло, в правой он держит сосуд (?), из которого совершает возлияние на жертвенник. Последний представляет собой столик на трех фигурных ножках, на котором стоит объемная герма. Слева, позади Аполлона – священное дерево с массивными зубчатыми листвами, на одной из ветвей изображена сидящая птица (?), очевидно, дельфийский ворон. Сюжет возливающих богов хорошо известен в античном искусстве [Кувшинова, 2000, с. 223–230].

Светильник, видимо, принадлежит к малоазийской продукции и датируется по аналогиям второй – третьей четвертию I в. н. э. Нередки на светильниках этого типа мифологические сюжеты и культовые сцены [Вальдгауэр, 1914, № 208, 211, 212, 225, 226; Левина, 1992, с. 10, табл. 2, 9–18; № 16–35; Chrzanowski, Zhuravlev, 1998, р. 58–62, № 17, 20]. Дата по комплексу находок: 70–80-е гг. н. э.

²⁰ Часть этих сосудов, вероятно, относится к продукции «понтийской сигиллаты» [Журавлев, 2005, с. 142, 143, рис. 1, 1, 2].

Стеклянная посуда.

К датированным по комплексу находок стеклянным сосудам относятся экземпляры из склепов 618, 620 и 720 Усть-Альмы.

1. Склеп 618/1. Флакон прозрачного стекла сине-зеленого оттенка, с коническим тулом и плоским дном (рис. 191, 1). Высота 8,8 см, диаметр венчика 2 см, диаметр дна 4,5 см. Близкие по форме и параметрам сосуды обнаружены в некрополе Кеп в комплексах первой половины I в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169, рис. 11, 1; Сорокина, 1977, с. 140, рис. 7, 7, 8]. Флакон из склепа 618/2 относится к фазе **B1a/B1b** (70-е – 80-е гг. н. э.).

2. Склеп 620. Флакон прозрачного фиолетового стекла со сферическим тулом и узким, расширяющимся к венчику (утрачен) горлом, дно чуть вогнуто (рис. 191, 2). Высота 6 см, диаметр горла 0,7 см, диаметр дна 1,5 см. Сосуд этого типа представлен в некрополе Кеп, датируется третьей четвертью I в. н. э. [Сорокина, 1977, с. 140, рис. 7, 5; Кунина, Сорокина, 1972, с. 169–171, рис. 11, 20].

3. Склеп 720. Флакон светло-синего стекла со сферическим тулом, невысоким цилиндрическим горлом и выступающим наружу венчиком, дно чуть вогнуто (рис. 191, 3) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004, с. 235, abb. 4, 6]. Высота 6,8 см, диаметр венчика 2,1 см, диаметр дна 3 см. Близкие сосуды восточносредиземноморского производства (перв. полов. I в. н. э.) известны в коллекции Н.Ф. Романченко из Эрмитажа [Кунина, 1997, с. 323, кат. № 350, 351]. Второй четвертью – серединой I в. н. э. датируются флауоны из Пантикея [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169, рис. 10, 17; 11, 15]. Альминский экземпляр относится к середине–третьей четверти I в. н. э.

Фибулы.

Большинство хроноиндикаторов этой группы представлено бронзовыми экземплярами. Часть из них, появившись в третьей четверти I в. н. э., встречается и в следующей фазе.

Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы. Фибулы типа «Алезия» встречаются с находками рубежа н. э. и рассмотрены выше (рис. 194, 3, 4) [ср.: Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 7, 24, 25]. Фибулы типа «Авцисса» [Амброз, 1966, с. 26, табл. 4, 9–16; Ettlinger, 1973, с. 28, 29, type 29; Riha, 1994, gruppe 5, type 5.2, variante 1, taf. 18–20] найдены в комплексах середины – третьей четверти I в. н. э. (см. выше), что соответствует ступени **B_{1b}** раннеримской хронологии [Щукин, 1994, с. 56, рис. 24]. Такая фибула происходит из погребения 1 склепа 620 Усть-Альмы (рис. 194, 6), где в погребении 2 найдена лучковая подвязная фибула 1-го варианта. В углу камеры лежал сервиз – бронзовая ойнохоя Eggers 125 и патера Eggers 155 (см. выше). В горизонте склепа 450/5, где обнаружена еще одна фибула «Авцисса» (рис. 194, 5), инвентарь не выходит за пределы третьей четверти I в. н. э. В склепе 88 такая фибула [Высотская, 1994, с. 97, табл. 28, 32] встречена в одном горизонте с «дугоконечной» пряжкой [Труфанов, 2004, с. 165, рис. 4, 10] – с той же верхней датой. Таким образом, фибулы типа «Авцисса», хотя и появляются в Крыму в начале I в. н. э. [Трейстер, 1993а, с. 59, 60; Новишенкова, 2000, с. 160, 161], но в позднескифских могильниках известны с середины I в. н. э. и пока не встречены в комплексах позже третьей четверти столетия.

Первой половиной I в. н. э. датируют, по западным аналогиям, большинство фибул из Закубанья Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, отмечая редкие случаи находок в комплексах третьей четверти I в. н. э. [2004, с. 222, 223]. А.В. Симоненко считает, что дату фибул «Авцисса» для сарматских памятников нельзя ограничивать серединой I в. н. э. [2004, с. 143]. Действительно, изредка в погребениях кочевников они встречаются значительно позже [Литвинский, 1967, с. 31, 32, библ.; Оболдуева, 1988, с. 166, рис. 4, 11; Скрипкин, 1977, с. 116, 117], хотя обычно даже в отдаленных от античных центров областях сарматского мира, фибулы «Авцисса» синхронны совместным находкам поясной гарнитуры [Степанов, 1969, с. 221–227].

Шарнирные фибулы-броши геометрических форм (без эмали).

Ромбовидные, с завитками на концах [Амброз, 1966, с. 33, табл. 15, 5; Ettlinger, 1973, type 39; 40, 1; 41, taf. 12/10, 14, 18, 19; Riha, 1979, taf. 58, 78; 1994, type 7.4, taf. 78; Shchukin, 1989, р. 318]. Фибулы из каменного склепа 2 Беляуса (рис. 19, IV) [Дашевская, 1969, с. 67; Михлин, 1980, с. 209, рис. 9, 4, 5], могильника Золотое [Корпусова, 1983, с. 66], из святилища Гурзуфское Седло [Новиженкова, 2000, с. 162, рис. 1, 1], некрополя Неаполя [Сымонович, 1983, с. 90, табл. XXV, 20], погребения в Ружичевке [Симоненко, 2004, с. 144, рис. 7, 25] датируются серединой или второй половиной I в. н. э. В Усть-Альме они встречены в комплексах середины столетия [ср.: Высотская, 1994, с. 100, рис. 30, XVII_ж; табл. 46, 6, 25]. Новые находки из Усть-Альмы (рис. 195, 1, 2), Тавельского кургана 5 [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 7, 27] не противоречат их бытованию и в третьей четверти столетия. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко предла-гают ограничить бытование таких фибул второй четвертью I в. н. э. [2004, с. 225, 226].

Крестовидной формы, с завитками на концах. За исключением формы щитка, по размерам и конструкции близки предыдущему варианту. В центр щитка вставлен желез-ный штырь. Представлены экземплярами из Усть-Альмы (рис. 195, 3–8). Датировка та-же, что и для предыдущего типа.

С ажурной крестообразной серединой и фестонами по краю щитка [Амброз, 1966, с. 31, табл. 14, 17]. Практически у всех экземпляров в центре – железный штырь (рис. 195, 12–14). Очень близки предыдущему типу, появляются также около середины I в. н. э., но встречаются в комплексах третьей четверти столетия [Riha, 1979, taf. 78, type 7.6; 1994, taf. 78]. Они представлены на Боспоре [Корпусова, 1983, с. 66], в Гурзуфском Седле [Новиженкова, 2000, с. 162, рис. 1, 2, 3], на Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 100, рис. 30, XVII_г], в Неаполе [Сымонович, 1983, с. 90, 105, табл. XXV, 17–19], Заветном [Богданова, 1989, с. 37, табл. IX, 11]. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датируют такие фибулы из Прикубанья второй четвертью I в. н. э. [2004, с. 225].

В форме лунниц [Амброз, 1966, с. 34; Ettlinger, 1973, type 34, taf. 11/3; Riha, 1994, type 7.5, taf. 78]. Такая фибула найдена в некрополе Золотое [Корпусова, 1983, с. 66, рис. 19, 8]. Они известны в Заветном [Богданова, 1989, с. 37, табл. IX, 13, 14], Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 100, табл. XVII_г; табл. 46, 5]. Есть такие броши и среди новых находок (рис. 195, 9–11). Экземпляр из могилы 733 Усть-Альмы ремонтировал-ся: припаян пружинный «смычковый» аппарат (дата комплекса – рубеж I–II вв.). Фибу-ла с аналогичным поврежденным щитком (долго бывшая в употреблении?) обнаружена в Тавельском кургане 5 [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 7, 26]. Серединой I в. н. э. датируется комплекс с такой брошью из Закубанья [Лимберис, Марченко, 2004, с. 225].

К этой группе относятся разнообразные фибулы-броши [Riha, 1994, type 7.8, taf. 78] округлой формы, ажурные, с фестонами, в форме розетты, а также биметаллическая в виде «греческого портика», найденные в Усть-Альме [Высотская, 1994, с. 99, 100, рис. 30, XVII *а–д, ж, з*], с основной датой: середина – третья четверть I в. н. э. Фибулы-броши со щитками круглой формы либо в виде диска с фестонами есть среди новых материалов Усть-Альмы и Неаполя (рис. 195, 15–17). Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датируют комплекс с такой фибулой по аналогии с застежкой из лагеря Аугст серединой I в. н. э. [2004, с. 226].

Появление шарнирных фибул-брошей геометрических форм (без эмали) в Крым-ской Скифии приходится на время около середины I в. н. э., несмотря на их более ранние даты в европейской хронологии [Ettlinger, 1973, с. 28, 29]. Единичные экземпля-ры (с починкой?) встречаются в комплексах II в. н. э.

Шарнирные фибулы-броши в виде сидящей или летящей птицы [Амброз, 1966, с. 35, табл. 15, 21, 23; Ettlinger, 1973, type 42, 2, taf. 13/2; Riha, 1994, type 7.22, taf. 78]. Провинциально-римское производство. Относительная редкость и беспаспортность та-ких фибул в Северном Причерноморье не давали возможности выяснить их хроноло-гию. Фибула-брошь в виде сидящей птицы из склепа 120 Усть-Альмы опубликована без

четкой стратиграфической и хронологической привязки (II в. н. э.?) [Высотская, 1994, с. 101, табл. 38, 19], экземпляр в виде летящего голубя с круглыми эмалевыми инкрустациями обнаружен в слое разрушения рубежа I–II вв. н. э. над башней городища Кара-Тобе [Внуков, 1997, с. 67; 1997а, с. 41–45, рис. 4, 4]. В Нижнем Поволжье такая брошь найдена в археологическом контексте второй половины I – начала II в. н. э. [Сергацков, 2004, с. 108, 109, рис. 1, 23]. Известные к 2004 г. экземпляры проанализированы Н.Ю. Лимберисом и И.И. Марченко, которые датируют фибулу из Прикубанья второй половиной I – началом II в. н. э. [2004, с. 226], хотя в лагере Аугст такие застежки встречаются в первой четверти – середине I в. н. э. [Riha, 1994, type 7.22, taf. 78].

Находки фибул в виде птицы в склепах 424 Б и 450 Усть-Альмы с подвязными лучковыми фибулами 1 варианта [Пуздровский, Зайцев, Лобода, 1997, с. 229, 230, рис. 126] позволяют датировать их появление не позже 70–80-х гг. н. э. Фибулы в виде летящей птицы встречены в верхних ярусах склепа 450 и в нижнем склепе 424 Б, а в виде сидящей – в среднем ярусе склепа 450. Ввиду важности этих находок привожу их описание.

1. Склеп 450, погребение 3. Бронза. В виде летящего голубя (левое крыло отставлено в сторону). Крылья пронизаны железными штырями с круглыми гнездами, инкрустированными вставками из красной стекловидной пасты (рис. 197, 2). Размеры: 3,0x3,0 см.

2. Склеп 450, погребение 4. Бронза. В виде летящего голубя. Аналогична предыдущей, но с расплющеными крыльями (рис. 197, 4). Размеры: 3,0x2,2 см.

3. Склеп 450, погребение 13. Бронза посеребренная. В виде сидящего голубя (рис. 197, 1). Размеры: 3,0x2,0 см. По стилю изображения ей близка фибула в виде павлина из некрополя Золотое – в комплексе середины I в. н. э. [Корпусова, 1983, с. 66, рис. 19, 7, табл. X, 24].

4. Склеп 424 Б, погребение 15. Бронза. В виде летящего голубя, с железными гнездами на крыльях и вставками из красной пасты (рис. 197, 3). Размеры: 3,0x2,5 см.

Фибулы с овально-расширенной спинкой и узкой ножкой («лебяжинская» серия, вариант 2) [Амброз, 1966, с. 56, табл. 10, 4]. Такие застежки обнаружены в Усть-Альме в погребениях середины I в. н. э. [Высотская, 1994, с. 101, рис. 30, XVIII, табл. 10, 22; 14, 20; 31, 6], характерны они и для комплексов третьей четверти столетия Неаполя и Усть-Альмы (рис. 194, 8–13, 15, 17, 18), иногда встречаются (со следами починки) и позже [Высотская, 1994, табл. 7, 12]. Возможно, ранние экземпляры «лебяжинских» фибул второго варианта представляли собой гибрид одночленных «воинских» с прогнутой спинкой (рис. 43, 12–14) и лучковых подвязных 1-го варианта, как, например, фибула из могилы 498 Усть-Альмы рубежа – начала I в. н. э. (рис. 194, 7) [ср.: Амброз, 1966, с. 56]. Есть лучковая фибула с пуансонным орнаментом на округлом «щитке» в центре спинки (подражание «лебяжинским»?), найденная в комплексе второй четверти II в. н. э. (рис. 194, 19).

Сильно профилированные фибулы западных типов. В Усть-Альме и Неаполе встречены бронзовые фибулы ранних вариантов этой группы, развившиеся из типов Альмгрен 68–69 [Амброз, 1966, с. 36, 38, табл. 7, 3, 4]. Все они с одной бусиной на дужке, ромбической головкой, сплошной приемник укорочен. Из склепа 88 Усть-Альмы происходит фибула с двумя отверстиями на приемнике [Высотская, 1994, с. 95, табл. 28, 40]. Дата: 40–70-е гг.

Застежку из Неаполя Э.А. Сымонович датировал I в. н. э. [1963, с. 144, рис. 2, 6; 1983, с. 62, 63, табл. XXV, 21]. Не выходит за эти рамки и комплекс могилы 176 Бельбека IV [ср.: Гущина, 1982, с. 23, рис. 14, 12]. Основанием для отнесения фибул из Усть-Альмы (рис. 197, 5, 6) к переходному времени **B1a/B1b** служат другие находки из комплексов и ярусов: тарелка ESB2 (форма 3.1) с именным штампом из могилы 691 (рис. 170, 4), крестовидная брошь (рис. 195, 8), краснолаковое блюдо (рис. 170, 3) и светлоглиняная узкогорлая амфора С IVА, из яруса 2 склепа 618 (рис. 156, 4). Альмин-

ским экземплярам чрезвычайно близка по конструкции фибула из сарматского погребения 2 в Порогах – дакийский импорт [Симоненко, Лобай, 1991, с. 53, рис. 20, 3]. Предлагаемая дата для альминских экземпляров: 70–80 гг. н. э. Не противоречат этой дате и находки из Закубанья [Лимберис, Марченко, 2004, с. 224].

Фибулы с S-видным завитком на конце сплошного пластинчатого приемника [Амброз, 1966, с. 45, табл. 5, 12–14]. Небольшие экземпляры этой группы включены в переходную фазу **B1a /B1b** (70–80-е гг. н. э.) на основании находок в комплексах Усть-Альмы – склеп 618/2 (рис. 197, 21), 618/3 (рис. 197, 22), 619/4 (рис. 197, 25), 640/21–22, 520/40 (рис. 197, 20), 820 (рис. 197, 23) и опубликованных материалов [Высотская, 1994, с. 99, рис. 30, XV]. Та же дата приемлема для фибулы из могилы 299 Бельбека IV [Гущина, Журавлев, 1999, с. 166, рис. 7], хотя такие застежки, но больших размеров достаточно часто встречаются в последней четверти I – начале II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 45].

Лучковые одночленные подвязные фибулы [Амброз, 1966, с. 48, 49, табл. 9, 2, 6].

Конструкция и внешние характеристики лучковых подвязных фибул первого варианта окончательно сформировались к середине I в. н. э. К ним принадлежат экземпляры небольшого размера, с невысокой дужкой, равномерной по ширине ножкой, с верхней тетивой. Представлены они в комплексах Усть-Альмы фаз **B1a** и **B1a /B1b**: 411/3 (рис. 198, 18), 450/13 (рис. 197, 10, 11), 517/4 (рис. 198, 27), 580/1 (рис. 197, 27), 580/2 (рис. 197, 26), 609 (рис. 198, 4), 612/2 (рис. 198, 1), 619/5 (рис. 198, 12), 620/2 (рис. 198, 2), 690/ранний горизонт (рис. 197, 29, 30), 690/1 (рис. 197, 31).

Для фибул второго варианта характерно незначительное расширение ножки, иногда бывает нижняя тетива. Появляются они не позже третьей четверти I в. н. э. – склеп 735 (рис. 198, 5), 650/4 (рис. 198, 3), но встречаются преимущественно в комплексах 70-х – 80-х гг. – склеп 853 (рис. 198, 14) и позже, до начала II в. н. э.

ФАЗА B1b.

Материалы Усть-Альминского некрополя, а также других могильников Центрального и Юго-Западного Крыма позволили выделить комплексы последней четверти I в. н. э. Часть хроноиндикаторов предыдущей фазы (особенно переходного времени) еще встречаются в начале рассматриваемого периода, но уже как вещи длительного бытования. Большое значение имеет степень изношенности предметов, следы починки и т. д. Как и при определении ведущих хроноиндикаторов других фаз, основным критерием отбора является их взаимовстречаемость в комплексах и стратиграфическое положение в многоярусных захоронениях.

Амфоры.

В склепах 619/3, 703, 770 Усть-Альмы найдены светлоглиняные узкогорлые амфоры переходного варианта A/B (рис. 157, 1, 2, 3), которые характерны для последней четверти I в. н. э.²¹ Отличие от амфор типа А – стройность пропорций (корпус узкий и вытянутый), высокая горловина, венчик оформлен в виде выступающего гладкого валика, ножка меньших размеров, малоустойчивая. Ручки прикреплены к горлу (почти под прямым углом) намного ниже венчика, гребни в сечении выражены слабее. А.П. Абрамов выделяет такие амфоры в тип А-1 [1993, с. 45, 46, рис. 50].

Лишь одну из альминских амфор – из склепа 770 (рис. 157, 1) можно условно отнести к подварианту С IV_{A₂} [Внуков, 2003, рис. 45, 8, 10]. Из тризы кургана № 1 могильника «Дачи» под Азовом с богатым сарматским захоронением последней четверти I в. н. э. происходят аналогичные амфоры [Беспалый, 1992, с. 175, 176, рис. 1, 12] (в публикации определены как тип В). В сарматских погребениях амфоры подварианта С IV_{A₂} не встречаются позже 70–80 гг. I в. н. э. [ср.: Симоненко, Лобай, 1991, с. 28, 58, рис. 17; Максименко, 1998, с. 108, 109, рис. 48, 3–6; Внуков, 2003, рис. 45, 6–8, с. 202].

²¹ Название варианта и дата предложены автором.

Бронзовая посуда.

По сравнению с предыдущей фазой изделия этой категории единичны, их детали часто встречаются в качестве амулетов (см. выше).

Среди материалов разграбленной в 2000 г. и доследованной могилы 745 Усть-Альмы (два женских последовательных захоронения) происходит бронзовая кованая патера с отогнутым венчиком, без поддона. На дне, в центре – гравированная десятилепестковая розетка в круге и два концентрических ряда насечек (рис. 154, 4). Близких аналогий подобрать не удалось [см.: Шедевры ..., 1987, кат. № 218, рис. 73; Трейстер, 1994, с. 194, рис. 13]. Не исключено, что патера произведена в одном из понтийских центров. Несмотря на смешанность инвентаря погребений (*in situ* – только верхняя часть нижнего костяка и несколько вещей), дата не выходит за пределы 70–80-х гг. н. э. (рис. 126, 12, 14, 18; 170, 9; 171, 2).

В разграбленном в древности склепе 844 Усть-Альмы под обвалом свода уцелел набор инвентаря: бронзовая посуда, серебряная тарелка и два набора лепных курильниц. Такой состав комплекса вызвал предположение о двух разновременных захоронениях в склепе (на Усть-Альме это не редкость), в пользу чего свидетельствует и дата раздавленной (вместе с серебряной тарелкой !) бронзовой ойнохой.

Бронзовый кованый тонкостенный кувшин-ойнохоя (рис. 154, 1). Высота 26 см, наибольшая ширина – 17,5 см, дна – 10,8 см. Сильно поврежден обвалом и при ограблении. Крышка сохранилась плохо, она крепилась к шарнирной «уточке», на дне – свинцовые «шайбы»-подставки. Ручка бронзовая литая, припаяна к венчику и нижнему атташу. Принадлежит к группе кувшинов-ойнохой типа «Стралджа», относимых к провинциальному-римскому производству. Находки их многочисленны в сопредельных с Дунаем провинциях и у соседних варварских племен [Raev, 1976, pp. 155–162]. Б.А. Раев считает, что итальянские прототипы не встречаются позже третьей четверти I в. н. э., а у изготовленных во Фракии и Мезии – преимущественно железная ручка, датируются они не ранее рубежа I–II вв. н. э. или конца I в. н. э. [1978, с. 89–94; Раев, Науменко, 1993, с. 156]. Д.Б. Шелов не исключал, что в Северном Причерноморье такая посуда производилась по итальянским и фракийским образцам [1983, с. 66].

Наиболее близки (если не идентичны) альминскому экземпляру из Павловки в Нижнем Поворсклье с датой конец I – первая половина II в. н. э. [Супруненко, 1994, с. 65, 66 рис. 24, 25] и могильника Центральный IV в Нижнем Подонье с датой вторая треть II в. н. э. [Раев, Науменко, 1993, с. 151–160, рис. 3; 5]. Второй четвертью II в. н. э. датируется по комплексу находок сосуд из Константиновки в Крыму [Орлов, Скорий, 1989, с. 65, 66, рис. 1, 4–6], но у него железная ручка.

Если верно предположение о двух захоронениях в склепе 844, то альминская ойнохоя может быть отнесена к последней четверти I в. н. э. (вряд ли позже). Если же это один комплекс (или два очень близких по времени), то наш сосуд – один из самых поздних экземпляров (третья четверть I в. н. э.) итальянских образцов в Северном Причерноморье.

Флакон, или футляр для медицинских инструментов, использовавшийся в качестве пиксиды, найден в погребении 39/2 Бельбека IV с датой рубеж I–II в. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 167, 168, рис. 1, 7].

Краснолаковая посуда.

Основой для выделения хроноиндикаторов фазы **B1b** служат типология и хронология форм ESB2, разработанные для могильников Юго-Западного Крыма Д.В. Журавлевым [1997, с. 227–260]. С 70 – 80-х гг. I в. н. э. известны сосуды ESB2 с фигурными клеймами [Журавлев, 1997, с. 227–260], наиболее характерные для фаз **B1b/B1c**. В будущем, вероятно, удастся разделить керамику этой группы на хронологические варианты, но пока при выделении форм последней четверти I в. н. э. учитывается, прежде всего, их встречаемость с другими хроноиндикаторами, а также стратиграфия погребений (рис. 169, 5, 6; 172, 1, 3, 4, 6, 9, 13; 175, 4).

Начиная с 70–80-х гг. н. э. в Крымской Скифии появляется многочисленная краснолаковая посуда малоазийских (?) и причерноморских («понтийская сигиллата») центров производства: тарелки большого и малого диаметра с вертикальным бортиком [Труфанов, 1997, с. 184–186, типы II-А, II-Б, III-А, III-Б], часто с клеймами *planta pedis*²² (рис. 178, 1–3, 5, 9, 11, 13) и другими оттисками штампов [Журавлев, 1998, табл. 4], сероглиняные блюда с различным оформлением бортика и венчика (с лаком графитового оттенка) с клеймами *planta pedis* (рис. 175, 8, 9), чашки с вертикальным и прогнутым бортиком (рис. 169, 4; 171, 5, 6; 172, 9), полусферические (рис. 171, 8) и типа «солонок» с оттисками в виде «двойной сандалии» (рис. 169, 10, 11), с врезными концентрическими линиями и фигурным клеймом на дне (рис. 178, 7).

В начале фазы **B1b** еще встречаются канфары и кубки с вертикально расположеными петельчатыми ручками, изредка сверху с отростками-налепами (рис. 168, 11; 171, 1–3), кубки с отогнутым венчиком и двумя петельчатыми ручками (рис. 171, 4; 172, 11), кувшины и амфориски с шаровидной формой туловища и высоким цилиндрическим горлом (рис. 173, 2, 3; 174, 2, 3, 4). Появляются глубокие чаши с высоким вертикальным бортиком и горизонтальными фигурными ручками, прижатыми к нему (рис. 171, 7) – тип 3 (М) по Т.Н. Книпович [1952, с. 296, рис. 1, 3]. Значительная часть этой посуды, бытую достаточно долго, встречается также в комплексах рубежа I–II вв. н. э., т.е. в переходное время: **B1b/B1c**.

Краснолаковые светильники. В разграбленном склепе 716 вместе с чашкой ESB2 (форма 8.5) найден светильник с круглой формой щитка и рожком, отделенным прямой чертой. На щитке изображен Пегас (рис. 188, 6). Дата типа: в пределах второй половины I – первой половины II в. н. э. [ср.: Левина, 1992, с. 10, 11, табл. 3, 20–24; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, р. 80, 81, № 32].

Краснолаковый и гончарный флауны. Из склепа 104/4 Битака происходит краснолаковый флаун с яйцевидным корпусом, коротким цилиндрическим горлом с кольцевой выемкой (перетяжкой) у основания (рис. 164, 5) – как у стеклянных сосудов этого типа [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169, рис. 11, 1]. Аналогии – в некрополе Золотое [Корпусова, 1983, рис. 13, 8]. Близок также гончарный флаун из могилы 95 Неаполя (рис. 164, 8) [Сымонович, 1983, табл. XI, 17], форма его еще больше схожа со стеклянными сосудами – тип I, 1 Б [Кунина, Сорокина, 1972, с. 150, рис. 3]. Для гончарного бальзамария из могилы 341 Усть-Альмы (рис. 164, 7), в свою очередь, можно найти аналогии среди стеклянных сосудов – тип I, 1А [Кунина, Сорокина, 1972, с. 148, 150, рис. 2].

Фибулы.

Фибулы-броши (без эмали). Характерной особенностью деталей костюма в это время становятся разнообразные фибулы-броши. Количество их находок исчисляется десятками, однако сохранность щитков в большинстве случаев плохая. Связано это с тем, что использовались тонко раскованные листы металла (бронза, серебро), на которых по матрицам оттискивалось изображение. Такие отпечатки накладывали на металлическую основу, к которой крепились пружинные застежки – «смычковые» фибулы (рис. 196). Внешняя сторона дужек последних обычно плоская – для припоя. А.К. Амброз предполагал, что «смычковые» фибулы возникли в конце I в. н. э. путем упрощения пружинных брошей [Амброз, 1966, с. 47, табл. 6, 11, 12]. Часто для производства фибул-брошей использовали медальоны.

Изображения на щитках различны. Среди них букраций (рис. 196, 6, 9), свернувшийся в кольцо копчачий хищник (рис. 196, 10), женское божество (Афродита с Эротом?) (рис. 196, 5), Гелиос (рис. 196, 8). В склепах 590 и могиле 513 на двух фибулах-

²² Клейма *planta pedis* появляются на «понтийской сигиллате» в середине I в. н. э., но существуют до первой четверти II в. н. э. [Журавлев, 2005, с. 148].

брошах представлены поздние реплики (см. выше) сюжета со скачущим всадником и бегущей собакой (рис. 196, 1, 2). Наиболее хорошо сохранилась брошь в могиле 759 Усть-Альмы – в комплексе рубежа I-II вв. н. э. (рис. 196, 4) [Пуздовский, 2005а, с. 288–298]. Бронзовый диск основы толщиной около 0,1 см был покрыт тонким серебряным щитком диаметром 5,7 см, края его аккуратно заправлены. На щитке по матрице оттиснуто в невысоком рельефе погрудное изображение Афродиты и Эротов. Композиция обрамлена двойным поясом из выпуклых точек. Голова богини изображена анфас, слегка повернута вправо, правая рука прижата к груди. Пышная прическа разделена на две половины и уложена в тугие «косы», ниспадающие до плеч. На голове у нее небольшая круглая шапочка с каймой, соединенная с «накидкой», которая опускается на левое плечо, одета в платье с широкими рукавами, манжеты выделены каймой, на кисти – браслеты (?). На шее богини – гривна с коническими украшениями. По обе стороны от головы находятся две фигуры в виде ромбов, над каждой из них и над головой богини оттиснуты точки, такие же, как и на обрамлении. На правом плече в профиль изображен Эрот с расправленными крыльышками, держащий в правой руке стрелу (?). Над левым плечом богини видна голова анфас второго Эрота, поддерживающего левой рукой скипетр. В нижней части композиции, под фигурами Эротов, оттиснуты два кольца. Под подбородком богини иглой нанесен тонкий прокол.

Аналогичная золотая брошь (диаметр 4,3 см), отличающаяся лишь небольшими деталями оформления композиции, обнаружена во впускном погребении середины I в. н. э. Курджипского кургана [Галанина, 1973, с. 54, 55, 57, 58, рис. 1, 10]. Этот сюжет представлен на серебряных бляшках диаметром 3,8 см из богатого женского захоронения I в. н. э. в гробнице 630 Херсонеса [ОАК 1896 г., с. 76, 177–180, рис. 323 г; 555 г], есть похожая серебряная фибула-брошь в сарматском катакомбном захоронении I в. н. э. в Широкой Балке [Симоненко, 1993, с. 64, 85, рис. 21б; 2004, с. 144; ср. Яценко, 2000, с. 270–272]. В Прикубанье, в погребении 3 могильника № 4 у станицы Усть-Лабинской, обнаружена еще одна серебряная с позолотой фибула-брошь на бронзовом диске с изображением женского божества [Анфимов, 1952, 83–85, рис. 22, 4]. Аналогичные последней броши найдены в могильнике Бельбек IV в комплексах конца I – II в. н. э. Как считает И.И. Гущина, на бельбекских экземплярах изображен местный вариант Великой богини-матери, которую почитали так же, как и Афродиту [Гущина, 1978, с. 25–30, рис. 2, 3; 3, 4].

Необходимо отметить большую концентрацию подобных находок на Азиатском Боспоре, в частности в Горгиппии, где в погребениях I-II вв. н. э. найдены однотипные серебряные и золотые медальоны с изображением Афродиты и Эротов, а в культурном слое города – штамп для оттиска подобных изображений в высоком рельефе [Алексеева, 1997, с. 183–222, рис. 55, 56, 63, 64]. В погребении 54 по ул. Астраханской (г. Анапа) обнаружен почти идентичный альминскому (одна матрица?) золотой медальон [Шедевры... 1987, рис. 86, кат. № 244]. Близки также изображения конических подвесок ожерелья под гривной Афродиты Урании на центральной пластине диадемы из склепа 2, саркофага 2 [Шедевры... 1987, табл. XLVII, XLVIII, кат. № 261].

Изображения на брошах близки по стилю золотым медальонам из склепа 735 и диадеме из склепа 777 Усть-Альмы (см. выше), равно как и предметам среднеазиатской торевтики с иконографией Анахиты [Сарианиди, 1989, с. 120–123, рис. 43, 3, 4; Пуздовский, 2002, с. 108–112]²³.

²³ Публикуя очень близкий по стилю золотой медальон из грабительских раскопок Горгиппии, авторы [Журавлев, Трейстер, 2005, с. 184–196] не учли альминской находки и интерпретации мною изображений женского божества как синкретического образа, сочетающего в себе иконографию Афродиты Алатуры – Артемиды – Анахиты (Великой богини) [Пуздовский, 2002а, с. 105–115, библ.].

Римские шарнирные фибулы без эмали.

С рельефной спинкой. В нижнем ярусе склепа 120 Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 95, 96, табл. 39, 40] найдена фибула с крестообразной рельефной спинкой, близкая провинциально-римским (Верхний Рейн, Паннония). Пик их производства приходится на 70–90-е гг. н. э. [Амброз, 1966, с. 27, табл. 14, 6]. Аналогичная фибула с горизонтальными выступами на ножке найдена в могиле 613 (рис. 204, 6), расположенной между склепами 616 и 618 и, вероятно, синхронной с ними (не позже последней четверти I в. н. э.). Экземпляры с более простым оформлением спинки обнаружены в нижнем ярусе склепа 439/23, могиле 406 (рис. 204, 4) и в склепе 570 (рис. 204, 5). У последнего экземпляра ось шарнира железная. К одному из вариантов относится застежка из могилы 112 конца I в. н. э. с прогнутой широкой спинкой [Высотская, 1994, с. 95, табл. 36, 10]. По материалам сарматских погребений Альфельда такие фибулы датируются второй половиной I в. н. э. [Иштванович, Кульчар, 2005, с. 339, рис. 1, 13, 15].

Дуговидные [Амброз, 1966, с. 26, табл. 4, 20; 5, 1]. К ним принадлежит фибула из склепа 315 Усть-Альмы (рис. 204, 1). Спинка у застежек из могилы 174 Бельбека IV [Гущина, 1982, рис. 14, 10], могил 49 и 28 Битака (рис. 204, 2, 3) более широкая, иной формы и покрыта чеканным орнаментом (рис. 204, 2, 3). В отличие от очень близких по форме и орнаментации спинки пружинных фибул с кнопкой на конце приемника [Амброз, табл. 5, 2, 3, 6, 7], бельбекский и битакские экземпляры шарнирные.

Оба типа фибул известны среди находок на юге Украины и Молдовы, в погребениях среднесарматской культуры [Симоненко, 2004, рис. 7, 15]. Их дата не выходит за пределы второй половины I в. н. э. [Ulbert, 1959, с. 68].

Сильно профицированные фибулы причерноморских типов. Представлены экземплярами небольшого размера с бусиной на головке, с изогнутой дужкой, крючком для тетивы и многовитковой (10–18) пружиной, найдены в погребениях Усть-Альмы рубежа I–II вв. н. э.: склепы 438/5 (рис. 197, 9), 616 (рис. 197, 8), могила 724 (рис. 197, 7). Все они близки варианту I–1 без орнамента [Амброз, 1966, с. 40, табл. 8, 6]. Аналогичная фибула происходит из некрополя Кобякова городища [Косяненко, 1987, с. 47, рис. 1, 1]. А.С. Скрипкин считает, что в Поволжье экземпляры с короткой спинкой относятся к раннему варианту I типа, послужившему основой (дунайский импорт) для производства боспорских профицированных фибул [1977, с. 110, рис. 3, 18].

Фибулы с кнопкой (биконическим утолщением) на конце приемника. [Амброз, 1966, с. 43, табл. 5, 2, 3, 6, 7]. Ранние варианты данной группы отличают небольшие размеры, кнопка (бусина) достаточно крупная. По форме спинки подразделяются на два варианта: 1) спинка плоская треугольной формы, либо прямоугольная с узкой ножкой, чаще с гравированным орнаментом (рис. 197, 11–13), 2) спинка узкая, неорнаментированная (рис. 202, 1, 2). Наиболее ранний экземпляр (70–80-е гг. н. э.) из склепа 853 Усть-Альмы, с орнаментированной продольными полосами гравировкой спинкой, соединенной с ножкой под углом (рис. 197, 11), напоминает шарнирные дуговидные фибулы (см. выше). Более поздние фибулы, упрощенной конструкции, представлены в склепе 520 (рис. 202, 1, 2). Дата: I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 43], однако в надежно датированных комплексах середины – третьей четверти I в. н. э. пока не известны [ср. Косяненко, 1987, с. 50]. В Нижнем Поволжье также датируются преимущественно I в. [Скрипкин, 1977, с. 116, рис. 6, 20, 21]. Предлагаемая дата: последняя четверть I в. н. э.

Фибулы с S-видным завитком на конце приемника [Амброз, 1966, с. 45, табл. 5, 12, 13]. Характерной особенностью ранней группы являются очень маленький размер и спинка овальной формы. Эти фибулы достаточно хорошо известны в Усть-Альме и Неполе (рис. 197, 14–19), есть в Заветном [Богданова, 1989, с. 37, табл. IX, 8]. Появляются они не позже 70–80-х гг. н. э. и после рубежа I–II вв. н. э. не встречаются. Такая датировка согласуется с данными по другим территориям [Косяненко, 1987, с. 58, рис. 10, 1; Сергацков, 2004, с. 108, рис. 1, 13;

Фибулы со спиральным завитком на конце приемника [Амброз, 1966, с. 45, табл. 5, 14–16]. Фибулы средних размеров (ранняя группа) появляются в последней четверти I в. н. э. (рис. 202, 14), однако большинство их диагностируют следующие фазы.

Подвязные фибулы «лебяжинской» серии (вариант 2) [Амброз, 1966, с. 56, табл. 10, 5, 6]. Появляясь около середины I в. н. э., эти застежки в Усть-Альме, Битаке и Неаполе встречаются до конца столетия (рис. 194, 14, 16, 18). Для них характерно наличие продольного ребра на спинке или орнаментации (рис. 194, 14, 18) [Амброз, 1966, табл. 10, 5, 6].

Лучковые подвязные фибулы (2-й вариант) [Амброз, 1966, с. 49, табл. 9, 6]. Появляются еще в третьей четверти I в. н. э. (см. выше), но наиболее характерны для комплексов последней четверти I и начала II в. н. э. (рис. 198, 8, 13, 15–17, 24–26). Эта дата подтверждается материалами Нижнего Поволжья [Скрипкин, 1977, с. 106, 107, рис. 2, 4, 5].

Стеклянная посуда.

Фаза **B1b** характеризуется наличием в комплексах бальзамариев, значительно реже – флаконов. В рассматриваемую хронологическую группу включены три бальзамария из могильника Бельбек IV [Гущина, Сорокина, 1984, с. 45, рис. 1, 1, 2, 8], поскольку датировки некоторых комплексов могильника этого памятника пересмотрены в сторону омоложения [Журавлев, 2001, с. 109–113]. В нижнем ярусе склепа 736 Усть-Альмы найден стеклянный бальзамарий из прозрачного стекла с грушевидным туловом, невысоким горлом, на плоском, чуть вогнутом дне. Высота 11,2 см, диаметр венчика 2,4 см, диаметр дна 3,5 см. Он относится к типу I 1B с датой третья четверть I в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 154–157, рис. 5, 7, 21], но по комплексу других находок – не ранее 70–80 гг. Та же дата приемлема для амфориска из могилы 187 Бельбека IV [Гущина, Сорокина, 1984, с. 49, 50, рис. 1, 12; 2, 19]. В нижнем ярусе склепа 520/37 найден стеклянный флакон с невысоким горлом и слегка расширяющимся туловом, дно незначительно вогнуто, венчик загнут (рис. 191, 10). Он относится к изделиям II типа, близок ему экземпляр из Пантикея [Кунина, Сорокина, 1972, с. 169, табл. 11, 50]. Дата по комплексу находок – последняя четверть I в. н. э.

Бальзамарии фазы **B1b** обычно с коническим или полусферическим туловом, дно их бывает слегка вогнуто, высота горла в 1,5–2 раза больше высоты туловы (рис. 191, 7–9, 11; 192, 1, 6). В позднескифских могильниках они представлены типами I 1B, I 1B, I 2B, I 2B [Кунина, Сорокина, 1972, с. 150–157]. Часть из них может относиться к переходному времени – **B1b / B1c**.

ФАЗА **B1c**.

Хронологический диапазон фазы в переводе на абсолютные даты – первая четверть II в. н. э. Несмотря на определенные инновации в материальной культуре, многие типы вещей известны еще в фазе **B1b** (их трудно разделить), но уже не встречаются предметы фазы **B1a**. Количество импорта несколько уменьшается, что, вероятно, было вызвано нестабильной политической обстановкой в приграничных дунайских провинциях Рима и северопричерноморских степях.

Амфоры.

Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа В (по Д.Б. Шелову), по моим представлениям, появляются в конце I в. н. э. и существуют до 20–30-х гг. II в. н. э. А.П. Абрамов [1993, с. 46, рис. 52] выделяет такие амфоры в тип B-1, повторяя широкую датировку Д.Б. Шелова. С.Ю. Внуков определяет дату типа в пределах 80-х гг. I в. н. э. – 40-х гг. II в. н. э. [2006, с. 167]. Наиболее яркий комплекс с такой амфорой – могила 120 Битака [Пуздровский, 2001, с. 130, рис. 7, 1], где найдена чашка ESB2 (рис. 172, 5)²⁴.

²⁴ В настоящее время я датирую этот комплекс первой четвертью II в. н. э. (не позже 20 – 30-х гг.), в отличие от С.Ю. Внукова, предложившего омолодить его до 120–150 гг. н. э. [2006, с. 162–164].

Обломки амфоры типа В залегали в верхнем ярусе склепа 619 Усть-Альмы (древнее ограбление) и перекрывали горизонт с погребением 3 (средний ярус) с амфорой переходного варианта А/В (см. выше). Целая амфора этого типа с дипинто в виде буквы ф на плечиках обнаружена в 2005 г. в разграбленном в древности склепе 888 [Пуздровский, Медведев, Соломоненко, Труфанов, 2005а, рис. 208] вместе со стеклянным бальзамарем типа I 2Б с верхней датой – начало II в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 159–161].

Бронзовая посуда.

Могила 848 Усть-Альмы. Бронзовая крышка курильницы полусферической формы с небольшим литым навершием-ручкой, бронзовой застежкой и прорезными фигурными отверстиями на корпусе. Отверстия выполнены в виде трех симметрично расположенных композиций из двух «точек» и «капли» над ними, позже были прорезаны три шестиконечные звезды (рис. 151, 6). Вещь вторично использована и найдена в воинском захоронении вместе с набором оружия, фибулой, краснолаковым светильником и др. Культовые сосуды такого типа восходят, вероятно, к богато украшенным керамическим курильницам-фимиатериям эллинистического времени [Парович-Пешикан, 1974, с. 119–121, рис. 98]. Коническая крышка керамической курильницы обнаружена в доме Хрисалиска [Сокольский, 1976, рис. 102, рис. 57, 7]. В Горгиппии, в комплексе середины II в. н. э. (?) найдена бронзовая шестигранная орнаментированная курильница с эмалью [Шедевры … 1987, табл. LI, кат. 269].

Могила 542/2 Усть-Альмы. Бронзовая литая курильница с чашей конической формы, на высокой полой ножке, украшенной горизонтальным валиком и двумя желобками (рис. 151, 5). По краю венчика сделана кольцевая выемка для фиксации крышки типа рассмотренной выше. Ножка в момент находки была заполнена глиной, внутри находились крупные древесные угли. На внутренней поверхности чаши прочеканен знак в виде греческой буквы «А» с ломаной гастрой. Близкая по конструкции и размерам гончарная курильница стояла в нише склепа 705 (рис. 189, 5).

Краснолаковая посуда.

Посуда ESB2 в достаточно больших количествах встречается еще в комплексах первой четверти II в. н. э. (рис. 169, 9; 172, 4, 5, 7), в том числе с именными штампами [Труфанов, 2005, с. 318, рис. 4, 3, 11], но наряду с этим все большее значение приобретает продукция других центров производства. Для рассматриваемой фазы характерны тарелки с вертикальным бортиком и оттиском штампов *planta pedis* на дне, в обрамлении из концентрических бороздок или спиральных оттисков «насечек» (рис. 178, 1–4, 6, 8, 12), что соответствует вариантам III-В-1, III-В-2, III-Г-1, III-Г-2 [Труфанов, 1997, с. 186, 188]²⁵. В комплексах рубежа I–II и начала II в. н. э. известны приземистые краснолаковые одноручные и двуручные кубки небольшой высоты (рис. 172, 12, 14), чашки с вертикальным и вогнутым бортиком (рис. 172, 2, 10). Среди кувшинов встречены как экземпляры с шаровидным корпусом и узким горлом с растробом (рис. 176, 8), так и с биконической формой туловища и широким горлом (рис. 176, 6; 177, 6). Появляются амфориски с воронковидным горлом и биконическим туловищем (рис. 176, 3, 9), с манжетовидным венчиком (рис. 176, 5). Уникален одноручный «кратер» из склепа 705 с конической формой туловища, растробом под венчиком, на высоком поддоне (рис. 174, 1). На ручке – схематичный зооморфный налеп. Некоторые параллели можно провести со стеклянными кружками-модиолусами. Возможно, они подражают формам серебряных сосудов и арретинской краснолаковой керамике [Сорокина, 1977, с. 132, 133, рис. 4]. К сожалению, комплекс разграблен, вместе с кратером найден алебастровый сосуд (рис. 138, 5), мелкие фрагменты фаянсовой тарелки и стеклянный флакон (рис. 191, 4), указывающие на I в. н. э., однако находки в нише (светильник, курильница) относятся ко времени не ранее рубежа I–II вв. н. э. (рис. 189, 4, 5).

²⁵ Часть этой керамики, несомненно, относится к продукции «понтийской сигиллаты» [Журавлев, 2005, с. 141–168].

Краснолаковые светильники. Представлены экземплярами, найденными преимущественно в Усть-Альме. В склепе 595 начала II в. н. э. среди остатков инвентаря обнаружен светильник с приземистым корпусом, круглым рожком (украшения утрачены), вогнутым щитком без изображений, по краю его – двойной валик (рис. 190, 6) [Зайцев, 2000, с. 310, рис. 7, 14]. Такие осветительные приборы характерны для конца I–II в. н. э. [Вальдгауэр, 1914, № 269, 270, 276, 279; Кунина, Сорокина, 1972, рис. 11, 58; Левина, 1992, табл. 6, 43]. В нише склепа 705 стоял светильник с поврежденным щитком, рожок сердцевидной формы, на плечиках рельефное изображение двух стеблей с волютами, без ручки (рис. 189, 4). Близкой аналогии украшениям на плечиках подобрать не удалось [ср.: Левина, 1992, табл. 6, 50]. Светильники с сердцевидным рожком и неорнаментированным щитком, вероятно, датируются второй половиной I – первой половиной II в. н. э. [Левина, 1992, с. 11, 12].

В комплексе начала II в. н. э. (могила 430) найден светильник с круглым рожком и изображением орла на щитке (рис. 190, 4). Такой сюжет хорошо известен [Вальдгауэр, 1914, № 198, 374, 546; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, № 60, 61], но нечеткость оттиска не позволяет уточнить хронологию. Экземпляр с круглым рожком и изображением галопирующего быка на щитке происходит из могилы 553 (рис. 190, 2). Светильник с сердцевидным рожком, декором на плечиках и оттиском на щитке в виде идущего быка из могилы 131 Бельбека IV датируется концом I – началом II в. н. э. [Гущина, 1982, рис. 7, 11; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, р. 86, 87, № 38].

Экземпляр с сердцевидным рожком и оттиском на щитке в виде розетки (рис. 190, 5) из могилы 848 имеет достаточно близкие аналогии среди светильников I в. н. э. [Вальдгауэр, 1914, с. 13, № 247], но с рожком другой формы. Видимо, его дата – первая четверть II в. н. э.

Гончарная столовая посуда.

Для рубежа I–II вв. и первой четверти II в. характерны красноглиняные и сероглиняные ойнохой, иногда – с ангобом (рис. 176, 1, 2; 177, 8, 10), встречаются небольшие одноручные кубки вытянутых пропорций. Из могилы 644 Усть-Альмы происходит амфориск с биконическим корпусом и раструбом на горле (рис. 173, 1).

Гончарные флаконы. Интересен небольшой сероглиняный гончарный двуручный флакон с ребристым туловом, найденный в деревянной шкатулке в склепе 520/18 Усть-Альмы (рис. 164, 10). Ему очень близок по форме (более грубая выделка) светлоглиняный сосуд из детского погребения 3 склепа 439 (рис. 164, 9). Для хранения парфюмерии служил и одноручный флакон шаровидной формы из светло-коричневой глины с включениями мелкого песка, происходящий из могилы 430 (рис. 164, 11). Он покрыт очень непрочной обмазкой, напоминающей лак.

Стеклянная посуда.

В склепе 705 найден флакон синего стекла с биконическим туловом и коротким цилиндрическим горлом (рис. 191, 4). Он близок (но не идентичен) боспорским флаконам III типа (с перетяжкой на тулове), особенно из комплекса могилы 52 1891 г. некрополя Пантикопея [Кунина, Сорокина, 1972, с. 171, рис. 11, 57]. Оттуда же происходит светильник, схожий с экземпляром из склепа 595 (рис. 190, 6). Стеклянная чаша с профилированным бортиком из могилы 9 Усть-Альмы повторяет форму краснолаковых сосудов [Высотская, 1994, с. 85, табл. 4, 15]. Ее дата, судя по аналогиям, не выходит за рубеж I–II вв. н. э. [Кунина, 1997, с. 311, кат. № 285, 286], хотя комплекс сформировался позже. Бальзамарии встречаются тех же форм, что и в предыдущее время [Высотская, 1994, с. 84, 85] (рис. 191, 12, 14; 190, 2–5). Редки в погребениях рубежа I–II в. н. э. сосуды других типов: в Бельбеке IV это арибалл, кувшин, баночка [Гущина, 1974, с. 40, рис. XVII, 10; Гущина, Сорокина, 1984, с. 45, 48, 49, рис. 1, 10, 11], в Заветном – кувшинчик с каннелированным туловом [Богданова, 1989, с. 56, XIX, 7]. Небольшой

туалетный сосуд (для мази?) биконической формы из глухого белого стекла найден в склепе 316 Усть-Альмы (рис. 191, 6). Аналогия – в могиле 197 Бельбека IV рубежа I–II вв. н. э. [Журавлев, 2001, с. 112, 113, рис. 10, 5].

Фибулы.

Для фазы **B1c** присущи те же типы застежек, что и в фазе **B1b**, но уже в развитых вариантах. Особенную популярность получили фибулы, выполненные в мастерских Боспора и Херсонеса по импортным прототипам. Это было вызвано, скорее всего, длительными перерывами в поступлении данной продукции в первой половине II в. н. э. В это время вышли из употребления шарнирные фибулы геометрических форм (без эмали), продолжали носить пружинные фибулы-броши с различными изображениями на щитках (см. выше). Редкий экземпляр шарнирных брошей в виде фигурки леопарда (пантеры) с эмалевыми круглыми вставками на теле животного [Амброз, 1966, с. 34, табл. 15, 15] обнаружен в могиле 9 могильника Брянское [Труфанов, 1997а, табл. XXXVI, 10; 2005, с. 316, рис. 4, 10]. – один из ранних образцов фибул с эмалевыми вставками, поскольку комплекс датируется началом II в. н. э. К близкому времени, судя по дате стеклянных бальзамариев в наборе, относится аналогичная брошь из округи Пантикопея [Кунина, Сорокина, 1972, рис. 8, 23–26].

Выходят из употребления небольшие фибулы с крупной кнопкой на конце приемника, им на смену с рубежа I–II вв. приходят застежки среднего размера с небольшой уплощенной спинкой и едва намеченной кнопкой (рис. 202, 2–5), а также фибулы упрощенной конструкции – со стержневой спинкой и очень маленькой кнопкой (рис. 202, 1, 2). Среди материалов Усть-Альмы, опубликованных Т.Н. Высотской, есть две фибулы с дуговидной стержневой спинкой и кнопкой на приемнике [1994, с. 99, рис. 30, XIII; табл. 14, 39]. Аналогичные застежки найдены в Кобяково с предположительной датой I–II вв. н. э. [Косяненко, 1987, с. 58, рис. 10, 4, 5].

Сильно профилированные фибулы причерноморских типов представлены экземплярами среднего размера с бусиной на головке, с изогнутой стержневой дужкой, крючком для тетивы и многовитковой пружиной (рис. 197, 8–10). Аналогичные фибулы происходят из некрополя Кобякова городища [Косяненко, 1987, с. 47, рис. 1, 2, 3]. А.С. Скрипкин относит такие экземпляры, найденные в Поволжье, к первому варианту I типа (боспорское производство). Среди них более ранними следует считать фибулы, где бусины на головке и дужке находятся на небольшом расстоянии друг от друга [1977, с. 110, 111, рис. 3, 20–26].

Небольшие по размерам фибулы со спиральным завитком на конце приемника (ранний вариант) получают свое развитие именно в этой фазе (рис. 202, 15–18), хотя А.К. Амброз датировал их I, отчасти II в. н. э. [1966, с. 45, табл. 5, 15, 16]. Эта же дата предлагается и для фибул небольшого размера (средний вариант) с S-видным завитком и гладким корпусом (рис. 202, 20–22). Аналогия фибуле с многовитковой пружиной (рис. 202, 18) – в могильнике Кобяково, но ее дата – I в. н. э. [Косяненко, 1987, с. 58, рис. 10, 3], вероятно, занижена. В Нижнем Поволжье похожая фибула, но с большим количеством витков в пружине, найдена в курганной группе у с. Кано, но и ее дата – III в. н. э. спорна, тем более что она отличается по конструкции от других вариантов этого типа [Скрипкин, 1977, с. 114, 115, рис. 6, 1].

Лучковые подвязные фибулы (одночленные, 2-й вариант) встречаются в начале II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 49, табл. 9, 6], но уже с более высокой и изогнутой дужкой, трудно отличимой от 3-го варианта (рис. 199, 1–3, 6). Аналогичная картина прослежена в Нижнем Подонье [Косяненко, 1987, с. 53–56, рис. 5, 6] и Нижнем Поволжье [Скрипкин, 1977, с. 106, 107, рис. 2, 4, 5].

Этап **B2**.

Рубеж первой и второй четвертей II в. н. э. – начало формирования позднесарматской культуры. Именно с этого времени в сарматских комплексах Подонья, Прикуба-

нья, а также в позднескифских погребениях Крыма фиксируются инновации в погребальном обряде, вооружении, конской узде, портупейно-поясных наборах и других категориях материальной культуры (см. выше). Этап **B2** (вторая четверть II – первая четверть III в. н. э.) совпадает с ранней стадией позднесарматской культуры, он подразделяется на три фазы: **B2a** – вторая четверть II в. н. э.; **B2b** – вторая половина II в. н. э.; **B2c** – конец II – первая четверть III в. н. э.

ФАЗА B2a.

Во II в. н. э. в погребениях становится меньше (кроме фибул с эмалью) западноевропейского импорта, увеличивается доля продукции малоазийских и крымских центров (Боспор, Херсонес).

Амфоры.

В погребениях Юго-Западного и Центрального Крыма встречены светлоглиняные узкогорлые амфоры типа С (по Д.Б. Шелову), которые необходимо разделить на два варианта: ранний С («альминский») и поздний С («неапольский»)²⁶.

Вариант ранний С отличается от амфор типа В слегка биконическим и более широким корпусом, но меньшей его высотой и более широкой ножкой. Ручки в профиле с одним или двумя гребнями. На плечиках некоторых амфор есть дипинти в виде небольших по размеру букв греческого алфавита, выполненных черной краской. Верхние части амфор раннего варианта происходят из могил 142 и 163 Бельбека IV [Гущина, 1982, с. 20, рис. 8, 20; 10, 44]. Целые экземпляры найдены в могиле 223 [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 177, рис. 2, 1], а также в склепах 316, 634/1 и могиле 700 Усть-Альмы (рис. 158, 1, 2; 159, 1). Обломки, собравшиеся в почти полный профиль, происходят из заполнения склепов 438 и 705 (рис. 158, 3, 4). Несколько отличаются от рассматриваемых экземпляры из погребения у с. Константиновка [Орлов, Скорий, 1989, с. 67, рис. 2, 2] и могилы 215 Бельбека IV [Гущина, Журавлев, 1999, с. 160, 164, рис. 4, 15]²⁷. Начало производства амфор варианта раннего С, вероятно, относится к переходному времени: **B1c/B2a** (20–30-е гг. II в.) [ср.: Внуков, 2006, с. 166].

Вариант поздний С отличается от раннего С более низким и округлым корпусом. Целые экземпляры происходят из могилы «аланского военачальника» на Неаполе [Дашевская, 1991, табл. 28, 18]²⁸, склепов 120 [Высотская, 1994, с. 74, табл. 38, 1], 520/4 и 550/2 Усть-Альмы (рис. 159, 2, 3). Датируются они по комплексам концом фазы **B2a**, но основное время существования варианта, судя по находкам в слоях поселений, – вторая половина II в. н. э. (фаза **B2b**) [ср.: Внуков, 2006, с. 166, 167, рис. 10].

Гончарные кувшины.

В комплексах середины II в. н. э. найдены большие кувшины с биконической формой туло́ва, широким цилиндрическим горлом и массивной плоской ручкой, на высоком кольцевом поддоне. Глина оранжево-коричневая, с включениями частиц, дающих золотистые блестки (пирит?). Они обнаружены в верхней части заполнения входной ямы могил 700 и 852 (рис. 160, 3, 4), склепа 736 Усть-Альмы в погребении 215 Бельбека IV [Гущина, Журавлев, 1999, с. 164, рис. 4, 14]. Посуда этого типа часто встречается в античных центрах Северного и Западного Причерноморья в комплексах II–III вв. н. э., но ее хронология не разработана [Гайдукевич, 1952, с. 168, 169, рис. 61; Бураков, 1976, с. 101–103, табл. X; Гороховский, Зубар, Гаврилюк, 1985, с. 29, 30, рис. 5; Кадеев, Сорочан, 1989, с. 85, рис. 37, 6].

Бронзовая посуда.

В разрушенном погребении у с. Константиновка под Симферополем обнаружен набор бронзовой посуды (патера, ойнохоя, флякон). Дата всего комплекса находок: ко-

²⁶ Разделение типа на два варианта и их названия предложены автором.

²⁷ В публикации указано, что амфора принадлежит к типу D.

²⁸ Я датирую этот комплекс временем около середины II в.н. э. [ср.: Внуков, 2006, с. 165].

нец I – первая половина II в. н. э. [Орлов, Скорий, 1989, с. 63–66, рис. 1, 1–6, 8], однако, учитывая наличие в нем амфор варианта ранний С – вторая четверть II в. н. э.

Бронзовый таз из погребения 215 Бельбека IV авторы публикации датируют по аналогиям и комплексу находок концом II – началом III в. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 161–165, рис. 4, 5], однако, исходя из наличия в могиле амфоры варианта ранний С (см. выше) и лучковой фибулы с фигурной обмоткой, – около середины II в. н. э.

Краснолаковая посуда.

Сосуды группы ESB2 перестали поступать к населению Центрального и Юго-Западного Крыма, что было вызвано как общим уменьшением ее количества [Журавлев, 2001, с. 113], так и внешнеполитическими событиями, в результате которых увеличилась доля керамики других малоазийских, а также pontийских центров. Слабая разработанность классификации и хронологии этих групп керамики не позволяет в полной мере использовать их в качестве самостоятельных и полноценных хроноиндикаторов, поэтому при отнесении краснолаковой посуды к той или иной фазе значение имеют не только морфологические особенности, но и встречаемость ее с амфорами, фибулами, стеклянной посудой, определенными видами украшений, пряжек, стратиграфия находок в многоярусных захоронениях.

Среди тарелок с вертикальным бортиком можно отнести к фазе **B2a** экземпляры варианта III-Г-3 без оттисков фигурных штампов (рис. 179, 1, 3), иногда с насечками на дне, прослеживается тенденция к прогибу корпуса, т. е. увеличению их объема [Труфанов, 1997, с. 188]. Появляются тарелки с широким, отогнутым перпендикулярно краю емкости бортиком (рис. 179, 4), которые встречаются в различных вариантах в комплексах всей фазы **B2** [Книпович, 1952, с. 308, рис. 5, 8], миски с загнутым краем (рис. 182, 12), одноручные кубки с небольшим валиком на горле либо врезными линиями (рис. 177, 4, 7; 179, 9). Для Усть-Альмы можно отметить появление характерных глубоких мисок с усеченно-коническим туловом, утолщенным краем и массивным профилированным поддоном (рис. 179, 2, 5). Они соответствуют типу 26б Чандарли и хорошо представлены в слоях II в. н. э. северопричерноморских городов [Гайдукевич, 1952, с. 168, 169, рис. 60, 2; Книпович, 1952, с. 304, 305, рис. 5, 2; Крапивина, 1993, рис. 49, 1, 2]. Еще встречаются в это время ойнохои (рис. 177, 9), появляются кувшины и амфориски с округлым туловом и растробом на горле (рис. 177, 10), кубки окружной формы с профицированным венчиком и оттиском штампа на корпусе (рис. 179, 8), нередки кувшины с биконической формой турова (рис. 177, 2, 5) или округлым корпусом (рис. 177, 6; 179, 10), глубокие миски и чаши с вертикальным бортиком с дуговидными ручками-налепами (рис. 179, 6, 7), сопоставимые с типом 9(М) Т.Н. Книпович [1952, с. 299, 300, рис. 2, 7]. Большинство этих типов посуды получает развитие в фазе **B2b**.

Краснолаковые светильники.

В засыпи склепа 439 Усть-Альмы найден светильник с серцевидным рожком, на спинке его – фриз из плохо пропечатавшихся ов, на щитке – изображение бегущей собаки (рис. 189, 1). Аналогичный оттиск (пантера или охотничья собака) известен на экземпляре с круглым рожком и волютами из Херсонеса [Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, 65, 66, № 25]. Экземпляр крупных размеров, с рядом ов и насечек на спинке, без изображений на щитке происходит из склепа 805 (рис. 189, 3). Там же обнаружен светильник с серцевидным рожком и многолепестковой розеткой в центре, по краю щитка – ряд ов (рис. 189, 2). В склепе 634/3 найден экземпляр с оттиском маски Медузы-Горгоны (рис. 190, 1). Эти типы светильников были широко распространены преимущественно в первой половине II в. н. э. [Вальдгауэр, 1914, № 321, 332, 333, 339; Гайдукевич, 1987, с. 134, рис. 155, 1; Левина, 1992, с. 11–12, табл. 4, 25; 6, 41–44; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998, р. 91, 99, 102, № 41, 50, 53]. Долго был в употреблении светильник с нависающей ручкой и плохо оттиснутым изображением сидящего орла из могилы 510 (рис. 190, 3). Аналогии ему многочисленны (см. соответствующий раздел в фазе **B1c**), но не позволяют уточнить дату.

Фибулы.

В фазе **B2a** большую популярность получили сильно профилированные фибулы с бусиной на головке и крючком для тетивы (боспорского производства), для которых характерна пластинчатая спинка (участок между бусинами на дужке и головке) овальной формы (рис. 203, 8–9, 11, 14, 16), но встречается и стержневой корпус (рис. 203, 7). Очень простая конструкция (без верхней бусины, кнопки, с железной осью, нижней тетивой четырехвитковой пружины) представлена экземпляром из могилы 654 Усть-Альмы (рис. 203, 6). Она близка фибуле из Ольвии [Амброз, 1966, с. 42, табл. 8, 12]. У застежки середины II в. н. э. из могилы 114 Битака на спинке продольный пуансонный орнамент (рис. 203, 16) [Пуздровский, 2001, с. 126, рис. 5, 7]. Аналогичная фибула хранится в Киеве [Амброз, 1966, с. 40, табл. 8, 5]. Многообразие оформления спинки демонстрируют фибулы из некрополя Кобякова городища [Косяненко, 1987, с. 45–49, рис. 1, 2]. А.С. Скрипкин пришел к выводу, что в Нижнем Поволжье экземпляры I типа, предшествуют появлению лучковых фибул 4-го и 5-го вариантов, т. е. не должны заходить далеко во втор. пол. II в. н. э. [1977, с. 110, 111]. Очевидно, для поздних вариантов этого типа (вторая половина II в. н. э.) характерны более крупные размеры и длинная спинка [Амброз, 1966, с. 41, табл. 8, 11]. В могиле 153 Битака найден интересный экземпляр сильно профилированной фибулы с массивной стержневидной короткой спинкой, бусины хорошо проработаны, нижняя часть дужки четырехгранная, плавно переходит в приемник. Пружина и ось железные (рис. 203, 10). Относится к западному импорту, близкие аналогии известны в дунайских провинциях в I – начале II в. н. э., а также в Херсонесе и на Северном Кавказе [Амброз, 1966, с. 38, табл. 7, 5]. По комплексу находок – около середины II в. н. э.

У фибул с небольшим биконическим утолщением на конце приемника имеется тенденция к увеличению размеров и ширины орнаментированной пуансоном плоской спинки [Амброз, 1966, с. 44, табл. 5, 9–11]. В большом количестве такие экземпляры известны в Нижнем Подонье и, вероятно, не встречаются в комплексах позже II в. н. э. [Косяненко, 1987, с. 50–53, рис. 3, 12–16]. К поздним скифам (Неаполь, Битак, Усть-Альма) такие фибулы (рис. 202, 7–13), скорее всего, попадали с Боспора, датируются они второй четвертью – серединой II в. (вряд ли намного позже).

Фибулы с S-видным и спиральным завитком на конце приемника [Амброз, 1966, с. 45, табл. 5, 14–16], преимущественно с орнаментированной спинкой, встречаются в комплексах фазы **B2a** (рис. 202, 23–25), но во второй половине II в. н. э. неизвестны.

Лучковые подвязные фибулы (серия I, 3-й вариант) получили свое оформление во второй четверти II в. н. э. (рис. 199, 4, 5, 7–13) [Амброз, 1966, с. 49, 50, табл. 9, 8]. Около середины столетия у лучковых подвязных фибул «классического» 3-го варианта (по А.К. Амброзу) спорадически появляется сплошная и фигурная обмотка спинки, что видно из опубликованных данных по Кобяковскому некрополю. В классификации В.М. Косяненко фибулы с орнаментированной спинкой 3-го варианта (по А.К. Амброзу) являются лишь подтипами III группы [Косяненко, 1987, с. 54–58, рис. 7, 9, 13, 14; 8, 3, 4, 5]. Золотая фибула из Горгиппии (склеп 2, саркофаг 2) также датируется в последнее время более ранним временем – около середины II в. [Шедевры... 1987, рис. 94, кат. № 264; Mordvinseva, Treister, in print]. Тезис о появлении лучковых фибул с орнаментированной спинкой в более раннее, чем полагал А.К. Амброз, время подтверждают материалы Битака и Усть-Альмы (рис. 199, 4; 200, 9, 11, 12). Однако большинство таких фибул все же найдено в комплексах фаз **B2b/B2c** (см. ниже).

Прогиб спинки, характерный для 4-го и 5-го вариантов (по А.К. Амброзу) оказался технологическим, а характер декора – важным признаком [Косяненко, 1987, с. 54]. Материалы Нижнего Поволжья также позволяют утверждать, что фибулы 4-го и 5-го вариантов появляются только во второй половине II в. Таким образом, верхней датой существования фибул 3-го варианта может быть середина II в. н. э. [Скрипкин, 1977,

с. 107, рис. 2, 7–37]. Это наблюдение подтверждается почти полным отсутствием фибул 3-го варианта в позднесарматских захоронениях Нижнего Поволжья и наплывом застежек 4-го и 5-го вариантов во второй половине II в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 107–109]. Но, в позднескифских могильниках лучковые фибулы переходных от 3-го к 4-му варианту форм находят и в фазе **B2b**.

Важным для хронологии фазы **B2a** является определение времени попадания в позднескифские комплексы шарнирных дужковых фибул с эмалью [Амброз, 1966, с. 29, 30, табл. 14, 3, 11, 13–15]. Находки в Усть-Альме, Битаке, Бельбеке IV позволяют уточнить слишком широкие датировки этих украшений. Так, в склепе 550/1 и 550/2 Усть-Альмы (верхний ярус) почти идентичные застежки с рельефной спинкой и прямоугольной эмалевой вставкой (рис. 204, 7, 8) найдены вместе со светлоглиняной узкогорлой амфорой варианта ранний С, а в могиле 656/2 (рис. 204, 5) аналогичная – с монетой Антонина Пия 152/153 гг. н. э. [Труфанов, 1999, с. 227, 228, рис. 2, 14]. В могиле 564 такой экземпляр обнаружен с лучковой фибулой 2–3-го вариантов [Амброз, 1966, с. 49, 50, рис. 9, 6, 8].

Фибула в виде кольца с четырьмя фигурными выступами и эмалевыми вставками (рис. 204, 12) лежала на правом плече погребения 3 могилы 419, где до этого были совершены два погребения с инвентарем первой четверти II в. н. э. Интервал в 25–30 лет между погребениями представляется вполне вероятным. Похожий экземпляр броши известен в Заветном [Богданова, 1989, с. 38, табл. IX, 15].

В склепе 424 А среди инвентаря последних погребений найдены лучковые фибулы 3-го варианта, бронзовые орнаментированные зеркала, перстни с эмалевыми вставками в круглом щитке. Одна фибула похожа на провинциальные коленчатые (рис. 203, 3), с железной пружиной (?) и широкой трапециевидной ножкой [Амброз, 1966, с. 28, рис. 6, 18; 7, 19]. Застежки этого типа характерны для Паннонии, Дакии, Фракии, Мезии, встречаются у западных сарматов, в Северном Причерноморье найдены преимущественно в комплексах II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 28]. В углу склепа 424 А, в горизонте, предшествовавшем этим погребениям, обнаружена застежка округло-ромбической формы, украшенная эмалевыми вставками: в центре ее – круг, а по углам – «лунницы» и круглые украшения (рис. 204, 13). Судя по сопровождающим находкам, дата броши вряд ли позже середины II в. н. э.

В склепе 424 Б в погребениях 5 и 10 (первый и второй ярусы) найдены две броши ромбической формы с двумя зооморфными выступами (рис. 204, 19, 20). Сопровождающий инвентарь не позволяет датировать их позже середины II в. н. э. Та же дата вероятна и для могилы 57 Усть-Альмы [Высотская, 1994, с. 101, табл. 16, 16] и могилы 32/1 Битака (рис. 204, 18) с близкими по конструкции и оформлению экземплярами.

Фибула-брошь в форме квадрата с рельефной выпуклой спинкой и четырьмя полуциркульными орнаментированными выступами на щитке найдена в склепе 438/4 (третий ярус) вместе с лучковой фибулой 2-го варианта и золотыми бляшками, которые обычно не встречаются позже первой четверти II в. н. э. Под ним находилось погребение 5 со сложнопрофилированной фибулой (рис. 197, 9) с той же верхней датой. Близкая ажурная фибула со сложной композицией из заполненных эмалью центральной розетки, лунниц и треугольников хранится в Музее национальных древностей Сен-Жермен-ан-Лэ в Париже [Археология Франции, 1982, с. 84, кат. № 256].

Второй четвертью – серединой II в. н. э. датируется фибула из склеп 439/7а Усть-Альмы в виде диска, увенчанного рельефной фигуркой птицы и двумя симметрично расположеными окончаниями в виде лябрисов (топориков) с эмалевыми вставками (рис. 204, 16). В могиле 688 найдена интересная брошь со щитком в виде треугольника, соединенного с пластиной, скрывающей приемник (рис. 204, 21). Вершины треугольника украшены фестонами, основание – перемычкой и концентрическими кругами. В центре

щитка – треугольная эмалевая вставка. В комплексе присутствует лучковая фибула 3-го варианта (рис. 199, 12) и краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком типа III-Г-3 [Труфанов, 1997, с. 188] с небрежно оттиснутым штампом в виде двойного ряда крупных насечек. Вряд ли комплекс позже середины II в. н. э. К сожалению, нет четкой стратиграфически обоснованной даты для броши в виде фигурки черепахи из склепа 316 (рис. 204, 17), хотя она, вероятно, синхронна светлоглиняной амфоре варианта ранний С (рис. 159, 1) и набору стеклянной посуды (рис. 191, 6–9).

Аналогичные украшения из Закубанья датированы первой половиной II в. н. э. [Лимберис, Марченко, 2004, с. 226, 227], возможно, в будущем удастся разделить такие фибулы на две фазы: 100–125 и 125–150 гг. н. э.

Шарнирные дужковые фибулы, украшенные в технике перегородчатой эмали, появляются в Крымской Скифии несколько раньше, чем фибулы-броши со смешанной техникой (см. ниже). Найдки последних лет позволяют утверждать, что первые стали поступать в Крым не позже второй четверти II в. н. э., т. е. относятся к фазе **B2a**. Для них характерны геометрическая форма щитка и рельефно оформленные выступы.

Вторая группа также представлена в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. Так, в женском погребении могилы 223 Бельбека IV дисковидная фибула с кнопкой, со сложным геометрическим орнаментом в виде эмалевых вставок и петлей найдена вместе со светлоглиняной узкогорлой амфорой варианта ранний С [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 179, рис. 3, 3]. Последняя, вероятно, относится к инвентарю мужского захоронения, но вряд ли между погребениями был большой интервал, учитывая общую датировку комплекса 120–150 гг. н. э. [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 186]. Аналогичная фибула происходит из могилы 107 Битака (рис. 204, 24), где обнаружена серебряная монета Антонина Пия хорошей сохранности. В могиле 185 Бельбека IV бронзовая брошь овально-ромбической формы с округлыми выступами и эмалевой вставкой найдена в комплексе середины II в. н. э. – со стеклянным бальзамарием типа I, 2 Д, и двумя фибулами: лучковой с фигурной обмоткой и с широкой пластинчатой спинкой и утолщением на конце приемника [Гущина, Сорокина, 1984, с. 51, 52, рис. 2, 42–49].

Таким образом, первые фибулы-броши с эмалью в технике инкрустации и мозаики стали поступать к поздним скифам в середине II в. н. э., однако большинство экземпляров найдены в погребениях последующих фаз (см. ниже). Для поздних экземпляров характерны дисковидные ажурные или ромбовидные щитки, нередко с кнопкой в центре. Эмаль заполняет обычно кнопку, центральную часть щитка и выступы, орнаментальный фриз чаще состоит из мозаичных вставок в виде «цветочков», «крестиков» в круге и др.

Стеклянная посуда.

Как и в предыдущую фазу, основным типом остаются бальзамарии с коническим туловом, длина горла которых увеличивается, т. е. в 1,5–2 раза превышает высоту туловища. Согласно классификации бальзамариев Боспора, экземпляры, найденные в Неаполе, Битаке, Бельбеке IV, Усть-Альме (рис. 191, 13, 15; 192, 7–10) относятся к типу I, 2 Г, т. е. к первой половине II в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 161, рис. 8], есть отдельные экземпляры типа II, 1 [Ахмедов, Гущина, Журавлев, 2001, с. 177, рис. 2, 2]. В могиле 160 Битака середины II в. н. э. найден интересный тип бальзамария (IV) – с перетяжкой на тулове (рис. 191, 5), аналогии ему известны в Пантике [Кунина, Сорокина, 1972, с. 168, рис. 7, 39]. Среди редких сосудов – чашечка с горизонтально отогнутым бортиком из склепа 1 Неаполя [Сымонович, 1983, с. 29, табл. XII, 2]. Близкий по форме и параметрам сосуд, но с несколько иной профилировкой бортика известен в собрании Эрмитажа с датой – третья четверть I – начало II в. н. э. [Кунина, 1997, с. 311, кат. 289]. Неапольская чашка, вероятно, относится к середине II в. н. э., поскольку найдена вместе с краснолаковой тарелкой типа III-Г-3 [Труфанов, 1997, с. 188], лучковой фибулой 3-го варианта и бронзовым игольником [Сымонович, 1983, с. 29, табл. XI, 4; XXVIII, 6; XXXVIII, 36].

ФАЗА В2б (третья – нач. посл. четв. II в. н. э.).

Амфоры.

В погребениях фазы **В2б** встречены только амфоры варианта поздний С («неапольский»). Исходя из опубликованной информации, такие экземпляры есть в могильнике Бельбек IV [Гущина, 1982, с. 20, рис. 2, 1, 9, 10; 4, 1], однако в некрополе Усть-Альмы пока не известны.

Краснолаковая посуда.

Слабая разработанность типологии и хронологии посуды второй половины II в. н. э. и отсутствие монетных находок не позволяют представить ее дробную периодизацию, тем более что в это время наблюдаются увеличение количества местной, причерноморской керамики и преобладание ее над привозной. Ассортимент продукции невелик. Получают распространение тарелки вариантов III-Д-1 и III-Д-2, частично III-Д-3 (рис. 182, 2, 4, 6, 8, 10, 11), изготовленные, вероятно, на Боспоре или в Херсонесе [Труфанов, 1997, с. 188, 189]. У конических чашек с бортиком намечается тенденция к отклонению венчика к центру сосуда и огрубление профилировки поддона (рис. 181, 11). Значительное место занимают одноручные кувшины с биконической формой туловища херсонесского производства (рис. 180, 6) и кувшины с округлым грушевидным корпусом (рис. 180, 5) [Зубарь, 1982, с. 70, рис. 45, 4–8; 46, 8, 9]. Увеличивается поступление кубков того же центра (рис. 181, 6), отличающихся округлым или шаровидным туловом, с небольшим валиком под венчиком, на плоской подставке [Зубарь, 1982, с. 76, рис. 48, 1; 49, 1; 50, 1]. В могилах часто находят одноручные и двуручные кубки с округло-биконическим корпусом, с профицированным венчиком (рис. 181, 1–5). Часть из них по тулову орнаментирована полосами насечек, выполненных штампом (рис. 181, 3), как на краснолаковых тарелках (малоазийское производство?).

Фибулы.

Для рассматриваемой фазы характерно преобладание лучковых фибул. В начале фазы **В2б** экземпляры 3-го варианта еще встречаются, но чаще попадаются переходные формы от 3-го к 4-му варианту (рис. 199, 15–17). Абсолютно преобладают фибулы 4-го и 5-го вариантов (без прогиба дужки) как с гладкой, так и со сплошной и фигурной обмоткой спинки (рис. 200, 5, 10, 15; 201, 10). В начале фазы встречаются (как вещи длительного употребления) сильно профицированные фибулы крупных размеров, с длинной овальной спинкой (рис. 203, 12, 13, 15, 17), а также фибулы с завитком и застежки с маленьkim биконическим утолщением на конце приемника (как правило – с орнаментированной спинкой).

В комплексах второй половины II в. н. э. Неаполя и Усть-Альмы, Заветного найдены фибулы-броши с эмалью. В 1986 г. в склепе 32 Неаполя Скифского обнаружена дисковидная фибула с кнопкой в центре, лепестками по краю, эмалевыми и мозаичными вставками (рис. 204, 23). Аналогичная по форме и орнаментации броши происходит из некрополя Кобяково [Косяненко, 1987, с. 59, рис. 11, 3]. Им близка по характеру заполнения среднего фриза мозаичными «цветочками» и «крестиками» фибула из могилы 314 Усть-Альмы (рис. 204, 22). Две броши с эмалевыми вставками найдены в могиле 606 Усть-Альмы. Одна из них – шарнирная с прямоугольным выступающим щитком, заполненным тремя красными и двумя зелеными вставками из эмали, приемник – с зооморфным украшением (рис. 204, 15). Вторая – со щитком в форме топорика, заполнена красной эмалью с белым «гвоздиком» (рис. 204, 14, 15). Появление таких фибул в Северном Причерноморье относится ко второй половине II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 29, 31, табл. 14, 4, 5, 20, 22, 26]. Этой дате не противоречат находки в Закубанье эмалевых фибул, близких по типу или аналогичных крымским [Лимберис, Марченко, 2004, с. 228].

Стеклянная посуда.

За исключением могильника Бельбек IV, стеклянная посуда в позднескифских погребениях второй половины II в. н. э. встречается редко. Она представлена бальзамария-

ми типа I, 2 Д [Кунина, Сорокина, 1972, с. 164; Гущина, Сорокина, 1984, с. 45, рис. 1, 5–7; Богданова, 1989, с. 55, табл. XIX, 3]. Интересен стеклянный кувшинчик (собран из фрагментов) с шаровидной формой туловища из могилы 826 *a/1* Усть-Альмы с коротким, сужающимся книзу горлом, на низком поддоне (рис. 192, 14) [Пуздровский, Медведев, 2005, с. 273, рис. 3, 7]. Центральная часть дна слегка вогнута. Край венчика оформлен в виде валика, есть фрагменты слива. На горле – три ряда горизонтально-спиральных на-кладных нитей. Диагонально-спиральные нити опоясывают туловище. Ручка небольшая, овальная в сечении, в нижней части имеется уплощенный выступ. Такие же выступы находились и в районе верхнего прилела. Выступы очень близки деталям стеклянных канфаров из раскопок Херсонеса и Балаклавы [Рыжова, 2003, с. 156–159, рис. 2, 2, 4, 6]. Очень близкий по внешним характеристикам, технике исполнения и орнаменту сосуд происходит из пристенного склепа 1013 Херсонеса [Белов 1927, с. 123, рис. 16]. Н.З. Кунина датирует его II в. н. э. – продукция восточносредиземноморских мастерских [1997, с. 310, кат. 277].

ФАЗА В2с (конец посл. четв. II – первая четв. III в. н. э.).

Широкий диапазон предыдущей фазы и размытость ее границ вызваны отсутствием узко датированных хронониндикаторов. За начало фазы **В2с** также условно принимается 193 г. н. э. [КБН, 1237], а ее финал – 218–223 гг. н. э. [КБН, 1008], когда в Предгорном Крыму фиксируются военная опасность, приведшая к сокрытию монетных кладов, а также следы разрушений на поселениях. Фаза характеризуется кратковременным хозяйственным подъемом, вероятно, связанным с включением позднескифского населения в сферу экономических интересов Боспора и Херсонеса. На Боспоре в это время было наложено массовое производство керамической тары и краснолаковой посуды, которая была известна не только в Крыму, но и в Северо-Восточном и Северо-Западном Причерноморье. Широкие торговые связи привели к поступлению товаров (вино, масло) в керамической таре южнопонтийского и западнопонтийского производства. Однако общий уровень материальной культуры поздних скифов Крыма оставался достаточно низким. Унифицированным и однообразным становится погребальный инвентарь: несколько типов тарелок, кувшинов, фибул, браслетов, стандартные шкатулки, зеркала, наборы бус и т. д. На этом фоне зачастую трудно разделить комплексы по фазам.

Амфоры.

С рубежа II–III вв. н. э. в позднескифских погребениях появляются светлоглиняные узкогорлые амфоры типа D [Гущина, Журавлев, 1999, с. 160, 167, рис. 6, 4]. Ранние варианты этого типа (до середины III в. н. э.) близки «неапольскому», отличаясь несколько более коротким и широким в нижней части горлом и слегка рифленым туловищем яйцевидной формы. Они соответствуют типу Д-2 (по А.П. Абрамову). На горловине и плечиках встречаются (ближе к середине III в. н. э.) дипинти красной краской, а также энглифические клейма в прямоугольной рамке. Из целых экземпляров отметим находки из погребений фазы **В2с** в могильниках Юго-Западного Крыма: Бельбек II, Заветное, Скалистое III [Гущина, 1974, с. 35, рис. 3, 12; Богданова, Гущина, 1967, с. 135, 136, рис. 47; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 135, рис. 3, 1; Богданова, 1989, с. 31], хотя в отсутствие других датирующих предметов похожие амфоры могут датироваться и второй четвертью III в. н. э.

Краснолаковая посуда.

Ведущими становятся тарелки типа III-Д-3 и III-Д-4 (рис. 182, 13; 184, 1, 5) [Труфанов, 1997, с. 188, 189], появляется тип тарелок со скошенным внутрь бортиком (рис. 182, 1, 3, 5], близкий по профилировке форме 2 керамики ESB2 по Д.В. Журавлеву [1997, с. 235–237]. Миски полусферической формы представлены вариантами с различной профилировкой венчика (рис. 182, 7, 9). У конических чашек с бортиком поддон не профилирован (кольцевая подставка), их выделка становится грубее (рис. 184, 8). Вышеперечисленные типы, за исключением тарелок со скошенным бортиком, вероятно,

относятся к производству Боспора, но этот вопрос выходит за рамки данной работы. Интересно, что Херсонес поставлял к поздним скифам Юго-Западного и Центрального Крыма преимущественно кувшины и кубки, типология которых рассмотрена выше. Отличием кувшинов фазы **B2c** является вытянутость пропорций (рис. 180, 3; 185, 6), а кубков – округлый и рифленый корпус (рис. 180, 7, 8). Для комплексов начала III в. н. э. характерны кувшины с округлым рифленым корпусом и валиком на горле (рис. 180, 8), которые считают привозными из Херсонеса [Зубарь, 1982, с. 73, рис. 47, 2]. К первой четверти III в. н. э. относятся двуручные краснолаковые канфары с высоким, цилиндрическим, плавно расширяющимся книзу туловом, на кольцевом поддоне. Они известны в Бельбеке III [Гущина, 1974, рис. IV, 6], Скалистом III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 135, рис. 7, 5; 9, 16, 28; 10, 5], в могиле 790 Усть-Альмы. Вариант без ручек с посвящением Зевсу Димеранскому обнаружен в округе Херсонеса [Золотарев, 1981, с. 56–58, рис. 1]. Более поздние варианты (начала IV в. н. э.) происходят из могильников Черная Речка и Чатыр-Даг [Айбабин, 1996, с. 292, рис. 6, 3; Мыц, 1987, с. 157, рис. 7, 7; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, с. 114, рис. 4, 6, табл. 8 Б, 8]. Считается, что такая посуда производилась в Пергаме, но оснований для таких утверждений недостаточно [ср.: Кадеев, Сорочан, 1989, с. 48, рис. 23, 1].

Фибулы.

Ведущим типом застежек продолжают оставаться лучковые фибулы 4-го и 5-го вариантов с гладкой, сплошной и фигурной обмоткой спинки (рис. 200, 2–4, 7, 8, 13, 14, 16, 17). Появляются крупные «инкерманские» фибулы с пластинчатой спинкой, расширяющейся к концу ножки [Амброз, 1966, с. 52, табл. 9, 14]. Спинка гладкая или с накладной «змейкой» (рис. 201, 1, 3–7). Ранние варианты, видимо, были со стержневой спинкой (рис. 201, 1). Фибулы «инкерманской» серии известны достаточно широко [Амброз, 1966, с. 52, табл. 9, 17], они всегда с нижней тетивой пружины, часто с железной осью. Вновь получают распространение «смычковые» фибулы, иногда находимые в комплексах в большом количестве (Скалистое III).

Фибулы-броши. В могиле 14 Усть-Альмы шарнирная брошь в виде гиппокампа найдена вместе с фибулой «инкерманского» типа с плоской спинкой и «змейкой» [Высотская, 1994, с. 101, табл. 4, 30]. Аналогичный экземпляр хранится в Музее национальных древностей Сен-Жермен-ан-Лэ в Париже [Археология Франции, 1982, с. 84, кат. 257]. В Заветном обнаружена фибула в виде шестиугольника [Богданова, 1989, с. 38, табл. IX, 16], в Скалистом III – в виде диска с круглыми выступами по краям [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143, рис. 4, 24]. По материалам Закубанья такие фибулы не выходят за рамки второй половины II в. н. э. [Лимберис, Марченко, 2004, с. 228, 229]. А.К. Амброз присоединялся к мнению западноевропейских ученых о том, что провинциально-римские эмалевые броши вывозилась во второй половине II в. н. э. на север и восток, а события начала III в. прервали этот процесс [1966, с. 29]. А.С. Скрипкин считает, что эмалевые фибулы в сарматских погребениях не встречаются позже начала III в. н. э. [1977, с. 117], это подтверждается и материалами некрополя Кобяково [Косяненко, 1987, с. 59, 60]. Поступление таких фибул в Крым прекратилось примерно в это же время, т. е. в первой трети III в. н. э. [Гороховский, 1982, с. 115–151; 1985, с. 20], однако находки их в могилах фазы **B3** (Черная Речка, Перевальное), часто без иголок и шарниров, со следами ремонта указывают на длительное использование этих украшений [ср.: Айбабин, 1996, с. 291, рис. 2, 9, 10, 13; 3, 14–16].

Бронзовая посуда.

Бронзовая ойнохоя типа Eggers 128 из погребения 285 Бельбека IV выкована из тонкого листа. Тулово биконическое, горло в виде растрuba, с остатками железной ручки, дно имеет небольшой кольцевой прогиб внутрь. По аналогиям, комплексу находок и монете Клодия Альбина датирована рубежом II–III вв. н. э. [Гущина, Журавлев, 1999, с. 166, 167, рис. 6].

Стеклянная посуда.

В погребениях начала III в. н. э. стеклянная посуда встречается еще реже, чем раньше, поэтому ее находки не являются определяющими в комплексах. Изредка попадаются бальзамарии типа I, 2 Д, возможно, изготовленные в северопричерноморских мастерских. Из редких экземпляров – стакан из погребения 284 и канфар из погребения 216 могильника Заветное [Богданова, 1989, с. 54, 55]. В обоих комплексах присутствовали красноглиняные амфоры [Богданова, 1989, с. 31, прим. 22; Зеест, 1960, с. 118, табл. XXXVIII, рис. 94а] херсонесского (?) производства.

Этап В3 (вторая – третья четверть III в. н. э.).

В Юго-Западном и Центральном Крыму, наряду с притоком нового населения, около 240, 251–254, 267 гг. фиксируются пожары и разрушения. В это время возникают или продолжают функционировать такие могильники, как Перевальное, Танковое, Нейзац, Дружное с ярко выраженным чертами позднесарматской культуры. В некрополе Неаполя фиксируется группа вырубных склепов, конструкция которых близка боспорским скальным сооружениям.

Ассортимент датирующих предметов погребального инвентаря этапа В3 небогат. В будущем хроноиндикаторы, возможно, могут быть разделены на две фазы: В3а (вторая четв. III в. н. э.) и В3б (третья четв. III в. н. э.). Работа в этом направлении ведется [Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 241–251].

Амфоры.

Во второй четверти – середине III в. н. э. доминируют светлоглиняные узкогорлые амфоры типа D (по Д.Б. Шелову), почти не отличаясь от образцов начала столетия. Пока в крымских могильниках не представлены амфоры типа D-1 (по А.П. Абрамову). Экземпляр типа D-2 найден в склепе 649/3 Усть-Альмы (рис. 159, 4) вместе с римской медной монетой Плавтиллы²⁹. Среди инвентаря погребения 2 обнаружена еще одна монета – Септимия Севера, что позволяет датировать весь ярус с захоронениями не ранее конца первой четверти III в. По-видимому, ко второй четверти – середине III в. н. э. относятся амфоры из могилы 43 Суворово [Пуздовский, Зайцев, Неневоля, 2001, рис. 8, 8], грунтового склепа у с. Мичуринское Белогорского района [Мульд, 2001, с. 51, 52, рис. 1], склепа 1 Перевального (рис. 161, 1, 2, 4, 5), сарматского погребения под Азовом [Беспалый, 1990, с. 220, рис. 4, 16].

В могиле 6 из Танкового амфора переходной формы D-2/D-3 обнаружена вместе с серебряными монетами хорошей сохранности – Антонина Пия, Геты и Юлии Домны [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85, рис. 4, 1], что позволяет датировать комплекс не раньше конца первой четверти III в. н. э. Судя по пропорциям и небрежности выделки, амфоры типа D-3, вероятно, относятся к середине – третьей четверти III в. н. э., как и аналогичные амфоры из Ольвии [Крапивина, 1993, с. 94, рис. 29, 5–7], пещеры на г. Ай-Никола [Мыц, Лысенко, Жук, 1999, с. 171, рис. 1], Дружного [Храпунов, Масякин, 1997, с. 167, рис. 2, 2; Храпунов, 2004, рис. 42, 5], могильника Бельбек I [Гущина, 1974, с. 35, рис. I, 10, 31].

Есть сведения о находках амфор типа D в слоях конца III в. н. э. и даже в погребениях начала IV в. [Крапивина, 1993, с. 94; Кропотов, 1998, с. 128, прим. 16, 17]. В это же время появляются амфоры переходного варианта D/F, у которых прослежен вытянутый биконический корпус. К ним относится экземпляр из склепа 1 Перевального (рис. 161, 3) и, возможно, амфора из могильника Бельбек I [Гущина, 1974, рис. II, 1]. В.В. Кропотов справедливо причислил к позднейшим образцам типа D аналогичный

²⁹ Вариант чтения PLAYT]ILLA наиболее вероятен. Плавтилла – жена (202–212) императора Каракаллы, дочь Марка Аврелия. В 205 г. была отправлена в ссылку, а в 212 – убита. Четыре монеты Плавтиллы найдены в кладе у дер. Бий-Эли (Дорожное), в 18 км к западу от Усть-Альмы – с последними монетами Гелиогабала (218–222); несколько монет – в кладе 1827 г. Неаполя – самые поздние Макрина (217–218); одна – в кладе у дер. Чокурча (Луговое) – самые поздние Макрина (217–218) [Кропоткин, 1961, с. 18, 19, 21, 63–65, № 573, 609, 622].

экземпляр из склепа № 21 могильника Дружное [1998, с. 128, рис. 1, 2]. Таким образом, амфоры типа F появляются не ранее рубежа III–IV вв. н. э. [Сазанов, 1993, с. 18, рис. 1].

Краснолаковая посуда.

В рассматриваемый период преобладает продукция херсонесского и боспорского производства. Часто формы конца фазы **B2c** и начала этапа **B3** трудно разделить. Это тарелки с вертикальным бортиком типа III-Г-3 и III-Д-4 [Труфанов, 1997, с. 189] с небрежной выделкой и «волнистой» профилировкой корпуса (рис. 183, 10, 12, 13; 184, 2, 3, 4; 186, 1, 2, 3, 4, 6). Кроме того, известны тарелки с отогнутым бортиком, на низком кольцевом поддоне (рис. 184, 6; 186, 5, 7, 13), с горизонтальным бортиком (рис. 186, 9). Около середины III в. н. э. появляются тарелки типа IV-A – с широким, скошенным внутрь бортиком (рис. 186, 11), они характерны для второй половины III – первой половины IV в. [Труфанов, 1997, с. 190]. Встречены различные варианты глубоких мисок с загнутым краем (рис. 186, 8, 12) и горизонтальным бортиком (рис. 183, 11).

Профилировка конических чашек боспорского (?) производства еще больше упрощается (рис. 186, 10). В комплексе могилы 15 б Перевального (втор. четв. – середина III в. н. э.) найдена чашка полусферической формы с выступающим бортиком, на высоком поддоне (рис. 186, 14). Аналогичные сосуды известны в Танайсе [Арсеньева, 1985, с. 83, рис. 3, 2, 4], Мирмекии [Киповиц, 1952, с. 303, рис. 3, 4, 5], Ольвии [Крапивина, 1993, с. 114, рис. 55, 7], в западном некрополе Неаполя (раскопки Н.И. Веселовского в 1889 г.) [Гущина, Журавлев, Фирсов, 2001, с. 232, рис. 3, 4]. Возможно, центр их производства – Чандарли.

Кувшины – с вытянутым (грушевидным) корпусом (рис. 185, 2, 4, 5; 187, 2–4, 7), с округлым рифленым корпусом и воронковидным горлом (рис. 185, 3), округлым корпусом и цилиндрическим горлом (рис. 187, 5, 10). Как и ойнохой с вытянутым корпусом (рис. 187, 1), кувшины могли поступать из Херсонеса, хотя не исключено их производство в одном из малоазийских центров [Зубарь, 1982, с. 73, рис. 44, 9; Кадеев, Сорочан, 1989, с. 48, 78, рис. 23, 2; 37, 3]. В Усть-Альме в могиле 353 найдена красноглиняная ойнохоя (без покрытия) с отпечатком формовки на дне (рис. 183, 1). В комплексах середины III в. н. э. встречены краснолаковые кувшины с округлым корпусом и валиком на горле, отличающиеся небрежной выделкой и низким качеством лакового покрытия (рис. 183, 3).

Кубки двух типов – с округлым корпусом без поддона (рис. 183, 6; 187, 6, 9) и биконичные (рис. 183, 7, 9; 187, 8). Покрытие ближе к ангобу, поддон заменяется кольцевой подставкой. Из редких форм – гуттус из Перевального (рис. 183, 8).

Фибулы.

Для первой фазы – **B3a** (вторая четв. – середина III в. н. э.) характерны лучковые 4-го и 5-го вариантов с гладким корпусом (рис. 205, 8, 9, 11–13), сплошной и фигурной обмоткой спинки (рис. 205, 4–7, 10, 14, 15), «инкерманские» с широкой спинкой, орнаментированной «змейкой» (рис. 205, 3). В могиле 15а Перевального найдены две крупные железные лучковые фибулы 4-го варианта (рис. 205, 1, 2) вместе с фибулой с завитком на конце приемника и орнаментированной пластинчатой спинкой.

Редкая фибула с коленчато изогнутой пластинчатой спинкой и с завитком на конце приемника обнаружена в могиле 824/3 Усть-Альмы (рис. 2012, 9). Такие экземпляры характерны для позднесарматских захоронений конца III–IV вв. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 115, рис. 6, 8, 11, 14, 15; Мошкова, 2004, рис. 4, 15–17; Кривошеев, 2004, рис. 3, 11]. В могиле 793 середины III в. н. э. найдена еще одна оригинальная застежка – переходный вариант к двучленным лучковым подвязным фибулам с расширенной спинкой [Амбродз, 1966, с. 52–54, табл. 9, 18–20; Труфанов, 2004, с. 156, 157]. Последние известны в памятниках третьего этапа (вторая половина III–IV в. н. э.) позднесарматской культуры [Кривошеев, 2004, с. 121, рис. 3, 8; Скрипкин, 1977, с. 102–103, рис. 3, 10–17] на широкой территории ее распространения: от Дуная до Крыма, Северного Кавказа и Поволжья.

Из редких типов можно отметить серебряную лучковую фибулу «инкерманского» типа с очень широкой спинкой из могилы 6 Танкового [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 84, рис. 3, 7] с датой: начало второй четверти III в. н. э. (амфора типа D, серебряные денарии Антонина Пия, Геты, Юлии Домны). Такая же фибула из низкопробного серебра обнаружена на Усть-Альме в разграбленной могиле 914 середины III в. н. э. (раскопки 2006 г.). Аналогичная бронзовая застежка найдена в могиле 35 Чернореченского могильника вместе с фибулой с расширенной ножкой второй половины III в. н. э. [Айбабин, 1996, с. 292, рис. 3, 6].

Фибулы третьей четверти III в. н. э. (фаза **B3b**) подробно разобраны в ряде работ А.И. Айбабина [1990, с. 13; 1996, с. 291, 292]. Обращаю внимание лишь на то, что обнаруженные в ряде крымских могильников броши с эмалью (Черная Речка, Перевальное) могли быть долго в употреблении (см. выше).

Стеклянная посуда.

Из Скалистого III происходит ритон, украшенный тонкими стеклянными нитями [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136, рис. 11]. Близкая аналогия ему – в Волгоградском областном краеведческом музее [Сокровища... 2000, рис. 22]. В могиле 5 Перевального обнаружен набор: стеклянный кувшин с полосами разводов на высоком поддоне (рис. 193, 1), бальзамарий (рис. 193, 2) типа I, 2 Г [Кунина, Сорокина, 1972] и кубок с отогнутым венчиком (рис. 193, 3). По аналогиям все сосуды относятся к началу III в. н. э. [Кунина, 1997, с. 310, 319, кат. 278, 279, 327–330], но сам комплекс, вероятно, более поздний. В склепе 649 Усть-Альмы среди инвентаря последних захоронений (втор. четв. III в. н. э.) найдена чаша полусферической формы (рис. 193, 5). Ей близки по профилю и пропорциям сосуды из Эрмитажа [Кунина, 1997, с. 319, кат. 332, 334], позднесарматского погребения из Новоалександровки I [Беспалый, 1990, с. 222, рис. 4, 3, 16]. В погребениях Усть-Альмы встречено несколько бальзамариев типа I, 2 Д/Е (рис. 192, 12, 13), выделка их небрежна. Такие сосуды наиболее характерны для первой половины III в. н. э. [Кунина, Сорокина, 1972, с. 161, 163, рис. 9].

Стеклянная посуда середины и третьей четверти III в. н. э. в варварских могильниках встречается нечасто [Айбабин, 1996, с. 292]. В Перевальном она представлена кубком с полосами разводов (рис. 193, 7) и чашей цилиндрической формы приземистых пропорций с утолщенным краем (рис. 193, 4). Аналогичная чаша найдена в могиле 285 Бельбека IV [Гущина, Журавлев, 1999, с. 166, 167, рис. 6, 2]. Сосуды в виде кубков и небольших чаш, без орнаментации (в форме цилиндра) известны в черняховской культуре [Кропоткин, 1970, с. 103, № 912, рис. 39, 5], в погребениях III в. н. э. Харакса [Орлов, 1987, с. 119, рис. 6, 3] и могильника Красная Заря [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, рис. 2, 20].

В склепе 1 Перевального обнаружена чаша (фиала «кёльнского» типа) с выделенным валиками полем, на котором расположены два горизонтальных ряда шлифованных насечек (рис. 193, 6). Близки ей сосуды из Одесского музея [Сорокина, 1978, с. 273, рис. 3, 1] и Эрмитажа [Кунина, 1997, с. 319, кат. 333]. В этом ряду публикуемая чаша – одна из ранних. Предлагаемая дата – последняя четверть III в. н. э.

Бронзовые шпоры.

Редкие для позднескифских могильников принадлежности всаднической экипировки – бронзовые шпоры с эмалевыми вставками обнаружены в могиле 28 Скалистого III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 146, рис. 8, 48, 49]. Они датируются исследователями 230–260 гг. [Айбабин, 1996, с. 291; Казанский, 1997, с. 50].

Бронзовая чашка.

Из могилы 846 Усть-Альмы происходит литая (с доработкой на токарном станке) чашка усеченно-конической формы, на профилированном поддоне (рис. 151, 2). Похожий серебряный сосуд усеченно-конической формы с тамгой схемы Аспурга из ст. Михайловская датируется второй половиной I в. н. э. [Каминская, Каминский, Пьянков, 1985, с. 230, рис. 4, 2].

Определить время прекращения функционирования могильников Крымской Скифии достаточно сложно, поскольку на многих памятниках продолжается жизнь и после катастрофических событий середины – третьей четверти III в. н. э., правда в сильно сокращенных формах. Погребальный инвентарь представлен типами вещей, встречающимися и в первой половине столетия. Это говорит об определенной преемственности материальной культуры населения. Сохраняются типология погребальных сооружений и обрядовые нормы [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 34].

Таким образом, рассмотрение погребального обряда, типологии и хронологии инвентаря населения Крымской Скифии в первые века н. э. свидетельствует о глубоких изменениях, связанных с постоянным притоком в Предгорный Крым различных по происхождению группировок сармато-аланских племен. Многие признаки и элементы погребальной обрядности представлены в сарматских памятниках Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Дона, Прикубанья.

Появление около середины I в. н. э. на Усть-Альминском некрополе захоронений знати, имеющих многочисленные параллели с погребениями среднесарматской культуры, отражает процесс формирования новой элиты Крымской Скифии. Во второй половине I – начале II в. н. э. происходит смещение «позднескифских» традиций с привнесенными сарматскими нормами в духовной и материальной культуре. Во второй четверти II в. н. э. происходят определенные изменения в погребальном обряде и инвентаре, особенно заметные после середины столетия, когда заканчивается формирование позднесарматской культуры в Северном Причерноморье. В 20–30 гг. III в. н. э. в Крым проникает новая волна сармато-алан, принесшая оригинальные черты материальной и духовной культуры, что и определило облик жителей Предгорного и Горного Крыма до конца столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сорок лет назад П.Н. Шульц на Второй конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, проходившей в Москве в январе 1967 г., в докладе «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму» подвел определенный итог изучению древностей «неапольского» типа – с 1827 г., когда на городище Керменчик на южной окраине Симферополя были сделаны первые сенсационные находки. Им же были сформулированы основные идеи и перспективы исследований. За прошедшее время накоплен огромный массив информации, как источниковедческого, так и интерпретационного характера, позволяющий по-иному решать задачи, выдвинутые П.Н. Шульцем [1971, с. 127–143].

В 1993 г. мною был впервые сформулирован вывод об отсутствии непрерывной связи между населением степных районов Крыма, обитавшем здесь в IV – начале III в. до н. э. и позднескифской культурой. Дата возникновения позднескифских укрепленных поселений была определена как рубеж III–II вв. до н. э. [Пуздовский, 1993, с. 14]. Попытки отнести к III в. до н. э. наиболее ранние позднескифские погребения в катакомбах, обнаруженные в Крыму (Левадки, Фонтаны, Чистенькая), неудачны (см. гл. II), равно как использование данных керамической эпиграфики для обоснования даты возникновения позднескифских городищ III в. до н. э. [ср.: Храпунов, 2004, с. 82–85, 98–106; Пуздовский, 1995, с. 142–145; Зайцев, 2003, с. 16, 21]. Достоверно датированные захоронения первой половины II в. до н. э. неизвестны, а находки конца IV – начала III в. до н. э. [Павленков, 1989, с. 115, 116] присутствуют в нижних слоях почти всех крупных городищ (Неаполь, Кермен-Кыр, Булганакское, Вишенное) и отражают процесс слияния «скифского» и «таврского» этносов, формирование «скифо-кизилкобинской» культуры, которая почти не изучена. Крах Великой Скифии привел к исчезновению жизни на этих поселениях, часть обитателей могла укрыться в труднодоступных горных районах. Керамическая эпиграфика четко фиксирует хронологический (270–220 гг. до н. э.), а следовательно, и культурный разрыв между горизонтами.

Формирование позднескифской культуры проходило на протяжении почти 50 лет, в течение первой половины II в. до н. э. Консолидация разрозненных коллективов, ведущих полукочевой образ жизни в горах и предгорьях, сплочение остатков кочевой аристократии, переселение на пустующие земли в Северо-Западном и Предгорном Крыму скифо-фракийских групп из Нижнего Побужья и Поднестровья, лесостепного Подонья (?), налаживание династийных браков с правителями Боспора (Аргот) и возрождение экономических отношений с Ольвией – вот путь, который был пройден за это время. Мы еще мало знаем о событиях середины II в. до н. э., приведших к полной утрате Херсонесом Северо-Западного Крыма и появлению в Крыму наиболее ранних позднескифских захоронений в катакомбах (Беляус, Фонтаны, Левадки). Характерно, что не ранее рубежа III–II вв. до н. э. датируются самые ранние грунтовые склепы в Центральном Предкавказье и Приднестровье.

Уже на ранней стадии формирования Неаполя (городище Керменчик) прослеживаются элементы греко-варварской культуры: полуzemляночные постройки прямоугольной конфигурации, сырцово-каменное домостроительство, остатки укрепленных(?) усадеб, башня. Перспективы развития города – будущего центра ремесла и торговли – настоятельно требовали привлечения эллинского и эллинизированного населения в ставку скифского царя [Зайцев, 1988, с. 289–291; Пуздовский, 1988, с. 303, 304]. После середины II в. до н. э. происходит упрочение Скифского царства в Крыму. В орбиту его влияния при царе Скилуре попадают Ольвия, Боспор и Херсонес. События Диофантовых войн

прервали формирование у поздних скифов государства варварского типа [Артамонов, 1948, с. 69] с элементами эллинистической монархии [Щеглов, 1988; 1998]. С рубежа II–I вв. до н. э. все большую роль в политической надстройке Крымской Скифии играет воинская группировка кочевников, тесно связанная с Азиатским Боспором и Северным Кавказом (сираки?).

После середины I в. до н. э. демографическая ситуация изменилась еще больше – в Северо-Западный и Предгорный Крым через Нижнее Поднепровье хлынул новый поток скифо-фракийских (гето-дакийских) переселенцев из западных районов Причерноморья. Этот горизонт хорошо фиксируется полуzemляночными постройками на ряде городищ, а также характерной лепной посудой, не имеющей прототипов не только в керамике степных скифов V–III вв. до н. э., но и в керамическом комплексе тавров (кизилкобинской культуры). Как происходили этнические процессы в это время и каково было соотношение этнических групп в каждой из областей расселения поздних скифов, еще предстоит выяснить. В погребальной практике происходит унификация обряда, распространение получают грунтовые склепы с большой площадью камеры и многократными (асинхронными) захоронениями в несколько ярусов.

На рубеже н. э. в Крыму появляются погребальные памятники среднесарматской культуры. До недавнего времени они были почти не известны. Полная публикация материалов богатого женского погребения в Ногайчинском кургане [Зайцев, Мордвинцева, 2003] позволяет отнести его к захоронениям высшей сарматской знати. Для этапа освоения сарматами Северного Причерноморья характерны впускные захоронения в курганы эпохи бронзы. В первой половине I в. н. э. сарматские погребения в подбойных могилах с оружием и характерными портупейно-поясными наборами совершались и на грунтовых могильниках (Кольчугино, Усть-Альма).

Около середины I в. н. э. (35–50 гг. н. э.) фиксируется новый импульс кочевой орды, пришедшей из Центральной и Средней Азии. Наиболее ярким памятником этого периода является Усть-Альминский некрополь, где открыто несколько десятков захоронений второй половины I в. н. э. с богатым и разнообразным инвентарем, в том числе с западными и восточными импортами, характерными наборами украшений, оружия, конской узды, лепными курильницами, сопровождающими конскими захоронениями и др. Находилась ли на Усть-Альме ставка одного из сарматских вождей, и каковы были взаимоотношения кочевой аристократии с прежней знатью, местным населением, Херсонесом, Боспором и Римом – еще предстоит уточнить, есть много неясных вопросов [ср.: Зубар, 2003, с. 25–41]. Как, например, произошла смена кочевой аристократии на Усть-Альме в первой половине II в. н. э. при формировании позднесарматской культуры в Северном Причерноморье? Ведь в это время появляются инновации в погребальном обряде, оружии, предметах конского убора, имеющие как восточную окраску, так и северокавказские параллели. Еще одна яркая группа комплексов относится ко второй четверти – середине III в. н. э., когда фиксируется новое население, для которого характерны основные черты погребального обряда и материальной культуры северокавказских «алан» [Яценко, 1997, с. 154–163; Храпунов, 2004, с. 136–140].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.: Б.и., 1993. С. 4–135.
- Абрамова М.П.* О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69–84.
- Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века н. э. // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971. С. 121–132.
- Абрамова М.П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // АИЮВЕ. М.: Внешторгиздат, 1974. С. 3–31.
- Абрамова М.П.* К вопросу об алансской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 72–82.
- Абрамова М.П.* К вопросу о раннеаланских катакомбных погребениях Центрального Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 64–71.
- Абрамова М.П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 54. М.: Внешторгиздат, 1982. С. 9–19.
- Абрамова М.П.* О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 15–20.
- Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. – 197 с.
- Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 268–281.
- Абрамова М.П.* Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья в III–IV вв. н. э. // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 70. М.: Б.и., 1989а. С. 5–16.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: Б.и., 1993. – 238 с.
- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М.: Б.и., 1997. – 165 с.
- Абрамова М.П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь: Таврия, 1998. С. 209–229.
- Айбабин А.И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII в. н. э. // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 164–199.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1990. С. 4–86.
- Айбабин А.И.* Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1994. С. 89–131.
- Айбабин А.И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 290–303.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский курган IV в. до н. э. Киев: Наук. думка, 1991. – 416 с.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология. М.: Наука, 1979. – 216 с.
- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. – 353 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. – 104 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. – 109 с.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. – 104 с.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 560 с.
- Амбродз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. – 111 с.

- Андрюх С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. Запорожье: Б.и., 1995. – 205 с.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1986. – 180 с.
- Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М.: Наука, 1984. – 390 с.
- Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 155–207.
- Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИА. Вып. 46. 1952. С. 72–85.
- Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // ПСА. МИА. 1971. № 177. С. 170–177.
- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. – 152 с.
- Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984. С. 222–224.
- Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984а. С. 20–23.
- Арсеньева Т.М. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 77–84.
- Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78.
- Археология Франции. От палеолита до эпохи Меровингов. Каталог выставки из собрания Музея национальных древностей Сен-Жермен-ан-Лэ (Париж). Л.: Искусство, 1982. – 103 с.
- Акинази И.В. Фрагмент гуннского котла из Неаполя Скифского // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 207–210.
- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 175–186.
- Бабенчиков В.П. Новый участок некрополя Неаполя Скифского // ВДИ. 1949. № 1. С. 111–119.
- Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 94–141.
- Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 1989. № 3. С. 163–170.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. – 186 с.
- Баранов И.А. Археологические памятники у с. Новокленово // АИУ в 1967 г. Вып. II. Киев: Наук. думка, 1968. С. 210–215.
- Барциева Т.Б. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука, 1971. С. 133–138.
- Безуглов С.И. Позднесарматское погребение воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
- Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // ХС. Вып. II. Севастополь: Издание Херсонесского музея, 1927. С. 107–186.
- Белый А.В. О датировке ранних строительных периодов оборонительной стены Кыз-Кермена // ПАК. Ч. III. Симферополь: Б.и., 1988. С. 233–234.
- Белый О. Б., Неневоля И.И. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 251–255.
- Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во втор. пол. I тыс. до н. э. (очерк этнокультурных процессов) // Проблемы сарматской археологии и истории. ТД. Азов: Б.и., 1988. С. 28–41.
- Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП. 1960. Т. IX. С. 39–87.
- Березовець Д.Т. Новые раскопки в с. Волынцево // АИУ 1965–1966 гг. Вып. I. Киев: Наук. думка, 1967. С. 166–169.

- Берлизов Н.Е.* Аланы–Скифы // Историко-археологический альманах. Армавир – Москва: Б.и., 1996. С. 105–117.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н.* Аланы, Кантгой и Давань // ПАВ. 1993. № 7. С. 94–112.
- Беспалый Е.И.* Курган I в. н. э. у г. Азова // СА. 1985. № 4. С. 163–172.
- Беспалый Е.И.* Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1. С. 213–223.
- Беспалый Е.И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1. С. 175–190.
- Беспалый Е.И.* Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра. С. 156–158.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилок Н.А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наук. думка, 1988. – 217 с.
- Бессонова С.С., Скорый С.А.* Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4. С. 158–170.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы Степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984. С. 41–68.
- Блаватский В.Д.* Харакс // МИА. 1951. № 16. С. 250–291.
- Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 158 с.
- Богданова Н.А.* Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. 1961. № 2. С. 249–252.
- Богданова Н.О.* Могильник I ст. до н. е. – III ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. XV. С. 95–109.
- Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. 1965. № 2. С. 233–237.
- Богданова Н.А.* Семантика и назначение некоторых амулетов из могильника первых веков н. э. Юго-Западного Крыма // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 51. М.: Б.и., 1980. С. 79–88.
- Богданова Н.А.* Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 54. М., 1982. С. 31–39.
- Богданова Н.А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 70. М.: Б.и., 1989. С. 17–70.
- Богданова Н.А.* Роль огня в погребальном ритуале могильника первых веков нашей эры у с. Заветное // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Тр. ГИМ. Вып. 74. М.: Б.и., 1990. С. 53–58.
- Богданова Н.А., Гущина И.И.* Раскопки могильников первых веков н. э. в Юго-Западном Крыму в 1969–1961 гг. // СА. 1964. № 1. С. 324–330.
- Богданова Н.А., Гущина И.И.* Новые могильники II–III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 132–139.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв. н. э.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Бодянский А.В.* Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье // СА. 1962. № 1. С. 273–276.
- Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 140–148.
- Болтрик Ю. В., Савовский Е.П.* Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1991. С. 98–107.
- Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХС. 1959. Вып. 5. С. 169–190.
- Борисова В.В.* Некрополь Херсонеса II в. до н. э. // ПИАСХ. Севастополь: Б.и. 1988. С. 14–15.
- Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 281–297.
- Бритова Н.Н.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 53–56.

- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. – 390 с.
- Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 28–36.
- Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры) Киев: Наук. думка, 1991. – 160 с.
- Бунямян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1985. – 227 с.
- Бунямян Е.П., Зубарь В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 228–239.
- Бунямян Е.П., Бессонова С.С. Про етнічний процес на Європейській частині Боспору у скіфський час // Археологія. 1990. № 1. С. 18–26.
- Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев: Наук. думка, 1976. – 159 с.
- Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С. 182–195.
- Вальдгауэр О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914. – 68 с., 56 табл.
- Вайнберг Б.И., Горбунова Н.Г., Мошкова М.Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 21–30.
- Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю. Кочевники Северо-Западной Туркмении // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 122–129.
- Веймарн Е.В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 219–237.
- Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII. С. 15–89.
- Веймарн Е.В. Одне з важливих питань ранньосередньовічної історії Криму // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Т.І. С. 61–65.
- Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. – 283 с.
- Веселовский Н.И. Скифский всадник (поясная пряжка) // ИТУАК. 1891. № 14. С. 81–83.
- Вдовиченко И.И. Сарматский могильник III в. н. э. у с. Танковое // ПИК. ТД научной конференции. (Выпуск первый). Симферополь, 1991. С. 22–24.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969. С. 113–120.
- Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875 г) // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск: Б.и., 1993. С. 38–51.
- Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре киммерийском в доримскую эпоху // Автограф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002.
- Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989. – 282 с.
- Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика. Политика. Культура». Севастополь: Б.и., 1995. С. 5–56.
- Виноградов Ю.Г. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // *Hyperboreus. Petropoli. Vol. V. 1999. Fasc.1. P. 56–82.*
- Виноградов Ю.Г. Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. С. 310–371.

- Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (Предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1. С. 44–53.
- Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // ПСА. МИА. 1971. № 177. С. 197–208.
- Власкин М.В.* Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра. С. 9–26.
- Власов В.П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 204–303.
- Власов В.П.* Етнокультурні процеси в Криму у III ст. до н. е. – IV ст. н. е. (за матеріалами ліпної кераміки) // Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1999. – 24 с.
- Власов В.П.* Этнокультурные процессы в Крыму в III в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам лепной керамики) // Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1999а.
- Власов В.П.* О появлении некоторых форм лепной керамики на позднескифских городищах Крыма в III в. н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье: Б.и., 1999б. С. 62–67.
- Власов В.П.* Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. у с. Дружное в Крыму // Столет черняховской культуры. Киев: Б.и., 1999в. С. 322–371.
- Власов В.П.* Лепная керамика нижнедонско-прикубанского облика из крымских памятников сарматского времени // МАИЭТ. Т. VIII. Симферополь: Б.и., 2001. С. 18–31.
- Власов В.П.* О зарубинецких формах в керамическом комплексе поздних скифов Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001а. С. 168–182.
- Власов В.П.* Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 98–124.
- Власова Е.В.* Семибратьи курганы // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. С. 127–132.
- Власова Е.В.* Курганы Васюринской горы // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 275–287.
- Внуков С.Ю.* Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3. С. 198–206.
- Внуков С.Ю.* Светлоглиняные амфоры I в. до н. э. – I в. н. э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. – 16 с.
- Внуков С.Ю.* Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 60–67.
- Внуков С.Ю.* Исследования городища и могильника Кара-Тобе // АИК 1994 г. Симферополь: СОНAT, 1997. С. 66–68.
- Внуков С.Ю.* Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (по результатам раскопок последних лет) // Археология Крыма. 1997а. № 2. С. 37–47. (Сигнальн. экз.).
- Внуков С.Ю.* Хронологические разновидности светлоглиняных амфор с двустольными ручками // Донская археология. 1999. № 1 (2). С. 43–49.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М: Институт археологии РАН, 2003. – 235 с.
- Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. – 320 с.
- Внуков С.Ю., Лагутин А.Б.* Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 96–121.
- Волошинов А.А.* Новое антропоморфное изваяние из позднескифского некрополя у с. Краснозорье // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 39–41.
- Волошинов А.А.* Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 147–155.

- Волошинов А.А. К вопросу о датировке т.н. «рельефа конного Палака» (в контексте позднескифской и боспорской скульптуры первых веков н. э.) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ. С. 139–156.
- Высотская Т.Н. Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр // АИУ 1967 г. Вып. II. Киев: Наук. думка, 1968. С. 113–114.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972. – 192 с.
- Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979. – 205 с.
- Высотская Т.Н. Ліпний посуд Неаполя Скіфського // Археологія. 1979а. № 32. С. 63–78.
- Высотская Т.Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 5–28.
- Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1984. С. 132–140.
- Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 40–67.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Крыму. История и культура // Автореф. дисс ... докт. ист. наук. М., 1989. – 26 с.
- Высотська Т.М. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2. С. 139–143.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. – 206 с.
- Высотская Т.Н. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский) // Донская археология. 2000. № 3–4 (8–9). С. 83–92.
- Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках // РА. 2001. № 3. С. 77–87.
- Высотская Т.Н. О некоторых этнических особенностях погребений в могильнике «Совхоз № 10» (на основе лепных урн) // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001а. С. 167–174.
- Висоцька Т.М., Лобода І.І. Могильник I ст. до н. е. – III ст. н. е. неподалік від с. Пішане в Криму // Археологія. 1984. № 48. С. 61–68.
- Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 66–80.
- Высотская Т.Н., Скорый С.А. Работы на Неаполе Скифском и в его округе // АО 1975. М.: Наука, 1976. С. 315–316.
- Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Новофилипповка // ВССА. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 220–244.
- Вязьмітіна М.І. Золота Балка. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. – 240 с.
- Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ // МИА. 1969. № 150.
- Вязьмитина М.И. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. 1969а. № 4. С. 62–77.
- Вязьмітіна М.І. Пам'ятки та культура сарматів // Археологія Української РСР. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1971. С. 185–215.
- Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972. – 190 с.
- Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днепра // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1986. С. 223–240.
- Вязьмитина М.И. Сарматское время // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1986а. С. 184–223.
- Вязьмітіна М.І., Іллінська В. А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР, 1960. Т. VIII. С. 22–135.
- Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3. С. 71–82.

- Гаврилов А.В. Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье: Б.и., 1993. С. 201–205.
- Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. – 368 с.
- Гаврилов А.В. Склеп II в. до н. э. из могильника укрепления Биюк Янышар // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004а. С. 425–429.
- Гаврилов А.В., Шкарбан А.С. Скифский курган у с. Крыловка в Крыму // СА. 1985. № 2. С. 236–239.
- Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ. 2001. Вып. I. С. 23–43.
- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наук. думка, 1989. – 110 с.
- Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 1999. – 415 с.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (Новые материалы). Препринт. Киев, 1991. Ч. I – 48 с. Ч. II – 48 с.
- Гайдукевич. В.Ф. Боспорское царство. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 623 с.
- Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135–220.
- Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987. – 181 с.
- Галанина Л.К. Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана // СА. 1973. № 2. С. 45–59.
- Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупеи парадного меча) // СА. 1989. № 4. С. 266–261.
- Гей О.А. Погребение сарматского времени у хут. Малаи // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 73–76.
- Гей О.А. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА. 1987. № 3. С. 53–67.
- Гей О.А., Бажан И.А. К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника в с. Красный Маяк // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Б.и., 1990. С. 134–142.
- Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: Б.и., 1997. – 144 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 581 с.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. – 251 с.
- Герцигер Д.С. Покрывало из VI Семибратьяного кургана // Труды ГЭ. 1972. Т. XIII. С. 98–109.
- Гилевич А.М. Прибрежненский клад римских монет // НЭ. 1965. Вып. V. С. 103–111.
- Глебов В.П. Хронология раписарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: Б.и., 2004. С. 127–133.
- Голенко К.В. Третий Патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НЭ. 1978. Вып. XII. С. 10–40.
- Голенцов А.С. Исследование Кульчукского городища и его некрополя // ПИАСХ. Севастополь, 1988. С. 25–28.
- Голенцов А.С. Кульчукский могильник – новый памятник поздних скифов в Крыму // ПИК. Симферополь, 1991. С. 34–36.
- Голенцов А.С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1993. С. 80–84.
- Голенцов А.С., Дащевская О.Д. Надгробие воина с херсонесской хоры // ВДИ. 1981. № 2. С. 109–114.
- Голиков В.П. Исследование золотых нитей шитья // Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986. С. 136–139.
- Гончарова Л.Ю. Иконографические аспекты звериного стиля лесостепного Подонья V – начала III вв. до н. э. // Донская археология. 2000. № 3–4 (8–9). С. 51–61.

- Горбунова Н.Г.* О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э. // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С.84–99.
- Гороховский Е.Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982. С. 115–151.
- Гороховский Е.Л.* Римские провинциальные фибулы в Северном Причерноморье (хронология и периодизация) // Проблемы исследования Ольвии. ТДС. Парутино: Б.и., 1985. С. 19–21.
- Гороховський Є. Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О.* Про пізню дату діяльності античних городищ Ольвійської хори // Археологія. 1985. № 49. С. 25–40.
- Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В.* Погребения киммерийцев в катакомбах и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1. С. 168–183.
- Граков Б.М.* Скіфи. Київ: Вид-во АН УРСР, 1947. – 93 с.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. – 240 с.
- Граков Б.Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971. – 170 с.
- Граков Б.Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115. С. 56–113.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. – 256 с.
- Гросу В.И.* Сарматское погребение в Поднестровье // СА. 1986. № 1. С. 258–261.
- Гугуев В.К.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. № 4. С. 116–129.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И.* Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. № 2. С. 164–175.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–157.
- Гугуев Ю.К.* О месте комплексов из могильника Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 141–155.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969. С. 109–127.
- Гуляев В.И.* Там, где жили амазонки // Донская археология. 2000. № 3–4 (8–9). С. 38–50.
- Гуляев В.И.* О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону // РА. 2001. № 4. С. 138–143.
- Гущина И.И.* Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 197–204.
- Гущина И.И.* О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. 1967. № 1. С. 40–51.
- Гущина И.И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // АИЮВЕ. М.: Б.и., 1974. С. 32–64.
- Гущина И.И.* Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 25–30.
- Гущина И.И.* О локальных особенностях населения Бельбекской долины в первые века нашей эры // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 54. М., 1982. С. 20–30.
- Гущина И.И.* Итоги исследования могильника первых веков нашей эры в окрестностях Севастополя // ПИАСХ. Тез. докл. конф. Севастополь: Б.и., 1988. С. 30–31.
- Гущина И.И.* О погребальном обряде населения Бельбекской долины (По материалам могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. Вып. 93. М.: Б.и., 1997. С. 29–37.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // ТД Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 45–50.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // РА. 1999. № 2. С. 157–171.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – начало II в. н. э.) // АИЮВЕ. Тр. ГИМ. Вып. 70. М.: Б.и., 1989. С. 71–141.

Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 45–67.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб: Фарн, 1994. – 170 с.

Гущина И.И., Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 43–53.

Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Каталог выставки. Л., 1990. – 67 с.

Дашевская О.Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. 1951. № 2. С. 131–135.

Дашевская О.Д. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры // КСИИМК. 1951а. Вып. 34. С. 110–119.

Дашевская О.Д. Скифские городища Крыма // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954. – 16 с.

Дашевская О.Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 108–117.

Дашевская О.Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 1958. № 64. С. 248–271.

Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ. 1958а. № 2. С. 143–150.

Дашевская О.Д. Симферопольское раннетаврское поселение // СА. 1958б. № 3. С. 193–197.

Дашевская О.Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 1. С. 173–194.

Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 годах // КСОГАМ 1962 г. Одесса: Маяк, 1964. С. 50–56.

Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // КСИА. 1967. № 109. С. 65–72.

Дашевская О.Д. Два склепа Беляусского могильника // КСИА. 1969. № 119. С. 65–73.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969а. С. 52–62.

Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966–1969 гг. // КСИА. 1972. № 130. С. 62–69.

Дашевская О.Д. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий // ПСА. МИА. 1971. № 177. С. 151–155.

Дашевская О.Д. Каменные склепы Беляусского могильника // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 55–60.

Дашевская О.Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. 1978. № 3. С. 119–215.

Дашевская О.Д. О скифских курильницах // СА. 1980. № 1. С. 18–29.

Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 53–60.

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 125–145.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. М., 1991. – 140 с.

Дашевская О.Д. Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // Поздние скифы в Крыму. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 87–95.

Дашевская О.Д. Работы в Черноморском районе Крыма // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 86–90.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 56–61.

- Дашевская О.Д. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе // РА. 2003. № 1. С. 160–163.
- Дашевская О.Д., Голенцов А.С. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 90–96.
- Дашевская О.Д., Голенцов А.С. К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам Международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. Симферополь: Центр музеиных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 26–41.
- Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3. С. 129–147.
- Дашевская О.Д., Раевский Д.С. К статье Б.Ю. Михлина «О характере позднескифской семьи» // СА. 1987. № 2. С. 41–44.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 100–105.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 14–132.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989а. С. 5–13.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179.
- Демкин В.А., Демкина Т.С. О чем могут поведать степные курганы? (К проблеме интеграции почтоведения и археологии) // Донская археология. 1999. № 1 (2). С. 24–34.
- Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69–80.
- Дзиговський О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. – першій половині IV ст. н. е. Київ: Наук. думка, 1993. – 203 с.
- Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984. С. 148–161.
- Домбровский О.И. О технике декоративной живописи Неаполя Скифского // СА. 1961. № 4. С. 84–90.
- Домбровский О.И. Пещеры и урочище Кизил-Коба в позднеантичный период // Труды комплексной карстовой экспедиции Академии наук УССР. Вып. 1. Киев, 1963. С. 152–164.
- Домбровский О.И., Щепинский А.А. Археологические загадки Красных пещер // Как раскрываются тайны. Симферополь, 1962. С. 11–47.
- Домжальский К. Из истории исследований краснолаковой керамики Восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М.: Б.и., 1998. С. 17–30.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975. – 175 с.
- Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2005. – 29 с.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987. С. 85–115.
- Елкина А.К. О тканях и золотном шитье из Соколовой могилы // Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986. С. 132–135.
- Ельницкий Л.А. По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака // СА. 1962. № 3. С. 289–291.
- Еременко В.Е., Щукин М.Б. К вопросу о хронологии Восточного латена и позднего предримского времени // АСГЭ. 1998. Вып. 33. С. 61–89.
- Ермолин А.Л. Античные склепы хоры Европейского Боспора (По материалам охранных исследований) // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 212–225.
- Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Средне-го Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

Железчиков Б.Ф. Погребения IV в. до н. э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 85–93.

Жиляева-Круц С.И. Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964–1967 гг. // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970. С. 180–189.

Журавлев Д.В., Краснолаковая керамика группы *Eastern sigillata B* из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М.: Б.и., 1997. С. 227–260.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. М.: Б.и., 1998. С. 31–51.

Журавлев Д.В. О датировке *Eastern sigillata B* из Юго-Западного Крыма // Археология. 2001. № 3. С. 99–118.

Журавлев Д.В. Краснолаковые понтийские тарелки из могильника Бельбек IV // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 141–168.

Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. Инвентарь богатого Горгиппийского (?) склепа II в. н. э. в собрании Государственного исторического музея // Древности Боспора. Вып. 8. М.: Б.и., 2005. С. 184–196.

Журавлев Д.В., Христановски Л. Группа греческих светильников из Херсонеса // ХС. 1999. Вып. X. С. 50–59.

Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 223–229.

Забелина В.С. Группа рельефной керамики из Пантикопея // Сообщения ГМИИ. Вып. IV. М., 1968. С. 119–224.

Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 293–296.

Заднепровский Ю.А. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме // ПАВ. 1993. № 7. С. 88–93.

Заднепровский Ю.А. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // ПАВ. 1994. Вып. 8. С. 114–118.

Заднепровский Ю.А. Древниеnomады Центральной Азии // Археологические изыскания. Вып. 40. СПб., 1997. С. 40–90.

Зайцев Ю.П. Исследования района центральных ворот Неаполя Скифского // ПАК. ТД Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь: Б.и., 1988. С. 289–291.

Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. № 1. С. 83–94.

Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія. 1992. № . С. 93–99.

Зайцев Ю.П. Верховная знать Неаполя Скифского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: Б.и., 1994. С. 94–105.

Зайцев Ю.П. Исследования Южного дворца Неаполя Скифского // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994а. С. 111–119.

Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье: Б.и., 1995. С. 67–90.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н. э. – III в. н. э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1996. – 24 с.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г. Симферополь: СОННАТ, 1997. С. 102–116.

Зайцев Ю.П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997а. С. 156–166.

Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997б. № 3. С. 36–50.

Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. Труды ГИМ. Вып. 102. С. 52–60.

Зайцев Ю.П. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–147.

Зайцев Ю.П. Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии // Таманская старина. Греки варвары на Киммерийском Боспоре (VII–I вв. до н. э.). ТД междунар. конф. СПб.: Б.и., 2000. С. 52–53.

Зайцев Ю.П. «Склеп жриц» Усть-Альминского позднескифского некрополя // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000а. С. 294–318.

Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 13–54.

Зайцев Ю.П. Скульптура и рельефы Южного дворца Неаполя Скифского // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 70–78.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. – 212 с.

Зайцев Ю.П. Золотые «лицевые» пластины в позднескифской культуре Крыма // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников тринадцатого коллоквиума. СПб., 2004. С. 47–50.

Зайцев Ю.П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Б.и., 2005. С. 88–94.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени в предгорном Крыму // Археология Крыма. 1997. № 2. С. 49–59. (Сигнальн. зкз.).

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькая в предгорном Крыму // БИ. 2005. Вып. VII. С. 242–259.

Зайцев Ю.П., Лысенко А.В., Пуздровский А.Е., Семин С.В., Татарцев С.В. Охраняные исследования грунтового скелета на Усть-Альминском позднескифском некрополе // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 159–161.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в Степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61–99.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003а. № 2. С. 135–154.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. С. 57–77. Симферополь: Б.и., 2003б.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 174–204.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004а. С. 290–297.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И., Фирсов К.Б., Радочин В.Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 169–198.

Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 217–237.

Зарайська Н.П. Пізньоскіфська кухонна кераміка з городища Чайка в Криму // Археологія. 1973. № 8. С. 75–82.

Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. Вып. XX. Л., 1979. С. 87–113.

Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.) // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1983. С. 70–84.

Засецкая И.П., Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. 1999. №№ 1–2. С. 51–60.

Заскока В.М. Найдены римских монет в Евпатории и ее окрестностях // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам Международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. Симферополь: Центр музеинных технологий и этно-культурного туризма, 2004. С. 109–114.

- Захаров А.В.* Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 27–45.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. – 180 с.
- Зіневич Г.П.* До антропології могильника біля с. Завітне в Криму // МАУ. 1971. Вып. 5. С. 111–121.
- Золотарев М.И.* Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 56–58.
- Золотарев М.И., Туровский Е.Я.* К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 71–89.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982. – 142 с.
- Зубарь В.М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (По материалам некрополя) // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 78–107.
- Зубарь В.М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. № 63. С. 19–27.
- Зубар В.М.* Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1.
- Зубар В.М.* Про пізньоскіфську державність // Археологія. 1992. № 1. С. 100–102.
- Зубар В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев: Киевская Академия ЕвроБизнеса, 1994. – 179 с.
- Зубар В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. – 200 с.
- Зубар В.М.* До історії Боспорського царства в III ст. н. е. // Археологія. 1998а. № 2. С. 148–150.
- Зубар В.М.* Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь: Б.и., 2002. С. 501–520.
- Зубар В.М.* До історії Таврики II–I ст. до н.е. // Археологія. 2003. № 1. С. 27–35.
- Зубар В.М.* Сарматы, населення Таврики і Херсонес у I ст. н. е. // Археологія. 2003а. № 2. С. 25–41.
- Зубар В.М.* З історії Південно-Західної Таврики у другій чверті – середині III ст. н. е. // Археологія. 2003б. № 3. С. 50–55.
- Зубар В.М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. – 312 с.
- Зубар В.М.* Еще раз о двух «варварских» типах погребальных сооружений некрополя Херсонеса первых веков нашей эры // Готы и Рим. Киев: ИД «Стилос». – 2006. С. 16–25.
- Зубар В.М., Козак Д.Н.* Рец.: И.С. Пиоро. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990 // Археологія. 1992. № 1. С. 127–131.
- Зубар В.М., Кубышев А.И.* Погребальные комплексы рубежа нашей эры из нижнего Поднепровья // СА. 1987. № 4. С. 248–253.
- Зубар В.М., Мещеряков В.Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков н. э.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 96–114.
- Зубар В.М., Пуздовський О.Є.* «Мала Скіфія» в Криму // Давня історія України. Т. 2. Київ: Вид-во Інституту археології НАН України, 1998. С. 180–192.
- Зубар В.М., Савеля О.Я.* Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74–83.
- Зубар В.М., Симоненко А.В.*, О снаряжении боевых коней в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984. С. 148–155.
- Зуев В.Ю.* Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. – 24 с.
- Зуев В.Ю.* О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999. № 3. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, 1999а. С. 305–324.
- Зуев В.Ю.* О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 205–219.

- Игнатов В. Н. Катаомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 65–68.
- Іллінська В.А. Скіфські сокири // Археологія. 1961. Т. 12. С. 27–52.
- Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 9–29.
- Ильюков Л. С. Коллекция античных сокровищ // Донская археология. 1998. № 1. С. 88–91.
- Ильюков Л. С. Позднесарматские погребения левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 100–140.
- Ильюков Л.С., Толочко И.В. Две плиты с тамгами из Танаиса // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 183–185.
- Исмагилов Р.Б. Саи, скифы и Боспор // ПАВ. 1993. № 6. С. 62–65.
- ИАК. Вып. 2. СПб., 1902. – 126 с.
- ИТУАК. 1897 (1888). № 4. – 78 с.
- ИТУАК. 1898. № 28. – 114 с.
- ИТУАК. 1901. № 31. – 104 с.
- ИТУАК. 1911. № 45. – 132 с.
- ИТУАК. 1913. № 50. – 316 с.
- ИТУАК. 1914. № 51. – 362 с.
- ИТУАК. 1919. № 56. – 349 с.
- Иштванович Э., Кульчар В. Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в культуре сарматов Карпатского бассейна // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 335–342.
- Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Изд-во при Харьковском государственном университете издательского объединения «Выща школа», 1981. – 143 с.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: «Выща школа». Изд-во при ХГУ, 1989. – 136 с.
- Казанский М. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // Византия и Крым. ТД междунар. конф. Симферополь, 1997. С. 48–51.
- Каменецкий И.С. Код для описания обряда // Древности Дона. М.: Наука, 1983. С. 221–250.
- Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 224–251.
- Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234.
- Капошина С.И. Некрополь в районе поселка им. Войкова // МИА. 1959. № 69. С. 108–154.
- Капошина С.И. Научное значение находок из Садового кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973.
- Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 161–172.
- Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г. // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 78–85.
- Каргопольцев С.Ю. Умбоны щитов и боевые топоры как индикаторы синхронизации в контексте центральноевропейско-причерноморских связей римского времени // ПИК. Симферополь, 1991. С. 58–60.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // ПАВ. 1992. № 2. С. 113–126.
- Каспарова К.В. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 66–78.
- Каспарова К.В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (К вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 79–89.

Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латенса // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 108–117.

Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск: Б.и., 1985. – 84 с.

Катюшин Е.А. Склеп первых веков н. э. из села Льговское // МАИЭТ. Т. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 14–16.

Катюшин Е.А. Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. Т. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 21–31.

Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, проведенные профессором Н.И. Веселовским в июле и августе 1891 г. // ИТУАК. 1891. № 14. С. 95–97.

Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, проведенные профессором Н.И. Веселовским в июле-августе 1892 г. // ИТУАК. 1892. № 16. С. 115–119.

Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, проведенные профессором Н.И. Веселовским летом 1895 г. // ИТУАК. 1896. № 24. С. 138–150.

Кашпар А.О. О раскопке курганов в д. Тавель Симферопольского уезда // ИТАУК. 1898. № 28. С. 198–206.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. Ч. I–II. – 169 с. Ч. III. – 50 табл.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 119 с.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Вып. 5. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 28–40.

Книпович Т.Н. Танаис. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 179 с.

Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 289–326.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикея и Фанагории. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 181 с.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Приднестровье и Таманский полуостров. САИ. 1974. Вып. Г 1–11. Часть IV. С. 20–30.

Коваленко С.А. Античное сельскохозяйственное поселение возле села Песчаное // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 6–36.

Ковпаниченко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1986. – 150 с.

Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ: Наук. думка, 1984. – 94 с.

Козенкова В.И. Связь Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975. С. 52–73.

Козенкова В.И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 252–267.

Козуб Ю.И. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974. – 180 с.

Козуб Ю.И. Стеклянный ритон из Ольвии // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977а. С. 69–74.

Колотухин В.А. Раскопки могильника на плато Капакташ // АО 1980 г. М.: Наука, 1981а. С. 260–261.

Колотухин В.А. Население Предгорного и Горного Крыма в VII–V вв. до н. э. // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 6–27.

Колотухин В.О. Кизил-кобинський посуд VIII – першої половини V ст. до н. е. // Археологія. 1990. № 2. С. 68–86.

Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. – 157 с.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма // Симферополь: СОНAT, 2000. – 117 с.

Колтухов С.Г. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского // СА. 1983. № 2. С. 222–224.

- Колтухов С.Г. Пізньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму // Археологія. 1991. № 4. С. 76–89.
- Колтухов С.Г. Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье: Б.и., 1993. С. 206–222.
- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993а. – 17 с.
- Колтухов С.Г. Охранные раскопки курганов в Предгорном Крыму // АИК 1994 г. Симферополь: СОНAT, 1997. С. 154–156.
- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: СОНAT, 1999. – 221 с.
- Колтухов С. Г. К вопросу о времени основания Неаполя Скифского // Пантикопей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. Керчь, 2000. С. 55–58.
- Колтухов С.Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 59–70.
- Колтухов С.Г. История исследования Крымской Скифии // Stratum plus. Кишинев, Одесса, Бухарест, 2001–1002. № 3. С. 319–354.
- Колтухов С.Г. Позднескифское поселение Доброе // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 124–134.
- Колтухов С.Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // Херсонесский сборник. 2004а. Вып. XIII. С. 68–120.
- Колтухов С.Г. О возможности существования варварской периферии античной хоры в Северо-Западном Крыму в IV – первой четверти III в. до н. э. // Археология Северо-Западного Крыма. По материалам Международной научно-практической конференции «Античный мир и археология», посвященной 2500-летию Евпатории. Симферополь: Центр музейных технологий и этно-культурного туризма, 2004б, С. 42–47.
- Колтухов С.Г. П.Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004в. С. 50–54.
- Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XII. Запоріжжя: Б.и., 2005. С. 259–299.
- Колтухов С.Г. Каменные ящики и овальные гробницы варварского населения Степного Крыма // Древности Боспора. Вып. 8. М., 2005а. С. 235–258.
- Колтухов С.Г., Зубар В.М., Миц В.Л. Новий район хори Херсонеса елліністичного періоду // Археологія. 1992. № 2. С. 85–95.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. I. Запорожье, 1994. – 121 с.
- Колтухов С.Г., Мыц В.Л. О топографии и хронологии Ак-Кайского курганного некрополя // Культура народов Причерноморья. № 5. Симферополь, 1998. С. 99–108.
- Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Курганный могильник скифской аристократии в горном Крыму // Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 27–44.
- Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 51–57.
- Колтухов С.Г., Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя Скифского // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 149–153.
- Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. II. Запорожье, 1998. – 194 с.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь: СОНAT, 2004. – 247 с.
- Кондукторова Т.С. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. Вип. 3. Київ, 1964. С. 32–71.
- Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1972. – 156 с.

- Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1979. – 127 с.
- Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика погребенных из боспорского могильника у с. Золотое // Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983. С. 163–174.
- Коновалов А.А. Раскопки курганов близ городища Чайка // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 294, 295.
- Кореняко В.А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. 1980. № 162. С. 96–101.
- Корпусова В.Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтовое // АИУ 1965–1966 гг. Киев, 1967. С. 38–41.
- Корпусова В.М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. № 6. С. 31–55.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983. – 182 с.
- Косяненко В.М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). // СА. 1980. № 3. С. 214–224.
- Косяненко В.М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2. С. 45–62.
- Косяненко В.М. Среднесарматское погребение из могильника Крепинский I на левобережье реки Маныч // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 90–94.
- Косяненко В.М., Максименко В.Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону // СА. 1989. № 1. С. 264–267.
- Костенко В.И. Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары // СА. 1979. № 4. С. 189–200.
- Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Кисв: Наук. думка, 1993. – 184 с.
- Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 117–126.
- Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д 1–7. М., 1981. – 126 с.
- Крис Х.И. Культура тавров // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. – С. 80–83.
- Крис Х.И., Веймарн Е.В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарай // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 65–71.
- Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4–4. М.: Наука, 1961. – 135 с.
- Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. – 277 с.
- Кропотов В.В. Імпортна червонолакова кераміка південномалоазійської групи в Криму // Археологія. 2001. № 1. С. 90–95.
- Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. № 4. С. 128–134.
- Кропотов В.В., Лесков А.М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. № 84. Симферополь, 2006. С. 25–39.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966. – 224 с.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. – 299 с.
- Крупа Т.Н. О красильном производстве Херсонеса Таврического античного времени // Музейні читання. Київ: ТОВ «ІІІ Лтд», 2000. С. 144–148.
- Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстілю IV ст. до н. е. – IV ст. н. е. (за матеріалами Криму) // Археологія. 2000а. № 3. С. 112–122.
- Круц С.И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (по антропологическим данным) // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 115–117.

- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1993. – 246 с.
- Кувшинова Е.Н. К вопросу об изображении возливающих богов в античном искусстве // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 223–230.
- Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // СА. 1973. № 2. С. 60–74.
- Кулатова И.Н., Супруненко А.Б. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава: Археологія, 1999. С. 134–161.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 146–177.
- Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Государственный Эрмитаж. Изд-во АРС, 1997. – 358 с.
- Кутайсов В.А. Городище первых веков нашей эры на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 144–149.
- Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев: КОРВИН ПРЕСС, 2004. – 326 с.
- Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Археологические исследования Калос Лимена // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 171–180.
- Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос-Лимен (раскопки 1988–1995 гг.) // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 43–57.
- Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднєв С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // АИК 1994 г. Симферополь: СОНAT, 1997. С. 170–184.
- Кухаренко Ю.В. Памятники раннего железного века на территории Полесья // САИ. Вып. Д 1–29. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 116 с.
- Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ. Д 1–19. М.–Л.: Наука, 1964. – 67 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Наука, 1979. – 208 с.
- Лавров В.В. Герулы в Причерноморье // Stratum + ПАВ. Кишинев, 1997. С. 214–217.
- Лагутин А.Б. Железные наконечники метательного оружия из раскопок греко-скифского городища Кара-Тобе в Крыму // РА. 1999. № 4. С. 203–207.
- Ланцов С.Б. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпь // ПАК. ТД Крымской научной конференции. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 149–150.
- Ланцов С.Б. Материалы из некрополя Керкінітіди // Археологія. 1988а. № 63. С. 75–84.
- Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. С. 71–104.
- Ланцов С.Б. Две вотивные таблички из святилища римских военнослужащих около Сакского озера в Крыму // ХС. 1999. Вып. X. С. 94–100.
- Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев: Стилос, 2003. – 119 с.
- Ланцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV–III вв. до н. э. // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 58–68.
- Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора. № 4. М., 2001. С. 254–290.
- Латышева В.А. Амфорный комплекс поселения херсонесской хоры «Маслины» // ПИАСХ. Севастополь, 1988. С. 70–71.
- Лашков Ф.Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890.
- Левина Э.А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н. э.). Одесса, 1992. – 104 с.
- Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. – 200 с.
- Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981. – 168 с.
- Либеров П.Д. Памятники скифского времени на среднем Дону // САИ. Д1-31. М., 1965. – 38 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар, 2004. С. 221–241.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Пластиначатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 162–167.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 51–77.

Липавський С.О. Про роль орієнтації поховання при вивчені етнічного складу Північного Причорномор'я // Археологія. 1988. № 63. С. 27–37.

Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ. 1964. № 3. С. 97–104.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.

Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в Древней Средней Азии // СА. 1966. № 4. С. 51–69.

Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967, № 2. С. 29–37.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. – 268 с.

Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972а. – 258 с.

Литвинский Б.А. Погребальный обряд // Восточный Туркестан в древности и средневековье. М., 1995.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.

Лобода И.И. Охранные раскопки в Юго-Западном Крыму // АО 1986 г. М., 1988. С. 304–305.

Лобода И.И. Исследования могильника IV–V вв. н. э. в с. Красный Мак // Проблемы «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 210–215.

Лысенко А.В. Пещерные некрополи Горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.) // Vita antiqua. № 5–6. Київ: ВПЦ Київський університет, 2003. С. 85–107.

Лысенко А.В. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя (последняя треть III–IV вв. н.э.) // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 226–239.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 304–323.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов: Азовский краеведческий музей. 1998. – 304 с.

Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Косяненко В.М. Курган у хут. Кащеевка // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 148–156.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982. – 181 с.

Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 1957. № 4. С. 75–82.

Максимова М.И. Серебряная пряжка из Артюховского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 139–141.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. – 150 с.

Маленко Л.М. Городище Сары-Кай // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. I. Запорожье: Б.и., 1990. С. 145–150.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Малышев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. Вып. 5. М., 1994. С. 59–86.

Малюкевич А.Е. Комплекс погребально-поминальных тризин Моложского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТД. Запорожье, 1994. С. 119–121.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. V. М–Л., 1966. –232 с.

- Мандельштам А.М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. VII. Л., 1975. – 225 с.
- Мандельштам А.М.* К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 21–26.
- Мандельштам А.М.* К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 19–25.
- Мандельштам А.М.* Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 173–177.
- Мандельштам А.М., Горбунова Н.Г.* Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 13–21.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 196–205.
- Манцевич А.П.* Ритон Талаевского кургана // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 155–173.
- Маркевич А.И.* Расчистка кургана в окрестностях Симферополя // ИТУАК. 1890. № 10. С. 107–110.
- Маркевич А.И.* Сообщение об остатках древности в д. Атальк-Эли Симферопольского уезда // ИТУАК. 1903. № 35. С. 57–59.
- Марченко К.К.* Лепная керамика V–III вв. до н. э. с городища у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 124–133.
- Марченко К.К.* Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н. э. // КСИА. 1975. Вып 143. С. 70–76.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. – 336 с.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. – 123 с.
- Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука 1990. – 230 с.
- Масленников А.А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995. – 124 с.
- Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: Б.и., 1997. – 108 с.
- Махнева О.А.* Новые данные о лепной керамике населения Неаполя Скифского // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 100–107.
- Махнева О.А.* Культовое сооружение на пригородной территории Неаполя Скифского // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 119–123.
- Махнева О.А., Пуздровский А.Е.* О двух поселениях кизил-кобинской культуры в Симферополе // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 199–204.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991. – 131 с.
- Медведев А.П.* Сарматское погребение близ Воронежа // СА. 1981. № 4. С. 253–260.
- Медведев А.П.* Погребение позднесарматского времени на Верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 183–188.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. – 160 с.
- Медведев А.П., Софонов И.Е.* Золотой бестиарий Липецкого кургана // Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 80–88.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1–4. М., 1964. – 92 с.
- Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115. С. 114–166.
- Мелюкова А.И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962а. № 1. С. 195–208.
- Мелюкова А.И.* Население Нижнего Поднестровья в IV–III вв. до н. э. // ПСА. МИА. 1971. № 177. С. 39–54.

- Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. – 258 с.
- Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. 1956. Т. XXVI. С. 236–261.
- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. – 247 с.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н. э. // СА. 1981. № 4. С. 46–69.
- Мирошина Т.В. Новые сарматские погребения в Ставропольском крае // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 69–73.
- Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 194–213.
- Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи // СА. 1987. № 2. С. 31–40.
- Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 28–46.
- Могильников В.А. Хущу Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 254–273.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979. – 250 с.
- Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. № 1. С. 122–138.
- Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54–64.
- Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1994. – 135 с.
- Молодцов О.Э. Новое позднескифское поселение у с. Кизиловка Симферопольского района // ПИК. Симферополь, 1991. С. 78–79.
- Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 2000. № 1. С. 144–153.
- Мордвинцева В.И. Декоративные пластины из Бубуеча // РА. 2001. № 2. С. 108–114.
- Мордвинцева В.И. Три примера украшений местного производства из Усть-Альминского могильника в Крыму // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святыни. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 115–118.
- Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь: Универсум 2003. – 215 с.
- Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2002. С. 57–67.
- Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П. Бронзовая матрица из Усть-Альминского некрополя // БИ. 2004б. Вып. VII. С. 260–270.
- Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. С. 114–124.
- Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 138–149.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. – 139 с.
- Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма // СА. 1946. Т. 8. С. 113–119.
- Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78. С. 293–307.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1–10. М., 1963. – 55 с.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. – 51 с.
- Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 71–77.
- Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 80–87.

Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С. 18–34.

Мошкова М.Г. Понятие «археологическая культура» и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологии и истории. ТД. Азов, 1988. С. 89–108.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 177–191.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Там же. М.: Наука, 1989а. С. 191–202.

Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Донские древности. Вып. 5. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 67–76.

Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. I. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2001.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 22–44.

Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I–V вв. н. э. // МАИЭТ. Т. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 279–289.

Мульд С.А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // ХС. 1999. Вып. X. С. 181–193.

Мульд С.А. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Т. VIII. Симферополь, 2001. С. 51–66.

Мульд С.А. Два могильника в окрестностях Симферополя // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 120–124.

Мульд С.А., Масякин В.В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 5–31.

Мурзин В.Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII–V вв. до н. э. // Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка 1982. С. 47–64.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984. – 133 с.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 149–168.

Мыц В.Л. Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 153–156.

Мыц В.Л. Могильник III–IV вв. н. э. на склоне Чатырдага // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 144–164.

Мыц В.Л. Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы // ПАК. ТД Крымской научн. конф. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 299–300.

Мыц В.Л. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 77–79.

Мыц В.Л. Наскальные рисунки первых веков нашей эры в гроте г. Буран-Кая (К проблеме изучения позднескифской живописи) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская Академия ЕвроБизнеса, 1994. С. 258–268.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Жук С.М. Пещерный позднеантичный некрополь на г. Ай-Никола // ХС. 1999. Вып. X. С. 169–180.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б., Щукин М.Б. Исследования Чатырдагского некрополя // АИК 1994 г. Симферополь: СОННАТ, 1997. С. 211–221.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб: Изд-во СПб. ИИ РАН «Нестор-История», 2006. – 206 с.

Набоков В.В. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1989. – 400 с.

Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 141–146.

Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХС. 2003. Вып. XII. С. 107–123.

Нефедова Е.С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 196–206.

Нефедова Е.С. Бубечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир. Часть II. Новочеркасск, 1993. С. 15–20.

Новиченкова Н.Г. Гурзуфское седло: атрибутика обрядности святилища в сопоставлении с религиозными воззрениями скифов // ПИК. Симферополь, 1991. С. 83–86.

Новиченкова Н.Г. Святилище Крымской Яйлы // ВДИ. 1994. № 2. С. 59–86.

Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–67.

Новиченкова Н.Г. Фибулы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // РА. 2000. № 1. С. 154–166.

Нечитайло А.Л., Бунятын Е.П., Курганская группа близ с. Чкалово // Курганы Степного Крыма. Киев: Наук. думка, 1984. С. 6–39.

ОАК 1875 г. СПб., 1878. – 224 с.

ОАК 1889 г. СПб., 1892. – 127 с.

ОАК 1890 г. СПб., 1893. – 151 с.

ОАК 1891 г. СПб., 1893. – 187 с.

ОАК 1892 г. СПб., 1894. – 173 с.

ОАК 1895 г. СПб., 1898. – 284 с.

ОАК 1896 г. СПб., 1898. – 251 с.

ОАК 1897 г. СПб., 1900. – 87 с.

ОАК 1898 г. СПб., 1901. – 168 с.

ОАК 1901 г. СПб., 1903. – 197 с.

Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 202–208.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун // СА. 1988, № 4. С. 157–168.

Обломский А.М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1. С. 103–120.

Обломский А.М. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (так называемых зарубинецких) // КСИА. 1986. № 186. С. 50–56.

Обломский А.М. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Stratum + ПАВ. СПб., Кишинев, 1997. С. 138–146.

Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4. С. 108–128.

Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52–65.

Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4. С. 61–81.

Ольховський В.С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 27–38.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII в. до н. э. – III в. до н. э.). М.: Наука, 1991. – 254 с.

Ольховський В.С. Про дискусійні питання соціально-політичної історії пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 2. С. 136–139.

Орлов К.К. Исследования Харакса // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 366–367.

Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 106–133.

Орлов К.К., Скорий С.А. Комплекс з бронзовим посудом римского часу з поховання в Центральному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 63–73.

Павленков В.И. К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Тез. докл. обл. конф., посв. 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 115–116.

Павленков В.И. Скифы Северо-Западного Крыма в системе «Великого шелкового пути» // ПИК. Симферополь, 1991. С. 90–92.

Павленков В.И. О сарматах и боспорцах и их тамгах в Северо-Западном Крыму // Крымский музей 1995–1996 гг. Симферополь: Таврия, 1996. С. 23–29.

- Пачкова С.П. Фібули зарубинецького типу // Археологія. 1988. № 62. С. 10–23.
- Пачкова С.П. К вопросу о процессе латенизации зарубинецкой культуры // *Stratum plus*. № 4. Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. С. 74–87.
- Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наук. думка, 1974. – 218 с.
- Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. – 209 с.
- Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. – 191 с.
- Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 43–48.
- Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 67–80.
- Печенкин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. № 38. С. 29–37.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. – 196 с.
- Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное в Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. 1974. № 5. С. 81–90.
- Погребова Н.Н. Находки в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники искусства. Бюлл. ГМИИ. Вып. 2. М., 1947. С. 31–36.
- Погребова Н.Н. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 94–97.
- Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. 1958. № 64. С. 103–247.
- Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96. С. 103–213.
- Покас П.М., Назарова Т.А., Дяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наук. думка, 1988. С. 118–144.
- Полин С.В. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984. С. 103–119.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: Б.и., 1992. – 200 с.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 66–87.
- Попова Е.А. Рельеф с городища «Чайка» // СА. 1974. № 4. С. 222–230.
- Попова Е.А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–122.
- Попова Е.А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1984. № 1. С. 129–145.
- Попова Е.А. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1987. № 2. С. 139–150.
- Попова Е.А. О стилистических и сюжетных особенностях памятников монументального искусства Малой Скифии // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 1. М., 1989.
- Попова Е.А. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория «Чайка» близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 37–75.
- Попова Е.А. Здание типа мегарон позднескифского городища «Чайка» // Вестник МГУ. 1996. История. № 1. С. 71–81.
- Попова Е.А. О северо-причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (По материалам квартала Запад II городища «Чайка» // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 182–195.
- Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (По материалам Чайкинского городища). М: Б.и., 2005. – 283 с.

- Приднєв С.В. Охранные раскопки курганныго некрополя Калос Лимена в 1997–1998 гг. // АВУ 1998–1999 гг. Київ: Вид-во ІА НАНУ, 1999. С. 34–36.
- Прохорова Т.А., Гугусев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
- Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 177–182.
- Пугаченкова Г.А. Римский маскарон из Северной Бактрии // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 183–185.
- Пуздровский А.Е. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // МЭИК. Киев: Наук. думка, 1987. С. 205–207.
- Пуздровский А.Е. Об исторической топографии некрополя Неаполя Скифского // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тезисы докладов обл. научн. конф. по разделам скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987а. С. 147–149.
- Пуздровский А.Е. К проблеме формирования Неаполя Скифского // ПАК. ТД Крымской науч. конф. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 303–304.
- Пуздровский А.Е. Лепная курильница позднескифского времени из Полтавского краеведческого музея // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: [Перв.] обл. научн.-практ. семинар. ТДС. Полтава, 1988а. С. 32, 33.
- Пуздровский А.Е. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // ПИАСХ. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988б. С. 85–87.
- Пуздровський О.Є. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. 1989. № 3. С. 30–40.
- Пуздровский А.Е. Сарматы в Крыму // ПИК. Симферополь, 1991. С. 100–101.
- Пуздровський О.Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – перш. пол. III ст. н. е. // Археологія. 1992. № 2. С. 125–135.
- Пуздровский А.Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. 1992а. № 2. С. 181–199.
- Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. (этнополитический аспект) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993. – 16 с.
- Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. (этнополитический аспект) // Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993а. – 431 с.
- Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 114–126.
- Пуздровский А.Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. Т. IV. Симферополь: Таврия, 1994а. С. 397–405.
- Пуздровский А.Е. Могильник III–IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тез. докл. конф. Симферополь, 1994б. С. 55–56.
- Пуздровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика. Политика. Культура». Севастополь: Б.и., 1995. С. 142–145.
- Пуздровский А.Е. Набор бронзовых амулетов из Усть-Альминского могильника // Крымский музей. 1995–1996 гг. Симферополь: Таврия, 1996. С. 36–38.
- Пуздровский А.Е. Этногеография и этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Археология Крыма. 1997. № 2. С. 75–83. (Сигнальн. экз.).
- Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 203–222.
- Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Херсонесский сборник. Вып. X. 1999а. С. 208–225.
- Пуздровский А.Е. К вопросу об этнокультурных связях Крымской Скифии с Центральной Азией и Китаем в I–II вв. н. э. // Пантикопей–Боспор–Керчь – 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. Керчь, 2000. С. 102–108.

Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.:Б.и., 2001. С. 122–140.

Пуздровский А.Е. Погребальный обряд знати I–II вв. н. э. Усть-Альминского некрополя в Крыму // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Вып. II. Севастополь-Краков, 2001а. С. 170–177.

Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 2001б. № 3. С. 86–118.

Пуздровский А.Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Часть 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001в. С. 212–217.

Пуздровский А.Е. Грунтовый склеп рубежа н. э. из окрестностей Неаполя Скифского // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002. С. 162–172.

Пуздровский А.Е. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002а. С. 105–115.

Пуздровский А.Е. Склеп раннеримского времени из округи Неаполя Скифского // ХС. 2003. Вып. XII. С. 124–139.

Пуздровский А.Е. К вопросу о хронологии и этнокультурной принадлежности погребений с ожерельями с подвесками в виде бабочек // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 298–305.

Пуздровский А.Е. П.Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004а. С. 55–57.

Пуздровский А.Е. Клинковое оружие Крымской Скифии I–III вв. н. э. // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 315–322.

Пуздровский А.Е. Погребение с фибулой-брошью с изображением женского божества из Усть-Альминского некрополя // БИ. Вып. VII. 2005а. С. 288–298.

Пуздровский А.Е. Скифское городище Кермен-Кыр // МАИЭТ. Сборник научных статей к 70-летию В.Н. Даниленко. Симферополь, 2007 (в печати).

Пуздровский А.Е., Гумашьян С.В., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Работы Симферопольской экспедиции в 1991 году // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк: Надстир'я, 1993. С. 103, 104.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // АИК 1994 г. Симферополь: СОНAT, 1997. С. 228–231.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Погребения сарматской знати I в. н. э. на Усть-Альминском некрополе (по материалам раскопок 1996 г.) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997а. С. 98–100.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // ХС. 1999. Вып. X. С. 194–207.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Т. VIII. Симферополь: Б.и., 2001. С. 32–50.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 116–122.

Пуздровский А.Е., Лобода И.И. Раскопки Усть-Альминского могильника // АИК. 1993, г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 224–227.

Пуздровский А.Е., Медведев Г.В. Погребения I–II вв. н. э. из Усть-Альминского некрополя // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 271–282.

Пуздровский А.Е., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Труфанов А.А. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя // АВУ 2002–2003 рр. Київ: Вид-во ІА НАНУ, 2004. С. 275–277.

Пуздровский А.Е., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Труфанов А.А. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 г. // АДУ 2003–2004 рр. Запоріжжя: «Дике Поле», 2005. С. 267–268.

- Пуздовский А.Е., Тощев Г.Н.* Курган у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т.ІХ. Запоріжжя: Б.и., 2001. С. 149–159.
- Пуздовский А.Е., Уженцев В.Б.* Новые памятники эпохи поздней бронзы–раннего железного века в Симферополе // Археология Крыма. 1997. № 2. С. 27–35. (Сигнальн. экз.).
- Пузикова А.И.* Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969. С. 41–81.
- Пузікова А.І.* Вуздечкові набори з Воронезьких курганів // Археологія. 1980. № 35. С. 38–52.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. – 199 с.
- Пшеницына М.Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 224–235.
- Пятышева Н.В.* Ювелирные изделия Херсонеса. IV в. до н. э. – IV в. н. э. Тр. ГИМ. Вып. 18. М., 1956. – 84 с.
- Пятышева Н.В.* Скифы и Херсонес // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 249–263.
- Радочин В.Ю., Бассалыго О.А.* Антропологический материал из Тавельского кургана № 5 // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь: Б.и., 2004. С. 144–152.
- Раев Б. А.* Металлические сосуды кургана «Хохлач» (Материалы к хронологии больших курганов сарматского времени в Нижнем Подонье) // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 89–94.
- Раев Б. А.* Сарматское погребение из кургана у х. Арпачин // СА. 1979. № 1. С. 260–262.
- Раев Б.А., Науменко С.А.* Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 151–160, 183–187.
- Раев Б.А., Яценко С.А.* О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 111–125.
- Раевский Д.С.* Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ. 1965–1966 гг. М., 1970. С. 91–105.
- Раевский Д.С.* Скифы и сарматы в Неаполе // ПСА. МИА. 1971. № 177. С. 143–151.
- Раевский Д.С.* Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского (По материалам некрополя) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971а. – 16 с.
- Раевский Д.С.* Позднескифская семья по археологическим данным // СЭ. 1971б. № 2. С. 60–68.
- Раевский Д.С.* К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э. – II в. н. э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 110–120.
- Раевский Д.С.* Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102–107.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. – 215 с.
- Редина Е.Ф.* Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТД. Запорожье, 1989. С. 133–134.
- Редина Е.Ф., Симоненко А.В.* «Клад» конца II–I вв. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 78–96.
- Репников Н.И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в Крыму в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 99–126.
- Рикман Э.А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. – 335 с.
- Романовская М.А.* Аланская погребение из Ставрополья // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 77–80.
- Ростовцев М.И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб. (Пг.): Изд-во Императорской Археологической комиссии, 1913–1914. – 537 с. Атлас – 112 илл.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. – 621 с.

- Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России // ВДИ. 1990. № 2. С. 192–196.
- Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5. СПб., 1993. С. 57–75.
- Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. ПАВ. № 5. СПб., 1993а. С. 39–56.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., 120 табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с., 128 табл.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д3–9. – 52 с., илл.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962а. – 205 с. (73 табл.).
- Русєєва А.С. Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н. е. // Археологія. 1995. № 4. С. 24–37.
- Русєєва А.С. Боспорская царица Камасария // БИ. Вып. II. Симферополь, 2002. С. 109–124.
- Рутківська Л.М. Могильник первих століть нашої ери у с. Піщане в Криму (З матеріалів кафедри археології Київського університету) // Вісник Київського університету. 1967. № 8. Вып. 1. С. 80–86.
- Рыжова Л.А. Стеклянные канфары из собрания Херсонесского заповедника // ХС. 2003. Вып. XII. С. 151–165.
- Савеля О.Я. Разведки в окрестностях Севастополя // АО 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 201–202.
- Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 235–238.
- Савеля О.Я., Савеля Д. О. Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского-ранневизантийского времени // Византия и Крым. ТД международной конф. Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Симферополь, 1997. С. 72.
- Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 16–21.
- Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: Наука, 1986. – 248 с.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М.: Наука, 1996. – 348 с.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. – 271 с.
- Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 159 с.
- Сарианиди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. № 1. С. 72–83.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. М.: Наука, 1989. – 239 с.
- Секерская Н.М. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978. С. 164–173.
- Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. 1956. Т. XXVI. С. 204–226.
- Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – 396 с.
- Сергацков И.В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 107–116.
- Сидоренко В.А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2004. С. 59–70.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Силантьева Л.Ф. Терракоты Пантикопея // Терракотовые статуэтки. Пантикопей. САИ. 1974. Вып. Г1–11. Часть III. С. 5–37.
- Симоненко А.В. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977. С. 221–230.
- Симоненко А.В. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979. С. 51–55.

- Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка., 1981. С. 52–69.
- Симоненко А.В. О скифских налобниках // Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982. С. 237–245.
- Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984. С. 129–147.
- Симоненко А.В. Сарматские памятники Таврии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТД. Ч.ІІ. Херсон, 1990. С. 27–29.
- Симоненко О.В. Роксолани (попытка археологических відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28.
- Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наук. думка, 1993. – 142 с.
- Симоненко О.В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія // Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1999. – 35 с.
- Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999а. № 1. С. 106–118.
- Симоненко А.В. Китайские и «бактрийские» зеркала у сарматов Северного Причерноморья // Музейні читання. Київ: ТОВ «ІІІ Лтд», 2000. С. 136–144.
- Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. № 4. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2001. С. 92–106.
- Симоненко А. В. О датировке и происхождении драгоценностей из погребений сарматской знати I – начала II в. н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001а. С. 190–194.
- Симоненко А.В. Михайловские «рюмки» // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002. С. 132–136.
- Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С.134–173.
- Симоненко А.В. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 255–260.
- Симоненко А.В. Стекло миллефиори в сарматских погребениях // Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 137–152.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наук. думка, 1991. – 110 с.
- Скорый С.А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982. С. 231–236.
- Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 1997. – 173 с.
- Скряжинская М.В. Костюм ольвіополітів елліністичної доби // Археологія. 1990. № 4. С. 29–42.
- Скряжинская М.В. Из истории античных ювелирных украшений // РА. 1994. № 1. С.18–25.
- Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А.А. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского университета 1984. –149 с.
- Скрипкин А.С. Два погребения раннего железного века из Прикубанья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984а. С. 218–224.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории. ТД. Азов, 1988. С. 118–132.
- Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172–181.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 299 с.

- Скрипкин А.С. Об уточнении хронологии сарматской культуры // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. С. 3–24.
- Скрипкин А.С. Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина «На рубеже эр» (Санкт-Петербург, 1994) // Stratum + ПАВ. СПб. – Кишинев, 1997. С. 116–119.
- Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 17–33.
- Скрипкин А.С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. № 2. С. 128–134.
- Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. № 4. С. 285–287.
- Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 113–125.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. –379 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 73–81.
- Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосуды азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 166–179.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. – 175 с.
- Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 74–89.
- Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы М.: Наука, 1978. С. 56–64.
- Смирнов К.Ф. О мечах и кинжалах скифо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 38–45.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. – 182 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 165–177.
- Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // АП. 1963. Т. XIII. С. 124–159.
- Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 123–169.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. Г1-17. М., 1969. – 189 с.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных городах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178. – 286 с.
- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. – 127 с. Сокровища сарматских вождей. Букл. Волгоград, 2000.
- Сон Н.А., Сорочан С.Б. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1988. С. 115–133.
- Соломоник Э.И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // АИБ. Т. I. Симферополь: Крымиздат, 1952. С. 103–128.
- Соломоник Э.И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. Т. 28. С. 308–316.
- Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР. 1959 – 178 с.
- Соломоник Е.И. Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП. 1962. Т. IX. С. 158–168.
- Соломоник Э.И. Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ. 1963. Вып. III. С. 10–15.
- Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1964. – 194 с.
- Соломоник Э.И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Дионисия о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53–63.
- Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 80–95.
- Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения // СА. 1956. Вып. XXVI. С. 97–117.

- Сорокин С.С.* Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Сорокина Н.П.* Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107.
- Сорокина Н.П.* Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 1977. № 3. С. 115–144.
- Сорокина Н.П.* Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978. С. 267–274.
- Сорокина Н.П.* Краснолаковое блюдо с граффити из Кеп // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. М.: Б.и., 1998. С. 94–97.
- Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю.* Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея // СА. 1983. № 4. С. 142–151.
- Стевен А.Х.* Раскопки курганов близ Симферополя летом 1890 г. // ИТУАК. 1891. № 11. С. 148–152.
- Степанов П.Д.* Южные связи Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. // Древности Восточной Европы. М: Наука, 1969. С. 221–227.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М.: Наука, 1989. – 464 с.
- Столба В.Ф.* Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6. С. 56–61.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (препринт). Ч. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев, 1990. – 40 с.
- Супруненко А.Б.* Курганы Нижнего Поворскля. Москва–Полтава, 1994. – 104 с.
- Супруненко А.Б.* Археологія в діяльності першого приватного музею України. Київ–Полтава: Археологія, 2000. – 392 с.
- Сымонович Э.А.* Фибулы Неаполя Скифского // СА. 1963. № 4. С. 139–151.
- Сымонович Э.А.* Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму // КСОГАМ за 1961 г. Одесса: Маяк, 1963а. С. 32–40.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка, 1983. – 172 с.
- Сымонович Э.А., Голенко К.В.* Монеты из некрополя Неаполя Скифского // СА. 1960. № 1. С. 265–268.
- Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. – 240 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976. – 223 с.
- Ткачук М.Е.* Гетика. Культурогенез и культурная трансформация в Карпато-Дунайских землях в VI–II вв. до н. э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Ткачук М.Е.* Гетика, которую мы потеряли (Из антологии хронологических разрывов) // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999. № 3. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 274–304.
- Трейстер М.Ю.* Итальянские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. 1991. № 1. С. 90–103.
- Трейстер М.Ю.* Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.
- Трейстер М.Ю.* Еще раз об ожерельях с подвесками в виде бабочек I в. н. э. из Северного Причерноморья // ПАВ. 1993. № 4. С. 87–95.
- Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантике // ВДИ. 1993а. № 2. С. 50–74.
- Трейстер М.Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиса из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.
- Трейстер М.Ю.* К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 68–80.
- Трейстер М.Ю.* О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // ВДИ. 2000. № 1. С. 182–202.
- Трейстер М.Ю.* Сарматские воины Фарнака Боспорского (К вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 322–330.

- Троицкая Т.Н. Скифские курганы в Крыму // ИКОГО. 1951. Вып. 1. С. 85–112.
- Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 174–191.
- Труфанов О.А. Пізньоскіфський могильник біля с. Брянське у Південно-Західному Криму // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ: ВПЦ «Київський університет», 1996. С. 165–167.
- Труфанов А.А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (По материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 181–192.
- Труфанов А.А. К вопросу о периодизации культуры поздних скифов Крыма // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997а. С. 269–274.
- Труфанов А.А. Погребальные сооружения позднескифского могильника у с. Брянское // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997б. С. 14–15.
- Труфанов А.А. Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // ХС. 1998. Вып. IX. С. 141–145.
- Труфанов А.А. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя // ХС. 1999. Вып. X. С. 226–231.
- Труфанов А.А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфным окончанием (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 71–77.
- Труфанов А.А. Погребения III в. н. э. из могильника у с. Курское // Сугдея. Сурож. Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Киев, 2002. С. 253–255.
- Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.
- Труфанов А.А. Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004а. С. 135–138.
- Труфанов А.А. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // ХС. 2005. Вып. XIV. С. 315–326.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Могильник III–IV вв. н. э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. I. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 186–189.
- Труфанов А.А., Пуздровский А.Е., Медведев Г.В. Охранно-археологические раскопки у с. Холмовка в Юго-Западном Крыму // АВУ 2002–2003 рр. Київ: Вид-во ІА НАНУ, 2004. С. 314–316.
- Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н. э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 241–251.
- Туровский Е.Я. К вопросу о датировке IOSPE I², № 403 // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркаск, 1993. С. 37–43.
- Туровский Е.Я. Раскопки скифского могильника римского времени у с. Вишневое // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 118–120.
- Уженцев В.Б. Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н. э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 310–314.
- Уженцев В.Б. Калос Лимен в I в. до н. э. – начале II в. н. э. (Общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М.: Б.и., 2001. С. 156–166.
- Уженцев В.Б. Калос Лімен в I ст. до н. е. – II ст. н. е. // Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002. – 20 с.
- Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.). Симферополь: СОННАТ, 2006. – 248 с.
- Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Керамический комплекс III в. н. э. из Неаполя Скифского // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. Вип. VII. С. 264–280.

Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III – первой половины IV в. как источнике по этнической истории региона (к постановке проблемы) // ХС. 1998. Вып. IX. С. 146–158.

Фіалко О.Є. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. 1996. № 4. С. 94–100.

Федоров-Давыдов Г.А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2. С. 235–238.

Филиппенко А.А., Алексеенко Н.А. Клад римских денариев из Балаклавы // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Долихена. Варшава. 2000.

Фурманська А.І. Курган біля с. Долини // Археологічні пам'ятки УРСР. 1960, Т. VIII. С. 136–140.

Хазанов А.М. Скифские коллективные погребения в Крыму // Сборник студенческих докл. на V Всесоюзной археологической конференции. М., 1960. С. 28–36.

Хазанов А.М. Генезис сарматских зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Хазанов А.М. Сарматские мечи с кольцевым навершием // СА. 1967. № 2. С. 169–180.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. – 171 с.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. – 343 с.

Хазанов А.М., Черненко Є.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. 1979. № 30. С. 18–27.

Харко Л.П. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946–1950 и 1957 гг. // МИА. 1961. № 96. С. 214–222.

Храпунов И.Н. Поздние скифы на Днепре и в Крыму // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. – 22 с.

Храпунов И.Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. Т.І. Симферополь: Таврия, 1990. С. 167–169.

Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь: Таврия, 1991. С. 3–34.

Храпунов И.М. До соціально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 86–92.

Храпунов И.Н. Погребение III в. н. э. из могильника Дружное// МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь: Таврия, 1994. С. 529–544.

Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.

Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Universitetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. – 313 с.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. Вып. III. Симферополь, 2003. С. 329–350.

Храпунов И.М. Етнічна історія Криму у добу раннього заліза // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Київ, 2003а.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Вып. VI. Симферополь–Керчь, 2004. – 239 с.

Храпунов И.Н., Власов В.П., Мульд С.А., Стоянова А.А. Новые исследования могильников римского времени в Центральном Крыму // АВУ 2002–2003 рр. Київ: Вид-во ІА НАНУ, 2004. С. 335–337.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum + ПАВ. СПб., Кишинев, 1997. С. 164–180.

Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. І. Симферополь, 1997. С. 76–155.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 8–14.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катаомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. Москва–Магнитогорск, 2004. С. 239–269.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Трупосожжение римского времени из могильника Опушки // ХС. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 341–345.

- Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. II. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 105–168.
- Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма Булганакского городища // Древности. Харьков: АО «Бизнес Информ», 1997. С. 102–110.
- Храпунов И.Н., Храпунова Л.Н., Таратухина Е.Е.* Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 271–289.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. – 267 с.
- Цвек О.В.* Могильник скіфського і сарматського часу на Керченському півострові // Археологія. 1968. № 21. С. 199–205.
- Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. № 19. С. 63–86.
- Цветаева Г.А.* Сокровища причерноморских курганов. М.: Наука, 1968. – 126 с.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968. – 191 с.
- Черненко Е.В., Пуздровский А.Е.* Северо-восточный участок вырубных склепов Неаполя Скифского // У Понта Евксинского. Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 108–118.
- Черняков И.Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977. С. 29–36.
- Чореф М.Я.* Два новых рельефа сарматского круга // СА. 1975. № 1. С. 260–264.
- Чореф М.Я.* Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея // СА. 1985. № 2. С. 239–242.
- Чореф М.Я.* Терракота из с. Заветное // КСИА. 1985а. № 182. С. 58–60.
- Чореф М.Я., Шульц П.Н.* Новый рельеф сарматского круга // СА. 1972. № 1. С. 260–264. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.: Внешторгиздат, 1987. – 188 с.
- Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98. – 95 с.
- Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. – 350 с.
- Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1975. – 166 с.
- Шелов Д.Б.* Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 57–69.
- Шепко Л.Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. Т. I. С. 323–523.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. – 207 с.
- Шульц П.Н.* О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3. С. 252–254.
- Шульц П.Н.* Евпаторийский район 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 265–267.
- Шульц П.Н.* Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 44–57.
- Шульц П.Н.* Тавро-Скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. Симферополь: Крымиздат, 1946а. № 2. С. 97–116.
- Шульц П.Н.* Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 16–21.
- Шульц П.Н.* Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945–1946 гг.) // Памятники искусства. 1947а. Бюллетень ГМИИ. Вып. 2. С. 21–30.
- Шульц П.Н.* Тавро-Скифская экспедиция (1945–1946 гг.) // ИАН. 1947б. Т. 4. Вып. 3. С. 275–292.
- Шульц П.Н.* Работы Тавро-Скифской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 56–66.
- Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. – 88 с.
- Шульц П.Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // ИАДК. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 62–93.

- Шульц П.Н. Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ. 1963. Вып. III. С. 3–10.
- Шульц П.Н. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 278–286.
- Шульц П.Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке // ЗОАО. 1967. Т. 2. С. 196–201.
- Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М.: Наука, 1967а. С. 225–237.
- Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177. С. 127–143.
- Шульц П.Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 218–231.
- Шульц П.Н. История исследований Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. С. 11–35.
- Щеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция в 1962–1963 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 140–147.
- Щеглов А.Н. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146–157.
- Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332–342.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. – 157 с.
- Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1988. С. 29–40.
- Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии. Вып. IV. СПб., 1998. С. 141–153.
- Щеглов А.Н. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы. Хазары. Славяне. Русь. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998а. С. 66–70.
- Щеглов А.Н., Рогов Е.Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. ТД. Парутино, 1985. С. 86–88.
- Щепинский А.А. Археологические разведки в долине реки Салгира // ИКОГО. Вып. 3. Симферополь, 1954. С. 81–96.
- Щепинский А.А. Крымская охранно-археологическая экспедиция // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 249–250.
- Щепинський А.О. Кримська охоронно-археологічна експедиція 1969 року // АДУ 1969 р. Вип. IV. Київ, 1972. С. 36–39.
- Щепинский А.А. К истории сарматов в Северном Причерноморье // ТД XIV Межд. конф. античников социалистических стран. Ереван, 1976. С. 525–526.
- Щепинський А.О. Скарби сарматської знаті // Вісник АН УРСР. № 10. Київ, 1977. С. 75–76.
- Щепинский А.А. Красные пещеры: Долгоруковская яйла. Симферополь: Таврия, 1987. – 112 с.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Исследования в Северном Крыму // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 179–183.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969. – 328 с.
- Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 28–32.
- Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С. 70–83.
- Щукин М.Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир. Материалы 2-го арх. семин. Новочеркасск, 1989а. С. 31–35.
- Щукин М.Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. 1989б. № 3. С. 61–70.

- Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко-археологических сопоставлений) // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 90–106.
- Щукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 103–124.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб: Фарн, 1994. – 323 с.
- Щукин М.Б. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени и сарматской археологии // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 228–237.
- Щукин М.Б. Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004а. С. 261–276.
- Щукин М.Б. Готский путь. СПб: Изд-во филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – 573 с.
- Щукин М.Б. Зубовско-воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал // Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Расва. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 172–181.
- Щукин М.Б., Еременко В.Е. К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // АСГЭ. Вып. 34. М., 1999. С. 134–160.
- Эрлих В.Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 77–99.
- Эрнст Н.Л. Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя // ИТОИАЭ. 1929. Т. III. С. 188–190.
- Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за десять лет (1921–1930) // ИТОИАЭ. 1931. Т. IV. С. 72–92.
- Юрочкин В.Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 2. С. 125–137.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХС. 2003. Вып. XII. С. 199–225.
- Яковенко Е.В. Про кулясті курильниці IV–I с. до н. е. // Археологія. 1971. № 2. С. 87–93.
- Яковенко Е.В. Скифи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974. – 148 с.
- Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970. С. 136–180.
- Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 251–255.
- Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь, 2000. С. 3–28.
- Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 31–38.
- Яценко И.В. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена // Новое в археологии. М.: Наука, 1972. С. 69–78.
- Яценко И.В. Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестник МГУ. 1978. Серия 8. История. № 6. С. 57–73.
- Яценко И.В. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974–1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983. С. 46–66.
- Яценко И.В. Зооморфная ручка с городища Чайка в окрестностях Евпатории // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 256–259.

- Яценко И.В., Маслов С.Г. Раскопки некрополя у дер. Заозерное близ Евпатории // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 408.
- Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. № 186. С. 14–20.
- Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н. э. (локализация и политическая история) // ПАВ. № 6. СПб., 1993. С. 83–88.
- Яценко С.А. Центральноазиатские и среднеазиатские тенденции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993а. Ч. II. С. 75–84.
- Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum + ПАВ. СПб., Кишинев, 1997. С. 154–163.
- Яценко С.А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // Stratum plus. № 4. Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. С. 251–272.
- Яценко С.А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. // НАВ. 2000а. Вып. 3. С. 172–185.
- Яценко С.А., Раев Б.А. Плиты со скоплениями сарматских знаков из Танаиса в собрании Новочеркасского музея // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Ч. II. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 222–230.
- Ящуржинский Х.П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. № 7. С. 44–56.
- Beglova E.A. The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground // ACSS. 2005. Vol. 11. No. 1–2. P. 41–84.
- Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow // Studia archaeologia. 94. Roma: «L'ERMA» di BRETSCHNEIDER, 1998. – 296 p.
- Eggers H.J. Der Römische Import in Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. I. Hamburg, 1951. – 212 s.
- Ettlinger E. Die Römischen Fibeln in der Schweiz. Bern, 1973.
- Feugere M. Les Fibules en Gaule Meridionale de la conquete à la fin du V s. Ap. J.–C. // Revue Archeologique de Narbonnaise. Suppl. 12. Paris, 1985.
- Grace V.R., Savvatianou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration archeologique de Delos. Fasc. XXVIII. Paris, 1970. P. 277–381.
- Hayes J.W. Roman pottery from the South Stoa at Corinth // Hesperia. 1973. Nr. 42. P. 416–470.
- Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Basino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985. P. 1–96.
- The Hun tomb Nr. 1 at Mavangtui, Changsha. Hunan Province, China. Heibonsha, 1976.
- Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia antiqua. Berlin, 2002. Bd. 8. S. 295–346.
- Mordvintseva V.I., Zaytsev Yu.P. The bronze patrinx for ornaments from the Ust-Alma necropolis (Crimea, Northern Black Sea Region) // I bronzi antichi: Produzione e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi antichi. Montagnac, 2002. P. 174–181.
- Mordvinseva V., Treister M. Zum Verhaltnis «griechischer» und «barbarischer» Elemente in den Bestattungen der Eliten im nordlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr.–2. Jh.n. Chr. (in print).
- Nuber H.U. Kanne und Griffschalle. Ihr Gebrauch im täglichen Leben und die Beigabe in Grabern der Römischen Kaiserzeit // Berichte der Römisch-Germanischen Komission. 1973. Nr. 54. S. 1–232.
- Posta B. Archaologische Studien auf russischem Boden. Budapest–Leipzig. Bd. II. 1905.
- Puzdrovskij A. E. A Tomb of Early Roman Period from the Region of Scythian Neapolis // ACSS. 2005. Vol. 11. No. 1–2. P. 85–105.
- Puzdrovskij A. E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'- Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia antiqua. Berlin, 2004. Bd. 10. S. 229–267.

- Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // Offa-Bücher. Bd. 13. 1957.
- Raev B.* Les «Blechkannes» de province et leurs prototypes italiques // Annales de l'Université Jean Moulin. Lettres Actes du IV-e Colloque International sur les bronzes antiques. Lyon, 1976. S. 155–162.
- Raev B.* Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. International Series. No 278. Oxford, 1986. – 135 p.
- Riha E.* Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1979.
- Riha E.* Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // Forschungen in Augst. Band 18. Augst, 1994.
- Shchukin M.B.* Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. Ist cent. B.C. – Ist cent. A.D. // BAR. Internanional Series. No 542 (I-II). Oxford, 1989.
- Simonenko A. V.* Eine sarmatische Bestattung vom Südlichen Bug // Eurasia antiqua. Mainz, 1997. Bd. 3. S. 389–407.
- Simonenko A. V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nordischen Schwarzmeergebiet // Eurasia antiqua. Berlin, 2001. Bd. 7. S. 187–327.
- Tassinari S.* Il vasellame Bronzeo di Pompei. Catalogi 5. Roma, 1993.
- Treister M. Yu.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collections, on Burials in Kosika and Once More on the «Ampsalakos School» // ACSS. 2005. Vol. 11. No. 3–4. P. 199–255.
- Ulbert G.* Die Römischen Donau-Kastelle Aislingen und Bürghöfe. Berlin, 1959.
- Zaytsev Yu.P.* Imported Lamps and Candelabra from Ust-Alma necropolis (Crimea, Ukraine) // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. BAR. Inernational Series. No 1019. Oxford. 2002. P. 41–60.

СПИСОК АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

- Ачкнази И.В.* Отчет о работе Крымской постоянной охранно-археологической экспедиции в 1988 г. Симферополь, 1989 г. // НА ИА НАНУ. Ф. Е 23022. 1988/40. – 18 с.
- Гаврилов А.В.* Отчет о раскопках курганов в Кировском районе Автономной Республики Крым в 1995 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1995. Инв. 3/378. – 10 с.
- Дашевская О.Д.* Отчет о раскопках кургана у с. Мазанка Симферопольского р-на в 1949 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1949.
- Домбровский О.И.* «Саркофаг царицы» из мавзолея Неаполя Скифского Симферополь, 1950 // НА КФ ИА НАНУ. 1950. Инв. № 43.
- Забелина В.С.* Дневник раскопок кургана 1949 г. на Неаполе Скифском в 1956 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1956 г.
- Иванов Л.И.* Дневник охранных раскопок позднескифского кургана с коллективным погребением близ дер. Маленькая Симферопольского р-на. 1957 год. // НА КФ ИА НАНУ. 1957. Инв. А. № 31/31.
- Катюшин Е.А.* Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии отрядом Феодосийского краеведческого музея в 1978 г. // НА ИА НАНУ. 1978/57. № 8847.
- Катюшин Е.А.* Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии в 1979 г. // НА ИА НАНУ. 1979/40. № 9265.
- Катюшин Е.А.* Отчет о раскопках отряда Феодосийского краеведческого музея в окрестностях г. Феодосии (с. Южное) в 1981 г. // НА ИА НАНУ. 1981/75.
- Колотухин В.А.* Отчет о раскопках в зоне строительства Самарлинского водохранилища Крымской АЭС и в Горном Крыму в 1980 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1980/10 з. – 38 с.
- Кулаковский Ю.А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1895 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Дело АК. 1895. № 90. – 24 с.
- Кулаковский Ю.А.* Отчет проф. Юлиана Кулаковского о раскопках, пооизведенных в 1897 г. в пределах Симферопольского уезда // НА ИИМК РАН. Ф.1. 1897. № 88. – 13 с.
- Махнева О.А.* Отчет о раскопках на пригородной территории Неаполя Скифского в 1979 г. // НА ИА НАНУ. 1979/8д. № 9177. – 19 с.
- Махнева О.А.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1984 г. // НА ИА НАНУ. 1984/5. № 21177. – 105 с.
- Неневоля И.И., Волошинов А.А.* Отчет об охранных раскопках могильника первых веков н. э. у с. Долинное Бахчисарайского района в 1997 г. // НА БГИКЗ.
- Неневоля И.И., Волошинов А.А.* Отчет об археологических исследованиях в Бахчисарайском районе в 1999 г. // НА БГИКЗ. 1999.
- Неневоля И.И., Волошинов А.А., Зайцев Ю.П.* Отчет об археологических исследованиях в Бахчисарайском районе в 2000 г. // НА БГИКЗ. 2000.
- Орлов К.К.* Отчет о раскопках участка восточного некрополя Неаполя Скифского в 1978 г. // НА ИА НАНУ. 1978/13 з. № 8742. – 13 с.
- Печенкин Н.М.* Отчет о раскопках, произведенных летом 1903 г. на Северной стороне г. Севастополя и на реке Бельбек // НА ИИМК РАН. 1903. Ф. 1. Д. 109. – 33 с.
- Печенкин Н.М.* Отчет о раскопках кургана на Северной стороне г. Севастополя // НА ИИМК РАН. 1904. Ф. 1. Д. 161. – 24 с.
- Печенкин Н.М.* Отчет о работах, проводимых в 1905 г. по доследованию большого кургана на Северной стороне г. Севастополя близ Братского кладбища // НА ИИМК РАН. 1905а. Ф. 1. Д. 145. – 28 с.
- Погребова Н.Н.* Отчет о разведке по рекам Салгиру и Зуе в 1950 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1950.

Пуздовский А.Е. Отчет об охранных раскопках позднескифского могильника у с. Дмитрово в 1987 г. // НА ИА НАНУ. 1987/158. – 20 с.

Пуздовский А.Е. Отчет о работах Симферопольской экспедиции в 1989 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1989а.

Пуздовский А.Е., Зайцев Ю.П., Меньшикова М.Л. Китайская шкатулка в комплексе I в. н. э. из Усть-Альминского могильника. Доклад на конф. «Великий шелковый путь на рубеже тысячелетий». Судак, сентябрь 1997.

Пуздовский А.Е., Медведев Г.В. Отчет об охранных раскопках могильника Капак-Таш в 2002 г. // НА КФ ИА НАНУ. 2002. – 15 с.

Пуздовский А.Е., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Труфанов А.А. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 2005 г. // НА КФ ИА НАНУ. 2005а.

Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма // Дисс. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1954. – 270 с.

Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма // НА ИИМК РАН. 1940. Ф. 10. Д. № 9

Симоненко А.В. Военное дело населения Степного Причерноморья в III в. до н. э. – III в. н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1986. – 300 с. // НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 669.

Черненко Е.В. Отчет о раскопках вырубных склепов № 42–45 некрополя Неаполя Скифского в 1958–1959 гг. // НА КФ ИА НАНУ. 1959/5. – 20 с.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1963 г. // НА ИА НАНУ. 1963/5а. № 7471, 7472. – 74 с.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАНУ. 1974/18а. № 8362, 8365. – 78 с.

Щепинский А. А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии УССР в 1975 г. // НА ИА НАНУ. 1975.

Щепинский А. А. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии УССР в 1979 г. // НА ИА НАНУ. 1979.

Чореф М.Я. Отчет об охранных археологических работах на территории Бахчисарайского р-на Крымской области в 1970 г. // Архив БГИКЗ. Р. 1. № 165.

Эрнст Н.Л. Отчет об археологических раскопках курганов в окрестностях г. Симферополя, производившихся Крымохрисом и ЦМТ летом 1924 г. // НА ИИМК РАН. 1924. Ф. 2. Д. 109. – 10 с.

Эрнст Н.Л. Раскопки в Крыму в 1926 г. // НА ИИМК РАН. 1926. Ф. I. Д. 94. – 28 с.

Эрнст Н.Л. Отчет о разведках погребальных склепов скифского городища Неаполь у Симферополя 2–6 октября 1927 г. // НА ИИМК РАН. 1927. Ф. 2. Оп. 1. № 146.

Эрнст Н.Л. Отчет об исследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у колхоза Нейзац 13–15 июля 1927 года // НА ИИМК РАН. 1927а. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках у десрсвни Топчи-Кой // НА ИИМК РАН. 1927б. Ф. 2. Оп. 1. Д. 146.

Эрнст Н.Л. Предварительный отчет о разведках на городище Сарайлы-Кият в Симферополе в октябре 1929 г. // НА ИИМК РАН. 1930. Ф. 2. Д. 143. – 29 с.

Эрнст Н.Л. Раскопки курганов в Джанкойском районе // НА ИИМК РАН. 1931а. Ф. I. Д. 792. – 20 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	Археологічні відкриття в Україні
АДУ	Археологічні дослідження в Україні
АИБ	Археология и история Боспора
АИК	Археологические исследования в Крыму
АИУ	Археологические исследования на Украине.
АИЮВЕ	Археологические исследования на юге Восточной Европы
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
АО	Археологические открытия
АП	Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИКЗ	Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БИ	Боспорские исследования
БИАМ	Бахчисарайский историко-архитектурный музей
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВЛГУ	Вестник Ленинградского государственного университета
ВССА	Вопросы скифо-сарматской археологии
ГИМ	Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств. Москва.
ГХИАЗ	Государств. Херсонесский историко-археологический заповедник
ИАДК	История и археология древнего Крыма
ИАК	Известия Археологической Комиссии
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИКОГО	Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КРКМ	Крымский республиканский краеведческий музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии НАНУ
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАИЭТ	Материалы по археологии истории и этнографии Таврии
МАУ	Матеріали з антропології України
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭИК	Материалы к этнической истории Крыма
НАВ	Нижневолжский археологический вестник
НЗХТ	Национальный заповедник Херсонес Таврический
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ПАВ	Петербургский археологический вестник
ПАК	Проблемы античной культуры
ПИАСХ	Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса
ПИК	Проблемы истории Крыма
ПСА	Проблемы скифской археологии.
РА	Российская археология
РАН	Российская академия наук
РК АРК ОКН	Республиканский комитет АРК по охране культурного наследия
СА	Советская археология

САИ	Свод археологических источников
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СХМ	Сообщения Херсонесского музея
СЭ	Советская этнография
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТД	Тезисы докладов
ТДС	Тезисы докладов и сообщений
ТНУ	Таврический национальный университет
ХС	Херсонесский сборник
ЮНЦ	Южный научный центр
ACSS	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
BAR	British Archaeological Reports.
IOSPE, I ²	Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Картосхема погребальных памятников на территории Крымской Скифии конца II в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э.

Рис. 2. Картосхема погребальных памятников, пещерных комплексов, находок стел и монет на территории Крымской Скифии втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э.

Рис. 3. Картосхема погребальных памятников, пещерных комплексов, находок стел и монет сер. III – начала IV в. н. э. в Юго-Западном, Центральном Крыму и на ЮБК (западная часть).

Условные обозначения к рис. 1–3: *а* – города, городища; *б* – грунтовые могильники; *в* – подкурганные погребения; *г* – находки стел, рельефов, баз; *ð* – находки монет, монетные клады; *е* – пещерные комплексы.

1 – Рисовое; 2 – Чкалово; 3 – Шейхлар (Заливное); 4 – Червоное («Ногайчинский курган»); 5 – Чотты (совхоз «Победа», Жемчужина); 6 – Кринички; 7 – Кульчук (Громово); 8 – Беляус (Знаменское); 9 – Южный Донузлав; 9_а – Поповка; 9_б – Штормовое (Фрунзенка); 10 – Калос Лимен (Черноморское); 11 – Джан-Баба (Марьино); 12 «Чайка» (Заозерное); 13 – Керкинитида (Евпатория); 14 – курганы в бывшем имении С. Крыма (к северу от г. Симферополя); 15 – курганы в бывш. имении Талаевой (Грушевое, Фруктовое, Кара-Кият); 16 – курганы в бывш. имении Пастака (Мирное, Сарайлы-Кият); 17 – курганы в бывш. имении Черкеса (к северу от г. Симферополя); 18 – курган у городища Кермен-Кыр (Мирное, совхоз «Красный», Сарайлы-Кият); 18_а – Кермен-Кыр (грунтовый могильник); 18_б – антропоморфное надгробие на городище (1924 г.); 18_в – рельеф на кургане к западу от пригорода «Украинка» (1942 г.); 19 – Маленькое (Маленькая); 20 – Бахчи-Эли (г. Симферополь); 21 – Мазанка (курган); 21_а – рельеф; 22 – Барабаново (Барабановка); 23 – Цветочное; 24 – Зеленогорское; 25 – Симферопольский курган (1890 г.); 26 – Неаполь Скифский (Керменчик, г. Симферополь); 27 – Константиновка; 28 – Партизанское (Саблы), курган; 28_а – грунтовый склеп; 29 – Тавель (Краснолесье); 30 – Вилино (ПОХ «Магарак»), курган 1, 1985 г.; 30_а – Вилино (Рассадное), грунтовый склеп (ПОХ «Магарак»), 1985 г.; 30_б – Вилино (Рассадное), антропоморфное надгробие на городище (1990 г.); 31 – Долинное (Топчикой), грунтовый могильник; 31_а – монетный клад; 32 – Бахчисарай, курган (1896 г.), 32_а – Асма-Кую (стела); 33 – курган в колхозе им. Ильича (1953 г.); 34 – курган в колхозе «Коминтерн» (1952 г.); 35 – курган в бывшем имении Ревелиоти (Долинное); 36 – Мамай-Оба (Любимовка, совхоз им. Перовской); 37 – Северная сторона, Братское кладбище; 38 – Заветное (Алма-Кермен); 39 – Скалистое II; 40 – Скалистое III; 41 – Рамазан-Сала; 42 – Озерное III; 43 – Мангуш (Прохладное); 44 – курганы Железнодорожное (Сирень); 45 – Усть-Качинский, грунтовый могильник, 45_а – надгробие (1910 г.); 46 – Вишневое; 47 – Малодворное (Красная Заря, Чоткана, «Казак мазарлык»), падгробие, 1916 г.; 48 – Тепистое (Калымтай); 49 – Тургеневка (Тиберти); 50 – Усть-Бельбекский (Бельбек-Тамак, экономия Фон-Гротте); 51 – Бельбек I; 52 – Бельбек II (Холмовка, Заланкой); Бельбек III (Верхнесадовое); 54 – А(в)джикой (Охотничье); 55 – Биюк-Каралез (Красный Мак); 56 – Танковое; 57 – Бельбек IV; 58 – Северная сторона. Панайотова балка; 59 – Инкерманский; 60 – Чернореченский; 61 – Балаклава (Кефали Вриси), 61_а – Кадыковка (монетный клад); 62 – Дружное (Джафар-Берды), 63 – Заречное; 64 – Ени-Сала; 65 – Перевальное (Кучук-Япкой); 66 – Кизил-Коба (Краснопещерное); 67 – Чатырдагский; 68 – Ай-Тодор; 69 – Дмитрово; 70 – Зуйский (Литвиненково); 71 – Нейзац (Красногорское); 72 – Капак-Таш (Петрово); 73 – Ак-Кая; 74 – Мичуринское; 75 – Грэсовский; 76 – Битак (г. Симферополь); 77 – Чокурча (Луговое, г. Симферополь); 77_а – монетный клад; 78 – Змеиная (пещера); 79 – Усть-Альма (Песчаное); 80 – Соловьевка (Атальк-Эли); 81 – Отважное; 82 – Кара-Тобе (Прибрежное); 83 – Беш-Оба; 84 – Сары-Кая; 85 – Кольчугино; 86 – Чистенькое (Чистенькая); 87 – Левадки; 88 – Фонтаны (Ягмурцы); 89 – Льговское; 90 – Емельяновка;

91 – Советский; 92 – Яркое Поле; 93 – Опушки; 94 – Караби-Яйла (Бай-Су); 95 – Ай-Никола; 96 – Курское; 97 – Казан-Таш; 98 – бывш. имение Шталя; 99 – совхоз «Севастопольский» (№ 10); 100 – Холмовка; 101 – Тас-Тепе (Тенистое); 102 – Суворово (Аранчи); 103 – Эски-Эли (Вишневое); 104 – Красная Заря (Ак-Шеих); 105 – Брянское (Биюк-Яшлав); 106 – Балта-Чокрак (Алешино); 107 – Источное; 108 – Орловское; 109 – Китай (несуществ.); 110 – Новокленово (Уч-Коз); 111 – Алексеевка; 112 – Предущельное; 113 – Арабатская стрелка; 114 – Прибрежное (монетный клад); 114а – Сакская пересыпь (монеты); 115 – Евпатория (находки монет); 116 – Дорожное (Бий-Эли, Биэль); 117 – Килен-Балка; 118 – Биюк-Янышар (Южное); 119 – Албатская пещера (Куйбышево).

Рис. 4. Классификация катакомб (Ольховский, 1991, табл. II).

Рис. 5. Катакомбы II в. до н. э. – I в. н. э.: 1, 4, 5 – Беляус (склеп 1, 13, 11); 2, 6 – Усть-Альма; 3 – Неаполь Скифский (скл. 37).

Рис. 6. Неаполь Скифский. Мавзолей. Погребения 1–2 ярусов (Погребова, 1961, рис. 1).

Рис. 7. Усть-Альма. Подбойная могила 469. I – план и разрез; II – план погребения в подбое 1: 1 – кувшин краснолаковый; 2 – тарелка буролаковая; 3 – кость животного; 4 – нож железный; 5 – гвозди железные; 6 – бусы; 7 – серьги серебряные; 8 – бусы; 9 – раковина морская; 10 – перстень бронзовый; 11, 12 – бусы; 13 – чашка краснолаковая; 14 – бальзамарий (флакон) краснолаковый; 15 – комок серы; III – план погребения в подбое 2: 1 – кувшин краснолаковый; 2 – нож железный; 3 – гвозди железные; 4 – кольцо бронзовое; 5 – гривна бронзовая; 6 – осколки кремня (35 шт.); 7 – наконечник стрелы бронзовый; 8 – бусы; 9 – фибула бронзовая; 10 – кольцо с выступами бронзовое; 11 – накладка ажурная бронзовая; 12 – комок серы; 13 – бусы; 14 – курильница лепная (с отверстиями).

Рис. 8. Склеп близ с. Льговское (Катюшин, 1993, рис. 1): 1 – план; 2 – покровная плита; 3 – разрез по А-А'; 4 – разрез по Б-Б'; 5 – фас северной стены; 6 – фас восточной стены.

Рис. 9. Курганный могильник у с. Отважное (Катюшин, 1996, рис. 1; 8): I – курган № 2 (план и разрезы склепа); II – курган № 3 (планы и разрез склепа).

Рис. 10. Кульчукский могильник (Дашевская, 1978; Дашевская, Голенцов, 1982). I (1–18) – находки из земляной катакомбы конца IV – начала III в. до н. э.; II (1–20) – находки из кургана.

Рис. 11. Керкинитида. Каменный склеп (раскопки 1977 г.): 1–24 – находки II–I вв. до н. э. (Михлин, Бирюков, 1983).

Рис. 12. Беляус. Грунтовый могильник. Склеп 114 (Дашевская, 1980): I (1–17) – находки из катакомбы конца IV – начала III в. до н. э.; II (1–10) – находки из катакомбы II–I вв. до н. э.

Рис. 13. Беляусский могильник. Диагностирующие находки (Михлин, 1980; Дашевская, Михлин, 1983; Дашевская, 1991): I (1–15) – склеп 1; II (1–3) – 5; III (1–5) – 38.

Рис. 14. Беляусский могильник. Диагностирующие находки: I (1–13) – склеп 90; II (1–6) – 168.

Рис. 15. Беляусский могильник. Диагностирующие находки: I (1–6) – склеп 156; II (1–7) – 117; III (1–8) – 110.

Рис. 16. Беляусский могильник. Диагностирующие находки: I (1–7) – склеп 34; II (1–4) – 31; III (1–3) – 61; IV (1, 2) – 170.

Рис. 17. Беляусский могильник. Диагностирующие находки: I (1–4) – склеп 39; II (1–5) – 40; III (1, 2) – 50; IV (1–3) – 53.

Рис. 18. Беляусский могильник. Диагностирующие находки: I (1–5) – склеп 12; II (1, 2) – 21; III (1, 2) – 138; IV (1–5) – 10; V (1, 2) – 86; VI (1–3) – 16; VII (1, 2) – 17.

Рис. 19. Беляус. Диагностирующие находки. Грунтовый могильник: I (1, 2) – склеп 2; II (1, 2) – 101; III (1, 2) – 113. Каменные склепы: IV (1–4) – склеп 1; V (1, 2) – 3; VI (1–4) – 4.

Рис. 20. Неаполь Скифский. Мавзолей. Каменная гробница (погребение 37): предметы вооружения, экипировки (1–11, 13–25) и конской узды (12). (Зайцев, 2003).

Рис. 21. Неаполь Скифский. Мавзолей. Каменная гробница. Диагностирующие находки (1–36) (Зайцев, 2003).

Рис. 22. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений (Шульц, 1953; Погребова 1961; Зайцев, 2003): I (1–13) – деревянный ящик I; II (1–21) – III.

Рис. 23. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений: I (1–21) – деревянный ящик II; II (1–15) – XIX.

Рис. 24. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений: I (1–16) – деревянный ящик X; II (1–7) – XI; III (1–8) – XII; IV (1–24) – VII и XIII.

Рис. 25. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений: I (1–5) – деревянный ящик XXV, погребение 41; II (1–3) – XXIV, 20; III – XXI, 2; IV (1–7) – XXXVIII, 19; V (1–6) – XV, 69 и 74; VI (1–3) – XXXII, 16.

Рис. 26. Неаполь Скифский. Восточный некрополь (Сымонович, 1983): I (1–21) – склеп 4; II (1–7) – 8; III (1–8) – 54.

Рис. 27. Неаполь Скифский. Восточный некрополь: I (1–13) – склеп 39; II (1–11) – 38; III (1–11) – 45.

Рис. 28. Неаполь Скифский. Восточный некрополь: I (1–7) – склеп 57; II (1, 2) – 29; III (1–17) – 67; IV (1–6) – 71.

Рис. 29. Неаполь Скифский. Восточный некрополь: I (1, 2) – склеп 74; II (1–4) – 23; III (1–8) – 17; IV (1–6) – 62; V (1, 2) – 81; VI (1–3) – 49; VII (1–6) – 27.

Рис. 30. Неаполь Скифский. Восточный некрополь. Могила 57 (раскопки О.А. Махневой, 1982 г.). Планы, разрез (1, 2), находки (3–12) (Зайцев, 2003).

Рис. 31. Неаполь Скифский. Восточный некрополь. Могила 21 (Сымонович, 1983; Зайцев, 2003). Планы (1, 2), находки (3–11).

Рис. 32. Битакский могильник. Склеп 1979 г. (Колтухов, Пуздровский, 1983). План, разрез (1), находки (2–26).

Рис. 33. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–19) – склеп 95; II (1–7) – склеп 99.

Рис. 34. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–26) – склеп 97.

Рис. 35. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–20) – склеп 104, погребения ярусов 3–4; II (1–9) – склеп 104, погребения ярусов 1–2.

Рис. 36. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–9) – склеп 105 (5 – фибула по: [Зайцев, Мордвинцева, 2003]); II (1–4) – 106.

Рис. 37. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–23) – склеп 106; II (1–8) – 170.

Рис. 38. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Диагностирующие находки: I (1–13) – склеп 124 (9 – фибула по: [Зайцев, Мордвинцева, 2003]); II (1–12) – склеп 125.

Рис. 39. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155: I – план, разрез; II – план погребений I яруса; III – план погребений II яруса; IV – план погребений III яруса.

Рис. 40. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155. Найдены из погребений I яруса (1–12).

Рис. 41. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155. Найдены из погребений I яруса (1–9).

Рис. 42. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155. Найдены из погребений II яруса (1–12).

Рис. 43. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155. Найдены из погребений II–III ярусов (1–6) и III яруса (7–18).

Рис. 44. Тавельские курганы. Найдены из раскопок Ю.А. Кулаковского в 1897 г. (Троицкая, 1957; Дащевская, 1991; Труфанов, 2004): 1–21.

Рис. 45. Тавельские курганы. Найдены из раскопок Ю.А. Кулаковского в 1897 г. (Труфанов, 2004): 1–20.

Рис. 46. Найдены из подкурганных погребений Центрального Крыма: I (1–3) – курган Черкеса (Троицкая, 1957; Дащевская, 1991); II – разрушенное погребение у с. Барабаново (Троицкая, 1957); III (1–8) – курган у с. Саблы (Партизанское) (Журавлев, Фирсов, 2001).

Рис. 47. Курган у с. Маленькое (раскопки Л.И. Иванова, 1957 г.). Найдены из каменного склепа: 1–8.

Рис. 48. I. Курган у с. Яркое Поле (раскопки А.В. Гаврилова, 1995 г.): план, разрез (1), находки (2–7). II. Курган у с. Маленькое. Впускное погребение, перекрытое плитами: план (1), находки (2,3, 5). 4 – ножка амфоры из насыпи кургана.

Рис. 49. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской, 1967 г.) [Высотская, 1968]. Находки из впускных грунтовых склепов: 1–8.

Рис. 50. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской 1967 г.) [Высотская, 1968]. Находки из впускных грунтовых склепов: 1–11.

Рис. 51. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской 1967 г.) [Высотская, 1968]. Находки из впускных грунтовых склепов: 1–16.

Рис. 52. Капак-Таш. Курган 1. Каменный ящик № 3 (раскопки В.А. Колотухина, 1980 г.). Диагностирующие находки: 1–19.

Рис. 53. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). План и разрез.

Рис. 54. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–11.

Рис. 55. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–18.

Рис. 56. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–35.

Рис. 57. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390. Находки из яруса I (верхнего): 1–29. По материалам отчета 1993 г.

Рис. 58. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390. Находки из яруса II (среднего): 1–43. По материалам отчета 1993 г.

Рис. 59. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390. Находки из яруса III (нижнего): 1–49. По материалам отчета 1993 г.

Рис. 60. Ногайчинский курган. План и разрезы погребения № 18 (I–III), деревянный столбик, обернутый серебряным листом (IV) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 3].

Рис. 61. Ногайчинский курган. Ювелирные изделия (1–24) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 5, 9, 12, 15].

Рис. 62. Ногайчинский курган. Ювелирные изделия (1–6) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 6, 9].

Рис. 63. Ногайчинский курган. Серебряные сосуды (1–3) и ложки (4, 5) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 11, 12].

Рис. 64. Ногайчинский курган. Погребальный инвентарь (1–9) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 12, 13, 14].

Рис. 65. Курган у с. Цветочное (раскопки И.В. Ачкинази, 1988 г.). I – план грунтового склепа, разрез, II (1–38) находки. [Пуздровский, Тощев, 2001].

Рис. 66. Типология погребальных сооружений Юго-Западного и Центрального Крыма первых вв. н. э. Грунтовые могилы (ямы): простые (2), заполненные камнем (1) и с послойной засыпкой камнем и грунтом (3). Грунтовые могилы, перекрытые плитами (4), с заплечиками и каменным перекрытием (4). Плитовые могилы (6, 9). Подбойные могилы (7, 8, 10, 11). Грунтовые склепы (12, 13).

Рис. 67. Типология вырубных и грунтовых склепов III–IV вв. н. э. Неаполь Скифский: 1, 2 – вырубные склепы № 2 и 4; 3 – земляной склеп № 1 (41) 1949 г.; 4 – грунтовый склеп № 16 1947 г. Инкерманский могильник: грунтовые склепы (5, 6).

Рис. 68. Неаполь Скифский. Вырубные склепы № 42–45 (раскопки Е.В. Черненко, 1958–1959 гг.). Планы, разрезы (1–4). [Черненко, Пуздровский, 2004].

Рис. 69. Усть-Альминский некрополь. Подбойная могила 580. Планы, разрезы, находки. 1 – канфар краснолаковый; 2 – кувшин гончарный; 3 – бусы; 4, 5 – фибулы бронзовые; 6 – перстень бронзовый; 7 – браслет бронзовый, 7а – бусы; 8 – браслет бронзовый; 9 – бусы; 10 – фибула бронзовая; 11 – бусы; 12 – чашка лепная; 13 – шило железное; 14 – листок золотой фольги; 15 – серьги бронзовые; 16 – бусы; 17 – отпечаток деревянной шкатулки (орнамент выполнен синей краской).

Рис. 70. Усть-Альма. Склеп 590. I – план входной ямы и камеры, II – разрез, III – план погребений яруса 6.

Рис. 71. Усть-Альма. Склеп 520. I – план входной ямы и камеры, II – разрез, III – план погребений яруса 10.

Рис. 72. Усть-Альма. Склепы 550 и 551. I – план входной ямы и камер; II – разрез, III – план погребений яруса 9.

Рис. 73. Усть-Альма. Склеп 612. 1 – план входной ямы и камеры, разрезы; 2 – план погребений I–III: 1 – курильница лепная цилиндрической формы; 2 – курильница лепная полусферической формы с отверстиями в тулове; 3 – плошка лепная; 4 – железный нож; 5 – кувшин краснолаковый; 6 – кость животного; 7 – золотой кулон со вставкой из ископаемой раковины; 8 – бронзовая фибула; 9 – серебряная пряжка; 10 – железный меч; 11 – железные наконечники стрел с остатками древков (колчанный набор); 12 – бронзовое зеркало с остатками деревянного футляра; 13 – стеклянная пластика с изображением Гарпократа; 14 – листочки золотой фольги от венка; 15 – золотая серьга с тремя рядами напаянных колечек; 16 – золотые лицевые пластины (нагубник и наглазники); 17 – расшивка ворота платья (золотые бляшки и пронизи, нити золотого шитья), 17a – ожерелье из бисера (гагат, золото); 18 – бронзовая фибула; 19, 20 – обшивка обшлагов бусами (штарь, сердолик, гагат), золотыми бляшками и подвесками; 21 – нити золотого шитья; 22 – бронзовый ковш с ручкой; 23 – деревянная шкатулка с лаковой росписью; 24 – гончарный флакон; 25 – раздавленный серебряный килик; 26 – краснолаковая чашка; 27 – золотая серьга; 28 – меловая бусина; 29 – амулет (кость) в золотой оправе; 30 – золотая пластина с эмалевой вставкой, 31 – серебряная пряжка; 32 – золотой браслет; 33 – железный меч; 34 – янтарные пронизи (украшения ножен); 35–37 – бронзовые детали креплений портупеи и колчана; 38 – бронзовая проволочная оплетка древка стрелы; 39 – железные наконечники стрел (колчанный набор) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Рис. 74. Усть-Альма. Склеп 620. 1 – план входной ямы и камеры, разрезы; 2 – план погребений I–II. Инвентарь в привходовой части камеры: 1 – лепная курильница полусферической формы, с отверстиями в тулове; 2 – обломки венчика лепной курильницы; 3 – кость животного; 4 – железный нож; 5 – песчаниковая плита; 6 – бронзовая патера; 7 – бронзовая ойнохоя; 8 – железный канделябр; 9 – светильник ладьевидной формы [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Рис. 75. Усть-Альма. Склеп 720. I – план входной ямы и камеры, разрезы; II – план погребения: 1 – лепной светильник на ножке; 2 – отпечаток раскрашенного деревянного сосуда (пиала); 3, 3a – остатки деревянного шеста; 4 – краснолаковая амфора; 5 – песчаниковая плита; 6 – лепная курильница с углами; 7 – кость животного и железный нож; 8 – бронзовая тарелка; 9 – бронзовый ковш; 10 – остатки лаковой шкатулки с росписью; 11 – стеклянный флакон; 12 – алебастровый сосуд; 13 – краснолаковая чашка; 14 – обрубок можжевельника; 15 – серебряная туалетная ложечка; 16 – бронзовое зеркало в деревянном футляре; 17 – золотая серьга; 18 – ожерелье из сердоликовых, янтарных, хрустальных, гагатовых и стеклянных бусин; 19 – расшивка ворота платья (золотые бляшки и пронизи); 20–23 – расшивка обшлагов (сердолик, золотые бляшки); 24 – бронзовый браслет с нанизанными на нем бусами из бронзы и гагата; 25 – золотой браслет; 26 – золотой перстень с геммой на стеклянной вставке; 27 – фаянсовый бисер (расшивка обуви); 28 – золотые бляшки (расшивка обуви) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004].

Рис. 76. Усть-Альма. Склеп 735. I – план входной ямы и камеры, разрезы; II – план камеры с погребением, IIa – план верхней части погребения: 1 – светлоглиняная амфора; 2 – краснолаковый светильник; 3 – гончарный кувшин; 4 – кость животного и железный нож; 5 – серебряный канфар; 6 – кусок мела; 7 – бронзовое зеркало; 8 – морская раковина; 9 – костяная пиксида с румянами; 10 – две железные иглы; 11 – золотая гривна; 12 – золотые серьги; 13 – золотые бляшки; 14 – бронзовая фибула; 15 – серебряный браслет; 16 – золотой полый цилиндр (амулетница); 17 – золотой спиральный перстень; 18 – золотые медальоны; 19 – золотой браслет; 20 – золотой перстень с гранатовой вставкой; 21 – крупные бусы из сердолика и янтаря; 22 – золотая подвеска в форме ведерка; 23 – фаянсовый бисер; 24 – бронзовый ковш; 25 – бронзовый колокольчик. [Puzdrovskij, Zajcev, 2004].

Рис. 77. Усть-Альма. Могила 700. I – план входной ямы и камеры, разрез; II – план погребения: 1 – колокольчики бронзовые; 2 – стержень деревянный с росписью; 3 – нити золотого шитья; 4 – бронзовое кольцо с выступами; 5 – стержень деревянный; 6 – браслет бронзовый (плакированный золотом); 7 – пронизь серебряная; 8 – стержень деревянный; 9 – нож железный; 10 – кинжал железный; 11, 12 – наконечники ремней серебряные; 13, 14 – пряжки серебряные;

15 – кольцо бронзовое; 16 – амулет бронзовый ажурный (подвеска); 17 – сосуд деревянный с резными фигурами; 18 – сосуд деревянный; 19 – патера бронзовая; 20 – канделляр (?) железный; 21 – амфора светлоглиняная; 22 – подставка деревянная (под амфору?); 23 – блюдо деревянное с костью животного и остатками конской сбруи.

Рис. 78. Усть-Альма. Могила 711. I – план могилы и перекрытия, разрез; II – план погребения: 1 – кувшин краснолаковый; 2 – канфар краснолаковый; 3 – блюдо краснолаковое; 4 – нож железный; 5 – бусы бронзовые; 6 – кинжал железный; 7 – железные удила и псалии.

Рис. 79. Погребальные памятники, исследованные Н.М. Печенкиным в окрестностях г. Севастополя. I – план раскопа 1904 г. в кургане у Братского кладбища; II – план могильника Бельбек I (раскопки 1903–1904 гг.).

Рис. 80. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 701; 3 – 392; 4 – 638; 5 – 773; 6 – 673; 7 – 339; 8 – 668а; 9 – склеп 634/4; 10 – 780. **Битак:** 2 – могила 55.

Рис. 81. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 770; 2 – склеп 590; 3 – склеп 649; 4 – склеп 629; 5, 6, 7, 8 – склеп 640; 10 – могила 846. **Битак:** 9 – могила 13.

Рис. 82. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 793; 3 – 626; 4 – 623; 5 – склеп 680; 7 – могила 668а. **Битак:** 2 – могила 49; 6 – могила 19.

Рис. 83. Лепные курильницы из погребений I в. н. э. Усть-Альма: 1, 2 – склеп 730/1; 3, 4 – 730/2; 5, 6 – 612; 7, 8 – 619; 9 – 720; 10, 11 – 775/2; 12 – 590/12. **Битак:** 13 – склеп 104.

Рис. 84. Лепные курильницы из погребений I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 853; 2, 3 – 649; 4 – 703; 5 – 820; 6 – 782; 7 – 650; 8 – могила 615.

Рис. 85. Лепные курильницы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 720; 2 – могила 595; 3 – склеп 650; 4 – могила 542; 5 – склеп 628; 6 – 730/2; 7 – 616; 9 – 782; 11 – 348. **Битак:** 8 – могила 147/1; 10 – 143.

Рис. 86. Предметы вооружения из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 690; 2 – могила 719; 3 – 711; 4 – 858; 5 – 826а; 6 – 794; 7 – 848.

Рис. 87. Мечи и кинжалы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 777/2; 2 – 777/1; 4 – из отвала грабительских раскопок; 5 – могила 700; 6 – склеп 438/7; 7 – 618/2; 8 – склеп 777/1. **Битак:** 3 – могила 172.

Рис. 88. Мечи и кинжалы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612/1; 2 – 612/3; 3 – 620/2; 4 – 619/4; 5 – 619/1; 7 – 439/26; 8 – 439/20. **Битак:** 6 – могила 68.

Рис. 89. Топоры и наконечники копий из погребений I в. до н. э. – III в. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки О.А. Махневой, 1978 г.): 1 – могила 38; 4 – 21. **Битак:** 2 – могила 29; 5 – склеп 95. **Усть-Альма:** 3 – могила 631; 6 – склеп 634/2; 7 – склеп 424 А; 8 – могила 383; 9 – 381; 10 – склеп 316; 11 – могила 480; 12 – 493.

Рис. 90. Деревянные луки, железные наконечники и древки стрел из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: I – склеп 550/3–4; II – 520/34; III – 590/12; IV – 550/7–8.

Рис. 91. Детали портупейных и колчанных креплений I – начала II в. н. э. Усть-Альма: I (1–8), II (1–5) – склеп 620/2; III (1–6) – 612/3; IV – 730/1; V – могила 848.

Рис. 92. Наконечники стрел архаизирующих типов (амулеты), единичные экземпляры и небольшие комплекты I–II вв. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (1978 г.): 1 – могила 43; 11 – склеп 9. **Битак:** 2 – могила 160; 13–15 – 120; 21 – 138/1. **Усть-Альма:** 3 – могила 384; 4 – 404; 5 – склеп 450/5; 6 – могила 764; 7 – склеп 777/7; 8 – 844; 9 – могила 432; 10 – склеп 616; 12 – 777/4; 16–20 – 316; 22 – 348/58; 23 – 449/14; 24, 25 – могила 332; 26а–в, 27 – 433; 28, 29 – склеп 449/5; 30 – 520/34; 31а–в – 650; 32, 33 – 557; 34 – могила 547; 35 – 736; 36 – 737. 1–9, 11–бронза; 10, 12–36 – железо.

Рис. 93. Колчанные наборы железных черешковых трехлопастных стрел (1–6, 8–10) и бронзовая оплетка древка стрелы (7) из комплексов I в. н. э. Усть-Альмы: 1–5, 7 – склеп 612/3; 6 – 777/1; 8 – 620/2; 9 – 616; 10 – 730/1.

Рис. 94. Наборы железных черешковых трехлопастных стрел из комплексов I – начала II в. н. э. Усть-Альмы: 1–22 – склеп 730/1; 23, 24 – 616; 25–27 – 620/2; 28–62 – 715.

Рис. 95. Бронзовые и железные пряжки, детали портупейных креплений из комплексов I в. до н. э. – II в. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки 1978 и 1982 гг.): 1 – могила 40; 2 – склеп 39; 3–5, 7 – склеп 41; 6 – склеп 30; 8, 9 – склеп 39; 10 – могила 57. **Битак:** 11 – могила 120; 13 – 55. **Усть-Альма:** 12 – склеп 390; 14 – 348/18; 15 – могила 469/2; 16 – 466; 17 – 384. **Капак-Таш (раскопки 2002 г.):** 18–20. 1–7, 12–17 – бронза; 8–11, 18–20 – железо.

Рис. 96. Поясные пряжки (1, 3, 4, 6–14), наконечники ремней (2, 5), шпора (15) из комплексов I в. н. э. Усть-Альма: 1, 2 – склеп 620/2; 3 – 612/1; 4, 5 – 777/3; 6 – 550/21; 7 – 424a; 8 – 550/34–35; 9 – могила 352; 10 – склеп 640/18; 11 – 590/19; 12 – 449/5; 13 – 550/13; 14 – 734; 15 – 777/5. 1, 2 – золото, стеклянная паста; 3–5 – серебро; 6, 9, 12, 15 – железо; 7, 8, 10, 11, 13, 14 – бронза.

Рис. 97. Поясные пряжки из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: I – склеп 650/; 2 – 640/21; 3 – 450/4; 4 – 650/7; 5 – 650/3; 6–9 – 316; 10 – 642'; 11 – 439/5; 12 – могила 515; 13 – склеп 705, засыпь; 14 – могила 591; 15 – склеп 605; 17 – могила 555; 18 – 785; 19 – 383. 1–3, 6–9, 13, 14, 16–19 – бронза; 4, 5, 10, 15 – железо; 11 – бронзовая, с железным язычком.

Рис. 98. Поясная гарнитура из комплексов II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1, 2, 5, 6 – склеп 438/7; 3, 4, 8, 9 – 438/9; 7 – 438/10–11; 10, 11 – могила 552; 12–17 – 700; 18–21 – 848. **Битак:** 22 – могила 17/1. 1–11, 16, 17, 22 – бронза; 12–15 – серебро; 18–21 – железо.

Рис. 99. Бронзовая поясная гарнитура из комплексов конца II – перв. пол. III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 364/1; 2 – склеп 649/3; 3 – могила 762; 4 – склеп 649/3; 5, 19, 20, 21 – могила 679; 6, 7 – склеп 824/1; 9–15 – могила 631; 17, 18 – склеп 630, верхний ярус; 19–21 – могила 679; 22–25 – могила 649/2. **Битак:** 8 – могила 109; 16 – могила 146/1.

Рис. 100. Двусоставные удила со стержневидными псалиями (тип 3). Усть-Альма: I – склеп 690/1 (**вариант В**); II – могила 711 (**вариант Б**); III – конская могила № 3 1993 г. (**вариант А**).

Рис. 101. Двусоставные кольчатые удила (тип 1). Усть-Альма: I – склеп 620/2; III – 557. **Битак:** II – могила 54; IV – 94; V – 122. VI – Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, табл. 74, 16–18]. **Вариант А:** II, V, VI. **Вариант Б:** I, IV.

Рис. 102. Двусоставные кольчатые удила (тип 1). **Битак:** I – могила 114. Усть-Альма: II – конская могила № 1 1997 г.; III – склеп 619/1; IV – 557. **Вариант В:** I, II. **Вариант Г:** III, IV.

Рис. 103. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями (тип 2, вариант А) и детали упряжи. Усть-Альма: I – склеп 717; II – 316; III – конская могила № 2 1997 г.; IV – склеп 570.

Рис. 104. Двусоставные удила с псалиями в виде фигурных стержней и детали сбруи. Усть-Альма: I – склеп 777/7 (тип 3 В); II – конская могила № 3 1997 г. (тип 4 В); III – конская могила № 11 1996 г. (тип 4 Б).

Рис. 105. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями (тип 2) и детали сбруи Усть-Альма: II – склеп 799; III – 715. **Битак:** I – могила 172. I, II – вариант Б; III – вариант В.

Рис. 106. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями (тип 2, вариант В), детали сбруи и поясная гарнитура. Усть-Альма: I – могила 700; III (1–7) – склеп 830; IV (1–4) – могила 793. **Битак:** II – могила 120.

Рис. 107. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями и псалиями с умбоновидными дисками. Усть-Альма: I – склеп 830; II, III – 805; IV – конская могила № 12 1996 г.; V – склеп 850. I, II – тип 2 В; III–V – тип 4 А.

Рис. 108. Предметы погребального инвентаря из скальной могилы («аланского военачальника») Неаполя Скифского [Зайцев, 2003, рис. 118, 119]: I – железные удила с умбоновидными окончаниями псалиев; II – бронзовая фибула и браслет из сопровождающего захоронения; III – удила с колесовидными псалиями и детали сбруи; IV – железный кинжал.

Рис. 109. Золотые листочки венка (1) и диадемы (3), типы золотых нашивных бляшек и пронизей (4–16), лицевые пластины (2), бронзовые (17–20) и железный (21) перстни с геммами (17–23). Усть-Альма: 1–3 – склеп 806; 4–6 – 438/4; 7–9 – 649/3; 10–12 – 424 Б / 5; 13–16 – 736; 17–19 – могила 823; 20 – склеп 550/21; 21 – 550/34; 22 – 649/4; 23 – 782.

Рис. 110. Украшения и предметы из золота (2–15, 18–20, 23–25) и серебра (1, 16, 17, 21, 22). Усть-Альма. Склеп 603: 1 – ручка ковша; 2–4, 8–15, 19, 23–25 – бляшки, пронизи; 5, 6 – фигурки парящих Эротов; 7 – медальон со вставкой-кабошоном из аметиста; 16–17 – фигурки орла и лося, скрепленные кольцами и цепочкой (ручки сосуда); 18 – подвеска в виде сдвоенных «ведерок»; 20 – листочек фольги от венка или диадемы; 21, 22 – шары, заполненные свинцом и соединенные с квадратными пластинами штифтами.

Рис. 111. Украшения из золота (1–9, 12–15) и серебра (11). Усть-Альма: 1, 11–15 – склеп 620/2; 2–10 – 735. 1, 7, 15 – бляшки и пронизи; 2 – гривна; 3, 12 – серьги; 4, 14 – медальоны; 5 – «амулетница»; 6, 9 – перстни; 10, 13 – подвески в виде «ведерок»; 8, 11 – браслеты. Примечания: 5 – с эмалевыми вставками; 14 – со вставкой-кабошоном из халцедона.

Рис. 112. Украшения из золота (1–3, 6–8), сердолика (5), стекла (4). Усть-Альма. Склеп 620/1: 1, 8 – листочки и пластины головного убора; 4, 5 – бусы ожерелья; 6 – конические подвески ожерелья; 7 – крестообразные нашивные бляшки (гнезда заполнены эмалью и стеклом) – украшение воротника.

Рис. 113. Украшения из золота (1–5, 8, 9), бронзы (6), сердолика (7). Усть-Альма. Склеп 620/1: 1 – серьги с серебряными стержнями для крепления цепочек и стеклянными вставками в гнездах; 2, 3 – ажурные бляшки квадратной формы и пронизи – украшение воротника; 4 – браслет; 5, 6 – перстни; 7 – бусы (расшивка рукавов); 8, 9 – бляшки (расшивка рукавов). **Примечание:** 6 – со вставкой из горного хрусталя с геммой.

Рис. 114. Усть-Альма. Склеп 720. Украшения: 1 – бусы ожерелья (1.1–1.2 – гагат; 1.4–1.7 – стекло; 1.8–1.9 – горный хрусталь; 1.10, 1.13, 1.14 – сердолик; 1.11, 1.12, 1.15 – янтарь); 2 – золотой перстень со стеклянной вставкой-геммой; 3, 4 – пронизи и бляшки (украшения воротника); 5 – бронзовый браслет; 6 – бусы (бронза – в центре, гагат); 7 – золотой браслет; 8 – золотая серьга; 9, 10 – золотые бляшки (украшения рукавов); 11 – сердоликовые бусы (16 и 15 шт.) – украшения рукавов; 12 – золотые бляшки (украшения обуви).

Рис. 115. Усть-Альма. Склеп 775/1. Украшения: 1 – детали замка ожерелья (золото); 2 – золотые пронизи-подвески; 3 – агатовые бусы; 4, 5 – золотые подвески; 6 – серьги (золото, сердолик); 7–9 – золотые бляшки (расшивка воротника); 10 – золотые бляшки (украшение подола платья).

Рис. 116. Усть-Альма. Склеп 775/2. Украшения из золота. 1 – серьги с гранатовыми вставками; 2 – серьга; 3 – браслеты; 4 – перстень с гранатовой вставкой-геммой; 5–7 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 8, 9 – бляшки (расшивка рукавов).

Рис. 117. Усть-Альма. Склеп 820. Украшения из золота. 1, 2 – серьги со стеклянными вставками (зеленого и лилового цвета) в гнездах каплевидной и круглой формы; 3 – перстень с гранатовой вставкой-геммой, 3а – изображение женского бюста вправо; 4 – перстень с гранатовой вставкой-геммой, 4а – изображение бюста юноши вправо; 5 – колье с медальонами со вставками из стекла (лилового цвета – в центре, зеленого – по краям) 6 – фибула-брошь с тисненым изображением Афродиты и Эротов на щитке (основа и игольный аппарат из бронзы); 7 – ожерелье из агатов; 8 – «ведерковидная» подвеска; 9–11 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 12, 13 – бляшки (украшения рукавов).

Рис. 118. Усть-Альма. Склеп 853. Украшения из золота. 1, 2 – серьги с гранатовыми вставками в круглых гнездах; 3 – подвеска (деталь составного ожерелья) со вставкой из яшмы; 4, 5 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 6, 7 – бляшки (украшения рукавов).

Рис. 119. Украшения из золота. Усть-Альма: 1–9, 14–19 – 612/2; 10–12 – 612/3; 13 – 612/1. 1 – листья венка; 2, 8, 9 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 3, 4 – наглазники; 5 – нагубник; 6 – серьга; 7 – ожерелье из бисера; 10 – зооморфная (?) пластина с пастовой вставкой; 11 – серьга; 12 – амулет в виде фрагмента кости (фаланга?), обернутый в золото, со сквозным отверстием; 13 – амулет-подвеска в виде кулона со вставкой из коралла или ископаемой раковины.

Рис. 120. Бронзовые бляшки от налобных повязок из погребений II–III вв. н. э. Битак: 1 – могила 40; 4, 6 – 47/1; 5 – 63/1. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой, 1978 г.):** 2, 3 – склеп 20. **Перевальное:** 7 – могила 15 а; 8 – 17 а; 9 – склеп 18; 10–13 – могила 176.

Рис. 121. Золотые украшения. Усть-Альма: I, IV – склеп 777/3; II – 777/1; III – 777/2; V – 777/5. I – ажурная пластина (украшение пояса или подола верхней одежды); II–V – комплекты лицевых пластин.

Рис. 122. Золотые украшения. Усть-Альма. Склеп 777: I – погребение 1; II – 2; III, IIIа – 3; IV – 5; V – 4. I–V – листья погребальных венков; IIIа – пластина с погрудным изображением женского божества.

Рис. 123. Бронзовые гривны из комплексов I–III вв. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки О.А. Махневой, 1983 г.): 1 – могила 69. **Усть-Альма:** 2 – могила 511; 2 – склеп 640/21–22; 3 – могила 614; 4 – 548; 6 – 523.

Рис. 124. Бронзовые гривны из комплексов I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 424Б/12; 2 – 640/13; 3 – могила 760/1; 4 – 760/2; 6 – 749а; 7 – 826а/1. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой, 1978 г.):** 5 – могила 16.

Рис. 125. Бронзовые гривны (1, 3, 5) и браслеты (2, 4, 6–10) из комплексов II–III вв. н. э. Усть-Альма: 7 – могила 631, 8 – 700; 9 – склеп 649/3. **Перевальное:** 1, 2, 4 – могила 156; 3, 6 – 176; 5 – 22а. **Битак:** могила 139.

Рис. 126. Бронзовые (1–7, 9, 21, 25–27) и золотые (8, 10–20, 24) украшения из комплексов I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 631; 2 – склеп 590/11; 4 – 424 Б/12; 5 – 680/6; 8 – 619/3; 9 – могила 698; 10 – склеп 772; 11 – 520/31; 12, 18 – могила 745/2; 13 – склеп 424 Б/5; 14 – могила 745/1; 15 – склеп 618/2; 16 – 618/3; 17 – 619/3; 19 – могила 749 а; 20, 22 – склеп 316; 23 – могила 765; 24 – 823; 25 – могила 825. **Перевальное:** 3, 6, 7, 26, 27 – могила 15 б. 1–11 – лунницы; 12, 23 – подвески; 13–21 – серьги; 22, 24–27 – перстни.

Рис. 127. Бронзовые зеркала из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: I – склеп 775/1; 2 – 775/2; 3 – 316; 4 – 619/3; 5 – 520/27–28; 6 – 348/5; 7 – 148/58; 8 – 634/4; 9 – 820; 10 – могила 607; 11 – склеп 830.

Рис. 128. Бронзовые зеркала из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 520/42; 4 – 424 Б/3; 5 – 520/40; 6 – 520/31; 7 – 440/6; 8, 19 – 316; 9 – могила 404; 10, 18 – 606; 11 – склеп 438/4; 12 – могила 651; 13 – склеп 520/15; 14 – 550/1; 16, 17 – 424 А. **Битак:** 2 – могила 87/1; 3 – 51; 15 – 140.

Рис. 129. Бронзовые орнаментированные зеркала с боковой ручкой из комплексов II–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 520/18; 2 – 520/17; 3 – 424 Б/5; 4 – могила 568; 6 – 847; 7 – склеп 640/4–5; 8 – 439/16–17; 10 – могила 566/2; 15 – 656/2. **Битак:** 5 – могила 132; 9 – 17/1; 11 – 150/2; 12 – 30; 13 – 13; 14 – 71; 16 – 157; 17 – 56; 18 – 32/2; 19 – 19; 20 – 176/1.

Рис. 130. Бронзовые орнаментированные зеркала с боковой ручкой из комплексов II–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 640/3; 2 – 830; 3 – могила 592; 4 – 623; 5 – склеп 520/2; 6 – 520/14; 7 – могила 600; 9 – 542; 11 – 564; 12 – склеп 424 Б/3; 14 – могила 574; 15 – склеп 550/2; 16 – 424 А; 17 – могила 565; 18 – 506. **Битак:** 8 – могила 160 (?); 10 – 130; 13 – 88; 19 – 160/1; 20 – 140.

Рис. 131. Бронзовые и железные детали шкатулок I–III вв. н. э. Битак: 1 – могила 150/2; 5 – 176/2; 7 – 1/2. **Усть-Альма:** 2 – склеп 649/3; 3 – 640/19; 4 – 619/5; 6 – 634/3; 8 – 640/19; 9 – 640/3.

Рис. 132. Усть-Альма. Склеп 620/1. Китайская лаковая шкатулка (реконструкция Ю.П. Зайцева) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Рис. 133. Туалетные ложечки (1–11), пиксиды (12–15), туалетные флаконы (16, 18, 19) из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 550/17; 2 – 348/58; 3 – 316; 4 – 348/39; 5 – могила 648; 6 – склеп 438/4; 7 – 439/20; 8 – 720; 9 – 640/19; 10 – 449/4; 11 – 520/31; 12 – 619/3; 13–15, 17 – 620/1; 16 – 520/40; 18 – 440/9–10; 19 – 844. 1–11, 16, 18 – серебро; 12–14 – кость; 15 – дерево, бронзовый гвоздик, серебряная накладка; 17 – смола в футляре из бересты (?); 19 – агат. **Содержимое флаконов:** 13 – кусочки розовой краски (румяна); 14 – комочки белой краски (белила); 15 – обструганные деревянные стерженьки; 18 – мелкий речной песок.

Рис. 134. Деревянные предметы. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.): 1, 2 – склеп 520/24; 3 – 520/27–28; 4 – 590/16. 1–2 – детали орнаментированной шкатулки; 3 – боковая стенка орнаментированной шкатулки; 4 – зооморфное навершие веретена.

Рис. 135. Деревянные пиксиды. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.): 1 – склеп 520/26; 2 – 520/18; 3 – 520/26; 4 – 520/ ярус IX–X; 5 – 520/27–28; 6 – 520/ ярус IX–X; 8 – 550/1–2.

Рис. 136. Деревянные пиксиды и детали веретен. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.): 1 – 550/10; 2 – 550/2; 3, 4 – 550/14; 5–7, 12 – 520/7–9; 8 – 550/1–2; 9 – 550/12; 10 – 520/26; 11, 13 – 520/16; 14 – 520/25; 15 – 520/18.

Рис. 137. Деревянные гребни и навершия веретен. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.): 1 – склеп 520/16; 2 – 520/26; 3, 6 – 520/18; 4, 7 – 550/5; 5 – 550/12; 8 – 736; 9, 10 – 520/23; 11 – 520/1; 12 – 550/2; 13 – 550/1; 14 – 520/34.

Рис. 138. Ритуальные сосуды (1, 3–6), реконструкция (Ю.П. Зайцев) деревянной пиалы (2), ритуальные ножи (7–9). Усть-Альма: 1, 3, 7 – склеп 603; 2, 4 – 720; 5 – 705; 6 – 620; 8 – 782; 9 – 775/1. 1, 4–6 – алебастр; 3 – мрамор; 7 – железо, цветное стекло; 8 – железо, кость; 9 – железо, кость, дерево.

Рис. 139. Железные канделябры, бронзовые детали, лепные светильники и курильницы из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1–3, 11, 12 – склеп 620; 4 – 612; 5 – 730/2; 6 – могила 700; 7 – склеп 616, 8–10 – 603; 13 – 619/1.

Рис. 140. Деревянные сосуды из склепа 595 Усть-Альмы (по материалам отчета 1996 г.): 1–3.

Рис. 141. Деревянные сосуды. Усть-Альма (по материалам отчетов 1995 и 1998 гг.): 1–3 – склеп 520/27–28; 4 – 550/12; 5 – 520/18; 6, 7 – могила 700.

Рис. 142. Памятники искусства. Роспись на стенах гробов (1, 2) и антропоморфные стелы. Усть-Альма: 1 – склеп 550/21–22; 2 – 450/13–14; 3 – 616; 4 – 850.

Рис. 143. Фигурные подвески из фаянса (1–10, 12, 14–27), пронизи, бусы и подвески из стекла (13, 28–43), горного хрустали (12). Усть-Альма: 1–4, 9, 10, 16–19 – могила 407/3; 5 – 609; 6 – 660; 7 – 597; 8, 15, 29 – 558; 11–13 – 636/1; 14 – 659; 20, 21 – 513; 23 – 512; 24, 32 – 597; 26 – 606; 27 – 644; 28 – 597; 30 – 520/17–18; 31а, б – склеп 440/13; 33 – могила 673; 34 – 631; 35 – склеп 640/15; 36 – 640/10–11; 37 – 559; 38, 39 – 380. **Битак:** 22 – могила 51; 25 – могила 66; 40, 41 – 87/1; 42 – 44/2; 43 – 80.

Рис. 144. Усть-Альма. Склеп 620/1. Амулеты и украшения: 1, 11 – железо; 2, 3, 20, 21, 23, 26, 27, 29, 30 – бронза; 4, 5, 8, 13, 16 – окаменелости меловые; 6 – гагат; 7, 17, 18 – морская галька; 9 – конкреция песчаниковая; 10 – фрагмент стеклянного сосуда; 12, 15 – пронизи-подвески меловые; 14 – морская галька в железной оплетке; 19 – конкреция железистая; 22 – мраморное навершие булавы (полевая зарисовка); 24, 25 – египетский фаянс; 28 – дерево.

Рис. 145. Амулеты, пронизи и подвески из бронзы. Усть-Альма: 2 – склеп 316; 3 – 820; 4 – 520/17; 6, 9, 17, 21 – могила 689; 7 – 574; 8 – 537; 10 – 561; 11, 12, 19, 22 – 607; 18 – 385; 20 – 407/3; 23 – 631; 26 – 691; 29 – 447. **Битак:** 1 – могила 147/2; 5 – 42/2; 13, 14 – 37; 15, 16 – 169; 24, 25 – 114; 27 – 17/1; 28 – 38; 30, 31 – 10; 32 – 160.

Рис. 146. Амулеты и украшения из бронзы. Усть-Альма: 1–4, 18 – склеп 315 (1 – морская галька в бронзовой оплетке); 5 – 449/4; 6, 7 – 439/9; 9 – могила 600; 10 – 673; 11 – склеп 590/5–6; 12, 13 – могила 542/2; 14 – 437; 15 – 547; 16 – склеп 820; 17 – могила 404. **Битак:** 8 – могила 66.

Рис. 147. Амулеты и украшения из кости (1–9, 12, 13) и камня (10, 11, 14–16). Усть-Альма: 1 – могила 403/1; 2 – склеп 348/21; 3 – 348/40; 4 – 438/3; 5 – 348/15; 6 – 678 (в бронзовой оплетке); 8 – склеп 680/6; 9, 14–16 – 853; 10, 11 – могила 432; 12 – 691; 13 – склеп 348/21.

Рис. 148. Раковины морских моллюсков. Усть-Альма: 1 – могила 843; 4 – 407/3; 6 – 432; 7 – склеп 619/3; 8 – 348, ниша; 9 – 1993 г.; 10 – могила 469/1; 11–12 – 410/1. **Битак:** 2, 2а – могила 147/2; 3 – 109/2; 5 – 55.

Рис. 149. Бронзовая патера (1), детали украшений бронзовых сосудов (4, 5, 8, 9), бронзовая матрица-бляха (3), амулетницы (2, 6, 7). Усть-Альма: 1 – могила 700; 2 – 558 (бронза, стекло); 3 – склеп 520/10; 4 – могила 559; 5 – 597; 6 – склеп 650/8 (бронза); 7 – 649/4 (серебро); 8 – могила 765; 9 – склеп 649/4.

Рис. 150. Бронзовые «амулетницы»-«игольники» (1–8) и складные туалетные пилочки (9–13). Усть-Альма: 1 – могила 656/2; 2 – 606; 3 – склеп 438/10–11; 5 – 316; 7 – 424 Б/3; 8 – могила 437; 10 – 370; 11 – 385; 12 – 456; 13 – 411/1–2. **Битак:** 4 – могила 160; 6 – 17/1; 9 – 114.

Рис. 151. Бронзовые сосуды и их детали. Усть-Альма: 1 – склеп 820; 2 – могила 846; 3, 4, 7 – склеп 853; 5 – могила 542/2; 6 – 848.

Рис. 152. Бронзовая (1, 3) и серебряная (2, 4) посуда. Усть-Альма: 1, 3 – склеп 620; 2 – 612/3; 4 – 612/2.

Рис. 153. Бронзовые (1–3, 5, 6) и серебряный (4) сосуды. Усть-Альма: 1, 6 – склеп 730; 2, 4 – 735; 3, 5 – 720.

Рис. 154. Бронзовая посуда. Усть-Альма: 1 – склеп 844; 2 – 775/1; 3 – 775/2; 4 – могила 745.

Рис. 155. Бронзовые (1, 3) и серебряный сосуды (2). Усть-Альма. Склеп 844.

Рис. 156. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма: 1 – склеп 735; 2 – 730/1; 3 – 620/2; 4 – 618/3; 5 – 820.

Рис. 157. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма: 1 – склеп 770; 2 – 619/3; 3 – 703/1. **Битак:** 4 – могила 120.

Рис. 158. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма: 1 – могила 700; 2 – склеп 634/1; 3 – 705 (засыпь камеры); 4 – 438 (ярус 5, у крепиды).

Рис. 159. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма: 1 – склеп 316; 2 – 520/4; 3 – 550/2; 4 – 649/3.

Рис. 160. Красноглиняная (1) и светлоглиняная (2) амфоры, кувшины оранжево-коричневой глины с биконическим корпусом, на высоком поддоне (3, 4). Усть-Альма: 1 – 1995 г., раскоп III, верхний слой; 2 – 1995 г., раскоп II, верхний слой; 3 – могила 700, входная яма; 4 – могила 852, входная яма.

Рис. 161. Светлоглиняные амфоры (1–5). Перевальное. Склеп 1.

Рис. 162. Гончарный лягинос (1), кувшины (2, 3) и краснолаковые ойнохой (4, 5) рубежа н. э. – первой половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 424 А; 2 – могила 498; 3 – склеп 440/6; 4 – могила 466; 5 – могила 469/1. Примечания: 2 – буролаковое покрытие со следами росписи белой краской; 3 – двуручный кувшинчик с гравированным орнаментом (вторично использован в качестве чашки).

Рис. 163. Краснолаковая посуда рубежа н. э. – первой половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 450/22; 2 – могила 505; 3, 5 – 469/1; 4 – 498; 6 – 466; 7 – 469/2. Примечания: 1 – гончарный сосуд с полосой красного лака, поверх которой сохранились следы гирлянды белой краской; 5 – буролаковое покрытие.

Рис. 164. Гончарные (1, 3, 4–10) и краснолаковые (2, 5, 11) фланконы конца I в. до н. э. – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 469/1; 2 – склеп 690; 3 – 612/2; 4 – 649/3; 6 – 820; 7 – могила 341; 9 – склеп 439/3; 10 – 520/18; 11 – могила 430. Битак: 5 – склеп 104/4. Неаполь Скифский, восточный некрополь: 8 – могила 95 [Сымонович, 1983, табл. XI, 17].

Рис. 165. Краснолаковые кувшины (1, 2, 4) и амфора (3) из погребений середины – третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612; 2 – 730/2; 3 – 720; 4 – могила 740. Примечания: 2 – роспись белой краской; 3, 4 – рельефный орнамент.

Рис. 166. Краснолаковые кувшины из комплексов середины–третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 650/1; 2 – могила 509; 3 – 580; 4 – 609.

Рис. 167. Гончарная (1) и краснолаковая (2–8) посуда из комплексов середины–третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 735; 3 – 777/1; 4 – 775/1; 5 – могила 657; 6 – склеп 550/31; 7 – 630/ярус 1; 8 – могила 713.

Рис. 168. Краснолаковые чашки (1–4) и канфары (5–12) из комплексов середины – третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 650/7; 2 – 720; 3, 10 – могила 558; 4 – склеп 650/4; 5 – могила 682/5; 6 – 580; 7 – 609; 8 – 740; 9 – 596; 11 – 586; 12 – 517/4.

Рис. 169. Краснолаковые чашки из комплексов второй половины I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612; 2 – 650/6; 3 – могила 422; 4 – склеп 650/2а; 5 – могила 476; 6 – 520/25; 7 – 775/1; 8 – 820; 9 – могила 542/2; 10 – склеп 619/5; 11 – 619/4; 12 – 777/4; 13 – 777/2; 15 – могила 728/нижний ярус; 16 – 411/1–2. Битак: 14 – могила 79/2.

Рис. 170. Краснолаковые блюда и тарелки из комплексов середины – второй половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 777/1; 3 – 618/3; 4 – могила 691; 5 – склеп 424 А; 6 – 777/3; 7 – могила 421; 8 – 509; 9 – могила 745; 10 – 609.

Рис. 171. Краснолаковые канфары (1–4) и чашки (5–8) из комплексов последней четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 586; 2 – 745/1; 3 – склеп 703/1; 4 – могила 711; 6 – склеп 775/1; 7 – могила 714; 8 – 411/1. Битак: 5 – могила 79/1.

Рис. 172. Краснолаковая посуда из комплексов последней четверти I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 2 – склеп 316; 3 – могила 636/2; 4 – 598; 6 – 673/2; 7 – 600; 8 – 526; 9 – склеп 734; 10 – могила 698; 11 – склеп 640/12; 12 – могила 655; 13 – 396; 14 – 615. Битак: 1 – могила 147/2; 5 – могила 120.

Рис. 173. Гончарный (1) и краснолаковый (2) амфориски и краснолаковые кувшины (3, 4) из комплексов последней четверти I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 644; 2 – склеп 763/1; 3 – могила 711; 4 – склеп 775/1.

Рис. 174. Краснолаковый кратер (1), амфориски (2, 3) и кувшин (4) из комплексов последней четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 705; 2 – 348; 3 – могила 372/2; 4 – склеп 348/58.

Рис. 175. Краснолаковые тарелки (1–7) и блюда (8–10) второй половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 713; 2 – 517/4; 3 – 584; 4 – 338; 5 – 596; 6 – 711; 7 – 630/ярус 1; 8 – склеп 763/1; 9 – 703/1; 10 – 629.

Рис. 176. Гончарные ойнохой (1, 2) и краснолаковые кувшины (4–8) и амфориски (3, 9) из комплексов последней четверти I в. н. э. – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 651; 2 – склеп 703/1; 3 – могила 721; 4 – 338; 5 – 615; 6 – склеп 640/12; 7 – могила 600; 8 – 733; 9 – 673/2.

Рис. 177. Краснолаковые кувшины (1–3, 5–7), кубок (4), гончарная (8) и краснолаковые (9, 10) ойнохой из комплексов второй–третьей четвертей II в. н. э. Усть-Альма: 2 – склеп

550/2; 3 – могила 673/1; 4 – 592/2 (нижнее); 6 – 592(?); 7 – 571; 8 – 365; 9 – 592/1 (верхнее). **Битак:** 1 – могила 90/1; 5 – 114.

Рис. 178. Краснолаковые тарелки из комплексов конца I – первой четверти II в. н. э.

Усть-Альма: 2 – могила 614; 3 – склеп 348/58; 4 – 316; 5 – могила 651; 6 – 329 а; 7 – 727; 8 – 600; 9 – 654; 10 – 598; 11 – 655; 12 – 705 / ниша; 13 – 433. **Битак:** 1 – могила 147/2.

Рис. 179. Краснолаковые тарелки (1–5), чашки (6, 7), кубки (8, 9), кувшин из комплексов второй четверти – середины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 673/1; 2 – склеп 520/1; 3 – 571; 4 – 590/2; 5 – могила 542/1; 8 – 373; 9 – склеп 640/1; 10 – могила 684. **Битак:** 6 – могила 85/1; 7 – 149.

Рис. 180. Краснолаковые кувшины из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 316 (верхний ярус); 4 – могила 583/1; 5 – 566/1; 6 – 566/2; 7 – 583/2; 8 – 574. **Битак:** 2 – могила 143; 3 – 66.

Рис. 181. Краснолаковые кубки (1–9), гуттус (10) и чашка (11) из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 568; 2 – 536; 3 – 606; 4 – 559; 5 – 537; 6 – 566/2; 7 – 583; 8 – 574; 9, 11 – 611/2; 10 – склеп 316.

Рис. 182. Краснолаковые тарелки (1–6, 8, 10 – 13) и миски (7, 9) из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 559; 2 – 482; 3 – 536; 4 – 568; 5 – 1995 г., раскоп III (верхний слой); 6 – 566/1; 8 – 574; 10 – 566/2; 11 – 319; 13 – 559. **Битак:** 7 – могила 143; 9 – 66; 12 – 44/2–1.

Рис. 183. Краснолаковая посуда из комплексов второй–третьей четвертей III в. н. э. Перевальное: 1, 2, 5 – склеп 1; 3 – могила 22 а; 4, 6–9, 11 – 17 б; 10, 12, 13 – склеп 18.

Рис. 184. Краснолаковые тарелки (1–6), чашки (7, 8) и кубок (9) из комплексов конца II – первой четверти III в. н. э. Усть-Альма: 2 – могила 802; 3, 4, 6 – могила 835; 7 – 668. **Битак:** 1 – могила 62; 5, 8, 9 – 42/2–2.

Рис. 185. Красноглиняная ойнохоя (1) и краснолаковые (2–6) кувшины из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 353; 2 – 835; 3 – 386; 5 – 380. **Битак:** 6 – 62. **Перевальное:** 4 – могила 15 б.

Рис. 186. Краснолаковые тарелки (1–7, 9, 11, 13), миски (8, 12), чашки (10, 14) из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 2, 4, 12 – склеп 649/1–3; 3 – 847; 5 – 631; 6 – 632; 7 – 849; 8, 11 – 846; 13 – 824/2. **Перевальное:** 1 – могила 15 а; 14 – 15 б.

Рис. 187. Краснолаковые ойнохоя (1), кувшины (2–5, 7, 10), кубки (6, 8, 9) из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 649/1–3; 2 – 824/2; 3 – 631; 4 – 825; 5 – 847; 10 – 846. **Битак:** 6 – могила 101. **Перевальное:** 7 – могила 17 а; 8 – 15 а; 9 – 15 б.

Рис. 188. Светильники позднеэллинистического (1–3) и раннеримского времени (4–6) с лаковым покрытием. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 424 А; 3 – 449 / 2; 4 – 735; 5 – 775/2; 6 – 716.

Рис. 189. Краснолаковые светильники (1–4) и гончарная курильница (5) из комплексов первой половины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 439 (засыпь провала); 2, 3 – 805; 4, 5 – 705 (ниша).

Рис. 190. Краснолаковые светильники из комплексов первой половины – середины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 634/3; 2 – могила 553; 3 – 510; 4 – 430; 5 – 848; 6 – склеп 595.

Рис. 191. Стеклянные флаконы и бальзамарии из комплексов второй половины I – II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 618/1; 2 – 620/1; 3 – 720; 4 – 705; 6–9, 11 – склеп 316; 10 – 520/37; 12 – 520/18; 13 – 520/3; 14 – 640/12; 15 – 424 Б/3. **Битак:** 5 – могила 160/1.

Рис. 192. Стеклянные бальзамарии (1–13) и кувшинчик (14) из комплексов II – первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 3 – 502; 4, 5 – склеп 830; 6 – могила 396; 10 – 673/1; 11 – 835; 12 – 846; 13 – 847; 14 – 826 а/1.

Рис. 193. Стеклянная посуда из комплексов середины – второй половины III в. н. э. Усть-Альма: 5 – склеп 649/1–3. **Перевальное:** 1–3 – могила 5; 4 – могила 6; 6, 7 – склеп 1.

Рис. 194. Бронзовые фибулы из комплексов рубежа н. э. – I в. н. э. (1–20) и второй четверти II в. н. э. (19). Усть-Альма: 1 – могила 662/1; 3 – 469/2; 4 – 440/10; 5 – 450/5; 6 – 620/1; 7 – могила 498; 8 – склеп 640/21–22; 9 – могила 517/1–2; 10 – 517/3; 11 – склеп 450/6; 12 – склеп 628; 13 – 640/18; 16 – 550/14. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой 1978 и 1982 гг.):** 2, 18 – склеп 56; 15 – 30; 17 – 29. **Битак:** 14 – склеп 104 / ярус 2; 19 – могила 149. **Примечания:** 1 – среднелатенской схемы, гладкая проволочная с завязкой («неапольский вариант»); 2 – одночленная «воинская» с прогнутым корпусом («северопричерноморский вариант»);

3, 4 – раннеримские дуговидные шарнирные типа «Алезия»; 5, 6 – раннеримские шарнирные типа «Авцисса»; 7–18 – подвязные с овально-расширенной спинкой и узкой ножкой («лебяжинская» серия, второй вариант); 19 – лучковая (имитация формы и орнаментации «лебяжинской»).

Рис. 195. Бронзовые шарнирные (1–10, 12–17) и пружинная (11) провинциальные фибулы-броши геометрической формы из комплексов второй половины I в. н. э. и первой половины II в. н. э. (11). Усть-Альма: 1 – могила 517/1–2; 2 – 826/3–4; 3 – склеп 590/13; 4 – 650/2–7; 5 – 348/39; 6 – 590/8; 7 – 590/11; 8 – 618/2; 9 – могила 477; 10 – склеп 440/11; 11 – могила 733; 12 – склеп 590/20; 13 – 517/4; 15 – могила 338; 16 – склеп 551. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.:** 14 – склеп 29; 17 – 9.

Рис. 196. Фибулы-броши пружинные (со «смычковым» игольным аппаратом) с оттиснутым изображением на щитке из комплексов последней четверти I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 513; 2 – склеп 590/16; 3 – 650/5; 4, 11 – могила 759; 5 – склеп 703; 6 – 680/6; 7 – 440/6; 8 – могила 654; 12 – склеп 520/37; 13 – могила 719; 14 – склеп 520/35; 15 – 520/27–28; 16 – могила 604; 17 – 609 (третья четверть I в. н. э.). **Битак:** 9 – могила 22; 10 – 83. **Бронзовый щиток – 1–3, 5–9, 11–13; серебряный – 4,10.**

Рис. 197. Бронзовые шарнирные фибулы-броши в виде птицы (1–4), сильнопрофилированные западных типов (5–10), с кнопкой на конце приемника (11–13), маленькие, с овальной спинкой и S-видным завитком (14–19, 25), с треугольной спинкой и S-видным завитком (20–24), лучковые подвязные 1 варианта (26–31). Усть-Альма: 1 – склеп 450/13; 2 – 450/3; 3 – 424 Б/15; 4 – 450/4; 5, 21 – 618/2; 6 – могила 691; 7 – 724; 8 – склеп 616; 9 – 438/5; 10 – могила 848; 11 – склеп 853; 13 – 826/1–2; 14 – 580; 16 – склеп 628; 17 – могила 713; 18 – склеп 551; 20 – 520/40; 22 – 618/3; 23 – склеп 820; 24 – 520/31; 25 – 619/4; 26 – могила 580/2; 27 – 580/1; 29, 30 – склеп 690 (ранние погребения); 31 – 690/1. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой 1978 и 1982 гг.):** 12 – склеп 39; 15 – 30; 19 – 56. **Битак:** 28 – склеп 155/10. **Примечания:** 1 – бронза посеребренная; 24 – серебро.

Рис. 198. Бронзовые проволочные лучковые подвязные фибулы 1–2 вариантов (1–6, 8–27) и маленькая «смычковая» (7) из комплексов середины I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612/2; 2 – 620/2; 3 – 650/4; 4 – могила 609; 5 – склеп 735; 6 – 640/13; 7 – могила 697; 8 – склеп 424 Б/15; 9 – склеп 450/2; 10, 11 – 450/13; 12 – 619/5; 13 – 628; 14 – 853; 15 – могила 728/2; 16 – 654; 17 – 655; 18 – 411/3–4; 24 – 636/1; 25 – 575/2; 27 – 517/4. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.:** 19 – склеп 30; 20, 21 – 29; 22 – 12. **Битак:** 26 – могила 30.

Рис. 199. Проволочные лучковые подвязные фибулы 2–3 (1–7), 3 (8–14) и 3–4 (15–18) вариантов из комплексов II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 438/7; 2 – 438/9; 3 – могила 607; 7 – 542/1; 8 – 569; 9 – 118/2; 10 – склеп 640/2; 11 – могила 571; 12 – 688; 13 – 623; 17 – 565; 18 – 583. **Битак:** 4 – могила 143; 5 – 140; 6 – 122; 14 – 66; 16 – 87/1. **Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.:** 15 – склеп 30. **Примечания:** 1–6, 8–18 – бронза; 7 – железо.

Рис. 200. Бронзовые проволочные лучковые подвязные фибулы 4–5 вариантов из комплексов конца II – первой половины III в. н. э. с гладкой спинкой (1–4), обмоткой (5–17) и маленькая 3 варианта с фигурной обмоткой спинки (9) из комплекса первой половины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 631; 3 – 847; 5 – 536; 6 – склеп 649/2; 9 – могила 528; 10 – 566/1; 13 – 574. **Битак:** 2 – могила 87/1; 4 – 80; 11 – могила 121; 12 – 72; 14 – 62; 15 – 17/1. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.:** 8, 16 – склеп 44; 17 – могила 13; **1986 г.:** 7 – склеп 32 (продолжение участка раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 гг.).

Рис. 201. Бронзовые лучковые подвязные фибулы из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 1, 6 – склеп 316; 3 – могила 679; 4 – склеп 348/11; 7 – могила 824/2; 8 – могила 793; 9 – 824/3. **«Инкерманский тип» (с нижней тетивой):** 1–3 – вариант 1 (с гладкой спинкой); 4–7 – вариант 2 (с фигурной обмоткой спинки), 7 – со свинцовой осью пружины. **Двухлennaя с расширенной ножкой:** 8 (железная ось пружины). **Фибула с сильно изогнутой плоской спинкой и завитком на конце приемника:** 9 (бронзовая ось пружины). **Проволочная одночленная, 5 вариант:** 10 (со сплошной обмоткой спинки).

Рис. 202. Пружинные фибулы с украшением на конце приемника: кнопкой (1–13), спиральным завитком (14–18), S-видным завитком (19–25). Усть-Альма: 1 – склеп 520/17; 2 – 520/18; 6 – 438/10–11; 10 – 550/8; 11 – могила 476; 12 – склеп 520/1; 13 – 590/4; 14 – 438/2; 16 –

590/4; 17 – 424 Б/4; 20 – могила 614; 21 – склеп 590/5–6; 25 – могила 573. **Битак:** 3 – могила 90/1; 4 – 64/2; 5 – 63/2(?); 7 – 85/1; 8 – 149; 9 – 14; 15 – 150/2; 18 – 63/2. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 и 1983 гг.:** 19 – склеп 44; 23 – 71/2–2; 24 – 71/2–1; **1986 г.:** 22 – склеп 32 (продолжение участка раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 гг.).

Рис. 203. Сильно профицированные фибулы: западных типов (3, 10), причерноморских типов (1, 2, 4–9, 11–17). **Усть-Альма:** 2 – склеп 315; 4 – могила 542/2; 6 – 654; 9 – 598; 11 – склеп 550/6; 14 – 590/1. **Битак:** 1 – могила 91; 5 – 64/2; 7, 8 – 71; 10 – 153; 12 – 146/1–2; 13 – 160/2; 15 – 81/1; 16 – 114; 17 – 63/1. **Примечания:** 6 – бронзовая ось пружины; 4, 5, 7, 9, 14 – железная ось; 10 – железная пружина.

Рис. 204. Шарнирные дуговидные фибулы (1–3). Провинциальные шарнирные дужковые фибулы без эмали (4–6) и с эмалевыми вставками (7–10). Провинциальные шарнирные броши с эмалью: геометрических форм (11–14, 21–24); с элементами зооформ (15–20). **Усть-Альма:** 1 – склеп 315; 4 – могила 406; 5 – 570; 6 – 613; 7 – склеп 550/2; 8 – 550/1; 9 – могила 564; 10 – 656/2; 11 – склеп 438/4; 12 – могила 419; 13 – склеп 424 А; 14, 15 – могила 606; 16 – 439/7а; 17 – склеп 316; 19 – 424 Б/5; 20 – 424 Б/10; 21 – могила 688; 22 – 314. **Битак:** 2 – могила 49; 3 – 28; 18 – 32/1; 24 – 107. **Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1986 г.:** 23 – склеп 32 (продолжение участка раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 гг.).

Рис. 205. Перевальное. Железные (1, 2) и бронзовые лучковые подвязные фибулы из комплексов второй – третьей четвертей III в. н. э.: 1, 2 – могила 15 а; 3 – 7 – 15 б; 8–11 – 17 а; 12–15 – 17 б.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Map-scheme of burial monuments on the territory of Crimean Scythia dating back to the end of the 2nd century BC – the first half of the 1st century AD.

Fig. 2. Map-scheme of burial monuments, cave complexes, finds of steles and coins on the territory of Crimean Scythia dating back to the second half of the 1st – the first half of the 3rd centuries AD.

Fig. 3. Map-scheme of burial monuments, cave complexes, finds of steles and coins dating to the mid. 3rd – the beginning of the 4th centuries AD in the South-Western, Central Crimea and on the Southern Coast of Crimea (western part).

Conventional notes to Fig. 1–3: а – towns, sites; б – ground cemeteries; в – under-barrow burials; г – finds of steles, reliefs, bases; д – finds of coins, hidden coin treasures; е – cave complexes.

1 – Risovoye; 2 – Chkalovo; 3 – Sheikhlar (Zalivnoye); 4 – Chervonoye («Nogaichinsky Kurgan»); 5 – Chotty (s/f «Pobeda», Zhemchuzhina); 6 – Krinichki; 7 – Kulchuk (Gromovo); 8 – Belyaus (Znamenskoye); 9 – Yuzhnuy Donuzlav; 9а – Popovka; 9б – Shtormovoye (Frunzenka); 10 – Kalos Limen (Chernomorskoye); 11 – Djan-Baba (Marjino); 12 – Chaika (Zaozernoye); 13 – Kerkinida (Evpatoria); 14 – barrows in the former estates of S. Krym (to the north from the city of Simferopol); 15 – barrows in the former estate of Talayeva (Grushevoye, Fruktovoye, Kara-Kiyat); 16 – barrows in the former estates of Pastak (Mirnoye, Sarayly-Kiyat); 17 – barrows in the former estate of Cherkes (to the north from the city of Simferopol); 18 – barrow near the site of Kermen-Kyr (Mirnoye, s/f «Krasny», Saraily-Kiyat); 18а – Kermen-Kyr (ground cemetery); 18б – anthropomorphic tombstone on the site (1924); 18г – relief on the barrow to the west from the suburb of «Ukrainka» (1942); 19 – Malenkoye (Malenkaya); 20 – Bakhchi-Eli (Simferopol); 21 – Mazanka (barrow); 21а – relief; 22 – Barabanovo (Barabanovka); 23 – Tsvetochnoye; 24 – Zelenogorskoye; 25 – Simferopol barrow (1890); 26 – Neapolis Scythian (Kermenchik, Simferopol); 27 – Konstantinovka; 28 – Partizanskoye (Sably), barrow; 28а – ground vault; 29 – Tavel' (Krasnolesye); 30 – Vilino («Magarach») barrow 1, 1985; 30а – Vilino (Rassadnoye), ground vault («Magarach»), 1985; 30б – Vilino (Rassadnoye), anthropomorphic tombstone on the site (1990); 31 – Dolinnoye (Topchikoi), ground cemetery; 31а – coin treasure; 32 – Bakhchisarai, barrow (1896); 32а – Asma-Kuyu (stele); 33 – barrow in c/f named after Illiich (1953); 34 – barrow in c/f «Komintern» (1952); 35 – barrow in former estate of Revelioti (Dolinnoye); 36 – Mamai-Oba (Lyubimovka, s/f named after Perovskaya); 37 – Severnaya Storona, Bratskoye Cemetery, Sevastopol); 38 – Zavetnoye (Alma-Kermen); 39 – Skalistoye II; 40 – Skalistoye III; 41 – Ramazan-Sala; 42 – Ozernoye III; 43 – Mangush (Prokhladnoye); 44 – barrows of Zheleznodorozhnoye (Siren'); 45 – Ust-Kacha ground cemetery; 45а – tombstone (1910); 46 – Vishnevoye; 47 – Malodvornoye (Krasnaya Zarya, Chotkara, «Kazak mezarlyk»), tombstone, 1916; 48 – Tenistoye (Kalymtai); 49 – Turgenevka (Tiberti); 50 – Ust-Belbeck (Belbeck-Tamak, von-Grotte economy); 51 – Belbeck I; 52 – Belbeck II (Kholmovka, Zalankoi); 53 – Belbeck III (Verkhnesadovoye); 54 – A(v)dgikoi (Okhotnichiye); 55 – Biyuk-Karalez (Krasny Mak); 56 – Tankovoye; 57 – Belbeck IV; 58 – Severnaya Storona, Panaiotova balka; 59 – Inkermansky; 60 – Chernorechensky; 61 – Balaklava (Kefali Vrisi); 61а – Kadykovka (coin treasure); 62 – Druzhnoye (Jafar-Berdy); 63 – Zarechnoye; 64 – Yeni-Sala; 65 – Perevalnoye (Kuchuk-Yankoi); 66 – Kizil-Koba (Krasnopeshchernoye); 67 – Chatyrdagsky; 68 – Ai-Todor; 69 – Dmitrovo; 70 – Zuysky (Litvinenkov); 71 – Neizats (Krasnogorskoye); 72 – Kapak-Tash (Petrovo); 73 – Ak-Kaya; 74 – Michurinskoye; 75 – Gresovsky; 76 – Bitak (Simferopol); 77 – Chokurcha (Lugovoye, Simferopol); 77а – coin treasure; 78 – Zmeinaya (cave); 79 – Ust-Alma (Peschanoye); 80 – Solovjovka (Atalyk-Eli); 81 – Otvazhnoye; 82 – Kara-Tobe (Pribrezhnoye); 83 – Besh-Oba; 84 – Sary-Kaya; 85 – Kolchugino; 86 – Chistenkoye (Chistenkaya); 87 – Levadki; 88 – Fontany (Yagmursy); 89 – L'govskoye; 90 – Yemelyanovka;

91 – Sovetsky; 92 – Yarkoye Pole; 93 – Opushki; 94 – Karabi-Yayla (Bai-Su); 95 – Ai-Nikola; 96 – Kurskoye; 97 – Kazan-Tash; 98 – former estate of Staal; 99 – s/f «Sevastopolsky» (N10); 100 – Kholmovka; 101 – Tas-Tepe (Tenistoye); 102 – Suvorovo (Aranchi); 103 – Eski-Eli (Vishnevoye); 104 – Krasnaya Zarya (Ak-Sheikh); 105 – Bryanskoye (Biyuk-Yashlav); 106 – Balta-Chokrak (Aleoshino); 107 – Istochnoye; 108 – Orlovskoye; 109 – Kitai (did not exist); 110 – Novokleonovo (Uch-Koz); 111 – Alekseevka; 112 – Predushchelnoye; 113 – Arabatskaya Strelka; 114 – Pribrezhnoye (coin treasure); 114a – Sakskaya peresup' (coins); 115 – Evpatoria (coin finds); 116 – Dorozhnoye (Biy-Eli, Biel'); 117 – Kilen-Balka; 118 – Biyuk-Yanushar (Yuzhnoye); 119 – Albatskaya cave (Kuibyshevo).

Fig. 4. Catacomb Classification (Olkovsky, 1991, Table II).

Fig. 5. Catacombs dating to the 2nd c. BC – 1st c. AD; 1, 4, 5 – Belyaus (crypts 1, 13, 11); 2, 6 – Ust-Alma; 3 – Neapolis Scythian (crypt 37).

Fig. 6. Neapolis Scythian. Mausoleum. Burials of 1–2 layers. (Pogrebova, 1961, Fig. 1).

Fig. 7. Ust-Alma. Shaft-and-chamber grave 469. I – plan and cross-section; II – plan of the burial in undercut grave 1: 1 – red slip jug; 2 – brown slip dish; 3 – bone of an animal; 4 – iron knife; 5 – iron nails; 6 – beads; 7 – silver earrings; 8 – beads; 9 – sea shell; 10 – bronze signet ring; 11, 12 – beads; 13 – red slip cup; 14 – red slip balsamarium (small bottle); 15 – clod of sulfur; III – plan of the burial in undercut grave 2: 1 – red slip pitcher, 2 – iron knife; 3 – iron nails; 4 – bronze ring; 5 – bronze torque; 6 – flint splinters (35 pieces); 7 – bronze arrowhead; 8 – beads; 9 – bronze fibula; 10 – bronze ring with projections; 11 – bronze open-work plate; 12 – clod of sulfur; 13 – beads; 14 – hand-made incense burner (with openings).

Fig. 8. Crypt near the village of L'govskoye (Katiyushin, 1993, fig. 1): 1 – plan; 2 – covering plate; 3 – section in A-A'; 4 – section in Б-Б'; 5 – front of northern wall; 6 – front of eastern wall;

Fig. 9. Barrow cemetery near the village of Otvazhnoye (Katiyushin, 1996, Fig. 1; 8): I – barrow № 2 (plan and cross-section of the crypt); II – barrow № 3 (plan and cross-section of the crypt).

Fig. 10. Kulchuk cemetery (Dashevskaya, 1978; Dashevskaya, Golentsov, 1982): I (1–18) finds from ground catacombs dating back to the end of the 4th – the beginning of the 3rd centuries BC; II (1–20) – finds from the barrow.

Fig. 11. Kerkinitida. Stone crypt (excavations of 1977): 1–24 – finds dating to the 2nd – 1st centuries BC (Mikhlin, Biriukov, 1983).

Fig. 12. Belyaus. Ground cemetery. Crypt 114 (Dashevskaya, 1980): I (1–17) – finds from catacombs dating to the end of the 4th – the beginning of the 3rd centuries BC; II (1–10) – finds from catacombs dating to the 2nd – 1st centuries BC.

Fig. 13. Belyaus cemetery. Diagnostic finds (Mikhlin, 1980; Dashevskaya, Mikhlin, 1983; Dashevskaya, 1991): I – (1–15) – crypt 1; II (1–3) – 5; III (1–5) – 38.

Fig. 14. Belyaus cemetery. Diagnostic finds: I (1–13) – crypt 90; II (1–6) – 168.

Fig. 15. Belyaus cemetery. Diagnostic finds: I (1–6) – crypt 156; II (1–7) – 117; III – (1–8) – 110.

Fig. 16. Belyaus cemetery. Diagnostic finds: I (1–7) crypt 34; II (1–4) – 31; III (1–3) – 61; IV (1, 2) – 170.

Fig. 17. Belyaus cemetery. Diagnostic finds: I (1–4) – crypt 39; II (1–5) – 40; III (1, 2) – 50; IV (1–3) – 53.

Fig. 18. Belyaus cemetery. Diagnostic finds: I (1–5) – crypt 12; II (1, 2) – 21; III (1, 2) – 138; IV (1–5) – 10; V (1, 2) – 86; VI (1–3) – 16; VII (1, 2) – 17.

Fig. 19. Belyaus cemetery. Diagnostic finds. Ground cemetery: I (1, 2) – crypt 2; II (1, 2) – 101; III (1, 2) – 113. Stone crypts: IV (1–4) – crypt 1; V (1, 2) – 3; VI (1–4) – 4.

Fig. 20. Neapolis Scythian. Mausoleum. Stone tomb (burial 37); items of arms and military equipment (1–11, 13–25) and horse bridle (12). (Zaytsev, 2003).

Fig. 21. Neapolis Scythian. Mausoleum. Stone tomb. Diagnostic finds (1–36) (Zaytsev, 2003).

Fig. 22. Neapolis Scythian. Mausoleum. Diagnostic finds from burials (Shultz, 1953; Pogrebova, 1961; Zaytsev, 2003): I (1–13) – wooden box I; II (1–21) – III.

Fig. 23. Neapolis Scythian. Mausoleum. Diagnostic finds from burials: I (1–21) – wooden box II; II (1–15) – XIX.

Fig. 24. Neapolis Scythian. Mausoleum. Diagnostic finds from burials: I (1–16) – wooden box X; II (1–7) – XI; III (1–8) – XII; IV (1–24) – VII and XIII.

Fig. 25. Neapolis Scythian. Mausoleum. Diagnostic finds from burials: I (1–4) – wooden box XXV, burial 41; II (1–3) – XXIV, 20; III – XXI, 2; IV (1–7) – XXXVIII, 19; V (1–6) – XV, 69 and 74; VI (1–3) – XXXII, 16.

Fig. 26. Neapolis Scythian. Eastern necropolis (Symonovich, 1983): I (1–21) – crypt 4; II (1–7) – 8; III (1–8) – 54.

Fig. 27. Neapolis Scythian. Eastern necropolis: I (1–13) – crypt 39; II (1–11) – 38; III (1–11) – 45.

Fig. 28. Neapolis Scythian. Eastern necropolis: I (1–7) – crypt 57; II (1, 2) – 29; III (1–17) – 67; IV (1–6) – 71.

Fig. 29. Neapolis Scythian. Eastern necropolis: I (1, 2) – crypt 74; II (1–4) – 23; III (1–8) – 17; IV (1–6) – 62; V (1, 2) – 81; VI (1–3) – 49; VII (1–6) – 27.

Fig. 30. Neapolis Scythian. Eastern necropolis. Grave 57 (excavations under O. A. Makhneva, 1982). Plans, cross-section (1, 2), finds (3–12) (Zaytsev, 2003).

Fig. 31. Neapolis Scythian. Eastern necropolis. Grave 21 (Symonovich, 1983; Zaitzev, 2003). Plans (1, 2), finds (3–11).

Fig. 32. Bitak cemetery. Crypt 1979. (Koltukhov, Puzdrovsky, 1983). Plan, cross-section (1), finds (2–26).

Fig. 33. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky, 1989–1991). Diagnostic finds: I (1–19) – crypt 95; II (1–7) – crypt 99.

Fig. 34. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Diagnostic finds: 1–26 – crypt 97.

Fig. 35. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Diagnostic finds: I (1–20) – crypt 104, burials of tiers 3–4; II (1–9) – crypt 104, burials of tiers 1–2.

Fig. 36. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Diagnostic finds: I (1–9) – crypt 105 (5 – fibula according to [Zaytsev, Mordvintseva, 2003]); II (1–4) – 106.

Fig. 37. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Diagnostic finds: I – (1–23) – crypt 106; II (1–8) – 170.

Fig. 38. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Diagnostic finds: I (1–13) – crypt 124 (9 – fibula according to [Zaytsev, Mordvintseva, 2003]); II (1–12) – crypt 125.

Fig. 39. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Crypt 155: I – plan, cross-section; II – plan of burials of tier I; III – plan of burials of tier II; IV – plan of burials of tier III.

Fig. 40. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Crypt 155: Finds from burials of tier I (1–12).

Fig. 41. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Crypt 155: Finds from burials of tier I (1–9).

Fig. 42. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Crypt 155: Finds from burials of tier II (1–12).

Fig. 43. Bitak cemetery (excavations under A. Ye. Puzdrovsky 1989–1991). Crypt 155: Finds from burials of tiers II–III (1–6) and tier III (7–18).

Fig. 44. Tavel barrows. Finds from excavations under Yu. A. Kulakovskiy in 1897. (Troitskaya, 1957; Dashevskaya, 1991; Trufanov, 2004): 1–21.

Fig. 45. Tavel barrows. Finds from excavations under Yu. A. Kulakovskiy in 1897. (Trufanov, 2004): 1–20.

Fig. 46. Finds from covered by barrow burials in the Central Crimea: I (1–3) – barrow of Cherkes (Troitskaya, 1957; Dashevskaya, 1991); II – destroyed burial near the village of Barabanovo (Troitskaya, 1957); III (1–8) – barrow near the village of Sably (Partizanskoye) (Zhuravlev, Firsov, 2001).

Fig. 47. Barrow near the village of Malenkoye (excavations under L. I. Ivanov, 1957). Finds from stone crypt: 1–8.

Fig. 48. I. Barrow in Yarkoye Pole (excavations under A. V. Gavrilov, 1955): plan, cross-section (1), finds (2–7). II. Barrow near the village of Malenkoye. Sunk-in burial, covered with plates: plan (1), finds (2, 3, 5). 4 – stem of amphora from filling of the barrow.

Fig. 49. Barrow near Kermen-Kyr site (excavations under T. N. Vysotskaya, 1967) [Vysotskaya, 1968]. Finds from sunk-in ground crypts: 1–8.

Fig. 50. Barrow near Kermen-Kyr site (excavations under T. N. Vysotskaya, 1967) [Vysotskaya, 1968]. Finds from sunk-in ground crypts: 1–11.

Fig. 51. Barrow near Kermen-Kyr site (excavations under T. N. Vysotskaya, 1967) [Vysotskaya, 1968]. Finds from sunk-in ground crypts: 1–16.

Fig. 52. Kapak-Tash. Barrow I. Stone box № 3 (excavations under V. A. Kolotukhin, 1980). Diagnostic finds: 1–19.

Fig. 53. Kapak-Tash. Barrow I. Stone crypt (excavations under A. Ye. Puzdrovsky, 2002). Plan and cross-section.

Fig. 54. Kapak-Tash. Barrow I. Stone crypt (excavations under A. Ye. Puzdrovsky, 2002). Diagnostic finds: 1–11.

Fig. 55. Kapak-Tash. Barrow I. Stone crypt (excavations under A. Ye. Puzdrovsky, 2002). Diagnostic finds: 1–18.

Fig. 56. Kapak-Tash. Barrow I. Stone crypt (excavations under A. Ye. Puzdrovsky, 2002). Diagnostic finds: 1–35.

Fig. 57. Ust-Alma necropolis. Crypt 390. Finds from tier I (upper): 1–29. On the materials of report, 1993.

Fig. 58. Ust-Alma necropolis. Crypt 390. Finds from tier II (middle): 1–43. On the materials of report, 1993.

Fig. 59. Ust-Alma necropolis. Crypt 390. Finds from tier III (lower): 1–49. On the materials of report, 1993.

Fig. 60. Nogaichinsky barrow (Nogaichick). Plan and cross-sections of burial №18 (I–III), wooden column, wrapped in silver sheet (IV) [Zaytsev, Mordvintseva, 2003, Fig. 3].

Fig. 61. Nogaichinsky barrow. Jewelry (1–24) [Zaytsev, Mordvintseva, 2003, Fig. 5, 9, 12, 15].

Fig. 62. Nogaichinsky barrow. Jewelry (1–6) [Zaytsev, Mordvintseva, 2003, Fig. 6, 9].

Fig. 63. Nogaichinsky barrow. Silver vessels (1–3) and spoons (4, 5) [Zaytsev, Mordvintseva, 2003, fig. 11, 12].

Fig. 64. Nogaichinsky barrow. Funeral equipment (1–9) [Zaytsev, Mordvintseva, 2003, fig. 12, 13, 14].

Fig. 65. Barrow near the village of Tsvetochnoye (excavations under I. V. Achkinazi, 1988). I – plan of ground crypt, cross-section, II (1–38) finds [Puzdrovsky, Toshchev, 2001].

Fig. 66. Typology of burial constructions of the South-Western and Central Crimea of the first centuries AD. Ground graves (pits): common (2), filled in with stones (1) and with layered filling with stones and ground (3). Ground graves covered with plates (4), with ledges and stone covering (4). Plate graves (6, 9). Shaft-and-chamber graves (7, 8, 10, 11). Ground crypts (12, 13).

Fig. 67. Typology of cut in bedrock crypts and underground crypts of the 3rd – 4th centuries AD. Neapolis Scythian: 1, 2 – cut in bedrock crypts № 2 and 4; 3 – ground crypt №1 (41) 1949; 4 – ground crypt N 16, 1947. Inkerman cemetery: ground crypts (5, 6).

Fig. 68. Neapolis Scythian. Cut-in crypts № 42–45 (excavations under E. V. Chernenko, 1958–1959). Plans, cross-sections (1–4). [Chernenko, Puzdrovsky, 2004].

Fig. 69. Ust-Alma necropolis. Shaft-and-chamber grave 580. Plans, cross-sections, finds. 1 – red slip kantharos; 2 – pitcher, potter's wheel; 3 – beads; 4, 5 – bronze fibulas; 6 – bronze signet-ring; 7 – bronze bracelet, 7a – beads; 8 – bronze bracelet; 9 – beads; 10 – bronze fibula; 11 – beads, 12 – hand-made cup; 13 – iron awl; 14 – sheet of gold foil; 15 – bronze ear-rings; 16 – beads; 17 – imprint of wooden box (decorations performed with blue paint).

Fig. 70. Ust-Alma. Crypt 590. I – plan of entrance pit and chamber, II – cross-section, III – plan of burial of tier 6.

Fig. 71. Ust-Alma. Crypt 520. I – plan of entrance pit and chamber, II – cross-section, III – plan of burial of tier 10.

Fig. 72. Ust-Alma. Crypt 550 and 551. I – plan of entrance pit and chambers, II – cross-section, III – plan of burial of tier 9.

Fig. 73. Ust-Alma. Crypt 612. I – plan of entrance pit and chamber, cross-sections; 2 – plan of burials I–III: 1 – hand-made incense-burner of cylindrical form; 2 – hand-made incense-burner of hemispheric form with holes in the body; 3 – hand-made saucer; 4 – iron knife; 5 – red slip pitcher; 6 – animal's bone; 7 – gold pendant with fossil shell mounting; 8 – bronze fibula; 9 – silver buckle; 10 – iron sword; 11 – iron arrowheads with remains of shaft (quiver set); 12 – bronze mirror with remains of wooden case; 13 – glass plate with the image of Harpokrat; 14 – sheets of gold foil from diadem; 15 – gold earring with three rows of soldered hoops; 16 – gold face plates (lip and eye pieces); 17 – collar embroidery of a dress (gold beads and plaques, gold threads, 17a – beads necklace (gagate, gold); 18 – bronze fibula; 19, 20 – siding of cuffs with beads (amber, cornelian, gagate), gold plaques and pendants, 21 – gold threads; 22 – bronze scoop with a handle; 23 – wooden casket with lacquer painting; 24 – ceramic balsamarium; 25 – crashed silver kylix; 26 – red slip cup; 27 – gold earring; 28 – chalky bead; 29 – amulet (bone) in gold setting; 30 – gold plaque with enamel mounting; 31 – silver buckle; 32 – gold bracelet; 33 – iron sword; 34 – amber beads (decorations for sheath); 35–37 – bronze details of fastening for sword-belt and quiver; 38 – bronze wire wrapping for arrow-shaft; 39 – iron arrowheads (quiver set) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Fig. 74. Ust-Alma. Crypt 620. 1 – plan of entrance pit and chamber, cross-sections; 2 – plan of burials I–II. Inventory in entrance part of chamber: 1 – hand-made incense-burner of hemispheric form with holes in body; 2 – fragments of rim of hand-made incense-burner; 3 – animals bone; 4 – iron knife; 5 – sand-stone plate; 6 – bronze patera; 7 – bronze oinochoe; 8 – iron candelabrum; 9 – lamp in the form of a boat [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Fig. 75. Ust-Alma. Crypt 720. I – plan of entrance pit and chamber, cross-sections; II – plan of the burial: 1 – hand-made lamp on the stem; 2 – imprint of painted wooden vessel (drinking bowl without handles); 3,3a – remains of wooden shaft; 4 – red slip amphora; 5 – sand-stone plate; 6 – hand-made incense-burner with coals; 7 – bone of an animal and iron knife; 8 – bronze plate; 9 – bronze scoop; 10 – remains of lacquered casket with painting; 11 – glass vessel; 12 – alabaster vessel; 13 – red slip cup; 14 – stump of juniper; 15 – silver toilet spoon; 16 – bronze mirror in wooden case; 17 – gold earring; 18 – necklace of cornelian, amber, crystal, gagate and glass beads; 19 – embroidery of collar of dress (gold plaques and threads); 20–23 – embroidery of cuffs (cornelian, gold plaques); 24 – bronze bracelet with bronze and gagate beads strung on it; 25 – gold bracelet; 26 – gold signet-ring with intaglio on glass mounting; 27 – delft-ware beads (embroidery for footwear) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004].

Fig. 76. Ust-Alma. Crypt 735. I – plan of entrance pit and chamber, cross-sections; II – plan of chamber with burial, IIa – plan of upper part of burial: 1 – light-clay amphora; 2 – red slip lamp; 3 – pitcher, potter's wheel; 4 – animal's bone and iron knife; 5 – silver kantharos; 6 – piece of chalk; 7 – bronze mirror; 8 – sea shell; 9 – bone pyxis with rouge; 10 – two iron needles; 11 – gold torque; 12 – gold earrings; 13 – gold plaques; 14 – bronze fibula; 15 – silver bracelet; 16 – gold hollow cylinder (for amulet); 17 – gold spiral ring; 18 – gold lockets; 19 – gold bracelet; 20 – gold ring with garnet mounting; 21 – large amber and cornelian beads; 22 – gold pendant in the from of bucket; 23 – delft ware beads; 24 – bronze scoop; 25 – little bronze bell. [Puzdrovskij, Zajcev, 2004].

Fig. 77. Ust-Alma. Grave 700. I – plan of entrance pit and chamber, cross-section; II – plan of burial: 1 – little bronze bells; 5 – wooden shank with painting; 3 – threads for golden embroidery; 4 – bronze ring with projections; 5 – wooden shank; 6 – bronze bracelet (clad with gold); 7 – silver beads; 8 – wooden shank; 9 – iron knife; 10 – iron dagger; 11, 12 – silver strap-ends; 13, 14 – silver buckles; 15 – bronze ring; 16 – bronze open-work amulet (pendant); 17 – wooden vessel with carved figures; 18 – wooden vessel; 19 – bronze patera; 20 – iron candelabrum (?); 21 – light-clay amphora; 22 – wooden stand (for amphora?); 23 – wooden dish with animal's bone and remains of horse harness.

Fig. 78. Ust-Alma. Grave 711. I – plan of grave and covering, cross-section; II plan of burial: 1 – red slip pitcher; 2 – red slip kantharos; 3 – red slip dish; 4 – iron knife; 5 – bronze beads; 6 – iron dagger; 7 – iron horse bits and psaliums.

Fig. 79. Burial monuments researched by N. M. Pechenkin in the neighborhoods of the city of Sevastopol. I – plan of excavation area in 1904 in the barrow near Bratskoye cemetery; II – plan of Belbek I cemetery (excavations in 1903–1904).

Fig. 80. Hand-made ceramics from burials dating to the 1st – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 701; 3 – 392; 4 – 638; 5 – 773; 6 – 673; 7 – 339; 8 – 668a; 9 – crypt 634/4; 10 – 780. **Bitak:** 2 – grave 55.

Fig. 81. Hand-made ceramics from burials dating to the 1st – 3rd centuries. Ust-Alma: 1 – grave 770; 2 – crypt 590; 3 – crypt 649; 4 – склеп 629; 5, 6, 7, 8 – crypt 640; 10 – grave 846. **Bitak:** 9 – grave 13.

Fig. 82. Hand-made ceramics from burials dating to the 1st – 3rd centuries. Ust-Alma: 1 – grave 793; 3 – 626; 4 – 623; 5 – crypt 680; 7 – grave 668a. **Bitak:** 2 – grave 49; 6 – grave 19.

Fig. 83. Hand-made incense-burner from burials dating to the 1st century AD. Ust-Alma: 1, 2 – crypt 730/1; 3, 4 – 730/2; 5, 6 – 612; 7, 8 – 619; 9 – 720; 10, 11 – 775/2; 12 – 590/12. **Bitak:** 13 – crypt 104.

Fig. 84. Hand-made incense-burner from burials dating to the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 853; 2, 3 – 649; 4 – 703; 5 – 820; 6 – 782; 7 – 650; 8 – grave 615.

Fig. 85. Hand-made incense-burner from burials dating to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 720; 2 – grave 595; 3 – crypt 650; 4 – grave 542; 5 – crypt 628; 6 – 730/2; 7 – 616; 9 – 782; 11 – 348. **Bitak:** 8 – grave 147/1; 10 – 143.

Fig. 86. Military items from burials dating to the 1st – 2nd centuries AD. 1 – crypt 690; 2 – grave 719; 3 – 711; 4 – 858; 5 – 826a; 6 – 794; 7 – 848.

Fig. 87. Swords and daggers from burials dating to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 777/2; 2 – 777/1; 4 – from backfill of plunderers' mine; 5 – grave 700; 6 – crypt 438/7; 7 – 618/2; 8 – crypt 777/1. **Bitak:** 3 – grave 172.

Fig. 88. Swords and daggers from burials dating to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 612/1; 2 – 612/3; 3 – 620/2; 4 – 619/4; 5 – 619/1; 7 – 439/26; 8 – 439/20. **Bitak:** 6 – grave 68.

Fig. 89. Axes and spear points from burials dating to the 1st century BC – 3rd century AD. Neapolis Scythian, eastern necropolis (excavations under О. А. Махнева, 1978): 1 – grave 38; 4 – 21. **Bitak:** 2 – grave 29; 5 – crypt 95. **Ust-Alma:** 3 – grave 631; 6 – crypt 634/2; 7 – crypt 424 A; 8 – grave 383; 9 – 381; 10 – crypt 316; 11 – grave 480; 12 – 493.

Fig. 90. Wooden bow, iron arrowheads and shaft of arrows from complexes dating to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: I – crypt 550/3-4; II – 520/34; III – 590/12; IV – 550/7-8.

Fig. 91. Details of sword belt and quiver fastenings of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: I (1-8), II (1-5) – crypt 620/2; III (1-6) – 612/3; IV – 730/1; V – grave 848.

Fig. 92. Arrowheads of archaic types (amulets), separate copies and small sets dating to the 1st – 2nd centuries AD. Neapolis Scythian, eastern necropolis (1978): 1 – grave 43; 11 – crypt 9. **Bitak:** 2 – grave 160; 13-15 – 120; 21 – 138/1. **Ust-Alma:** 3 – grave 384; 4 – 404; 5 – crypt 450/5; 6 – grave 764; 7 – crypt 777/7; 8 – 844; 9 – grave 432; 10 – crypt 616; 12 – 777/4; 16 – 20 – 316; 22 – 348/58; 23 – 449/14; 24, 25 – grave 332; 26a-8, 27 – 433; 28, 29 – crypt 449/5; 30 – 520/34; 31a-8 – 650; 32, 33 – 557; 34 – grave 547; 35 – 736; 36 – 737. 1-9, 11 – bronze; 10, 12-36 – iron.

Fig. 93. Quiver sets of iron stemmed three-vane arrowheads and bronze wrapping of arrow shaft (7) from complexes dating to the 1st century AD. Ust-Alma: 1-5, 7 – crypt 612/3; 6 – 777/1; 8 – 620/2; 9 – 616; 10 – 730/1.

Fig. 94. Quiver sets of iron stemmed three-vane arrowheads from complexes dating to the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1-22 – crypt 730/1; 23, 24 – 616; 25-27 – 620/2; 28-62 – 715.

Fig. 95. Bronze and iron buckles, details of sword belt fastenings from complexes dating to the 1st century BC – 2nd century AD. Neapolis Scythian, eastern necropolis (excavations of 1978 and 1982): 1 – grave 40; 2 – crypt 39; 3-5, 7 – crypt 41; 6 – crypt 30; 8, 9 – crypt 39; 10 – grave 57. **Bitak:** 11 – grave 120; 13 – 55. **Ust-Alma:** 12 – crypt 390; 14 – 348/18; 15 – grave 469/2; 16 – 466; 17 – 384. **Kapak-Tash (excavations of 2002):** 18-20. 1-7, 12-17 – bronze; 8-11, 18-20 – iron.

Fig. 96. Belt buckles (1, 3, 4, 6-14), strap-ends (2, 5), spur (15) from complexes dating to the 1st century AD. Ust-Alma: I, 2 – crypt 620/2; 3 – 612/1; 4, 5 – 777/3; 6 – 550/21; 7 – 424a; 8 – 550/34-35; 9 – grave 352; 10 – crypt 640/18; 11 – 590/19; 12 – 449/5; 13 – 550/13; 14 – 734; 15 – 777/5. 1, 2 – gold, glass paste; 3-5 – silver; 6, 9, 12, 15 – iron; 7, 8, 10, 11, 13, 14 – bronze.

Fig. 97. Belt buckles from complexes dating to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: I – crypt 650/; 2 – 640/21; 3 – 450/4; 4 – 650/7; 5 – 650/3; 6–9 – 316; 10 – 642'; 11 – 439/5; 12 – grave 515; 13 – crypt 705, filling; 14 – grave 591; 15 – crypt 605; 17 – grave 555; 18 – 785; 19 – 383. 1–3, 6–9, 13, 14, 16–19 – bronze; 4, 5, 10, 15 – iron; 11 – bronze, with iron tongue.

Fig. 98. Belt sets from complexes dating to the 2nd – the beginning of the 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1, 2, 5, 6 – crypt 438/7; 3, 4, 8, 9 – 438/9; 7 – 438/10–11; 10, 11 – grave 552; 12–17 – 700; 18–21 – 848. **Bitak:** 22 – grave 17/1. 1–11, 16, 17, 22 – bronze; 12–15 – silver; 18–21 – iron.

Fig. 99. Bronze belt sets from complexes dating to the end of the 2nd – the first half of the 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 364/1; 2 – crypt 649/3; 3 – grave 762; 4 – crypt 649/3; 5, 19, 20, 21 – grave 679; 6, 7 – crypt 824/1; 9–15 – grave 631; 17, 18 – crypt 630, upper tier; 19–21 – grave 679; 22–25 – grave 649/2. **Bitak:** 8 – grave 109; 16 – grave 146/1.

Fig. 100. Two-piece horse bits with bar-shape psaliums (type 3). Ust-Alma: I – crypt 690/1 (variant B); II – grave 711 (variant B); III – horse grave № 3 1993 (variant A).

Fig. 101. Two-piece ring mail bits (type 1). Ust-Alma: I – crypt 620/2; III – 557. **Bitak:** II – grave 54; IV – 94; V – 122. VI – Neapolis Scythian [Dashevskaya, 1991, Table 74, 16–18]. **Variant A:** II, V, VI. **Variant B:** I, IV.

Fig. 102. Two-piece ring mail bits (type 1). Bitak: I – grave 114. **Ust-Alma:** II – horse grave № 1 1997; III – crypt 619/1; IV – 557. **Variant B:** I, II. **Variant Г:** III, IV.

Fig. 103. Two-piece bits with massive wheel-shaped psaliums (type 2, variant A and details of horse harness. Ust-Alma: I – crypt 717; II – 316; III – horse grave № 2 1997; IV – crypt 570.

Fig. 104. Two-piece bits with psaliums in the form of figure shanks and details of horse harness. Ust-Alma: I – crypt 777/7 (type 3 B); II – horse grave № 3 1997 (type 4 B); III – horse grave № 11 1996 (type 4 Б).

Fig. 105. Two-piece bits with massive wheel-shaped psaliums (type 2) and details of horse harness. Ust-Alma: II – crypt 799; III – 715. **Bitak:** I – grave 172. I, II – variant B; III – variant B.

Fig. 106. Two-piece bits with massive wheel-shaped psaliums (type 2, variant B) and belt sets. Ust-Alma: I – grave 700; III (1–7) – crypt 830; IV (1–4) – grave 793. **Bitak:** II – grave 120.

Fig. 107. Two-piece bits with massive wheel-shaped psaliums and psaliums with umbo-shaped disks. Ust-Alma. I – crypt 830; II, III – 805; IV – horse grave № 12 1996; V – crypt 850. I, II – type 2 B; III–V – type 4 A.

Fig. 108. Burial goods from rock grave (of «Alanic leader») from Neapolis Scythian [Zaitzev, 2003, fig. 118, 119]: I – iron bits with umbo-shaped ends of psaliums; II – bronze fibula and bracelet from an accompanying burial; III – bits with wheel-shaped psaliums and details of horse harness; IV – iron dagger.

Fig. 109. Gold leaves of wreath (1) and diadem (3), types of gold appliqué and beads (4–16), face plates (2), bronze (17–20) and iron (21), signet-rings with engraved gems (17–23). Ust-Alma: 1–3 – crypt 806; 4–6 – 438/4; 7–9 – 649/3; 10–12 – 424 Б/5; 13–16 – 736; 17–19 – grave 823; 20 – crypt 550/21; 21 – 550/34; 22 – 649/4; 23 – 782.

Fig. 110. Decorations and gold (2–15, 18–20, 23–25) and silver (1, 16, 17, 21, 22) things. Ust-Alma. Crypt 603: 1 – handle of scoop; 2–4, 8–15, 19, 23–25 – plaques, beads; 5, 6 – figures of flying Eros; 7 – locket with amethyst cabochon-inset; 16–17 – figures of eagle and elk, pinned with rings and chain (handles of vessel); 18 – pendant in the form of paired «buckets»; 20 – a leave of foil from wreath or diadem; 21, 22 – balls filled with lead and connected with square plates by dowel.

Fig. 111. Decorations of gold (1–9, 12–15) and silver (11). Ust-Alma: 1, 11–15 – crypt 620/2; 2–10 – 735. 1, 7, 15 – plaques and beads; 2 – torque; 3, 12 – earrings; 4, 14 – lockets; 5 – «amulet-case»; 6, 9 – signet-rings; 10, 13 – pendant in the form of «small buckets»; 8, 11 – bracelets. Note: 5 – with enamel mountings; 14 – with a chalcedony mounting-cabochon.

Fig. 112. Decorations of gold (1–3, 6–8), cornelian (5), glass (4) / Ust-Alma. Crypt 620/1: 1, 8 – leaves and plates from head-dress; 4, 5 – beads of necklace; 6 – conic pendants of the necklace; 7 – cross-shaped appliqués (bezels are filled with enamel and glass) – decoration for collar.

Fig. 113. Decorations of gold (1–5, 8, 9), bronze (6), cornelian (7). Ust-Alma. Crypt 620/1: 1 – earrings with silver shanks to fasten chains and glass mountings in bezels; 2, 3 – rectangular plates of open-work and beads – collar decorations; 4 – bracelet; 5, 6 – signet-rings; 7 – beads (embroidery on sleeves); 8, 9 – plaques (embroidery on sleeves). **Notes:** 6 – with rock crystal mounting with intaglio.

Fig. 114. Ust-Alma. Crypt 720. Decorations: 1 – beads of necklace (1.1–1.2 – gagate; 1.1.4–1.7 – glass; 1.8–1.9 – rock crystal; 1.10, 1.13, 1.14 – cornelian; 1.11, 1.12, 1.15 – amber); 2 – gold ring with glass mounting-intaglio; 3, 4 – beads and plaques (collar decorations); 5 – bronze bracelet; 6 – beads (bronze – in centre, gagate); 7 – gold bracelet; 8 – gold earrings; 9, 10 – gold plaques (sleeve decorations); 11 – cornelian beads (16 and 15 items) – sleeve decorations; 12 – gold plaques (decorations for footwear).

Fig. 115. Ust-Alma. Crypt 775/1. Decorations: 1 – details for necklace lock (gold); 2 – gold beads-pendants; 3 – agate beads; 4, 5 – gold pendants; 6 – earrings (gold, cornelian); 7–9 – gold plaques (collar embroidery); 10 – gold plaques (decorations for dress hem).

Fig. 116. Ust-Alma. Crypt 775/2. Gold decorations. 1 – earrings with garnet mountings; 2 – earring; 3 – bracelets; 4 – signet-ring with garnet mounting-intaglio; 5–7 – plaques and beads (collar decoration); 8, 9 – plaques (sleeve embroidery).

Fig. 117. Ust-Alma. Crypt 820. Gold decorations. 1, 2 – earrings with glass mountings (green and lime-blossom) in drop-shaped and round bezels; 3 – signet-ring with garnet mounting – intaglio; 3a – picture of female bust turned to the right; 4 – signet-ring with garnet mounting-intaglio; 4a – picture of youth bust to the right; 5 – necklace with lockets with glass mountings (in the centre – violet colour, on the edges – green); 6 – fibula-brooch with imprinted picture of Aphrodite and Eroses on the plate bronze base and needle apparatus); 7 – agate necklace; 8 – «bucket»-shaped pendant; 9–11 – plaques and beads (collar decorations); 12,13 – plaques (sleeve decorations).

Fig. 118. Ust-Alma. Crypt 853. Gold decorations. 1, 2 – earrings with garnet mountings in round bezels; 3 – pendant (detail of complex necklace) with jasper mounting; 4, 5 – plaques and beads (collar decorations); 6, 7 – plaques (sleeve decorations).

Fig. 119. Gold decorations. Ust-Alma: 1–9, 14–19 – 612/2; 10–12 – 612/3; 13 – 612/1. 1 – wreath leaves; 2, 8, 9 – plaques and beads (collar decorations); 3, 4 – eye-pieces; 5 – lip-piece; 6 – earring; 7 – glass-beads necklace; 10 – zoomorphic (?) plate with paste mounting; 11 – earring; 12 – amulet in the form of bone fragment (phalanx ?), wrapped in gold with a through opening; 13 – amulet-pendant with coral or fossil shell mounting.

Fig. 120. Bronze plaques from frontlet bands from burials dating back to the 2nd – 3rd centuries AD. Bitak: 1 – grave 40; 4, 6 – 47/1; 5 – 63/1. **Neapolis Scythian (excavations under O. A. Makhneva, 1978):** 2, 3 – crypt 20. **Perevalnoye:** 7 – grave 15a; 8 – 17a; 9 – crypt 18; 10–13 – grave 176.

Fig. 121. Gold decorations. Ust-Alma: I, IV – crypt 777/3; II – 777/1; III – 777/2; V – 777/5. I – open work plate (belt or dress hem decoration of outer clothing); II–V – face plates sets.

Fig. 122. Gold decorations. Ust-Alma. Crypt 777: I – burial 1; II – 2; III, IIIa – 3; IV – 5; V – 4. I – V – funeral wreath leaves; IIIa – plate with a picture of female deity bust.

Fig. 123. Bronze torques from burials dating back to the 1st – 3rd centuries AD. Neapolis Scythian, eastern necropolis (excavations under O. A. Makhneva, 1983): 1 – grave 69. **Ust-Alma:** 2 – grave 511; 2 – crypt 640/21–22; 3 – grave 614; 4 – 548; 6 – 523.

Fig. 124. Bronze torques from burials dating back to the 1st – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 424Б/12; 2 – 640/13; 3 – grave 760/1; 4 – 760/2; 6 – 749a; 7 – 826a/1. **Neapolis Scythian (excavations under O. A. Makhneva, 1978):** 5 – grave 16.

Fig. 125. Bronze torques (1, 3, 5) and bracelets (2, 4, 6–10) from complexes dating back to the 2nd – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 7 – grave 631, 8 – 700; 9 – crypt 649/3. **Perevalnoye:** 1, 2, 4 – grave 15б; 3, 6 – 176; 5 – 22a. **Bitak:** grave 139.

Fig. 126. Bronze (1–7, 9, 21, 25–27) and gold decorations (8, 10–20, 24) from complexes dating back to the 1st – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 631; 2 – crypt 590/11; 4 – 424 Б/12; 5 – 680/6; 8 – 619/3; 9 – grave 698; 10 – crypt 772; 11 – 520/31; 12, 18 – grave 745/2; 13 – crypt 424 Б/5; 14 – grave 745/1; 15 – crypt 618/2; 16 – 618/3; 17 – 619/3; 19 – grave 749a; 20, 22 –

crypt 316; 23 – grave 765; 24 – 823; 25 – grave 825. **Perevalnoye**: 3, 6, 7, 26, 27 – grave 156. 1–11 – lunar-shaped items; 12, 23 – pendants; 13–21 – carings; 22, 24–27 – signet-rings.

Fig. 127. Bronze mirrors from complexes dating back to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: I – crypt 775/1; 2 – 775/2; 3 – 316; 4 – 619/3; 5 – 520/27–28; 6 – 348/5; 7 – 148/58; 8 – 634/4; 9 – 820; 10 – grave 607; 11 – crypt 830.

Fig. 128. Bronze mirrors from complexes dating back to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 520/42; 4 – 424 Б/3; 5 – 520/40; 6 – 520/31; 7 – 440/6; 8, 19 – 316; 9 – grave 404; 10, 18 – 606; 11 – crypt 438/4; 12 – grave 651; 13 – crypt 520/15; 14 – 550/1; 16, 17 – 424 A. **Bitak:** 2 – grave 87/1; 3 – 51; 15 – 140.

Fig. 129. Bronze ornamented mirrors with a side handle from complexes dating back to the 2nd – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 520/18; 2 – 520/17; 3 – 424 Б/5; 4 – grave 568; 6 – 847; 7 – crypt 640/4–5; 8 – 439/16–17; 10 – grave 566/2; 15 – 656/2. **Bitak:** 5 – grave 132; 9 – 17/1; 11 – 150/2; 12 – 30; 13 – 13; 14 – 71; 16 – 157; 17 – 56; 18 – 32/2; 19 – 19; 20 – 176/1.

Fig. 130. Bronze ornamented mirrors with a side handle from complexes dating back to the 2nd – 3rd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 640/3; 2 – 830; 3 – grave 592; 4 – 623; 5 – crypt 520/2; 6 – 520/14; 7 – grave 600; 9 – 542; 11 – 564; 12 – crypt 424 Б/3; 14 – grave 574; 15 – crypt 550/2; 16 – 424 A; 17 – grave 565; 18 – 506. **Bitak:** 8 – grave 160 (?); 10 – 130; 13 – 88; 19 – 160/1; 20 – 140.

Fig. 131. Bronze and iron details of boxes dating to the 1st – 3rd centuries AD. Bitak: 1 – grave 150/2; 5 – 176/2; 7 – 1/2. **Ust-Alma:** 2 – crypt 649/3; 3 – 640/19; 4 – 619/5; 6 – 634/3; 8 – 640/19; 9 – 640/3.

Fig. 132. Ust-Alma. Crypt 620/1. Chinese lacquered casket (Yu. P. Zaytsev's reconstruction) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002].

Fig. 133. Toilet little spoons (1–11), pyxides (12–15), toilet bottles (16, 18, 19) from burials dating back to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 550/17; 2 – 348/58; 3 – 316; 4 – 348/39; 5 – grave 648; 6 – crypt 438/4; 7 – 439/20; 8 – 720; 9 – 640/19; 10 – 449/4; 11 – 520/31; 12 – 619/3; 13–15, 17 – 620/1; 16 – 520/40; 18 – 440/9–10; 19 – 844. 1–11, 16, 18 – silver; 12–14 – bone; 15 – wood, bronze nail, silver appliqué; 17 – rosin in birch-bark case (?); 19 – agate. **Contents of balsamariums:** 13 – pieces of rose colour (rouge); 14 – lumps of white colour (ceruse); 15 – small wooden shanks pared down; 18 – fine river sand.

Fig. 134. Wooden items. Ust-Alma (on the material of report 1995): 1, 2 – crypt 520/24; 3 – 520/27–28; 4 – 590/16. 1–2 – details of ornamented casket; 3 – side wall of ornamented casket; 4 – zoomorphic finial of spindle.

Fig. 135 Wooden pyxides. Ust-Alma (on report materials of 1995): 1 – crypt 520/26; 2 – 520/18; 3 – 520/26; 4 – 520/ tier IX–X; 5 – 520/27–28; 6 – 520/ tier IX–X; 8 – 550/1–2.

Fig. 136. Wooden pyxides and details of spindles. Ust-Alma (on report materials of 1995): 1 – 550/10; 2 – 550/2; 3, 4 – 550/14; 5–7, 12 – 520/7–9; 8 – 550/1–2; 9 – 550/12; 10 – 520/26; 11, 13 – 520/16; 14 – 520/25; 15 – 520/18.

Fig. 137. Wooden combs and finials of spindles. Ust-Alma (on report materials of 1995): 1 – crypt 520/16; 2 – 520/26; 3, 6 – 520/18; 4, 7 – 550/5; 5 – 550/12; 8 – 736; 9, 10 – 520/23; 11 – 520/1; 12 – 550/2; 13 – 550/1; 14 – 520/34.

Fig. 138. Ritual vessels (1, 3–6), reconstruction (Yu. P. Zaytsev) of wooden drinking bowl without handles (2), ritual knives (7–9). Ust-Alma: 1, 3, 7 – crypt 603; 2, 4 – 720; 5 – 705; 6 – 620; 8 – 782; 9 – 775/1. 1, 4–6 – alabaster; 3 – marble; 7 – iron, coloured glass; 8 – iron, bone; 9 – iron, bone, wood.

Fig. 139. Iron candelabras, bronze details, hand-made lamps and incense –burners from complexes dating back to the 1st – 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1–3, 11, 12 – crypt 620; 4 – 612; 5 – 730/2; 6 – grave 700; 7 – crypt 616, 8–10 – 603; 13 – 619/1.

Fig. 140. Wooden vessels from crypt 595 Ust-Alma (on report materials 1996): 1–3.

Fig. 141. Wooden vessels. Ust-Alma (on report materials 1995 and 1998): 1–3 – crypt 520/27–28; 4 – 550/12; 5 – 520/18; 6, 7 – grave 700.

Fig. 142. Monuments of art. Painting on coffin walls (1, 2) and anthropomorphic steles. Ust-Alma: 1 – crypt 550/21–22; 2 – 450/13–14; 3 – 616; 4 – 850.

Fig. 143. Figure pendants of delft-ware (1–10, 12, 14–27), beads and glass pendants (13, 28–43), rock crystal (12). Ust-Alma: 1–4, 9, 10, 16–19 – grave 407/3; 5 – 609; 6 – 660; 7 – 597; 8,

15, 29 – 558; 11–13 – 636/1; 14 – 659; 20, 21 – 513; 23 – 512; 24, 32 – 597; 26 – 606; 27 – 644; 28 – 597; 30 – 520/17–18; 31a, 6 – crypt 440/13; 33 – grave 673; 34 – 631; 35 – crypt 640/15; 36 – 640/10–11; 37 – 559; 38, 39 – 380. **Bitak:** 22 – grave 51; 25 – grave 66; 40, 41 – 87/1; 42 – 44/2; 43 – 80.

Fig. 144. Ust-Alma. Crypt 620/1. Amulets and decorations: 1, 11 – iron 2, 3, 20, 21, 23, 26, 27, 29, 30 – bronze; 4, 5, 8, 13, 16 – chalk fossils; 6 gagate; 7, 17, 18 – sea pebble; 9 – sandstone concretion; 10 – fragments of glass vessel; 12, 15 – chalky beads-pendants; 14 – sea pebble in iron wrapping; 19 – ferriferous concretion; 22 – marble finial of club (field sketching); 24, 25 – Egyptian delft-ware; 28 – wood.

Fig. 145. Amulets, beads and pendants of bronze. **Ust-Alma:** 2 – crypt 316; 3 – 820; 4 – 520/17; 6, 9, 17, 21 – grave 689; 7 – 574; 8 – 537; 10 – 561; 11, 12, 19, 22 – 607; 18 – 385; 20 – 407/3; 23 – 631; 26 – 691; 29 – 447. **Bitak:** 1 – grave 147/2; 5 – 42/2; 13, 14 – 37; 15, 16 – 169; 24, 25 – 114; 27 – 17/1; 28 – 38; 30, 31 – 10; 32 – 160.

Fig. 146. Amulets and decorations of bronze. **Ust-Alma:** 1–4, 18 – crypt 315 (1 – sea pebble in bronze wrapping); 5 – 449/4; 6, 7 – 439/9; 9 – grave 600; 10 – 673; 11 – crypt 590/5–6; 12, 13 – grave 542/2; 14 – 437; 15 – 547; 16 – crypt 820; 17 – grave 404. **Bitak:** 8 – grave 66.

Fig. 147. Amulets and decorations of bone (1–9, 12, 13) and stone (10, 11, 14–16). **Ust-Alma:** 1 – grave 403/1; 2 – crypt 348/21; 3 – 348/40; 4 – 438/3; 5 – 348/15; 6 – 678 (in bronze wrapping); 8 – crypt 680/6; 9, 14–16 – 853; 10, 11 – grave 432; 12 – 691; 13 – crypt 348/21.

Fig. 148. Sea shells. **Ust-Alma:** 1 – grave 843; 4 – 407/3; 6 – 432; 7 – crypt 619/3; 8 – 348, niche; 9 – 1993 year; 10 – grave 469/1; 11–12 – 410/1. **Bitak:** 2, 2a – grave 147/2; 3 – 109/2; 5 – 55.

Fig. 149. Bronze patera (1), details of bronze vessels decorations (4, 5, 8, 9), bronze matrix-plate (3), amulet cases (2, 6, 7). **Ust-Alma:** 1 – grave 700; 2 – 558 (bronze, glass); 3 – crypt 520/10; 4 – grave 559; 5 – 597; 6 – crypt 650/8 (bronze); 7 – 649/4 (silver); 8 – grave 765; 9 – crypt 649/4.

Fig. 150. Bronze «amulet cases»-«needle-cases» (1–8) and folding toilet files (9–13). **Ust-Alma:** 1 – grave 656/2; 2 – 606; 3 – crypt 438/10–11; 5 – 316; 7 – 424 Б/3; 8 – grave 437; 10 – 370; 11 – 385; 12 – 456; 13 – 411/1–2. **Bitak:** 4 – grave 160; 6 – 17/1; 9 – 114.

Fig. 151. Bronze vessels and their details. **Ust-Alma:** 1 – crypt 820; 2 – grave 846; 3, 4, 7 – crypt 853; 5 – grave 542/2; 6 – 848.

Fig. 152. Bronze (1, 3) and silver (2, 4) wares. **Ust-Alma:** 1, 3 – crypt 620; 2 – 612/3; 4 – 612/2.

Fig. 153. Bronze (1–3, 5, 6) and silver (4) vessels. **Ust-Alma:** 1, 6 – crypt 730; 2, 4 – 735; 3, 5 – 720.

Fig. 154. Bronze ware. **Ust-Alma:** 1 – crypt 844; 2 – 775/1; 3 – 775/2; 4 – grave 745.

Fig. 155. Bronze (1, 3) and silver (2) vessels. **Ust-Alma. Crypt 844.**

Fig. 156. Light-clay amphoras. **Ust-Alma:** 1 – crypt 735; 2 – 730/1; 3 – 620/2; 4 – 618/3; 5 – 820.

Fig. 157. Light-clay amphoras. **Ust-Alma:** 1 – crypt 770; 2 – 619/3; 3 – 703/1. **Bitak:** 4 – grave 120.

Fig. 158. Light-clay amphoras. **Ust-Alma:** 1 – grave 700; 2 – crypt 634/1; 3 – 705 (filling of chamber); 4 – 438 (tier 5, at the base).

Fig. 159. Light-clay amphoras. **Ust-Alma:** 1 – crypt 316; 2 – 520/4; 3 – 550/2; 4 – 649/3.

Fig. 160. Red-clay (1) and light-clay (2) amphoras, orange-brown clay pitchers with bi-conic body, on high base-ring (3, 4). **Ust-Alma:** 1 – 1995, excavation III, upper layer; 2 – 1995, excavation II, upper layer; 3 – grave 700, entrance pit; 4 – grave 852, entrance pit.

Fig. 161. Light-clay amphoras (1–5). **Perevalnoye. Crypt 1.**

Fig. 162. Pottery pitchers (1, 2, 3) and red slip oinochoes (4, 5), at the turn of BC and the first half of the 1st century AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 424 A; 2 – grave 498; 3 – crypt 440/6; 4 – grave 466; 5 – grave 469/1. **Notes:** 2 – brown slip coating with traces of white paintings; 3 – two-handled pitcher with engraved ornament (for the second time it was used as a cup).

Fig. 163. Red slip pottery at the turn of BC – the first half of the 1st century AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 450/22; 2 – grave 505; 3, 5 – 469/1; 4 – 498; 6 – 466; 7 – 469/2. **Notes:** 1 – potter's vessel with a slip of red lacquer, over which traces of white-painted garlands preserved; 5 – brown slip coating.

Fig. 164. Potter's (1, 3, 4–10) and red slip (2, 5, 11) balsamariums dating to the end of 1st BC – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 469/1; 2 – crypt 690; 3 – 612/2; 4 – 649/3; 6 – 820; 7 – grave 341; 9 – crypt 439/3; 10 – 520/18; 11 – grave 430. Bitak: 5 – crypt 104/4. Neapolis Scythian, eastern necropolis: 8 – grave 95 [Symonovich, 1983, Table XI, 17].

Fig. 165. Red slip pitchers (1, 2, 4) and amphora (3) from the burials dating back to the middle – the third quarter of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 612; 2 – 730/2; 3 – 720; 4 – grave 740. Notes: 2 – white-colour painting; 3,4 – relief ornament.

Fig. 166. Red slip jugs from complexes dating to the middle – third quarter of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 650/1; 2 – grave 509; 3 – 580; 4 – 609.

Fig. 167. Potter's (1) and red slip (2–8) wares from complexes dating to the middle – third quarter of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 690/1; 2 – 735; 3 – 777/1; 4 – 775/1; 5 – grave 657; 6 – crypt 550/31; 7 – 630/tier 1; 8 – grave 713.

Fig. 168. Red-slip cups (1–4) and kantharoi (5–12) from complexes dating back to the middle – third quarter of the 1st century AD: 1 – crypt 650/7; 2 – 720; 3, 10 – grave 558; 4 – crypt 650/4; 5 – grave 682/5; 6 – 580; 7 – 609; 8 – 740; 9 – 596; 11 – 586; 12 – 517/4.

Fig. 169. Red-slip cups from complexes dating to the second half of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 612; 2 – 650/6; 3 – grave 422; 4 – crypt 650/2a; 5 – grave 476; 6 – 520/25; 7 – 775/1; 8 – 820; 9 – grave 542/2; 10 – crypt 619/5; 11 – 619/4; 12 – 777/4; 13 – 777/2; 15 – grave 728/lower tier; 16 – 411/1–2. Bitak: 14 – grave 79/2.

Fig. 170. Red-slip dishes and plates from the complexes dating back to the middle – the second half of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 690/1; 2 – 777/1; 3 – 618/3; 4 – grave 691; 5 – crypt 424A; 6 – 777/3; 7 – grave 421; 8 – 509; 9 – grave 745; 10 – 609.

Fig. 171. Red-slip kantharoi (1–4) and cups (5–8) from complexes dating back to the last quarter of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – grave 586; 2 – 745/1; 3 – crypt 703/1; 4 – grave 711; 6 – crypt 775/1; 7 – grave 714; 8 – 411/1. Bitak: 5 – grave 79/1.

Fig. 172. Red-slip pottery from complexes dating back to the last quarter of 1st – the beginning of the 2nd century AD. Ust-Alma: 2 – crypt 316; 3 – grave 636/2; 4 – 598; 6 – 673/2; 7 – 600; 8 – 526; 9 – crypt 734; 10 – grave 698; 11 – crypt 640/12; 12 – grave 655; 13 – 396; 14 – 615. Bitak: 1 – grave 147/2; 5 – grave 120.

Fig. 173. Potter's (1) and red-slip (2) amphoriskoi and red-slip jugs (3, 4) from complexes dating back to the last quarter of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 644; 2 – crypt 763/1; 3 – grave 711; 4 – crypt 775/1.

Fig. 174. Red-slip krater (1), amphoriskoi (2, 3) and jug (4) from complexes dating back to the last quarter of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 705; 2 – 348; 3 – grave 372/2; 4 – crypt 348/58.

Fig. 175. Red-slip plates (1–7) and dishes (8–10) dating to the second half of the 1st century AD. Ust-Alma: 1 – grave 713; 2 – 517/4; 3 – 584; 4 – 338; 5 – 596; 6 – 711; 7 – 630/tier 1; 8 – crypt 763/1; 9 – 703/1; 10 – 629.

Fig. 176. Potter's oinochoes (1, 2) and red-slip jugs (4–8) and amphoriskoi (3, 9) from burials dating back to the last quarter of the 1st century AD – the beginning of the 2nd century AD. Ust-Alma: 1 – grave 651; 2 – crypt 703/1; 3 – grave 721; 4 – 338; 5 – 615; 6 – crypt 640/12; 7 – grave 600; 8 – 733; 9 – 673/2.

Fig. 177. Red-slip jugs (1–3, 5–7), beaker (4), potter's (8) and red-slip (9, 10) oinochoes from complexes dating back to the second – third quarters of 2nd century AD. Ust-Alma: 2 – crypt 550/2; 3 – grave 673/1; 4 – 592/2 (lower); 6 – 592(?); 7 – 571; 8 – 365; 9 – 592/1 (upper). Bitak: 1 – grave 90/1; 5 – 114.

Fig. 178. Red-slip plates from complexes dating back to the end of the 1st – the first quarter of the 2nd century AD. Ust-Alma: 2 – grave 614; 3 – crypt 348/58; 4 – 316; 5 – grave 651; 6 – 329a; 7 – 727; 8 – 600; 9 – 654; 10 – 598; 11 – 655; 12 – 705/niche; 13 – 433. Bitak: 1 – grave 147/2.

Fig. 179. Red slip plates (1–5), cups (6, 7), beakers (8, 9), jug from complexes dating back to the second quarter – the mid-2nd century AD. Ust-Alma: 1 – grave 673/1; 2 – crypt 520/1; 3 – 571; 4 – 590/2; 5 – grave 542/1; 8 – 373; 9 – crypt 640/1; 10 – grave 684. Bitak: 6 – grave 85/1; 7 – 149.

Fig. 180. Red-slip jugs from complexes dating back to the second half of the 2nd – the beginning of the 3rd centuries AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 316 (upper tier); 4 – grave 583/1; 5 – 566/1; 6 – 566/2; 7 – 583/2; 8 – 574. **Bitak:** 2 – grave 143; 3 – 66.

Fig. 181. Red-slip beakers (1–9), guttus (10) and cup (11) from complexes dating back to the second half of the 2nd – the beginning of the 3rd centuries AD. **Ust-Alma:** 1 – grave 568; 2 – 536; 3 – 606; 4 – 559; 5 – 537; 6 – 566/2; 7 – 583; 8 – 574; 9, 11 – 611/2; 10 – crypt 316.

182. Red-slip plates (1–6, 8, 10–13) and bowls (7, 9) from complexes dating back to the second half of the 2nd – the beginning of the 3rd centuries AD. **Ust-Alma:** 1 – grave 559; 2 – 482; 3 – 536; 4 – 568; 5 – 1995, excavation III (upper layer); 6 – 566/1; 8 – 574; 10 – 566/2; 11 – 319; 13 – 559. **Bitak:** 7 – grave 143; 9 – 66; 12 – 44/2–1.

Fig. 183. Red-slip ware from complexes dating back to the second – third quarters of the 3rd century AD. **Perevalnoye:** 1, 2, 5 – crypt 1; 3 – grave 22a; 4, 6–9, 11 – 176; 10, 12, 13 – crypt 18.

Fig. 184. Red-slip plates (1–6), cups (7, 8) and beaker (9) from complexes dating back to the end of the 2nd – the first quarter of the 3rd century AD. **Ust-Alma:** 2 – grave 802; 3, 4, 6 – grave 835; 7 – 668. **Bitak:** 1 – grave 62; 5, 8, 9 – 42/2–2.

Fig. 185. Red-clay oinochoe (1) and red-slip (2–6) jugs from complexes dating back to the first half of the 3rd century AD. **Ust-Alma:** 1 – grave 353; 2 – 835; 3 – 386; 5 – 380. **Bitak:** 6 – 62. **Perevalnoye:** 4 – grave 156.

Fig. 186. Red-slip plates (1–7, 9, 11, 13), bowls (8, 12), cups (10, 14) from complexes dating back to the first half of the 3rd century AD. **Ust-Alma:** 2, 4, 12 – crypt 649/1–3; 3 – 847; 5 – 631; 6 – 632; 7 – 849; 8, 11 – 846; 13 – 824/2. **Perevalnoye:** 1 – grave 15a; 14 – 156.

Fig. 187. Red-slip oinochoe (1), jugs (2–5, 7, 10), beakers (6, 8, 9) from complexes dating back to the first half of the 3rd century AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 649/1–3; 2 – 824/2; 3 – 631; 4 – 825; 5 – 847; 10 – 846. **Bitak:** 6 – grave 101. **Perevalnoye:** 7 – grave 17a; 8 – 15a; 9 – 156.

Fig. 188. Lamps of Late-Hellenistic (1–3) and Early-Roman (4–6) periods with slip coating. **Ust-Alma:** 1 – crypt 690/1; 2 – 424 A; 3 – 449 /2; 4 – 735; 5 – 775/2; 6 – 716.

Fig. 189. Red-slip lamps (1–4) and pottery incense-burner (5) from complexes dating back to the first half of the 2nd century AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 439 (filling of depression); 2, 3 – 805; 4, 5 – 705 (niche).

Fig. 190. Red-slip lamps from complexes dating back to the first half – mid. 2nd century AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 634/3; 2 – grave 553; 3 – 510; 4 – 430; 5 – 848; 6 – crypt 595.

Fig. 191. Glass balsamariums from complexes dating back to the second half of the 1st – 2nd centuries AD. **Ust-Alma:** 1 – crypt 618/1; 2 – 620/1; 3 – 720; 4 – 705; 6–9, 11 – crypt 316; 10 – 520/37; 12 – 520/18; 13 – 520/3; 14 – 640/12; 15 – 424 Б/3. **Bitak:** 5 – grave 160/1.

Fig. 192. Glass balsamariums (1–13) and small jug (14) from complexes dating back to the 2nd – the first half of the 3rd centuries AD. **Ust-Alma:** 3 – 502; 4, 5 – crypt 830; 6 – grave 396; 10 – 673/1; 11 – 835; 12 – 846; 13 – 847; 14 – 826 а/1.

Fig. 193. Glass ware from complexes dating back to the mid. – the second half of the 3rd century AD. **Ust-Alma:** 5 – crypt 649/1–3. **Perevalnoye:** 1–3 – grave 5; 4 – grave 6; 6, 7 – crypt 1.

Fig. 194. Bronze fibulas from complexes dating back to the turn of AD – the 1st century AD (1–20) and the second quarter of the 2nd century AD (19). **Ust-Alma:** 1 – grave 662/1; 3 – 469/2; 4 – 440/10; 5 – 450/5; 6 – 620/1; 7 – grave 498; 8 – crypt 640/21–22; 9 – grave 517/1–2; 10 – 517/3; 11 – crypt 450/6; 12 – crypt 628; 13 – 640/18; 16 – 550/14. **Neapolis Scythian (excavations under O. A. Makhneva 1978 and 1982):** 2, 18 – crypt 56; 15 – 30; 17 – 29. **Bitak:** 14 – crypt 104 / tier 2; 19 – grave 149. **Notes:** 1 – of mid-La Tene scheme, with smooth wire («Neapolis type»); 2 – one-piece «military» with bent body («Northern Black Sea Coast variant»); 3, 4 – Early-Roman highly arched bow of hinge type «Alezia»; 5, 6 – Early-Roman of hinge-type «Aucissa»; 7–18 – fibula with returned foot with oval-widening plate and narrow («Lebyazhiye» series, second variant); 19 – bow-shaped (imitating form and ornamentation of «Lebyazhiye» one).

Fig. 195. Bronze hinge (1–10, 12–17) and spring (11) provincial fibulas-brooches of geometric form from complexes dating back to the second half of the 1st century AD and the first half of the 2nd century AD (11). **Ust-Alma:** 1 – grave 517/1–2; 2 – 826/3–4; 3 – crypt 590/13; 4 – 650/2–7; 5 – 348/39; 6 – 590/8; 7 – 590/11; 8 – 618/2; 9 – grave 477; 10 – crypt 440/11; 11 – grave 733; 12 – crypt 590/20; 13 – 517/4; 15 – grave 338; 16 – crypt 551. **Neapolis Scythian (excavation under O. A. Makhneva), 1978:** 14 – crypt 29; 17 – 9.

Fig. 196. Spring fibulas-brooches (with «bow» needle apparatus) with imprinted picture on plate from complexes dating back to the last quarter of the 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – grave 513; 2 – crypt 590/16; 3 – 650/5; 4, 11 – grave 759; 5 – crypt 703; 6 – 680/6; 7 – 440/6; 8 – grave 654; 12 – crypt 520/37; 13 – grave 719; 14 – crypt 520/35; 15 – 520/27-28; 16 – grave 604; 17 – 609 (the third quarter of the 1st century AD). Bitak: 9 – grave 22; 10 – 83. Bronze plate – 1-3, 5-9, 11-13; silver – 4, 10.

Fig. 197. Bronze hinge fibulas-brooches in the form of a bird (1-4), highly profiled of western types (5-10), with a pin at the end of catch plate (11-13), small with an oval bow and S-shaped scroll (14-19, 25), with a triangular bow and S-shaped scroll (20-24), bow-shaped with returned foot of variant I (26-31). Ust-Alma: 1 – crypt 450/13; 2 – 450/3; 3 – 424 Б/15; 4 – 450/4; 5, 21 – 618/2; 6 – grave 691; 7 – 724; 8 – crypt 616; 9 – 438/5; 10 – grave 848; 11 – crypt 853; 13 – 826/1-2; 14 – 580; 16 – crypt 628; 17 – grave 713; 18 – crypt 551; 20 – 520/40; 22 – 618/3; 23 – crypt 820; 24 – 520/31; 25 – 619/4; 26 – grave 580/2; 27 – 580/1; 29, 30 – crypt 690 (early burials); 31 – 690/1. Neapolis Scythian (excavations under О. А. Махнева 1978 and 1982): 12 – crypt 39; 15 – 30; 19 – 56. Bitak: 28 – crypt 155/10. Notes: 1 – silver over bronze; 24 – silver.

Fig. 198. Bronze wire bow-shaped fibulas with returned foot of variants I-II (1-6, 8-27) and small «stringed» (7) from complexes dating back to the mid. 1st – the beginning of the 2nd centuries AD. Ust-Alma: 1 – crypt 612/2; 2 – 620/2; 3 – 650/4; 4 – grave 609; 5 – crypt 735; 6 – 640/13; 7 – grave 697; 8 – crypt 424 Б/15; 9 – crypt 450/2; 10, 11 – 450/13; 12 – 619/5; 13 – 628; 14 – 853; 15 – grave 728/2; 16 – 654; 17 – 655; 18 – 411/3-4; 24 – 636/1; 25 – 575/2; 27 – 517/4. Neapolis Scythian (excavations under О. А. Махнева), 1978: 19 – crypt 30; 20, 21 – 29; 22 – 12. Bitak: 26 – grave 30.

Fig. 199. Wire bow-shaped fibulas with returned foot of variants 2-3 (1-7), 3 (8-14) and 3-4 (15-18) from complexes dating back to the 2nd century AD. Ust-Alma: 1 – crypt 438/7; 2 – 438/9; 3 – grave 607; 7 – 542/1; 8 – 569; 9 – 118/2; 10 – crypt 640/2; 11 – grave 571; 12 – 688; 13 – 623; 17 – 565; 18 – 583. Bitak: 4 – grave 143; 5 – 140; 6 – 122; 14 – 66; 16 – 87/1. Neapolis Scythian, (excavations under О. А. Махнева), 1978: 15 – crypt 30. Notes: 1-6, 8-18 – bronze; 7 – iron.

Fig. 200. Bronze wire bow-shaped fibulas with returned foot of variants 4-5 from complexes dating back to the end of the 2nd – the first half of the 3rd centuries AD with smooth bow (1-4), wrapping (5-17) and small one of variant 3 with figure wrapping of a bow (9) from complex dating back to the first half of the 2nd century AD. Ust-Alma: 1 – grave 631; 3 – 847; 5 – 536; 6 – crypt 649/2; 9 – grave 528; 10 – 566/1; 13 – 574. Bitak: 2 – grave 87/1; 4 – 80; 11 – grave 121; 12 – 72; 14 – 62; 15 – 17/1. Neapolis Scythian, (excavations under О. А. Махнева), 1978: 8, 16 – crypt 44; 17 – grave 13; 1986: 7 – crypt 32 (extension of excavation under V. P. Babenchikov, 1947-1948).

Fig. 201. Bronze bow-shaped fibulas with returned foot from complexes dating back to the first half of the 3rd century AD. Ust-Alma: 1, 6 – crypt 316; 3 – grave 679; 4 – crypt 348/11; 7 – grave 824/2; 8 – grave 793; 9 – 824/3. «Inkerman type» (with a lower with a bow-sting): 1-3 – variant 1 (with smooth bow); 4-7 – variant 2 (with figure wrapping of a bow), 7 – with lead axis of a spring. Two-piece brooch with broadened foot: 8 (iron axis of a spring). Fibula with a highly bent flat bow with a scroll at the end of a catch plate: 9 (bronze axis of a spring). Wire one-piece fibula, variant 5: 10 (with complete wrapping of a bow).

Fig. 202. Wire fibulas with decoration at the end of catch plate: pin (1-13), spiral scroll (14-18), S-shaped (19-25). Ust-Alma: 1 – crypt 520/17; 2 – 520/18; 6 – 438/10-11; 10 – 550/8; 11 – grave 476; 12 – crypt 520/1; 13 – 590/4; 14 – 438/2; 16 – 590/4; 17 – 424 Б/4; 20 – grave 614; 21 – crypt 590/5-6; 25 – grave 573. Bitak: 3 – grave 90/1; 4 – 64/2; 5 – 63/2(?) 7 – 85/1; 8 – 149; 9 – 14; 15 – 150/2; 18 – 63/2. Neapolis Scythian (excavations under О. А. Махнева), 1978 and 1983: 19 – crypt 44; 23 – 71/2-2; 24 – 71/2-1; 1986: 22 – crypt 32 (extension of excavations under V. P. Babenchikov 1947-1948).

Fig. 203. Highly profiled fibulas: of western types (3, 10), Black Sea Coast types (1, 2, 4-9, 11-17). Ust-Alma: 2 – crypt 315; 4 – grave 542/2; 6 – 654; 9 – 598; 11 – crypt 550/6; 14 – 590/1. Bitak: 1 – grave 91; 5 – 64/2; 7, 8 – 71; 10 – 153; 12 – 146/1-2; 13 – 160/2; 15 – 81/1; 16 – 114; 17 – 63/1. Notes: 6 – bronze spring axis; 4, 5, 7, 9, 14 – iron axis; 10 – iron spring.

Fig. 204. Hinge arched fibulas (1–3). Provincial hinge ear fibulas without enamel (4–6) and with enamel mountings (7–10). Provincial hinge brooches with enamel: geometric forms (11–14, 21–24); with zoomorphic elements (15–20). **Ust-Alma:** 1 – crypt 315; 4 – grave 406; 5 – 570; 6 – 613; 7 – crypt 550/2; 8 – 550/1; 9 – grave 564; 10 – 656/2; 11 – crypt 438/4; 12 – grave 419; 13 – crypt 424 A; 14, 15 – grave 606; 16 – 439/7a; 17 – crypt 316; 19 – 424 Б/5; 20 – 424 Б/10; 21 – grave 688; 22 – 314. **Bitak:** 2 – grave 49; 3 – 28; 18 – 32/1; 24 – 107. **Neapolis Scythian** (excavations under O. A. Makhneva), 1986: 23 – crypt 32 (extension of excavations under V. P. Babenchikov 1947–1948).

Fig. 205. **Perevalnoye.** Iron (1, 2) and bronze bow-shaped fibulas with returned foot from complexes dating back to the second – third quarters of the 3rd century AD: 1, 2 – grave 15a; 3–7 – 15б; 8–11 – 17a; 12–15 – 17б.

SUMMARY

Introduction. Since ancient times the Crimean peninsula has been the territory across which migrations and cultural – economic relations between the population of Carpathian-Balkan region, the Northern Black Sea Coast and the Caucasus took place. Many peoples leaving historic arena came to the Crimea and continued their development in the new environment.

This work is devoted to detailed research of the latest stage of Scythian culture in the Crimea (the 2nd century BC – 3rd century AD), which took place in the epoch of predominance of tribes known to ancient authors as the “Sarmatian” in the steppes of the Northern Black Sea Coast. Migrations of steppe nomads and agricultural population of forest-steppe zone were a common phenomenon; it is represented on the ethnic map of Crimean Scythia.

Chapter I. Crimean Scythia in Historiography. The Problem of Ethnos.

The study of Crimean Scythia is subdivided into four large periods. During the first period (the 20s of the 19th century – the beginning of the 20th century), the research was irregular, material was accumulated, opinions on discoveries of revealed lapidary, numismatic, and archaeological finds were expressed (I. P. Blaramberg, F. Dubua de Monpere, A. S. Uvarov, N. I. Veselovsky, Yu. A. Kulakovskiy, Kh. P. Yashchurzhinsky, F. F. Lashkov, A. O. Kashpar, A. I. Markevich, A. Kh. Steven, A. V. Oreshnikov, V. V. Latyshev, M. I. Rostovtsev, N. M. Pechenkin).

In the 20s – 30s of the 20th century, due to the systematic research of late-Scythian sites in the Central Crimea and excavations in Neapolis Scythian, N. L. Ernst put forward a question of the existence of a special “Neapolis” culture. This work marked the beginning of a new stage in the study of antiquities of Crimean Scythia. Reconnaissance works in the North-Western Crimea were undertaken by P. N. Shultz, and N. I. Repnikov carried out reconnaissance in the South-Western Crimea.

In 1945 Taurus-Scythian expedition headed by P. N. Shultz launched large scale excavations of Neapolis and other sites and cemeteries of the Late Scythian period, investigations were conducted at the foothill regions of the Mountainous Crimea. Principal scientific institutions of the USSR endorsed this work. The obtained material was presented in some publications (P. N. Shultz, A. N. Karaseov, N. N. Pogrebova, O. D. Dashevskaya, I. V. Yatsenko, E. A. Symonovich, V. P. Babenchikov, E. I. Solomonik, T. N. Troitskaya and others).

The third period (the end of the 60s – 70s of the 20th century) is characterized by the transition to the historic interpretation of processes which had taken place in Crimean Scythia for more than five centuries. The problems of chronology and periodization of the Late-Scythian culture, ethnic and social composition of the population, structure of economy, economic relations, cults and rites, art, etc. were examined in articles and monographs by P. N. Shultz, D. S. Rayevsky, I. V. Yatsenko, O. D. Dashevskaya, T. N. Vysotskaya, I. I. Gushchina, N. A. Bogdanova.

The fourth period began at the end of the 70s of the 20th century and has been going on up to the present time. It is marked by wide-ranging excavations of the capital of Crimean Scythia – Neapolis, as well as thorough study of other large sites and cemeteries, such as Bulganak, Ust-Alma, Belyaus, Kulchuk, Kara-Tobe, Chaika, Kalos Limen and others (O. A. Makhneva, S. G. Koltukhov, A. Ye. Puzdrovsky, Yu. P. Zaitsev, T. V. Vysotskaya, I. I. Loboda, I. N. Khrapunov, O. D. Dashevskaya, I. V. Yatzenko, E. A. Popova, A. S. Golentsov, S. Yu. Vnukov, V. A. Kutaisov, V. B. Uzhentsev and others). This stage is noted by obtaining the material that does not agree with the present day historic conceptions of development of Crimean Scythia (T. N. Vysotskaya, O. D. Dashevskaya). V. M. Zubar, I. N. Khrapunov, S. G. Koltukhov, A. Ye. Puzdrovsky, Yu. P. Zaitsev, E. A. Popova, S. Yu. Vnukov, V. B. Uzhentsev considerably contributed to the revision of the old conception.

Chapter II. Burial Monuments of Crimean Scythia Dating back to the Second Half of the 2nd Century BC – the First Half of the 1st Century AD

Considering the geographical position of Crimean Scythia there are five regions (Central, South-Western, South-Eastern, North-Western, and Steppe Crimea), each of them had their own peculiarities of topography of settlements and cemeteries, material culture and funeral rite. The first three regions are often united into one landscape zone – foothill region of the Mountainous Crimea, and just in this very region the majority of monuments are located.

Some radical changes in funeral rituals of Crimean Scythia were characterized by appearance of underground cemeteries in comparison with those dating back to the 4th – 3rd centuries BC. By the 1st century AD they dominated in Foothill Crimea and North-Western Crimea. At the same time the burial mounds were in existence. The latter ones were made in burial construction (stone crypts, catacombs) built earlier and also in pits, shaft-and-chamber graves, vaults, etc.

Burial constructions in Crimean Scythia in the period under consideration are presented by various types. Some of them were known in the previous epoch (stone crypts, common graves), others appeared as a result of the influx of new population (ground crypts-catacombs, shaft-and-chamber graves); comparative analysis of them with monuments of Scythian period and Sarmatian epoch was carried out.

Scrutiny of the problems of genesis of funeral rite of the population of Crimean Scythia of the 2nd century BC – the first half of the 1st century AD demonstrated that there was chronological gap between the monuments of the 4th – 3rd centuries BC and Late-Scythian complexes. There is no reason to trace direct connection between ground vaults of the 2nd century BC (Neapolis, Ust-Alma, Belyaus, Kulchuk, Levadki, Fontany) and steppe catacombs dating to the 4th – the beginning of the 3rd centuries BC.

Only Dnieper and Olbia groups of Scythian monuments might have effected the formation of this type of graves. Sarmatian-Meotian tribes of the Northern Caucasus and Asian Bosporus took part in this process. Sunken/secondary ground crypts in the mounds of barrows and catacombs of ground cemeteries can be connected with them.

Scrutinized finds from burial complexes testify to changes in ethno-demographic situation that were connected with the influx from outside as well as with the consolidation of tribes different in origin and groupings. Study of burial rite of Late-Hellenistic and Roman period enables us to distinguish two main newly arrived components of Late-Scythian culture: Scythian-Thracian and Sarmatian-Meotian. Burials in crypts-catacombs were characteristic for the former, transmigrated under pressure of the Getts and Bastarns from Dniester region (the Scythians-Thracians) and from the Bug region (the Mix-Hellenes) in the 2nd century BC. Characteristic hand-made ceramics, fibulas of middle-La Tene period scheme, specific forms of weapons and warriors' ammunitions. This group was Hellenized to a considerable extent; it became apparent in the character of household, house-building, material and cultural life. The second wave of migration from these regions took place in the second half of the 1st century BC.

Secondary burials in mounds near Late-Scythian settlements can be associated with the tribes of Early-Sarmatian and Sarmatian-Meotian cultures which penetrated into the Crimea from the Dnieper-Don steppes and were in touch with the cultures of La Tene sphere. Conversion of mounds into clan cemetery testifies to settling of this group of population.

Numerous burials in stone constructions combine traditions of the previous epoch as well as new impulses in the rite and equipment, which, probably, are related with the migration of nomad tribes to the west at the turn of the 2nd – 1st centuries BC. Apparently, a part of this group settled in the foothill regions of Crimean Scythia and continued their historical way in the new environment. Burial tools combining things characteristic for La Tene epoch and early-Sarmatian culture served as evidence of it. Slight influence of Taurus traditions is noticed in hand-made ceramics, sets of decorations. Ethno-social structure of Crimean Scythia was heterogeneous; it combined vestiges of kin-tribal relations and neighbouring by territorial principal poly-ethnic communities.

Chapter III. Burial Monuments of Crimean Scythia of the Second Half of the 1st – 3rd Centuries AD.

In the period under consideration underground graves became wide-spread; they were, as a rule, not far from settlements, on tops of the hills and slopes of gullies. Such a topographic

peculiarity testifies to the tendency to maintain continuity of the way of burial (imitation of burial barrows). One of the variants of the emergence of ground cemeteries is a transformation of a barrow into a kin cemetery and its extension beyond the frames of mound (Bratskoye cemetery, Mamai-Oba, “barrow 1949” of Neapolis, Belyaus barrow, Kulchuk barrow, Kholmovka).

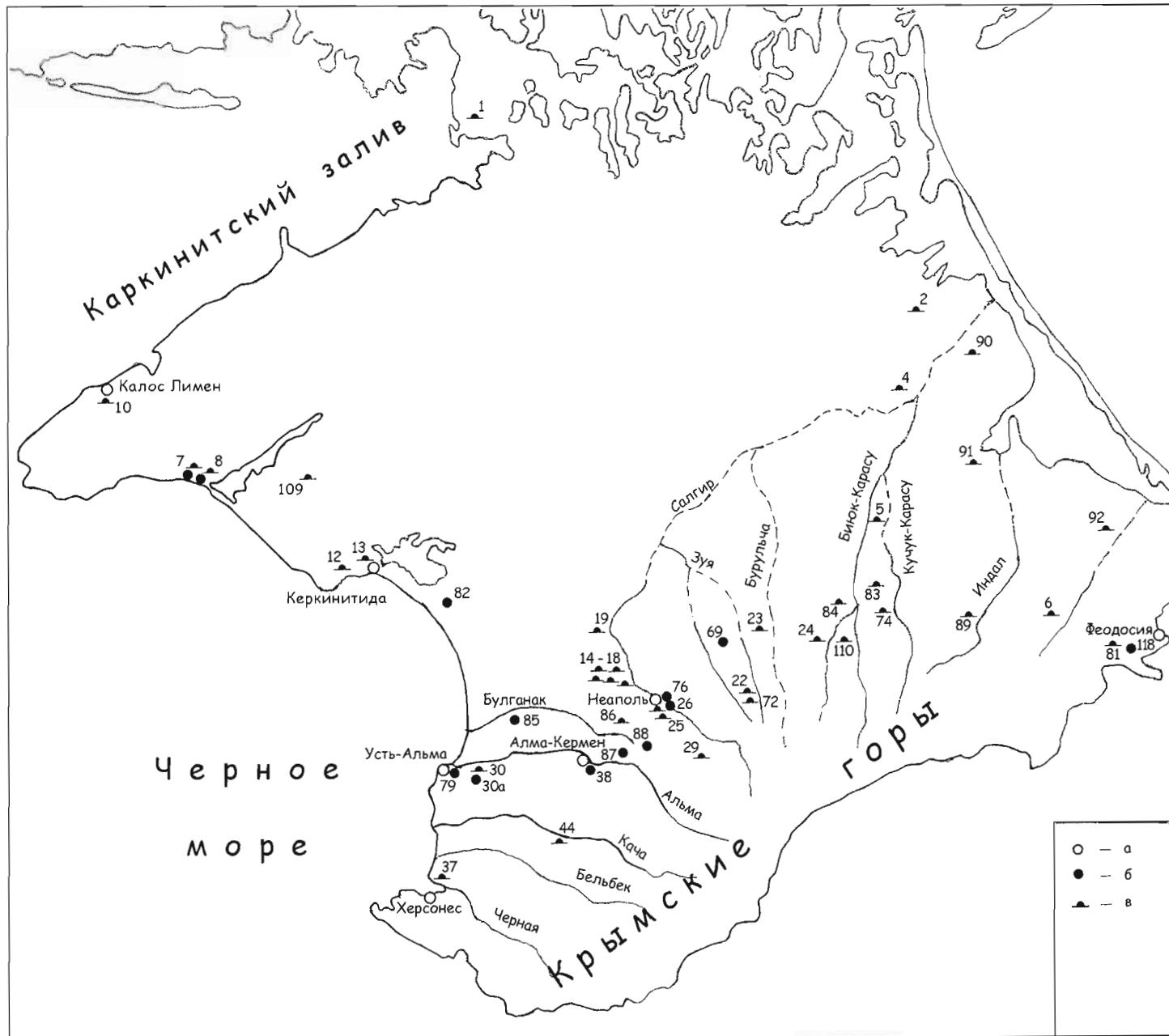
The types of burial constructions in Crimean Scythia in the second half of the 1st – 3rd centuries were developed by T. N. Vysotskaya and N. A. Bogdanova. This scheme with a small number of changes was applied to characterize burial constructions in Central Crimea as well: underground graves, shaft-and-chamber graves, ledged graves, graves with slabs, wall-plated graves, underground vaults, crypts cut in rock. Usage of different types of graves was caused by ethno-social reasons as the composition of the population of Crimean Scythia underwent considerable changes in this period.

Consideration of burial rite, typology and chronology of equipment of the population of Crimean Scythia in the first centuries AD testified to radical changes caused by constant influx of the Sarmatian-Alanic tribal groupings different in the origin into the Foothill region of Crimea. Many features and elements of burial rite were present in Sarmatian monuments of the North-Western Black Sea Coast, the Lower region of the Don, the Kuban region.

In about the mid-first century AD, in Ust-Alma necropolis burials of nobility having numerous parallels with then burials of mid-Sarmatian culture appeared; it testified to the formation of new elite of the Crimean Scythia. In the second half of the 1st century – the beginning of the 2nd century AD active process of merging “Late-Scythian” traditions and norms in spiritual and material culture brought by the Sarmatians. In the second quarter of the 2nd century AD certain changes in burial rite and tools, especially noticeable after the mid-century, when the formation of Late-Sarmatian culture in the Northern Black Sea Coast was completed. In the 20s – 30s of the 3rd century AD a new wave of Sarmatian-Alans coming to the Crimea brought original features of material and spiritual culture that determined the character of the population of the Foothill and Mountainous regions of the Crimea till the end of the century.

Conclusion. The stages of the formation and development of Late-Scythian culture (the 2nd – century BC – the 3rd century AD) in Crimea were designated. The Scythian kingdom achieved the peak of flourishing under Skiluros (the second half of the 2nd century BC). Since the turn of the 2nd – 1st centuries BC, the political power came to a military group of nomads connected with Asian Bosphorus and the Northern Caucasus (Siraki ?). In the second half of the 1st century BC the Scythian-Thracian population from the Lower reaches of Dnieper came to the Crimea. The early Alans appear in the Crimea at the turn of AD. After the mid-2nd century AD Sarmatian elements prevailed in burial monuments. In the second quarter – mid-3rd century a partial change of population, for whom main features of burial rite and material culture of the Alans were characteristic, took place.

Рис. 1. Картасхема погребальных памятников на территории Крымской Скифии конца II в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э.

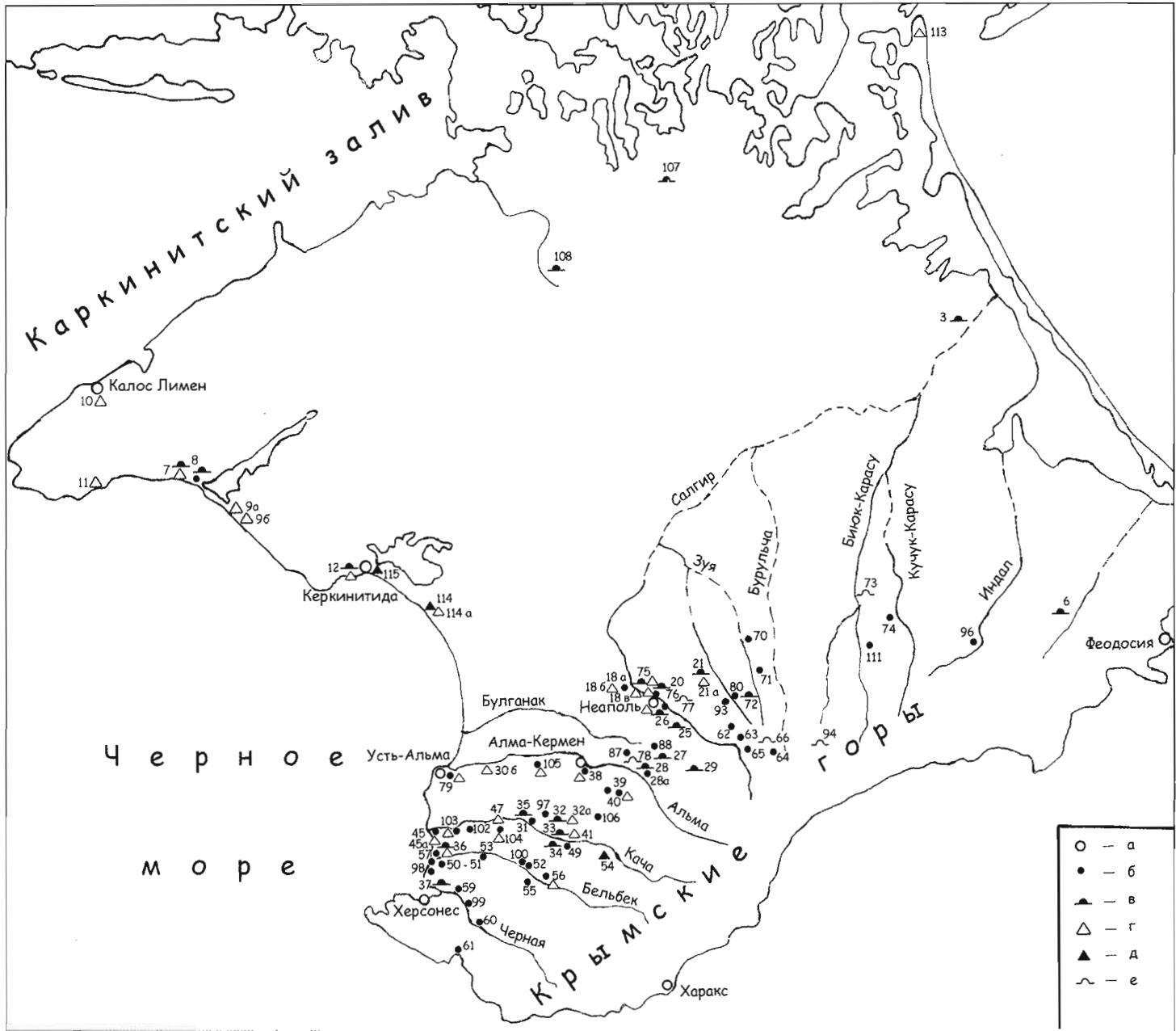

Рис. 2. Картосхема погребальных памятников, пещерных комплексов, находок стел и монет на территории Крымской Скифии втор. пол. I – перв. пол. III в. н. э.

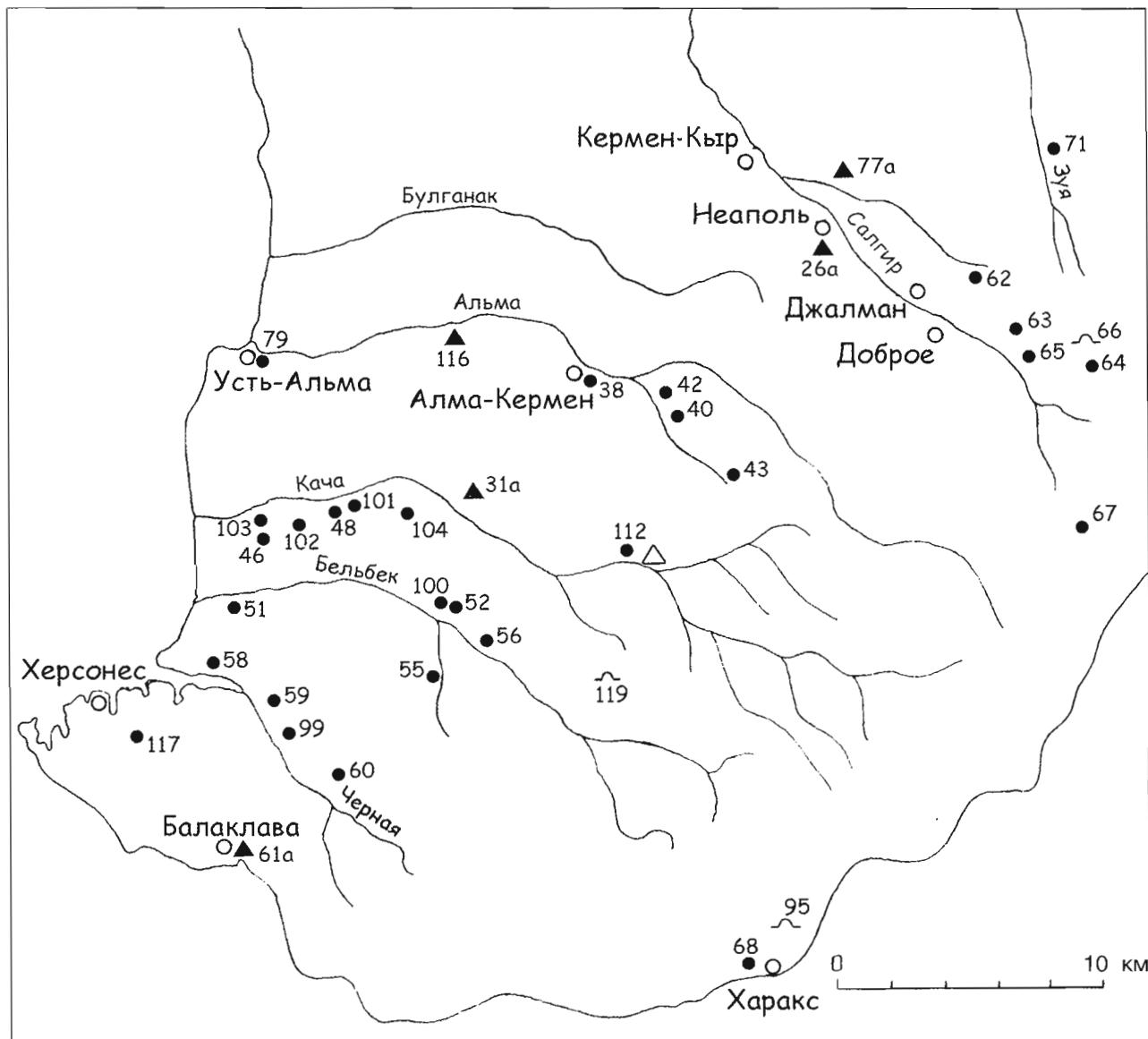

Рис. 3. Картосхема погребальных памятников, пещерных комплексов, находок стел и монет сер. III – начала IV в. н. э. в Юго-Западном, Центральном Крыму и на ЮБК (западная часть)

Условные обозначения к рис. 1–3: а – города, городища; б – грунтовые могильники; в – подкурганные погребения; г – находки стел, рельефов, баз; д – находки монет, монетные клады; е – пещерные комплексы.

1 – Рисовое; 2 – Чкалово; 3 – Шейхлар (Заливное); 4 – Червоное («Ногайчинский курган»); 5 – Чотты (совхоз «Победа», Жемчужина); 6 – Кринички; 7 – Кульчук (Громово); 8 – Беляус (Знаменское); 9 – Южный Донузлав; 9а – Поповка; 9б – Штормовое (Фрунзенка); 10 – Калос Лимен (Черноморское); 11 – Джан-Баба (Марьино); 12 «Чайка» (Заозерное); 13 – Керкинитида (Евпатория); 14 – курганы в бывшем имении С. А. Крыма (к северу от г. Симферополя); 15 – курганы в бывш. имении М. Д. Талаевой (Грушевое, Фруктовое, Каракият); 16 – курганы в бывшем имении А. И. Пастака (Мирное, Сарайлы-Кият); 17 – курганы в бывшем имении С. И. Черкеса (к северу от г. Симферополя); 18 – курган у городища Кермен-Кыр (Мирное, совхоз «Красный», 1967 г. Сарайлы-Кият); 18а – Кермен-Кыр (грунтовый могильник); 18б – антропоморфное надгробие на городище (1924 г.); 18в – рельеф на кургане к западу от пригорода «Украинка» (1942 г.); 19 – Маленькое (Маленькая); 20 – Бахчи-

Эли (г. Симферополь); 21 – Мазанка (курган); 21а – рельеф; 22 – Барабаново (Барабановка); 23 – Цветочное; 24 – Зеленогорское; 25 – Симферопольский курган (1890 г.); 26 – Неаполь Скифский (Керменчик, г. Симферополь); 27 – Константиновка; 28 – Партизанское (Саблы), курган; 28а – грунтовый склеп; 29 – Тавель (Краснолесье); 30 – Вилино (ПОХ «Магарак»), курган 1, 1985 г.; 30а – Вилино (Рассадное), грунтовый склеп (ПОХ «Магарак»), 1985 г.; 30б – Вилино (Рассадное), антропоморфное надгробие на городище (1990 г.); 31 – Долинное (Топчикой), грунтовый могильник; 31а – монетный клад; 32 – Бахчисарай, курган (1896 г.), 32а – Асма-Кую (стела); 33 – курган в колхозе им. Ильича (1953 г.); 34 – курган в колхозе «Коминтерн» (1952 г.); 35 – курган в бывшем имении Ревелиоти (Долинное); 36 – Мамай-Оба (Любимовка, совхоз им. Первовской, 1982 г.); 37 – Северная сторона, Братское кладбище; 38 – Заветное (Алма-Кермен); 39 – Скалистое II; 40 – Скалистое III; 41 – Рамазан-Сала; 42 – Озерное III; 43 – Мангуш (Прохладное); 44 – курганы Железнодорожное (Сирень); 45 – Усть-Качинский, грунтовый могильник, 45а – надгробие (1910 г.); 46 – Вишневое; 47 – Малодворное (Красная Заря, Чоткара, «Казак мезарлык»), надгробие, 1916 г.; 48 – Тенистое (Калымтай); 49 – Тургеневка (Тиберти); 50 – Усть-Бельбекский (Бельбек-Тамак, экономия Л. П. Фон-Гротте); 51 – Бельбек I; 52 – Бельбек II (Холмовка, Заланкой); Бельбек III (Верхнесадовое); 54 – А(в)джикой (Охотничье); 55 – Биюк-Каралез (Красный Мак); 56 – Танковое; 57 – Бельбек IV; 58 – Северная сторона. Панайотова балка; 59 – Инкерманский; 60 – Чернореченский; 61 – Балаклава (Кефали Вриси), 61а – Кадыковка (монетный клад); 62 – Дружное (Джафар-Берды), 63 – Заречное; 64 – Ени-Сала; 65 – Перевальное (Кучук-Янкой); 66 – Кизил-Коба (Краснопещерное); 67 – Чатырдагский; 68 – Ай-Тодор; 69 – Дмитрово; 70 – Зуйский (Литвиненково); 71 – Нейзац (Красногорское); 72 – Капак-Таш (Петрово); 73 – Ак-Кая; 74 – Мичуринское; 75 – Грэсовский; 76 – Битак (г. Симферополь); 77 – Чокурча (Луговое, г. Симферополь); 77а – монетный клад; 78 – Змеиная (пещера); 79 – Усть-Альма (Песчаное); 80 – Соловьевка (Атальк-Эли); 81 – Отважное; 82 – Кара-Тобе (Прибрежное); 83 – Беш-Оба; 84 – Сары-Кая; 85 – Кольчугино; 86 – Чистенъкое (Чистенъкая); 87 – Левадки; 88 – Фонтаны (Яг-мурцы); 89 – Льговское; 90 – Емельяновка; 91 – Советский; 92 – Яркое Поле; 93 – Опушки; 94 – Караби-Яйла (Бай-Су); 95 – Ай-Никола; 96 – Курское; 97 – Казан-Таш; 98 – бывш. имение Б. Ф. Штала; 99 – совхоз «Севастопольский» (№ 10); 100 – Холмовка; 101 – Тас-Тепе (Тенистое); 102 – Суворово (Аранчи); 103 – Эски-Эли (Вишневое); 104 – Красная Заря (Ак-Шеих); 105 – Брянское (Биюк-Яшлав); 106 – Балта-Чокрак (Алешино); 107 – Источное; 108 – Орловское; 109 – Китай (несуществ.); 110 – Новокленово (Уч-Коз); 111 – Алексеевка; 112 – Предущельное; 113 – Арабатская стрелка; 114 – Прибрежное (монетный клад); 114а – Сакская пересыпь (монеты); 115 – Евпатория (находки монет); 116 – Дорожное (Бий-Эли, Биэль); 117 – Килен-Балка; 118 – Биюк-Янышар (Южное); 119 – Албатская пещера (Куйбышево)

Вари- ант Tun	Бездромосные однокамерные 1	Однодромосные однокамерные 2	Бездромосные многокамерные 3	Однодромосные многокамерные 4	Многодромосные многокамерные 5
I					
II			–		–
III			–		
IV				–	–
V			–	–	
VI					–
VII				–	–
VIII			–	–	–
IX		–	–	–	–
X					

Рис. 4. Классификация катакомб (Ольховский, 1991, табл. II)

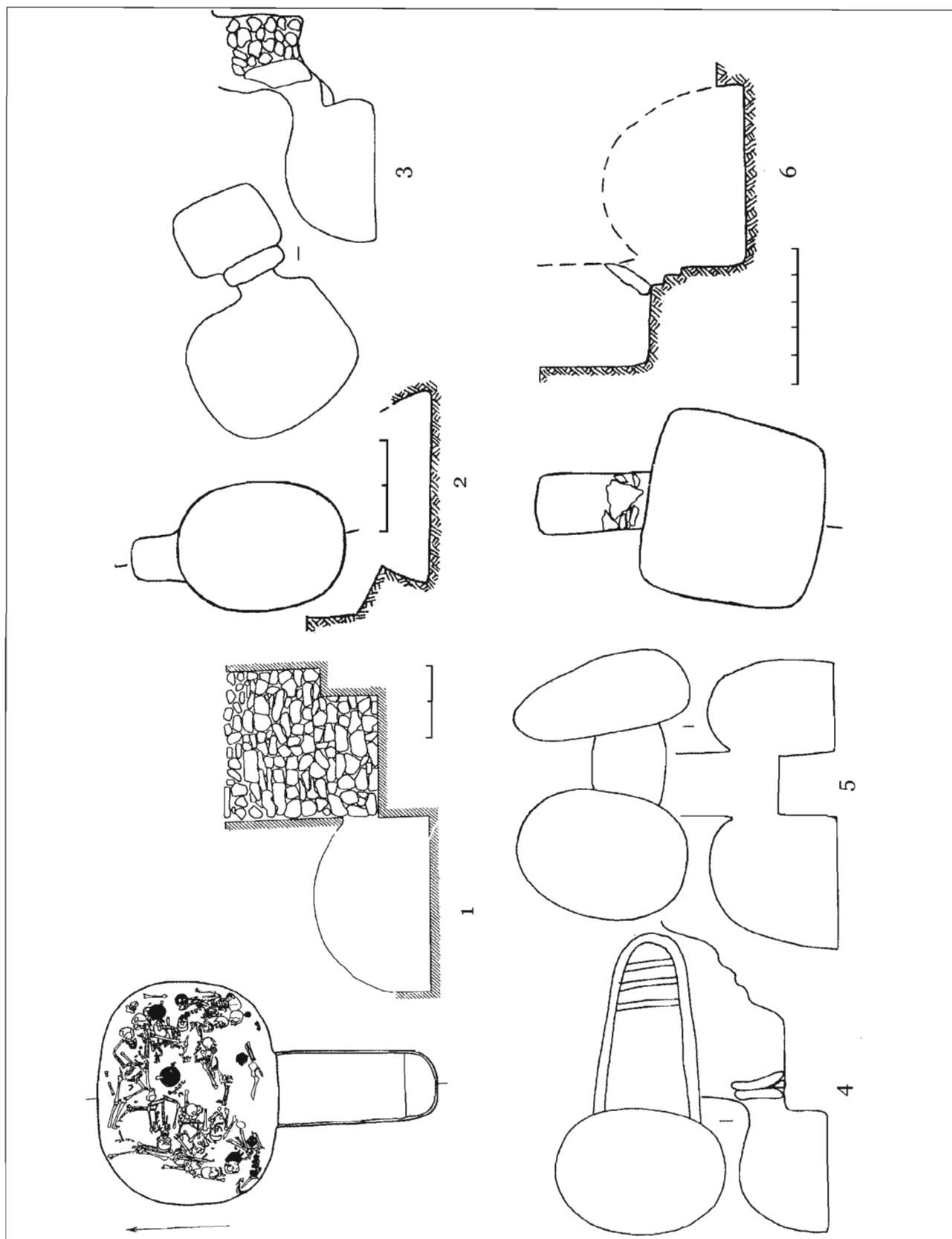

Рис. 5. Катаkomбы II в. до н. э. – I в. н. э.: 1, 4, 5 – Беляус (склеп 1, 13, 11);
2, 6 – Усть-Альма; 3 – Неаполь Скифский (склеп 37)

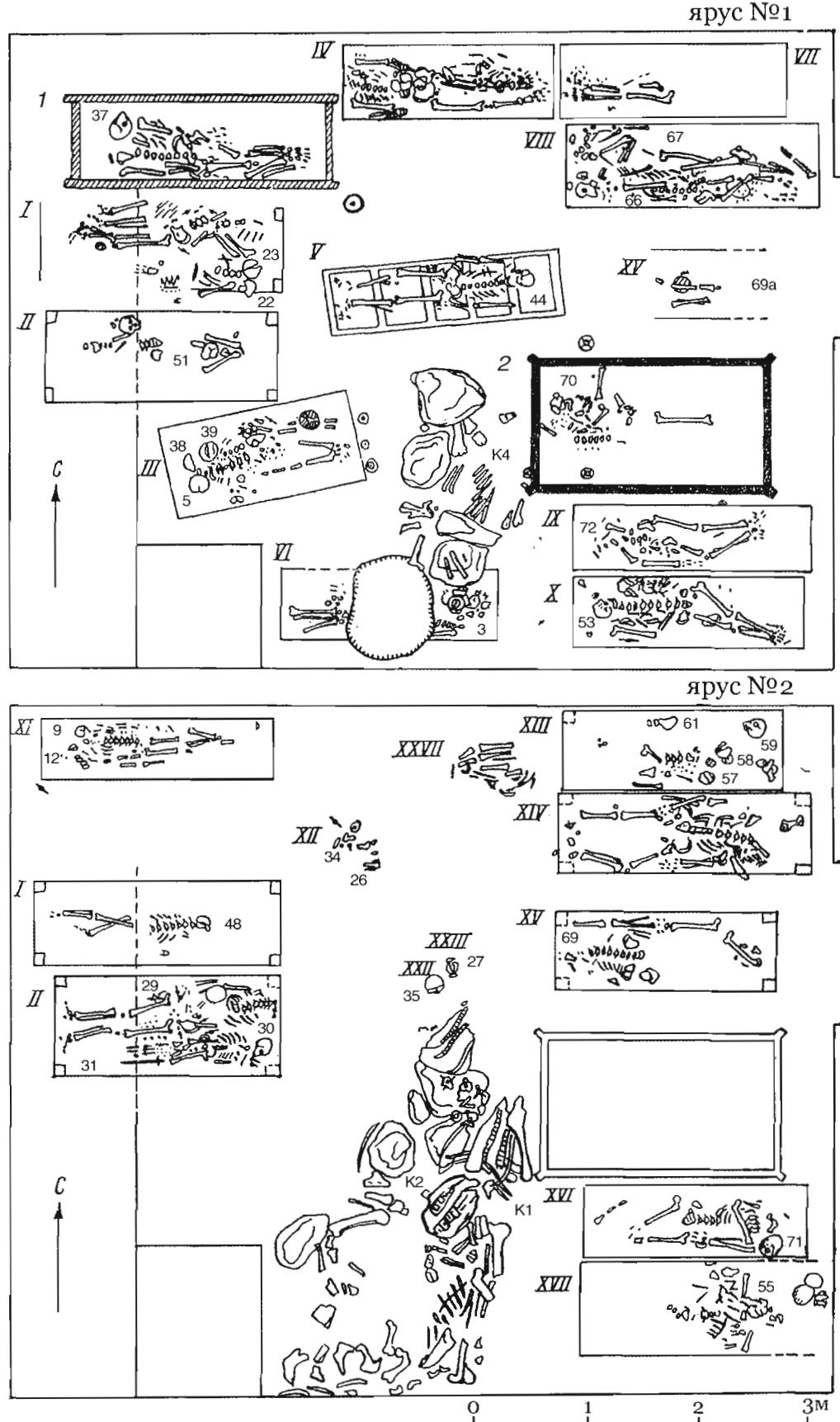
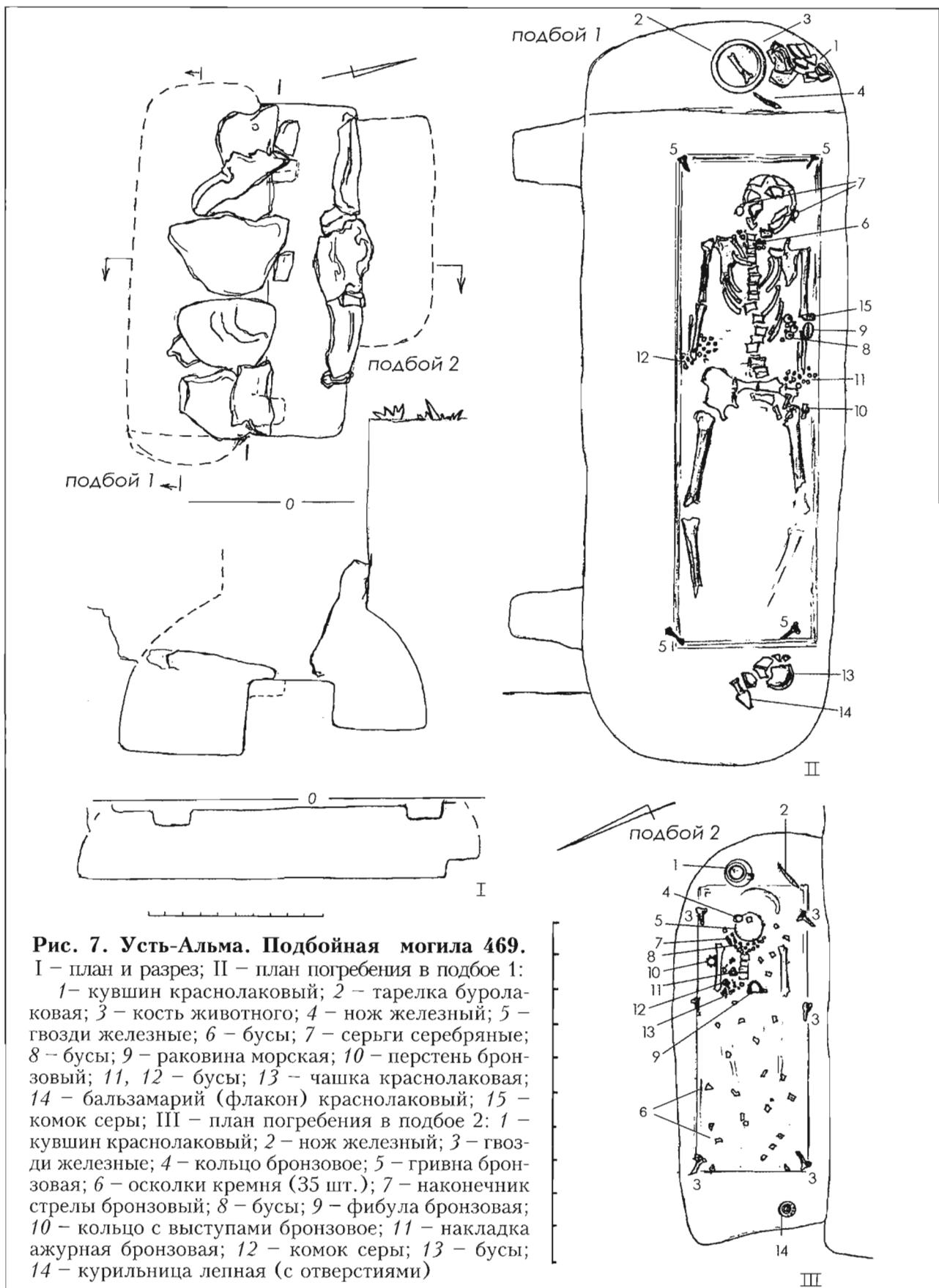

Рис. 6. Неаполь Скифский. Мавзолей. Погребения 1–2 ярусов (Погребова, 1961, рис. 1)

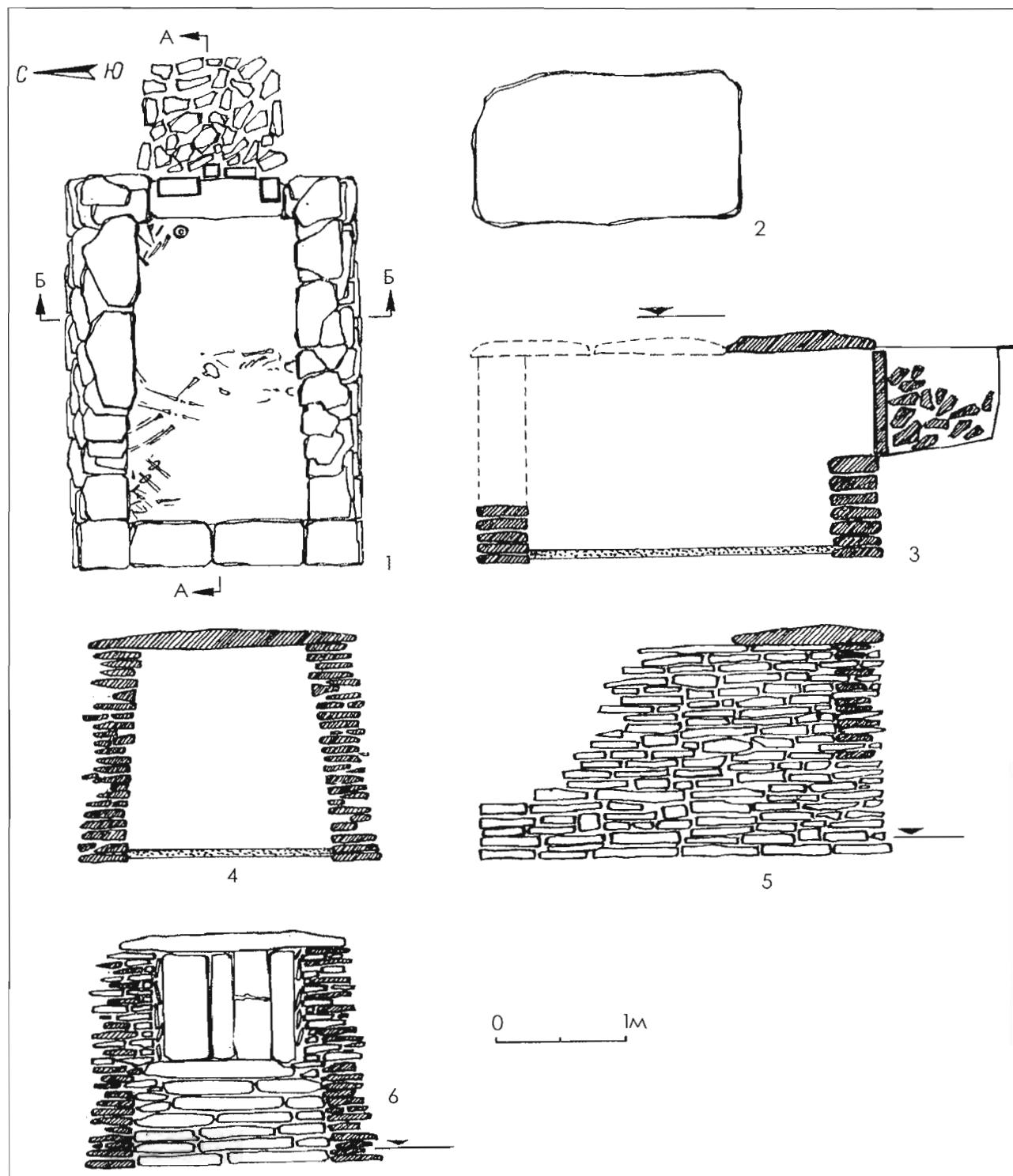

Рис. 8. Склеп близ с. Льговское (Катюшин, 1993, рис. 1):
 1 – план; 2 – покровная плита; 3 – разрез по А–А'; 4 – разрез по Б–Б';
 5 – фасад северной стены; 6 – фасад восточной стены

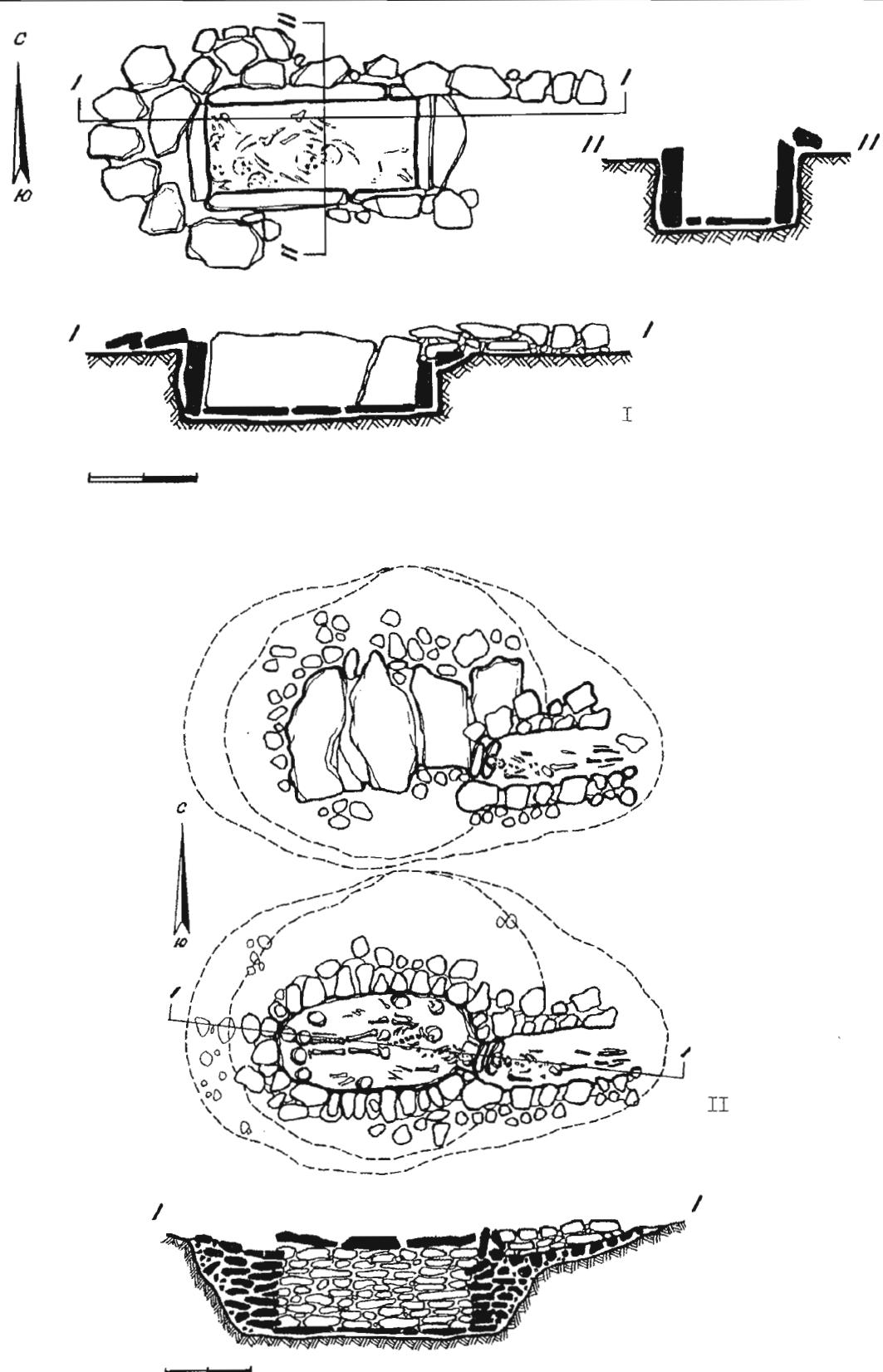

Рис. 9. Курганный могильник у с. Отважное (Катюшин, 1996, рис. 1; 8):
I – курган № 2 (планы и разрезы склепа); II – курган № 3 (планы и разрез склепа)

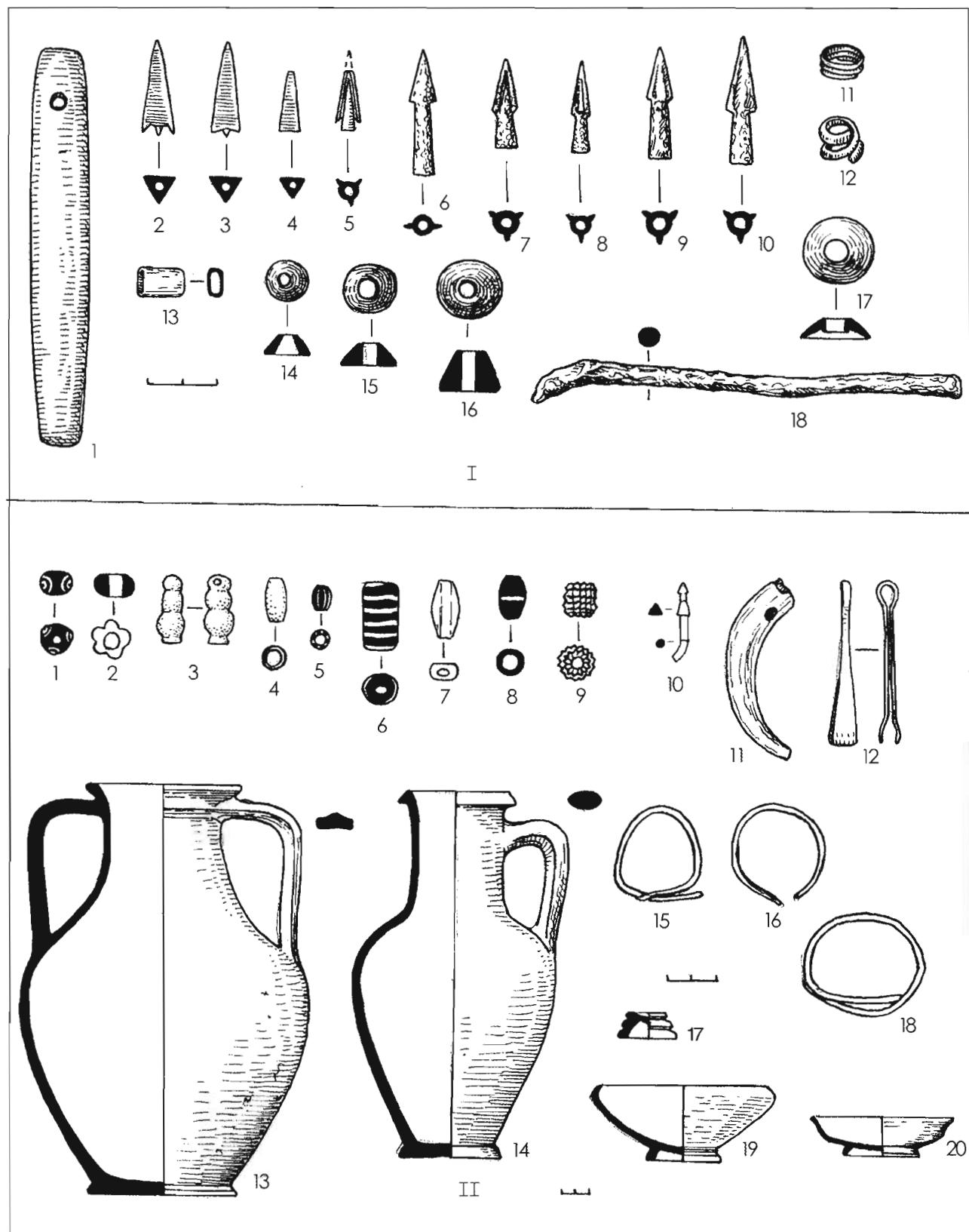

Рис. 10. Кульчукский могильник (Дашевская, 1978; Дашевская, Голенцов, 1982).
 I (1-18) – находки из земляной катакомбы конца IV – начала III в. до н. э.;
 II (1-20) – находки из кургана

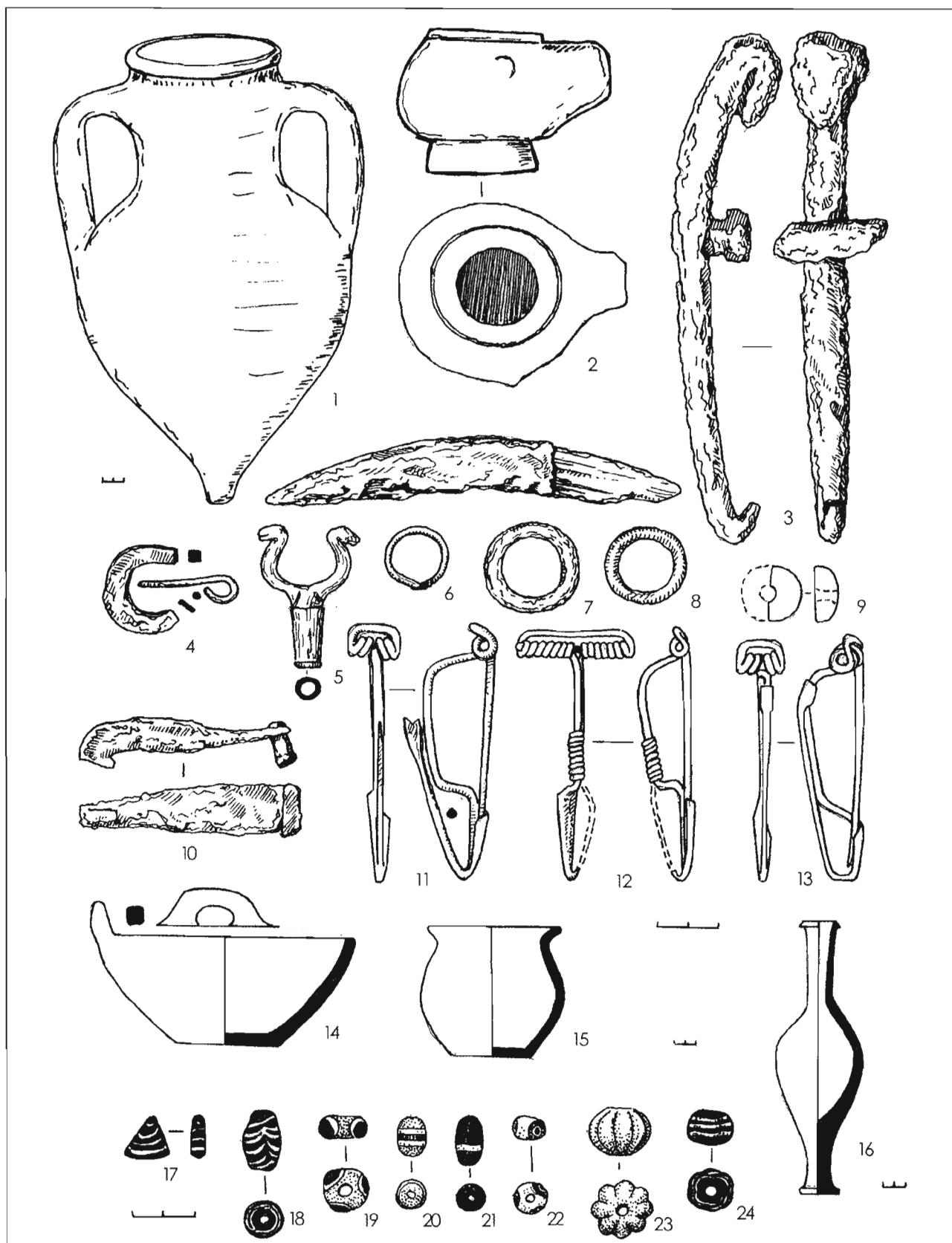

Рис. 11. Керкинитида. Каменный склеп (раскопки 1977 г.):
1–24 – находки II–I вв. до н. э. (Михлин, Бирюков, 1983)

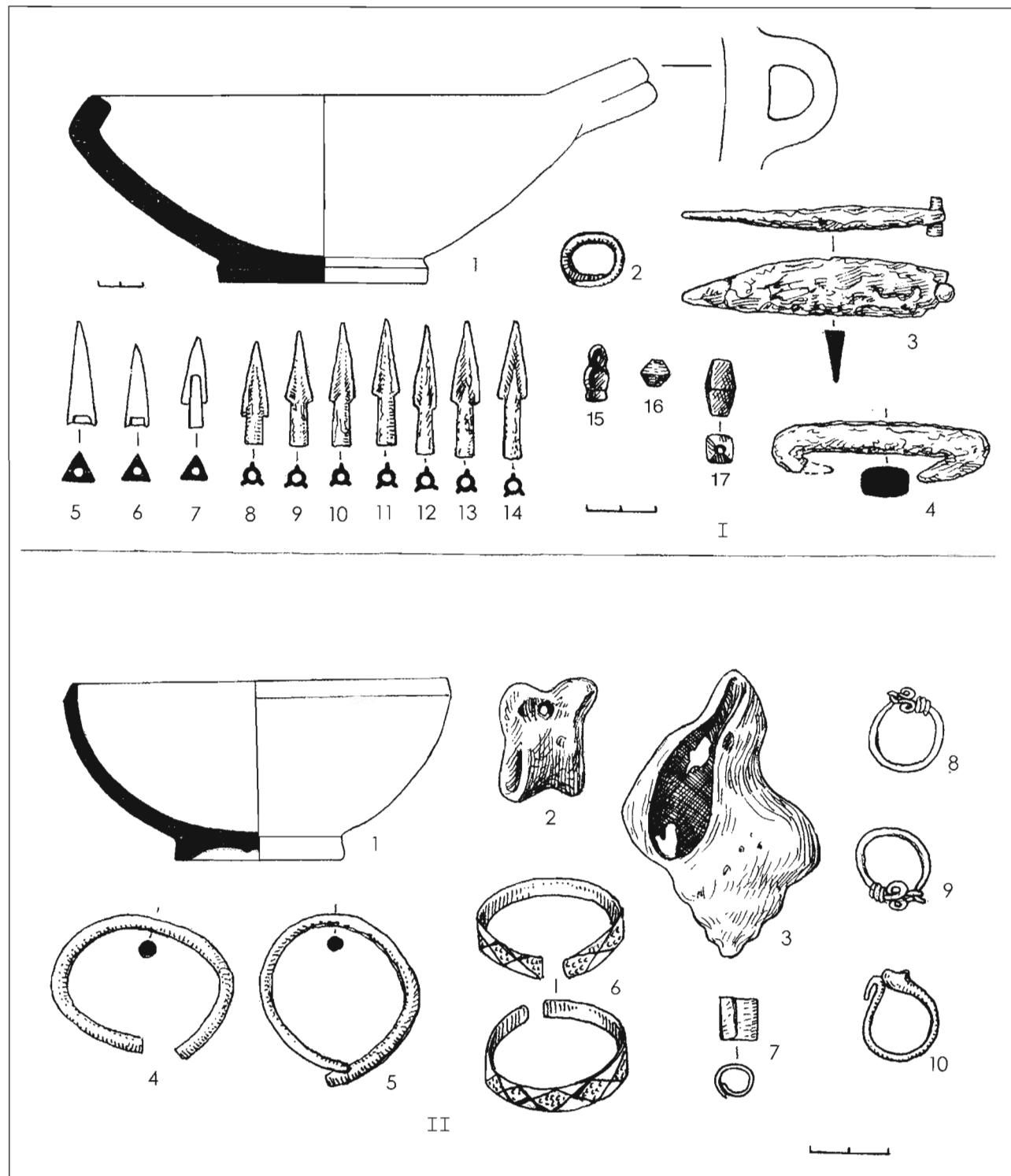

Рис. 12. Беляус. Грунтовый могильник. Склеп 114 (Дашевская, 1980):
I (1-17) – находки из катакомбы конца IV – начала III в. до н. э.;
II (1-10) – находки из катакомбы II–I вв. до н. э.

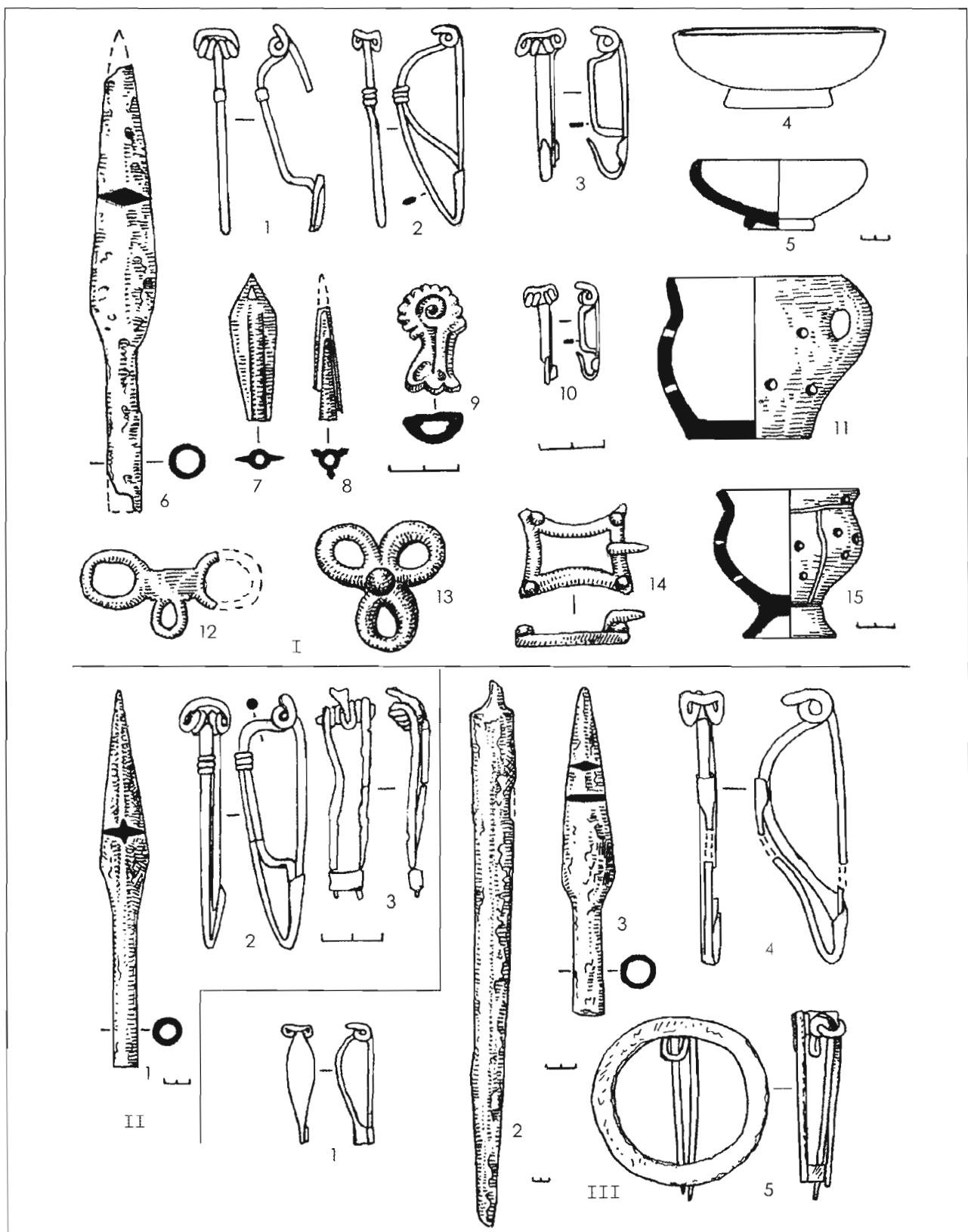

Рис. 13. Беляевский могильник. Диагностирующие находки (Михлин, 1980; Дашевская, Михлин, 1983; Дашевская, 1991):
I (1-15) – склеп 1; II (1-3) – 5; III (1-5) – 38

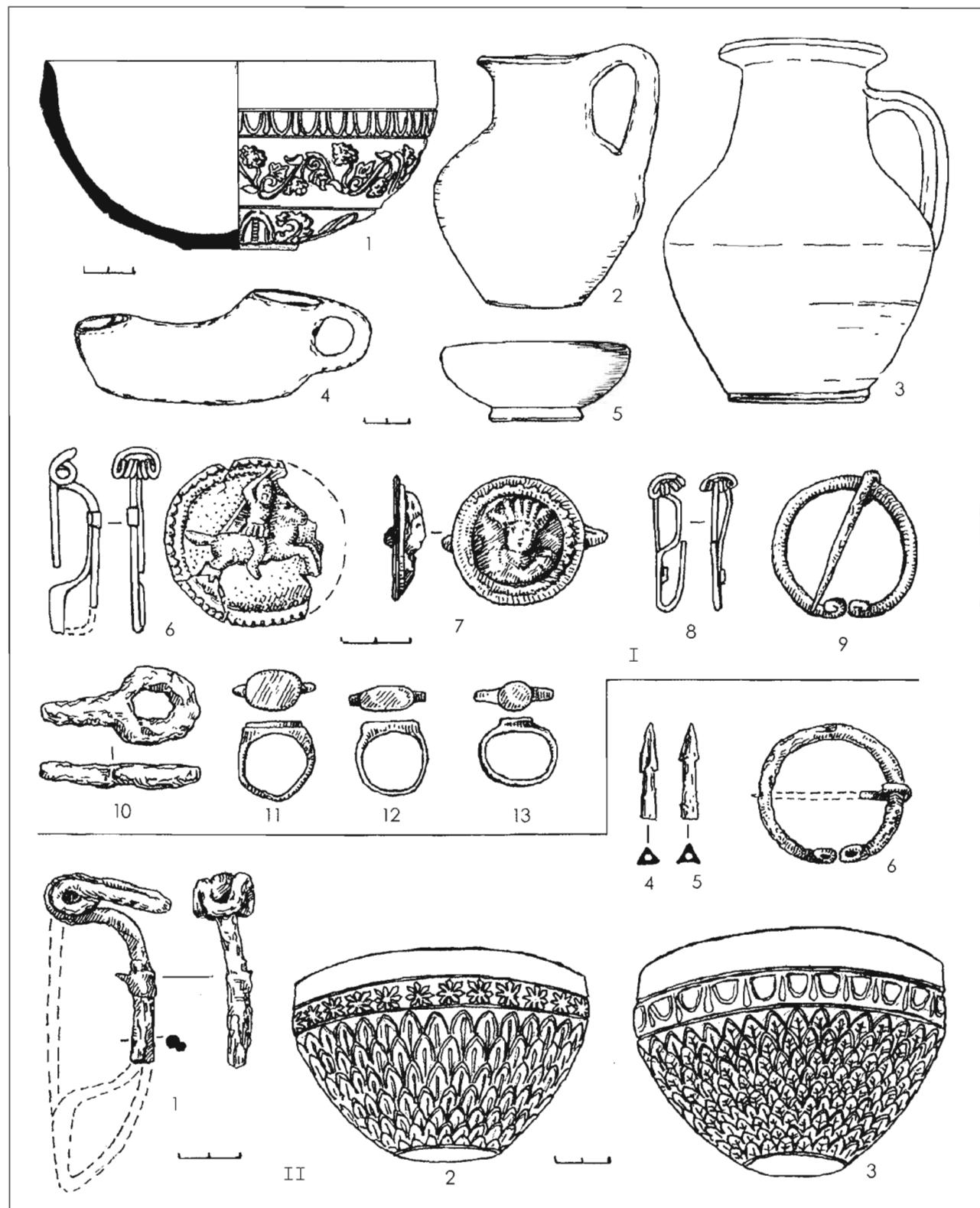

Рис. 14. Беляевский могильник. Диагностирующие находки:
I (1-13) – склеп 90; II (1-6) – 168

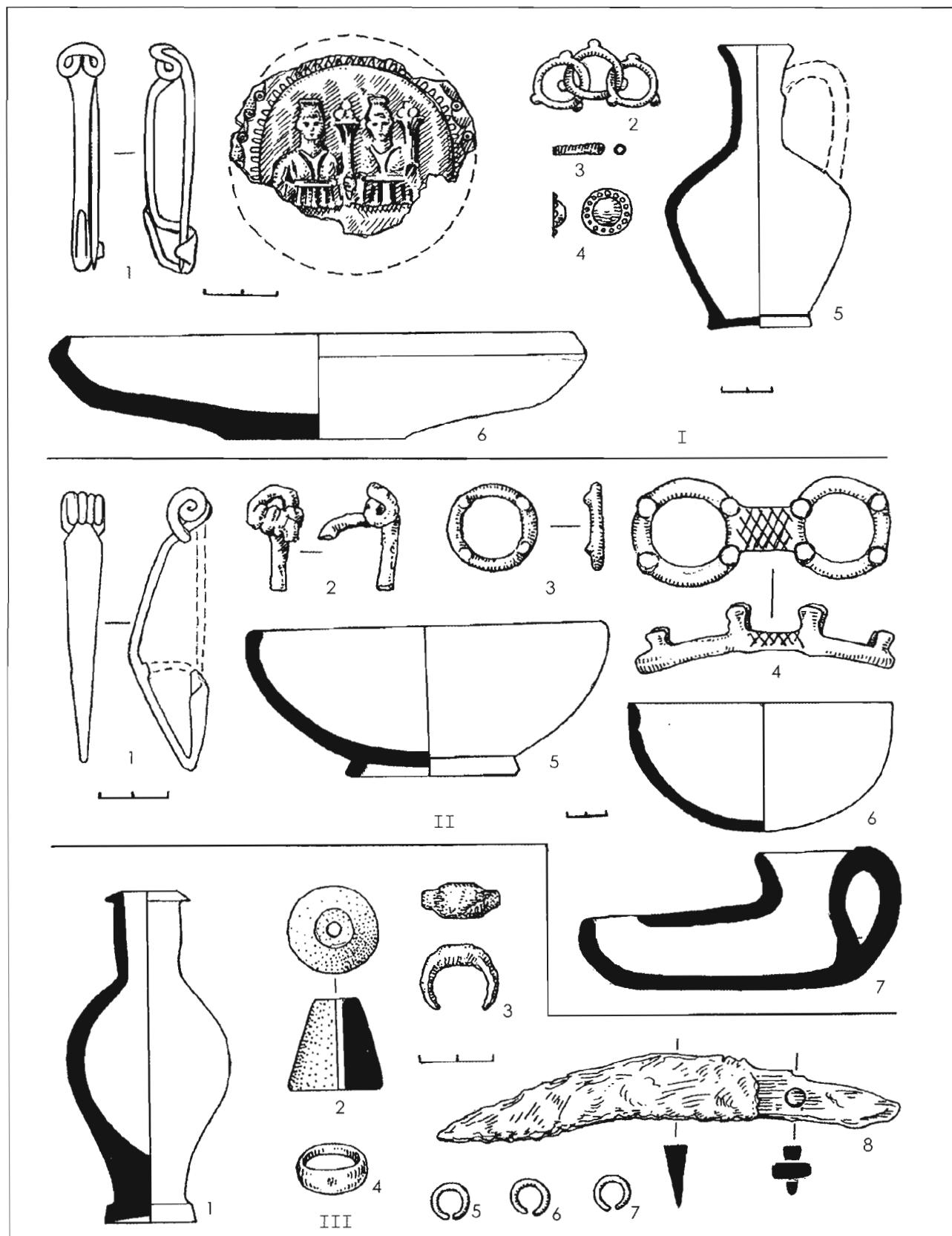

Рис. 15. Беляевский могильник. Диагностирующие находки:
I (1–6) – склеп 156; II (1–7) – 117; III (1–8) – 110

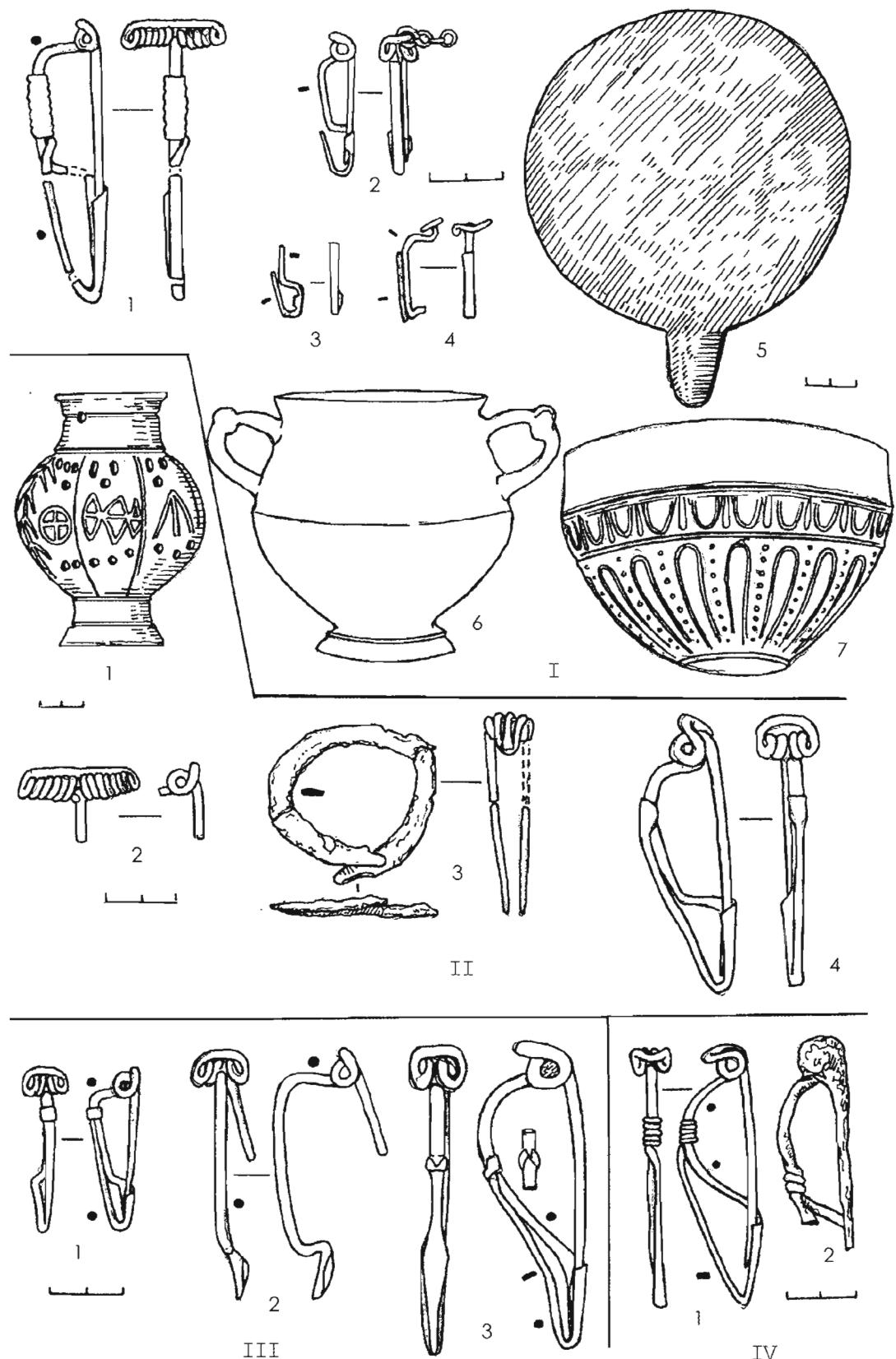

Рис. 16. Беляевский могильник. Диагностирующие находки:
I (1–7) – склеп 34; II (1–4) – 31; III (1–3) – 61; IV(1, 2) – 170

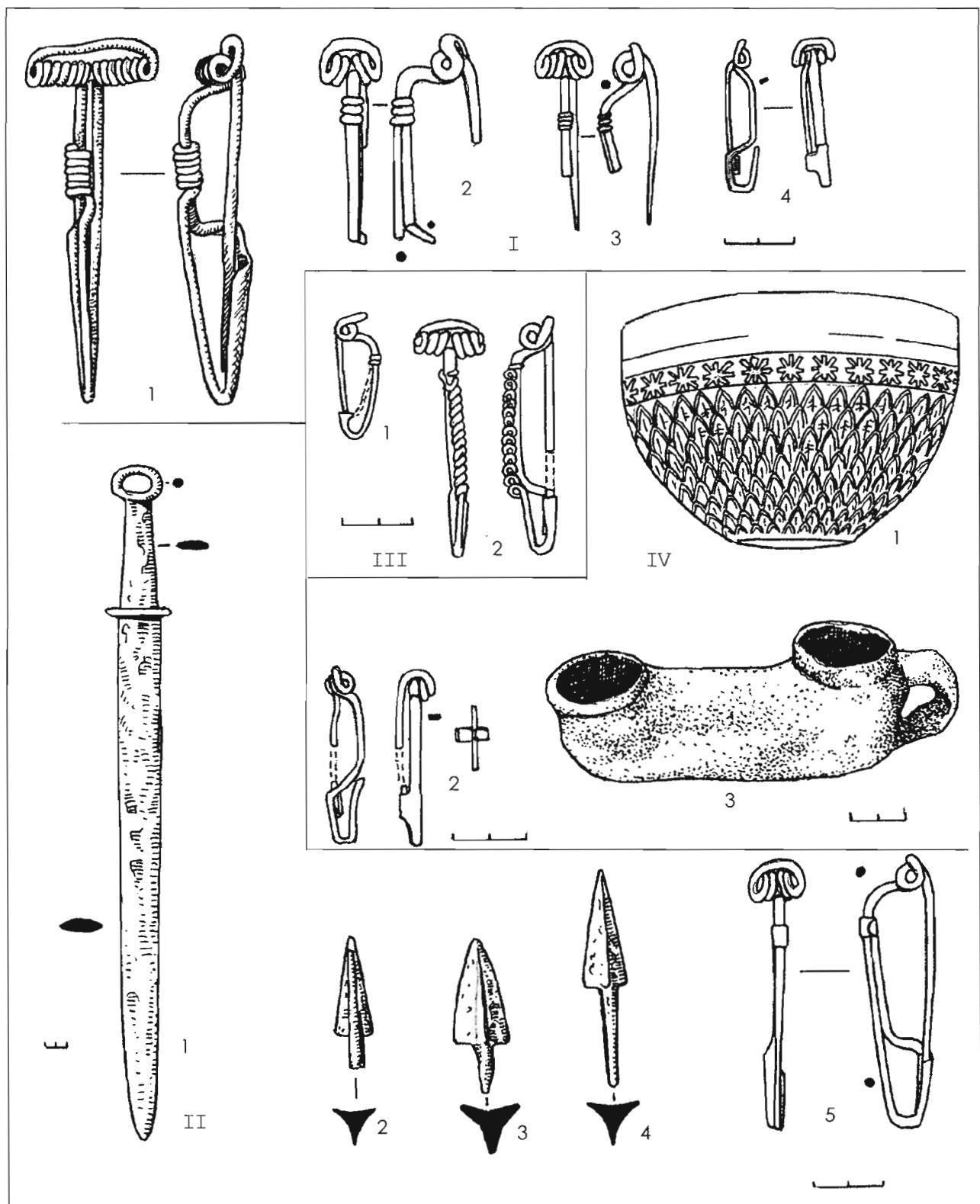

Рис. 17. Беляевский могильник. Диагностирующие находки:
I (1–4) – склеп 39; II (1–5) – 40; III (1, 2) – 50; IV(1–3) – 53

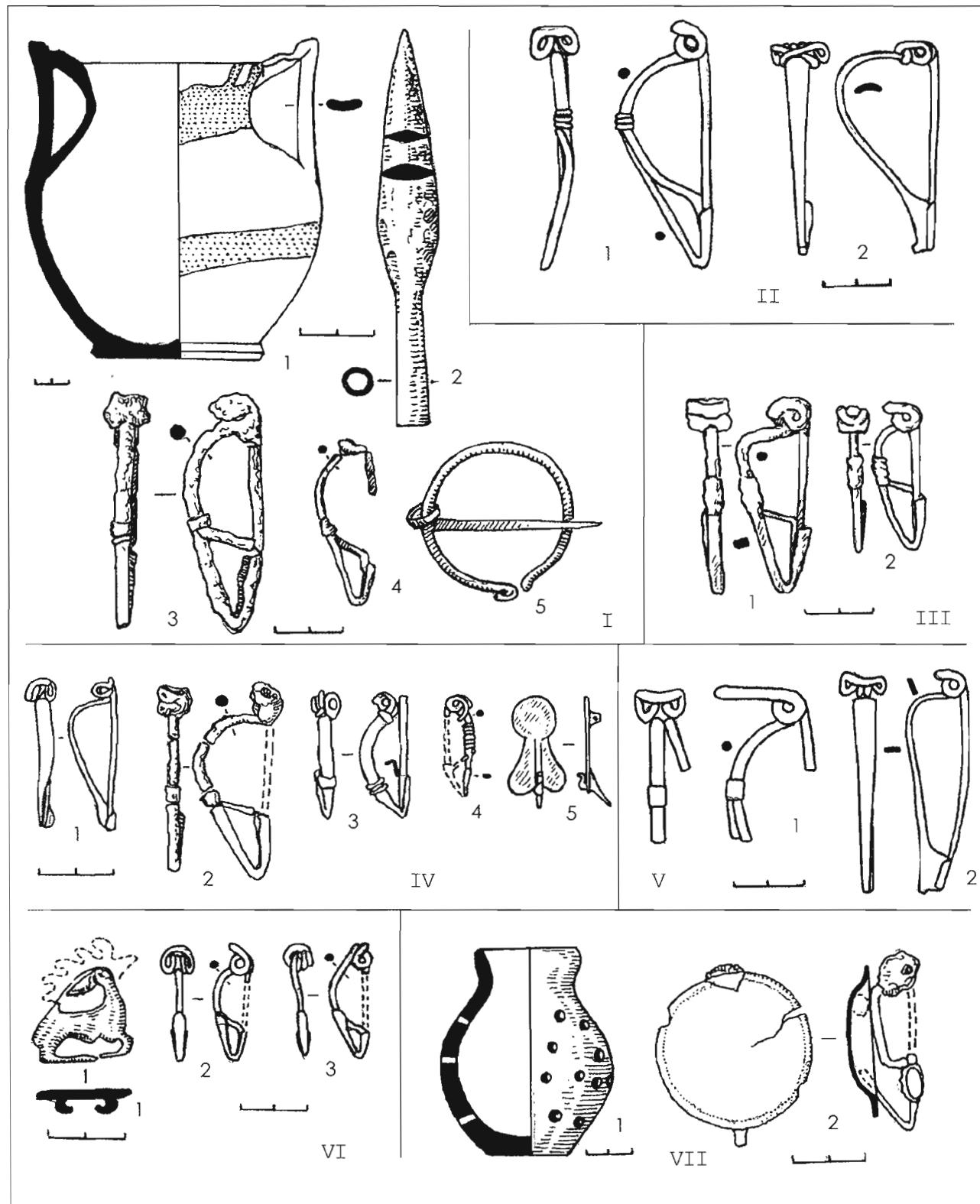

Рис. 18. Беляевский могильник. Диагностирующие находки:
 I (1–5) – склеп 12; II (1, 2) – 21; III (1, 2) – 138; IV (1–5) – 10;
 V (1, 2) – 86; VI (1–3) – 16; VII (1, 2) – 17

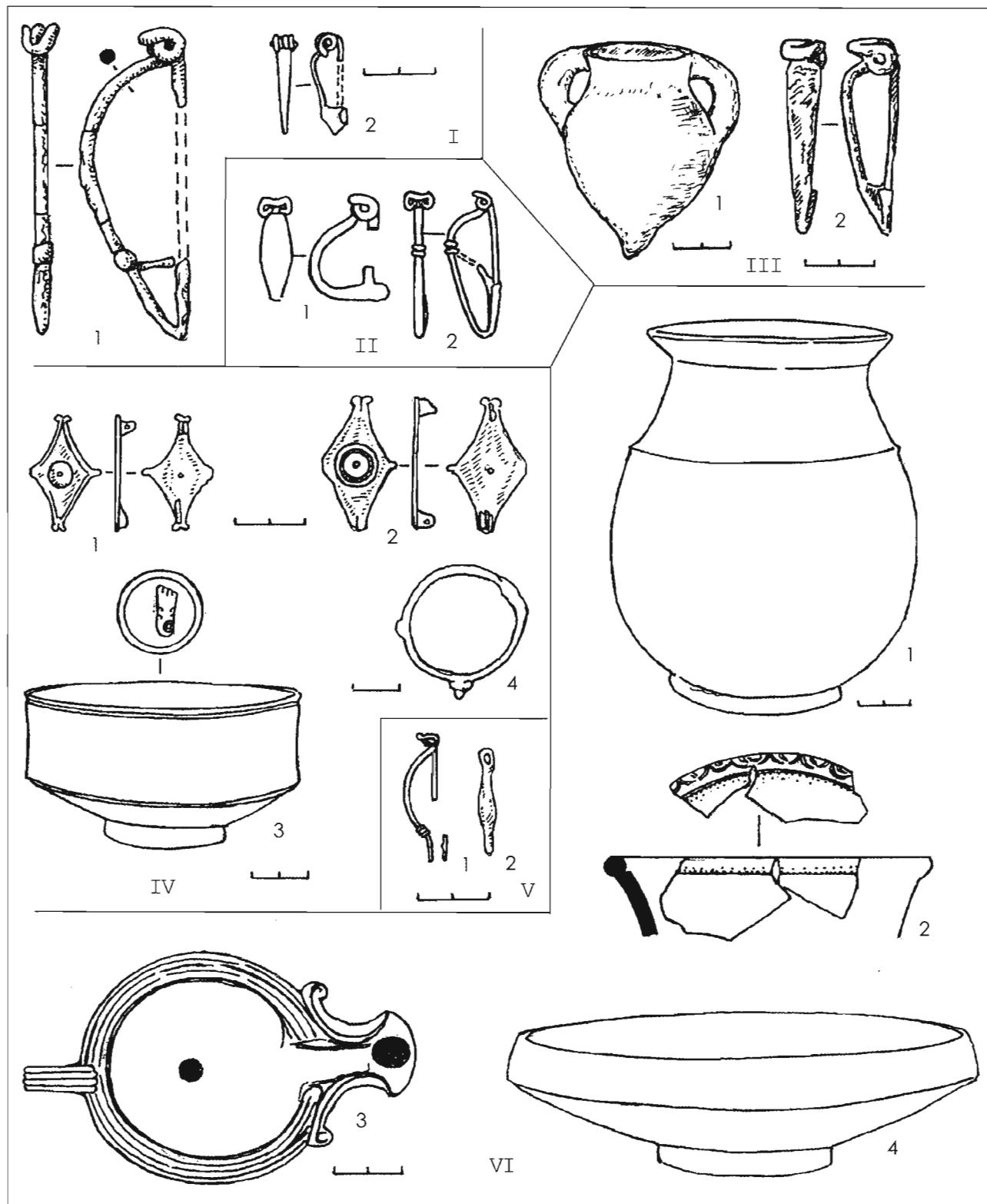

Рис. 19. Беляус. Диагностирующие находки. Грунтовый могильник:
I (1, 2) – склеп 2; II (1, 2) – 101; III (1, 2) – 113.
Каменные склепы: IV (1–4) – склеп 1; V (1, 2) – 3; VI (1–4) – 4

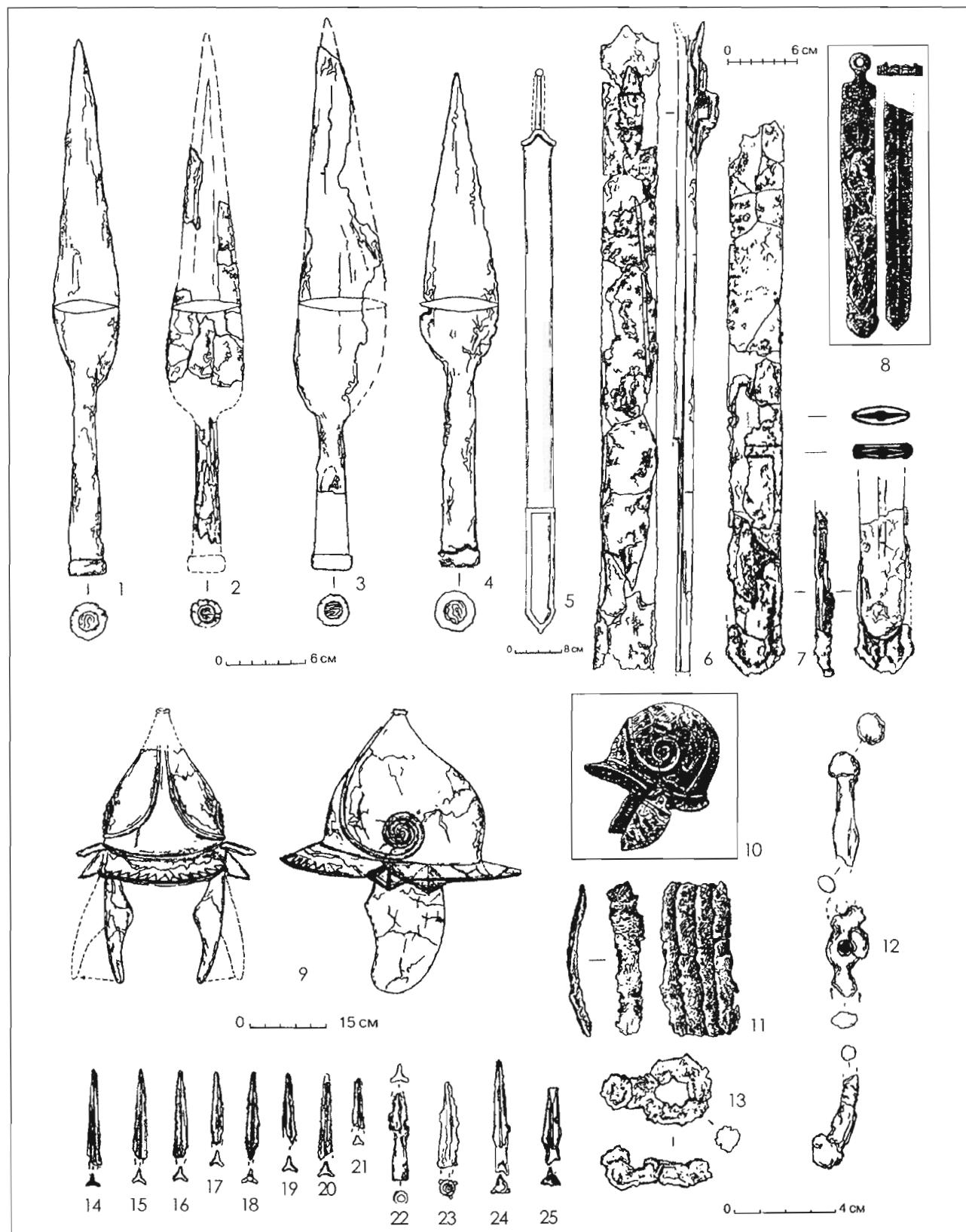

Рис. 20. Неаполь Скифский. Мавзолей. Каменная гробница (погребение 37): предметы вооружения, экипировки (1–11, 13–25) и конской узды (12). (Зайцев, 2003)

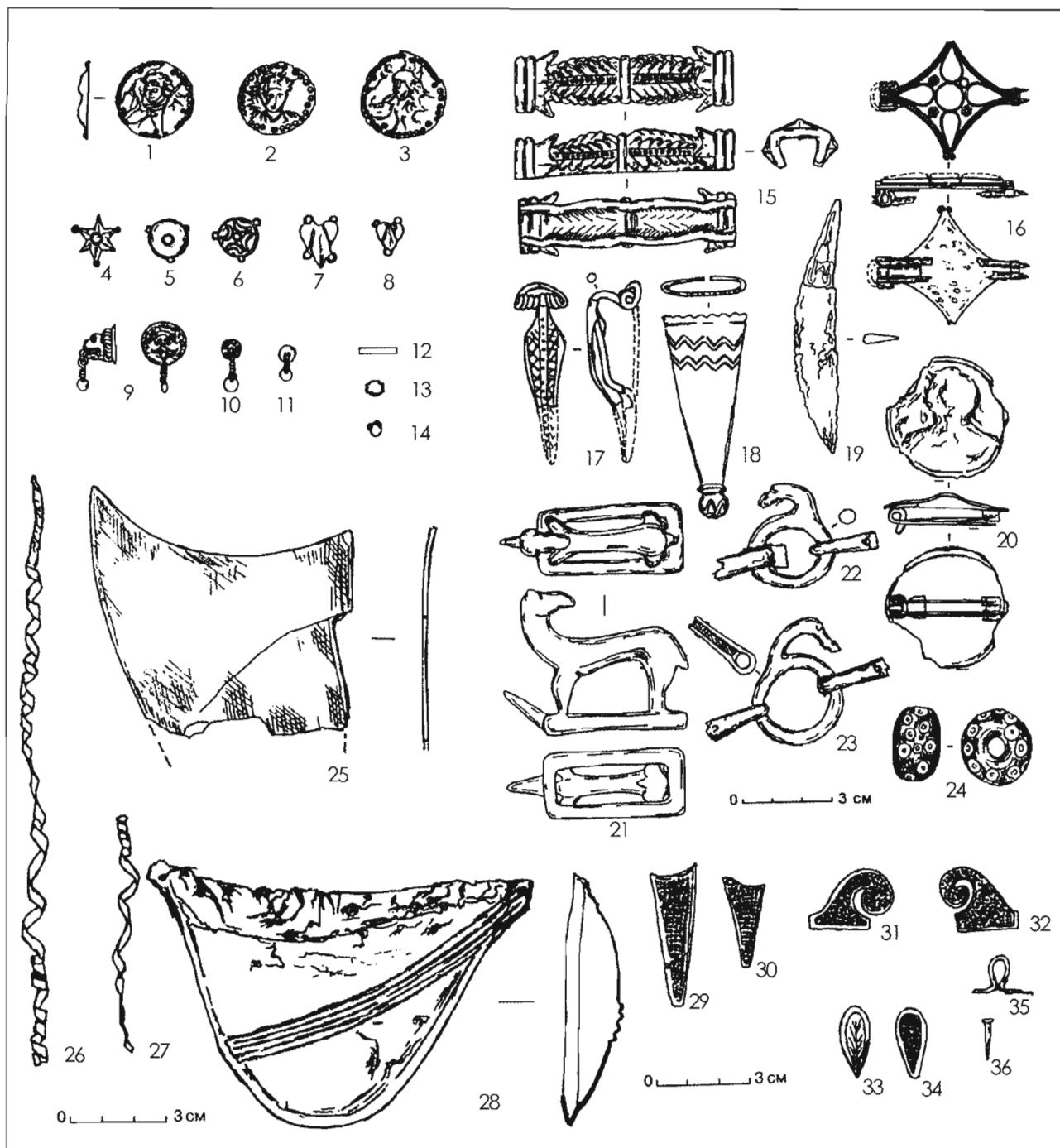

Рис. 21. Неаполь Скифский. Мавзолей. Каменная гробница.
Диагностирующие находки (1–36) (Зайцев, 2003)

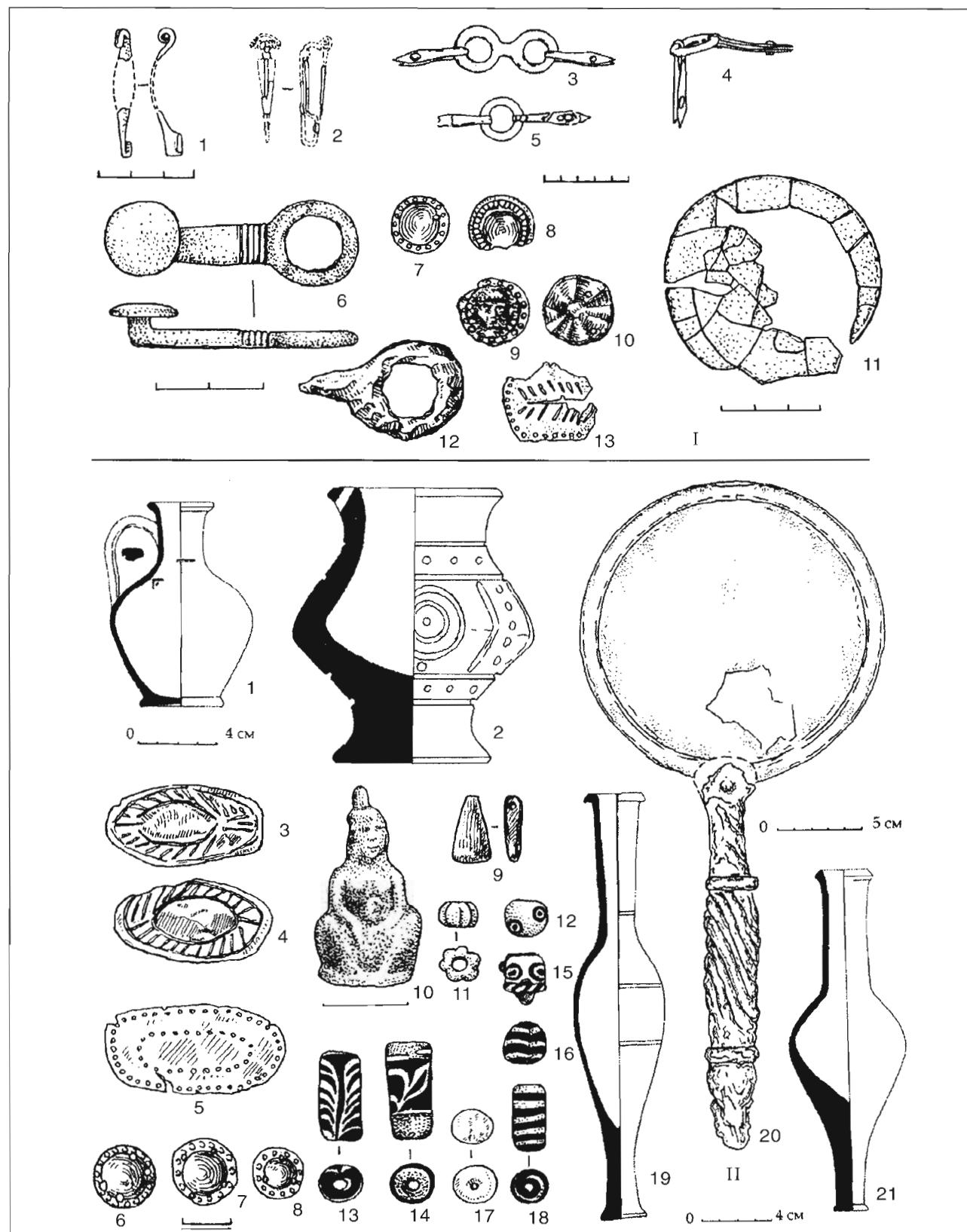

Рис. 22. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений (Шульц, 1953; Погребова 1961; Зайцев, 2003):
I (1-13) – деревянный ящик I; II (1-21) – III

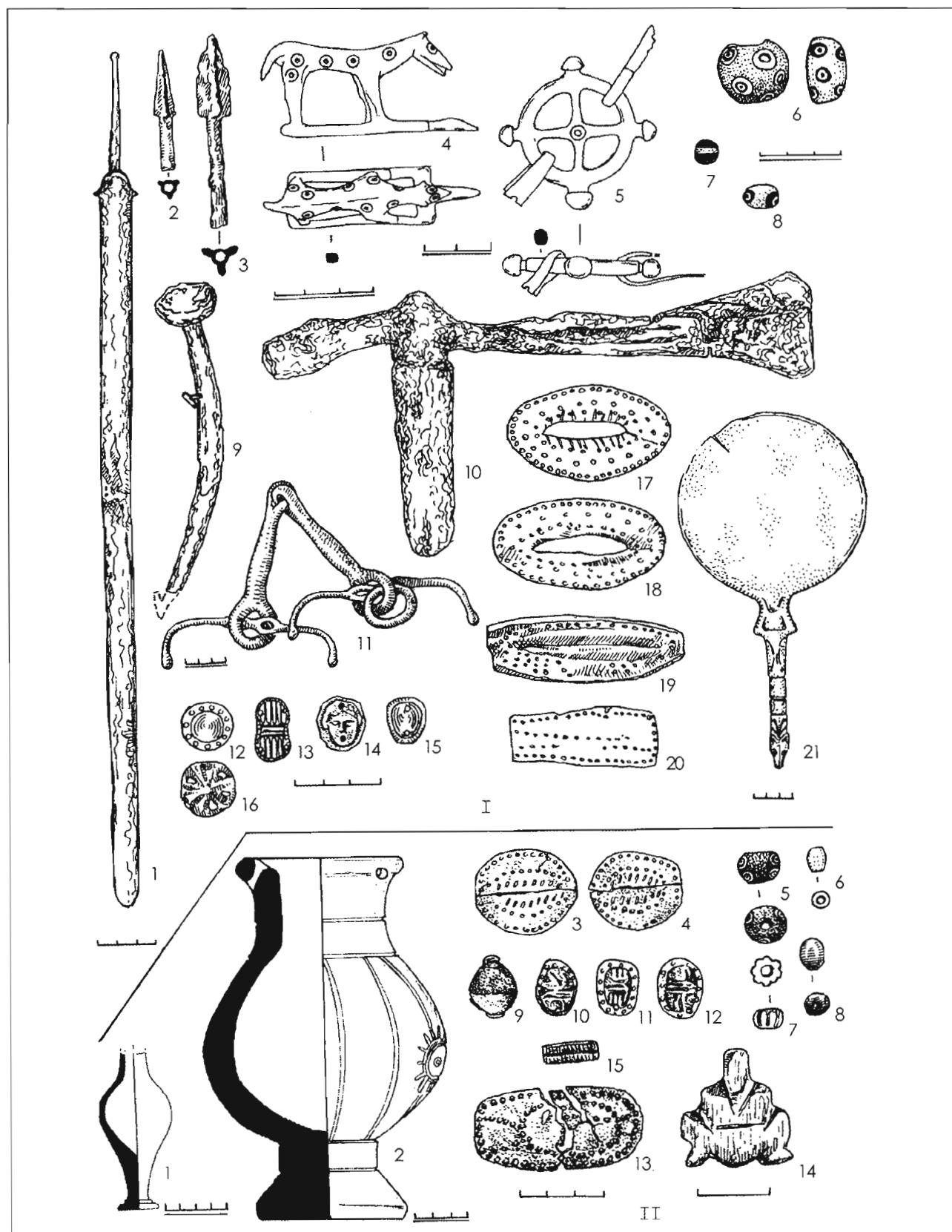

Рис. 23. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений: I (1–21) – деревянный ящик II; II (1–15) – XIX

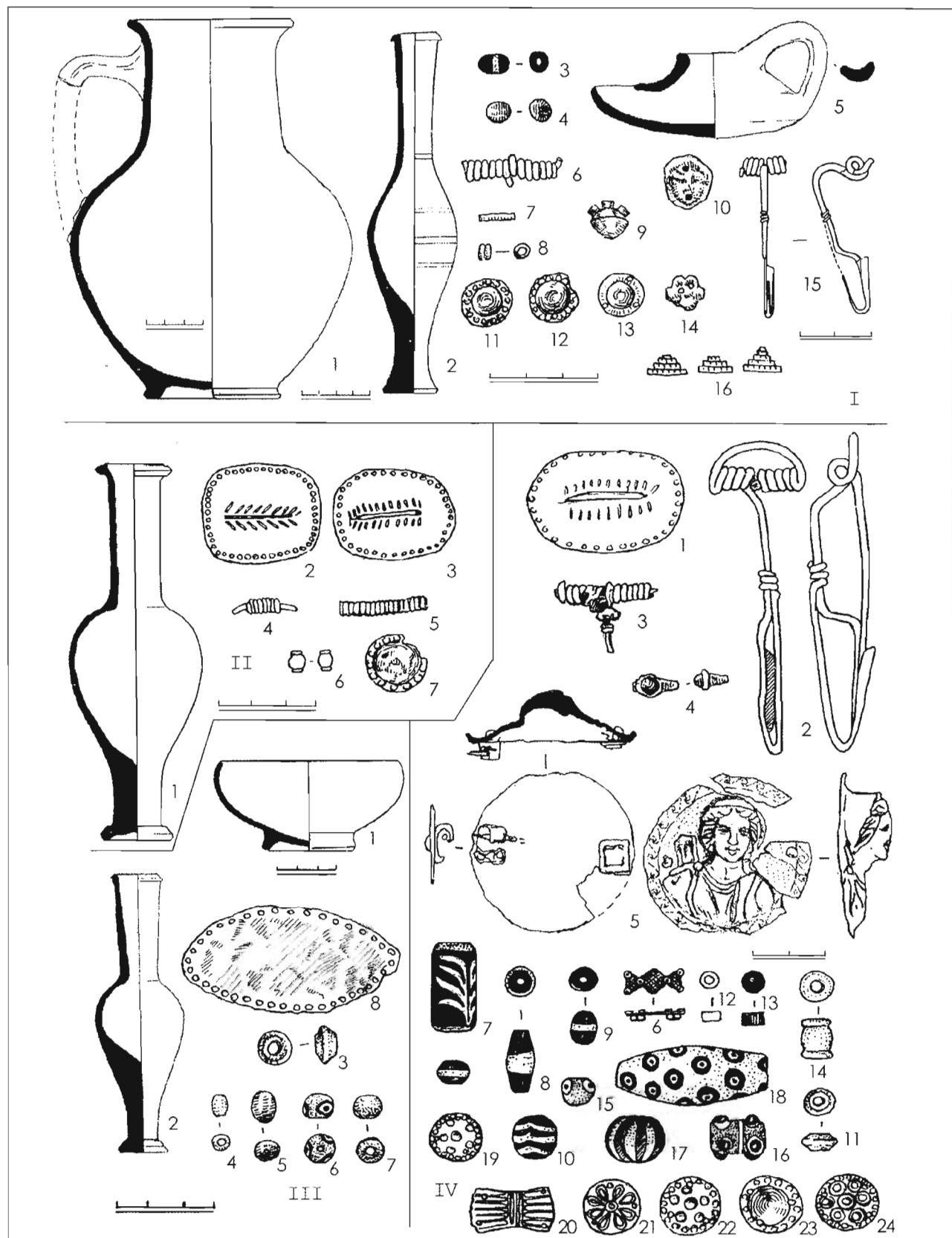

Рис. 24. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений: I (1–16) – деревянный ящик X; II (1–7) – XI; III (1–8) – XII; IV (1–24) – VII и XIII

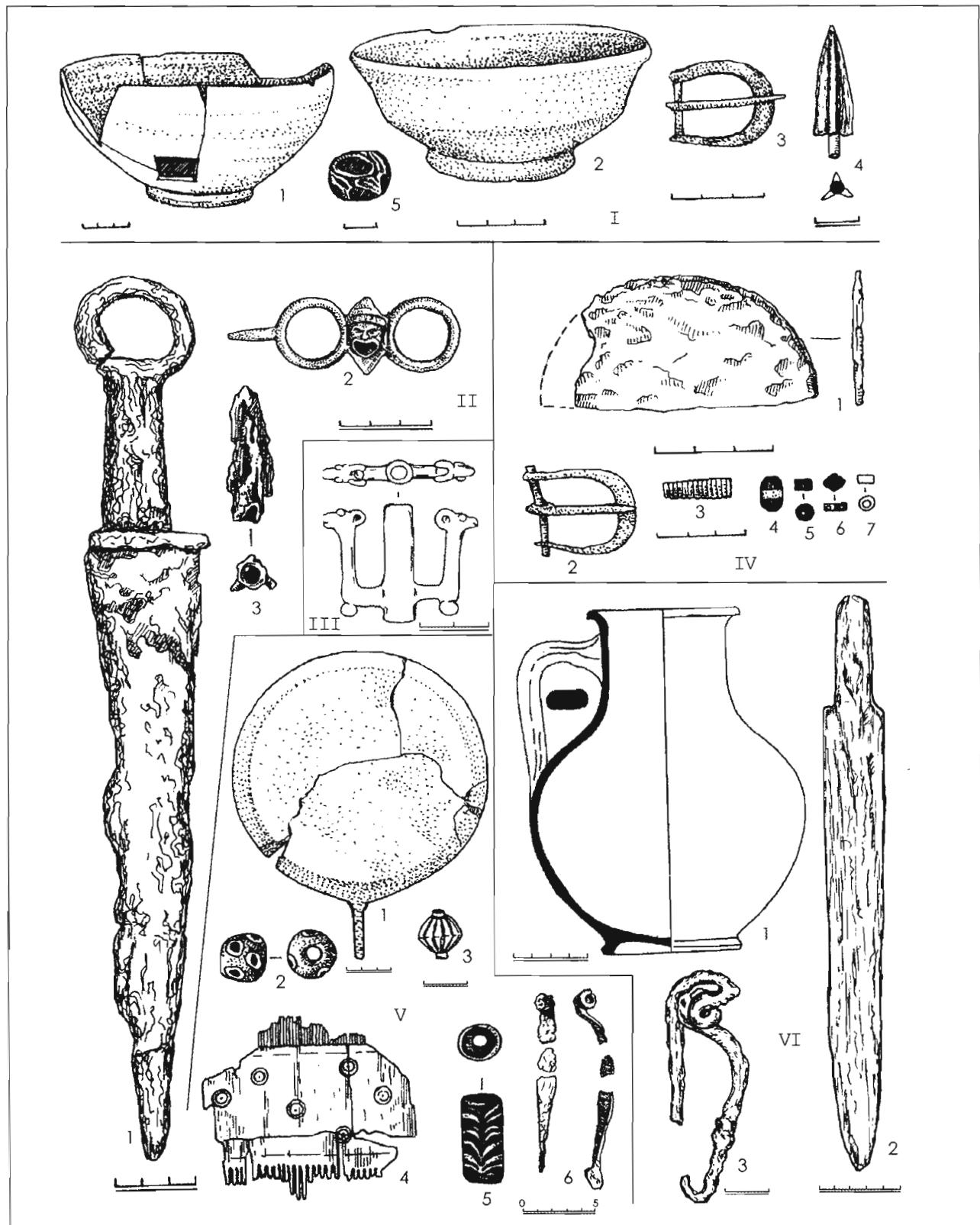

Рис. 25. Неаполь Скифский. Мавзолей. Диагностирующие находки из погребений:
I (1-5) – деревянный ящик XXV, погребение 41; II (1-3) – XXIV, 20; III – XXI, 2;
IV (1-7) – XXXVIII, 19; V (1-6) – XV, 69 и 74; VI (1-3) – XXXII, 16

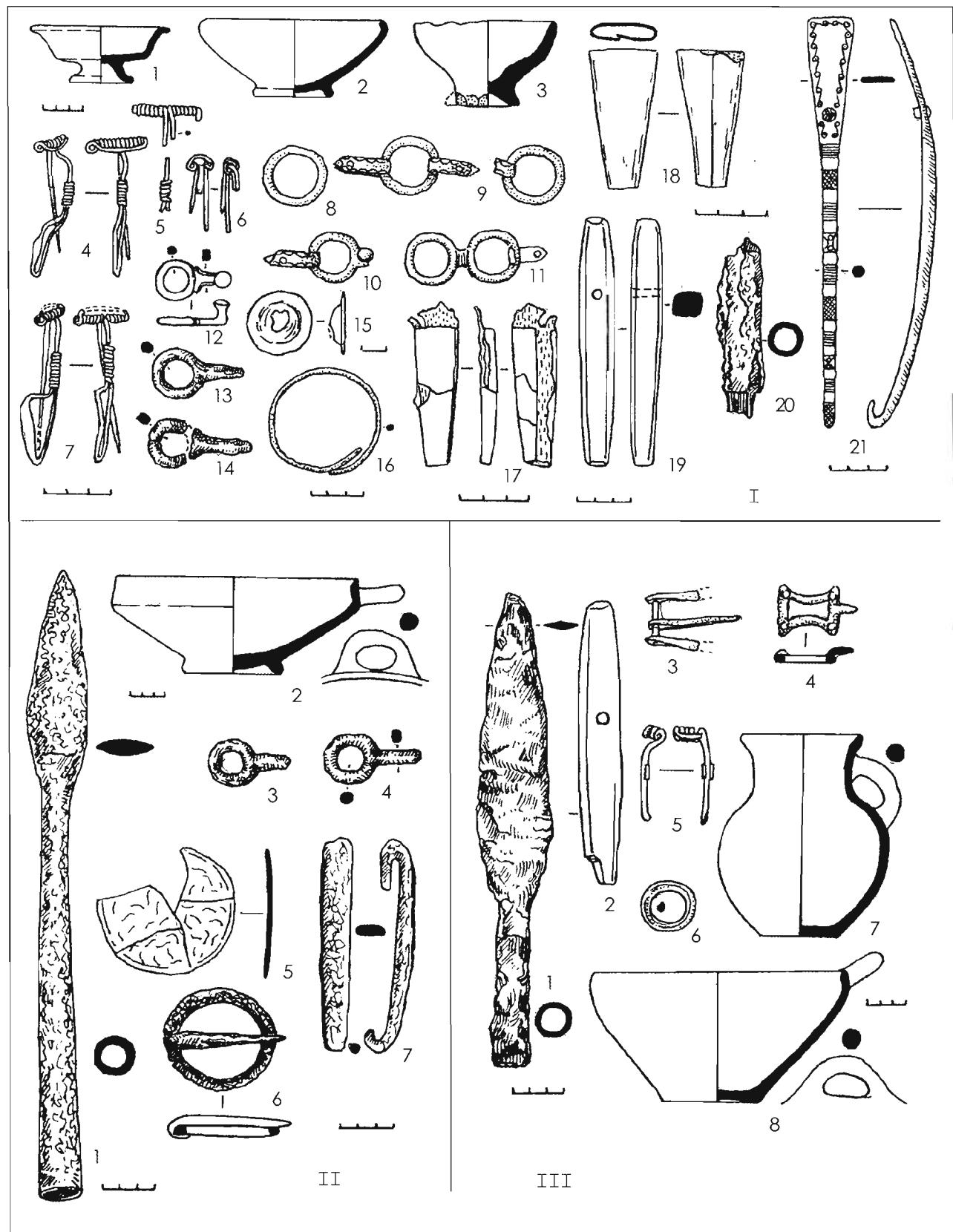

Рис. 26. Неаполь Скифский. Восточный некрополь (Сымонович, 1983):
I (1-21) – склеп 4; II (1-7) – 8; III (1-8) – 54

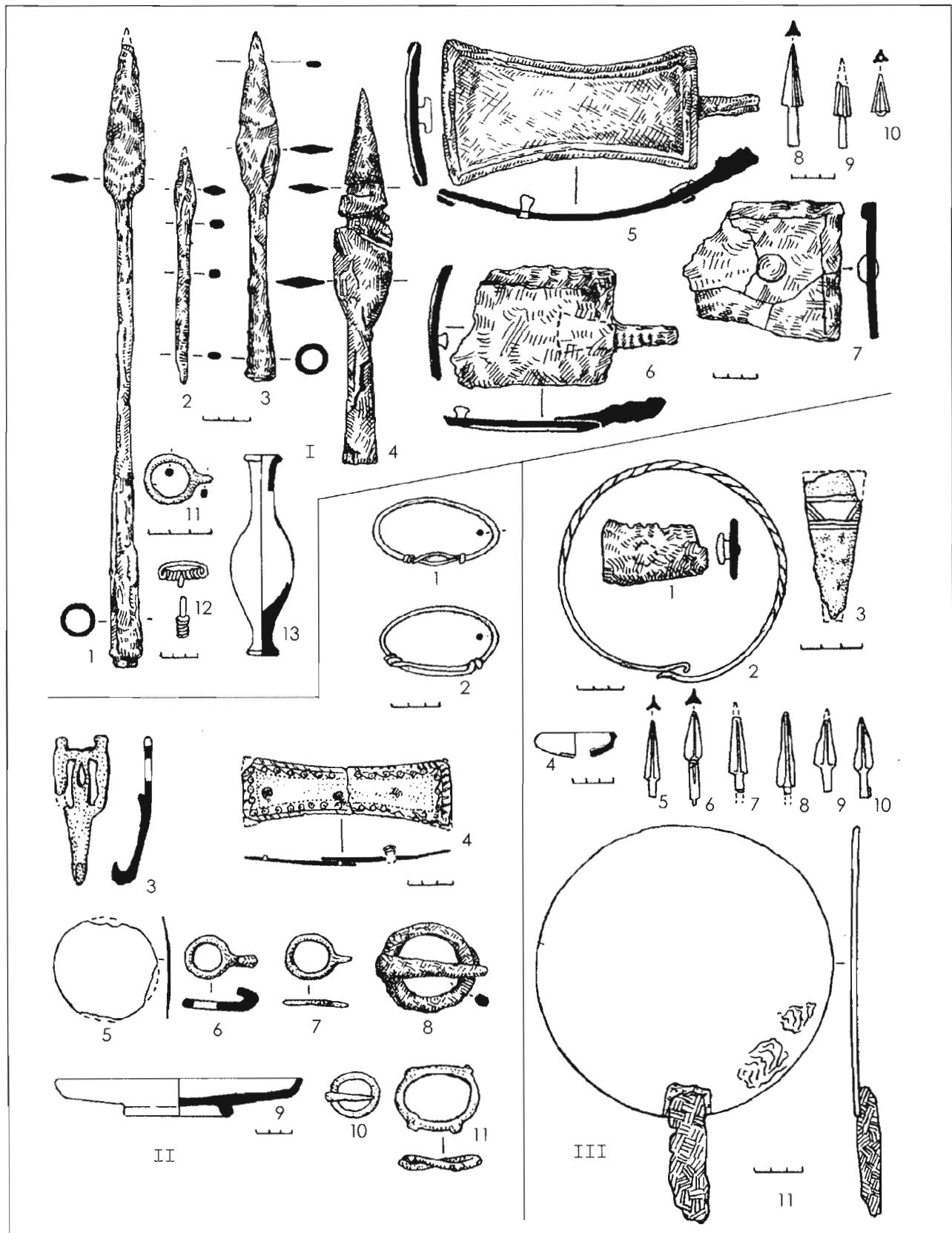

Рис. 27. Неаполь Скифский. Восточный некрополь:
I (1–13) – склеп 39; II (1–11) – 38; III (1–11) – 45.

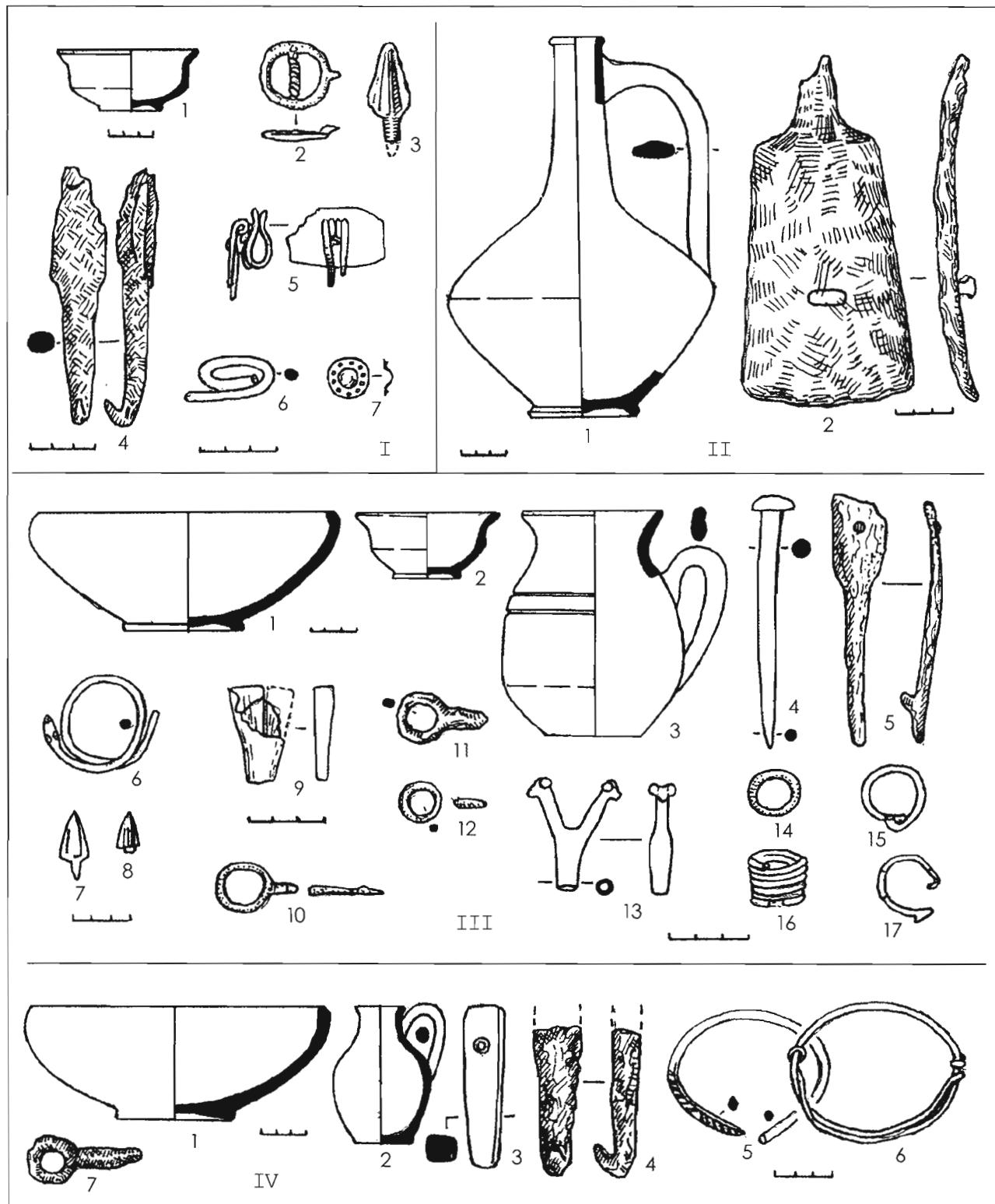

Рис. 28. Неаполь Скифский. Восточный некрополь:
I (1-7) – склеп 57; II (1, 2) – 29; III (1-17) – 67; IV (1-6) – 71

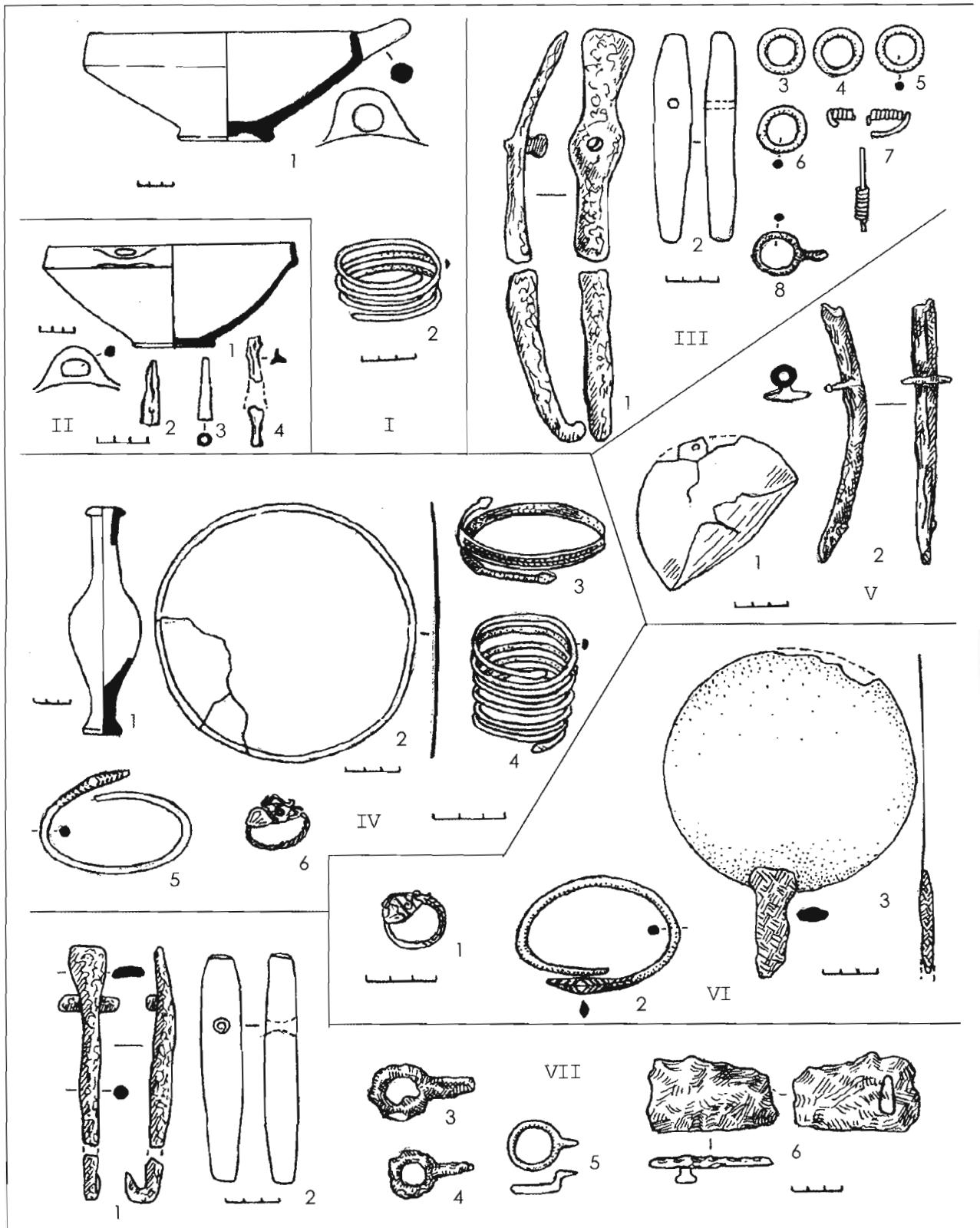

Рис. 29. Неаполь Скифский. Восточный некрополь:
 I (1, 2) – склеп 74; II (1–4) – 23; III (1–8) – 17; IV (1–6) – 62;
 V (1, 2) – 81; VI (1–3) – 49; VII (1–6) – 27

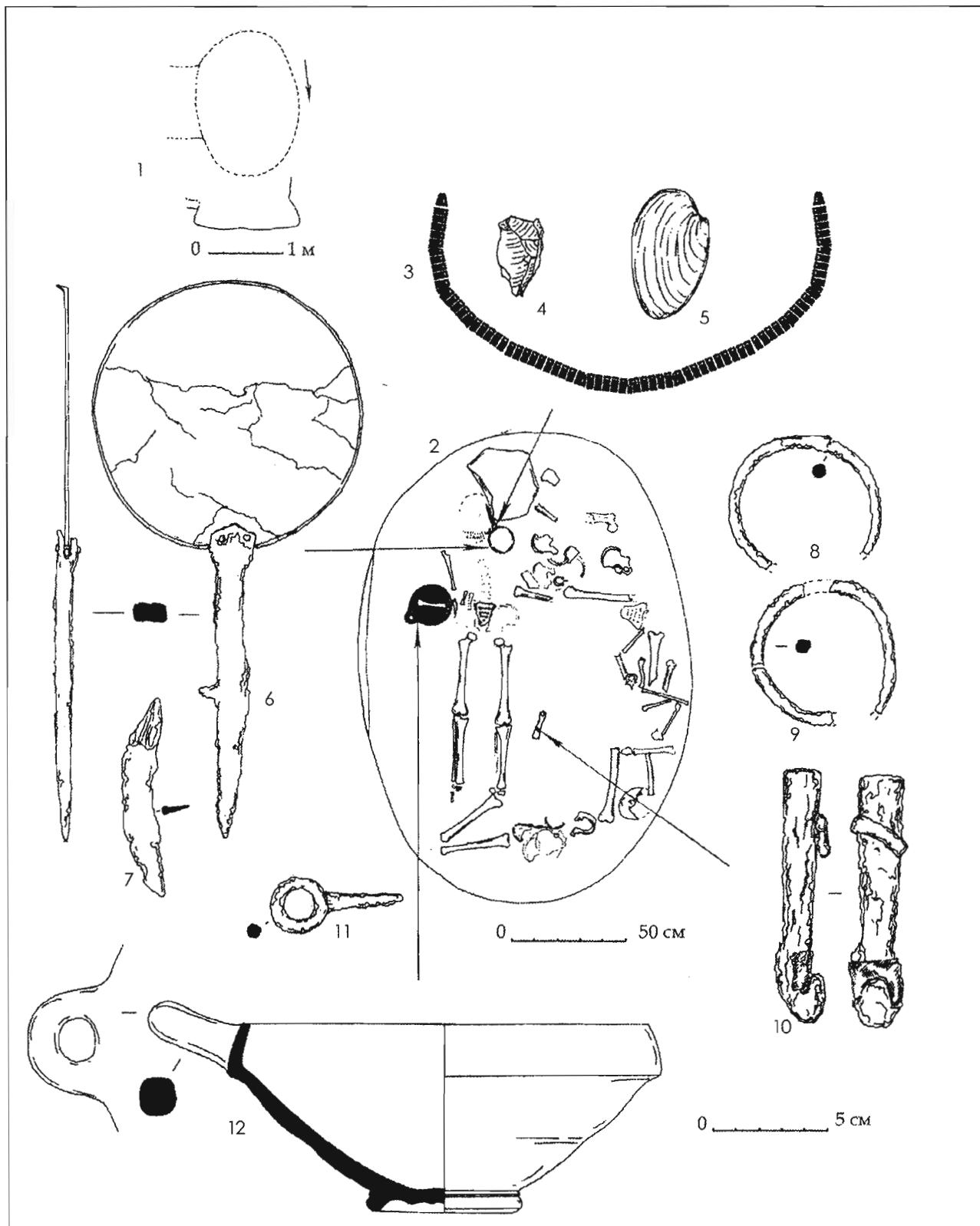

Рис. 30. Неаполь Скифский. Восточный некрополь.
Могила 57 (раскопки О.А. Махневой, 1982 г.). Планы, разрез (1, 2),
находки (3–12) (Зайцев, 2003).

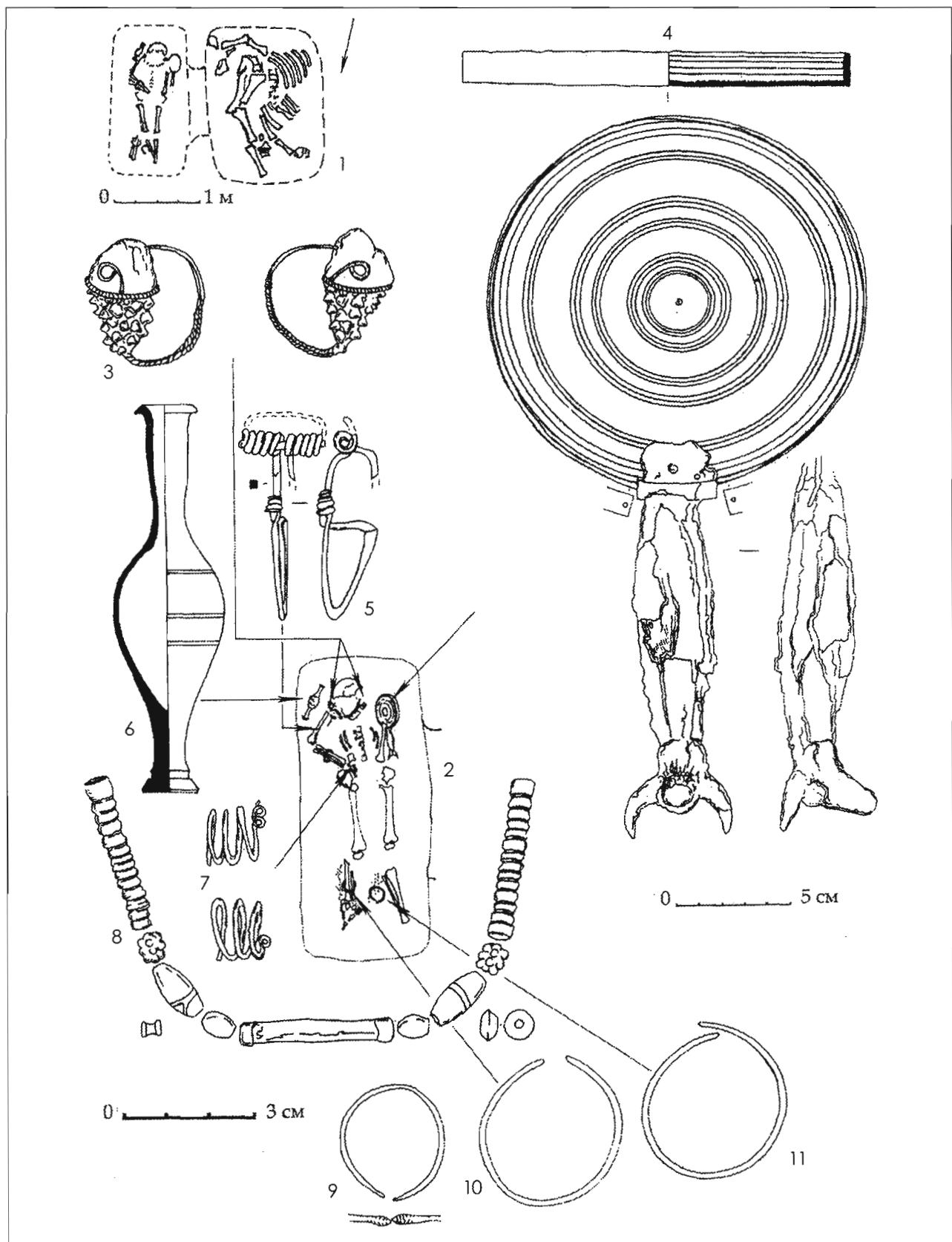

Рис. 31. Неаполь Скифский. Восточный некрополь. Могила 21 (Симонович, 1983; Зайцев, 2003). Планы (1, 2), находки (3–11).

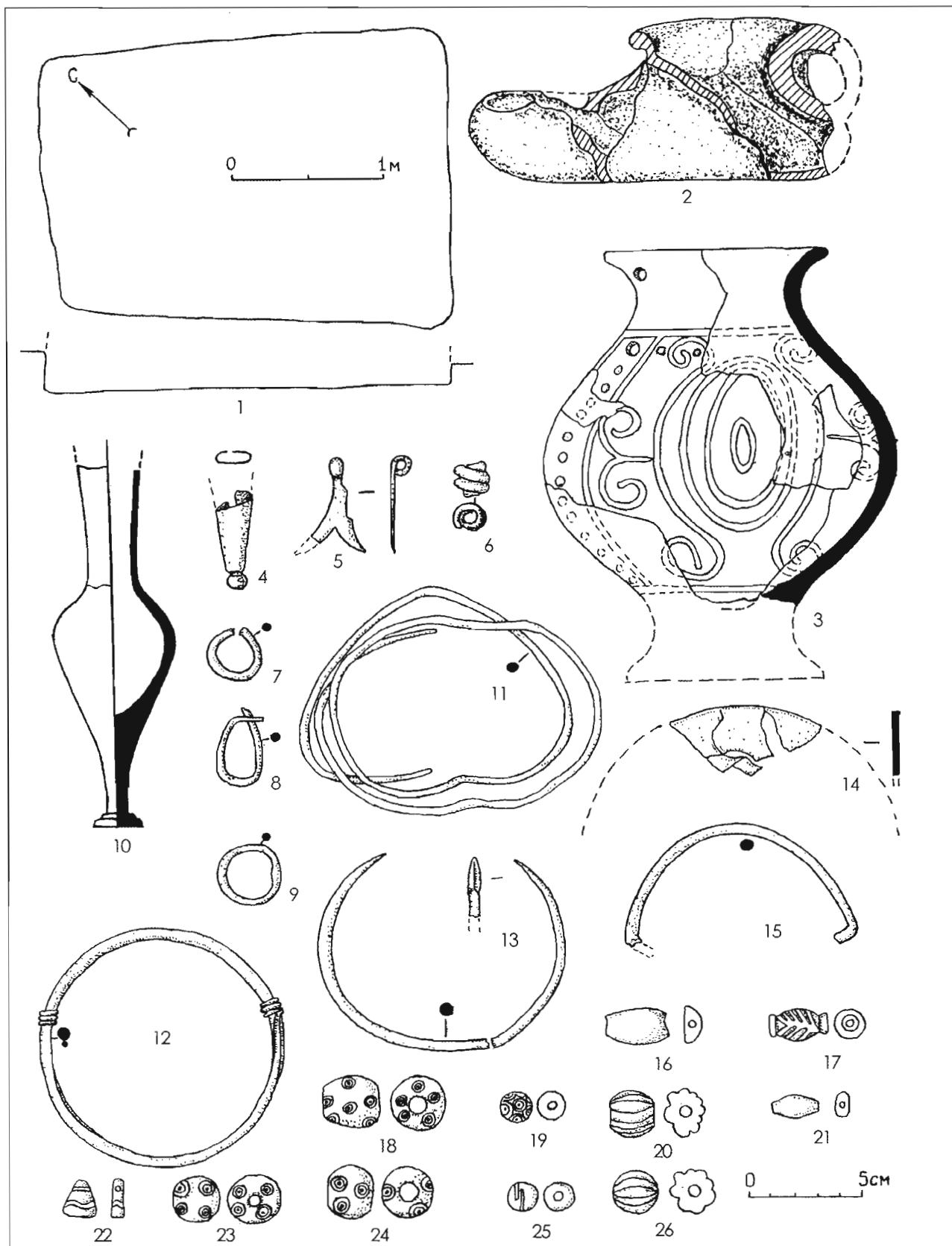

Рис. 32. Битакский могильник. Склеп 1979 г. (Колтухов, Пуздровский, 1983).
План, разрез (1), находки (2–26).

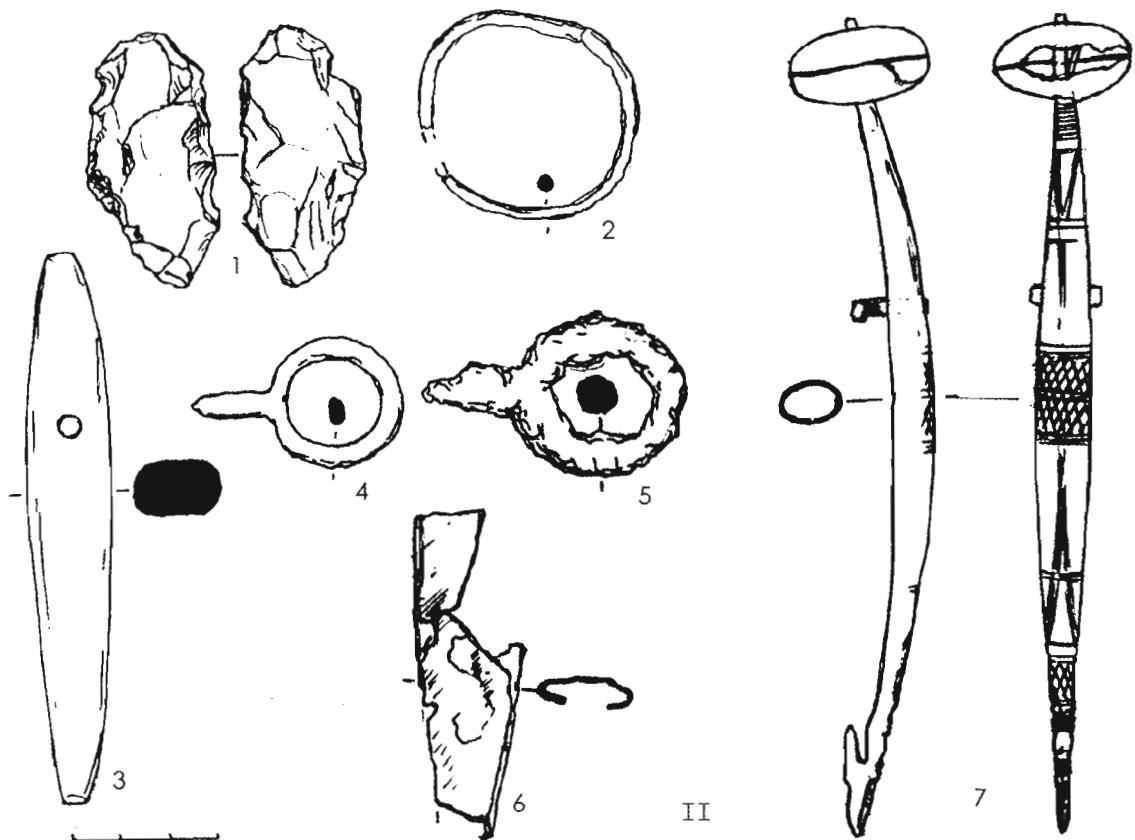
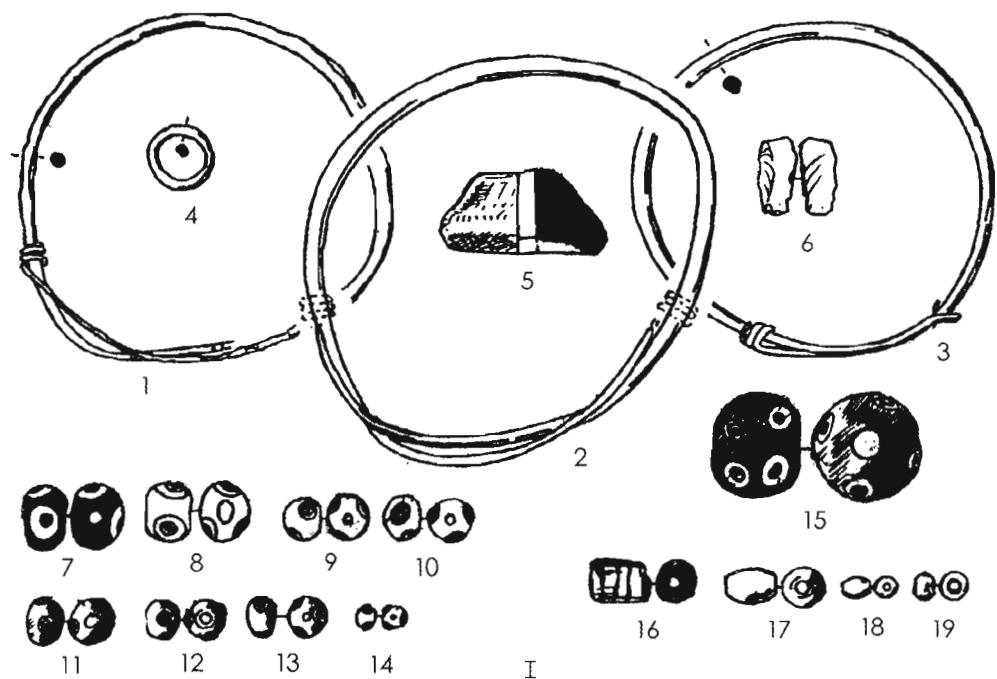

Рис. 33. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: I (1–19) – склеп 95; II (1–7) – склеп 99

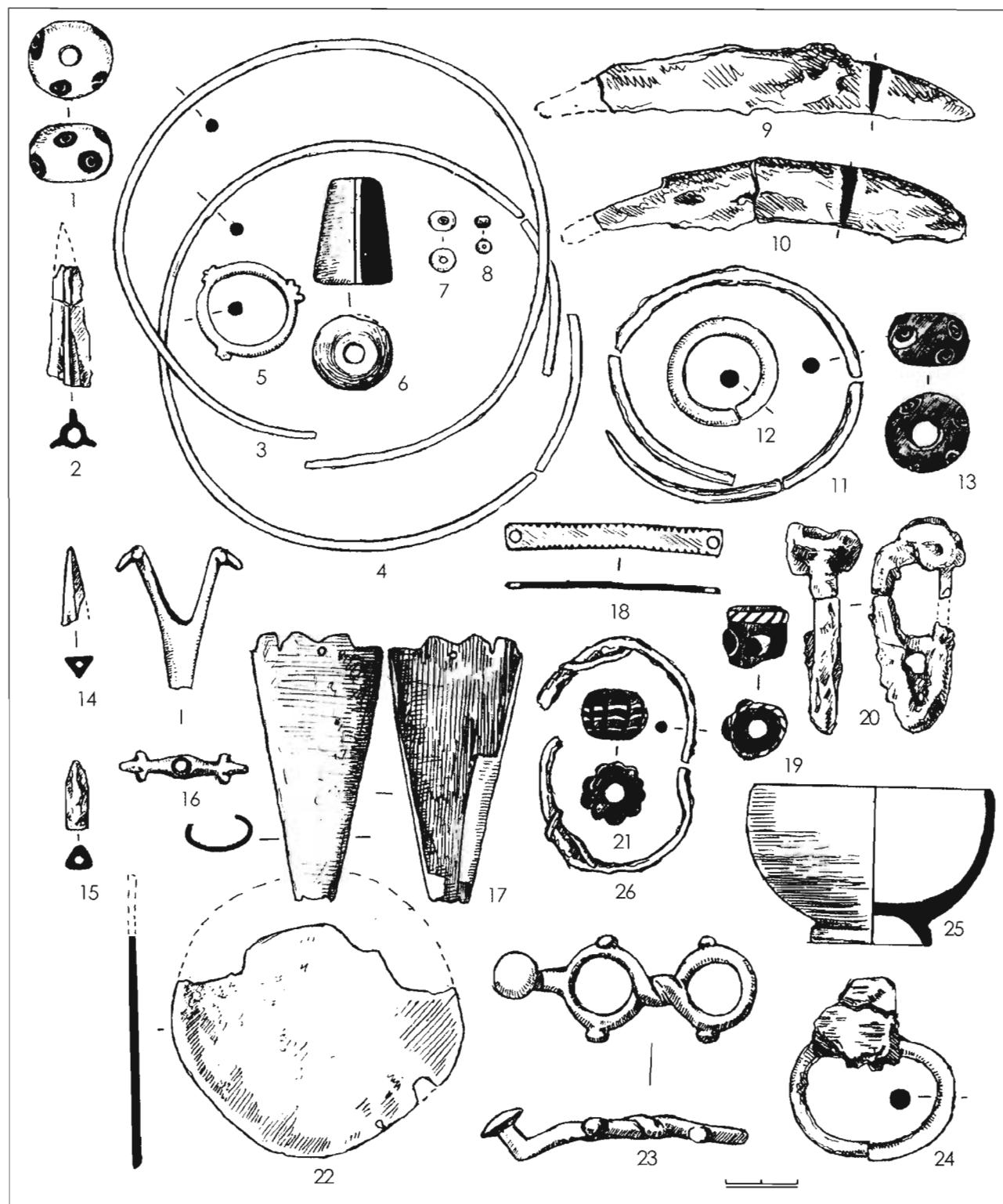

Рис. 34. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: 1–26 – склеп 97

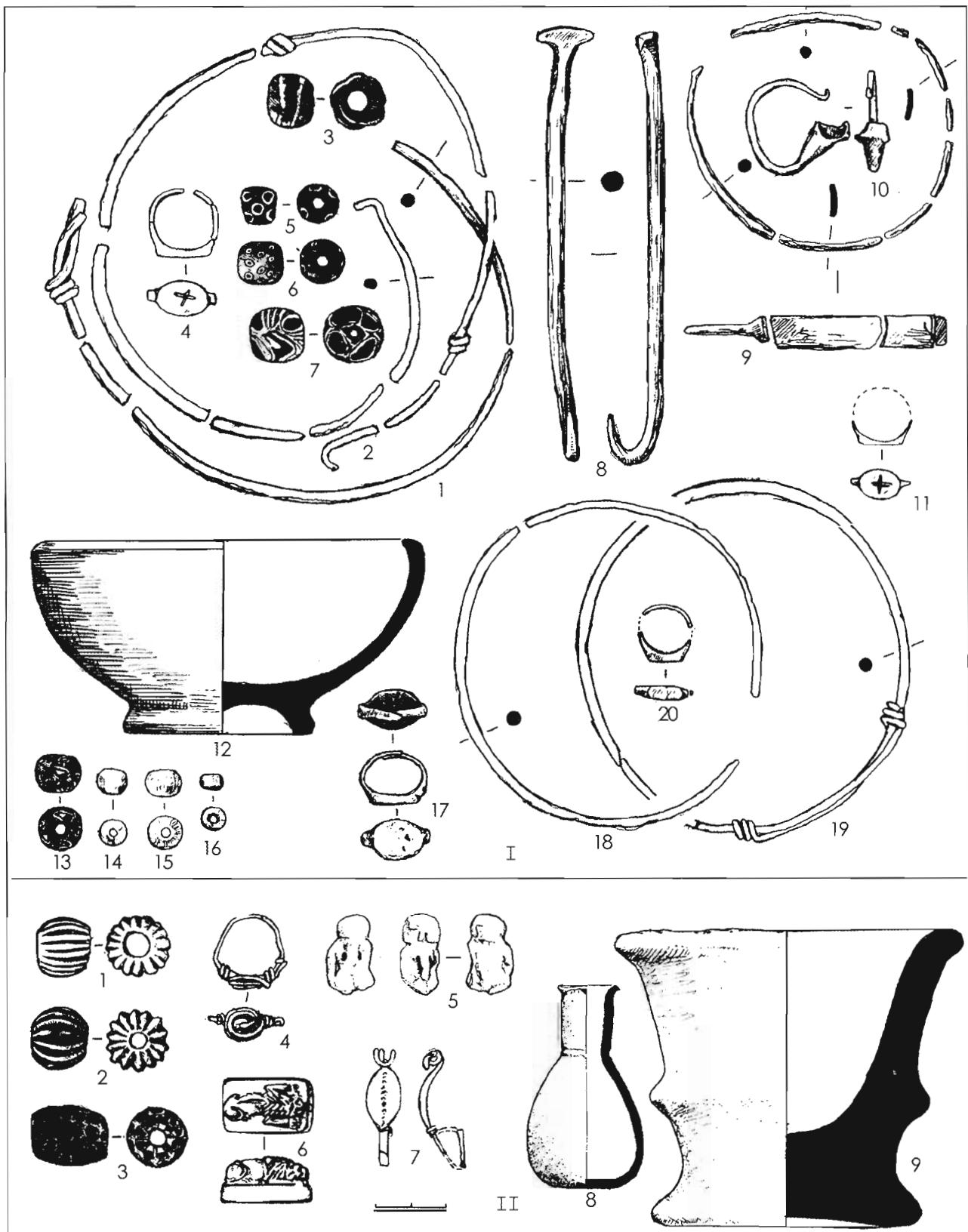

Рис. 35. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздовского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: I (1–20) – склеп 104, погребения ярусов 3–4;
II (1–9) – склеп 104, погребения ярусов 1–2

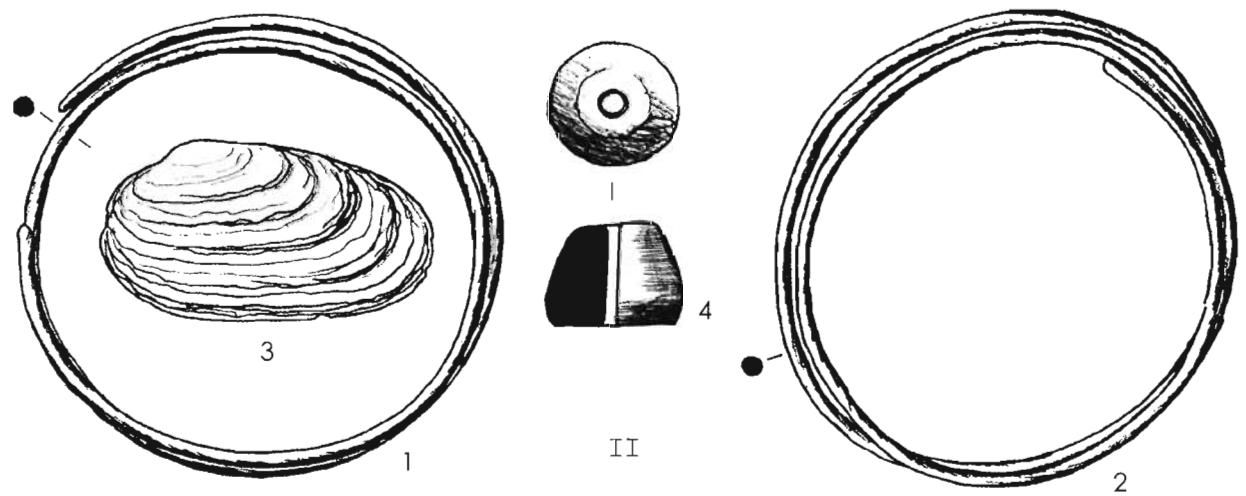

Рис. 36. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: I (1–9) – склеп 105 (5 – фибула по:
[Зайцев, Мордвинцева, 2003]); II (1–4) – 106

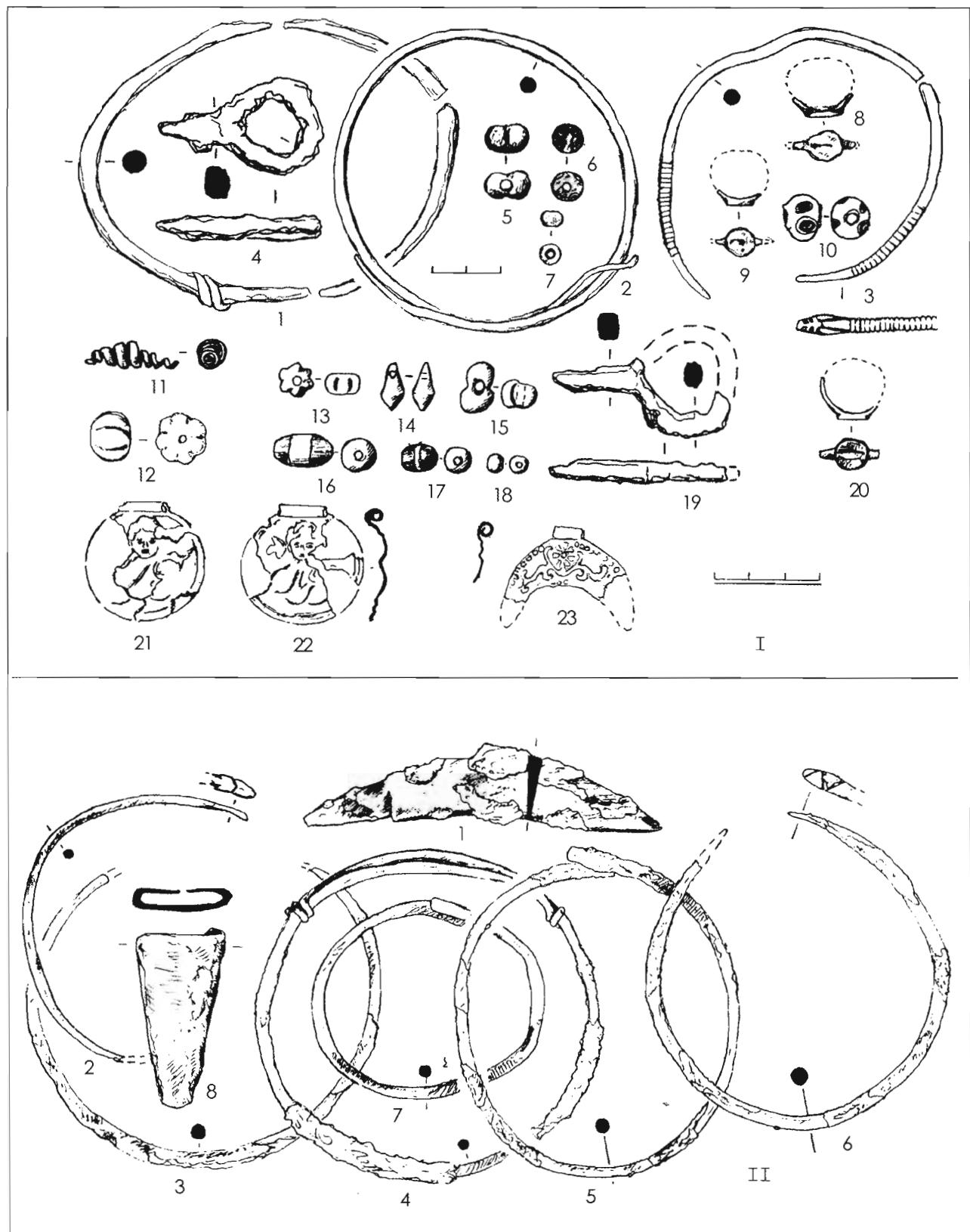
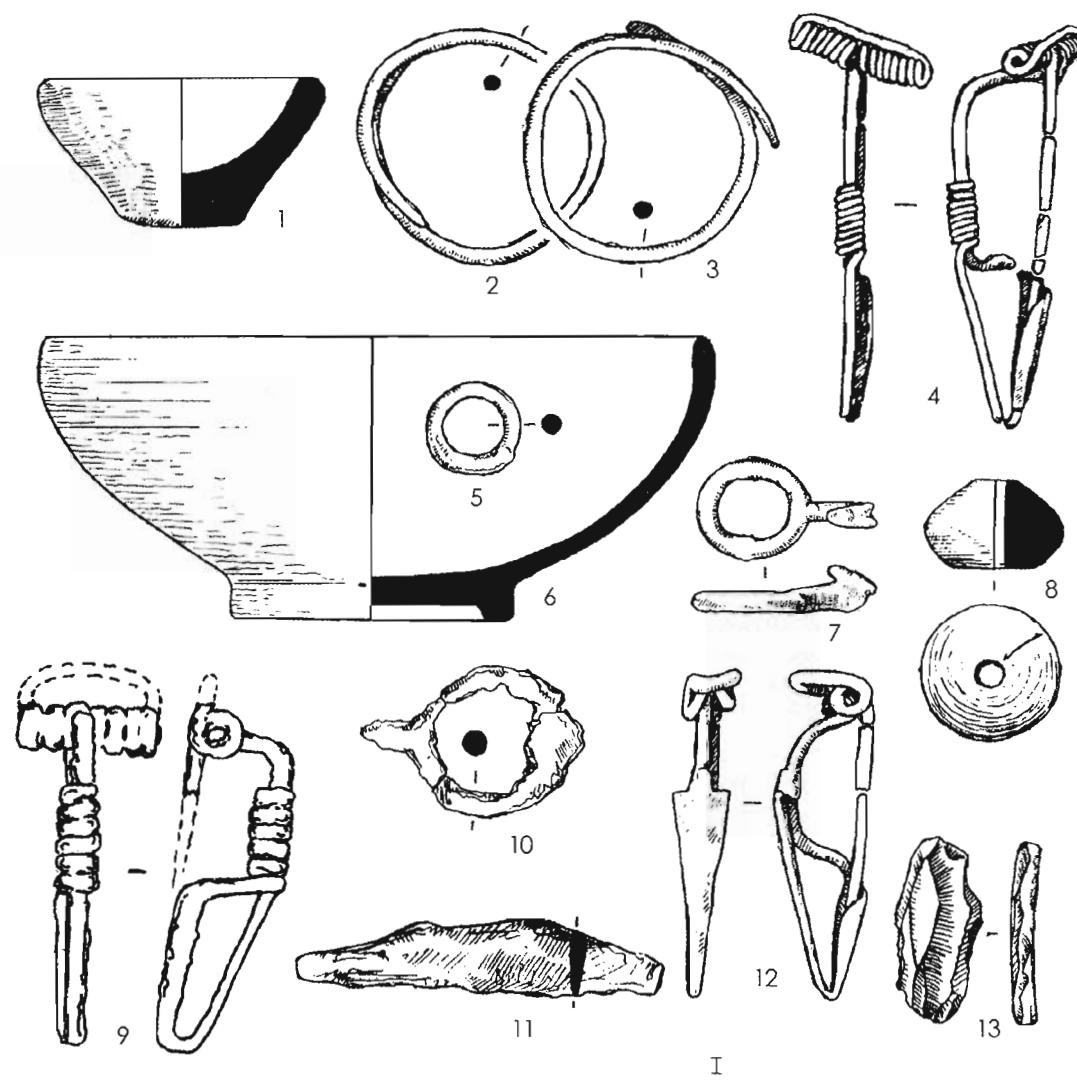
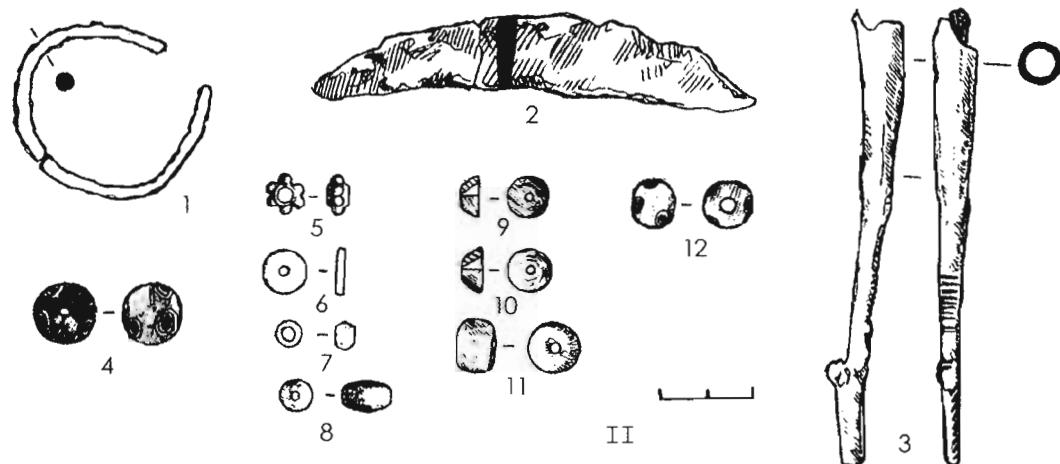

Рис. 37. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: I (1–23) – склеп 106; II (1–8) – 170

I

II

Рис. 38. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Диагностирующие находки: I (1–13) – склеп 124 (9 – фибула по:
[Зайцев, Мордвинцева, 2003]); II (1–12) – склеп 125

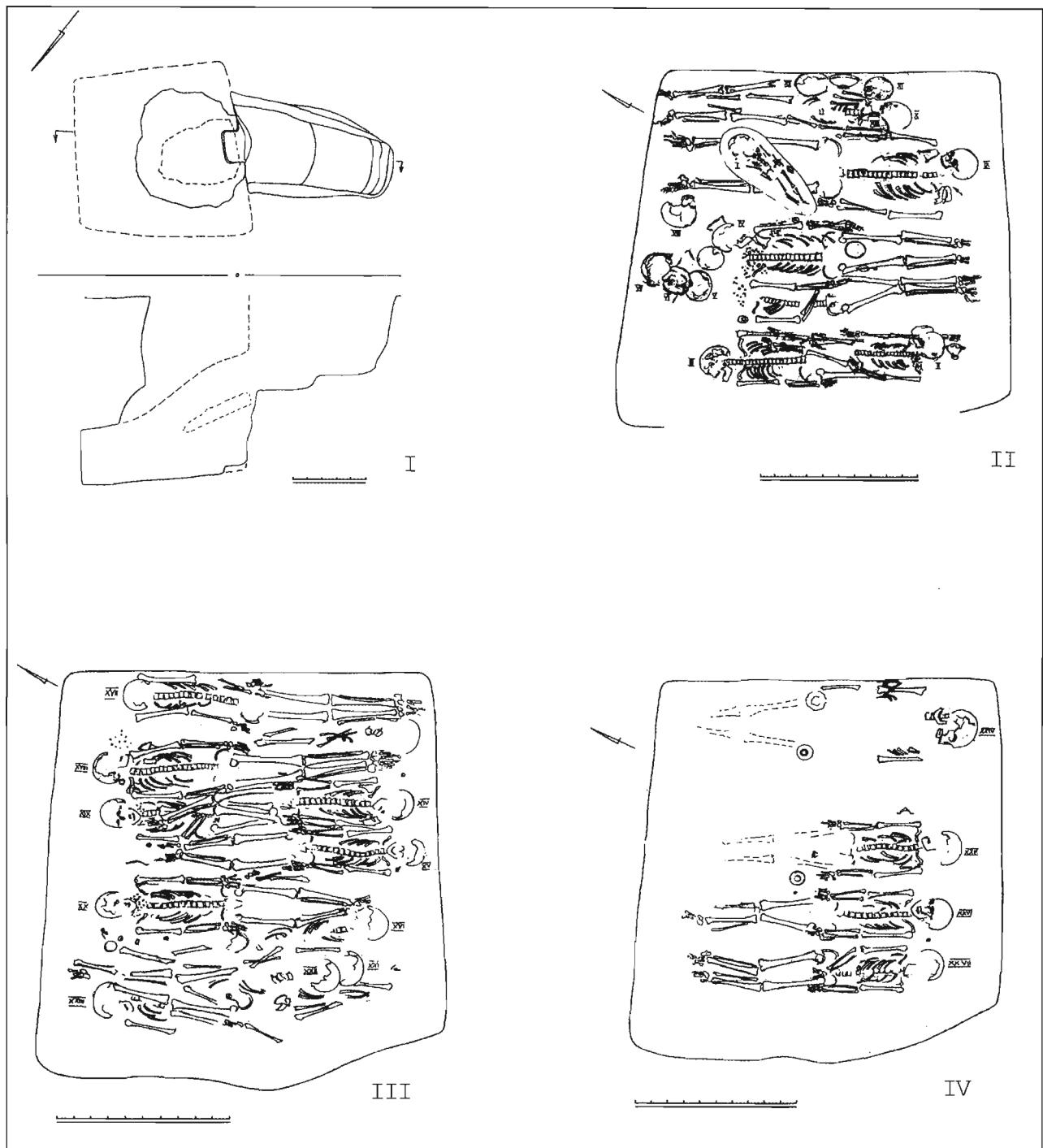

Рис. 39. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Склеп 155: I – план, разрез; II – план погребений I яруса;
 III – план погребений II яруса; IV – план погребений III яруса

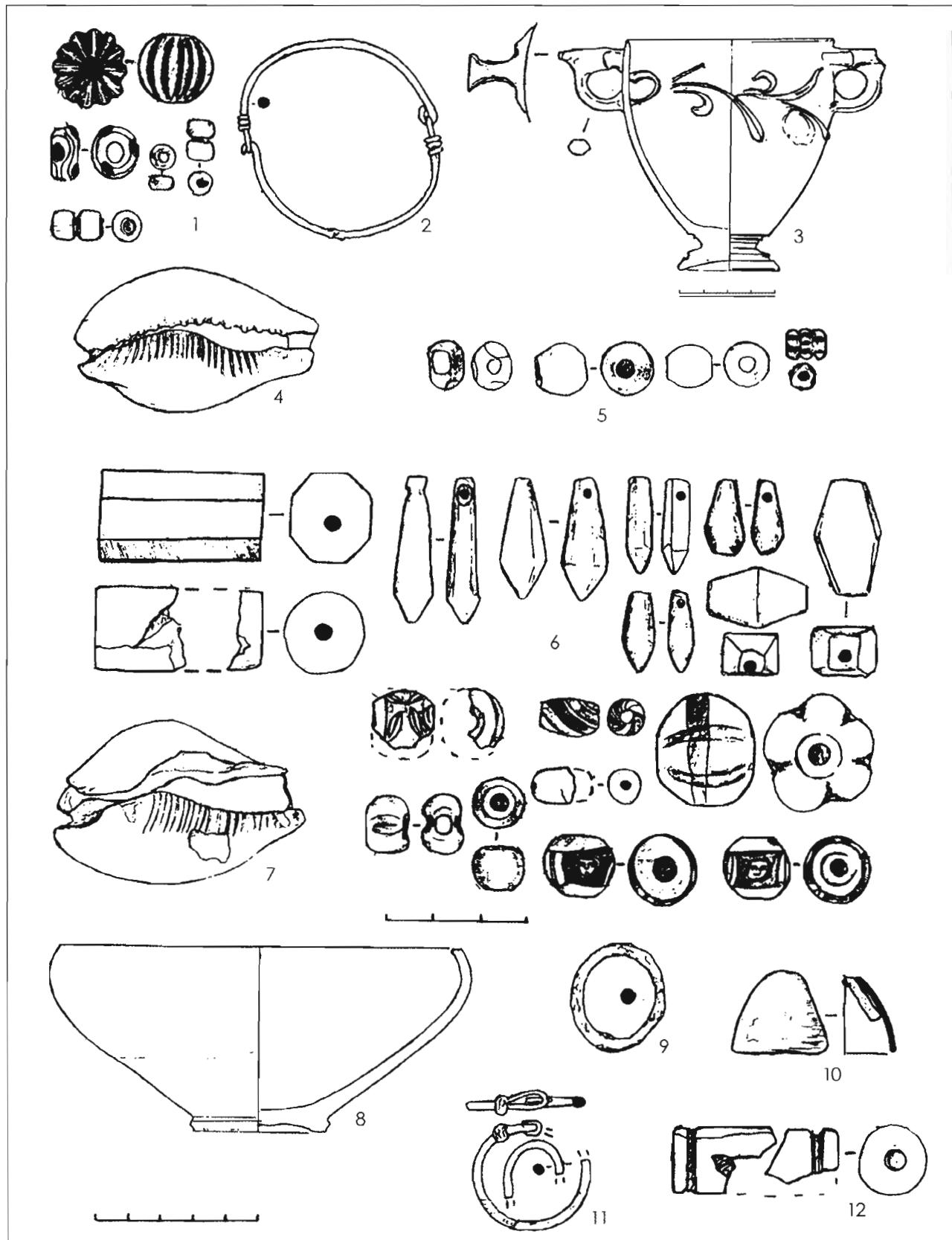

Рис. 40. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Склеп 155. Найдки из погребений I яруса (1 – 12)

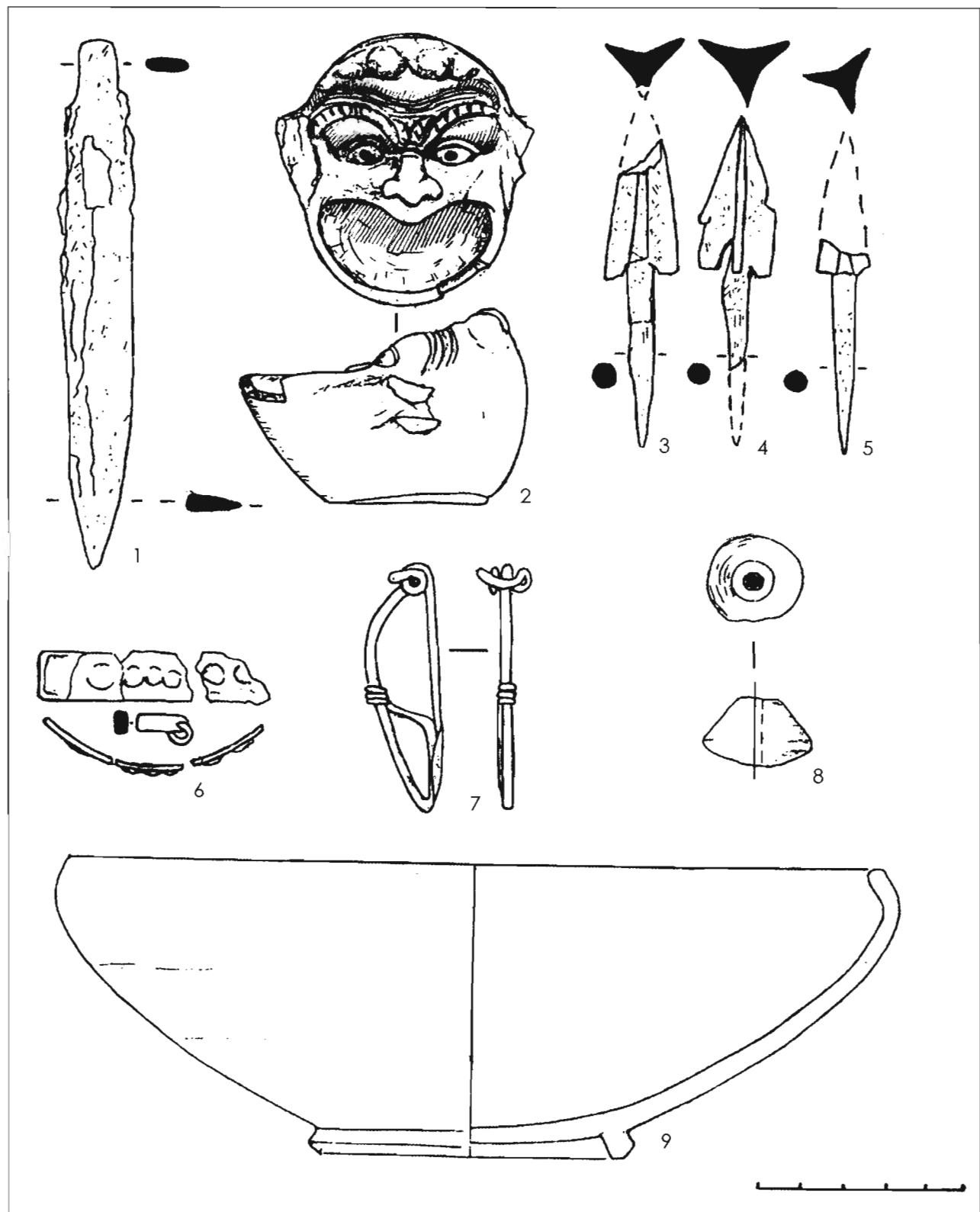

Рис. 41. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Склеп 155. Найдены из погребений I яруса (1 – 9)

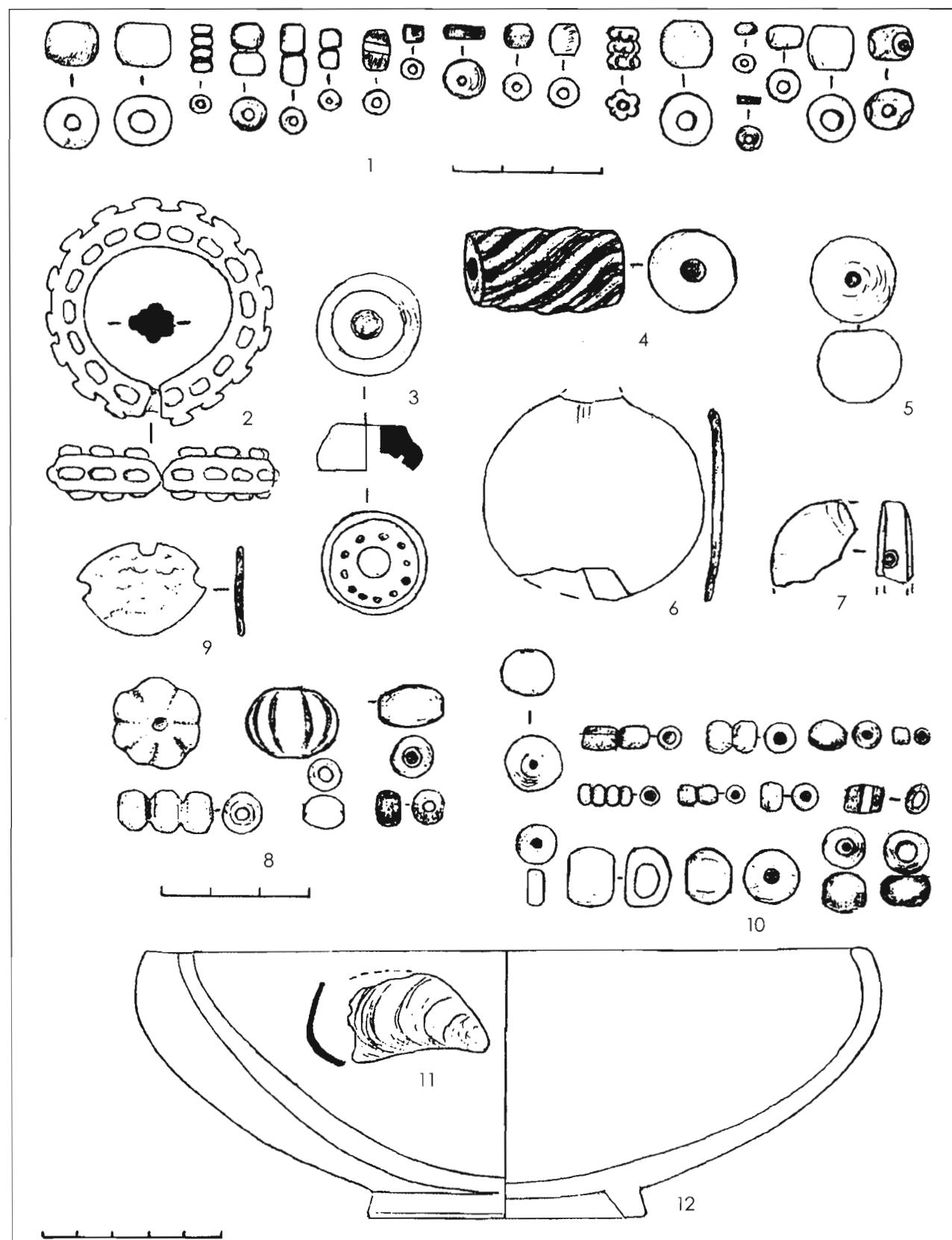

Рис. 42. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.).
Склеп 155. Найдены из погребений II яруса (1 – 12)

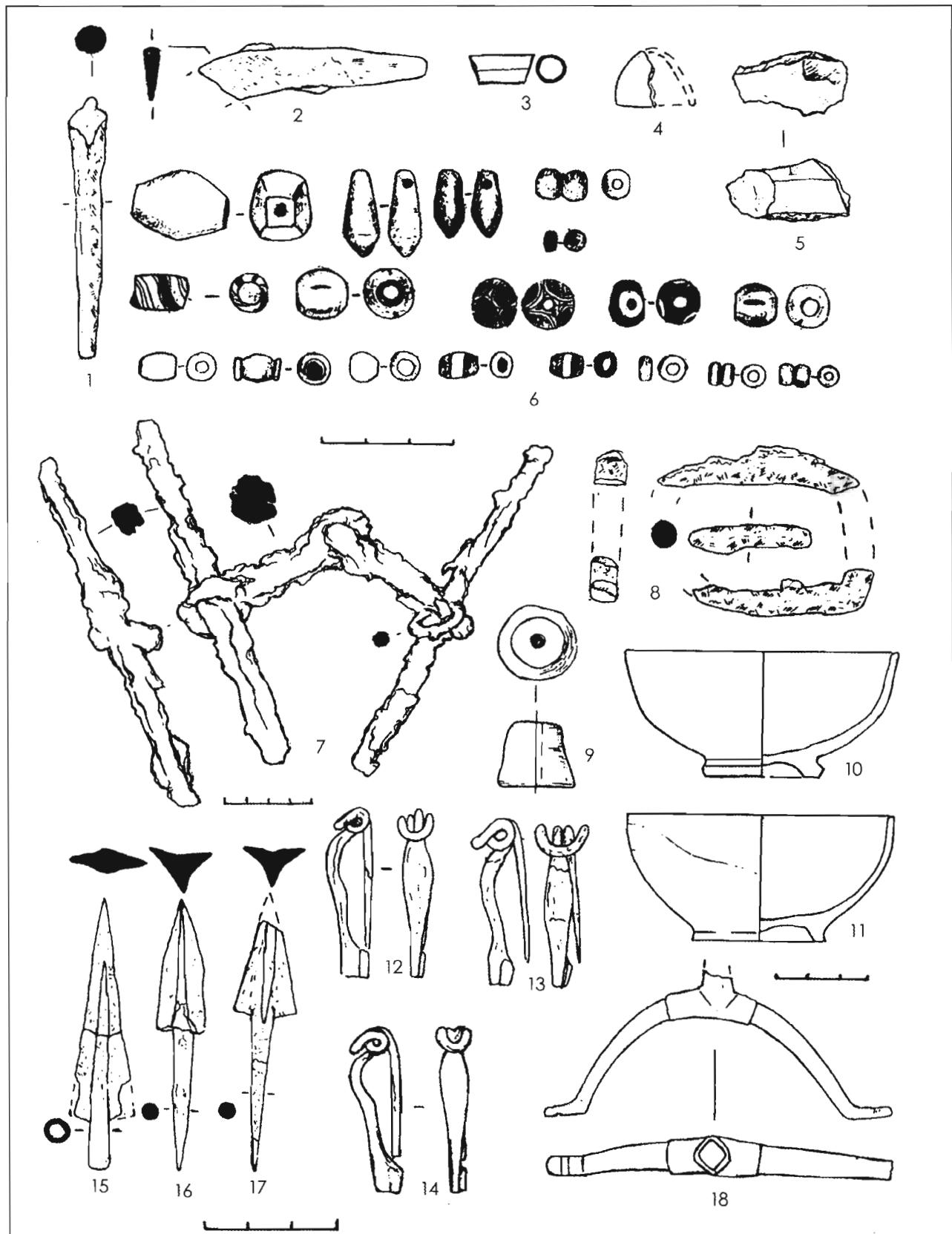

Рис. 43. Битакский могильник (раскопки А.Е. Пуздровского 1989–1991 гг.). Склеп 155. Найдки из погребений II –III ярусов (1–6) и III яруса (7–18)

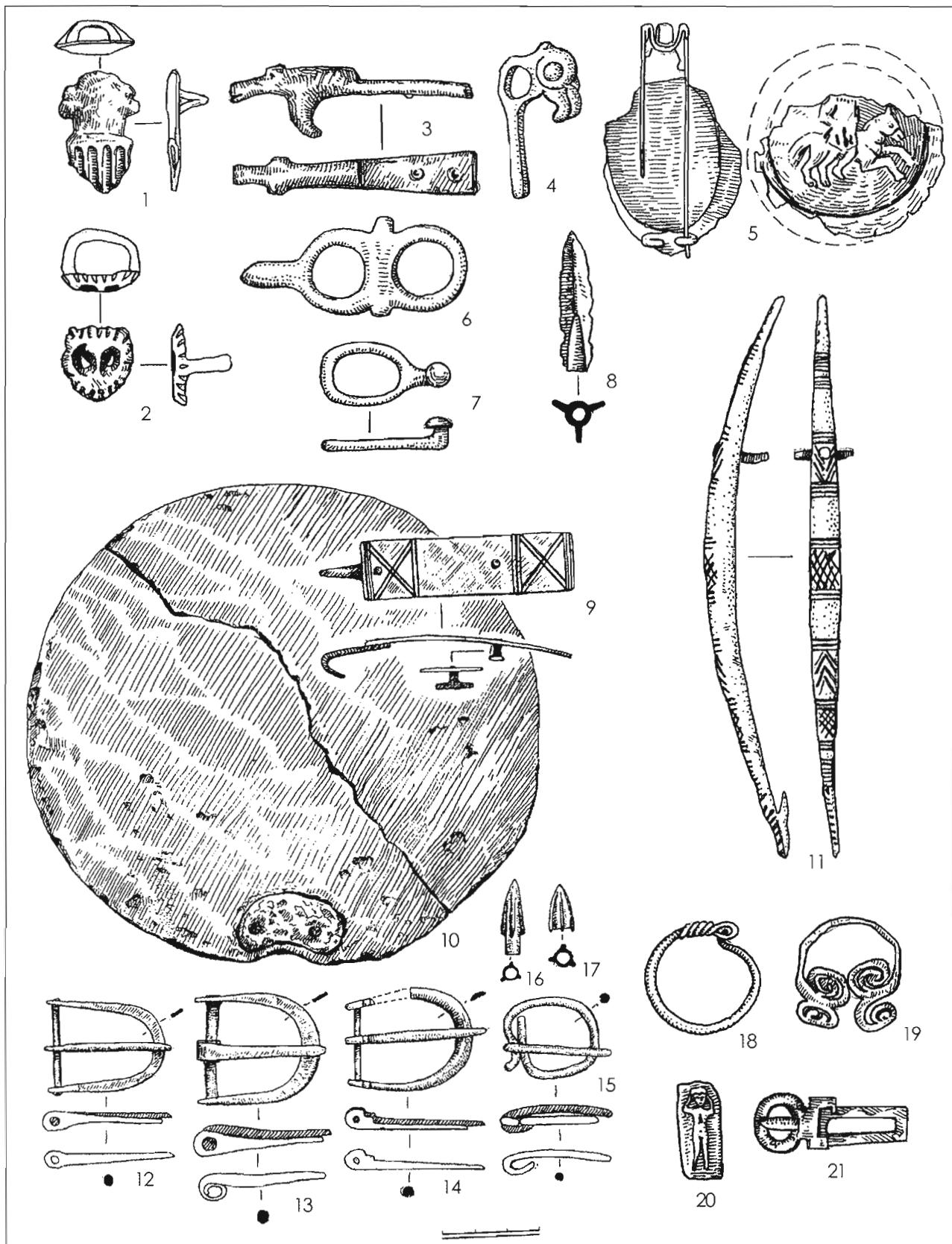

Рис. 44. Тавельские курганы. Найдены из раскопок Ю.А. Кулаковского в 1897 г. (Троицкая, 1957; Дащевская, 1991; Труфанов, 2004): 1–21

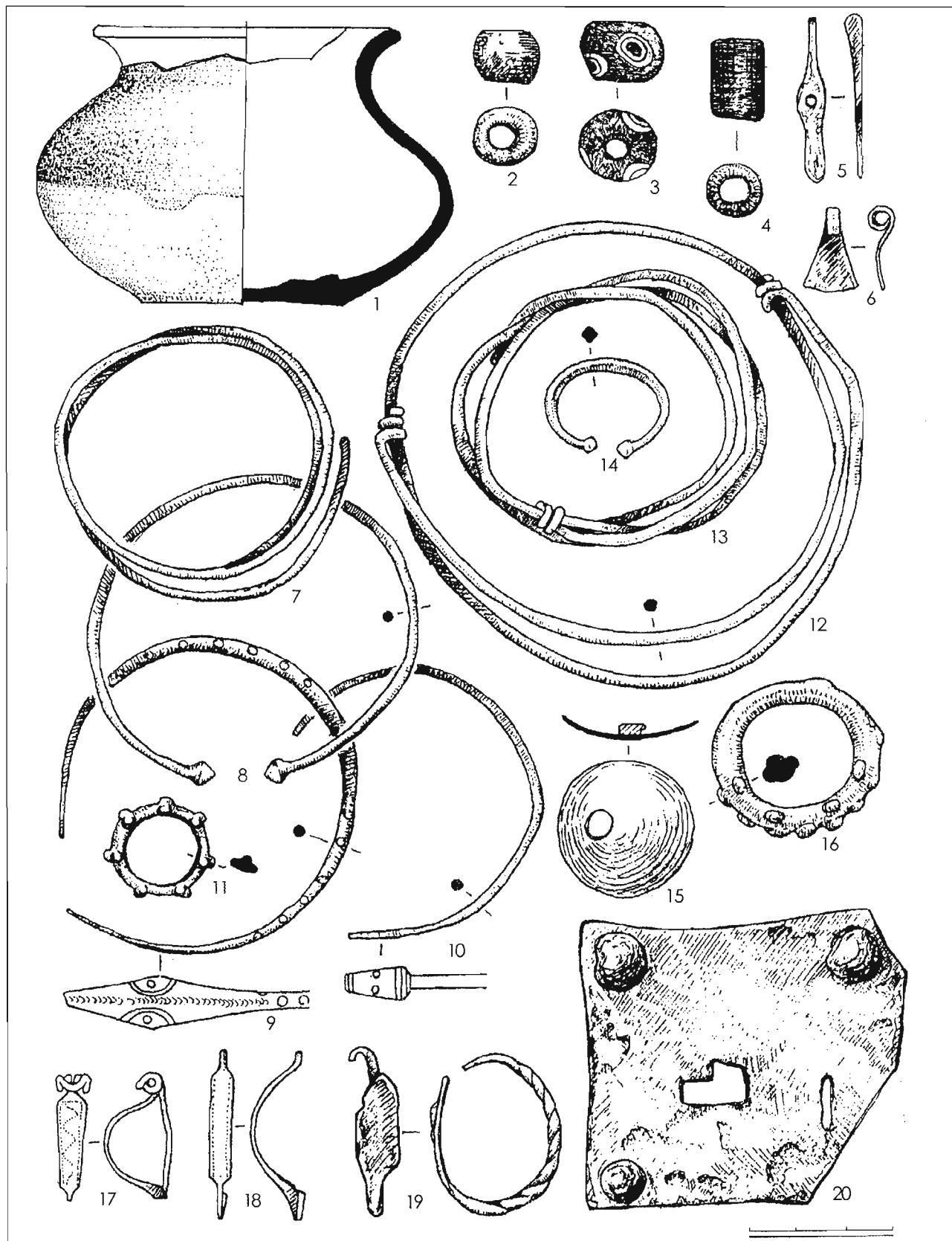

Рис. 45. Тавельские курганы. Найдены из раскопок Ю.А. Кулаковского в 1897 г. (Труфанов, 2004): 1–20

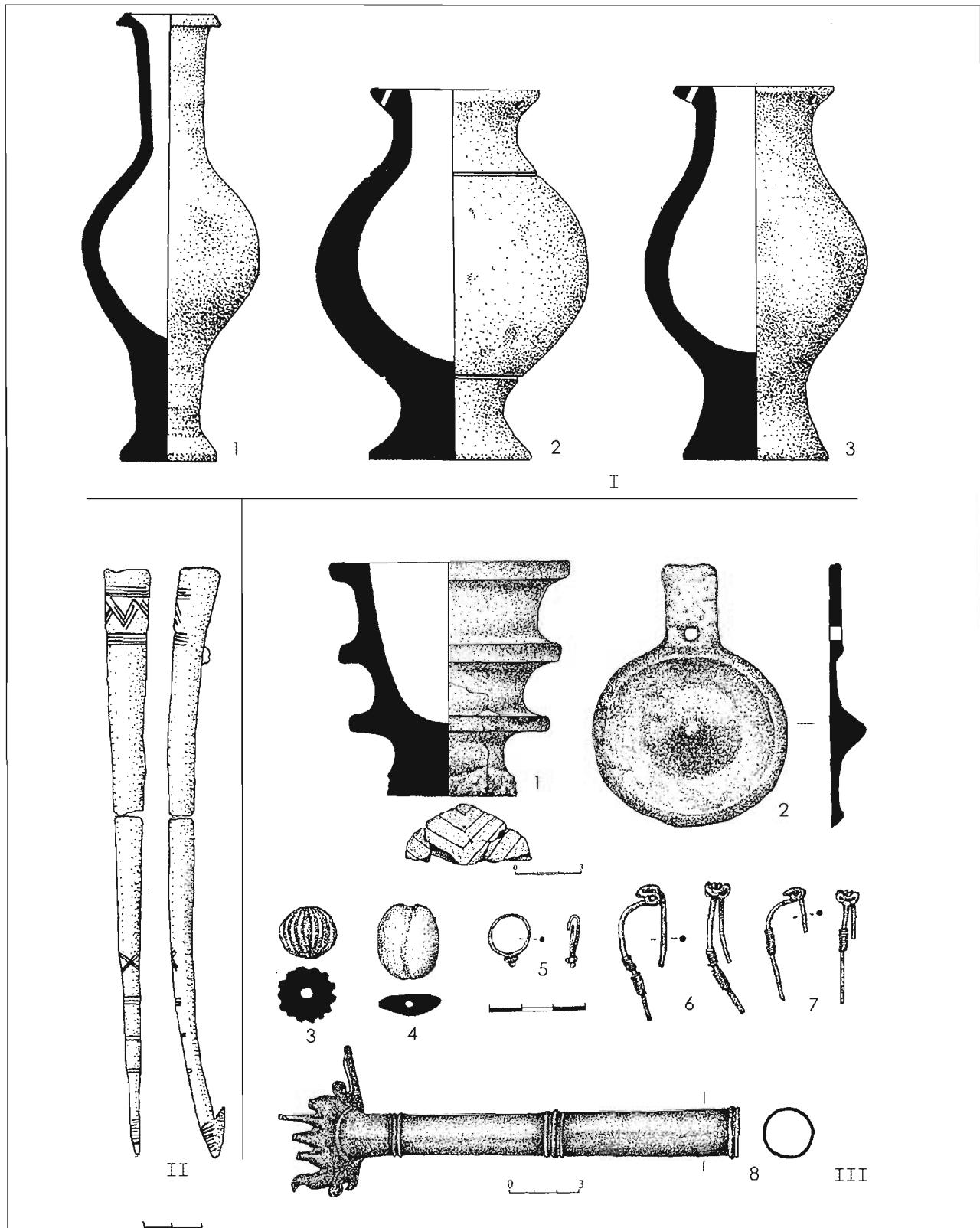

Рис. 46. Найдки из подкурганных погребений Центрального Крыма:
 I (1–3) – курган Черкеса (Троицкая, 1957; Дащевская, 1991);
 II – разрушенное погребение у с. Барабаново (Троицкая, 1957);
 III (1–8) – курган у с. Саблы (Партизанское) (Журавлев, Фирсов, 2001)

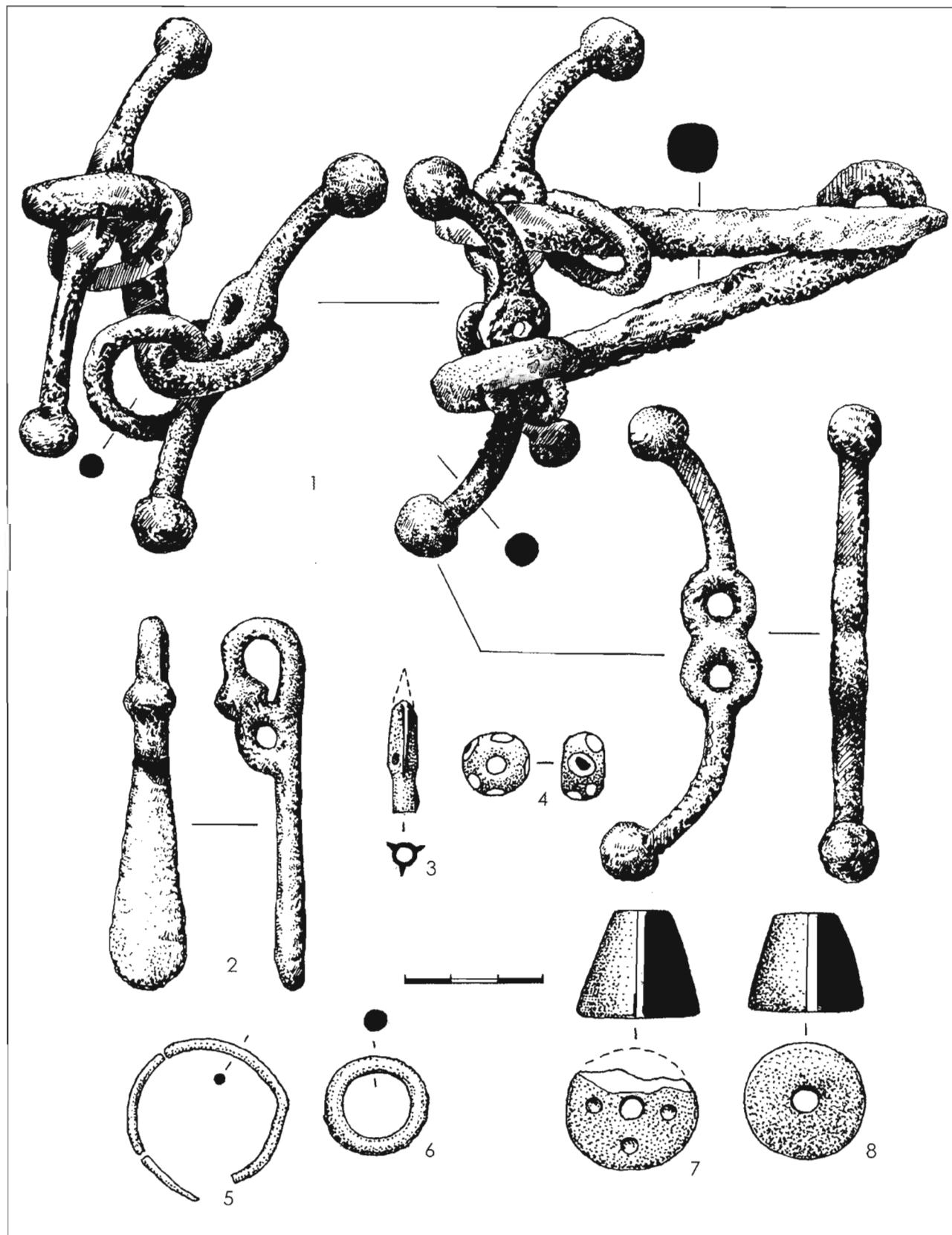

Рис. 47. Курган у с. Маленько耶 (раскопки Л.И. Иванова, 1957 г.).
Найдены из каменного склепа: 1–8

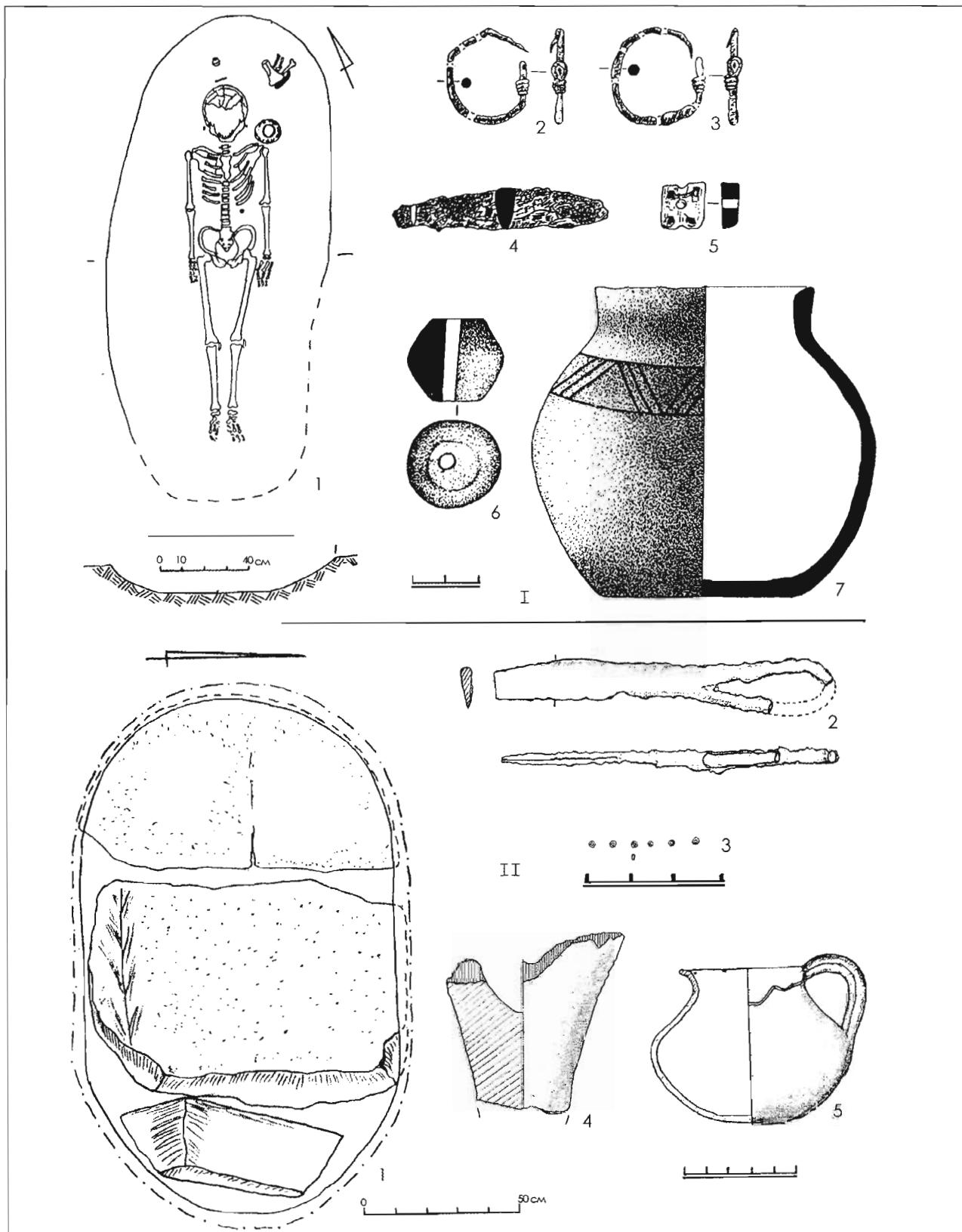

Рис. 48. I. Курган у с. Яркое Поле (раскопки А.В. Гаврилова, 1995 г.): план, разрез (1), находки (2–7). II. Курган у с. Маленькое. Впускное погребение, перекрытое плитами: план (1), находки (2, 3, 5). 4 – ножка амфоры из насыпи кургана

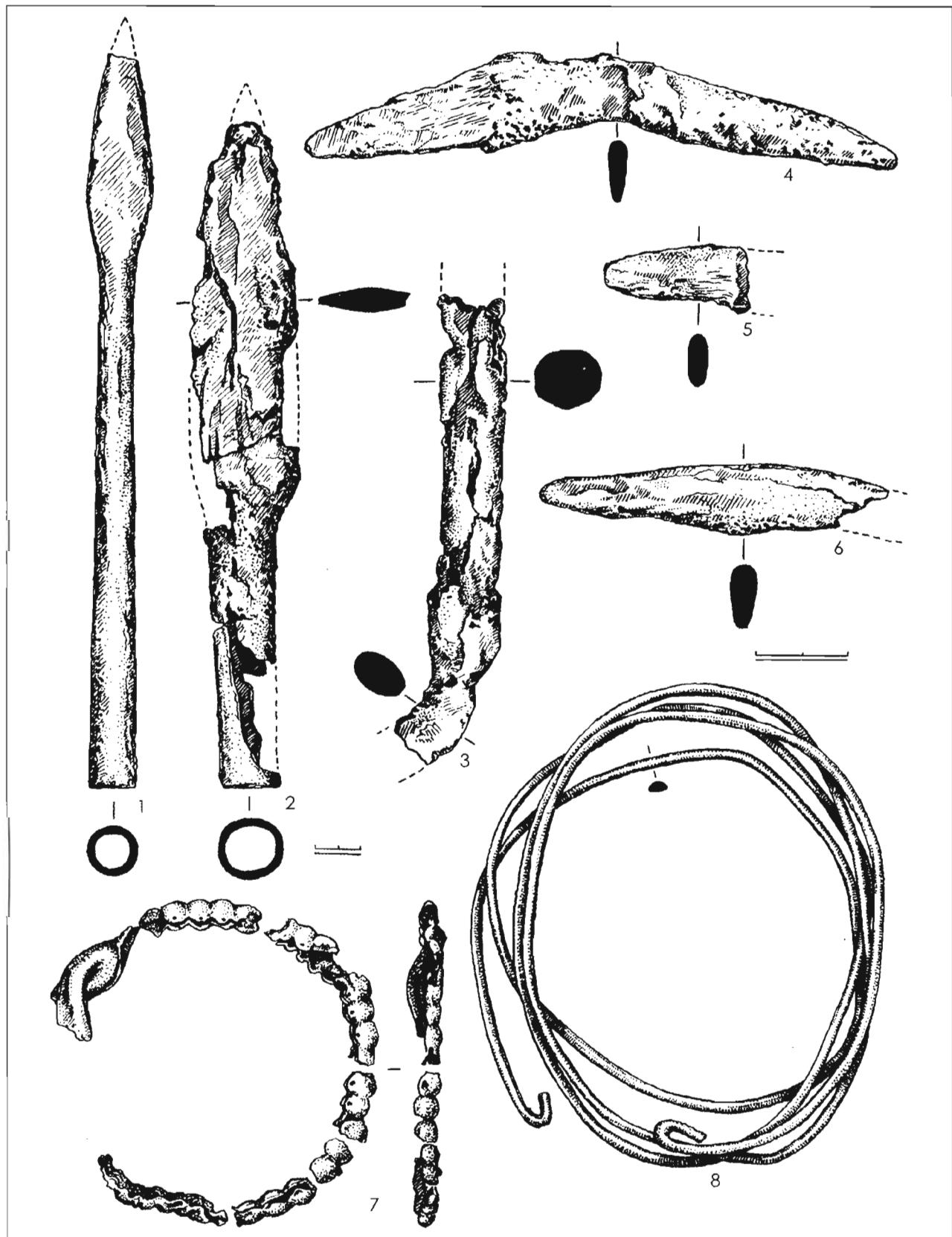

Рис. 49. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской, 1967 г.) [Высотская, 1968]. Найдены из впускных грунтовых склепов: 1–8

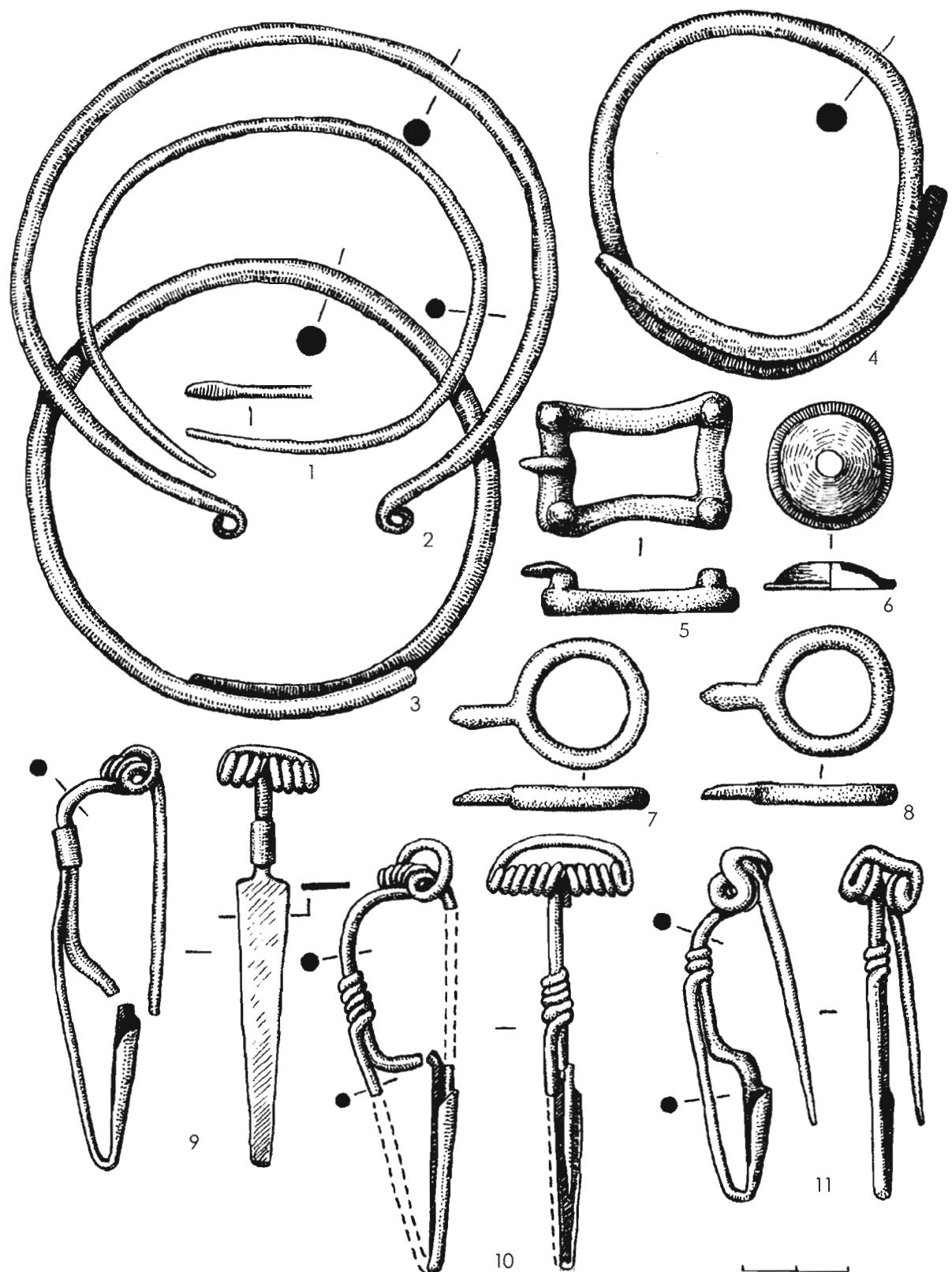

Рис. 50. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской, 1967 г.) [Высотская, 1968]. Найдены из впускных грунтовых склепов: 1–11

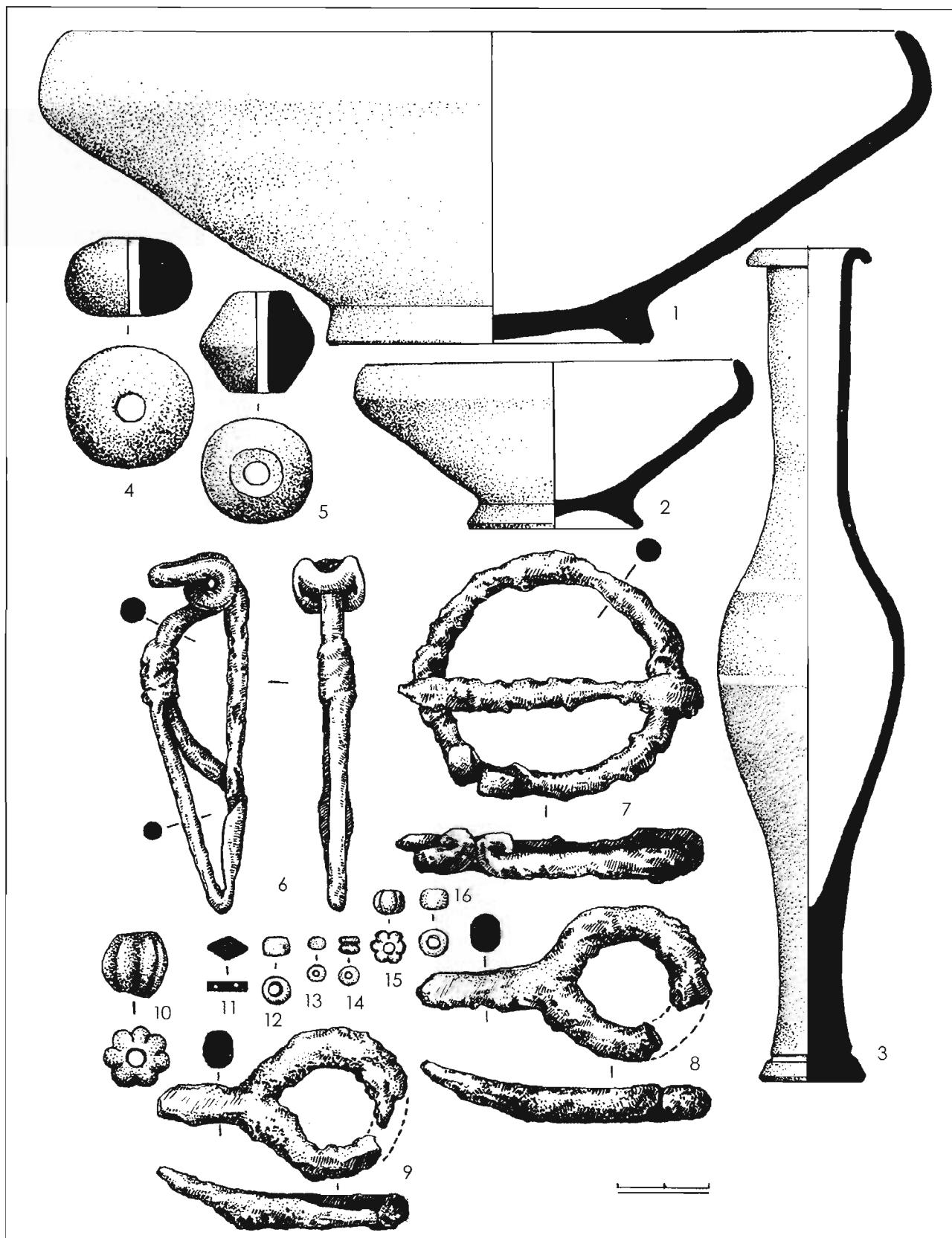

Рис. 51. Курган у городища Кермен-Кыр (раскопки Т.Н. Высотской, 1967 г.) [Высотская, 1968]. Найдки из впускных грунтовых склепов: 1–16

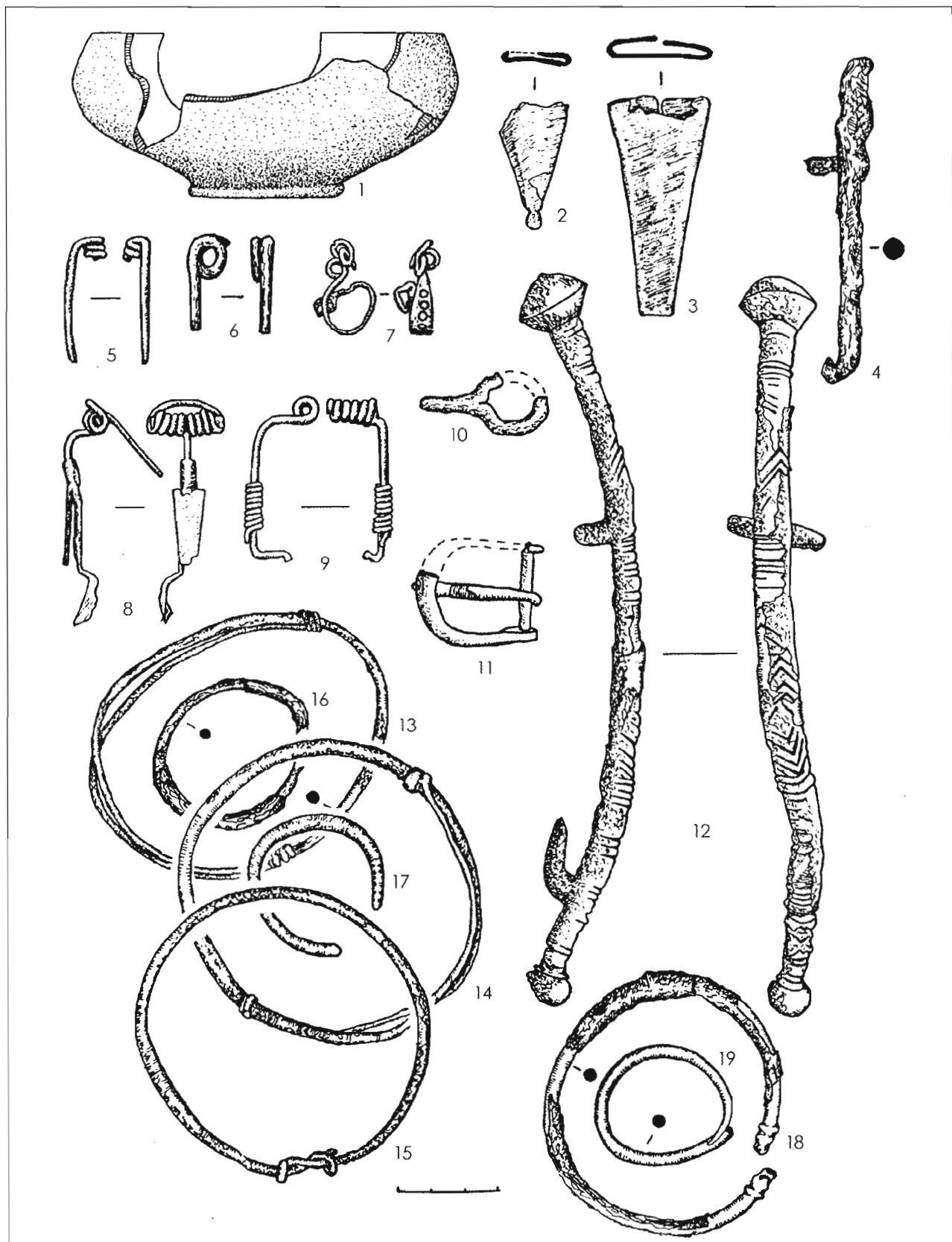

Рис. 52. Капак-Таш. Курган 1. Каменный ящик № 3
(раскопки В.А. Колотухина, 1980 г.). Диагностирующие находки: 1–19

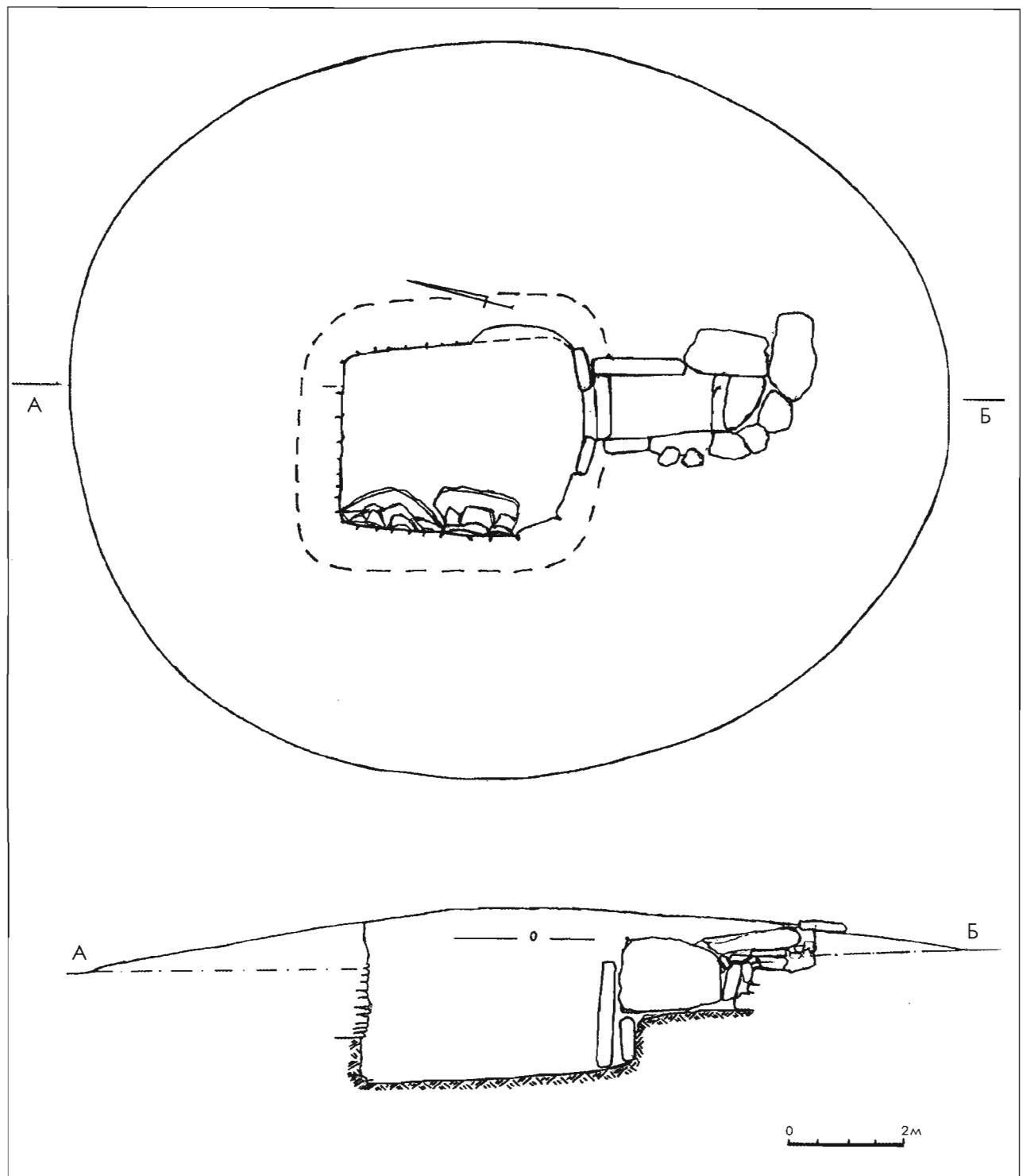

Рис. 53. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп
(раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). План и разрез

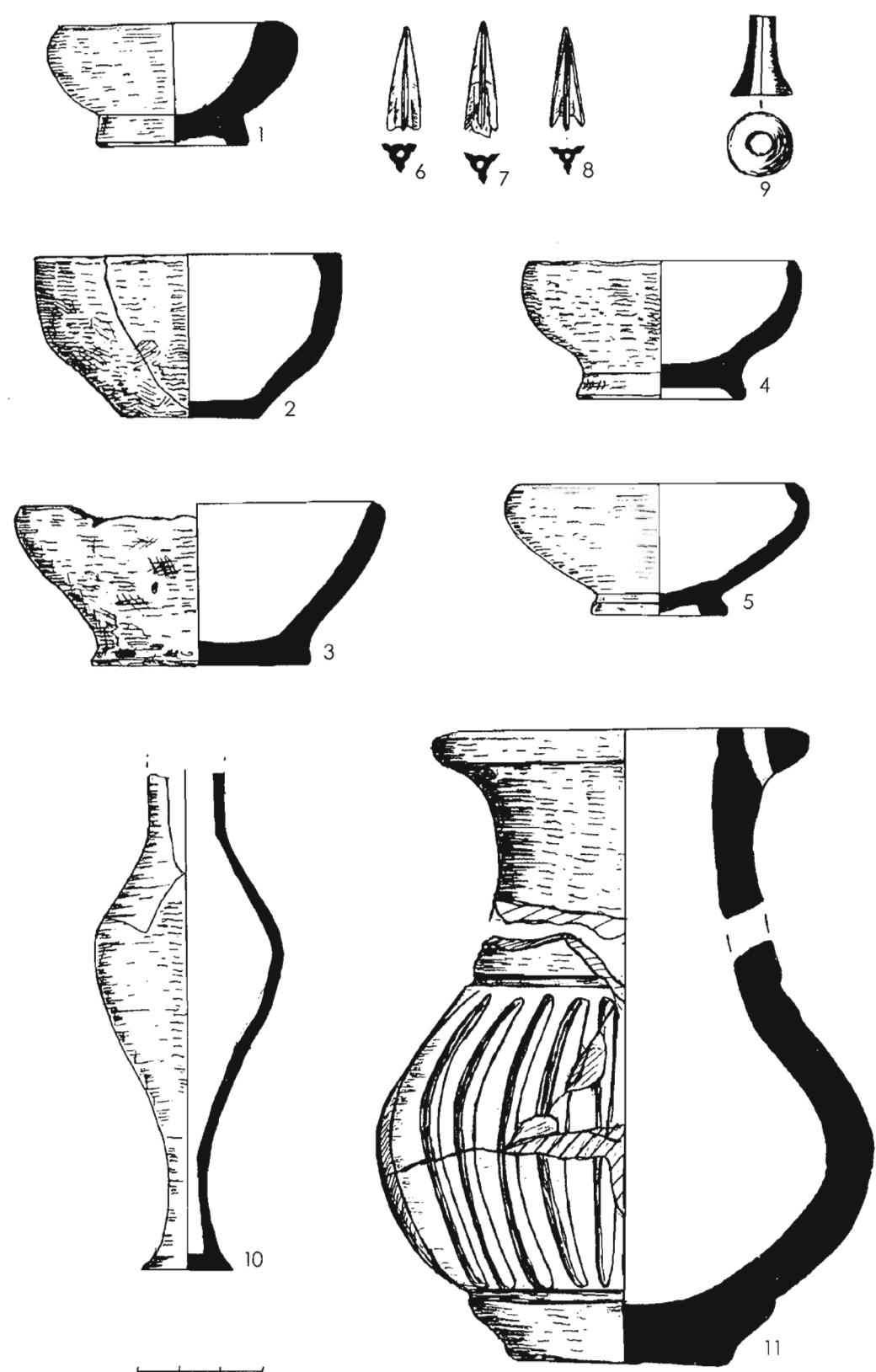

Рис. 54. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–11

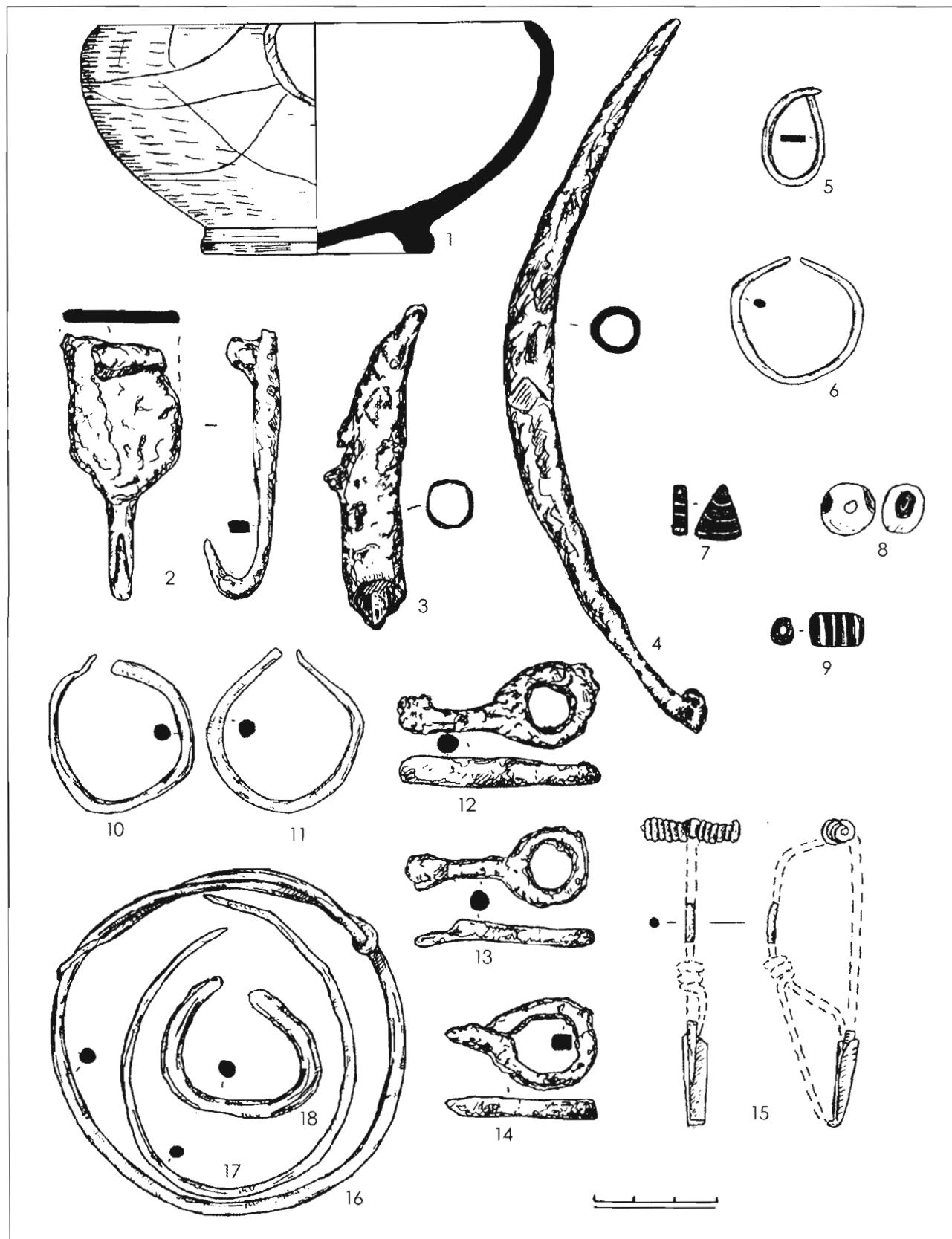

Рис. 55. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп
(раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–18

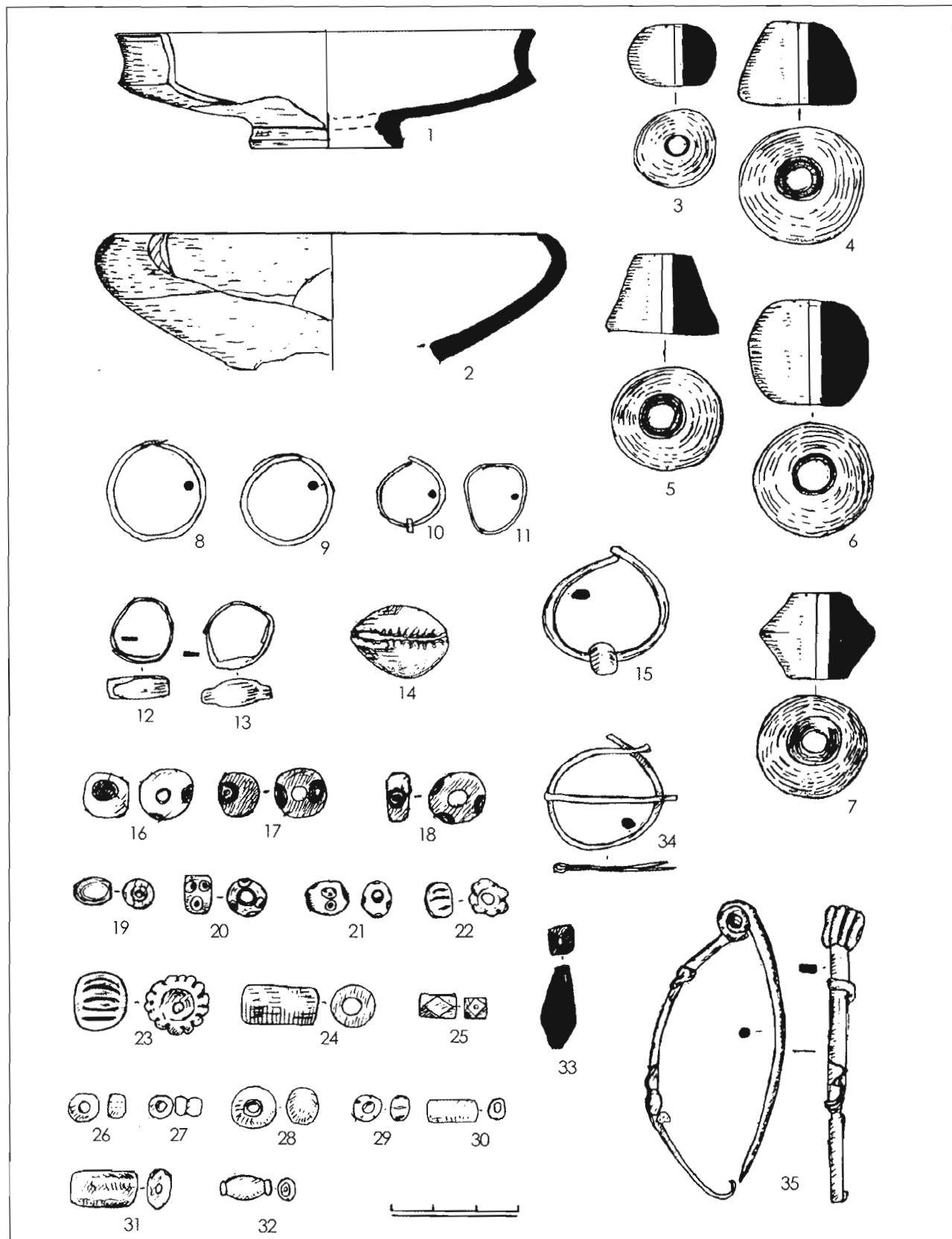

Рис. 56. Капак-Таш. Курган 1. Каменный склеп (раскопки А.Е. Пуздровского, 2002 г.). Диагностирующие находки: 1–35

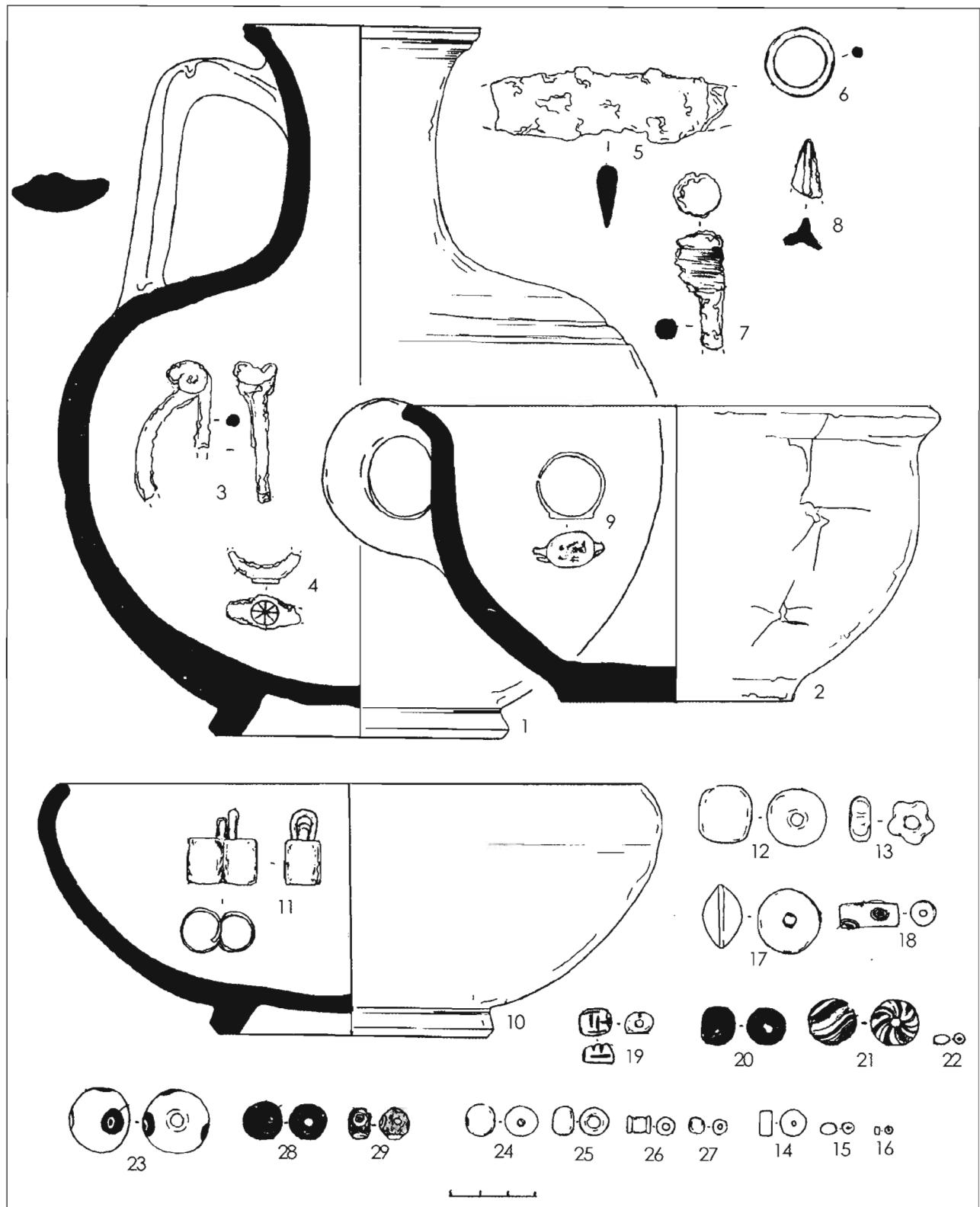

Рис. 57. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390.
Найдены из яруса I (верхнего): 1–29. По материалам отчета 1993 г.

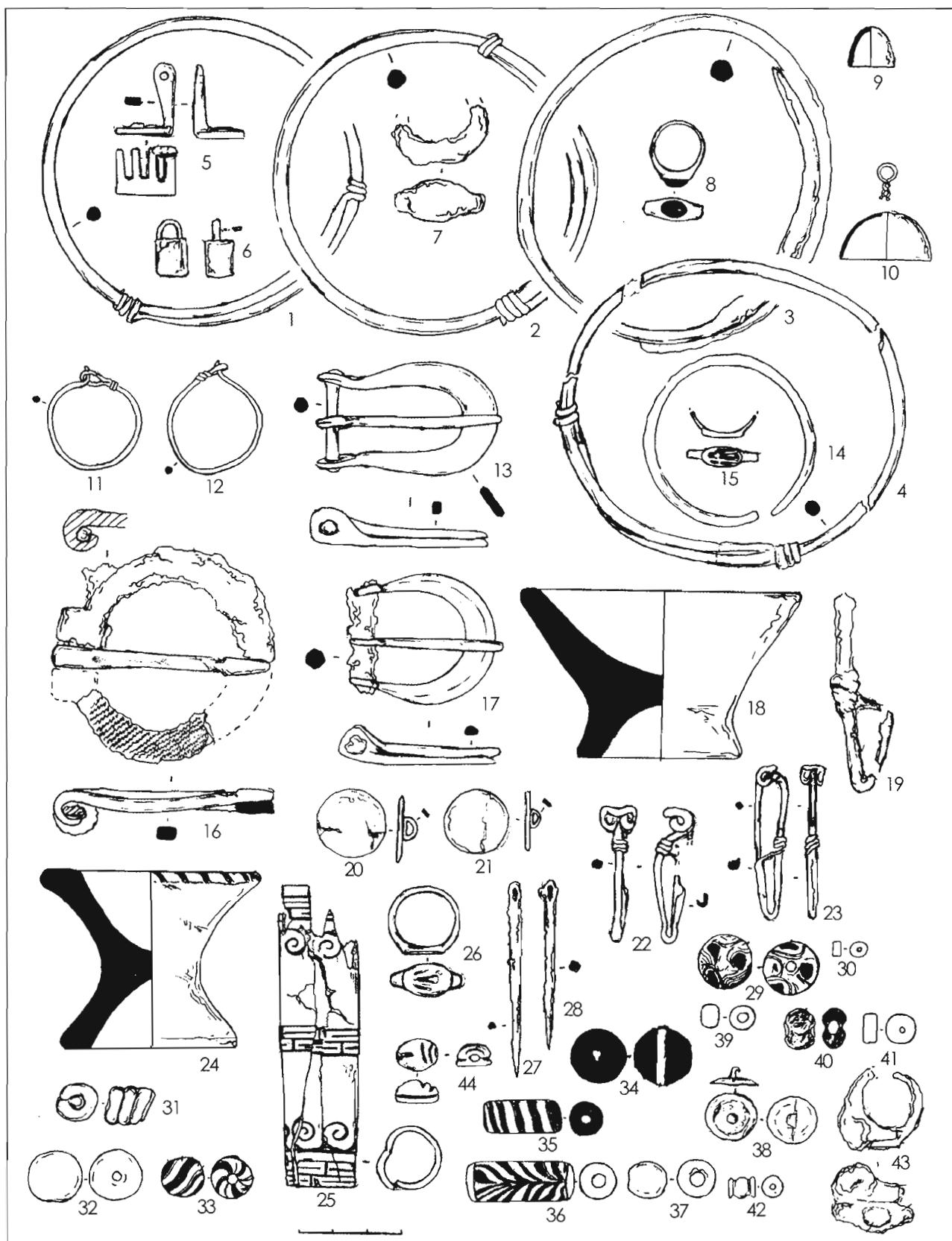

Рис. 58. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390.
Найдены из яруса II (среднего): 1-43. По материалам отчета 1993 г.

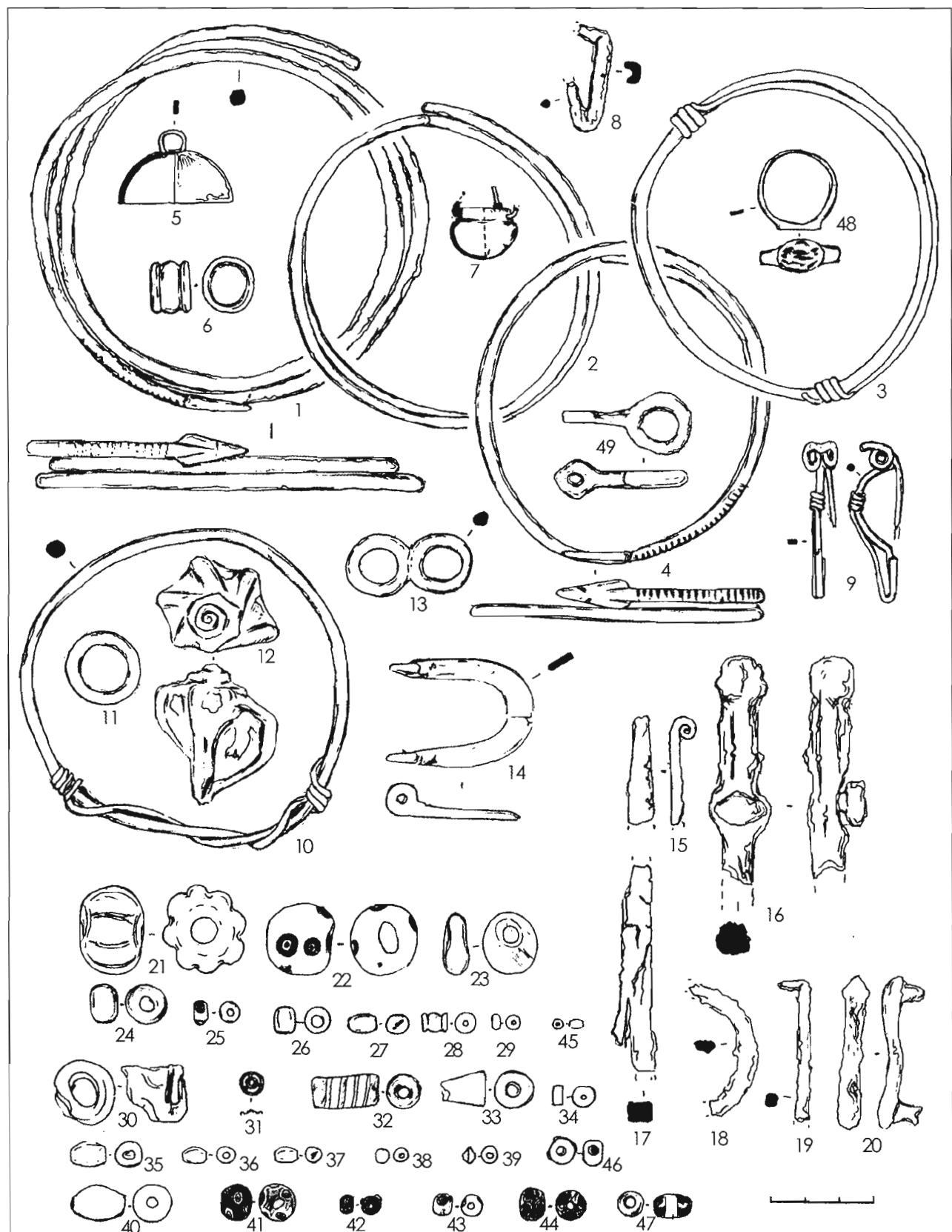

Рис. 59. Усть-Альминский некрополь. Склеп 390.
Найдены из яруса III (нижнего): 1–49. По материалам отчета 1993 г.

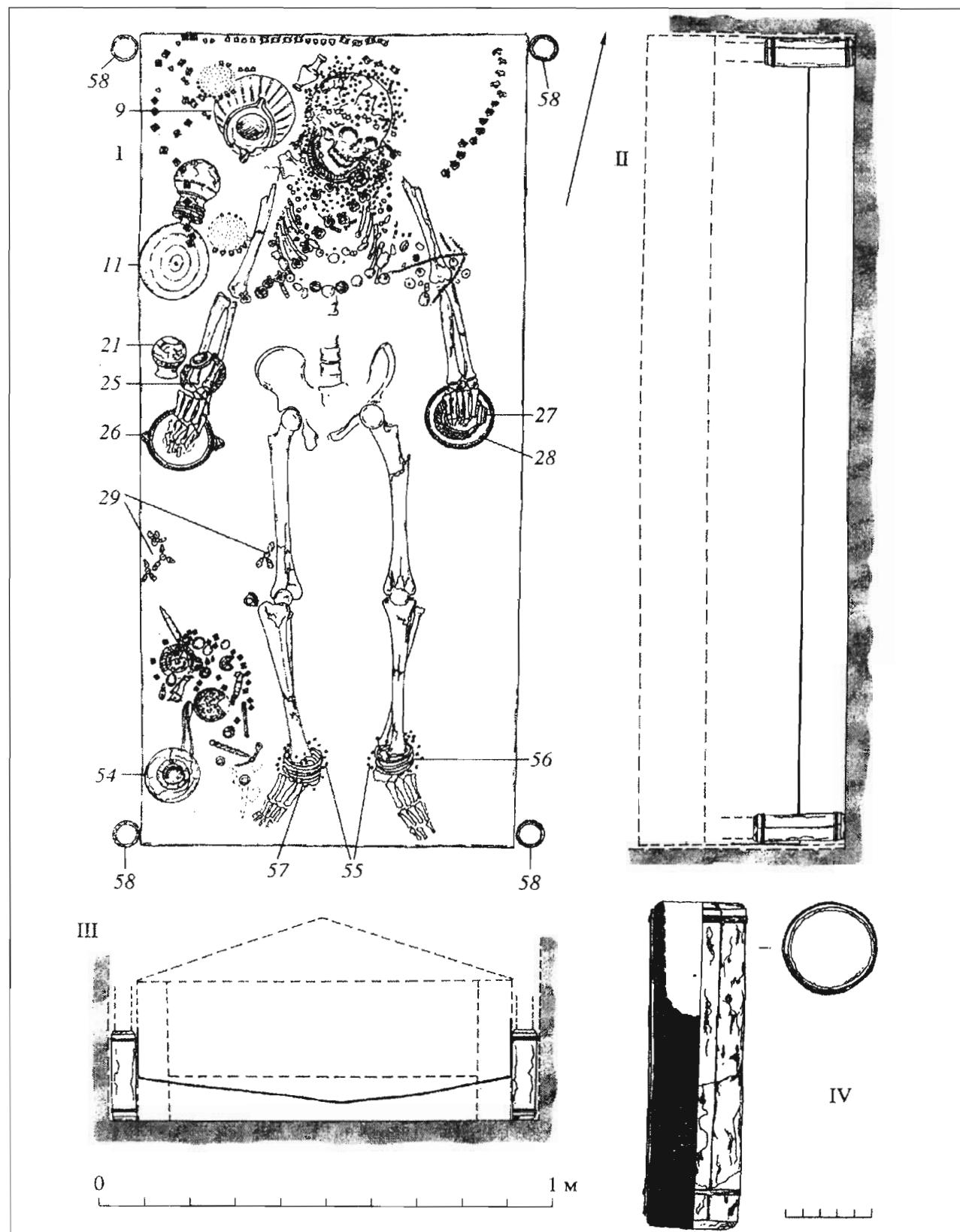

Рис. 60. Ногайчинский курган. План и разрезы погребения № 18 (I–III), деревянный столбик, обернутый серебряным листом (IV)
[Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 3]

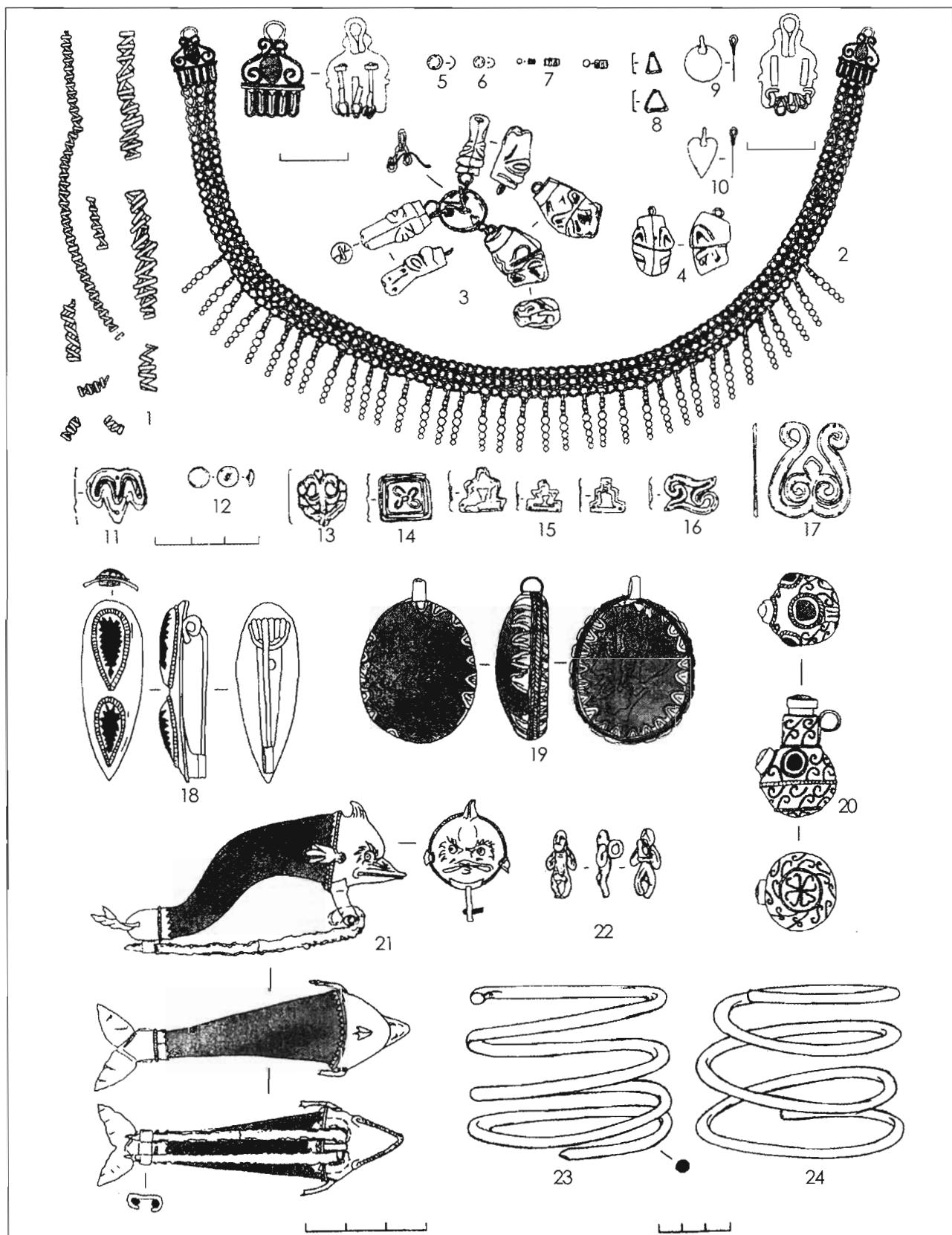

Рис. 61. Ногайчинский курган. Ювелирные изделия (1–24)
[Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 5, 9, 12, 15]

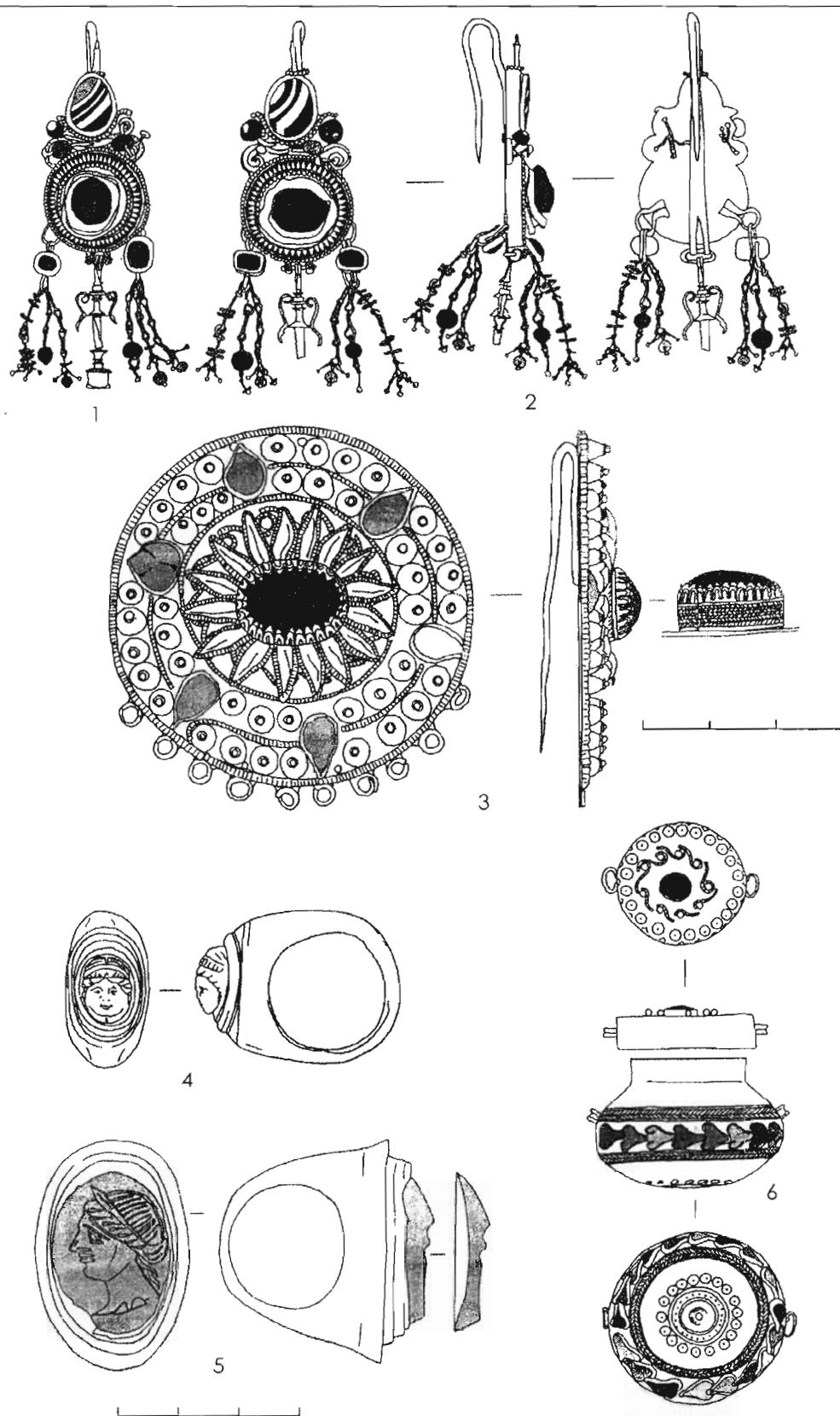

Рис. 62. Ногайчинский курган. Ювелирные изделия (1–6)
[Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 6, 9]

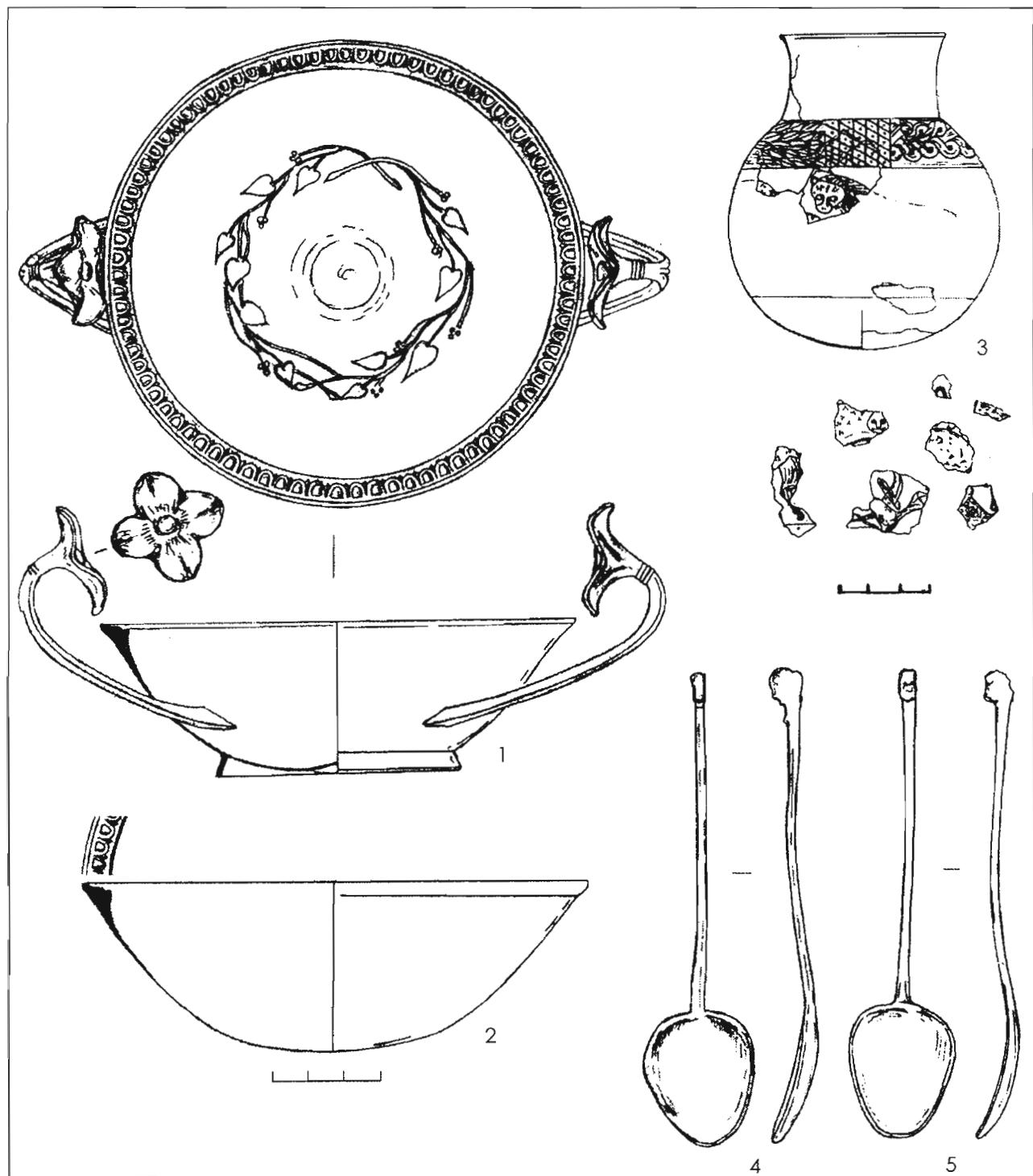

Рис. 63. Ногайчинский курган. Серебряные сосуды (1–3) и ложки (4, 5)
[Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 11, 12]

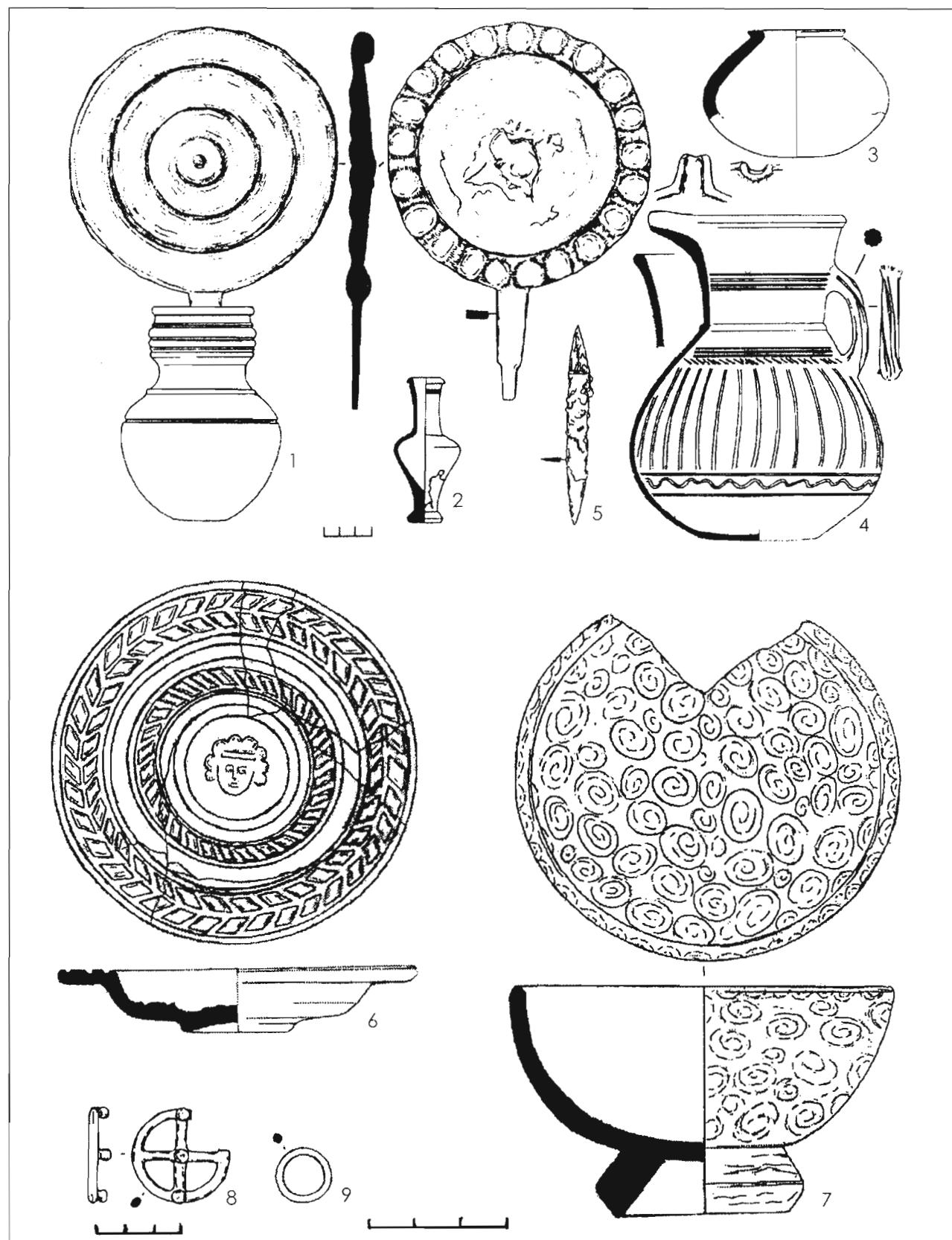

Рис. 64. Ногайчинский курган. Погребальный инвентарь (1–9)
[Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 12, 13, 14]

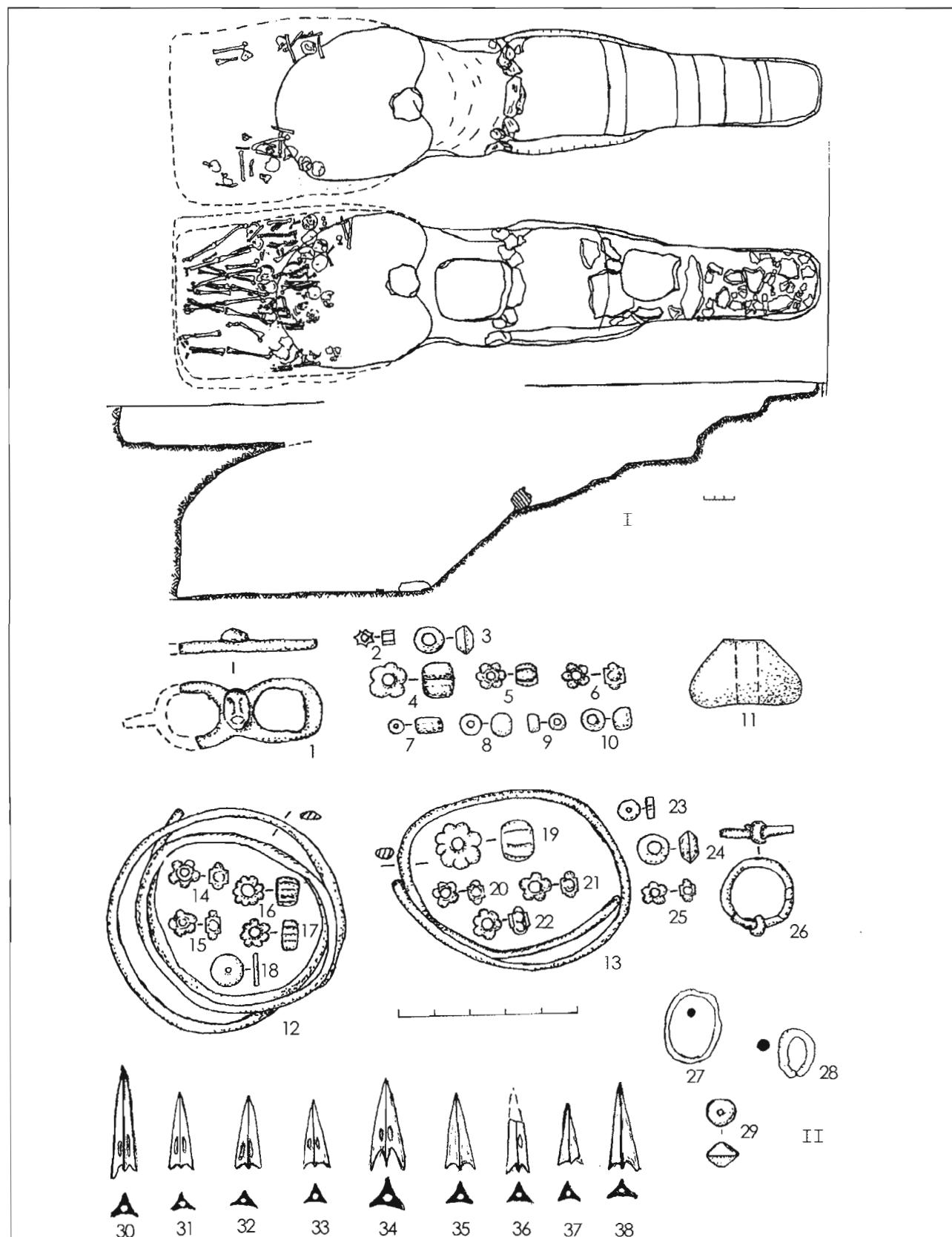

Рис. 65. Курган у с. Цветочное (раскопки И.В. Ачканизи, 1988 г.).
I – план грунтового склепа, разрез, II (1–38) находки. [Пуздровский, Тощев, 2001]

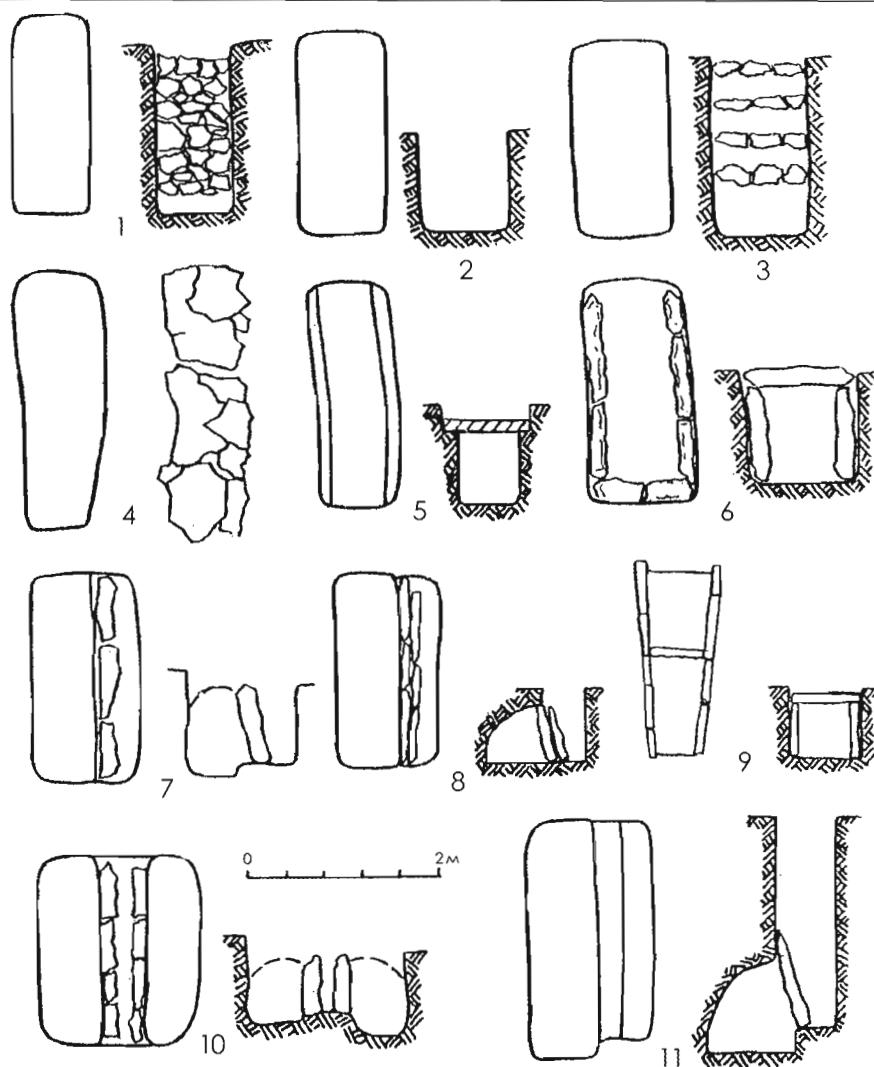
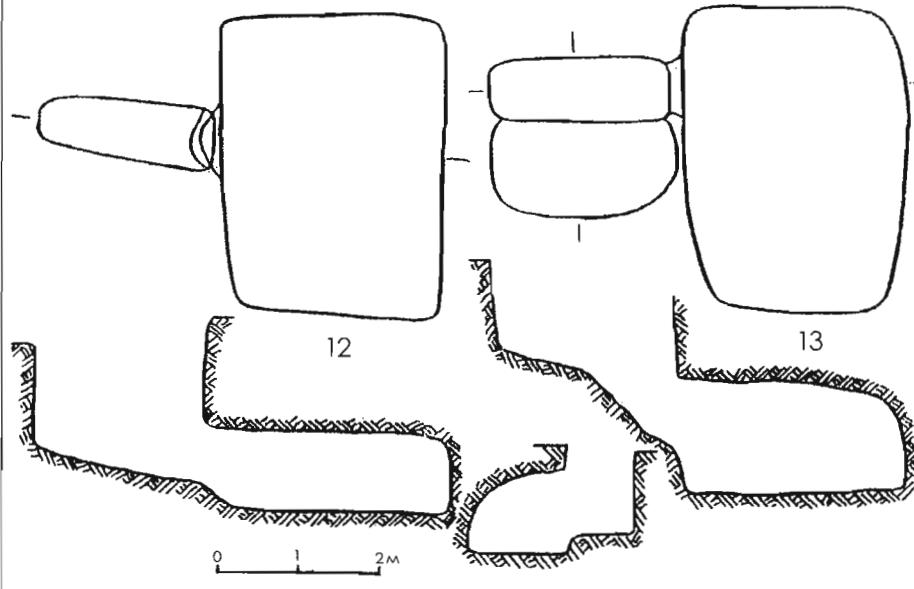

Рис. 66. Типология погребальных сопоружений Юго-Западного и Центрального Крыма первых вв. н. э. Грунтовые могилы (ямы): простые (2), заполненные камнем (1) и с по-слойной засыпкой камнем и грунтом (3). Грунтовые могилы, перекрытые плитами (4), с заплечиками и каменным перекрытием (4). Плитовые могилы (6, 9). Подбойные могилы (7, 8, 10, 11). Грунтовые склепы (12, 13)

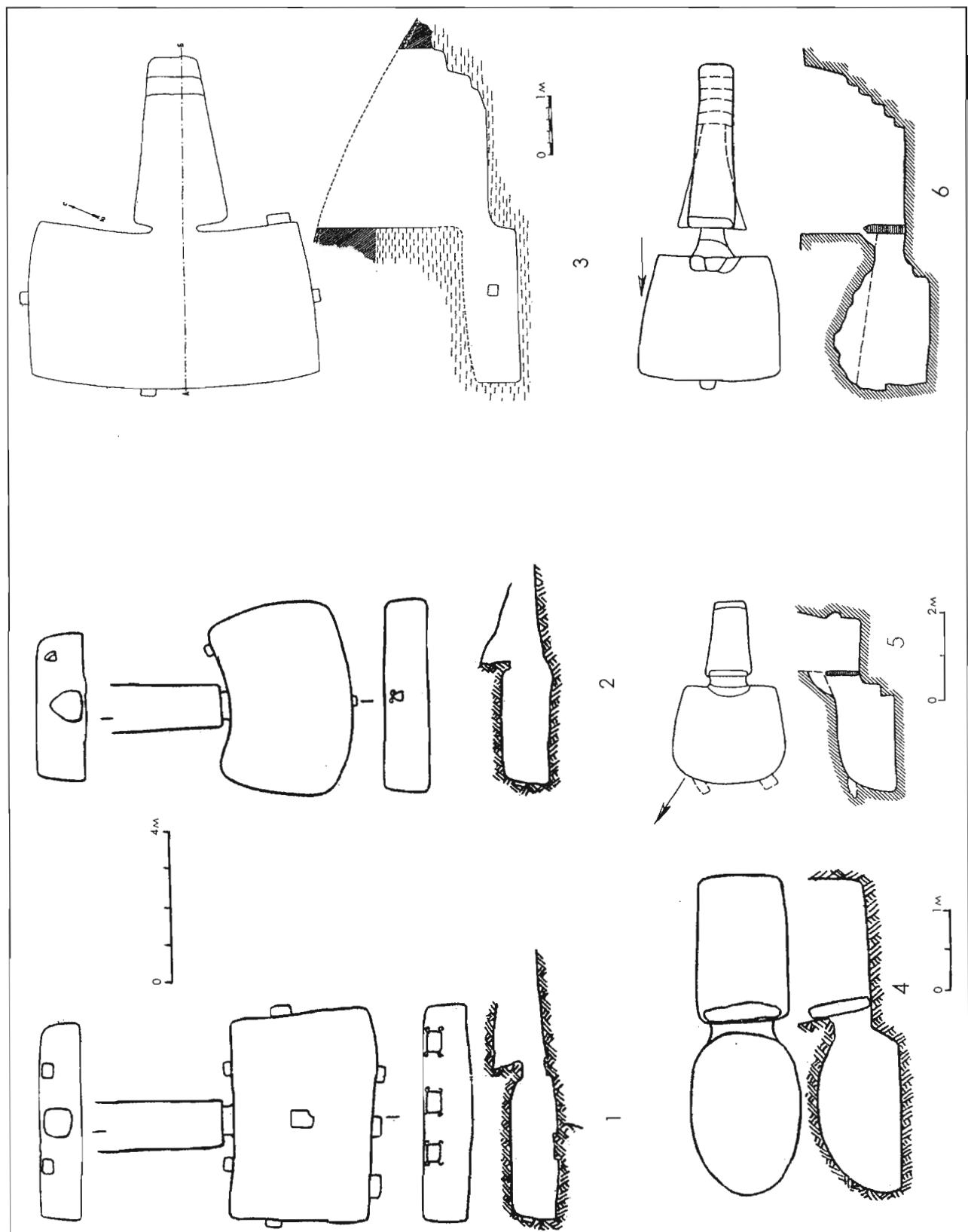

Рис. 67. Типология вырубных и грунтовых склепов III–IV вв. н. э. Неаполь Скифский:

1, 2 – вырубные склепы № 2 и 4; 3 – земляной склеп № 1 (41) 1949 г.;
4 – грунтовый склеп № 16 1947 г. Инкерманский могильник: грунтовые склепы (5, 6)

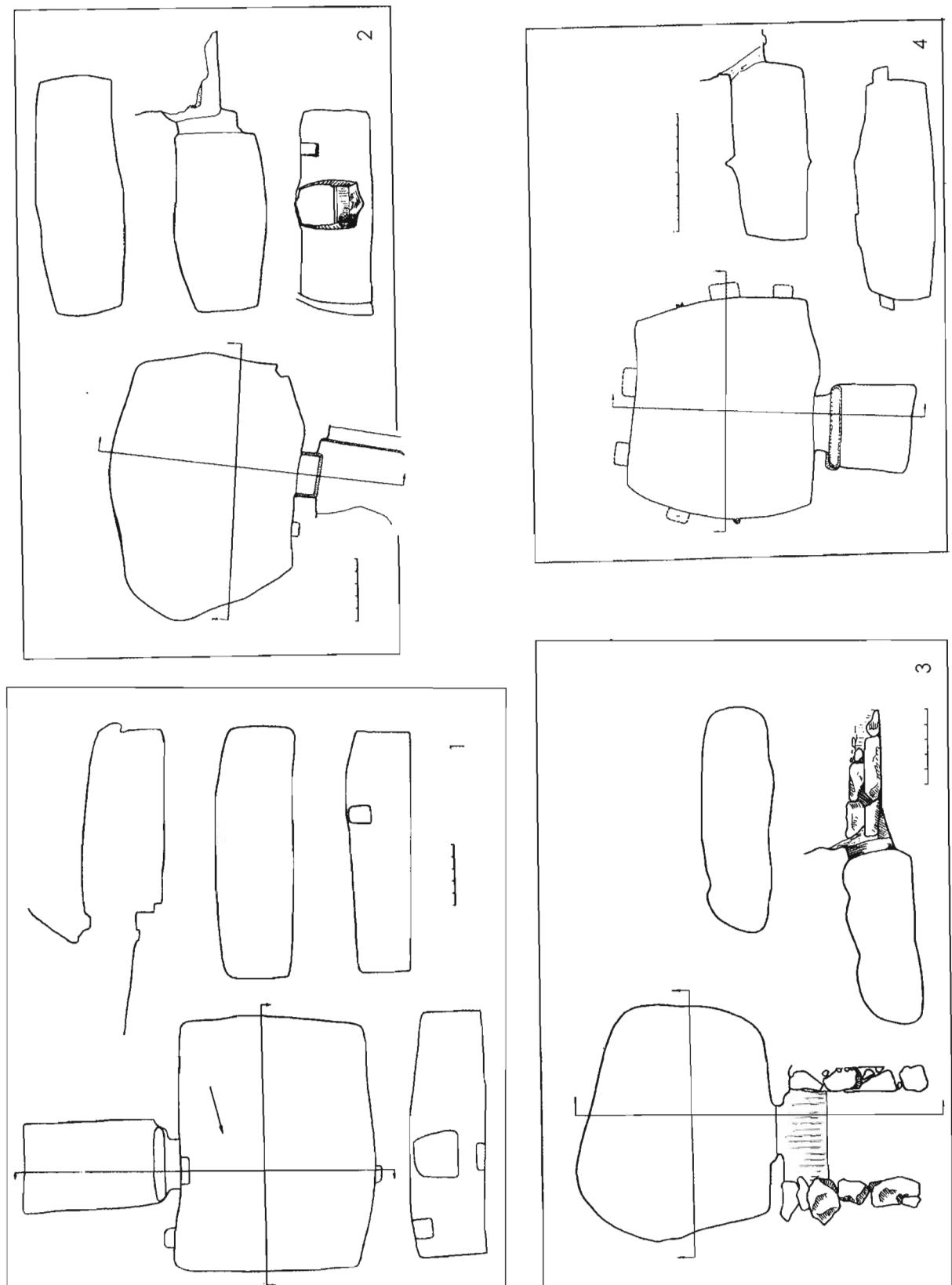

Рис. 68. Неаполь Скифский. Вырубные склепы № 42–45 (раскопки Е.В. Черненко, 1958–1959 гг.). Планы, разрезы (1–4) [Черненко, Пуздровский, 2004]

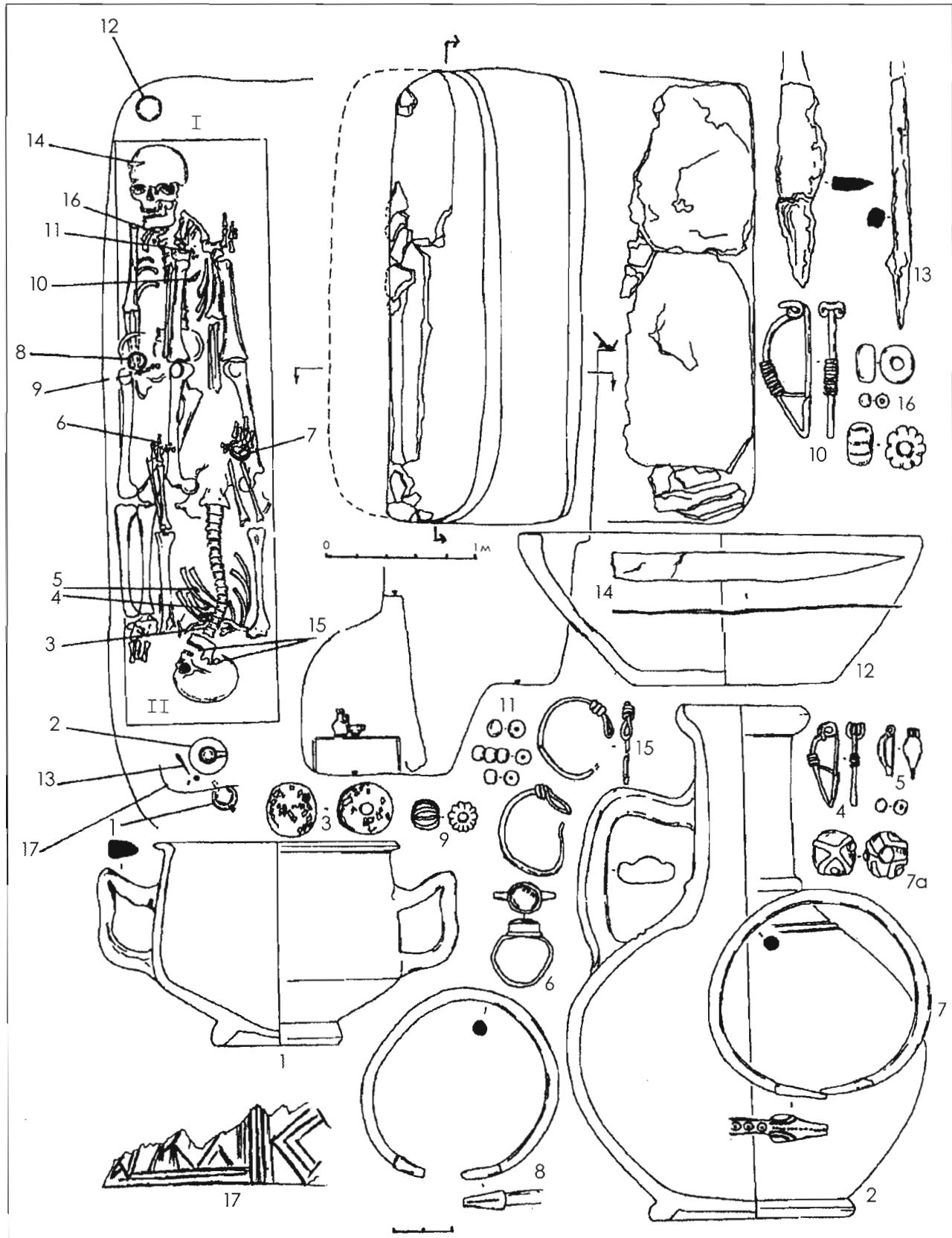

Рис. 69. Усть-Альминский некрополь. Подбойная могила 580.
Планы, разрезы, находки.

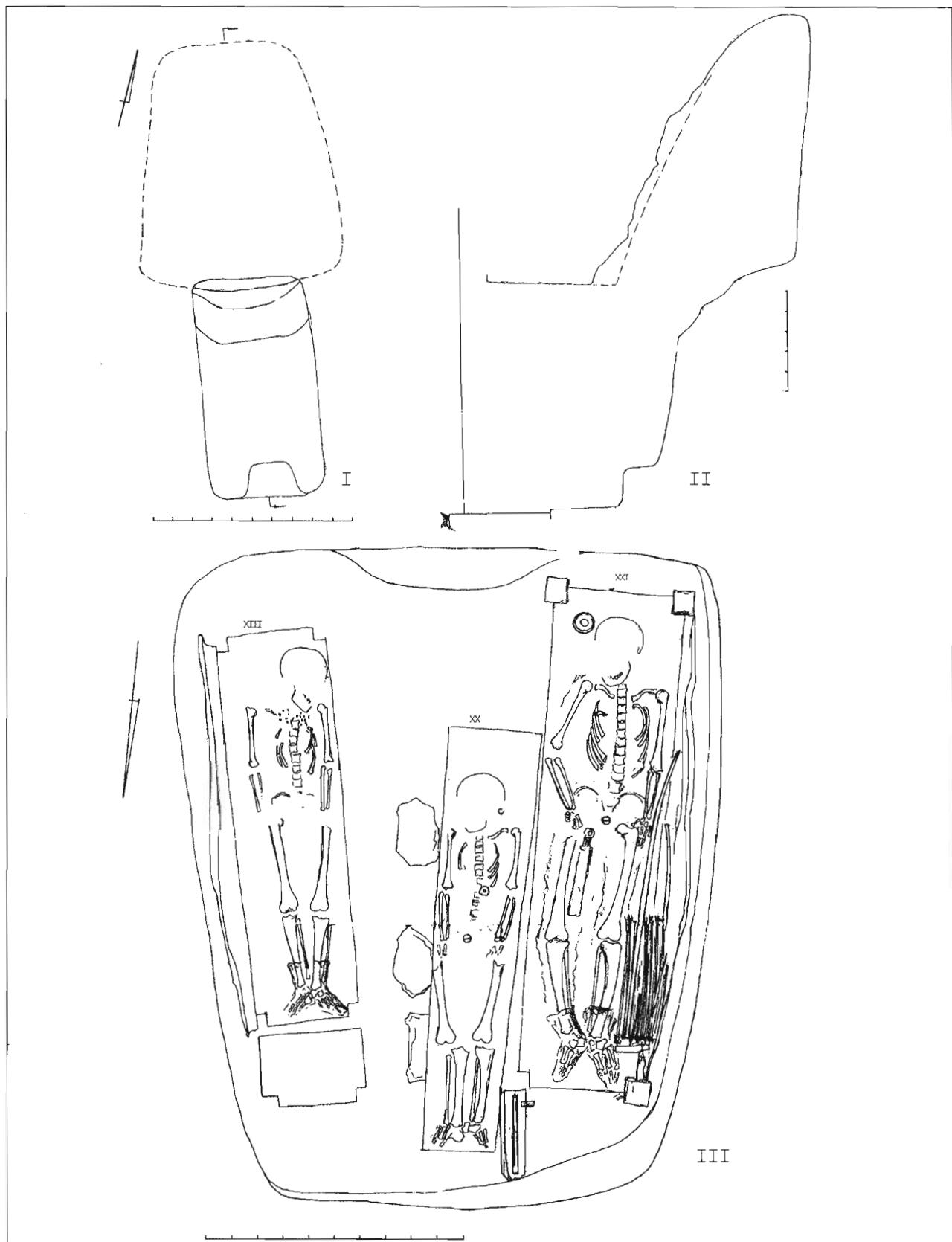

Рис. 70. Усть-Альма. Склеп 590.

I – план входной ямы и камеры, II – разрез, III – план погребений яруса 6

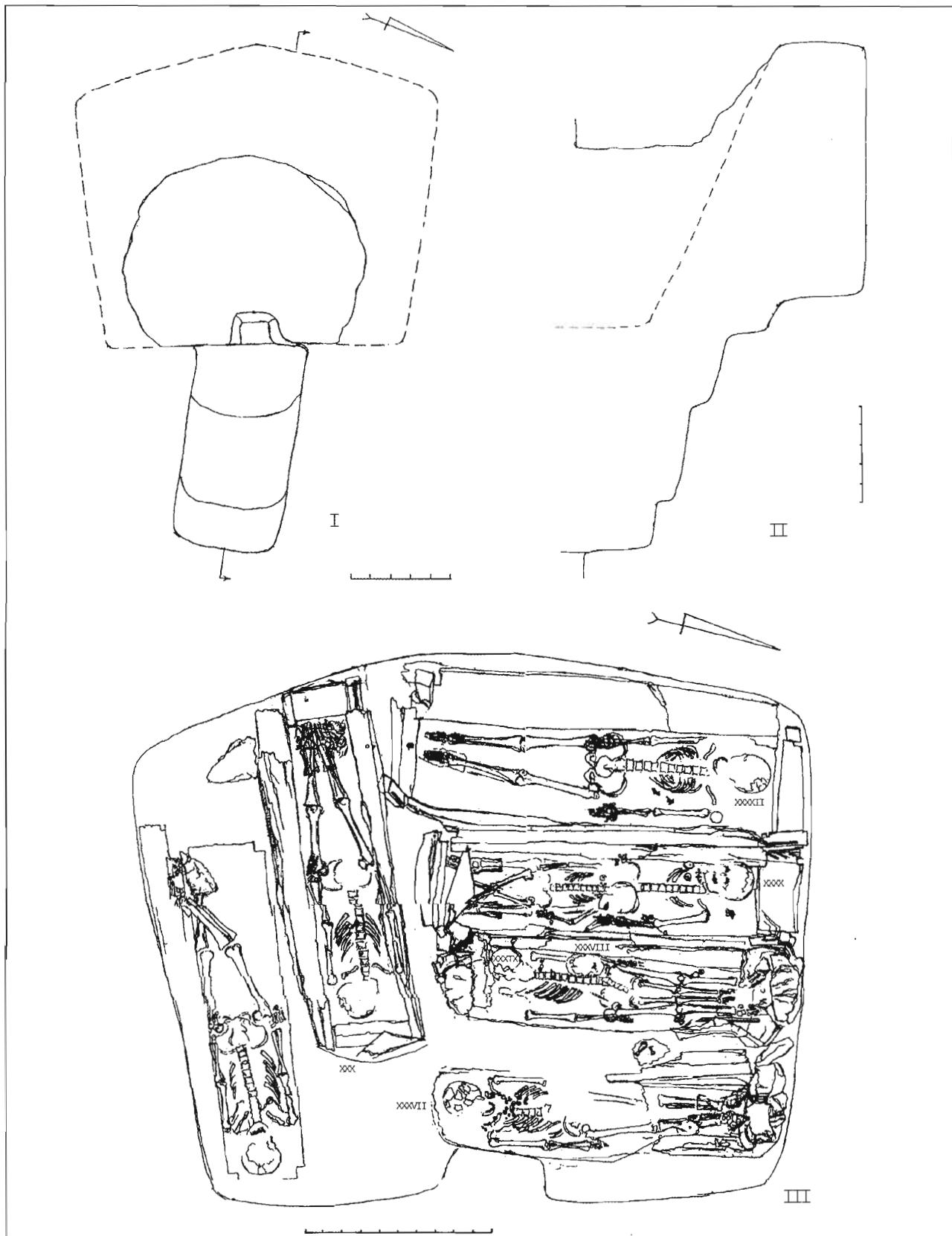

Рис. 71. Усть-Альма. Склеп 520.

I – план входной ямы и камеры, II – разрез, III – план погребений яруса 10

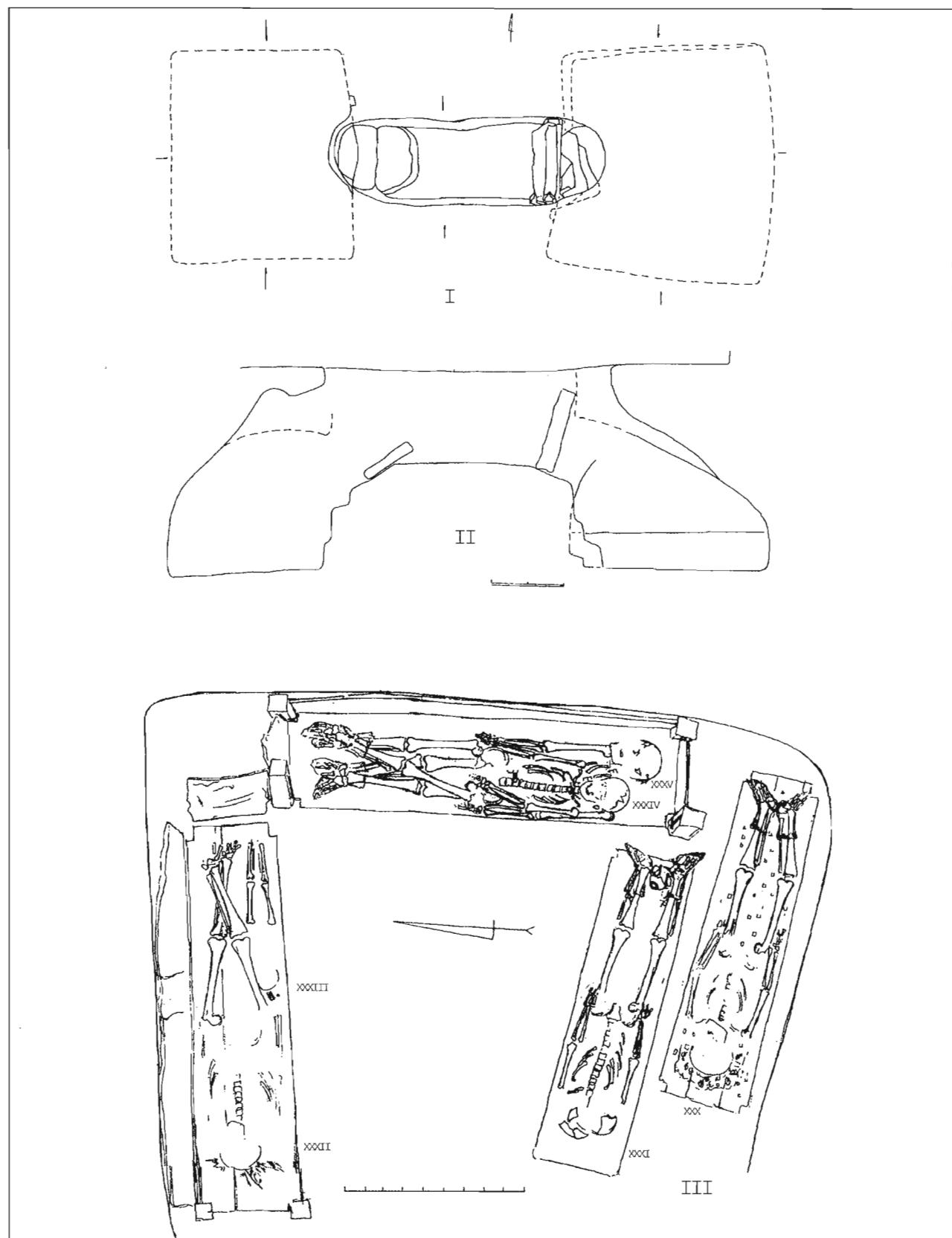

Рис. 72. Усть-Альма. Склепы 550 и 551.

I – план входной ямы и камер; II – разрез, III – план погребений яруса 9

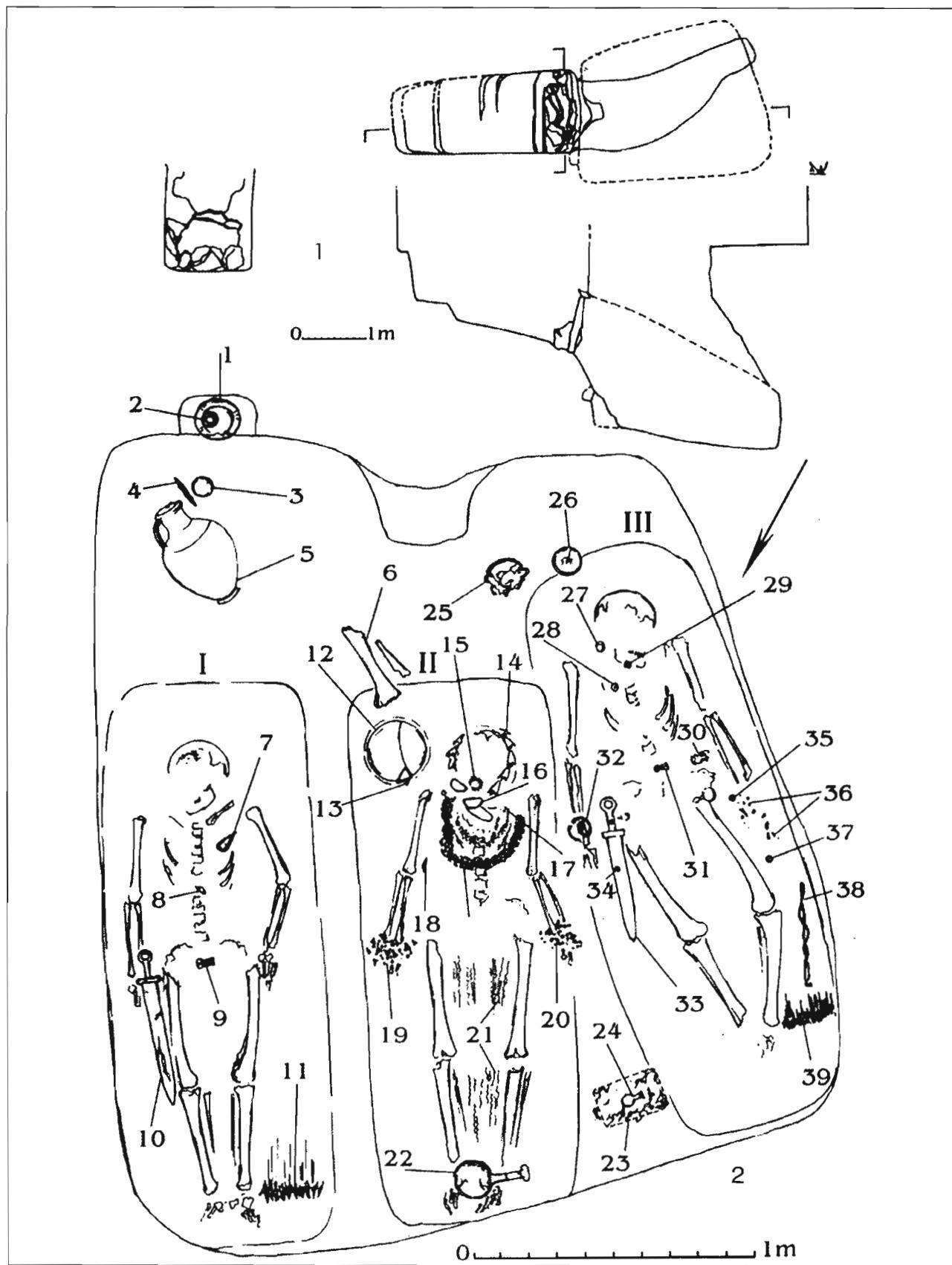

Рис. 73. Усть-Альма. Склеп 612

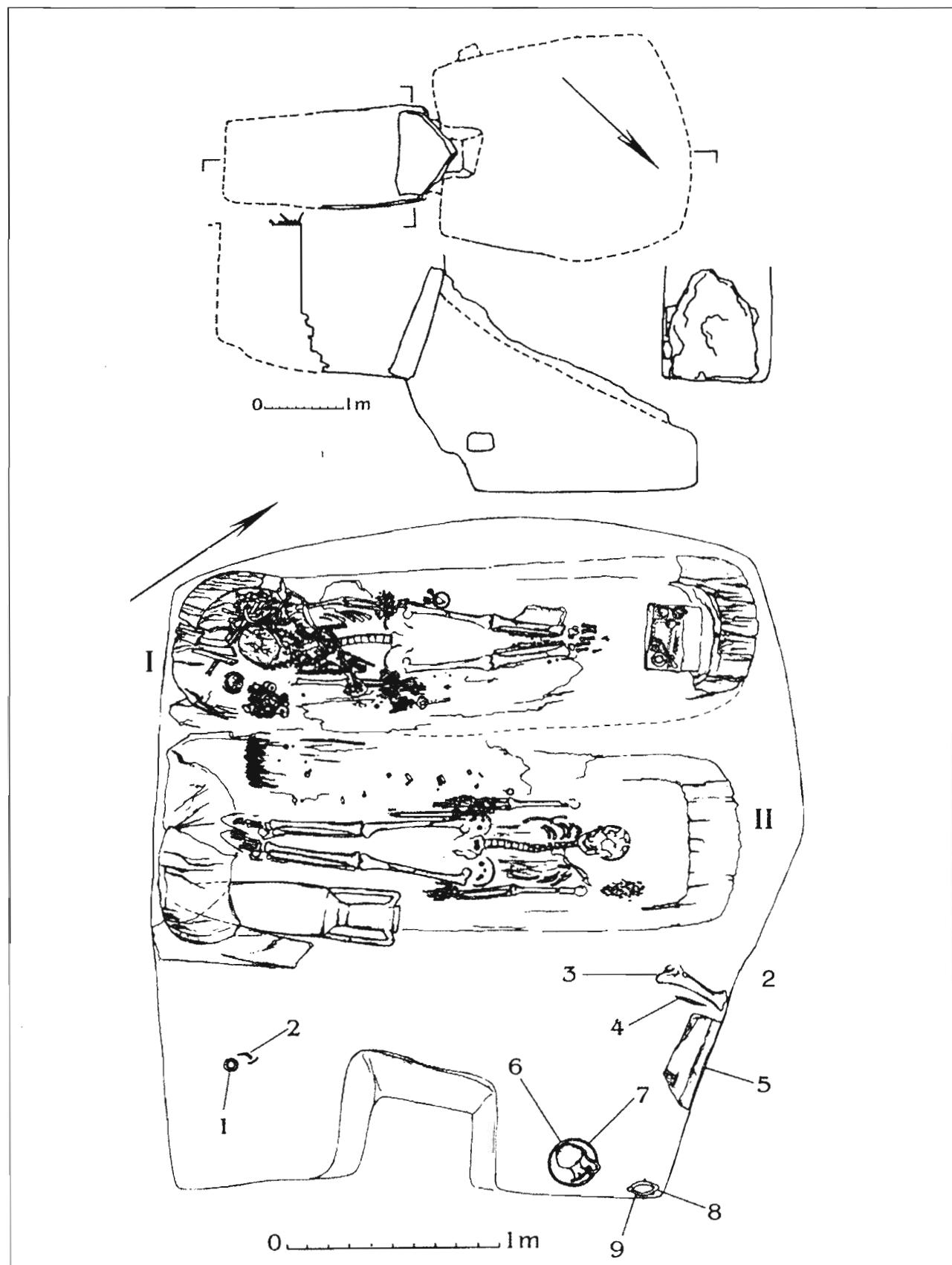

Рис. 74. Усть-Альма. Склеп 620

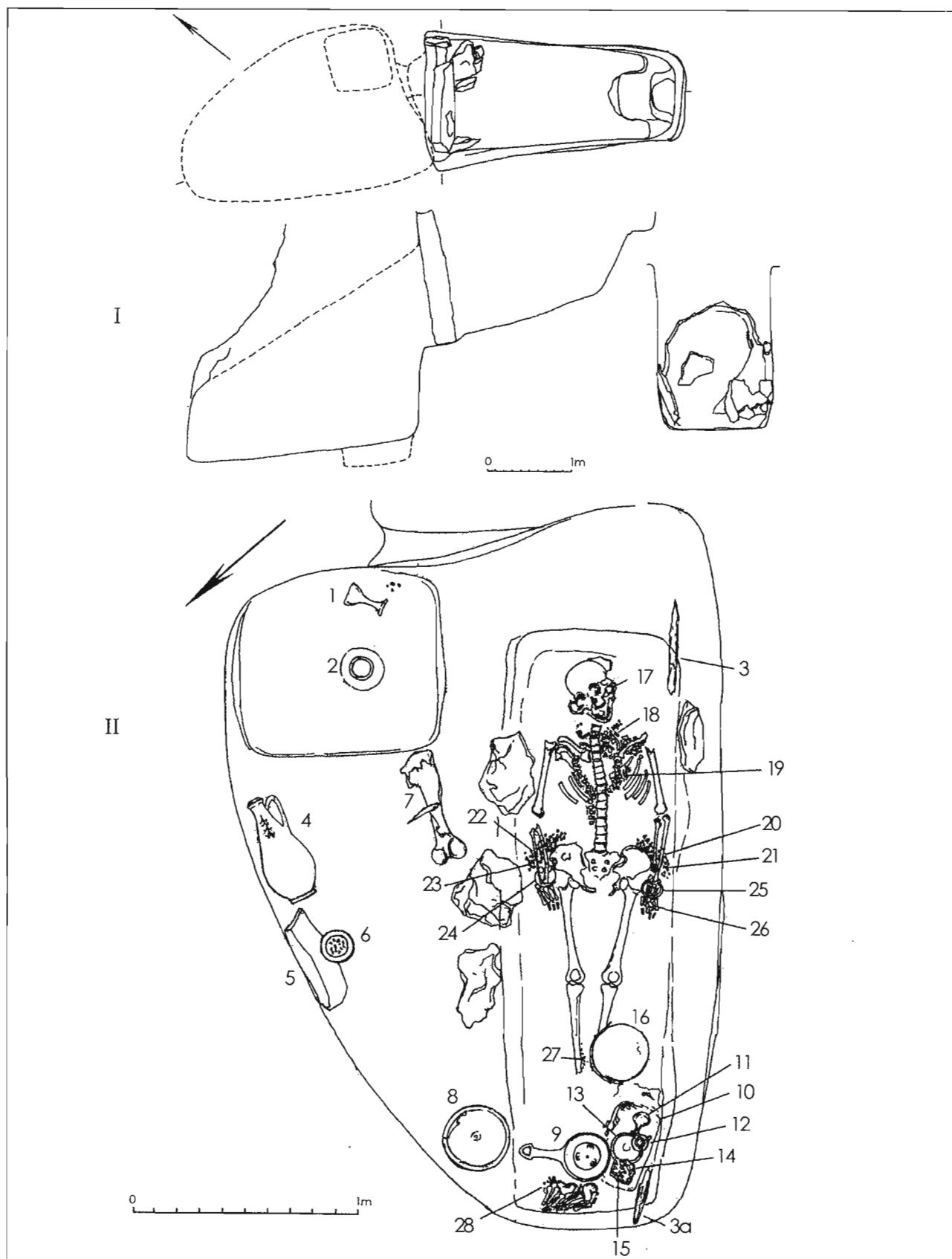

Рис. 75. Усть-Альма. Склеп 720

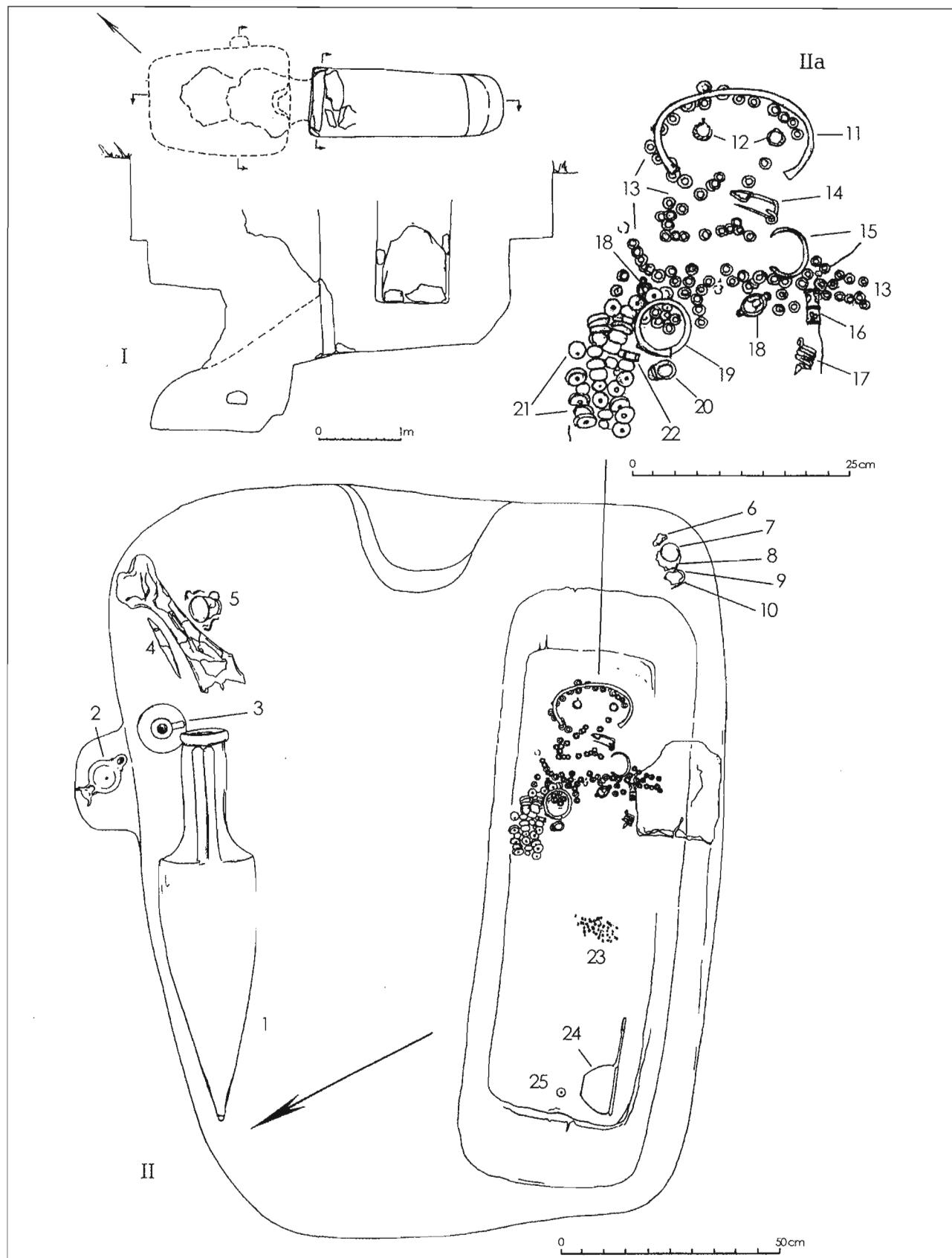

Рис. 76. Усть-Альма. Склеп 735

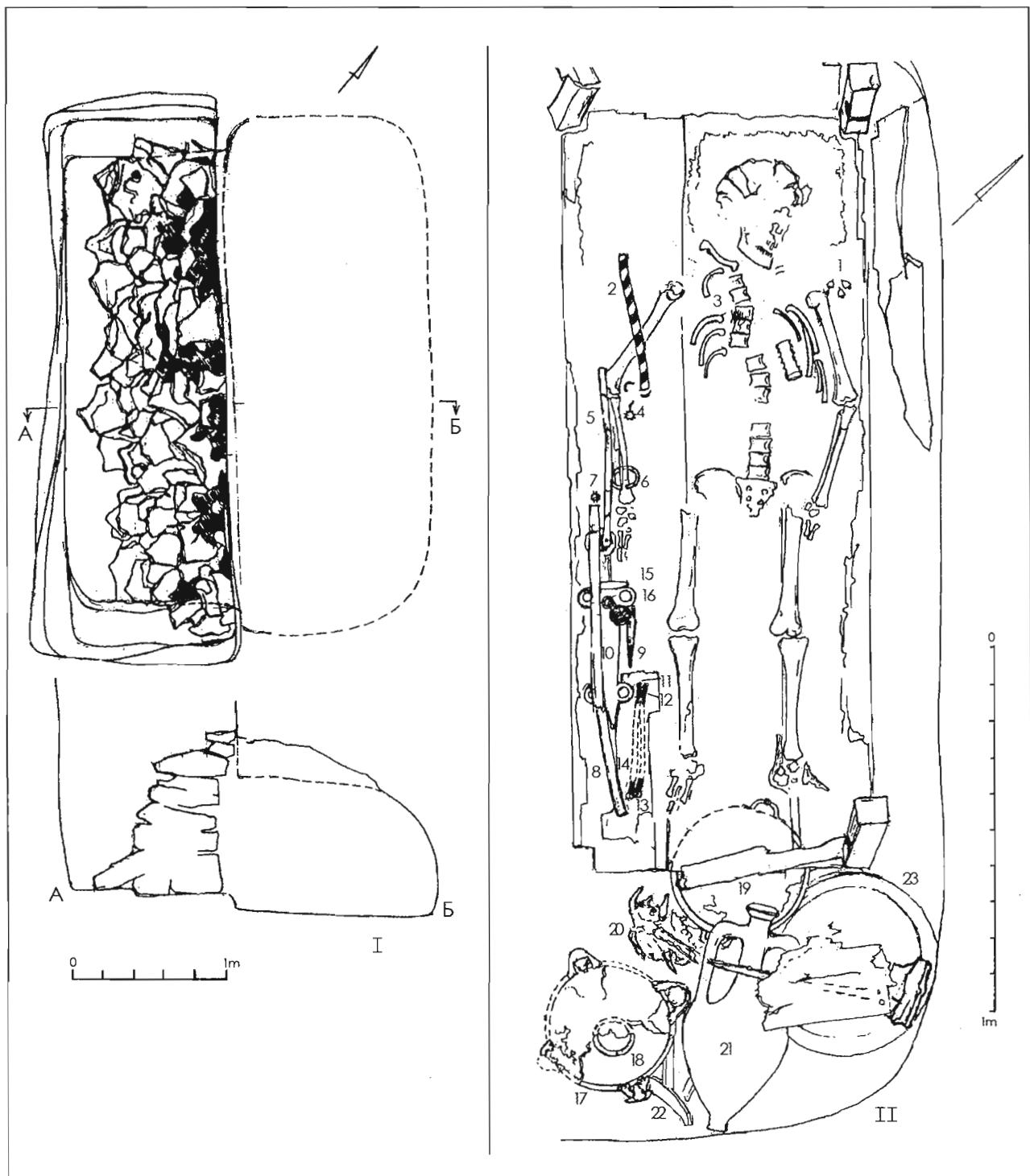

Рис. 77. Усть-Альма. Могила 700

Рис. 73. Усть-Альма. Склеп 612. 1 – план входной ямы и камеры, разрезы; 2 – план погребений I–III: 1 – курильница лепная цилиндрической формы; 2 – курильница лепная полусферической формы с отверстиями в тулове; 3 – плошка лепная; 4 – железный нож; 5 – кувшин краснолаковый; 6 – кость животного; 7 – золотой кулон со вставкой из ископаемой раковины; 8 – бронзовая фибула; 9 – серебряная пряжка; 10 – железный меч; 11 – железные наконечники стрел с остатками древков (колчанный набор); 12 – бронзовое зеркало с остатками деревянного футляра; 13 – стеклянная плаquette с изображением Гарпократа; 14 – листочки золотой фольги от венка; 15 – золотая серьга с тремя рядами напаянных колечек; 16 – золотые лицевые пластины (нагубник и наглазники); 17 – расшивка ворота платья (золотые бляшки и пронизи, нити золотого шитья), 17а – ожерелье из бисера (гагат, золото); 18 – бронзовая фибула; 19, 20 – обшивка общлагов бусами (янтарь, сердолик, гагат), золотыми бляшками и подвесками; 21 – нити золотого шитья; 22 – бронзовый ковш с ручкой; 23 – деревянная шкатулка с лаковой росписью; 24 – гончарный флаcon; 25 – раздавленный серебряный килик; 26 – краснолаковая чашка; 27 – золотая серьга; 28 – меловая бусина; 29 – амулет (кость) в золотой оправе; 30 – золотая пластина с эмалевой вставкой, 31 – серебряная пряжка; 32 – золотой браслет; 33 – железный меч; 34 – янтарные пронизи (украшения ножен); 35–37 – бронзовые детали креплений портупеи и колчана; 38 – бронзовая проволочная оплётка древка стрелы; 39 – железные наконечники стрел (колчанный набор) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002]

Рис. 74. Усть-Альма. Склеп 620. 1 – план входной ямы и камеры, разрезы; 2 – план погребений I–II. Инвентарь в привходовой части камеры: 1 – лепная курильница полусферической формы, с отверстиями в тулове; 2 – обломки венчика лепной курильницы; 3 – кость животного; 4 – железный нож; 5 – песчаниковая плита; 6 – бронзовая патера; 7 – бронзовая ойнохоя; 8 – железный канделябр; 9 – светильник ладьевидной формы [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002]

Рис. 75. Усть-Альма. Склеп 720. I – план входной ямы и камеры, разрезы; II – план погребения: 1 – лепной светильник на ножке; 2 – отпечаток раскрашенного деревянного сосуда (пиала); 3, 3а – остатки деревянного шеста; 4 – краснолаковая амфора; 5 – песчаниковая плита; 6 – лепная курильница с углами; 7 – кость животного и железный нож; 8 – бронзовая тарелка; 9 – бронзовый ковш; 10 – остатки лаковой шкатулки с росписью; 11 – стеклянный флаcon; 12 – алебастровый сосуд; 13 – краснолаковая чашка; 14 – обрубок можжевельника; 15 – серебряная туалетная ложечка; 16 – бронзовое зеркало в деревянном футляре; 17 – золотая серьга; 18 – ожерелье из сердоликовых, янтарных, хрустальных, гагатовых и стеклянных бусин; 19 – расшивка ворота платья (золотые бляшки и пронизи); 20–23 – расшивка общлагов (сердолик, золотые бляшки); 24 – бронзовый браслет с нанизанными на нем бусами из бронзы и гагата; 25 – золотой браслет; 26 – золотой перстень с геммой на стеклянной вставке; 27 – фаянсовый бисер (расшивка обуви); 28 – золотые бляшки (расшивка обуви) [Puzdrovskij, Zajcev, 2004]

Рис. 76. Усть-Альма. Склеп 735. I – план входной ямы и камеры, разрезы; II – план камеры с погребением, IIa – план верхней части погребения: 1 – светлоглиняная амфора; 2 – краснолаковый светильник; 3 – гончарный кувшин; 4 – кость животного и железный нож; 5 – серебряный канфар; 6 – кусок мела; 7 – бронзовое зеркало; 8 – морская раковина; 9 – костяная пиксида с румянами; 10 – две железные иглы; 11 – золотая гривна; 12 – золотые серьги; 13 – золотые бляшки; 14 – бронзовая фибула; 15 – серебряный браслет; 16 – золотой полый цилиндр (амулетница); 17 – золотой спиральный перстень; 18 – золотые медальоны; 19 – золотой браслет; 20 – золотой перстень с гранатовой вставкой; 21 – крупные бусы из сердолика и янтаря; 22 – золотая подвеска в форме ведерка; 23 – фаянсовый бисер; 24 – бронзовый ковш; 25 – бронзовый колокольчик [Puzdrovskij, Zajcev, 2004]

Рис. 77. Усть-Альма. Могила 700. I – план входной ямы и камеры, разрез; II – план погребения: 1 – колокольчики бронзовые; 2 – стержень деревянный с росписью; 3 – нити золотого шитья; 4 – бронзовое кольцо с выступами; 5 – стержень деревянный; 6 – браслет бронзовый (плакированный золотом); 7 – пронизь серебряная; 8 – стержень деревянный; 9 – нож железный; 10 – кинжал железный; 11, 12 – наконечники ремней серебряные; 13, 14 – пряжки серебряные; 15 – кольцо бронзовое; 16 – амулет бронзовый ажурный (подвеска); 17 – сосуд деревянный с резными фигурами; 18 – сосуд деревянный; 19 – патера бронзовая; 20 – канделябр (?) железный; 21 – амфора светлоглиняная; 22 – подставка деревянная (под амфору?); 23 – блюдо деревянное с костью животного и остатками конской сбруи

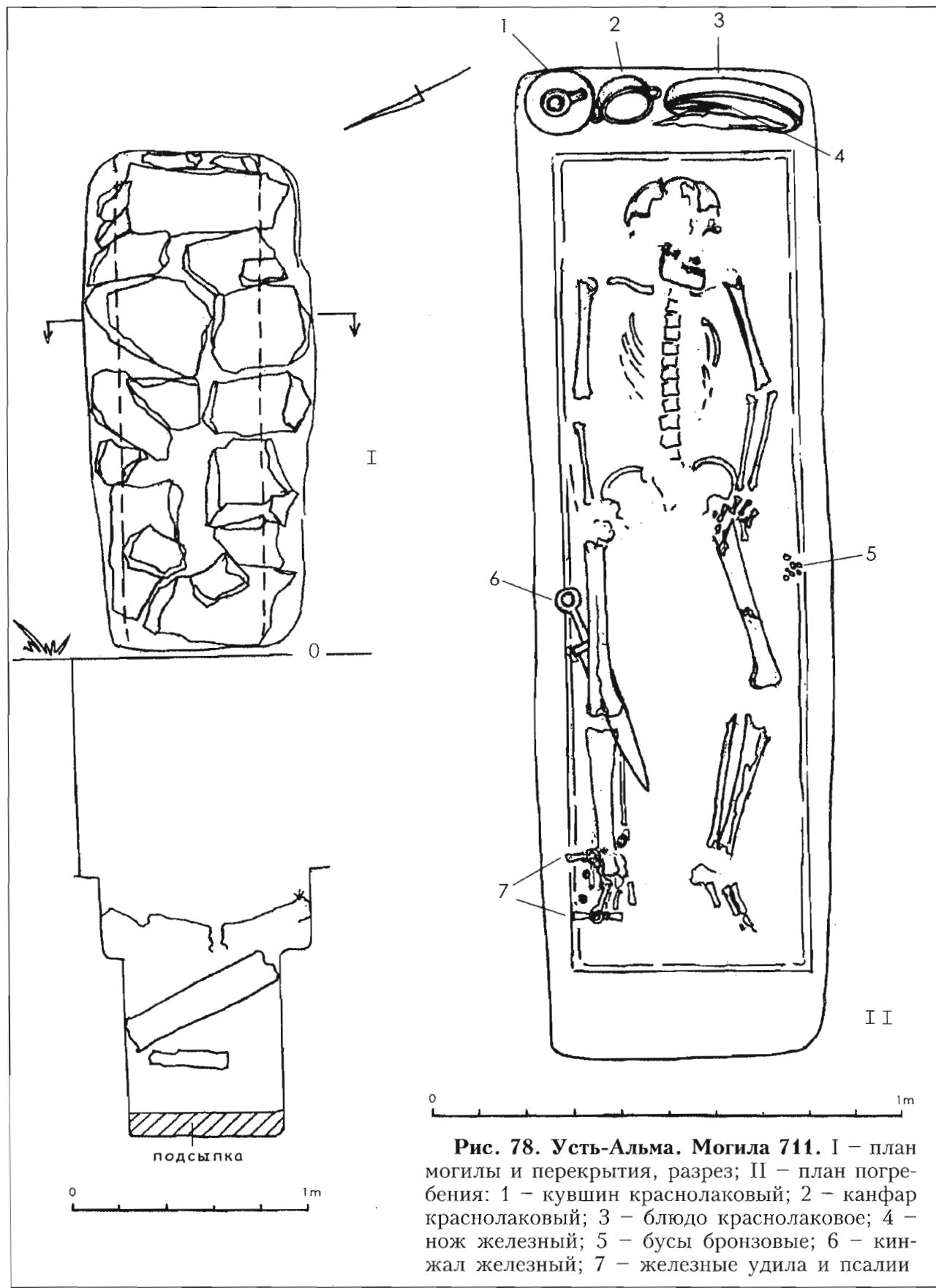

Рис. 78. Усть-Альма. Могила 711. I – план могилы и перекрытия, разрез; II – план погребения: 1 – кувшин краснолаковый; 2 – канфар краснолаковый; 3 – блюдо краснолаковое; 4 – нож железный; 5 – бусы бронзовые; 6 – кинжал железный; 7 – железные удила и псалии

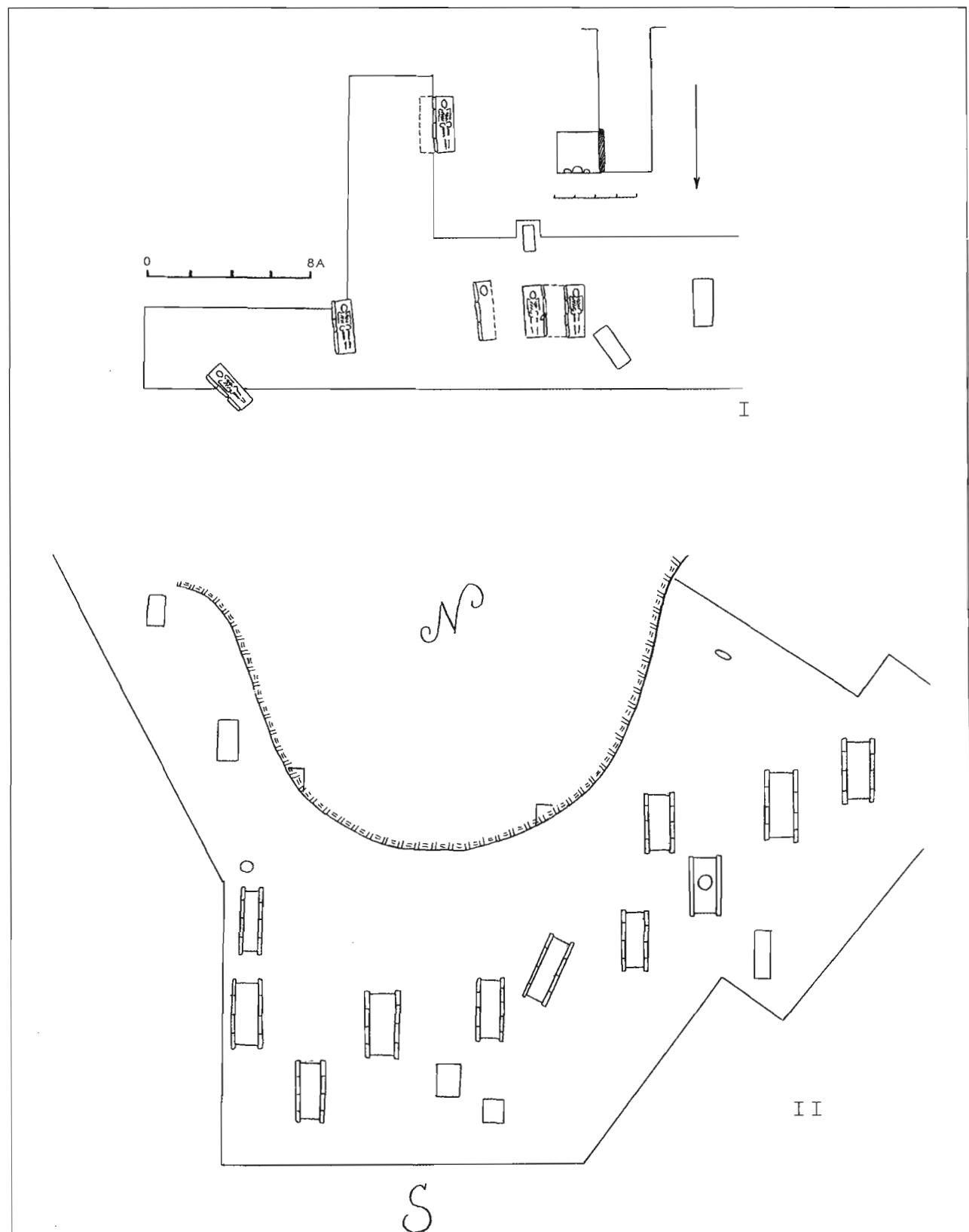

Рис. 79. Погребальные памятники, исследованные Н.М. Печенкиным в окрестностях г. Севастополя. I – план раскопа 1904 г. в кургане у Братского кладбища; II – план могильника Бельбек I (раскопки 1903–1904 гг.)

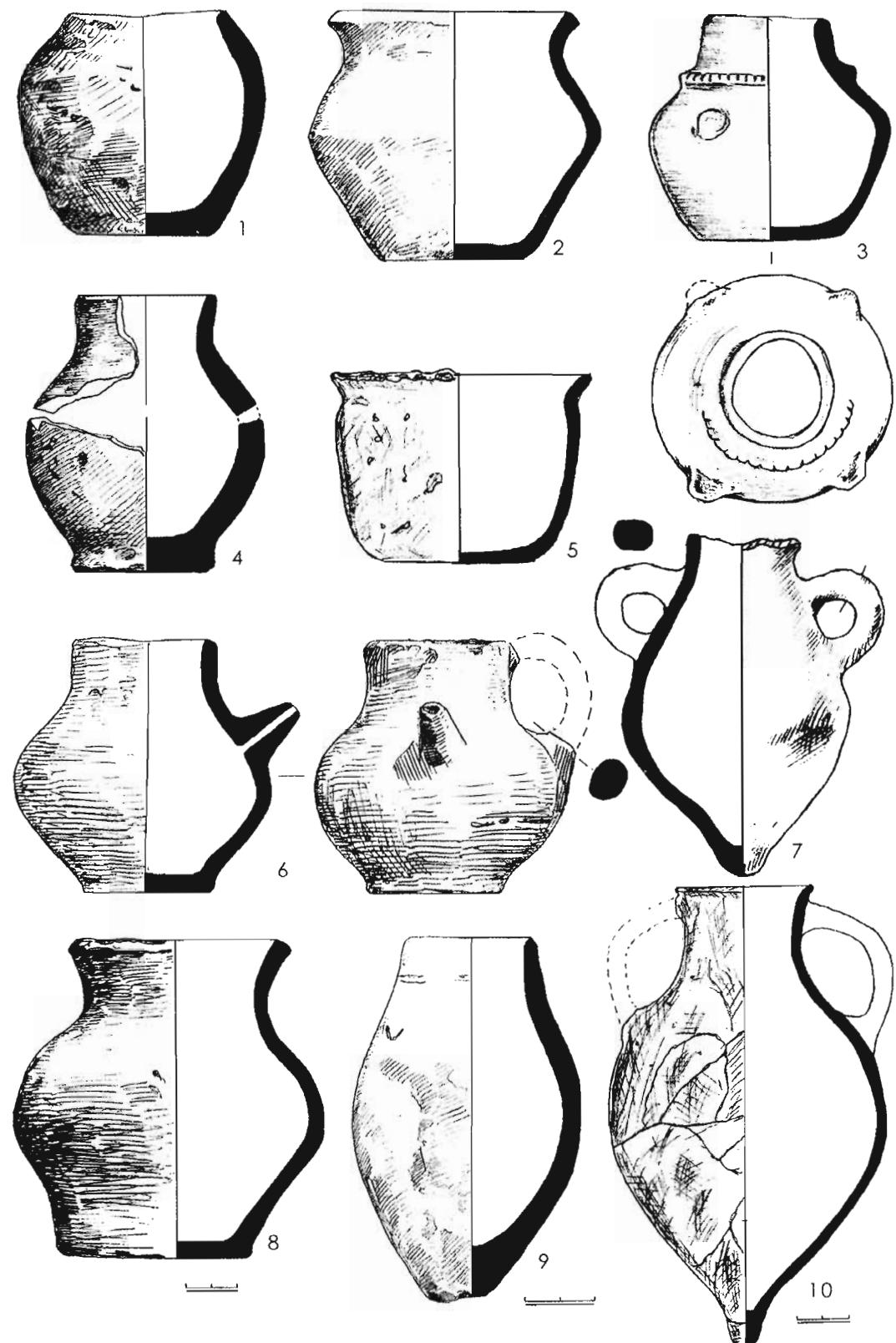

Рис. 80. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма:

1 – могила 701; 3 – 392; 4 – 638; 5 – 773; 6 – 673; 7 – 339; 8 – 668 а; 9 – склеп 634/4; 10 – 780. **Битак:** 2 – могила 55

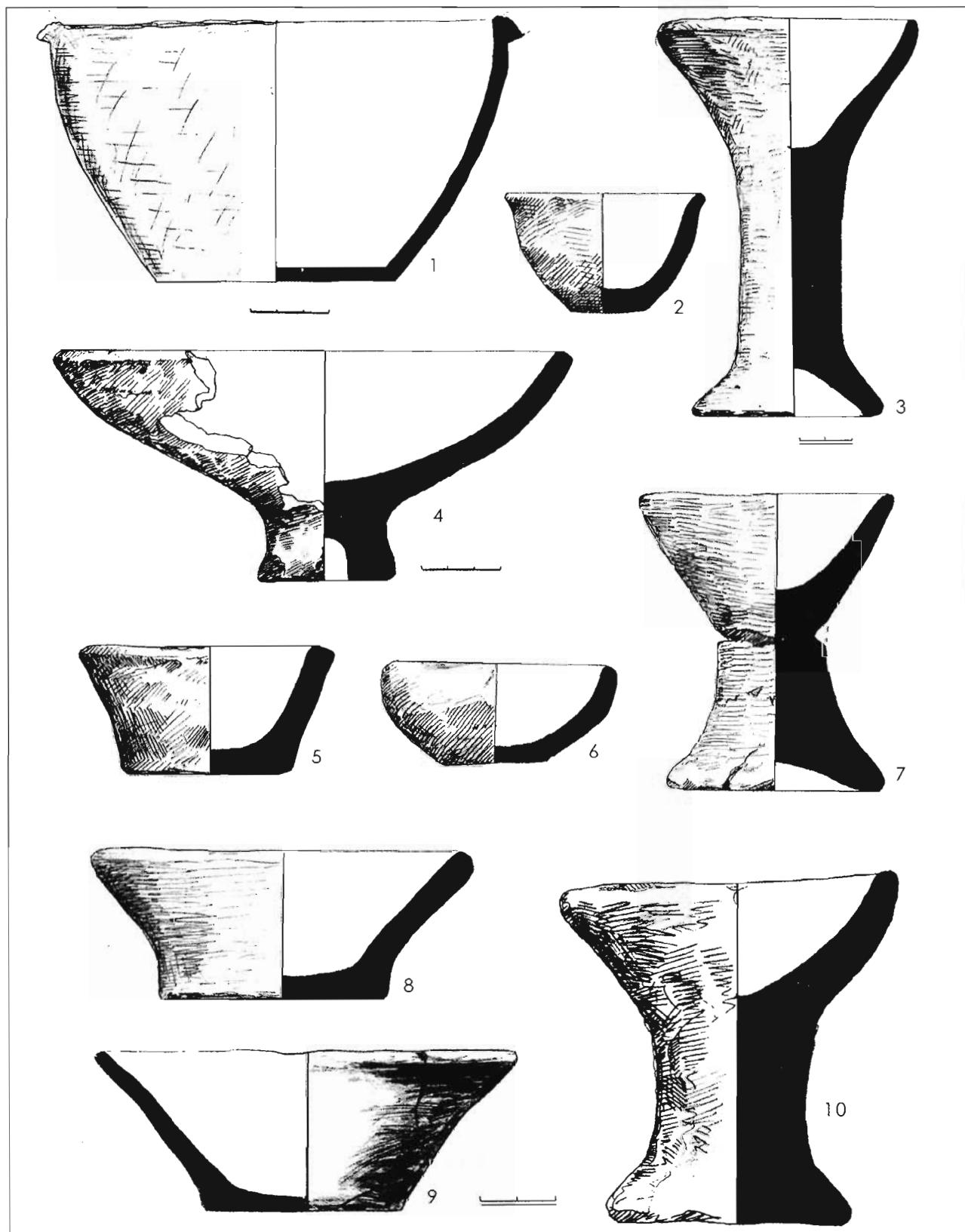

Рис. 81. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма:
 1 – могила 770; 2 – склеп 590; 3 – склеп 649; 4 – склеп 629; 5, 6, 7, 8 – склеп 640;
 10 – могила 846. **Битак:** 9 – могила 13

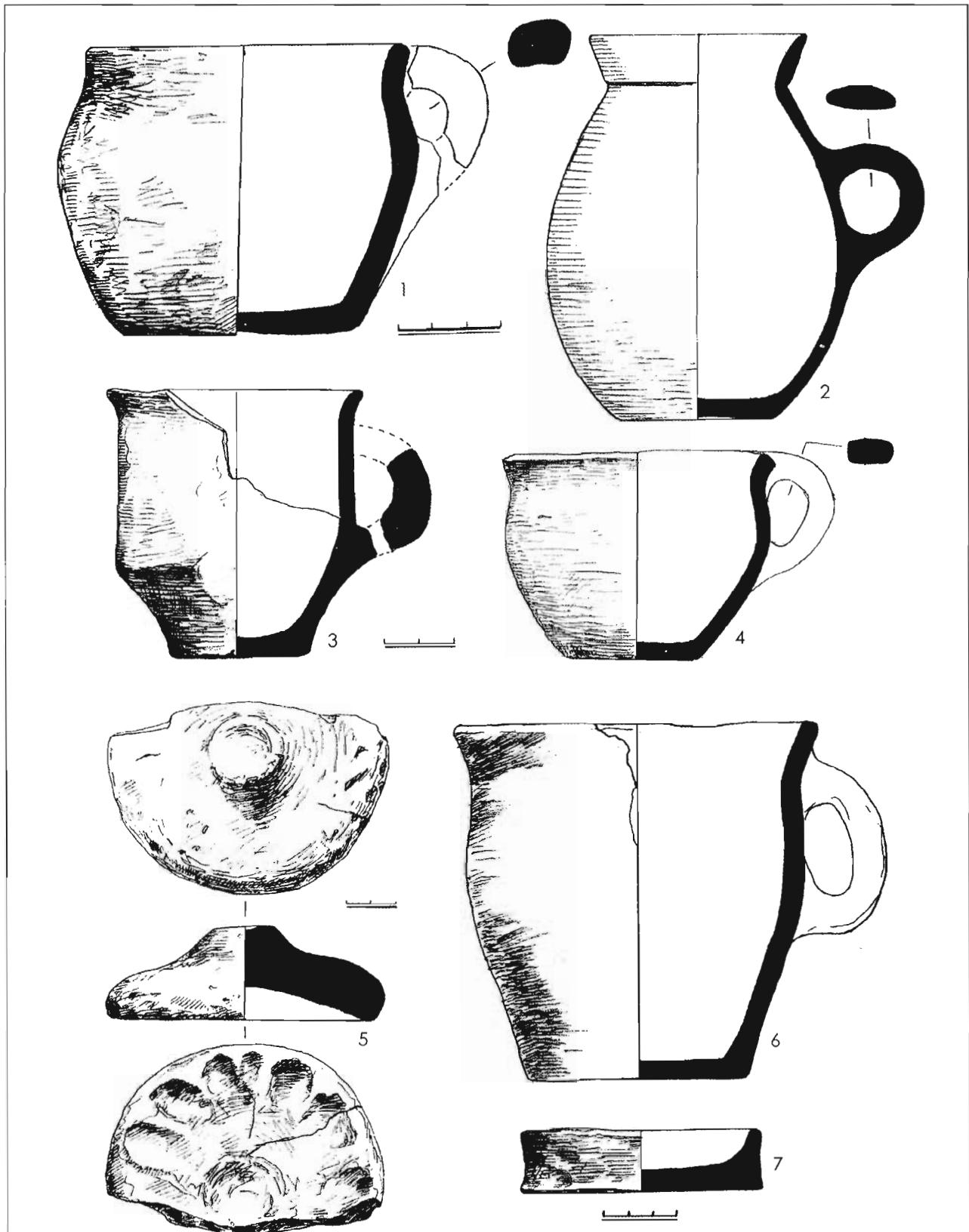

Рис. 82. Лепная керамика из погребений I–III вв. н. э. Усть-Альма:

1 – могила 793; 3 – 626; 4 – 623; 5 – склеп 680; 7 – могила 668а.

Битак: 2 – могила 49; 6 – могила 19

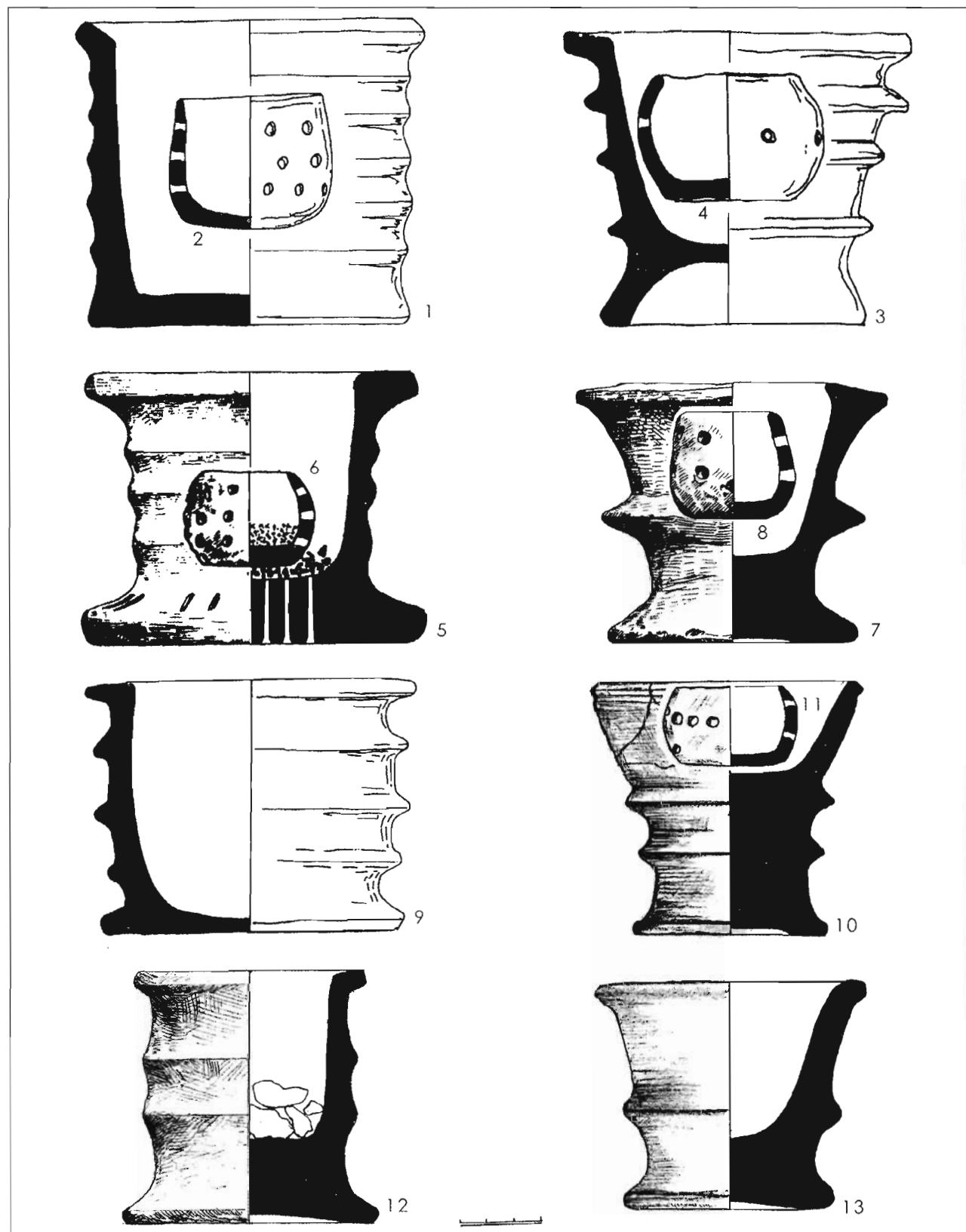

Рис. 83. Лепные курильницы из погребений I в. н. э. Усть-Альма:
1, 2 – склеп 730/1; 3, 4 – 730/2; 5, 6 – 612; 7, 8 – 619; 9 – 720; 10, 11 – 775/2;
12 – 590/12. **Битак:** 13 – склеп 104.

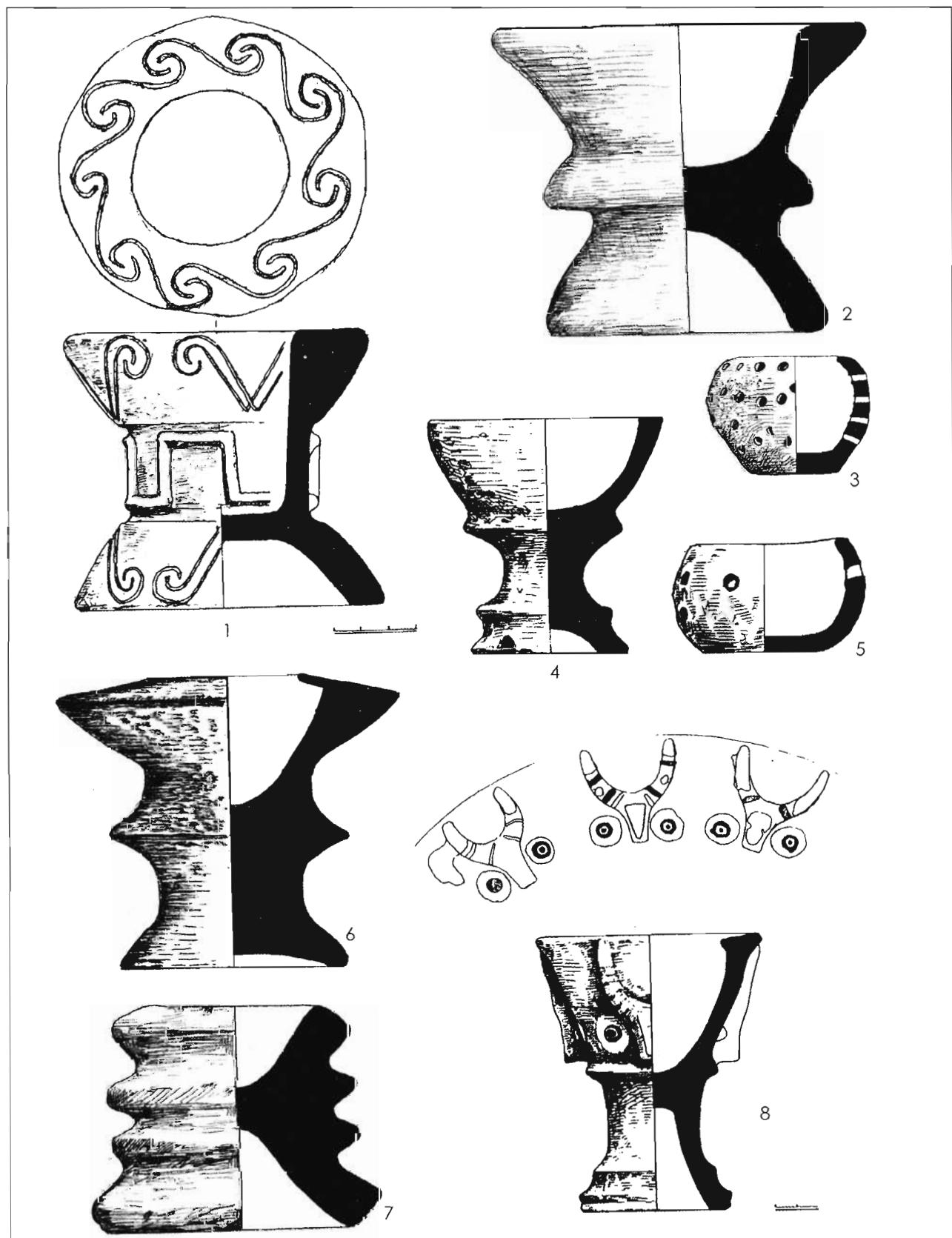

Рис. 84. Лепные курильницы из погребений I – начала II в. н. э. Усть-Альма:
1 – склеп 853; 2, 3 – 649; 4 – 703; 5 – 820; 6 – 782; 7 – 650; 8 – могила 615

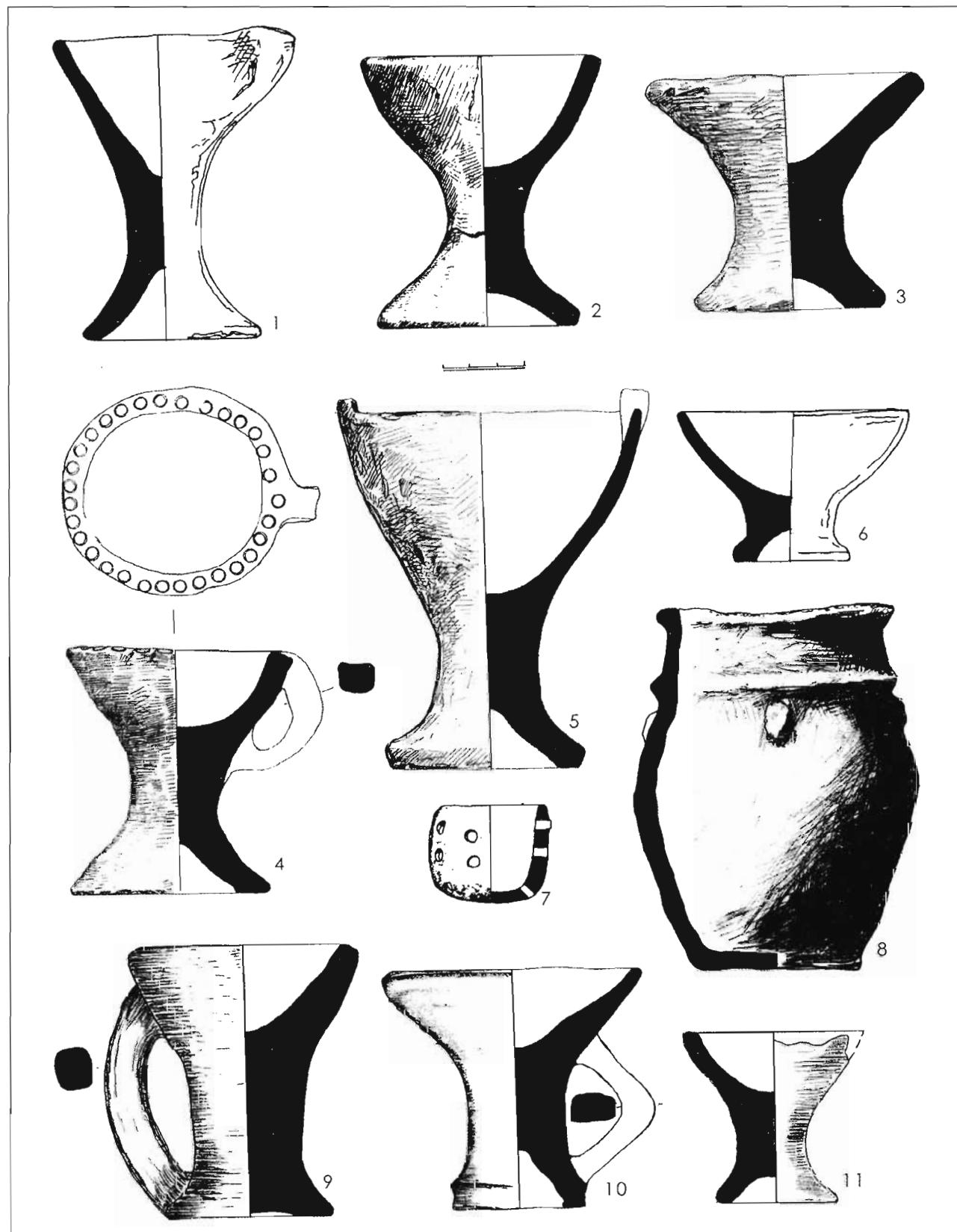

Рис. 85. Лепные курильницы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 720; 2 – могила 595; 3 – склеп 650; 4 – могила 542; 5 – склеп 628; 6 – 730/2; 7 – 616; 9 – 782; 11 – 348. Битак: 8 – могила 147/1; 10 – 143

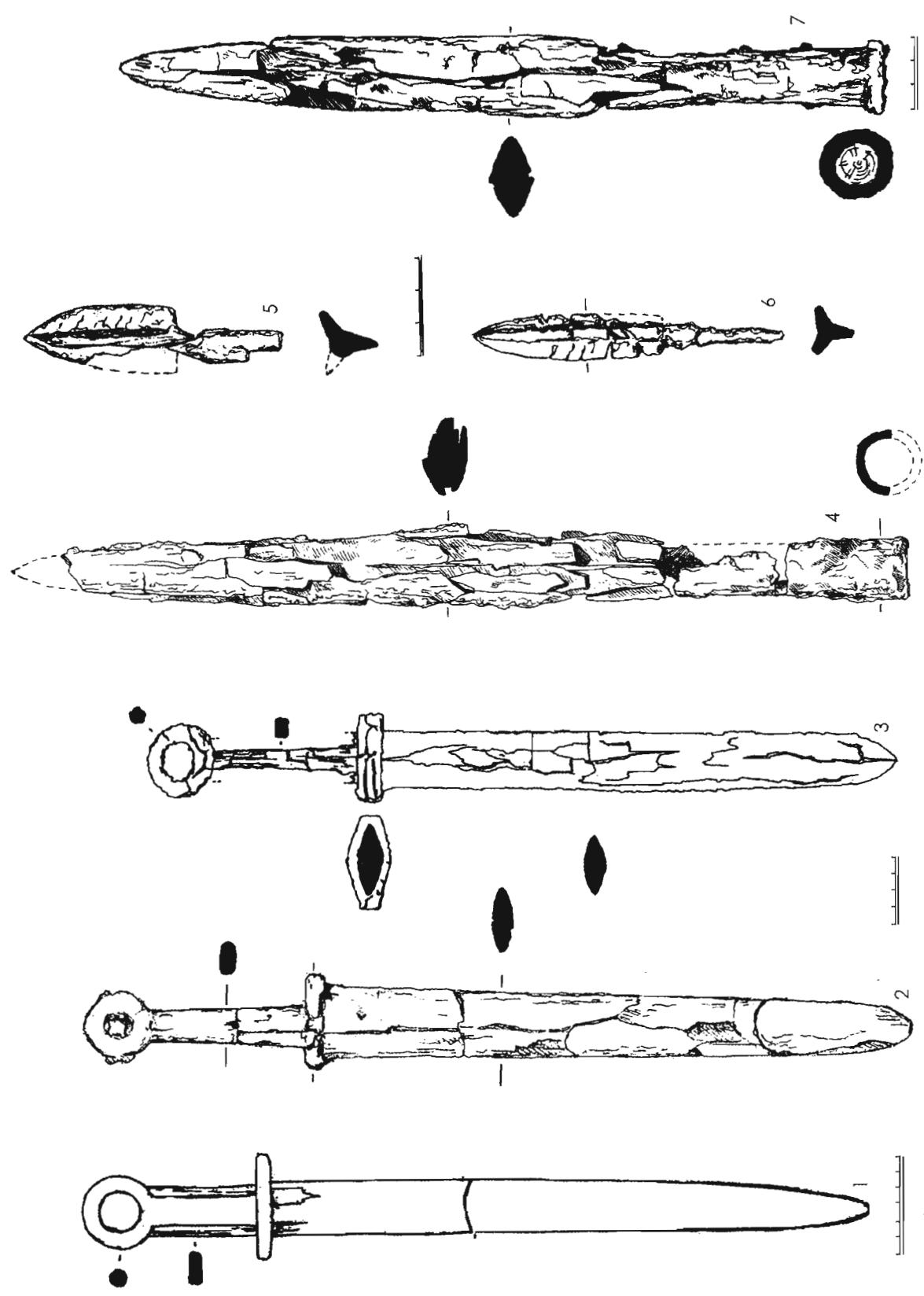

Рис. 86. Предметы вооружения из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма:
1 – склеп 690; 2 – могила 719; 3 – 711; 4 – 858; 5 – 826а; 6 – 794; 7 – 848

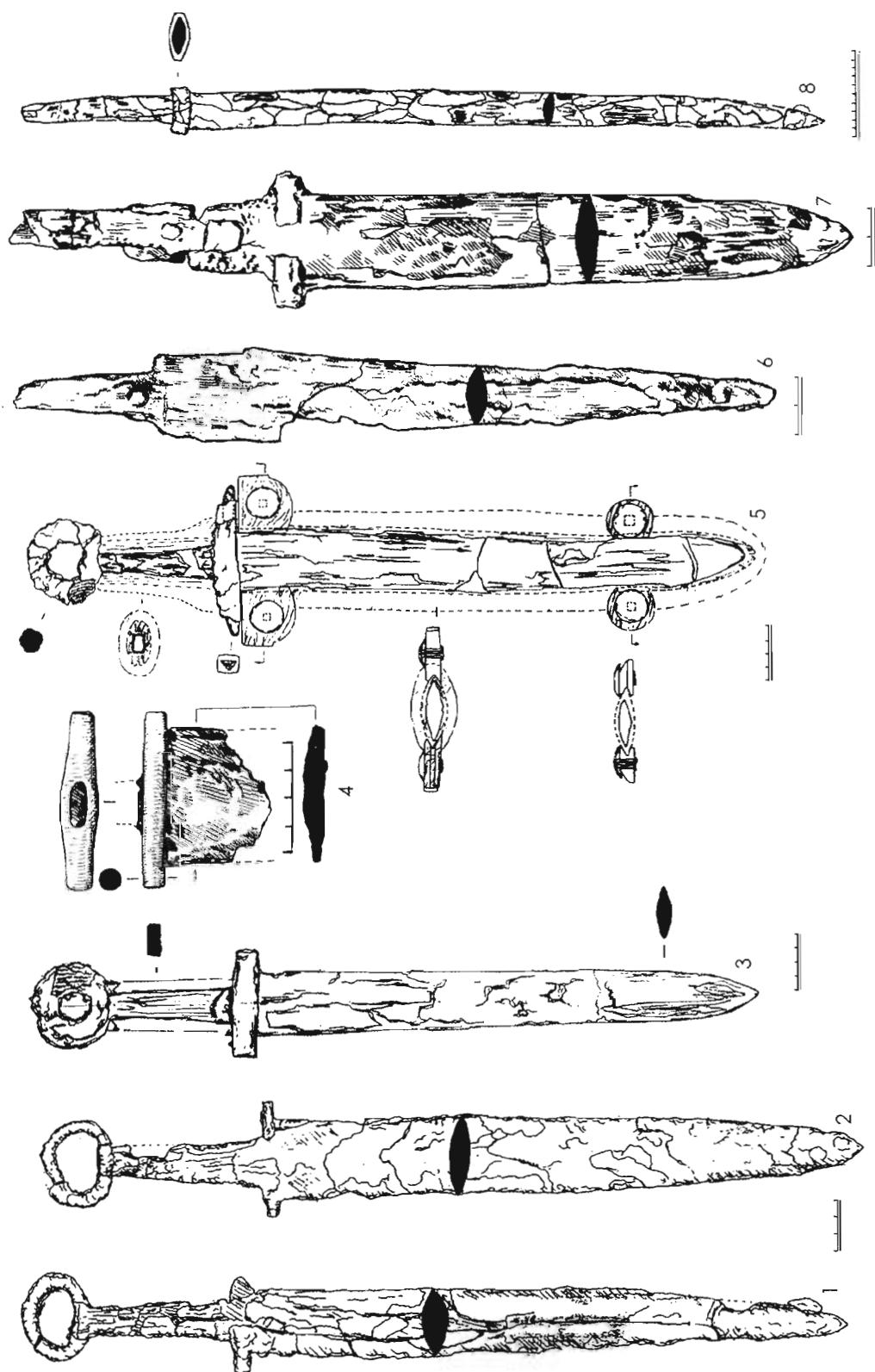

Рис. 87. Мечи и кинжалы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма:

1 – склеп 777/2; 2 – 777/1; 4 – из отвала грабительских раскопок; 5 – могила 700;
6 – склеп 438/7; 7–618/2; 8 – склеп 777/1. **Битак:** 3 – могила 172

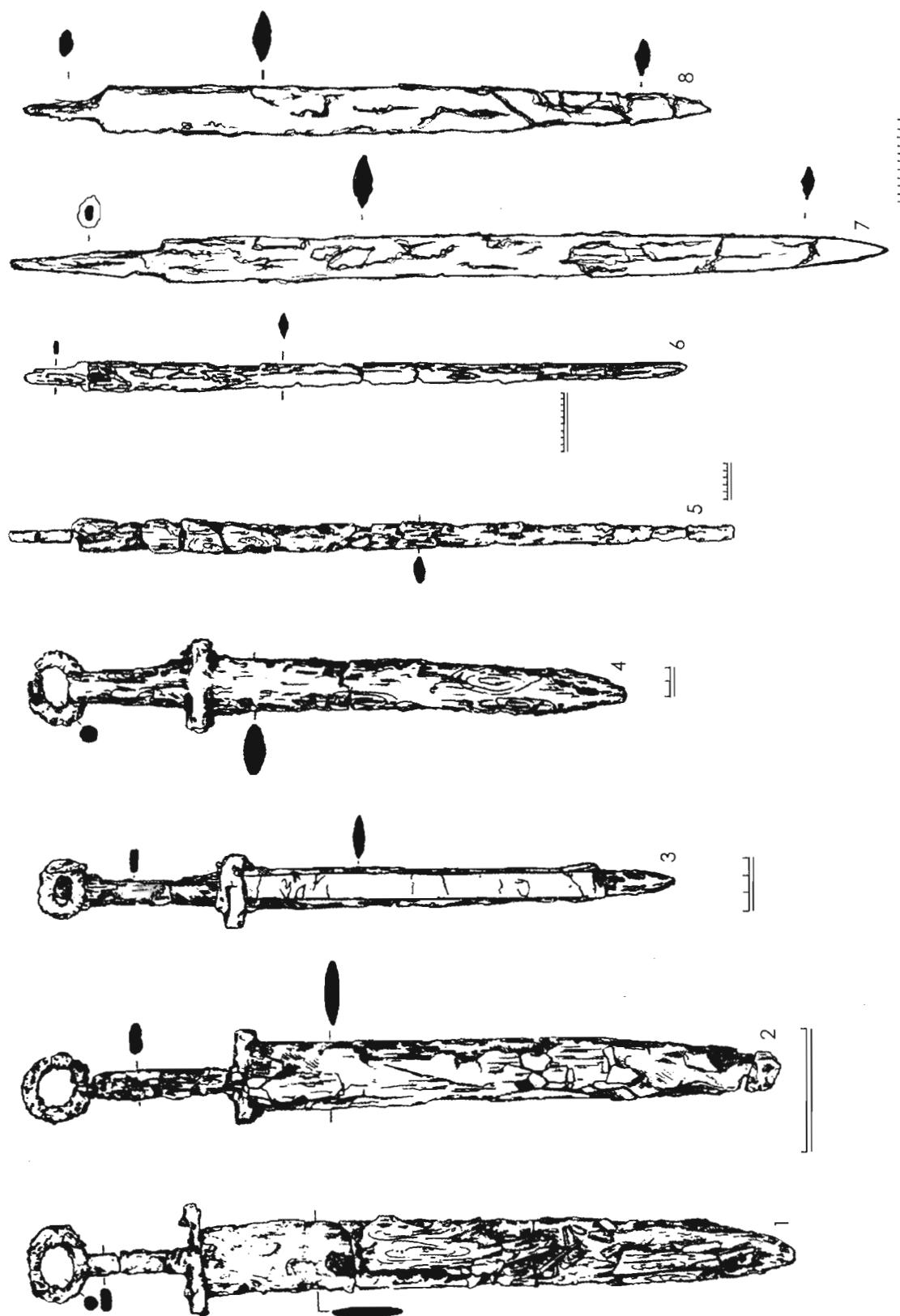

Рис. 88. Мечи и кинжалы из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612/1; 2 – 612/3; 3 – 620/2; 4 – 619/4; 5 – 619/ 1; 7 – 439/ 26; 8 – 439/ 20. Битак: 6 – могила 68

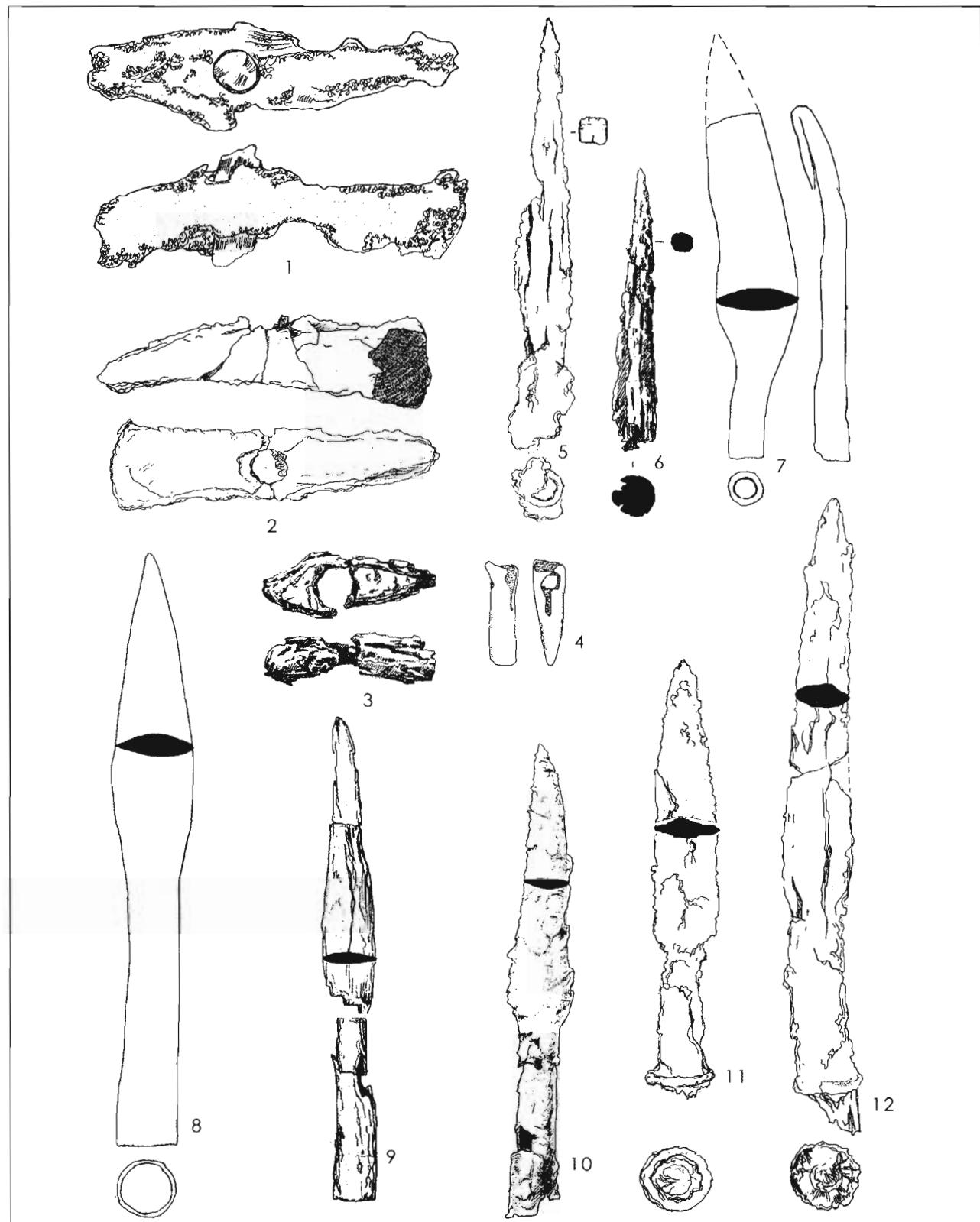

Рис. 89. Топоры и наконечники копий из погребений I в. до н. э. – III в. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки О.А. Махневой, 1978 г.): 1 – могила 38; 4 – 21. Битак: 2 – могила 29; 5 – склеп 95. Усть-Альма: 3 – могила 631; 6 – склеп 634/2; 7 – склеп 424 А; 8 – могила 383; 9 – 381; 10 – склеп 316; 11 – могила 480; 12 – 493

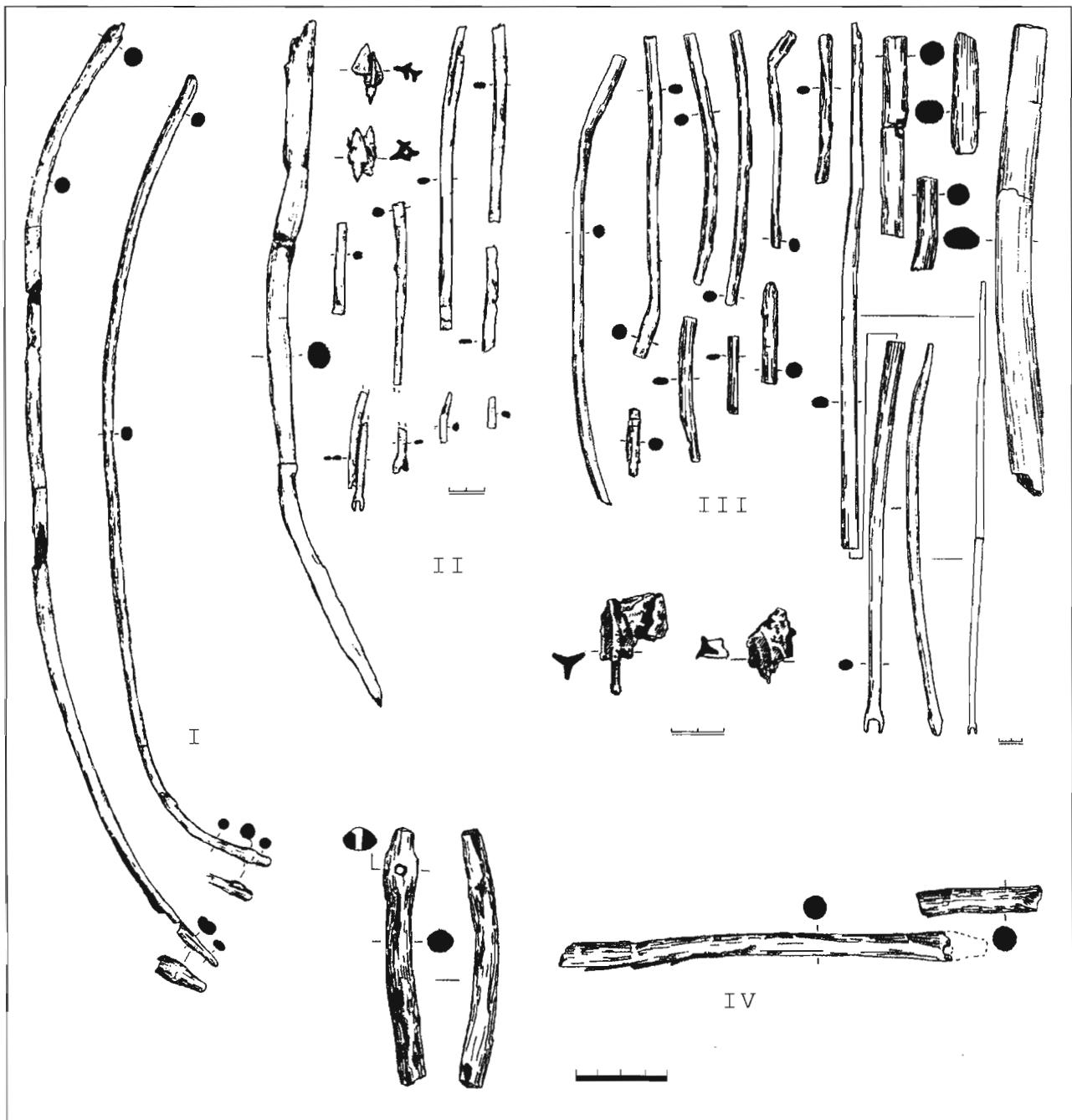

Рис. 90. Деревянные луки, железные наконечники и древки стрел из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: I – склеп 550/3–4; II – 520/34; III – 590/12; IV – 550/7–8

Рис. 91. Детали портупейных и колчанных креплений I – начала II в. н. э. Усть-Альма: I (1–8), II (1–5) – склеп 620/2; III (1–6) – 612/3; IV – 730/1; V – могила 848

Рис. 92. Наконечники стрел архаизирующих типов (амулеты), единичные экземпляры и небольшие комплекты I–II вв. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (1978 г.) 1 – могила 43; 11 – склеп 9. **Битак:** 2 – могила 160; 13–15–120; 21–138/1. Усть-Альма: 3 – могила 384; 4–404; 5 – склеп 450/5; 6 – могила 764; 7 – склеп 777/7; 8–844; 9 – могила 432; 10 – склеп 616; 12 – 777/4; 16–20 – 316; 22 – 348/58; 23 – 449/14; 24, 25 – могила 332; 26 (а–в), 27 – 433; 28, 29 – склеп 449/5; 30 – 520/34; 31(а–в) – 650; 32, 33–557; 34 – могила 547; 35–736; 36–737. 1–9, 11–бронза; 10, 12–36 – железо.

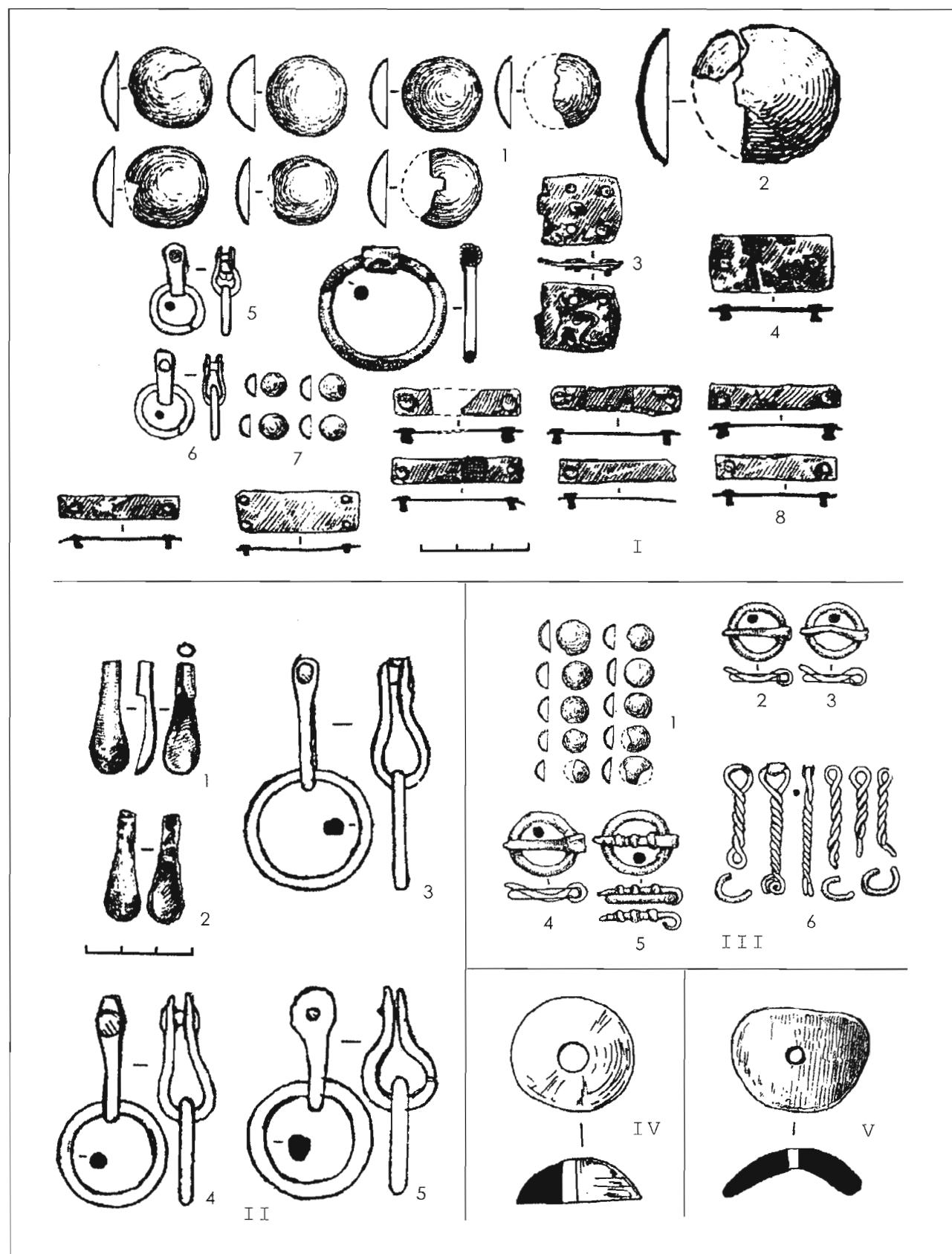

Рис. 91. Детали португейных и колчанных креплений I – начала II в. н. э.

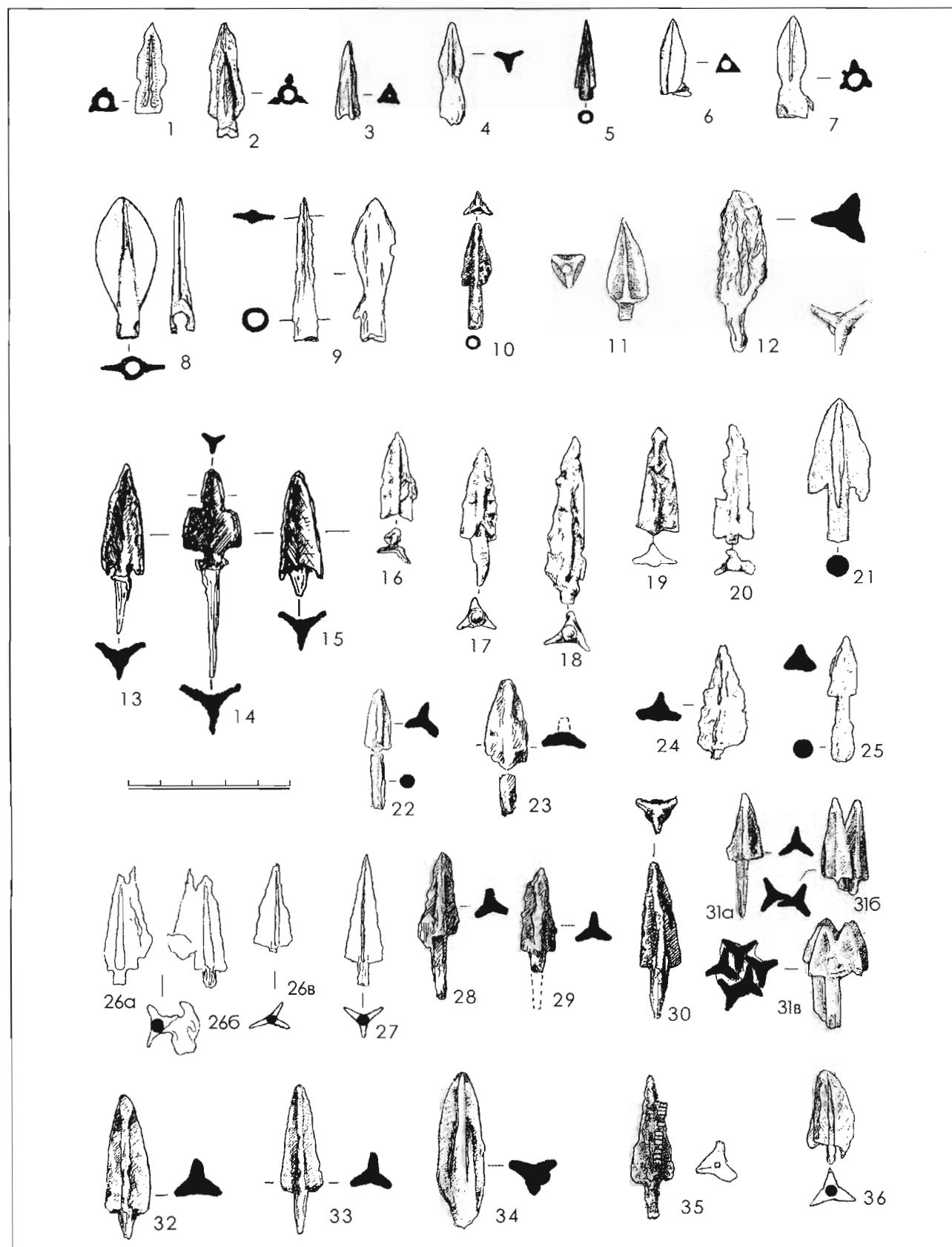

Рис. 92. Наконечники стрел архаизирующих типов (амулеты), единичные экземпляры и небольшие комплекты I-II вв. н. э.

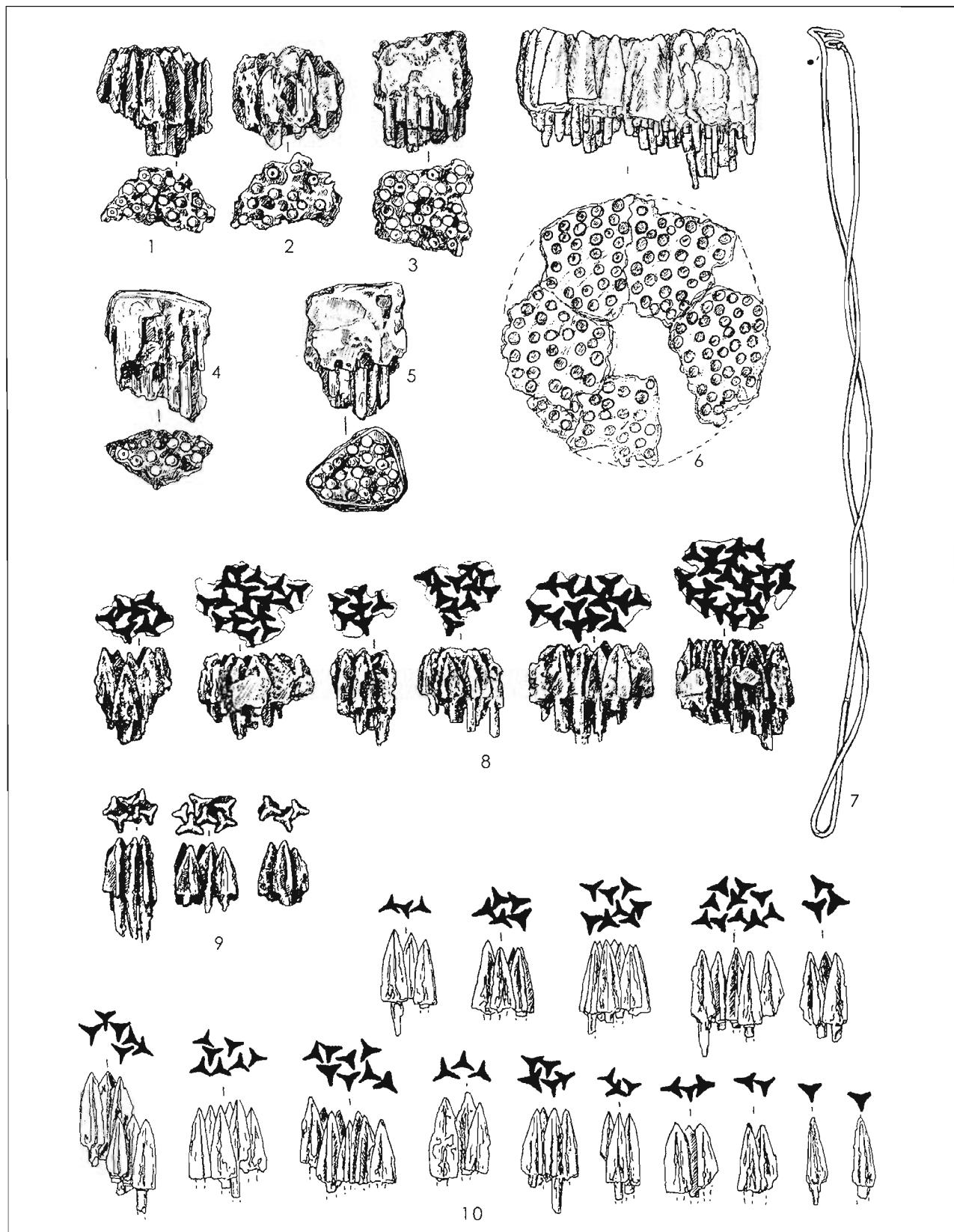

Рис. 93. Колчанные наборы железных черешковых трехлопастных стрел (1–6, 8–10) и бронзовая оплетка древка стрелы (7) из комплексов I в. н. э. Усть-Альмы: 1–5, 7 – склеп 612/3; 6 – 777/1; 8 – 620/2; 9 – 616; 10 – 730/1

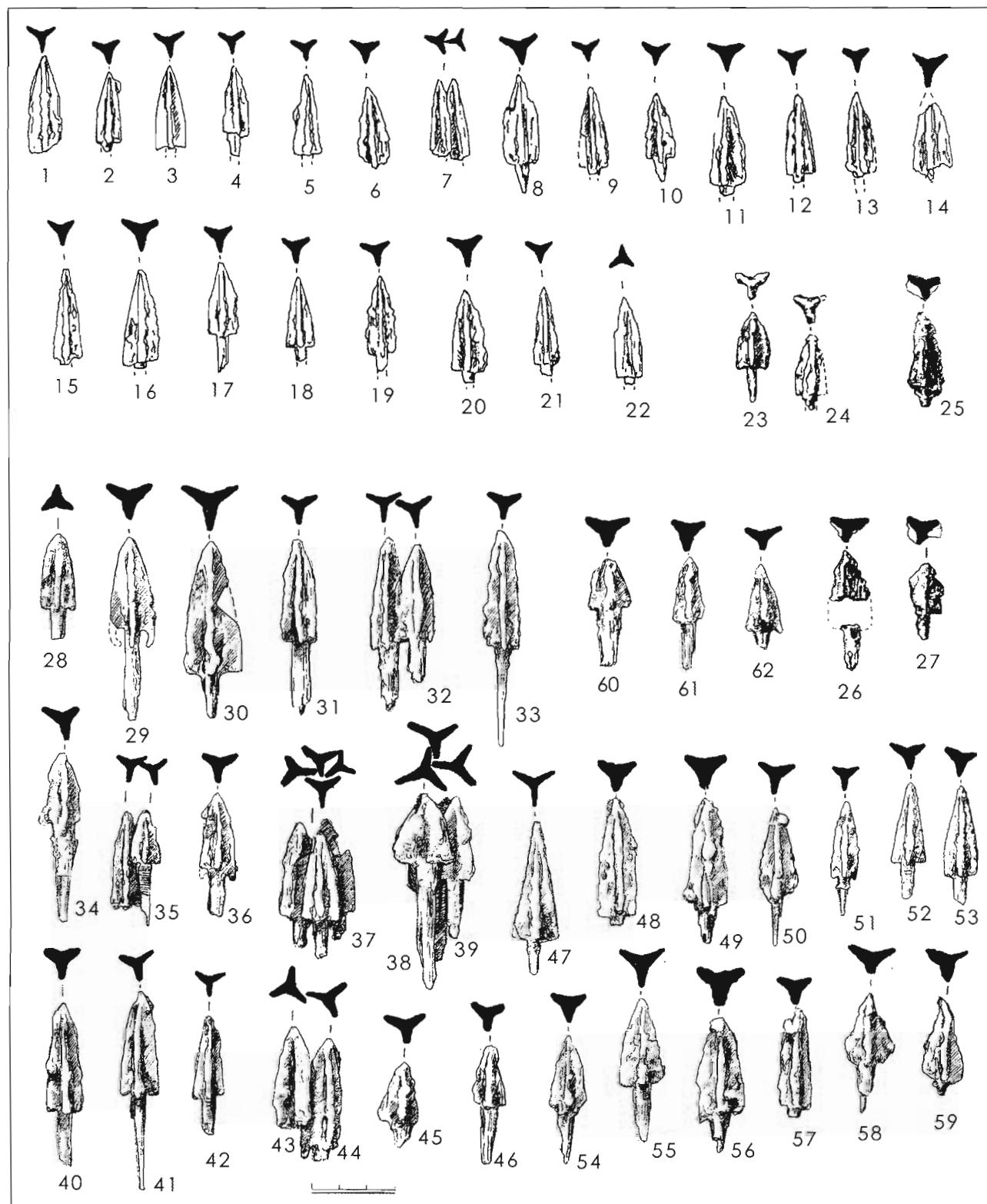

Рис. 94. Наборы железных черешковых трехлопастных стрел из комплексов I – начала II в. н. э. Усть-Альмы: 1–22 – склеп 730/1; 23, 24–616; 25–27 – 620/2; 28–62 – 715

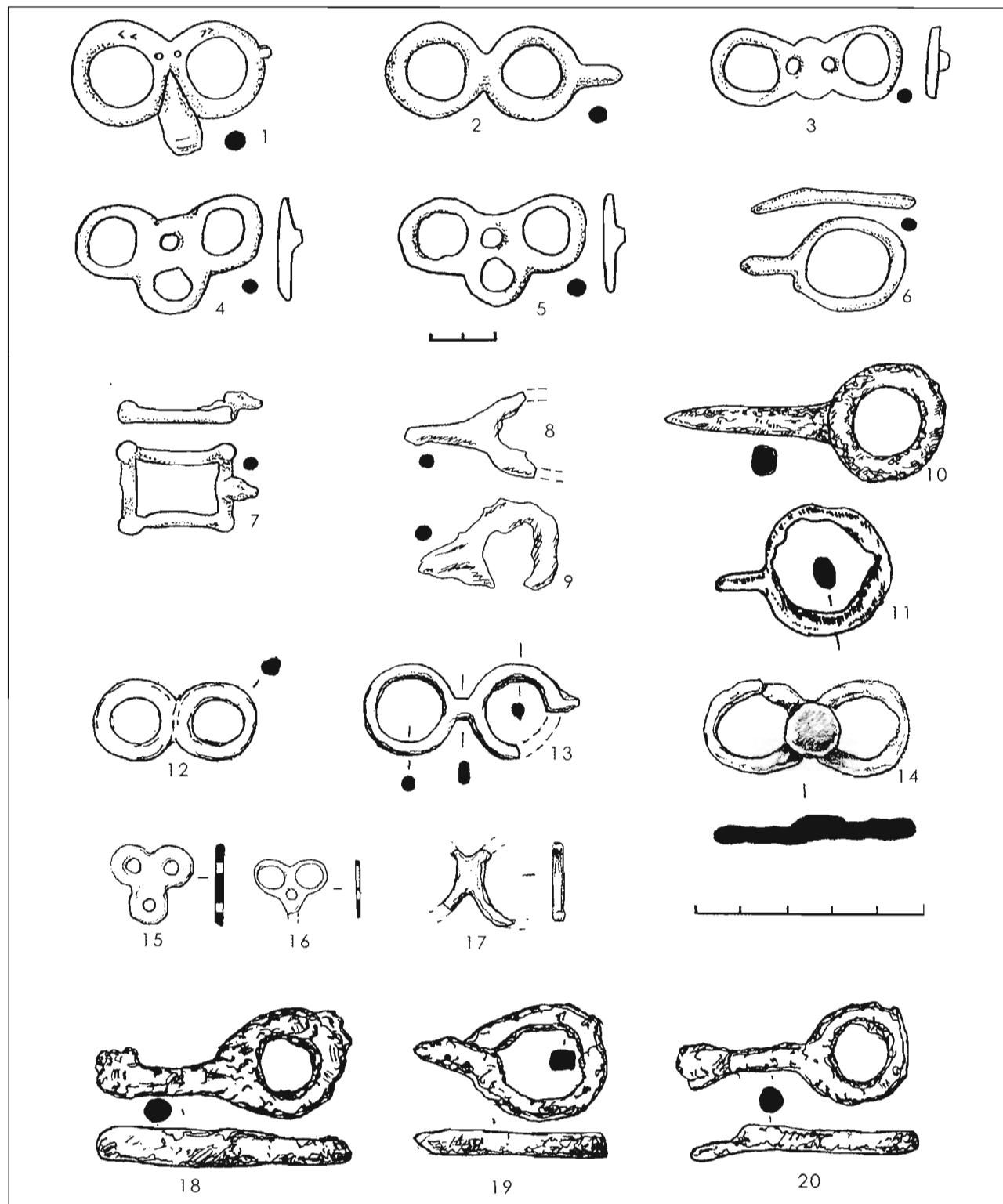

Рис. 95. Бронзовые и железные пряжки, детали портупейных креплений из комплексов I в. до н. э. – II в. н. э. Неаполь Скифский, восточный некрополь (раскопки 1978 и 1982 гг.): 1– могила 40; 2 – склеп 39; 3–5, 7 – склеп 41; 6 – склеп 30; 8, 9 – склеп 39; 10 – могила 57. Битак: 11 – могила 120; 13 – 55. Усть-Альма: 12 – склеп 390; 14 – 348/18; 15 – могила 469/2; 16 – 466; 17 – 384. Капак-Таш (раскопки 2002 г.): 18–20. 1–7, 12–17 – бронза; 8–11, 18–20 – железо

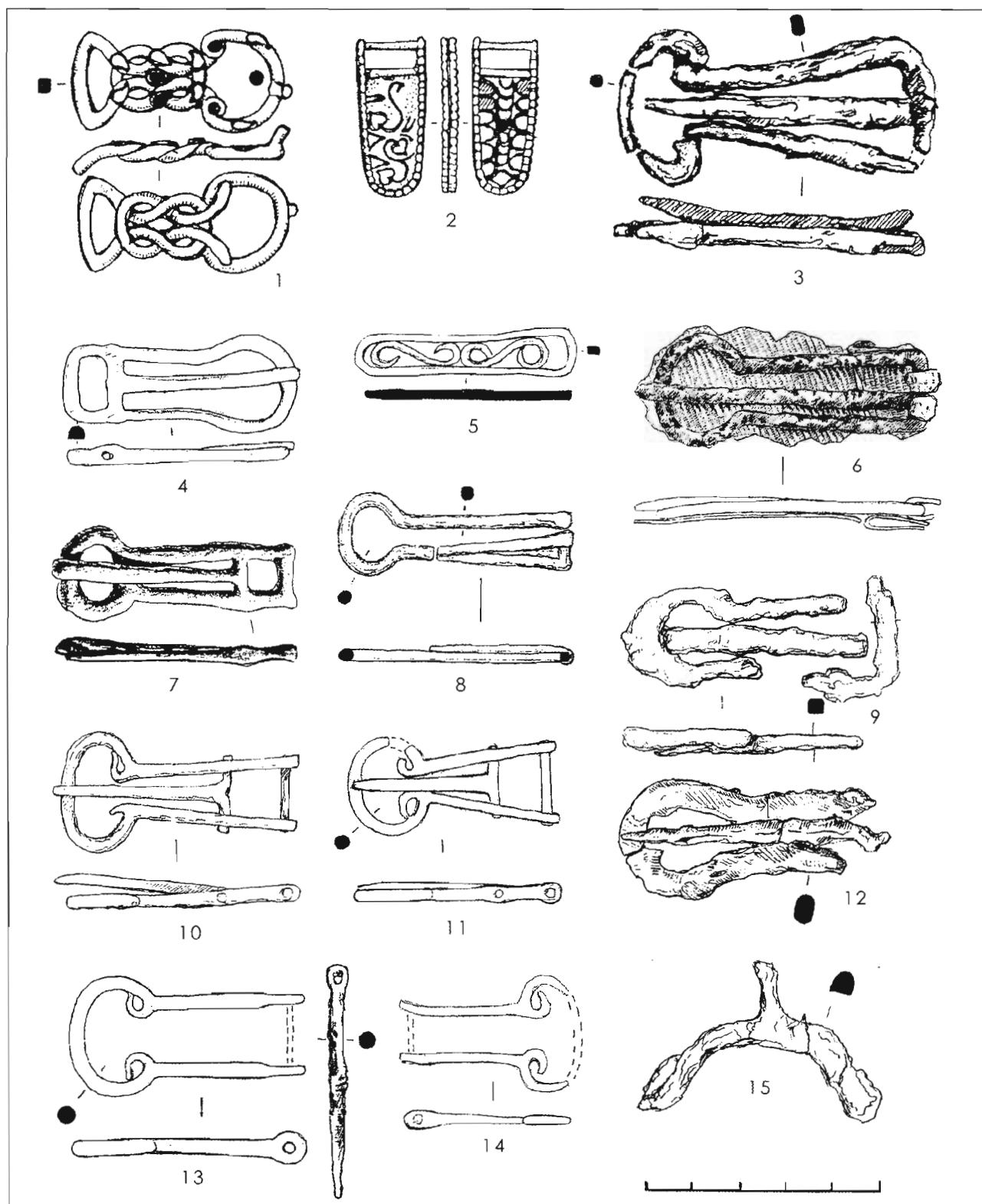

Рис. 96. Поясные пряжки (1, 3, 4, 6–14), наконечники ремней (2, 5), шпора (15) из комплексов I в. н. э. Усть-Альма: 1, 2 – склеп 620/2; 3 – 612/1; 4, 5 – 777/3; 6 – 550/21; 7 – 424а; 8 – 550/34–35; 9 – могила 352; 10 – склеп 640/18; 11 – 590/19; 12 – 449/5; 13 – 550/13; 14 – 734; 15 – 777/5. 1, 2 – золото, стеклянная паста; 3–5 – серебро; 6, 9, 12, 15 – железо; 7, 8, 10, 11, 13, 14 – бронза

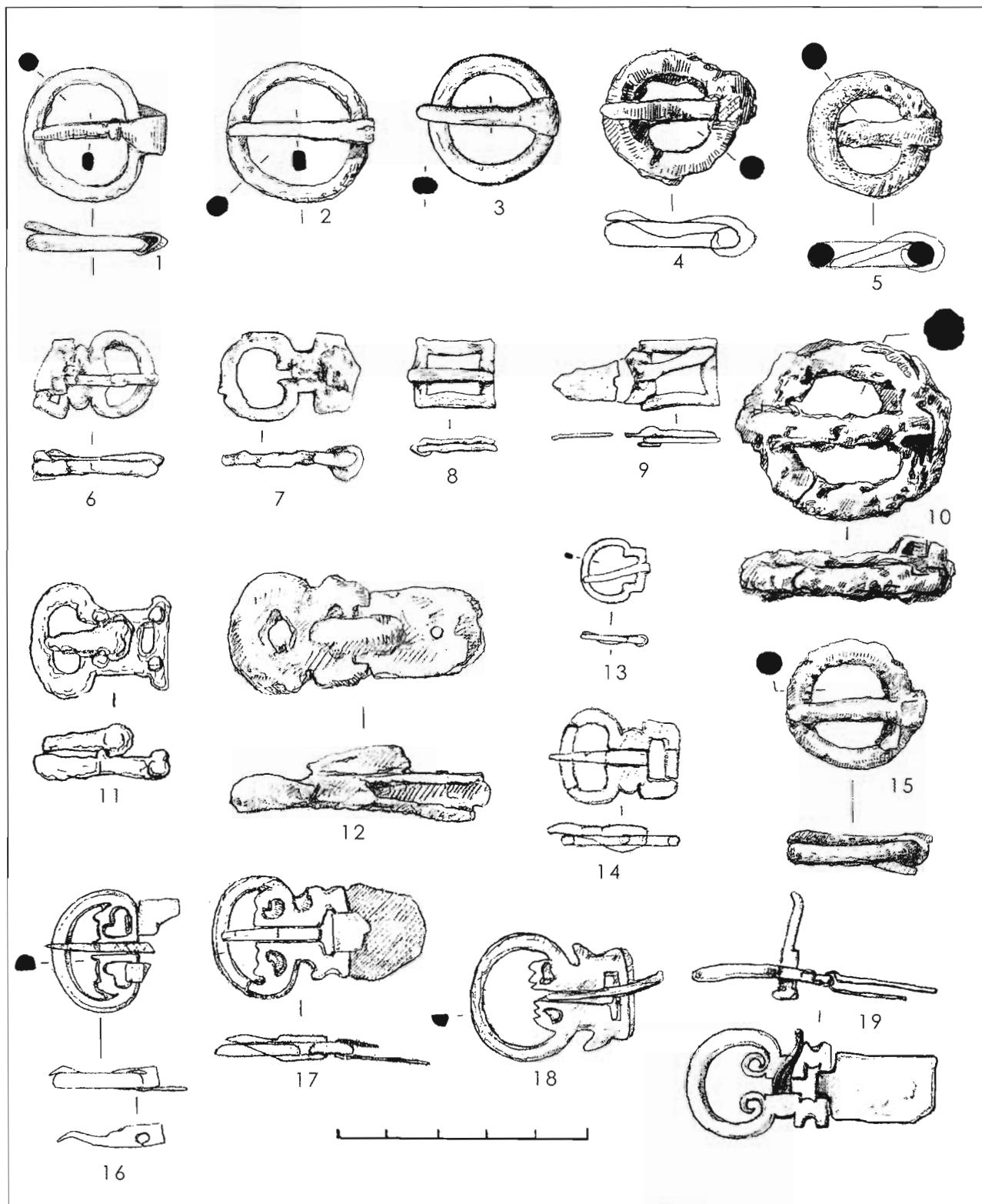

Рис. 97. Поясные пряжки из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 650/1; 2 – 640/21; 3 – 450/4; 4 – 650/7; 5 – 650/3; 6–9 – 316; 10 – 642'; 11 – 439/5; 12 – могила 515; 13 – склеп 705, засыпь; 14 – могила 591; 15 – склеп 605; 17 – могила 555; 18 – 785; 19 – 383. 1–3, 6–9, 13, 14, 16–19 – бронза; 4, 5, 10, 15 – железо; 11 – бронзовая, с железным язычком

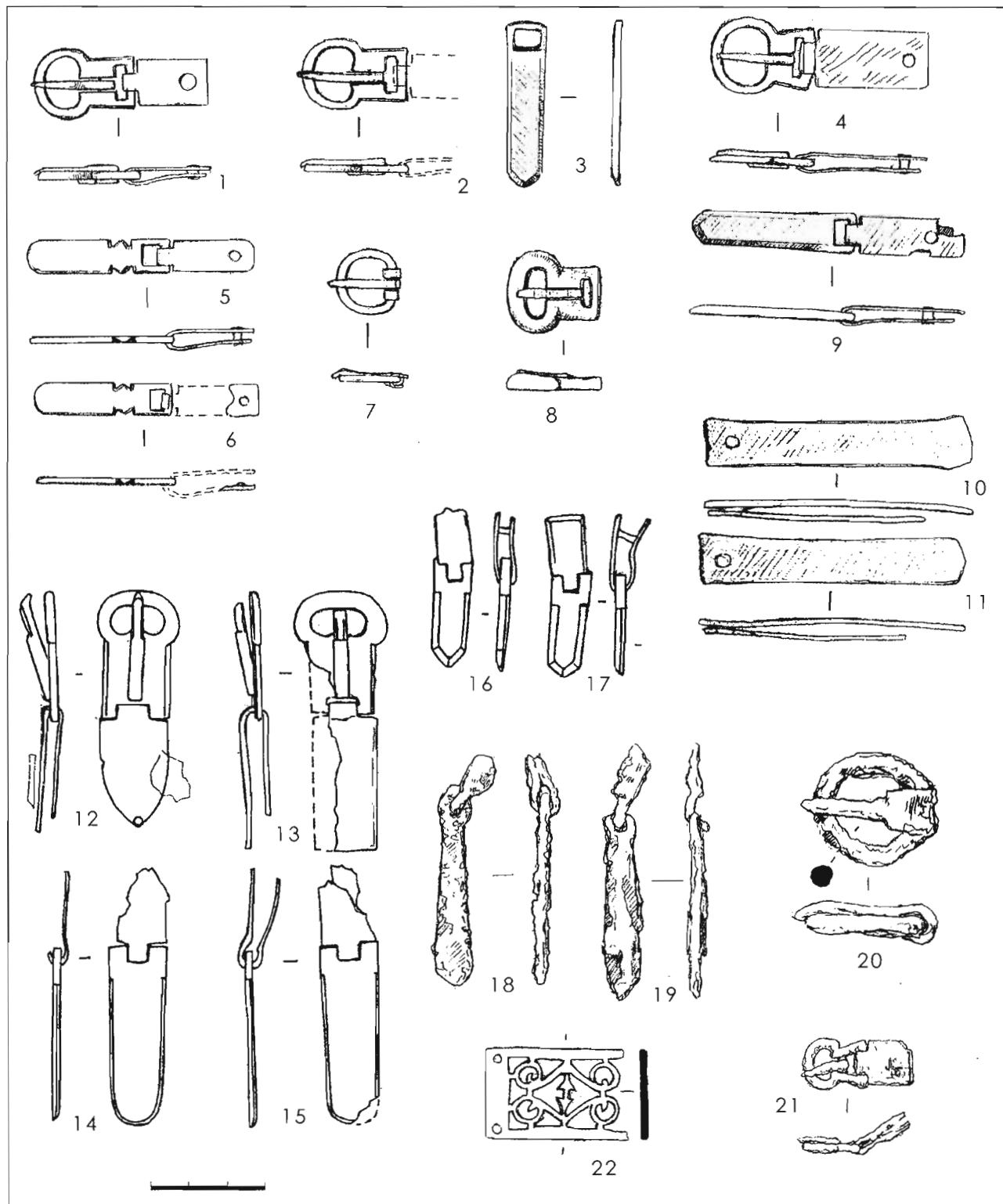

Рис. 98. Поясная гарнитура из комплексов II – начала III в. н. э. Усть-Альма:
 1, 2, 5, 6 – склеп 438/7; 3, 4, 8, 9 – 438/9; 7 – 438/10–11; 10, 11 – могила 552;
 12–17 – 700; 18–21 – 848. **Битак:** 22 – могила 17/1. 1–11, 16, 17, 22 – бронза;
 12–15 – серебро; 18–21 – железо

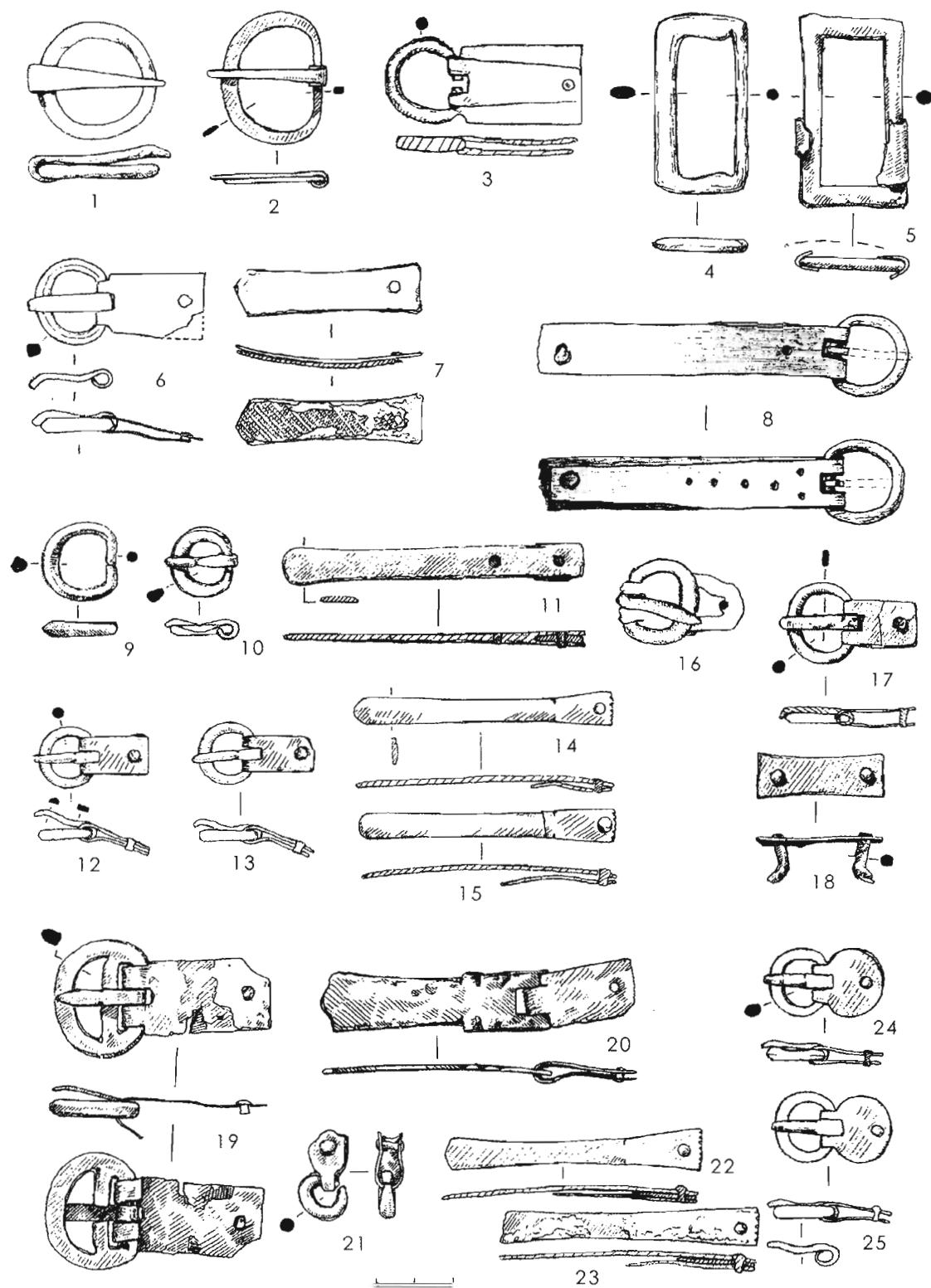

Рис. 99. Бронзовая поясная гарнитура из комплексов конца II – перв. пол. III в. н. э.

Усть-Альма: 1 – могила 364/1; 2 – склеп 649/3; 3 – могила 762; 4 – склеп 649/3;

5, 19, 20, 21 – могила 679; 6, 7 – склеп 824/1; 9–15 – могила 631;

17, 18 – склеп 630, верхний ярус; 19–21 – могила 679; 22–25 – могила 649/2.

Битак: 8 – могила 109; 16 – могила 146/1

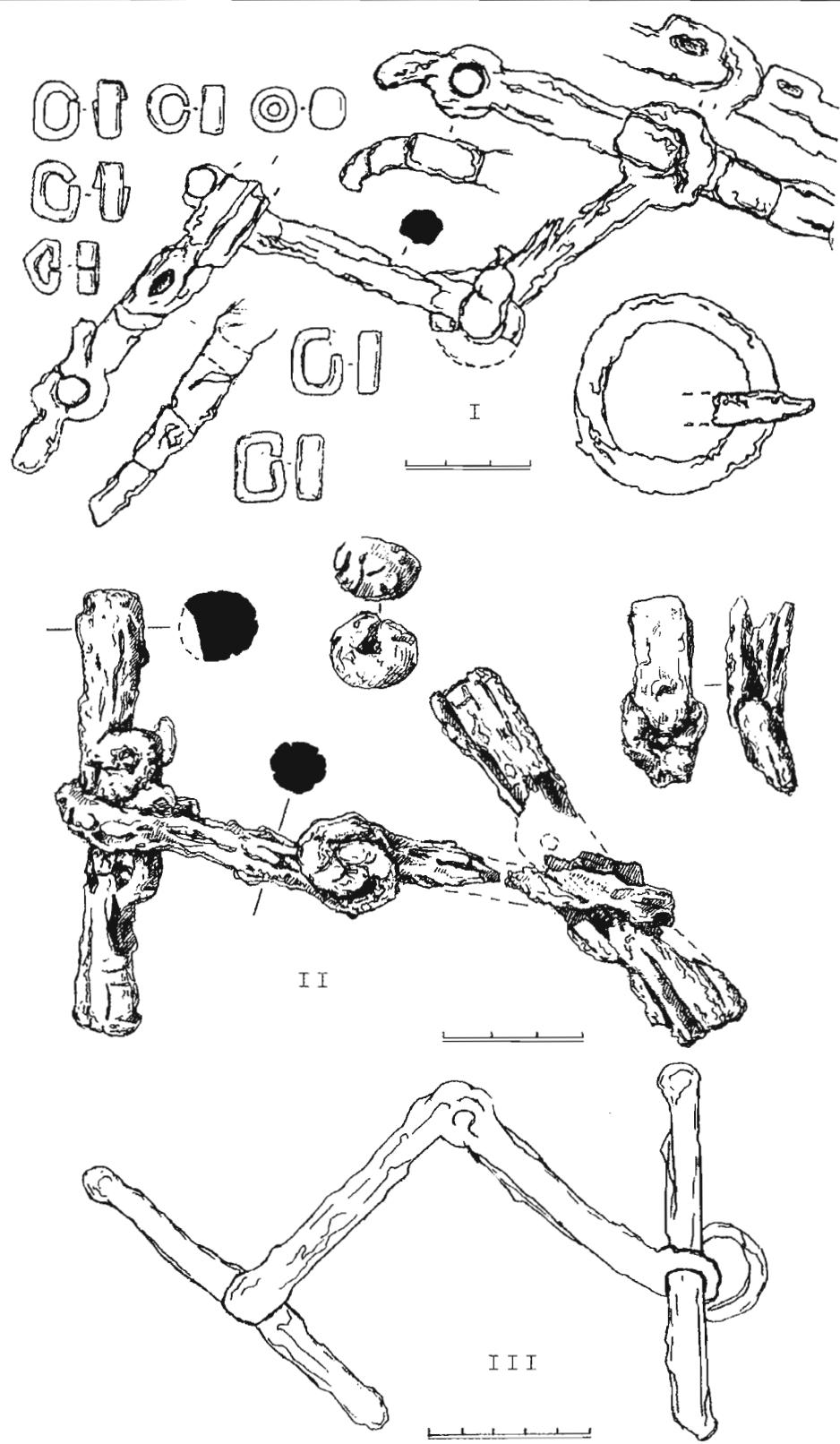

Рис. 100. Двусоставные удила со стержневидными псалиями (тип 3). Усть-Альма:
 I – склеп 690/1 (вариант В); II – могила 711 (вариант Б);
 III – конская могила № 3 1993 г. (вариант А)

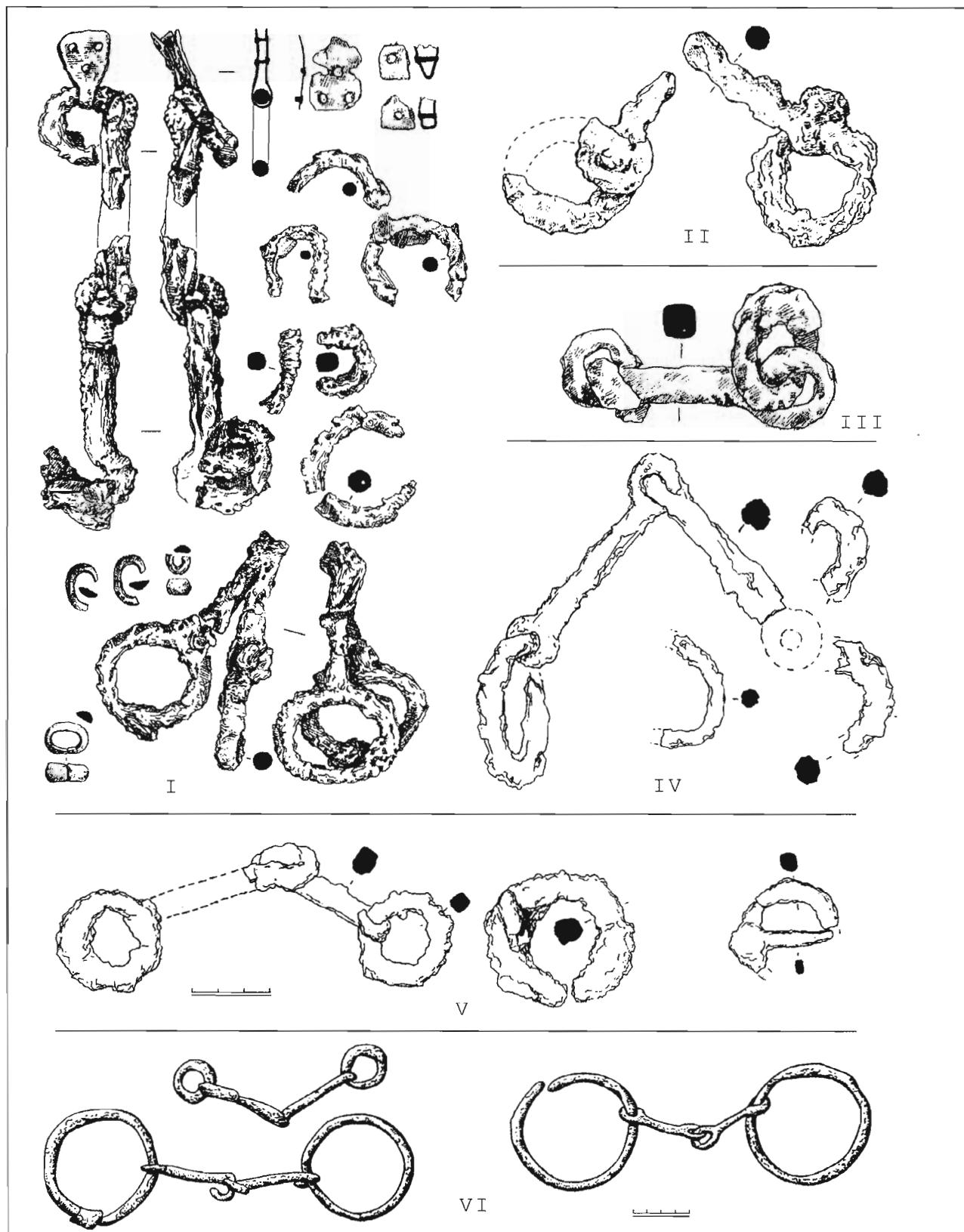

Рис. 101. Двусоставные кольчатые удила (тип 1). Усть-Альма: I – склеп 620/2; III – 557. Битак: II – могила 54; IV – 94; V – 122. VI – Неаполь Скифский [Дашевская, 1991, табл. 74, 16–18]. Вариант А: II, V, VI. Вариант Б: I, IV

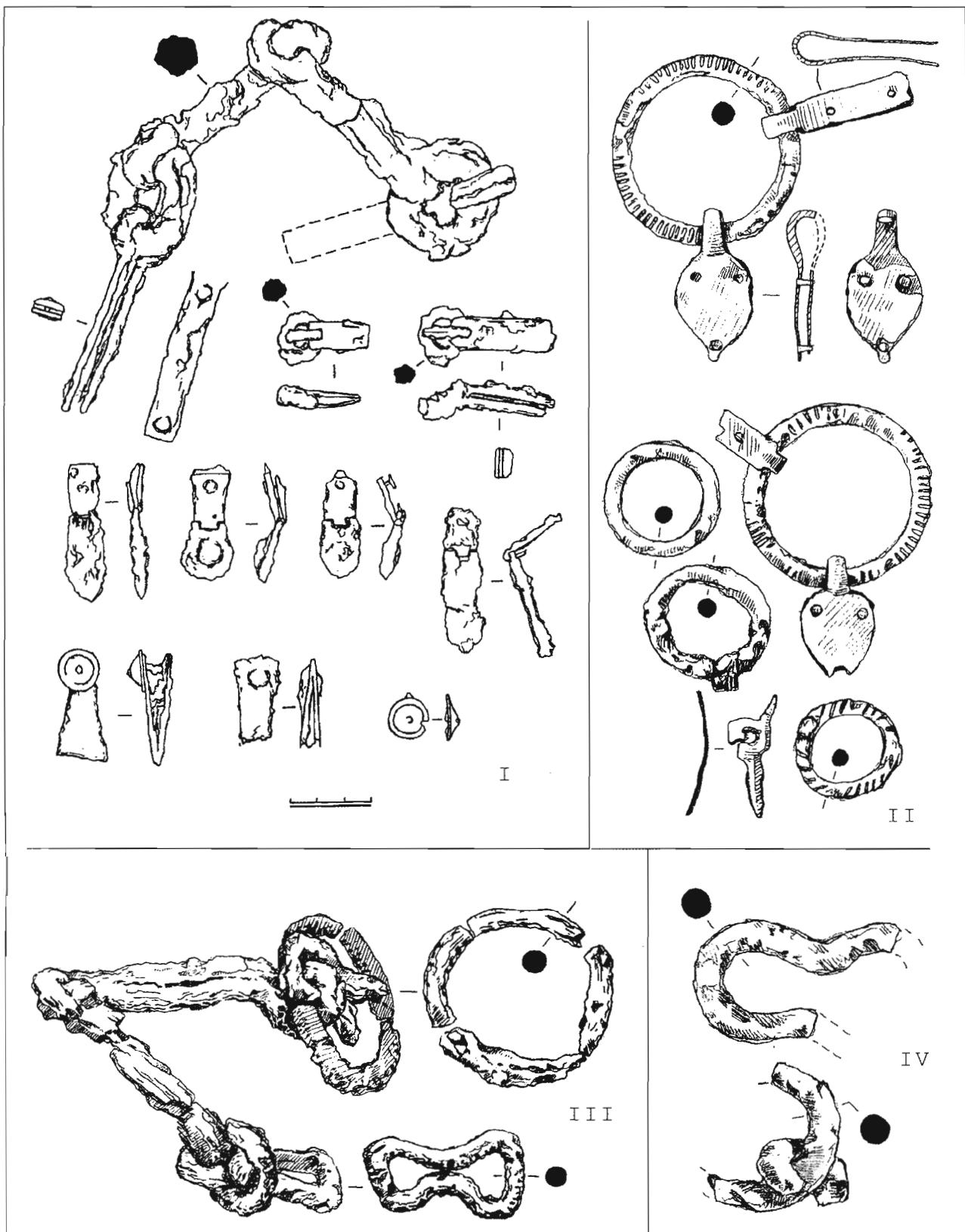

Рис. 102. Двусоставные кольчатые удила (тип 1). Битак: I – могила 114. Усть-Альма: II – конская могила № 1 1997 г.; III – склеп 619/1; IV – 557. Вариант В: I, II. Вариант Г: III, IV

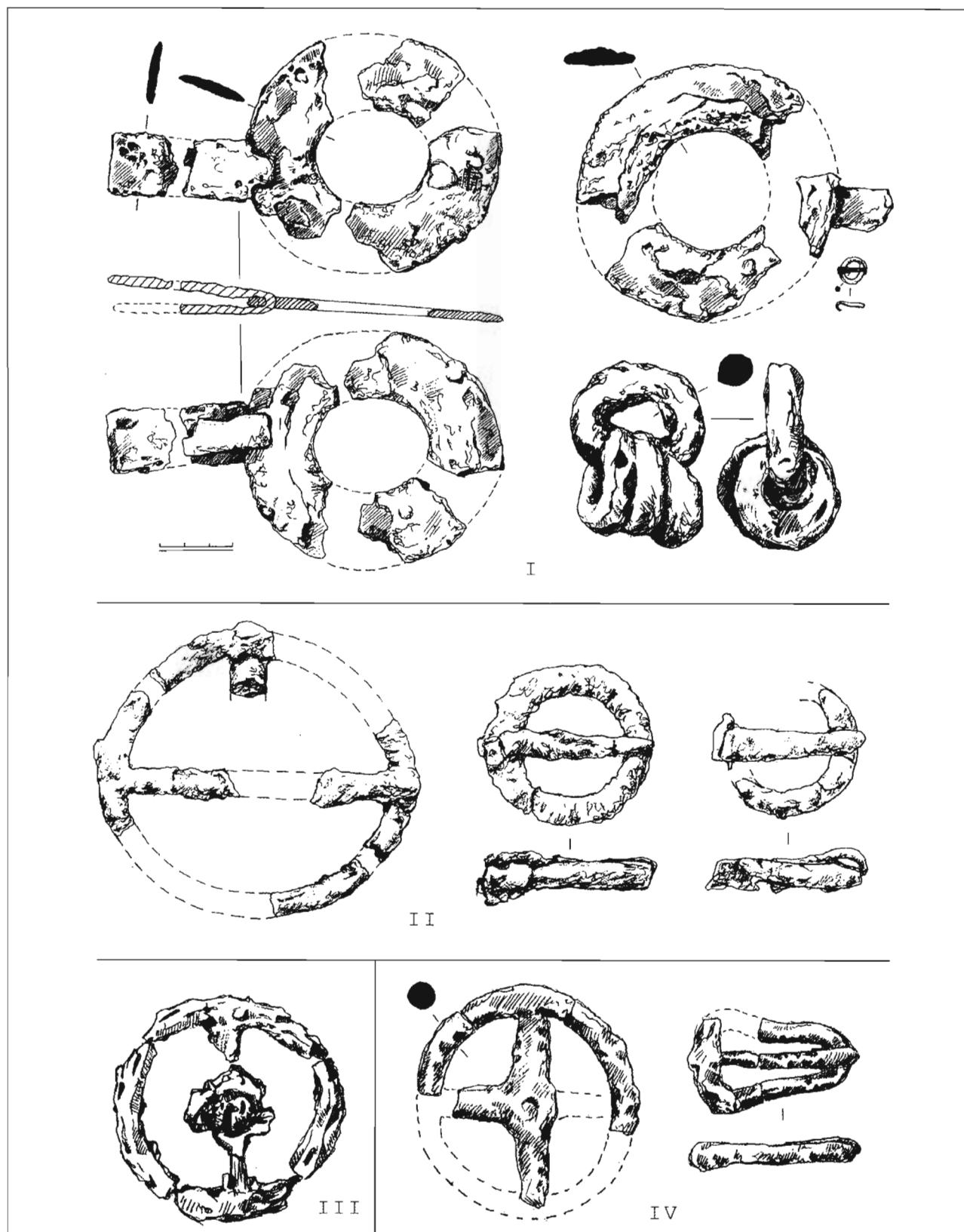

Рис. 103. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями (тип 2, вариант А) и детали упряжи. Усть-Альма: I – склеп 717; II – 316; III – конская могила № 2 1997 г.; IV – склеп 570

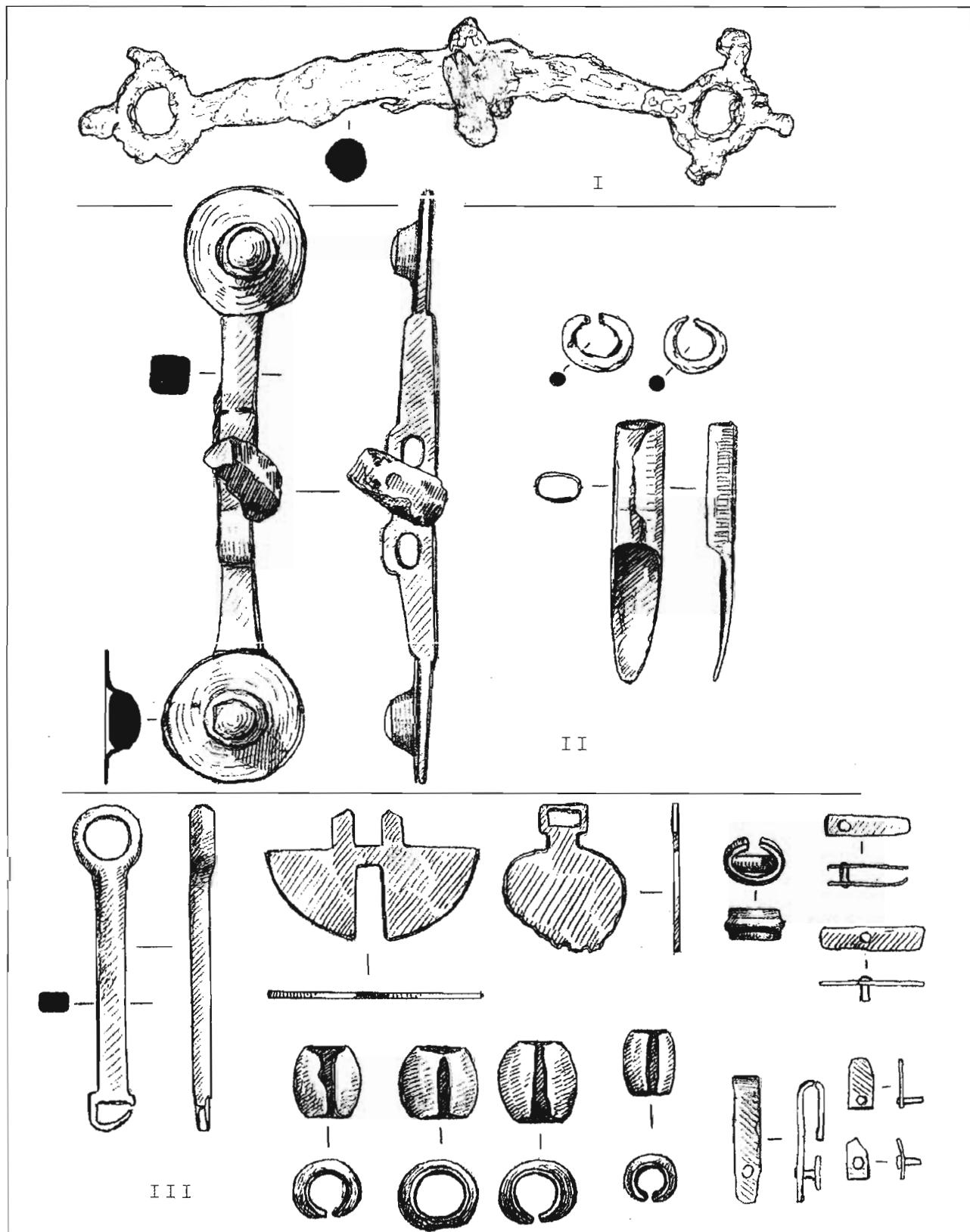

Рис. 104. Двусоставные удила с псалиями в виде фигурных стержней и детали сбруи. Усть-Альма: I – склеп 777/7 (тип 3 В); II – конская могила № 3 1997 г. (тип 4 В); III – конская могила № 11 1996 г. (тип 4 Б)

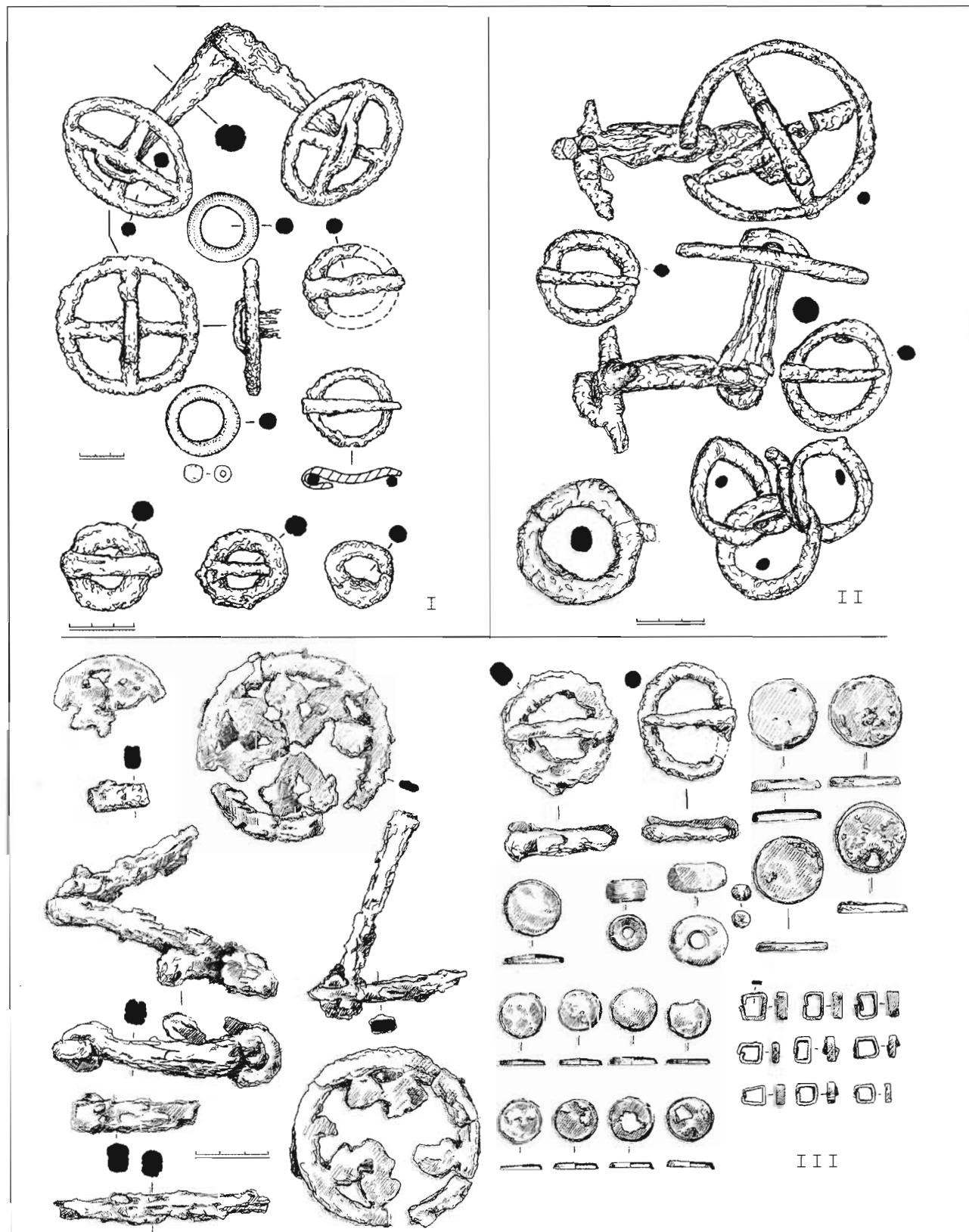

Рис. 105. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалями (тип 2) и детали сбруи Усть-Альма: II – склеп 799; III – 715. Битак: I – могила 172. I, II – вариант Б; III – вариант В

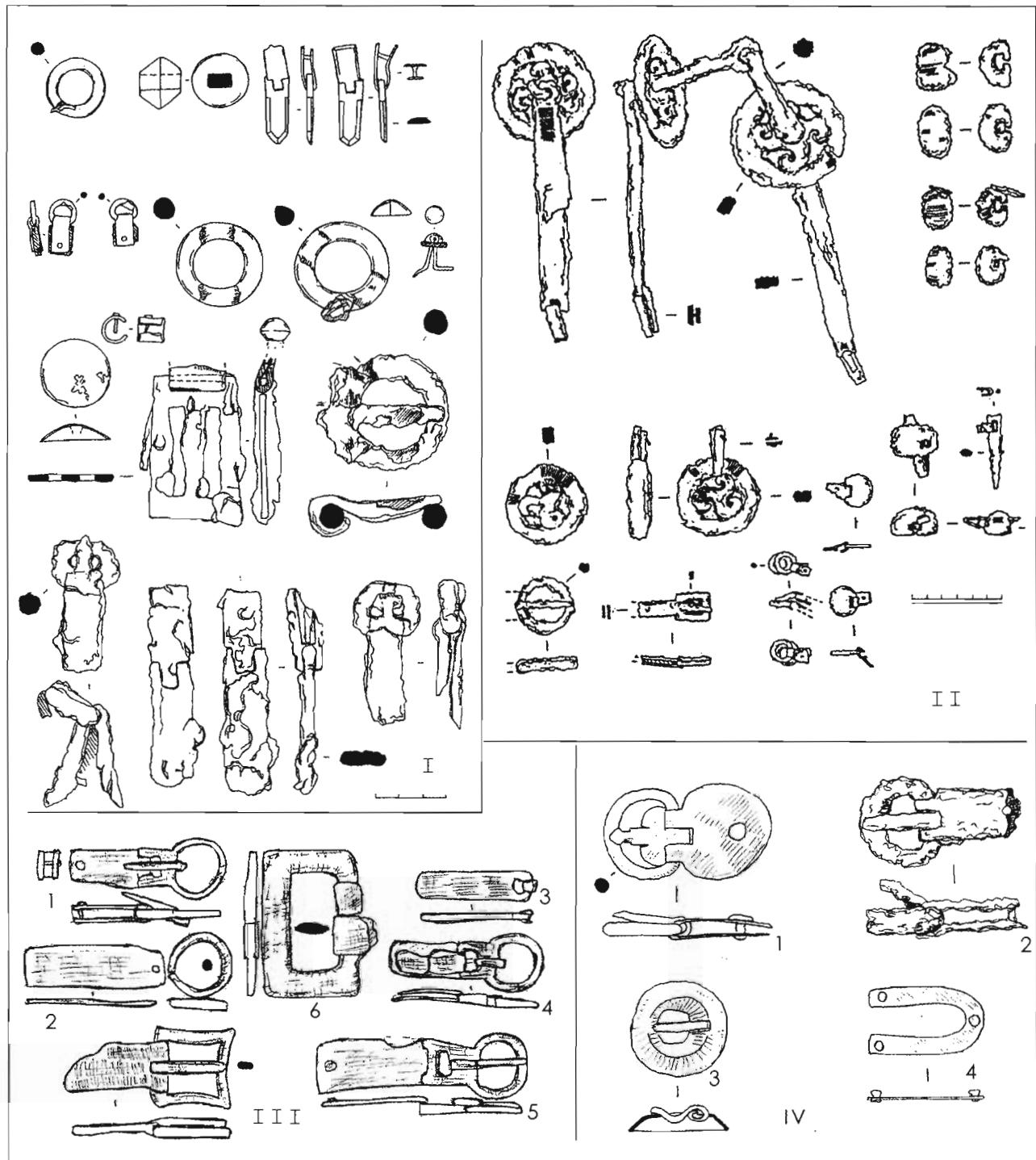

Рис. 106. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями (тип 2, вариант В), детали сбруи и поясная гарнитура. Усть-Альма: I – могила 700; III (1–7) – склеп 830; IV (1–4) – могила 793. Битак: II – могила 120

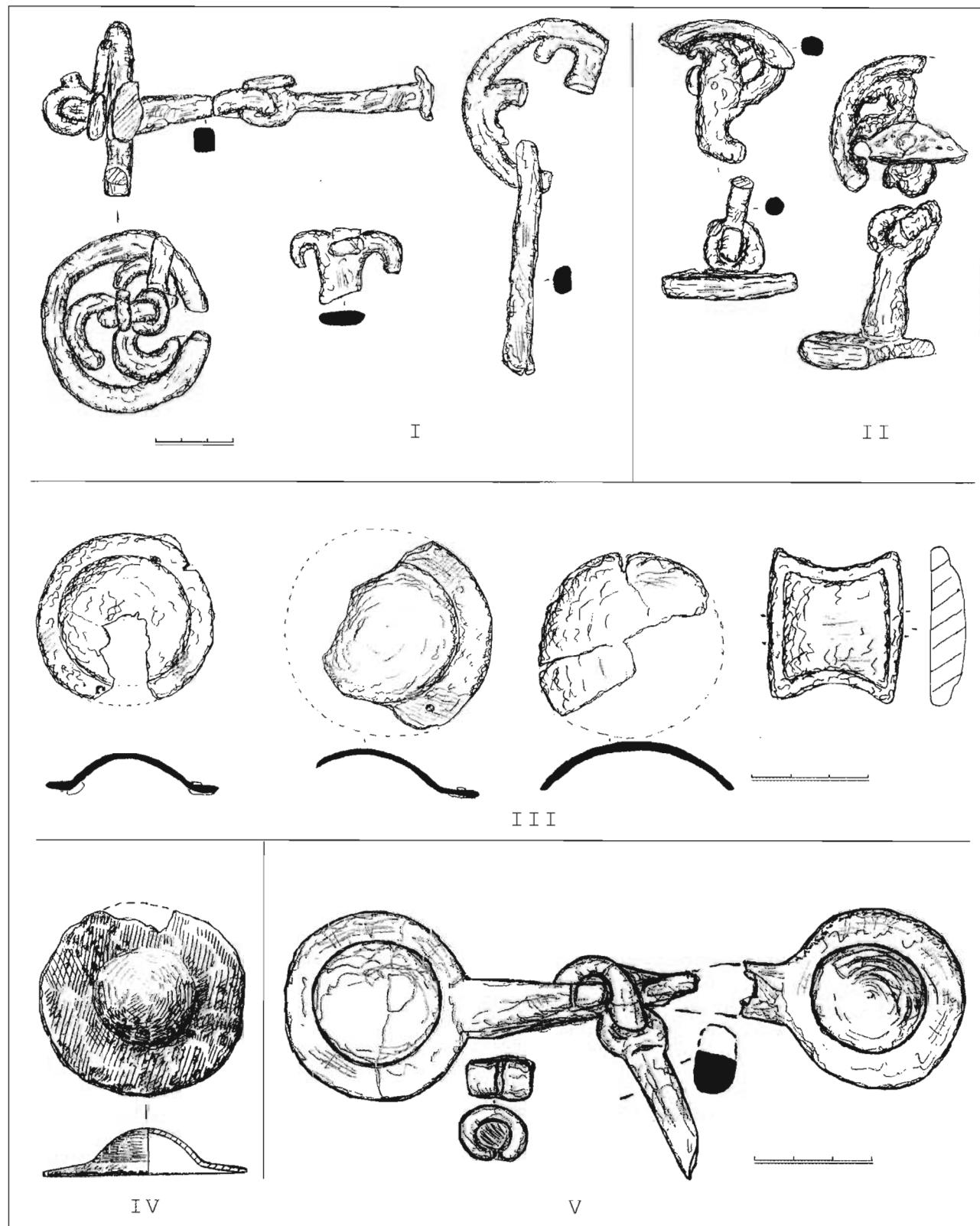

Рис. 107. Двусоставные удила с массивными колесовидными псалиями и псалиями с умбоновидными дисками. Усть-Альма: I – склеп 830; II, III – 805; IV – конская могила № 12 1996 г.; V – склеп 850. I, II – тип 2В; III–V – тип 4А

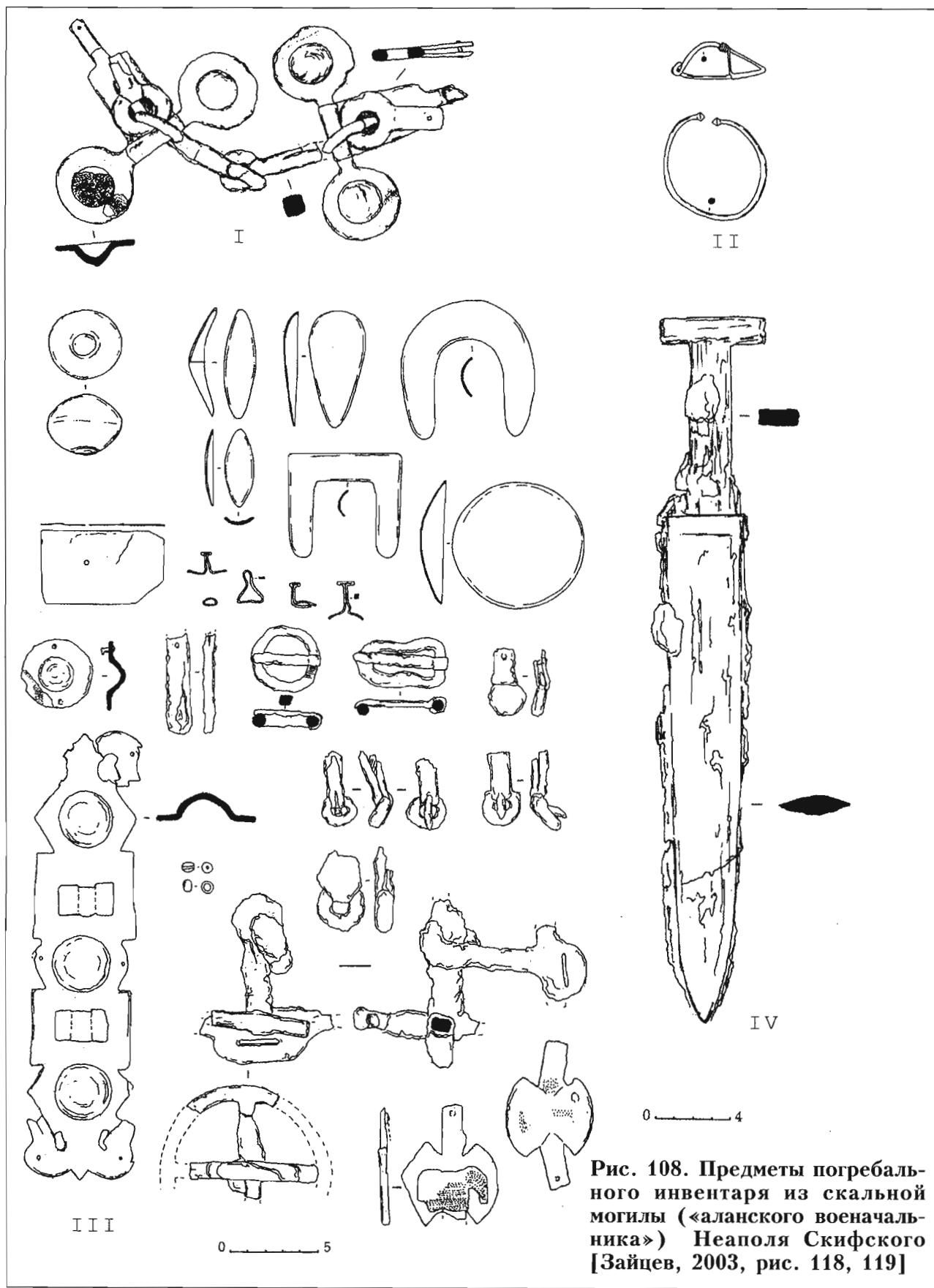

Рис. 108. Предметы погребального инвентаря из скальной могилы («аланского военачальника») Неаполя Скифского [Зайцев, 2003, рис. 118, 119]

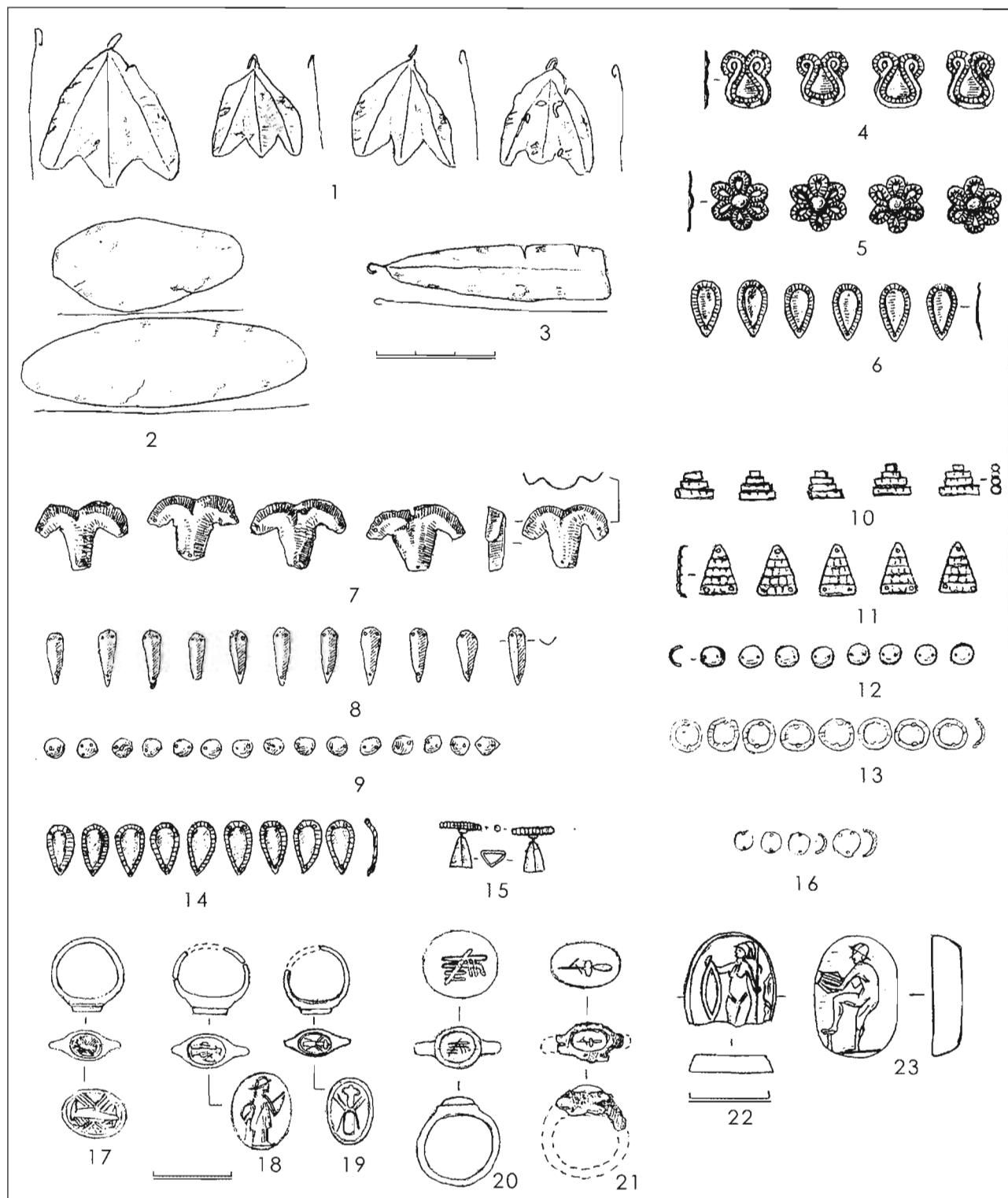

Рис. 109. Золотые листочки венка (1) и диадемы (3), типы золотых нашивных бляшек и пронизей (4–16), лицевые пластины (2), бронзовые (17–20) и железный (21) перстни с геммами (17–23). Усть-Альма: 1–3 – склеп 806; 4–6 – 438/4; 7–9 – 649/3; 10–12 – 424 Б/5; 13–16 – 736; 17–19 – могила 823; 20 – склеп 550/21; 21 – 550/34; 22 – 649/4; 23 – 782

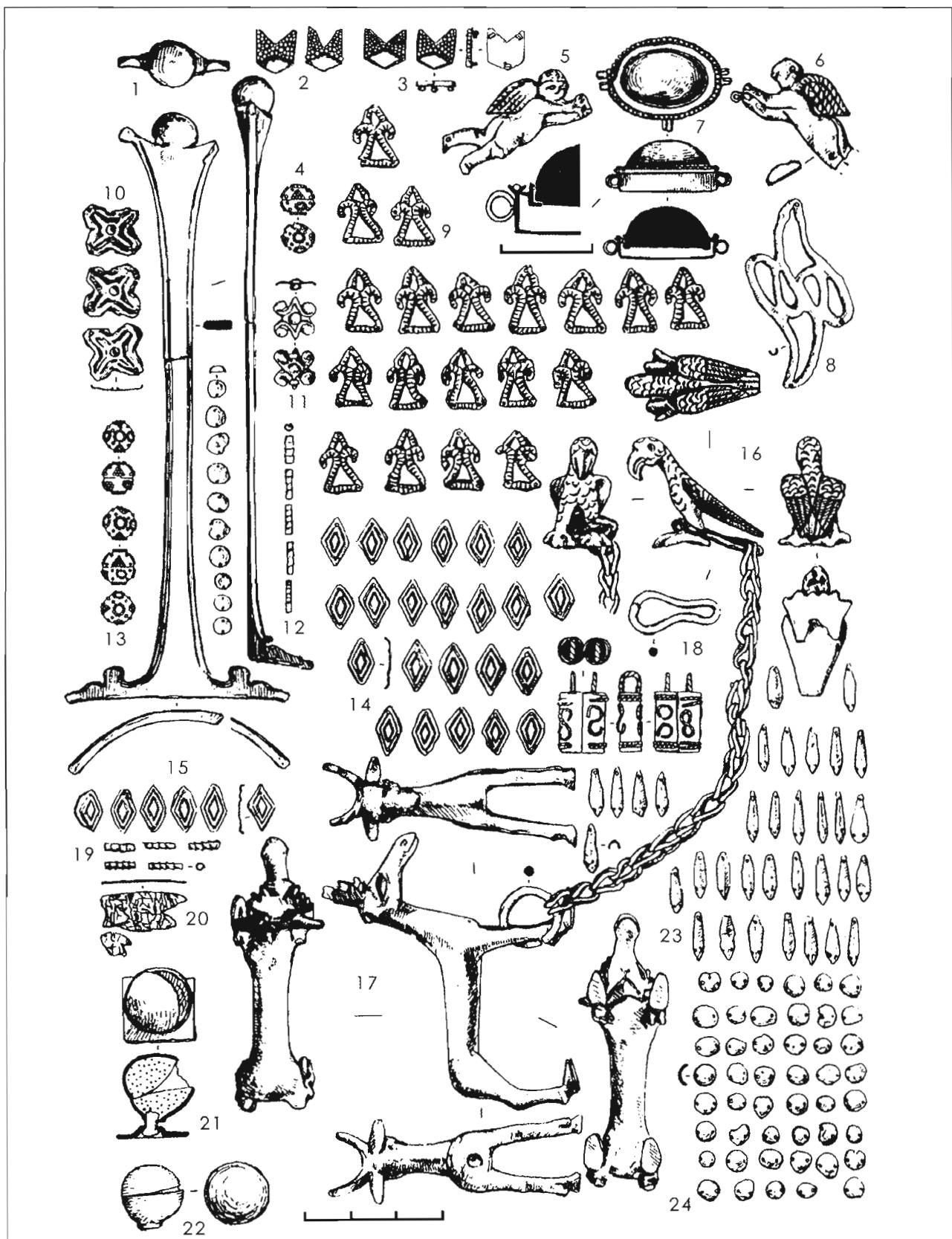

Рис. 110. Украшения и предметы из золота (2–15, 18–20, 23–25) и серебра (1, 16, 17, 21, 22). Усть-Альма. Склеп 603

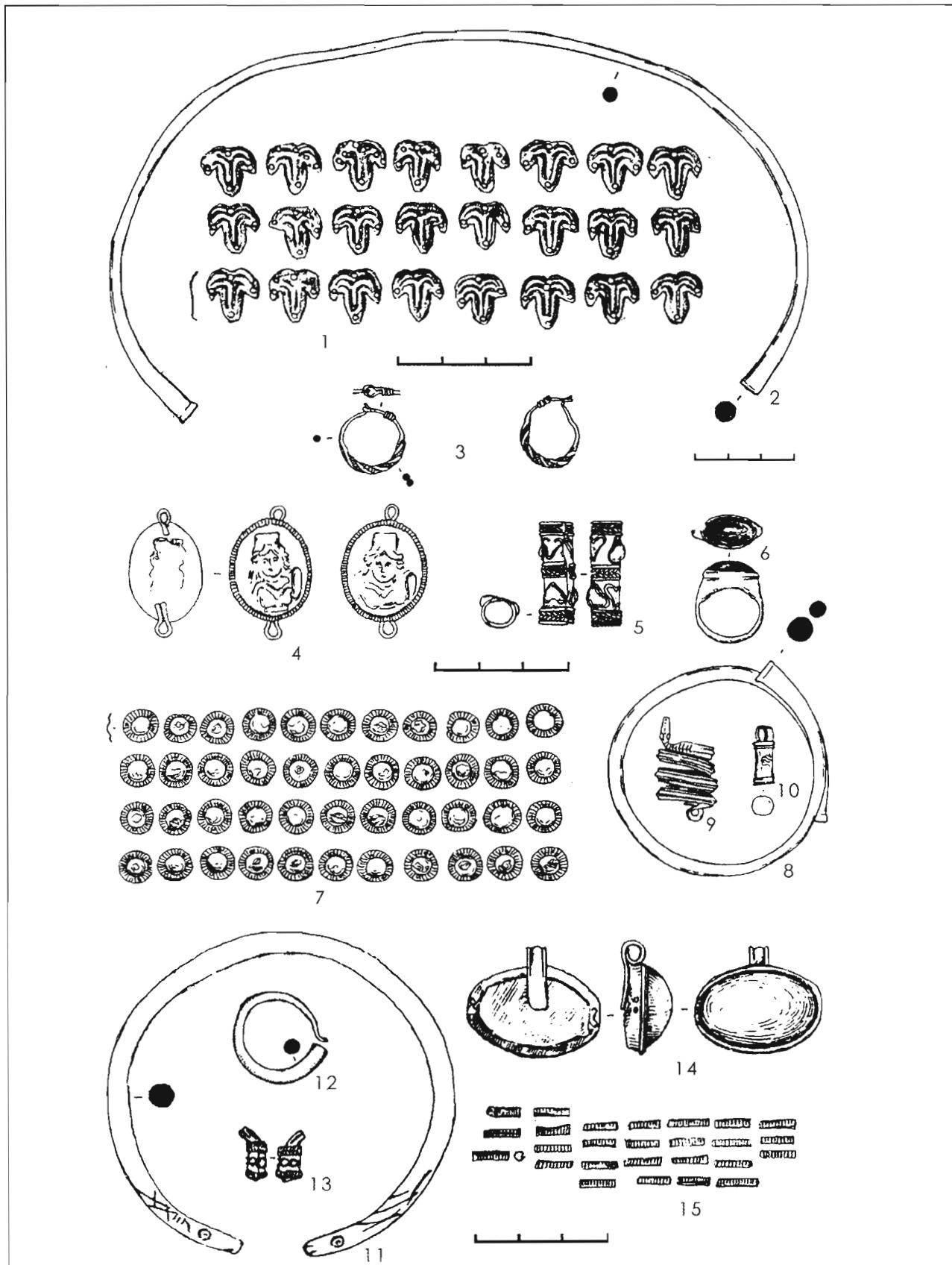

Рис. 111. Украшения из золота (1–9, 12–15) и серебра (11). Усть-Альма

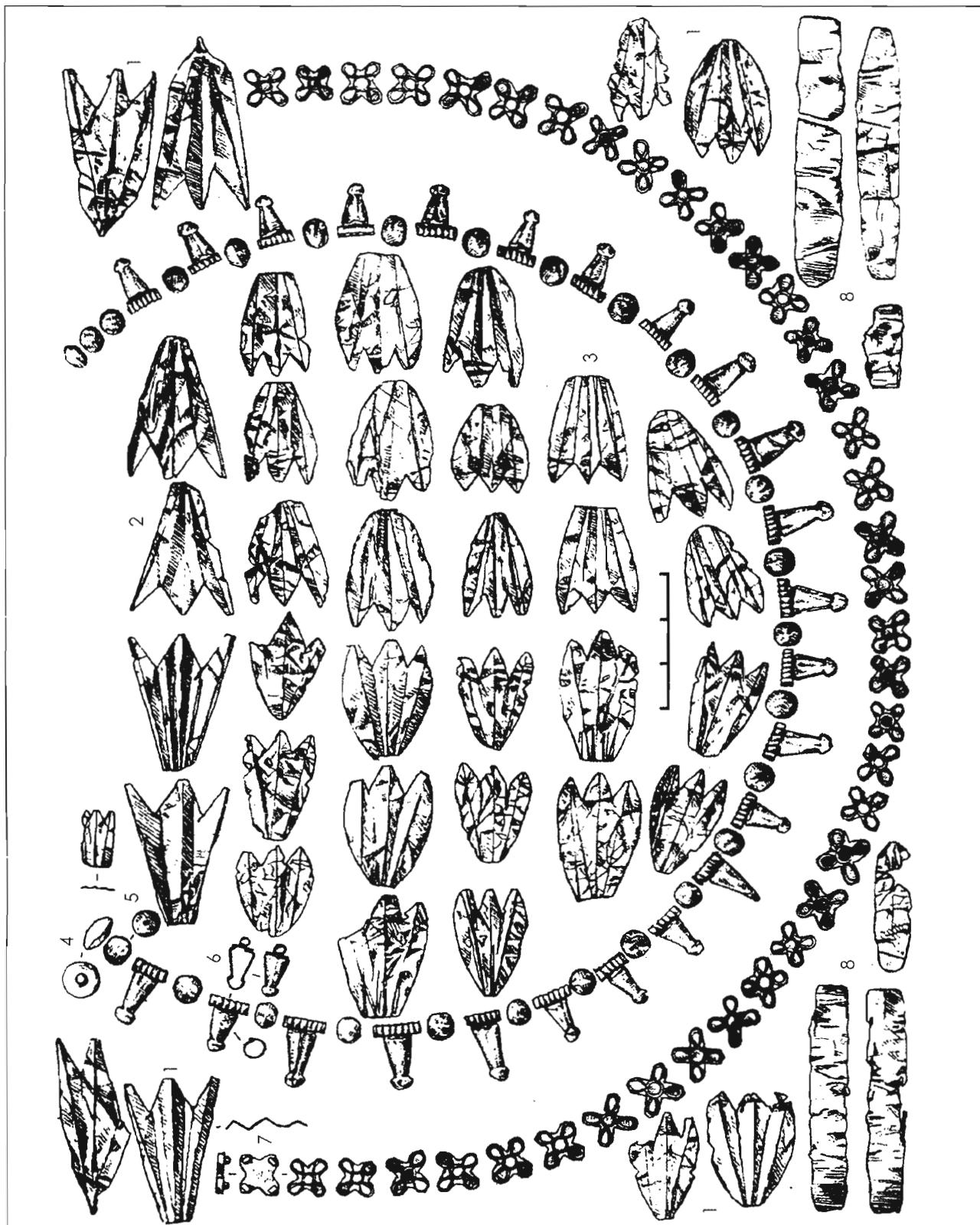

Рис. 112. Украшения из золота (1–3, 6–8), сердолика (5), стекла (4). Усть-Альма. Склеп 620/1: 1, 8 – листочки и пластины головного убора; 4, 5 – бусы ожерелья; 6 – конические подвески ожерелья; 7 – крестообразные нашивные бляшки (гнезда заполнены эмалью и стеклом) – украшение воротника

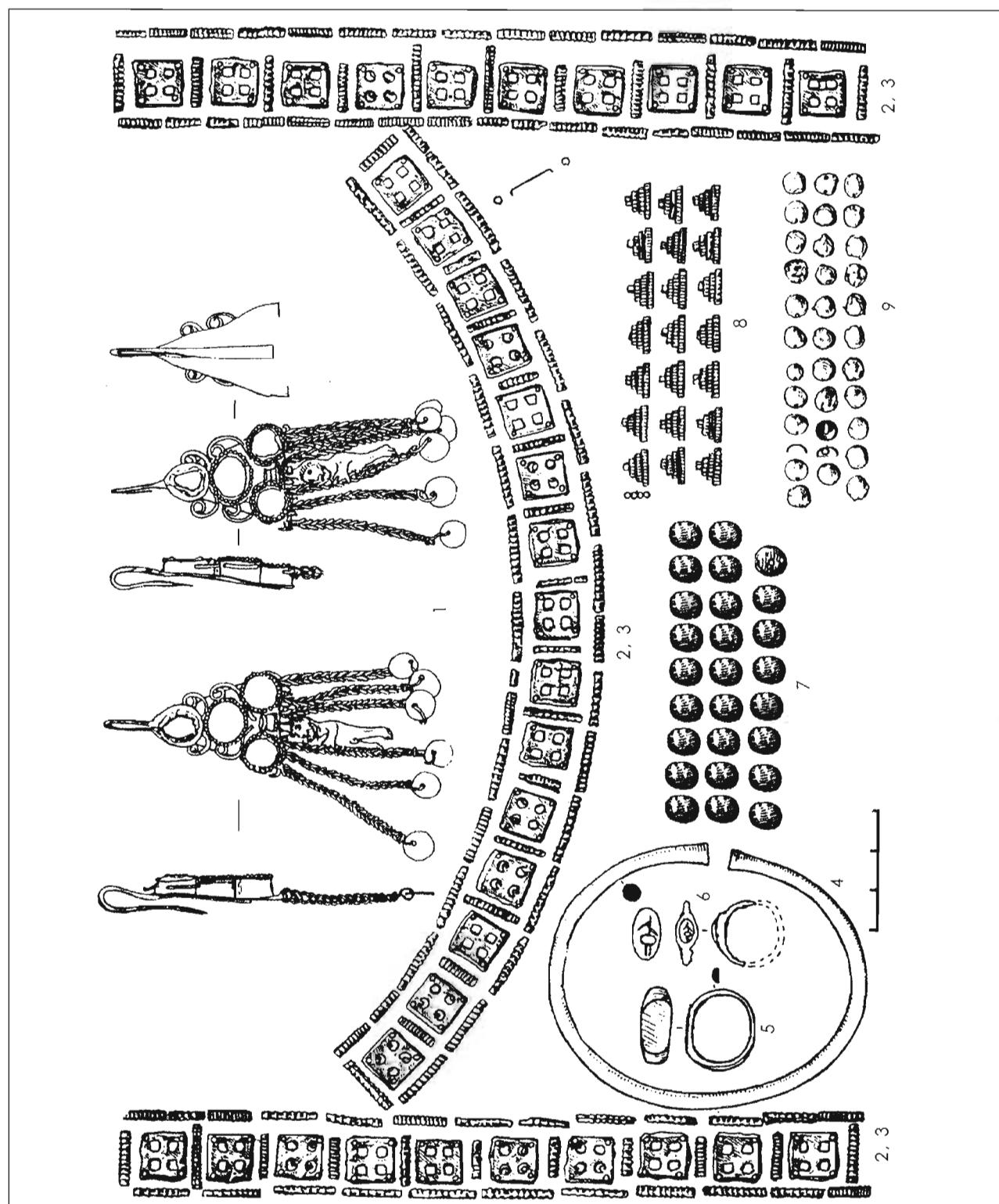

Рис. 113. Украшения из золота (1–5, 8, 9), бронзы (6), сердолика (7).
Усть-Альма. Склеп 620/1: 1 – серьги с серебряными стержнями для крепления цепочек и стеклянными вставками в гнездах; 2, 3 – ажурные бляшки квадратной формы и пронизи – украшение воротника; 4 – браслет; 5, 6 – перстни; 7 – бусы (расшивка рукавов); 8, 9 – бляшки (расшивка рукавов). Примечание: 6 – со вставкой из горного хрустала с геммой

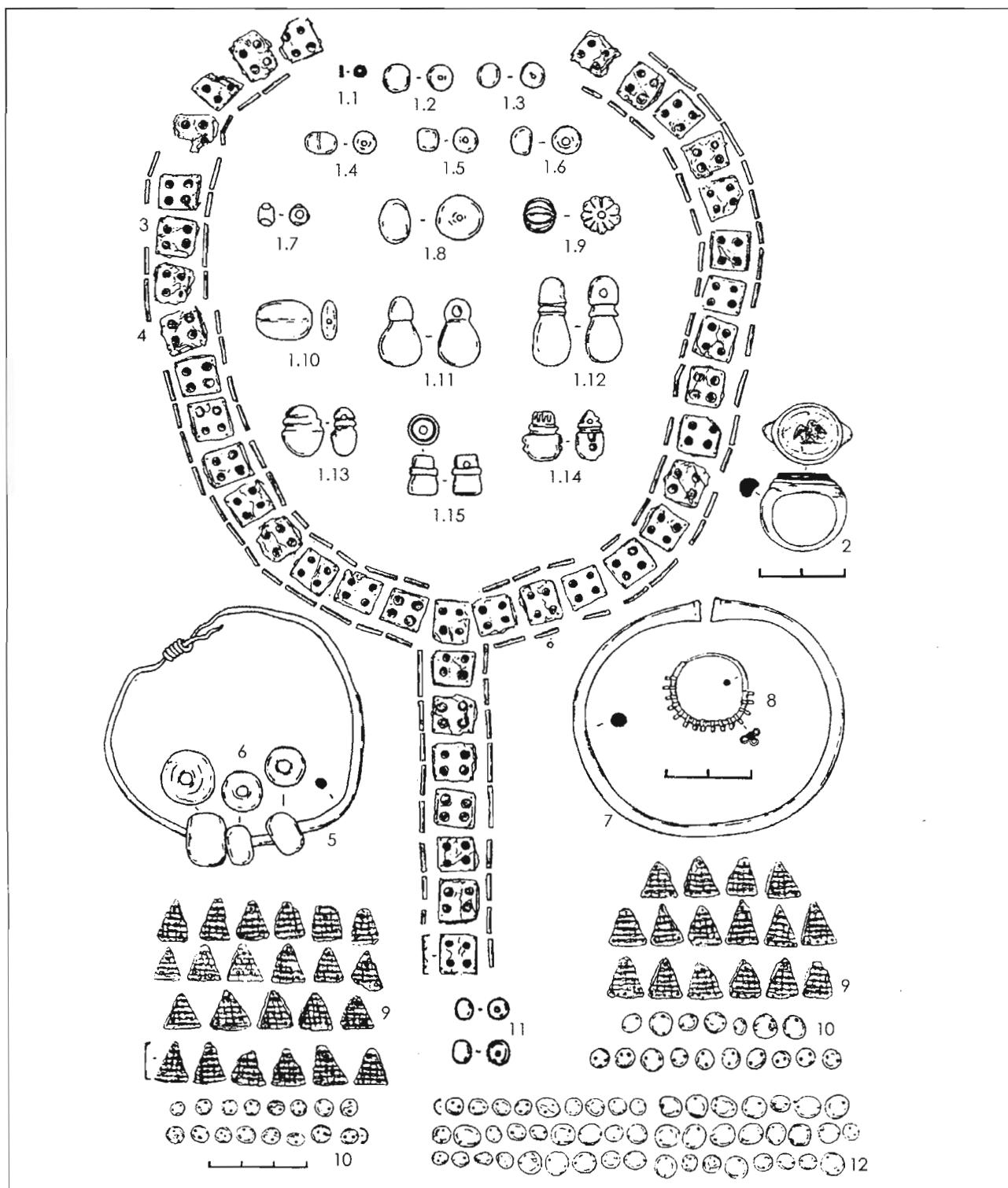

Рис. 114. Усть-Альма. Склеп 720. Украшения: 1 – бусы ожерелья (1.1–1.2 – гагат; 1.4–1.7 – стекло; 1.8–1.9 – горный хрусталь; 1.10, 1.13, 1.14 – сердолик; 1.11, 1.12, 1.15 – янтарь); 2 – золотой перстень со стеклянной вставкой-геммой; 3, 4 – пронизи и бляшки (украшения воротника); 5 – бронзовый браслет; 6 – бусы (бронза – в центре, гагат); 7 – золотой браслет; 8 – золотая серьга; 9, 10 – золотые бляшки (украшения рукавов); 11 – сердоликовые бусы (16 и 15 шт.) – украшения рукавов; 12 – золотые бляшки (украшения обуви)

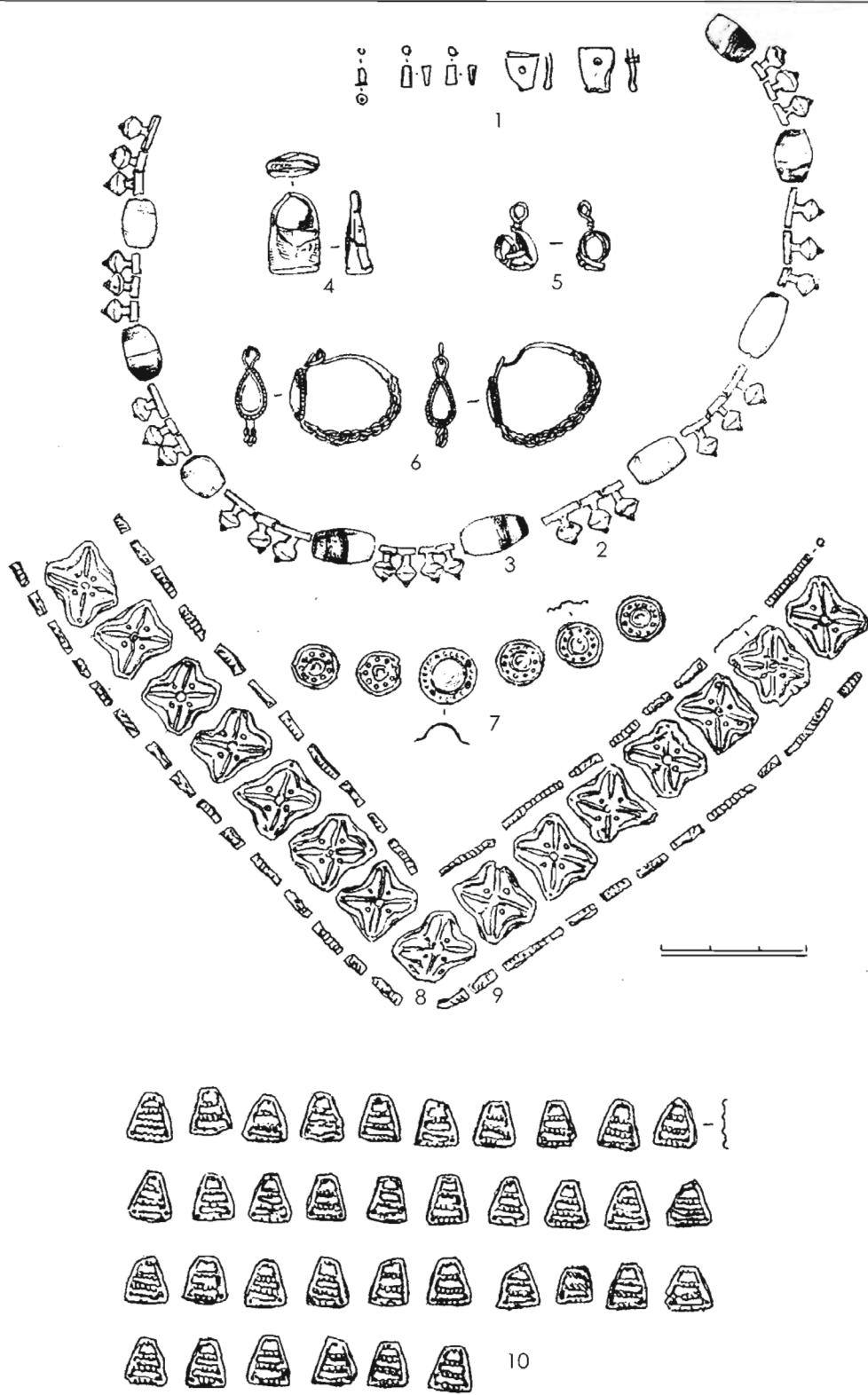

Рис. 115. Усть-Альма. Склеп 775/1. Украшения: 1 – детали замка ожерелья (золото); 2 – золотые пронизи-подвески; 3 – агатовые бусы; 4, 5 – золотые подвески; 6 – серьги (золото, сердолик); 7–9 – золотые бляшки (расшивка воротника); 10 – золотые бляшки (украшение подола платья)

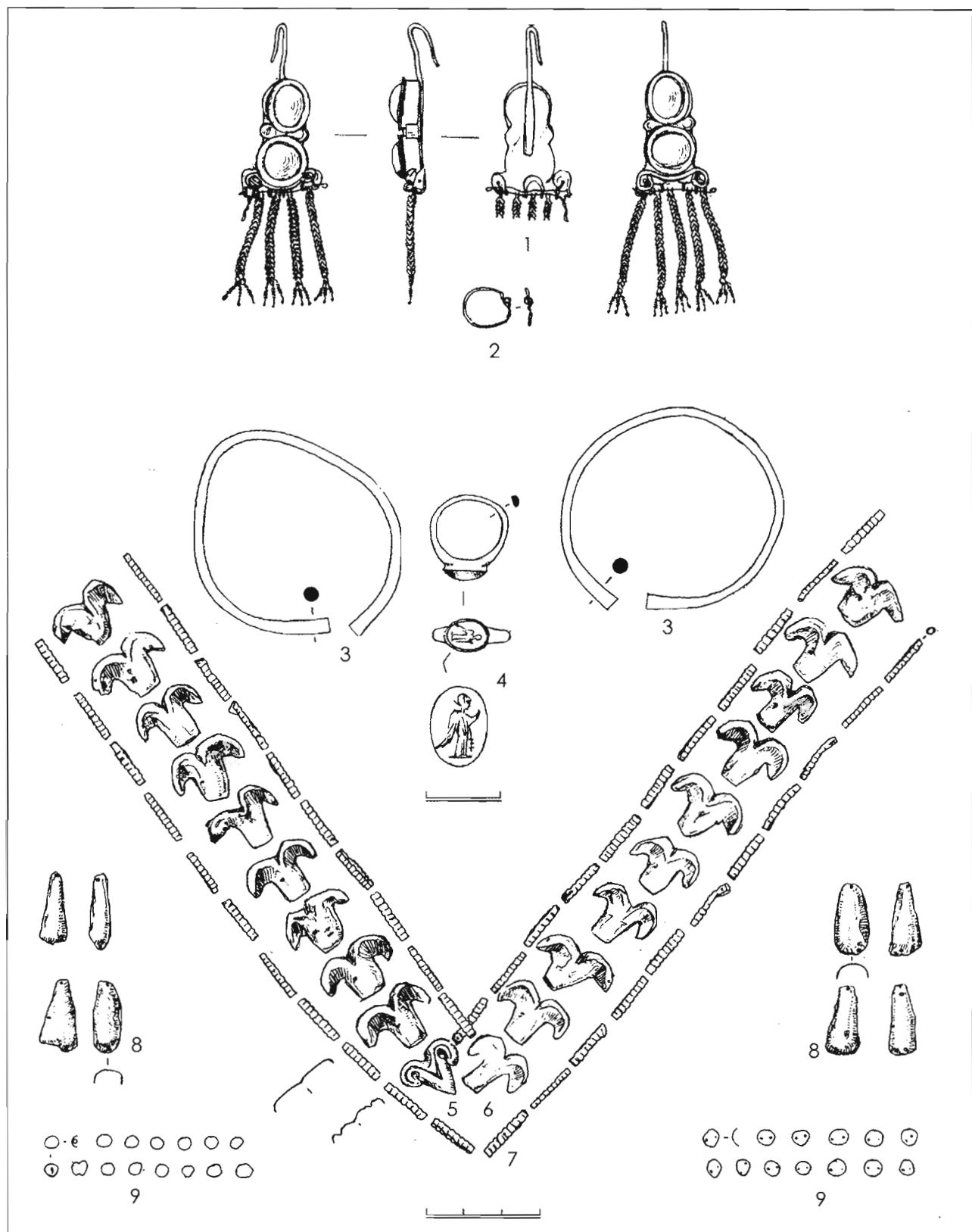

Рис. 116. Усть-Альма. Склеп 775/2. Украшения из золота. 1 – серьги с гранатовыми вставками; 2 – серьга; 3 – браслеты; 4 – перстень с гранатовой вставкой-геммой; 5–7 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 8, 9 – бляшки (расшивка рукавов)

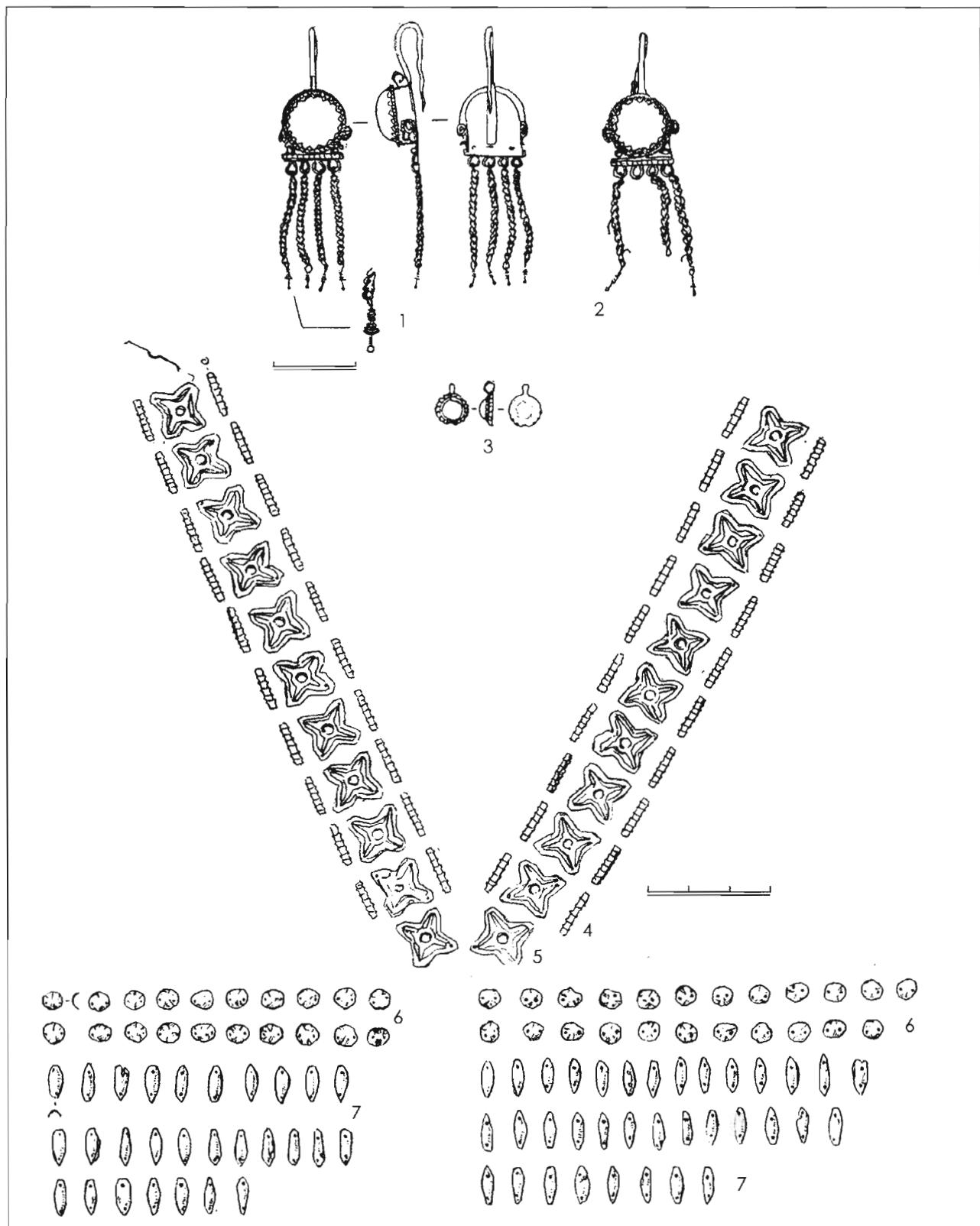

Рис. 118. Усть-Альма. Склеп 853. Украшения из золота.

1, 2 – серьги с гранатовыми вставками в круглых гнездах; 3 – подвеска (деталь составного ожерелья) со вставкой из яшмы; 4, 5 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 6, 7 – бляшки (украшения рукавов)

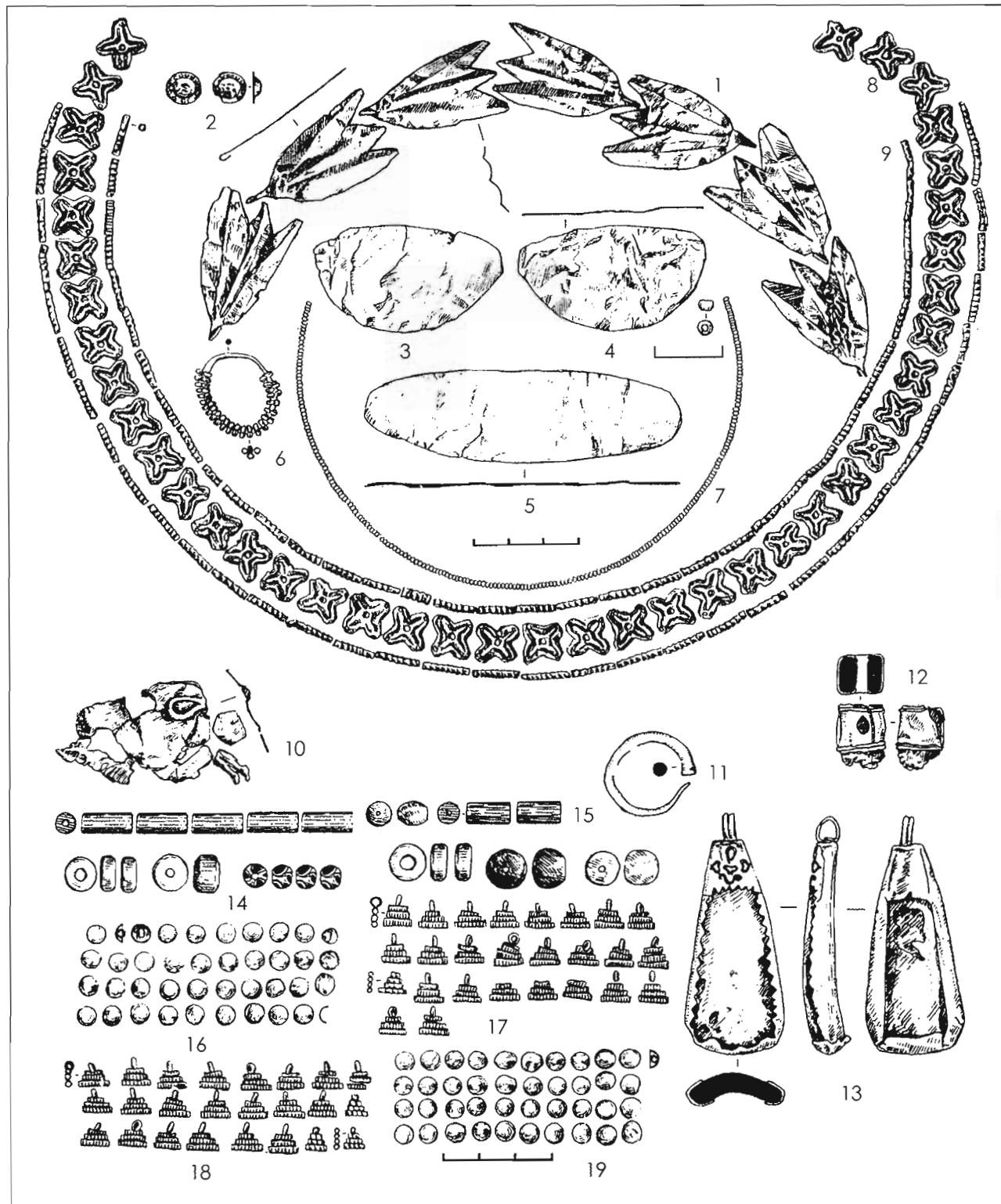

Рис. 119. Украшения из золота. Усть-Альма: 1–9, 14–19 – 612/2; 10–12 – 612/3; 13–612/1. 1 – листья венка; 2, 8, 9 – бляшки и пронизи (украшения воротника); 3, 4 – наглазники; 5 – нагубник; 6 – серьга; 7 – ожерелье из бисера; 10 – зооморфная (?) пластина с пастовой вставкой; 11 – серьга; 12 – амулет в виде фрагмента кости (фаланги?), обернутый в золото, со сквозным отверстием; 13 – амулет-подвеска в виде кулона со вставкой из коралла или ископаемой раковины

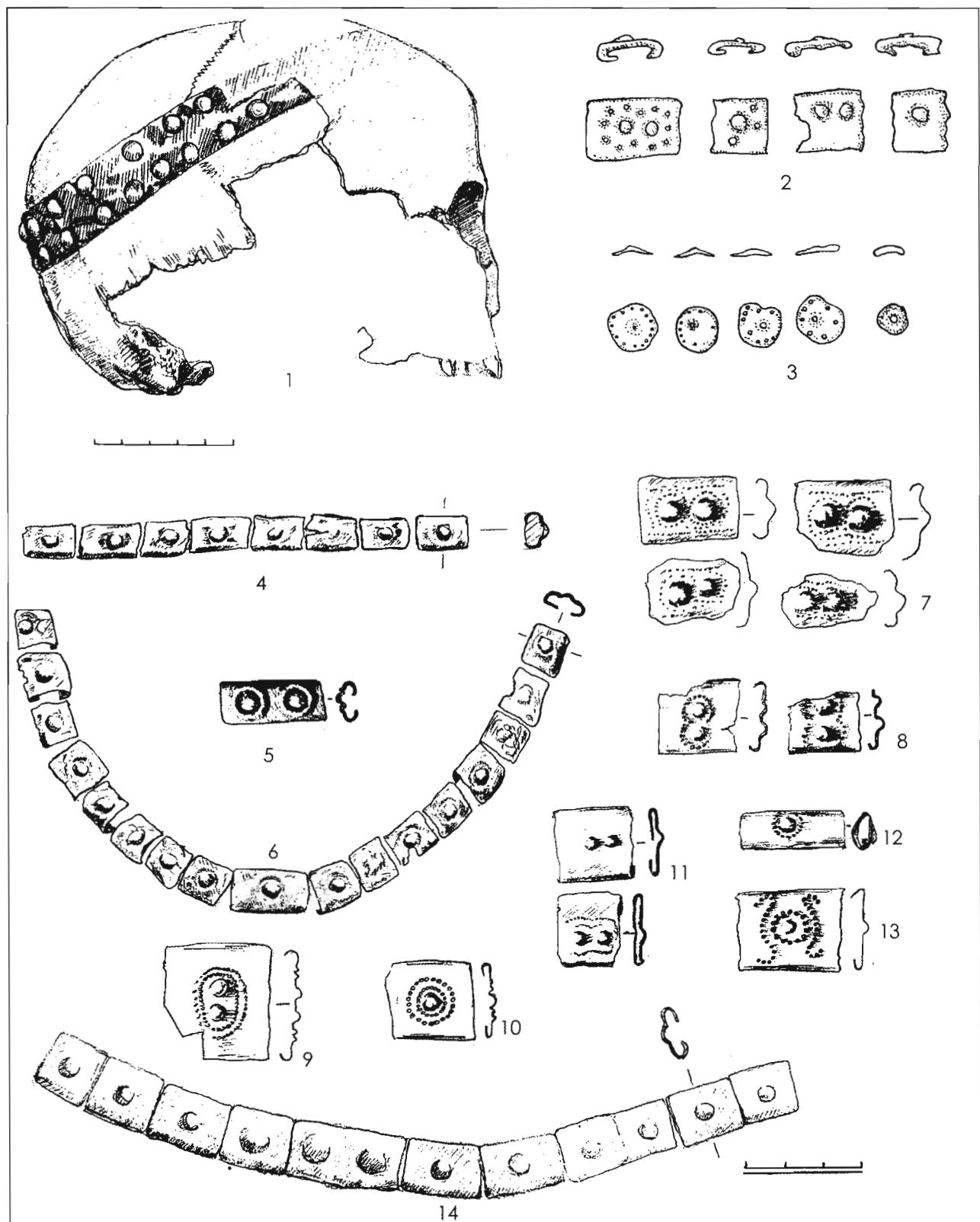

Рис. 120. Бронзовые бляшки от налобных повязок из погребений II–III вв. н. э.

Битак: 1 – могила 40; 4, 6 – 47/1; 5 – 63/1. Неаполь Скифский

(раскопки О.А. Махневой, 1978 г.); 2, 3 – склеп 20.

Перевальное: 7 – могила 15а; 8–17а; 9 – склеп 18; 10–13 – могила 176

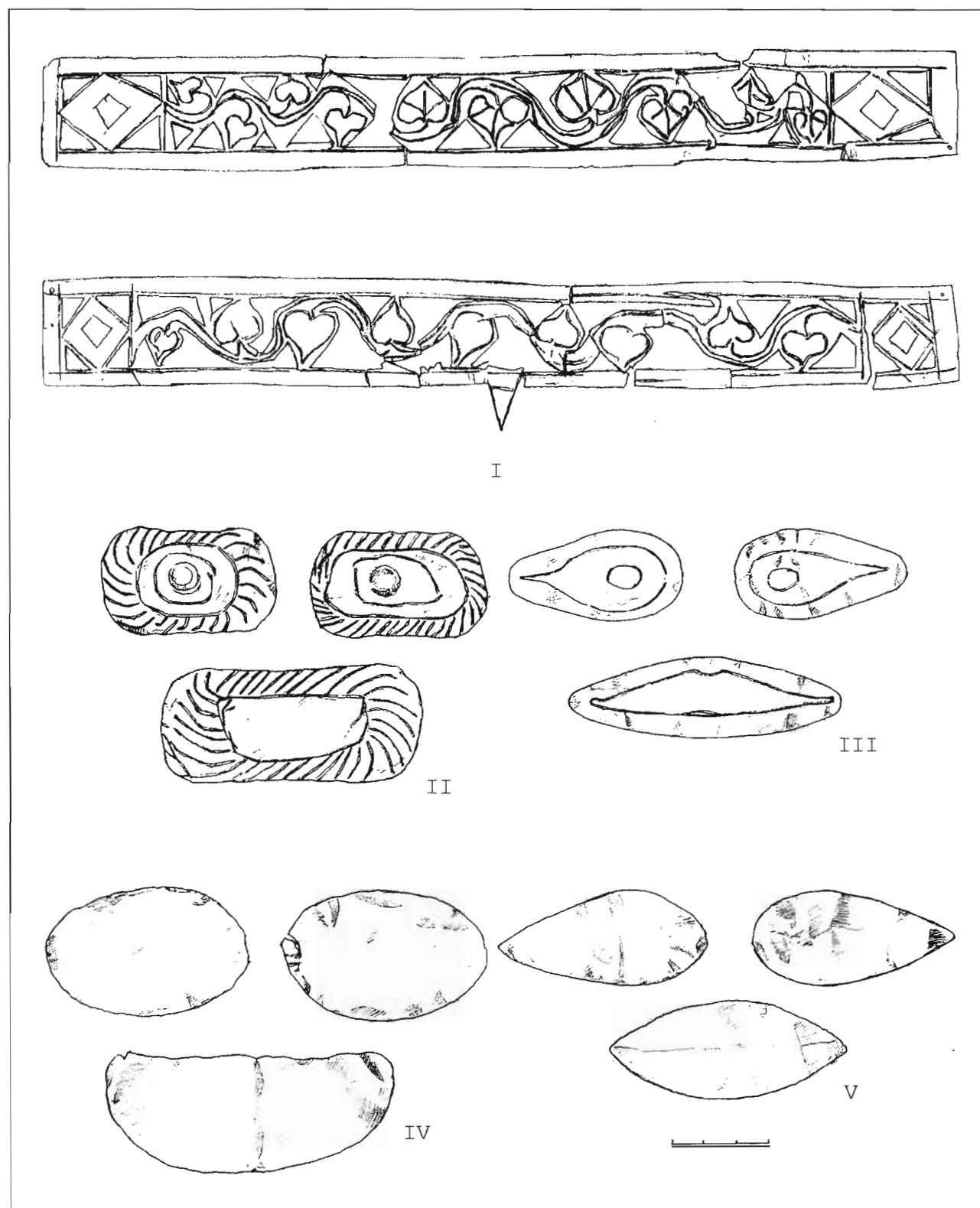

Рис. 121. Золотые украшения. Усть-Альма: I, IV – склеп 777/3; II – 777/1; III – 777/2; V – 777/5. I – ажурная пластина (украшение пояса или подола верхней одежды); II–V – комплекты лицевых пластин

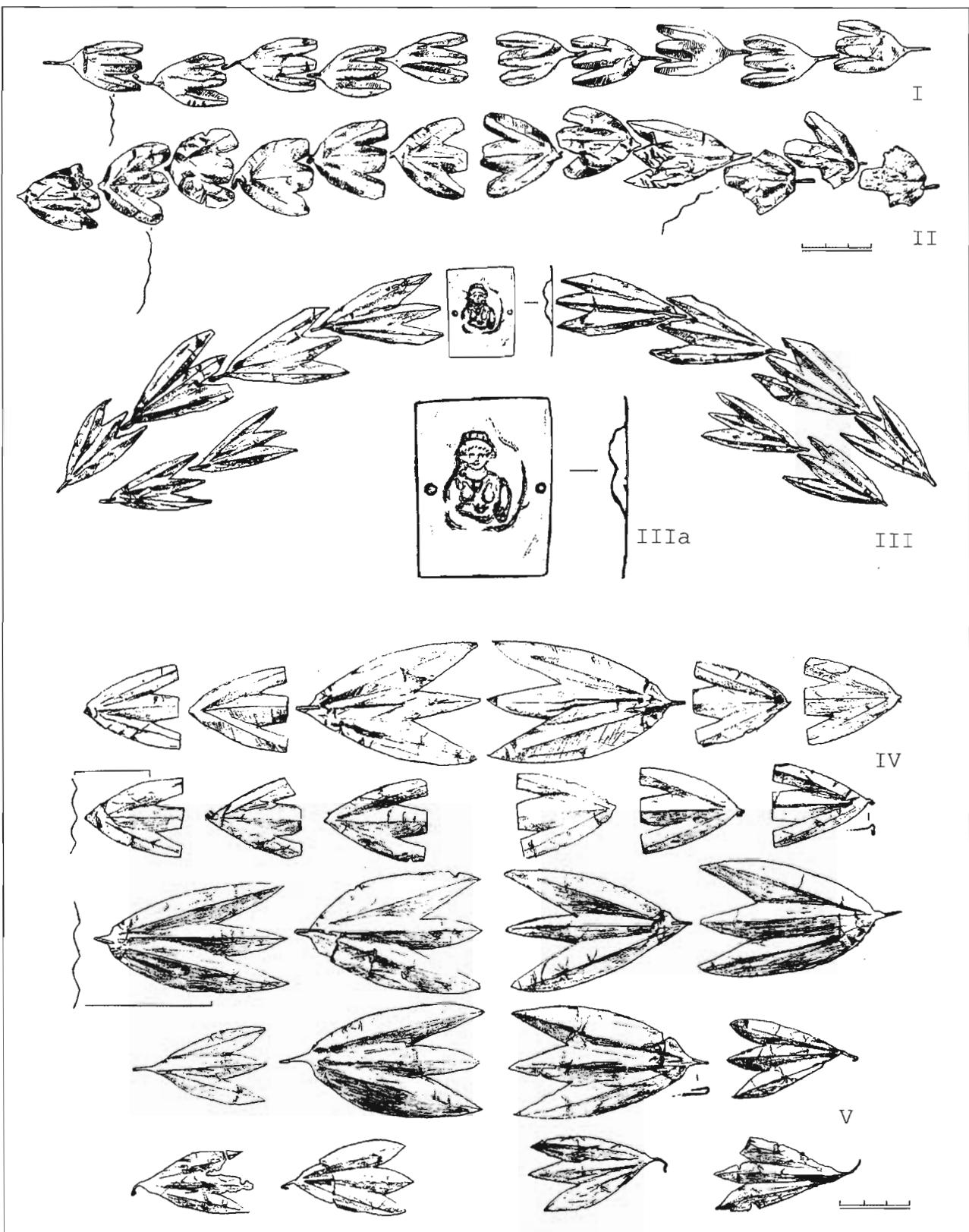

Рис. 122. Золотые украшения. Усть-Альма. Склеп 777:
 I – погребение 1; II – 2; III, IIIa – 3; IV – 5; V – 4. I – V – листья погребальных венков;
 IIIa – пластина с погрудным изображением женского божества

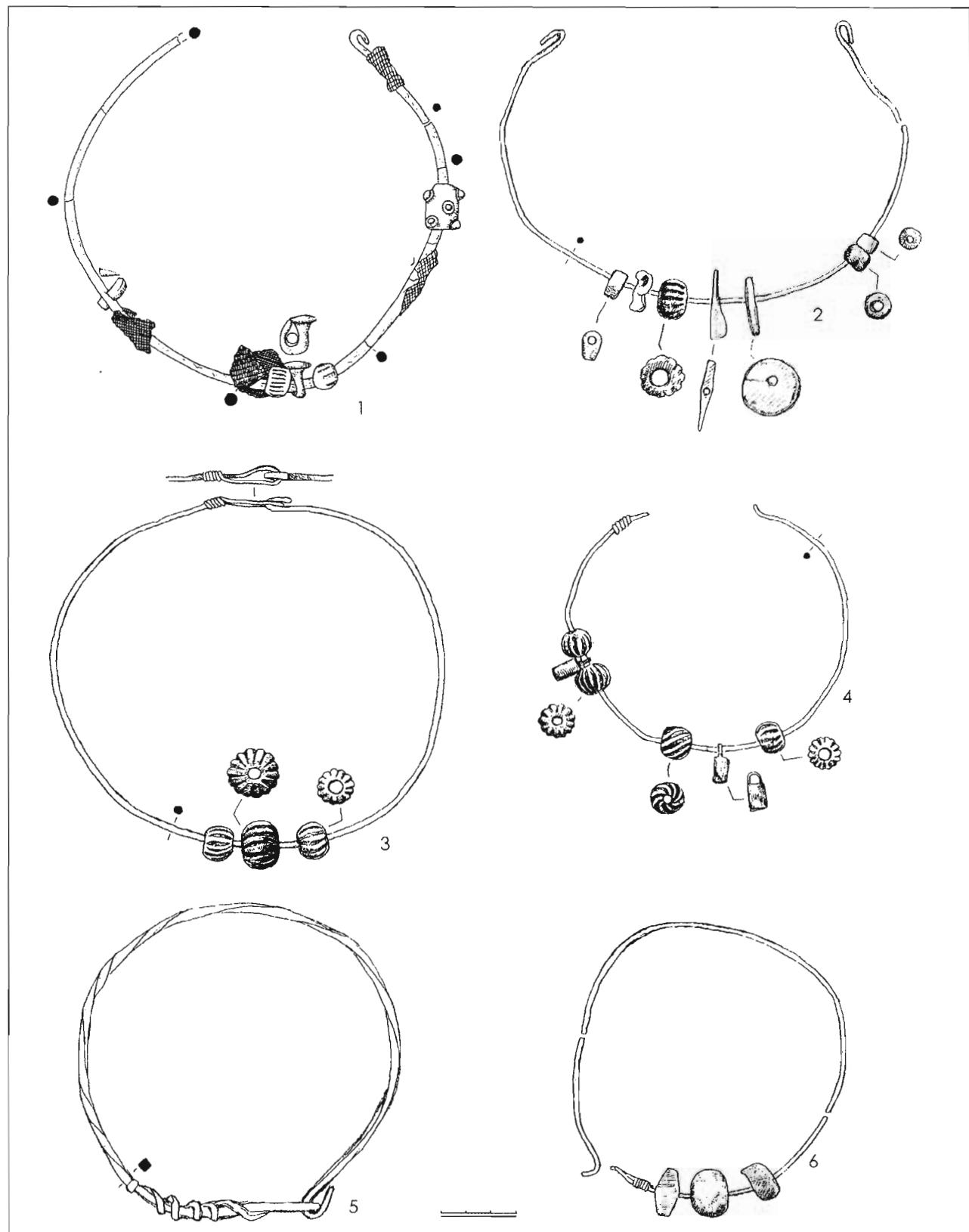

Рис. 123. Бронзовые гривны из комплексов I–III вв. н. э. Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой, 1983 г.): 1 – могила 69. Усть-Альма: 2 – могила 511; 2 – склеп 640/21–22; 3 – могила 614; 4 – 548; 6 – 523

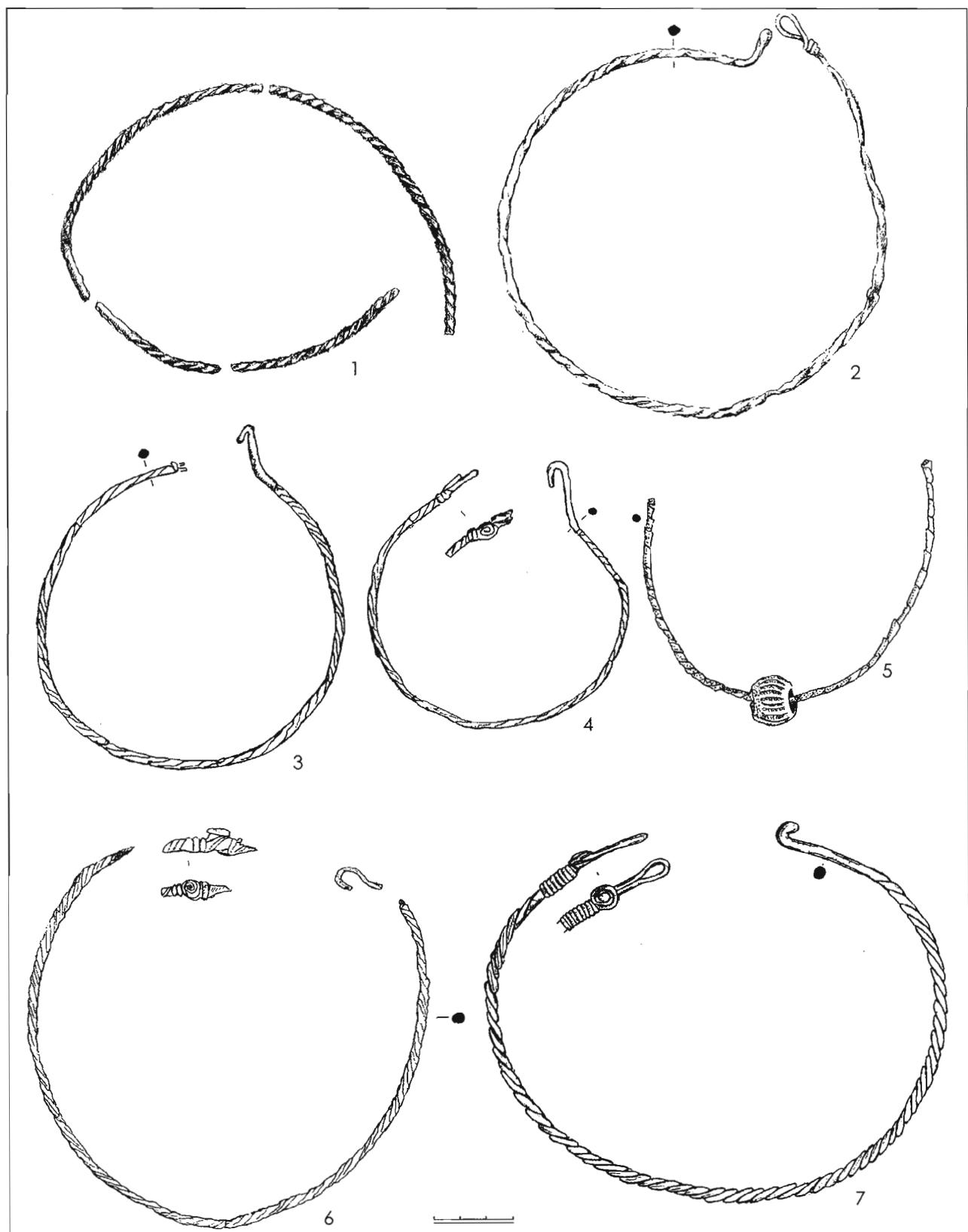

Рис. 124. Бронзовые гривны из комплексов I–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 424Б/12; 2 – 640/13; 3 – могила 760/1; 4 – 760/2; 6 – 749 а; 7 – 826 а/1. Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой, 1978 г.): 5 – могила 16.

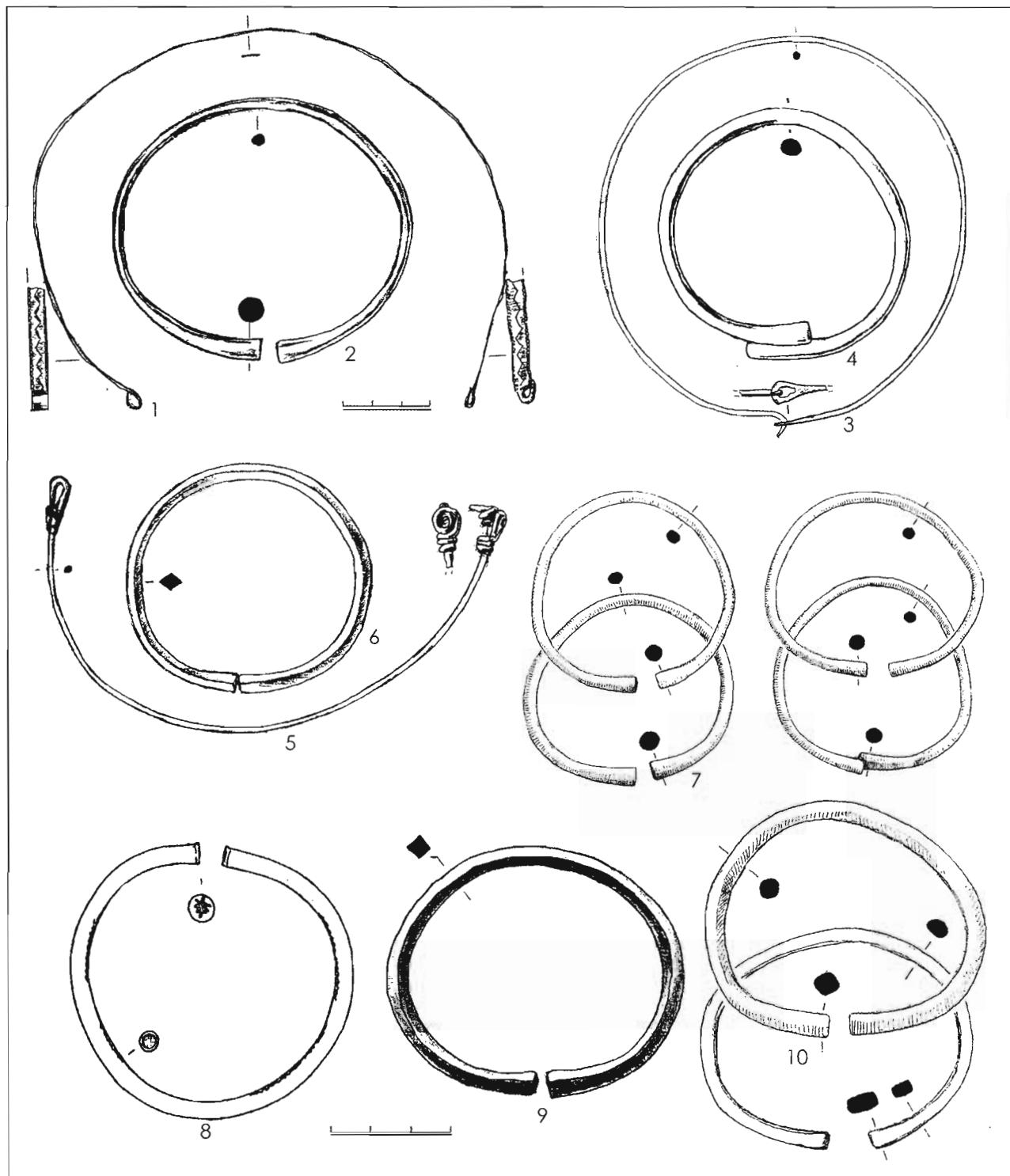

Рис. 125. Бронзовые гривны (1, 3, 5) и браслеты (2, 4, 6–10) из комплексов II–III в. н. э. Усть-Альма: 7 – могила 631, 8 – 700; 9 – склеп 649/3. Перевальное: 1, 2, 4 – могила 156; 3, 6 – 176; 5 – 22а. Битак: могила 139

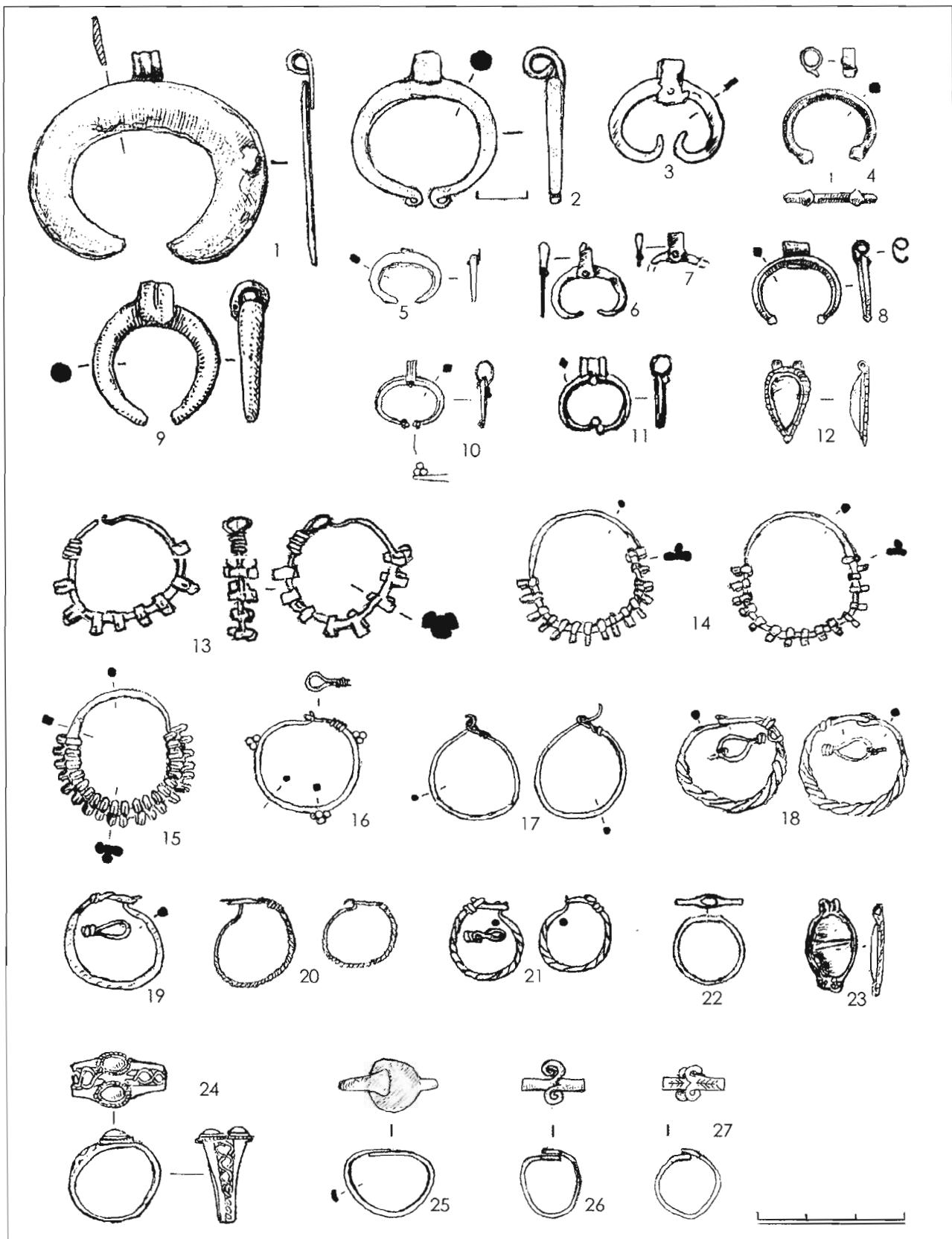

Рис. 126. Бронзовые (1–7, 9, 21, 25–27) и золотые (8, 10–20, 24) украшения из комплексов I–III вв. н. э.

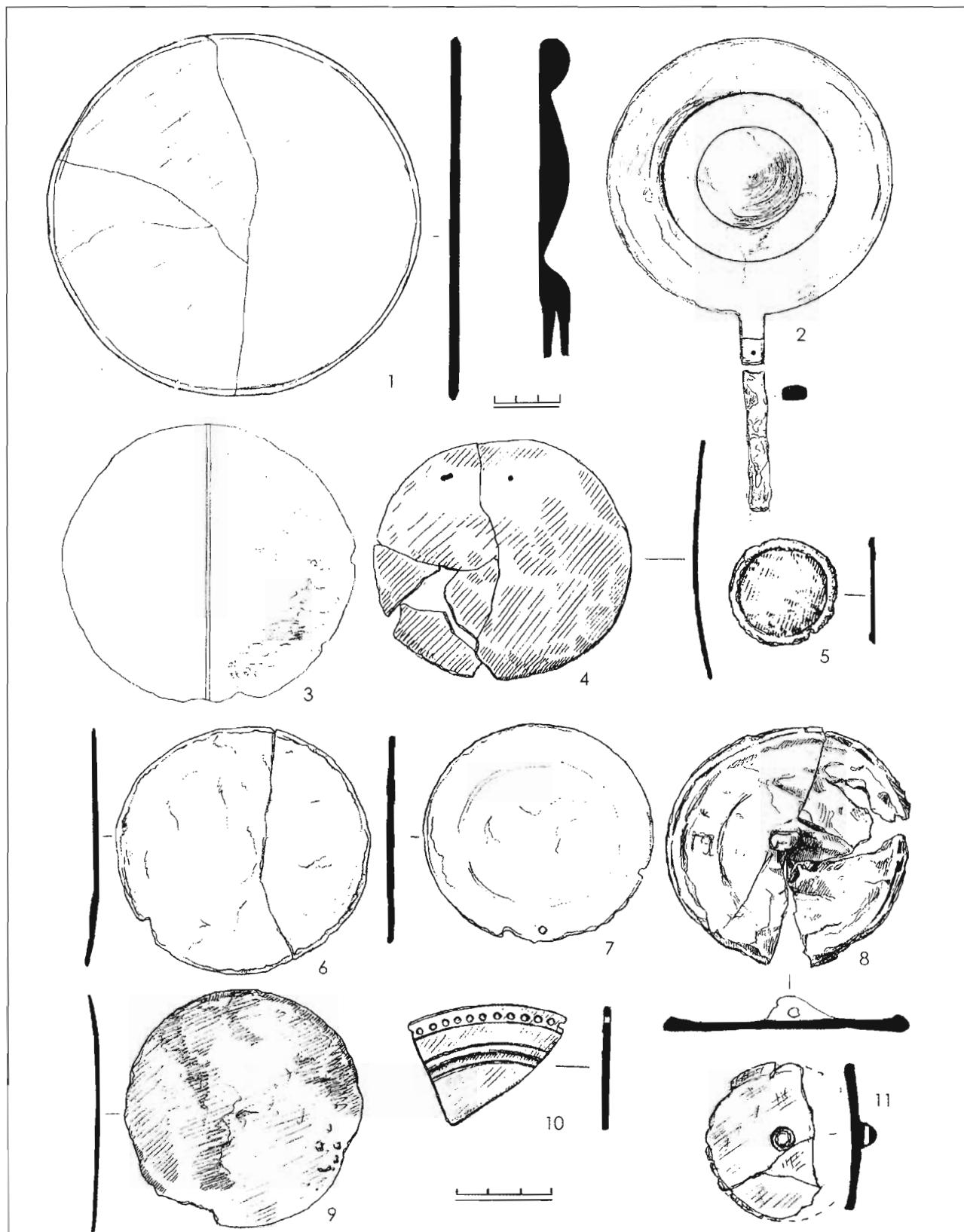

Рис. 127. Бронзовые зеркала из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма:
1 – склеп 775/1; 2 – 775/2; 3 – 316; 4 – 619/3; 5 – 520/27 – 28; 6 – 348/5;
7 – 148/58; 8 – 634/4; 9 – 820; 10 – могила 607; 11 – склеп 830

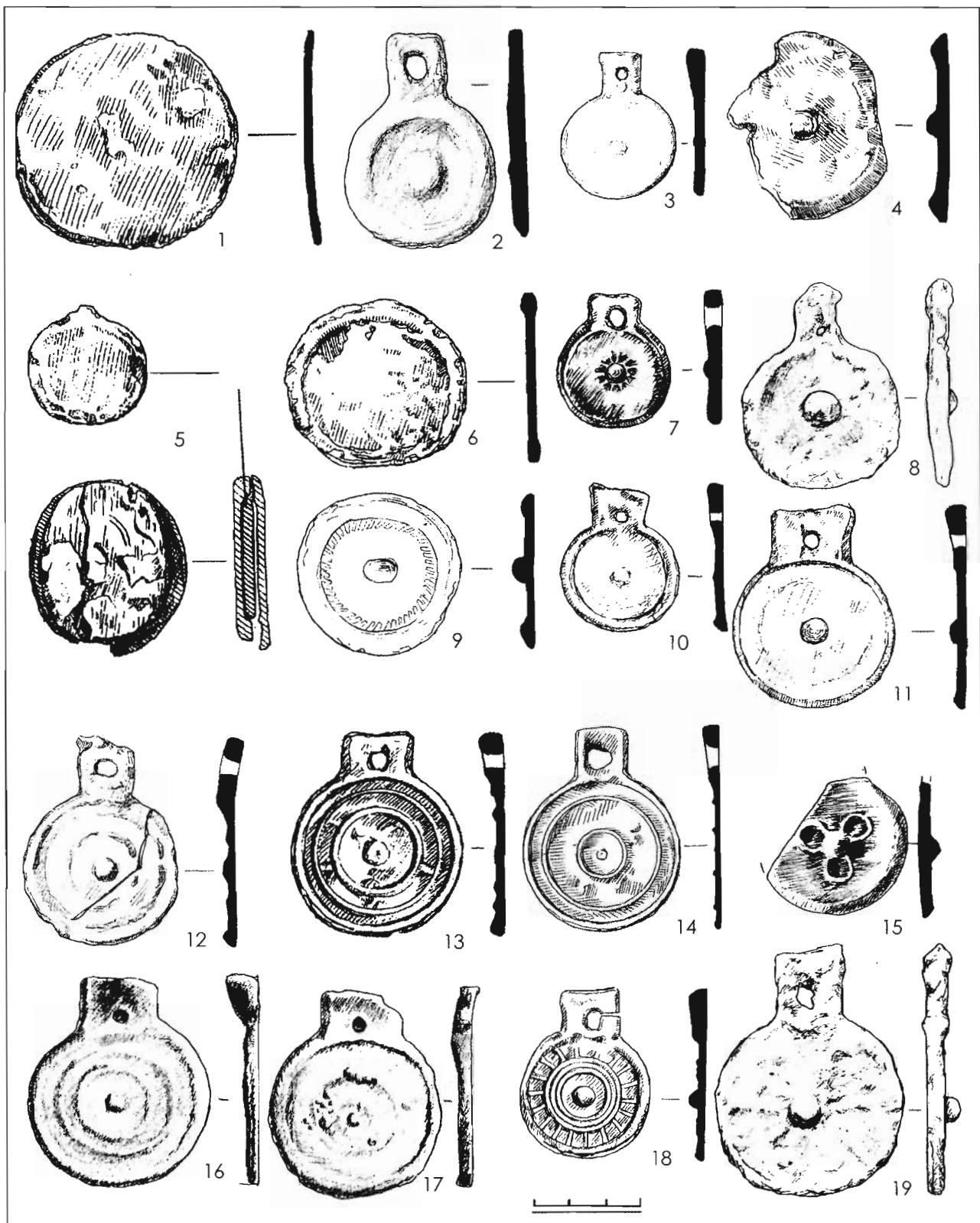

Рис. 128. Бронзовые зеркала из комплексов I–II вв. н. э. Усть-Альма:
 1 – склеп 520/42; 4 – 424 Б/3; 5 – 520/40; 6 – 520/31; 7 – 440/6; 8, 19 – 316;
 9 – могила 404; 10, 18 – 606; 11 – склеп 438/4; 12 – могила 651; 13 – склеп 520/15;
 14–550/1; 16, 17 – 424 А. **Битак:** 2 – могила 87/1; 3–51; 15–140

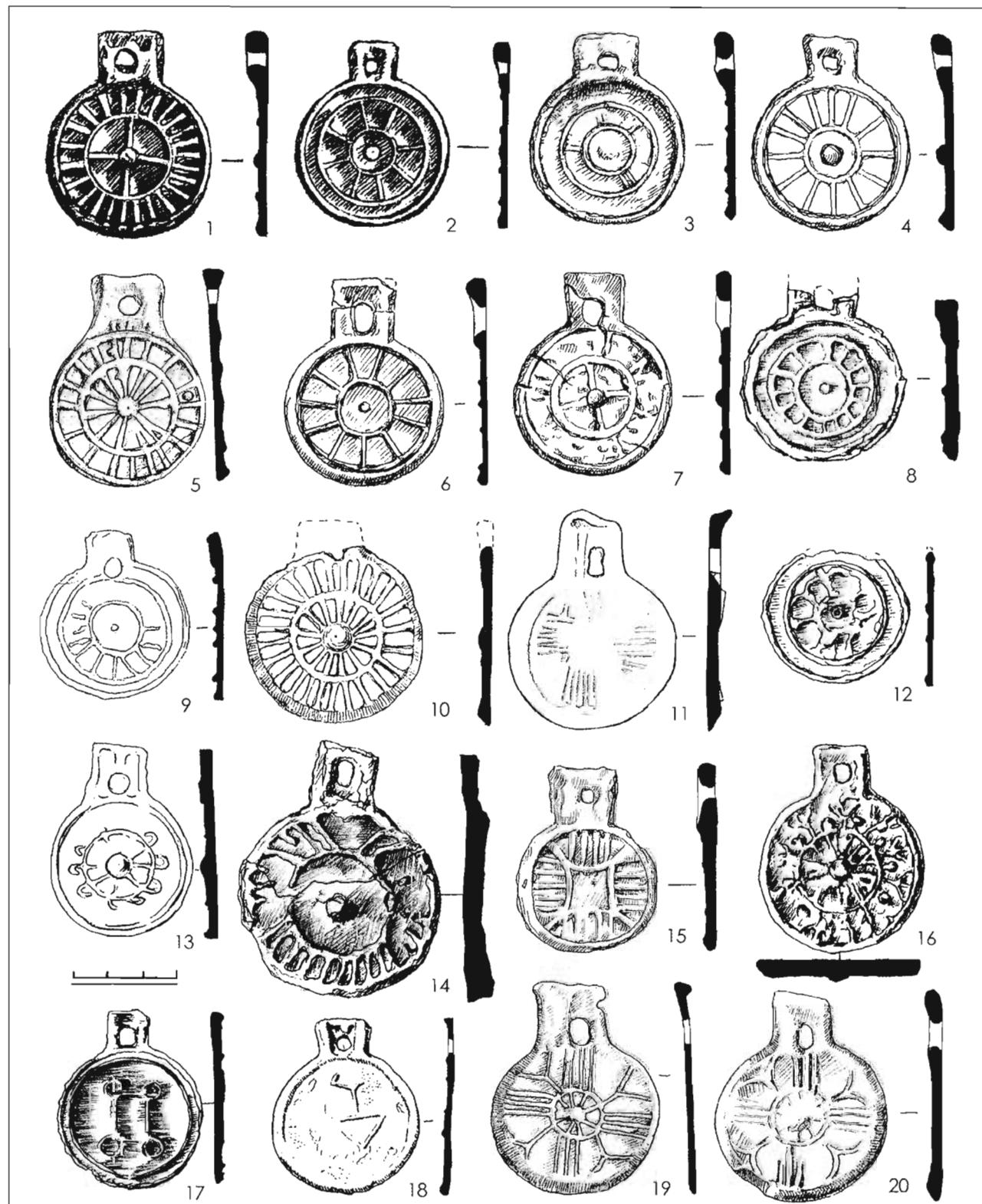

Рис. 129. Бронзовые орнаментированные зеркала с боковой ручкой из комплексов II–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 520/18; 2 – 520/17; 3 – 424 Б/5; 4 – могила 568; 6–847; 7 – склеп 640/4–5; 8 – 439/16–17; 10 – могила 566/2; 15–656/2. **Битак:** 5 – могила 132; 9 – 17/1; 11 – 150/2; 12 – 30; 13 – 13; 14 – 71; 16 – 157; 17 – 56; 18 – 32/2; 19 – 19; 20 – 176/1

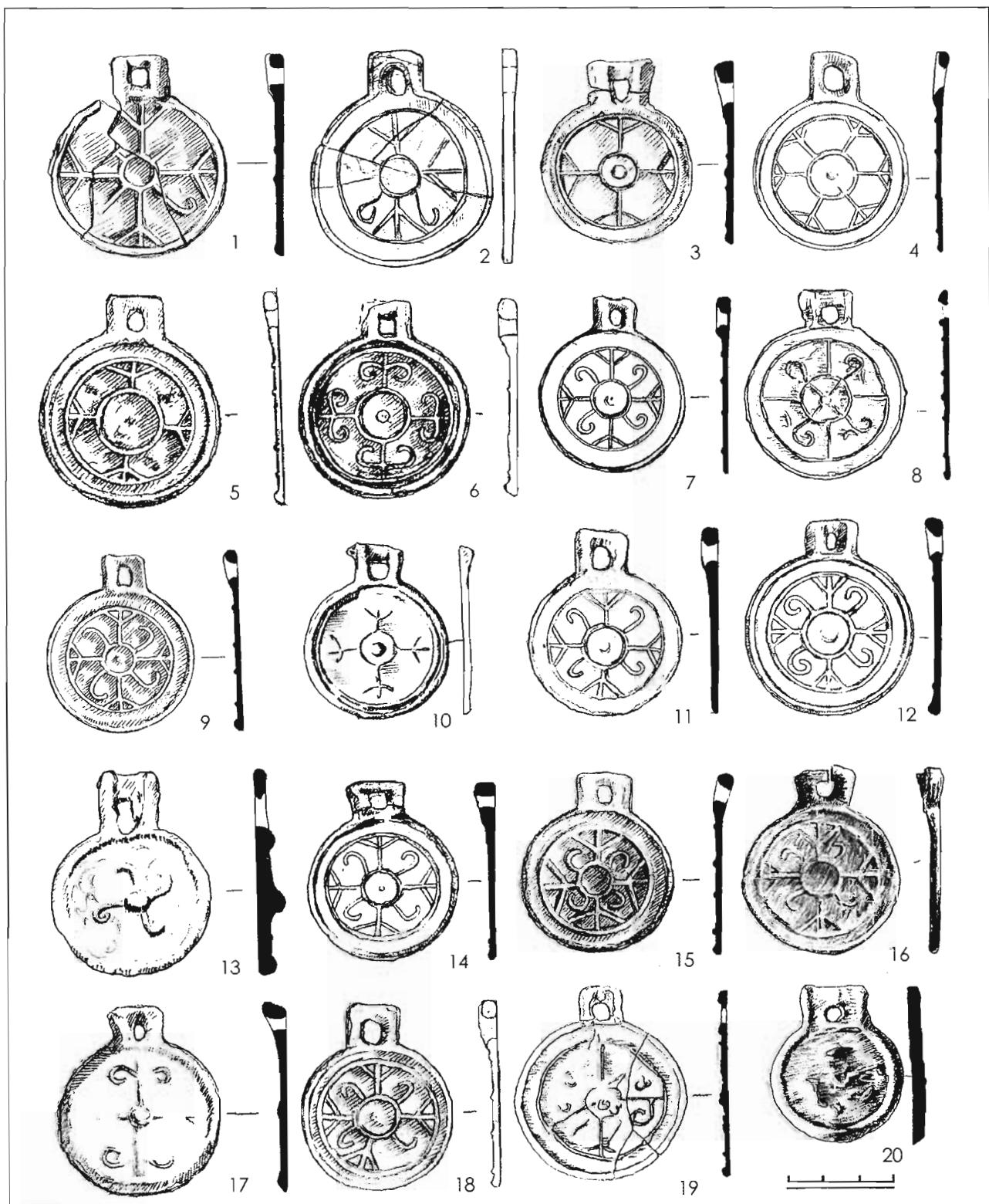

Рис. 130. Бронзовые орнаментированные зеркала с боковой ручкой из комплексов II–III вв. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 640/3; 2 – 830; 3 – могила 592; 4–623; 5 – склеп 520/2; 6–520/14; 7 – могила 600; 9–542; 11 – 564; 12 – склеп 424 Б/3; 14 – могила 574; 15 – склеп 550/2; 16 – 424 А; 17 – могила 565; 18 – 506. **Битак:** 8 – могила 160 (?); 10 – 130; 13–88; 19 – 160/1; 20 – 140

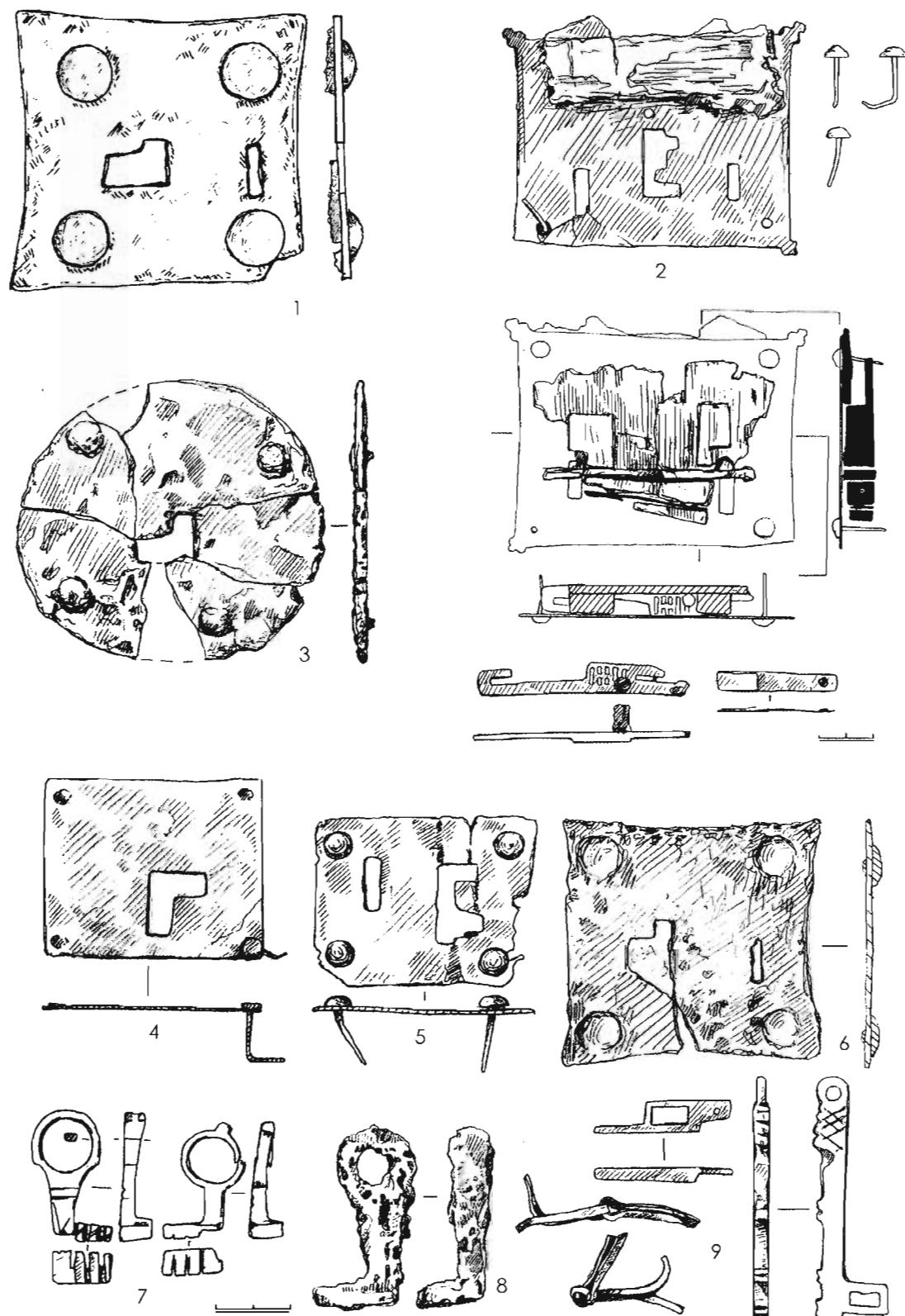

Рис. 131. Бронзовые и железные детали шкатулок I–III вв. н. э. Битак:
 1 – могила 150/2; 5 – 176/2; 7 – 1/2. Усть-Альма: 2 – склеп 649/3; 3 – 640/19;
 4 – 619/5; 6 – 634/3; 8 – 640/19; 9 – 640/3.

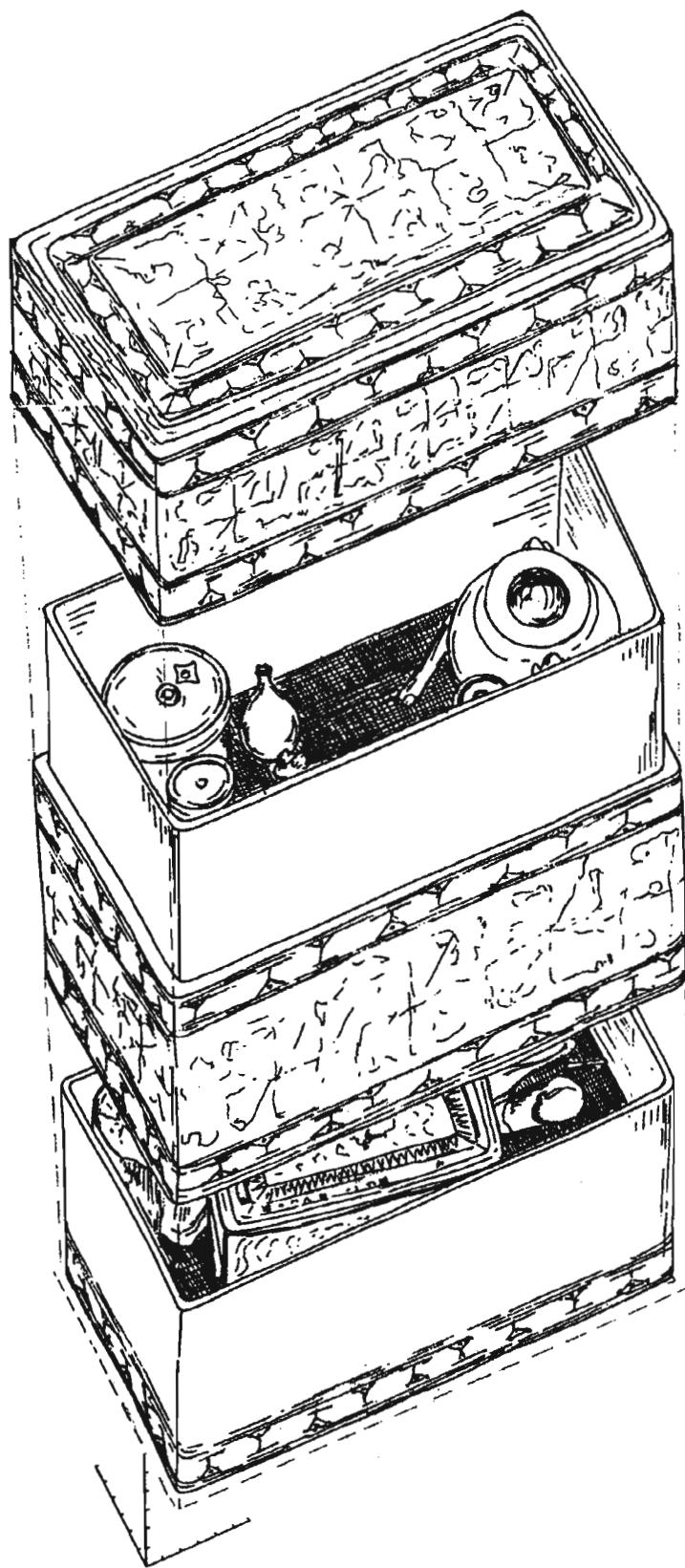

Рис. 132. Усть-Альма. Склеп 620/1. Китайская лаковая шкатулка (реконструкция Ю.П. Зайцева) [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002]

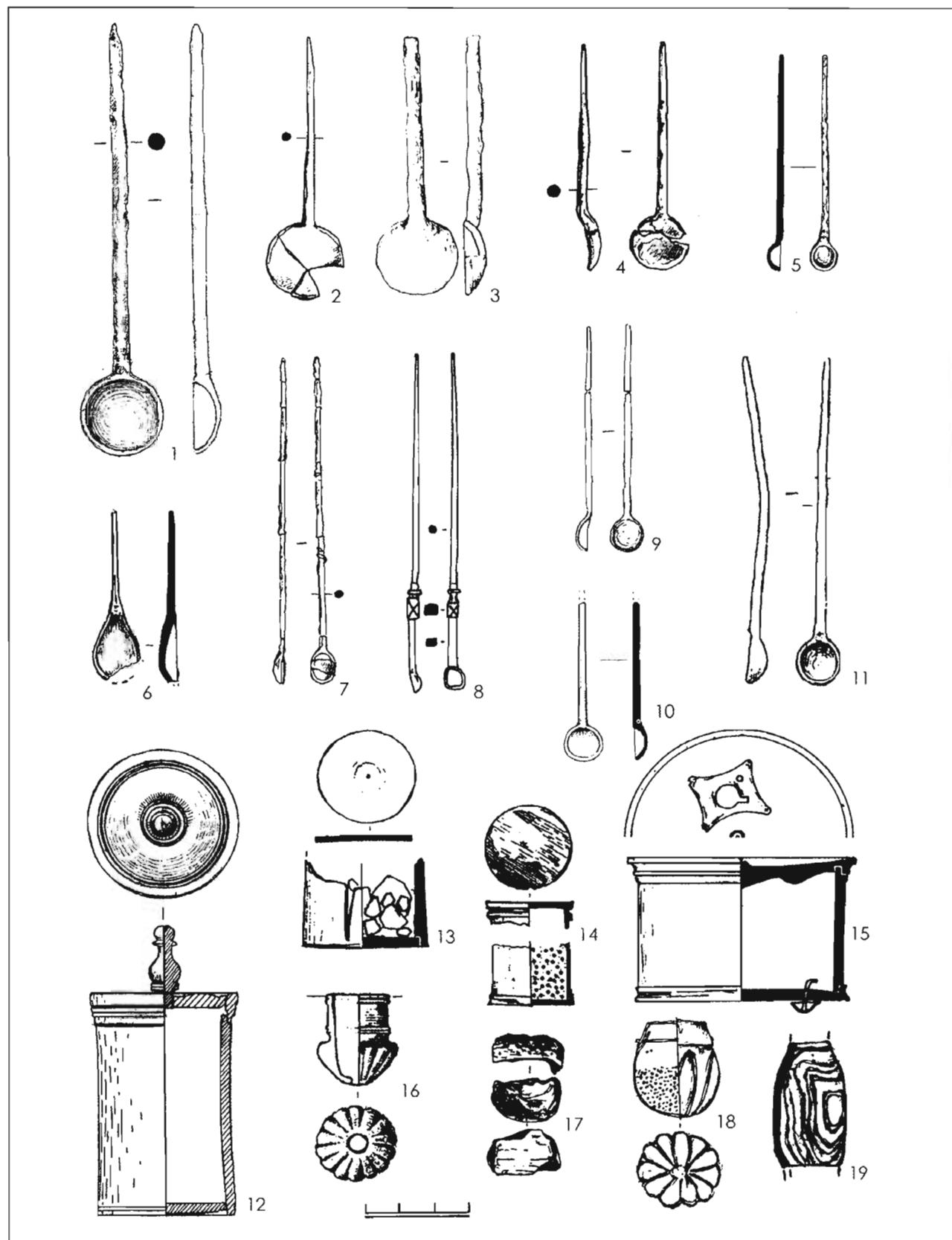

Рис. 133. Туалетные ложечки (1–11), пиксиды (12–15), туалетные флаконы (16, 18, 19) из погребений I–II вв. н. э. Усть-Альма

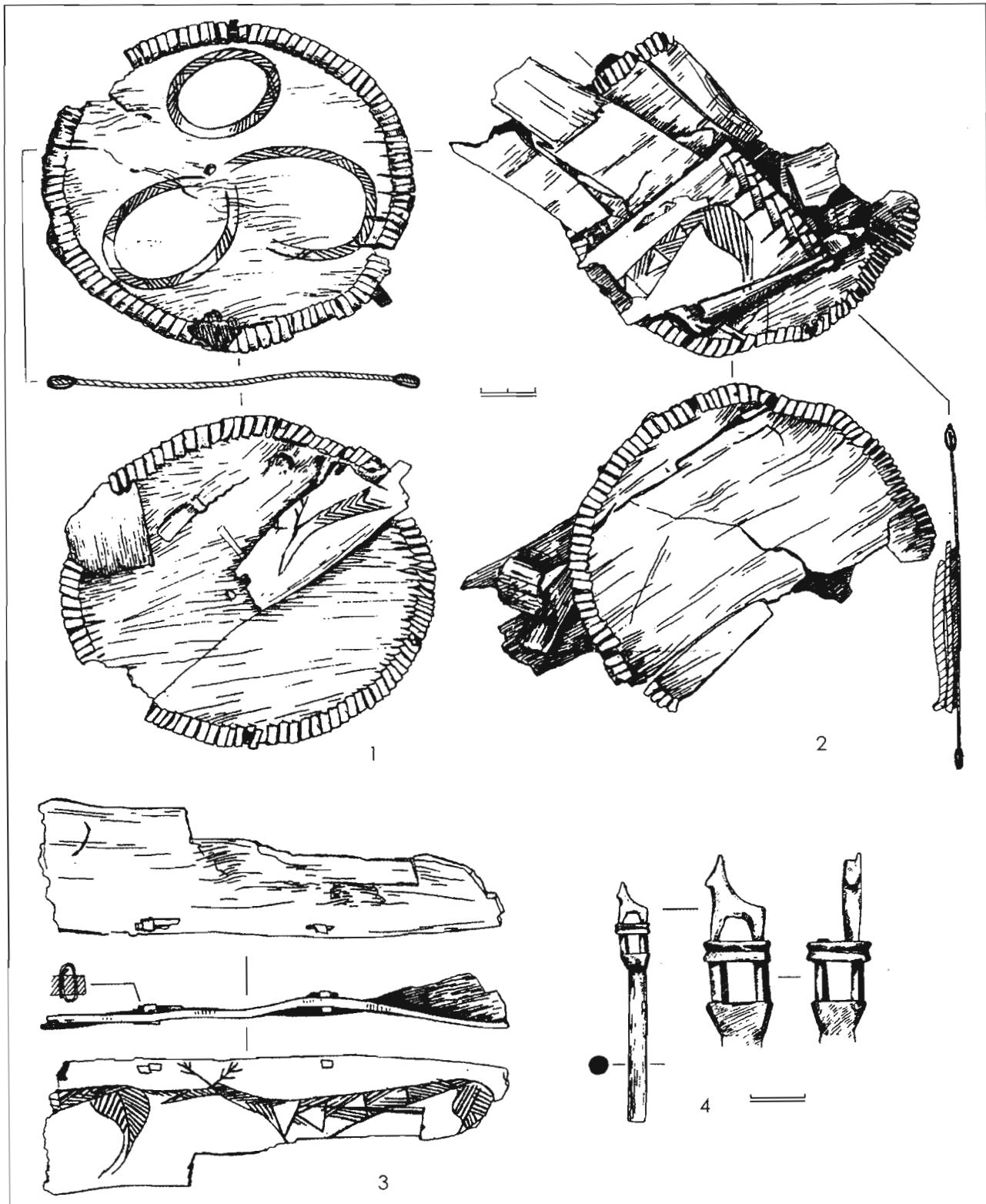

Рис. 134. Деревянные предметы. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.):

1, 2 – склеп 520/24; 3 – 520/27 – 28; 4 – 590/16.

1–2 – детали орнаментированной шкатулки; 3 – боковая стенка орнаментированной шкатулки; 4 – зооморфное навершие веретена

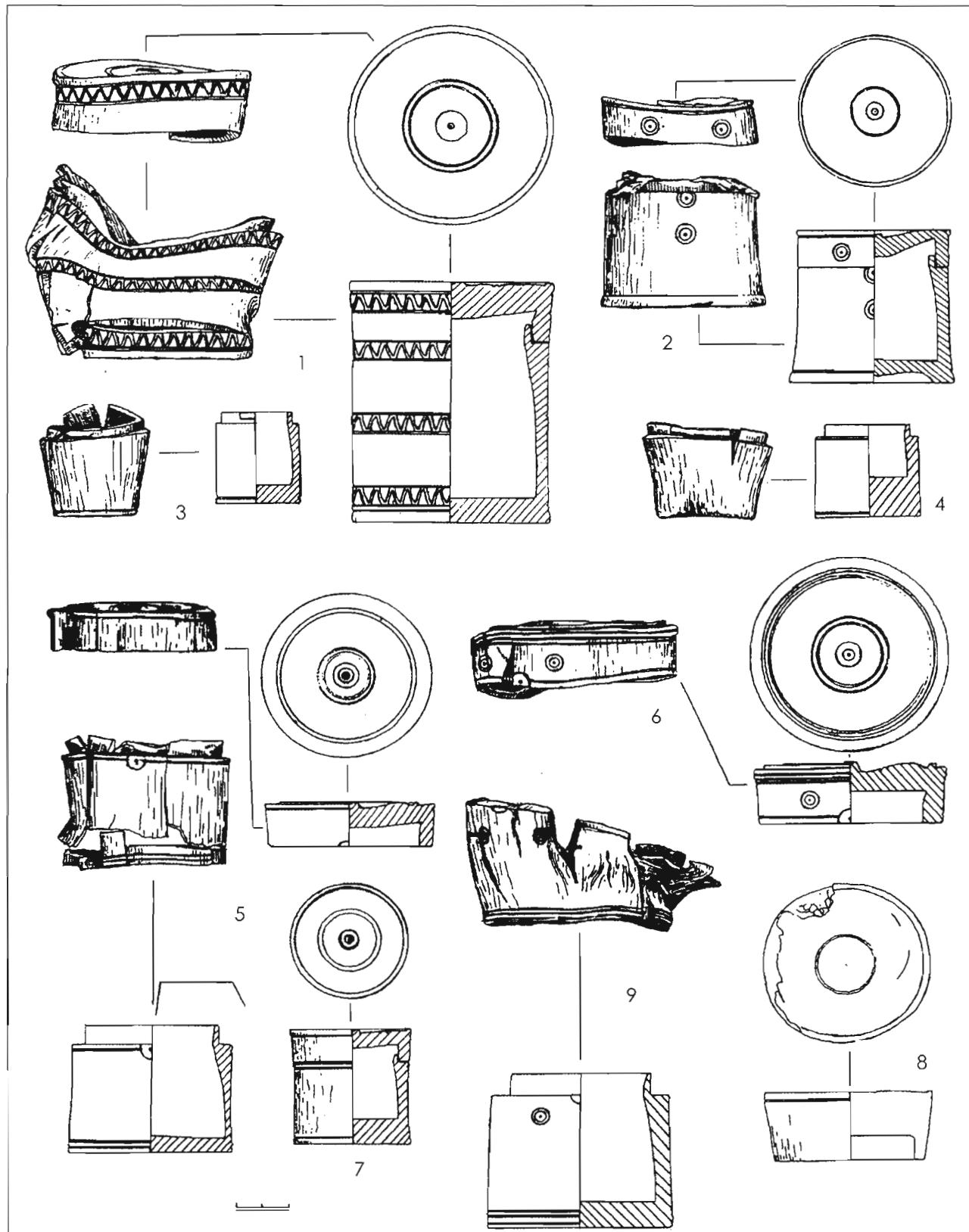

Рис. 135. Деревянные пиксиды. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.):
 1 – склеп 520/26; 2 – 520/18; 3 – 520/26; 4 – 520/ ярус IX–X; 5 – 520/27–28;
 6 – 520/ ярус IX–X; 8 – 550/1–2

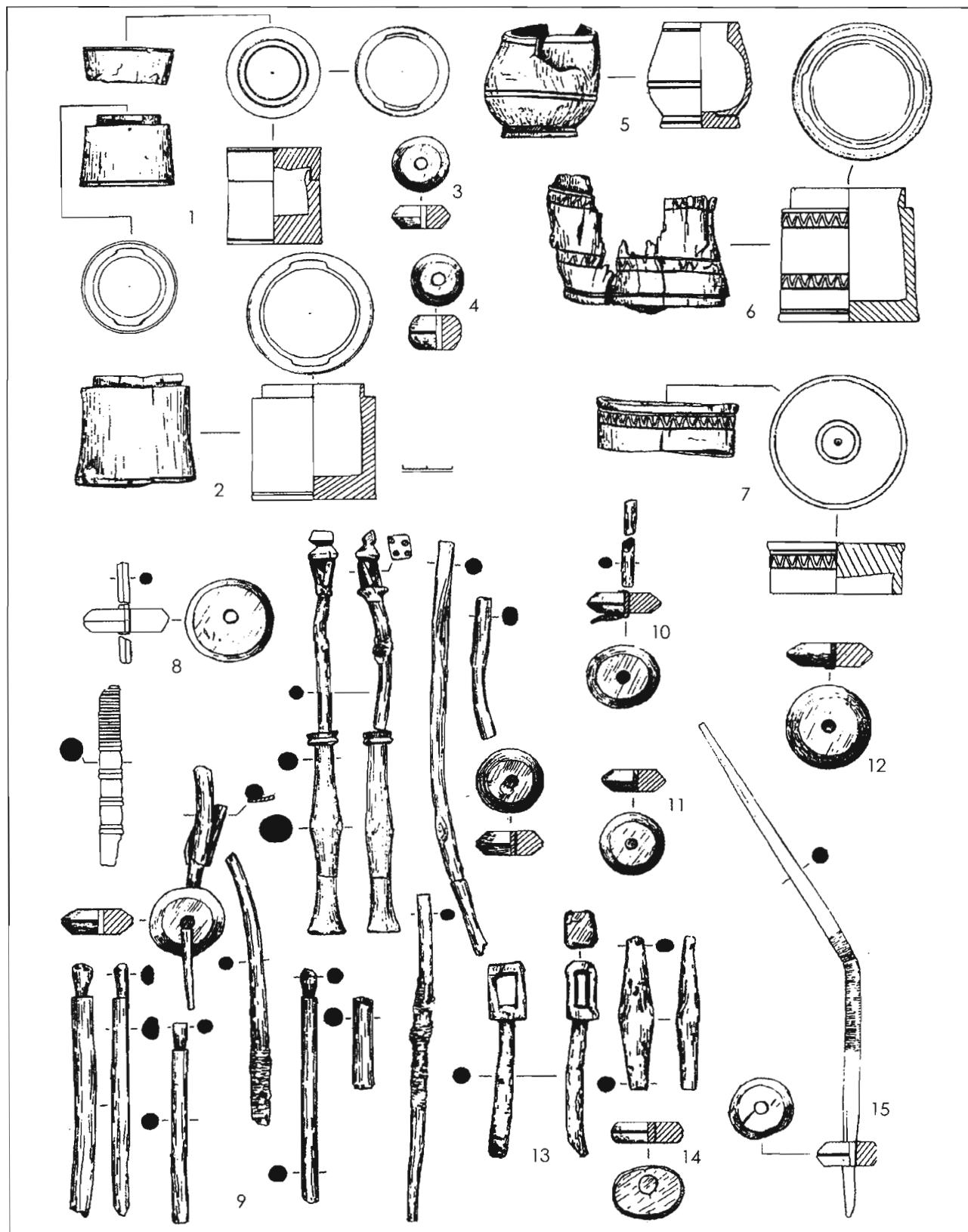

Рис. 136. Деревянные пиксиды и детали веретен. Усть-Альма (по материалам отчета 1995 г.): 1 – 550/10; 2 – 550/2; 3,4 – 550/14; 5 – 7, 12 – 520/7–9; 8 – 550/1–2; 9 – 550/12; 10 – 520/26; 11, 13 – 520/16; 14 – 520/25; 15 – 520/18

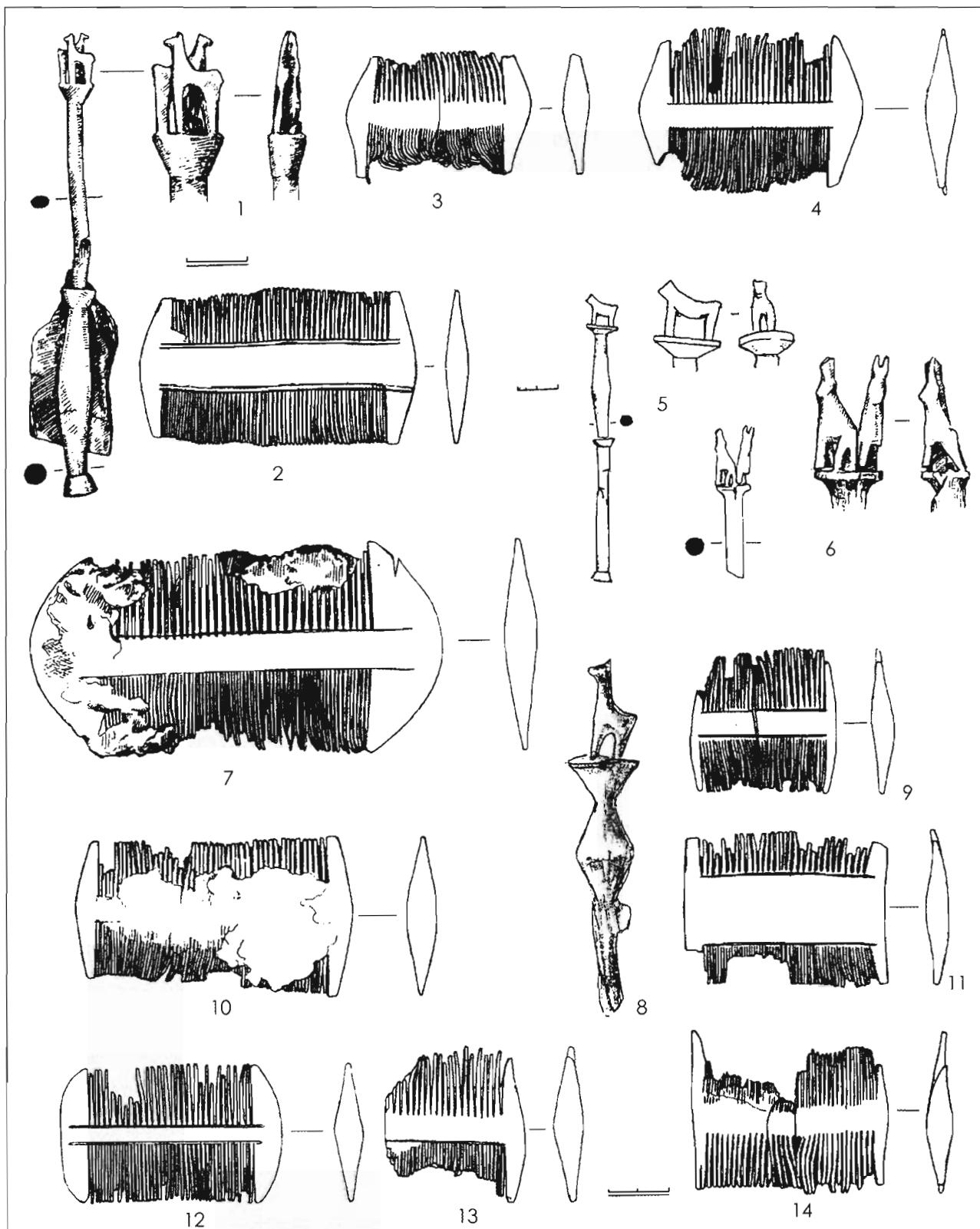

Рис. 137. Деревянные гребни и навершия веретен. Усть-Альма
 (по материалам отчета 1995 г.): 1 – склеп 520/16; 2 – 520/26; 3, 6 – 520/18;
 4, 7 – 550/5; 5 – 550/12; 8 – 736; 9, 10 – 520/23; 11 – 520/1;
 12 – 550/2; 13 – 550/1; 14 – 520/34

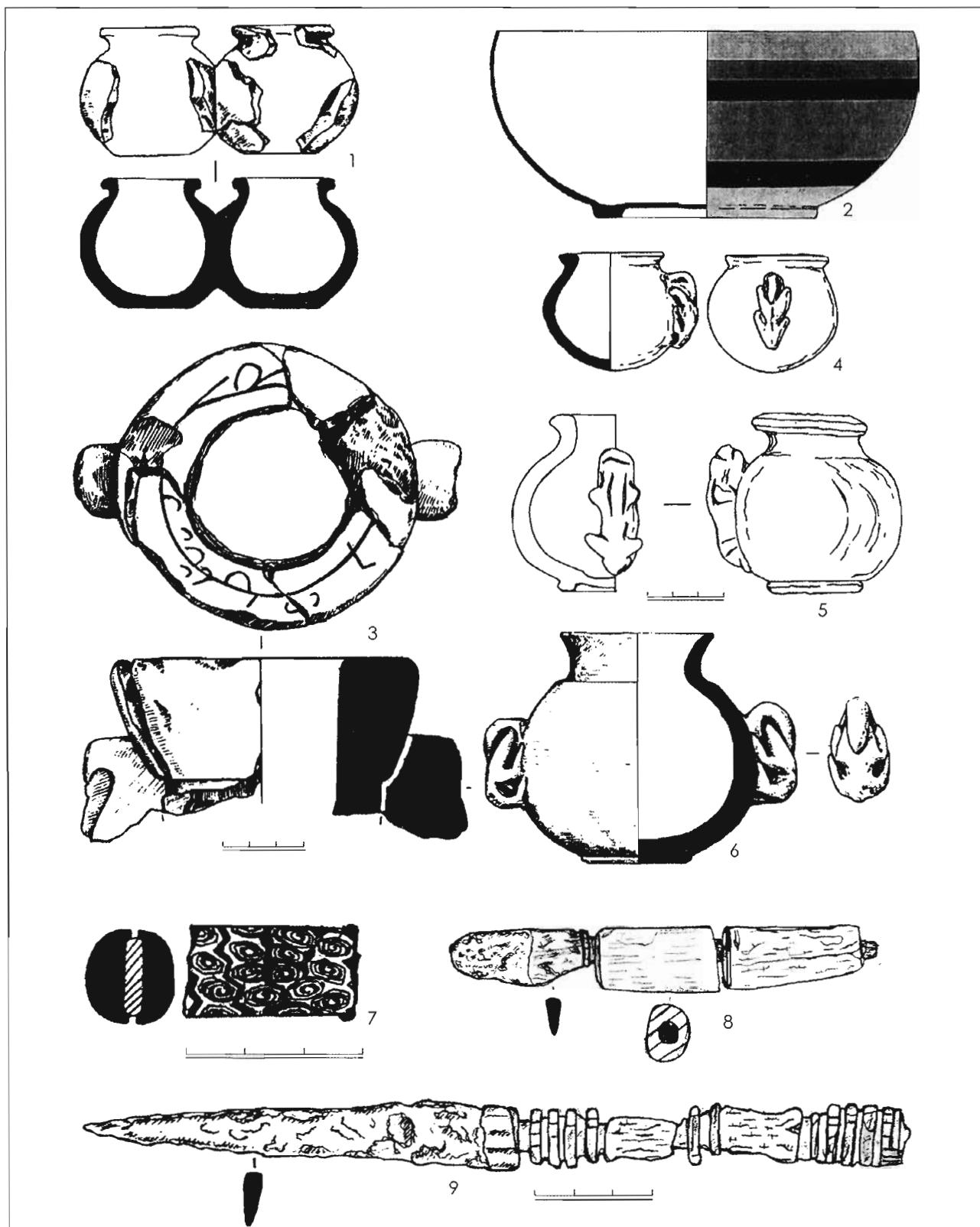

Рис. 138. Ритуальные сосуды (1, 3–6), реконструкция (Ю.П. Зайцев) деревянной пиалы (2), ритуальные ножи (7–9). Усть-Альма: 1, 3, 7 – склеп 603; 2, 4 – 720; 5 – 705; 6 – 620; 8 – 782; 9 – 775/1. 1, 4 – 6 – алебастр; 3 – мрамор; 7 – железо, цветное стекло; 8 – железо, кость; 9 – железо, кость, дерево

Рис. 139. Железные канделябры, бронзовые детали, лепные светильники и курильницы из комплексов I-II вв. н. э. Усть-Альма: 1–3, 11, 12 – склеп 620; 4 – 612; 5 – 730/2; 6 – могила 700; 7 – склеп 616, 8–10 – 603; 13 – 619/1

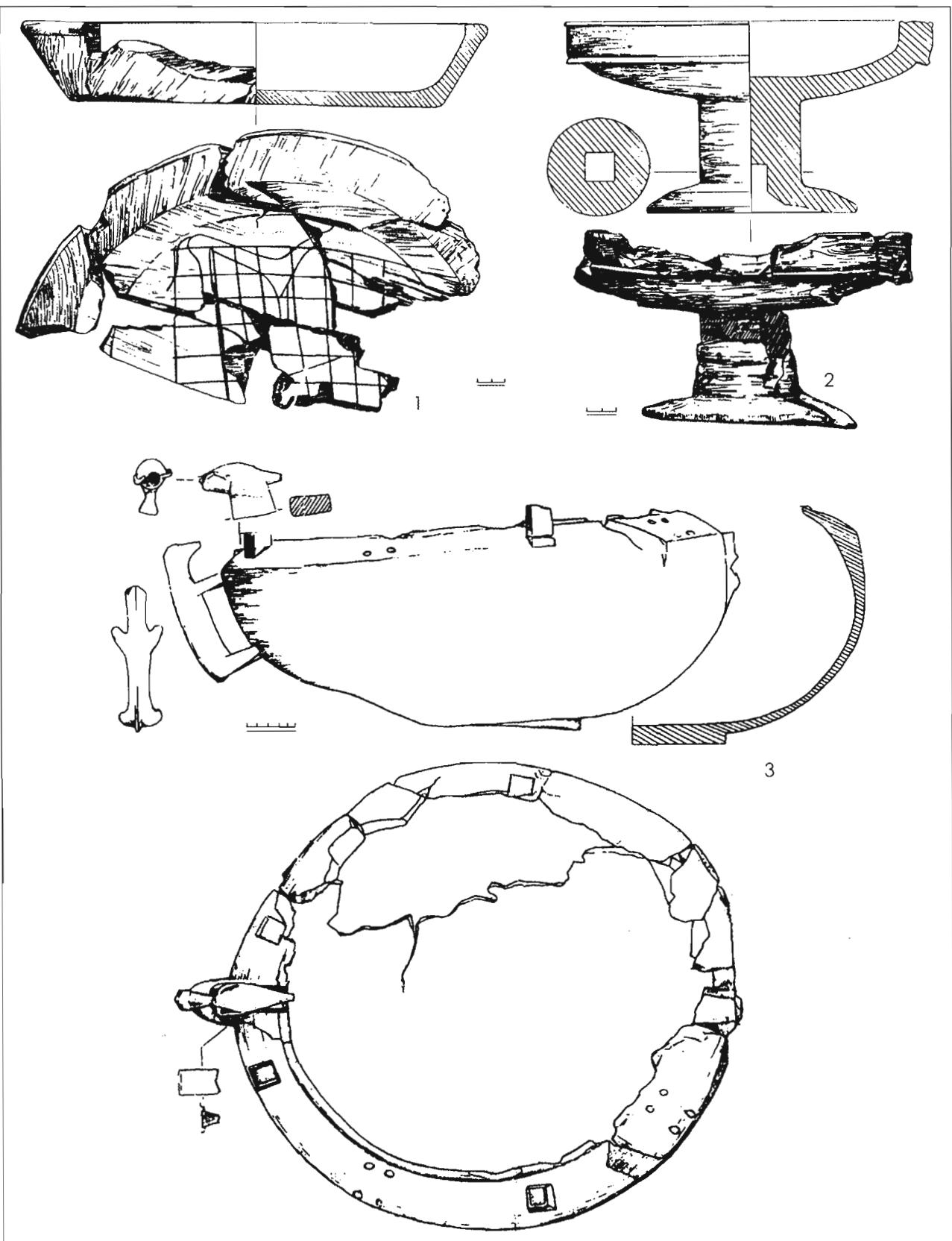

Рис. 140. Деревянные сосуды из склепа 595 Усть-Альмы
(по материалам отчета 1996 г.): 1–3

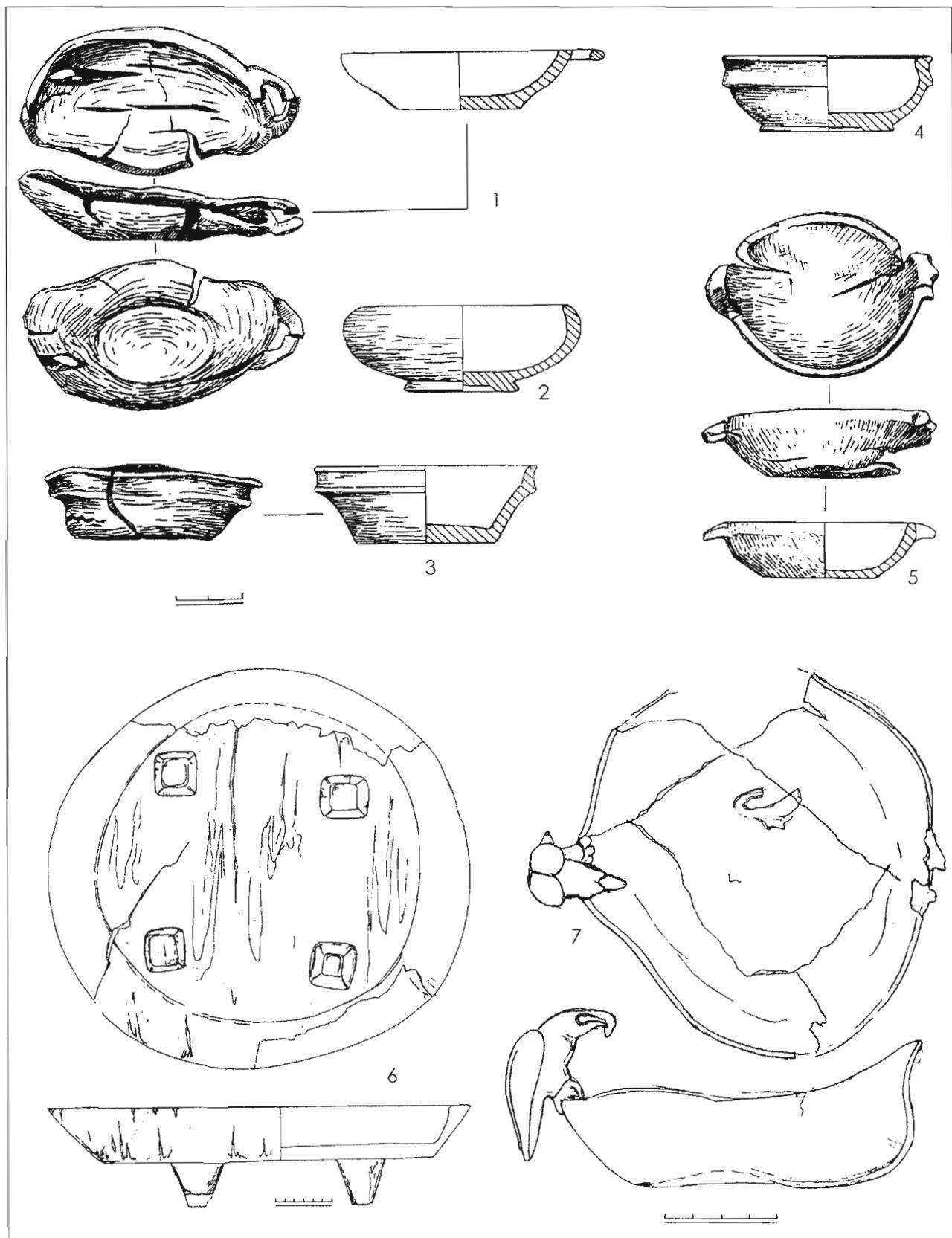

Рис. 141. Деревянные сосуды. Усть-Альма (по материалам отчетов 1995 и 1998 гг.):
1–3 – склеп 520/27–28; 4 – 550/12; 5–520/18; 6, 7 – могила 700.

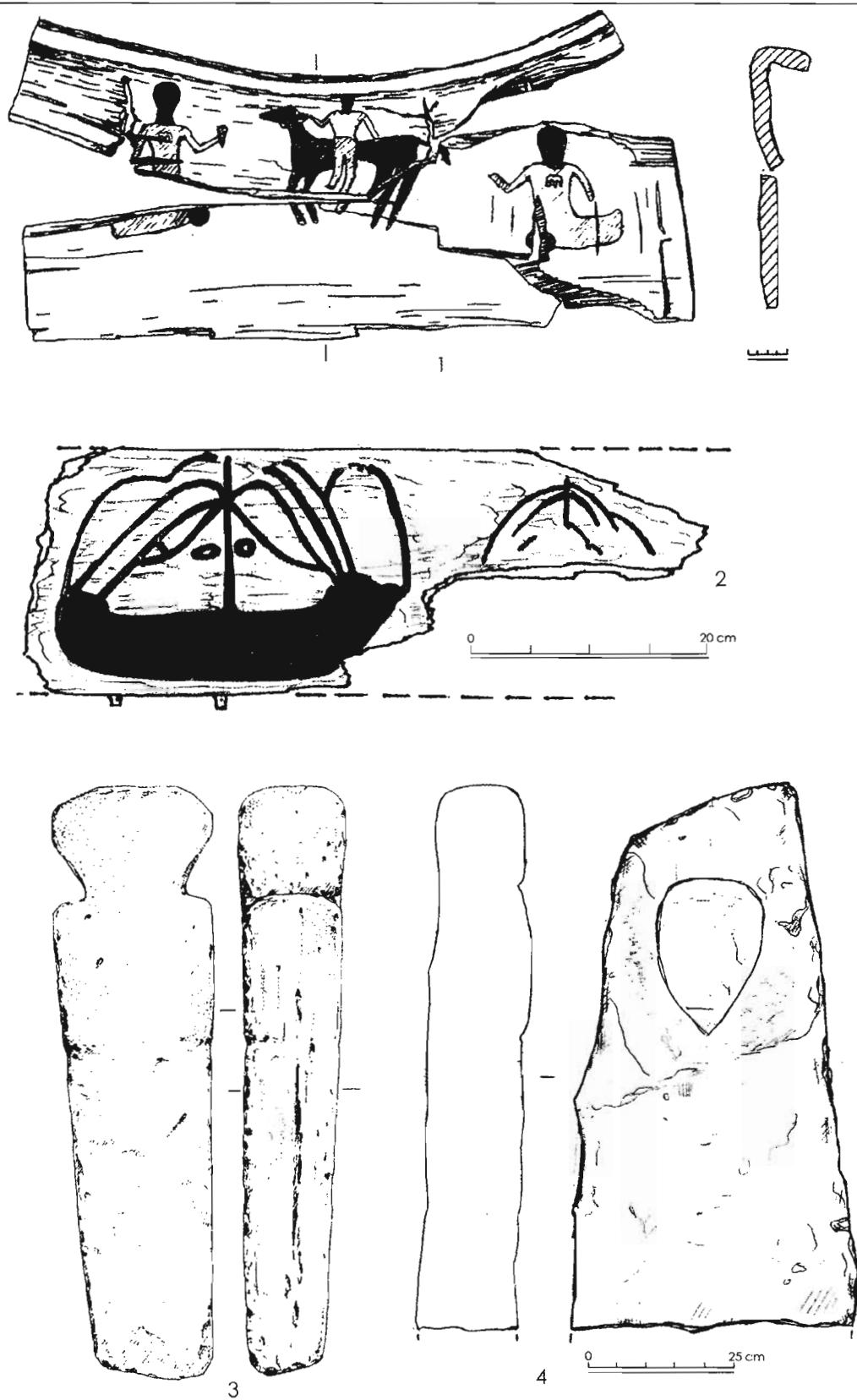

Рис. 142. Памятники искусства. Роспись на стенах гробов (1, 2) и антропоморфные стелы. Усть-Альма: 1 – склеп 550/21-22; 2 – 450/13-14; 3 – 616; 4 – 850

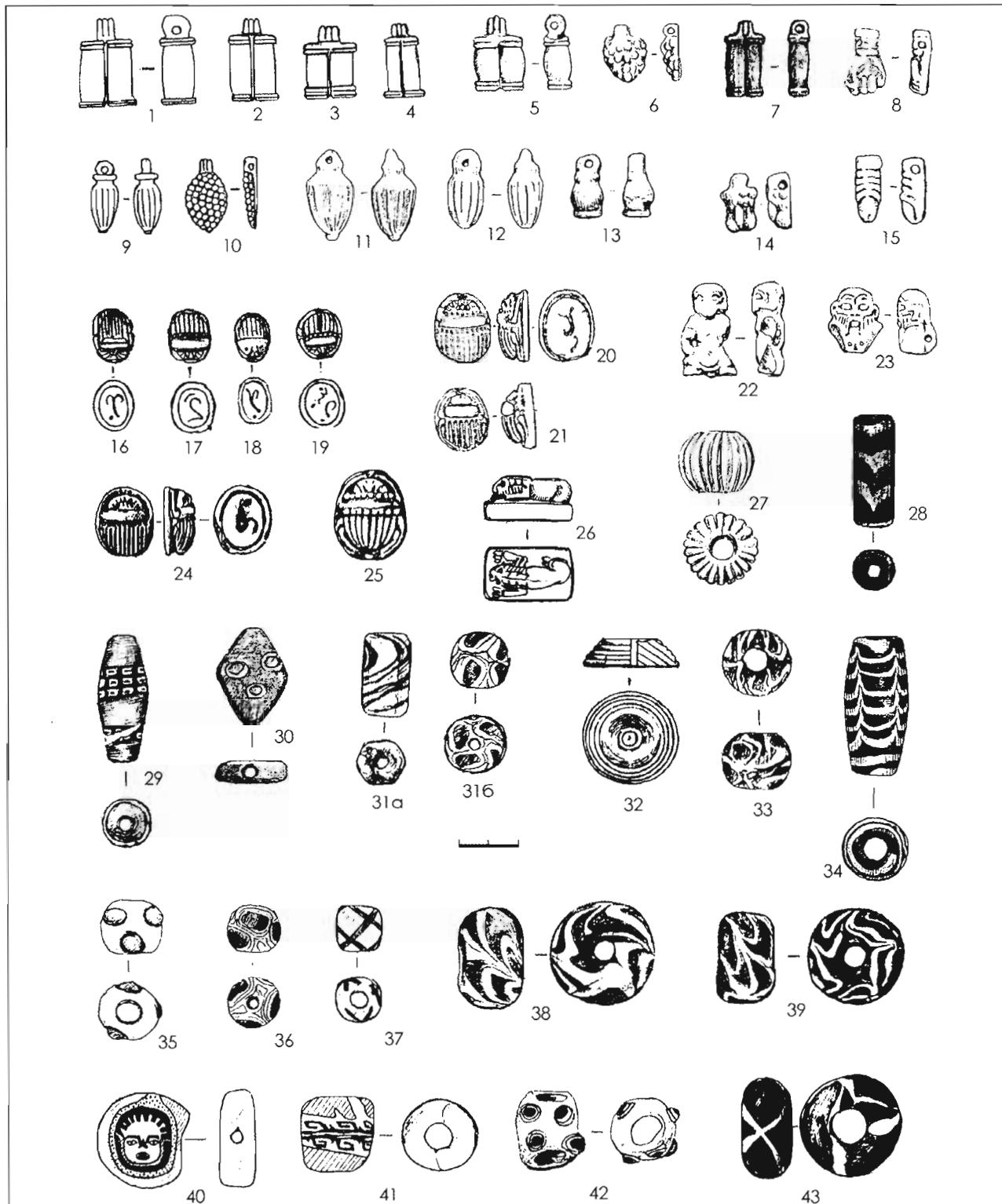

Рис. 143. Фигурные подвески из фаянса (1–10, 12, 14–27), пронизи, бусы и подвески из стекла (13, 28–43), горного хрустала (11). Усть-Альма: 1–4, 9, 10, 16–19 – могила 407/3; 5 – 609; 6 – 660; 7 – 597; 8, 15, 29 – 558; 11–13 – 636/1; 14 – 659; 20, 21 – 513; 23 – 512; 24, 32 – 597; 26 – 606; 27 – 644; 28 – 597; 30 – 520/17–18; 31a, 31b – склеп 440/13; 33 – могила 673; 34 – 631; 35 – склеп 640/15; 36 – 640/10–11; 37 – 559; 38, 39 – 380. **Битак:** 22 – могила 51; 25 – могила 66; 40, 41 – 87/1; 42 – 44/2; 43 – 80.

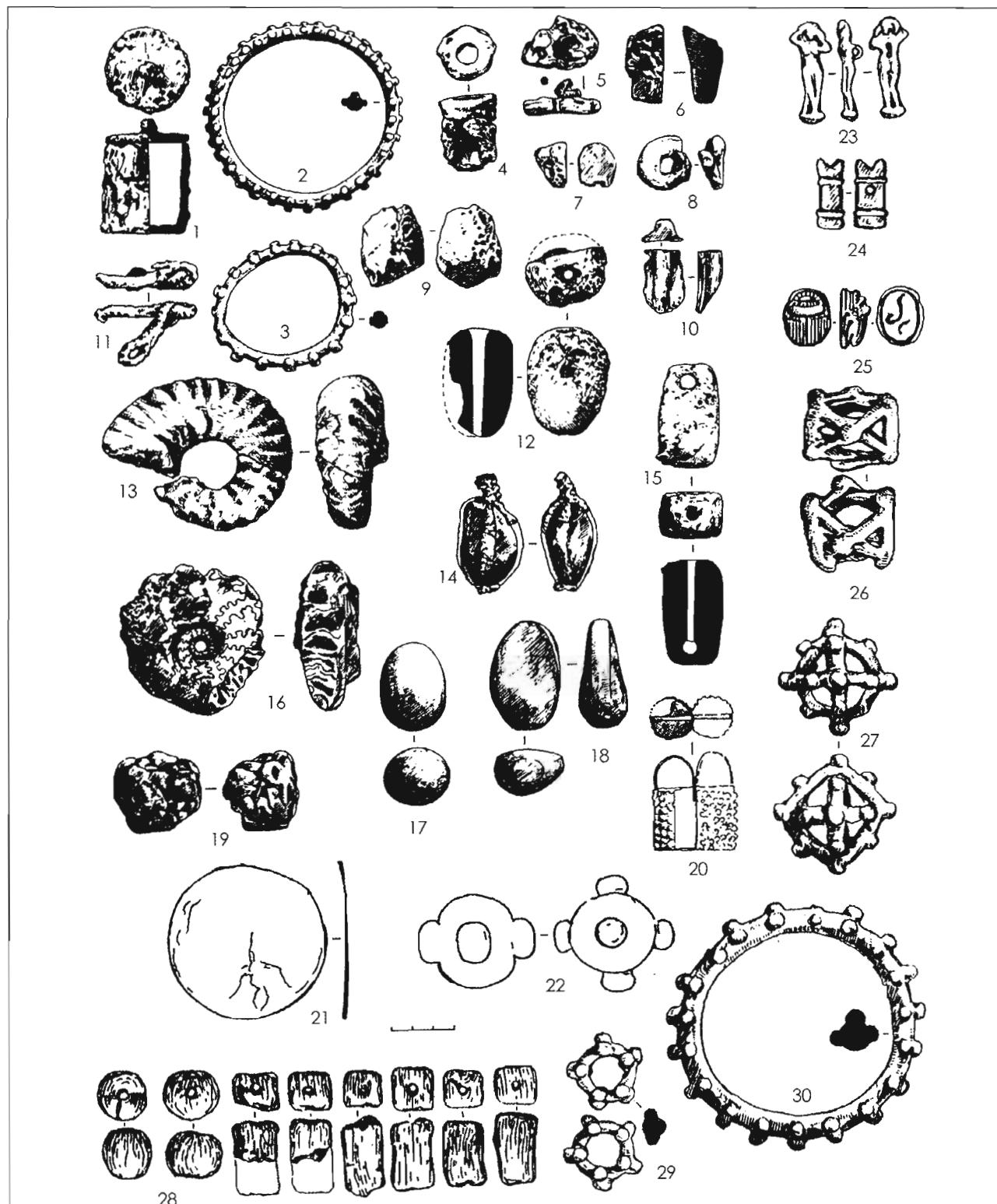

Рис. 144. Усть-Альма. Склеп 620/1. Амулеты и украшения: 1, 11 – железо; 2, 3, 20, 21, 23, 26, 27, 29, 30 – бронза; 4, 5, 8, 13, 16 – окаменелости меловые; 6 – гагат; 7, 17, 18 – морская галька; 9 – конкреция песчаниковая; 10 – фрагмент стеклянного сосуда; 12, 15 – пронизи-подвески меловые; 14 – морская галька в железной оплётке; 19 – конкреция железистая; 22 – мраморное навершие булавы (полевая зарисовка); 24, 25 – египетский фаянс; 28 – дерево

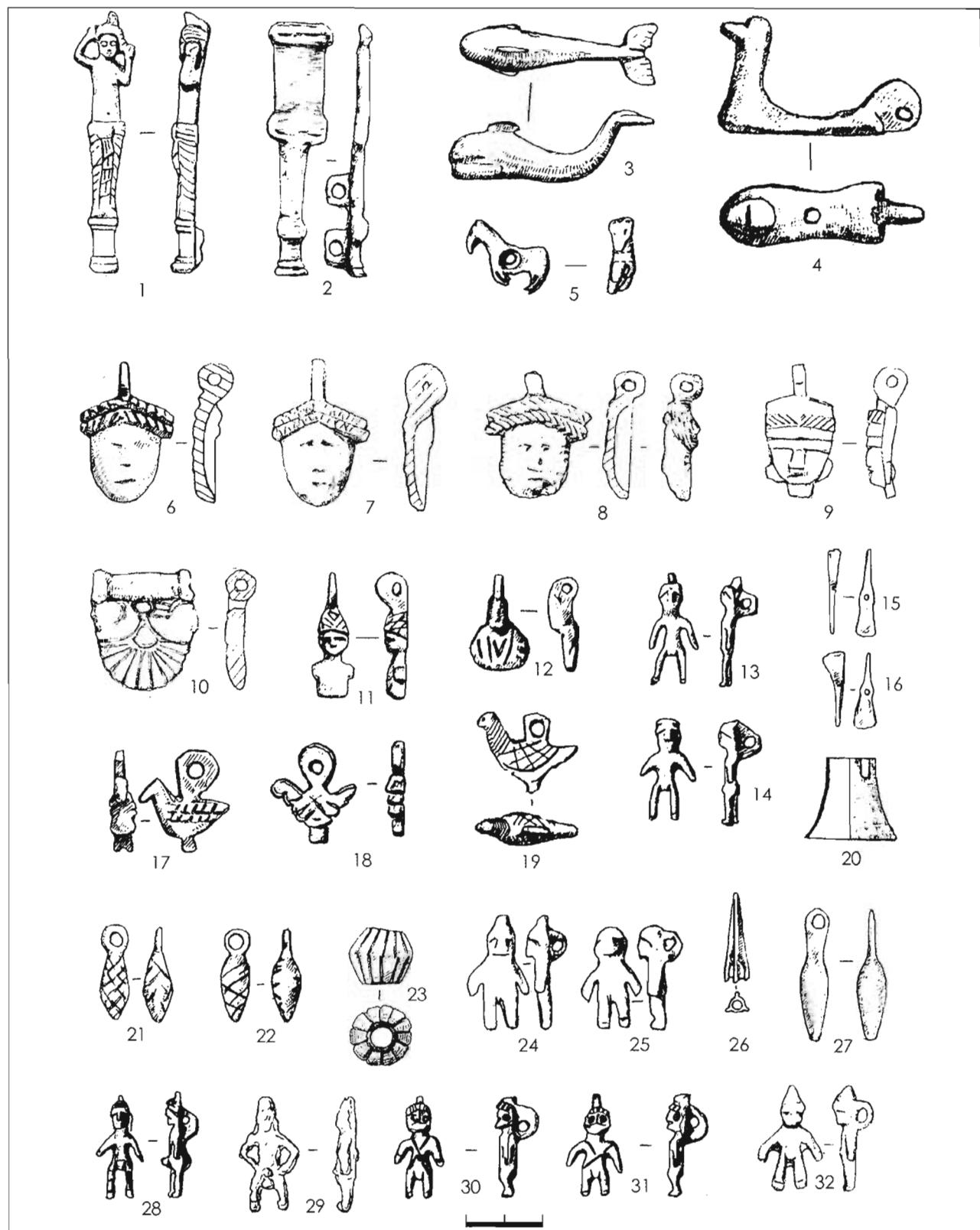

Рис. 145. Амулеты, пронизи и подвески из бронзы. Усть-Альма: 2 – склеп 316; 3 – 820; 4 – 520/17; 6, 9, 17, 21 – могила 689; 7 – 574; 8 – 537; 10 – 561; 11, 12, 19, 22 – 607; 18 – 385; 20 – 407/3; 23 – 631; 26 – 691; 29 – 447. **Битак:** 1 – могила 147/2; 5 – 42/2; 13, 14 – 37; 15, 16 – 169; 24, 25 – 114; 27–17/1; 28 – 38; 30, 31 – 10; 32 – 160.

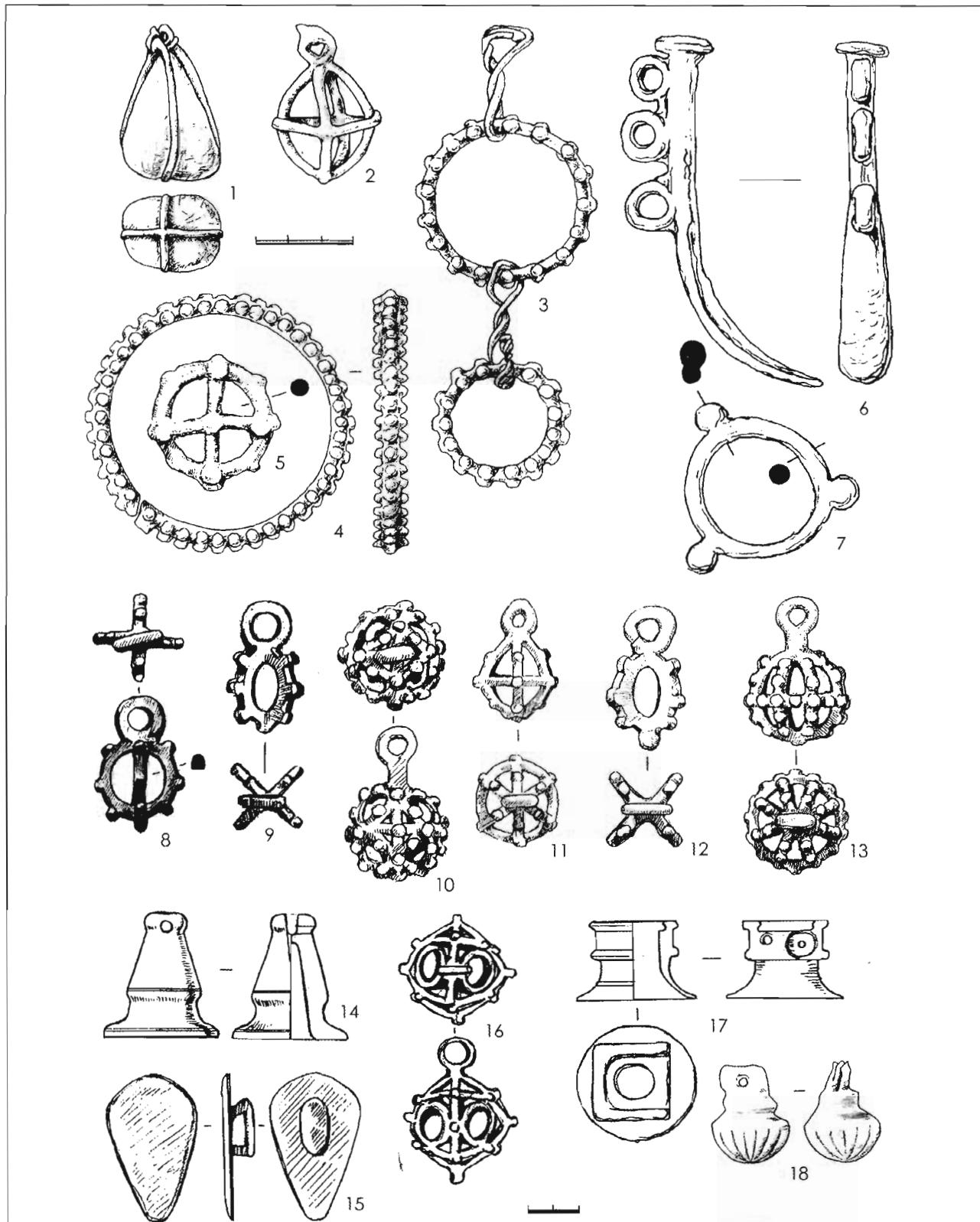

Рис. 146. Амулеты и украшения из бронзы. Усть-Альма: 1–4, 18 – склеп 315 (1 – морская галька в бронзовой оплётке); 5–449/4; 6, 7–439/9; 9 – могила 600; 10–673; 11 – склеп 590/5–6; 12, 13 – могила 542/2; 14–437; 15–547; 16 – склеп 820; 17 – могила 404. **Битак:** 8 – могила 66

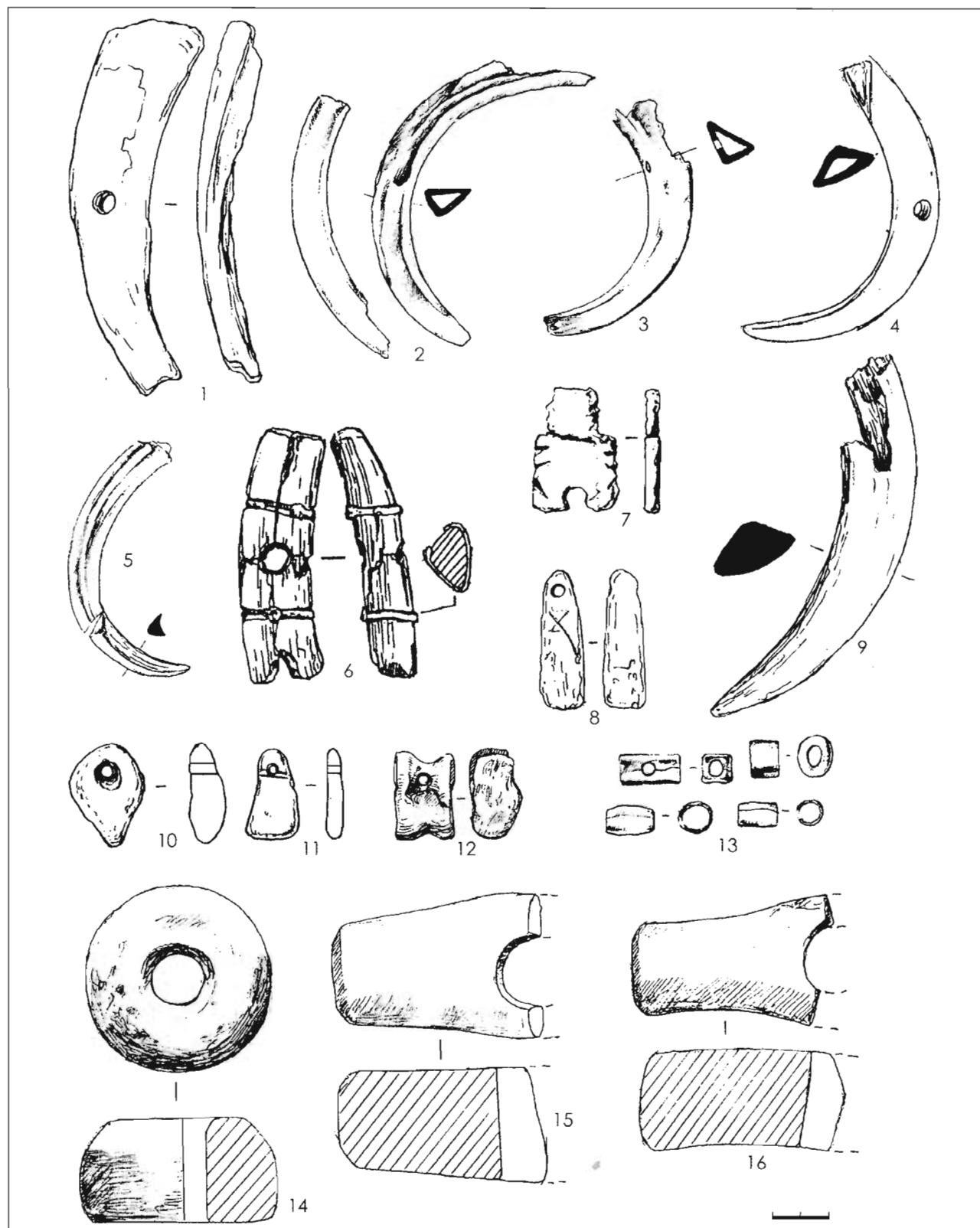

Рис. 147. Амулеты и украшения из кости (1–9, 12, 13) и камня (10, 11, 14–16).
Усть-Альма: 1 – могила 403/1; 2 – склеп 348/21; 3 – 348/40; 4 – 438/3; 5 – 348/15;
6 – 678 (в бронзовой оплётке); 8 – склеп 680/6; 9, 14 – 16 – 853; 10, 11 – могила 432;
12 – 691; 13 – склеп 348/21

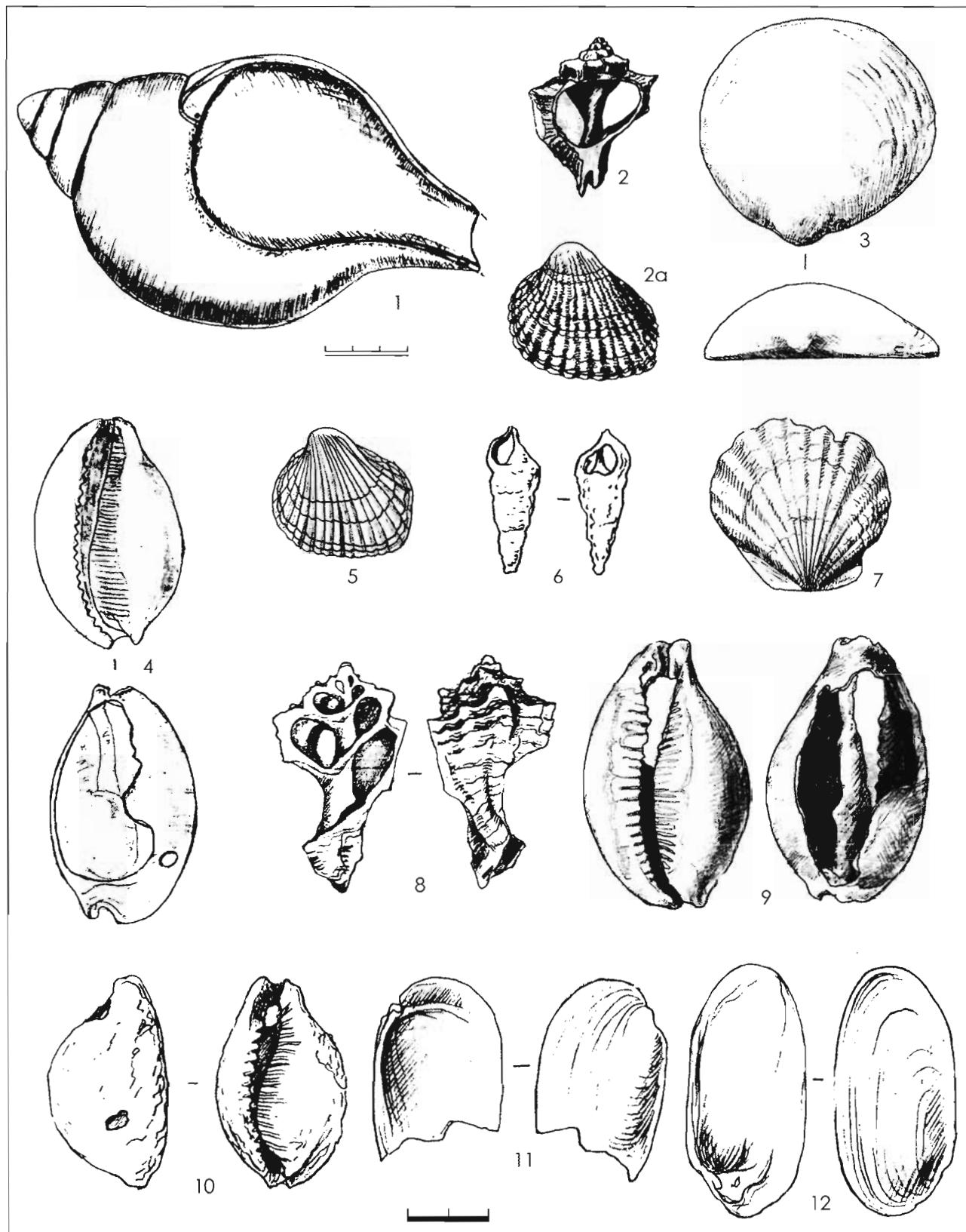

Рис. 148. Раковины морских моллюсков. Усть-Альма: 1 – могила 843; 4 – 407/3; 6 – 432; 7 – склеп 619/3; 8 – 348, ниша; 9 – 1993 г., подъемный материал; 10 – могила 469/1; 11 – 12–410/1. **Битак:** 2, 2 а – могила 147/2; 3 – 109/2; 5 – 55

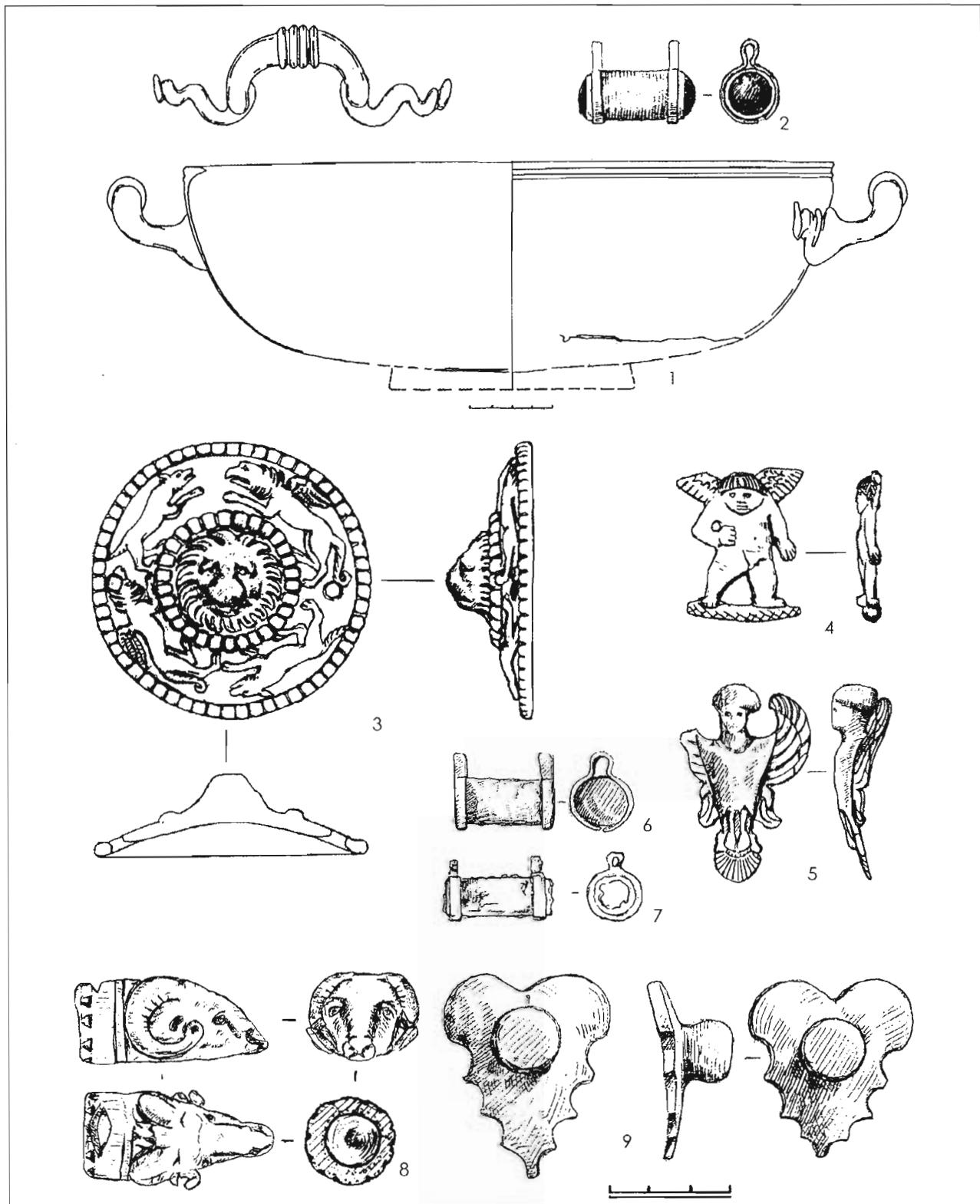

Рис. 149. Бронзовая патера (1), детали украшений бронзовых сосудов (4, 5, 8, 9), бронзовая матрица-бляха (3), амулетницы (2, 6, 7). Усть-Альма: 1 – могила 700; 2 – 558 (бронза, стекло); 3 – склеп 520/10; 4 – могила 559; 5 – 597; 6 – склеп 650/8 (бронза); 7 – 649/4 (серебро); 8 – могила 765; 9 – склеп 649/4.

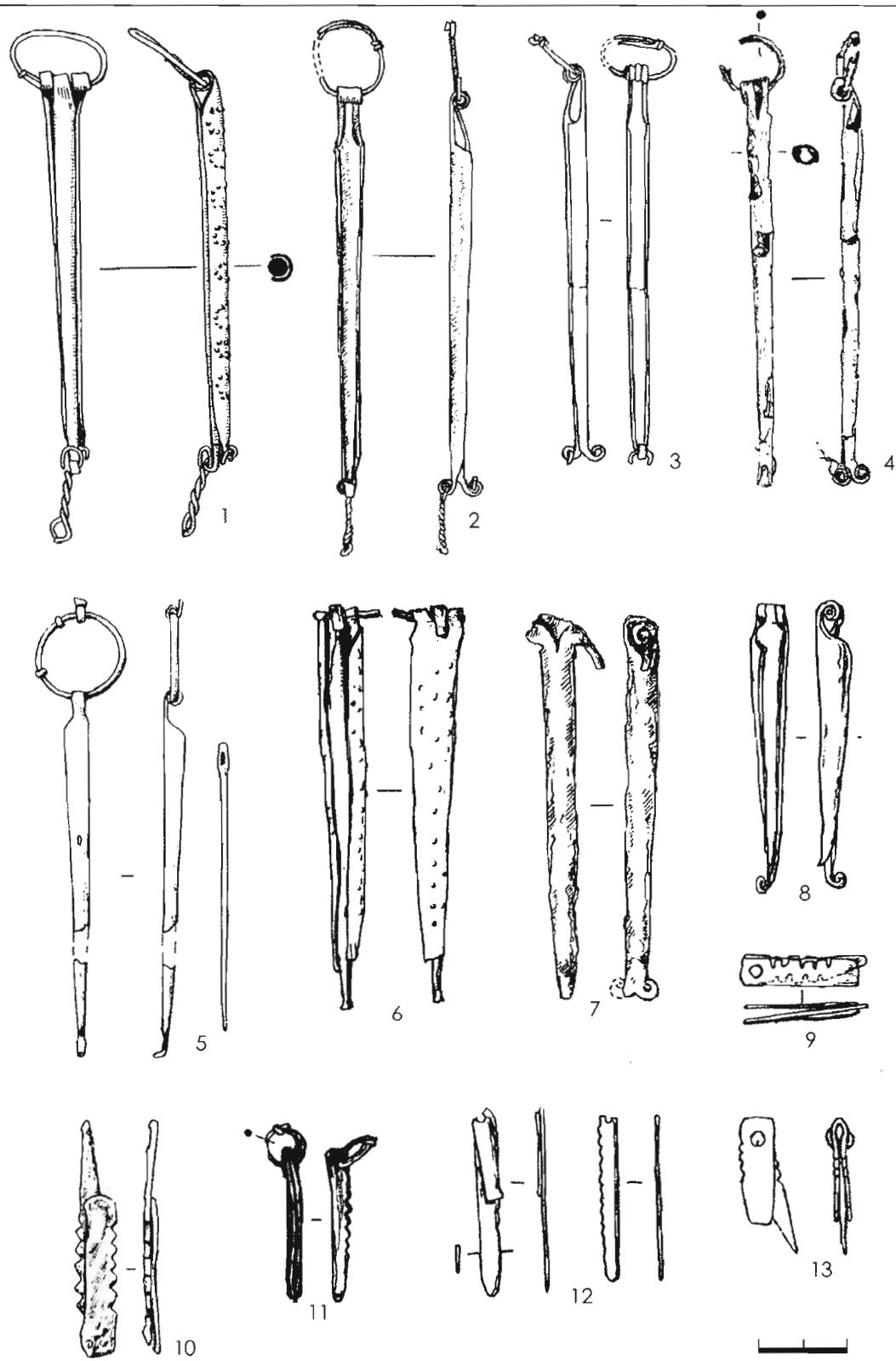

Рис. 150. Бронзовые «амулетницы» – «игольники» (1–8) и складные туалетные пилочки (9–13). Усть-Альма: 1 – могила 656/2; 2 – 606; 3 – склеп 438/10–11; 5 – 316; 7 – 424 Б/3; 8 – могила 437; 10 – 370; 11 – 385; 12 – 456; 13 – 411/1–2. Битак: 4 – могила 160; 6 – 17/1; 9 – 114

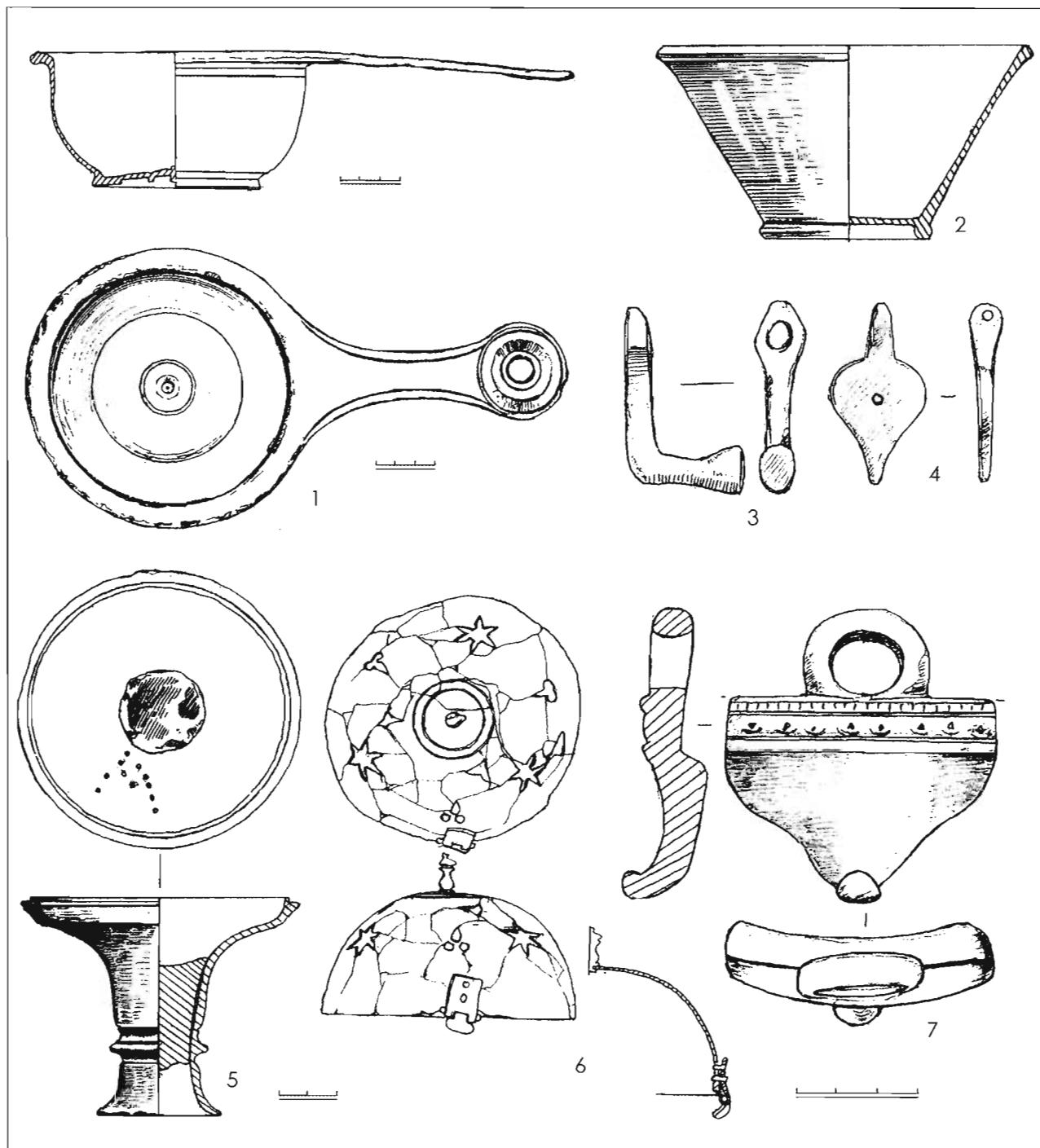

Рис. 151. Бронзовые сосуды и их детали. Усть-Альма:
1 – склеп 820; 2 – могила 846; 3, 4, 7 – склеп 853; 5 – могила 542/2; 6 – 848

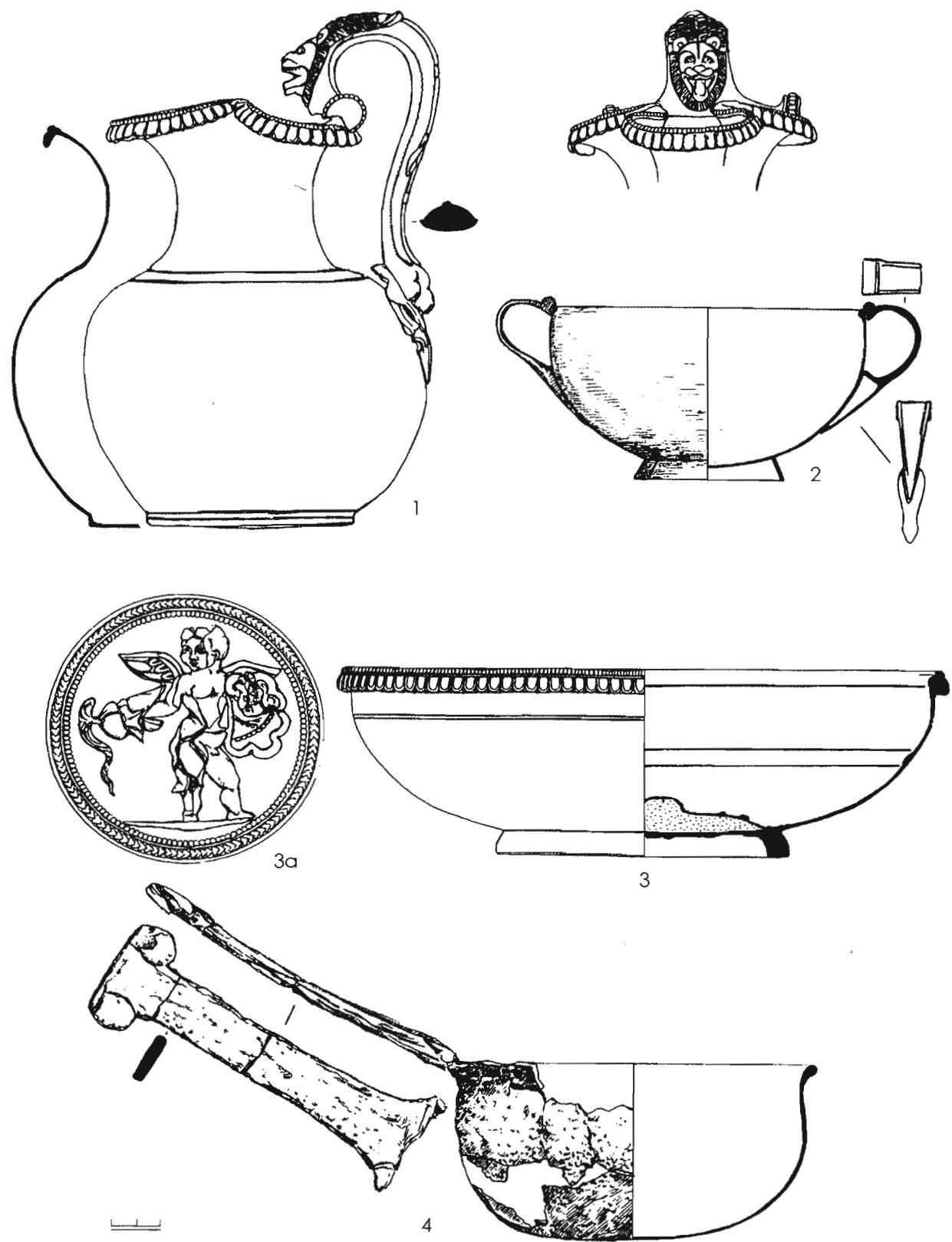

Рис. 152. Бронзовая (1, 3) и серебряная (2, 4) посуда. Усть-Альма:
1, 3 – склеп 620; 2 – 612/3; 4 – 612/2

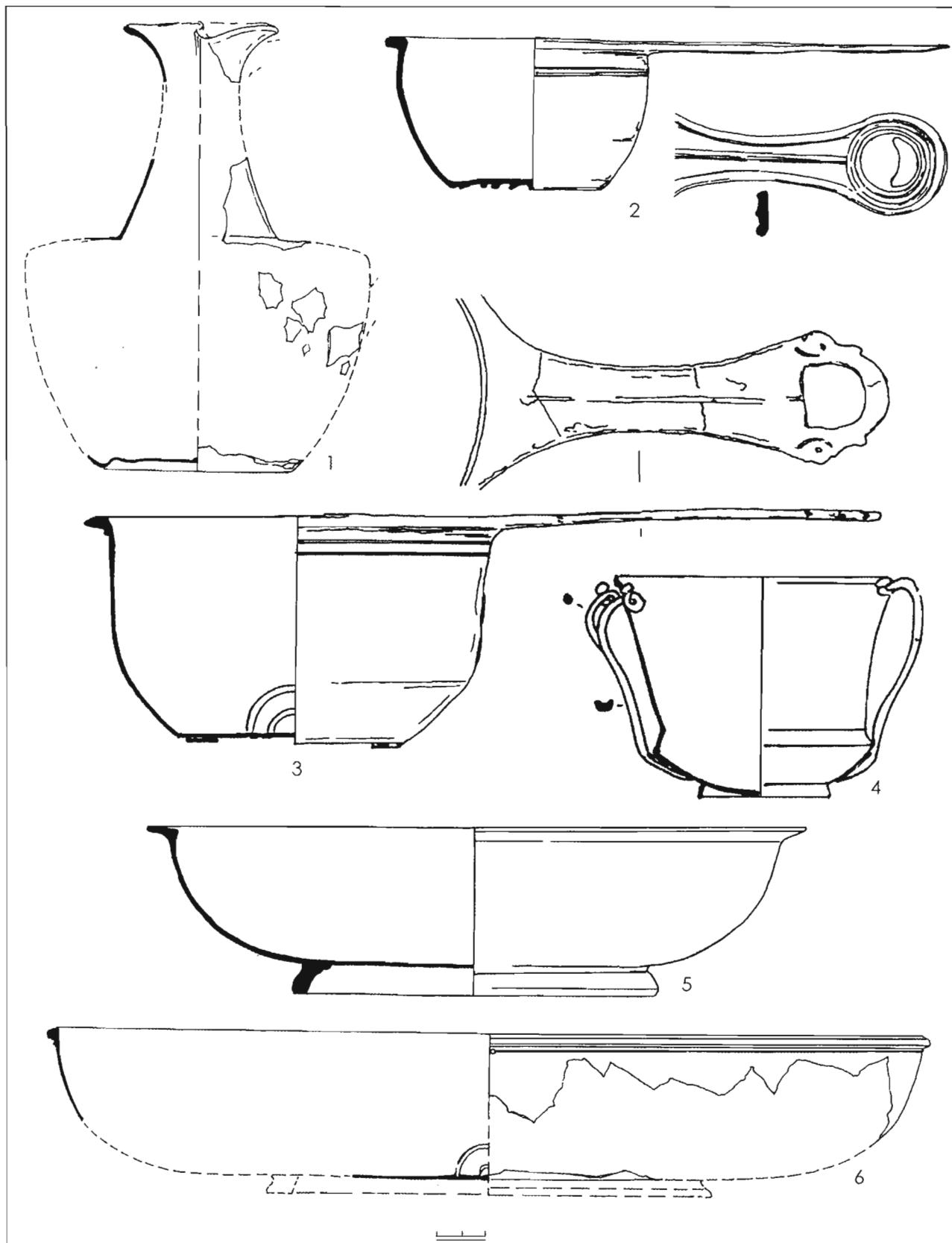

Рис. 153. Бронзовые (1–3, 5, 6) и серебряный (4) сосуды. Усть-Альма:
1, 6 – склеп 730; 2, 4 – 735; 3, 5 – 720

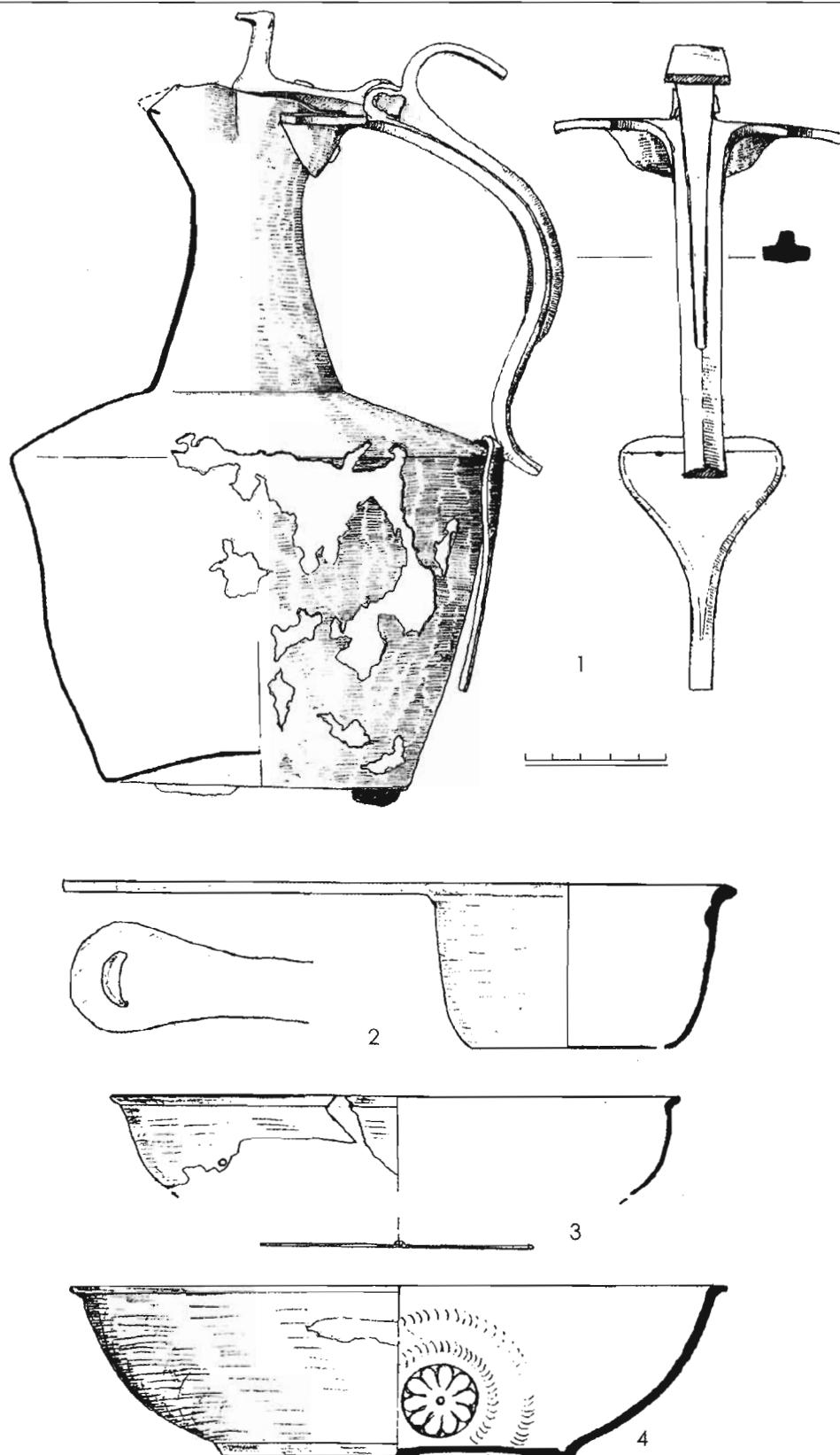

Рис. 154. Бронзовая посуда. Усть-Альма:
1 – склеп 844; 2 – 775/1; 3 – 775/2; 4 – могила 745

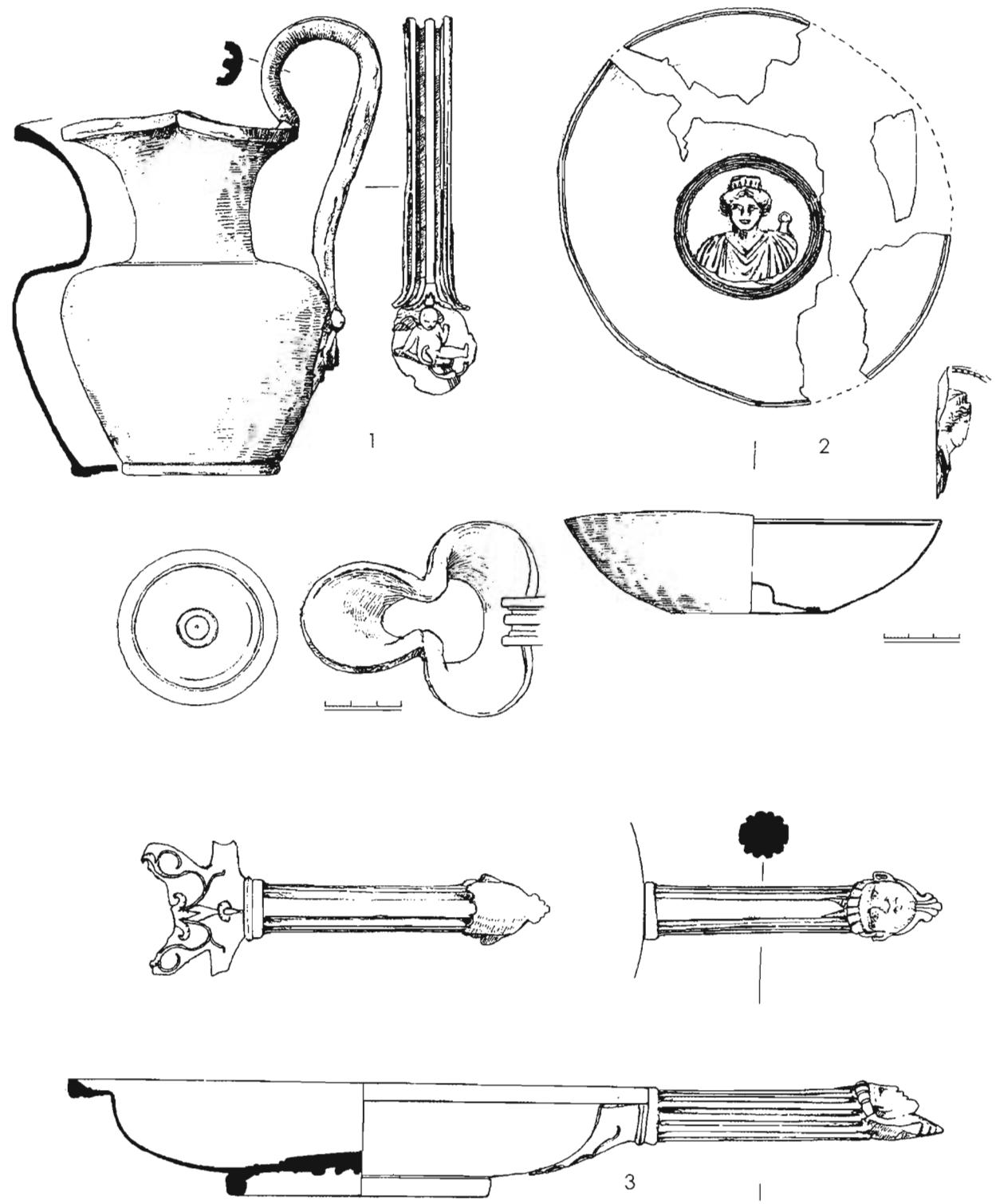

Рис. 155. Бронзовые (1, 3) и серебряный сосуды (2). Усть-Альма. Склеп 844.

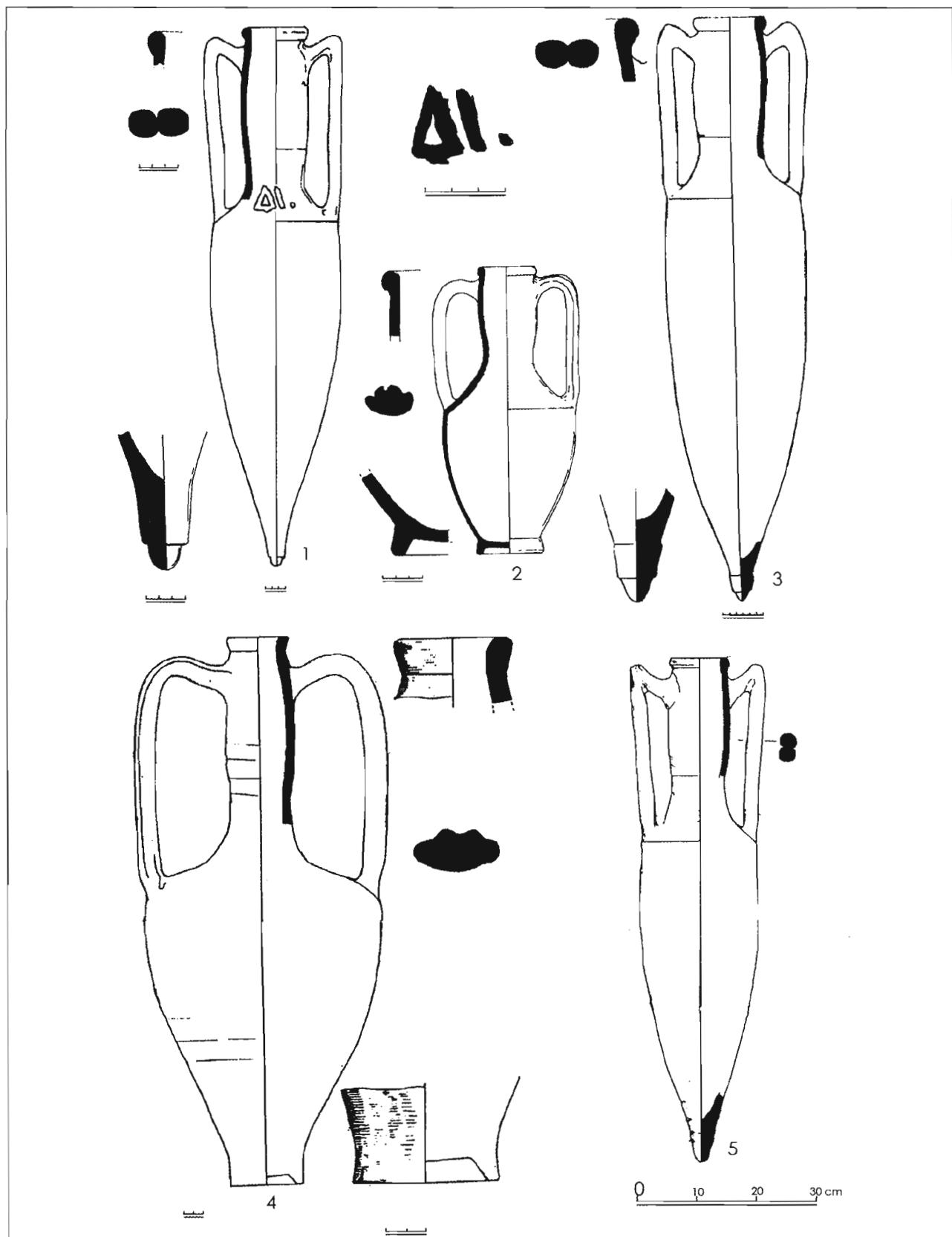

Рис. 156. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма:
1 – скл. 735; 2 – 730/1; 3 – 620/2; 4 – 618/3; 5 – 820

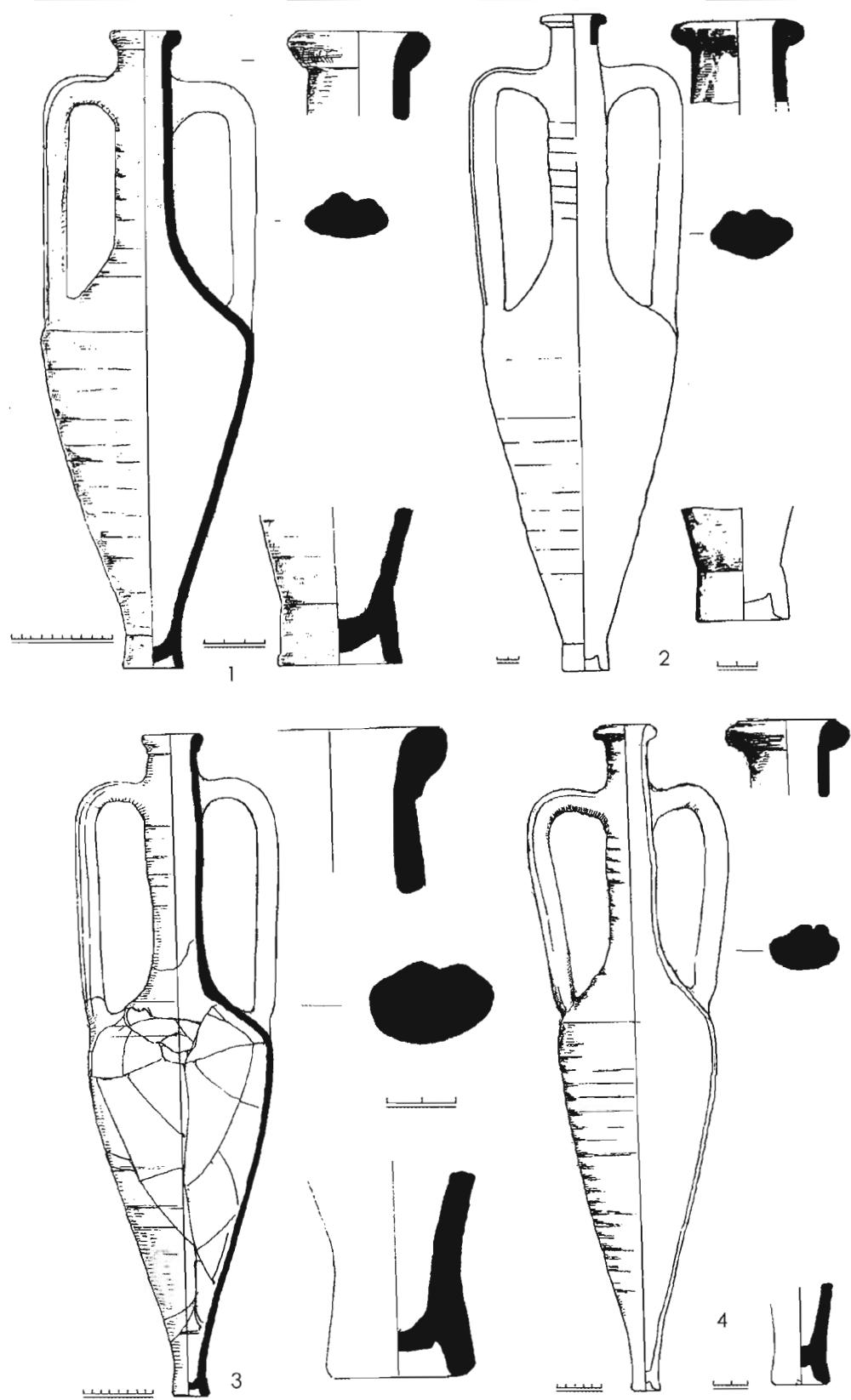

Рис. 157. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма:
1 – склеп 770; 2 – 619/3; 3 – 703/1. Битак; 4 – могила 120

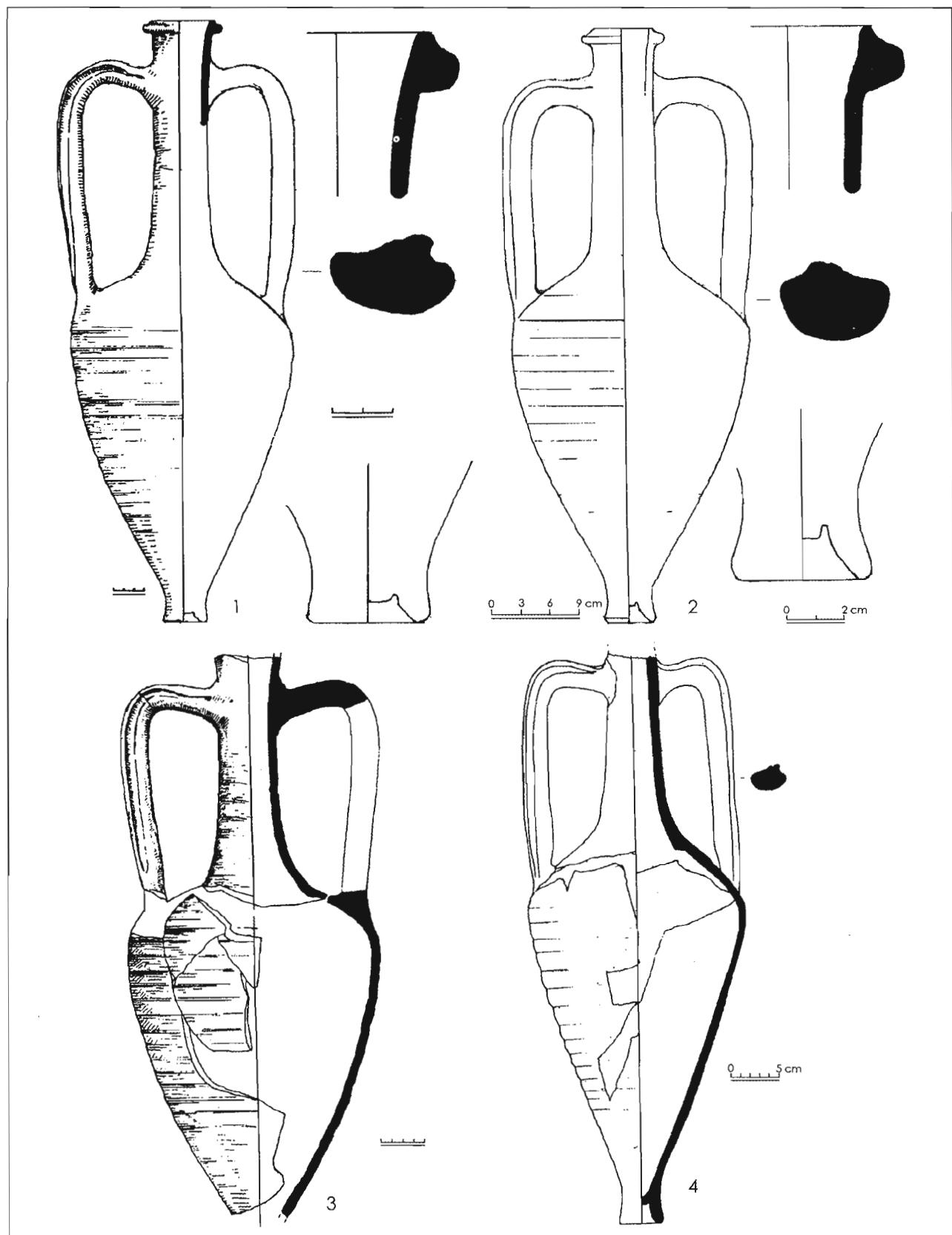

Рис. 158. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма:

1 – могила 700; 2 – склеп 634/1; 3 – 705 (засыпь камеры); 4 – 438 (ярус 5, у крепиды)

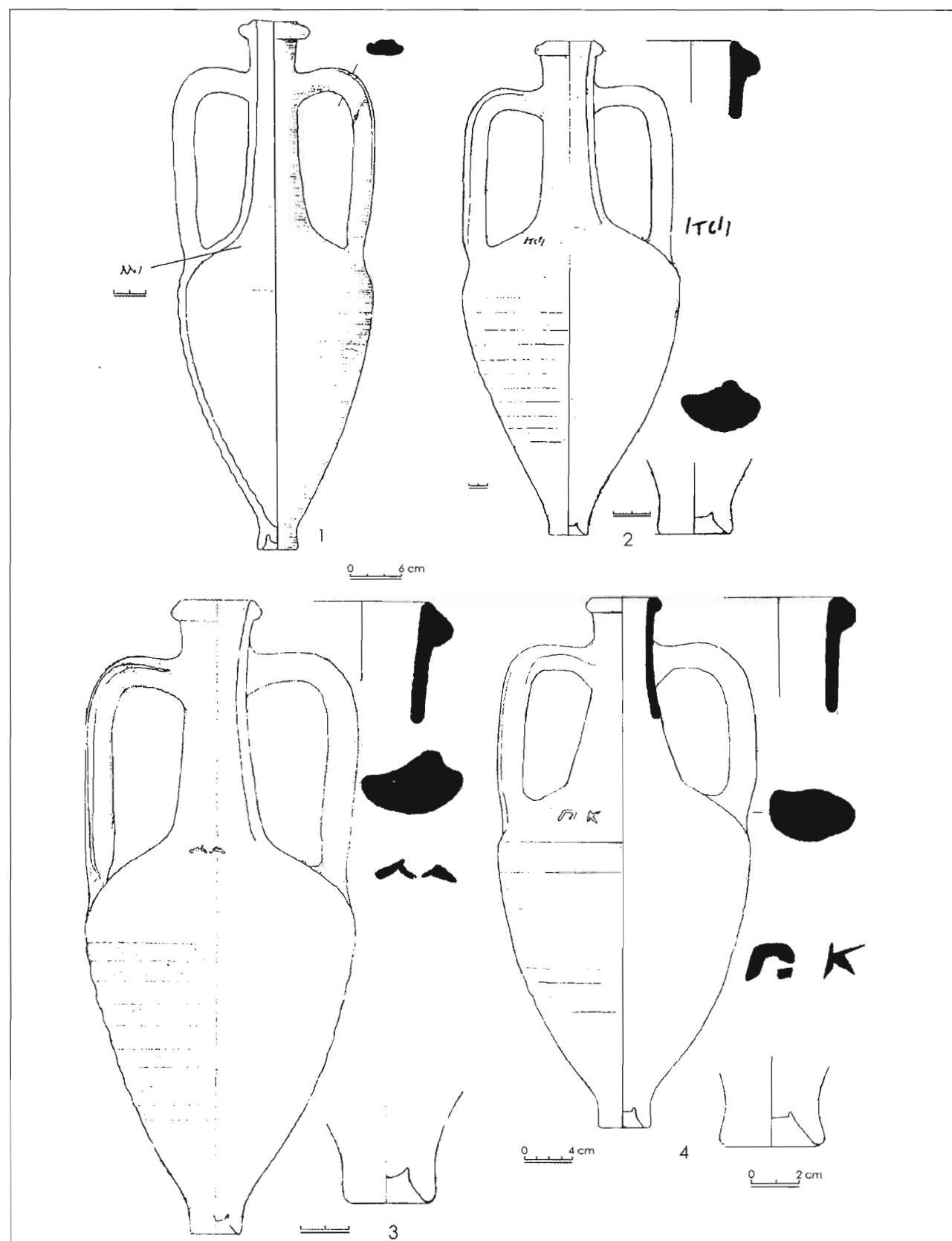

Рис. 159. Светлоглиняные амфоры. Усть-Альма:
1 – склеп 316; 2 – 520/4; 3 – 550/2; 4 – 649/3

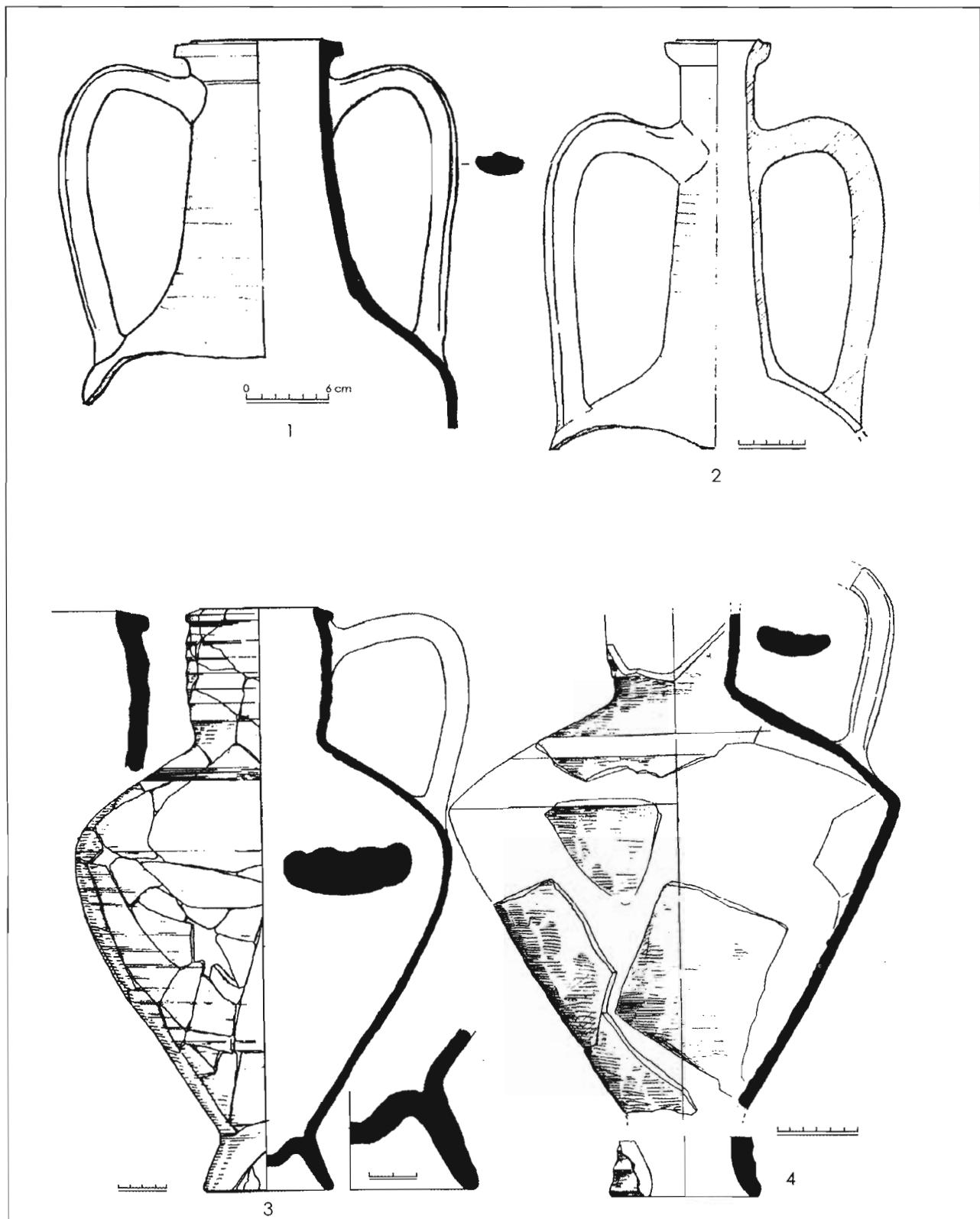

Рис. 160. Красноглиняная (1) и светлоглиняная (2) амфоры, кувшины оранжево-коричневой глины с биконическим корпусом, на высоком поддоне (3, 4). Усть-Альма: 1 – 1995 г., раскоп III, верхний слой; 2 – 1995 г., раскоп II, верхний слой; 3 – могила 700, входная яма; 4 – могила 852, входная яма

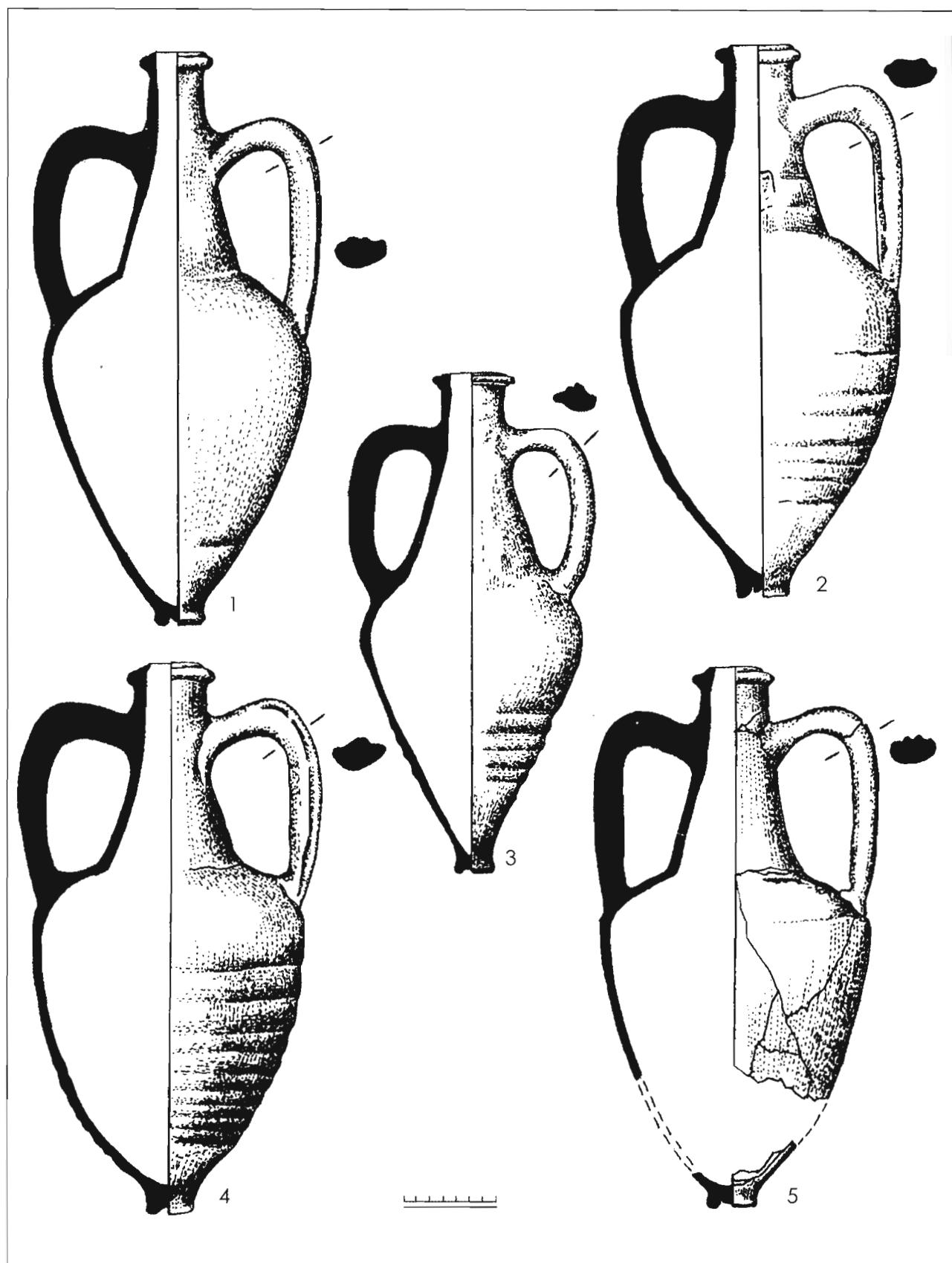

Рис. 161. Светлоглиняные амфоры (1–5). Перевальное. Склеп 1

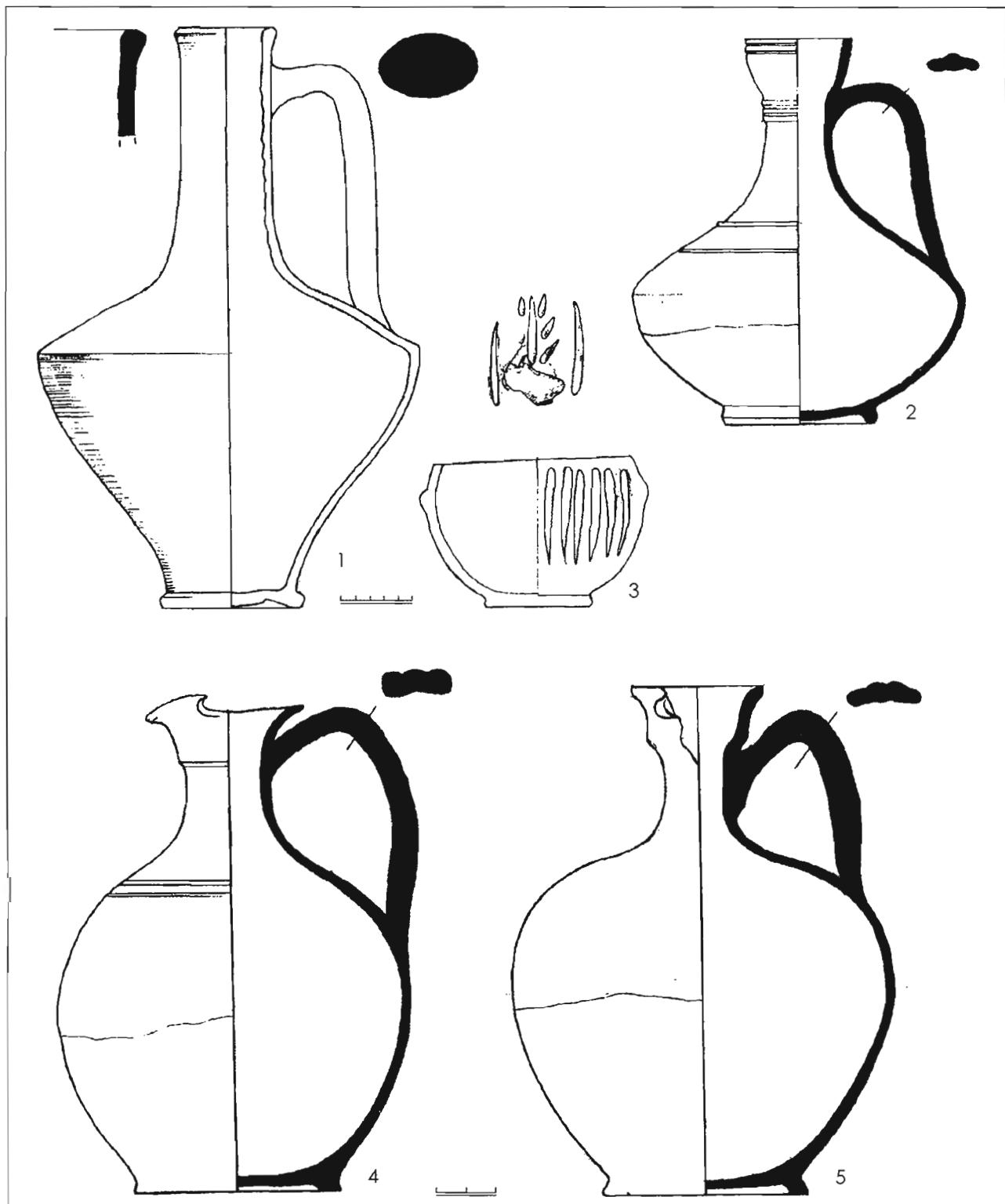

Рис. 162. Гончарный лягинос (1), кувшины (2, 3) и краснолаковые ойнохой (4, 5) рубежа н. э. – первой половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 424 А;

2 – могила 498; 3 – склеп 440/6; 4 – могила 466; 5 – могила 469/1.

Примечания: 2 – буролаковое покрытие со следами росписи белой краской;
3 – двуручный кувшинчик с гравированным орнаментом
(вторично использован в качестве чашки)

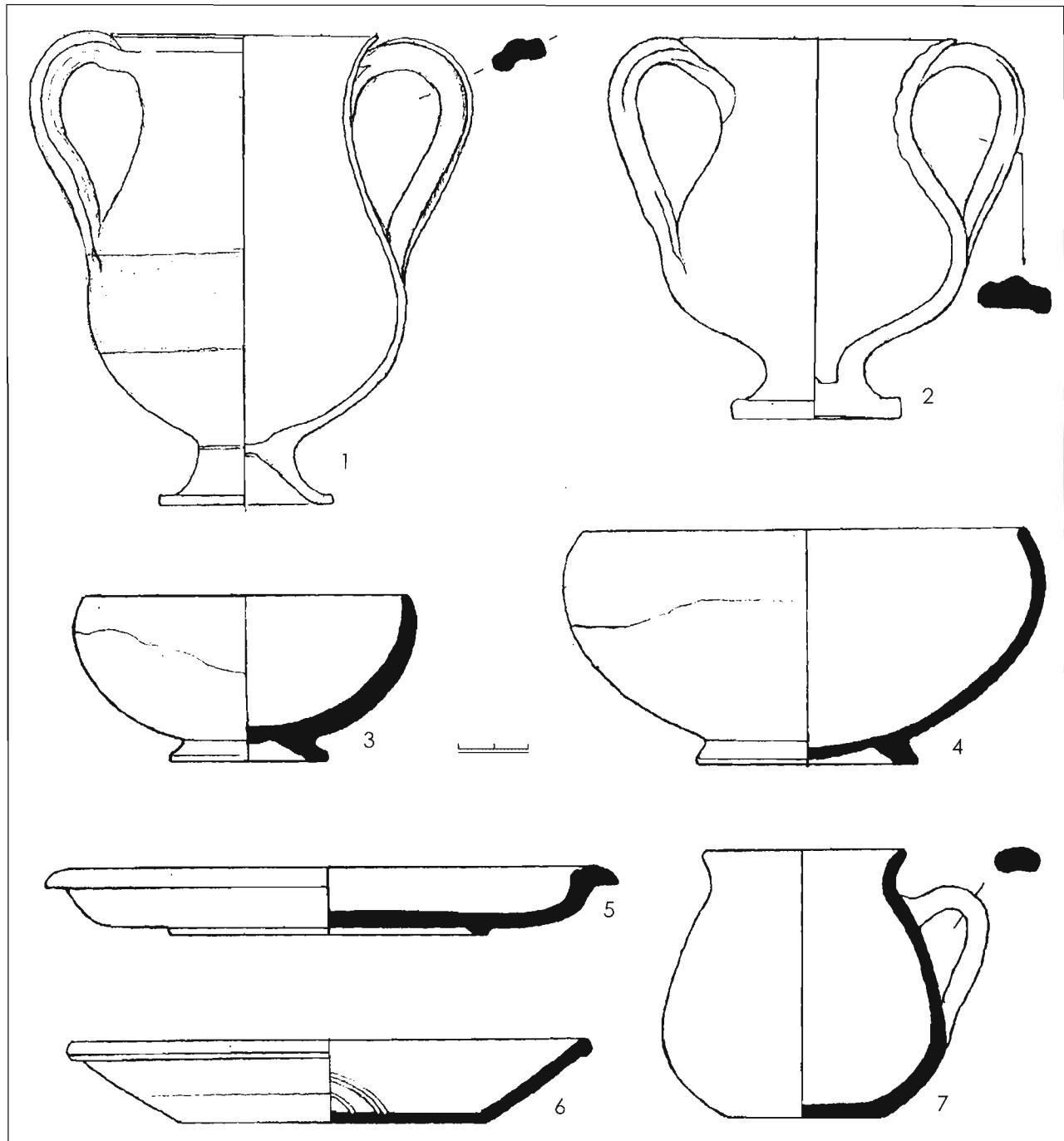

Рис. 163. Краснолаковая посуда рубежа н. э. – первой половины I в. н. э.

Усть-Альма: 1 – склеп 450/22; 2 – могила 505; 3, 5 – 469/1; 4 – 498; 6 – 466; 7 – 469/2. Примечания: 1 – гончарный сосуд с полосой красного лака, поверх которой сохранились следы гирлянды белой краской; 5 – буролаковое покрытие

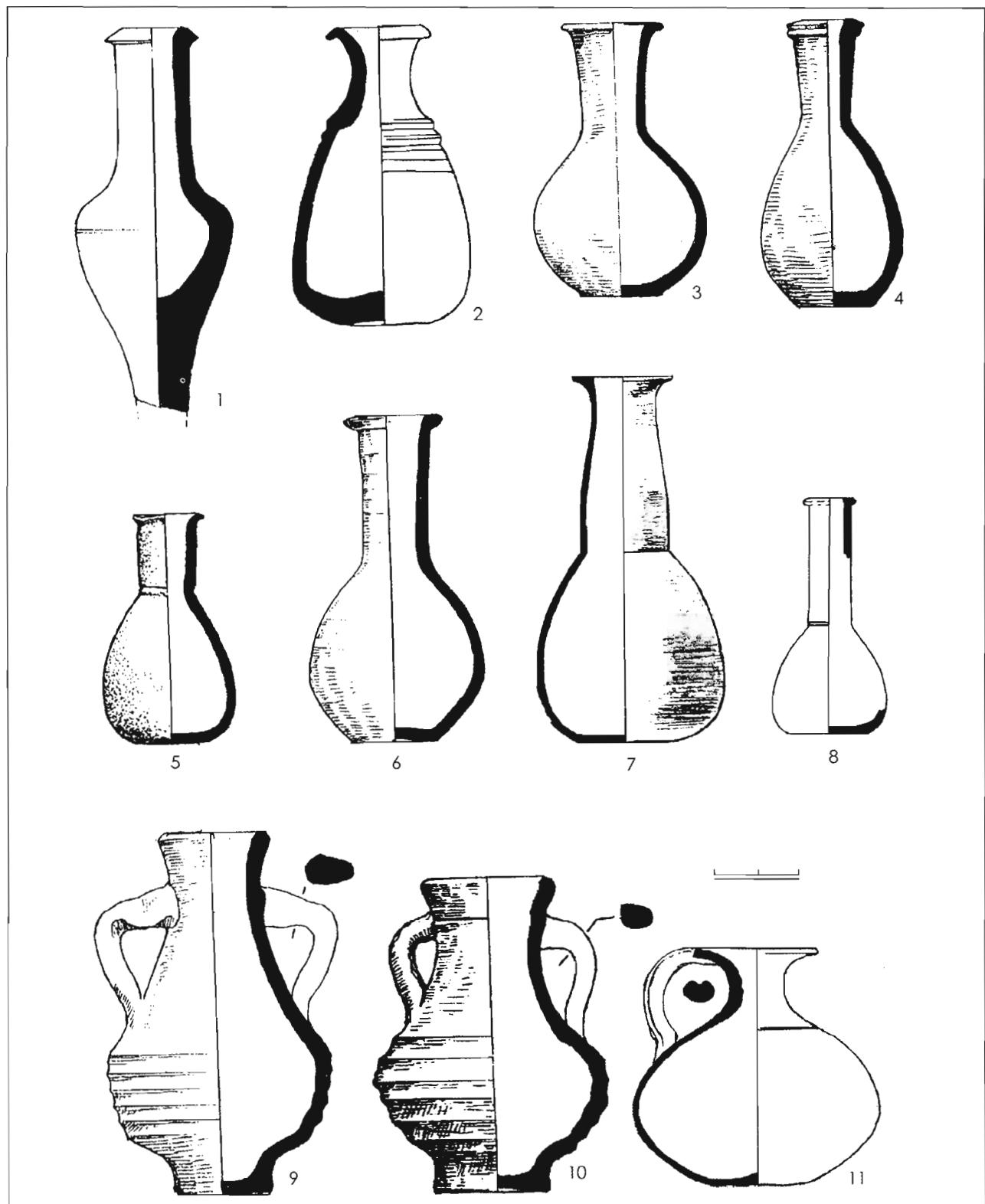

Рис. 164. Гончарные (1, 3, 4–10) и краснолаковые (2, 5, 11) фляконы конца I в. до н. э. – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 469/1; 2 – склеп 690; 3 – 612/2; 4 – 649/3; 6 – 820; 7 – могила 341; 9 – склеп 439/3; 10 – 520/18; 11 – могила 430. Битак: 5 – склеп 104/4. Неаполь Скифский, восточный некрополь: 8 – могила 95 [Сымонович, 1983, табл. XI, 17]

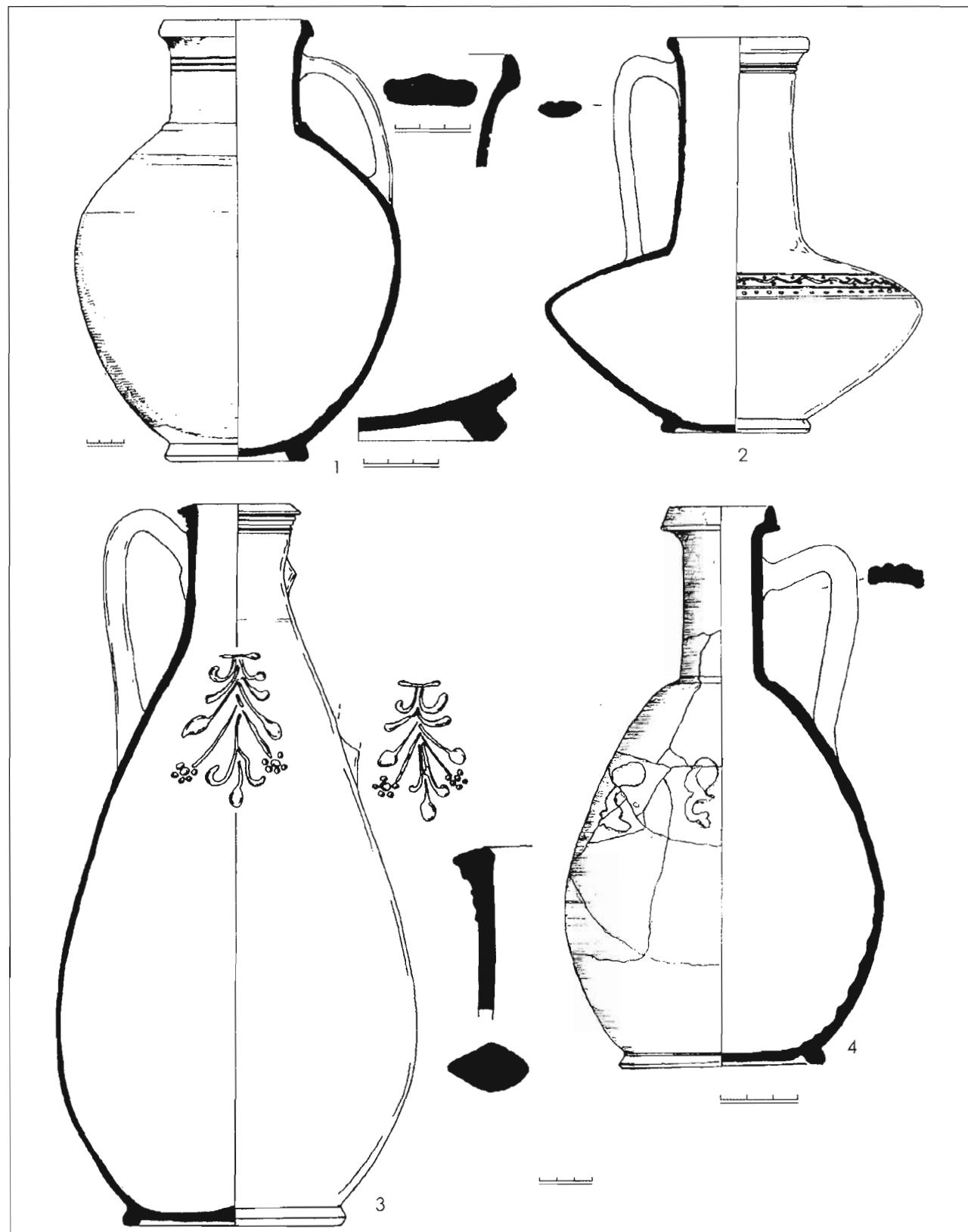

Рис. 165. Краснолаковые кувшины (1, 2, 4) и амфора (3) из погребений середины – третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612; 2 – 730/2; 3 – 720; 4 – могила 740. Примечания: 2 – роспись белой краской; 3, 4 – рельефный орнамент

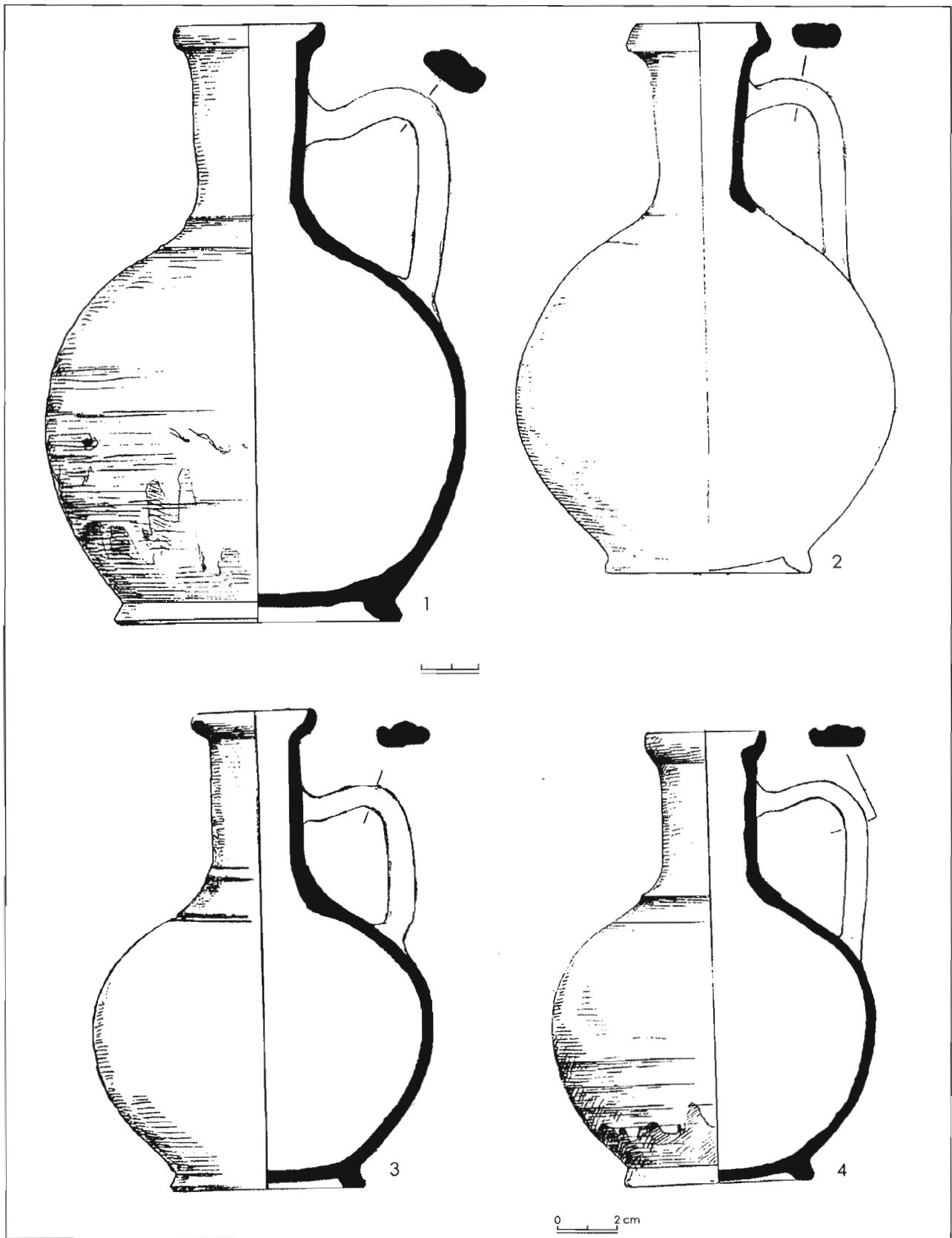

Рис. 166. Краснолаковые кувшины из комплексов середины – третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 650/1; 2 – могила 509; 3 – 580; 4 – 609

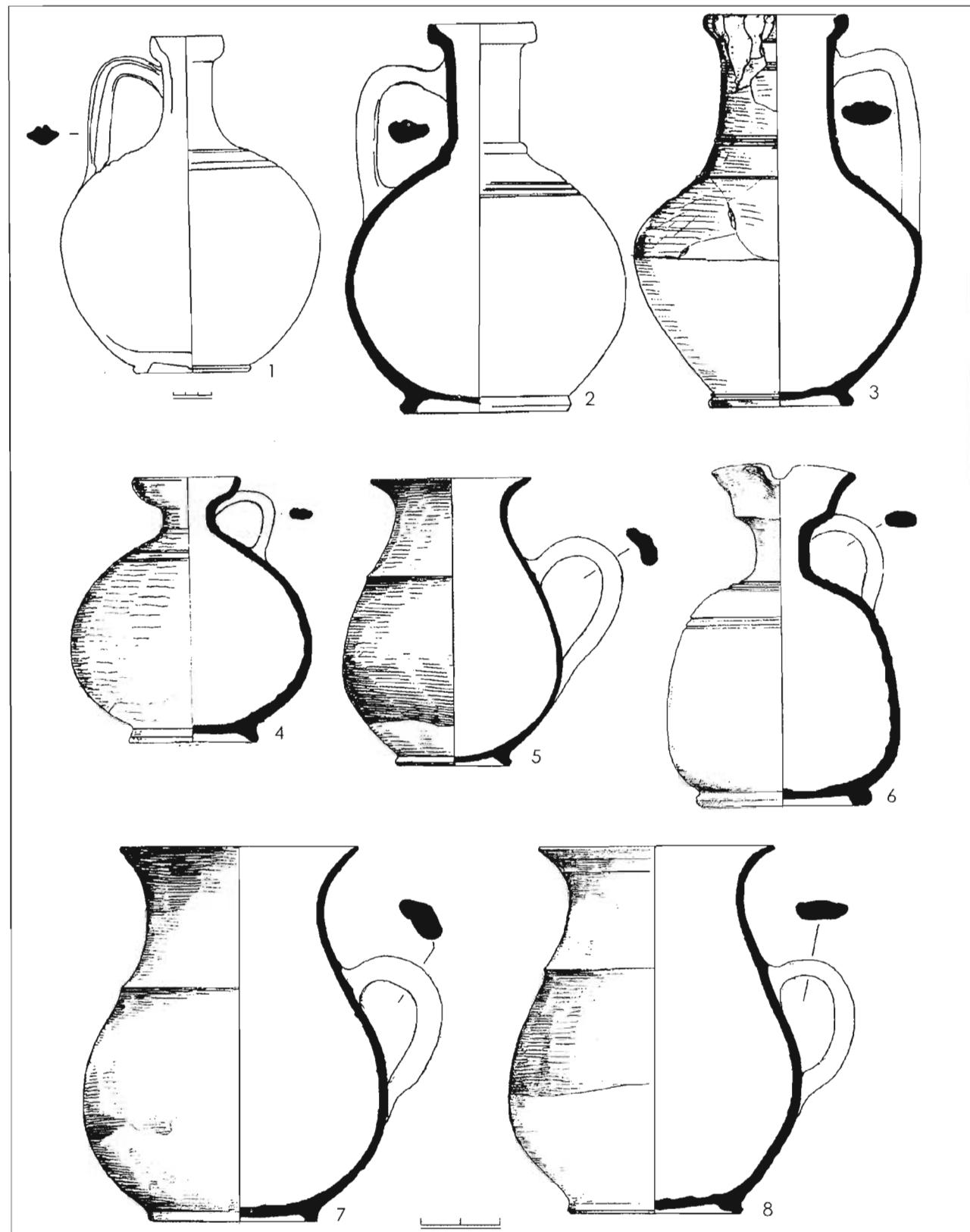

Рис. 167. Гончарная (1) и краснолаковая (2–8) посуда из комплексов середины третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 735; 3 – 777/1; 4 – 775/1; 5 – могила 657; 6 – склеп 550/31; 7 – 630/ярус 1; 8 – могила 713

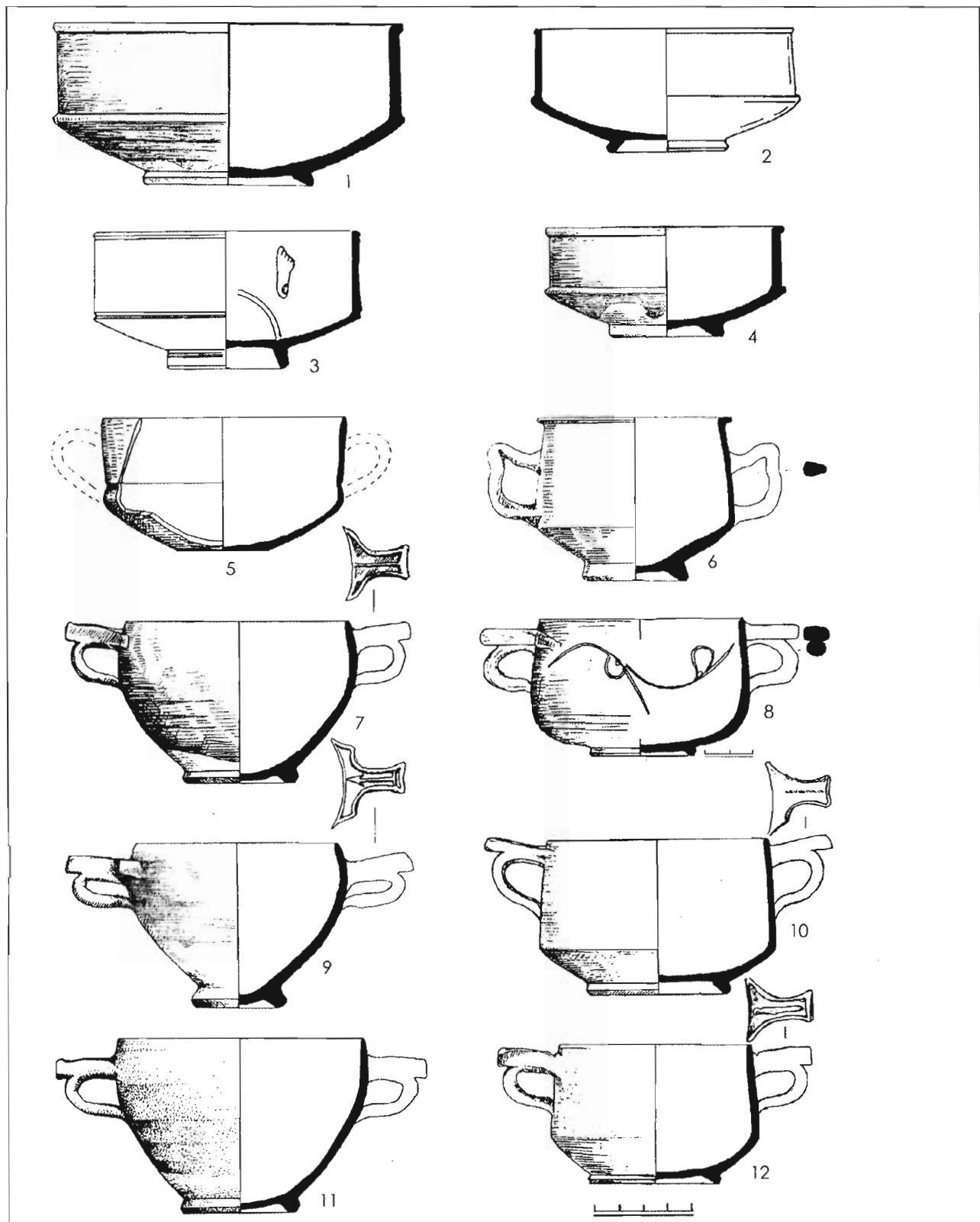

Рис. 168. Краснолаковые чашки (1–4) и канфары (5–12) из комплексов середины–третьей четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 650/7; 2 – 720; 3, 10 – могила 558; 4 – склеп 650/4; 5 – могила 682/5; 6 – 580; 7 – 609; 8 – 740; 9 – 596; 11 – 586; 12 – 517/4

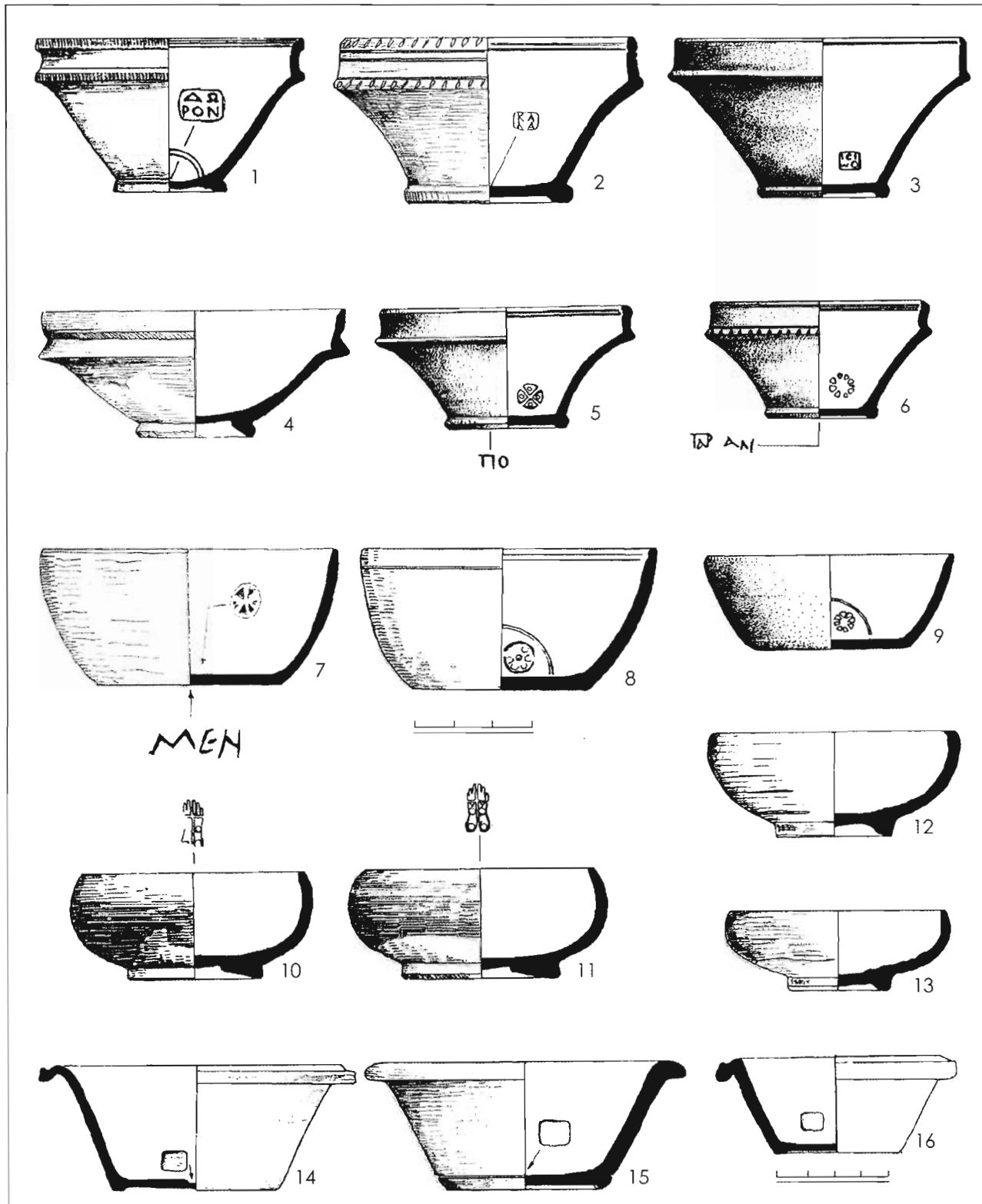

Рис. 169. Краснолаковые чашки из комплексов второй половины

I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 612; 2–650/6; 3 – могила 422; 4 – склеп 650/2a; 5 – могила 476; 6 – 520/25; 7 – 775/1; 8 – 820; 9 – могила 542/2; 10 – склеп 619/5; 11 – 619/4; 12 – 777/4; 13 – 777/2; 15 – могила 728/нижний ярус; 16 – 411/1–2. Битак: 14 – могила 79/2

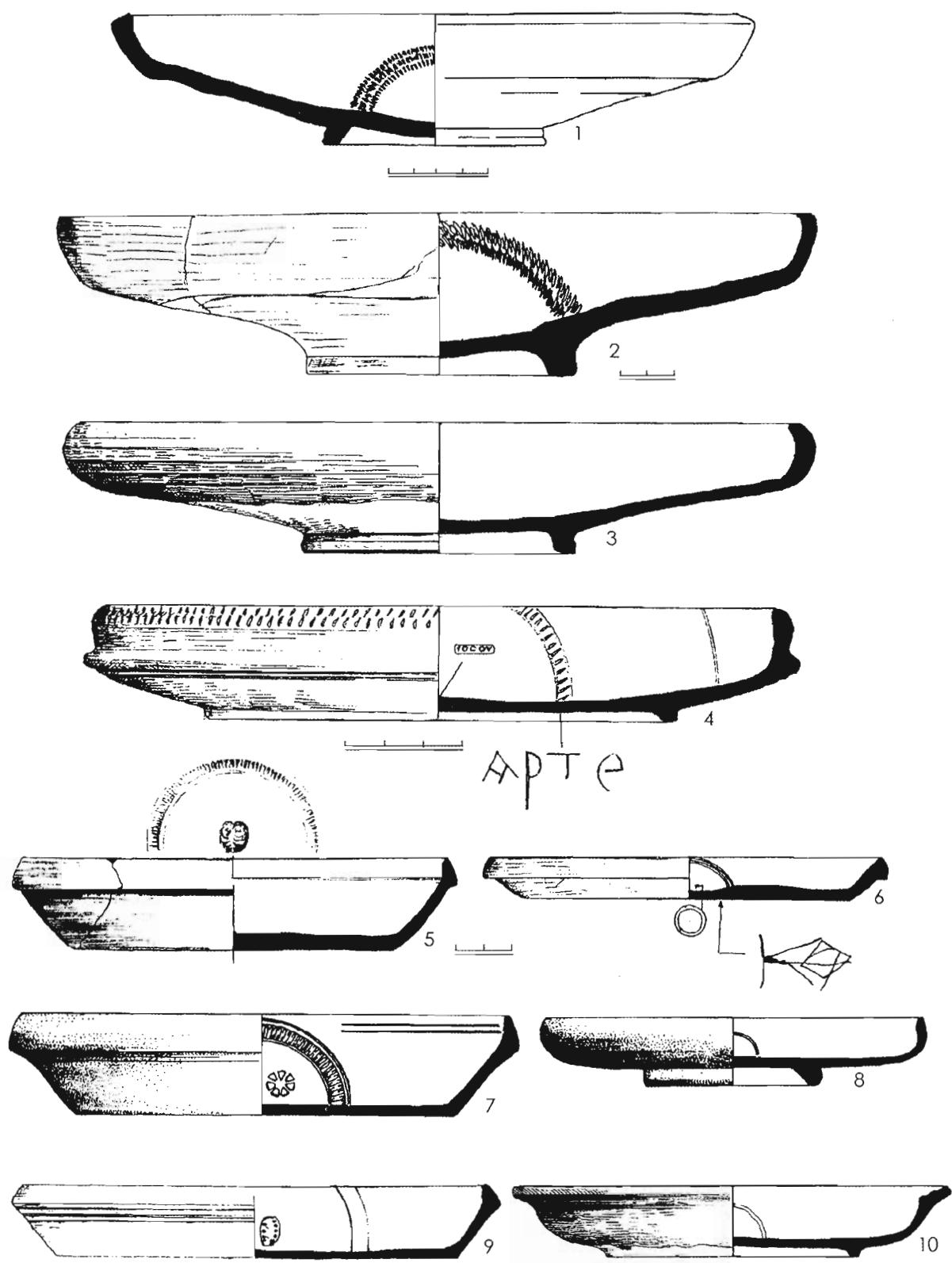

Рис. 170. Краснолаковые блюда и тарелки из комплексов середины – второй половины I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 777/1; 3 – 618/3; 4 – могила 691; 5 – склеп 424а; 6 – 777/3; 7 – могила 421; 8 – 509; 9 – могила 745; 10 – 609

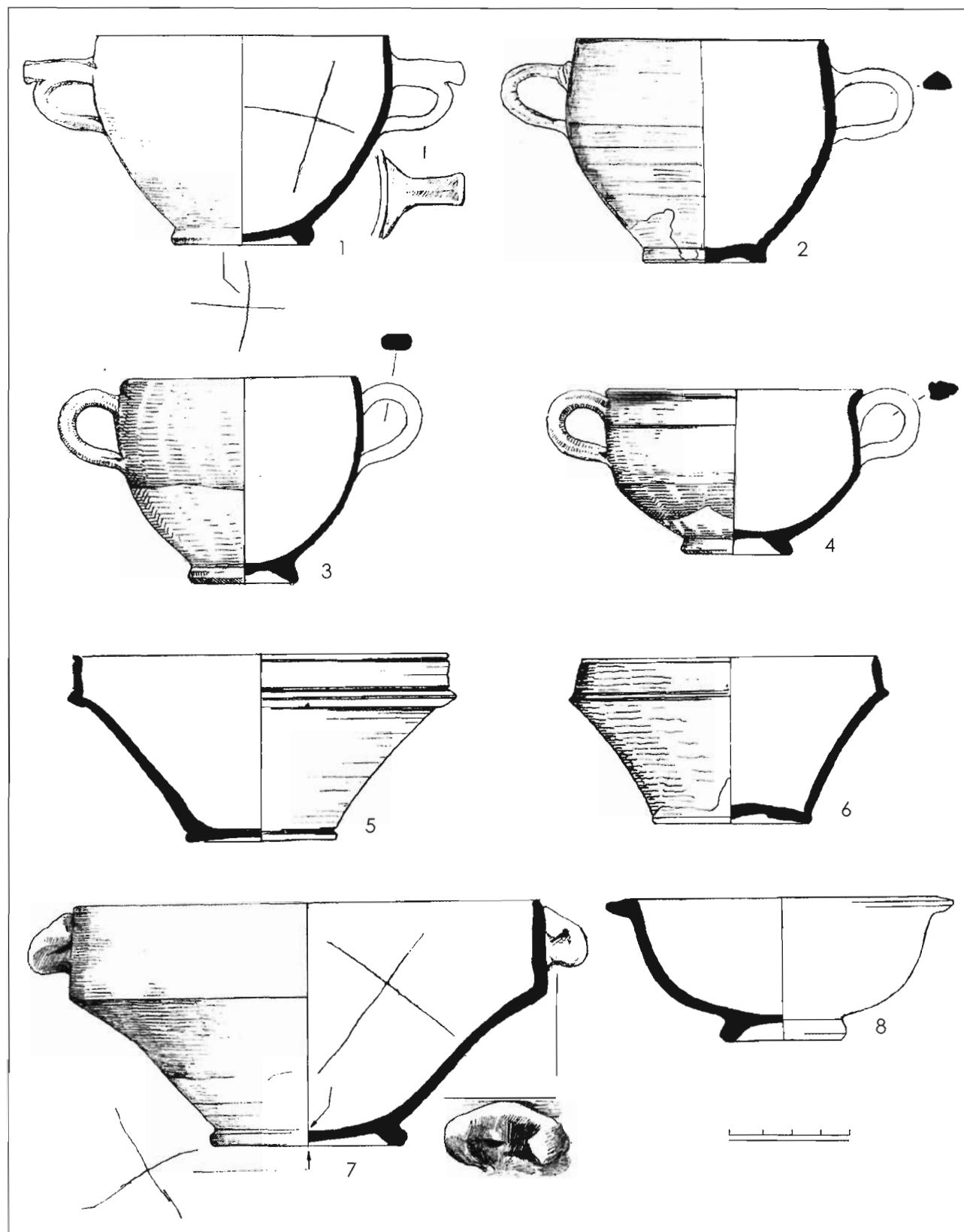

Рис. 171. Краснолаковые канфары (1–4) и чашки (5–8) из комплексов последней четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 586; 2 – 745/1; 3 – склеп 703/1; 4 – могила 711; 6 – склеп 775/1; 7 – могила 714; 8 – 411/1. Битак: 5 – могила 79/1

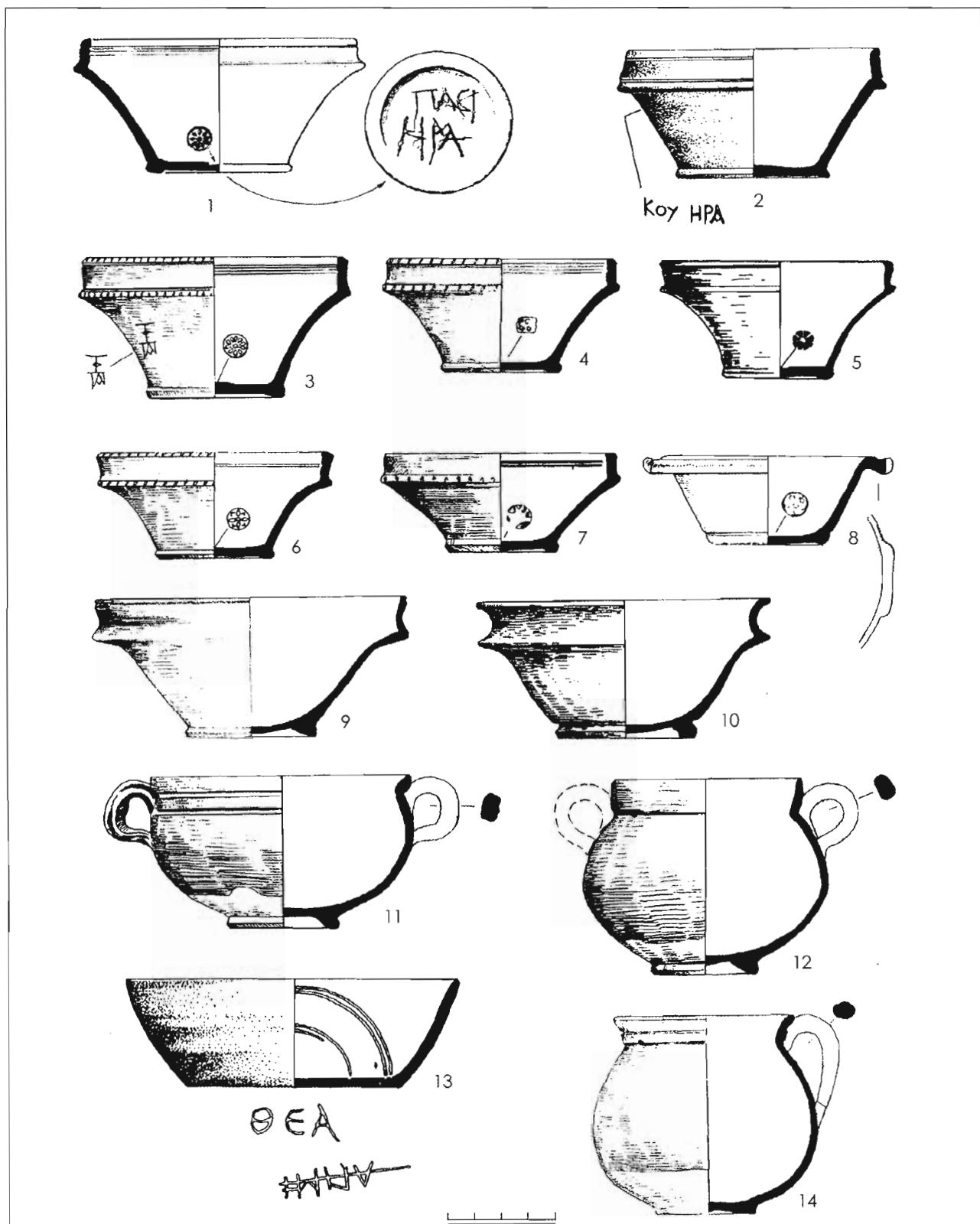

Рис. 172. Краснолаковая посуда из комплексов последней четверти

I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 2 – склеп 316; 3 – могила 636/2; 4 – 598; 6 – 673/2; 7 – 600; 8 – 526; 9 – склеп 734; 10 – могила 698; 11 – склеп 640/12; 12 – могила 655; 13 – 396; 14 – 615. Битак: 1 – могила 147/2; 5 – могила 120

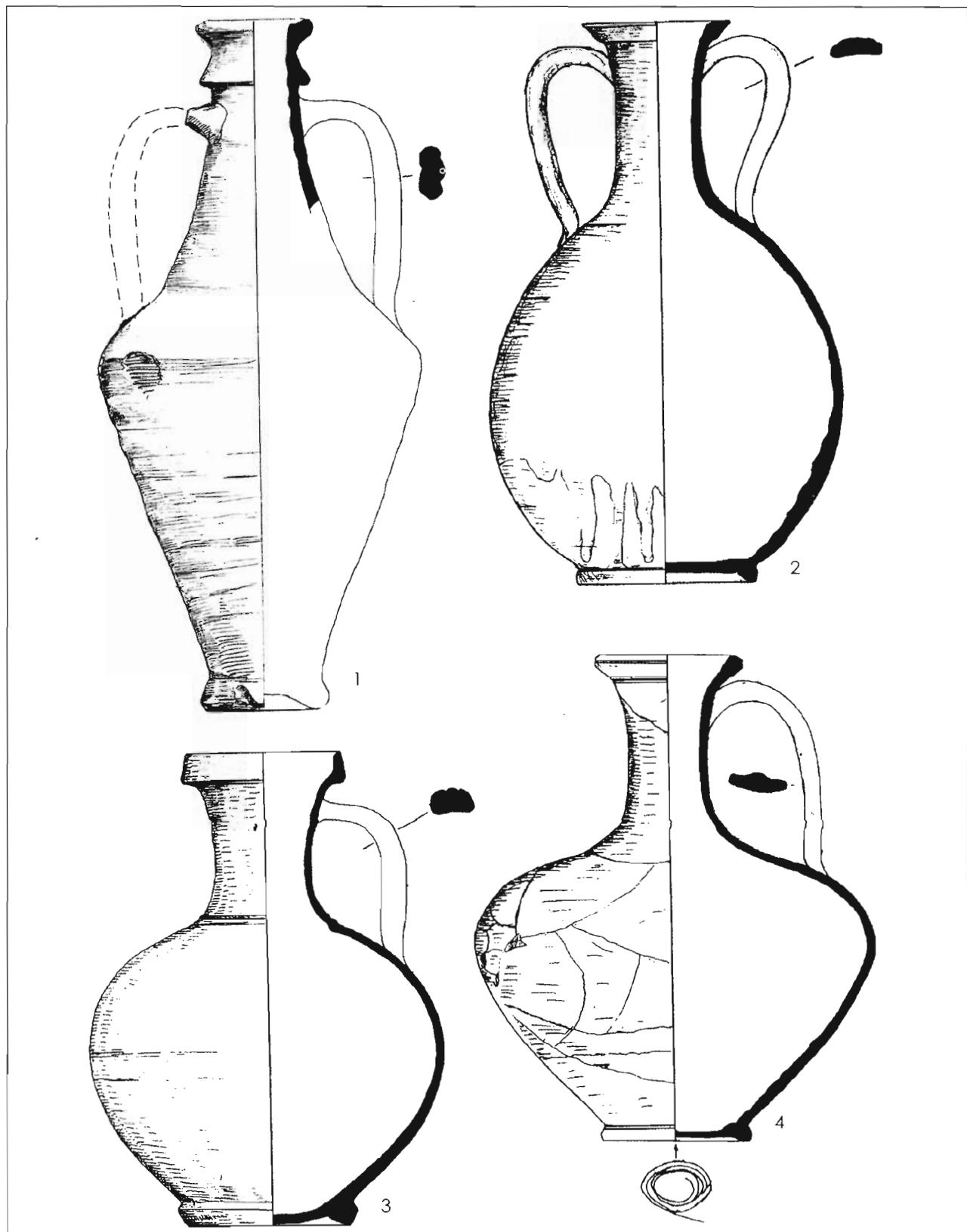

Рис. 173. Гончарный (1) и краснолаковый (2) амфориски и краснолаковые кувшины (3, 4) из комплексов последней четверти I – начала II в. н. э. Усть-Альма:
1 – могила 644; 2 – склеп 763/1; 3 – могила 711; 4 – склеп 775/1

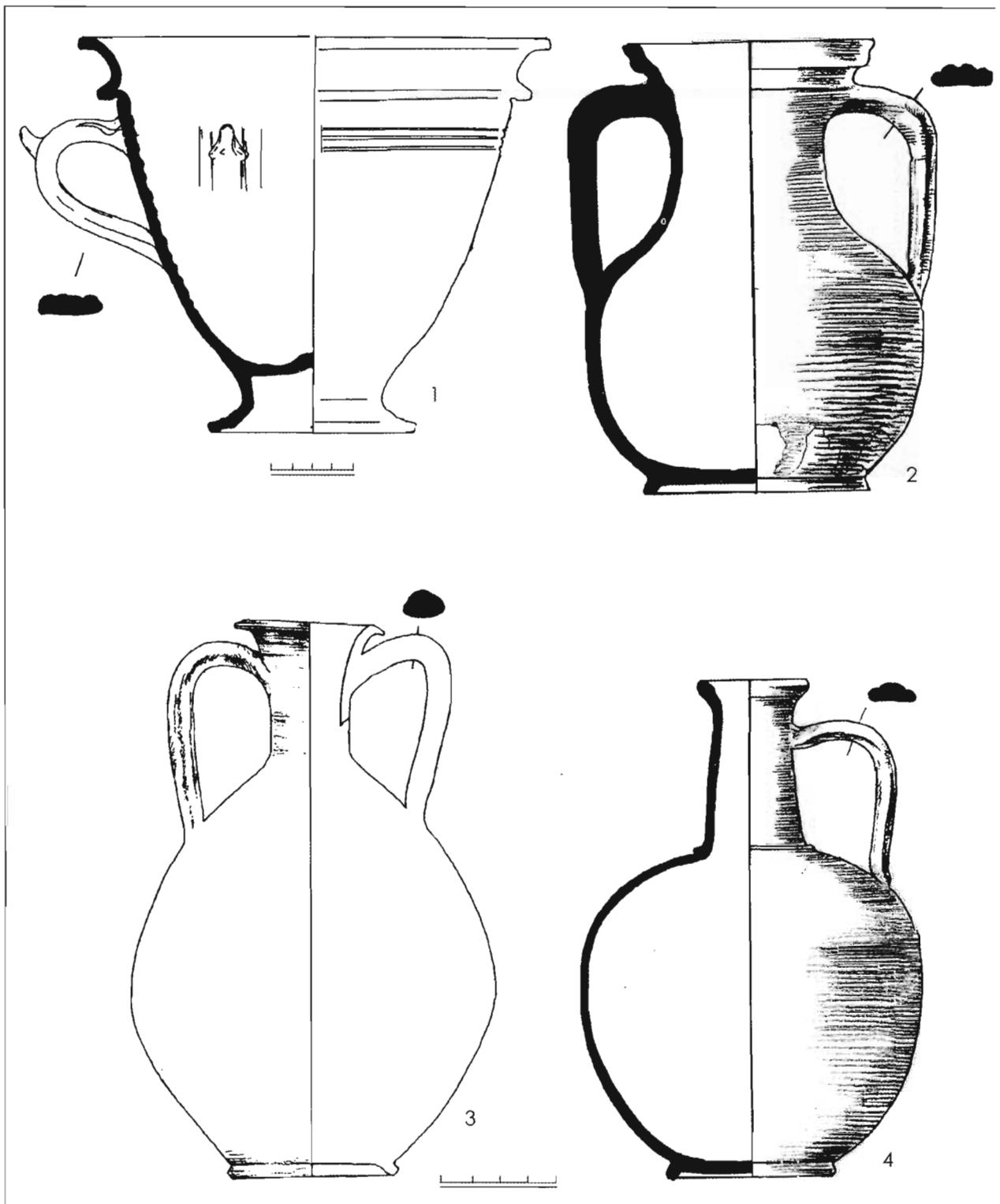

Рис. 174. Краснолаковый кратер (1), амфориски (2, 3) и кувшин (4) из комплексов последней четверти I в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 705; 2 – 348; 3 – могила 372/2; 4 – склеп 348/58

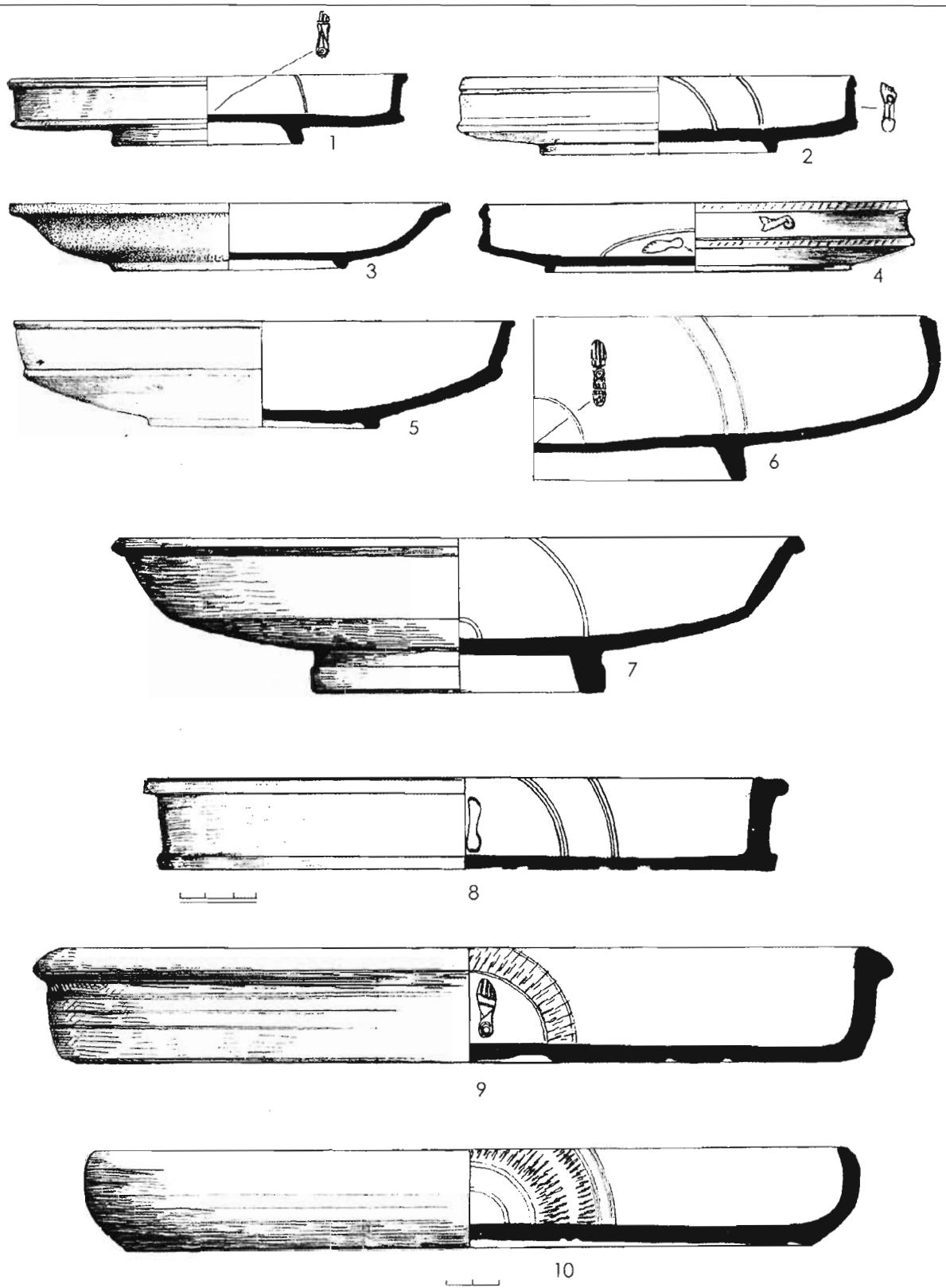

Рис. 175. Краснолаковые тарелки (1–7) и блюда (8–10) второй половины I в. н. э.
Усть-Альма: 1 – могила 713; 2 – 517/4; 3 – 584; 4 – 338; 5 – 596; 6 – 711;
7 – 630/ярус 1; 8 – склеп 763/1; 9 – 703/1; 10 – 629

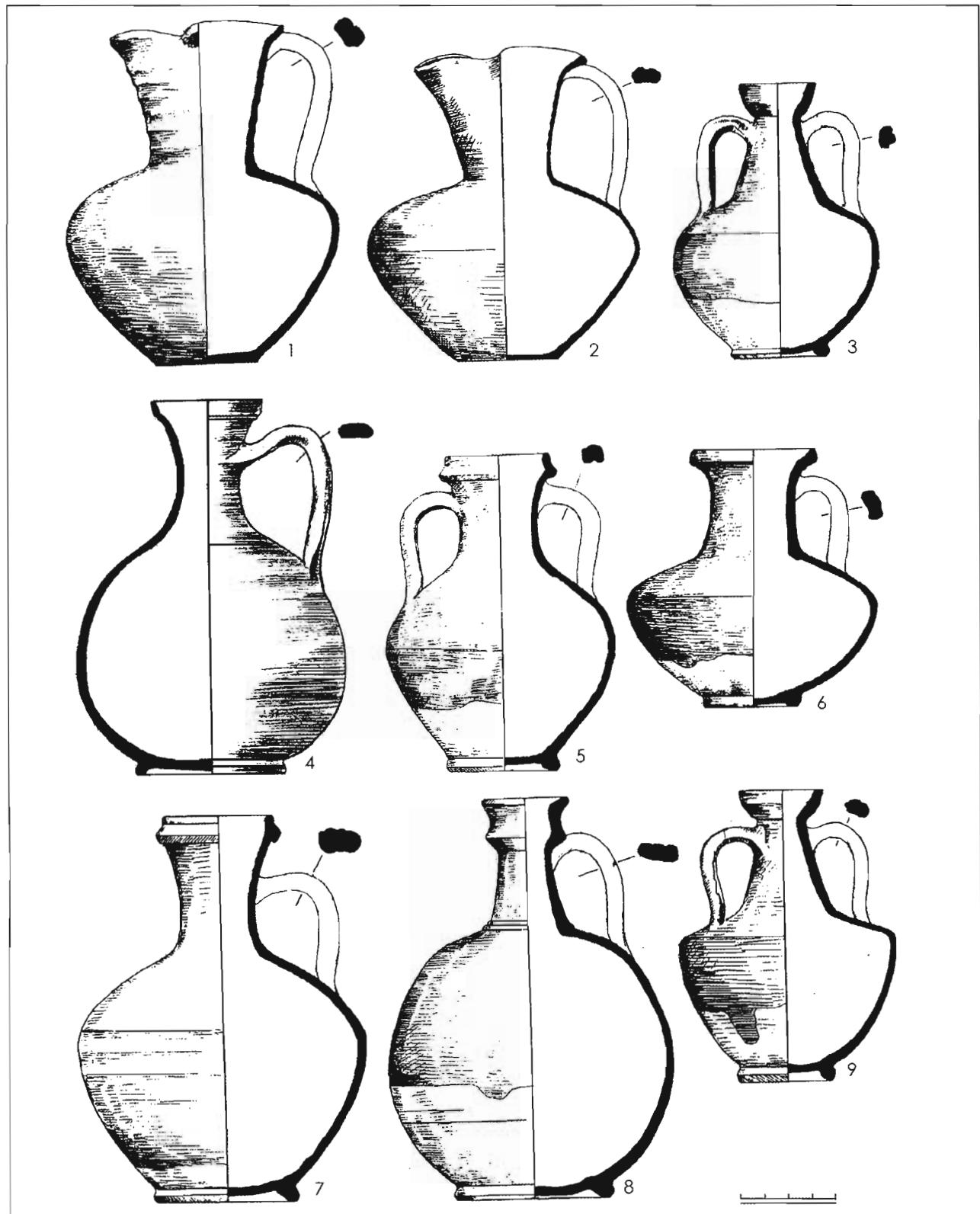

Рис. 176. Гончарные ойнохой (1, 2), краснолаковые кувшины (4–8) и амфориски (3, 9) из комплексов последней четверти I в. н. э. – начала II в. н. э. Усть-Альма:
 1 – могила 651; 2 – склеп 703/1; 3 – могила 721; 4 – 338; 5 – 615; 6 – склеп 640/12;
 7 – могила 600; 8 – 733; 9 – 673/2

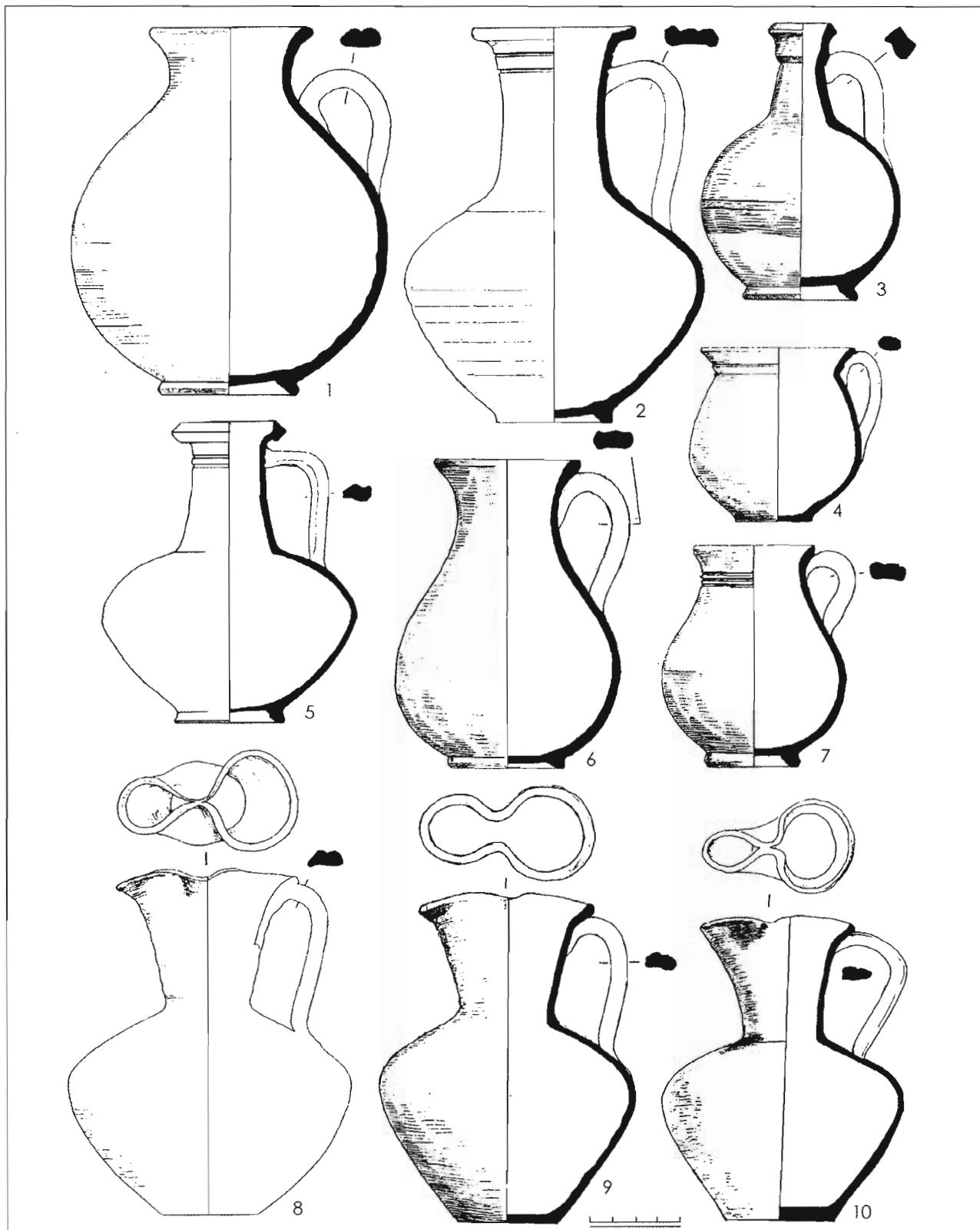

Рис. 177. Краснолаковые кувшины (1–3, 5–7), кубок (4), гончарная (8) и краснолаковые (9, 10) ойнохой из комплексов второй–третьей четвертей II в. н. э. Усть-Альма: 2 – склеп 550/2; 3 – могила 673/1; 4 – 592/2 (нижнее); 6 – 592(?) 7 – 571; 8 – 365; 9 – 592/1(верхнее). Битак: 1 – могила 90/1; 5 – 114

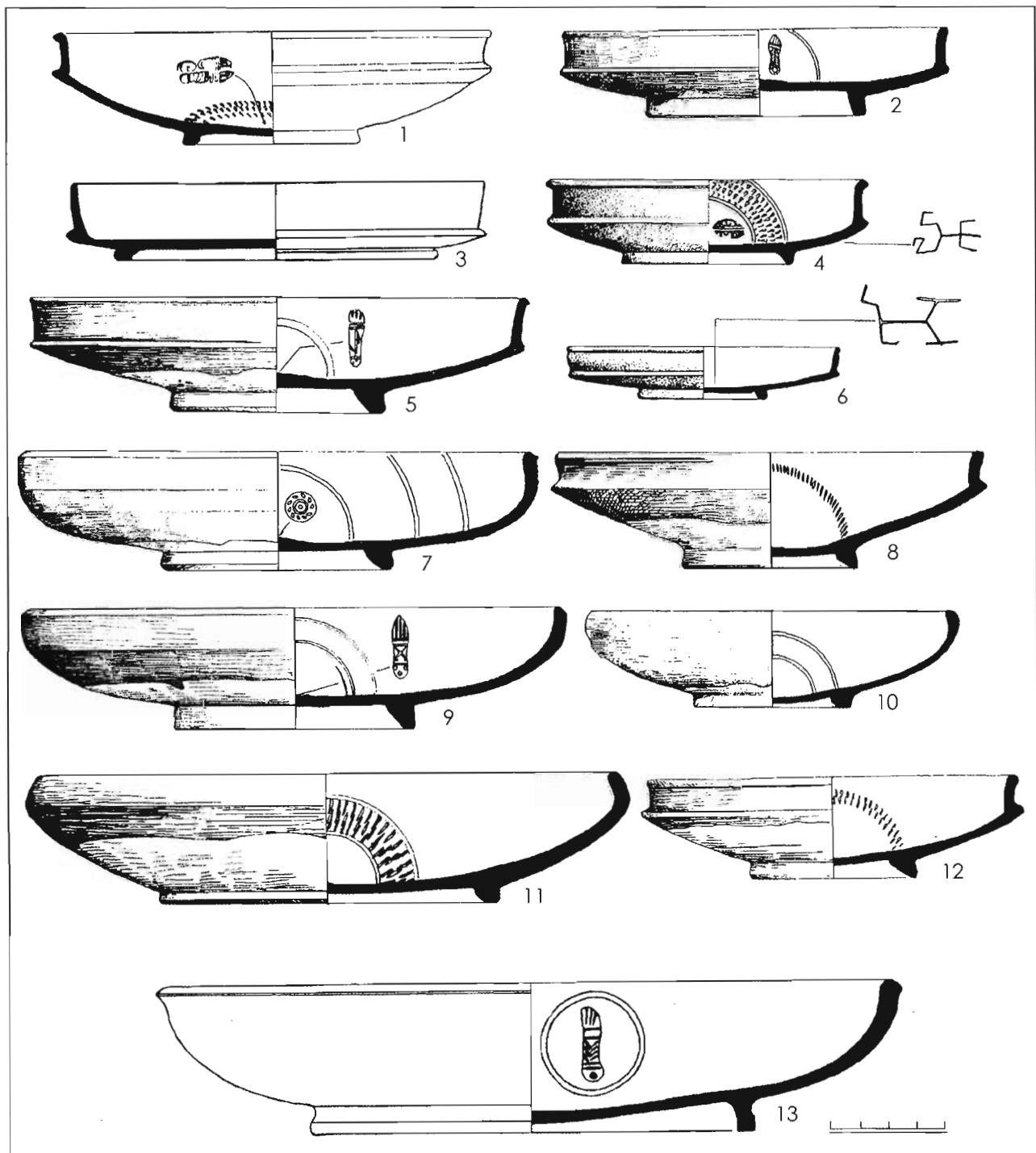

Рис. 178. Краснолаковые тарелки из комплексов конца I – первой четверти II в. н. э.

Усть-Альма: 2 – могила 614; 3 – склеп 348/58; 4 – 316; 5 – могила 651; 6 – 329а; 7 – 727; 8 – 600; 9 – 654; 10 – 598; 11 – 655; 12 – 705 / ниша; 13 – 433.

Битак: 1 – могила 147/2

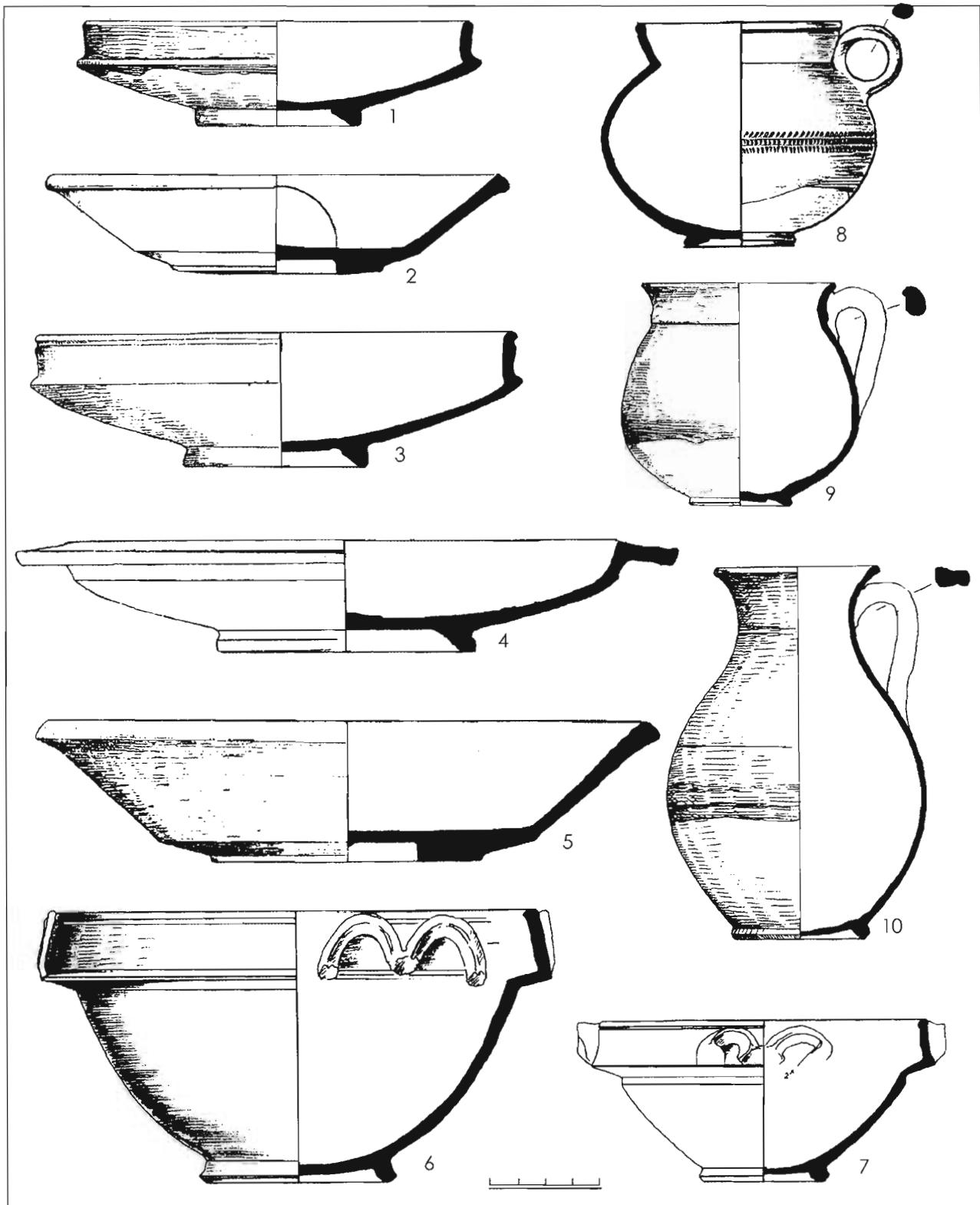

Рис. 179. Краснолаковые тарелки (1–5), чаши (6, 7), кубки (8, 9), кувшин из комплексов второй четверти – середины II в. н. э. Усть-Альма:
 1 – могила 673/1; 2 – склеп 520/1; 3 – 571; 4 – 590/2; 5 – могила 542/1; 8 – 373;
 9 – склеп 640/1; 10 – могила 684. **Битак:** 6 – могила 85/1; 7 – 149

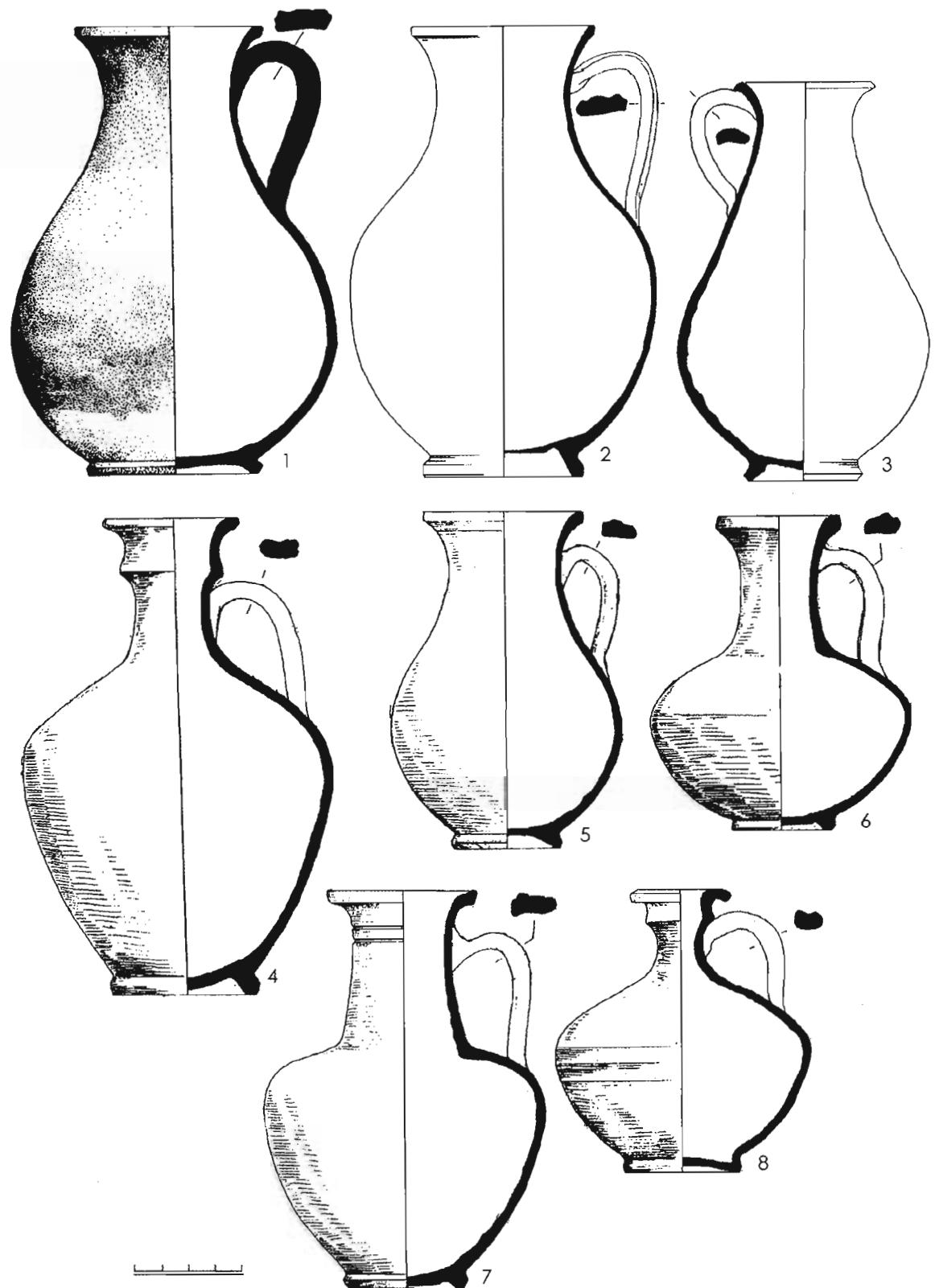

Рис. 180. Краснолаковые кувшины из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 316 (верхний ярус); 4 – могила 583/1; 5 – 566/1; 6 – 566/2; 7 – 583/2; 8 – 574. Битак: 2 – могила 143; 3 – 66

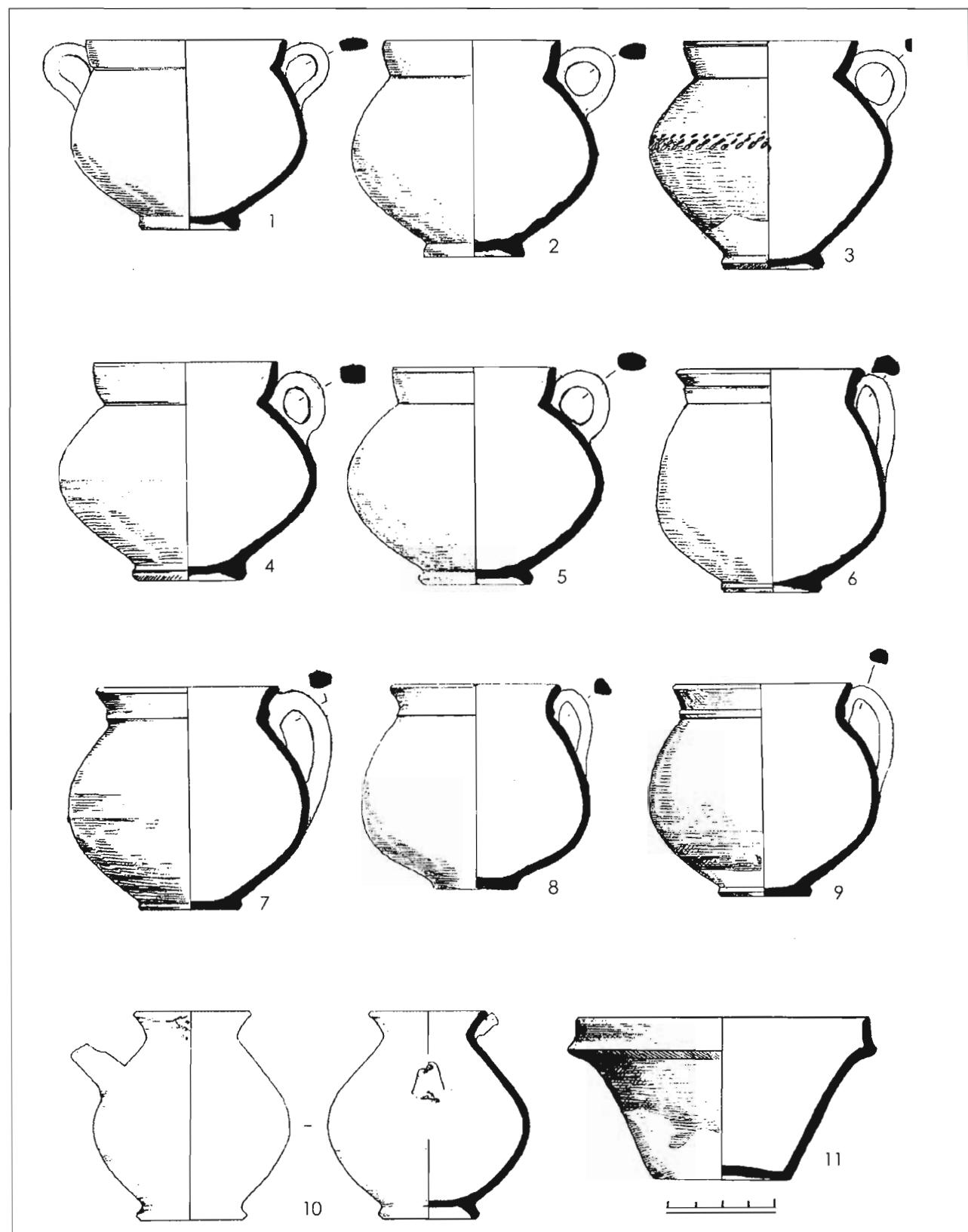

Рис. 181. Краснолаковые кубки (1–9), гуттус (10) и чашка (11) из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 568; 2 – 536; 3 – 606; 4 – 559; 5 – 537; 6 – 566/2; 7 – 583; 8 – 574; 9, 11 – 611/2; 10 – склеп 316

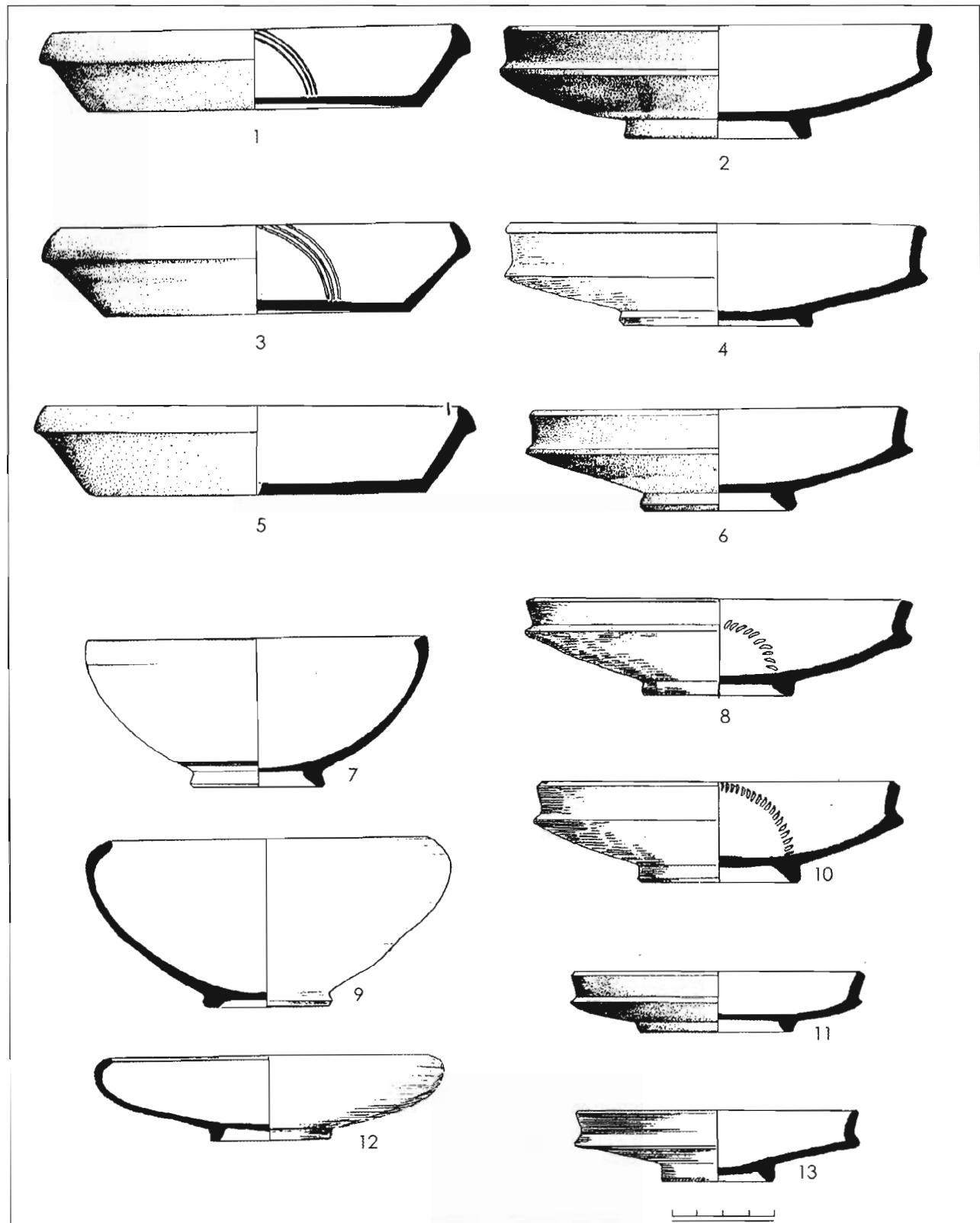

Рис. 182. Краснолаковые тарелки (1–6, 8, 10–13) и миски (7, 9) из комплексов второй половины II – начала III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 559; 2 – 482; 3 – 536; 4 – 568; 5 – 1995 г., раскоп III (верхний слой); 6 – 566/1; 8 – 574; 10 – 566/2; 11 – 319; 13 – 559. Битак: 7 – могила 143; 9 – 66; 12 – 44/2-1

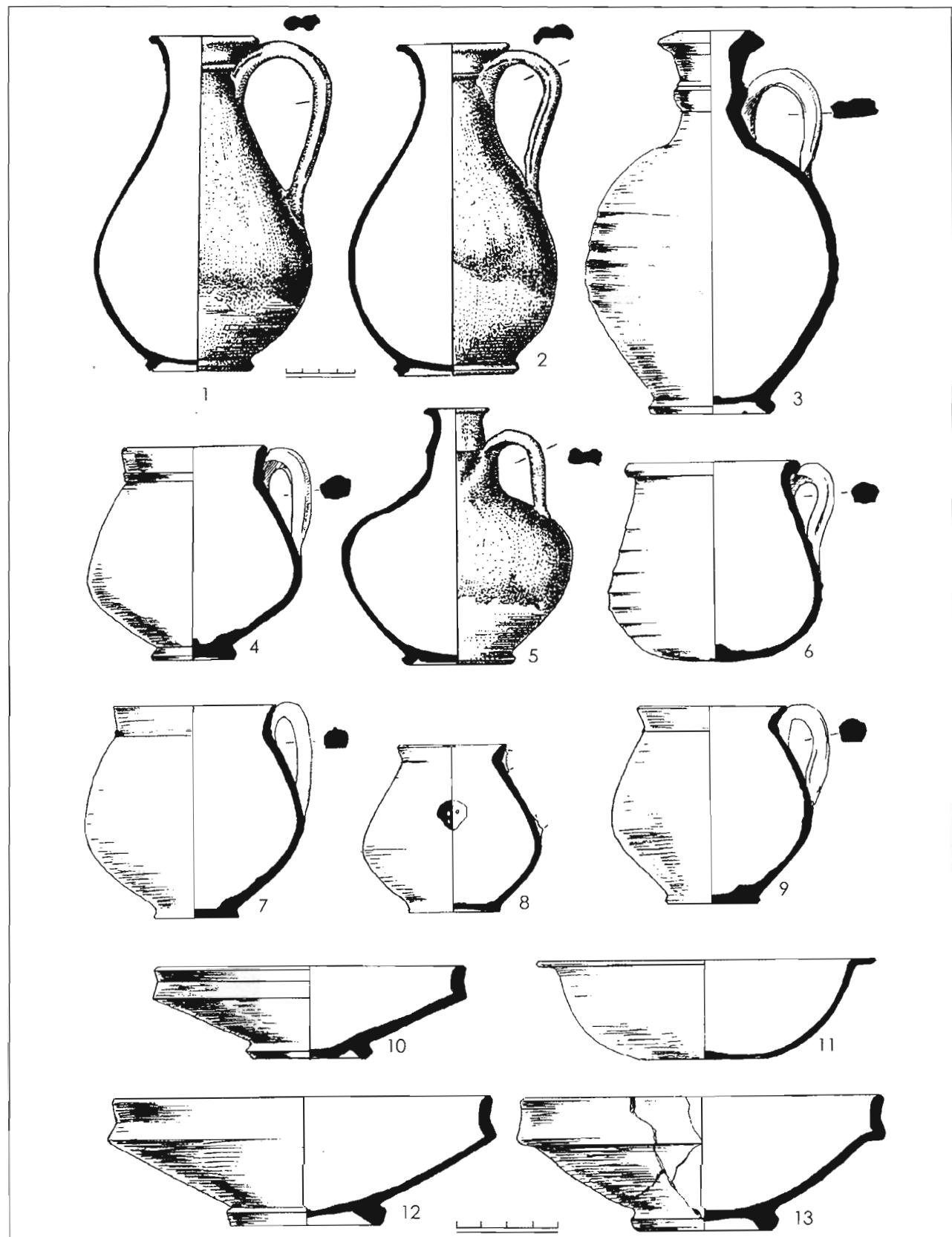

Рис. 183. Краснолаковая посуда из комплексов второй-третьей четвертей III в. н. э.
Перевальное: 1, 2, 5 – склеп 1; 3 – могила 22а; 4, 6–9, 11–17 б; 10, 12, 13 – склеп 18

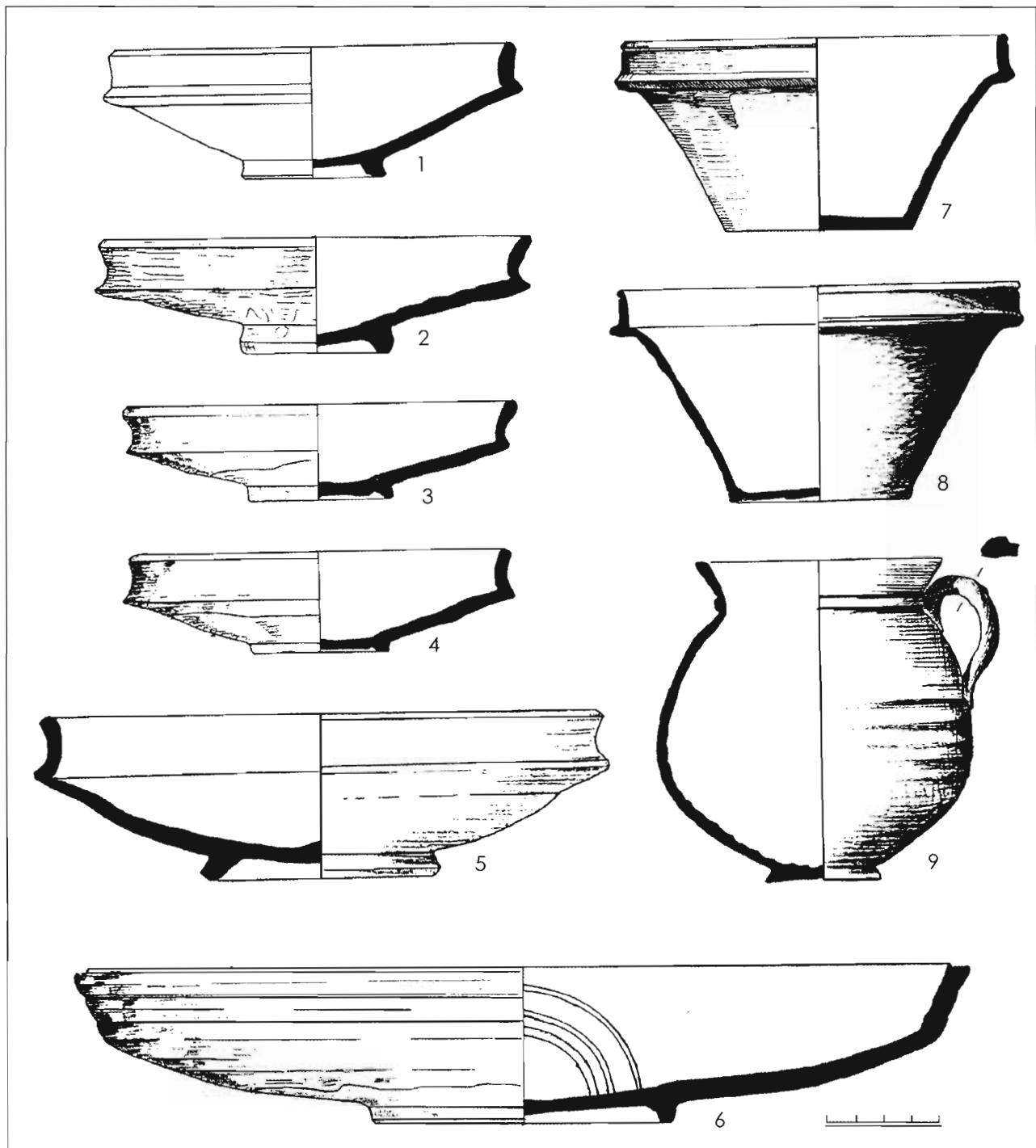

Рис. 184. Краснолаковые тарелки (1–6), чашки (7, 8) и кубок (9) из комплексов конца II – первой четверти III в. н. э. Усть-Альма: 2 – могила 802; 3, 4, 6 – могила 835; 7 – 668. Битак: 1 – могила 62; 5, 8, 9 – 42/2-2

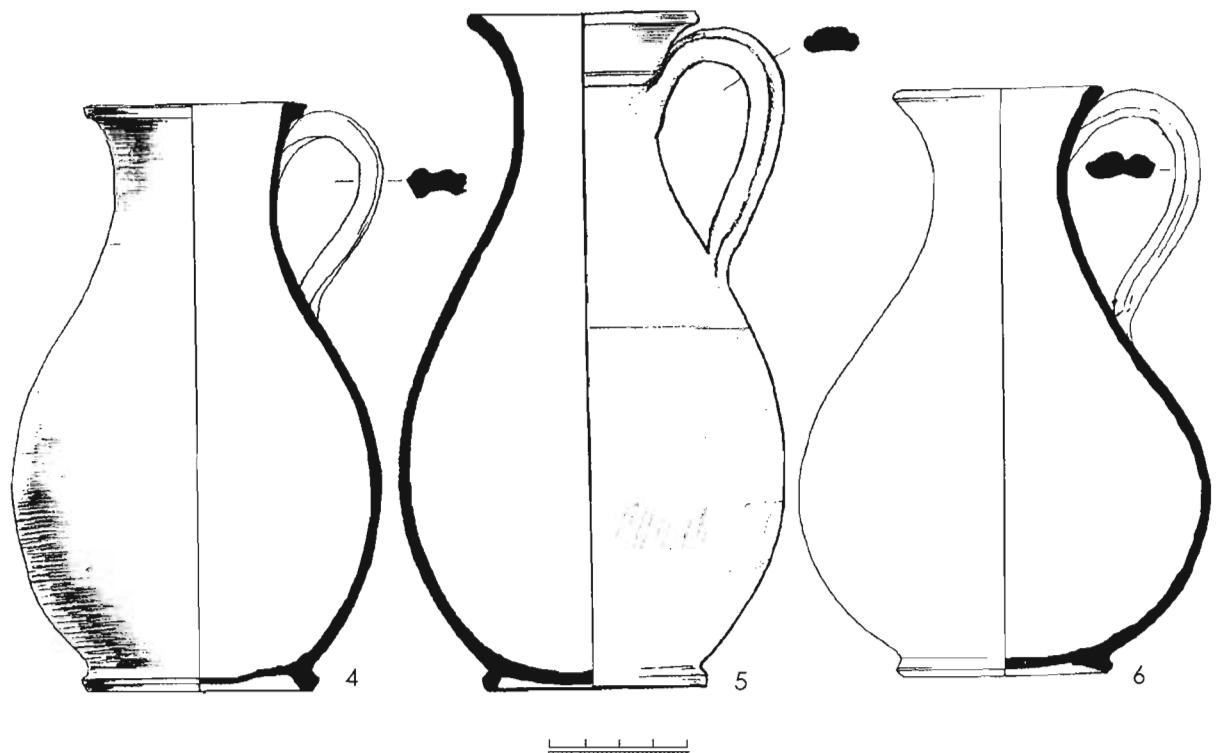
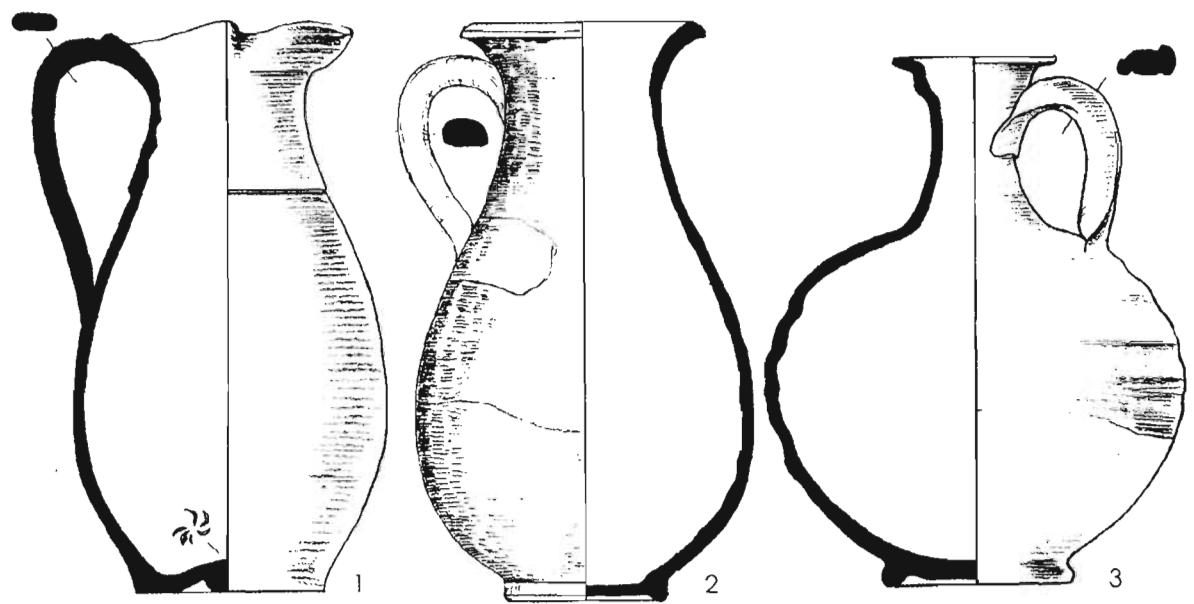

Рис. 185. Красноглиняная ойнохоя (1) и краснолаковые (2–6) кувшины из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 353; 2 – 835; 3 – 386; 5 – 380. Битак: 6 – 62. Перевальное: 4 – могила 156

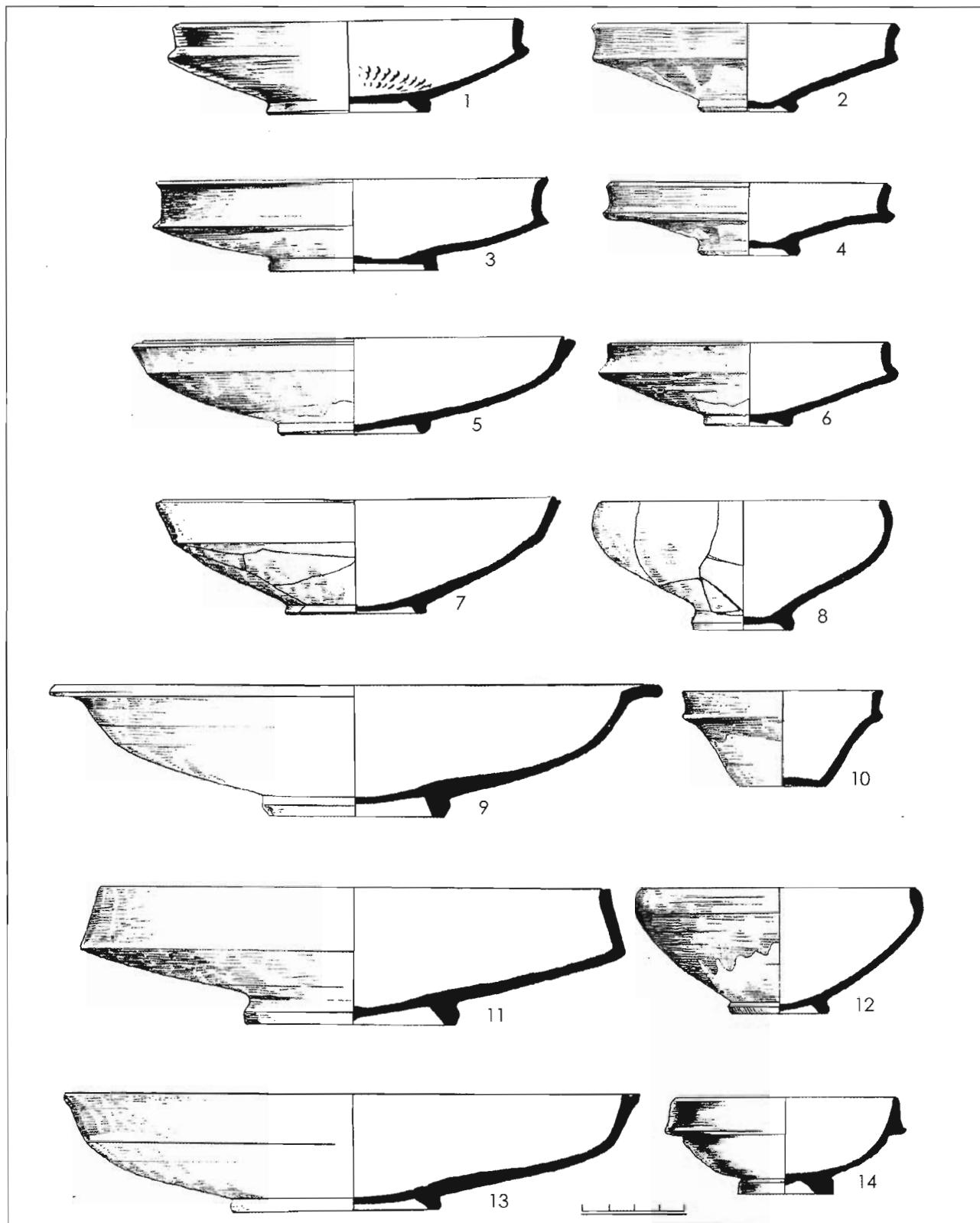

Рис. 186. Краснолаковые тарелки (1–7, 9, 11, 13), миски (8, 12), чаши (10, 14) из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 2, 4, 12 – склеп 649/1–3; 3 – 847; 5 – 631; 6 – 632; 7 – 849; 8, 11 – 846; 13 – 824/2.

Перевальное: 1 – могила 15а; 14 – 15б

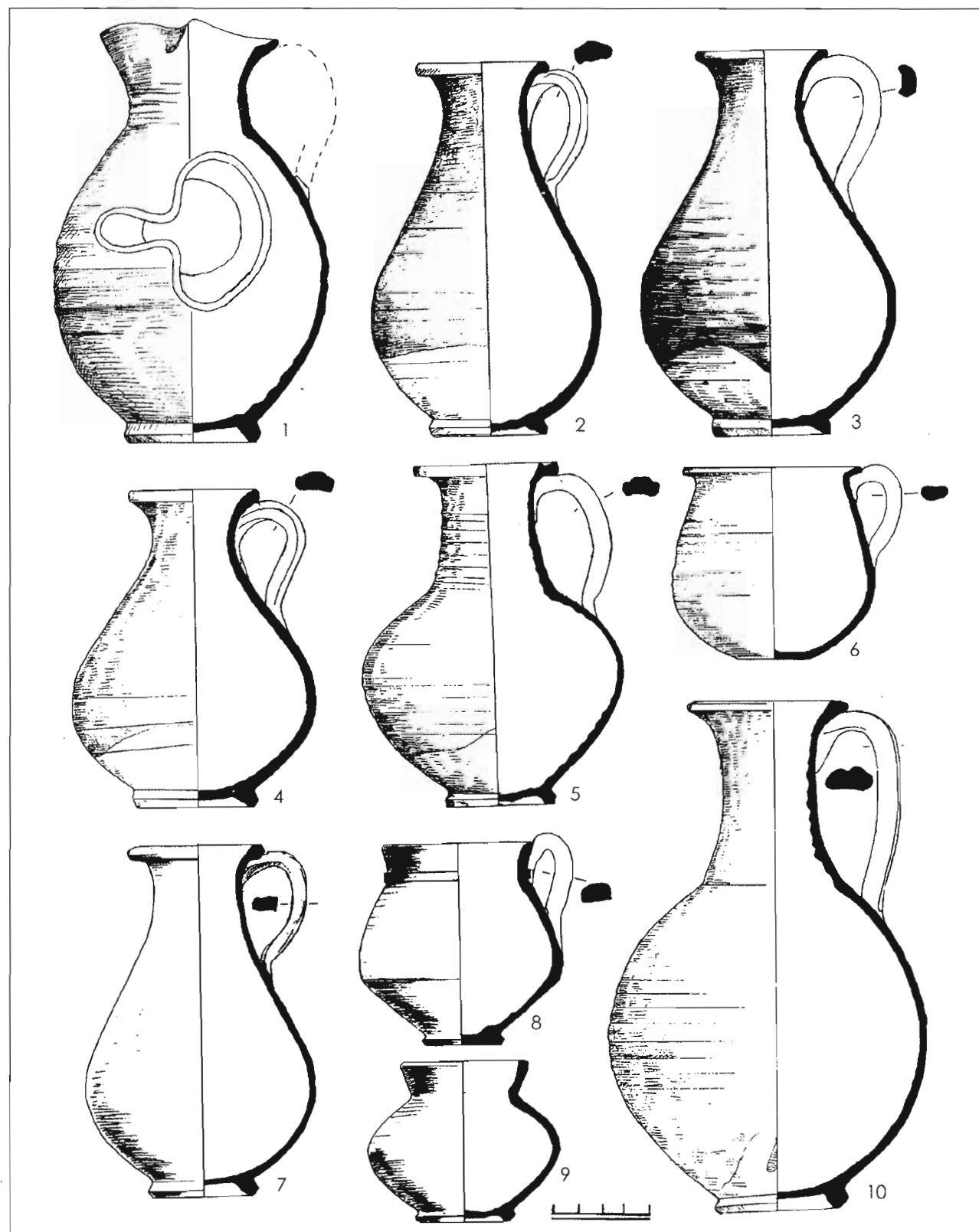

Рис. 187. Краснолаковые ойнохоя (1), кувшины (2–5, 7, 10),
кубки (6, 8, 9) из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма:
1 – склеп 649/1-3; 2 – 824/2; 3 – 631; 4 – 825; 5 – 847; 10 – 846.
Битак: 6 – могила 101. Перевальное: 7 – могила 17а; 8 – 15а; 9 – 15б

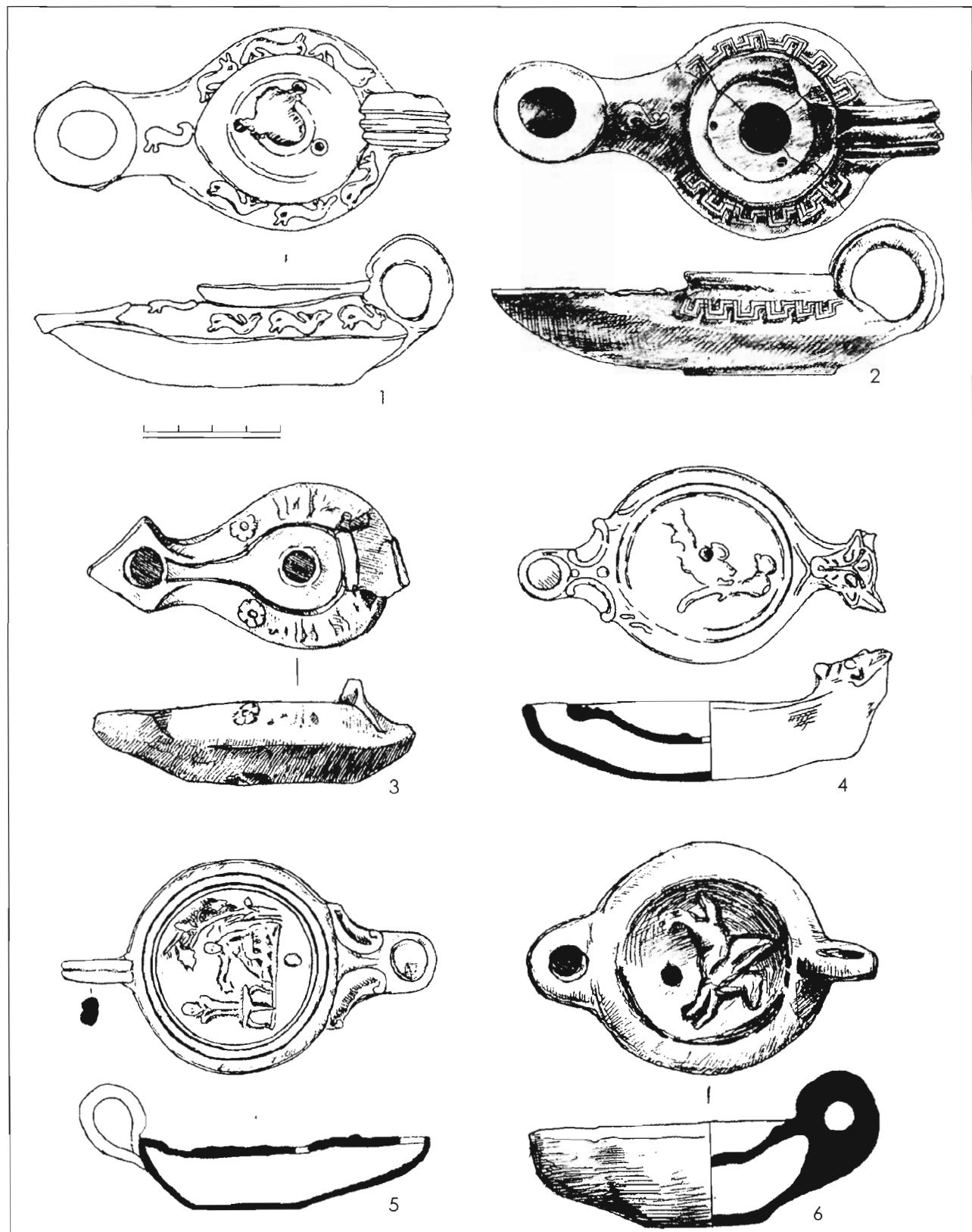

Рис. 188. Светильники позднеэллинистического (1–3) и раннеримского времени (4–6) с лаковым покрытием. Усть-Альма: 1 – склеп 690/1; 2 – 424 А; 3 – 449 /2; 4 – 735; 5 – 775/2; 6 – 716

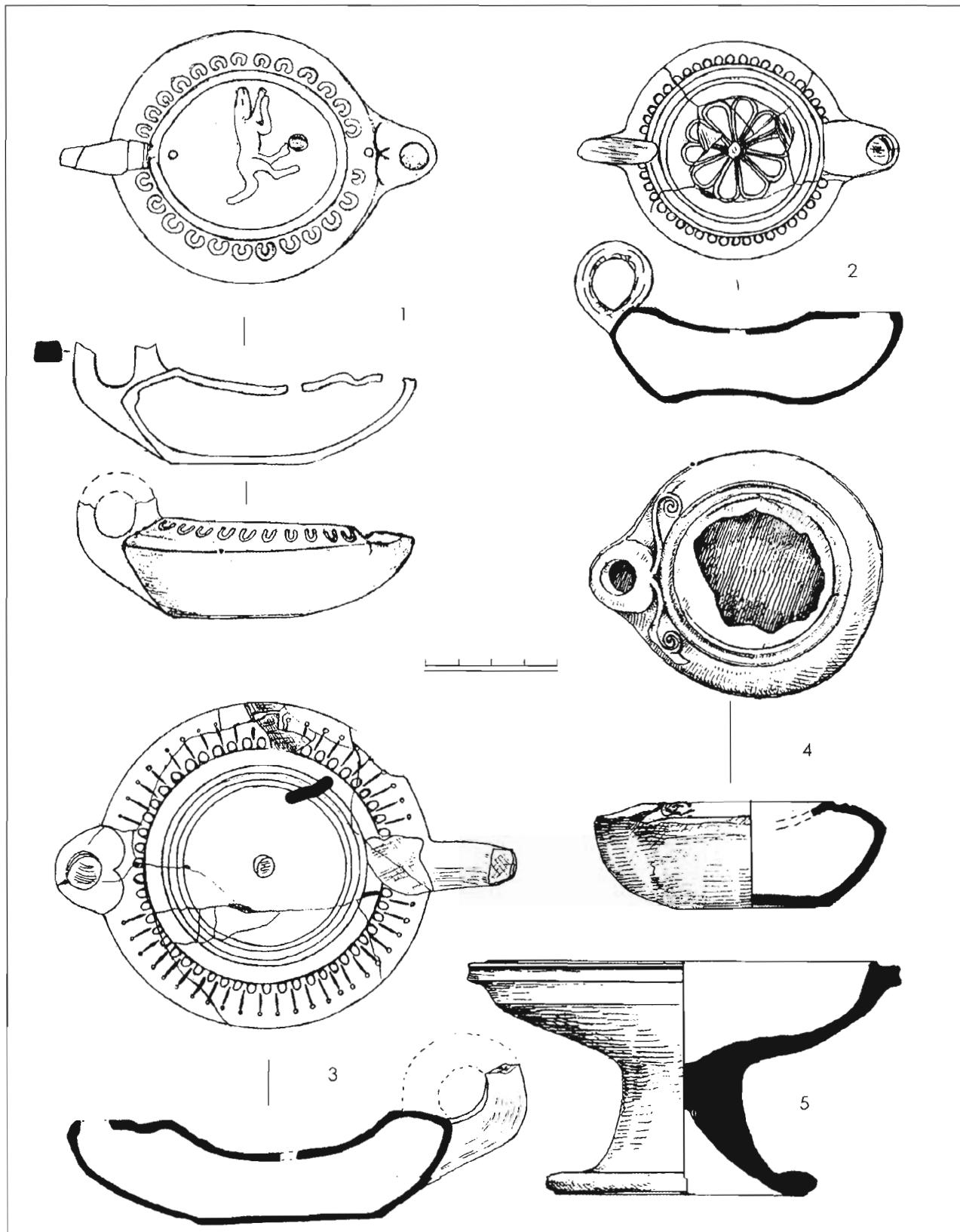

Рис. 189. Краснолаковые светильники (1–4) и гончарная курильница (5) из комплексов первой половины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 439 /
засыпь провала); 2, 3 – 805; 4, 5 – 705 (ниша)

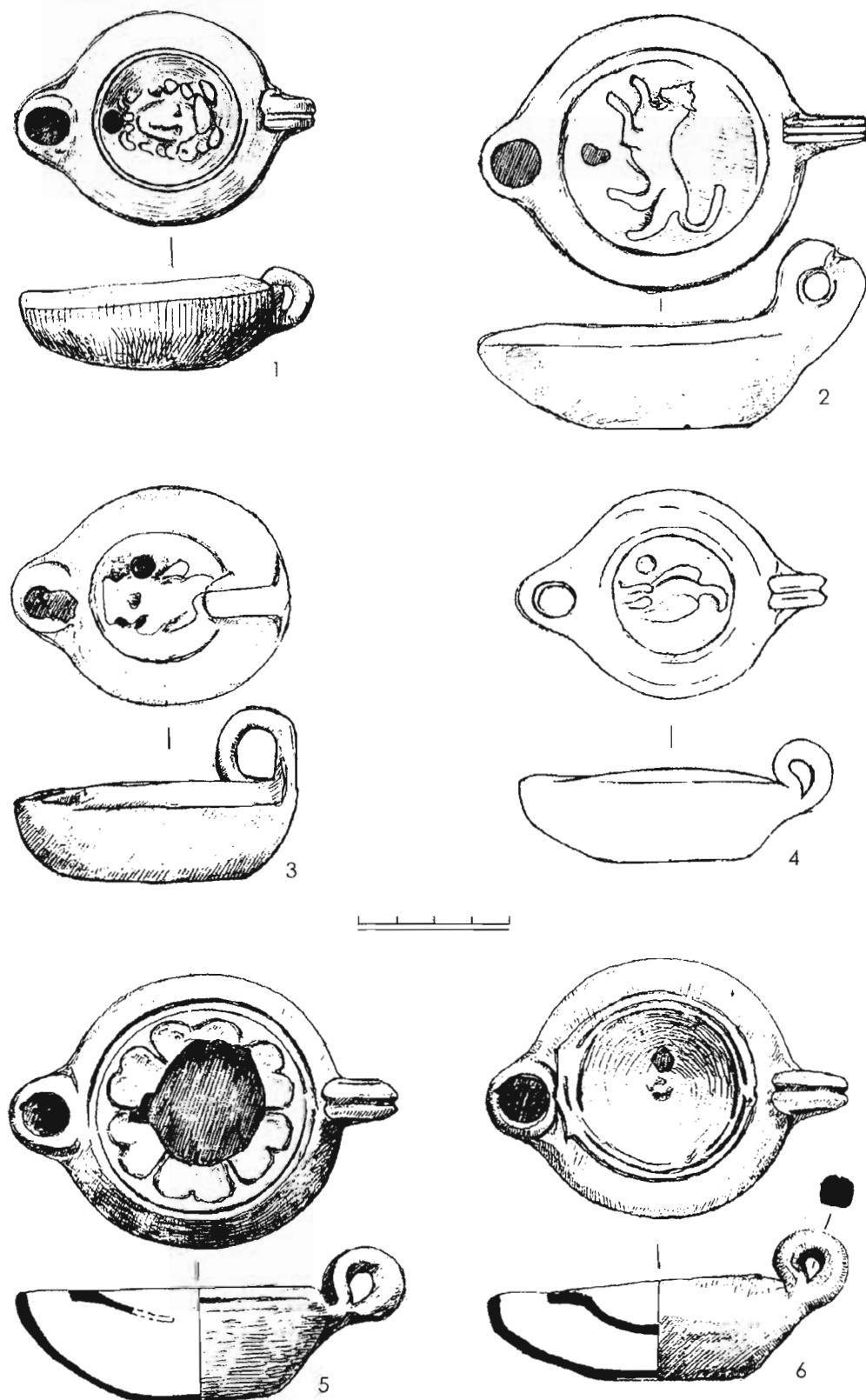

Рис. 190. Краснолаковые светильники из комплексов первой половины – середины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 634/3; 2 – могила 553; 3 – 510; 4 – 430; 5 – 848; 6 – склеп 595

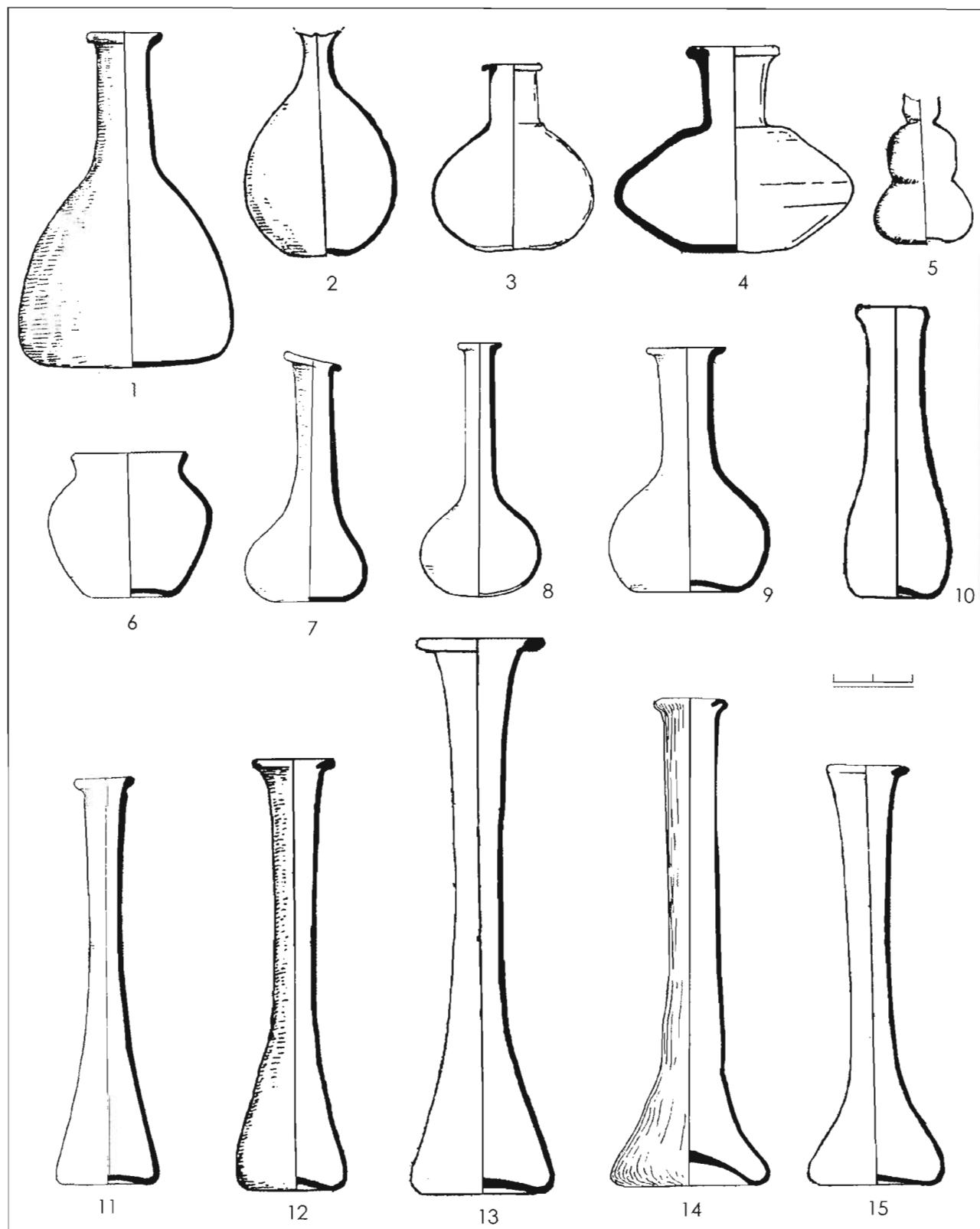

Рис. 191. Стеклянные фляконы и бальзамарии из комплексов второй половины I – II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 618/1; 2 – 620/1; 3 – 720; 4 – 705; 6–9, 11 – склеп 316; 10 – 520/37; 12 – 520/18; 13 – 520/3; 14 – 640/12; 15 – 424 Б/3. Битак: 5 – могила 160/1

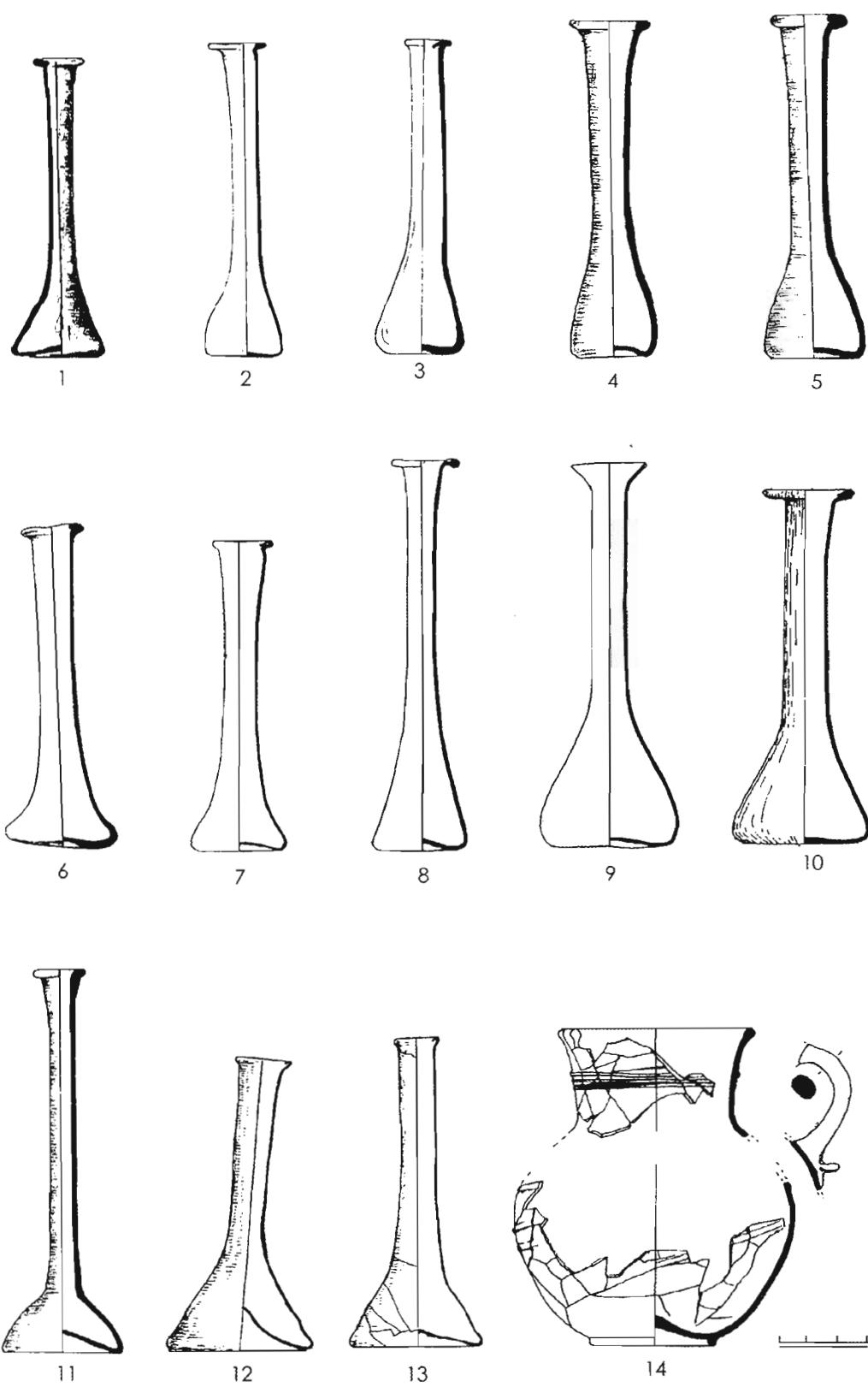

Рис. 192. Стеклянные бальзамарии (1–13) и кувшинчик (14) из комплексов II – первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 3–502; 4, 5 – склеп 830; 6 – могила 396; 10 – 673/1; 11 – 835; 12 – 846; 13 – 847; 14 – 826а/1

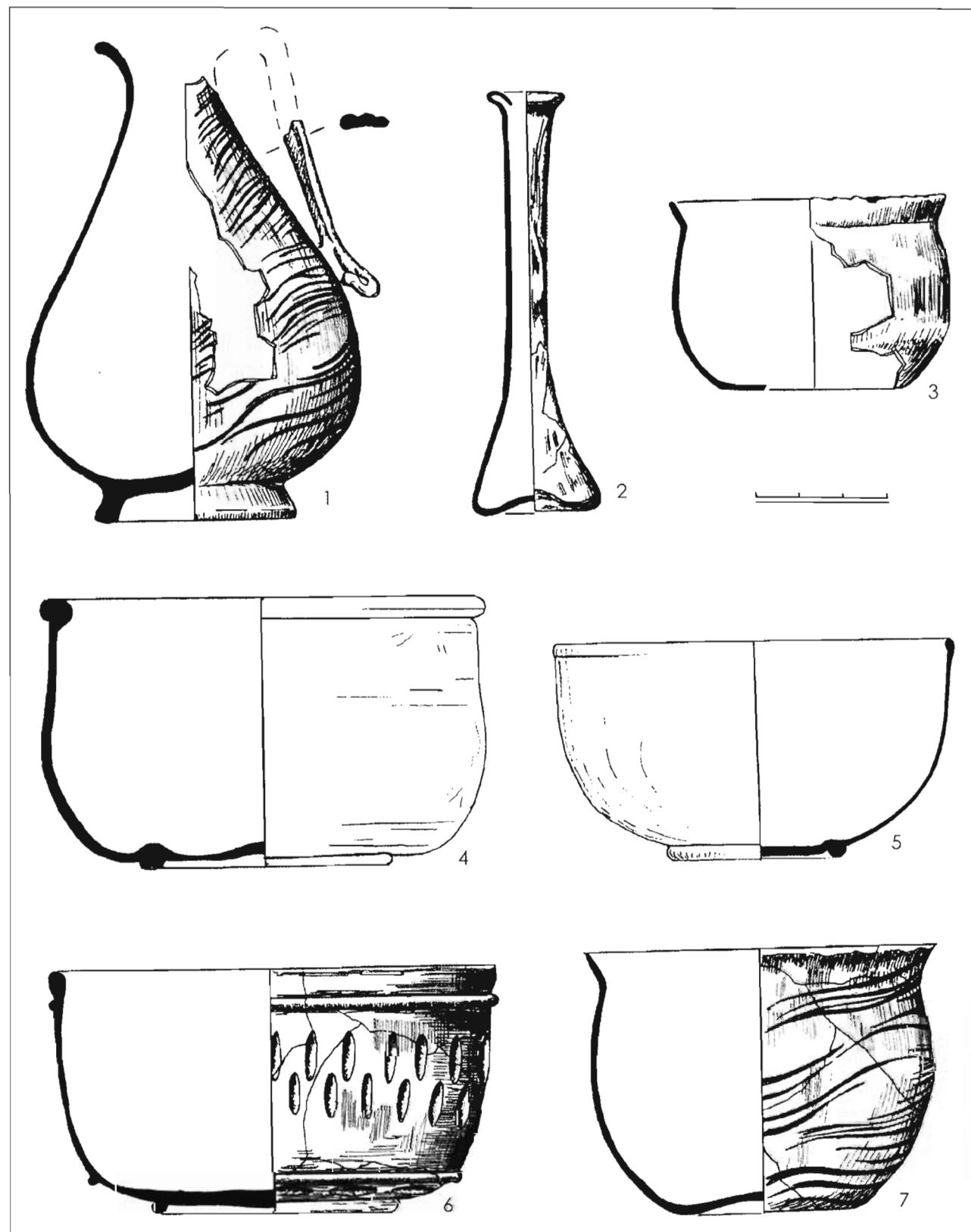

Рис. 193. Стеклянная посуда из комплексов середины – второй половины III в. н. э.
Усть-Альма: 5 – склеп 649/1-3.
Перевальное: 1-3 – могила 5; 4 – могила 6; 6, 7 – склеп 1

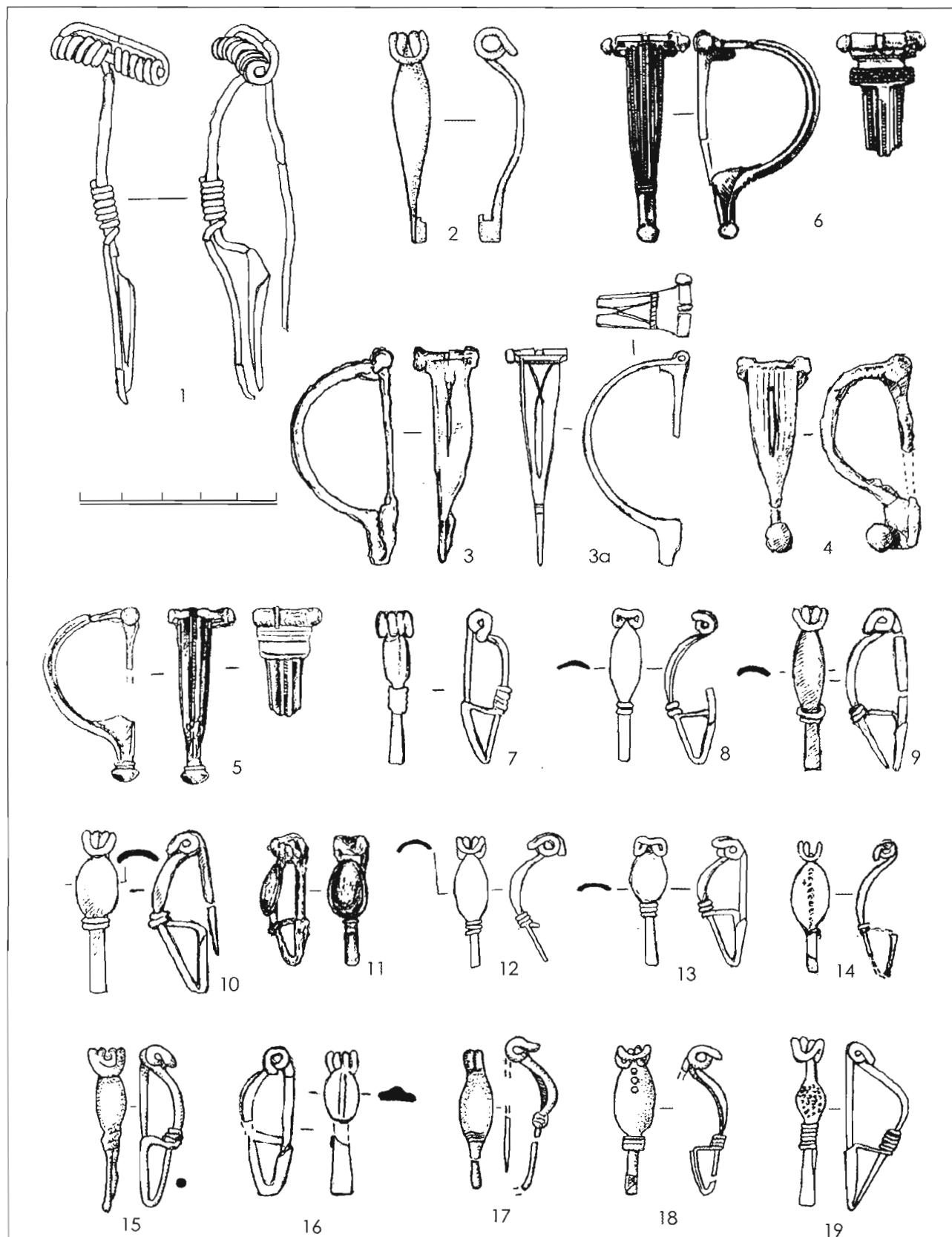

Рис. 194. Бронзовые фибулы из комплексов рубежа н. э. – I в. н. э. (1–20) и второй четверти II в. н. э. (19).

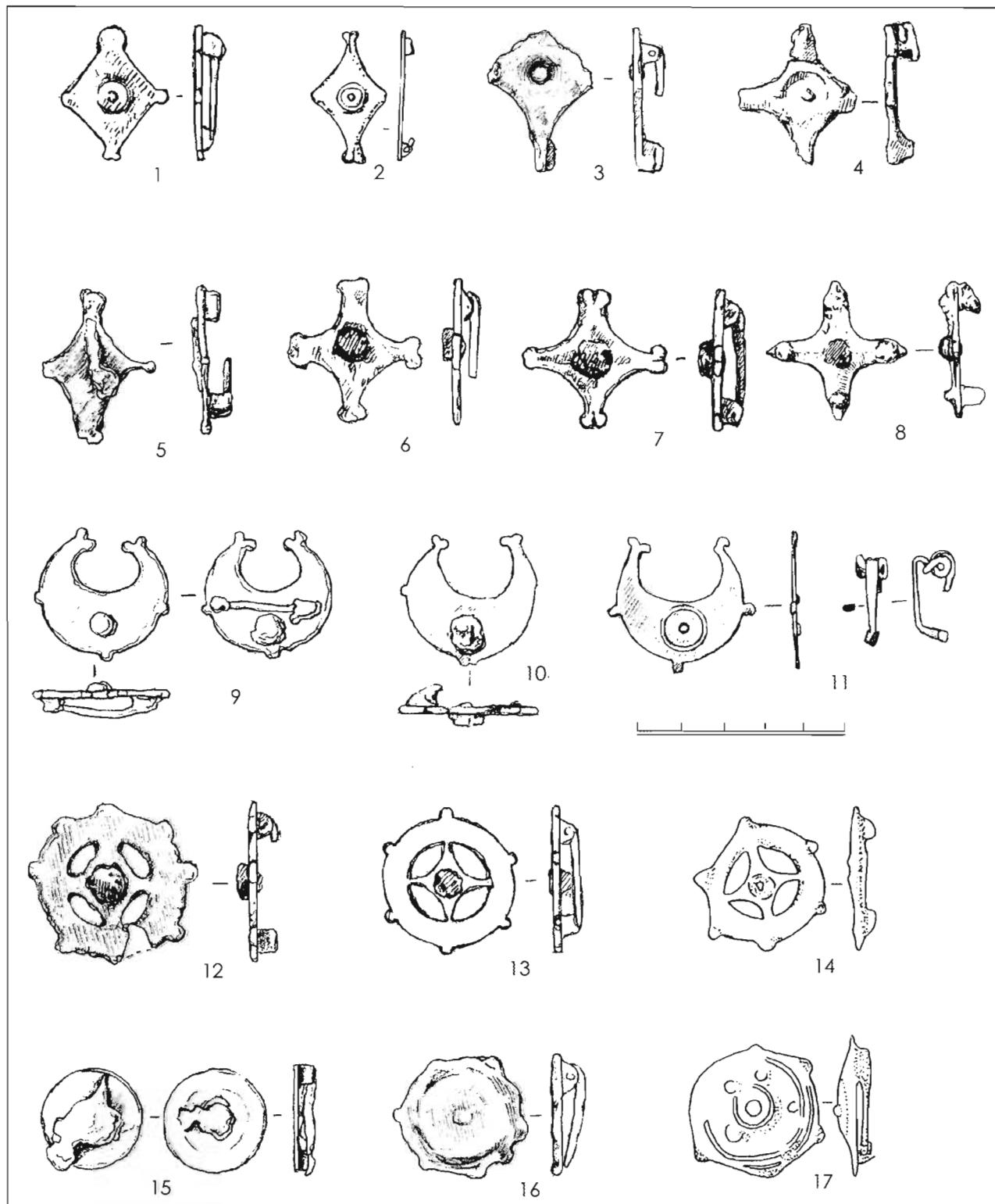

Рис. 195. Бронзовые шарнирные (1–10, 12–17) и пружинная (11) провинциальные фибулы-броши геометрической формы из комплексов второй половины I в. н. э. и первой половины II в. н. э. (11). Усть-Альма: 1 – могила 517/1-2; 2 – 826/3-4; 3 – склеп 590/13; 4 – 650/2-7; 5 – 348/39; 6 – 590/8; 7 – 590/11; 8 – 618/2; 9 – могила 477; 10 – склеп 440/11; 11 – могила 733; 12 – склеп 590/20; 13 – 517/4; 15 – могила 338; 16 – склеп 551. Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.: 14 – склеп 29; 17 – 9

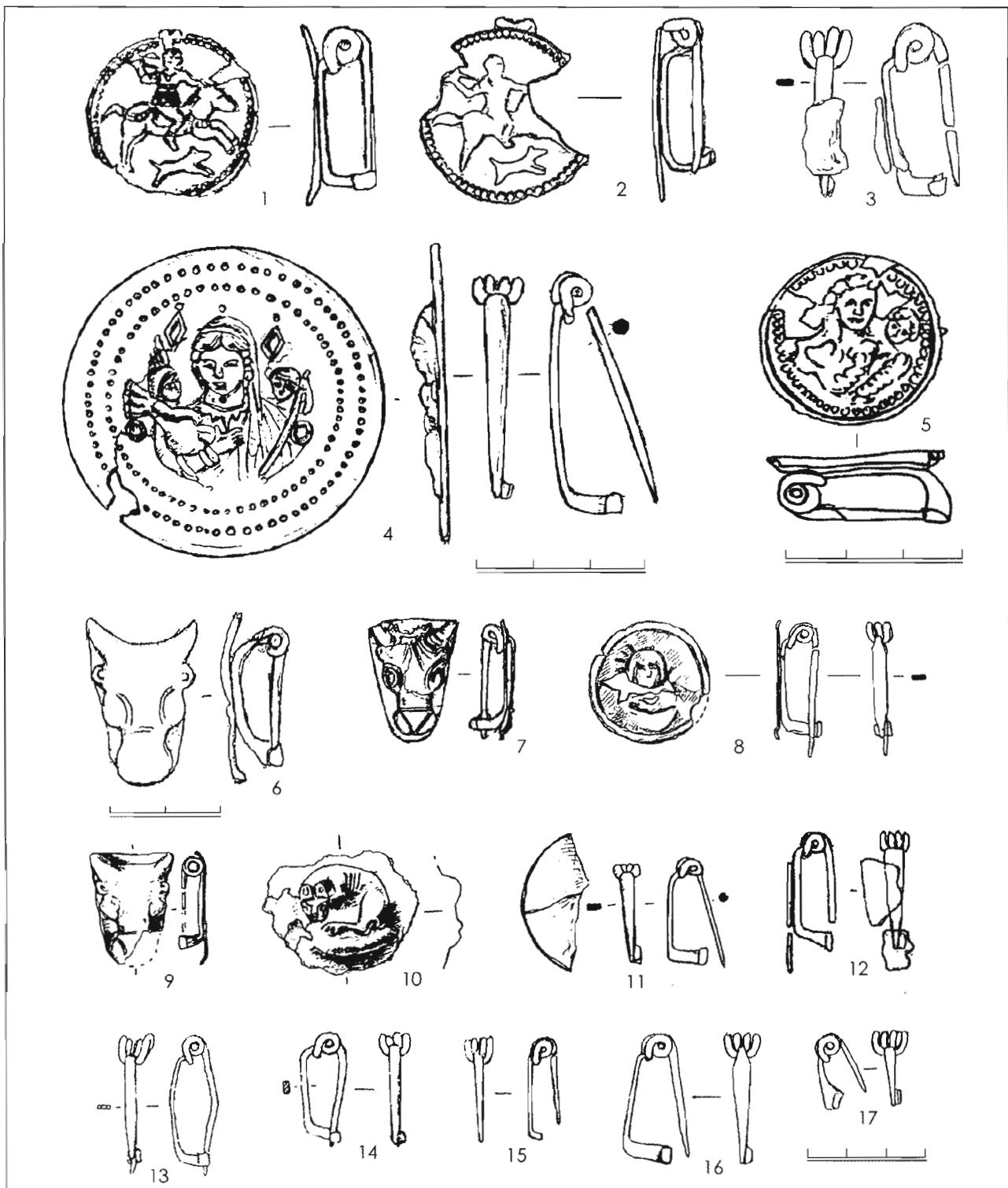

Рис. 196. Фибулы-броши пружинные (со «смычковым» игольным аппаратом) с оттиснутым изображением на щитке из комплексов последней четверти I – начала II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 513; 2 – склеп 590/16; 3 – 650/5; 4, 11 – могила 759; 5 – склеп 703; 6 – 680/6; 7 – 440/6; 8 – могила 654; 12 – склеп 520/37; 13 – могила 719; 14 – склеп 520/35; 15 – 520/27–28; 16 – могила 604; 17 – 609 (третья четверть I в. н. э.). Битак: 9 – могила 22; 10 – 83. Бронзовый щиток – 1–3, 5–9, 11–13; серебряный – 4, 10

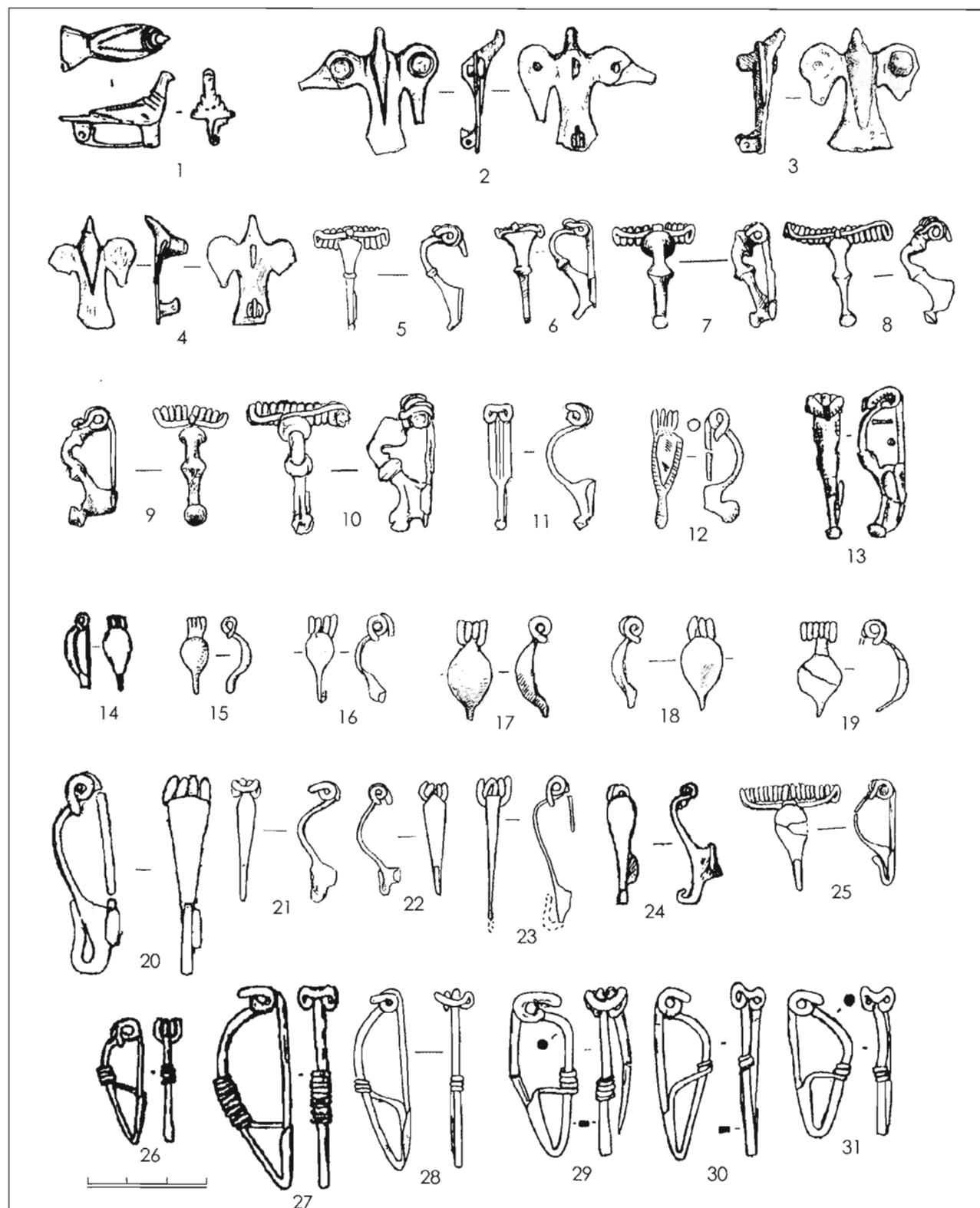

Рис. 197. Бронзовые шарнирные фибулы-броши в виде птицы (1–4), сильно профилированные западных типов (5–10), с кнопкой на конце приемника (11–13), маленькие, с овальной спинкой и S-видным завитком (14–19, 25), с треугольной спинкой и S-видным завитком (20–24), лучковые подвязные 1 варианта (26–31).

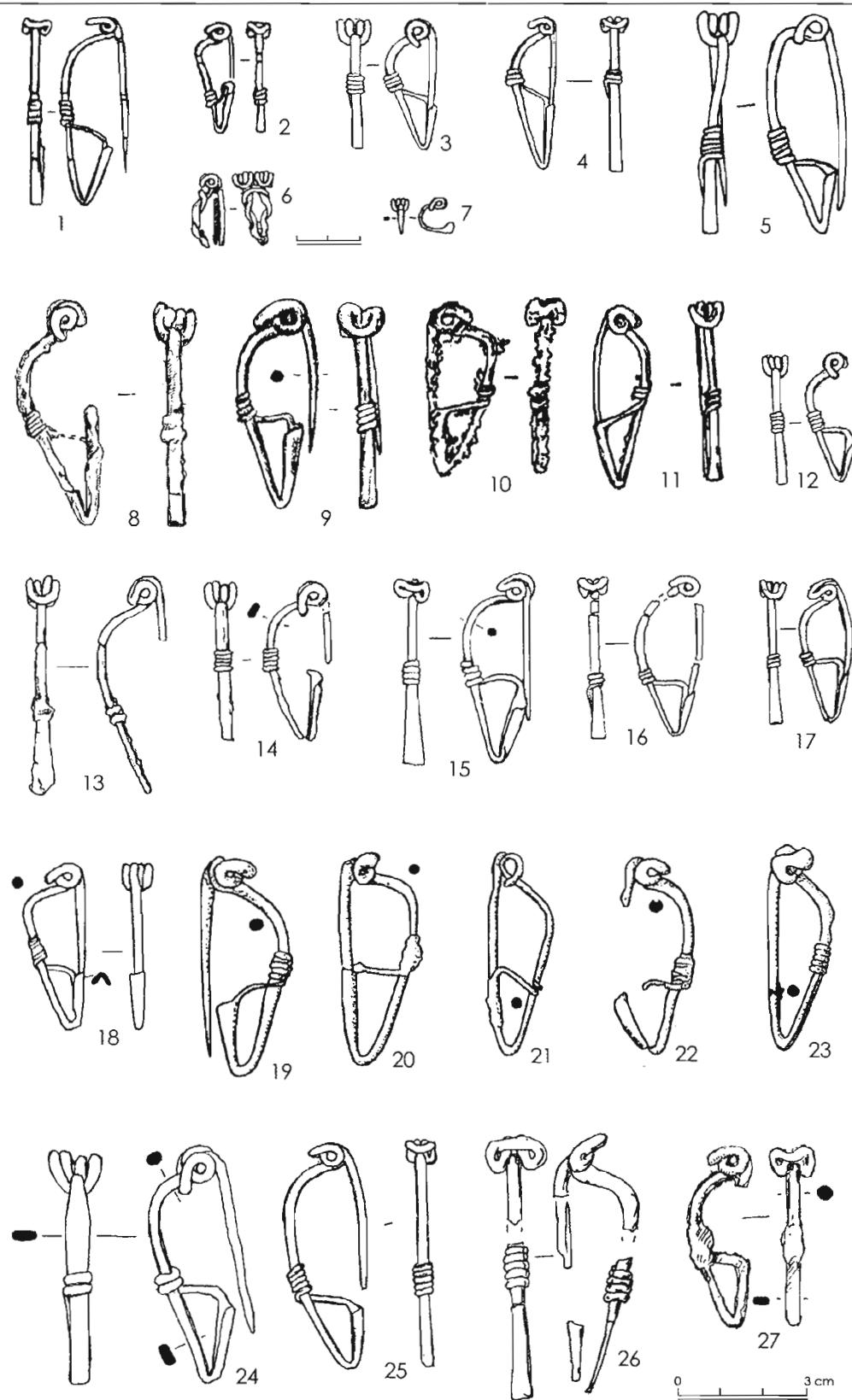

Рис. 198. Бронзовые проволочные лучковые подвязные фибулы
1–2 варианта (1–6, 8–27) и маленькая «смычковая» (7) из комплексов середины
I – начала II в. н. э.

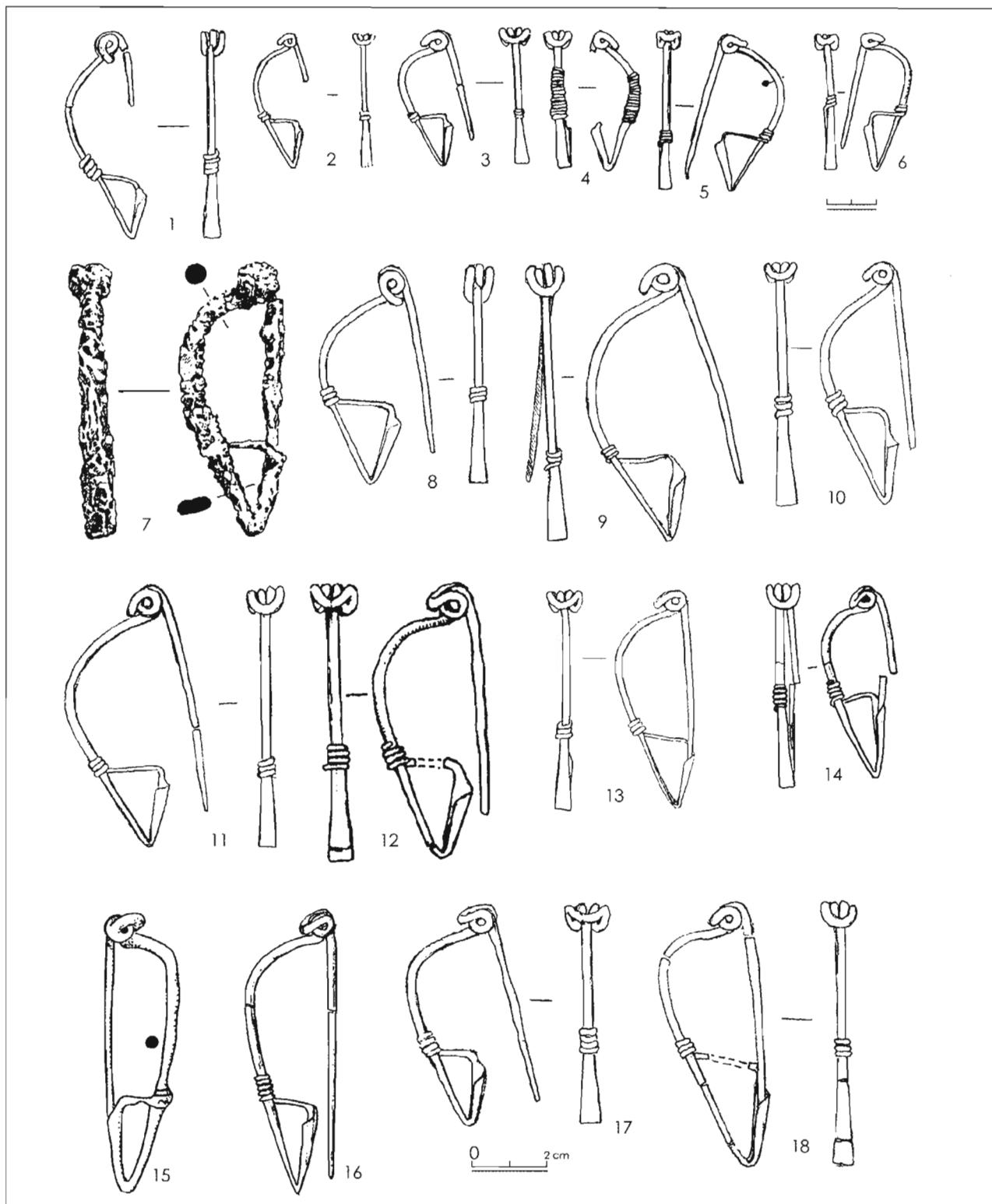

Рис. 199. Проволочные лучковые подвязные фибулы 2–3 (1–7), 3 (8–14) и 3–4 (15–18) вариантов из комплексов II в. н. э. Усть-Альма: 1 – склеп 438/7; 2 – 438/9; 3 – могила 607; 7 – 542/1; 8 – 569; 9 – 118/2; 10 – склеп 640/2; 11 – могила 571; 12 – 688; 13 – 623; 17 – 565; 18 – 583. Битак: 4 – могила 143; 5 – 140; 6 – 22; 14 – 66; 16 – 87/1. Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.: 15 – склеп 30.

Примечания: 1–6, 8–18 – бронза; 7 – железо

Рис. 200. Бронзовые проволочные лучковые подвязные фибулы 4–5 вариантов из комплексов конца II – первой половины III в. н. э. с гладкой спинкой (1–4), обмоткой (5–17) и маленькая 3 варианта с фигуурной обмоткой спинки (9) из комплекса первой половины II в. н. э. Усть-Альма: 1 – могила 631; 3 – 847; 5 – 536; 6 – склеп 649/2; 9 – могила 528; 10 – 566/1; 13 – 574. Битак: 2 – могила 87/1; 4 – 80; 11 – могила 121; 12 – 72; 14 – 62; 15 – 17/1. Неаполь Скифский (раскопки О.А. Махневой), 1978 г.: 8, 16 – склеп 44; 17 – могила 13; 1986 г.: 7 – склеп 32 (продолжение участка раскопок В.П. Бабенчикова 1947–1948 гг.).

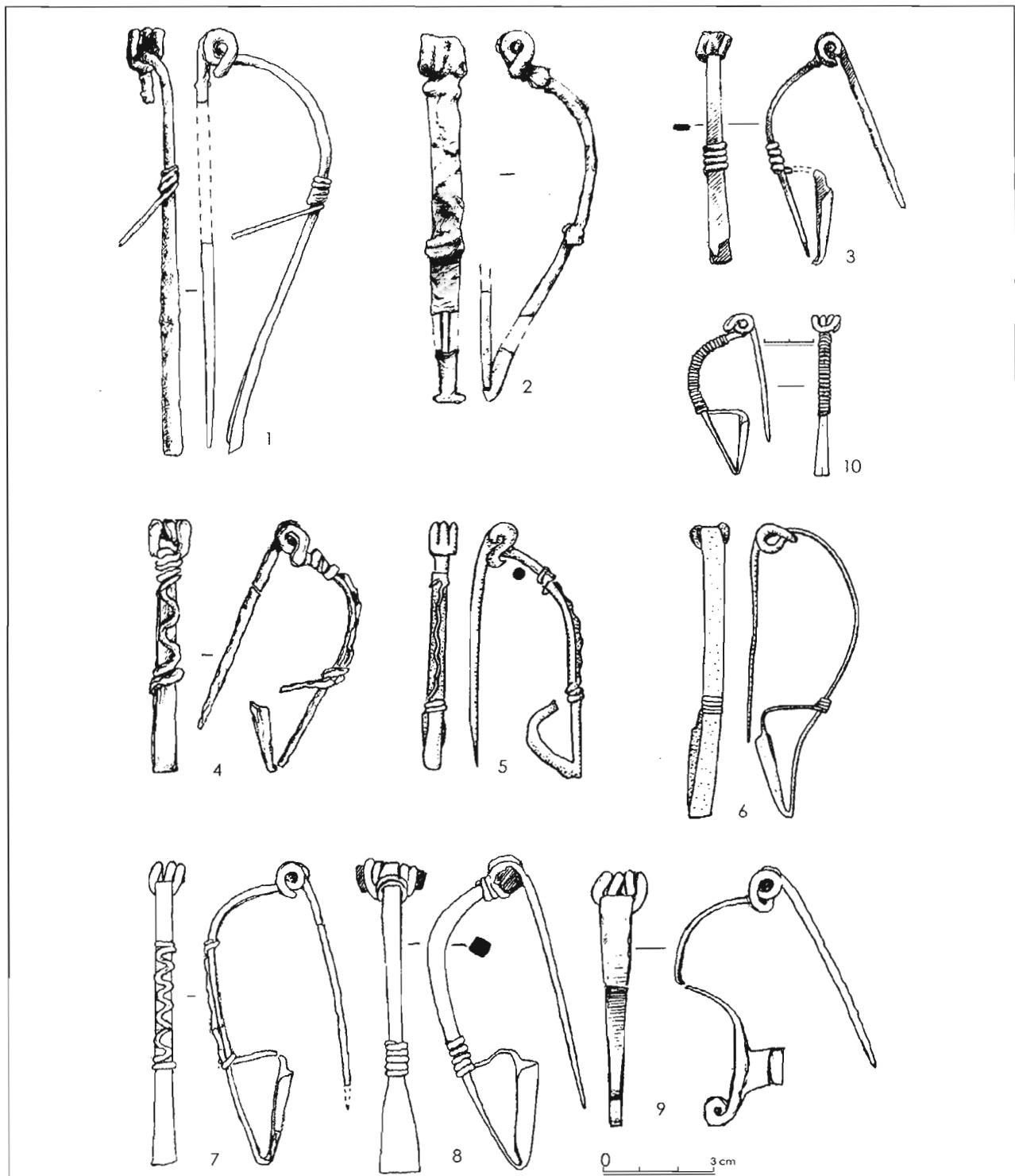

Рис. 201. Бронзовые лучковые подвязные фибулы из комплексов первой половины III в. н. э. Усть-Альма: 1, 6 – склеп 316; 3 – могила 679; 4 – склеп 348/11; 7 – могила 824/2; 8 – могила 793; 9 – 824/3. «Инкерманский тип» (с нижней тетивой): 1–3 – вариант 1 (с гладкой спинкой); 4–7 – вариант 2 (с фигурной обмоткой спинки), 7 – со свинцовой осью пружины. Двухчленная с расширенной ножкой: 8 (железная ось пружины). Фибула с сильно изогнутой плоской спинкой и завитком на конце приемника: 9 (бронзовая ось пружины). Проволочная одночленная, 5 вариант: 10 (со сплошной обмоткой спинки).

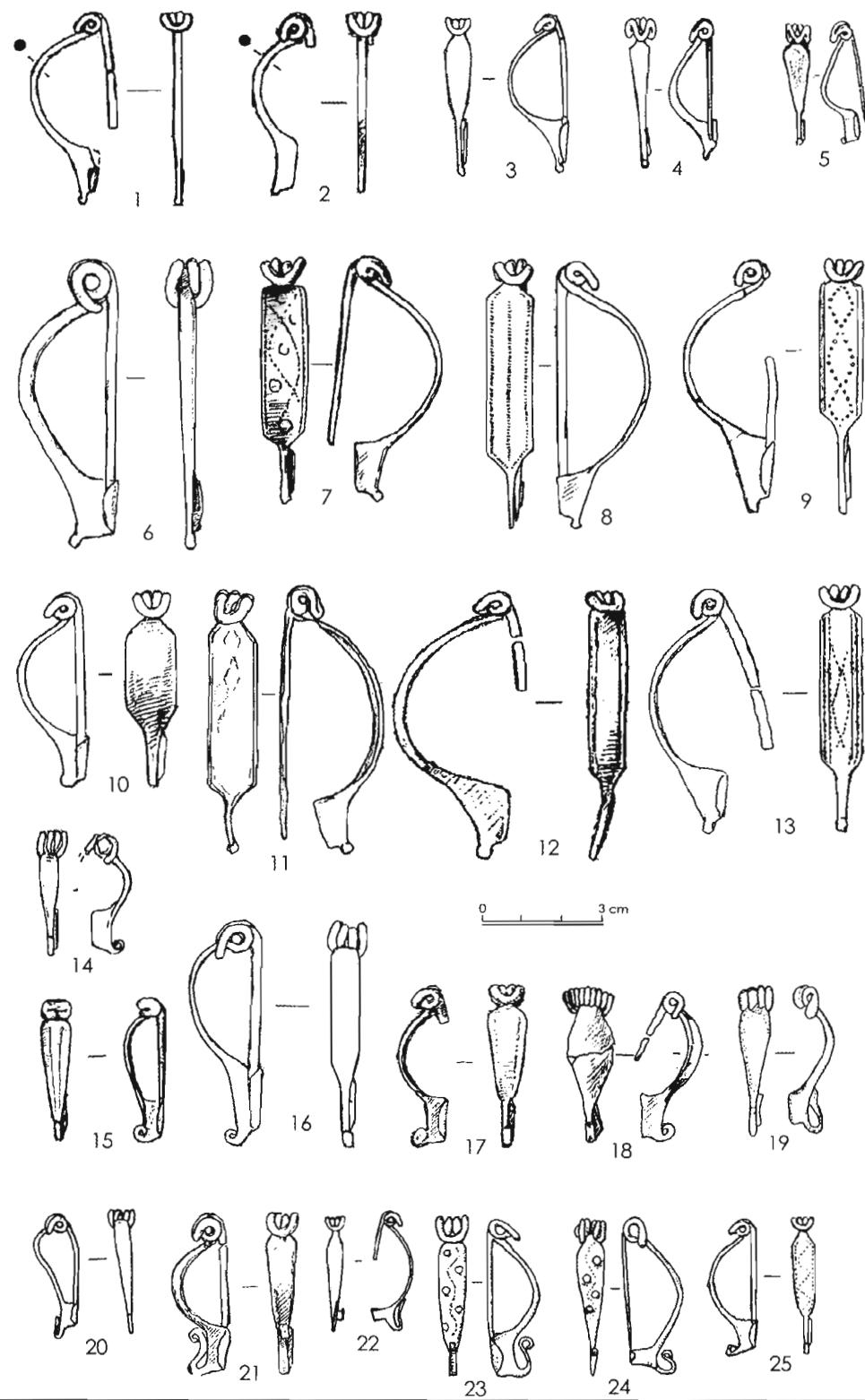

Рис. 202. Пружинные фибулы с украшением на конце приемника: кнопкой (1–13), спиральным завитком (14–18), S-видным завитком (19–25).

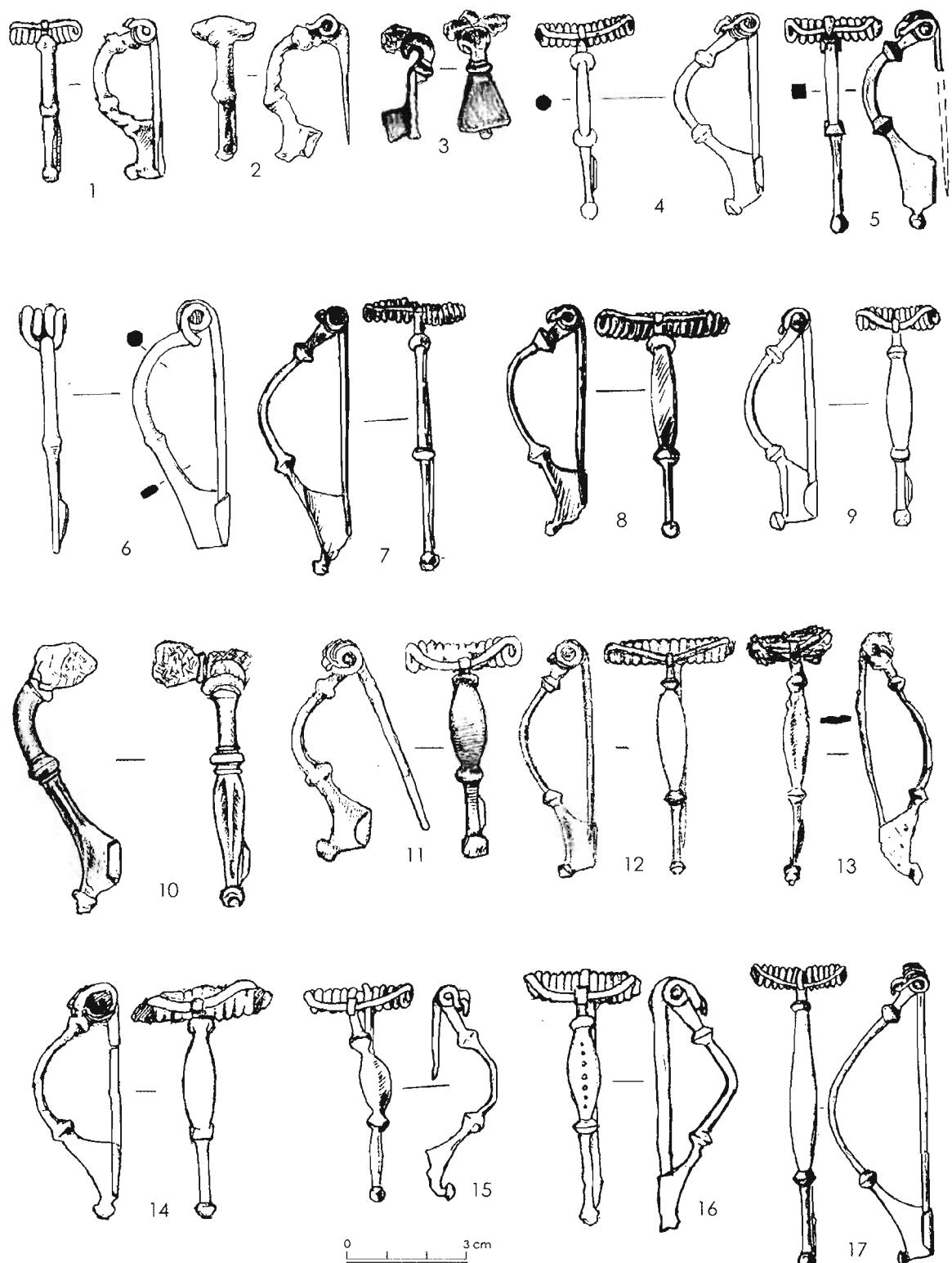

Рис. 203. Сильно профилированные фибулы: западных типов (3, 10), причерноморских типов (1, 2, 4–9, 11–17). Усть-Альма: 2 – склеп 315; 4 – могила 542/2; 6 – 654; 9 – 598; 11 – склеп 550/6; 14 – 590/1. Битак: 1 – могила 91; 5 – 64/2; 7, 8 – 71; 10 – 153; 12 – 146/1–2; 13 – 160/2; 15 – 81/1; 16 – 114; 17 – 63/1. Примечания: 6 – бронзовая ось пружины; 4, 5, 7, 9, 14 – железная ось; 10 – железная пружина.

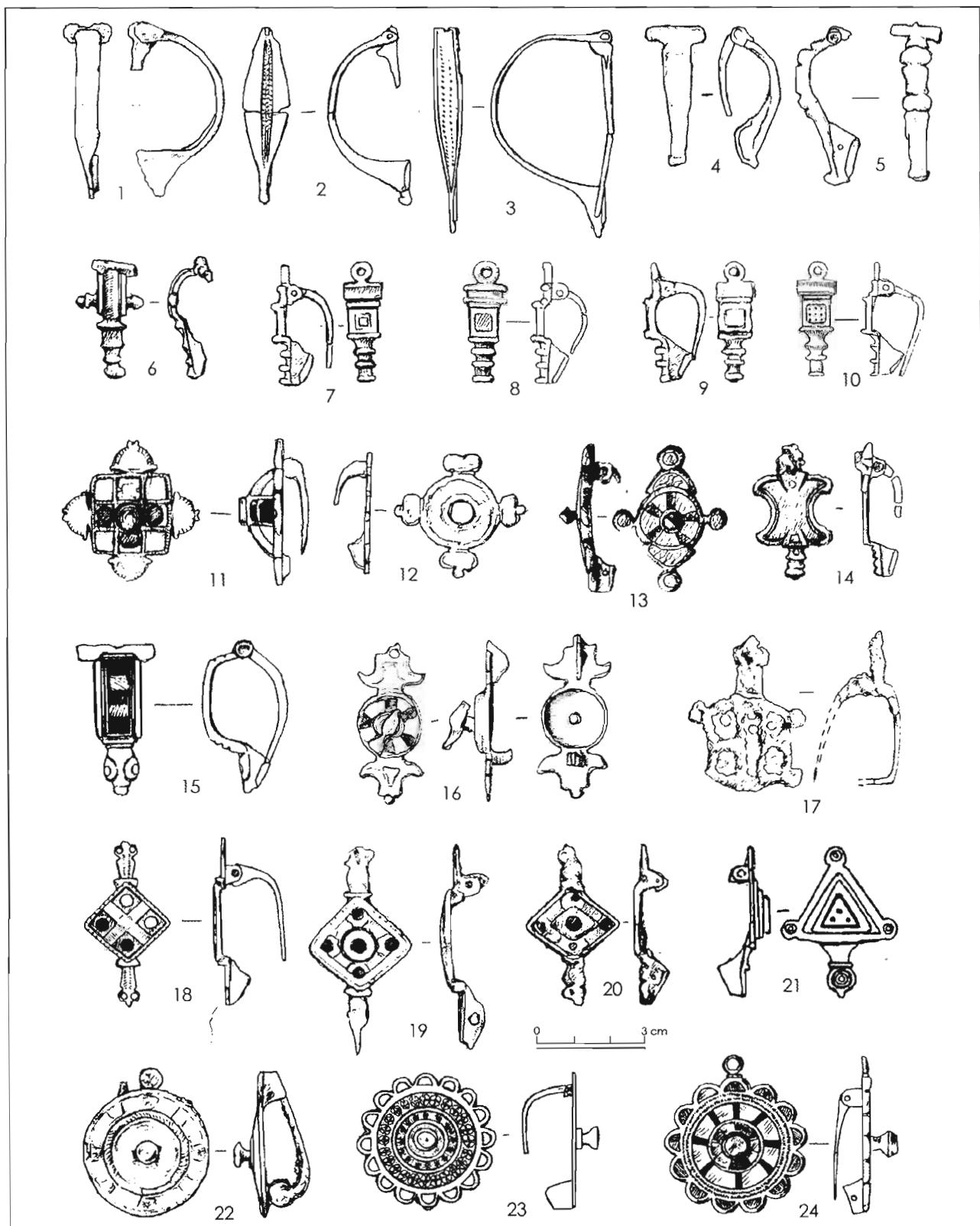

Рис. 204. Шарнирные дуговидные фибулы (1–3). Провинциальные шарнирные дужковые фибулы без эмали (4–6) и с эмалевыми вставками (7–10). Провинциальные шарнирные броши с эмалью: геометрических форм (11–14, 21–24); с элементами зооформ (15–20).

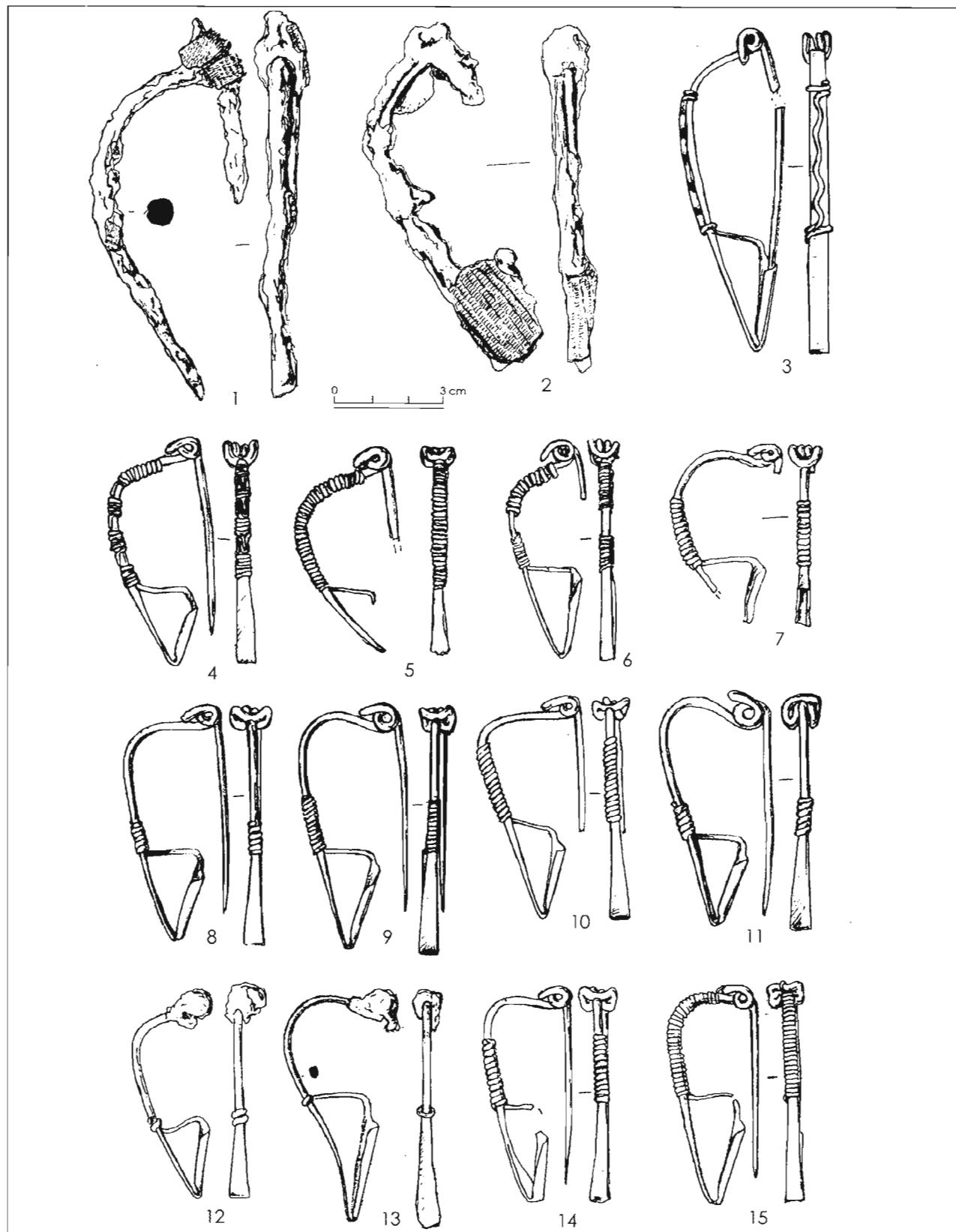

Рис. 205. Перевальное. Железные (1, 2) и бронзовые лучковые подвязные фибулы из комплексов второй–третьей четвертей III в. н. э.: 1, 2 – могила 15а; 3–7 – 15б; 8–11 – 17а; 12–15 – 17б.

УДК 904(395)

ББК 63.4

П 88

Рецензенты: д.и.н. **А.Н. Дзиговский**, к.и.н. **С.Г. Колтухов**,
к.и.н. **С.Б. Ланцов**, д.и.н. **А.В. Симоненко**

Ответственные редакторы: к.и.н. **В.Л. Мыш**, д.и.н. **С.А. Скорый**

Утверждено к печати Ученым советом Крымского филиала Института археологии
Национальной Академии наук Украины (протокол № 6 от 19.12.06) и
Ученым советом Института археологии НАНУ (протокол № 4 от 05.04.07)

Пуздровский А. Е.

П 88 Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. – Симферополь:
Бизнес-Информ, 2007. – 480 с., илл.
ISBN 978-966-648-158-3

В монографии впервые систематизирована доступная информация обо всех известных погребальных памятниках Крымской Скифии. Материалы исследований рассмотрены по двум хронологическим периодам (II в. до н. э. – первая половина I в. н. э. и вторая половина I – III в. н. э.) и пяти областям: (Степной, Северо-Западный, Юго-Западный, Центральный и Юго-Восточный Крым). Проведен сравнительный анализ погребального обряда, прослежены генезис и эволюция его основных форм, представлены обзор погребального инвентаря, хронология и периодизация комплексов, предложена схема этносоциальных процессов в Крымской Скифии II в. до н. э. – III в. н. э.

Книга иллюстрирована картосхемами, чертежами и рисунками погребальных объектов и находок, цветными фотографиями.

Для историков, археологов, студентов исторических факультетов вузов, музеиных работников, всех, кто интересуется древней историей.

УДК 904(395)

ББК 63.4

В монографії вперше систематизована доступна інформація про всі відомі поховальні пам'ятки Кримської Скіфії. Матеріали досліджень розглянуті по двох хронологічних періодах (II ст. до н. е. – перша половина I ст. н. е. і друга половина I – III ст. н. е.) і п'яти областях: (Степовий, Північно-Західний, Південно-Західний, Центральний і Південно-Східний Крим). Проведений порівняльний аналіз поховального обряду, просліджений генезис і еволюція його основних форм, представлений огляд поховального інвентаря, хронологія і періодизація комплексів, запропонована схема етносоціальних процесів в Кримській Скіфії II ст. до н. е. – III ст. н. е.

Книга ілюстрована картосхемами, кресленнями і малюнками поховальних об'єктів і знахідок, кольоровими фотографіями.

Для істориків, археологів, студентів історичних факультетів вузів, музеїніх працівників, всіх, хто цікавиться стародавньою історією.

In this monograph available information on all known burial monuments of Crimean Scythia has been systematized for the first time. The materials of research are scrutinized in two chronological periods (the 2nd century BC – the first half of the 1st century AD and the second half of the 1st century – 3rd century AD) and five regions: (Steppe, North-Western, South-Western, Central and South-Eastern Crimea). Comparative analysis of burial rite was done; genesis and evolution of its main forms were traced; review of burial tools was presented; chronology and periodization of complexes, a scheme of ethno-social processes in Crimean Scythia in the 2nd century BC – the 3rd century AD were suggested.

The book is illustrated with maps-schemes, designs and drawings of burial objects and finds, coloured photographs.

This book is addressed to historians, archaeologists, students of History faculties, to all those who are interested in ancient history.

*Автор выражает благодарность Алексею Евгеньевичу Шереметьеву,
знатоку и почитателю крымской истории, за финансовую поддержку издания.*

*В оформлении обложки использованы орнаментальный мотив росписи склепа № 9
Неаполя Скифского и фотографии бронзовой матрицы из склепа 520,
фигурного кувшина из могилы 926 и светильника из склепа 775 Усть-Альмы.*

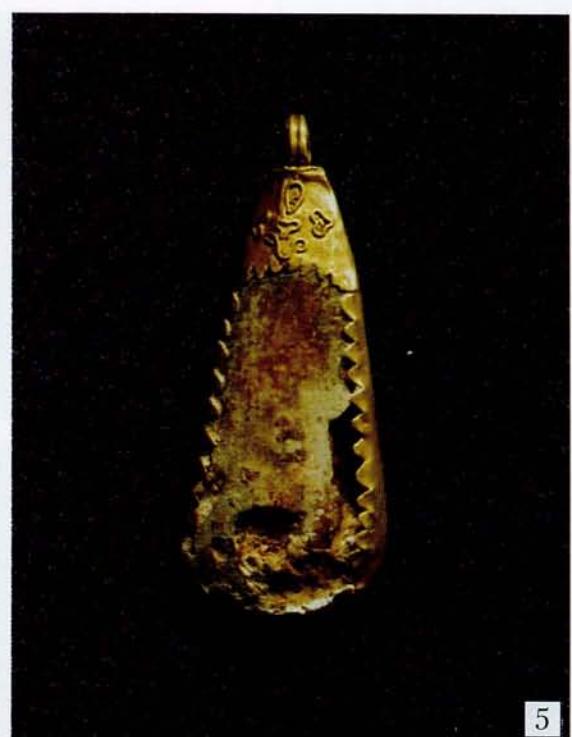
Фото на цветных вклейках: С.С. Бучный, Ю.П. Зайцев, А.Е. Пуздровский.

ISBN 978-966-648-158-3

© А. Е. Пуздровский, 2007
© «Бизнес-Информ»,
оформление и макет, 2007

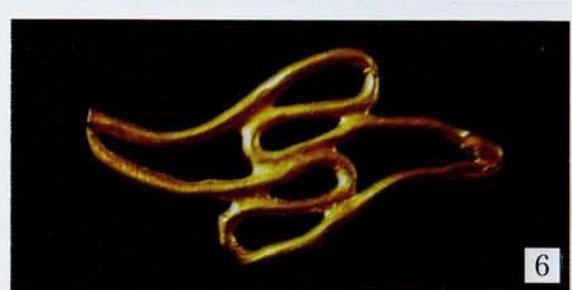
1

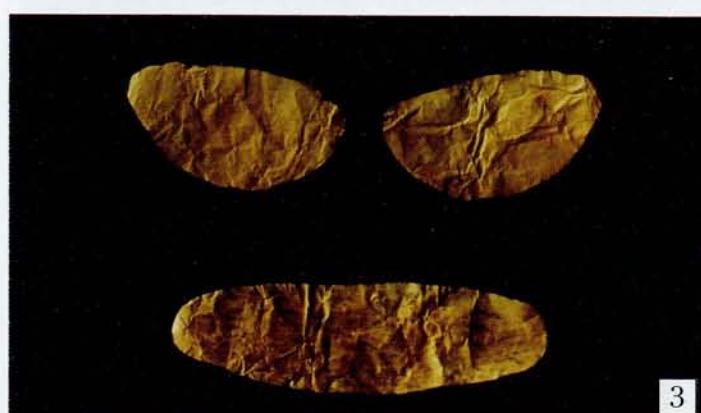
5

2

6

3

7

4

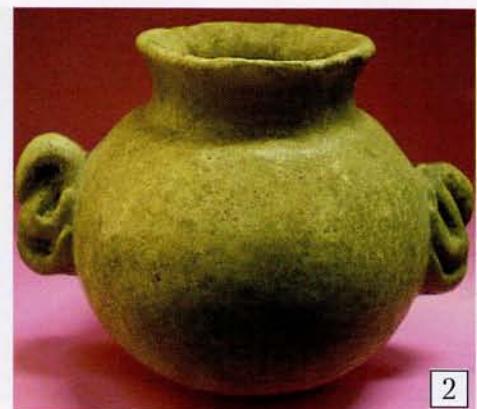

8

Вклейка 1. Усть-Альма. Украшения, амулеты, ритуальные предметы: 1, 5, 6 – склеп 603; 2, 3, 5 – 612; 4 – 619; 7 – 120; 8 – 424Б

1

2

3

5

4

6

7

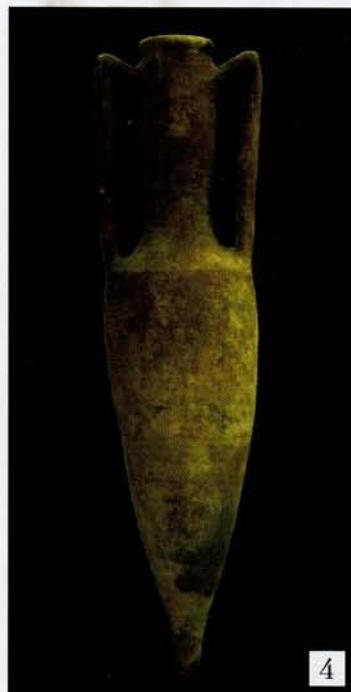
Вклейка 2. Усть-Альма. Склеп 620/1: 1 – полевой снимок; 2 – алебастровый сосуд; 3 – ожерелье и золотые украшения воротника; 4 – золотые серьги; 5–7 – китайская шкатулка (полевые снимки)

1

2

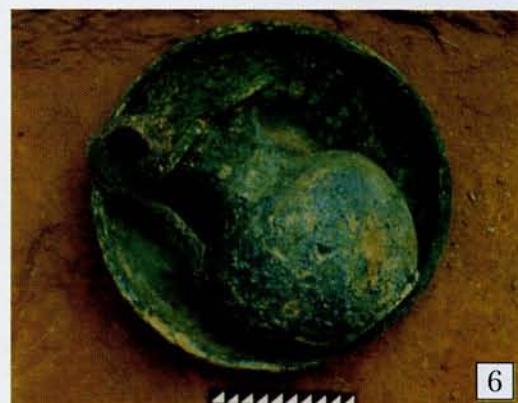
4

5

3

6

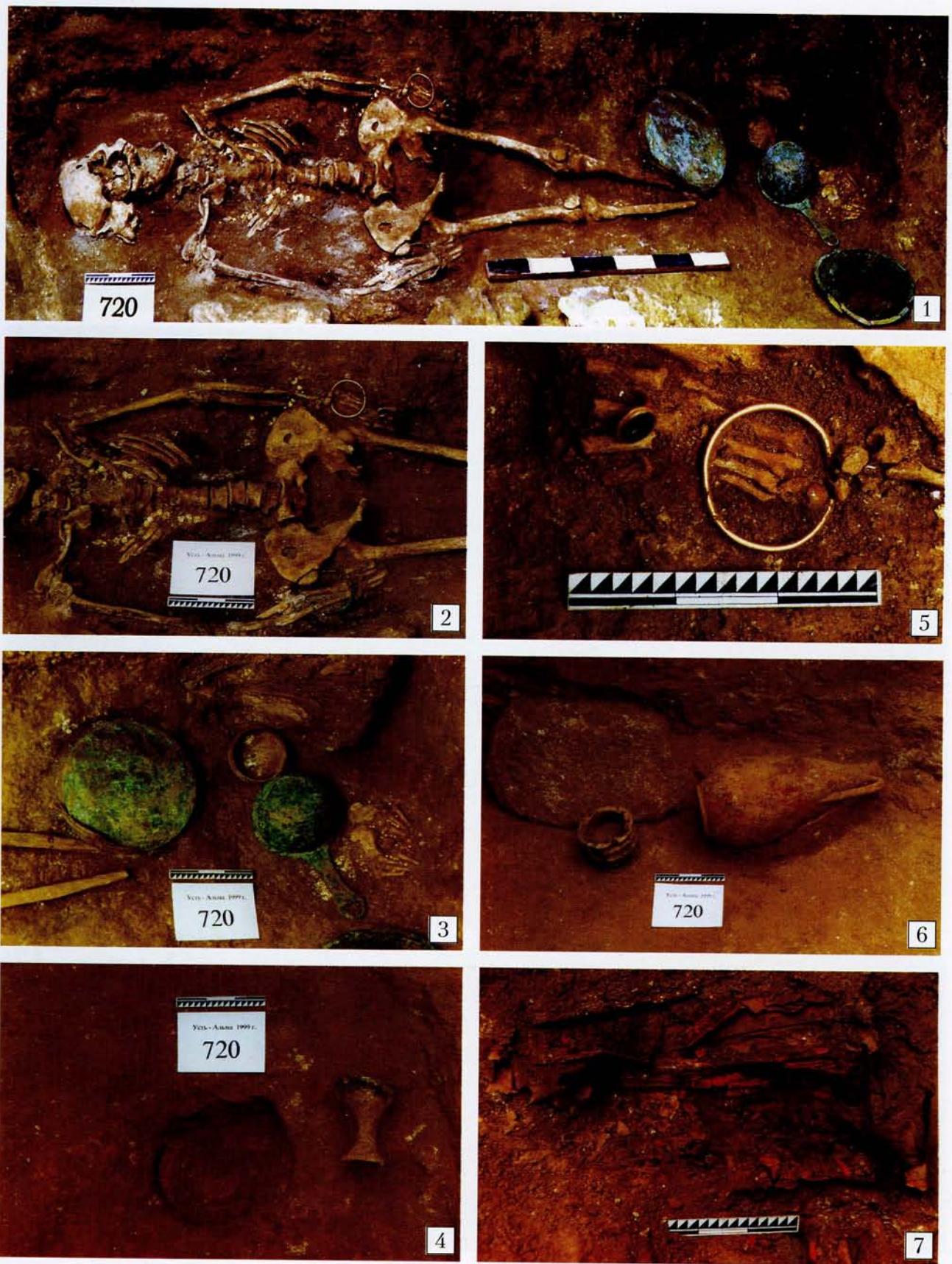

7

8

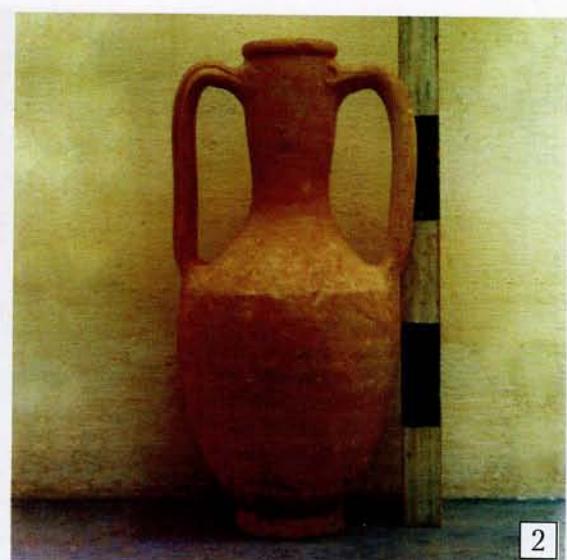
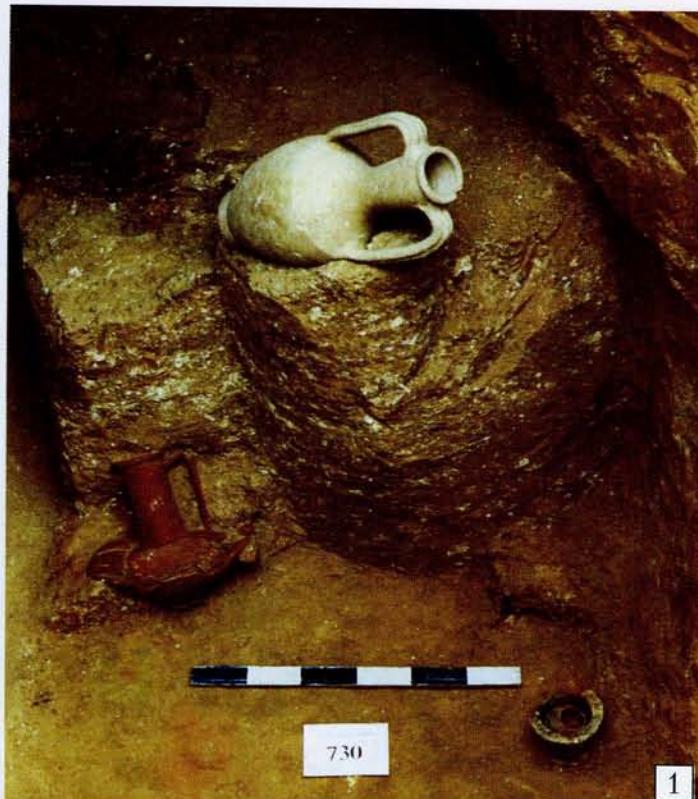
Вклейка 3. Усть-Альма. Склеп 620/2: 1 – полевой снимок; 2, 3 – золотые украшения; 4 – амфора; 5 – железный меч; 6 – бронзовый сервиз (полевой снимок); 7 – медальон на дне патеры; 8 – ручка ойнохой

Вклейка 4. Усть-Альма. Склеп 720: 1–7 – полевые снимки

Вклейка 5. Усть-Альма. Склеп 720: 1 – украшения; 2 – краснолаковая амфора и деталь ее декора; 3 – бронзовое зеркало

2

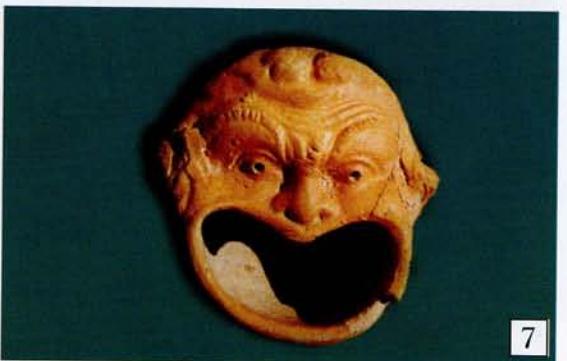
3

5

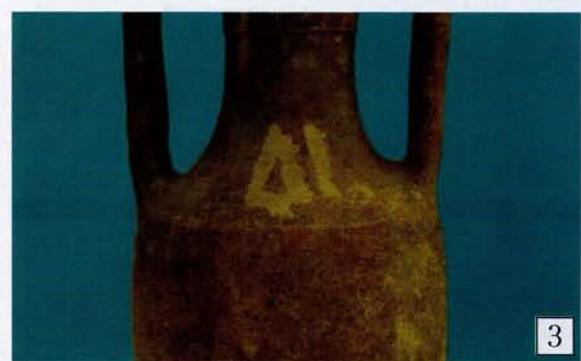
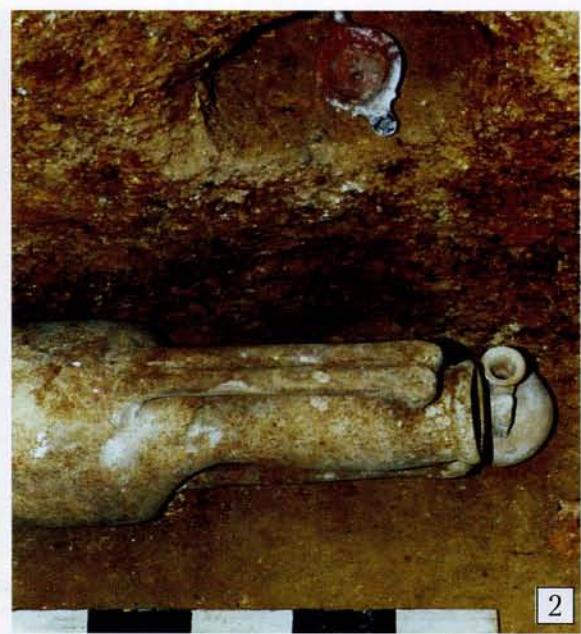

6

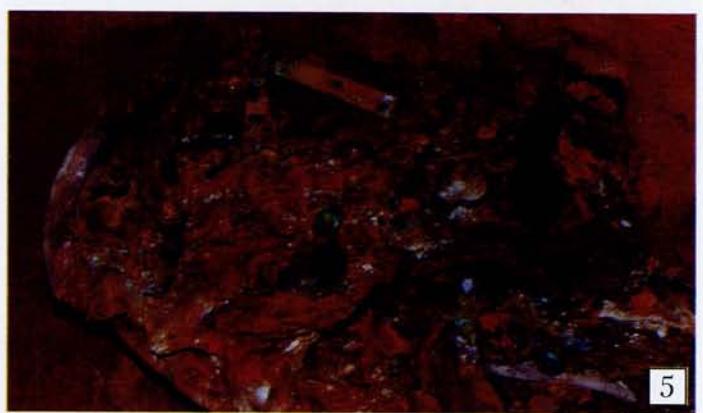

7

Вклейка 6. Усть-Альма. Склеп 730: 1, 4 – полевые снимки; 2 – амфора; 3 – гончарный сосуд с росписью (деталь). Склеп 775/2: 5 – краснолаковый светильник. Могила 759: 6 – серебряная брошка. Битак. Склеп 155: 7 – фигурный сосуд

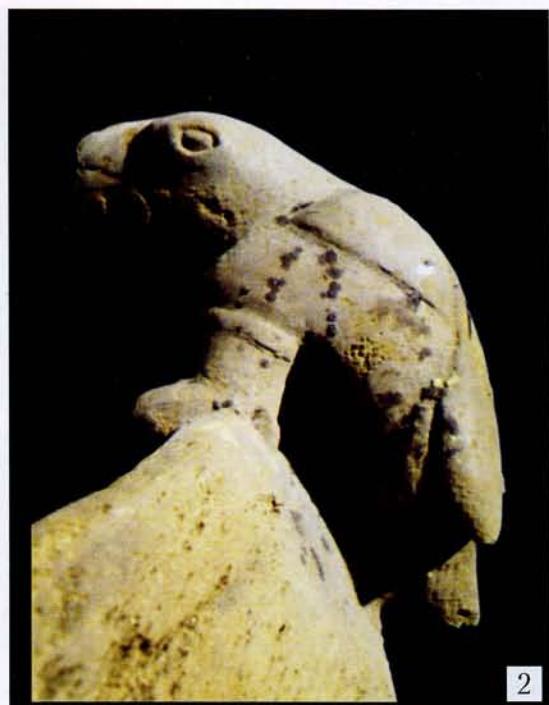
Вклейка 7. Усть-Альма. Склеп 735: 1, 2 – полевые снимки; 3 – амфора с дипинти; 4 – золотые украшения

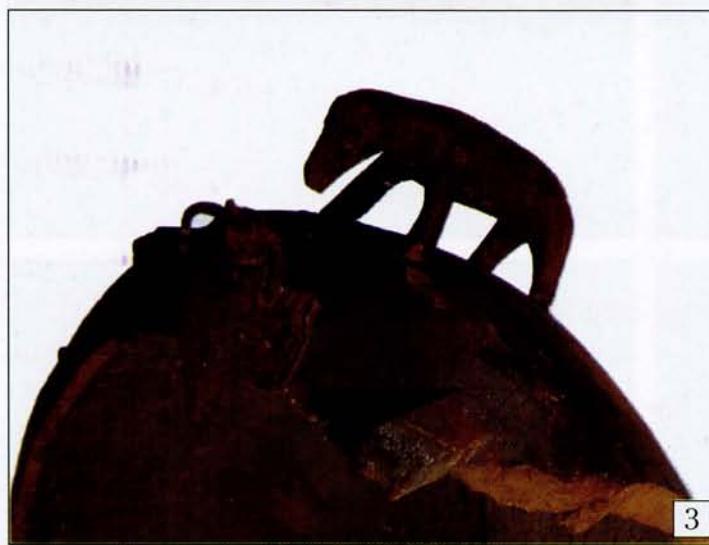
Вклейка 8. Усть-Альма (полевые снимки): 1, 2 – склеп 690/1; 3 – могила 846; 4, 5 – могила 700; 6 – склеп 888

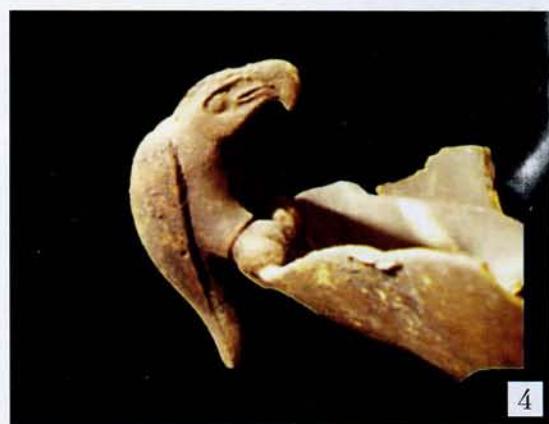
1

2

3

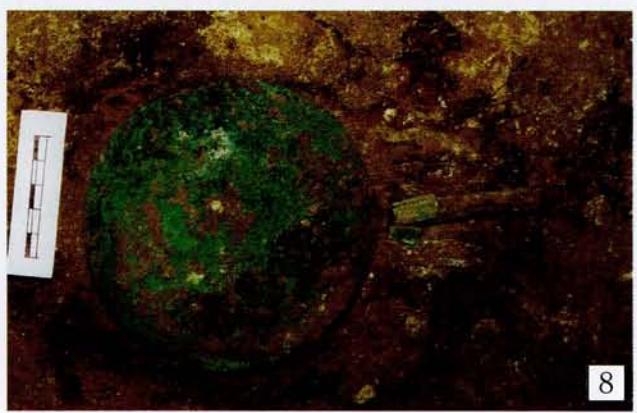
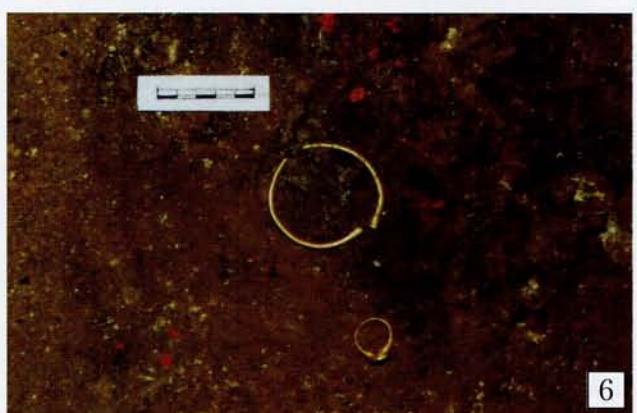
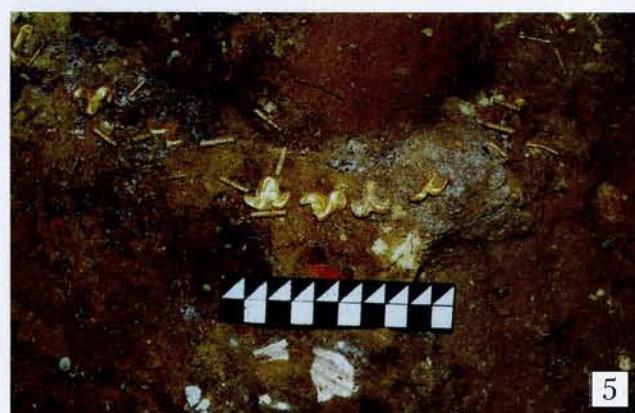

4

5

Вклейка 9. Усть-Альма. 1 – бронзовая матрица из склепа 520; 2, 4 – фигурки птиц на деревянных сосудах из могилы 700; 3 – украшения деревянного сосуда из склепа 595; 5 – серебряные фигурки (ручки сосуда) лося и орла из склепа 603

Вклейка 10. Усть-Альма (полевые снимки): 1–4 – склеп 775/1; 2–8 – 775/2

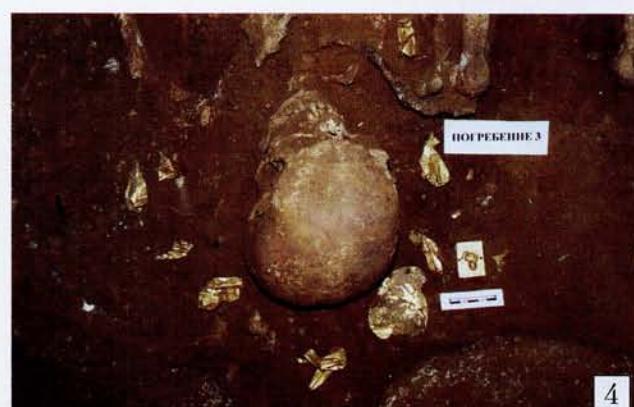
1

2

3

4

6

5

7

Вклейка 11. Усть-Альма. Склеп 777: 1–5 – полевые снимки (1 – погребения 4–6; 2 – погребения 1–3; 3 – п. 2; 4, 5 – п. 3); 6, 7 – золотые венок и пластина

1

2

3

4

5

Вклейка 12. Усть-Альма. Склеп 777: 1–4 – золотые ажурная и лицевые пластины (п. 3);
5 – железные мечи (п. 1 и 2)

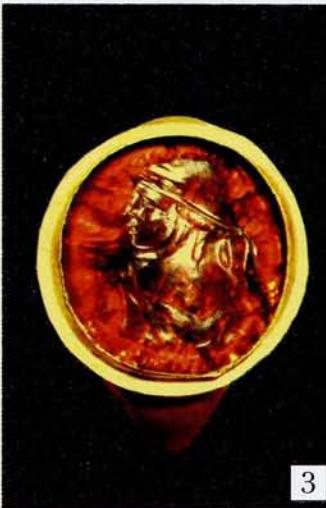
Вклейка 13. Усть-Альма. Склеп 820: 1–4 – полевые снимки; 5 – золотые серьги и ожерелье со вставками из цветного стекла

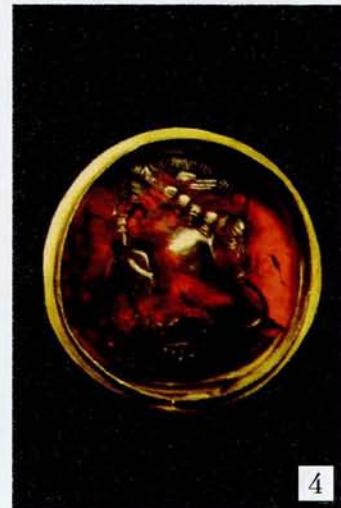
1

2

3

4

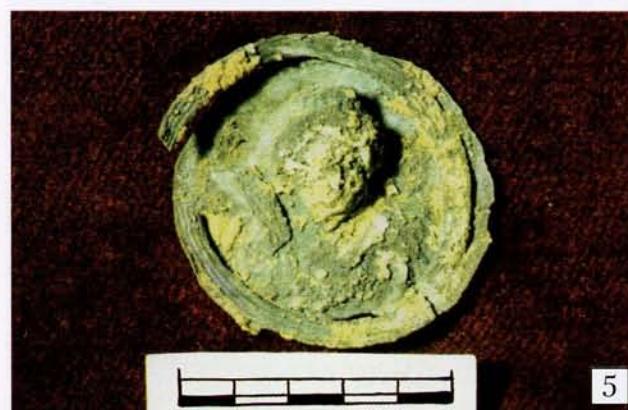

5

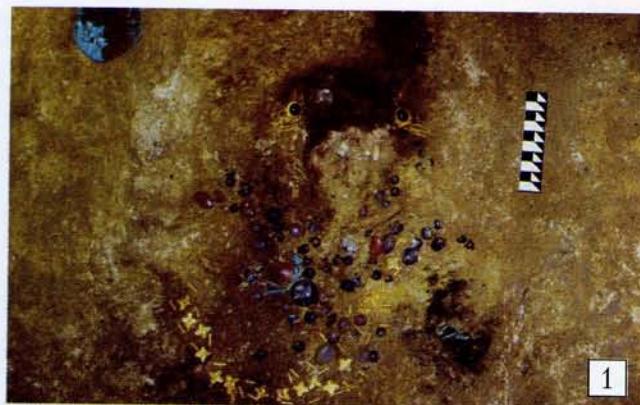

6

Вклейка 14. Усть-Альма. Склеп 820: 1 – ожерелье из агатовых бус, золотая подвеска и украшения воротника; 2 – золотая броши; 3, 4 – золотые перстни с геммами; 5 – бронзовая подвеска; 6 – бронзовая фигурка дельфина

Вклейка 15. Усть-Альма. Склеп 844: 1–3 – полевые снимки; 4 – ручка бронзовой патеры; 5, 6 – медальон серебряной чаши. Склеп 930: 7 – агатовая и стеклянная пронизи в золотой оправе; 8 – бляшки, подвеска, серьга (склеп 920)

1

2

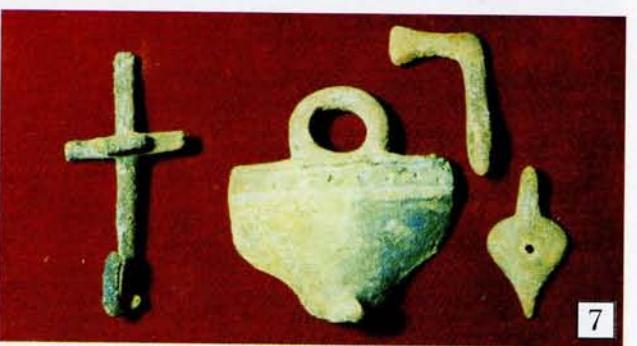
3

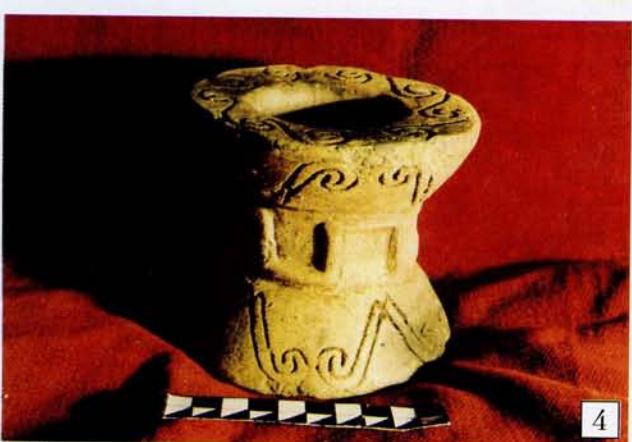
5

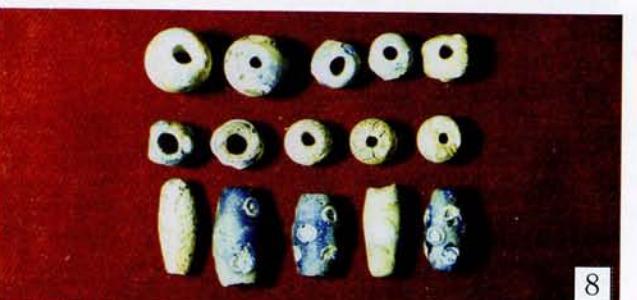
6

7

4

8

Вклейка 16. Усть-Альма. Склеп 853: 1, 2 – полевые снимки; 3 – золотые серьги с гранатовыми вставками; 4 – лепная орнаментированная курильница; 5, 6 – украшения воротника, рукавов и подвеска; 7, 8 – амулеты и бусы из набора